

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Т. СХІІІ.

Труды Этнографическаго Отдѣла. Т. ХУ.

Trudy, v. 15

ТРУДЫ

Musical-ethnographic
МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ,

СОСТОЯЩЕЙ ПРИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи
и Этнографіи.

Т О М Ъ I.

I. Матеріалы и изслѣдованія. — II. Критика и библиографія. — III. Протоколы
засѣданій Комиссіи за 1901—1906 гг., съ приложеніями.

*Obshchestvo ljubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii,
Moscow — Etnograficheskii otdel*

Folklore

МОСКВА.

1906.

LMS

436167

G N₂.
: 016
v. 15

Печатано по постановленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи.

МОСКВА
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА
Арбатъ, Никольскій пер., д. Прокофьевой и Бѣгичевой.
1906

✓
Imperatorskoe Obshestvo Liubitel'ei Estestvoznaniia, Antropologii i Etnografii. Materialy i izsledovaniia po izucheniiu narodnoi piesni i muzyki. (Imperial Society of Lovers of Biology, anthropology and ethnography. Materials **IXIEMII** and studies on national songs and music). 630 pp. With numerous ills., portraits, reproductions of musical scores, facsimiles, etc. 4to. Orig. wrappers, worn.

Moscow, 1906.

Vol. 1 of the series "Trudy muzykal'no-etnograficheskoi Komissii.

Bundin

2B3/6

сѣдателя А. Т. Гречанинова, секретаря А. Л. Маслова, а впоследствии Е. Э. Линевой, и одного члена по выбору Комиссии—Ю. Д. Энгеля. Окончательная редакция и наблюдение за печатанием поручены председателю.

Согласно утвержденной Комиссией программы, настоящей томъ заключаетъ въ себѣ три главныя рубрики:

I Отдѣлъ составляютъ „Материалы и изслѣдованія по изучению

Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу г. Министра Финансовъ, въ 28-й день мая 1904 года Высочайше повелѣть соизволилъ: отпустить изъ суммъ Государственнаго Казначейства состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи Музыкально-Этнографической Комиссіи двѣ тысячи рублей въ единовременное пособіе на изданіе Трудовъ Комиссіи. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, изъясненномъ въ предложеніи за управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія г. Товарища Министра, отъ 3 іюня 1904 года за № 17272, г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа отношеніемъ отъ 13 августа того-же года за № 16993 увѣдомилъ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи для надлежащихъ распоряженій.

По полученіи возможности приступить къ опубликованію своихъ матеріаловъ и изслѣдованій, Музыкально-Этнографическая Комиссія постановила начать печатаніе „Трудовъ“ согласно программы, выработанной въ засѣданіяхъ Комиссіи. Редактированіе изданія, по постановленію Этнографическаго Отдѣла, на основаніи § 5 „Инструкціи“ Музыкально-Этнографической Комиссіи, поручено было предсѣдателю Комиссіи, который съ своей стороны пригласилъ къ участию въ редакціонной работѣ остальныхъ членовъ бюро Комиссіи; такимъ образомъ составилъ редакціонный комитетъ изъ пяти лицъ: предсѣдателя Н. А. Янчука, товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова, секретаря А. Л. Маслова, а впоследствии Е. Э. Линевой, и одного члена по выбору Комиссіи—Ю. Д. Энгеля. Окончательная редакція и наблюденіе за печатаніемъ поручены предсѣдателю.

Согласно утвержденной Комиссіей программы, настоящій томъ заключаетъ въ себѣ три главныя рубрики:

I Отдѣлъ составляютъ „Матеріалы и изслѣдованія по изученію

народной пѣсни и музыки“, куда вошли: а) отчеты о научныхъ поѣздкахъ членовъ Комиссіи, б) новыя записи пѣсенъ, духовныхъ пѣснопѣній и пр., в) изслѣдованія надъ собраннымъ матеріаломъ и другія наблюденія въ области народной музыки, г) нѣкоторые доклады по музыкальной этнографіи, читанные въ засѣданіяхъ Комиссіи, д) три статьи изъ архива покойнаго члена Общества Ю. Н. Мельгунова. Значительное мѣсто при этомъ удѣлено музыкальнымъ приложеніямъ; кромѣ того, изданіе иллюстрируется изображеніями народныхъ пѣвцовъ, портретами музыкальныхъ дѣятелей и другими относящимися къ содержанію статей картинами.

II. Отдѣлъ „Критики и библиографіи“ посвященъ обзору музыкально-этнографической литературы, преимущественно русской, какъ текущаго времени, такъ отчасти и предшествующихъ лѣтъ.

III. Отдѣлъ, такъ сказать, официальный, предназначенъ обзору внутренней жизни и дѣятельности Комиссіи. Сюда входятъ протоколы засѣданій Комиссіи и различныя къ нимъ приложенія, болѣе или менѣе официального и дѣлового характера.

Печатаніе настоящаго тома, начатое въ концѣ 1904 года, къ сожалѣнію, значительно затянулось, какъ по его обширности, такъ и вслѣдствіе типографскихъ затрудненій и другихъ, независящихъ отъ Комиссіи, обстоятельствъ.

Одновременно съ печатаніемъ этого тома подготовлялся къ печати слѣдующій томъ II „Трудовъ“, приблизительно по той же общей программѣ, но съ прибавленіемъ матеріаловъ по музыкѣ другихъ народностей, не вошедшихъ въ первый томъ. Къ печатанію II тома Комиссія приступитъ при первой возможности. Кромѣ того, въ настоящее время вполне приготовленъ къ печати III томъ „Трудовъ“, который будетъ заключать въ себѣ „Матеріалы по музыкальной ритмикѣ“ Ю. Н. Мельгунова и акад. Ѳ. Е. Корша.

10 мая 1906 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки.

- Стр.*
- I. Вступительная записка объ изученіи народной пѣсни и музыки и о дѣятельности Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи. **Н. А. Ячуга** 1
- II. Матеріалы, собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года **А. В. Марковичъ, А. Л. Масковичъ и А. Богословскій**. Часть I: Зимній берегъ Бѣлаго моря. Волость Зимняя Золотица. Съ приложеніемъ 47 напѣвовъ и 10 иллюстрацій 11—158
- Предисловіе (13). I. Духовные стихи (21). II. Былины и историческія пѣсни (39). III. Обрядовая пѣсня (115). IV. Свадебныя причитанія (119). V. Похоронныя причитанія (139). VI. Напѣвы с. Нижней Золотицы и замѣчанія къ нимъ (145).
- III. Народная казачья пѣсня на Дону. Донская экспедиція 1902—1903 г.г. Съ приложеніемъ 14 пѣсенъ въ народной гармонизаціи, карты пути экспедиціи и 9 иллюстрацій. **А. М. Листопадава** 159—218
- I. О народной казачьей пѣснѣ (161). II. Тексты казачьихъ пѣсенъ: 2 былины, 4 историческія пѣсни, 2 бытовыя, 4 свадебныя, 2 веснянки, игровыя (195). III. Ноты (211).
- IV. Опытъ записи фонографомъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Изъ музыкально-этнографической поѣздки въ Полтавскую губернію въ 1903 году. Съ приложеніемъ 18 пѣсенъ и 5 иллюстрацій. **Е. Э. Линева** 219—268
- I. Отчетъ о поѣздкѣ и бытовое значеніе украинскихъ пѣсенъ (221). II. Музыкальный анализъ пѣсенъ (234). III. Тексты пѣсенъ, записанныхъ въ Полтавской губ.: 2 колыбельныя, 7 обрядовыхъ, 1 триндычка, 1 семейная, 1 рабочая, 1 парубочья, 1 духовный стихъ, 2 историческія, 1 чумацкая, 1 думка и 1 шутивая (245). IV. Напѣвы. (253).
- V) Краткій очеркъ развитія грузинской, караталино-кахетинской, народной пѣсни. Съ приложеніемъ 26 нотныхъ примѣровъ, 27 пѣсенъ въ народной гармонизаціи и 4 иллюстрацій. **Д. И. Аракѣева** 269—344
- I. Очеркъ, гл. I—XI (271). II. Приложение 1-е: нотные примѣры къ очерку (295). III. Приложение 2-е: 27 грузинскихъ пѣсенъ въ народной гармонизаціи; предисловіе, тексты съ русскимъ переводомъ и ноты (319—344).

- VI. О грузинской духовной народной музыкѣ. Съ приложеніемъ 37 напѣвовъ на литургіи св. Іоанна Златоустаго у грузинъ Тифлисской губерніи и одной иллюстраціи. **Д. И. Арактіева** 319 *bis*—360
 I. Очеркъ грузинской духовной музыки, гл. I—VIII. (321). II. Напѣвы на литургіи св. Іоанна Златоустаго и замѣчанія къ нимъ по поводу переложенія фонограммъ на ноты (335—337).
- VII. О ритмѣ и гармоніи русскихъ пѣсень. Изъ посмертныхъ бумагъ **Ю. Н. Мельгунова**. Съ приложеніемъ портретовъ Ю. Мельгунова, Руд. Вестфала и Ф. Лауба и снимка съ рукописи Мельгунова . . . 361—399
 I. О ритмѣ русскихъ пѣсень (363). II. О гармоніи русскихъ пѣсень (384).
- VIII. Записка о русской церковной музыкѣ, читанная въ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Церковнаго Пѣнія въ 1883 г. **Ю. Н. Мельгуновымъ** 401—407
- IX. Князь В. Θ. Одоевскій и его значеніе въ исторіи русской церковной и народной музыки. По случаю 100-лѣтія рожденія и 35-ти-лѣтія смерти кн. Одоевскаго. Съ приложеніемъ 3 портретовъ. **Н. А. Янчука** 409—427
- X. Комментаріи кн. В. Θ. Одоевскаго къ сборнику Прача. Съ приложеніемъ 3 таблицъ нотъ. **В. В. Пасхалова** 429—434
- XI. По поводу гармонизаціи одной русской пѣсни. (Примѣчанія къ запискамъ кн. В. Θ. Одоевскаго о русской музыкѣ). Посмертная статья **Юрія Арнольда**. Съ приложеніемъ 2 таблицъ нотъ 435—440
- XII. Поѣздка въ Пермскую губернію съ музыкально-этнографическою цѣлью лѣтомъ 1901 г. Съ приложеніемъ пѣсень и 14 напѣвовъ. **И. С. Тезавровскаго** 441—452
 I. Отчетъ о поѣздкѣ (443). II. Тексты 13 пѣсень (445). III. Напѣвы (449).
- XIII. Пѣсни съ Поволжья (Саратовской, Симбирской и Самарской губ.), записанныя лѣтомъ 1901 г. **А. Л. Масловымъ**. Съ приложеніемъ 35 напѣвовъ 453—474
 I. Тексты 39 пѣсень: 3 духовныхъ стиха, 11 историческихъ и бытовыхъ пѣсень, 6 хороводныхъ, 1 весенняя, 1 колыдка, 14 свадебныхъ, 3 бурлацкія (455). II. Напѣвы (471).
- XIV. Русскія народныя пѣсни и свадебный обрядъ въ д. Жуково Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Съ приложеніемъ 14 пѣсень съ напѣвами. **Анатолія Попова** 475—495
 I. Предисловіе. (477). II. Свадебный обрядъ (480) III. Тексты свадебныхъ пѣсень (483). IV. Напѣвы (493).
- XV. Выкрики разносчиковъ въ записяхъ **А. Т. Гречанинова, А. М. Листопадова, Н. А. Невструева, Н. А. Янчука и Д. И. Арактіева**. Со вступительными замѣчаніями **Н. А. Янчука** и съ приложеніемъ 83 нотныхъ записей 497—516
 I. Вмѣсто предисловія: Нѣсколько замѣчаній объ источникахъ изученія первобытной музыки. **Н. А. Янчука** (499). II. Нотныя записи выкриковъ и возгласовъ разносчиковъ, мелкихъ торговцевъ, продавцовъ, ходячихъ ремесленниковъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Коломнѣ, Тулѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Новочеркасскѣ. **А. Т. Гречанинова** (505), **А. М. Листопадова** (507), **Н. А. Невструева** (514), **Н. А. Янчука** (515) и **Д. И. Арактіева** (516).

II. Критика и библиографія.

Стр.

1. Отзывы о новыхъ музыкально-этнографическихъ изданіяхъ 519—526

Пѣсни Русскаго народа, собранныя экспедиціями Имп. Русскаго Географическаго Общества. Т. I (пѣсни Архангельской и Олонецкой губ., записанн. **Ө. М. Истоминымъ** и **Г. О. Дютшемъ** въ 1886 г.). СПб. 1894.—То-же, т. II (пѣсни Вологодской, Вятской и Костромской губ., запис. **Ө. М. Истоминымъ** и **С. М. Ляпуновымъ** въ 1893 г.). СПб. 1899. Изданы на Высочайше дарованныя средства Пѣсенной Комиссіей **И. Р. Геогр. Общества. А. Маслова** (519).—Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни, собранныя **П. П. Соколовскимъ**. Посмертное изданіе. СПб. 1903. **Д. И. Аракчиева** и **А. Маслова** (520, 522). — **А. К. Лядовъ**. 50 пѣсень русскаго народа для одного голоса, съ сопровожденіемъ фортепіано. Изд. Пѣсенной Комиссіи **И. Р. Геогр. Общества. А. Маслова** (522—523). — Крестьянскія пѣсни, записанныя въ Тамбовской губерніи **В. М. Орловымъ**, при участіи **Е. П. Якубенко. Е. Линевои** (523).—Архангельскія былинныя и историческія пѣсни, собранныя **А. Д. Григорьевымъ** въ 1899—1901 гг., съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I, ч. 1: Поморье; ч. 2: Пинега. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Москва. 1904. **А. Маслова** (524).—40 русскихъ пѣсень, собранныхъ и положенныхъ на одинъ голосъ, съ аккомп. фортепіано **Л. Д. Мазашкинымъ**. Москва. 1901. **А. Г—ва** (525). — Chants populaires arméniens, recueillis et transcrits par **G. Boyadjian. Д. Аракчиева.** (525).

2. Обзоръ грузинскихъ сборниковъ пѣсень и пѣснопѣній, съ присоединеніемъ библиографическаго списка книгъ и статей о кавказской народной музыкѣ, преимущественно грузинской. **Д. Аракчиева** . . . 527
3. О словацкихъ пѣсняхъ. По поводу сборника *Vitezslav'a Novak'a: «Slovenské spěvu pro jeden hlas s průvodem klaviru. V Praze, 1901»*. **В. Пасхалова** 531
4. Библиографическій указатель книгъ и статей по музыкальной этнографіи, составленный **А. Л. Масловымъ** 536—543

III. Протоколы засѣданій

Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1901—1906 гг. и приложенія къ нимъ.

- Засѣданія I—XLIV (29 сентября 1901 г.—29 марта 1906 г.) 1

Приложенія къ протоколамъ:

- Отзывъ о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, записанныхъ въ 1-мъ Донскомъ округѣ **А. М. Листопадовымъ. А. Маслова** 11
- Протокольная опись бумагъ и книгъ **Ю. Н. Мельгунова**, поступившихъ въ Музыкально-Этнографическую Комиссію 20

	<i>Стр.</i>
Докладная записка II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ о дѣятельности Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи. Академика <i>Θ. Е. Корша</i>	37
Докладная записка Его Императорскому Высочеству Президенту Имп. Академіи Наукъ В. Князю Константину Константиновичу	38
Привѣтствіе Н. А. Римскому-Корсакову и обращеніе къ главной дирекціи Имп. Русскаго Музыкальнаго Общества	45—46
Привѣтственный адресъ С. И. Танѣву	50
Инструкція Музыкально-Этнографической Комиссіи, учрежденной при Этнографическомъ Отдѣлѣ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи	61
Записка о введеніи преподаванія народной музыки въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ	64
Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ	67
Программы „Этнографическихъ концертовъ“, устроенныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Общества и Музыкально-Этнографическою Комиссіей, въ Москвѣ, въ 1893—1906 гг. (Концерты I—VII).	71
Списокъ членовъ Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи	78
Опечатки	79

МАТЕРІАЛЫ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ПО ИЗУЧЕНІЮ
НАРОДНОЙ ПѢСНИ и МУЗЫКИ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОЙ ПѢСНИ И МУЗЫКИ И О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Московской Музыкально-Этнографической Коммиссіи.

Въ ряду вопросовъ, разрабатываемыхъ русской этнографической наукой, на первомъ планѣ стоятъ вопросы, связанные съ духовной жизнью населяющихъ Россію народовъ—ихъ міровозрѣніемъ, религіозными понятіями, творчествомъ, языкомъ. Съ давняго времени пристально изучаются обычаи, правовыя отношенія, вѣрованія, предрасудки, собираются памятники словеснаго творчества, и въ результатѣ этой обширной работы русская этнографическая наука обладаетъ въ настоящее время огромнымъ матеріаломъ въ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ и частныхъ ревнителей науки.

Менѣ другихъ сторонъ народной жизни изучено музыкальное народное творчество, между тѣмъ какъ всеѣмъ извѣстно, что музыка и пѣніе у всякаго народа составляютъ одну изъ важнѣйшихъ потребностей его духовной жизни, какъ въ религіозномъ, такъ и въ чисто бытовомъ отношеніи. Музыка вокальная составляетъ неотъемлемую часть народной пѣсни, которая, по понятіямъ народа, немислима безъ напѣва. Отсюда прямой выводъ тотъ, что народная пѣсня должна быть изучасма нераздѣльно съ ея напѣвомъ. Музыка инструментальная равнымъ образомъ имѣетъ тѣсное соприкосновеніе съ тѣми бытовыми моментами, при которыхъ она находитъ себѣ мѣсто, и слѣдовательно должна быть изучасма при надлежащей обстановкѣ, въ связи съ тѣми обычаями, которые требуютъ сопровожденія инструментальной музыки, будутъ ли то извѣстные обрядовые моменты или увеселительныя игры и пляски.

Къ сожалѣнію, въ изученіи этой стороны народной жизни у насъ въ Россіи, въ силу особыхъ причинъ, дѣло на первыхъ же порахъ приняло не всеѣмъ нормальный оборотъ. Первыми нашими этнографами явились преимущественно словесники, филологи, не имѣвшіе вовсе или имѣвшіе мало понятія о музыкѣ, которая требуетъ специальной подготовки. Въ результатѣ этого явились цѣлые томы со всесторонними описаніями народныхъ обычаевъ, съ многочисленными собраніями текстовъ народныхъ пѣсней, но при этомъ игнорировалась музыкальная часть, и только изрѣдка въ видѣ особой роскоши прилагался какой-нибудь случайный напѣвъ или наигрышь.

Между тѣмъ, съ развитіемъ русскаго самосознанія, сказавшимся и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, почувствовалась необходимость и въ области музыки стать на болѣе самобытную почву. Усиленіе интереса къ народу въ эпоху подготовленія крестьянской реформы и послѣ нея привело впервые къ серьезному ознакомленію съ духовной его жизнью, и въ связи съ этимъ русскіе композиторы стали стремиться къ національной окраскѣ, которая должна была отразить въ себѣ особенности русской народной музыки, именно: самобытную гармонію, контрапунктическия особенности, оригинальные ритмическіе обороты, не говоря уже о національных мотивахъ, которые стали предметомъ художественной музыкальной обработки.

Геніальными музыкантами, каковъ былъ Глинка, всѣ указанные особенности инстинктивно чувствовались, какъ присущія русской народной музыкѣ, рѣзко отличающія ее отъ западно-европейской; они стали внимательнѣе прислушиваться къ народной пѣснѣ, пробовали искать содѣйствія у этнографовъ, но всѣ многочисленные этнографическіе труды русскихъ ученыхъ и любителей не дали имъ почти ничего въ этомъ отношеніи: музыкальный матеріалъ въ этнографическихъ трудахъ болѣею частью вовсе отсутствовалъ, или же то небольшое, что имѣлось, было крайне сомнительно. Съ другой стороны, и сами собиратели-словесники, принявшись за научный анализъ собранныхъ текстовъ, оказывались нерѣдко въ безпомощномъ положеніи, такъ какъ текстъ пѣсни, записанный безъ напѣва и не съ пѣнія, а съ пересказа, сплошь и рядомъ оказывался искаженнымъ, въ особенности въ ритмическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ стало очевиднымъ, что изученіе русской народной пѣсни должно быть поставлено на болѣе вѣрную почву, именно въ тѣсную связь съ ея музыкальной стороной. Это сознаніе подкрѣплялось еще болѣе тѣмъ наблюденіемъ, что русская народная пѣсня переживаетъ критическій моментъ, такъ какъ, съ поднятіемъ образованности въ народѣ и вслѣдствіе сближенія деревни съ городомъ, въ обиходъ духовной жизни крестьянина сильной волной врывается такъ называемая образованная музыка, съ одной стороны вытѣсняющая старинную русскую пѣсню современными романсами, а съ другой разрушительно дѣйствующая на ея складъ вообще.

Надо было торопиться поскорѣе спасти хоть остатки русской музыкальной старины.

Первыя и важнѣйшія попытки въ этомъ отношеніи принадлежать отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, музыкантамъ и любителямъ: кн. Одоевскому, Сѣрову, Мельгунову, Балакиреву, Римскому-Корсакову, и др., собранія которыхъ и до сихъ поръ остаются важнѣйшими въ этомъ родѣ, хотя и они не всегда удовлетворяютъ строгонучнымъ требованіямъ. Нѣкоторые матеріалы по части народной музыки стали современемъ появляться и въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, преслѣдующихъ этнографическія цѣли; таковы: Императорское Русское Географическое Общество въ Петербургѣ и его областные отдѣлы (напр. юго-западный), Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ университетѣ, Казанское Общество Исторіи, Археологии и Этнографіи и др. Но всѣ эти работы крайне малочисленны и совершенно случайны. Между тѣмъ положеніе дѣла таково, что здѣсь необходимо было начать возможно скорѣе болѣе широкія и систематическія изслѣдованія, которыя дали бы возможность сохранить то, что осталось отъ старины, и которыя помогли бы ученымъ дѣлать болѣе обоснованные выводы, а художникамъ-музыкантамъ дали бы исконные образцы настоящаго національнаго творчества.

Препятствіе къ такимъ широкимъ музыкально-этнографическимъ изслѣдованіямъ сказалось отчасти въ отсутствіи подходящихъ ученыхъ силъ, а главнымъ образомъ въ недостатокѣ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы поставить это дѣло на надлежащую почву. Широкая задача, которая предстояла впереди, требовала для своего исполненія соединенныхъ силъ многихъ дѣятелей; необходимо было подумать объ организаціи спеціальныхъ экспедицій въ разныя мѣстности Россіи, объ обеспеченіи изданія добытыхъ матеріаловъ по музыкальной этнографіи.

Благой починъ въ этомъ направленіи сдѣланъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ страстнымъ любителемъ русской пѣсни, покойнымъ Т. И. Филипповымъ. По его Всеподданнѣйшему докладу, Его Величеству благоугодно было обратить на это дѣло серьезное вниманіе ученыхъ и дать Высочайшее соизволеніе, чтобы образованной для этого спеціальной Пѣсенной Коммиссіи при Имп. Русск. Географическомъ Обществѣ въ Петербургѣ была отпускаема ежегодная субсидія изъ государственнаго казначейства на дѣло изученія народной пѣсни. Этимъ актомъ монаршей милости значительно обезпечено дѣло изученія народно-музыкальнаго творчества въ Россіи, и вышеназванная Коммиссія съ успѣхомъ дѣлаетъ свое дѣло, насколько это въ ея силахъ.

Нельзя однако не согласиться съ тѣмъ, что это только начало дѣла. Уже сама обширная территория нашего отечества ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что одной центральной коммиссіи, при всемъ ея усердіи, не подъ силу овладѣть этимъ огромнымъ райономъ изслѣдованія и неисчерпаемымъ матеріаломъ на всемъ пространствѣ Россіи, и въ то время какъ Петербургская Коммиссія занимается одной областью, — въ другой гибнутъ, можетъ быть, болѣе драгоцѣнные перлы народнаго пѣснотворчества. Еще болѣе грандіозною и невыполнимою представится задача этой Коммиссіи, если принять во вниманіе разнообразный племенной составъ населенія Россіи. Если бы даже Коммиссія удалось вполне справиться съ русской народностью, что врядъ ли возможно, то ею по необходимости должны быть оставлены не затронутыми многочисленныя инородческія племена съ ихъ крайне интереснымъ, разнообразнымъ и труднымъ для изученія музыкальнымъ творчествомъ. А между тѣмъ современное состояніе науки таково, что она въ правѣ требовать отъ господствующей націи самаго заботливаго вниманія къ подчиненнымъ ея власти народамъ хотя бы съ научной точки зрѣнія, такъ какъ въ исторіи человѣческой культуры эти мелкіе народы составляютъ такую важную ступень, безъ изслѣдованія которой историкъ культуры будетъ дѣлать опасные скачки, или долженъ будетъ на разѣ остановиться въ недоумѣніи.

Западные народы, подчинившіе себѣ, напр., дикарей Новаго Свѣта, при всей своей жестокости по отношенію къ нимъ въ политическомъ и экономическомъ смыслѣ, тѣмъ неменѣе исполняютъ свою научную миссію и изучаютъ своихъ дикарей во всѣхъ отношеніяхъ, понимая свою отвѣтственность передъ будущими вѣками. Можетъ быть, завоеванные ими народы совсѣмъ ассимилируются съ завоевателями, можетъ быть, вымрутъ и исчезнутъ, но ихъ культура и жизнь, изученныя во всей подробности, сдѣлаются достояніемъ науки. Вотъ почему и суровые политики англичане, и коммерчески разсчетливые американцы, не говоря уже о французахъ и нѣмцахъ, не жалѣя средствъ, тратятъ огромныя суммы на этнографическія и антропологическія изслѣдованія различныхъ островитянъ и другихъ инородцевъ, и въ результатѣ этого являются богатые собранія научныхъ данныхъ, на основаніи ихъ пишутся капитальныя сочиненія, вносящія нерѣдко переворотъ въ социальную и политическую науку европейскихъ народовъ. Вмѣстѣ съ этимъ вни-

мательно изучается и первобытное искусство, въ томъ числѣ и музыкальное творчество различныхъ племенъ, и благодаря этому все болѣе выясняется вопросъ о происхожденіи искусства вообще и музыки въ частности, не говоря уже о томъ, какой богатый запасъ новаго оригинальнаго матеріала получается при этомъ для современнаго музыкально-художественнаго творчества.

Мы, русскіе, по отношенію къ нашимъ инородцамъ, находимся въ большомъ долгу передъ наукой вообще, а по части музыкальнаго творчества въ особенности. Въ то время какъ въ Америкѣ, напр., любой отчетъ миссіонера даетъ нерѣдко любопытный и цѣнный матеріалъ по этому предмету, у насъ даже въ изданіяхъ специальныхъ ученыхъ обществъ рѣдко можно разыскать какія-нибудь достовѣрныя данныя для музыкальной характеристики нашихъ инородцевъ. Между тѣмъ, не говоря уже о безотносительномъ интересѣ инородческой музыки, она должна имѣть важное значеніе и для выясненія особенностей русской музыки. Вѣдь, трактуя постоянно о самобытности этой послѣдней, мы до сихъ поръ не въ состояніи опредѣленно сказать, что именно въ ней самобытнаго, насколько въ ней отразились вліянія музыки финновъ, тюрковъ, монголовъ, и въ чемъ именно эти вліянія сказываются. Признавая извѣстную долю вліянія инородцевъ на русскій языкъ, на орнаментацию уборовъ и пр., мы уже а priori должны допустить, что многовѣковое сожителство русскаго племени съ различными иноплеменниками не могло не отразиться и на музыкѣ русскихъ. Но чтобы точно обосновать это предположеніе, на это у насъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ.

Для рѣшенія этихъ и многихъ другихъ вопросовъ нужно собрать побольше матеріала, нужно изучить не только свою національную музыку, но и музыку инородцевъ, и необходимо изучать ее поскорѣе, потому что инородцы одни русѣютъ, другіе вымираютъ.

Изъ всего сказаннаго достаточно ясно, что для выполненія такого труднаго и громаднаго дѣла, не терпящаго притомъ отлагательствъ, должны быть привлечены къ совмѣстной дѣятельности всѣ имѣющіяся въ наличности въ разныхъ пунктахъ Россіи научно-музыкальныя силы, которыя должны группироваться около мѣстныхъ провинціальныхъ ученыхъ учреждений и обществъ, образуя собою специальные пѣсенныя или музыкальныя комиссіи, обезпеченныя постояннымъ бюджетомъ на подобіе петербургской.

Въ числѣ этихъ ученыхъ центровъ на первомъ планѣ, послѣ Петербурга, конечно, должна стоять Москва, гдѣ по признанію специалистовъ, этнографія русская вообще и инородческая въ частности имѣетъ солидныхъ представителей въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

Дѣятельность названнаго Московскаго Общества или точнѣе его Этнографическаго Отдѣла въ области изученія народнаго пѣснотворчества заслуживаетъ вниманія.

Здѣсь, въ числѣ вопросовъ этнографической науки, всегда удѣлялось извѣстное мѣсто и народной музыкѣ. Уже при самомъ основаніи названнаго Этнографическаго Отдѣла, во время устройства названнымъ Обществомъ первой Этнографической Выставки въ Москвѣ въ 1867 г., здѣсь была собрана коллекція музыкальныхъ инструментовъ разныхъ народностей и прочитана проф. А. Владимірскимъ на совершенно незатронутую до тѣхъ поръ у насъ тему публичная лекція—о народныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Сюда же неоднократно были специально вызываемы народные пѣвцы, былинныя сказители (Щеголѣнокъ, Рябининъ, Федосова), которые

въ публичныхъ засѣданіяхъ Общества и Этнографическаго Отдѣла знакомили публику съ древнѣйшими остатками русской народной пѣсни и за храненіе этой старины были поощряемы отъ Общества награжденіемъ медалями.

Одновременно съ этимъ было обращено вниманіе и на собраніе образцовъ народной музыки членами Общества и его Этнографическаго Отдѣла во время ихъ командировокъ на лѣтнее время, и хотя эти командировки большею частью не были специально-музыкальныя, но онѣ не остались безъ результата для музыкальной этнографіи. Такъ, членъ Общества С. И. Танѣвъ, во время своей поѣздки на Кавказъ въ началѣ 80-хъ гг., изучалъ музыку сванетовъ и горскихъ татаръ и записалъ образцы кавказскихъ напѣвовъ, до сихъ поръ не напечатанные. Еще раньше членъ-сотрудникъ Общества г. Р. Пфенигъ, состоя на службѣ въ Туркестанѣ, собралъ на мѣстѣ мотивы сартскихъ и киргизскихъ пѣсенъ. Затѣмъ, въ 1886/87 г., состоя секретаремъ Этнографическаго Отдѣла, я, во время своей двукратной командировки въ Бѣлоруссію и Польшу съ антропологическою и этнографическою цѣлью, а также пользуясь случайными поѣздками въ губерніи Московскую, Рязанскую и др., попутно собралъ немалое количество бѣлорусскихъ, малорусскихъ, польскихъ и великорусскихъ пѣсенъ съ напѣвами, незначительная часть которыхъ напечатана въ „Трудахъ“ Отдѣла.

Заботясь о расширеніи этого дѣла, московскій Этнографическій Отдѣлъ, издавая въ свѣтъ составленную мною въ 1887 г. „Программу для собранія этнографическихъ свѣдѣній“, отвелъ въ этой программѣ подобающее мѣсто и народной музыкѣ, какъ предмету, заслуживающему особеннаго, внимательнаго изученія. Эта же мысль не была оставлена и при основаніи при Отдѣлѣ подѣ моей редакціей перваго въ Россіи этнографическаго журнала „Этнографическое Обзорѣніе“ въ 1889 г. Въ журналѣ уже съ первыхъ книгъ печатались статьи, посвященныя народной музыкѣ, и прилагались образцы напѣвовъ народныхъ пѣсенъ, а также звукоподражанія птичьему пѣнію и т. п., положенныя на ноты. Все это оживило интересъ къ народной музыкѣ въ провинціальныхъ членахъ Общества, и къ нему стали притекать музыкальныя записи изъ разныхъ мѣстъ, изъ губерній Вологодской, Вятской, Тамбовской, Тобольской, Тульской, Смоленской, Московской и др., а также изъ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи, Крыма, Бессарабіи и Польши. Эти записи поступали на разсмотрѣніе покойнаго знатока народной пѣсни, члена Общества Ю. Н. Мельгунова, а также П. И. Бларамберга, С. И. Танѣва и другихъ свѣдущихъ лицъ, и нѣкоторое количество ихъ было въ свое время напечатано въ изданіяхъ Отдѣла, каковы, напр., пѣсни Вологодской губ., записанныя покойнымъ членомъ Отдѣла М. М. Кукулинымъ.

Усиленіе интереса къ народной музыкѣ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Общества привлекло къ нему не мало новыхъ членовъ, интересующихся этимъ дѣломъ, и въ засѣданіяхъ Отдѣла и Общества появился рядъ научныхъ докладовъ, посвященныхъ народной музыкѣ: Ю. Н. Мельгунова—Къ вопросу о русской музыкѣ и о записываніи народныхъ пѣсенъ; П. И. Бларамберга—О русской народной музыкѣ и объ отношеніи ея къ западной музыкѣ; А. Н. Корещенко—О музыкѣ кавказской и восточной; Каргаретели—О грузинской музыкѣ и народныхъ пѣвцахъ и музыкальныхъ инструментахъ, и др. Вопросъ о примѣненіи фонографа къ записыванію русскихъ пѣсенъ, въ особенности хоровыхъ, былъ впервые поднятъ, рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и проведенъ на практикѣ членомъ Этнографическаго Отдѣла Е. Э. Паприцъ-Линевой, и первые удачные опыты ея записей были прежде всего демонстрированы здѣсь же въ публичныхъ засѣданіяхъ

Отдѣла въ присутствіи специалистовъ-музыкантовъ и теоретиковъ. При этомъ было высказано желаніе составить при Этнографическомъ Отдѣлѣ специальную „фонографическую бібліотеку“, но осуществленіе этой мысли пришло не скоро.

Прилагая посильныя старанія къ научному изученію народной музыки и собиранію ея образцовъ, Этнографическій Отдѣлъ не упускалъ изъ вида и другую цѣль—популяризаторскую. Явилось желаніе знакомить время отъ времени болѣе широкую публику съ лучшими образцами народно-музыкальнаго творчества, какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія Россіи, а также и сосѣднихъ народовъ, преимущественно славянскихъ. Отсюда идея устройства публичныхъ этнографическихъ концертовъ. Осуществленію этой идеи положено начало еще въ 1893 г. устройствомъ перваго этнографическаго концерта въ большомъ залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія подъ управленіемъ члена Этнографическаго Отдѣла Н. С. Кленовскаго, при ближайшемъ руководствѣ тогдашняго бюро Отдѣла *). Рядомъ съ этимъ Этнографическій Отдѣлъ съ тою же научно-популяризаторскою цѣлью не переставалъ отъ времени до времени посвящать спеціальныя засѣданія народной музыкѣ, при чемъ научные доклады иллюстрировались музыкальными примѣрами въ исполненіи соло, хоромъ, на рояли и на народныхъ музыкальныхъ инструментахъ, а также и посредствомъ фонографа. Такія засѣданія были посвящены, напримѣръ, пѣснямъ великорусскимъ, еврейскимъ, малорусскимъ, кавказскимъ, и всѣ эти засѣданія были переполнены публикою, которая выражала живѣйшій интересъ къ народной пѣснѣ и музыкѣ.

Разрастающаяся дѣятельность Этнографическаго Отдѣла въ этомъ направленіи привела, наконецъ, къ заключенію о необходимости образовать при Отдѣлѣ спеціальную Музыкально-Этнографическую Коммиссію, которая бы взяла на себя организацію собиранія и изученія произведеній народно-музыкальнаго творчества и популяризацію народной музыки въ обществѣ путемъ устройства публичныхъ засѣданій, концертовъ и, наконецъ, путемъ изданія собранныхъ матеріаловъ и научныхъ статей по этимъ вопросамъ.

Мысль эта возникла здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но практически осуществилась она только въ 1901 году. По порученію Этнографическаго Отдѣла, данному мнѣ, какъ товарищу Предсѣдателя Отдѣла, была организована постоянная Музыкально-Этнографическая Коммиссія при Отдѣлѣ, съ своимъ отдѣльнымъ бюро, и для нея была выработана опредѣленная инструкция ея дѣятельности. (Инструкция прилагается къ настоящему тому при протоколахъ засѣданій Коммиссіи вмѣстѣ съ годичными отчетами ея дѣятельности). Къ сожалѣнію, учреждая подобную Коммиссію, ни Общество, ни его Этнографическій Отдѣлъ не могли обезпечить ея существованія опредѣленнымъ бюджетомъ, какъ этого не могло сдѣлать и Императорское Русское Географическое Общество для своей Пѣсенной Коммиссіи, пока для нея не были исходатайствованы спеціальныя казенныя средства въ видѣ ежегодной субсидіи.

Тѣмъ не менѣе, московская Музыкально-Этнографическая Коммиссія, хотя и безъ средствъ, дѣятельно принялась за занятія, и ея годичные отчеты, а также протоколы засѣданій показываютъ, что она дѣлала все, что было въ ея силахъ, и сдѣлала не мало. Первымъ дѣломъ новоучрежденной Коммиссіи было изданіе

*) Этотъ «Первый этнографическій концертъ» почти въ полномъ составѣ (за исключеніемъ оркестровыхъ нумеровъ и тѣхъ пѣсенъ, которыя исполнялись въ художественной обработкѣ не самого Н. С. Кленовскаго, а другихъ композиторовъ по печатнымъ изданіямъ) выпущенъ въ свѣтъ П. Юргенсономъ, за немѣнѣемъ на это изданіе средствъ у Отдѣла.

общедоступной „Программы для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ“. Программа была выработана Коммиссіей подъ редакціей тогдашняго ея секретаря А. Л. Маслова и приготовлена для напечатанія въ I-мъ томѣ „Трудовъ“ Коммиссіи, но такъ какъ печатаніе этого тома по необходимости откладывалось на долгое время, то программа была выпущена впередъ, а кромѣ того напечатана въ журналѣ Отдѣла „Этнографическомъ Обзорѣніи“ и въ видѣ оттисковъ въ немаломъ количествѣ экземпляровъ разослана бесплатно въ разные концы Россіи, отчасти и за границу, результатомъ чего явились новыя присылки музыкальнаго матеріала въ Коммиссію.

Не довольствуясь этими случайными поступленіями, Московская Коммиссія задалась было цѣлью болѣе систематическаго изслѣдованія народной музыки путемъ командировки своихъ членовъ въ опредѣленные районы съ заранѣе намѣченной цѣлью. Но подобныя поѣздки всегда сопряжены съ немалыми затратами, и въ данномъ случаѣ Коммиссія оказалась связанною по рукамъ недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Озабоченная пріисканіемъ средствъ на научныя командировки и имѣя въ виду свои популяризаторскія задачи, Коммиссія рѣшила продолжить опытъ устройства этнографическихъ концертовъ для широкой публики съ небольшою входною платою. Всего было устроено при содѣйствіи Отдѣла шесть концертовъ, въ которыхъ демонстрировались наиболѣе характерные образцы вокальной и отчасти инструментальной народной музыки. Такимъ образомъ Коммиссіи удалось ознакомить публику съ пѣснями и инструментальными мелодіями великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малоруссовъ, поляковъ, болгаръ, сербовъ, чеховъ, литовцевъ, латышей, евреевъ, молдаванъ, грековъ, финляндцевъ, вотяковъ, мордвы, черемисъ, чувашей, башкиръ, киргизовъ, сартовъ, таранчей, татаръ, калмыковъ, армянъ, осетинъ, грузинъ, лезгинъ, кумыковъ, черкесовъ и другихъ кавказскихъ народностей. Мелодіи перечисленныхъ народовъ исполнялись большею частью въ неприкосновенномъ видѣ, безъ всякаго сопровожденія, съ подлиннымъ текстомъ, иногда даже на подлинныхъ народныхъ инструментахъ; иныя же предлагались публикѣ въ гармонизаціи гг. членовъ Коммиссіи съ сопровожденіемъ фортепіано или въ хоровомъ переложеніи. Для хорового исполненія Коммиссіи пришлось озаботиться организаціей любительскаго хора подъ руководствомъ и при участіи нѣкоторыхъ членовъ Коммиссіи. Концертному исполненію иногда предшествовало чтеніе о народной музыкѣ. Устройство этихъ концертовъ и лекцій, можно сказать, оправдало свою идейную цѣль—возбудить въ обществѣ интересъ къ народной пѣснѣ и музыкѣ, при чемъ инородцы едва ли не впервые предстали предъ московскою публикой въ серьезно-научной обстановкѣ съ концертной эстрады. Печать и публика встрѣчали это предпріятіе съ большимъ сочувствіемъ. Правда, сторона практическая отошла при этомъ на второй планъ, и сборы съ этихъ публичныхъ собраній, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по ихъ устройству, при дешевыхъ цѣнахъ, дали самый незначительный результатъ. Коммиссія однако нисколько не сожалѣла объ этомъ, довольствуясь достигнутымъ научнымъ и художественнымъ успѣхомъ, и если бы устройство подобныхъ публичныхъ собраній не было сопряжено съ такими большими затрудненіями, то желательно было бы продолжать это дѣло съ большею систематичностью и на болѣе широкихъ началахъ.

Какъ бы то ни было вопросъ о научныхъ командировкахъ и объ изданіи собранныхъ матеріаловъ оставался неразрѣшеннымъ.

Отказываясь по необходимости отъ организаціи экспедицій по болѣе широкой программѣ, Коммиссія должна была на первое время довольствоваться представленіемъ нѣкоторымъ своимъ членамъ продолжать начатыя ими раньше изысканія на

свои болѣе чѣмъ скромныя средства, поддерживая ихъ только нравственно. Но и при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ результаты поѣздокъ оказались весьма плодотворными. Такъ, еще въ 1901 г. состоялась поѣздка гг. А. В. Маркова и А. Л. Маслова на Бѣломорскій берегъ и въ Олонецкій край для собиранія былинъ, духовныхъ стиховъ, причитаній и обрядныхъ пѣсенъ, отчасти при помощи графофона, отчасти обычнымъ способомъ записыванія на слухъ, при чемъ г. Марковъ, какъ филологъ, знакомый хорошо съ мѣстнымъ говоромъ изъ своихъ прежнихъ поѣздокъ, записывалъ тексты, а г. Масловъ, какъ специалистъ музыкантъ, получившій научную подготовку, записывалъ напѣвы; третій ихъ спутникъ, г. Богословскій, фотографировалъ пѣвцовъ и пѣвицъ, типы населенія и виды мѣстности. Собрано здѣсь 113 пѣсенъ съ напѣвами (былинъ 67, духовныхъ стиховъ 22 и прочихъ пѣсенъ 24). Изъ этого собранія Коммиссія рѣшила выдѣлить для напечатанія при первой возможности матеріалы изъ одной Золотицкой волости, которые и внесены въ настоящій томъ, а остальные будутъ напечатаны впоследствии. Цѣнность этого матеріала говоритъ сама за себя; но кромѣ самого матеріала, не малый интересъ представили наблюденія участниковъ экспедиціи надъ состояніемъ народнаго эпоса на сѣверѣ, а также отысканіе новыхъ замѣчательныхъ сказателей и сказательницъ. Общество достойно оцѣнило труды участниковъ бѣломорской экспедиціи, присудивъ имъ медали. Возвратившись съ этой поѣздки, А. Л. Масловъ совершилъ еще небольшую экскурсію въ Поволжье, давшую также нѣсколько десятковъ интересныхъ записей.

Въ томъ же году другая экспедиція отъ имени Коммиссіи была предпринята членомъ ея И. С. Тезавровскимъ, артистомъ Императорской оперы, на Волгу и въ Пермскій край для записи хоровыхъ пѣсенъ, а также старинныхъ одноголосныхъ, протяжныхъ. Результатъ этой поѣздки выразился въ записи нѣсколькихъ десятковъ пѣсенъ великорусскихъ и мордовскихъ съ напѣвами, при чемъ многія изъ нихъ съ подголосками, въ естественной гармонизаціи, что рѣдко бываетъ доступно собирателямъ-дилеттантамъ.

Первый опытъ записыванія малороссійскихъ пѣсенъ посредствомъ графофона былъ сдѣланъ въ 1904 г. теперешнимъ секретаремъ Коммиссіи Е. Э. Линевою, которой удалось найти интереснѣйшіе образцы старинной пѣсни, еще не заглушенной окончательно новыми искусственными пѣснями въ духѣ романсовъ. Часть собраннаго ею матеріала также рѣшено внести въ настоящій томъ. Мною лично также записано нѣсколько десятковъ малорусскихъ пѣсенъ съ напѣвами въ Полтавской Подольской и другихъ губерніяхъ; кромѣ того въ распоряженіе Коммиссіи мною получены сборникъ черниговскихъ пѣсенъ отъ покойнаго одесскаго проф. А. И. Маркевича, въ количествѣ 75 номеровъ.

Но особенно посчастливилось Кавказу, благодаря тому, что въ этомъ случаѣ нашлись частныя средства для поддержки спеціальныхъ экспедицій въ видѣ единовременнаго пожертвованія на этотъ предметъ отъ Д. З. Сараджева. Членъ Коммиссіи Д. И. Аракчіевъ, самъ природный кавказецъ и музыкантъ-теоретикъ, совершилъ въ 1901 — 1903 гг. по порученію Коммиссіи на означенныя средства, при небольшой поддержкѣ отъ Коммиссіи, три трудныхъ путешествія по Кавказу и Закавказью со спеціальною цѣлью разысканія древнѣйшихъ напѣвовъ для выясненія исторіи грузинской музыки и вопроса о вліяніи соседнихъ народностей на кавказскую музыку. Количество записанныхъ имъ въ эти поѣздки пѣсенъ, вмѣстѣ съ собранными имъ раньше и послѣ достигаетъ нѣсколькихъ сотъ нумеровъ, причемъ г. Аракчіевымъ представлено и обстоятельное изслѣдованіе о грузинской музыкѣ на основаніи собраннаго матеріала и личныхъ наблюденій. Общество, признавая

заслуги г. Аракчіева, по представленію Комиссіи, присудило ему серебряную медаль.

Съ Кавказа же доставлено Комиссіи еще нѣкоторое количество напѣвовъ отъ другихъ лицъ. Между прочимъ въ истекшемъ году отъ попечителя Кавказскаго Учебнаго округа прислано 70 фонограммъ различныхъ кавказскихъ пѣсенъ, собранныхъ А. М. Завадскимъ.

Въ этомъ же году, при содѣйствіи Президента Общества Д. Н. Анучина, получено нѣсколько валиковъ съ записями изъ Якутской области, въ числѣ которыхъ оказались и шаманскія камланія. Такимъ образомъ и мысль объ образованіи при Комиссіи специальной „фонографической библіотеки“ народныхъ пѣсенъ начинается мало-по-малу осуществляться.

Въ общемъ, если принять въ счетъ и всѣ прежніе музыкальные матеріалы, переданные изъ Отдѣла въ Комиссію, то въ ея распоряженіи оказывается весьма значительное количество музыкальныхъ записей, которыя долго ждали благоприятныхъ условій для своего появленія въ печати.

На изданіе этого матеріала, а равно и ученыхъ изслѣдованій и докладовъ своихъ членовъ, Комиссія не имѣла никакихъ средствъ. Кромѣ того, дальнѣйшая научная дѣятельность Комиссіи по той же причинѣ должна была сильно тормозиться. Начатое дѣло собиранія должно было бы волей-неволей прекратиться или сузиться до крайности. Самая интенсивность научной работы, какъ у членовъ Комиссіи, такъ и ея провинціальныхъ корреспондентовъ, естественно, должна была значительно ослабѣть, если не совсѣмъ прекратиться.

При такихъ условіяхъ, Комиссія рѣшилась, при поддержкѣ Импер. Академіи Наукъ, ходатайствовать передъ г. Министромъ Финансовъ объ ассигнованіи специальной суммы изъ казны на изданіе собранныхъ Комиссіею матеріаловъ, а также статей и изслѣдованій ея членовъ. По представленіи означеннаго ходатайства черезъ г. Министра Финансовъ на Высочайшее усмотрѣніе, Его Величеству благоугодно было повелѣть выдать изъ государственнаго казначейства единовременную субсидію Комиссіи на ея изданія. Такимъ образомъ все сдѣланное до сихъ поръ Комиссіею, благодаря Высочайшей милости, не обречено забвенію, доказательствомъ чего является настоящій томъ, за которымъ послѣдуетъ и второй.

Но остается не разрѣшеннымъ вопросъ: какъ быть дальше? Неужели на этомъ закончить и прекратить начатую работу?..

Успѣхъ всякой работы зависитъ прежде всего отъ твердой увѣренности въ томъ, что всѣ труды не останутся втунѣ, а этой-то увѣренности у Комиссіи, къ сожалѣнію, пока нѣтъ. Одинъ изъ пунктовъ „Инструкціи“ Комиссіи гласитъ, что Комиссія имѣетъ право издавать свои научные труды, какъ отдѣльными томами или сборниками, такъ и въ видѣ періодическаго изданія. Но это право—пустой звукъ, и такимъ оно останется, пока у Комиссіи не найдутся опредѣленные, постоянныя средства на изданія, какими располагаетъ, напр., Петербургская Пѣсенная Комиссія. А безъ изданія научныхъ трудовъ и сама Комиссія теряетъ свой смыслъ. Для того, чтобы не дать заглухнуть этому серьезно организованному дѣлу въ Москвѣ—этомъ второмъ послѣ Петербурга научномъ центрѣ,—необходимо обезпечить дѣятельность Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи опредѣленной ежегодной субсидіею на ученые экспедиціи и на изданіе ея ученыхъ трудовъ.

Къ сказанному необходимо прибавить еще и то, что, помимо изданія своихъ трудовъ, на Комиссіи лежитъ еще одна нравственная обязанность. Въ ея распо-

ряженіе переданы наслѣдниками покойнаго изслѣдователя русской пѣсни Ю. Н. Мельгунова его посмертныя бумаги; въ числѣ ихъ оказались цѣнныя въ научномъ отношеніи матеріалы по музыкѣ, достойныя скорѣйшаго опубликованія, на что требуется специальная сумма, какою Коммиссія не располагаетъ.

Наконецъ, помимо чисто научныхъ задачъ, Коммиссія почти съ самаго начала своего существованія обнаружила живой интересъ также къ учебному дѣлу. Желая внести свѣжую народную струю въ область музыкальнаго образованія въ школѣ, Коммиссія занялась составленіемъ „Школьнаго Сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ“ въ качествѣ систематическаго пособия при обученіи пѣнію. Первый выпускъ этого сборника, предназначенный для младшаго возраста, изданъ Коммиссіею въ 1904 году, и одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ настоящее время приступлено къ составленію второго выпуска для старшаго возраста.

Таковы въ краткихъ чертахъ результаты недолговременной пока дѣятельности Московской Музыкально-Этнографической Коммиссіи.

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Народная пѣсня съ ея музыкой, составляя одно изъ важнѣйшихъ проявленій духовной и культурной жизни каждаго народа, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и требуетъ specialнаго изученія.

2. Наше отечество, вслѣдствіе его обширности и разнообразія состава его населенія, представляетъ неисчерпаемое богатство народно-музыкальнаго творчества, серьезное изслѣдованіе котораго только что начинается и требуетъ большого количества соединенныхъ силъ, направленныхъ къ одной цѣли.

3. Въ то время какъ русская народная музыка уже обратила на себя вниманіе специалистовъ, музыка нашихъ инородцевъ остается еще почти совершенно незатронутой изслѣдователями. Энергичное изученіе той и другой является крайне неотложнымъ, такъ какъ старинная русская пѣсня исчезаетъ и обезличивается подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, а инородцы русѣютъ или вымираютъ.

4. Для организациі этого дѣла необходимо открытіе при провинціальныхъ ученыхъ обществахъ особыхъ пѣсенныхъ коммиссій на подобіе петербургской, давъ имъ средства для успѣшнаго выполненія своей задачи.

5. Въ первую очередь, по примѣру Петербургской Пѣсенной Коммиссіи, необходимо обезпечить существованіе Московской Музыкально-Этнографической Коммиссіи при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, уже заявившей себя своей серьезной дѣятельностью въ изученіи и популяризаціи народной пѣсни и народной музыки.

Н. Янчукъ.

МАТЕРІАЛЫ,

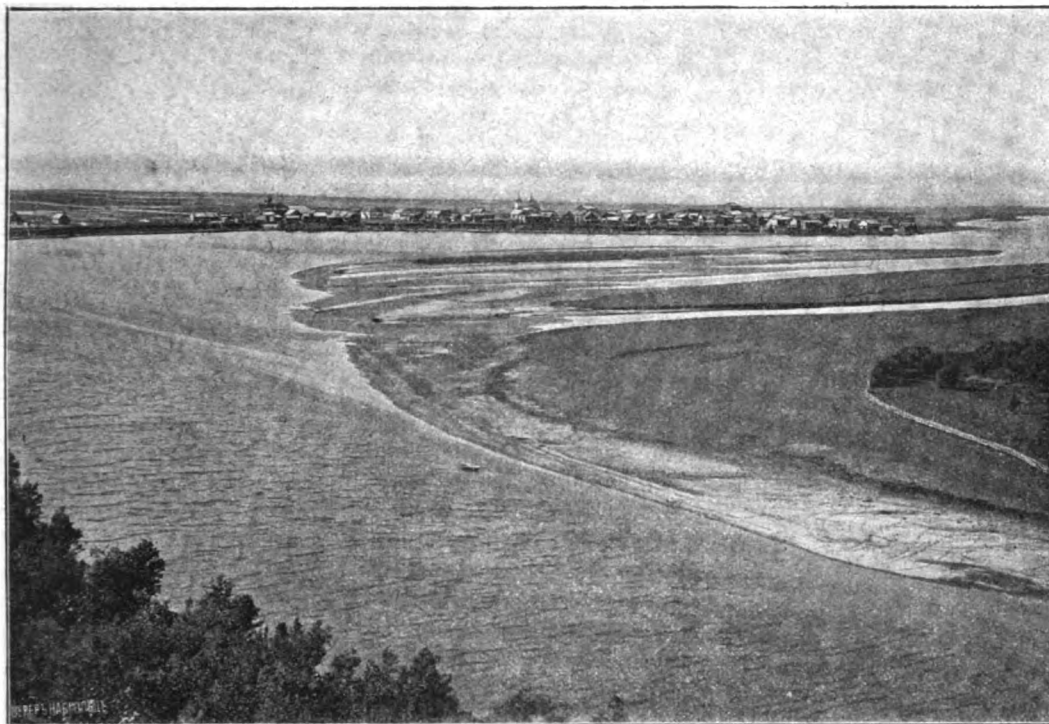
собранные въ Архангельской губерніи лѣтомъ 1901 года

А. В. МАРКОВЫМЪ, А. Л. МАСЛОВЫМЪ и В. А. БОГОСЛОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Зимній берегъ Бѣлаго моря. Волость Зимняя Золотица.

- I. Духовныя стихи.
 - II. Былины и историческія пѣсни.
 - III. Причитанія.
-

Село Нижняя Зимняя Золотица.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднюю четверть вѣка русская народная музыка является предметомъ серьезнаго изученія, которому положили начало Сѣровъ и князь Одоевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось сознательное отношеніе къ дѣлу записыванія образцовъ народнаго музыкальнаго творчества; появилось много собраній обрядовыхъ, бытовыхъ, семейныхъ и другихъ пѣсенъ, хотя всѣ эти записи носили болѣе или менѣе случайный характеръ, и систематическое изученіе народной пѣсни до сихъ поръ не начато. Менѣе всего собрано образцовъ былинныхъ напѣвовъ, несмотря на то, что это одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ народнаго музыкальнаго творчества; напѣвы въ сборникѣ Кирни Данилова, нѣсколько примѣровъ въ собраніи Гильфердинга, да нѣсколько записей послѣдняго времени, сдѣланныхъ Пѣсенной Коммиссіей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и членами Московскаго Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, — вотъ почти все, что имѣется въ распоряженіи ученыхъ по части былинныхъ напѣвовъ.

Установившееся предвзятое мнѣніе объ исчезновеніи былинныхъ сказателей заставляло ученыхъ невольно мириться съ такимъ положеніемъ дѣла.

Послѣдніе два-три года, однако, пролили новый свѣтъ на этотъ вопросъ, считавшійся рѣшеннымъ и забытымъ. Нѣсколько экспедицій, предпринятыхъ членами

Московского Этнографического Отдѣла къ берегамъ Бѣлаго моря, обнаружили на этой отдаленной окраинѣ существованіе цѣлыхъ семействъ былинныхъ сказателей съ огромнымъ репертуаромъ былинъ и духовныхъ стиховъ. Такъ, еще въ 1899 и 1900 г. дѣйств. членъ Отдѣла А. В. Марковъ совершилъ двѣ поѣздки къ берегамъ Бѣлаго моря, гдѣ ему удалось собрать большой матеріалъ по былинному эпосу отъ неизвѣстныхъ доселѣ сказателей, не уступающихъ по своему репертуару лучшимъ пѣвцамъ прежняго времени. Записанныя г. Марковымъ былины составили объемистый сборникъ, изданный Этнографическимъ Отдѣломъ въ 1901 г. подъ заглавіемъ „Бѣломорскія былины“. Не будучи музыкантомъ специалистомъ, А. В. Марковъ не могъ записать былинныхъ напѣвовъ, и къ его сборнику приложены только два напѣва, заученные имъ съ голоса пѣвцовъ. Для пополненія этого пробѣла, по предложенію А. В. Маркова, рѣшено было снарядить новую экспедицію въ тотъ-же край съ участіемъ музыканта и фотографа, при чемъ имѣлось въ виду обратить вниманіе и на другіе виды народной пѣсенной поэзіи.

Экспедиція была организована Этнографическимъ Отдѣломъ въ 1901 году при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ. Въ экспедиціи приняли участіе нижеподписавшіеся члены Этнографического Отдѣла и фотографъ-любитель Б. А. Богословскій. Цѣлью экспедиціи было преимущественно разысканіе остатковъ стариннаго былевого эпоса въ нѣкоторыхъ пунктахъ Архангельской губерніи, по полученнымъ заранѣе свѣдѣніямъ и указаніямъ, а также имѣлось въ виду попутно собрать и другіе пѣсенные матеріалы, напр., духовные стихи. Особенное вниманіе рѣшено было обратить на музыкальную сторону, записывая напѣвы при помощи графофона и по слуху, а также желательно было снять фотографіи пѣвцовъ и собрать біографическія свѣдѣнія о нихъ.

Достигнувъ Бѣлаго моря, мы, по заранѣе намѣченному маршруту, направились было въ Поморье, но вскорѣ должны были измѣнить свой планъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ пассажировъ бѣломорскаго парохода, на которомъ мы ѣхали, въ нѣкоторыхъ намѣченныхъ нами мѣстахъ нельзя было ожидать благоприятныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, миновавъ Поморье, мы достигли села Кандалакши, къ востоку отъ которой тянется приморская область, называемая Терскимъ берегомъ. Уже здѣсь, въ Кандалакшѣ, а также въ близъ лежащей деревнѣ Федосеовой мы нашли поющихъ былины, или, какъ тамъ называютъ, «стихи». Подвигаясь отсюда къ востоку по Терскому берегу, мы достигли селъ Күзомени и Вързуги, гдѣ встрѣтили болѣе количество знающихъ былины и духовные стихи. Въ обоихъ этихъ селахъ даже и молодежь знаетъ былины; правда, что нѣкоторыя уже заимствованы изъ школьной книги, о чемъ легко было узнать изъ разспросовъ. Собравъ здѣсь значительное количество записей, мы отправились съ Терскаго берега въ село Золотицу, лежащую на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, противоположномъ Терскому. А. В. Маркову въ этомъ селѣ пришлось быть уже два раза; здѣсь онъ записалъ „Бѣломорскія былины“, въ настоящее время уже изданныя отдѣльной книгой. На этотъ разъ предстояло прежде всего записать напѣвы къ собраннымъ раньше текстамъ, а затѣмъ произвести новыя записи былинъ и духовныхъ стиховъ. Музыкальныя записи выполнены А. Л. Масловымъ.

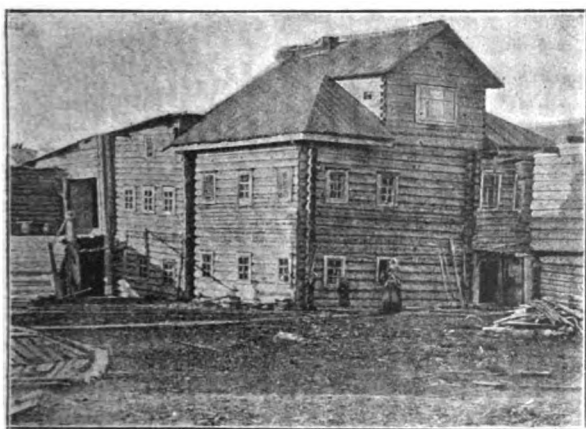
Село Золотица представляетъ собою уголокъ, удаленный отъ культурнаго центра и населенный довольно богатыми рыбопромышленниками, и заключаетъ въ себѣ богатый источникъ эпического народнаго творчества. Здѣсь живутъ такіе пѣвцы, какъ А. М. Крюкова, знающая болѣе 60 „старинъ“ (болѣе 10,000 стиховъ), Г. Л. Крюковъ, Ѳ. Т. Пономаревъ, онъ же Почошкинъ, и другіе. Эти пѣвцы называются

здѣсь *сказателями* и *сказательницами*, тогда какъ на Терскомъ берегу для поющихъ старины нѣтъ особаго прозвища; точно также на Терскомъ берегу нѣтъ и профессиональныхъ сказателей, какихъ мы знаемъ въ Олонецкой губерніи, напр., подобно Рябинину и др. Кромѣ того, на Терскомъ берегу мы совсѣмъ не встрѣтили мужчинъ, поющихъ былины, что въ связи съ другими фактами указываетъ уже не на свѣжесть былинной традиціи, а скорѣе на упадокъ ея на Терскомъ берегу.

Крестьянскій домъ въ Нижней Зимней Золотицѣ.

Во время нашего пребыванія на Зимнемъ и Терскомъ берегахъ намъ приходилось записывать не только былины и духовные стихи, но и другіе виды музыкальнаго творчества—различныя пѣсни и заплачки (причитанія),—всего болѣе ста номеровъ. По отдѣламъ наши записи распредѣляются такъ: былины и историческія пѣсни (записано 67 напѣвовъ), духовные стихи (22 напѣва), наконецъ, пѣсни и причитанія (всего 24). Первые два отдѣла у поморовъ считаются серьезными произведеніями и поются не только въ обыкновенное время, но и Великимъ постомъ, когда пѣніе другихъ пѣсенъ считается предосудительнымъ. На Терскомъ берегу собственно былины, историческія пѣсни и духовные стихи одинаково называются „стихами“, изрѣдка лишь различаются божественные стихи отъ „старинъ“. Въ музыкальномъ отношеніи и со стороны собственно мелодической характеристики ихъ можно раздѣлить на три вида: во 1-ыхъ, былины полуречитативнаго характера, напѣвъ которыхъ не простирается далѣе сексты; во 2-ыхъ, историческія пѣсни, которыя нѣсколько приближаются къ обыкновенной пѣснѣ и имѣютъ уже большій объемъ въ звукорядѣ напѣва, и, наконецъ, въ 3-ихъ, духовные стихи, съ явнымъ отпечаткомъ церковности, по звукоряду тоже незначительнаго объема.

Крестьянскій домъ въ Нижней Зимней Золотицѣ.

Встрѣчаются историческія пѣсни, которыя поются на мотивы былинь, и былины, поющіяся на мотивы духовныхъ стиховъ и обратно, въ зависимости отъ того, къ какому роду поющій причисляетъ данный текстъ — къ „старинѣ“ или къ „стиху“. Однако большинство историческихъ пѣсенъ по напѣву часто тождественны съ былинами, а потому все сказанное о былинахъ, за рѣдкимъ лишь исключеніемъ, можетъ относиться и къ историческимъ пѣснямъ.

Былины Терскаго берега, какъ по содержанію, такъ и со стороны музыкальной, весьма отличаются

отъ былинь Зимняго берега. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе ихъ ритмическое строеніе.

Въ этомъ отношеніи записанныя нами былины дѣлятся на два вида: съ ритмомъ (въ элементарномъ смыслѣ этого слова) двухдольнымъ и трехдольнымъ. Первый на Терскомъ берегу встрѣчается, какъ исключеніе (у сказательницъ У. Волящиной, М. Ф. Кожинной, И. Ф. Кореховой), а трехдольный является господствующимъ; на Зимнемъ берегу двухдольный ритмъ встрѣчается чаще. Въ мотивахъ на всемъ Терскомъ берегу легко усмотрѣть одну общую основу и близкое родство, на Зимнемъ—мы встрѣчаемъ разнородные напѣвы, и это разнообразіе объясняется, вѣроятно, частыми сношеніями золотицкихъ крестьянъ съ жителями сѣверо-восточной части Архангельской губерніи.

Обращаясь къ отдѣльнымъ пѣвцамъ, мы должны замѣтить, что каждый сказатель поетъ большую часть своихъ былинь на одинъ излюбленный напѣвъ, лишь нѣкоторыя старины изъ его репертуара поются имъ на другіе „голоса“. За выдающагося исполнителя былинь въ Зимней Золотицѣ, нужно признать Ѳ. Т. Пономарева-Почошкина. Музыкальный репертуаръ его, правда, исчерпывается тремя-четырьмя напѣвами, но это настоящій художникъ, мастеръ своего дѣла. Напѣвъ у него, въ противоположность другимъ сказателямъ, выработался въ нѣкоторую опредѣленную форму, и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сказателей, которые точно соблюдаютъ размѣръ стиха, лишь изрѣдка допуская расширенія или сокращенія, что очень часто случается у другихъ, напр. у Г. Л. Крюкова. Индивидуальную особенность въ музыкальномъ отношеніи представляетъ молодая сказательница М. С. Крюкова; старины, которыя пришлось у нея слышать, она поетъ на особые напѣвы, изъ которыхъ одни, какъ она утверждаетъ, переняты ею у дѣда, другіе у мезенскихъ каликъ. Но напѣвы ея, какъ и самый текстъ, страдаютъ какой-то неустойчивостью и отсутствіемъ опредѣленнаго размѣра. Подчасъ казалось, что въ данный моментъ она сочиняетъ старину и укладываетъ ее въ первый попавшійся напѣвъ, быть можетъ, ею сочиненный или заимствованный изъ другой былины.

Достоинъ замѣчанія тотъ фактъ, что сказатели часто мѣняютъ напѣвы былинь и, при повтореніи въ другой разъ, нерѣдко поютъ ихъ совершенно на другой голосъ, не говоря уже о перемѣнѣ тональности, въ зависимости, напримѣръ, отъ усталости пѣвца.

Изъ всѣхъ напѣвовъ обращаетъ на себя вниманіе своеобразный стиль „Кострюка“ въ исполненіи Г. Л. Крюкова. Только прослушавъ подлинное исполненіе, можно имѣть понятіе о такомъ пѣніи: это не мелодическое пѣніе и не речитативъ, а пожалуй, если можно такъ выразиться, скороговорка въ предѣлахъ музыкальности, напоминающая скоморошью манеру, очень распространенную еще въ селеніяхъ бассейна рѣки Пинеги; отсюда-то черезъ мезенцевъ, вѣроятно, этотъ стиль попалъ и на Зимній берегъ.

Не меньшій интересъ представляютъ напѣвы духовныхъ стиховъ. Въ мелодическомъ отношеніи они раздѣляются на три вида: во-первыхъ, напѣвы, заимствованные изъ обиходной церковной музыки, или, по крайней мѣрѣ, носящіе сильный отпечатокъ таковой, какъ напр., „Преподобный Макарій“, записанный на Терскомъ берегу; во-вторыхъ, на голосъ былинь (напр., „Царь Агапій“, „Непростительный грѣхъ“, „Василій Кесарійскій“), и въ-третьихъ, собственные напѣвы духовныхъ стиховъ чисто-народнаго склада, съ выработавшимися для подобныхъ стиховъ характерными заключеніями (кадансами).

Исполняются духовные стихи, какъ и былины, solo, лишь изрѣдка пѣвцы соединяются въ группы.

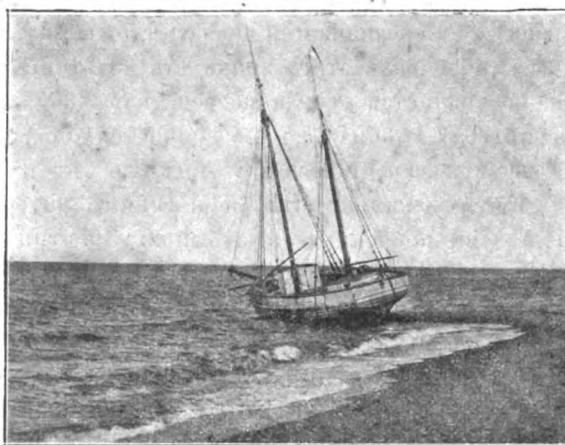
Приемы вокализации при исполненіи былинь и стиховъ на Терскомъ и Зимнемъ берегахъ одинаковы; такъ, при встрѣчѣ двухъ различной высоты нотъ подѣ однимъ слогомъ съ двумя согласными въ немъ дѣлается растяженіе, свойственное вообще русской народной пѣснѣ: напр., вмѣсто „двѣнадцать лѣтъ“ поется „двѣнадцать лѣтъ“ и т. п.

Совершенно иной родъ музыкальнаго творчества представляетъ свѣтская гѣсня, и главную роль здѣсь играетъ пѣсня обрядовая, традиціонно соблюдаемая съ религіознымъ благоговѣніемъ, и вслѣдствіе этого сохраняющая свой архаическій складъ. Пѣсни эти, какъ остатокъ глубокой старины, въ музыкальномъ отношеніи представляютъ также интересный матеріалъ для уясненія основъ древне-русской народной музыки. Къ такимъ относятся записанныя нами на Терскомъ берегу пѣсни: свадебныя, весеннія, круговыя, причитанія свадебныя и похоронныя.

Народное творчество, проявляющееся безсознательно, вѣками не измѣняетъ своего характера, пока направленіе его не подвергнется какому-нибудь внѣшнему давленію. Бросивъ бѣглый взглядъ на экономическій бытъ помора въ связи съ состояніемъ эпического творчества, мы замѣтимъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ обостренной борьбы за существованіе, гдѣ наряду съ зажиточностью крестьянъ имѣется и досужее время, условія благоприятствуютъ процвѣтанію народнаго эпоса; наоборотъ, когда помору нечѣмъ поживиться въ родномъ селѣ, и онъ принужденъ идти для заработковъ на Мурманскій берегъ, у него не остается досужаго времени, и ему уже не запомнить длинной былины, а если случится что позаимствовать, такъ это развѣ какую-нибудь коротенькую пѣсню, преимущественно новаго склада. Нарождающаяся культура Мурмана даетъ себя чувствовать почти на всемъ протяженіи Терскаго берега. Здѣсь почти повсюду уже можно встрѣтить гармонику и пѣсни въ родѣ „Разлука“, „Въ темницѣ несносной“ и т. п. Расширившаяся за послѣднее десятилѣтіе дѣятельность лѣсопильныхъ заводовъ на Бѣломорскомъ побережьѣ, а также паденіе въ послѣдніе годы рыбныхъ промысловъ у береговъ Кандалакши и т. п. обстоятельства — создали неблагоприятныя условія для сохраненія эпическаго достоянія народа. Можно почти навѣрно сказать, что былинная традиція Терскаго берега переживаетъ кризисъ.

Исключительное положеніе пока занимаетъ Зимній берегъ, не подверженный еще указаннымъ выше вреднымъ условіямъ; его не коснулась Мурманская культура, а благодаря обилію рыбнаго, а также звѣробойнаго промысловъ, крестьянину нѣтъ нужды въ стороннихъ заработкахъ, соединенныхъ съ тяжкимъ трудомъ и продолжительной отлучкой изъ родного села, не оставляющими времени для спокойнаго удовлетворенія нравственныхъ и художественныхъ запросовъ.

Мало-по-малу мы, такимъ образомъ, придемъ къ тому заключенію,

Яхта крестьянской работы.

что главное условие сохраненія народнаго эпоса—это наличность благоприятныхъ экономическихъ условий. Поразителенъ контрастъ въ этомъ отношеніи Зимняго берега съ Терскимъ, на которомъ мы уже не встрѣчаемъ такихъ маститыхъ сказателей, какъ въ Золотицѣ. Тѣмъ не менѣе, что касается собственно музыкальнаго матеріала, собраннаго на обоихъ берегахъ то, независимо отъ высказанныхъ соображеній, онъ одинаково сохранилъ для насъ интересъ.

Особенную услугу въ дѣлѣ записыванія напѣвовъ оказалъ графофонъ. Изъ 113 записанныхъ напѣвовъ 55 приходится на долю графофона. При пользованіи имъ встрѣчались, конечно, препятствія; напр., легко было уговорить сказательницу пѣть въ рупоръ, но заставить пѣть громко было почти невозможно; большинство пѣло очень тихо, такъ что графофонъ, передавая точно абсолютную высоту, очень слабо воспроизводилъ силу звука. Несомнѣнная заслуга этого инструмента заключается въ точности воспроизведенія напѣва въ его природномъ строѣ.

Въ настоящемъ I-мъ выпускѣ „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи“ печатается только часть матеріала, собраннаго въ экспедицію 1901 года, а именно то, что записано на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ двухъ селахъ, въ Нижней и Верхней Зимней Золотицѣ, остальные же записи войдутъ во II-й выпускъ „Трудовъ“. Здѣсь печатаются, во-первыхъ, вновь собранные въ эту поѣздку тексты духовныхъ стиховъ, былинь и причитаній вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ напѣвами, во-вторыхъ, нѣкоторыя мелодіи къ тѣмъ былиннымъ текстамъ, которые были уже ранѣе изданы Этнографическимъ Отдѣломъ въ вышеназванномъ сборникѣ: „Бѣломорскіе былины, записанныя А. Марковымъ“ (Москва, 1901 г.). Для читателей, не имѣющихъ подъ руками этого изданія, здѣсь, вслѣдъ за вновь записанными текстами, перепечатаются изъ названнаго изданія начальные стихи тѣхъ былинь, къ которымъ теперь записаны мелодіи. При этой перепечаткѣ, особенности мѣстнаго говора не сохранены, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда того требуетъ напѣвъ. Изъ вновь печатаемыхъ текстовъ №№ 16—20 записаны Б. А. Богословскимъ, а всѣ остальные—А. В. Марковымъ. При воспроизведеніи мѣстнаго говора въ этихъ записяхъ приняты тѣ же обозначенія, что и въ „Бѣломорскихъ былинахъ“, а именно: мягкое „ц“ обозначается посредствомъ „ц“, но въ сочетаніяхъ съ гласными—„ця“, „ци“, „цѣ“—безъ этого знака; въ сочетаніи „це“ согласная звучитъ твердо; мягкое „о“ обозначается всегда посредствомъ „ё“; „е“ подъ удареніемъ, вмѣсто обычнаго въ литерат. рѣчи „ѣ“, обозначается посредствомъ „ѣ“; написаніе „ц(ч)“ обозначаетъ звукъ средній между мягкимъ „ц“ и мягкимъ „ч“.

Къ музыкально-этнографическимъ матеріаламъ прилагаются снимки, сдѣланные Б. А. Богословскимъ въ Зимней Золотицѣ и ея окрестностяхъ, а именно: видъ с. Нижней Золотицы, типы построекъ и судовъ мѣстной работы, нарядъ невѣсты, а также фотографіи выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ.

Подробныя біографическія данныя о золотицкихъ сказателяхъ и сказательницахъ читатель найдетъ въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ А. В. Маркова. Здѣсь же сообщаемъ краткія свѣдѣнія о трехъ главнѣйшихъ исполнителяхъ былинь.

1. Аграфена Матвѣевна Крюкова—родилась въ 1854 г. въ с. Чаваньгѣ, на Терскомъ берегу; 18-ти лѣтъ была взята замужъ въ Нижнюю Золотицу. Старины свои, которыхъ у нея записано всего 62, она переняла у матери, дяди, сосѣдей и подругъ

на Терскомъ берегу, а также у своего свекра, покойнаго Василия Леонтьевича, который славился, какъ хорошій сказатель. Къ содержанию старинъ она относится съ большимъ довѣремъ, и только нѣкоторыя невѣроятныя частности позволяетъ себѣ называть „вракой“. Обѣ взрослые дочери, Марѳа и Павла, переняли у нея старины. А. М. отличается особенною религиозностью, которая переняла къ ней отъ матери и еще болѣе развилась подъ вліяніемъ тяжелой жизни въ новой, чужой ей, семьѣ. Кромѣ старинъ, она знаетъ довольно много духовныхъ стиховъ и пѣсенъ. Старины она поетъ довольно слабымъ, но пріятнымъ голосомъ, не детонируетъ и хорошо выдерживаетъ размѣръ стиха. Въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ ей принадлежать №№ 1—60.

Аграфена Крюкова.

Гаврило Крюковъ.

2. Гаврило Леонтьевичъ Крюковъ—братъ покойнаго свекра А. М. Крюковой. Родился въ 1822 г. въ Нижней Золотицѣ. Старины онъ сталъ заучивать еще мальчикомъ, когда ему приходилось сидѣть со стариками на тоняхъ. Мѣтъ 17-ти онъ занимался работникомъ къ одному крестьянину села Койды (на Мезенскомъ берегу), и тамъ слышалъ много старинъ. Большую же часть своего репертуара онъ перенялъ, когда промышлялъ морскихъ звѣрей вмѣстѣ съ золотицкими крестьянами. Нѣсколько былинъ Крюковъ заучилъ у крестьянъ, приходившихъ въ Золотицу покрученниками съ верхней Мезени. Жена Г. Л. умерла, когда еще его единственному сыну было 4 года, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ вдовцомъ. Крюковъ до сихъ поръ еще работаетъ и имѣетъ видъ сравнительно бодрого старика. Жизнь ведетъ онъ очень строгую: не пьетъ вина и чая, и не куритъ. Поетъ онъ старческимъ голосомъ, но напѣвы у него ясны и отчетливы. Какъ замѣчательный сказатель, онъ славится въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы. Въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ ему принадлежать №№ 66—86.

Федоръ Пономаревъ.

3. Федоръ Тимофеевичъ Пономаревъ (прозв. Почошкинъ) — неграмотный старикъ, содержатель земской станціи. Родился онъ въ 1829 г. въ Верхней Золотицѣ. Занимается ловлей семги въ Бѣломъ морѣ въ 30 верстахъ отъ устья р. Золотицы, гдѣ у него построена рыболовная изба. Семья его состоитъ изъ четырехъ замужнихъ дочерей и двухъ женатыхъ сыновей. По характеру онъ — веселый, добродушный старикъ; любитъ балагурить и шутить съ дѣвушками. Но эта шутливость соединяется въ немъ съ вѣрностью завѣтамъ старины и добродетельностью: онъ не курить и не пьетъ; къ слухамъ о тѣхъ или другихъ прославившихся дѣятеляхъ въ церковной области (напр., объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ) относится въ высшей степени скептически, въ виду того, что они, какъ люди подчиненные, не могутъ быть носителями правой вѣры. Старины онъ поетъ сильнымъ, пріятнымъ голосомъ и какъ виртуозъ — свободно, легко, не подыскивая выраженій; благодаря этому онъ славится какъ очень хороший сказатель. Въ „Бѣломорскихъ былинахъ“ ему принадлежатъ №№ 91—96.

А. Марковъ и А. Масловъ.

I.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Ө. Т. Пономаревъ: №№ 1 и 2.

А. М. Крюкова: № 3.

М. С. Крюкова: №№ 4 и 5.

Марѳа (съ граблями) и Павла Крюковы, дочери А. М. Крюковой.

№ 1.

Василій Кесарійскій.

1. Слава есь Василью Великому, Кисаринскому чудотворцу!
И стоялъ Василей двадцеть пять лѣтъ во Божьею церкви,
Во папѣрты у притвора на молитвы;
Молилсѣ Василей Восподу Богу отъ жалабы
- б. Со тёплыми сердцацами,

- Со горючима со сълезами.
Свѣтъ пресвѣтая Богородица
Съ небеси гласомъ прогласила
И сама глаголала:
10. „Ты, свѣтъ Василей,
Великія Кисаринскія чудотворецъ!
Хоша молисъе Восподу Богу отъ жаланья,
Со тёплыми сердцецами,
Со горючима со сълезами,
15. Восподь Бохъ твоёго моленія не примаётъ:
Пахнутъ отъ тебя злыя коренья—духи“.
Свѣтъ Василей и самъ глаголатъ:
— Ты, свѣтъ присвѣтая Богородица!
Я двадцеть петь лѣтъ хмельнёго въ уста не вкушаю.—
20. Свѣтъ Василей на землю падаётъ
И свою главу до крові розбиваётъ.
Свѣтъ пресвѣтая Богородица
Со престолу соходила,
И пречистыя ручи
25. Отъ себя отлагала,
Василью Великому подъ главу подлагала,
И Василья Великою на нози знимала,
И сама глаголатъ:
„Ты свѣтъ Василей,
30. Великія Кисаринскія чудотворецъ!
Нѣту твоей молитвы ко господу болѣ
И нѣтъ твоей столпы ко господу свыше!“
Горѣ тому чоловѣку,
Ихто же въ пьяньсви помре!
35. Исъ того исъ косьтія чоловѣчья
Тогда двадцеть пять лѣтъ
Хмѣльнія вонъ не ¹⁾ выходятъ.
Не велѣно съ пьяницѣй на дороги стрѣчатъсе;
Есѣли стрѣтишь пьяницу на дороги
40. И станешь пьяницу на добро учити
И станешь пьяницу на умъ наставляти,
И тутъ жо пьяницу роздразнишь,
И пьяница тибя палкой побѣтъ, либо ножомъ зарѣжотъ,
И та душа замѣнитъ ёво и пойдѣтъ.
45. О горѣ тому чоловѣку,
Ихто же на пьяницу стоять смѣтцѣ!
И тотъ жо на свою душу грѣхъ перенимаётъ.
Не велѣно пьяницю во Божью церкву впушпати:
И пьяница стоитъ на бономольи, Бономъ страждитъ.
50. Не велѣно съвешеннымъ архиреямъ и ереямъ,
И попомъ и протопомъ

¹⁾ Вмѣсто «вони», т. е. запахи, духи. *Собир.*

- Хмельнѣго въ уста вкушати;
Только вѣлѣно съвѣщеннымъ архиреямъ и ереямъ
И попомъ и протопопомъ
55. И Божья лиитарлея ¹⁾ составляти.
О горѣ тому чоловѣку,
Ихто жа сквернословить и поматерну бранитце!
Тутъ же Мать²⁾ сквернять и поносять,
Кой сотворилъ небо и землю,
60. И кой сотворилъ родъ человѣческій,
И кой сотворилъ тварь плодовитую.
Ежели мужьской полъ поматерну избранитце,
Трижда нѣбо и земля потресѣтце;
Ежели женьской полъ поматерну избранитце,
65. И трижда нѣбо и земля потресѣтце,
И трижда кровео ею вуста запекутце.
Есь у hospода Бога
Есь устроѣно три покоя:
Рай пресвѣтлой, царство небесно
70. И для-ради душъ правядныхъ;
Есь и адъ кромѣчной,
Мука превѣчная,
Огни горяшши, смола кипяшна, зъмѣи ядовитыя,
И душъ много грѣшныхъ ³⁾.

№. 2.

Встрѣча инока со Христомъ.

1. Иде инокъ по дороги,
Да какъ черныя-ризы по широки.
Ишше самъ-то онъ сълезно-то плаче,
Ишше самъ онъ тяжело възрыдае.
5. Ишше стрѣтилсѣ Царь ему да Небесный:
„Ты объ чомъ, объ чомъ, инокъ, плачешь,
Ты объ чомъ, молодья, ты възрыдаешь?“
—Ишше какъ мнѣ-ка, Восподи, да не плакать,
Ишше какъ вѣдь мнѣ-ка не рыдати?
10. Утерялъ-то я клю' церковный,
Уронилъ-то я въ синее море.—

¹⁾ Литоргія—литургію. *Собир.*

²⁾ Т. е. Мать Того, Который.... *Собир.*

³⁾ Т. е. ради душъ многгрѣшныхъ. *Собир.*

- „Ты не плачь-ко-се, не плачь-ко-се ты, инокъ,
Ты не плачь, не рыдай ты, да молодья!
Ты поди-тко-се къ синёму морю:
15. Да потянуть тогда буйныя вѣтры,
Сколыбайтѣ вѣдь синёе морѣ,
Да расходятѣ вѣдь большія волны,—
Ишше выплѣшнотъ тебѣ клюць церковной.
Да пошолъ тогда къ синёму морю:
20. Потянули тогда буйныя вѣтры,
Сколыбалось тогда синёе морѣ,
Расходились тогда большія волны,
Да какъ выплѣскало клюць ёму церковной.
Да идѣ тогда вѣдь инокъ по дороги.
25. Да идѣ черворизецъ по широкой;
Онъ самъ идѣ вѣдь сълезно-то плаче,
Ишше самъ онъ тяжело възрыдае.
Ишше стрѣтилсѣ Царь ёму Небесный:
„Ты объ чомъ, объ чомъ, инокъ, плачешъ,
30. Ты объ чомъ, объ чомъ, молодья, възрыдаёшь?“
—Ишше какъ мнѣ-ка, Восподи, не плакать,
Ишше какъ вѣдь мнѣ-ка не рыдати?
Утерялъ-то я книгу-ту златую.—
„Ты не плачь-ко-се, не плачь ты вѣдь, инокъ
35. Не рыдай, не рыдай ты, молодья!
Напишу я тебѣ книгу-ту златую
Своима-ти тебѣ златыма руками“.
Да идѣ тогда инокъ по дороги,
Да идѣтъ молодья по широкой,
40. Онъ самъ тогда сълезно-то плаче,
Ишше самъ тяжело онъ възрыдае,
Ишше къ матери гъ земли припадае,
Отца съ матерью споминае:
„Вы пошто миня на горѣ засѣвели,
45. На злоіесѣе миня фъсѣ спородили!“
Ишше стрѣтилсѣ Царь ёму Небесный:
„Ты объ чомъ, объ чомъ инокъ, ты плачѣшь
Ты объ чомъ, молодья, възрыдаёшь,
Къ матери гъ земли припадаёшь,
50. Отца съ матерью споминаёшь?“
— Ишше какъ мнѣ-ка, господи, не плакать,
Ишше какъ вѣдь мнѣ-ка не рыдати,
Ишше къ матери гъ земли не припадати,
Отца съ матерью не споминати?
55. Ишше сталъ я топериче въ младыхъ лѣтахъ
Одолѣютъ на миня худыя мысьли,
Нападаютъ на миня всё вѣ' дьяволе.—
„Ты не плачь-ко-се, не плачь ты вѣдь, инокъ,
Не рыдай, не рыдай ты, да молодья!

60. Ты поди-тко-се же, въ лѣсѣ уйди подальше,
Ты сострой собѣ келею подъ елью;
Ишше стануть къ тобѣ ангели летати,
Ишше стануть тебя пропитати;
Залетають къ тобѣ птици-ти райски,
65. Запоють-то тобѣ пѣсьни-ти царьски,—
Отвалятце отъ тибя худыя мысли,
„Отойдутъ отъ тебя вси вѣдь дьяволе“.
Да пошоль тогда инокъ, въ лѣсѣ ушелъ подальше,
Онъ состроилъ собѣ келею-ту подъ елью;
70. Залетали къ ёму тогда аныгели,
Ишше стали ёго пропитати;
Залетали къ ёму пѣтици-ти райськи,
Какъ запѣли ёму пѣсьни-ти царьски,—
Отошли отъ ёго худыя мысли,
75. Отошли отъ ёго тогда дьяволе.

№ 3.

Алексѣй, Человѣкъ Божій.

1. Ишше былъ Ефимьянъ да князь богатой.
Онъ охвоцѣй былъ Богу молитъце,
Онъ на кажну среду, пятницу поститце,
Онъ на кажну субботу прицящался:
5. Да молилъ Ефимьянъ-отъ себѣ отродѣе,
Онъ не женьського полу молилъ, муського.
Богородиця гласомъ прогласила:
„Тебѣ полно, Ефимьянъ, да Богу молитъце,
Да пора тебѣ домой надотъ возвратитъце:
10. Да кнегина тебѣ цяда вѣдь спородила,
Она не женьцького полу, муськаго.
Вы зовите поповъ да архиреевъ,
Нарекайте вы имя-та Олѣксѣмъ,
Олѣксѣмъ вы, Божьимъ Цѣловѣкомъ“.
15. Ишше пришоль Ефимьянъ къ себѣ во полату,—
Ёму кнегина-та цяда спородила
Шьчо не женьцького полку—муськаго.
Они звали поповъ, собирали архиреевъ,
Нарекали ему имя Олѣксѣмъ,
20. Олѣксѣмъ-то Божьимъ Человѣкомъ.
У ихъ сталъ Олѣксѣй у ихъ лѣтъ пети-то,
Шьчо задумалъ ёго батюшко въ грамотѣ учити,
Да ёго свѣта мать-та туда же,

- Шьчо ему сьвѣту грамота даласе,
25. Рукописанѣ скорѣ того открылось.
Ишше сталъ Олѣксѣй годовъ поснадцеть,
Ишше сталъ Олѣксѣй-отъ ужъ возростати,
Возростати Олѣксѣй сталъ, подыматьце
Онъ до тѣхъ до своихъ двадцети годовъ.
30. Шьчо задумалъ ёво батюшко женити,
Да его сьвѣта мать-та тоже женити.
Шьчо ему сьвѣту женитьце вѣдь не хотѣлось,
Отця - матеръ прогнѣвить-то не захотѣлось.
Шьчо искали Олѣксѣю невѣсту
35. По тому-ли по Римскому царсву,
Отыскали Олѣксѣю они невѣсту
Не простого-то роду, княженевскаго,
Шьчо обручную кнежну Екатерину.
Олѣксѣю женитьце вѣдь не хотѣлось,
40. Ёму хотѣлось тутъ Богу помолитьце,
Да шьчо за батюшковы, на матушкины грѣхи потрудитьце.
Повели Олѣксѣя со кнежною
Его во Божью-ту церковь вѣнчати,
Золоты бы имъ вѣнцы да обдѣржати,
45. Шьчобѣ законъ имъ Господней примати.
Да приходятъ Олѣксѣй да со княгиной,
Шьчо съ обручной съ кнежиной съ Катериной;
Золоты они вѣнцы-ти да одержали,
Шьчо законъ они Божей принимали,
50. Золотыма персьнями да помѣнялись.
А сидитъ Олѣксѣй, сидитъ за столами;
Ишше ходитъ Ефимьянъ-отъ вѣдь князь богатой,
Говоритъ Ефимьянъ-отъ Олѣксѣю,
Олѣксѣю онъ, Божью Человѣку:
55. „Ужъ ты шьчо же, Олѣксѣй Цѣловѣкъ Божей,
Ишше шьчо же сидишь да ты невѣсѣлъ,
Буйну ты голову повѣсилъ?
Али мѣстомъ тебя ли обсадили,
Али царой тебя ли обносили,
60. Али невѣжа надъ тобой развѣ насмѣялсѣ,
Шьчо кнегина тебѣ развѣ не по обыцю,
Молода-та жена не по разуму?“
Говоритъ Олѣксѣй, Цѣловѣкъ Божей:
— Не мѣстомъ меня вѣдь не обсадили,
65. Шьчо не цароцькой меня-то не обносили,
Да невѣжа надо мной какъ не надсмѣялсѣ;
Не хотѣлось мнѣ было женитьце,
Мнѣ хотѣлось-то Богу помолитьце,
Мнѣ за батюшковъ, мнѣ за матушкинъ грѣхъ мнѣ-ка потрудитьце.—
70. Повели Алексѣя-та со кнегиной
Ихъ во тѣплу-ту спальню спать лѣжити,

- На хорóшу на кисовую на кровати,
Шьчо на мякку на пуховую на перину,
Шьчо на мякки на пуховыя на подушки,
75. Подъ хорóшо соболинно ихъ одѣяло,—
Богородица гласомъ прогласила,
'на пречистыма устами проговорила:
„Тебѣ полно, Олексѣй, спать со кнегиной!
Ты поди же, Олѣксѣй, во Божью церковь,
80. Ты молись, Олѣксѣй, Богу со сълѣзами“.
Да пошолъ Олѣксѣй-отъ со кровати,
Отъвязалъ отъ сибя-то онъ шолковъ поясъ,
Онъ снималъ со правѣй руки золотой же перьсьтень,
Подаваетъ свои онъ вешшы княгины,
85. Молодой своей жены-то Катерины:
„Ужъ ты гой еси, моя ты жена, кнегина!
Ты возьми мои вешшы-ти дорогя,
Ты возьми-ко, храни ты да мои вешшы.
Да тебя-то Господь Бохъ не оставитъ!“
90. Да брала у его она шолковъ поясъ,
Да брала у его она злачѣнъ перьсьтень.
Самъ пошолъ Олѣксѣй да въ кладовую,
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ золота, сколько надоть,
Надѣвалъ онъ одежду всё дравацѣнну,
95. Самъ пошолъ Олѣксѣй по Рымску-ту царсву.
Ёму стрѣтилсѣ нишшѣя братья.
Говорить Олѣксѣй да нишшей братья:
„Скинывай ты нишшею одежду,
Надѣвай мою дравацѣнную, богату“.
100. Тутъ обрадовалсѣ нишшой-отъ бѣдной,
Надѣвалъ дравацѣнную одежду,
Отдавалъ-то онъ нишшу свою одежду.
Тутъ молилсѣ Олѣксѣй Богу со слезами:
„Ай, Мати моя пресъвятая,
105. Ай Дѣва прециста ты, Мать Марія!
Да шьчобы меня отецъ-отъ, мать не признали“.
Богородица гласомъ прогласила,
Да пречистыма устами проговорила:
— Тебѣ полно, Олексѣй, вѣдь Богу молитъце!
110. Ты поди, Олѣксѣй, да во караблѣкъ,
Да стоять-то караблѣцѣкъ наряженой,
Налаженой караблѣцѣкъ роскрашѣной,
Роскрашѣной караблѣцѣкъ, оснопоной:
Шьчо весѣлышка были золотыя,
115. Да уклюцинки были шолковыя.—
Да пошолъ Олѣксѣй-отъ въ караблѣкъ.
Какъ холопы-ти ихны-ти ёго ишшутъ,
Ёму нишшому да подавають;
Одной рукой онъ отъ ихъ примаеть,

120. Шьчо другой рукой нишшой братья подавасть,
Подавасть за ихъ-то онъ Бога молить.
Да поѣхалъ Олѣксѣй, Целовѣкъ Божей,
Переѣхалъ Олѣксѣй, Целовѣкъ Божей,
Заходилъ Олѣксѣй-отъ во Божью церковь
125. Онъ молился тутъ Господу со слѣзами.
„Да шьчобы меня отецъ бы, мать не узнали“.
Да похѣдѣло лицѣ-то ёго съвятоё,
Какъ отъ слѣзъ-то всё очи-ти потравились.
Богородица гласомъ прогласила.
130. Шьчо прецистыма устами проговорила:
„Тебѣ полно, Олѣксѣй, вѣдь Богу молитце!
Ты поди, Олѣксѣй, да во карабикъ:
Да стоять твой караблицѣкъ-отъ не потлѣлъ,
Парусочика бѣлы да полотняны.
135. Ай весѣлышка были да золотыя,
Шьчо уключинки были шолковыя“.
Онъ идѣтъ-то по Рымцькому царсву,
Онъ пришолъ Олѣксѣй да подъ окошко:
„Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ, ты князь богатой!
140. Ты подай мнѣ-ка милостьину спасѣну
Ты не ради калики-то перехожа,
Ради своего сына-то Олѣксѣя,
Олѣксѣя-та, Божья Целовѣка!“
Ефимьянъ-отъ въ окошочько смотреть,
145. Подавать ёму милостьину спасѣну:
— Почему же моево ты сына знаѣшь,
Поцѣму Олѣксѣя ты замичаешь?—
„Мы въ одной кельи Богу молились,
Мы въ одной школѣ въ грамоты съ имъ учились,
150. Съ одного мы блюда пили и ѣли“.
Говорить тутъ калика-та перехожа:
— Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ, ты князь богатой!
Ты поставь мнѣ-ка келейку спасѣну
Мнѣ подъ то-ли прекрасно подъ крылецько.
155. Да за то тебя Господь-отъ Бохъ не оставить,
Всё пошлѣтъ тебѣ царство Осподь небесно.—
Онъ поставилъ ёму келейку спасѣну.
Шьчо вѣдь самъ-то онъ ѣлъ, шьчо вѣдь кушалъ,
Посылалъ-то онъ нишьчому въ келью.
160. Ише слуги-ти ёму, свѣту, не доносили,
Всё помоеми ёго, свѣта, обливали,
Ише пепѣломъ ёго-то всё обсыпали,
Незамокъ Олѣксѣй, Целовѣкъ Божей,
Заболѣлъ Олѣксѣй-отъ тутъ, преставлялся,
165. Преставлялся Олѣксѣй всё во кельѣ,
Заносили тутъ ладаны-дѣхи
По тому ли по Римскому царсву;

- Объевили-то всѣмъ попамъ духовнымъ,
Объевили тутъ-ли архиреямъ
170. Да нашли они мошшы у Ефимьяна,
Ефимьяна нашли-то мошшы калики.
Тутъ идѣтъ Ефимьянъ да князь богатой,
Онъ ведѣтъ поповъ-то, отцовъ духовныхъ,
Онъ идѣтъ-то ведеть къ себѣ архиреевъ.
175. Тутъ пришлоъ Ефимьянъ да князь богатой,
До свѣтыхъ мошшей архирей-отъ всё достапаетъ;
„Ужъ вы гой еси, мошшы нетлѣнны!
Вы подайте-ко мнѣ-ка рукописаньё“.
Не далось-то ему-то рукописаньё,
180. Ефимьянъ-отъ вѣдь князь да достапаетъ:
„Ужъ вы гой еси, мошши вы свѣтыя,
Да свѣты-ли мошши вы всё нетлѣнны,
Ужъ вы дайте-косъ мнѣ-ка рукописаньё!“
Рукописаньё Ефимьяну-ту не далосе.
185. Тутъ приходитъ, приходитъ-то единъ дьяконъ.
Шьчо далось рукописаньицѣ-то дьякону;
Да берѣтъ-то вѣдь дьяконъ рукописаньё,
Онъ вѣдь сталь-то тутъ скоро цитати,
Онъ вѣдь сталь-то имъ скоро розказать тутъ:
190. „Это сынъ-то вѣдь твой, да Ефимьянъ же,
Олѣксѣй-отъ вѣдь тутъ, Цѣловѣкъ Божей“.
Тутъ заплакалъ Ефимьянъ-отъ князь богатой:
„Ты пошьто мнѣ-ка, цядо, не сказалось,
Ты моё ты всё цядо пресладко?“
195. Я соорилъ бы я келью бы всё хорошу“.
Да идѣтъ ёго матушка родная,
Да родна ево мать Синодія:
„Пропусьтите, народъ вы православной,
Вы миня-то хотъ матушку родную,
200. До того миня до сладкого цяда,
До того ли миня-то Олѣксѣя,
Шьчо до Божьёго миня до Цѣловѣка!“
Тутъ идѣтъ-то жена его да заручѣнна,
Шьчо идѣтъ она, сьлѣзно-то плачотъ,
205. Во сьлѣзахъ сама она прицитаеть:
„А пусьтите-ко, люди вы православны,
До того жениха до обручѣнна!
Да пошьчо же пришлоъ, мнѣ-ка не сказалось?
Мы въ одной бы мы кельи молились,
210. Мы бы вдругъ съ тобой Господу бы проишались,
Я съ тобою бы вмѣсти трудилась,
Промежъ нами былъ бы Духъ свѣтыя“.
Понесли Олѣксѣя-та, Божья Цѣловѣка,
Шьчо несъли-то его да сьветы мошшы,
215. Шьчо несъли то ево всё несъли три дьня-та,

- До того ёго до Божьёго храму. .
На пути-то лежать-то бѣдны убоги,—
Онъ вѣдь всимъ исциленьицѣ даваётъ.
Туть приходятъ которы безглазы,—
220. Онъ вѣдь тѣмъ исциленьё скоро даваётъ.
Вси поють-то вѣдь, вси они молятъ,
Всё хвалу они Господу всё приносятъ.
Да несъли-ти святы его мошшы,
Говорилъ архирей-отъ имъ таки рѣци:
225. „Вы отстаньте, народъ-отъ вы православны,
Намъ вы дайте съвяты мошшы унести-то!
Мы поставимъ ихъ въ церковь, положимъ,
Будёмъ трои мы сутоцьки держати“:
Тогда народъ православны-ти отступили
230. Шьчо отъ тихъ-ли отъ мошшей отъ святыхъ-то,
Отъ святыхъ-то мошшей всё отъ Господьнихъ,
Отъ того ли Олексѣя-та, Божья Целовѣка.

№. 4.

Князь Владимиръ и его сыновья.

1. Во славномъ во городи во Кіевѣ,
У князя у Владимира:
Князь Владимиръ хваралъ, болѣлъ.
Хваралъ, болѣлъ, лежалъ же онъ;
5. Ожидалъ себѣ коньча жизни,
Призвалъ къ себѣ своихъ владыкъ-кнежевичей,
Трѣхъ руськихъ-то могучихъ онъ бохатырей:
Старешшего князя Светополка,
Втарого онъ князя Глѣба,
10. Третьёго Бориса-князя.
Зачелъ дитей блаhosловлять же ихъ:
„Ужъ вы дѣти мои милыя,
Милыя вы дѣти сирьдечныя,
Младья мои вы книжевичи!
15. Вы послушайте моёго наказанія:
Вы живите тихо, смирно, какъ вѣдь я, князь, жилъ.
Собирайте пиры посль мина, князя,
Вы для тѣхъ-ли для бохатырей кievскихъ,
Для тѣхъ ли купцей, госьтей торговыхъ-то,
20. Для тѣхъ ли хресьянъ прожиточныхъ,
Не забувайте вы сиротскихъ малыхъ дѣточекъ.
Тенере я васъ надѣлять буду:

- Старшому блаґослѣвляю городъ-о Черниговъ-градъ,
Младшимъ двумъ кнежевичамъ Кіевъ-градъ“.
25. Блаґословиль скоро князь своихъ кнежевичей,
Потухло тогда сонцѣ красное,
Закатилосе оно за темны за лѣса,—
Преставилсѣ блаґовѣрной князь,
Владимеръ князь вѣдь кіевскій.
30. Посылѣ ево приставленьяца
Честно погребли ево да ево дѣти;
Плакаль вѣдь, скорбилъ объ нѣмъ вѣдь Кіевъ-городъ,
Потомъ князь старшіе,
Князь вѣдь, старшій братъ Светополкъ-отъ свѣтъ,
35. Поѣхалъ въ свой городъ-отъ, во которой блаґословиль Владимерж-князь;
Во Кіевѣ осталисѣ Борисъ и Глѣбъ.
Онъ вѣдь жилъ въ Черни-горы три года.
Какъ позавидовалъ врагу челоѣческому,
Помогъ въ мысляхъ ему же онъ
40. Зло на брата помыслити:
„Въ котормъ жилъ мой батюшко,
Ласковой Владимерж стольне-кіевской,
Завладѣли градомъ братья младшіе;—
Изведу я ихъ, въ живыхъ не оставлю-то,
45. Повладѣю славнымъ Кіевомъ.
Ухитрюсь я на хитрось свою,
Напишу въ Кіевъ скору грамоту,
Отошлю грамоту по скоросѣти“.
Написалъ князь скору грамоту,
50. Отосла скоро во Кіевъ-градъ:
„Вы вѣдь, малы мои братьяца,
Блаґовѣрны вы князи великія!
Пишу я вамъ да скору грамоту,
Пріѣзжайте вы ко мнѣ да на свиданьице,
55. Жалаю я съ вами скорою свиданьица,
Я собираю пиръ великой для васъ;
На томъ на пиру будемъ пировати съ вамі,
Своею князя-отца поминати будѣмъ“.
Приходила скоро грамота
60. Во Кіевъ славной во городъ-отъ,
На тотъ на дворъ княженескія;
Приносили ко младымъ-то кнежевичамъ,
Ко Борису-князю, ко Глѣбу-ту.
Туть князья млада обрадовалисе,
65. Зрадовалисе они, что нишотъ братъ родной;
Приказали они скорѣ збирать коней,
Убирать коней дорогой уборъ.
Услышила объ томъ кнегина-та,
Ихна-та рѣдна матушка,
70. Сълѣзно-то она заплакала,

- Во сълезахъ рѣчи говорила:
„Милы мои князи вы,
Младья вы мои, глупыя!
Вы радосъни, очень веселы
75. Собирайтесь къ брату въ госьти ѣхати;
Братъ васъ, васъ не въ госьти зовѣтъ,
Не въ госьти зовѣтъ, не на свиданіе“.
Подавали онѣ еѣ скору грамоту,
Сами становились на колѣни передъ ней.
80. Говорила имъ кнегина-та
„Не радуйте вы эфтой грамотѣ:
Она ¹⁾ хитрось очень мудритце,
Она мудрось весьма подымайтце;
Не на пирь онѣ зовѣтъ, а погубить желать,
85. Погубить желать, лишить желать,
Онѣ лишить желать сего свѣту бѣлого,
Завладѣтъ жалать славнымъ Киевомъ“.
Скоро младья княжъя матушки въ ноги поклонились,
Они просили у неѣ дозволенъица:
90. — Дозволь, дозволь, матушка,
Съѣздить намъ въ славной городъ во Черни-городъ,
Здѣлать скорое съ вами свиданъицо.—
„Поѣжайте зъ Бономъ, младья князья мои!
Только, навѣрно, жывы не пріѣдите,
95. Не приведѣтце болѣ съ вами свидитце“.
Тогда кнегина во сълезахъ съ нима рспрошпаласе,
Далече она нихъ спроважала,
Слезно она о нихъ плакала.
Поѣхали младья кнежевичи,
100. Они ѣхали чистымъ полемъ.
Не очунь далече до города доѣхати,
Посрѣчалса съ ими ихной рѣдной братъ.
Стрѣчаетъ онѣ же нихъ,
Неласково съ нима обходитце,
105. Крычить, звычить да звучнымъ голосомъ,
Такимъ страшнымъ, какъ бы лютый звѣрь.
Тово очунь громкаго голосу
Испугалисе млады кнежевичи.
Сахадили онѣ со добрыхъ со коней;
110. Борисъ поклонилса въ ногу въ правую,
Глѣбъ поклонилса во лѣвую;
Во сълезахъ просили брателка родимоно:
„Ты прачти, прачти, братъ родимой нашъ,
По твоей по грамоти ѣдемъ къ тебѣ;
115. Ты прими, прими насъ сибѣ на дворъ,
Не ради-то ²⁾ насъ госьтей пріѣзжихъ-то,

¹⁾ Въмѣсто «онѣ на» *Собир*.

²⁾ Ради—въ качествѣ. *Собир*.

- Ради насъ людей странныхъ-то;
Возьми насъ во служители,
Мы будёмъ тебѣ день и ночь служить
120. Со твоима съ рабами наровнѣ.
Бери, бери отъ насъ въ подарокъ Кіевъ-градъ".
Не посмотряль злодѣй на прозбу братицей,
Бориса-князя-та мечомъ скололъ,
Глѣба-та-князя саблей голову срубилъ,
125. Бросилъ ихны тѣла пречистыя,
Бросилъ онъ ихъ во темныя во лѣса
Лѣснымъ звѣрямъ на пишшу-ту:
„Нате, лѣсныя звѣри, вамъ вѣдь кушенье“.
Самъ злодѣй, злодѣй милосливъ
130. На конѣ-ли на своёмъ по полю розгуливалъ,
Самъ злодѣй похваляйтце:
„Теперь нѣтъ у насъ во Кіеви
Двухъ вѣдь нѣту у меня младыхъ княжевичей.
Завладѣю славнымъ городомъ,
135. Завладѣю я градомъ Кіевомъ“.
Немного злодѣю удалось счесьливо жить.
За похвальнѣя рѣчи несчасье случилось:
По Божьему по велѣньюцу,
Посылаеть господь съ нѣба ангела;
140. Солеталъ съ нѣба ангель-оть,
Онъ ударилъ жезломъ да о сырью землю
Провалилсѣ злодѣй въ кромѣшной адъ
Со своимъ онъ зъ добрымъ канёмъ.
Лежали мошпы пречистыя,
145. Они лежали не годъ, не два же тутъ,
Они лежали трицеть лѣтъ,—
Не единъ звѣрь не прихаживалъ,
Не единъ хишной не заглядывалъ
На тѣ мошпы пречистыя
150. Ни(хъ) хранилъ господь Христось.

№. 5.

Страшный судъ.

1. По морю, морю синему,
По синему по морю по Хвалыньскому
Туда шли черныя карабли.
На тѣхъ на караблѣхъ съветые ангелы;
5. Насрѣчу имъ самъ Исусъ Христось,
Самъ Исусъ Христось да царь небесной свѣтъ:

- „Откуда идёте, свѣты аньгелы?“
— Мы были-то, Осподи, на вольнѣмъ свѣту;
Много чудно видѣли:
10. Соньцѣ-то красно на закатъ пошло,
Душа съ тѣломъ роставаласе,
Отшпедши душа прочь-отъ, плакала,
Подошла къ тѣлу, слово промолвила:
Прошшай, прошшай, тѣло бѣлоё!
15. Тебя, тѣло бѣлоё, во гробъ кладутъ,
Во гробъ кладутъ, въ земьлю несутъ
Червямъ тѣло на источеніе,
Земля-мать тогда тѣло 'на возьмётъ обратно въ земьлю же,
Землѣй тѣло розрушитца;
20. А миня, душѹ, на отвѣтъ ведутъ,
На отвѣтъ ведутъ да отвѣчать велятъ
Сѣмому Христу, царю небесному,
Судьи праведному да судьи жалосьливому.
Пострѣчаласе душа она съ самимъ Христомъ,
25. Душа сълезамъ обливаласе,
Въ сълезяхъ Христу она молиласе:
„Просьти, просьти миня, Осподи,
Ты просьти миня во всѣхъ грѣхахъ!“
Отвѣчаетъ самъ Исусъ Христосъ:
30. — Зачѣмъ, душа, жила на вольнемъ свѣту,
Зачѣмъ часа ты смѣртного въ уми не дярживала,
Зачѣмъ очю духовному не каеласе,
О своихъ грѣхахъ о тяжкихъ не плакала,
Не просила ты прошенья у миня, душа?
35. Вамъ нѣту прошенія,
Только есь всегда одно покáеніе.—
„Ишше господи, господи, ты Христосъ, Царь небесной, Бохъ!
Я много тебѣ согрѣшила-то:
Во перьвѣхъ я согрѣшила-то—
40. По темнымъ по лѣсамъ, дѹша, много хаживала,
Ись коровъ молоко я выкликивала,
Во сыроё кореньё выливывала ¹⁾;
Ишше, душа, пушше согрѣшила я—
По полюшкамъ, душа, много хаживала
45. И чужія поля, нивы роскладывала ²⁾,
Много скота въ нивы напускивала;
Что-жъ ишше душа Боху согрѣшила-то—
Непоправедно, душа, земьлю роздѣливала ³⁾;
Ишшо, душа, Боху согрѣшила-то—
50. По улицѣ, душа, много хаживала,

1) «Волхованіе знала». *Прим. пѣвицы.*

2) «Случаетца, роздѣрнуть, напусьтять и выкормить на вредъ». *Тоже.*

3) «Сѣнокосны нивы дѣлятъ верѣвками; случаетца, мало новѣму (т.-е. пному) даютъ». *Тоже.*

- Разныма бранема людей напрасно я ругивала;
Ишшэ душа Богу согрѣшила,—
По подбѣжкамъ, душа, часто хаживала,
Что видѣла, скажу я, не видѣла—скажу;
55. Ишшэ, душа, Богу согрѣшила-то—
Малѣхонького дитя своёго проклинала;
Ишшэ, душа, Богу согрѣшила—
По игрывшамъ душа много хаживала,
На разныя пляски душа плясывала;
60. Ишшэ душа Богу согрѣшила—
Ранны заутрени прогуливала,
Позды обѣдни пропывывала;
Ишшэ душа Богу согрѣшила—
Свадѣбу звѣрями овѣрчивала;
65. Ишшэ душа Богу согрѣшила—
Напиласе душа зелёного вина,
Самому Сатану чесь приносила тогда,
Со тѣго со вина душа пьяна была,
Померла та душа бесъ покаянїя,
70. Бесъ того попа, отца духовноho.—
„Теперь тебѣ, душа, мѣсто назначено,
Тебѣ мѣсто, душа, происподнѣй адъ;
Иди, иди, душа, прочъ, окаянная,
Окаянная душа, многогрѣшная!
75. Хорошихъ-то дѣлъ не творящая—
За то, душа, сибѣ адъ уготовала.“
Провалилась душа скрѣсь преисподнѣй адъ.
Вѣчно мучитце души, не отмучитце
За своё великое прегрѣшеніе.
-

II.

БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

А. М. Крюкова: №№ 6—7, 21—33.

М. С. Крюкова: №№ 8—9, 34—36.

Ө. Т. Пономаревъ: №№ 10—15, 39.

Г. Л. Крюковъ: №№ 16—20, 37—38.

А. И. Лыткина: №№ 40—41.

№№ 21—41 перепечатаны изъ „Бѣломорскихъ бы-
линъ“ А. В. Маркова.

№ 6 ¹⁾.

Алеша Поповичъ убиваетъ татарина.

- Ишше было во городи Кіеви,
Шше у ласкового князя у Владимира
Ишше было на дворѣ вѣдь три богатыря;
Проживали всё у князя у Владимира,
5. Оберегатели были красну Кіеву,
Шше тому-ли князю всё Владимиру,
Опраксеи-то же были Королевисьни,
Какъ любимой-то вѣдь князёвой племянѣнки,
Ишше душоцьки-то были Марѣы Митрѣвны.
10. Говориль-то тутъ казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець, казакъ, да сынъ Ивановичъ:
„Намъ вѣдь полно этта жить въ красномъ Кіеви!
Мы поѣдѣмъ-ко, братцы, во чисто полѣ“.
Они скоро же тутъ да собиралися,
15. Ишше скоро они тутъ да отправлялися,
Ишше сажались на добрыхъ же на своихъ коней,
На своихъ же коней на богатырьцькихъ;
Прѣѣзжали они да во чисто полѣ,
Розоставили шатры бѣлополѣтняны;
20. Они стали по чисту полю поѣжживать,—
Нечего же во чистомъ поли не наѣхали:
Не гусей-то, не лебедей,
Не пернясцятыхъ-то мелкихъ они утоцѣкъ.
Пристыгала ихъ-то въ поли ночка тѣмная,
25. Ночка тѣмна пристыгала, ночь осѣнная.
Шчо по утру-ту было, утру ранному,
По восходу-ту было сонця красного,
По закату-ту было луны свѣтлою:
У того-ли у старого стариньшины,

¹⁾ Былины подъ №№ 6 и 7 пѣвица переняла у дочери Марѣы, которая, въ свою очередь, заучила ихъ отъ работника Ортемія, родомъ изъ Мезенскаго края. № 6 пропѣтъ золотицкимъ голосомъ.

30. У того-ли всё у Ильи, Ильи Мурамця
Какъ забиль-то ёго конь да правой ножоцькой
Шчо о ту-ли о матушку сырú землю,
Шчо о тѣ-ли всё о камешки о сѣрья.
Пробужаитце Илья вѣдь отъ крѣпкѣго сну;
35. Онъ свѣждй водой ключовой умываитце,
Тонкимъ, бѣлымъ полотеньцѣмъ утираитце,
Онъ вѣдь смотритъ во трубочку подворную.
Тамъ вѣдь ѣздитъ тотаринъ на добромъ кони,
Величиной-то вѣдь тотаринъ какъ сильнѣй буторгъ;
40. Онъ вѣдь ѣздитъ, собака, похваляитце:
„Я приѣду же, приѣду ко бѣлымъ шатрамъ,
Отрублю я, отсѣку я буйны головы,
Роскинаю, розмечу я по чистú полю.
Я вѣдь только боюсь же старого стариньшины,
45. Я того-ли вѣдь Илья да боюсь Мурамця:
Шчо гремитъ-то про него слава великая,
Розошлась же эта славушка по всей земли,
Шчо вѣдь силой же Илья да весьма сѣльнѣй есь,
Во чистѣмъ же поли ёму смерть была не писана“.
50. Говорить-то тутъ Илья, да Илья Мурамецъ:
„Поѣжайте-ко вы, братцы, попровѣдайте.
Я пошлю развѣ Алѣшеньку Поповича:
Ишше сила у ёго да не противъ людей,
Не противъ будѣтъ Добрынюшки Микитича“.
55. Тутъ вѣдь скоро какъ Алѣшенька собираитце,
Какъ садитце онъ вѣдь всё да на добра коня.
Они сѣхались съ тотариномъ, ударились,
Ишше другъ друга до-больша не ранили.
Ишше сѣхались они да во второй же разъ;
60. Побѣдилъ-то тутъ Алѣшенька Поповиць младъ.
Какъ упаль-то тутъ тотаринъ на сырú землю,—
Не доѣхаль же до города до Кіева,
Не доѣхаль же, собака, онъ до князя до Владимера,
Какъ до душоцьки вѣдь Марѣы, Марѣы Митревны.
65. И скоро же они да собиралисѣ,
Какъ поѣхали они да въ красенъ Кіевъ градъ
Шчо ко ласковому князю ко Владимеру.
Какъ стрѣцяѣтъ князь Владимеръ онъ богатырей,
Собираѣтъ онъ на радосьти почесѣнъ пиръ.
70. Повелась вѣдь тутъ да славушка великая,
Какъ его-то цѣсь-хвала да богатырьская
О томъ объ Алѣшеньки Поповицьѣ.
-

№. 7.

Женитьба Дюка Степановича.

- Ай было во городи во Києви,
Ай у ласкового князя у Владимира:
Цясто посѣшшалъ, прїѣжалъ же къ ёму
Молодой бояринъ Дюкъ Степановиць;
5. Жилъ же у князя у Владимира,
Жилъ на двори равно полгода.
Придумалось Дюку Стѣпановичу,
А тому же богатою богатыни,
Съѣздить ёму же всё на родину
10. Ко своей къ родимой ко матушки.
Жилъ онъ у матушки два года.
Не бѣленька берѣзка къ земли клонитце,
Ишше нашъ-отъ вѣдь Дюкъ, Дюкъ Стѣпановиць
Падалъ вѣдь матушки въ рѣзвыі ноги:
15. „Ай же ты, родима моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Дай-ко-се мнѣ благословленьица
Съѣздить же мнѣ, богатою богатыни,
Тому же ли Дюку Стѣпановичу“.
20. Говорила ему родна матушка:
—Боѣъ благословитъ, цядо милоѣ,
Молодой бояринъ Дюкъ Стѣпановиць!
Ты у князя женись, хошь у боярина,
У купця же женись хошь у торгового.—
25. Говорить же бояринъ Дюкъ Стѣпановиць:
„Ай же ты, родима моя матушка
Не чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Есь у меня невѣста принасмотрѣная,
Есь у меня всё повыбраная,
30. Шьчо во томъ у мня во славномъ городи во Києви
У ласкового князя у Владимира—
Милая любимая племяненка,
Душоцька Марѳа, Марѳа Митревна“.
Собирають его слуги вѣрныя
35. Того же коня богатырьцького,
Надѣвають ему дорогой уборъ
И садять они Дюка на добра коня,
Рѣзвы-ти ножки въ стремена кладуть;
Провожаютъ-то Дюка Стѣпановиця.

40. По́ха'-ли бояринъ Дюкъ Стѣпановиць,—
Видѣли вѣдь молодця вѣдь сядучись,
Не видѣли дородного поѣдучись;
Тольке у Дюка курѣва́ стоитъ,
Курѣва же стоитъ, да дымъ столбомъ валить:
45. Ище матушку сыру землю потребало ¹⁾,
Быстрыя рѣцьки сколыхалисе,
Синее море сколыбалосе,
Лѣса-ти дремучи щевелилисе.
Ай во ту-же-то было ночку тѣмную,
50. Марѣушки-то чудной сонъ привидялсо:
Находить туця, туця грозная
Съ ту-ли со встоцьную стороноцьку;
Надошла эта туця, туця тѣмная
На тотъ-ли дворець она князѣвой.
55. Тѣмная-та туця россыпаласе;
Выпали исъ туци вѣтры буйныя,
Выпали исъ туци дожи частыя;
Розогрѣло, роспекло же красно солнышко.
Марѣушка скоро пробужаитце,
60. Горюцима слезами уливаитце.
И приходитъ къ ей дядюшко родимой-отъ,
Ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣевской;
И скоро отпираль двери на пятау.
Сидитъ она на стули рыта бархата,
65. Горюцима слезами уливаитце.
Входитъ Опраксея Королевисья,
Увидѣла Марѣу-ту Митревну... ²⁾
Какъ приходитъ къ ей Опраксея Королевисья,
Какъ приходитъ къ ей, ко Марѣы, Марѣы Митрѣвны,
70. Говорить же она скоро таковы рѣци:
„Шьчо ты, душоцька же Марѣа, Марѣа Митрѣвна,
Приуплаканы у тибя всё очи ясныя?“
Говорить же её дядюшка родимой-отъ,
Какъ родимой её дядюшка любимой-отъ,
75. Ишше ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣевской:
„Ты скажи-ко, скажи, Марѣа, сушшу правду мнѣ,
Ужъ ты цѣмъ же, Марѣушка, нездорова ты?“
—Ужъ ты гой еси, дядюшка родимой мой,
Ты родимой мой дядюшка, любимой мой,
80. Ишше ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣевской!
Какъ здоровьицѣ у мя оно постарому,

¹⁾ Сначала пѣвица пропѣла:

«Ишше матушка сыра земля сколыбаласе».

²⁾ До сихъ поръ пѣвица пѣла былинку напѣвомъ Терскаго берега, а далѣе стала пѣть «на Золотицкій голосъ».

- Все постарому здоровицѣ, попрержному.
Тольке видяла я вѣдь, дядюшка, всё цюдной сонъ,
Ишше цюдной сонъ я видяла, вѣдь дивной-онъ:
85. Надошло-то бутто туця, туця грозная
Какъ со ту-ли со востоцнюю стороноцкю:
Россыпалась, росходилась туця грозная
Шьчо надъ нашимъ надъ дворьцомъ да княженеськимъ.—
Ище князь сидить Владимиръ призадумалсэ,
90. Онъ повѣсилъ буйну голову
Со своихъ же онъ повѣсилъ съ могуцѣхъ плецей;
Прокатилисе изъ глазъ да горюцѣ слѣзы:
„Ужъ ты душоцка ты Марѣа, Марѣа Митрѣвна,
Ты любима же моя да ты племянѣнка!
95. Какъ какой же прѣдѣтъ непрѣтель къ намъ,
Приведѣтъ у насъ въ побѣду красѣнъ Кіевъ градъ,
Розорить меня, князя, со кнегиною“.
Опраксея-то стоитъ да умылѣитце:
—Не тужи-ко-се, моѣ ты красно солнышко,
100. Ишше ласковой Владимиръ-князь да стольне-кѣвской,
Этотъ сонъ-отъ передъ Марѣушкой самой передвидялсэ:
Какъ прѣдѣтъ на ей да женихъ свататце,
Какъ прѣдѣтъ на ей со сьвятой Руси;
Ище буйны-ти вѣтры—онъ вѣдь самъ на дворъ,
105. Ище цясты-ти дѣжди—твои слѣзы есь,
Краснымъ сонцѣмъ обогрѣло—тибѣ къ радосьти,
Какъ обрадуѣтъ тибя да большой радосью.
Ишше гдѣ-то есь у насъ богатая богатына,
Молодой же вѣдь бояринъ Дюкъ Стѣпановиць?
110. Не бываль же онъ у насъ равню два года,
Не писалъ же онъ намъ да скорой грамотки.—
Не успѣли же они да слова вымолвить,
Слово вымолвить они да рѣци выполнить,—
Ишше ѣдѣтъ же богатырь-отъ скорымъ гонцѣмъ,
115. Тутъ бѣжитъ скоро Олѣшенька вѣдь съ вѣстоцкой:
„Ужъ ты хой еси, ты красно наше солнышко!
Какъ прѣѣхаль къ намъ да ишше гось на дворъ,
Шьчо незваной-отъ у насъ да нежданой-отъ
Какъ ись той-ли изъ Индѣи богатыя,
120. Молодой же бояринъ Дюкъ Стѣпановиць“.
Недосугъ же тутъ Владимиру россиживать,
Недосугъ-то ёму долго розговоръ весѣти.
Онъ вѣдь скоро-то стрѣцязь вѣдь Дюка Стѣпановиця,
Онъ берѣтъ его за рученьку за правую,
125. Онъ ведѣтъ ёго въ полаты княженеськія,
Шьчо во тѣ-ли во гридьны столовыя.
Говорить же ишше молодой бояринъ-отъ,
Ишше тотъ-ли у насъ да Дюкъ Стѣпановиць:
„Не сажусь-то я къ тебѣ, да всё Владимиръ-князь;

130. Ты вѣдь дашь токо ¹⁾ подарокъ дорогой вѣдь свой,—
Тогда сяду я къ тебѣ на стулъ же твой,
Я на стулъ же сяду твой да рыта бархата,
Ты отдашь токо любимую племянѣнку,
Ты отдашь-то токо Марѣу, Марѣу Митрѣвну,
135. Ты отдашь же токо Марѣу за миня замужъ“.
Говориль-то тутъ вѣдь красно нашо солнышко,
Ишше ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣвской:
—Ты бери-ко, бери, Дюкъ да Дюкъ Стѣпановиць,
Ты бери-ко у мя Марѣу съ цесъти, съ радосъти.—
140. Шьчо приходитъ къ ею дядюшка родимой-отъ,
Ишше ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣвской:
„Ужь ты душоцька моя да Марѣа Митрѣвна!
Ты поди-ко-се, поди да ты въ замужесътво,
За молодого-то всё поди боярина,
145. За того-ли поди Дюка за Стѣпановиця“.
Стала Марѣушка ему да поклониласе:
—Какъ спасибо тебѣ, дяденька родимой мой,
Ужь ты ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣвской!
Ты умѣль же меня, дядюшка, спойть, скорьмить,
150. Ты умѣль же меня, дядюшка, замужъ выдать-то
Шьчо безъ драки же миня бесъ кроволитною,
На съвяту-ту миня Русь,—не за тотарина.—
Уредили Марѣу скоро въ дорогѣ платьѣ,
Въ дорого-то платьѣ ей, да платьѣ цвѣтнѣй:
155. Какъ цѣвнить-то будѣтъ платьѣ—не обцѣвнить будѣтъ.
Какъ повѣль же ей вѣдь дяденька родимой-отъ,
Какъ за ту же бралъ за рученьку за правую,
Какъ привѣль-то онъ вѣдь къ Дюку Стѣпановицю:
„Ужь ты гой еси, бояринъ Дюкъ Стѣпановиць!
160. Ты бери-ко, бери Марѣу съ цесъти, съ радосъти“.
Подаваль-то скоро Дюкъ, да Дюкъ Стѣпановиць
Обруцяльнѣй онъ перьстень-отъ со ставкой драгоцѣвною:
Какъ достать-то этотъ перьстень издалѣка былъ,
Со того-ли былъ со острова Буянова;
165. Подаренъицѣ вѣдь было короля-та всё,
Какъ того-ли короля да всё германьского,
Подарѣно было матушки родимою,
Какъ цесной вдовы Омельфы Тимоеевны.
Приходили мудреци, люди премудрыя,
170. Не могли-то обцѣвнить—какъ цѣвны не было.
Какъ вѣдь стали они скоро отпавлятисе
Шьчо во ту-ли вѣдь во Иньдею бохатую.
Провожаль-то ей брателко крестовой-отъ,
Шьчо крестовой-отъ брателко, названой-отъ,
175. Ишше тотъ же Добрынюшка Никитиць младъ;

¹⁾ Токо—если.

- Провожаль-то ей вѣдь старая старѣньшина,
Ишше тотъ-ли ей Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да всё Ивановиць.
Що завидѣли-то Иньдею боѣатую;
180. Ишше крыши-ти у ихъ да какъ огонь горять:
Какъ у Дюка-та вѣдь крыша была красна золота,
Кругомъ дому-ту текла рѣка медѣвая,
Какъ бѣжала-то вѣдь тутъ да золота руда.
У ихъ вѣлсѣ-то тутъ всё пиръ навесели,
185. Они пили, проклаждались трои сутоцьки.
Позабыла наша Мареа, Мареа Митревна,
Позабыла же она да красенъ Кіевъ градъ,
Позабыла же вѣдь дядюшку любимого,
Ишше ласкового князя всё Владимера,
190. Позабыла свою тѣтенку любимую,
Ишше ту-ли Опраксею Королевисьню,
Позабыла всѣхъ своихъ крестовыхъ братьицей.
Хорошо же ей житьѣ да прилюбилосе:
Ишше много-то у Дюка злата, сѣребра,
195. Ишше много-то у Дюка платья цвѣтного,
Ишше много-то у Дюка нянюшокъ-то, мамушокъ,
Ишше больше же того да сѣнныхъ дѣвушокъ.
Какъ пошла-то ихна жисъ очунь счастливая.

№. 8 ¹⁾.

Женитьба Пересмякина племянника.

- Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У князя у Владимера
Быль у ево боѣатырь Пересмяки родной племянничокъ.
Хорошо онъ стояль за вѣру православную,
5. Оберегаль-то онъ князя со кнегиною,
И весьма жа любилъ въ мореходствѣ ходить.
И однажды, при собранѣ пирѣ же ево,
Говорилъ онъ вѣдь князю таковыя слова:
„Што жъ ты, ласковый князь Владимиръ!
10. Нагрузи мнѣ-ка чѣрны карабли
Тимѣ-ли товарами руськими.
Я схожу во тѣ земли невѣрныи“.
Говорилъ ему князь Владимиръ таковыя рѣчи:
—Что жъ, удалой доброй молодець!

¹⁾ Эту былинку пѣвица переняла отъ одной золотицкой старой дѣвушки.

15. Тебя уволить ли дяденька родимой твой
Пересымака сынъ Васильевичъ?—
„Что жъ ты, ласковой Владимиръ стольнѣ-кѣвской!
Давнымъ-то давно дяденька согласенъ на то“.
Нагрузили тогда чѣрны караблі
20. Тима-ли товарами руськими.
По ево-ли судьбѣ несчастною,
Подули-то вѣтры-я способные;
Чуть отошолъ онъ на синѣе на морѣ,
Подули-то вѣтры неспособныя
25. Со тѣхъ острововъ Милитрискихъ;
Потомъ же подули съ невѣрныхъ земель.
Приносило его къ славну городу,
Къ славну городу къ Царюграду.
Роспродавъ всѣ товары-ти руськія,
30. Напринималъ-то товаровъ заморскихъ;
Пошолъ онъ обратно въ красной Кіевъ градъ.
Подули-то вѣтры неспособны для ево,
Накатилисе съ моря волны морскі;
Понесло судно по вѣтру туда,
35. На тѣ-ли на пѹстыя на острове
Забросило на пѹстыя на острове,
Дѣ жа жили 'дны камышнички,
По нашему, по руському разбойнички.
Вся ево дружиночка хоробрая погинула.
40. Наѣхали на нихъ разбойнички,
Отобрали всѣ товары заморскіа.
Онъ же молодой бохатырь-отъ
Находился онъ безъ чувствія.
Красота ево пондравилась имъ,
45. И сжалѣлись, не сказънили буйной головы,
Принесли ево бережно въ свой же домъ,
Повалили ево на кровать на кисовую,
На мяккую периночку пуховую,
Старались ево они въ чувство привесъти.
50. Чересъ трой-ти сутки онъ упомнилсѣ,
Почувствовалъ себя онъ вѣдъ здраво.
Роспросили они о природѣ ево;
Постановили ево атаманомъ надъ всимá.
Онъ вѣдъ жилъ на пѹстомъ островѣ пять же лѣтъ.
55. Много печаловались во Кіевѣ.
Ишше вездѣ-то ѣздили бохатыри, розыскивали;
Нихто не могъ нигдѣ, ни въ какой странѣ найти.
Во славномъ-то городѣ въ Христінѣ было,
У того-ли у князя Херестинского,
60. Что была у ево дочерь любимая ево,
Что вѣдъ та-ли Марфида-княжевисьня.
Она весьма любила по мѹрю гулять;

- Когда же вѣдь море утишитца,
Её возили всегда ихны боһатыри.
65. И въ одно же то время не случилось неково.
Она взела-то въ собой двухъ подружекъ своихъ,
Поѣхала по морю гулять.
По еѣ-то судьбѣ по несчастной по еѣ,
Подулъ-то вѣдь вѣтеръ сильнѣя въ морѣ.
70. Откачало-то лодку отъ города ихного,
Понесло ей на Мелетрѣйски острова;
Несло же еѣ трои суточки.
Въ Херестинѣ-то городѣ треложились объ томъ:
Много же ѣздило въ плаванье въ морѣ,
75. Тѣ-ли херестинскія боһатыри;
Не могли еѣ догнать же негдѣ;
Воротились съ извѣстїемъ князю же онѣ,
Не нашли негдѣ вѣдь маленькой кнежевыни они.
Приносило еѣ къ Милитрискимъ островамъ.
80. Набраласе волновъ полна лодка у нихъ.
Увидали разбойнички,
Они скоро 'бъ томъ вѣдь въ лодку собиралисе,
Прѣѣжжали скоро къ лодкѣ онѣ.
Подруги еѣ испугалисе,
85. Безъ сознанія въ воду пометалисе,
Она же сълезамы обливаласе,
Ише та-ли вѣдь млáда кнежевичня.
Оны стали у еѣ выпрашивать;
„Ты которой землц, какой украинѣ?“
90. Она же ничево не сказала никому,
Горючима слезамы уливаласе.
Повели онѣ во свой же еѣ домъ,
Долѣжили объ томъ скоро боһатырю,
Пересѣмякину роднѣ племянничку.
95. Приказаль ей завесѣти въ ево комнату,
Приказаль еѣ улѣжить на перину-ту,
Приказаль же имъ удалитце отъ нихъ,
Приносиль онѣ вѣдь скоро ключевой же воды,
Поливаетъ красну дѣвицу онѣ.
100. Тогда же заснула прїятнымъ нѣжнымъ сномъ.
Почевала она трои суточки.
Некоho онѣ не приглашалъ заходить,
Самъ же онѣ всё насматриваль еѣ.
Тогда же дѣвица пробуждаласе,
105. Таковы рѣчи она себѣ сказала:
„Я вѣдь гдѣ, гдѣ нахожуся сейчасъ?“
Услыхаль тогда боһатырь еѣ,
Заходилъ же онѣ во комнату къ еѣ,
Вѣжливо-то, низко поклонилсѣ еѣ:
110. —Моя же судьба одинокая съ тобой.

- Почему же судьба привела насъ съ тобой?
Ты скажи мнѣ-ка, дѣвица, сушшу правду же,
Исѣ какой землѣ скажи, города,
Исѣ села скажи, деревни же мнѣ?—
115. „Херестина, славна города я,
Я тово же вѣдь князя дочь любимая ево.“
Приходили тогда скоро камышнички къ ему:
„Ужъ ты ласковой атаманъ же ты нашъ!
Какъ тепере дѣвица во твоихъ она рукахъ:
120. Ты куда еѣ хошь, ты туда же дѣвай“.
—Я возьму, возьму еѣ родной своей сестрой.—
Прошло тому времени три же годѣ.
Онъ вѣдь началъ тутъ скоро выдумывать,
Какъ бы вѣдь съ острова убѣжать же имъ.
125. Одѣнитце гулять—и еѣ съ собою бралъ.
Усмотрилъ же онъ скоро, выгледѣлъ;—
Некакъ нельзя же уѣхать на лошадахъ,
Только нужно уѣхать во лодкахъ однѣхъ.
Однажды набралъ много золотой съ собой казны,
130. Подсмотрялъ, что разбойнички заспали всѣ.
„Ужъ ты ой еси, княжевна,
Что жъ ты душечка Марфида-княжевна!
У меня-то съ тобою одна же судьба.
Поѣдемъ-ко мы по синѣму по морю.“
135. Пали-то вѣтры способныя для нѣхъ,
Приносило-то ихъ къ Харастѣны—городу,
До городѣ только за петь-то версть.
Тутъ же стояла избушка пуста совсѣмъ,
Въ той-то избушки одинъ человекъ жилъ,
140. Потому же отапливалъ еѣ.
Што приѣзжали херестинскіе бохатыри туда,
Провѣдывали про млѣдую княжевну завсегда.
И вскорѣ бохатыри наѣхали туда,
И какая то радость сучиниласе у нихъ!
145. Увидали въ живыхъ млѣду кнежевну свою:
„Ты скажи, скажи, млѣдая кнежевна нашѣ,
Какой человекъ съ тобой находитце?“
—И этотъ человекъ—киевскій бохатырь-этъ могучъ
Пересѣмякинъ-этъ племянничокъ.—
150. Ише скоро 'ни поѣхали въ Херестинъ, славной городъ-отъ
И дали вѣсь они впереди себя вѣдь князю,
Что вѣдь ѣдетъ вѣдь дочь млѣдая ево.
И князь-этъ ихъ стрѣтилъ весьма-очунъ хорошо.
Пировали у нихъ чѣлой мясець онъ.
155. Какъ тогда же Пересѣмякинъ племянничокъ:
„Ужъ ты ой еси, князь Херестинской землѣ!
Когда спасъ я твою дочь отъ смерти еѣ,
Ты тепере надѣлай же меня.

- Нечево мнѣ ненадоть въ награду отъ тебе,—
160. Я жалаю же взять твою любиму дочь,
Къ себѣ же жалаю во супружество.
Наша судьба соединилась съ ей.“
Что вѣдь князь-этъ на то пожалалъ же къ нему.
Онѣ скоро златыма персьнями помѣнялись съ еѣ.
165. Нагрузили онѣ черны кáрабли,
Отправились они въ славный Кіевъ градъ,
Приняли съ еѣ по златому по вѣнцу.

№. 9.

Рында.

- Во славномъ во городи во Европійскомъ
Жилъ-то князь тогда Арѹбъ очунь бохатыс.
Много имѣлъ онъ у сибя разныхъ бохатырей,
Пріѣзжали отовсюль къ нему бохатыри.
5. У нево же дочь была младá кнежевна-та,
Младая кнежевна-та Минерва.
Что вѣдь здумалось
Что вѣдь славному бохатырю-ту Рындѣ же
Посмотрять на роскозь, на богатство то,
10. На тѣхъ-ли на бохатырей на сильнѣихъ.
У нево было, у князя, такіе обычай-этъ
Ко крыльцо-то подѣбжкать ко кнеженескому,
Роскладывать полатки разныхъ шелковъ.
Увидалъ всегда-то князь да посылалъ же къ нимъ,
15. Посылалъ же нимъ одного-то бохатыря-та сильнѣго,
Что жъ тоно-ли бохатыря-та Орму-ту,
Чтобы онъ всегда съѣхалсэ, ударилсэ,
Узнавалъ чтобы, которой-этъ бохатырь имѣть силушку великую,—
Тѣхъ запускалъ-то онъ ко князю на широкой дворъ,
20. Заводилъ ко князю во гривни во свѣтлы;
Онъ вѣдь бралъ себѣ въ число да во бохатырей—
У нево же было всего три ста бохатырей.
Ишше зачалъ Рында жить да при двори ено.
Онъ вѣдь жилъ у ево да ровно семь же лѣтъ;
25. Возлюбилъ же князь, поставилъ надо всима-то старшимъ-то.
Что жъ прошла-то тогда славушка по всей земли,
Что жъ по всей земли да по всѣмъ дальнимъ городамъ,
Что жъ вѣдь есь Рында въ Европи очунь сильнѣй-отъ.
Доходила эфта славушка до князя до Крусива-та,
30. До Крусива-та князя земли Крусинскія.
Что вѣдь зачелъ князь скоро снарежатисе:

- Приказалъ онъ собирать-то своево добра коня,
Добра коня своего Воронёюшка,
Приказалъ убрать коня да въ дорогой уборъ.
35. Онъ вѣдь далъ извѣсьтiе родной сестрѣ,
Что прекрасной кнежевнѣ-то Флоридѣ:
„Что поѣду я ко Рындѣ ко бохатырю,
Повидаю я бохатыря-то славного;
Есѣли я ево побѣжу, дакъ ево съ собой возьму,
40. Привезу ево во свой Крусивъ да славной городъ-отъ;
Есѣли онъ меня побѣдитъ, дакъ я останусе.“
Роспрошшалсѣ онъ съ сестрицею съ родной своей.
Не видѣли они ево да поѣжжаючись,
Только видѣли ево да снарезаючи.
45. Приѣжжаеть онъ въ славной городъ-отъ.
Увидали всѣ бохатырь' у князя на ево дворѣ,
Доносили скоро Рындѣ-ту бохатырю.
Онъ вѣдь съѣхалсѣ-то скоро Рында-то,
Они съѣхались вѣдь съ имъ, скоро ударились;
50. Сабли вострыя у нихъ да приломалисе,
Онъ другъ друга-та дѣ-больша не ранили.
Во второй же разъ вѣдь Рында съ нимъ вѣдь съѣхалсѣ;
Востры копыца у нихъ да приломалисе.
Какъ тогда сказалъ вѣдь Рында таковы рѣчи:
55. „Намъ довольно сегодняе да будетъ битвы-то!
Поутру же мы съ тобой повоюймсе,
Повоюймсе тогда съ тобой, побратаюсь.“
У Крусива-то была съ собой карта дорожная ¹⁾.
Приѣжжаеть тутъ Крусивъ къ кнежевнѣ-то,
60. Что ко той-ли онъ къ Минервѣ-то,
Когда стояла кнежевна въ зеленѣомъ саду;
Подаётъ же онъ её карту дорожную:
„Ты прими, прими, кнежевна-та премладаи,
Прими же мою карту-ту дорожную,
65. Для моёно всѣ знакомства-та,
Что знакомая была съ князёмъ Крусивомъ-то.“
Принела тутъ съ удовольсьвiёмъ кнежевна-та Минерва-то,
Она прочтiла всѣ въ карты славны города,
Увидала въ карты славной городъ-отъ Крусивъ-то всѣ;
70. Призываетъ скоро бохатыря къ себѣ Рынду:
„Дай, дай, дай мнѣ-ка совѣта, Рында же,
Мнѣ принять ли эту карту-ту, держать её,
Мнѣ держать ли, не держать ли, ты скажи же мнѣ.“
—Неприлично тебѣ будётъ держать ево карту-ту,
75. Не чесь тебѣ будётъ княженеськая держать её.—
„Хорошо, Рында же, я эфто здѣлаю,
Отошлю же я обратно всѣ поутру,

¹⁾ По словамъ А. М. Крюковой, у него былъ *шарфъ*.

- Не могу я удержать ево дорожной карты-то.
По утрѣ-ту, утру ранному,
80. По восходу соньца красного
Рында рано очунь утромъ пробуждаитце,
И пошоль скоро онъ во садъ Минервинъ-отъ,
А Минерва-та ево давно вѣдь ждѣтъ стоять:
„Я вѣдь сейчасъ же принесла карту Крусиву-ту,
85. Что тоно вѣдь князя подареньицо.“
Она взела-то ево карту въ ручку правую,
Поднела её, чтобы видѣль онъ.
Увидаётъ князь, скоро подѣжгать къ её.
„Не жалать, вѣрно, держать моего всё подарка-то.“
90. „Вѣрно, есь у васъ въ Европи поединьшичокъ
За тебя же, младая кнежевна?“
Вскорѣ, вскорѣ Рында на конѣ сидѣль,
На конѣ сидѣль: вѣдь конь ено унаряженой,
Унаряжонъ ено конь, всё убранъ же
95. Какъ и тѣмъ всё уборомъ бохатырскимъ-то.
Онъ крычалъ, зычалъ привычнымъ голосомъ:
„Поѣжжай ко мнѣ вѣдь, князь, на поединокъ-отъ.“
А у князя у Крувина-та.
Не лютоё-то зельё розгорѣлосе,
100. Бохатырская-та кровь да роскипѣлосе,
Лѣпета въ его лица скоро смѣнилосе,
Могучи плечи ево росходилисе.
Онъ скакаль скоро на своево на добра коня.
Скоро, скоро они съ Рындой съѣхались,
105. Они съѣхались-то съ Рындой, приударились.
Они перьвой разъ-то съѣхались, ударились,—
Востры копыця у ихъ приломалисе;
Во второй же разъ опять они съѣхались —
Востры сабельки у ихъ да приломалисе,
110. Одинъ одного дѣ-больша не ранили.
Какъ тогда же они начели рукопашной бой,
Трой суточки онѣ да не пивали-то,
Не пиваючись онѣ да не ѣдаючись,
По колѣнъ въ землю онѣ въ матушку втопталисе.
115. Наконецъ-то побѣдилъ князь Крусивъ Рынду-ту,
Отобралъ онъ ево сбрую лошадиную,
Самого ево бралъ садилъ да на добра коня,
Повѣзъ, повѣзъ ево да во свою землю,
Во Крусивъ-то, славной городъ-отъ.
120. По дорогѣ-то Крусивъ съ имъ розговариваль:
„Не тужи объ томъ вѣдь, Рында, не плачь же ты!
У миня-то будѣшь жить въ Крусиви, славномъ городи,
Не за плѣнника-то будѣшь, не за раба служить,
Ты вѣдь будѣшь у мѣня мѣсто брата родимого.“
125. Не видалъ же Рында, какъ время скоро прокатилосе,

- Увидали-то онъ Крусивъ да славной городъ-отъ,
Заѣжали во Крусивъ да славной городъ-отъ.
Крусивъ-отъ всё вѣдь Рынды выговаривалъ:
„Ужь ты ной еси вѣдь, Рында всё бохатырь-отъ,
130. Ты бохатырь-отъ вѣдь Рында очунь сильнѣя!
Ты зайди, зайди теперь ко мнѣ въ высокой домъ,
Во моё теперь владѣннѣ кнеженескѣю.“
Увидали-то въ Крусивѣ, славномъ городи,
Увидали-то, што ѣдетъ князь вѣдь живъ, здоровъ,
135. Скоро всё бохатыри очень важливо ево стрѣтили.
Заходилъ же во гривни во свѣтлыя,
Приказалъ одѣтъ вѣдь Рынду-ту бохатыря,
Какъ одѣтъ ево въ платье цвѣтнѣю.
Какъ во цвѣтно платье дорого ево,
140. Приказалъ же собирать онъ пиръ на радѣсти.
На пирахъ-то вѣдь весьма много народу собиралосе,
Много отовсюль ко князю съѣзжалосе,
Пили, кушали онъ да веселилисѣ
О прѣзди ёго, князя всё Крусива-та.
145. Хорошо-то шолъ вѣдь пиръ у ихъ навѣсели.
Красно солнышко пошло у ихъ ко западу,
Ко западу пошло да ко закату;
Всѣ на пиру тутъ напивалисѣ,
У его же на почестномъ наѣдалисѣ.
150. Бохатырь-отъ захвасталъ своей силушкой,
Купецъ-отъ захвасталъ всё свѣей золотой казной,
Умной-отъ захвасталъ рѣднымъ батюшкомъ,
Розумной-отъ захвасталъ рѣдной матушкой,
Глупой-отъ захвасталъ молодой женой,
155. Неразумной-отъ захвасталъ молодой сестрой.
А Крусивъ-отъ князь сидитъ, ничѣмъ не хвастаетъ.
Онъ вѣдь взялъ-то Рынду за правую за рученьку,
Онъ повѣлъ ёго по своимъ по свѣтлымъ гривинамъ,
По тѣмъ-ли по полатамъ кнеженескѣимъ;
160. Приводилъ ево во первую полату,
ѣдѣ сидѣла птица попунай ево,
Во клѣточки сидѣла во серебряной,
Котора вѣдь говорила голосомъ человѣческимъ,
Предсказывала-то всё счастье князю,
165. Предсказывала во путяхъ и во дорогахъ.
Во втору завѣлъ полату кнеженескѣю;
Тутъ сидѣлъ же соловей, да птица вѣшшная;
Она пѣла ему пѣсьни всяки-разныя.
Во третью-ту завѣлъ въ комнату кнеженескѣю,
170. ѣдѣ-ка было у ево выдѣлано,
Что двѣнадцать музыкантовъ тончѣвало,
И двѣнадцать съ нимъ да тутъ домъ же тутъ ¹⁾).

¹⁾ Такъ пропѣла пѣвица. *Собир.*

- Обказалъ всё богасьво всё Рынды-то,
Онъ вѣдь вѣводилъ да всё росказалъ ему;
175. Привѣлъ въ комнату тогда ево къ родной сестрѣ,
Ко родной сестрѣ ево да ко Флоридѣ:
„Ужъ ты кой еси, родна сестра,
Ты родна сестра кнежевна!
Этотъ бохатырь-этъ—Рында очунь славные.“
180. Онъ вѣдь жилъ-то тутъ у князя ровно полгода.
Замѣчатъ же сталъ Крусивъ, что очунь скучнѣй сталъ,
Очунь скучнѣй сталъ да онъ блѣдой же сталъ.
Созвалъ однажды Крусивъ ево гулять ити;
Они долго съ нимъ въ зелѣномъ саду гуляли;
185. Онъ вѣдь сталъ ево тогда Крусивъ выспрашивать:
„Отчево тебѣ у насъ да нездоровитце?
Ты скучашь, навѣрно, о своей странѣ,
О своихъ ли о товарищахъ-бохатыряхъ?“
—Вотъ повѣдаю тебѣ, князь, всю правду-ту,
190. Роскажу я тебѣ отъ всего сердца усердно-то:
Нечего я у тебя въ твоёмъ городи не соскучилсъ,
Хорошо у тебя житье твое мнѣ нравитце;
Ты во томъ же, князь, вѣдь самъ виновенъ:
Ты зачѣмъ показалъ мнѣ-ка роднѣ сестру,—
195. Объ еѣ-то я самъ и хвораю всегда,
Я хвораю всегда объ еѣ, всё блѣденъ же.
Тибѣ-то я желаю слово молвити,
Не желашь ли ты руки отдать родной сестрѣ?—
Тогда сталъ-то Крусивъ на свои же онъ рѣзвыя ноги
200. И бралъ онъ Рынду за рученьку за правую:
„Обожди же, Рында, я пойду сейчасъ,
Я пойду сейчасъ скажу родной сестрѣ.“
Приходилъ тогда Крусивъ скоро къ родной сестрѣ:
„Родна сестра моя да моя милая!
205. Я приполъ сказать тебѣ-то вѣсь нерадосьню:
Рында всё вѣдь просить руки твоей;
Не желашь ли ты за Рынду дакъ слати же мнѣ?“
—Ужъ ты кой еси, мой брателко родимой мой!
Что жъ бохатыри вѣдь—жители невѣчныя:
210. Они сегодня есь, завтра уѣдутъ-то;—
Тогда останесье отъ ево сиротовать въ молодыхъ лѣтахъ.—
„Я возьму такую съ ево клятву-то.“
—Дакъ твоя-та теперь воля,—какъ вѣдь самъ жалашь;
Я даваю на твоѣ распорезеньице.—
215. Приходилъ тогда Крусивъ да скоро къ Рынды,
Говорилъ же онъ ему да таковы рѣчи:
„Дай же мнѣ, Рында, слово такой бохатырьскоѣ—
Не уѣзжать чтобы изъ нашего города,
Не покинуть чтобы тебѣ теперь родной сестрѣ.“
220. Далъ вѣдь Рында слово такой съ клятвою

- Не уѣзжать болѣ исъ Крусива, славна города.
Отдавалъ скоро за ево онъ роднѹ сестру;
Они принели съ еѣ да по златѹ вѣнцу.
Онъ же жилъ съ еѣ да ровно полгода;
225. Заскучалъ же онъ весьма да объ товарищахъ.
Онъ сталъ тогда просить князя Крусива,
Чтобы съѣздить тогда ему обратно къ товаришамъ на свиданьицо.
„Какъ не выстоялъ ты, Рында, во своёмъ словѣ,
Измѣнилъ своё вѣдъ слово бохатырьское!“
230. Заплакала тогда ево да молода жена:
„Подумай ты же, Рында,—
Оставляешь ты теперъ одну сечась ¹⁾;
Посылѣ своёго ты отъѣздица
Ты будѣшь скоро въ отцахъ, а я въ матушкахъ.“
235. —Что жъ ты ной еси, моя супруга ты!
Что премилая моя кнежевна Флорида!
Возрашпущь же я къ тому да порѣ-времению.—
Не могла же какъ упрѣсить ево молода супруга;
Нечево это онъ ей на рѣчи не здавайтце,
240. Въ путь-дорогу онъ скоро собирайтце,
Со своей же онъ супругой распрощаитце.
Какъ она ему на прощаньицы слово молвила:
„Ты поѣдѣшь въ путь, мой дорогой супругъ,—
Ты возьми въ собою карту всё дорожную;
245. Бесъ карты у меня брателко не ѣздить-то.*
Не взялъ онъ у еѣ карты дорожною;
Обонадѣялсѣ онъ на свою на хитрось-ту.
Онъ приѣхалъ-то ко князю, ко товаришамъ;
Побылъ онъ у нихъ мясець-оть,
250. Сталъ же въ путь-дорогу собиратце-то;
Онъ вѣдъ спомнилъ, не забылъ супругу-ту,
Еѣ же онъ да наказаньицо.
Онъ поѣхалъ, со товаришцами распростилсѣ жо.
Сколько во темныхъ лѣсахъ не ѣздилъ онъ,
255. Онъ не могъ найти себѣ пути-дороги;
Сколько не блудилъ Рында же, не ѣздилъ,—
Воротилсѣ онъ обратно-то къ товаришамъ.
Потужилъ же онъ, поплакалъ,—дѣлать нечево...
.....
(Конца не записано, хотя пѣвица знала всю старину).

¹⁾ До сихъ поръ пѣвица пѣла старину на мезенскій голосъ а съ этого стиха она стала пѣть напѣвомъ Г. И. Крюкова.

№. 10.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

- А зъбирайтѣ Илеюшка, собруняйтѣ:
Онъ сѣдлатъ-то, уздаѣ коня доброго,
Онъ накладывалъ уздѣцю всё тисьмяную,
Ай намѣтывалъ сѣдѣлышко чиркальской,
5. Да засѣтегивалъ двѣнадцать вси подпружины,
Ишше тѣ же подпружини чистого серебра,
Ай засѣтегивалъ двѣнадцать вси съпенѣчки,
Ишше тѣ же шпенѣчки красна золота,
Да не для-ради красы, ради крѣпосъти,
10. Ишше для-ради окрѣпушки богатырскія,
И ли для-ради приправушки молодецкія,
Ай булатъ-отъ-желѣзо не поѣритѣ,
Самохиньской-о шолкъ да у меня да не поѣритѣ,
Красно золото въ грезѣ не поржавѣтъ.
15. Ишше клалъ перьву заповѣдь великую:
„Прикавать мнѣ-ка палеца боѣвая
Ай во томъ же во городѣ во Муромѣ,
Не отковывать до города до Кіева“.
Ишше клалъ втору заповѣдь великую:
20. Приковалъ-то онъ свою саблю вострую
Ай во томъ же во городѣ во Муромѣ,—
Не отковывать до города до Кіева.
Ишше клалъ третью заповѣдь великую:
Приковалъ-то онъ всю зброду богатырскую
25. Ко тому-то ко стремени ко булатному
Ай во томъ-то во городѣ во Муромѣ,—
Не отковывать до города до Кіева.
Только видѣли Илеюшку собираюцись,
Не видѣли поѣздоцьки Ильи Муромца;
30. Только видѣли—во полюшки куревушка вѣтъ.
Да какъ ѣде де Илеюшка по чисту полю,
Онъ и ѣде ко городу да ко Чижену.
Обступала кругомъ-то города Чижена
Обступала де кругомъ-то сила невѣрная.
35. Ишше сталъ тогда Илеюшка наворачивать
А на ту-эту силу-орду да невѣрную.
Ишше самъ говорилъ тогда таково слово:
„Ты просьти миня, Восподь-Боѣ въ перьвой вины:
Приковалъ-то я свою да палецю боѣвую,
40. И клалъ-то я вѣдь заповѣдь великую
Не отковывать до города до Кіева.
Да просьти миня Восподь-Боѣ во второй вины:

- Приковаль-то я свою-ту саблюю вострую
Ай во томъ я во городи во Муроми,—
45. Не отковывать до города до Кіева.
Да просьти миня Восподь-Богъ во третьей вины:
Приковаль-то я всю збрудушку богатырскую
Ко тому я ко стремени ко булатному,—
Не отковывать до города до Кіева.
50. Отвались ты, моя збрудушка богатырская
Отъ того жо ты отъ стремени отъ булатного.
Отвалилась вся вѣдь збрудушка богатырская
Отъ того-то де отъ стремени отъ булатного.
Ай берётъ тогды Илеюшка саблюю вострую,
55. Ишше сталь тогды на силушку наворачивать;
Ай присѣкъ-то онъ тотарь всихъ до единово,
Не оставилъ онъ единого ихъ на сѣмяна,
И пріѣхалъ самъ во городъ-о во Чиженской.
Собрались мужики-ти города Чижина,
60. Собралисе мужики они во Божью церковь,
Ишше сами говорили таково слово:
„Ай кого намъ вѣдь послалъ, видно, Восподи аньгела,
Видно, намъ послалъ господь арханьгела,
Или руського могучого намъ богатыря?“
65. Говорили мужики города Чижина:
„Ужъ ты ной еси, дородней ты доброй молодець!
Ты поди-тко, молодець, во Чижени царёмъ цари,
Ты поди-тко-се во Чижени хотъ купчомъ слови,
Ты поди-тко-се во Чижени хошь и такъ живи“.
70. Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромецъ:
— Не хочу у васъ во Чижени я царёмъ царить,
Не хочу-ли я во Чижени купчомъ жа слыть,
Не хочу я во Чижени у васъ такъ я жить;
То скажите про дорожку прямоѣжжую,
75. Ай куда же мнѣ-ка ѣхать въ красенъ Кіевъ-градъ?—
Говорили мужики-ти города Чижина:
„Ай окольня-та дорога ѣхать будѣ три года,
Прямоѣжжа-та дорога ѣхать—три мѣсеца.
Ишше есь только три заставушки великія:
80. Ишше перьва-та заставушка—лѣсы тѣмныя,
Ай втора-та вѣдь заставушка—грязи чѣрныя;
Ишше третья есь заставушка очунь великая:
Ишше есь только рѣченька Смородина,
А у рѣченьки есь Солобьюшко Рахманистой ¹⁾);
85. Ай сидить Соловей на девети дубахъ;
Ай не конному, не пѣшому тутъ проходу нѣтъ,
Нѣтъ—не ясному-ту соколу пролѣту нѣтъ,

¹⁾ Во второй разъ пѣвецъ пропѣлъ такъ:
«Дальше есь Соловеюшко да Рахманистой».

- Ай не руському богатырю проѣзду нѣтъ“.
- Говорилъ восударь тогды во второй наконъ,
90. Говорилъ восударь Илья во третей наконъ:
—Вы скажите, мужики города, брюшинники,
Ай куда же мнѣ-ка ѣхать въ красенъ Кіевъ-градъ?—
Говорили мужики ему во второй наконъ,
Говорили мужики ему во третей наконъ:
95. „Тутъ кругомъ ѣхать дорожка будѣ три года,
Прямоѣзжая дорожка ѣхать—три вѣдь мѣсеца;
Только есь три заставушки очунь великія:
Ишше перьва заставушка—лѣсы тѣмныя,
Ай втора-та заставушка—грязи чѣрныя;
100. Ишше третья-та заставушка очунь великая—
Только есь Соловеюшко Рохманистой“.
Да Илеюшки пришло тогды дѣлать ему нечево;
Ай поѣхалъ по дорожки прямоѣзжія.
Да пріѣхалъ де Илеюшка ко темнымъ лѣсамъ,
105. Сошолъ-то Илеюшка со добра коня;
Ишше лѣвой-то рукой онъ вѣдь коня ведѣтъ,
Ишше правою рукой онъ дубѣе рвѣ,
Онъ дубѣе-то рвѣ, только тутъ мосъ мосѣтитъ,
Да поѣхалъ ту заставушку тѣмны-дремучія,
110. Онъ поѣхалъ де вѣдь грязи онъ какъ чѣрныя.
Ай скакалъ скорѣ Илеюшка на добра коня,
Да какъ ѣдѣ онъ ко рѣченъки ко Смородины:
Черезъ рѣчку нѣту мелкого переброду же,
Ище нѣту какъ вѣдь узкого перескоку же;
115. Только есь черезъ рѣченъку калиновъ мосъ.
У того же вѣдь у мосѣтика у калинова
Ай сидѣлъ Соловеюшко Рохманистой,
Ай сидѣлъ Соловеюшко на девети дубахъ.
Зашипѣлъ Соловеюшко позъмѣиному,
120. Закрычалъ Соловей побогатырьскому,
Заревѣлъ онъ, засъвисѣлъ посоловьиному;—
Ишше мать сыра земля подъ имъ потрясаласе;
Подъ Илеюшкой конъ подъ имъ потыкайтце.
Онъ выдѣръгивалъ втипоръ плѣтку семишолкову,
125. Ай сътегалъ де онъ коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужъ и волчья ты сытъ да травяной мѣшокъ!
Не слыхалъ развѣ съвисту ты соловьего,
Не слыхалъ ли шипотку вѣрно зъмѣиново,
Не слыхалъ развѣ рѣву да звъѣриново,
130. Не слыхалъ развѣ крыку-ту богатырсково?“
Да отковывалъ Илеюшка тугой лукъ розрывчивой;
Ай кладѣтъ свою стрѣлочку калѣную,
Да ко стрѣлоц(ч)ьки своей онъ приговаривалъ:
„Ужъ и стрѣлочька, стрѣла моя калѣная!
135. Ты не падай, моя стрѣлочка калѣная,

- Ай не на воду пади-тко-се, стрѣла, не на землю,
Ай пади-тко-се Соловьёшкѣ, стрѣла, во правой глазѣ“.
Полетѣла де ёго стрѣла калёная,
Ай не на воду-ту пала она, и не на землю,
140. Только пала де Соловьёшкѣ она во правой глазѣ;
Полетѣлъ Соловей со девети дубовъ,
Упалъ Соловей-отъ на сыру землю.
Приковалъ ёго ко стремени ко булатному,
Онъ повёзъ Соловеюшка во Кіевъ-градъ.
145. Да какъ ѣде по мосточку по калинову,—
Увидали у Соловьёшка дочери любимыя;
Ай больша-та говорила: „ѣдѣ у насъ батюшко,
Ишше батюшко-то ѣдѣ, мужика везѣтъ“.
Говорила какъ дочерь-та середьяна:
150. „Ишше батюшко-то ѣде, мужика везѣтъ“.
Говорила меньша дочь да таково слово:
„Ай мужикъ-отъ ѣдѣтъ, везѣ батюшка“.
Да больша дочь вѣдъхватила подворотину,
Ай середьяна-тахватила коромысьличо,
155. Ай меньша дочьхватила да помѣлышко,
Ай бѣжа къ восударю-ту къ Ильи Муромцу.
Говорилъ Соловеюшко да Рохманистой:
„Вы не троньте-ткось, любимыя мои дочери,
Не гнѣвите богатырьского ретива сердца;
160. Толь подите вы берите телѣгу красна золота,
Ай другу-ту вы берите чистого серебра,
Ишше третью вы тените скатного жемчугу,
Ай тените вы во городъ-отъ во Кіевъ-градъ,
Выкупайте вы отца своего, да родителя“.
165. Да какъ ѣдѣ восударь-отъ Ильи Муромецъ,
Онъ ко городу ѣдѣ Кіеву не дорогою,
Ай во городъ заѣжжаѣ не воротами,
Конь скакалъ чере-сытѣну городовую,
Мимо ту же круглу башню наугольную,
170. Да какъ ѣде де ко Владимѣру прямо на широкой дворъ,
Онъ мечоть коня самъ среди двора,
Не привязана-та мечоть да не приказана,
Не росѣдлана онъ мечоть, не розузdana,
Онъ идѣ тогда во-въ гирню-ту княжонефьскую.
175. Ишше втѣпоры Владимѣра въ доми не случилось:
Да уѣхалъ де Владимѣръ-отъ во Божью церковь,
Онъ уѣхалъ де къ обѣденки къ воскресеньскія.
Да Илеюшка пошолъ тогда въ церковь во Божью же онъ
Ай ко той же къ обѣденки къ воскресеньскія.
180. Да приходитъ де Илеюшка во Божью церковь,
Онъ кресъ тогда кладѣтъ самъ пописанному,
Ай поклонъ ведѣтъ Илеюшка поучѣному,
Ишше молитце онъ чуднымъ образамъ;

- Ишше самъ онъ говорилъ тогда таково слово:
185. „Ужь вы здрасуйте, попы, отцы духовныя,
Ужь вы здрасуйте, народъ, вси люди православныя!“
Да глядятъ де попы, отцы духовныя,
Ай глядятъ-то весь народъ, люди православныя,—
Ай не знаютъ де дороднёго добра молодца.
190. Ай Владимёръ-отъ стоялъ тогда во Божьё церкви.
Ай прошла-то де обѣдня воскресеньская,—
Подошолъ де Владимёръ стольнё-киевской:
„Ужь ты здрасуй, дороднёй добрый молодець!
Добро жаловать ко мнѣ жа ты хлѣба-соли ись,
195. Хлѣба-соли ко мнѣ ись-то, вина съ мѣдомъ пить!“
Говорилъ же восударь-отъ Илья Муромецъ:
—Ужь ты здрасуй, Владимёръ стольнёй киевской!
Я приѣхалъ вѣдь къ тебѣ прямо на широкой дворъ—
Да приѣхали они тогда изъ Божьей церкви.
200. И зашли они во-въ гирню-ту ко Владимиру,
Ишше стали пировать они съ Илеюшкой.
Собрались тогда князя, вси богатыри.
Говорилъ де Владимёръ-отъ таково слово:
„Ужь ты вой еси, дороднёй доброй молодець!
205. Ты какого же города, какой земли,
Ай какого сынъ отца ты, какой матери,
Ишше какъ молодца тебя именёмъ зовуть,
Ишше какъ зъвеличаютъ тебя да изъ отечества?“
Говорилъ жо восударь тогда Илья Муромецъ:
210. —Ужь я ѣзжу отъ города отъ Мурома,
И миня-то зовуть-то Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ я вѣдь сынъ Ивановичъ.—
Говорилъ тогда Владимёръ таково слово:
„Ты давно ты вѣдь изъ города изъ Мурома,
215. Ты куды-къ ѣхалъ во городъ-отъ во Киевъ-градъ?“
Говорилъ же восударь тогда Илья Муромецъ:
—Я поѣхалъ де изъ города изъ Мурома,—
Зазвонили де заутрени ран-воскресеньскія,
Ай засталъ вашу обѣденку воскресеньскую.
220. Ужь я ѣхалъ по дорожки прямоѣзжія.—
Говорили тутъ вѣдь князи, думныя бояра;
„Ужь ты хой еси, Владимёръ стольнёй киевской!
Ай не быть де восударю-ту Илья Муромцу,
Только быть мужичонышку ему засельшина,
225. Ай засельшина мужикъ дуракъ-деревеньшина!
Ай пустымъ-то де дѣтинушка похваляйтце,—
Ишшо какъ скоро приѣхалъ изъ города изъ Мурома.
Вѣдь какъ есть три заставушки очунъ великія
Ай на той на дорожки прямоѣзжія:
230. Ай какъ есь вѣдь застава—лѣсы тёмныя,
Ай втора-та заставушка—греси чёрныя;

- Только третья-та заставушка очунь великая—
Вѣдь какъ есь Соловеюшко Рохманистой;
Ай сидить Соловей на девети дубахъ“.
235. Говорилъ жа восударь тогда Илья Муромецъ:
—Ужъ вы вой еси, боеришка вы брюшинники!
Вы сходите-тко подите на широкой дворъ:
Привезёнъ Соловеюшко у мня Рохманистой,
Ай прикованъ онъ ко стремени булатному,—
240. Да пошли они тогда на широкой дворъ;
Ай сидить Соловеюшко на добромъ кони,
Ай прикованъ онъ ко стремени булатному.
Говорили тогда князи-ти вси бѣяра:
„Ужъ ты вой еси, Соловеюшко Рохманистой!
245. Посъвьисти-тко, Соловей, ты посолѣвьѣму,
Пошипитко-тко, Соловеюшко, позъмѣиному,
Поревитко-тко, Соловеюшко, позъвѣриному,
Покричитко-тко, Соловей, ты побогатырскому“.
Отвѣчалъ Соловеюшко Рохманистой:
250. —Ужъ вы вой еси, вы князи, думныя бояра!
Ай не ваше пью я, кушаю,—не васъ слушаю;
Ужъ и чѣ-то и пью, ѣмъ, того слушаю.—
Говорилъ тогда Владимѣръ-отъ стольнѣй кievской:
„Ужъ ты вой еси, восударь ты Илья Муромецъ!
255. Ты вели-тко посъвьистѣть ѣму посоловьѣму,
Ай вели-тко пошипѣть ѣму позъмѣиному,
Ай вели-тко пореветь ѣму позъвѣриному,
Ай вели-тко покрывать побогатырскому“.
Засъвьистѣлъ Соловей тогда посоловьѣму,
260. Заревѣлъ Соловей тогда позъвѣриному,
Зашипѣлъ Соловеюшко позъмѣиному,
Закричалъ Соловей побогатырскому
Ай упали тогда князи вси, думны бояра,
Ай упалъ тогда Владимѣръ стольнѣй кievской.
265. Говорилъ же восударь тогда Илья Муромецъ,
Ишше ѣнѣлъ де Соловеюшка да Рохманиста.
Ай повѣрили князи-ти, думны бояре,
Што какъ вѣрно восударь-отъ Ильи Мурвмечъ.
Да во ту же де во порушку и во то время
270. Ай пришли де Соловея родны дочери,
Притянули де телѣжку красного золота,
Ай другу же притянули чистаго серебра,
Ишше третью притянули скатного жемчугу,
Да какъ выкупили отца они родителя ¹⁾.
275. Ай уѣхалъ Соловей въ своё тёплое гнѣздышко,
Ай не сталъ больше сидѣть на девяти дубахъ.

¹⁾ По словамъ лѣтца, деньги эти были положены въ монастырь.

№. 11.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

- Ай во томъ во городи во Резанюшки.
Доселѣва Резань-то слободой слыла,
Новѣче Резань-то словѣ городомъ.
Во той во Резанюшки во городи
5. Жилъ былъ Микитушка Романовичъ.
Живучись, братцы, Микитушка состарилсэ,
Состарилсэ Микитушка, самъ представилсэ.
Ище жилъ-то Микита шестьдесятъ годовъ.
Снѣсъ де Микита шестьдесятъ боѣвъ,
10. Ишше срывосьнихъ, урывосьнихъ цисла-смѣту нѣтъ,
Оставалась у Микиты любима семья,
Ай любима семья-та—молода жена,
Молодыя Омельфа Тимоеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое.
15. Милоѣ чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитиць сынъ.
Осталсэ Добрыня не на возросъти,
Ка-быть ясной-отъ соколъ не на възлети,
И осталсэ Добрынюшка, пети-шти лѣтъ.
20. Да возросъ де Добрыня-та двѣнадцеть лѣтъ.
Изучилсэ Добрынюшка вострой грамотѣ,
Научилсэ Добрынюшка да боротисе,
Ишше масьтѣрь Микитиць а крутой метать,
На бѣлы-ти ручки не прихватывать.
25. Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всимъ городамъ, по всимъ украинамъ,
По тѣмъ-то ордамъ по татаровямъ;
Доходила эта славушка великая
30. Ай до славного города до Муромъ,
До стары казака-та Ильи Муромца,—
Што масьтѣрь Добрынюшка боротисе,
А крутой де метать на сыру землю;
Ишше нѣту такова борца по всей земли.
35. Сталъ тогда Илеюшка собиратисе,
Ишше сталъ тогда Илеюшка собрунатисе
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борца на приудалово.
Онъ сѣдлалъ, удалъ тогда коня добраго,
40. Ай накладывалъ уздицю-ту тесьмяную,
Ай намѣтывалъ сѣдлышко чиркальской,
Да засьтѣгивалъ двѣнадцеть вси подпружины,
Засьтѣгивалъ двѣнадцеть вси съпенѣчки;
Ай подпружяны-ти были ц(ч)иста сѣребра,

45. Да съпенёчки-ти были красного золота.
И самъ тогда сталъ збруды приговаривать:
„Булатъ-желѣзо не погнитце,
Самохйньской-о шолкъ самъ не порвитце,
Ише красно-то золото въ грязи не ржавѣтъ“.
50. Только видѣли Илеюшку собираючись,
Не видѣли поѣздочки Ильи Муромца;
Только видѣли—во поли куревушка вѣтъ.
Онъ здраво-то ѣхалъ полё чистое,
И здраво-то ѣхалъ лѣсы тёмныя,
55. И здраво-то ѣхалъ грязи чёрныя.
Ише ѣде ко Резанюшки ко городу;
Ко городу ѣхалъ не дорогою,
Во городъ заѣзжаё не воротами,—
Конь скакаль же чере-сѣтѣну городовую,
60. Мимо ту же круглу башню наугольную.
Ише самъ жа говорилъ тогда таково слово:
„Ай доселѣва Резань-то слободой слыла,
И нонѣче Резань-то слывѣтъ городомъ“.
Увидалъ-то онъ маленькихъ рибятушокъ,
65. И самъ говорилъ имъ таково слово:
„И скажите вы, живѣтъ гдѣ-ка Добрынюшка?“
Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки дворъ былъ неогромистой.
Ай подворьяцо-то было необширное.
70. Да кричалъ-то онъ, зычалъ зычнымъ голосомъ,
Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Ише мать сыра земля подъ имъ потрясаласе,
Ай Добрынина избушка пошатиласе,
Ставники въ его окошкахъ помитусились ¹⁾,
75. Стёколенки въ окошкахъ попорбалисе.
„Эли въ доми Добрынюшка Микитицъ сынъ?“
Услыхала де Омельфа Тимоеевна,
Отпирала де окошочко косишчато
И рѣцъ готорила потихошеньку,
80. Да сама жа говорила таково слов:
—Ужъ и здрасвуй, восударь ты да Илья Муромецъ!
Добро жаловать ко мнѣ-ка хлѣба, соли ѣсь,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись, вина съ мѣдомъ пить.—
Говорилъ восударь тогда Илья Муромецъ:
85. „Ище какъ меня знашь, вдова, ты именёмъ зовѣшь,
Почому же ты меня знашь изъ отечества?“
Говорила Омельфа Тимоеевна.
—И знать-то вѣдь сокола по вылету,—
Ише знать-то богатыря по выѣзду,
90. Ише знать молодца-ли по поступочки.—

¹⁾ Т. е. рамы скривялись.

- Да немного де Илеюшка розговариваль;
Ишше рѣчь говоритъ—коня поворачивать.
Говорила де Омельфа Тимоѳеевна:
—Ужъ ты гой есь, восударь ты Илья Муромецъ!
95. Ты не буди ты спальчивъ, буди милосѣливъ:
Ты наѣдѣшь какъ Добрынюшку на чистомъ поли,—
Не сруби-тко у Добрынюшки буйной головушки;
Добрынюшка у мня вѣдь молодѣшенѣкъ,
На рѣчахъ у мня Добрынюшка зашибчивой,
100. На дѣлахъ у мня Добрыня неуступчивой.—
Да поѣхаль восударь тогда во чисто полѣ.
Онъ выѣхаль на шломя на окатисто ¹⁾,
На окатисто-то шоломя на угористо,
Да увидѣль подъ восточней подъ стороночкой—
105. Ише ѣздить дородней доброй молодець,
Потѣхайтецъ потѣхами весѣлыма:
Ише мечотъ свою палецю боѣвую,
Да на бѣлы-ти рученьки прихватываль,
Ай ко палеци своей самъ приговариваль:
110. „Ужъ ты палеца, палеца боѣвая!
Ишше вѣту мнѣ топере поединщика,
Ишше руського могучого бохатыря“.
Говориль восударь тогда Илья Муромецъ:
—Ужъ тѣ полно, молодець, ѣздить, потѣхатисе,
115. Небылыма словами похвалятисе!
Ужъ мы сѣѣдимсе съ тобой на поли, побратаимсе,
Ай кому-то де на поли будѣ Божья помошшѣ“.
Услыхаль во Добрынюшка Микитиць сынъ,
Ото сна будто Добрынюшка пробуждаитецъ,
120. Поворачиваль своѣго коня доброво.
А какъ сѣѣхались бохатыри на чистомъ поли,
Ай ударились они палецьми боѣвыма,
И другъ дружки сами они не ранили
И нѣ дали раны къ ретиву сердцу.
125. Какъ тутъ сѣѣхались во второй наконъ,
Ай ударились они саблеми-ти вострыма,
Они другъ дружки сами не ранили,
Ишше нѣ дали раны къ ретиву сердцу.
А какъ сѣѣхались бохатыри во третьей наконъ.
130. Ударились вѣдь копьеми бурзоменькима.
Ише другъ-то дружки сами не ранили,
Ишше нѣ дали раны къ ретиву сердцу,
Только сабли у ихъ въ рукахъ поломалисе.
Да скакали чересъ гривы-ти лошадиныя,
135. Ай схватилисе бохатыри большимъ боѣмъ,
Ай большимъ-то боѣмъ да рукопаносьнимъ,

1) Т. е. крутой холмъ.

- Да водилисе богатыри по перьвой часъ,
Да водилисе богатыри по втѣрой часъ,
Ай водилисе богатыри ровно три часа.
140. Да по Божью было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по учести:
Подвернулася у Илеюшки права ножочка,
Ослабла у Илеюшки лѣва ручушка;
Ишше палъ-то Илеюшка на сыру землю;
145. Ишше сѣлъ тогда Добрыня на бѣлы́ груди,
Самъ онъ говорилъ ёму таково слово:
„Ужь ты вой еси, дороднѣй добрый молодець!
Ужь ты коёго города, какой земли,
Какого сынъ отца ты, какой матери,
150. И какъ молодца тибя именёмъ зовуть,
Ишше какъ зъвеличаютъ изъ отечества?“
Говорить восударь-о Илья Муромецъ:
—Ай сидѣль-отъ кабы я у тя на бѣлы́хъ грудяхъ,
Не спросилъ бы я не родины, не вотчины,
155. А споролъ бы я твои да груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы я твоёго ретива́ сердца.—
Говорилъ де Добрынюшка во второй законъ;
Говорилъ тогда Микитичъ во третей законъ;
Говорилъ же восударь тогда Илья Муромецъ:
160. —Ужь какъ ѣжжу я изъ города изъ Кіева,
Ай старій де я казакъ-тотъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ я вѣдь сынъ Ивановичъ.—
Да скакалъ тогда Добрынюшка со бѣлы́хъ грудей,
Берё де Илеюшку за бѣлы́ руки,
165. Ай чѣлуё въ уста-ти во сахарныя:
„Ты просьти мни, Илеюшка, въ таковой вины,
Шьто сидѣль у тебя да на бѣлы́хъ грудяхъ!“
Ишше тутъ де братаны-ти поназванелись,
Ай крестами-ти сами они покрестовались;
170. Ай Илеюшка-то былъ тогда вѣдь бѣльшій братъ,
Ай Добрынюшка-то былъ тогда а мѣньшій братъ.
Да скакали вѣдь они на добры́хъ коней,
Ай поѣхали братаны они въ Резань-гороць
Ай ко той они ко Добрыниной родной матушки.
175. Да стрѣчѣётъ ихъ Омельфа Тимоѣевна.
Пріѣхали братаны исъ чиста поля,
Они шють-то тогда сами, проклаждаютце.
Говорилъ жа восударь тогда Илья Муромецъ:
„Ужь ты вой еси, Омельфа Тимоѣевна!
180. Ты спусьти-тко-се Добрынюшку Микитица,
Ты спусьти-тко ёго ты да въ красенъ Кіевъ-градъ“.
Да поѣхали братаны въ красенъ Кіевъ-градъ,
А къ тому же де князю ко Владимѣру.
-

№ 12.

Добрыня и Змѣя.
Неудавшаяся женитьба Алеши.

- Да во славномъ во городи во Кіеви,
Э у ласкова князя у Владимѣра
Заводилась пирушочка, почесѣнъ пирь
Што на многихъ князьей, на думныхъ бѣяровъ,
5. Што на руськихъ могучихъ на богатырей,
Што на тѣхъ полениць на пріудалыя,
Ай на тѣхъ на казаковъ на задонскія,
Ай на тѣхъ на бурлаковъ на москофьскія,
Да на тѣхъ хресьянушокъ прожитосьнихъ.
10. Красно солнышко катѣтце ко западу,
Ай ко западу солнышко, ко закату;
Ю Владимѣра пирь идѣтъ на радосьти.
И всѣ на пиру, братцы, сидя, пьютъ, ѣдя,
И всѣ на пиру-ту сидя, кушаютъ,
15. Ище бѣленьку лебѣдушку они рушаютъ;
И всѣ на пиру сидя прирехвастались:
Иной сидитъ хвастать золотой казной,
А иной сидитъ хвастать широкѣмъ дворомъ,
А иной сидитъ хвастаетъ добрымъ конѣмъ,
20. Сидитъ глупой-о хвастать молѣдой женой,
Неразумной-о хвастаетъ родной сестрой.
Што Владимѣръ-князь по гирынюшки похаживать,
Онъ жолтыма кудѣрѣми натрясывать,
Ишше самъ говорилъ онъ таковѣ слово:
25. „Ужъ и вой еси, вы, князи, думныя бѣяра!
Эли руськи могучія богатыри,
И тѣ поленици преудалыя,
И тѣ же вы казаки всѣ задоньскія,
И тѣ же вы бурлаки всѣ москофьскія,
30. Ишше тѣ же вы хресьянушки прожитосьни!
Ишше сѣзъдили бы хто минѣ-ка на Пучай-рѣчку,
Ай привѣзъ бы хто сѣвѣжѣй воды ключѣвыя
Ишше мнѣ-ка со княгиною да умытисе“.
Отъ большого боярина отвѣту нѣтъ.
35. Говорилъ-то Владимѣръ во второй наконѣ.
Говорилъ-то князь Владимѣръ во третей наконѣ.
Всѣ какъ большой хоронитце за средьнего.
И средьняй хоронитце за мѣньшого,
Отъ мѣньшого боѣрина отвѣту нѣтъ.
40. Изъ-за тѣго-ли стола изъ-за окольнево,
Ай со той со скамейки бѣлодубою

- Ай выходит дороднёй доброй молодець,
Молодья Добрынюшка Микитиць сынъ.
Подъвигаитце Добрынюшка близёшенько,
45. Поклоняитце Микитиць самъ низёшенько,
И рѣци говорилъ самъ потихошеньку:
„Ужъ и красное солнышко, Владимёръ-князь!
Благослови мнѣ-ка, Владимёръ. слово вымолвить,
Не могъ-тко за слово головы сказнить.
50. Ты могъ-тко-се миня же всё помиловать“.
Говорилъ ёму Владимёръ стольнёй кievской:
—Говори-тко, Добрыня, што тѣ надобно.—
Говорилъ тогда Добрынюшка да Микитиць сынъ:
„Ужъ и съѣжжу вѣдь я вѣрно на Пучай-рѣкѣ“,
55. Привезу тебѣ съвѣжой воды ключовы
Ай тебѣ со кнегиною да умытисе“.
Ище эти рѣчи Владимёру во любви пришли,
Во любви ёму пришли, очунь поглянулисe.
Записали они записи великия,
60. Закрѣпили они князёмъ-то Владимиромъ.
Да немного де Добрыня сталъ разговаривать;
Онъ и крестъ-о кладё пописаному,
Ай поклонъ ведё Добрынюшка поучёному,
Ише кланеитце Спасу Пречистому,
65. Ище тутъ де какъ Божьею Богородицы,
Ише самъ говорилъ тогда таково слово:
„Ты прощай-ко-се, Владимёръ стольнёй кievской,
Ты прощай же Опраксея Королевисья,
Ай прощайте, весь народъ, люди православныя!
70. Хорошу я себѣ шуточку нашучивалъ:
Ише ета шуточка менѣ-ка съ рукъ сойдётъ?“
Да пошолъ де Добрынюшка къ широку двору,
Ай заходить онъ во заднюю свою горьницу,
Ай сидитъ-то Добрынюшка на ременьцятъ стуль;
75. Посвѣсилъ онъ свою буйну головушку,
Ай потунилъ онъ свой тогда очи ясныя
Ай во ту же де во сѣреду во кирпичную.
Да приходитъ де къ ёму родная матушка,
Молодья де Омельфа Тимоѣевна,
80. Да сама же говорила таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитиць сынъ!
Ише што же ты съ пиру пришолъ нерадосенъ?
Развѣ мѣсто на пиру было не по родины,
Развѣ старой кто надъ тобой изъѣжжантце,
85. Или младъ хто надъ тобой насъмѣхаитце.
Или винной чарой-чашой тебя обнесьли?“
Говорилъ тогда Добрынюшка Микитиць сынъ:
—Ише мѣсто на пиру было по родины,
Не старой надо мной изъѣжжантце,

90. Ай не младъ надо мной не насъмѣхайте,
Ай не винною чарой-чашой миня не обнесли;
Хорошу-ту я вѣдь шуточку нашучиваль:
Ишше какъ ета шуточка мнѣ-ка съ рѣкъ сойдѣтъ?
Похѣлился я вѣдь князю-ту Владимѣру
95. Ужъ и съѣздить-то я всё на Пучай-рѣку,
Привесьти ему съвѣжой воды ключовою—
„Ишше мнѣ-ка со кнегиною умытисе“.—
Говорила де Омельфа Тимоеевна:
„На рѣчахъ у мня, Добрынюшка, ты запибчивой,
100. На дѣлахъ ты, Добрыня, неуступчивой.
Ишше былъ-то у тебя отецъ, родной батюшко,
Ай не съмѣлъ-то онъ вѣдь ѣхать на Пучай-рѣку:
Ай на той жо вѣдь на рѣчиньки, на Пучай-рѣки
Ай летать змѣя бѣлетъ Сорочинская,
105. Ай берѣтъ она народъ да православныя
Да уносить на горы Сорочинскія,
Она кормить своимъ малымъ змѣёнышамъ.
Говорилъ тогда Добрынюшка Микитицъ сынъ:
—Ужъ ты той еси, моя да родна матушка!
110. Ай уѣду я Добрынюшка на Пучай-рѣку,
Не пройдетъ-то мнѣ Добрыни ровно шесть годовъ,
Ай минуитѣ Микитицю дѣвѣнадцать лѣтъ,—
Што пеките вы поминки вѣковѣсьнѣя,
Посылайте по церквамъ да по манастырямъ,
115. Поминайте вы Добрынюшку вѣковѣсьнѣго.—
Говорила де Омельфа Тимоеевна:
„Ай прѣдѣшь, Добрынюшка, на Пучай-рѣку,
Не плавай ты, Добрынюшка, на Пучай-рѣкѣ.—
Прилетитъ тогда змѣя бѣлетъ Сорочинская,
120. Заберѣ тебя, Добрынюшку, въ большыя хоботы,
Унесѣ тебя на горы Сорочинскія,
То какъ скорьмить своимъ малымъ змѣёнышамъ“.
Говорилъ тогда Добрынюшка Микитицъ сынъ:
„Ужъ ты вой еси, моя ты молода жена!
125. Ужъ и буду я топеръ тебѣ наказывать,
Ай исполни моѣ всё приказаньице:
Не прѣду я, Добрынюшка, во дѣвѣнадцать лѣтъ,
Ишше стануть на тобѣ женихи-ти свататце,—
Не ходи-тко-се ты не за кого замужъ,
130. Не за князя не ходи, не за боярина,
Не за руського могучого богатыря,
Не за купчика нейди, госьтя торгового:
Какъ посватаитѣ Олѣшенька Поповицъ сынъ,—
Ты поди-тко за Олѣшу-ту за ёво замужъ“.
135. Ишше сталъ тогда Добрынюшка собиратисе;
Онъ сѣдлатъ де, уздать тогда коня доброво.
Только видѣли Добрыню собираючися,

- Ай не видѣли поѣздочьки Микитица;
Только видѣли—во полюшки куревушка вьётъ.
140. Да ка здраво-то онъ ѣхалъ полѣ чистое,
Иише здраво-то онъ ѣхалъ лѣсы тѣмныя,
Иише здраво-то онъ ѣхалъ грѣзи чѣрныя.
Иише здраво онъ сталъ тогда на Пучай-рѣкѣ;
Розоставилъ онъ бѣлой шатѣръ полѣтняной.
145. Ай живѣтъ тогда Добрынюшка во бѣломъ шатри,
Ай стрѣлять-то онъ гусей да бѣлыхъ лебедей,
Иише тѣхъ жа пернастыхъ сѣрыхъ утицей.
Захотѣлосе Добрынюшки покупатисе;
Ай забылъ-то материнское наказанье.
150. Скидываётъ онъ своё да платье чвѣтное,
Ай кладётъ да свою збрудунку богатырскую,
Ай кладётъ тогда Добрынюшка подъ сѣрой дубъ;
Иише сталъ тогда Добрынюшка да купатисе,
Иише поплылъ Добрынюшка на первѣю струю;
155. Показалосе Добрынюшки—струя мелка,
Ай струя ёму мелка-та и вода легка;
Да какъ выплылъ Добрынюшка на шесту струю,
Показалосе Добрынюшки—струя мелка,
Ай струя ёму мелка-та да какъ вода легка;
160. Да какъ выплылъ Добрынюшка на двѣнадцеть струй,
Ай тогда-то вѣдь, во ту пору да во то время
Налетѣла де змѣя-та Сорочиньская,
Ай сама жа говорила таково слово:
„Ужь ты ной еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
165. Заберу тебя, Добрыня, въ свои хоботы,
Унесу тебя, Добрыню, на горы Сорочиньскія
Да скормлю тебя своимъ малымъ змѣёнышамъ“.
Да Добрынюшки пришло тогда дѣлать нечево.
Иише масьтѣръ Добрынюшка былъ ныркомъ ходить;
170. Унырнулъ тогда Добрынюшка на двѣнадцеть струй.
Иише вынырнулъ Добрынюшка на шестой струи.
Унырнулъ тогда Добрынюшка на шестой струи,
Иише вынырнулъ Добрынюшка платья у чвѣтново,
Иише выскочилъ Добрынюшка на крутѣхонько.
175. Одѣвалъ-то вѣдь своё платье чвѣтное,
Да берѣ тогда Добрыня саблю вострую.
Налетѣла де змѣя блеть Сорочиньская,
Иише хочѣ забрать въ свои больши хоботы.
Иише сталъ тогда Добрыня саблей помахивать,
180. Ай отъѣкъ-то у змѣи шесъ большихъ хоботовъ:
Иише нала де змѣя тогда на сыру землю,
Ай сама же говорила таково слово:
„Ты спусти мня, Добрынюшка Микитицъ сынъ;
Ай не стану я летать больше на сьвятую Русь,
185. Ай не стану я носить народу православного“.

- Да спусьтиль тогды Добрыня зьмѣю безбожницу.
Улетѣла де зьмѣя на горы Сорочиньскія.
Да живѣ тогды Добрынюшка во бѣломъ шатрѣ.
И прошло тогды Добрынюшки вѣрно шѣсть годовъ,
190. Миновалосе Добрынюшки двѣнадцеть лѣтъ.
Ишше сталъ тогды Добрынюшка собиратисе;
Онъ берѣ тогды свѣжѣй воды ключовыя,
Отправляйтце во городъ онъ во Кіевъ-градъ;
Лѣкко, скоро самъ онъ скачетъ на добрѣ коня,
195. Ай поѣхаль де Добрынюшка въ красѣнъ Кіевъ-градъ.
Онъ ѣдѣ съ утра день весь до вечера,
Состыгала де Добрынюшку тѣмная ночь;
Розоставливалъ Добрынюшка бѣлой шатѣръ,
Ай лѣжилсѣ Добрынюшка опочивъ держать.
200. Восподъ поць тогды пронѣсъ, да Восподъ дѣнь даѣтъ.
Да выходитъ Добрынюшка изъ бѣла шатра.
По восходу-ту какъ было сонѣчя красного,
Ай не бѣла тогды лебѣдушка воскѣкала,
Ишше красна тогды дѣвушка да восплакала:
205. „Охъте мнѣ-чки, хъте мнѣ-чки тошнѣхонько!
Ты коса же, ты моя да коса русая!
Не досталась ты, моя же коса русая,
Не за князя ты досталась, не за боярина,
Не за руського могучого за богатыря,
210. Не за добра купѣча, госьтя торгового;
Ты досталась жа, моя да коса русая,
Ишше тѣмъ жа малымъ-малымъ зьмѣенышамъ,
Доставалась ты, моя коса, на ростѣрзаньѣ.
Кабы былъ у мнѣ бѣтелко названья,
215. Ай названья вѣдѣ бѣтелко крестовыя,
Молоды, братцы, Добрынюшка Микитиць сынъ,
То бы нѣ далъ бы миня всё на ростѣрзаньѣ.“
Услыхалъ тогды Добрынюшка Микитиць сынъ;
Да рѣтѣво ѣго сердце тогды розѣрилосе,
220. Ай горѣча-та въ ѣмъ кровь всё роскипѣлосе,
Лѣпѣта-та во лицѣ перемѣнилосе;
Лѣкко, скоро онъ де скачетъ на добра коня,
Ай поѣхаль де Добрыня къ горамъ Сорочиньскіямъ;
Да прѣхаль онъ къ горы Сорочиньскія,
225. Привязаль-то онъ своего коня доброво,
Ай полѣсъ тогды на горы Сорочиньскія,
Онъ и вылѣзъ де на горы Сорочиньскія,
Да идѣ де ко зьмѣину тѣплу гнѣздышку;
Во гнѣзди сидитъ какъ красна дѣвушка,
230. Молодѣя Олѣнушка какъ Митревна,
Ай любима де Владимѣра племянница;
Да какъ нѣють де зьмѣеныши еѣ да горячу кровь;
Да сдва у еѣ душа въ тѣли полѣднуѣтъ.

- Ище вѣноры вынимать изъ гнѣздышка зьмѣиново:
235. Да берё тогда свою да сабью вострую,
Онъ отѣкъ у зьмѣи двѣнадцать хоботы,
Вдостали отѣкъ у ей буйнѹ головушку:
Да зажогъ тогда зьмѣино тѣпло гнѣздышко,
Ай сожогъ тогда всѣхъ зьмѣенышовъ до единого,
240. Не оставилъ онъ ихъ не единого на сѣмяна.
Да берё тогда Олѣнушку за бѣлыѣ руки,
Ай понёсъ-то де со горы со Сорочинскія;
Ай приходитъ де Добрынюшка ко добру коню,
Лѣкко, скоро де онъ скаче на добра коня,
245. Ай Олѣнушку садилъ онъ позади собя,
Да поѣхалъ де Добрыня въ красенъ Кіевъ-градъ.
Не доѣхалъ онъ до города до Кіева,—
Ишше стрѣтилась калика перехожая.
Говорилъ тогда Добрынюшка Микитиць сынъ:
250. „Ужъ и здрасвуй, калика перехожая!
Ты откуль идёшь, калика, куда путь лежитъ?“
Говорила де калика перехожая:
—Да иду-ли я изъ города изъ Кіева,
Ай пошла де я ко кресту Клядовидову.—
255. Говорилъ тогда Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ишше што де во Кіевѣ теперъ дѣбитце?“
Говорила де калика перехожая:
—Ай топерече во Кіевѣ не постарому,
Не постарому во Кіевѣ, не попрержному:
260. Ай не стало де во Кіевѣ сильныхъ богатырей;
Да которы де богатыри повымерли,
Ай повымерли де богатыри, посжимились,
Да къ Онтоню, къ Ѳедосью ушли въ Пеншоръ-манастырь;
Да не стало де во Кіевѣ Добрынюшки:
265. Да пекутъ по ёмъ поминки вѣковѣсьнія,
Посылають по церквамъ да по манастырямъ,
Поминають де Добрыню-ту вѣковѣсьнѣ жа,—
Говорилъ тогда Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ужъ ты вой еси, калика перехожая!
270. Ты съними-тко-се съ себя платье каличесько,
Ай надѣнь-ко-се моё платье богатырьское,
Да бери-тко-се мою ты лошадь добрую:
Ай пойду-то я каликой перехожія,
Ай во тотъ-ли я во городъ, въ красенъ Кіевъ-градъ“.
275. Скинывала де калика платье каличесько,
Одѣвала она платье богатырьское:
Да Добрынюшка надѣлъ платье каличесько,
Да пошолъ тогда каликой перехожія;
Да идё тогда во городъ-отъ во Кіевъ-градъ;
280. Ай идётъ де какъ Добрынюшка къ сву широку двору,
Да какъ прѣсиль-отъ млѣсьтишы спасёныя

- Ише длія-ради Христа, царя небёсново,—
Услыхала де Омельфа Тимоѳеевна,
Отъпирала де окошечко косисьщато,
285. Ай сама же говорила таково слово:
„Ужь и здраслуй, калика перехожая!
Ты откуль идёшь, калика, куды у тя путь лежитъ?“
Говорилъ тогда Добрынюшка родной матушки:
—Я иду-ли отъ креста отъ Клядовитова,
290. Да иду-ли я во городъ-отъ во Кіевъ-градъ
Ишше Восподу Богу да помолитисе,
Ко Восподньему ко гробу приложитисе,
Во Ердань во рѣки хочу покупатисе.—
Говорила де Омельфа Тимоѳеевна:
295. „Ужь ты вой еси, калика перехожая!
Не слыхалъ ли про Добрынюшку про Микитица?“
Говорилъ тогда Добрынюшка родной своей матушки:
—Ужь жили мы зъ Добрынюшкой въ одномъ мѣсти,
Ишше нили мы съ имъ, ѣли съ одного блюда,
300. Ишше платъичё носили съ одного плеча.
Оставилъ вамъ Добрынюшка вѣдь долгой вѣкъ,
Ишше долгой вѣдь вѣкъ, бѣлой вамъ свѣтъ:
Да преставилсѣ Добрынюшка Микитиць сынъ.—
Говорилъ тогда Добрынюшка родной матушки:
305. — Ишше гдѣ жа у Добрыни молода жена,
Молоды, братцы, Катерина дочь Микулисьня?—
Говорила жо Омельфа Тимоѳеевна:
„Ишше темерице ей въ доми не случилось:
Ай походить Катеринушка вѣдь замужъ-отъ
310. За того жо за Олёшу за Поповица;
Да вцярась вѣдь у ей было смотрѣньица,
Ай сегодня вѣдь у ей будѣтъ вѣнчанъица“.
Говорилъ тогда Добрынюшка родной матушки:
— Ужь ты ной еси, вдова благочесътивая!
315. Ай оставилъ мнѣ Добрынюшка ди останочки:
Ай велѣлъ вѣдь вамъ отдать мнѣ-ка звончаты гусли,
Ай велѣлъ-то вамъ отдать да свой злачѣнь перьстень,—
Ишше перьстень у сво былъ обручѣныя.—
Оддала тогда Омельфа Тимоѳеевна,
320. Оддала тогда калики звончаты гусли,
Оддала ёму-то вѣдь злачѣнь перьстень.
Да пошоль тогда Добрынюшка Микитиць сынъ,
Ай пошоль тогда къ Олёши къ широку двору:
Ай приходитъ де къ Олёши на широкой дворъ,
325. Онъ идѣ тогда въ гирьяю-ту во Олёшину,
Становѣтце во мѣсто-то во каличесько,
Во каличесько, къ приступки ко предворныя.
Да стоитъ тогда за столами Олёша бѣлодубыма;
Катеринушка-та ходитъ на со чарочкой,

330. Ай подноситъ она чару зелѣна вина
Ко тому жо ко народу православному.
Говорилъ тогда Добрынюшка Микитиць сынъ:
„Ужъ ты вой еси, Олѣшинька Поповиць сынъ!
Благослови-тко поиграть мнѣ-ка въ звончатѣ гусьли,
335. Ишше васъ со кнегиною приутѣшити“.
Говорилъ тогда Олѣшенька Поповиць сынъ:
— Ты играй-ко-се, калика, колько тебѣ хочитце.—
Заигралъ тогда Добрыня въ звончаты гусьли,—
Ишше масьтѣръ Добрыня-та въ гусьли играть,—
340. И сталъ на гусьляхъ всё выговаривать
Ай про свѣю де, свою поѣздку богатырскую.
Услыхала Катеринушка дочь Микулисьня,
По найгрышшамъ Добрынюшку замѣчать стала,
По играмъ-то Добрынюшку узнавала же;
345. Ай сама же говорила таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Олѣшенька Поповиць сынъ!
Ты налей-ко-се чару зелѣна вина,
Да не малу, не велику—въ полтора ведра,
Поднесьти мнѣ-ка калики перехожія“.
350. Ишше втѣпору Олѣша не ослышилсѣ;
Наливалъ-то онъ чару зелѣна вина.
Подносила Катерина доць Микулисьня
Ишше той она калики перехожія.
Да берѣ тогда калика единой рукой,
355. Выпиваѣ де Добрынюшка на единой духъ,
Ишше въ царку онъ кладѣтъ свой злачѣнъ персьтень,
Ишше персьтень-отъ кладѣтъ какъ обрученной-этъ.
Да кладѣтъ Катерина чашу на дубовой столъ,
Да берѣ тогда калику за бѣлы руки,
360. Да чѣлуѣтъ во уста-то во сахарныя,
Да сама жо говорила таково слово:
„Да не грѣло красно солнышко двѣнадцать лѣтъ,
Да тепѣре праведѣмо высокѣ взошло,
Обогрѣло всю какъ землю Святоторусьскую,
365. Обогрѣло де вдовиной подворьяцо“.
Говорила Катерина доць Микулисьня:
„Ужъ ты кой еси, Олѣшенька да Поповиць сынъ!
Ишше ты мнѣ-ка, Олѣшенька, ты не вѣнчанъ мужъ:
Да пришолъ ко мнѣ-ка вѣрно вѣнчанъ мужъ“.
370. Говорилъ тогда Добрынюшка да Микитиць сынъ:
—Ужъ ты вой еси, Олѣшенька Поповиць сынъ!
Ты здорово жо женилсѣ—тебѣ будѣ не съ кимъ спать!
Да какъ свадѣбка тебѣ стала во петъсотъ рублей,
Ай столы, пиры-ти стали въ чѣлу тысячю.—
375. Ай берѣ тогда Добрынюшка молоду жону,
Ай пошолъ тогда къ своѣю рѣдной матушки.

№. 13.

ПОТЫКЪ.

(Пономаревъ перенялъ у покойнаго старика Петра Алексѣевича, слыхавшаго былинну въ деревнѣ Нижнѣ, близъ Мезени).

- А збирайтѣ дружинушка, собруняйтѣ:
Во первьихъ, носударь-отъ Илья Муромецъ,
Во вторыхъ, Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во третьихъ, Пóтыкъ Михайлушко сынъ Ивановичъ.
5. Провожать-то ихъ Владимѣръ стольнѣй кievской,
Провожаётъ Опраксея Королевисня.
Да ка здраво они ѣдутъ полѣ чистое,
Ели здраво-то ѣдутъ лѣсы тѣмныя,
Да какъ здраво-то ѣдутъ да грязи черныя.
10. А пріѣхали на шóлома на окатисто,
Розоставили бѣлы шатры полóтъняны,
Да живутъ во шатрахъ они по перьвой день,
Ай живутъ во шатрахъ они да по второй день,
Ай живутъ во шатрахъ они да по трéтей день,
15. Говорилъ же носударь-отъ Илья Муромецъ:
„Ужъ и полно намъ жить въ шатрахъ, забавляйтисе,
Ай пора намъ розѣжжатысе всимъ намъ натрое!“
Говорилъ носударь тогда Илья Муромецъ:
„Да поѣду я, братцы, къ Дюку да Степанову,
20. Посмотрю-ли я у Дюка широка двора,
Посмотрю я у Дюка-та рóдной матушки,
Посмотрю-ли я у Дюка да портомоёнокъ“.
У Дюка-та домъ стоялъ тогда на семи верстахъ;
Ишше триста столбовъ было да серебряныхъ,
25. Ай четыреста столбовъ было позолоченыхъ,
Ишше мѣдныхъ, желѣзныхъ да числа-смѣту нѣтъ;
Да какъ домъ былъ крытъ ёго мѣдью козарочкой,
Ай котора же козарка дороже красна золота;
Да какъ печьки-ти были его муравляны.
30. Ишше матушка пѣкла у ёго да колачики,—
Ай колачикъ-отъ съѣшь—другого хочитѣ,
Объ третьёмъ колачики душа бажитъ.
Да помѣлышка-ти были у ей да шелковья.
Говарилъ тогда Добрынюшка да Никитичъ сынъ:
35. „Ай поѣду я, Добрыня, во чистó полѣ,
Привезу-ли я злата, серебра несъчотнова.
Ужъ мы станемъ дѣлить, братцы, всё мы какъ натрое“.
Говарилъ тогда Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ай поѣду я, братцы, да во Большу землю,

40. Во Большу-ту я землю, да въ прокляту въ Литву,
Да поѣду ко цариншу-ту ко Идѣлишшу,
Ай поѣду я къ ёму право сватомъ свататце.
Ай на душочки Овдотьюшки, бѣлая лебеди;
Да возьму-ли я Овдотьюшку за себя замужъ,
45. Ай не дамъ-то я дѣлать, братцы, вамъ дѣлать ёю нѣтроѣ.“
Говарилъ тогда восударь-отъ Илья Муромецъ:
—Ужь, ты сукинъ сынъ. Потыкъ Михайлушко Ивановичъ!
Не жона жа тебѣ будетъ—зымѣя лютая;
Ужь ты будѣшь, Михайлушко, у семи смертей,
50. Налетасьсе, Михайло, ты чѣрнымъ ворономъ,
Ай нарыншишьсе, Михайлушко, ты сѣрымъ волкомъ,
Накопасьсе, Михайлушко, горносталюшкомъ,
Приломась ты о кореньѣ буйнѣ свою головушку,
Налѣжисьсе въ чистомъ поли ты сѣрымъ камнемъ.
55. Всѣ какъ этому Михайлушко не повароваль.
Ай поѣхаль де Илѣюшка къ Дюку Стѣпанову,
Ай Добрынюшка поѣхаль да во чистѣ полѣ,
Да Михайлушко поѣхаль да во Большу землю,
Во Большу-ту онъ землю, да въ прокляту въ Литву.
60. Да какъ здраво онъ вѣдѣ ѣхаль онъ полѣ чистое,
Ишше здраво онъ вѣдѣ ѣхаль да лѣсы-ти тѣмныя,
Ай да ели здраво онъ вѣдѣ ѣхаль да грязи-ти чѣрныя.
Ишше ѣдѣ онъ ко городу ко Задоньскому.
Ай ко городу онъ ѣхаль да не дорогою,
65. Да въ городъ заѣжжаѣ онъ не воротами,
Конь скакаль жа чересъ сѣтѣну да городѣвую,
Мимо ту жо круглу башонку наугѣльнюю:
Ишше ѣдѣ къ королю прямо на широкой дворъ;
Онъ мечѣ коня самъ да среди двора,
70. Не привязана-та мечѣ да не приказана,
Не росѣдлана мечѣтъ да не розуздана;
Самъ идѣтъ тогда во гирню-ту королевскую,
Отпираѣ Михайлушко дѣвери-ти на пята,
Онъ бѣе чоломъ королю-ту земли Задонскія,
75. Ишше тутъ жа королевой, молодой жонѣ:
„Ужь и здрасвуй ты, король земли Задонскія!
Ужь и здрасвуй, королева, ты молода жена!“
Говорилъ тогда король земли Задонскія:
—Ужь и здраствуй ты, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
80. Ты по старому пріѣхаль ли жить, по прежнему,
Во рабы ли ты пріѣхаль ко мнѣ, въ конюхи,
И во млѣды ли пріѣхаль ко мнѣ во клюсьники,
Ты исъ Кіева пріѣхаль ко мнѣ да посланникомъ?—
Говорилъ тогда Михайлушко сынъ Ивановичъ:
85. „Не по старому пріѣхаль жить, не по прежнему,
Не въ рабы къ тебѣ пріѣхаль я, не въ конюхи,
Не во млѣдыя пріѣхаль я тѣ не во клюсьники,

- Исѣ Кіева пріѣхаль я не посланникомъ,—
Да пріѣхаль я къ тебѣ прямо сватомъ я свататьце
90. Да на душоцьки Овдотьюшки, бѣлой я лебеди.
Да отдай-ко-се Овдотьюшку за миня замужъ“.
Говориль ёму король земли Задонскія:
—У миня, право, Овдотьюшка просватана
За того де за поганого за Идѣлишша.—
95. Говориль ёму Михайлушко во второй законъ,
Говориль ёму Михайлушко во третей законъ:
„Ты отдай, право, король ёю за миня замужъ!
Ужъ и чесью не отдашь—я у тя вѣдь за боёмъ возьму,
Ужъ я силой-то возьму своей бохатырскія,
100. Ай грозой возьму я княжонефською“.
Говориль ёму король-отъ во второй законъ,
Говориль ёму король да во третей законъ:
—Право, право, вѣдь Овдотьюшка у миня просватана,
Ишше кольцеми-перьсьнеми у насъ омѣняносъ;
105. Ай тебѣ-ка, Михайлушко, ёю нейдѣ взять.—
Да Михайлушку эти рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую;
Ай ретиво ёго серцо розъерилосе,
Ай горяча-та крофъ вся въ ёмъ роскигъласе,
110. Ай могучи ёго пльячи рсходилисе,
Лѣпета-та во лица перемѣниласе.
Да пошоль тогда Михайлушко на новы сѣни,
Онъ сломиль-то двѣнадцать крѣпкихъ замочиковъ,
Ай убиль-то онъ двѣнадцать крѣпкихъ стѣрожовъ;
115. Отпираль тогда Михайлушко двери-ти на пятау.
Ай сидить-то Овдотьюшка за красенѣцеми,
Вышиваётъ де она Идолишшу шириночку;
На кобылочкахъ сидя у ей ясны соколы,
На кобылочкахъ сидя у ей сизы голубы,
120. По подножочкамъ сидя у ей чѣрны соболи.
Говориль тогда Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ужъ и здраслуй, Овдотья, ты лебедь бѣлая!
Ты поди-тко-се, Овдотьюшка, за миня замужъ“.
Да скакала де Овдотьюшка на рѣзвы ноги,
125. Ай брала она Михайлушка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста ево во сахарныя,
Ай сама же говорила таково слово:
—Ужъ и ждатель мнѣ-ка гостя, будѣ не дождатисе,
Ай глядѣть-то будѣ госьтя, не доглядѣтисе,
130. Ай топеречи Михайлушко ко мнѣ самъ пришоль.—
Да немного де Михайло съ ей розговаривать,
Ай берѣтъ тогда Овдотьюшку за бѣлы руки,
Ай повѣль-то вѣдь Овдотьюшку на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней повѣль ёю на широкой дворъ,
135. Лѣкко, скоро самъ скакаль на—на добра коня,

- Ай Овдотьюшку садиль онъ позади себя.
Ище втѣпоры Овдотьюшка сама заплакала,
Говорила де она тогда таково слово:
„Охте мнѣ-цьки, хте мнѣ-цьки, менѣ тошнѣхонько!
140. Ай люцькѣи отци-ти, люцьки матушки
Отдавають дочерей со ѣсести, со радосьти;
Ишше мой отець-отъ, моя родна матушка
Ай умѣли миня всё воспоить, скорьмить,
Не умѣли они миня замужъ отдать:
145. Отдавають со великого со кроволитьяца“.
Да какъ вышоль вѣдь король тогда на широкой дворѣ.
Ишше вышла королева, молода жена:
„Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Добро жаловать ко мнѣ ты хлѣба, соли ись,
150. Хлѣба, соли ко мнѣ ись, ты вина съ мѣдомъ пить!“
Говориль тогда Михайлушко сынъ Ивановичъ:
—Ужъ ты вой еси, король земли Задонскія!
На прѣѣзди ты госьтя не учѣстоваль,—
На отѣѣзди будѣ госьтя тебѣ не учѣстовать.—
155. Да немного де Михайлушко розговариваль,
Ай выдѣрыгиваль онъ плѣточку семяшолкову,
Ай стѣгаль-то онъ коня самъ по крутымъ бѣдрамъ,
Поѣхаль де Михайлушко вонъ изъ города.
Ишше ѣде де Михайлушко по чисту полю,
160. Онъ ѣде какъ ко рѣченьки ко Смородины,—
У той же де у рѣченьки у Смородины
Ай горить-то зымѣино тѣпло гнѣздышко.
Говорила де зымѣя, да блять-безбожница:
„Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
165. Ты сойди-тко-се, Михайлушко, со добра коня,
Ты сьними-тко со правой ноги да софьянъ сапогъ,
Поцерьпини-тко-се свѣжой воды ключовыя,
Ты залей-ко-се зымѣино тѣпло гнѣздышко.
Ай во время я, Михайлушко, добро тиѣ зѣдѣлаю“.
170. Говорила де Овдотьюшка, лебедь бѣлая:
— Не сходи-тко-се, Михайлушко, со добра коня,
Не заливай-ко-се зымѣиново тѣпла гнѣздышка!
Ай какого захотѣль себѣ добра зымѣи?
Ишше развѣ зымѣя когда огнѣмъ ожгѣтъ.—
175. Да Михайлушко-то этому не повароваль;
Ай сошоль тогда Михайлушко со—со добра коня,
Ишно сьняль-то вѣдь со правой ноги сафьянъ сапогъ,
Почерпнулъ-то онъ свѣжой воды ключовыя,
Ай залилъ тогда зымѣи да тѣпло гнѣздышко.
180. Улетѣла де зымѣя, блять-безбожница.
Лѣкко, скоро де скакаль онъ на добра коня,
Ай поѣхаль де Михайлушко, куды ёму путь лежить,
Да прѣѣхаль де Михайлушко ко бѣлымъ шатрамъ.

- Ишше нѣту восударя-та Ильи Муромца,
185. Ишше нѣту же Добрынюшки Микитица.
Да прѣхалъ онъ къ себѣ прямо во бѣлой шатѣрь.
Бохъ день тогда пронёсъ, Восподь ночь даётъ.
Овернула Овдотьюшка тогда Михайлушка,
Овернула де ёго она чёрнымъ ворономъ;
190. Ай летае де Михайлушко по—по-подъ небеса,
Ай далёко отъ шатра самъ не улётывать.
Бохъ ночь тогда пронёсъ, да Восподь день даётъ;
Отвернула де Овдотьюшка тогда Михайлушка.
Ай лёжалъ тогда Михайлушко среди шатра
195. Со того жо со устаточку со великово.
Бохъ день опять пронёсъ, да Восподь ночь даётъ.
Обвернула де Михайлушка сѣрымъ волкомъ;
Ишше рышшотъ де Михайлушко по чисту полю,
Ай далёко отъ шатра самъ не урыскивать.
200. Бохъ ночь опять пронёсъ, да Восподь день даётъ;
Отвернула де Овдотьюшка тогда Михайлушка;
Ай лёжить-то съпить Михайлушко среди шатра
Ай съ того жо со устатку-ту со великого.
Бохъ день опеть пронёсъ, Восподь ночь даётъ.
205. Обвернула де Михайлушка горносталюшкомъ;
Ай коцайтѣ Михайло по-подъ корѣнницѣмъ,
Приломалъ свою онъ буйну голову.
Восподь ночь тогда пронёсъ, да Бохъ опеть день даётъ.
Отвернула де Овдотьюшка Михайлушка,
210. Овертѣла де ёго буйну да головушку
Ишше тѣмъ жо полотѣнышкомъ она бѣленькимъ;
Ишше съпить же Михайлушко тогда среди шатра.
Да во ту же де во пору и во то время
Ай прѣхалъ восударь-отъ Ильи Муромецъ,
215. Ай прѣхалъ де Добрынюшка да Микитиць сынъ,
Ай Добрынюшка привѣзъ имъ золотой казны,
Золотой казны привѣзъ-то да имъ несчотно жо.
Да прѣхалъ восударь къ своему ко бѣлу шатру,—
У Михайлушка у бѣла стоитъ шатра свой добрый конь,
220. Не стрѣчатъ-то де Михайлушко сынъ Ивановичъ.
Говорилъ же восударь тогда Ильи Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць сынъ!
Не стрѣчае насъ Михайлушко сынъ Ивановичъ“.
Соскакалъ скорѣ Илеюшка со добра коня,
225. Ай бѣжить-то ко Михайлушку во бѣлой шатѣрь,—
Ай лёжить тогда Михайлушко во бѣломъ шатри,
Ай лёжить де—приломана буйна головушка,
Ай Овдотьюшка сидѣла во бѣломъ шатри.
Да берё тогда Илеюшка Михайлушка,
230. Ай ведётъ де Михайла къ сибѣ во бѣлой шатѣрь.
Бохъ день опеть пронёсъ, да Восподь ночь даётъ.

- Ай пошолъ жо восударь тогды Илья Муромецъ,
Онъ пошолъ да къ Овдотьюшки во бѣлой шатѣрь,
Ишше лѣкъ тогды съ Овдотьюшкой почивъ держать;
235. Да лѣжать они съ Овдотьюшкой во бѣломъ шатри,
Ай накинула Овдотьюшка руку-ту бѣлую,
Ай накинула она тогды ножку рѣзвую,
Досталы де спорхонула на бѣлы груди,
Ишше хочѣ ёго предать злой смѣрточки.
240. Да Илеюшки пришло тогды дѣлать ёму нечево,
Ай скакаль тогды Илеюшка на рѣзвы ноги.
Ай берѣтъ тогды Овдотьюшку за русú косу,
Ай выдѣргивалъ онъ плѣточку семишолкову,
Ай волочить де Овдотью кругомъ среди шатра,
245. Ай стегать-то своей плѣткой шолковой;
Насътегалъ Овдотью, сколько ёму надобно,
Ишше бросилъ Овдотью во бѣлой шатѣрь,
Самъ пошолъ тогды ко Михайлушку ко Иванову,
Ишше послалъ Михайлушка въ шатѣрь съ сёю опочивъ дѣржать
250. Да лѣжа они съ Михайлушкомъ во бѣломъ шатри,
Да боитьсе де Михайлушко да Овдотьюшки,
Ай боитьсе де Овдотьюшка тогды Михайлушка.
Ишше втѣпоры у ихъ Бохъ ноч(ц)ь пронѣсъ,
Бохъ ноч(ц)ь тогды пронѣсъ, да Восподъ день даѣтъ.
255. Говорилъ де восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Ишше полно намъ вѣдь этта жить во бѣлыихъ шатрахъ,
Ишше надобно намъ вѣдь ѣхать въ красѣнь Кіевъ-градъ“.
Лѣкко, скоро сами скачуть на добрыхъ коней,
260. Ай поѣхали братаны въ красѣнь Кіевъ-градъ;
Ай ко городу ѣхали не дорогою,
Ай во городъ заѣжжали не воротами,
Кони скакали чересъ съѣбну городовую.
Ишше ѣдутъ ко Владимѣру на широкій дворъ,
265. Да стрѣчаѣтъ вѣдь князь ихъ со кнегиною,
Ай стрѣчаютъ де они, сълѣзно умываютсе.
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ты о чѣмъ жа, ты Владимѣрь, сълѣзно уливансье?
Ишше надо намъ теперечи съ тобой веселитисе“
270. Ишше станѣмъ мы играть тепере свадебку,
Ишше станѣмъ мы женить теперъ Михайлушка“.
Говорилъ тогды Владимѣрь стольнѣ-кіевской:
—Ужъ ты вой есь, восударь ты Илья Муромецъ!
Ишше былъ у миня король-отъ земли Турскія;
275. Ай играли съ имъ во пѣшочки, во шахматы,
Проигралъ я королю денѣгъ сорокъ тысячей,
Проигралъ я двѣнадцеть добрыхъ молодцовъ.—
Повелась-то вѣдь тогды у ихъ свадебка.
Говорила де Овдотьюшка, лебедь бѣлая:

280. „Ужь ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичь!
Ужь и сѣдѣламъ мы съ тобой крѣпку заповѣдь,
Ай запишомъ мы съ тобой записи великія,
Закрѣпимъ-то мы князёмъ Владимѣромъ,
Закрѣпимъ-то мы государёмъ Ильѣй Муромцомъ:
285. Да которой де у насъ переди помрѣтъ,
Ай другому-то надобно во гробъ живу лекчи“.
Ай на ето Михайлушко согласенъ былъ.
Записали они записи великія,
Закрѣпили они князёмъ-то Владимѣромъ,
290. Закрѣпили восударёмъ-то Ильѣй Муромцомъ.
Повелась тогды у ихъ вѣрно свадебка,
Повѣнчалсѣ Михайлушко сынъ Ивановичъ.
Говорилъ тогды Владимѣръ-отъ стольнѣй кievской:
„Ужь ты вой есь, восударь да Илья Муромецъ!
295. Ай кого жа мы пошлѣмъ ѣхать въ градъ Турскія
Ко тому жа королю земли Турскія
Ай отыгрывать денѣгъ сорокъ тысячей,
Отыграть надо двѣнадцать намъ добрыхъ молодцовъ.
Ишше кто у насъ играть масѣтеръ въ пѣшки, во шахматы?“
300. Говорилъ восударь тогды Илья Муромецъ:
— Ай пошлѣмъ-ко мы Михайлушка сына Иванова:
Ишше нѣту такового игрока на сѣвятой Руси;
Отыграть-то у ёго сорокъ тысячей,
Отыграть-то вѣдь двѣнадцать добрыхъ мѣлодцовъ.—
305. Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромецъ:
— Ужь ты вой еси, Потыкъ ты Михайлушко Ивановичь!
Поѣзжай-ко-се ты, сѣзъди въ землю Турскія,
Поиграй ты во пѣшки и во шахматы
Ай со тимъ жо королёмъ да земли Турскія,
310. Отыграй ты у ёго денѣгъ сорокъ тысячей,
Отыграй-ко-се двѣнадцать добрыхъ мѣлодцовъ.—
Да пришло тогды Михайлушку дѣлать нечево,
Ишше сталь тогды Михайлушко собиратисе,
Ишше ѣхать де Михайлушко къ королю Турскому.
315. Лѣкко, скоро онъ вѣдь скаче на добра коня.
Провожать-то де Владимѣръ стольнѣй кievской,
Провожаётъ государь да Илья Муромецъ,
Провожае де ёго тогды молода жона,
Молодыя де Овдотьюшка, лебедь бѣлая.
320. Только видѣли Михайлушка собираючись,
Ай не видѣли поѣздочки богатырскія,
Только видѣли—во полюшки куревѣ стоитъ,
Да ка здраво онъ вѣдь ѣхалъ полѣ чистое,
Ишше здраво онъ ѣхалъ да лѣсы тѣмныя,
325. Ишше здраво онъ вѣдь ѣхалъ да грѣзи-ти чѣрныя;
Ишше ѣде къ королю-ту земли Турскому,
Ай ко городу онъ ѣхалъ не дорогою,

- Ай во городъ заѣзжалъ онъ самъ не воротами,
Конь скакалъ жа чере съѣну-ту городовую,
330. Мимо ту жа круглу башню наугольнюю.
Ишше ѣдѣ къ королю прямо на широкой дворъ;
Онъ какъ мечѣ де коня самъ среди двора,
Не привязана-та мечѣ да не приказана,
Не росѣдлана мечѣтъ да не розуздана;
335. Самъ идѣтъ тогда во гирню-ту королевую,
Ишше бѣе челомъ королю-ту земли Турскія:
„Ужъ ты здраслуй, король же земли Турскія,
Ужъ и здраслуй, королева, молода жена!“
Говориль ёму король тогда земли Турскія:
340. — Ужъ и здраслуй ты, Потыкъ Михайлушко Ивановичь!
Ты по старому пріѣхалъ ли жить, по прежнему?
Во рабы ли ты пріѣхалъ ко мнѣ, въ млады во конюхи,
Ли во младыя пріѣхалъ ко мнѣ во ключьники,
Ли исъ Кіева пріѣхалъ ко мнѣ ли посланникомъ?—
345. Говориль тогда Михайлушко сынъ Ивановичь:
„Не по старому пріѣхалъ жить, не по прежнему,
Не въ рабы къ тебѣ пріѣхалъ я, не во ключьники,
Не во младыя пріѣхалъ тѣ не во конюхи,
Ай пріѣхалъ я изъ Кіева да посланникомъ“
350. Ай играть съ тобой во пѣшки-ти, во шахматы,
Отыгрывать своихъ я сорокъ тысячей,
Ай отыгрывать двѣнадцать я добрыхъ молодцовъ“.
Королю де отказатьсе ёму тогда некогда;
Ишше самъ онъ говорилъ ёму таково слово:
355. — Ай положимъ-ко, Михайлушко, заповѣдь великую:
Есьли ты какъ поиграшь миня во пѣшки-шахматы,
Ай отдамъ тебѣ, Михайло, я сорокъ тысячей,
Ай отдамъ тебѣ, Михайло, добрыхъ молодцовъ:
Есьли я какъ поиграю тебя, да Михайлушко,
360. Не спушшу я тебя, Михайло, въ красенъ Кіевъ-градъ.—
Да Михайлушко на ето очунь да согласной былъ.
Розоставили они пѣшки-то, шахмата.
Ай ступаль тогда Михайлушко по перьву ступъ,
Ай ступаль-то вѣдъ король по втору ступъ,
365. Ай Михайлушко ступиль тогда по третью ступъ,
Заступиль-то коѣ мѣсто самолучшоѣ,
На серѣдки доски королю мать даѣтъ;
Отыграль у короля-та сорокъ тысячей,
Отыграль-то онъ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ.
370. Говориль тогда король-отъ земли Турскія:
—Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичь!
Розоставимъ-ко, Михайлушко, во второй наконъ.
Ишше ты гдѣ поиграшь миня, Михайлушко,
Ай отдамъ тебѣ, Михайло, я сорокъ тысячей,
375. Ай отдамъ тебѣ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ,

- Ай ишше я вѣдь тебѣ друга сорокъ тысячей;
Есьли я какъ поиграю тебя, я, Михайлушко,
Не спушшу тибя, Михайлушко, въ красенъ Кіевъ-градъ.—
Да на ето де Михайлушко да согласной былъ.
380. Розоставили они пѣшки во второй наконъ.
Ай ступилъ тогда Михайлушко по перьву ступъ,
Ай король-отъ ступилъ тогда по втору ступъ,
Ай Михайлушко ступилъ тогда и по третію ступъ,
Зазступилъ-то коѣ мѣсто самолучшее,
385. На серѣдки доски королю мать даѣтъ;
Отыгралъ-отъ Михайлушко сорокъ тысячей,
Ишше выигралъ Михайло друга сорокъ тысячей,
Отыгралъ-отъ онъ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ.
Говорилъ тогда король-отъ земли Турскія:
390. —Ужъ ты вой еси, Михайлушко сынъ Ивановичъ!
Розоставимъ-ко-се пѣшки во третей наконъ.
Есьли ты какъ поиграшъ миня, Михайлушко,
И отдамъ-то я тебѣ да какъ сорокъ тысячей,
Ишше дамъ тебѣ, Михайлушко, третьихъ сорокъ тысячей,
395. Я отдамъ тебѣ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ;
Ишше есь-то у миня теперь-я родима дочь,
Молодыя вѣдь какъ Марѣушка-королевисья,—
Ишше Марѣушку я отдамъ тебѣ за тебя замужъ,
Ай оставлю я тибя на свѣти королѣмъ всё слыть.
400. Ишше я какъ поиграю тибя, Михайлушко,
Не спушшу тибя, Михайлушко, во красенъ Кіевъ-градъ,
Не отдамъ тибя, Михайлушко, со дружинушки,
Не отдамъ тибѣ, Михайлушку, сорокъ тысячей.—
Да Михайлушку пришло тогда дѣлать нечево,
405. Согласилсѣ де Михайлушко сынъ да Ивановичъ.
Срозоставили они пѣшки-ти во третей разъ.
Говорилъ тогда король ему земли Турскія:
—Ай топеречи, Михайлушко перва моя жа ступъ,
Да твоя-та вѣдь, Михайлушко, вторая ступъ.—
410. Говорилъ тогда Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ай неправо де ты, король да земли Турскія!
Ай играютъ де у насъ да на святой Руси
Ай во ти жа во пѣшки да во шахматы:
Ай игрокъ-отъ у насъ ступаетъ по перву ступъ,
415. Отыгрѣкъ у насъ ступаетъ да по втору ступъ.
Есьли ты какъ поигралъ, король земли Турскія,
Ишше съѣдовало тогда тибѣ ступать первому;
Ишше я какъ поигралъ тибя, король Турскія,
Ишше съѣдуѣтъ ступать мнѣ, игроку, первому“.
420. Королю пришло тогда дѣлать нечево.
Ай ступалъ тогда Михайлушко по перву ступъ,
Ай король тогда ступалъ по втору ступъ,
Ай Михайлушко ступалъ тогда по третью ступъ,

- Заступилъ-то коё мѣсто самолучшее,
425. На серѣдки королю-ту ёму мать даётъ.
Обыгралъ тогда Михайлушко короля земли Турскія,
Ишше выигралъ тогда отъ ёго сорокъ тысячей,
Отыгралъ-то онъ двѣнадцать добрыхъ молодцовъ,
Ишше выигралъ у ёго вѣрно любимую дочь.
430. Ишше послалъ онъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,
Ишше послалъ онъ Владимѣру сорокъ тысячей;
Ай уѣхала дружинушка въ красѣнъ Кіевъ-градъ.
Захотѣлосе Михайлушку да Иванову
Посмотрить-то ёго де Марѣи-королевисъни;
435. Увидаль-то вѣдъ Михайлушко сынъ Ивановичъ—
Пондравилась де Марѣи королевисъни,
Ай забылъ свою Овдотьюшку, лебедь бѣлую,
Да женилсѣ де на Марѣи да королевисъни,
Ай живѣ де во городи во Турскомъ жо.
440. Да во ту жо де во пору и во то время
Померла тогды Овдотьюшка, лебедь-та бѣлая;
Ай Михайлушку вѣдъ надобно во гробъ живу легци.
Говорилъ жа восударъ тогды Илья Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Олѣшинька Поповиць сынъ!“
445. Ужъ ты сѣзди-тко во городъ-отъ во Турскія,
Ай скажи-тко-се Михайлушку Иванову,
Померла де у ёго вѣрно молода жена,
Штобы ѣхаль де Михайлушко въ красѣнъ Кіевъ-градъ“.
Ишше втѣпоры Олѣша-та не ослышалсѣ,
450. Лѣкко, скоро онъ вѣдъ скаче на добра коня,
Ай поѣхаль де Олѣша да къ городу ко Турскому,
Самъ крычалъ тогды, зычалъ да зычьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты ной еси, Потыкъ Михайлушко Ивановичъ!
Померла топерь твоя у насъ молода жена,
455. Ай топере натъ легчи тобѣ къ ей живу во гробъ“.
Услыхаль тогды король-отъ земли Турскія,
Ишше самъ онъ говорилъ онъ таково слово:
„Ужъ ты сукинъ сынъ, Потыкъ ты Михайлушко Ивановичъ!
Натъсмѣялсѣ ты надъ моею любимой дочери,
460. Не сказаль-то ты, што въ Кіевѣ поженилсѣ!“
Говорилъ тогды Михайлушко сынъ Ивановичъ:
— Ишше врѣтъ-то всё Олѣшенька Поповиць сынъ!
На другой, вѣрно, придьметъ въ Кіевъ я понадилсѣ,
Ай зовѣ миня Владимѣръ стольнѣ-кіевской.—
465. Да Михайлушку пришло ёму дѣлать нечево,
Ишше сталъ онъ собиратъсѣ-то ѣхать въ красѣнъ Кіевъ-градъ.
Обсѣдлалъ онъ, обуздаль тогды коня доброго,
Лѣкко, скоро самъ онъ скаче на добра коня,
Отправляйтсѣ Михайлушко въ красѣнъ Кіевъ-градъ;
470. Провожаютъ де вѣдъ ёго король земли Турскія,
Провожаётъ ёго вѣрно молода жона

- Да сама-та уливайтце, слёзно плачитце.
Ай простилса Михайлушко съ молодой женой,
Да прїѣхаль де Михайлушко въ красёнъ Кіевъ-градъ.
475. Ай стрѣчаё восударь тогды Илья Муромецъ;
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромецъ:
„Померла у тя Овдотьюшка, лебедь бѣлая;
Ай законъ тебѣ лёжить, какъ во гробъ живу легци“.
Да Михайлушку пришло тогды дѣлать ёму нечево.
480. Повалили де Михалушка жива во гробъ.
Ишше жалко де князю ёго Владимёру,
Ишше жалко восударю-ту Ильи Муромцу;
Ишше нечого вѣдь имъ, тогды дѣлать нечево.
Повезули тогды Михайлушка да на кладьбиинно,
485. Натянули ёго обручи желѣзныя,
Положили де въ колоду бѣлодубову,
Ай зарыле де Михайлушка во сыру землю.
Да пришло тогды Илеюшку дѣлать ёму нечево;
Ай пошолъ тогды Илеюшка тогды во Божью церковь,
490. Ай берё де онъ вѣдь книгу всё Евангельё,
Онъ идё со книгой Илеюшка на могилочку;
Онъ читать-то онъ книгу-ту по перьвой разъ,
Ай прочитывать вѣдь книгу во вто́рой разъ,
Просматривалъ онъ книгу-ту во третей разъ,
495. Да нашолъ-то онъ въ книги таково слово:
„Слободить де какъ чёловѣка отъ смерти понапрасныя“.
Розмыпляетъ восударь тогды умомъ-разумомъ.
Ай во ту же де во пору и во то время
Налетѣла де зымѣя-та бьледь-безбожница,
500. Ай зарылась у Михайлушка на могилочки.
Ишше втѣпоры Илеюшка догалса же,
Да ревь де какъ Михайлушко во сырой земли.
У Илеюшки тогды серьцё-то розъерилосе,
Ай сечасъ-то въ ёмъ вся кровь роскипѣласе;
505. Ай розрылъ-то онъ Михайла да могилочку,
Ишше выдёрнулъ колоду бѣлодубову,
Онъ сорвалъ тогды вси обручи желѣзныя.
Овернулась де Овдотьюшка зымѣей лютою,
Ишше жгё она Михайлушка да жигалами,
510. Ишше тѣнётъ изъ ёго кровь горячую;
Ай едва засталъ—въ Михайли душа полуднуётъ.
Да берё тогды Овдотьюшку за бѣлы́и руки,
Ай берё тогды Михайлушка Иванова,
Ай повёлъ-то ихъ ко князю ко Владимиру.
515. Ишше стали де судить-то Михайлушка съ Овдотышкой,
Ай не могутъ россудить ёго съ ей законно жа;
Ишше слѣдуё съмерть придать Михайлушку Иванову.
Со стороны некому́ тогды дѣлать нечево.
Приказали де Михайлушку да Иванову

520. Увесѣти де Овдотьюшку на добромъ кони,
Ай отсѣкчи у Овдотьи буйну голову.
Лѣкко, скоро де Михайло скаче на добра коня,
Ай Овдотьюшку садилъ онъ позади себя,
Ай повѣзь-то де Овдотьюшку во чистó полѣ
525. Отрубить-то вѣдь у ей буйна головушка.
Да поѣхаль де Михайлушко во чистó полѣ,
Оввернула де Овдотьюшка тогда Михайлушка,
Ишше бросила Михайла въ полѣ сѣрымъ камнѣмъ,
Ишше са́ма де поѣхала къ городу Задоньскому.
530. А во ту же де во пору и во то время
Лѣкко, скоро де какъ скачѣ на добра коня,
Ай поѣхаль де восударь-отъ Илья Муромецъ;
Ишше ѣдѣ де Илеюшка по чисту́ полю,
Ай увидѣль—во чистомъ поли лѣжить сѣручей камень;
535. Ишше самъ онъ говорилъ таково слово:
„Ужъ я колько по полю этта не ѣжживаль,
Ишше этого я камня не видываль;
А не быть этта сѣрому камению,
Ишше быть этта Михайлушку Иванову“.
540. Да берѣ тогда Илеюшка сѣръ горючъ камень,
Да берѣтъ онъ на свои руки бѣлыя,
Высоко-то онъ мечѣ по-подъ небеса,
Ай на бѣлы свои рученьки не хватываль;
Ишше паль этотъ сѣручъ камень на сыру землю.
545. Ай роишибсѣ этотъ сѣръ да горючъ камень,
Якъ очудилсѣ исъ камня тогда Михайлушко.
Посадилъ тогда Михайла къ сибѣ на добра коня,
Ай поѣхаль состыгать-то Овдотью, лебедь бѣлую.
Недалѣко де состыгли до города Задоньского.
550. Ай не спрашиваль восударь тогда Илья Муромецъ,
Ай присѣкъ-то за вси часѣти еѣ за мелкія,
Розметаль тогда Овдотьюшку по чисту́ полю;
Ишше сами поѣхали въ красѣнъ Кіевъ-градъ.
Да пріѣхали во городъ-отъ да во Кіевъ-градъ;
555. Говорилъ тогда Михайлушко сынъ Ивановичъ:
„Ужъ ты вой есь, восударь ты да Илья Муромецъ!
Я женилсѣ жа во городи во Турьскія,
А взята у мня вѣдь Марѣа королевич(с)ѣня.“
Говорилъ-то восударь тогда Илья Муромецъ:
560. —Што я знаю, што женилсѣ во городи во Турьскія,
У того у короля жа земли Турьскія.—
Ишше сталь тогда Михайлушко собиратисѣ
Ишше ѣхать де ко своей молодой жоны,
Ай ко той жо де ко Марѣи королевисѣни.
565. Проважать ѣго Владимѣръ со кнегиною,
Провожаѣ восударь тогда Илья Муромецъ.
Ай прости́лсѣ де Михайлушко сынъ Ивановичъ

- Со тѣма жо со кнезехи, со боярами,
Ай со руськими могучими со богатырьми,
570. Ай поѣхаль де Михайлушко въ городъ Турьскія.
Ай стрѣчаё де король ёго съ королевою,
Ай стрѣчаё де ёго тогда молода жена,
Молодѣя тогда Марѳеушка королевисья.
Ай живутъ они во городи, проклаждаютце.
575. Получилъ тогда Михайлушко да насльѣдсьвѣ,
Повладаль-то какъ городомъ земли Турскія ¹⁾.

№. 14.

Идолице сватается за племянницу князя Владимира.

- Изъ-за Карьского, изъ-за Арапского
Приходило три карабля три чѣрляны;
Приходилъ де поганой Идолишно,
Приходилъ-то вѣдь онъ да сватомъ свататце.
5. Говорилъ тогда поганой Идолишно:
„Ужъ ты вой еси, Владимѣръ стольней кievской!
Я пришоль-то къ тобѣ да сватомъ свататце
Што на душоцьки Олѣнушки на Митревны.
Ай отдай ты Олѣну за меня замужъ.
10. Ужъ ты чесью не дашь—за боёмъ возьму,
Ужъ я силой-то возьму да бохатырскою,
Ай тебя-ли я, князя, всё подъ мець склоню.“
Собиралъ тогда Владимѣръ-отъ почесенъ пиръ
Што на многія кнезья и на думныхъ бояровъ,
15. Што на руськихъ могучихъ на богатырей,
Што на тихъ на полениць на прѣудалыя,
Што на тѣхъ жа на казаковъ на задоньскія,
Што на тѣхъ на бурлаковъ на москофьскія,
Што на тѣхъ хресьянушокъ прожитосьнихъ.
20. Красно солнышко катитце ко западу,
Ай ко западу солнышко, ко закату,—
У Владимѣра вѣдь пиръ идѣтъ не на радости,
Да не пьютъ, не ѣдя, ничого не кушаютъ,
Они бѣленькой лебѣдушки не рушаютъ.
25. Говорилъ тогда Владимѣръ стольней кievской:
„Ужъ вы вой еси, вы князи, думны бояра

¹⁾ И жись окончилась ево тутъ.

- Или руськія могучіи богатыри.
Ише тѣ вы какъ казаки какъ задонскія,
Ише тѣ вы бурлаки какъ москофьскія,
30. Ишше тѣ же вы хресьянушки прожитосьни!
Да пришло ко мнѣ изъ Карьского, Арапьского,
Ай пришло ко мнѣ поганой Идѣлишпо,
Ай пришло вѣдь ко мнѣ да сватомъ свататьце
Што на душочки Олѣнушки на Митревны.“
35. Ишше бѣльшой хоронитце за средьнево,
Ишше средьней хоронитце за меньшово,
А отъ меньшого боѣрина отвѣту нѣтъ.
Говорилъ-то кнезь Владимѣръ во перьвѣй законъ,
Говорилъ-то кнезь Владимѣръ во второй законъ,
40. Говорилъ-то Владимѣръ во третей законъ;
Всѣ какъ большой хоронитце за средьнево,
Ишше средьней хоронитце за меньшово,
А отъ меньшого боѣрина отвѣту нѣтъ.
Говорила де Олѣнушка-та Митревна:
45. —Ужъ ты гой еси, дядюшка родимыя!
Отдавай миня со чести и со радосты,
Не проливай ты вѣдь крови всѣ горячія,
Не губи-тко-се народу православново.
Только дай-ко-се приданымъ мнѣ черьлѣнъ карабъ,
50. Ужъ ты дай-ко-се три брателка названья,
Ай названыхъ мнѣ-ка братицей, крестовья:
Во перьвѣхъ ты дай Добрынюшу Микитица,
Во вторыхъ Перемѣтушку Васильева,
Во третѣхъ ты дай Олѣшеньку Поповица.—
55. Ишше эти князю рѣчи во любви пришли,
Во любви ёму пришли да поглянулисѣ.
Повелась-то вѣдь у ихъ да тогда свадебка.
Ишше даль-то Олѣнушки черьлѣнъ карабъ,
Ишше даль-то ей три брателка названья,
60. И названыхъ три братицей крестовья:
Во перьвѣхъ даль Добрынюшку Микитица,
Во вторыхъ Перемѣтушку Васильева,
Во третѣхъ даль Олѣшеньку Поповица.
Да пошли они тогда да во синѣ морѣ;
65. Ишше пала имъ вѣдь повѣтеръ способная.
Ишше руська-та земля да потаиласѣ,
Ай невѣрна земля возремѣниласѣ.
Ишше пала-то вѣдь сътиль да тихохонько,—
Не несѣтъ ихъ не въ котору сторону.
70. Говорила де Олѣнушка-та Митревна:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитицъ сынъ!
Ты спуншай-ко-се шлюпку карабельную,
Поѣзжай-ко ко царишшу на черьлѣнъ карабъ,
Ты зови-тко-се ко мнѣ да во чesенѣ госты.“

75. Ишше втѣпоры Добрыня не ослышилсѧ,
А спускаль де ка плюпку карабельною,
Ай поѣхаль ко царишшу на черьлѣнь карабь,
Ишше самъ онъ говорилъ да таково слово:
„Ужъ ты кой есь, царишшо Вахрамеишшо!
80. Добро жаловать къ Олёнушки ко Митревны,
Да звала тебя Олёна во чесны госьти“.
Ишше эти рѣчи какъ царишшу во любви пришли;
Да какъ самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ужъ какъ ѣду я вѣдь къ ей да на черьлѣнь карабь.—
85. Ай приѣхаль Добрынюшка Микитиць сынъ;
Ишше ѣде де царишшо Вахрамѣишшо.
Онъ приѣхаль ко Олёны на черьлѣнь карабь;
Да стрѣчаётъ де Олёнушка-та Митревна.
А приходитъ де царишшѣ на черьлѣнь карабь,
90. Ишше съ боку на бокъ онъ да пошатайтце;
А стрѣчаётъ де Олёнушка-та Митревна,
Ай заводитъ во каюту карабельною.
Ай сидя во каюты, угошшаютце,
Ишше сладкима напитками да напиваютце.
95. Напила де поганого Идолишша
Ай тимѧ де напитками-ти забудушшима;
Ишше заспаль поганое Идолишшо
Ай во той же во каюты карабельнѧ.
Говорила де Олёнушка-та Митревна:
100. „Ужъ ты кой еси, Добрынюшка Микитиць сынъ!
Ты поди-тко во каюту въ карабельною,
Ты бери-тко-се свою да саблю вострую,
Отруби-тко-сь у Идолишша ты буйну голову“.
Ишше втѣпоры Добрыня не ослышилсѧ,
105. Онъ берётъ де свою да саблю вострую,
Ай махнулъ де царишша по буйной главы,
Ай не могъ прочь отрубить буйной головы.
Ай Добрынюшка былъ очунь ухватистой;
Ай прискочилъ Добрыня на ременьчатъ стуль,
110. Повторилъ ёго Добрыня во второй наконъ,—
Отлетѣла голова какъ будто пугвица.
Говорила де Олёнушка-та Митревна:
„Ужъ ты кой еси, Перемѣтушка Васильевиць,
Ужъ ты кой еси, Олёшенька Поповиць сынъ!
115. Вы подите во каюту карабельною,
Вы ташиште-то царишша вы на палубу,
Вы мечите-тко царишша во синѣ морѣ“.
Ишше втѣпоры Олёша не ослышились,
Ай идутъ во каюту карабельною,
120. Да берутъ де ёво да за рѣзвѣи ноги,
Ишше стѧнутъ де ёво ко палубы карабельнѣю
И метали де ёво да во синѣ морѣ.

- Только пала имъ вѣдь повѣтеръ способная,
Ай пошли они-то въ красѣнъ Кіевъ-градъ.
125. Да стрѣчайтъ ихъ Владимиръ стольнѣй кіевской;
А 'шше пьютъ-то де они со радосьти,
Ай пируютъ де они да со весельица.
Ай тогда вѣрно у ихъ прошла вѣдь свадебка.

№. 15.

Чурило и невѣрная жена.

- Ай на тотъ же на празньникъ-отъ на вѣшныя,
Ай на вѣшныя празньничекъ на Троицу
Нападала тутъ пороха сьнѣгу бѣлово.
Што по той по порохи да по бѣлѣ сьнѣгу
5. Ай не бѣленькой заюшко проскакивалъ,
Не сѣрой горносталюшко прорыскивалъ,
Ай тутъ шло-то два брателка названья,
Што названья братиця, крестовыя:
Во первыхъ-то шолъ Чурилушко Плѣнковиць,
10. Во вторыхъ-то шолъ Олѣшенька да Поповиць сынъ.
Да Чурило-то пошолъ къ Перѣмину двору.
Ай приходитъ на крылечушко на прекраснѣй,
Онъ бречить тогда колечушкомъ серсѣбрянымъ.
Услыхала тогда дѣвушка-служаночка,
15. Ай любима Перемятьѣва племянница,
Ай любима Катеринина-та вѣдь клюсьница;
Говорила тогда дѣвушка-служаночка:
„Ишше хто же у воротиковъ колотитце?“
Говорилъ тогда Чурило-то сынъ де ка Плѣнковиць:
20. — Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночка!
Ужъ ли въ доми у тя дядюшка родимья,
Молодыя Перемѣта сынъ Васильевичъ? —
Говорила тогда дѣвушка-служаночка:
„Ишше нѣту у насъ дядюшка да родимся:
25. Ай ушолъ-то онъ ко ранною ко заутрени“.
Говорилъ тогда Чурило-то сынъ Плѣнковиць:
— Или въ доми ли дядинка родимая,
Молодыя Катерина-та дочь Микулисъня?
Ужъ ты вой еси, ты дѣвушка-служаночка!
30. Ты отворь-ко-се мнѣ ворота-ти косисчаты. —
Ай сулилъ-то ей Чурило-то петсоть рублей,
Да на то-это дѣвушка не согласилася:
Ай сулилъ тогда Чурило ей цѣлу-ту тысячу,

- Ай на это тогда дѣвушка не согласная;
35. Ай сулилъ-то вѣдь лисичъ, куничъ на кунью шубу,
Да на это тогда дѣвушка согласилася,
Побѣжала тогда къ дядинки къ родимыя:
„Ужъ ты вой еси, дядинка родимая!
Ты не знаешь нечего, въ доми што у ты дѣйтце:
40. Ай пришель-то вѣдь къ тебѣ небывалой гось,
Небывалой къ тебѣ гось-то, старопрежнѣй другъ,
Молоды Чурило-то сынъ де Плѣнковичъ“.
Запустили де Чурилушку въ задню-ту горьницу.
Ай Олѣшенька пошолъ тогда во Божью церковь.
45. Да приходитъ де Олѣша во Божью церковь,
Онъ и кресъ тогда кладѣ самъ по писаному,
Ай поклонъ ведѣ Олѣша по учѣному,
Ише кланейтце онъ да чуднымъ образамъ.
„Ужъ вы здрасуйте, попы, отцы духовныя,
50. Ужъ вы здрасуйте, народъ, люди православныя!“
Да подходитъ къ Перемѣтушки близѣхонько,
Ише рѣчь говорилъ самъ потихошеньку:
„Ужъ ты здрасуй, Перемѣта сынъ Васильевичъ!
Да стои же, Перемѣтушка, во Божьей церкви,
55. Ужъ и молисе Спасу-ту пречистому,
Ужъ и тутъ же ты Божью Богородицы;
Ай не знаешь ты, у ты въ доми што вѣдь дѣйтце:
Да пришолъ-то вѣдь къ твоей молодой жены,
Ай пришолъ-то вѣдь небывалой гось,
60. Небывалой къ ею гось да старопрежнѣй другъ,
Молодыя де Чурилушко сынъ Плѣнковичъ“.
Ише эти вѣдь какъ рѣчи ёму не въ любви пришли,
Показалось Перемѣтушки за досадушку великую.
Онъ и кресъ тогда кладѣ да по писаному,
65. Ай поклонъ ведѣ Перемѣтушка по учѣному,
Ише молитце онъ Спасу-ту пречистому,
Ише самъ онъ говорилъ тогда таковѣ слово:
„Вы прощайте-тко, попы, отцы духовныя,
Ужъ вы прощайте, весь народъ, люди православныя!
70. Да пойду-ли я теперѣе къ широку двору,—
Есьли есь у миня у молодой жонѣ,
Ише есь ли какъ у ей теперѣе небывалой гось,
Небывалой у ей гось-то старопрежнѣй другъ,
Молодыя де Чурилушко сынъ Плѣнковичъ,—
75. Да съѣку я у Чурилушка буйну голову,
Не спушшу-ли я Чурилушка теперѣе на бѣлой свѣтъ“.
Да пошолъ Перемѣтушка изъ Божьей церкви;
Онъ приходитъ на своё крылечко на прекрасной,
Онъ бречить де колечушкомъ серебрянымъ.
80. Услыхала тогда дѣвушка-служаночка,
Ай любима Перемѣтьѣва племянница,

- Ай любима Катеринина вѣдь ключьница,
Побѣжала она къ дядинки къ родимья:
„Што идѣтъ Перемѣтушка изъ Божьей церквы!“
85. Да идѣ Перемѣтушка въ заднюю горьницу,
Ишше самъ-то по полу да похаживать,
Онъ и троской какъ въ полъ своей поколачивать:
„Ишше чья эта сибирочка на грядочки?“
Говорила Катерина дочь Микулисыня:
90. — Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли сибирочку на грядочки.—
Перемѣтушка по горьницы похаживать,
Онъ и троской де въ полъ самъ поколачивать:
„Ишше чья эта шапочка на спичечки?“
95. — Ишше были этта маткина ребятушка,
Позабыли они и шапочку на спичечки.—
Перемѣтушка по горьницы самъ похаживать,
Онъ и тросточкой въ полъ самъ поколачивать:
„Ишше чьи рукавичочки-то на спичечки?“
100. — Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли рукавичочки на спичечки.—
Перемѣтушка по горьницы самъ похаживать,
Онъ и тросткой своей въ полъ поколачивать:
„Ишше чьи этта сапожки подъ кроваточкой?“
105. — Ишше были этта маткины ребятушка,
Позабыли сапожки-ти подъ кроваточкой.—
Перемѣтушка по горьницы всё да похаживалъ,
Онъ тростью всё въ полъ поколачивалъ;
А берѣтъ тогда перинушку пуховую,
110. Розъвернулъ эту перину-ту пуховую,—
Ишше выскочилъ Чурило-то сынъ Плѣнковичъ.
Говорилъ тогда Чурило сынъ де Плѣнковичъ;
Ишше палъ тогда Перемѣтушки во рѣзвѣи ноги,
Ишше самъ онъ говорилъ тогда таково слово:
115. „Ты просьти жа, Перемѣтушка, въ таковой вины“.
Говорилъ Перемѣтушка Васильевичъ:
— Ужь ты вой еси, Чурило сынъ всё Плѣнковичъ!
Ужь я нѣсколько тебѣ-то всё наказывалъ,
Ужь я нѣсколько тебѣ всё наговаривалъ:
120. Не ходи-тко-се, Чурило, къ широку двору,
Не люби-тко-се, Чурило, молодой жоны,—
Да съѣбку я у Чурила у тя буйну головушку,
Не спущу болѣ Чурила я тибя на бѣлой свѣтъ.—
Да берѣ тогда Перемѣтушка сабляю вострую,
125. Онъ отсѣкъ у Чурила-та буйну голову,
Во вторыхъ-то де у дѣвушки-служаночки,
Молодой жены поученьячо далъ поженскія.

№ 16.

Дунай (Василій Казимировичъ).

- Да какъ у ласкова у князя у Владимира
А заводилось пированьицо, почесенъ пиръ
Да на всехъ жа князей, на бъяръ жа,
На могучихъ руськихъ сильнихъ богатырей.
5. А какъ красно солнышко идётъ на есени,
Да почесенъ пиръ идётъ на весели;
Какъ вси при пиру сидятъ пьяны, веселы,
Какъ вси-то они пьютъ, ѣдятъ, хвастаютъ.
Князь Владимиръ по гридьны своей похаживать;
10. Какъ сафьяны-ти ёго сапожоцьки поскрипываютъ,
Онъ и русыма кудрями приростряхивать,
А бѣлыма ручьками всё розмахивать,
Златыма-ти перстнями принащалкивать;
Какъ самъ онъ говорить да таковы рѣчи:
15. „Ужь ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
А какъ съѣзди-ка да въ проклятú Литву
Да отъези-ка царю Батыю поплину,
А какъ поплины-то сорокъ тысячей
Да за ти же за три годика,
20. Да съведи-ка триста удалыхъ добрыхъ молоцовъ,
А петъсотъ съведи красныхъ дѣвушокъ“.
Говориль-то Сдунай сынъ Ивановичъ:
—Я нейду ко Батыю царю поганому,
Не веду-тко я триста 'далыхъ добрыхъ молоцовъ,
25. Да не дамъ-то я петъсотъ красныхъ дѣвушокъ
На поруганьё ихъ красы дѣвичей,
Да не буду ёму платить дани-поплины;
Да какъ могу ему сѣчь да буйну голову.—
„Поѣжай-ко-се, Сдунай да сынъ Ивановичъ“.
30. —Ужь ты только дай мнѣ двухъ брателковъ названья:
Какъ перьвого брата Добрынюшку Микитича,
А второго брата Михайлушка Игнатъева.—
„Ты бери-тко кто тибѣ надобно,
Ты бери-тко моей силы сколько надобно“.
35. —Ужь ты вой еси, красно солнышко, Владимиръ князь!
А и шьто же мнѣ губить народъ понапрасному?
А погубимъ то ёго троима,
Розоримъ ёго всё царьско жа,
Что навѣку не вспомянуть нащей дани-поплины.—
40. А какъ ставали богатыри на рѣзвы ноги,
Ай брали они шапочьки мурванки,

- Надѣвали на свои-ти буйны головы,
Пошли они по своимъ домамъ,
По своимъ домамъ да по своимъ дворамъ;
45. Да сѣдлали, уздали они добрыхъ коней.
Только видѣли богатырь' какъ сбиралисе,
А сбиралисе да одѣвализе:
Они осѣдлали обуздали, коней добрыя,
Они скоро лёкко скакали на добрыхъ коней,
50. Да изъ города поѣхали воротами,—
Не воротами поѣхали не широкима,
Они скакали чересъ стѣну городовую,
Чересъ башню-ту наугольную;
Тольке видѣли—въ чистомъ поли курёва стоитъ,
55. Курёва стоитъ, да тольке три столба столбитъ.
Они скоро поѣхали въ царьско батырьскоё,
А въ батырьско царьско всё къ царю Батыю.
Какъ пріѣхали къ ёму на широкой дворъ,
Они не спрашиваютце у дверей придверьниковъ,
60. А заѣжаютъ прямо на широкой дворъ.
Они сходятъ со добрыхъ коней,
А становятъ он' коней среди двора,
Среди двора у дубова столба,
А вязали они за златы кольчя.
65. А какъ говорить Здунай таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, братъ мой крестовыя,
Тотъ же молодой Михайлушко Игнатьевичъ!
Карауль ты своихъ добрыхъ коней,
Чьтобы не отвезали у насъ всё добрыхъ коней.
70. Да какъ послушай ты моёго наказанья:
Неравно закрипятъ наши плечи богатырьскія,
А зазвенятъ-то наши сабли вострыя,—
Да сѣки на двори и старого и малого,
Не оставлей ты не единого тотарина“.
75. Заходятъ онѣ да на красно крыльчѣ,
А со красна крыльчя да на новы сѣни,
Заходили они въ полаты королевскія,
Какъ бьютъ челомъ царю Батырину,
Ай бьютъ челомъ 'нѣ, ниско кланяютце.
80. А да какъ самъ-отъ сидитъ на стули рыта бархата:
„Ужъ вы здрастуйте, пріѣжжи добры молодци!
А вы пошто пришли ко мнѣ, пріѣхали:
А ли вы пришли по́сломъ посланы,
Или служить мнѣ-ка пришли вѣрой-правдою,
85. А вѣрой-правдою, неизъмѣною?“
— Мы пришли къ тебѣ не служить не вѣрою, не правдою,
Мы пришли-то отъ князя отъ Владимира:
Не хочеть-отъ Владимиръ платитъ тобѣ дани-пошлины;
Мы пришли за старой годъ получить дань-пошлину;

90. А нѣ такъ—розобьѣмъ, розоримъ всё твоѣ вѣдь царьствіе.—
„Ай ужъ вы гой еси, удалы добры молоцы!
Ой не дамъ-то вамъ я дани-пошлины;
А да сбберу я свою силу-множество,
Пошлю я своихъ сильныхъ богатырей,—
95. А да какъ вѣдь тутъ розорять славѣнъ Кіевъ-градъ;
А да созову на чисто полѣ своихъ богатырей“.
А какъ говорилъ Здунай да сынъ Ивановичъ:
„Поѣжай-ка, Добрынюшка, съ Михайлушкомъ да во чисто полѣ;
Убейте у ёго двѣнадцать всехъ богатырей“.
100. Какъ тутъ пошолъ Добрыня на широкой дворъ къ Михайлушку:
„Отвязай-ка, Михайлушко, своего добра коня“.
А да они скоро лёкко скакали на добрыхъ коней,
Ай да какъ поѣхали они да во чисто полѣ;
А да какъ наѣхали въ чистомъ поли всехъ Батыина богатыри,
105. А да кричали они зысьнимъ голосомъ:
„А вамъ полно-то спать, богатыри, въ чистомъ поли!“
Какъ услышали богатыри да таковы слова,
Ото сна они да пробужалисе,
А да какъ отъ хмелинушки да просыпалисе;
110. Какъ увидѣли руськихъ-то двухъ богатырей,
Какъ тутъ богатыри Батырина да испугалисе,
На уѣсъ поѣхали ко городу къ Батыину.
Какъ состыкъ Добрынюшка съ Михайлушкомъ,
А состыгли ихъ да на чистомъ поли,
115. Осѣкли имъ по плечъ да буйны головы.
А да какъ пріѣхали къ Батыю на широкой дворъ,
А да говорятъ они да таковы рѣчи:
„Государь ты, всё Батыринъ царь!
Мы побили твоихъ сильныхъ богатырей“.
120. Какъ учуелъ тутъ царь Батый,
А закричалъ тотаринъ во всю голову,
Какъ полата ёго да потрясаласе.
Заревѣлъ-то тутъ тотаринъ позвѣриному:
—Вы скорѣ идите ко мнѣ, бѣжите съ голову на голову,
125. И хватайте трѣхъ-то руськихъ могучихъ богатырей.—
Какъ набѣжала та сила бесчѣтная,
Они скоро скакали на добрыхъ коней,
Какъ зачели они рубить-то всё тотаровой
Да по широку двору поѣживать.
130. Какъ закрычали тутъ тотарова-уланова,
А какъ царь-отъ самъ-отъ на убѣгъ бѣжить,
И крычить онъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы руськіи могучіи богатыри!
А да вы оставьте хоть на сѣмена,
135. Не рубите-ко ихъ да до единого“.
А какъ прирубили-прибили многи тысени,
Говорилъ то царь Батыринъ таковы рѣчи:

- „Не рубите моего народу понапрасному,
Я одамъ назать князю дань, вѣдь пошлину,
140. Какъ буду платить дань князю, всё вѣдь пошлину.
Вы берите у мя злата, сколько вамъ вѣдь надобно,
А да отвезите князю Владимиру“.
Получили они дань да за вси годики,
Какъ прощались съ царёмъ Батыринымъ.
145. „Вы прошшайте добры молодци!
Я не буду находить вѣкъомъ на князя на Владимира“.
Какъ прѣхали богатыри да въ красенъ Кіевъ градъ,
А да привезли они много дани-пошлины,
Привезли они золотой казны бесчетной жа.
150. Говоритъ князь да таковы рѣчи:
„Ужь вы гой еси, мои руські богатыри!
Какъ чимъ вѣдь буду я васъ жаловать?
Подарю-то вамъ по шубоцьки да соболиныя,
А да наложу на шубочки да по три пуговки:
155. Какъ перьва-та пуговка будётъ въ петьсотъ рублей,
А втора-та пуговка въ цѣлу тысячу,
А да третьей-то пуговки—цѣны ей нѣтъ.
Подарю вамъ по шапочки по мурванки;
А какъ въ тихъ-то шапочкахъ по перышку
160. Того жа орла орловича:
Сидить-то онъ среди моря на сѣромъ камешки,
Какъ щиплётъ-рвѣтъ изъ себя эти перышка,
А какъ кажно перо стоитъ петьсотъ рублѣвъ“.

№. 17.

С а д к о .

- Бываль-живаль Сатко-купецъ богатый.
А какъ и'-за того-то моря синего
Да пришоль-то онъ ко славному ко городу ко Кіеву.
Ай сидѣль-то Сатко при чесномъ пиру,
5. А какъ пиль-то, ѣль, сидѣль, хвасталь жа:
А я сколько по морю-морю не хаживаль.
Я морьскому царю пошлину не плачиваль“.
А тутъ хвасталь-то во Кієви товарушки повыкупить,
На свои-ти трицетъ кáраблей повыгрузить.
10. А какъ заутра во Кієви товарушка вдвоѣ-то прибыло,
На вторы-ти сутки вдвоѣ-втроѣ навезли,
А на третьи сутки ише больше старого прѣставили.
Ай нагрузилъ онъ свои цѣрны карабли

- Разноличьныма-то всякими товарами.
15. Да какъ потянула ёму повѣтеръ тиха способная;
Да какъ отправилсѣ Сатко да во синѣ морѣ,
Во синѣ морѣ да во своё мѣсто.
Какъ та земля да спотаиласе,
Ихна-та земля здремѣниласе ¹⁾).
20. Какъ Саткоськой-отъ карапъ некуды нейдѣтъ,
А инѣ-ти карабли какъ соколы летять.
Какъ купецъ Сатко по палубы похаживать,
А какъ онъ съ ножку на ножку переступываль,
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы слова:
25. „Ужъ вы слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужъ вы водолащики мои молѡдыя!
Да сходите-тко въ синѣ морѣ,
Ай во синѣ морѣ да подъ чернѣнъ карапъ:
А не на лудѣ-то ²⁾ стоитъ мой чернѣнъ карапъ не на подводныя?“.
30. А какъ тутъ слуги да не ослышились,
А скинывали онѣ своё платьѣ чвѣтноѣ,
А скакали они во синѣ морѣ,
Ай во синѣ морѣ да подъ чернѣнъ карапъ;
Ай выставали ³⁾ они на другомъ боку,
35. Ай выходили они да на чернѣнъ карапъ,
Сами говорили таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, Сатко-купецъ богатыя!
А какъ не на луды стоитъ нашъ чернѣнъ карапъ не на подводныя.—
А какъ говорилъ Сатко-купецъ богатыя:
40. „Ай ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрныя!
Да какъ должно быть, держитъ Морьской царь,
Ай какъ просить онъ да виноватого.
Ужъ вы слуги мои вѣрныя!
А вы дѣлайте-ка по жеребью да по бѣлодубову“.
45. Ай какъ тутъ слуги да не ослышились,
Ай какъ дѣлали они по жеребью.
„Вы мечите-ка эти жеребѣи вѣдь на воду“.
Они здѣлали по жеребью,
Какъ бросали жеребѣи вѣдь на воду.
50. Какъ инѣ-ти жеребѣи поверьхъ воды пловуть,
А Саткоськой-отъ пошоль кѡ дну каменѣмъ.
А какъ говорилъ Сатко-купецъ богатыя:
„Вы спускайте лѣхку шлюпочку“.
Ай какъ бралъ онъ съ собой золоты гусельки розрывчаты ⁴⁾,
55. А да какъ вѣдь садилсѣ въ лѣхку шлюпочку,
Какъ прошпаитце, самъ слѣзами обливаитце:

¹⁾ Т. е. «вспремѣнилася», замѣнилася.

²⁾ Луда—выдающійся изъ воды плоскій камень.

³⁾ Выставать—подниматься изъ воды.

⁴⁾ Въмѣсто «яровчаты»—яворовыя.

- „Вы прошшайте-ка, прошшайте мои слуги вѣрныя!“
А какъ прошшались его слуги вѣрныя:
— Ты прошшай-ка нашъ, Сатко-купецъ богатыя!—
60. Какъ Саткоськой-отъ карапъ какъ сокóль политьль.
А ка заспаль тутъ Сатко-купецъ богатыя
А во той жа во легонькой во шлюпоцьки,
А какъ пробужаитце купецъ богатыя
А сидить-то у Морьского царя за дубовымъ столомъ косисьчатымъ.¹⁾
65. Какъ спрашивать Сатка-купца богатога:
„Ужь ты, Сатко-купецъ богатыя!
А ты жонать живёшь, али холосъ словёшь?
А да ты возьми жа у мня дѣвушки красныя:
Есь-то у мня-то три дѣвушки хорошія;
70. Одна-то есь то красна дѣвица Чернавочка.“
— Да какъ ту-ту возьму за себя замужъ,
Ай уйду-то я да во своё мѣсто. —
А какъ тутъ Сатко за столомъ да засыпаитце;
Какъ отъ сна вѣдь онъ да пробужаитце,—
75. Ай сидить то въ доми у себя
За тѣма столами бѣлодубова
Какъ съ той жа дѣушкой Чернаушкой,
А да они пьютъ, ѣдятъ, всё вѣдь кушаютъ.
А во ту пору пришли ёго да чѣрны карабли,
80. А да они идутъ не съ цесъти, не съ радосью,
А не здымають флаковъ на маштахъ жа,
Тольке держатъ флаковъ въ полъ-маштахъ жа.
А да какъ стрѣчалъ Сатко свои да чѣрны карабли
Какъ со своею съ молодой женой.

№. 18.

Дюкъ Степановичъ.

- Какъ во той-ли Корелушки богатыя
Какъ жилъ то-быль богатая богатына.
Тотъ же Дюкъ сынъ Степановичъ.
Да широко было ёго строеньице устроено:
5. А строеньице устроено да на семи вѣрстахъ,
На семи вѣрстахъ на семидесети семи столбахъ;
Ай на углахъ было, построены да церквы Божія,
Ай таки да черквы всё Миколины;

¹⁾ Косяцатый—изъ струганыхъ досокъ.

- А кругомъ дому была ограда красна дерева,
10. А красного дерева, всё окована,
Не спримѣтитъ какъ, не зайти къ Дюку на широкой дворъ;
У конюшень были дѣвери всё хрустальнія.
А да какъ не бѣленька берѣзонька шатайтце,
Да не сырой дубъ да погибайтце,
15. А не муравая трава къ земли клонитце,—
Какъ Дюкъ-отъ Стѣпановичъ родной матушки въ ноги надаётъ,
Ай да какъ просить у ей благословленьица
Какъ ѣхать въ славѣнъ Кіевъ градъ
Какъ ко ласкову князю ко Владимиру—
20. Посмотрить ёго князя да со княгиною,
Посмотрить всихъ руськихъ могучихъ богатырей.
Даётъ ёму матушка благословленьица
Какъ ѣхать во славѣнъ-отъ Кіевъ градъ,
А даётъ ёму, сама наказывать:
25. „А неровно ты, дитетко, напѣсьсе зелена вина,
Ты ничимъ при пиру сиди, не хвастай жо,
Ай да ты ничимъ не похваляйсе жа“.
Какъ приказаль слугамъ вѣрнымъ жа
Сѣдлатъ-уздать добра коня наступчива;
30. Тутъ слуги ёго да не ослышились,
Скоро сѣдлали-уздали ёго добра коня,
Ай да какъ сталъ сынъ наряжатисе да собиратисе,
Да клалъ онъ съ собой подорожничьковъ немножечко
А какъ въ ту же суночку-котомочку,
35. А та была суночка да рыта бархата,
А какъ ляпочки были у суночки семи шолковъ,
А да какъ высажины да скатнымъ жемчугомъ,
Посажоно было въ эти ляпочки по камушку да самочвѣтному;
А какъ одѣвать онъ самъ соби да платьѣ чвѣтнѣ,
40. А платьѣ чвѣтнѣ да подорожнѣ;
А какъ молитсе онъ Спасу всё Пречесному,
Ай да покланяйтце Матери Божьей да Богородици,
Да пропайтце да со своей родной матушкой.
Ай да какъ пошѣлъ Дюкъ сынъ да Стѣпановичъ
45. Ай на тотъ да на конюшей дворъ,
Скоро Дюкъ скакаль да на добра коня,
Скоро онъ съѣжалъ да съ широка двора;
Какъ ѣхалъ перьвой день съ утра до вечѣра,
А да ѣхалъ второй день съ утра до вечѣра,
50. А на третій суткі пріѣхалъ ко городу ко Кіеву;
Скакаль-то онъ черезъ стѣну городовую,
А черезъ ту же башню наугольною.
Заѣжалъ онъ ко Владимиру да на широкой дворъ,
Соходилъ-то онъ круто да со добра коня,
55. Становиль коня да къ дубову столбу,
А вязаль-то коня да къ золоту кольцю,

- А пошоль-то со двора да на краснѣ крыльцѣ,
А со красна крыльця да на новы сѣни,
А съ новыхъ сѣней въ полаты княженевскія,
60. Какъ молитсе онъ Спасу всё Пречистому,
А какъ Матери Божьей Богородици,
Ай ка бѣтъ челомъ князю да со княгиною
А какъ о ту же о рученьку о правую,
А какъ князьямъ-бѣярамъ всё о лѣвую.
65. Какъ садиль-то Владимиръ гостя во болшо мѣсто.
Наливали ёму чяру зеленѣ вина,
Што не малу, не велику—въ полтора вѣдра;
А да не берѣтъ-то чары во праву руку,
А да не хочѣтъ пить да зелена вина.
70. А какъ вси тутъ сидятъ пьяны-веселы,
А какъ вси-то сидятъ пьютъ, ѣдятъ и кушаютъ;
А почесѣнъ пиръ идѣтъ у ихъ навѣсели.
А какъ вси они сидятъ да пьяны-веселы,
А сидятъ-то они, всё вѣдь хвастають:
75. Какъ богатой-отъ вѣдь хвастатъ золотой казной да государевой,
Какъ иной-отъ хвастаѣтъ да широкимъ дворомъ,
А какъ сильнѣй-отъ хвастатъ своей силою,
А какъ умной-отъ хвастатъ роднымъ батюшкомъ,
А разумной хвастатъ родной матушкой,
80. А какъ глупой-отъ хвастатъ всё родной сѣстрой,
Неразумной-отъ вѣдь хвастаѣтъ да молодой женой.
Какъ сидитъ-отъ Дюкъ Стѣпановичъ, ничимъ не хвастаѣтъ.
А какъ говориль-то князь да таковы рѣци:
„А прѣжхой гось сидитъ, не пѣтъ, не ѣсъ, не кушаѣтъ,
85. Какъ не кушаѣтъ, да ничимъ не хвастаѣтъ,
Какъ по имени-отъ Дюкъ Стѣпановичъ.
Тибѣ што развѣ мѣстомъ я ѡбсадиль,
Али винной чарой тибя ѡбнесли,
Эли князья-бѣяра надъ тобой да посмѣхаютьсе?“
90. Говорить-то тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ:
— Ужъ ты гой еси, Владимиръ князь да стольнѣ кѣвской!
Ужъ ты мѣстомъ миня всё не ѡбсадиль,
Винной чарой миня-то всё не ѡбнесли,
Не князья, не бѣяра посмѣхаютьсе;—
95. Не могу-то кушать вашего-то кушанья:
Какъ пахнѣтъ вашо кушанье на сосенку,
Какъ на то же на сосново на помѣлышко.
Какъ у мя-то родна матушка пекѣтъ колачики,—
Э колачикъ-отъ съѣшь, другого хочитце.
100. О третьѣмъ колачики душа бажитъ ¹⁾.
У мя въ печки пашуть ²⁾—помѣлышко шолкѡвоѣ,

¹⁾ Бажать—стремиться, любить.

²⁾ Пахать—мести.

- Окунають въ ту воду-то всё мѣдовую.
А да я ише да тимъ похвастаю:
Да какъ своимъ да свѣтлымъ платицѣмъ,
105. Э мнѣ не надобно не шить-кроить да платья цвѣтного,
А какъ будѣтъ мнѣ носить на три годика;
Ише вдвоѣ лѣжить платья не шитого,
Не шитого лѣжить, кроёного.
Какъ есь у мня золотой казны несчотно жо.—
110. Какъ закричали бояра кособрюхія:
„Ай ужъ ты гой еси, мужичѣнко ты прѣхаль задвѣнщина!“¹⁾
А говорили князю таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, Владимиръ князь да стольнѣ-кѣвськой!“
— Ужъ вы гой еси, мой князя-боѣра!
115. Я не буду садить госьтя прѣжжого;
А да какъ вѣдь нужно посмотреть ёго имѣнницо,
А тогды садить ёго да 'тѣмну тѣмницю.—
Говориль-то князь да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
120. Ужъ ты гой еси, Олѣшинька Поповичъ младъ!
Вы берите чернилъ, бумагъ да сколько надобно,
Ужъ вы поѣжайте-тко въ Корелушку богатую,
А да опишите-ка имѣнницо Дюка сына Степанова,
Пересчитайте-ка его золоту казну да осудареву.—
125. А какъ тутъ брали они да пуховы шляпы,
Какъ брали они много чернилъ, бумагъ,
Походили они да на широкой дворъ
А сѣдлать-уздать да всё добрыхъ коней;
Говориль-то имъ да Дюкъ Стѣпановичъ:
130. „А ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
Какъ прѣдете въ Корелу къ намъ въ богатую,
А найдите моѣ подворьицо-строеньицо,—
А не найти моихъ дверей дворовыхъ жа;
А куды вамъ заѣхать на широкой дворъ,
135. Научу да накажу вамъ добрымъ молодцамъ:
А заѣдите какъ среди дома,
А заѣдите къ окошку косиссятому²⁾,—
Кричите-ка громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты вой еси, Дюкова да родна матушка!
140. А отворь-ка намъ дворовы дъвери—
А заѣхать намъ къ тобѣ да на широкой дворъ.“
А крычала тутъ всё дворьникамъ:
„Ужъ вы дворьники мои да караульшыки!
А запустите-ка два дородныхъ добрыхъ молоцовъ.
145. Вы отворьте тутъ имъ да широки дъвери.
Какъ заѣхаль Добрынюшка съ Олѣшенькой на широкой дворъ,

¹⁾ Въмѣсто «задвѣнщина»—по ту сторону рѣки Двины.

²⁾ Косяцатому—съ наличниками.

- Тутъ Добрыня съ Олѣшенькой да удивлялисѣ
А тому стросню-ту всё Дюкову,
Какъ было у ёго да всё устроено,
150. А устроено было да изукрашено.
Пошли они съ широка двора на красно крыльцѣ,—
На первыѣхъ сѣняхъ стрѣчаютъ ихъ кухарочки:
Они бьютъ челомъ да ниско кланятсѣ:
„Ужъ ты здрастуй, Дюкова да родна матушка!“
155. — Мы не Дюковы-то родны матушки,
Мы просты Дюковы кухарочки.—
На вторыхъ стрѣчаютъ Дюковы вѣдь горьнишья;
„Ужъ ты здрастуй-ка, родна Дюкова да матушка!“
А на третьихъ сѣняхъ стрѣчатъ да родна матушка,
160. А ведѣтъ-то во свои да свѣтлы свѣтлици,
А садила-то она на стульѣ-то рыта бархата.
„Ужъ вы гой еси, дородѣни добры молоцы,
А какъ руськія могущихъ два богатыря!
Я не знаю, какъ васъ, добрыхъ молодцовъ, да именѣмъ зовутъ,
165. Звеличить-то васъ да по отечесъву;
А да вы скажите-ко про своё имя жа и отечесъво“.
А какъ говорилъ Добрыня таковы рѣчи:
— А зовутъ миня Добрыней, по отечесъву Микитичомъ.—
Какъ Олѣшенька говорилъ да таковы рѣчи:
170. — Зовутъ миня Олѣшенькой Поповичомъ.—
Говорила тутъ Дюкова да родна матушка:
„Вы скажите-ка, гдѣ моѣ осталось чадо милоѣ,
Э на воли живетъ-то, въ тѣмной-то тѣмници?“
— А онъ не сидитъ-то въ тѣмной темници,
175. А онъ ходитъ у князя въ полатахъ княженевьскія.
А да ты скажи какъ, окажи, да родна матушка,
Окажи вперьво да платьѣ чвѣтнѣ,
Переситать ёго да платьѣ чвѣтнѣ
А записать ёго въ книги-то бѣлыя.—
180. Говорила тутъ Дюкова да родна маменька;
„Ужъ вы гой еси, слуги мои вѣрныя!
А носите-ко моѣго чяда платьѣ чвѣтнѣ,
Говорить-то она имъ да таковы рѣчи:
„А да вамъ чернилъ, бумагъ не станѣтъ жа
185. Какъ описывать ёго да платьѣ чвѣтнѣ
„Да весь нарядъ ёго да чада милого“.
А да ситали, писали ровно трои суточки,—
А на половину у ихъ не стало чернилъ, бумагъ.
А ка говорилъ Добрыня съ Олѣшенькой да таковы рѣчи:
190. — А не пустымъ-то твоѣ чядо о томъ хвасталъ жа.—
Какъ отказывали описывать да Дюково имѣнниці:
— Бумагъ, чернилъ у насъ не стало жа;
Ише вдвоѣ-троѣ описать-то есъ ёго имѣнниці;
Золотой казны ёго намъ не сосѣцятъ будѣтъ.

195. А да какъ не пустымъ-то Дюкъ вѣдь хвастался
Своею золотой казной.
А да какъ собратъ со ' ёго Кіева золотой казны,—
А дакъ то не будѣтъ за сѣго имѣнница.
Ахъ ты гой еси, родна Дюкова матушка!
200. Не хотимъ ситать вашего имѣнница,
А какъ будѣтъ всё ваше ситать имѣнница—
А не сошитати намъ будѣтъ въ три годѣ.—
А какъ собирала дубовы столы,
Какъ садила госьтей да за дубовы столы,
205. Какъ поила ихъ, корьмила дѣсыта
А да всё поила вѣдь дѣпяна.
Какъ Добрынюшка съ Олѣшенькой кушаньѣ да прилюбилось жа.
„А какъ съ роду мы не кушали да того-то кушанья!“
Напивались, наѣдались они дѣсыта,
210. Выходили изъ-за тихъ столовъ да бѣлодубовыхъ,
А молилися онѣ Спасу всё Пречистому,
Да прошаютсе съ Дюковой да родной матушкой;
„Ты прошай-ко-се, Дюкова да родна матушка!“
— Вы прошайте-ко, дородьни добры молодци!
215. Какъ пріѣдете въ славно-Кіевъ градъ,
Заступите-ко, замолвьте таковы слова:
А што бы князь Владимиръ не казнилъ, не вѣсилъ бы.—
Какъ поѣхали богатыри да съ широка двора,—
А отпирали ти дѣвери широкія,
220. Выпускали ихъ добрыхъ молодцовъ.
Какъ поѣхали богатыри путѣмъ-дорогою;
А путѣмъ ѣдутъ дорогою, розговаривають:
„Какъ есь ли на свѣти така богатина!“
А да какъ пріѣхали ко городу ко Кіеву
225. А ко ласкову князю ко Владимиру,
Какъ срѣчаётъ Дюкъ Стѣпановичъ да на широкомъ двори:
„А дакъ видѣли вы мою родну матушку?“
— А да она тибѣ да ниско кланялась.—
Какъ заходятъ ко князю въ полаты княженевскія,
230. А какъ молятсе онѣ Спасу пречистому
Да какъ быють челомъ князю Владимиру
„Ужъ ты здрастуй-ко, Владимиръ князь стольнѣ-Кіевскій!“
А какъ поспрошалъ Владимиръ жо:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
235. Ай описали вы Дюково имѣнница?—
Какъ говорилъ Добрынюшка съ Олѣшенькой:
„Какъ одну, имѣннѣ одну четверть жа;
Какъ писать ёго всё, ситать имѣнница,—
А не сошитать-то намъ будѣтъ ровно въ три года;
240. А не пустымъ-то Дюкъ онъ о томъ хвасталъ жа.
А да выпускай-спускай Дюка сына Стѣпанова.
Какъ собратъ намъ имѣннѣ да со всёго града Кіева,—
Не собратъ намъ за едно имѣннѣ Дюково“.

№. 19.

„Шутова старина“.

- Какъ было во городи во Тусеси, ¹⁾
А какъ не было у ихъ да предводителя,
Какъ ни князя не было ни княжевича,
А князили-то невѣстки-то, невѣсточки.
5. Какъ у ихъ промежь собой да грѣхъ пошолъ,
А грѣхъ пошолъ да ка брань пошла:
А буёвыма пѣлками — мутовками,
А какъ вострыма кѣпями — ухватами,
А чяжолыма палицеми — всё лопатами.
10. А какъ капицю они обневолрили;
Кислы-ти шти да на уходъ пошли,
А да промежу собой онѣ рохвастались:
А какъ бы тотъ былъ кисель съ прѣснымъ молокомъ,
А какъ мы бы съ нпмъ поправились, побрѣтались.²⁾

№. 20.

Небылица.

- Ай какъ сказали, братцы, сынъ на матушки поѣхалъ жа.
Да какъ ту мать роднѣ запрѣкъ подъ корень,
А молодѣ жону запрякъ прѣсѣтяжю;
Какъ роднѣ матушку посѣтегивать,
5. Постегивать да понюживать,
А молодѣ жонѣ свою подярживать.
Ай какъ сказали, братьци, на синѣмъ мори овинъ горить,
Ай овинъ горить да со мекиною.
А сказали, братьци, по чисту полю карапъ бѣжить,
10. А карабль-отъ — паруса вверьху,
А сказали, братьци, онъ да со матросами.
Какъ сказали, братьци, кобыла бѣлку лаяла,
А росширя глаза, глаза выпучилъ ³⁾.
А сказали, братьци, на ели свиная гнѣздо съвила,
15. А гнѣздо съвила да и малыхъ дѣтей съ ели свела.
А сказали, братьци, на ели была мохавка чухариной хвостъ.
А какъ, братьци, по поднебесью медвѣдь летить,
Онъ ножками и лапками помахивать,
Какъ коротенькимъ своимъ хвостикомъ поправлявать.

1) Тусесь—берестяное ведро съ крышкой для различныхъ продуктовъ.

2) Въмѣсто «поратились», т. е. повоевали.

3) Выпучивъ?

№№ 21 — 37, 39 — 42 представляют изъ себя перепечатку начальныхъ стиховъ изъ былинъ, напечатанныхъ въ сборникъ: „Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ“. М. 1901. Эти отрывки печатаются здѣсь безъ сохраненія мѣстнаго ювора, но съ удержаніемъ количества словъ въ стихъ.

№. 21. („Бѣломорскія былины“, № 22).

Сорокъ каликъ со каликою.

- А и было сорокъ каликъ да со каликою.
Собиралися калики всѣ во единый кругъ,
Во единый же кругъ они на зеленый лугъ;
Они копьца во землю всѣ испоставили,
5. Они сумочки-котомочки исповѣсили;
У нихъ сумочки-котомочки рыта бархата.
Выбирали они да атамана-та,
Атамана выбирали Касьяна Немилѣстива,
Податáманья—Михайлушка всѣ Касьяновича;
10. Они клали-то межъ собой заповѣдь великую,
Да великую они заповѣдь, немалую:
„Еще кто у насъ вѣдь, братцы, заворуетъ же,
„Еще кто у насъ, братцы, заплутуетъ какъ,—
„Мы вкопамъ того во матушку въ сыру землю“.

№. 22. („Бѣл. был.“, № 25).

Оника-воинъ.

Еще жилъ Оника-воинъ.	Навстрѣчу все встрѣчается,
Поѣхалъ Оника-воинъ;	Все Оники не ужасается.
Преѣхалъ Оника воинъ святую Русь,	Оника на конѣ ужаснулся,
Онъ побилъ многихъ русскихъ богатырей,	И хочеть острую саблю все направишь,
5. Пролилъ много у вдовъ слезъ горькихъ.	15. Какъ изъ рукъ сабля упала.
Задумалъ Оника-воинъ	Идетъ-то вѣдь чудо чудное:
Ерусалимъ-градъ разорити.	У него туловище звѣриное,
Навстрѣчу Оникѣ-воину	Еще ноги все лошадинныя,
Идетъ тутъ чудо чудное,	Голова человѣческая,
10. Идетъ все диво дивное,	20. Волосы у него до пояса.

№. 23. („Бѣл. был.“, № 28).

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики.

- Ай была-то жила вдовушка;
Что вѣдь было у ней да трое дѣточекъ:
Два сына было да все вѣдь дочь единая.
Ай задумала вдовушка думушку худую про себя:
5. „Ай чтобы мнѣ, вдовушкѣ, итти ко синему морю,
Ко синему морю, вдовушкѣ, мнѣ-ка дѣточекъ снести.
Спушу, спушу, вдовушка, дѣтей на воду,
Я положу-то на дощечку красна дерева,
Распину-то я слова, какіи мнѣ надобно,
10. По словамъ чтобы моихъ дѣтей узнавали тутъ“.

№. 24. („Бѣл. был.“, № 29).

Князь Романъ убиваетъ жену.

- Еще было во славномъ городѣ во Кіевѣ,
Еще былъ-то князь Романъ да сынъ Ивановичъ,
И была-то княгиня молода его,
А по имени-то Марья дочь Андреевна;
5. А вѣдь было у него княжно дитя,
Еще душечка Настасья дочь Романовна.
А уѣхаль-то князь Романъ Ивановичъ,
А уѣхаль-то онъ вѣдь все да во чисто поле,
Изъ чиста поля пріѣхаль къ своему двору.
10. И княжно-то дитя да порасплакалось,
Порасплакалось оно да порастѣшилось;
Не могли-то его утѣшить бабушка, все нянюшки.

№. 25. („Бѣл. был.“, № 31).

Мать князя Михайлы губить его жену.

Поѣзжаетъ князь Михайло
Во чистое поле,
Во широкое раздолье,
Оставляетъ князь да Михайло	10. „Ужъ ты мать моя, мати,
Ужъ ты маменька родная,
И свѣтъ-сударыня большая!
Ты корми мою княгиню,
Молоду жену Марфиду,
5. Свою-то княгиню,
Молоду жену Марфиду,
И наказывать князь Михайло
Своей маменьки родною,
И свѣтъ-сударынѣ большою:	15. Корми яствою-то сахарной;
Ужъ ты пой мою княгиню,
Молоду жену да Марфиду,
Еще сладкимъ ты медомъ“.

№. 26. („Бѣл. был.“, № 32).

Иванъ Дородоровичъ и Софья-царевна.

Еще было-то во городѣ во Кіевѣ,
Ай у ласкавого князя у Владимира,
Тамъ была-то у него племянница любимая,
Еще былъ-то Иванъ да Дородоровичъ.

5. Они жили были-то отъ города неподалеку тутъ.
А народъ, всѣ люди добрые про нихъ все шрводили тутъ.
Говориль-то тутъ Иванъ все Дородоровичъ:
„Ужъ ты гой еси, ты Софья ты, царевна-я!
А погинули народъ всѣ православные
10. Какъ за напи-ти за души, души праведны.

№. 27. („Бѣл. был.“, № 35).

Смерть царицы Настасьи Романовны.

Приутихло, приуныло море синее,
Приутихли, приуныли рѣки быстрыя,
Приутихли, приуныли облака ходячія:
Благовѣрная царица преставлялася,

5. Воску яраго свѣча передъ ней да загорѣлася.
Передъ ней стоятъ два младаго два царевича,
Да стоятъ они, слезно уливаются;
Во ногахъ сидитъ Настасья, дочь царевна-то,
А сидитъ она, слезно уливается.

№. 28. („Бѣл. был.“, № 36).

Кострюкъ.

Да во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
Что во матушкѣ-то было каменной Москвѣ,
Еше пд небу было все по ясному
Да по воздуху было по небесному,

5. Тамъ вѣдь мелки часты звѣздочки просвѣтили:
По чисту полю бояре всѣ разѣзжались.
Да задумаль-то Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
А задумаль-то все да онъ жениться,
Онъ не въ матушкѣ задумаль въ каменной Москвѣ,
10. Онъ во той-ли задумаль проклятой Литвѣ,
Утого-ли Темрюка-то все Темрюковича—
Да на той-ли на Марьѣ все Темрюковнѣ.

№. 29. („Бѣл. был.“, № 39).

Смерть Михайлы Скопина.

- Поѣзжаетъ Скопинъ-отъ, да князь-отъ Михайло Васильевичъ,
Поѣзжаетъ Скопинъ-отъ за Москву-рѣку.
Да наказываетъ Скопину-то родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жена:
5. „Ужъ ты душенька, Михайло да ты Васильевичъ,
Ужъ ты тотъ-ли князь да Скопинъ-отъ!
Ты не ѣзди, Скопинъ, да за Москву-рѣку:
Тамъ поставятъ тебя-то вѣдь не на пиръ зовутъ,
Не на пиръ тебя зовутъ-то, не пировать съ тобой,
10. Они тебя держать все крестника
У того-то у князя у московскаго“.

№. 30. (Бѣл. был.“, № 40).

Осада Соловецкаго монастыря.

Во Москвѣ-то было, во царствѣ,
Во прекрасномъ государствѣ,
Переборъ-то былъ боярамъ,
Пресмотръ-отъ былъ воеводамъ.	Алексѣй-сударь свѣтъ Михайловичъ:
„Ужъ ты гоѣ еси, воевода!
Я пошлю тебя, воевода,
Ко монастырю святому,
5. Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводу-то поставляли,
Воеводу-то непростого—
Его роду же непростого:
Изъ бояръ князь-Салтыкова.	15. Ко игумену честному:
Стару вѣру-то порушите,
Стары книги истребите,
На огнѣ вы всѣ сожгите“.
10. Воспрогворить-то государь-царь
нашъ,	

№. 31. („Бѣл. был.“, № 41).

Шведская война при Екатеринѣ II.

- Во Москвѣ-то вѣдь было, въ славномъ городѣ,
Ай на царствѣ-то вѣдь не было ни царя, ни царевича,
Что не младаго родимаго наслѣдника:
Туть царила-то царица благовѣрная,
5. Еще та Екатерина Алексѣевна.
Что сидѣла она, царила ровно три года;
Туть слышалъ король невѣрный шведскій-то;
Еще самъ-то онъ, татаринъ, похваляется:
„Я зайду-пойду во матушку въ Москву-городъ;
15. Напередъ я разорю въ Москвѣ да церкви Божьи всѣ,
Я тогда буду рубить со стараго до малаго,
Не оставлю я въ Москвѣ силы на сѣмена“.

№. 32. („Бѣл. был.“, № 53).

Голубиная книга.

- Находила-то тутъ все туча темная,
Туча темна находила, туча грозная
Ай со той-ли со восточной со сторонушки;
Ай вѣдь посередъ-то было поля чистаго,
5. Выпадала-то тутъ книга Голубиная.
Ай сѣзжались къ этой книгѣ Голубиною
Еще сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Еще сорокъ князей, сорокъ княжевичей,
Еще сорокъ королей, все королевичей,
10. Еще сорокъ архереевъ все съ митрополитами,
Еще сорокъ-то протопоповъ-то съ попами все;
Ай сѣзжались-то всѣ могучіе богатыри,
Ай народу православнаго да числа-сѣбты нѣтъ.
-

№. 33. („Бѣл. был.“, № 57).

Мать и дочь въ татарскомъ плѣну.

- За Дунай-рѣкой стояли злы татарнички;
Татарнички дѣль дѣлѣть,
Они дѣль дѣлѣть, да они най паять.
Доставалась-то зятю все вѣдь теща-то;
5. И не знаетъ вѣдь зять, что досталась ему тещенька.
Говорить-то татарничекъ да таковы слова:
„Увезу-то я полонянку во свое мѣсто,
Во свое мѣсто полонянку-то, да къ молодой женѣ,
Къ молодой-то все женѣ, русской полоняночкѣ;
10. Прикажу я, прикажу да три работушки:
Я перву-то дамъ работу—ей кудельку прясть,
Да втору-то дамъ работу—смотрѣть ей, лебедей стеречь,
Я третью-то дамъ работу—колыбель качать“.
-

№. 34. („Бѣл. был.“, № 62).

Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши.

- Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Добрынюшка сидѣлъ со своей рѣдной маменькой,
Они подѣ тѣмъ-то окошечкомъ косящатымъ,
Они смотрѣли все да во чистѣ поле.
5. Говорила Добрынѣ рѣдна маменька,
Пожилая вдова Омельфа Тимофеевна:
„Что пора тебѣ, Добрынюшка, жениться-то“.
Скорый отвѣтъ держалъ Добрыня своей маменькѣ:
— Я женился бы, маменька родимая,—
10. У насъ въ Кіевѣ-то дѣвушки-то всѣ замужъ да повываны.
Мнѣ-ка нужно поѣздить по дальнимъ городамъ,
По селамъ-то мнѣ и по деревнямъ-то,
Поискать-то мнѣ невѣсты, красной дѣвицы.—
Какъ вставаль-то онъ скоро на рѣзвыя ноги:
15. — Скучно, скучно здѣсь сидѣть мнѣ, добру молодцу.
Я поѣду да разгуляюся;
Что съѣзжу-то я во чистѣ поле,
Изъ чиста поля проѣду на Пучай-рѣку.—

№. 35. („Бѣл. был.“, № 63).

Бой Добрыни и Алеши съ татаринѣмъ.

- Что стояль-то шатеръ да во чистѣмъ полѣ.
Во шатрѣ-то спали два богатыря:
Что первой-отъ Добрынюшка Никитичъ-отъ,
Что второй-отъ Алешенька Поповичъ-отъ.
5. Они скоро тутъ богатыри просыпалися,
Умывалися они да ключевой водой.
Говориль-то Алешенька Поповичъ-отъ:
„Мы поѣдемъ-ка, брателко крестовый-отъ,
„Съѣздимъ на эту гору мы высокую:
10. „Не увидимъ ли чего мы, не услышимъ ли?“

№. 36. („Бѣл. был.“, № 65).

Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ).

- Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ-за синяго моря Хвалынскаго
Выходили тутъ двѣнадцать черныхъ караблей.
Подходили тѣ корабли ко городу ко Киеву,
5. Заходили они подъ самый дворець да всѣ вѣдь княжескій.
Хорошо-то эти корабли очень были да убраны:
Они убраны были, все позолочены,
Дорогими 'ни товарами да нагружены-ти;
Еще разны-ти товары все заморскіе,
10. Разны матерьи-ти были шелковыя,
Разны атласы были, бархаты.
Еще находился грузъ да красно золото,
Народилось во грузу да чисто серебро,
Еще вѣдь были въ корабляхъ каменя драгоцѣнные.

№. 37. („Бѣл. был.“, № 77).

Василій (Игнатъевичъ) пьяница.

- Какъ шло-то два тура возлѣ синѣ море,
Какъ два тура да златорогіе;
А какъ поплыли туры да на Буянъ-островъ.
А какъ пли-то туры по Буянъ-острову,
5. Да какъ тутъ навстрѣчу имъ турица да златорогая,
Златорогая турица да одношерстная:
„Ужь вы здравствуйте, туры да златорогіе,
„Златорогіе туры да одношерстные!
„Да откуда идете, да откуда путь лежить?“—
10. — Мы идемъ-то, идемъ да со святой Руси,
Со святой-то Руси, изъ города изъ Киева,
Да отъ ласковаго князя да отъ Владимира.—

№. 38. (ср. „Бѣл. был.“ № 77).

Василій (Игнатъевичъ) пьяница.

(Вновь сдѣланная запись).

- А какъ во славномъ городѣ во Киевѣ,
Какъ у ласкова князя у Владимира,
Какъ изъ Кіева богатыри повыгѣхали
По своимъ мѣстамъ, ко отцамъ, матерямъ.
5. Да ко своимъ да молодымъ жонамъ.
Да ко маленькимъ да ко дѣточкамъ.
Какъ видѣли во городи чудо чудноѣ,
Чудо чудноѣ да диво дивноѣ:
Какъ вышла да изъ того манастирї,
10. Какъ вышла Пресвятая Богородица,
А какъ на рукахъ вынесла книгу Евангелїю.
Вышла она да на быстру рѣку,
И сѣла она на сѣрой на камешокъ,
И стала какъ читать книгу что Евангелїю.
15. Какъ ходитъ царь да призадумалсѣ,
Призадумалсѣ царь да приросплакалсѣ.
А какъ во ту пору, во то время
Да пришелъ да Кудреванко-царь:
„Ужъ вы еси, татаровя-улановя!
20. „Ужъ кто изъ васъ умѣтъ порусски розговаривать?
„Вы подите ко князю посломъ пословать,
„А снесите-тко ярлыкъ скорописцятаю“.
А какъ выходитъ татаринъ немаль собой,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
25. — Я могу порусски да розговаривать,
Да я могу порусски всё розсказывать.—
Да подавалъ Кудреванко скоро ярлыкъ скорописцятаю.
Да какъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владимиру.
30. Да заходитъ онъ во полаты княженецкія,
Да не кститъ онъ своѣго лица,
Да не бьетъ челомъ князю Владимиру,
А подавать ярлыкъ да скорописцятаю.
А какъ князь Владимиръ да роспецятывалъ,
35. Роспецятывалъ ёго да просматривалъ.
Говорилъ-то татаринъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты Владимиръ-князь да стольно-кіевскій!
„Ты не бойсе устраху Кудреванка-та!“
А во ту пору, во то время
40. Да пришелъ-то калика перехожая...

(Далѣе пѣвецъ пѣлъ близко къ записи, напечатанной въ „Бѣломорскихъ былинахъ“).

№. 39. („Бѣл. был.“ № 85).

К о с т р ю к ъ.

- Какъ задумалъ Грозный-отъ царь
Иванъ Васильевичъ жениться,
Жениться да обручатися
Не въ каменной Москвѣ,
5. Да не въ святой Руси,
Не на святой Руси,
Да въ проклятой Литвѣ поганья—
У Кострюка-Темрюка молодого,
На той же на родной сестрѣ,
10. На Марѣ Темрюковнѣ.
Да просилъ онъ приданого
Полтораста просилъ улановой,
Триста просилъ татаровой,
Пятьсотъ просилъ донскихъ казаковъ,
15. Удалихъ добрыхъ молодцевъ;
Три телѣги просилъ онъ краснаго золота,
Три телѣги просилъ онъ чистаго сѣребра,
Да три телѣги просилъ мѣди все козарочки,
Три телѣги просилъ онъ скатнаго, дорогого, мелкаго жемчуга.

№. 40. („Бѣл. был.“ № 95).

С а д к ѳ .

- Да какъ хвалится Садкѳ, похваляется Садкѳ
Во Новѣ-градѣ товары всѣ повыкупить
Да на чѣрвлены на кáрабли да повываивить.
Да пошелъ Садкѳ на двѣнадцати корабляхъ,
5. Онъ приходитъ во гавань корабельную,
Ай ко той-же ко пристани лодейныя.
Да по первый день товары всѣ повыкупилъ,
На чѣрвлены на кáрабли повываивилъ;
Да на втѳрой день товаровъ больше стараго нашло.
10. Ай по втѳрой день товары всѣ повыкупилъ,
А на чѣрвлены на кáрабли повываивилъ;
Да на трѣтій день товаровъ больше стараго пришло.
А на третій день товаровъ всѣхъ повыкупить не могъ,
На чѣрвлены на кáрабли всѣхъ повываивить не могъ.

№. 41. („Бѣл. был.“ № 112).

Неудавшаяся женитьба Алеши.

- У ласковаго князя у Владимира
Заводилось пированьице, почестень пирь
Да на многихъ князей, на многихъ бѣяровъ,
Да на сильныхъ, могучихъ богатырей,
5. Да на всѣхъ поляницъ да преудалыя.
Они всѣ-то на пиру да напивались,
Они всѣ на честномъ да наѣдались.
Говорилъ-то государь да Илья Муромецъ:
„Намъ кого, братцы, послать да на Пучай-рѣку.
10. Принести-то холодной ключевой воды,
Еще тѣхъ принести да младыхъ яблоковъ?“
Говорилъ-то Алешенька Поповичъ младъ:
— Мы пошлемъ, братцы, за холодной ключевой водой,
Мы пошлемте Добрынюшку Никитича.—
-

№. 42. („Бѣл. был.“ № 116).

Небылица,

- Старину-то сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою;
Еще это, братцы, чудышко нечудное,
Еще есть-то, братцы, чудышко чуднѣй того:
5. Что по морю, морю да жернова несеть,
Еще три-то снохи да жернова дѣлятъ;
Еще это, братцы, чудышко нечудное,
Еще есть-то, братцы, чудышко чуднѣй того:
Что по синему-то морю какъ овинъ несеть,
10. Да овинъ-отъ горить да съ соломою;
Еще это чудо, братцы, нечудное,
Еще есть-то, братцы, чудышко чуднѣй того.
-

III.

ОБРЯДОВАЯ ПѢСНЯ.

З д у н а й.

(Рождественская величальная пѣсня, которую поютъ мужчины хоромъ въ 20—30 человѣкъ, величая хозяина богатаго дома. За пѣніе они получаютъ отъ 50 коп. и дороже. Припѣвъ «Зьдунай» повторяется послѣ каждаго стиха. Записана въ Верхней Золотицѣ отъ В. И. Чекалева въ 1899 году).

Благослови, сударь-хозяинъ, ко двору прійти,
Зьдунай!

- Ко двору-ту намъ прійти да на красно крыльцѣ взойти,
По новымъ сѣнямъ проти, ' свѣтлу свѣтлицю зати,
5. Намъ по лавочкамъ цѣсь да какъ Здуная-та спѣть!
Да какъ по морю, морю, морю-ту синѣму
Да бѣжало выбѣгало тридцетъ караблей,
Тридцетъ караблей бѣжало безъ единого карабля;
Да тридцатой-отъ карабль напередъ всехъ забѣгалъ,
10. Напередъ забѣгалъ, да какъ соколикъ-отъ залеталъ.
Онъ вѣдь хоботы мечѣ по-зъмѣиному;
Да какъ носъ-отъ, корма была по-звъѣриному,
Да бока-ти звездѣны были по-турецькому.
Да намѣсто очей было у карабля
15. Да по дорѣгому-ту каменю самоцвѣтному,
Да намѣсто бровей было у карабля
По дорогу соболу по сибирьскому,
Да намѣсто ушей было у карабля
Да по дѣрогой лисици по бурнасъцяття.
20. Да какъ палуба на карабля кипарису-ту дерева,
Да какъ якори на карабля булатныя,
Да какъ синѣго булату всё заморьского,
Да какъ машты на карабля кизилѣвыя,
Да какъ штаки-ти, ванты были шѣлковыя,
25. Да какъ блоки-ти, ноки были точѣныя,
Да какъ бѣгова была оснасточка семишѣлковая,
Синѣго шолку Самохиньского,
Да какъ парусы на карабля полѣтъяныя,
Тридцетного полотна было заморьского.

30. Хорошо-то было на карабли устроено:
Да устроена бесѣдушка удалымъ молодцомъ,
Ише на имя Олексѣемъ-сударь-Владимѣровичемъ.
Во бесѣдушки сидѣлъ да какъ удалой молодець,
Ише на имя Олексѣй-сударь-Владимѣровичь.
35. Ёнъ ходилъ-то, гулялъ вдоль по караблю,
Да строгалъ онъ вѣдь стружочку изъ калёной изъ стрѣлы,
Да металл-то эфту стружочку во синее во морѣ,
Уронилъ со правдой руки злаченъ перьстень.
Возговорилъ-промолвилъ удалой молодець:
40. „Ужъ вы слуги ли, слуги, слуги вѣрныя мои,
Слуги вѣрныя мои, да рыболовщицки!
Да берите-тко, слуги, да золоты-ти мои ключи,
Отмыкайте-тко, слуги, да окованы-ти сундуки,
Да берите-тко три нѣвода, три шолковыя,
45. Да замѣтывайте нѣводъ во синее во морѣ“.
Ише тутъ ёго слуги да не ослышились они,
Да какъ брали три нѣвода, три шолковыя,
Да замѣтывали нѣводъ во синее-то во морѣ;
Да не выловили они злачёного перьсьня,
50. Только выловили три окуня,
Да три окуня они да златопѣрые:
Да какъ первой-отъ окунь во петьсотъ рублей,
Да какъ второй-отъ окунь въ цѣлу тысячу,
Да какъ третьему-ту окуню цѣны-то ему нѣтъ;
55. Да какъ есь ёму цѣна да во Новѣгородѣ.
Ишше есь какъ тутъ общѣншичѣкъ удалой молодець,
Ише на имя Олексѣй-сударь-Владимѣровичь-соколь.
Ише дай Бохъ тебѣ на житьё, на бытьё,
На карабляхъ тебѣ ходить да карабельшикомъ,
60. На лодьяхъ тебѣ ходить да какъ лодельшикомъ,
Да на многія лѣта, на многія!
Затимъ здрастуй - живѣшь, да Олексѣй - сударь-Владимѣровичь-соколь!
Да розьдѣлайсе добромъ, прикупи-тко вина ведро,
Да по рюмочьки винця, по стокашику пивця,
65. По стокашку пивця да на закуску-ту колачя.
-

IV.

СВАДЕБНЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

Л. М. Стрѣлкова—№№ 44—47.

А. П. Бурая и А. И. Лыткина—№№ 48—54, 58—61.

Н. А. Лыткина—№№ 55—57.

Золотицкія свадебныя обряды представляютъ изъ себя цѣлую драму, въ которой дѣйствующими лицами являются женихъ съ невѣстой, ихъ родители, тысяцкій, дружки, плачей и подружки невѣсты. Эта драма состоитъ изъ 5-ти дѣйствій: рукобитья, дѣвьяго стола, смотрѣнья, отпуска къ вѣнцу и княжого стола, и сопровождается цѣлымъ рядомъ пѣсенъ и причитаній. На рукобитья отецъ невѣсты угощаетъ виномъ и чаемъ жениха и сватовъ, изъ которыхъ главный называется тысяцкимъ. Послѣ этого невѣста, закрывшись кисейнымъ платкомъ, заводитъ слезливымъ голосомъ первую плачь, т. е. причитаніе. Когда невѣста окончитъ плачь, ее повторяютъ 2 или 3 плачей, но уже другимъ напѣвомъ.

Другой день начинается дѣвьямъ столомъ, во время котораго невѣста угощаетъ своихъ подружекъ, помогавшихъ ей шить приданое, причемъ онѣ поютъ величальныя пѣсни жениху и его провожатымъ. Вечеромъ происходитъ смотрѣнье, на которое женихъ является не только съ дружками и тысяцкимъ, но и съ родителями. Церемонія начинается съ того, что женихъ обмѣнивается подарками съ невѣстой, торжественно введенной сватями подъ руки: она подноситъ ему шелковый платокъ, а онъ надѣваетъ ей на руку обручальное кольцо. Послѣ того, какъ рядовая рюмка обойдетъ всѣхъ присутствующихъ, невѣста заводитъ цѣлый рядъ плачей.

На другой день невѣста, проснувшись очень рано, будитъ плачью свою сестру и проситъ ее принести три ножа и внести ихъ въ ея трубчатую косу, чтобы мать не могла ее расплести и снять повязку. Сестра, конечно, не исполняетъ просьбы, и мать, несмотря на вопли невѣсты, снимаетъ дѣвьячью повязку и распускаетъ волосы; длинныя ленты изъ косы невѣста раздариваетъ своимъ подругамъ. Передъ отъѣздомъ въ церковь невѣста обращается къ брату съ просьбой отвезти къ ея жениху ея постель и другіе пожитки, а также подарки будущему свекру и свекрови; эти подарки—различное платье, пирогъ, коврига хлѣба и гостинцы—зашиваютъ въ платокъ. Въ концѣ этой плачи невѣста прощается съ

Любава Стрѣлкова, бывавшая плачей на свадьбахъ.

Нарядъ невѣсты.

братомъ, а потомъ вопить послѣднія прощальныя плачи всѣмъ родственникамъ, каждому по отдѣльной плачи.

Когда невѣста готова къ вѣнцу, за ней является отъ жениха тысяцкій, и свадебный поѣздъ направляется въ церковь. Послѣ вѣнчанія молодые съ поѣзжанами направляются въ домъ жениха, гдѣ ихъ, при входѣ въ домъ, осыпаютъ овсомъ и хмелемъ, какъ говорятъ, для счастья. Здѣсь происходитъ уже послѣднее дѣйствіе свадебной драмы— княжой столъ, т. е. пиръ у молодыхъ, которыхъ зовутъ княземъ и княгиней. Во время обѣда и послѣ него замужнія женщины, игрицы, поютъ хоромъ величальныя пѣсни молодымъ супругамъ и холостымъ парнямъ; при этомъ онѣ подносятъ тому, кого величаютъ, рюмку водки; тотъ долженъ, выпивши водку, положить въ рюмку серебряную монету; въ противномъ случаѣ игрицы особенной корительной пѣснею поднимаютъ на смѣхъ скупого гостя.

Нарядъ невѣсты состоитъ изъ кисейной рубашки, лопотины, полшубка и повязки. Лопотина — это шелковый сарафанъ темнаго, обыкновенно лиловаго, цвѣта, съ 32-мя серебряными пуговицами. Поверхъ лопотины надѣвается широкая, тоже шелковая безрукавка, которая называется полшубкомъ. Повязкой называется головной уборъ, который состоитъ изъ 2-хъ частей; верхняя часть, называемая хазомъ, дѣлается изъ узорчатой парчи, а нижняя, называемая присадкой, изъ гладкой парчи, унизанной поддѣльными, а иногда и настоящимъ жемчугомъ.

№. 44.

(Поется вечеромъ на рукобитѣ).

- Посмотрю я, дитя кручинно,
Я на вси-ти чѣтыре стороны:
Я во лѣтню и какъ во сѣверну,
Я во восточню посмотрю, во западну.
5. Все сидятъ у меня, да у кручинной,
Какъ все сидятъ у мня, у горѣгорькой,
На столи, сидятъ да, воепивають.
Схожо красно-то да моѣ солнышко
Пьѣтъ вина, пьѣтъ да зелѣна вина,
10. И какъ втору-ту да пива пьяного,
И какъ третью-ту да мѣду сладкого;
И какъ пропивають мою да буйну голову
Со природьненькой-то трупцятѣй косой,
Посмотрю я, млада кручинна,
15. Я по снарядьненькимъ-то дубовымъ столамъ,
По бирьсянненькимъ бранымъ скатертямъ,

- По всяму-то я роду-племени.
Вси сидять у мня, да у круцинной,
Весёлымъ сидять да веселёхонько.
20. Схожо красно ты да моё солнышко,
Ты родитель милой мой какъ батюшка!
Какъ на што ты прильстисэ-призарилсэ,
На зелёно ли вино курёное,
На сладки водоцьки-ти морёныя,
25. На сладки водоцьки-ти да рознолисьнїя,
На крѣпки ромы-ти да загранисьнїя,
На бѣлы ли сьпирты горещя?

№. 45.

(Поется тогда же, родителямъ).

- Благослови меня, соньцё красно,
Ты крестомъ-то животворяшшимъ
Со Иисусовой молитвой,
Чуднымъ образомъ, святой иконой,
5. Пресвятой да Богородицей.
Я иду къ тебѣ, выступаю
За великимъ-то благословеньемъ:
Наложитко-се, соньцё красно,
На мою-ту буйну голову,
10. На природненьку трубятую косу,
На мои-ти да молоды годы,
На молоды-ти годы цвѣтушши.
Какъ твоя-та благословеньё
Изо дна-та моря глыбокого,
15. Изъ темна-та лѣса дрѣмуцёго,
Изъ синя-та моря выведеть.
Тебѣ спасибо, соньцё красно,
Тебѣ на хлѣби и на соли,
На обутоцьки, на одежды,
20. На дорогомъ тебѣ платяи цвѣтномъ,
На дешовомъ тебѣ на здѣржамомъ;
Стольке на томъ тебѣ не спасибо,
Што ты меня просваталъ
Молодымъ меня молодёхоньку,
25. Зеленымъ меня зеленёхоньку;
Ужъ ты нѣ далъ, соньцё красно,
Мнѣ позжить-то, покрасоватьце,
Походить мнѣ, понарезатьце
Въ дорогихъ мнѣ дѣвьяхъ нарядахъ.
30. Какъ я буду, соньцё красно,

- Отставать буду, забывати
Я твоё-то житьё красотно,
Я красотно-то, забудушшо,
Забудушшо я, беспецельнѣ,
35. Беспецельнѣ, я безначельнѣ.
Я не знаю-то, соньцѣ красно,
Я цюжого житья, незнамого;
Только какъ буду приставати
Къ цюжу дому я благодатну,
40. Ко цюжу я сыну отецьку?
Я не знаю, дитя круцинно,
У цюжа-та сына отецького,
Не ума, я не разума,
Не обыцью-ту молодецького.
45. Я тогда, моё соньцѣ красно,
Какъ буду я приставати
Ко цюжѹ я сыну отецькому?
Меня страшить страхомъ великимъ
Цюжой домъ да благодатной,
50. Богоданы цюжи родители.
Я не знаю, соньцѣ красно,
У меня, бѣдной, горегорькой,
Теперь умъ-отъ за умъ заходить,
Дума думушку побиваютъ,
55. Мысли ко сердю-те прилетаютъ;
Я не знаю, бѣдна круцинна,
Богоданы цюжи родители
Бывать,¹⁾ журливы и бранливы,
Какъ взыскательни, капризны.
60. А у меня, бѣдной, круцинной,
Помутятѣ оци ясны,
Покатятѣ горюци слезы,
Возгрубитѣ ретивѣ серьцѣ;
Я тогда, да соньцѣ красно,
65. Посудьѣцю я, дитя бѣдно,
На тебя-то, да соньцѣ красно,
Што ты отдалъ меня, побѣдну, поторопилсѣ,
Ты призарилсѣ, прельстилсѣ
Ты на домъ ихной высокой,
70. На дворъ ихной широкой,
На житьѣ ихъ на хорѣпо.
Ужъ какъ мнѣ, да соньцѣ красно,
Не по уму будѣть, не по разуму.
У тебя я, соньцѣ красно,
75. Я жила да красоваласе,
Будто сырѣ я въ масьли каталасе
Въ твоёмъ доми я благодатномъ,

¹⁾ Бывать—можетъ быть.

- Во своёмъ я житьи красотномъ,
Въ дѣвѣей жизни я беспецельнѣй.
80. Какъ теперъ у меня, побѣдной,
Всё прошло да прокатилось,
Позади да приосталось,
Сѣрымъ заюшкомъ проскакало,
Яснымъ соколомъ пролетало.
85. Я тепере, соньцѣ красно,
Я схватилась, воротилась,
По своей я жизни красотной,
Будто отъ крѣпка сна я пробудилась,
Будто отъ крѣпка я забудушного.

№. 46.

(Поется въ день вѣнчанія, когда братъ невѣсты и дружки несутъ перину къ жсниху).

- Я задрѣла-то, засмотрела
Ужъ я млада-та да ясна сокола,
Едноутробна моёго-то мила брателка.
Я спрошу у ты, младъ есѣнь соколь:
5. Ты куды миня да спровожаёшь,
Ты куды миня снарежаёшь
Ты со мяжкой миня да пириной,
Со пуховенькими со подушками,
Меня со тёпленькимъ-то одѣялышкомъ?
10. Хотъ не сказывашъ ты, младъ есѣнь соколь,
Я, малѣшенька-та, ужъ я знаю,
Я глупѣхонька-та, догадалась,
Што собирашъ меня, да младу, есѣнь соколь,
Въ цюжой домъ миня да благодатной,
15. Въ цюжи горници миня въ высоки,
нъ богоданымъ цюжимъ родителямъ.
Я скажу тибѣ, да младъ есѣнь соколь
Какъ ты приѣдешъ, ты, младъ есѣнь соколь,
Къ цюжу-ту домику благодатному,
20. Тибя со цисьти ли ты тибя примуть,
Тибя со радосѣти ли тебя стрѣтятъ—
Накажу тибѣ я, младъ есѣнь соколь:
Какъ тибя примуть, да есѣнь соколь,
Повороти-тко-се ты, младъ есѣнь соколь,
25. Ты своихъ-то коней ступистыхъ;
Тогды ужъ я выѣду, бѣдна круцинна,
Ужъ я со радости тибя стрѣцю,
Со весельица тибя примуть
Какъ цѣсны-ти мои родители.
-

№. 47.

(Послѣдняя плачь, постся, когда крестная мать расплетаетъ,
а родная—снимаетъ повязку у невѣсты).

- Приростаньтесъ-косъ, люди добры,
Ужъ вы на вси-ти чѣтыре стороны,
Ужъ вы дайте-ткосъ путь-дорожоцьку,
Не широку-ту дайтѣ дорожоцьку,
5. Какъ дотьти моей да восударыни.
Толькó заздрила я ей, засмотрила
У бѣлой я печи кирпичнѣй
Я ужъ свѣтъ восударыню.
Я побью-то целомъ, покланеюсь,
10. Объ чѣмъ я тибѣ да поконаюсе:
Ты родимая какъ жалосьница!
До снарядьненькихъ до бѣлыхъ столовъ,
До берспятненькихъ браныхъ скатертей,
До миня, бѣдной круцинной,
15. До миня, бѣдной горегорькой,
Только дойдѣшь, моя восударыня,
Не розорей ты миня, круцинной,
Не розбивай-ко-се ты буйной головы,
Не придавай, моя восударыня,
20. Во моѣ-то да ретивó серпѣ
Ты тоски-то мнѣ-ка круцинушки.
Бесъ того я стою, побѣдна,
Во пецелюшки-то ретивó серпѣ,
Во досадушки у мня великою.

(Когда сниметъ мать повязку).

- Ты сняла у мня, моя жалосьница,
Ты сняла у миня, ласкотьница,
Не пожалѣла ты дитя бѣдного
Какъ въ сѣгодешьноѣть денѣцикъ;
5. Во теперешьноѣть цясоцикъ.
Пожалѣла ты, восударыня,
Ты повязки-то красна золота
Со присадоцькой-то скатна жемцюга,
Я не приносила ей, не притрѣпала,
10. Посмотри-тко, моя жалосьница,
Лѣжить украшона-та и уряжóная
Какъ повязоцька-та красна золота,
Лѣжить помидѣла она, поржавѣла,
У желѣзика лѣжить у булатного.
15. У миня-то, бѣдной круцинной,
Какъ поблѣкло теперъ лицѣ бѣлоѣ

- Со стыду у мя да со бешшесся,
Што пристыдила, прибешшестила
Какъ денна-та моя пецельница
20. Она при всёмъ мири, при народи,
Она при подружоцькахъ люболасковыхъ.
Стою я сёгодняшней-отъ денёчикъ,
Вы подружоцьки люболасковы,
Столькò не дай-то Бохъ, не подай Бохъ,
25. Быть какъ при эфтой тоски-круцинушки—
Роставатьце-то какъ дитю бѣдному
Со превольненькой волюшкой.
Какъ вси насягають, вси какъ налегають
Вси цѣсны-ти тогды родители,
30. Тибя нехто-то не пожалѣётъ,
Какъ не схожд типере соньцё красно,
Какъ не съвѣтъ своя да восударыня,
Не дѣнна-та твоя пецельшица,
Не носья своя да бохомольшица.

№. 48.

(Поется на смотре́ньѣ, наканунѣ свадьбы).

- Отворѣцуюсь я, младá, круцинна,
Одъ зимы-то, зимы студёной,
Отъ люты́хъ пляшшихъ ¹⁾ отъ морозовъ,
Отъ рожественскихъ, отъ хрешшенскихъ,
5. Отъ снаряженьскихъ я дубовыхъ столовъ,
Отъ цюжого-то цюженіна,
Отъ цюжа несвѣдушного цѣловѣка,
Отъ бересьцятеньскихъ бѣлыхъ скатертей,
Отъ ѣсовъ-то своихъ сахарныхъ,
10. Отъ напиткиковъ да трѣлисныхъ.
Приворѣцуюсь я, млада круцинна,
Я ко лѣту-ту да лѣту тёплу,
Я ко подружоцькамъ своимъ милымъ, ласковымъ,
Ко дѣвицамъ-то душамъ краснымъ.
15. Я скажу, мои бѣлы лебеди,
Какъ я стояла, дѣтя круцинно,
Какъ выводилъ миня соньцё красно,
Миня родимой да милой брателко,
Миня со съвѣтъ своей восударыной;
20. Потъ праву́ руку выводила
Миня крестова-та хрѣсна матушка;

¹⁾ Т. е. палящихъ. *Собир.*

- Подъ лѣвѹ руку выводила
Люба ласкова миња нивѣстушка.
Ѣни вели-то миња, круцинну,
25. Среди миња полѹ дубова,
Прямъ ¹⁾ снарядьненькихъ дубовыхъ столовъ,
Прямъ цюженького цюженина,
Прямо незнающаго цѣловѣка.
Науцили миња, круцинну,
30. Мьнѣ-ка крестъ-о класьть пописаѹному,
Мьнѣ поклонѣ весьти поуцѣному
Приказали мнѣ-ка, круцинною,
Мьнѣ побить-то цѣломъ, покланетьце
Мьнѣ на фси-ти цѣтыре стороны.
35. Мьня какъ пушше втипорѣ привораѹцивали
Къ цюжу несвѣдушному цѣловѣку.
Я скажу, мои бѣлы лебеди,
Какъ я стояла, млада, дрожала,
Среди своя полѹ дубоваго,
40. Прямъ снарядьненькихъ я дубовыхъ столовъ,
Прямъ цюжого-то цюженина.
Пріонали мои руцьки бѣлы,
Подломились мои ножки рѣзвы,
Пріудрогнуло моѣ ретивѣ сердцѣ.
45. Розболѣлась моя буйна гѣлова,
Рошшумѣлось у мня ретивѣ сердцѣ,
Помутились мои оци ясны,
Покатились у мня горящї слѣзы ²⁾.
Не роздавайтесь-ко, люди добры,
50. Не давайте-ко пути-дорожки
Отъ снарядьненькихъ тихъ дубовыхъ столовъ
Ко ' ко мнѣ ити, молодой круцинной,
Ко засватаной красной дѣвици,
Ко невѣстушки заруцѣною,
55. Ко отьлѣтьненькой бѣлой лебеди,
Ко отьѣжжой красной дѣвици.
Хоть несѣтъ-то, идѣтъ, подарки,
Не беру у ѣго, не примаю,
Шѣтѣбы не пристыдилъ миња, не прибешшестилъ
60. При цѣснѣхъ моихъ онъ при родителяхъ,
При фсѣмъ роди миња, при высѣмъ племени,
При милыхъ, ласковыхъ моихъ подружоцькахъ.

¹⁾ Т. е. противъ. *Собир.*

²⁾ Невѣста отворачивается, а женихъ подходитъ къ столу и несѣтъ матерїи на платьѣ ея матери. Затѣмъ невѣста продолжаетъ причитать. *Собир.*

№. 49.

(Поется утромъ, въ день вѣнчанія, когда крестная мать невѣсты „рас-трепываетъ“ ея косоплетку).

- Проспала младà, продрѣмала
Всю приволеньку свою волю,
Всю принѣжню-ту дѣвью нѣгу,
Житьё дѣвье-то да бесь пѣцели,
5. Веспецельнинько забудушно.
Ты ставай, моя восударына,
Добывай-ко-се, моя жалосьница,
Свѣтѣль ясенькой огонѣцикъ.
Проспала, млада, продрѣмала
10. Я посылѣдненьку ноцьку останну
Я дѣвицей-то душой красной,
Я невѣстой-то заруцѣнной,
Заруцѣнненькой, засватанной.
Ты моя да лебедь бѣла!
15. Ты ставай, моя лебедь бѣла,
Едноутробна мнѣ-ка мила сѣстриця.
Объ цѣмъ я тебѣ поконаюсь:
Ты сходи пойди, лебедь бѣла,
Я налѣжу на тибя, жалосьница,
20. Службу-дружбу тебѣ невелику,
Я роботушку нецяждлу:
Ты сходи, моя лебедь бѣла,
Принеси ты мнѣ-ка, жалосьница,
Мнѣ холодненькой ключевой воды,
25. Ты умой моё лицѣ бѣло,
Уцѣши мою буйну голову,
Уплети-ко-се, лебедь бѣла,
Ты природненьку трубцяту косу;
Ты сходи, моя лебедь бѣла,
30. Ко Арханьдельцьку ты ко городу,
Ко торговишпу гостиному,
Ко прибѣжишпу у мня лодейному,
Ко становишницю корабельнѣму;
Ты ишше сходи, лебедь бѣла,
35. Ты во кузьници сходи, во мѣдници,
Ужъ ты скуй-ко-се, лебедь бѣла,
Ты три ножицька мнѣ-ка булатного,
Ты вплети, моя лебедь бѣла,
Во природненьку мнѣ трубцяту косу;
40. Когда придѣ ко мнѣ лебедь бѣла,
Роскрестовенька да хрѣсна матушка,
По кистятѣмъ-то руки отрѣжу,
Когда расплетать-то станѣ, рострѣпывать
Шьто природну мою трубцяту косу.

№. 50.

(Поется въ то время, когда мать невѣсты зашиваетъ въ „банникъ“, т. е. въ скатерть, подарки, которые невѣста отправляетъ своимъ новымъ родственникамъ; свекру полагается хлѣбъ, рубаха и штаны).

- Зашивай, моя восударына,
Ужь ты банницѣкъ цѣтьвероугольнѣй.
На первѣомъ углу вышивай
Красно солнышко со лунами,
5. На второмъ углу вышивай
Синѣ морѣ-то со волнами,
На цѣтьвѣртомъ углу вышивай
Божью церковь-ту присвешенну.
Зашивай, моя восударына,
10. Всѣ привольненьку мою волю,
Всю принѣжненьку дѣвью нѣгу.
Оставайтьце воля вольня
У тебя, моя восударына,
Во песьнѣмъ-то ¹⁾ углу, на лавоцьки.

№. 51.

(Поется, когда на столъ принесутъ перину, подушки и одѣяло ²⁾).

- Я ўздрила-то, усмотрѣла
Скрось туманъ-оци ясны,
Скрось невольненьки горюци слѣзы
Едноутробна-та мила брателка,
5. Всѣ Олексѣя-та свѣтъ-Владимировици.
О цѣмъ я тибѣ поконаюсь:
Ужь ты съѣзди-ко-се, младъ есѣнъ соколъ,
Въ цюжой домъ съѣзди благодатной,
Утощи-ко-се путь-дорожку
10. Ты ко ихному широкѣ двору,
Къ богоданнымъ цюжимъ родителемъ,
Шьтобы со цести-то миня принели,
Шьтобы со радосьти миня стрѣтили
Богоданы-ти цюжи родители;
15. Устели-тко-се, младъ есѣнъ соколъ,
Мою мяконьку мою перину
Со пуховема со подушками.
Со своей съѣзди съ молодой жоной
(имя и отчество).

¹⁾ Т. е. въ печномъ.

²⁾ Съ такимъ же причитаніемъ невѣста обращается и къ своей невѣсткѣ. *Собир.*

№. 52.

(Поется, когда мать снимаетъ повязку съ головы невѣсты).

- Я ўздрила, усмотрѣла
Скрось туманъ-оци ясны,
Скрось невольненьки горюці слёзы
Ужъ я жалобьницю свою-ту ласкотьницю,
5. Ужъ я свѣтъ свою восударыну.
Ты поди-тко мнѣ, восударына,
До миня-то, молодой круцинной,
До снарѣдненькихъ дубовыхъ столовъ.
Объ цѣмъ я тибѣ поконаюсе:
10. Ужъ ты свѣтъ моя восударына!
Не сьнимай-ко се, моя жалобьниця,
Со своей-ко-се¹⁾ буйной головы
Три повязоцьки красна золота
Со присадоцькой скатна жемцюга;
15. Ужъ ты дай, моя восударына,
Мнѣ пожить-то, покрасоваться,
Походить мнѣ, понаряжаться
Мнѣ дѣвицей-то душой красной,
Мнѣ засватанной красной дѣвицей
20. Эъ запоручёной буйной головой,
Со природьненькой трубцятѣй косою.
Ужъ ты свѣтъ моя восударына!
У тя какъ-то руки подымутьце
На мою-ту на буйну голову,
25. На природьненьку трубцяту косу?²⁾
Ужъ ты свѣтъ моя восударына!
У те какъ-то подынулись
Шьто твои руцьки рѣзвыя
На мою-ту на буйну голову,
30. На природьненьку трубцяту косу?
Я не цяла въ тебѣ, не думала,
Въ уми, въ разуми не водила,
Шьто ты соймѣшь-то съ миня, ростреплешь,
Пристыдишь миня, прибешпестишь
35. При всѣмъ миня міри, при народи,
При многѣхъ миня людяхъ добрыхъ,
При подружоцькахъ милыхъ ласковыхъ.
Я дѣржала крѣпку надіюшку
На тибѣ, моя государына.

¹⁾ «Своей» — въ смыслѣ «моей», *Собир.*

²⁾ Въ это время мать снимаетъ повязку. *Собир.*

№. 53.

(Отвѣтъ матери).

- Ты рождно моё сердеснѣ!
Ужъ я рада бы у тя снети
Украшонненькой уряжѣной.
Какъ нашло время, накатилося.
5. Я жалѣла тибя, болѣла
Я желаньненькимъ ретивымъ серьцѣмъ—
Не могла я тебя, круцинна...
Намъ пришло время, надкатилося,
Со тобой, моя лебедь бѣла,
10. Намъ ростань-то, жива розлука.
-

№. 54.

(Плачь крестной матери).

- Я уздрила-то, усмотрѣла
Крось туманъ свой-то оцы ясны,
Скрось невольненьки горюці слѣзы
Роскрестову-ту свою хрѣсну матушку.
5. Доступи, моя восударына,
До снарядьненькихъ дубовыхъ столовъ,
Да берсцятыхъ-то бѣлыхъ скатертей,
Ужъ ты до хлѣба до соли,
До миня ты младой круцинной.
10. Объ цѣмъ я тебѣ поконаюсь?
Попрошу тебя, восударына:
Не росплетай-ко-се моей, жалѣсьница,
Ты преродьненькой трубцятѣй косы,
Мнѣ-ка дай, моя восударына,
15. Мнѣ-ка пожить-то, покрасоватѣце,
Походить-то мнѣ, понаряжатѣце
Во полковыненькихъ алыхъ линтахъ! ¹⁾
Ужъ ты на, моя лебедь бѣла,
Едноутробненька мила сѣстрицы,
20. Семиполкову алу лентоцьку!
Ты носи-тко, моя лебедь бѣла,
Ты ко бусьнѣму, ²⁾ ко корыту,
Ко назѣмненькой ко лопаты,
Ты носи-тко-се, не жалѣй,
25. Ты ко сѣрѣму ты ко камешку,

¹⁾ Тутъ невѣста дасть всёмъ въ руки по лентѣ. *Собир.*

²⁾ Бусный—стиральный. *Собир.*

- Приноси-тко-се, приталуѣ,
Шьтобы мнѣ не столь-то было-то топнѣхонько.
Кабы знала бы, кабы вѣдала,
Шьто дабуть-то ¹⁾ миня, просватають
30. Шьто цѣсны-ти мои родители,—
Приносила бы, приталовала,
Приталовала бы, притрѣнала.

№. 55.

(Поется на смотреѣньѣ).

- Свѣтѣль день прошолъ, прокатилсѣ,
Красно солнышко на закати,
На закатъ пошло, закатайтѣ
За круты горы за высѣки,
5. За тѣмны лѣса за дрѣмѣци;
Посяжать нашо соньцѣ красно
Въ грозно синѣ-то солонѣ морѣ.
Всѣ прошло время, миновалось,
Шьто житьѣ-то моѣ красотно,
10. Житьѣ дѣвьѣ-то безпецельнѣ,
Безуцельнѣ-то, забудѣшино:
Вси гульбы мои, проклады,
Вси ужъ дѣвицы вси забавы!
Всѣ прошло время, миновалось,
15. Назади время оставалось.
Соколѣмъ время пролетало,
Колѣсомъ время прокатилось,
Сѣрымъ заюшкомъ проскакало,
Горносталюшкомъ прорыскало.
20. Всѣ прошло теперъ у мня, миновалось
Со цѣсныма своима родители!
Мнѣ не вѣкъ теперъ съ вами не вѣковати,
Мнѣ не годъ у васъ годовати,
Мнѣ не зимушка зимовати,
25. Не весна съ вами весновати,
Мнѣ не осень у васъ провожати,—
Одна ноценька мнѣ ноцѣвати
У цѣсныхъ своихъ у родителей,
У сирьдечьненькихъ доброхотовъ.
30. Я не-знай, какъ теперъ ты, круцинна,
Не-знай стоя мнѣ-ка простоети,
Не-знай лёжа мнѣ-ка пролѣжати,

¹⁾ Будущее время. *Собир.*

- Не-знай думушка мнѣ-ка продумать?
Всѣ ставайтѣ у мя ужъ воля вольня
У схожѣ своя соньця красна;
Оставайтѣ нѣга нѣжна
35. У родимой моей милой матѣнки,
Какъ во пѣснѣмъ углу у мя, на лавоцьки,
У родимыхъ моихъ милыхъ сѣстрицей;
Какъ гроза моя, стромѣ велика
Переди мя убирайтѣ,
40. Въ оковѣнъ сундукъ замыкайтѣ,
Въ цюжой домъ она убирайтѣ,
Въ цюжи горьници у мя высоки,
Ко цюжому-ту цюженину,
Ко цюжу, несвѣдушшому цѣловѣку.

№. 56.

(Невѣста проситъ благословенія у отца).

- Я иду, дитя круцинна,
Я иду и достаю
И ко красному солнышку,
Ко родителю, ко батюшку,
5. Ко тебѣ, мое соньцѣ красно!
Рѣзвы ножоцьки со подломомъ,
Бѣлы руцюшки со подносомъ,
Ретивѣ серьцѣ со покорносью,
Буйна гѣлова со поклономъ,
10. Мой рѣцисть языкъ съ разговоромъ.
Благослови, моѣ соньцѣ красно,
Великимъ мяня благословлѣнѣемъ,
Со Исусовой со молитвой,
Со крестомъ-то животворяшшимъ,
15. Цюднымъ образомъ мяня, иконой,
Мяня иконой—Миколой
(или: Пресвятой мяня Богородицей),
Мнѣ во первѣй наконъ, во останошной,
Мяня дѣвицею-душой красной,
20. Мяня невѣстую заруцѣной,
Заруцѣной мяня, засватаной.

-
- Ужъ мы сѣдѣмъ съ тобой, соньцѣ красно,
Во первѣй наконъ, во останошной
Подъ бѣлѣ стѣну подъ дубову,
25. Во большо мѣсто во невѣстино,

- Мы на стуль¹⁾ сѣдѣмъ красна дерева,
Мы на подушоцьку рыта бархата.
Тебѣ спасибо, мой соньцѣ красно,
Тебѣ на хлѣби и на соли,
30. На дорогимъ цѣи, на душистомъ,
На дорогихъ, сладкихъ на гостиньцѣхъ!
Тебѣ спасибо, мой соньцѣ красно,
На обутоцьки, на одежды,
На дорѣгомъ твоѣмъ платьѣ цвѣтномъ!
35. Я жила у тя, красовалась
У схожа красного своя солнышка,
У родителя-отця-батюшка,
У крутой горы, у высокой,
У крѣпкой стѣны городской,
40. Будто сырѣ я въ маслі каталась
По серебряной торелки! •
Только на томъ тебѣ не спасибо—
Не постоялъ по мнѣ, не подорожилса
За мою-ту за буйну голову,
45. За преродьненьку трупцятѣ косу!
Ужъ я цимъ-то я тебѣ наскуцила,
Ужъ я цимъ тебѣ напрокуцила?
Не могла дитя прислужитѣ,
Не пьридѣлатѣ, не приробитѣ
50. Я цяжолыма твоима роботами,
Я цяжолыма ходѣцима,
Лукодѣльицеми я сижацима.
Ужъ я, видно, у тя, соньцѣ красно,
Хлѣба, соли много у тя съѣла,
55. Видно, цяю-ту много вышила
Видно, лисѣртовъ много прѣѣла,
Цвѣтна платьѣица много прибила,
Я обутоцьки много истоптала,
Ли у дѣверей крѣики перемяла,
60. Ли бѣлъ твой полъ протоптала!

№. 57.

(Невѣста встаетъ и здоровається съ подружками).

Хоть поседѣла, поглядѣла я, дитя круцинно,
Со стыдѣ у мя лицѣ загорѣло,
Не до стыду пришло, не до сѣру ²⁾,
Не до великого до бешшесѣя.

¹⁾ Или: «На диванъ»...

²⁾ Въмѣсто «сѣрому».

5. Надо стать, видно, не проступитѣ,
Слово молвить, не проговоритѣ
Мнѣ стыдѣмъ, видно, не устыдитѣ,
Дорогимъ платкомъ не прикрытѣ.
Будѣ стати мнѣ-ка, дитю круцинну,
10. Съ-подъ бѣлой стѣны, съ-подъ дубовой,
Со стула ставать красна дерева,
Мнѣ-ка стать, мнѣ-ка, дитю круцинну,
На подломненьки ножки рѣзвы,
На бѣлыя полы на сосновы,
15. На дорогой башмакъ на сафьяной,
На бѣлой цюлокъ на гумажной,
Мнѣ побить-то цѣломъ, покланетѣ
Мнѣ на фьси-ти цѣтыре стороны:
Мнѣ во лѣтню-ту побить, во сѣверну,
20. Мнѣ во фьсточню-ту побить, во западну;
Мнѣ-ка въ лишицю поворотитѣ,
По жаланненькому поклонитѣ,
Мнѣ во лѣтну милу сторону,
Къ присвятой мнѣ-ка Богородици,
25. Край Дунай, своей рѣцьки быстрой,
Мнѣ ко крутенькому бережоцьку,
Мнѣ ко жолтенькому ко песоцьку,
Во большой уголъ ко мнѣ на лавоцьку:
„Ужъ вы здрастуйте-ко, бѣлы лебеди,
30. Все дѣвици вы души красны,
Все подружоцьки мои милы, ласковы!
Ужъ вы здрастуйте, восударыны,
Все жонѣ вы мужни хресьяньски!
Ужъ вы здрастуйте, бѣлы лебеди,
35. Все недоросьленки красны дѣвици!
Ужъ вы здрастуйте, бѣдны-злѣцясны,
Все вдовѣ бѣдны-горѣгорьки!
Ужъ вы здрастуйте, ясны соколы,
Молодцы вы все пріудѣлы,
40. Холосты вы все и жонаты,
Все со старенького до малого! ¹⁾
Не обессудьте-тко вы, бѣлы лебеди,
Не позаздрите мнѣ-ка, не подивуйте,
Шьто я не вышьла-то, васъ не стрѣтила,
45. Не дошла-то до двора широкого,
На широкой бѣлой улици,
На пробоистой на дорожоцьки,
На прекрасненькомъ на крылецюшки;
Не заводила васъ, мои бѣлы лебеди,
50. Я за ваши-ти руцьки бѣленьки

¹⁾ Затѣмъ невѣста садится на лавку. *Собир.*

- Не на новѣ сѣни на косисѣцѣты
По цѣстой лисѣвици по дубовою,
Не садила-сь, не россаживала
Не по роду-ту васъ не по племени,
55. Не по сусѣдству, не по пріятству,
Не по бѣлому-ту бѣлымъ полѣтѣнкамъ!
У мя во ту-ту какъ пору, во то время
Засвѣцѣяль моѣ сонцѣ красно
Все ланпатоцѣки у мя хрустальни,
60. Все свѣшши у мя воску ярого;
Становиль мя сонцѣ красно
Среди мя полу дубового,
Мя подъ матицю положду,
Благословляль тогда сонцѣ красно
65. Великимъ мя благословеньемъ,
Со Исусовой мя молитвой,
Со крестомъ мя животворящимъ,
Цюднымъ образомъ мя, иконой,
Мя иконой-то мя Миколой.
-

V.

ПОХОРОННЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

А. П. Бурая и А. И. Лыткина—№№ 58—61.

№. 58.

(Дочь плачетъ по матери ¹⁾).

- Мнѣ-ка сѣсь, бѣдной, злоцясною,
На брусцяту-ту бѣлу лавоцьку,
Подъ косисьцято-то окошоцько,
Сѣсь ко жалѣсници, ласкѣтници,
5. Ко бѣлу тѣлу бездушному,
Ко бездушному, ко умѣршому,
Побудить мнѣ-ка, потреложити
Отъ крѣпка сна забудѣшного,
Не станѣтъ ли, не пробудитце,
10. Не проговорить ли со мной, не промолвить ли
Все постарому, попрержному,
Ишше всё со мной подосельнѣму?
Проговори-тко-се и промолви
Хоть одно со мной словецюшко,
15. Со мной бѣдной, злоцясною,
Со мной бѣдной, горегорькою.
Пожалѣй меня и поболѣй.
И на кого ты меня оставила,
И на кого ты меня покинула,
20. Ужъ ты свѣтъ моя государыня,
Ты ѣдна моя пецельница
И моя ноцьна богомольшиця,
И розжаланненька рѣдна маменька?
Ужъ я какъ-то буду, злоцясная,
25. Безъ тебя, моя государыня?
И не съ кѣмъ думушки мнѣ подумати,
Слова тайного промолвити.
Ужъ я какъ буду, злоцясная,
Теперь буду проживати
30. Безъ тебя, моя жалосница,
Безъ тебя, моя ласкотница?
Ты жалѣла меня, болѣла,
Не могла ты мнѣ намолити
Не таланя мнѣ-ка, не уцѣсьти

¹⁾ Подобная же плачь — по отцѣ, но послѣдняго называютъ такъ: «Красно мое солнышко, крѣпкая стѣна бѣлокаменная, крутая гора высокая». *Собир.*

35. Ранны заутрени просыпала
И обѣденки проѣдала.
Оставила меня, спокинула
На позоръ-муку великую.
Охъ те-те мнѣ-цько мнѣ тошнёшенько!
40. Мнѣ вѣкомъ тебя не забыть,
Тебя, моя жалобсьничей,
Ласкоты твоей великой,
Доброты твоей непомѣрной!
Охъ те-те мнѣ-цько тошнёхонько!
45. Мнѣ вѣкомъ тебя не видати,
Слыхомъ да не слыхати,
Тебя, моя осударыня,
Изъ той пути-дорожки
Не догледѣтьце, не досмотрѣтьце
50. Нѣтъ не конного, не пѣшого,
Не прохожего, не проѣзжего,
Не перелётного ясна сокола,
Хоть перелётненькой птицьки-пташоцьки.
Не пошьлешь ты мнѣ, не напишошь
55. Скорописцятой мнѣ-ка грамотки
Ты на бѣленькой мнѣ-ка бумажоцьки.
Охъ те-те мнѣ тошно порато! ¹⁾
Хоть не далёко у мня спровѣжоны
Цѣсны мои родители,
60. Хоть не за горами, не за лѣсами,
На мірскомъ-то большомъ кладбишши
Снесены и закопаны
Во матушку сырú землю—
Не далёшенько спроводила.
65. Нападѣ мнѣ-ка, навалитьце,
Я тогда схожу, розмыслию,
Схожу, дитя злоцясное,
Розмыцю, бѣдна, расплацю
Своё житьѣ бѣдно, позорно,
70. Я позорненько, горегорько.
Со тобой, моя восударыня,
Я жила съ тобой, красоваласе,
Будто сырѣ-то въ масли каталасе,
Будто ягодка жила, созрѣвала,
75. Будто морошинка розростала,
Будто брать была поспѣвала;
Какъ теперь я, бѣдна злоцясна,
Мурова-та трава подсохла,
Подсушона будто, подкошѣна,
80. Бесъ тебя, моя жалобсьниця,

¹⁾ Порато—очень. *Собир.*

- И шелкова-та подсиротала.
Бесъ тебя, моя восударына,
Натерплюсь, бѣдна, напримаюсь
Ото многѣхъ-то я людей добрыхъ
85. Паце-пушше я принимаюсе.
Не отъ вѣтру нѣтъ затулы¹⁾,
Отъ цястѣ дожда обороны,
Натерплюсь я, напримаюсе
Бесъ тебя, моя жалосьница,
90. Ото многѣхъ я людей добрыхъ.
Не зашитоцьки буде, не затулы.
Кажна шшениноцька тыцькомъ стоять,
Кажна луциноцька утыкаитьце.
Какъ нанесуть люди добры,
95. Не заступитъ буде, не заложитъ
Грубо-браннаго за меня словецька;
Нехто не закинетъ, не заложитъ,
Не пожалѣтъ-то, не поболѣтъ по мнѣ.
Всѣ болѣтъ моя буйна гóлова,
100. Всѣ шшемитъ ретивò сердце,
Рознылось-то, розболѣлось,
У мя съ коньцёмъ-то росколòлось
По тебѣ, моя восударына,
Не сжалѣсьсе, не спашнѣсьсе
105. Не по ранному по утру,
Не по поздому по вецѣру,
Не потухѣ въ зори вецѣрней,
Не серѣдоцька дня бѣлого.
Западуть-то твои пути-дорожоцьки,
110. Занесѣтъ-то ваши слѣдоцьки
Ко мòему широку двору
Послѣ тебя, моя жалосьница;
Ты не прѣдѣшь къ намъ, не прѣдѣшь.

№. 59.

(Обращеніе къ брату).

- Ты верьба наша кудрѣвата,
Кудрѣвата ты, листовата,
Наливна-та сладка ягодка,²⁾
Дорогѣ-та скатна жемчужинка.
5. Ты родимой, милой брателко,
Ты свѣшпа моя воскуярова,
Ты звѣзда была по поднебесью!—
Теперь потухла, погасла.

¹⁾ Затула—покровъ, защита. *Собир.*

²⁾ Иначе; «Ты наливной сладкой яблоцѣкъ».

№. 60.

(Поется, когда покойника несутъ изъ церкви).

- Вы попы-ти, отци духовны,
Вы прицетьницьки вы церьковны,
Вы попойте-тко-се побольше,
Подслужите-тко подольше,
5. Ужь мнѣ дайте, бѣдной злоцясной,
Во запасъ ишше нагледѣтьце!
Закатаитьце у мня соньцѣ красно
При за круты у мня горы высóки,
За тѣмны-ти лѣса дремуци;
10. Посяжѣть моѣ соньцѣ красно
Въ грозно сѣне-то солонó морѣ;
Не обогрѣть-то меня болѣ, не освѣтитъ ужь!
Зароютъ у мня, закопаютъ
Ужо красна моего солнышка
15. Во матушку во сырú землю,
Закладутъ зеленѣмъ дерномъ.

№. 61.

(Плачь по сестрѣ, послѣ которой остался мужъ или дѣти).

Родимая мила сѣстрица!	За спасѣною за милостинкой,
• На кого ты насъ оставила,	15. Они холодны, бѣдны, голодны,
Ты свою да ладу милу,	И нагохоньки, босохоньки!
Вѣнцельню да обруцельню,	Ты цѣго у насъ убояласе,
5. И со маленькима со рожоными сер-	Ты цѣго, бѣдна, устрашиласе?
дечьними!	Тебя облѣзла-то, обдолила,
Паце-пушше ты оставила,	20. Тя скудѣ-нужда велика.
Ты рожоныхъ своихъ сердцецныхъ	Ужь ты бросила бѣдныхъ, кинула
Своихъ да малыхъ дѣточѣкъ:	Ты своихъ да малыхъ дѣтоцѣкъ;
Наскитаютьце, бѣдны, позорѣтьце	Не запомнятъ тя, жалосьницю,
10. По всему міру, по всему свѣту	Не запомнятъ, а не узнаютъ,
Не обшиты они, не обмыты,	25. Кака свѣтъ была государына,
Не тряпосни будутъ, висосьни;	Не здрасьтва узнаютъ, не доросьтва.
Паце-пушше они находятьце	

Замѣчанія къ напѣвамъ с. Нижней Золотицы.

При напѣвахъ, относящихся къ текстамъ Золотицкихъ стиховъ и пѣсенъ, обозначены тѣ-же нумера, что и при текстахъ. Нумера нотныхъ записей, сдѣланныхъ при помощи фонографа, отмѣчены звѣздочкой. Но при этомъ необходимо пояснить, что слова, подписанныя подъ фонографическими записями, не всегда вполне совпадаютъ съ соответственными текстами, напечатанными выше сполна. Это произошло оттого, что записи посредствомъ фонографа производились отдѣльно отъ записей полного текста, а при каждомъ новомъ повтореніи пѣсенъ, въ особенности былинъ, сказатели нерѣдко измѣняютъ подробности содержанія.

Нѣкоторые пѣвцы исполняютъ нѣсколько былинъ на одинаковые или очень близкіе между собою напѣвы. Поэтому въ нѣкоторымъ изъ напечатанныхъ здѣсь былинныхъ текстовъ не приложены отдѣльные напѣвы, какъ не представляющіе ничего важнаго въ сравненіи съ другими мелодіями того-же пѣвца.

Для причитаній, свадебныхъ и похоронныхъ, существуетъ въ Золотицѣ очень небольшое количество напѣвовъ, которыми они исполняются на разные случаи почти безъ всякихъ отличій, такъ что цѣлый рядъ напечатанныхъ здѣсь похоронныхъ причитаній исполняется на одинъ и тотъ-же мотивъ, приложенный къ №№ 58—61.

Что касается свадебныхъ причитаній, то они исполняются по два раза: одинъ разъ невѣстою—на одинъ мотивъ, а вслѣдъ затѣмъ другой разъ плачами—на другой мотивъ. Разница между двумя приложенными напѣвами невѣсты объясняется тѣмъ, что первый (къ №№ 44—47) записанъ въ с. Нижней Зимней Золотицѣ, а второй (къ №№ 48—54) въ Верхней, причемъ въ послѣднемъ случаѣ осталось невыясненнымъ, существуетъ ли и въ Верхней Золотицѣ различіе между мотивомъ причитанія невѣсты и мотивомъ плачей, подобно Нижней Золотицѣ, или нѣтъ.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя записи, сдѣланныя фонографомъ, вышли недостаточно отчетливо, особенно при началѣ пѣнія, когда пѣвецъ еще не успѣлъ распѣться, или же вообще когда онъ пѣлъ слишкомъ тихо. Нѣкоторыя изъ такихъ неясныхъ мѣстъ восстановлены на основаніи дальнѣйшихъ повтореній мелодіи. Но надо замѣтить, что такое воспроизведеніе, быть можетъ, не всегда точно соответствуетъ дѣйствительности, потому что начальные такты иногда представляютъ изъ себя запѣвъ, который дальше не повторяется. Кажется иной разъ, что пѣвецъ приступаетъ къ пѣнію, представляя себѣ только содержаніе «старины», а мелодію начинаетъ какъ бы подбирать, и затѣмъ уже во второмъ или третьемъ стихѣ она устанавливается въ нѣчто опредѣленное и повторяется, только слегка варьируясь.

Расширенія или сокращенія стиха въ нѣкоторыхъ былинахъ не даютъ мелодіи уложиться въ опредѣленную форму; эти измѣненія въ ритмикѣ мелодіи обозначены нотами, помѣщенными въ скобкахъ, или же вариантами, выписанными въ отдѣльную строку.

Раздѣленіе на такты, допущенное для большей части напѣвовъ, надо замѣтить, не всегда можетъ быть признано безспорнымъ въ виду той-же неустойчивости стиха: одна и та-же нота у сказателя являлась то сильно, то слабо акцентированной. Исключеніемъ могутъ служить развѣ только стихи и старины Ѳ. Т. Пономарева-Почошкина и А. М. Крюковой, отличающіеся бодьшей правильностью стихотворнаго размѣра.

Ноты средній высоты, не укладывавшіяся въ современную нотную систему, обозначены случайными знаками (# ♮ ♯) въ скобкахъ.

Двѣ звѣздочки передъ нотой обозначаютъ маленькое пониженіе звука (около $\frac{1}{4}$ тона) сравнительно съ звукомъ, выражаемымъ этой нотой въ общепринятой системѣ.

Одна звѣздочка, наоборотъ, обозначаетъ звукъ нѣсколько высшій, чѣмъ какой обыкновенно выражается этой нотой.

Скобки квадратныя [] означаютъ 1) расширеніе или сокращеніе напѣва въ зависимости отъ текста, 2) вариантъ напѣва.

Скобки полукруглыя () заключаютъ въ себѣ тѣ мѣста напѣва или текста, запись которыхъ сомнительна (особенно въ началѣ фонографическихъ записей) и восстановлена приблизительно, большей частью на основаніи дальнѣйшихъ стиховъ.

Маленькія ноты означаютъ незначительные варианты, а не двухголосіе въ мелодіи, какового въ золотицкихъ былинахъ не встрѣчалось.

НАПѢВЫ С. ЗИМНЕЙ ЗОЛОТИЦЫ.

147

(Архангельской губ. Зимній берегъ. Бѣлаго моря.)

Къ матеріаламъ, собраннымъ А. Марковымъ, А. Масловымъ и А. Богословскимъ.

I. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

№ 1.* ВАСИЛІЙ КЕСАРІЙСКІЙ.

♩=168

Сла-ва-есть Ва-си-ль-ю Ве-ли-ко-му ки-саріа-ско-му чу-до-

longa fermata (d=о)
-твор-цу А и мо-ли-лъ-ся Васи-лей двад-цать-лѣтъ во Бо-же-ю

це-ркъ-вы И во на-пе-рь-ти у-пъ-ри-тво-ру на мо-ли-тъ-вѣ.

№ 2а) ВСТРѢЧА ИНОКА СО ХРИСТОМЪ.

♩=112

И-деть-нокъ по до-ро-ги да какъ чер-ныя ри-зы по ши-ро-ки.

И-ще са-мъ то онъ сле-зъ-но-то-пла-четъ.
И-ще са-мъ тя-жо ло-во-зъ-ры-да-еть.

№ 2. б)*

(Тотъ-же стихъ записанъ въ другой разъ фонографомъ).

Э и-детъ и-нокъ по до-ро-ги Да какъ чер-ны

ри-зы-то ши-ро-ки, И-ще са-мъ то онъ сле-зъ-но-пла-четъ.

№ 3.* АЛЕНСЪЙ ЧЕЛОВѢКЪ БОЖІЙ.

♩=112

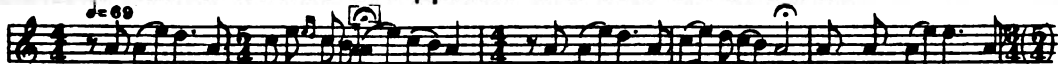
Во славному во-царствіи во Ри-мъскомъ жилъ тутъ царь (предо-бъ-ры-я)

И шлетъ Е-фи-мянъ князь бо-га-тый, бо-га-ты-я князь жилъ съ княгиней.

№ 4. КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

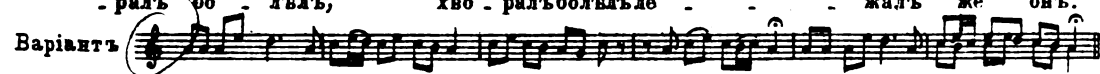
♩=69

Во славному во-городѣ во-и-въ У князя у Владимира. Князь Влади-миръ хо-

-ралъ бо-дѣлъ, хво-ралъ бо-дѣлъ - жалъ же онъ.

Вариантъ

1) Вследствие расширения стиха напѣвъ въ этихъ двухъ тактахъ удлиняется, такимъ образомъ, до $\frac{3}{4}$; наборъ г во второмъ тактѣ сначала двѣ послѣднія четверти уничтожаются, а третья четверть дѣлается фермой, вслѣд- ствіе сокращенія стиха.

№ 5. а) * СТРАШНЫЙ СУДЪ.

♩ = 96

По-мо - рю мо-рю си - не - му, Мо-рю си - не - му Хва - лын - ско - му,

riten.

Выбъ-га - ли от - ту - дочерны карабли; Что въ ко-рабляхъ тѣхъ святы ан - ге - лы.

На встрѣ-чу къ нимъ шель Самъ, Самъ И сусъ Хрис - тосъ, Самъ И сусъ Хрис - тосъ,

Царь не - бесной свѣтъ, судья правед - ной. Отку - ль ангела и де - те,

Гдѣ вы бы - ли, светы? Бы - ли мы Гос - по - ди на - во - льнемъ свѣту,

мно - го мы, Гос - по - ди, видѣли всего: бы - ли мы, Гос - по - ди, на - растоныхъ.

№ 5. б) *

То же („Голосъ мезѣнской.“)

♩ = 96

По-мо - рю. мо-рю си - не - му... Натѣхъ на карабляхъ свя - тые ан - ге - лы

Вариантъ

II. БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

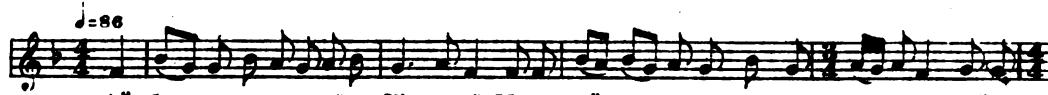
№ 6. АЛЕША ПОПОВИЧЪ УБИВАЕТЪ ТАТАРИНА.

♩ = 88

Ишше былово - городиво - Ки - е - вѣ, Ишше былоу ласкового у Вла - ди - мера

*Для пера
Холо*

№ 7. ЖЕНИТЬБА ДЮКА СТЕПАНОВИЧА!)

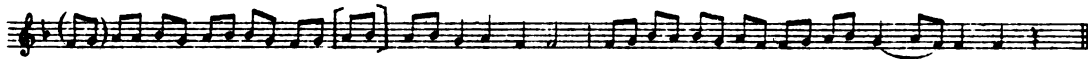
Ай . бы . ло во . го . родъ во . Ки . е . вѣ Моло . дой бо . яринъ Дюкъ сте . па . новиць Ай у

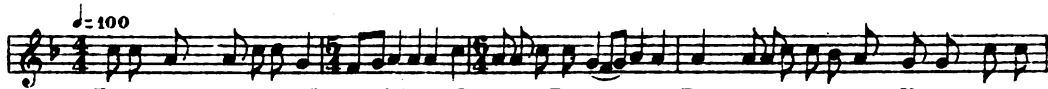
лас . ко . ва князю Вла . ди . ми . ра А и ча . сто по . сѣ . щаль про . вѣ . жаль же . къ . му

1) Напѣвъ этой былинки — изъ Чаванга (на Терскомъ берегу), какъ сообщила сказательница; вторую половину былинки сказательница пѣла на другой напѣвъ, который, какъ она говорила, больше растягивается:

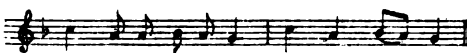
№ 8. ЖЕНИТЬБА ПЕРЕСМЯКИНА ПЛЕМЯННИКА.

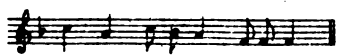
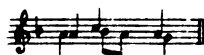

Восла . вномъ во . го . родѣ во . Ки . я . вѣ у князю Вла . ди . ме . ра, Бы . лъ у е . во бо . га . тырь . Пе . ресъ . мя . ка,

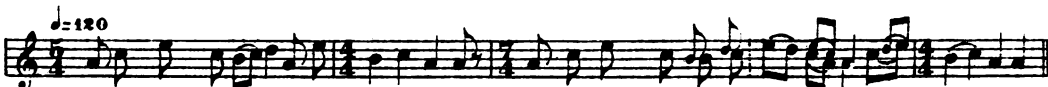

род . ной пле . мян . ни . чекъ . Хо . ро . шо онъ ста . ял за . вѣ . ру . пра . во . сла . в . ну . ю .

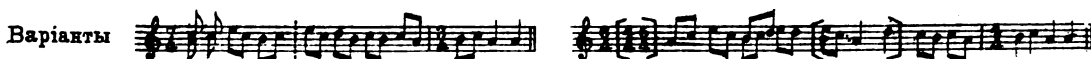
Варианты стиха: а) (встрѣчается часто въ среднѣ)

б) (встрѣчается рѣдко). Вариантъ заключенія

№ 9. РЫНДА.

Восла . вномъ во . го . родѣ во . Евро . пей . скомъ Жиль . то . князь то . га . да А рубъ о . чень . бо . га . ты . ре .

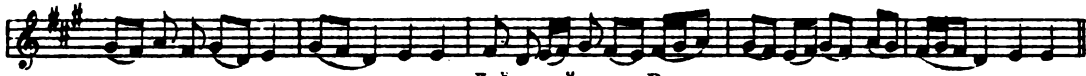
1) Сказательница, устанувъ пѣть, къ концу запѣла на обычнѣй возотничій напѣвъ.

№ 11.* БОЙ ДОБРЫНИ СЪ ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМЪ.

♩ = 84

Какъ до слеза Ре - за-нѣто да сло - бо - дой слы - ла, Ише новѣче Ре -

- за-нѣшка сло-ве го - родомъ. Дай во то й дѣво Ре - за-нѣшки, во - го - роди.

Для запѣва въ 1^й разъ

№ 13.* ПОТЫНЪ.

♩ = 76

Э - Во - то-мъ-же во - го - ро - ди во Ки - е - ви

со-би-ра-ит-це дру - жи - нушка, со - бру - ня - ит-це.

№ 14.* ИДОЛИЩЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ПЛЕМЯНИЦУ КН.ВЛАДИМИРА.

♩ = 108

А изъ - за Ка-ръскаго изъ-за А - ра - пь-скаго при-ходм-ло

трика - рабля три че-ръ-ля-ны, При-ходм-къ-де-по-га - во-е * И до - *звншо

Дальше повторяется почти точно напѣвъ, заключенный въ репризахъ.

№ 15. ЧУРИЛО И НЕВЪРНАЯ ЖЕНА.

♩ = 66

А и на-тогъ-же правъ-никъ- о-тъ на - вѣш - ні - я,

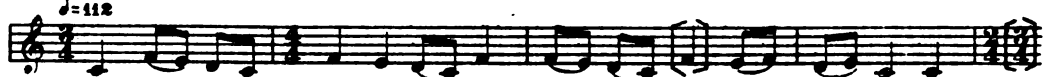

А и на-вѣш - ні - я пра-въ-ни - чекъ, на-Тро - и - пу.

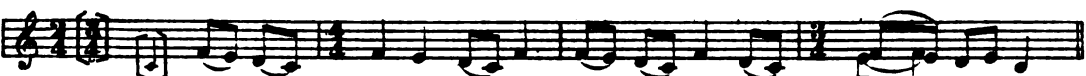
Вариантъ.

№ 16. ДУНАЙ (ВАСИЛІЙ НАЗИМИРОВИЧЪ.)

♩ = 112

Ди какъ у - лас-ко-ва у - кня - зя у Вла - ди - ме - ра

за - во - дм-лось ни - ро - ва - нѣм-цѣ, по - час - тѣнъ пиръ.

Вариантъ.

№ 18^а) ДЮНЬ СТЕПАНОВИЧЪ.

♩ = 70

Какъ во той ли Ко - ре - луш - ки бо - га - ты - я.

Варианты: а) б)
 в) и т. д.

№ 18^б)*

(То-же записано фонографомъ при исполненіи въ другой разъ).

Какъ во той во Ко - релушки бо - гаты. я Какъ жальтутьбо - гатая бо -

- га - ти - на И - щетотъ жо Дюкъ-отъ омыъ Стё - па - но - вичъ.

№ 21.* СОРОКЪ НАЛИНЪ СО КАЛИКОЮ.

♩ = 84

Было со - рокъ ка - ликъ было со ка - ли - ко - ю. Со - би - ра - ли - се ка - ли - ки да во е -

- ди - ной кругъ Во е - ди - ной кру - гъ ка - ли - ки да на зе - лё - ной дугъ.

№ 22.* ОНИКА ВОИНЪ.

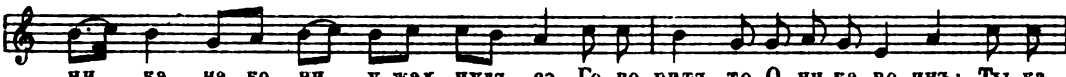
♩ = 72

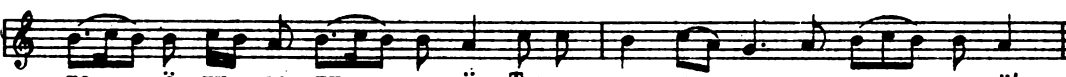
Шоль то О - ни - ка во - инъ Е - ру - са - лимъ градъ разарати. На страчу О - ни - ки во - и - ну и -

- дётъ тамъ чу - до чу - дно - ё, И - дётъ тамъ ди - во ди - вно - ё. О -

- ни - ка на ко - ни у - жах - нуль - ся. Го - во - рятъ - то О - ни - ка во - инъ: Ты ка -

- ко - ё чу - до чу - дно - ё, Ты ка - ко - же ди - во ди - вно - ё!

№ 23.* ВДОВА И ЕЯ ДѢТИ.

♩ = 84

На - ро - ди - ла в до - ву - шка два сы - на; и бы - ла у ей до - чка красна дѣ - ву - шка.

а) Тамъ же мотивомъ исполняется и № 17, 19 и 20.

№ 24.* КН. РОМАНЪ УБИВАЕТЪ ЖЕНУ.

$\text{♩} = 84$

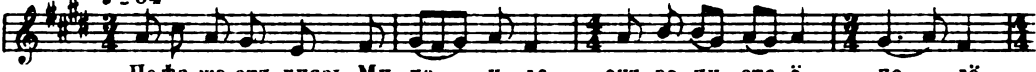
Иш-ше бы-ло во го-ро-ди во Ки-е-ви, былъ жилъ Ро-ма-нъ

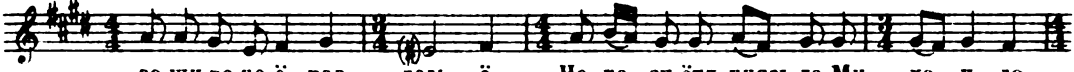
сынъ И-ва-но-виць тотъ же былъ да князь пре-до-бъ-ры-я.

№ 25.* КН. МИХАЙЛО.

$\text{♩} = 84$

По-вз-жа-етъ князь Ми-ха-и-ло, онъ во чи-сто-ё по-лѣ,

во ши-ро-ко-ё раз-доль-ё На-ка-зу-ётъ князь да Ми-ха-и-ло

сво-ей ма-ту-шки родъ-но-ю, о-вѣтъ су-да-ры-ни бо-ль-шо-ю:

Ужъ ты ма-ть мо-я, ма-ти, Ужъ ты, ма-мень-ка родъ-на-я!

№ 26.* ИВАНЪ ДОРОДОРОВИЧЬ.

$\text{♩} = 112$

Бы-ло во го-ро-ди во Ки-е-ви, былъ жилъ И-ванъ До-ро-до-ро-вичъ, Бы-

ла иш-ше Со-фья та ца-ре-вѣ-на. Жи-ли о-ни во од-номъ во мѣ-сти, Бы-ли иш-ше Ба-гу всё-мо-

-ли-ли-се. Лю-ди про-ихъ го-во-ри-ли про-ихъ, всё го-во-ри-ли всё на-пра-сли-ну.

№ 27.* СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ.

$\text{♩} = 84$

При-у-тих-ло, при-у-вы-ло то мо-рѣ си-нѣ-ё, при-у-тих-ли, при-у-вы-ли рѣ-ки бы-стры-я.

№ 28.* КОСТРЮКЪ.

$\text{♩} = 96$

Иш-ше по не-бу бы-ло по я-оно-му, что по воз-ду-ху бы-ло по не-

-бе-но-му, мел-ки звѣз-ды ча-сты по не-бу рос-сы-на-ли-се, не бо-

-и-ра по чис-ту по лю-бавъ-ѣ-ха-ли-се. Какъ за-ду-малъ гра-в-ной царь И-ванъ Ва-си-ль-ѣ-виць...

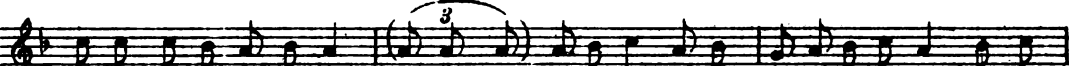
1) Валтикъ фонографа не приобрѣлъ еще достаточной скорости вращенія, какъ сказано на началѣ пѣть, этимъ и объясняется неопредѣленность начала мелодій, неточно записанной аппаратомъ, т. е. скорости вращенія оказываетъ вліяніе на высоту звука.

№ 29.* СМЕРТЬ МИХАЙЛА СНОПИНА.

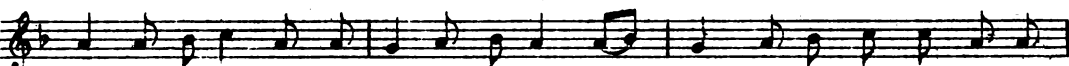
$\text{♩} = 84$

По-ва-жа-етъ отъ Ско-пинъ за Мос-кву за рѣ-ку. Не опу-ска-етъ Ско-пи-на

ро-дна ма-ту-шка е-во не опу-ска-тъ: Ты не ѣз-ди, Ско-пи-нъ, за Мос-кву за рѣ

-ку: Чго у-хо-дитъ ку-ма-дочь Ма-лю-тье-ва. Онъ не олу-ша-етъ Ско-

-пинъ ро-дной ма-ту-шки, ро-дной ма-ту-шки сво-ей да мо-ло-дой же-ны.

№ 30.* ОСАДА СОЛОВЕЦНАГО МОНАСТЫРЯ.

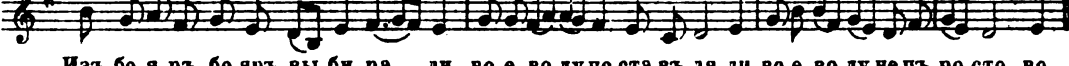
$\text{♩} = 84$

Во Мос-квы тобы-ло во царь-сви, во пре-кра-сномъ во-су-да-рь-ствѣ,

пе-ре-боръ былъ бо-я-рамъ, пе-ре-омо-търь о-тъ во-е-во-дамъ.

Изъ бо-я-ръ, бо-я-ръ вы-би-ра-ли во-е-во-ду по-ста-вь-ля-ли, во-е-во-ду не-ць-ро-сто-во

№ 31^a)* ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

$\text{♩} = 84$

Иш-ше бы-ло у насъ въ ма-туш-ки ка-мя-нъ-ной Мос-квѣ,

Тамъ не царь у насъ ца-риль-то, да тамъ ни кн-язь-нъ кня-жилъ.

№ 31^b) (Вариантъ).

$\text{♩} = 84$

Иш-ше въ ма-туш-ки бы-ло что ни въ ка-мя-нъ-ной Мос-квѣ Что не царь у насъ ца-

-риль да тамъ не кн-язь княжилъ, тамъ ца-рля все ца-ри-ца-та пра-къ-ра-съ-на-я.

№ 32.* ГОЛУБИНАЯ НИИГА.

$\text{♩} = 64$

ИшшебыловъЕ.ру. оа. лимн, славьнѣмъ го. родѣ, Чтотойли на сви.

. той да на Э. фо. рѣ го. ры: да в на. ходи. ла, на ка. талась ту. ца

тѣ. мѣ. на. я, ту. ца тѣ. мна на ка. тл. лась, ту. ча гро. зѣ. на. я.

№ 33.* МАТЬ И ДОЧЬ ВЪ ТАТАРСКОМЪ ПЛѢНУ.

$\text{♩} = 60$

Сто. е. ли злы то. тар. ни. цы, тамъ ото. н. ли же бы. ли раз. бой. ни. чѣ. ки. О. ни

дѣль. отъ дѣ. ли. ли да пай. пая. тѣ. Ишше мать при. дѣ. лу доста. ва. ла. се, до. ста.

. ва. ла. се тѣ. шна зе. тю, иш. ше зе. тю. ту тѣ. шна до. ста. ва. ла. се.

№ 34.* ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

$\text{♩} = 144$

По. ѣз. жа. етъ До. бры. ню. шка да въ Чудь по. га. ну. вѣ

про. во. жа. етъ е. во ма. мѣнь. ка ро. ди. ма. я.

№ 35.* БОЙ ДОБРЫНИ И АЛѢШИ СЪ ТАТАРИНОМЪ.

$\text{♩} = 96$

Да. ле. че, да. ле. че, во чи. стомъ по. лѣ, тамъ сто. ялъ ша.

. тѣрѣ бѣ. лой по. лот. не. ной. Во ша. трѣ

два бо. га. ты. ря, два, во чи. стомъ, бо. га... всё бо. га. ты. ря.

№ 36.* СОЛОВЕЙ СОЛОВЬЕВИЧЪ.

♩ = 72.

По - строилъ Са - ло - вей се - бѣ вы - со - кой дворъ. По у - тру Мар - фа

♩ = 72.

Ми - тре - вна про - бу - жа - ит - це, Отъ прѣятнаго сна про - см - па - ит - це, У - ви -

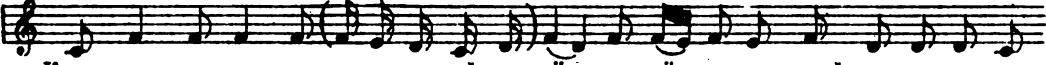
да - да о - вѣ въ вы - со - комъ те - ре - му кры - ча - ла о - на сво - ихъ

ня - ню - шекъ: Ня - нюш - ки, ма - муш - ки, чей - же э - тотъ домъ?

№ 37.* ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА.

♩ = 72.

Какъ шло - то два ту - ра да во - злѣ си - нѣ мо - рѣ; да на - вотрѣ - чу ту - ри - ца

зла - то - шор - отна - я, зла - то - шор - отна - я, ту - ри - ца, зла - то - ро - га - я.

№ 38. ВАСИЛІЙ ПЬЯНИЦА. (Новая запись).¹⁾

♩ = 112.

А какъ во славно - мъ го - родѣ во Ки - е - вѣ, какъ у ла - скова князя у Вла -

ди - ме - ра. Какъ изъ Ки - е - ва бо - га - ты - ри по - вы - ѣ - жа - ли.

Вариантъ.

Не сазначаніи пѣвшаго, этотъ пѣвѣ сазначеновъ у москвича („москвельской голосъ“)

№ 39.* КОСТРЮКЪ.

♩ = 160.

Какъ за - ду - малъ нашъ грозный царь И - ванъ Ва - си - лье - вичъ же - ни - ти - оя да на на снѣ -

той - то Ру - си, да не въ ка - менной то Москвы, да въ про - клятой то Литвы по - га - ны - я,

да Не - брь - ка на - родной се - стры, да на той - то на Ма - рыи Тем - рю - ков - ны.

№ 40.* САДНО.

♩ = 66

А какъ хвалитъ це Сот - ко, да по - хвалитъ це Сот - ко во - м - ни гра -
ди то - ва - ры всё по - вы - ку - пить да на черля - ны на ка - рабь -
ли по - вы - ста - вить. Да по - шоль Со - ть - ко да на двѣ - над - це - ти
ка - раб - лей, Да по перь - вой день то - ва - ры всё по - вы - ку - пить
Да на черля - ны на ка - рабь - ли по - вы - ста - виль.

№ 41.* НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЁШИ.

♩ = 96

Ай у лас - ко - ва кня - зя та у Вла - ди - ме - ра
За - во - ди - лось пи - ро - ва - нымъ цѣ, по - че - сѣнъ пирь.

№ 42.* НЕБЫЛИЦА.

♩ = 160

Ста - ри - на - та ока - зать да ста - ри - ка связать,
Ста - ри - ка - та свя - зать да со ста - ру - хо - ю.

III. ОБРЯДОВАЯ ПѢСНЯ.

№ 43.* ЗДУНАЙ. (Напѣвъ Ѳ. Т. Пономарева).

♩ = 100

Бѣ - жало вы - бѣ - га - ло тридцеть ка - рабь - лей. Да Вздунай! Да
тридцеть ка - раб - лей бѣ - жа - ло безъ е - динно - го ка - рабь - ля Да

Ваду - най! Да што тридцатой отъ ка-рабы на пе-рѣдъ вонхъ за-бѣга - лѣА
 Ваду - най! Да на пе-рѣдъ выбѣ - га - етъ, какъ со-ко-лъ за - ле - та-дѣ.

№ 43.)* ТО-ЖЕ (напѣвъ Г. Л. Крюкова) (riten.)

А трид-ца-той-отъ ка-рабъ да на пе-рѣдъ за-бѣ-галъ да. И аду - най!
 На-пе-рѣдъ-то за-бѣ-галъ да, какъ со-ко-лъ за-ле-та-дѣ да. И аду-най -
 най да. Боль-ши хо-бо-ты ме - чѣтъ змѣ-и - ны - я да. И аду - най!

IV. СВАДЕБНЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

№ № 44-47. (Напѣвъ невѣсты).

И по-смо-т-рѣ-ю я дѣ-тя кру-чи... ин - но,
 и я на вощи чѣ-ты ре-сто....

№ № 44-47. (Напѣвъ плачѣй).

Бла-го-сло-ви ме-ня сонь-цѣ крас... ты крес-томъ-то жи-во-тво-ряш...
 Вариантъ

№ № 48-54.* (Напѣвъ невѣсты).

Бла-сло-ви, мо-ё да сонь-цѣ къ-рас...
 во-пе-рѣ-во-й-о-тъ да разъ...

V. ПОХОРОННЫЯ ПРИЧИТАНІЯ.

№ № 58-61.*

Ты же-лан-но - ё сонь-цѣ крас.. На ко-го ты ме-ня оо-та....
 На ко-го же ме-ня спо-ки.... Вы цѣ-ны мои ро-ди.... все-сер-дечь-неньки до-бро-хо.....

НАРОДНАЯ КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ НА ДОНУ.

Донская пѣсенная экспедиція 1902 — 1903 гг.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

14-ти пѣсенъ въ народной гармонизаціи и карты пути экспедиціи.

А. М. Листопадова.

НАРОДНАЯ КАЗАЧЬЯ ПѢСНЯ НА ДОНУ.

(Пѣсенная экспедиція 1902—1903 гг.).

Мысль о собираніи въ казачьихъ войскахъ народныхъ казачьихъ пѣсень была подана членомъ Кубанскаго и Терскаго Статистическихъ Комитетовъ А. Д. Бигдаемъ, издавшимъ 10 выпусковъ собранныхъ имъ въ этихъ областяхъ казачьихъ пѣсень. Въ началѣ 1902 года онъ представилъ Военному Министру докладную записку о необходимости собиранія во всѣхъ казачьихъ войскахъ народныхъ пѣсень, въ виду замѣтнаго исчезновенія ихъ изъ среды казаковъ и вытѣсненія новой пѣсней, и просилъ разрѣшенія поручить ему выполненіе этого дѣла съ условіемъ, чтобы расходы по собиранію были отнесены на средства тѣхъ войскъ, гдѣ будетъ производиться работа.

По нѣкоторымъ причинамъ предложеніе г. Бигдая было отклонено, но, признавая вопросъ заслуживающимъ вниманія, Военный Министръ 16 мая 1902 года отдалъ распоряженіе объ организации собиранія пѣсень въ каждомъ войскѣ отдѣльно ¹⁾. («Русск. Инв.» 1902 г.).

Донское Войско раньше всѣхъ откликнулось на это распоряженіе: 2 октября того же года въ засѣданіи Областного Статистическаго Комитета вопросъ объ экспедиціи въ составѣ двухъ лицъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, причемъ на С. Я. Арефина было возложено порученіе по записи текстовъ пѣсень, а на меня запись напѣвовъ.

Помимо этого, по предложенію Военнаго Совѣта, экспедиція поручено было обратить вниманіе и попутно записать «историческія сказанія и рассказы о геройскихъ подвигахъ казаковъ, о которыхъ живутъ воспоминанія въ различныхъ мѣстностяхъ и которые составляютъ славу и гордость казачества» (Жур. Воен. Сов. 9 янв. 1903 г.).

I.

Главная цѣль экспедиціи — собираніе старинныхъ казачьихъ пѣсень; поэтому, при выработкѣ маршрута экспедиція должна была руководиться, кромѣ историческаго прошлаго того или другаго пункта, тѣмъ соображеніемъ, чтобы путь ея лежалъ по преимуществу по станицамъ, считающимъ за собою многолѣтнюю давность, — по станицамъ съ кореннымъ казачьимъ населеніемъ, такъ какъ здѣсь скорѣе всего можно было рассчитывать найти неза-темненною преемственность преданія и получить болѣе цѣнный матеріалъ. Предъ нами были тѣ естественные пути, которыми шло заселеніе Дона, — сверху и снизу одновременно, — рѣка Донъ и его болѣе крупныя притоки: Донецъ, Медвѣдица, Хоперь съ Бузулукомъ, — и мы рѣшили положить эти пути въ основу маршрута.

¹⁾ Всѣхъ казачьихъ войскъ 11: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семирѣченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское и Усеурійское.

Свои изслѣдованія экспедиція начала 18 октября 1902 года съ хутора Исаева, Ермаковской станицы, крайней изъ станицъ I Донского округа, граничащей юртомъ своимъ съ Донецкимъ округомъ. Отсюда, черезъ Екатерининскую ст., въ которой еще до командировки мною было записано болѣе 300 пѣсенъ, экспедиція спустилась по р. Донцу до ст. Бочетовской, лежащей при впаденіи его въ Донъ, повернула вверхъ по Дону и, переправившись въ ст. Богоявленской на лѣвый берегъ, изъ хутора Холоднаго Маринской ст. уклонилась верстъ на 50 въ сторону отъ Дона къ калмыкамъ въ Задонскія степи, съ цѣлью ознакомленія съ калмыцкими пѣснями. Посѣтивъ Денисовскую ст. Сальскаго округа, гдѣ удалось записать около двухъ десятковъ калмыцкихъ пѣсенъ, экспедиція на обратномъ пути миновала Романовскую и Каргальскую станицы и поспѣшила перебраться на правую сторону, такъ какъ въ это время Донъ сталъ, но настолько непрочно, что со дня на день можно было ожидать взлома льда, и мы рисковали задержаться на лѣвой сторонѣ долгое время. Правымъ берегомъ—черезъ Кумшацкую и Цымянскую станицы, извѣстныя своими виноградниками,— экспедиція прослѣдовала до ст. Н.-Курмоярской, послѣдней станицы I-го Донского округа, самаго удачнаго въ пѣсенномъ отношеніи пункта, давашаго за три дня усиленной работы 42 пѣсни, и, вступивъ 26-го ноября въ предѣлы II Донского округа, въ скоромъ времени достигла Н.-Чирской станицы, откуда повернула по-надъ недавно проведенной Восточно-Донецкой желѣзной дорогой и хуторомъ Крыловымъ Ермаковской станицы закончила на время свои изслѣдованія, заключивъ такимъ образомъ первый кругъ протяженіемъ въ 678 верстъ.

Послѣ Рождественскихъ праздниковъ, употребленныхъ на приведение въ порядокъ собраннаго матеріала, экспедиція направила свои изслѣдованія въ Донецкій округъ. Отъ станицы У.-Бѣлокалитвенской поднявшись вверхъ по Донцу до Митякинской и бросивъ Луганскую станицу вслѣдствіе сильнаго разлива р. Дергула, экспедиція пересѣкла крестьянскія поселенія Донецкаго округа и черезъ хуторъ Мѣшковъ достигла Казанской станицы—крайняго пункта по р. Дону,—откуда спустилась внизъ лѣвымъ берегомъ до впаденія въ Донъ рѣки Хопра. Съ Бувановской станицы началось изслѣдованіе Хоперскаго округа до самой сѣверной Михайловской станицы включительно, лежащей недалеко отъ границы Воронежской губерніи. Отсюда, черезъ Урюпинскую станицу и хуторъ Долговскій, экспедиція переѣхала на Бузудукъ, изслѣдовала его весь отъ Дурновской до Преображенской ст. и, перерѣзавши затѣмъ войсковые участки, прослѣдовала на Медвѣдицу и по теченію этой рѣки достигла 30-го апрѣля станицы Усть-Медвѣдицкой. Посѣтивъ станицу Усть-Хоперскую, мы заключили такимъ образомъ второй кругъ въ 720 верстъ, начиная отъ устья Хопра и кончая устьемъ Медвѣдицы.

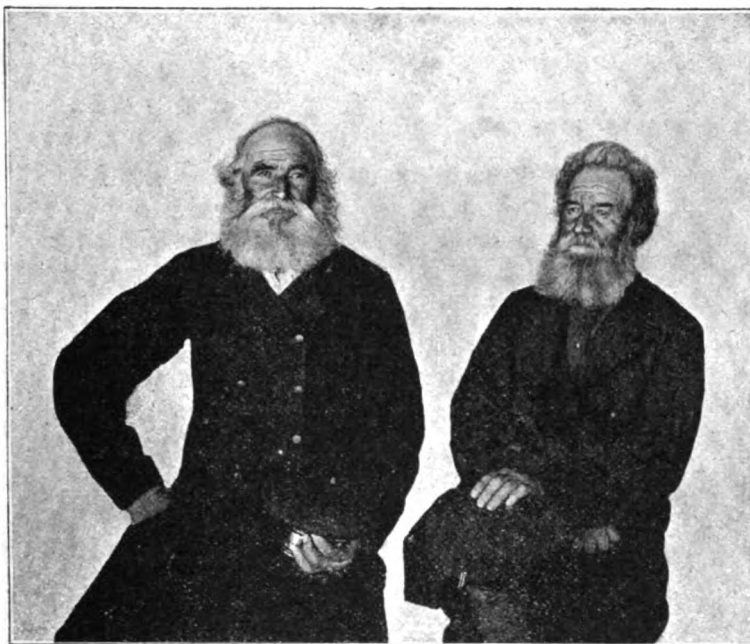
Отъ У.-Медвѣдицкой станицы экспедиція спустилась внизъ по Дону до ст. В.-Чирской, заключившей третій кругъ протяженіемъ на 750 верстъ, южной своей стороною имѣющей сѣверную перваго круга. Спустившись затѣмъ парохомомъ внизъ, мы посѣтили брошенные въ ноябрѣ Романовскую и Каргальскую станицы, а также станицы I-го Донского и Черкаскаго округовъ, лежація на пути по берегамъ Дона, и станицею Старочеркасскою закончили свои изслѣдованія 8-го іюня 1903 года.

Общее протяженіе пути, по которому произведены обследованія, составляетъ болѣе 2500 верстъ.

Небольшая часть изслѣдованныхъ пунктовъ, какъ станицы: Качалинская, Иловлинская, Арчадинская и др., лежала по-надъ желѣзными дорогами, имѣющими давность въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, а также вблизи бойкихъ торговыхъ и административныхъ центровъ (Цымянская, Усть-Медвѣдицкая, Н.-Чирская, Константиновская и др. станицы) съ населеніемъ, наполовину отставшимъ отъ земледѣлія и получающимъ главный заработокъ или

отъ торговли, или же отъ работъ на грузкѣ, извозѣ и т. п. Здѣсь мы имѣли возможность ознакомиться съ вліяніями промышленныхъ и иныхъ факторовъ на народную пѣсню. Вліянія эти сказались главнымъ образомъ, конечно, въ качествѣ матеріала: почти ни въ одномъ изъ такихъ пунктовъ мы не нашли сколько-нибудь цѣнныхъ пѣсенъ.

Неудачными оказались также такіе пункты, которые населены сравнительно недавно путемъ переселенія сюда выходцевъ изъ разныхъ станицъ различныхъ округовъ области. Отъ такихъ пунктовъ нельзя было и ожидать своей собственной, сложившейся изстари пѣсенной физономіи, какъ у станицъ, образовавшихся давно. Въ этихъ, вновь основанныхъ станицахъ (Ермаковская, Преображенская) населеніе, сошедшее изъ разныхъ мѣстъ, въ данномъ случаѣ изъ разныхъ пѣсенныхъ пунктовъ, привыкшее къ своеобразной, установившейся на родинѣ манерѣ пѣнія, типу мелодіи, обыкновенно, на первыхъ порахъ не можетъ «играть» другъ съ другомъ, если въ немъ нѣтъ преобладающаго большинства выходцевъ изъ

Пѣсенники Урюпинской станицы Хоперскаго округа.

какой-нибудь одной станицы, которые сразу устанавливають типъ игры своей родины, и къ нему уже по необходимости подлаживаются остальные.

То же самое можно въ настоящее время наблюдать въ полкахъ и командахъ, составленныхъ изъ казаковъ разныхъ станицъ. По словамъ бывшихъ полковыхъ пѣсенниковъ, приходится употреблять много усилій, «биться», пока какая-нибудь протяжная (историческая, бытовая или «богатырская») пѣсня, даже знакомая всему Дону, какъ «Приутихло, приумолкло наше войско Донское» или грузинская «Службица», наладится и будетъ сыграна, какъ слѣдуетъ.

Сравнительная трудность усвоенія этихъ протяжныхъ пѣсенъ, при кратковременности настоящей военной службы, заставляетъ казаковъ — полковыхъ пѣсенниковъ — обращаться къ пѣснямъ солдатскимъ, маршеобразный характеръ которыхъ, какъ нельзя болѣе, соответствуетъ требованіямъ строевого обученія, къ «моднымъ» пѣснямъ, распространеннымъ среди населенія, гдѣ стоитъ полкъ, или, наконецъ, къ своимъ же болѣе легкимъ, ритмичнымъ

«домашнимъ» пѣснямъ, извѣстнымъ въ полкахъ подъ именемъ «припѣвковъ». Все это, не исключая и своихъ припѣвковъ, передѣлывается и часто искажается до смѣшного досужими регентами-«капельмейстерами» изъ самихъ же пѣсенниковъ, подъ руководствомъ иногда «начальниковъ»—офицеровъ-любителей ¹⁾.

Глубоко, повтому, могутъ ошибаться тѣ, которые о казачьихъ донскихъ пѣсняхъ берутся судить по тѣмъ пѣснямъ, которыя они слышатъ въ полкахъ.

Начатая въ октябрѣ 1902 года поѣздка наша окончилась въ половинѣ юня 1903 года. За этотъ почти девятимѣсячный срокъ обследовано 99 пунктовъ, расположенныхъ въ шести казачьихъ округахъ: I Донскомъ (23 пункта), Донецкомъ (15), Хоперскомъ (24), Усть-Медвѣдицкомъ (17), II Донскомъ (17) и Черкасскомъ (3).

Ростовскій и Таганрогскій округа, а также Сальскій, населенные почти исключительно крестьянами, а послѣдній кромѣ того и калмыками, остались необследованными. Впрочемъ, находясь вблизи границы Сальскаго окр., экспедиція нашла возможнымъ уклониться отъ маршрута и въ одной изъ ближайшихъ калмыцкихъ станицъ—Денисовской записала 17 калмыцкихъ пѣсенъ. Тексты ихъ тамъ же были переведены при помощи учителя-переводчика мѣстнаго приходскаго училища Даланты Шалвуровича Гечинава и другихъ интеллигентныхъ калмыковъ.

Ограниченная въ своей командировкѣ временемъ, экспедиція лишена была возможности воспользоваться тѣмъ естественнымъ и, по отзывамъ всѣхъ собирателей народныхъ пѣсенъ, наилучшимъ способомъ собиранія, который требуетъ отъ собирателя предварительнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго ознакомленія съ населеніемъ для извлеченія изъ него исподволь всего того, что есть въ данной мѣстности лучшаго и интереснаго. При поѣздкѣ этотъ способъ, конечно, не могъ быть примѣняемъ по кратковременности остановокъ, какія экспедиція могла дѣлать въ томъ или другомъ пѣсенномъ пунктѣ. Поэтому мы должны были пользоваться тѣмъ способомъ, какой былъ у насъ подъ руками, т. е. прибѣгать къ посторонней помощи и постороннимъ указаніямъ.

Обыкновенно, при посѣщеніи пѣсеннаго пункта или изъ предыдущаго мы давали знать

¹⁾ Для примѣра такой передѣлки я приведу одну пѣсню, которую довелось услышать въ 1903 году въ Московскомъ городскомъ манежѣ на масляничномъ народномъ гуляніи, въ которомъ принималъ участіе хоръ пѣсенниковъ I Донскаго казачьяго полка. Пѣсня эта принадлежитъ къ разряду скорыхъ гулебныхъ, «канпаньшныхъ» пѣсенъ и довольно распространена на Дону.

Въ передѣлкѣ послѣдніе два такта явились въ слѣдующемъ видѣ:

о своемъ прїѣздѣ станичнымъ или хуторскимъ атаманамъ и просили ихъ къ извѣстному времени подготовить нужную намъ партію пѣсенниковъ.

Просьба наша выполнялась, за очень немногими исключеніями, охотно, тѣмъ болѣе, что,—независимо отъ предписаній объ оказаніи экспедиціи содѣйствія со стороны мѣстной власти, разосланныхъ отъ имени Наказнаго Атамана въ началѣ командировки,—каждая станица изъ соревнованія, не желая ударить лицомъ въ грязь, старалась отличиться передъ другою своими пѣсенниками и поддержать или завоевать репутацію «пѣсенной» станицы.

Получивъ отъ насъ необходимыя инструкціи и разъясненія, мѣстные власти представляли намъ лучшихъ въ данной мѣстности пѣсенниковъ или пѣсенницъ, въ большинствѣ случаевъ, стариковъ и старухъ отъ 40 до 70 и выше лѣтъ. Когда подбиралась соответствующая партія, иногда двѣ-три, въ зависимости отъ усердія атамана, каждая со своимъ «запѣвалой» или «заводчикомъ» и «подголосниками», мы приглашали ихъ на взѣзжую квартиру или въ станичное правленіе и приступали къ работѣ.

Работа начиналась съ опроса пѣсенниковъ, какія пѣсни поютъ они, и какія, не помнятъ-ли, «играли» ихъ отцы, дѣды ¹⁾. Обыкновенно отвѣты начинались съ перечисленія такъ называемыхъ «кавказскихъ»—солдатскихъ (временъ грузинской службы—первой половины XIX в.) и новыхъ маршевыхъ пѣсенъ, занесенныхъ казаками изъ полковъ.

Когда мы объясняли, что намъ нужны пѣсни «старыя», «свои казачьи», «тѣ, что игрались когда-то на походахъ», старики начинали перебирать тѣ пѣсни, которыя, по ихъ отзывамъ, «поня уже брошены». Имъ помогали, напоминая ту или другую пѣсню, зрители, недостатка въ которыхъ никогда не бывало.

Окончивъ разспросы, когда съ достаточной полнотой предъ нами вырисовывался весь репертуаръ данной мѣстности, мы приступали къ записи.

Для удобства работы и успѣшности записи, мы обыкновенно предъ началомъ отдѣляли изъ числа явившихся пѣсенниковъ челоѣкъ трехъ-четырехъ лучшихъ и, записавши отъ нихъ пѣсню, приглашали во второй разъ «проиграть» ее въ полномъ составѣ хора. Такимъ образомъ мы могли, съ одной стороны, провѣрить свои записи, съ другой—занести въ нихъ новые подголоски и варіаціи напѣва, которыхъ не слышно было въ первой партіи. Впрочемъ, нерѣдко мы вынуждены бывали довольствоваться двумя и даже однимъ пѣсенникомъ, если не оказывалось больше, особенно въ наиболѣе древнихъ, забытыхъ большинствомъ пѣсняхъ.

Пока пѣсенники доигрывали до конца пѣсню, мы успѣвали записать ее напѣвъ и текстъ. Первые 2—3 стиха обязательно повторялись для того, чтобы записать и провѣрить первый «запѣвъ» («заводъ»), который въ казачьихъ пѣсняхъ представляетъ часто самостоятельную музыкальную фразу, не повторяющуюся во все продолженіе пѣсни. ²⁾ Кромѣ текста и напѣва нами заносились на бумагу также назначеніе пѣсни, иногда объясненія пѣсенника къ ней, исполнители, запѣвало, и попутно записывались своеобразные пѣсенные термины, отмѣчающіе характеръ пѣсни.

Прекраснымъ пособіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже единственно возможнымъ для насъ средствомъ музыкальной записи служилъ фонографъ, которымъ записано около сотни напѣвовъ. Ежедневные утомительные переѣзды съ мѣста на мѣсто, напряженная работа въ нѣкоторыхъ, особенно удачныхъ по богатству матеріала пунктахъ—давали себя

¹⁾ Этотъ приемъ необходимъ былъ съ самаго начала поѣздки, такъ какъ мы выѣхали, имѣя въ рукахъ болѣе 400 пѣсенъ, записанныхъ раньше. Тратить время на повтореніе тѣхъ же пѣсенъ, конечно, не было смысла, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ опросовъ напѣвы и тексты ихъ оказывались совершенно одинаковыми.

²⁾ №№ 5 и 6 въ потномъ приложеніи.

чувствовать иногда настолько сильно, что, не будь под руками фонографа, много очень хороших пѣсенъ было бы потеряно для насъ. Съ особенною очевидностью польза фонографа сказалась при записи калмыцкихъ пѣсенъ. Незнаніе языка, невозможность отсюда быстрого подведенія текста подъ напѣвъ сильно тормозили ходъ записей. Главную работу фонографъ принялъ на себя, оставалось только разобрать на валикѣ текстъ и сдѣлать переводъ его на русскій языкъ; и не смотря на фонографъ и на помощь двухъ калмыковъ—переводчиковъ, мы за три дня напряженного труда съ утра до поздней ночи успѣли записать только 17 пѣсенъ.

При работѣ мы старались выполнить одно слѣдующее условіе, которое считали необходимымъ для успѣшнаго хода дѣла, именно, чтобы наша работа носила какъ можно менѣе характера официальнойности, пѣнія по заказу. Для этого мы въ большинствѣ случаевъ создавали обстановку чисто частнаго «гулянья», «бесѣды», при которой пѣсенники, хотя и вызванные черезъ станичныхъ или хуторскихъ властей, скоро осваивались съ нами и чувствовали себя въ положеніи гостей ¹⁾. Эта мѣра, какъ намъ думается, не могла не отразиться на количествѣ собраннаго матеріала ²⁾.

II.

Принимая предложеніе Областного Статистическаго Комитета на поѣздку по Области, мы выражали надежду на то, что намъ удастся собрать не болѣе 500 пѣсенъ, такъ какъ въ моихъ рукахъ уже имѣлось 400 пѣсенъ, записанныхъ раньше за 10-лѣтній періодъ (съ 1892 по 1902 гг.) въ Первомъ Донскомъ и отчасти въ другихъ округахъ Донской Области. Въ результатѣ командировка дала 720 пѣсенъ съ болѣе или менѣе полными текстами, въ томъ числѣ 17 калмыцкихъ.

Въ общей сложности Донская Область дала матеріалъ, который по справедливости можетъ быть названъ богатымъ,—матеріалъ болѣе, чѣмъ въ 1100 самостоятельныхъ напѣвовъ на почти столько же самостоятельныхъ текстовъ казачьихъ пѣсенъ.

Главнымъ по количеству изъ этого матеріала является отдѣлъ бытовыхъ, «домашнихъ» пѣсенъ; за ними идутъ пѣсни обрядовыя и праздничныя, которыхъ насчитывается до 350 №№; въ отдѣлъ наиболѣе интересныхъ для Донского края пѣсенъ историческихъ, военно-историческихъ, военныхъ и военно-бытовыхъ входитъ болѣе 200 №№.

Наконецъ, былинный эпосъ (былины и пѣсни былиннаго характера) представленъ болѣе, чѣмъ 40 пѣснями.

Мы имѣемъ основанія предполагать, что число былинь, обращающихся среди донскихъ казаковъ, нами не исчерпано вполне вслѣдствіе нѣкоторыхъ, независящихъ отъ насъ обстоятельствъ, заставившихъ насъ во время командировки отклониться отъ первоначально выработаннаго плана занятій чрезъ потерю почти 2 мѣсяцевъ изъ 9-ти намѣченныхъ.

Правда, былины наши въ передачѣ каждаго отдѣльнаго пѣсенника большею частью не отличаются цѣльностью и законченностью содержанія. Записанный въ разныхъ мѣстахъ текстъ одной и той же былины разнится или началомъ, или нѣкоторыми подробностями развитія, или чаще всего не имѣетъ конца. Но въ настоящее время всеобщаго упадка на-

¹⁾ С. Арефинъ. «Нѣсколько словъ по поводу собранія Донскихъ казачьихъ пѣсенъ» («Донская Рѣчь» 1904 г.).

²⁾ Изъ общаго числа (болѣе 1000 человекъ) пѣсенниковъ и пѣсенницъ, съ которыми производились работы во время настоящей командировки, а также до нея, 147 лучшихъ знатоковъ старинныхъ казачьихъ пѣсенъ и выдающихся исполнителей (110 мужчинъ и 37 женщинъ) по представленію экспедиціи получили отъ Войскового Начальства именныя почетныя свидѣтельства за подписью Наказнаго Атамана.

родно-пѣсеннаго творчества развѣ только исключительныя мѣста гдѣ-нибудь въ самыхъ отдаленныхъ, нетронутыхъ еще уголкахъ нашего отечества въ состояніи дать законченный исполнѣ текстъ.

Нѣкоторые пѣсенники, сами глубокіе старики, выражали сожалѣніе, что «начальство опоздало съ пѣснями» по крайней мѣрѣ лѣтъ на 15—20, когда живы были гораздо лучше знатоки тѣхъ самыхъ пѣсень, которыхъ они теперь «не сумѣютъ уже доказать».

Группа пѣсенниковъ и пѣсенницъ В.-Каргальской ст. I Донского округа.

Въ этомъ случаѣ, намъ кажется, исполнѣ законна и естественна сводка вариантовъ текста, записанныхъ отъ разныхъ пѣсенниковъ. Попытку такой сводки я привожу ниже.

Духовные стихи или «псалмы» не представляютъ собою ни съ музыкальной стороны, ни со стороны текста особеннаго интереса; поэтому записано ихъ сравнительно мало, всего не больше пятнадцати. Тексты ихъ мы встрѣчали въ спискахъ или же напечатанными. Характеръ напѣвовъ близко подходитъ къ церковнымъ съ гармонизаціей большею частью на 4 голоса.

Независимо отъ солиднаго количественнаго состава пѣсеннаго матеріала, которымъ владѣетъ Донъ, нельзя не признать за послѣднимъ самостоятельнаго творческаго значенія въ пѣсенномъ дѣлѣ.

Населенный въ казачьей своей части по преимуществу великороссами, Донъ поетъ, конечно, тѣ же великороссійскія пѣсни съ нѣсколькими лишь особымъ военно-казацкимъ пошибомъ. Но у него есть и свои пѣсни, отражающія въ себѣ историческія судьбы Русскаго государства, въ которыхъ «Всевеликое Войско Донское» всегда принимало дѣятельное участіе, и, въ частности, собственную исторію Тихаго Дона.

Въ то время, какъ народъ русскій потерялъ уже способность къ созданію историческихъ пѣсень, въ донскихъ полкахъ онѣ продолжали создаваться, и эти пѣсни представляютъ послѣдніе осколки народно-историческаго пѣсеннаго творчества.

Извѣстный собиратель пѣсенъ и глубокой ихъ знатокъ П. В. Кирѣевскій называетъ «царствованіе Петрово границею созданія настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, которыя послѣ Петра продолжали возникать только среди Волжскаго и Донскаго казачества», гдѣ, при непрерывномъ военномъ напряженіи, постоянно имѣлось обширное поле для воспѣванія подвиговъ отдѣльныхъ личностей-героевъ и цѣлыхъ событій.

Н. М. Лопатинъ въ предисловіи къ своему сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ (изд. 1889 г.), констатируя фактъ вытѣсненія великорусскихъ пѣсенъ въ центральныхъ губерніяхъ новомодными пѣснями, говоритъ, что «донскіе казаки поютъ гораздо болѣе старинныхъ пѣсенъ и въ лучшихъ вариантахъ, чѣмъ солдаты».

Собиратель казачьихъ пѣсенъ А. Савельевъ въ изданномъ имъ въ 60-хъ гг. сборникѣ называетъ донскихъ казаковъ «народомъ въ высшей степени пѣвучимъ».

Казаки любятъ пѣть. Ни одно болѣе или менѣе многолюдное собраніе не обходится безъ пѣсенъ, будь то собраніе по поводу какого-нибудь семейнаго торжества—свадьбы, проводовъ на службу или встрѣчи возвращающихся изъ нея казаковъ, будь то сборище общественнаго характера, какъ дѣлежъ луговъ, раздѣлъ земли, выборы, или же, наконецъ, просто пріятельская бесѣда на досугѣ за чаркой водки двухъ-трехъ «друзей-товарищей», которые «и собираются-то частенько только для того, чтобы среди разсказовъ да разговоровъ пѣсни поиграть».

Иногородніе, живущіе среди казаковъ, посмѣиваются иногда:

— «Гаврилычи-то наши соберутся на ярманкѣ, купятъ косушку и сидятъ надъ ней цѣлую ночь, гуляютъ!.. Заведутъ безконечную до самаго утра, —и косушка цѣла и до-пьяна наиграются!»

Въ этой насмѣлкѣ тонко подмѣчена и выдѣлена характерная особенность казачьяго «гулянья». Не водка, не пьянство само по себѣ привлекаютъ казака; его привлекаетъ возможность собраться вмѣстѣ и «играть» пѣсни, играть именно до-пьяна, до утра.

Историческая жизнь первыхъ казаковъ-общинниковъ, ихъ близкое участіе въ интересахъ общественной жизни своего времени, сухопутные и морскіе набѣги рука объ руку для «добычи зипуновъ», затѣмъ долгіе многомѣсячные походы въ «чужедальнія сторонушки» отъ Киргизскихъ степей до Парижа и отъ Персидскихъ и Турецкихъ земель чуть не до береговъ Ледовитаго океана, наконецъ, даже теперешняя военная служба, лагерные сборы и частые домашніе смотры—все это, способствуя братски-товарищескому сближенію «односумовъ», «однокашниковъ», вызывало и вызываетъ всегда потребность въ пѣснѣ, какъ лучшемъ средствѣ, заставляющемъ забывать трудности боевой жизни, утомительность тяжелыхъ переходовъ, разгоняющемъ ихъ скуку и однообразіе. Давно ли было то время, когда, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, казакъ добрую половину своей долгой службы совершалъ эти переходы на своемъ добромъ конѣ, вѣрномъ товарищѣ боевой жизни.

— «Развѣ въ наше время такъ служили, какъ теперь!» замѣчаетъ одинъ изъ сѣдобородыхъ пѣсенниковъ, ветеранъ тяжелой Кавказской службы. «Теперь сядетъ себѣ служивый на машину, не успѣетъ оглянуться—и на мѣстѣ! Когда ужъ тамъ играть старыя протяжныя пѣсни! А ты, бывало, идешь мѣсяца три, четыре, а то и больше, и сколько пѣсенъ за это время переиграешь!»

— «Ноньча то вѣдь все мелочью забавляются»,—добавляетъ съ сокрушеніемъ другой такой же древній служака: «не пѣсня, а вѣтеръ!..»

И правда, бывшее тяжелое время могло вырабатывать «дорогихъ» пѣсенниковъ, тѣмъ болѣе, что было у кого и поучиться. Нужно принять во вниманіе, что на Дону долгое время команды, отряды, полки формировались постанично, такъ что въ одномъ и томъ же полку можно было встрѣтить отца съ сыновьями и племянниками, родныхъ братьевъ, дѣда съ внукомъ... Естественно, что за тѣ долгіе походы и совместную службу пѣсенный репертуаръ

стариковъ передавался изъ устъ въ уста сыновьямъ, внукамъ и ихъ сверстникамъ—сослуживцамъ.

Много воды утекло съ того славнаго времени, о которомъ съ такою грустью и гордостью рассказываютъ сѣдые ветераны; измѣнились тяжелыя условія прежней долголѣтней службы съ ея походами. Казакъ служить теперь какихъ-нибудь 3—4 года; желѣзная дорога доставляетъ его быстро въ самыя отдаленныя мѣста службы. И если запасъ болѣе или менѣе древнихъ мелодій не великъ при выходѣ, то теперешняя военная служба во всякомъ случаѣ не увеличиваетъ его.

Случается обратное. Фабрично-городская поэзія и солдатскія маршевыя пѣсенки, перекроенныя на казачій ладъ, окончательно вытѣсняють все то, чѣмъ казакъ раньше владѣлъ, чему дома научился отъ отца, дѣда. Сломаетъ казакъ свою короткую службу гдѣ-нибудь въ Бендерахъ или «славномъ городѣ Адестѣ» (Одессѣ), явится домой на Донъ—и давай задавать шикъ модными пѣснями. Молодежь, падкая до всякой новинки, сейчасъ-же постарается схватить несложный мотивъ да еще съ такими «антиресными» словами.

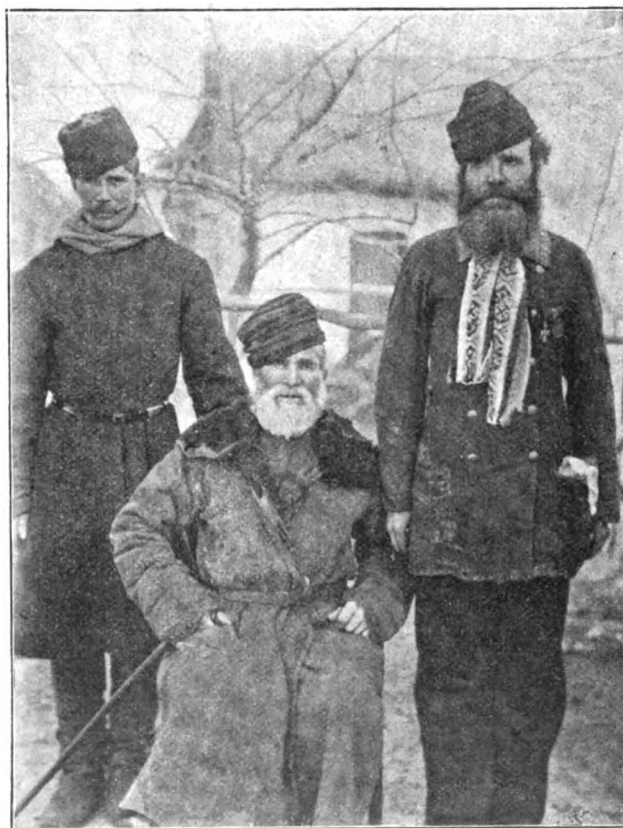
Это одинъ изъ путей, которыми проникаетъ въ среду казаковъ новая пѣсня.

Что можетъ быть пошлѣе, безсодержательнѣе такихъ продуктовъ лубочно-писарского творчества, какъ «Потеряла я колечко, потеряла я любовь», извѣстная «Отравы» или, наконецъ, «Я въ среду родилась, на всѣ лихи стодилась», и мало ли подобныхъ!.. А между тѣмъ перлы эти у насъ на Дону получили полныя права гражданства, ихъ всюду распѣваютъ молодые казаки и казачки, а послѣдняя пѣсня даже названа «офицерской» въ знакъ особеннаго въ ней благоволенія въ полкахъ.

— «Самая, што господа офицеры любили», — такъ отвѣтили пѣсенники Вѣшенской станицы, гдѣ записали мы ее для характеристики этого рода пѣсенъ, на наше недоумѣніе по поводу страннаго названія.

Считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о вліяніи офицерства и полковыхъ хоровъ на упадокъ интереса къ старой пѣснѣ среди молодыхъ казаковъ и замѣну ея новой пѣсней писарского пошиба.

Въ донскихъ казачьихъ полкахъ, какъ и въ солдатскихъ, какъ извѣстно, существуютъ хоры пѣсенниковъ, которые на походахъ, ученьяхъ, въ казармѣ, на товарищескихъ пирушкахъ или иныхъ торжествахъ въ какихъ-нибудь захолустныхъ мѣстечкахъ полковыхъ стоянокъ замѣняютъ собою оркестръ и вообще какую бы то ни было музыку и часто скрашиваютъ собою однообразно-скучную казарменную жизнь и товарищей, и начальства.

Вѣшенская ст. Донецкаго округа. Въ серединѣ—85 лѣтній старикъ пѣсенникъ Г. Гончаровъ.

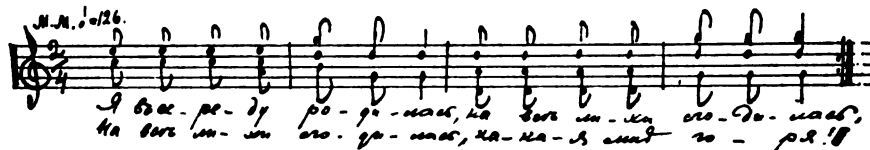
Молодые казаки попадаютъ въ «пѣсенники» еще на первыхъ порахъ своей службы, чаще всего на переходѣ съ Дона до мѣста стоянки полка. Эта-то молодежь, и притомъ самая способная въ музыкальномъ отношеніи, по возвращеніи со службы и является насадителемъ и распространителемъ на Дону новой пѣсни. Что ни «смѣна», «очередь», пришедшая изъ полка домой, то новая лѣсня.

И въ старину, не ближе по крайней мѣрѣ сотни лѣтъ назадъ, приносилась тѣмъ же путемъ и также новая пѣсня,—новая, какъ недавно появившаяся на почвѣ того или другого военно-историческаго событія. Но эта пѣсня, «принесенная изъ похода», не заимствовалась откуда-нибудь, какъ настоящая «новая» для Дона пѣсня, а слагалась самими казаками, народомъ въ истинномъ смыслѣ, чуждымъ еще всякихъ внѣшнихъ вліяній, вынашивалась, такъ сказать, на походахъ, и потому была народною и по формѣ, и по духу. При наличности непрерывныхъ войнъ, походовъ, боевыхъ подвиговъ, пѣсня, какъ выраженіе пережитаго, видѣннаго, должна была зародиться въ полку, сломавшемъ походъ, изъ среды котораго часто выдѣлялись и герои, воспѣтые гѣсней.

Настоящій же полковой репертуаръ складывается совсѣмъ подъ иными условіями, чѣмъ это было въ тѣ былыя, далекія времена.

Поставленные въ необходимость «забавлять» свое ближайшее начальство на всякаго рода торжествахъ, носящихъ болѣе или менѣе узкій, частный характеръ, пѣсенники въ силу одного этого должны приспособляться, главнымъ образомъ, во вкусамъ и требованіямъ большинства этого начальства и разучивать, чтобы имѣть въ обращеніи, тотъ именно репертуаръ, который диктуется вкусами этого большинства.

Для характеристики приведу одну пѣсню изъ этого репертуара новыхъ пѣсенъ, «новыхъ» по самому строю своему, ту самую, которую казаки-пѣсенники такъ и аттестовали, какъ «самую офицерскую». Подъ эту пѣсню «полковые плясуны» танцовали «казачка»¹⁾.

Я въ сре-ду ро-ди-лась,
 На всѣ ли-хи сго-ди-лась,—2
 Ка-кая мнѣ го-ря!?
 За ста-рава не пойду,
 Боро-дою ко-ля;
 За та-во-то я пойду,
 Што ма-лая у-сы!
 По-ца-люю, об-ни-му,
 Са-ма засмѣ-юся.
 Какъ по-шла я мо-ло-да
 Ве-чѣръ поз-дно од-на,—
 На у-стрѣ-чу мнѣ м-ла-дой,
 Я не зна-ю, кто та-кой,—2
 О-фи-це-ри-къ мо-ло-дой.—2
 По-дъ нимъ ко-ни-къ во-ро-ной,—2
 Ве-сь у-бо-ри-къ зо-ло-той;
 Че-рна шля-па сы-пя-ромъ,

А-па-ле-ты съ га-лу-номъ.
 Че-рна шля-поч-ка смѣ-тца,
 А-па-ле-ты го-во-ря-тъ,
 Зо-ло-тая пар-ту-пе-я
 У-лы-ба-итца!
 Пу-ска-й мо-я ко-ха-ноч-ка
 До-га-да-итца!
 Че-рну шля-пу при-под-ня-лъ,
 Ко-ха-ноч-кѣ че-сть от-да-лъ:
 Ко-ха-ноч-ка ты мо-я!
 Не бо-литъ ли го-ло-ва?—2
 Не при-ве-сть ли по-па—2
 Изъ ца-рѣ-ва ка-ба-ка,—2
 До-нс-ко-ва ка-за-ка,—2
 Сла-вна пѣ-се-ль-ни-чка,
 Ба-ла-ла-иш-ни-чка?

¹⁾ Поется эта пѣсня, постепенно ускоряя. Нѣкоторые стихи повторяются два раза.

Наплывъ такой новой пѣсни начался на Дону давно уже, судя по встрѣчающейся массѣ поклонниковъ, ветерановъ Кавказской службы.

Въ станицѣ У.-Бузулуцкой 85-лѣтній старикъ М. М. Филичкинъ, котораго рекомендовалъ намъ станичный атаманъ, какъ вѣтока казачьихъ пѣсенъ, удивилъ насъ такимъ полковымъ репертуаромъ.

Когда мой товарищъ г. Арефинъ заинтересовался источникомъ, откуда старикъ могъ научиться всѣмъ этимъ пѣснямъ, Филичкинъ объяснилъ, что въ бытность его въ полку на Кавказѣ ихъ, пѣсенниковъ, по частямъ отправляли въ солдатскіе хоры на выучку. Оттуда онъ и вынесъ весь свой репертуаръ, и этотъ репертуаръ засѣлъ въ немъ настолько прочно, что онъ до сихъ поръ помнитъ его, «какъ Отче нашъ», а такія «свои» пѣсни, какъ про Ермака и Исламбекъ-Мурзу, которыя онъ одинъ зналъ изъ всѣхъ перебивавшихъ у насъ до того времени стариковъ-пѣсенниковъ, онъ забылъ и такъ и принужденъ былъ бросить не доигравши:

— «Забылъ... Чаво не знаю, таво не знаю».

И это не единственный примѣръ. Большинство стариковъ Кавказской службы отличается знаніемъ именно этихъ солдатскихъ пѣсенъ и считаетъ ихъ иногда единственно «стоющими» пѣснями.

То-же самое наблюдается и въ настоящее время. Вахмистръ Гурѣевъ У. - Бѣлокалитвенской ст. рассказывалъ, что у нихъ въ полку лѣтъ пять назадъ, гдѣ онъ также былъ въ числѣ пѣсенниковъ, какой-то сотенный командиръ выписалъ для полкового хора «три книжки съ малороссійскими пѣснями и заставлялъ разучивать ихъ»; потомъ, «у подьесаула Н. Н. отыскалась книжка съ пѣснями, такъ полковой хоръ тоже пользовался ими», продолжалъ Гурѣевъ, и на вопросъ: какія же пѣсни выучилъ хоръ изъ этого сборника, — отвѣтилъ:

— Разныя... «Что ты замолкъ и сидишь одинокій», «Не осенній мелкій дождичекъ»...

Очевидно, что отъ такого направленія вкусовъ полкового офицерства пользы для народной казачьей пѣсни нельзя и ожидать.

«Старая» казачья пѣсня и не вспоминалась, и если пѣлась еще, такъ только въ казармѣ или на конюшнѣ, въ сторонѣ отъ глазъ начальства, двумя-тремя станичниками во время отдыха, въ минуты воспоминаній о далекой станицѣ.

Привитая такимъ образомъ въ полку пѣсня заносится на Донъ, здѣсь пускается въ оборотъ и быстро расходитя среди молодежи, жадно прислушивающейся теперь ко всякой новинкѣ.

Вотъ еще примѣръ культивированія новой пѣсни уже на Дону, примѣръ послѣдняго времени.

Въ Луковской ст. Хоперскаго округа мы встрѣтились съ военнымъ приставомъ, который пріѣхалъ туда днемъ раньше насъ на учебныя занятія «малолѣтокъ». Вечеромъ онъ пригласилъ насъ въ станичное правленіе, гдѣ происходили «словесныя занятія», послушать «его пѣсенниковъ», причемъ особенно рекомендовалъ своего старшаго инструктора, какъ «лихого пѣсенника, отъ котораго можно записать много хорошихъ пѣсенъ».

Дождавшись перерыва занятій, вахмистръ собралъ малолѣтокъ въ кругъ и завелъ:

— «Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ»... извѣстное стихотвореніе Пушкина.

Когда мы попросили сыграть старую пѣсню, ничего не вышло. Оказалось, что всѣмъ хоромъ не сыгравались. Умѣли отдѣльно два-три челоуѣка (одного хутора), да и тѣ, видимо, конфузились передъ начальствомъ за свои «простыя» пѣсни. Такъ мы и ушли ни съ чѣмъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ военный приставъ I-го Донскаго округа, подьесаулъ К., прямо предписывалъ и вмѣнялъ въ обязанность инструкторамъ учить малолѣтокъ такимъ романсамъ, какъ «Подъ вечеръ осенью ненастной», «Въ ногу, ребята, идите», считая, вѣроятно, знаніе ихъ однимъ изъ признаковъ благоустройства и образцовости команды.

Такихъ примѣровъ насильнаго насажденія новой пѣсни можно было бы привести довольно много, но ограничимся этимъ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь симпатичнаго, но, кажется, единственнаго въ этомъ родѣ распоряженія одного изъ приставовъ I-го же Донского окр., на которое экспедиція случайно натолкнулась въ хуторѣ Апаринскомъ Кочетовской станицы. Этотъ приставъ въ своемъ отношеніи на имя хуторскихъ атамановъ подвѣдомственнаго ему военного участка настойчиво рекомендуетъ послѣднимъ заботиться о томъ, чтобы хуторская молодежь училась старымъ пѣснямъ отъ стариковъ—«на улицахъ».

Можно еще насчитать нѣсколько случаевъ индифферентнаго отношенія къ казачьей пѣснѣ, нѣсколько случаевъ любовнаго, но не выходящаго изъ сферы чисто платоническаго наслажденія. И только.

Въ большинствѣ же случаевъ старая пѣсня не только терпитъ холодное равнодушіе, но и преслѣдованіе со стороны всякаго, кому не лѣнь считать себя начальствомъ,—преслѣдованіе, выражающееся въ томъ запрещеніи и гоненіи «улицъ», какое наблюдается на Дону почти повсемѣстно, начиная съ окружныхъ станицъ и кончая глухими хуторишками.

III.

Съ прекращеніемъ непосредственнаго народнаго творчества, новая пѣсня разными путями свободно распространяется среди казачьяго населенія черезъ посредство молодежи, постепенно вытѣсняя старинную пѣсню, не смотря на нѣкоторыя усилія стариковъ, которые

Пѣсенники Акишевской ст. Хоперскаго округа.

иногда съ глубокимъ презрѣніемъ относятся къ чуждой имъ заносной пѣснѣ и стараются, насколько возможно, противодѣйствовать ей зависящими отъ нихъ мѣрами. Они собираютъ около себя своихъ дѣтей, внуковъ и учатъ тому, чему въ свое время сами научились отъ своихъ отцовъ.

Нерѣдки, по разсказамъ, въ старину бывали на Дону, и теперь еще кое-гдѣ можно встрѣтить, такія патриархальныя семейства, въ которыхъ по традиціи передаются старинныя пѣсни изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ къ сыновьямъ и внукамъ.

Въ долгіе зимніе и осенніе вечера, свободные отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, сходится въ «курень», по окончаніи разныхъ хозяйственныхъ хлопотъ, на зовъ дѣда вся семья, и тутъ открывается своеобразная пѣсенная школа, гдѣ учитель—сѣдой, какъ лунь, старикъ, послѣ разсказовъ о своихъ былыхъ военныхъ походахъ и подвигахъ, затягиваетъ «старинушку» и ведетъ, ведетъ ее долгимъ, за душу хватающимъ мотивомъ. Внимательно вслушивается молодежь въ дѣдовскую пѣсню, схватываетъ быстро родной напѣвъ нераздѣльно со словами и начинаетъ подтягивать. И дѣдъ еще болѣе увлекается, видя, что молодое поколѣніе съ сочувствіемъ слушаетъ его старческое пѣніе о былыхъ, далекихъ временахъ: о князѣ Володимирѣ, Добрынюшкѣ, о любимыхъ герояхъ — Ермакѣ Тимофеевичѣ, молодомъ охотничкѣ Краснощекѣ, опальномъ атаманушкѣ С. Д. Ефремовѣ, о славныхъ схваткахъ съ «турчиномъ, али злымъ черкѣсиномъ»... Заплачетъ дѣдъ, какъ будто самъ онъ былъ тамъ, гдѣ «бились-рубилась дещь до вечера» предки его; кончитъ пѣсню, и начинается повѣствованіе, уясняющее подробности, непонятныя внукамъ...

Неотразимо дѣйствіе стариковскихъ разсказовъ на молодежь. Но еще неотразимѣе, сильнѣе дѣйствуетъ на нее старая пѣсня, повѣствующая о томъ же событіи. «Пѣсню не скоро забудешь, разъ она запала въ душу».

И дѣдовская наука приноситъ свои плоды. Сыновья, дочери и внуки становятся естественными продолжателями и наиболѣе вѣрными истолкователями пѣсенныхъ традицій стариковъ. Ослабѣтъ-ли голосъ или память у старика, на подмогу выступаетъ кто-нибудь помоложе изъ его семьи, отъ него-же въ свое время перенявшій пѣсню, и продолжаетъ ее. Случаи такіе нерѣдко бывали въ нашей практикѣ.

Понятно отсюда, почему болѣе цѣнныя и полнѣйшія по содержанію пѣсни и въ лучшемъ по выразительности и стройности исполненіи намъ удавалось записывать отъ такихъ именно родственныхъ между собой исполнителей, близкихъ сосѣдей и сослуживцевъ.

Женщины казачки по самому характеру своему со свойственнымъ ему консерватизмомъ, а также въ силу бытовыхъ условій, выработанныхъ особенностями прежней долготѣйшей военной службы донскихъ казаковъ, еще вѣрнѣе мужчинъ держатся пѣсенныхъ преданій и обрядностей. Мы говоримъ здѣсь о тѣхъ женщинахъ—теперь уже старухахъ,—которымъ пришлось испытать весь гнетъ этихъ условій.

Въ отсутствіе мужа всѣ хозяйственныя и семейныя заботы ложились на жену: она должна была поить и кормить малолѣтнихъ дѣтей, выдать дочь замужъ, женить сына, справить и проводить его на службу дальнюю, туда-же къ отцу и дѣду и т. д. А такъ какъ почти каждый обрядъ сопровождался пѣсней, какъ бы иллюстрировался ею, то не удивительно, что она компетентна не только въ своей «бабьей» пѣснѣ, но знаетъ не меньше и «казачьихъ». Она «разскажетъ» вамъ и «богатырскую» или «мамайскую», «давнишнюю» пѣсню (былину), и «голосовую», «прадѣдовскую» или «глубокую» (общія названія для историческихъ, протяжныхъ военныхъ и бытовыхъ), «сыграетъ» послѣ любую свадебную, «карагодную», «веснянку-люлейку» (отъ «люли»), частую или протяжную «кампаньшную» и «краснобаишную», т. е. собственно женскія пѣсни.

Между тѣмъ, болѣе или менѣе серьезные казаки, и въ особенности старики, къ пѣснямъ послѣдняго разряда, вообще къ «бабьимъ» пѣснямъ, относятся нѣсколько свысока, и если поютъ ихъ, то—въ видѣ снисхожденія, какъ бы стыдятся за свою слабость. Нашу просьбу «играть и бабы пѣсни» многіе изъ нихъ встрѣчали съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, пока намъ не удавалась разсѣять его. Большинство веснянокъ по Хопру мы позаимствовали такимъ образомъ именно отъ стариковъ, такъ какъ вызывать женщинъ въ великомъ посту,

когда экспедиціи пришлось изслѣдовать станицы по этой рѣкѣ, было сравнительно труднѣе, чѣмъ мужчинѣ.

Много характерныхъ по мелодіи и цѣнныхъ по содержанію былинъ¹⁾, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ записано отъ женщинъ описаннаго типа, а также и женщинъ болѣе молодыхъ, которыхъ не коснулись еще новыя вѣянія, или которыхъ не успѣли еще переабыть слышанныя въ дѣтствѣ старинныя пѣсни отъ старыхъ.

Еще до настоящей нашей пѣсенной командировки мы чисто практическимъ путемъ, много лѣтъ занимаясь собираніемъ пѣсенъ, убѣдились въ томъ, что лучшимъ пѣсеннымъ репертуаромъ обладаютъ почти всегда пожилые люди, тогда какъ молодежь въ рѣдкихъ только случаяхъ бываетъ въ состояніи удовлетворить надлежащему требованію. Если напѣвъ усвоенъ ею твердо и передается правильно, то текста почти никогда не услышишь доведеннымъ до конца и въ чистомъ видѣ; болѣею же частью какъ тотъ, такъ и другой въ исполненіи молодежи являются болѣе или менѣе измѣненными.

Въ своихъ работахъ экспедиція имѣла дѣло главнымъ образомъ съ пожилыми пѣсенниками, но не пренебрегала въ то-же время и хорошими пѣсенниками изъ молодыхъ, вызывая ихъ періодически черезъ нѣсколько пунктовъ и записывая отъ нихъ между прочимъ нѣкоторыя новыя пѣсни, характерныя по содержанію или напѣву, если запасъ старинныхъ пѣсенъ оказывался исчерпаннымъ, тѣмъ болѣе, что молодежь вообще съ большимъ интересомъ относилась къ работѣ экспедиціи, являлась иногда даже безъ зова и предлагала прослушать и записать, что «окажется подходящимъ».

Вообще же нельзя отказать молодымъ казакамъ въ сочувствіи и вниманіи ихъ къ стариннымъ пѣснямъ. Съ нескрываемымъ любопытствомъ они слушаютъ отъ стариковъ эти пѣсни, и если сравнительно мало поютъ ихъ сами, то отчасти потому, что не у кого становится учиться имъ, годъ отъ году число стариковъ учителей уменьшается: мрутъ они и съ собою уносятъ въ могилы и лучшія пѣсни, и свое искусство. А тутъ новая, модная пѣсня, разными путями врывающаяся въ народную среду, завоевываетъ себѣ прочное положеніе въ репертуарѣ молодежи и заставляетъ забывать то немногое, что еще осталось въ памяти.

Явленіе это замѣчается не въ одной казачьей донской пѣснѣ, но оно обще для всей русской народной пѣсни, и потому вполне понятно то напряженіе, съ которымъ наука принялась въ послѣднее время за сохраненіе исчезающихъ образцовъ исконнаго народнаго творчества.

IV.

Изученіе и записи *текста* пѣсенъ велись на Дону и раньше. Изданы два сборника донскихъ казачьихъ пѣсенъ: А. Савельева въ 1866 году со 135 пѣснями, ставшіи уже библиографическою рѣдкостью, и А. Пивоварова въ 1885 г. въ двухъ выпускахъ съ 343 №№, не считая отдѣльных пѣсенъ, разбросанныхъ по донскимъ періодическимъ изданіямъ, часть которыхъ вошла въ сборникъ Пивоварова.

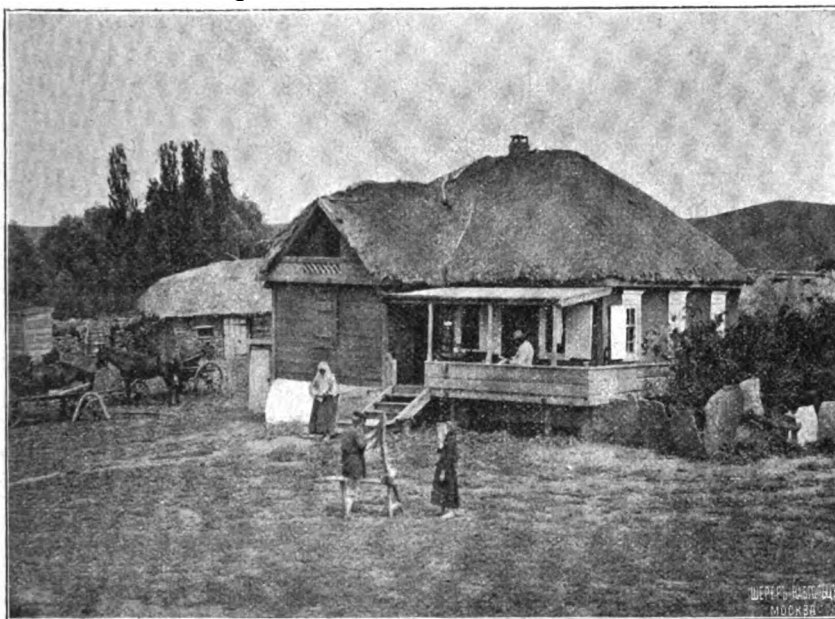
Сравнивая настоящія записи текста, сдѣланныя экспедиціею, со сборниками Савельева и Пивоварова, находимъ множество вариантовъ текстовъ, встрѣчающихся въ этихъ сборникахъ. Впрочемъ, только нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно изъ бытовыхъ, представля-

¹⁾ Помѣщенную въ приложеніи большую былинку «Бой Алеши съ Змѣемъ Горынычемъ» вела пожилая женщина, мужчины же только «подыгрывали» ей.

ить тождественное сходство; большинство же этих вариантов является как бы самостоятельными произведениями на одну и ту же тему.

При записи болѣе похожихъ вариантовъ текста, кромѣ необходимости точной записи ихъ для музыкальнаго исполненія, мы руководились еще слѣдующимъ соображеніемъ.

Записи текстовъ у Савельева и Пивоварова, какъ и вообще у многихъ собирателей текстовъ народныхъ пѣсень безъ музыки, иногда страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ. Ритмика пѣсень затемнена въ нѣкоторыхъ настолько, что трудно добраться по этимъ записямъ до ритмическаго строенія ихъ. Повторенія словъ, полустиховъ, а иногда и цѣлыхъ стиховъ часто опущены. Это могло произойти отъ двухъ причинъ: или ритмическое строеніе пѣсни совсѣмъ не имѣлось въ виду, а все вниманіе было обращено только на содержаніе, или записи велись неумѣло, случайно, людьми незнакомыми съ техникой записи (оба вышеупомянутые сборника представляютъ сводку записей случайныхъ корреспондентовъ). Мы

Казачій курень Екатерининской ст. I Дон. окр.

заключаемъ это на томъ основаніи, что пѣсни записывались ими не съ голоса, не отъ пѣвца въ моментъ исполненія, а со словъ, съ пересказа лица, знающаго пѣсню. Въ сборникѣ г. Пивоварова есть такая пометка, сдѣланная С. С. Робушемъ (бывшимъ директоромъ народныхъ училищъ Донской области, доставившимъ г. Пивоварову для его сборника нѣсколько пѣсень) при пѣснѣ № 76—*«разсказчикъ забылъ продолженіе пѣсни»*.

Выходя изъ этого соображенія, мы считали нужнымъ записать и тѣ пѣсни, содержаніе которыхъ представляетъ почти буквальное повтореніе раньше напечатанныхъ.

Кромѣ того, прослушивая и записывая варианты одной и той же пѣсни въ различныхъ мѣстахъ Области, экспедиція получала возможность возстановить иногда почти первоначальный, болѣе полный текстъ пѣсни, утерянный по частямъ въ разныхъ мѣстахъ.

Такъ, напр., запись отрывковъ былины о сватовствѣ Ивана Гардиновича, сдѣланная въ четырехъ мѣстахъ 1-го Донскаго округа (въ хут. Кременскомъ У.-Быстринской ст., въ х. Большомъ Марининской ст., въ станицахъ—Филипповской и Н.-Курмоярской) даетъ возможность изъ обломковъ этой былины, при единствѣ или большомъ сходствѣ мотивовъ, нѣ-

законность такого сопоставленія вариантовъ вытекаетъ не только изъ общности сюжета, разработаннаго въ разныхъ мѣстахъ различно, но еще и изъ тождественности или большого сходства напѣвовъ пѣсни и единства ритма.

У.

Съ музыкальной стороны собранныя экспедиціею пѣсни должны представлять интересъ, такъ какъ сколько-нибудь сносныхъ музыкальныхъ записей донскихъ казачьихъ пѣсенъ до сихъ поръ въ печати не появлялось. Все, что было сдѣлано для донской казачьей музыки до послѣдняго времени, ограничивается тремя довольно неудачными попытками представить въ печати казачью пѣсню, попытками лицъ, имѣющихъ только случайное соприкосновеніе съ казачьей средой. Такъ, въ приложеніи къ «Русской Старинѣ» 1825 г. помѣшено 5 пѣсенъ съ гармонизаціей Кольбе; далѣе, въ 1891 году появился «Сборникъ русскихъ, казачьихъ, военныхъ и историческихъ пѣсенъ для Донскаго кадетскаго корпуса» и, наконецъ, около двухъ десятковъ казачьихъ пѣсенъ попало въ сборникъ Е. К. Альбрехта и Н. Х. Весселя (изд. 1886 г.), записавшихъ эти пѣсни отъ пѣсенниковъ л.-гв. Донскаго казачьяго полка въ С.-Петербургѣ.

Но эти труды не могутъ дать представленія о настоящей народной казачьей пѣснѣ. Въ сборникѣ Альбрехта и Весселя если и есть нѣсколько такихъ пѣсенъ, то онѣ искажены до неузнаваемости неправильностью записей и чуждой имъ гармонизаціей, чѣмъ еще больше грѣшитъ работа Кольбе. Изъ тридцати же семи пѣсенъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ для Донскаго кадетскаго корпуса почти нѣтъ ни одной пѣсни, на которой бы лежала печать народнаго казачьяго творчества. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ «Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ (сочинена Ѳ. Анисимовымъ на измѣненный казачій мотивъ пѣсни—«Ужь вы, братцы, мои братцы, атаманы молодцы»), «Ты Россія» (на плясовой мотивъ), «Много лѣтъ войску Донскому», «Славьтесь, славьтесь казаки» и другія—продукты послѣднихъ войнъ, и появились, слѣдовательно, въ близкое къ намъ время. Другія—«Поѣхалъ казакъ на чужбину» (соч. Е. Гребенни тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія) или «Засви-стали козаченьки»—явно малороссійскаго происхожденія.

Надо замѣтить къ тому же, что указанные нами сборники совершенно неизвѣстны на Дону, не исключая и сборника Альбрехта и Весселя. Другіе два составляютъ библиографическую рѣдкость.

Въ конструкціи казачьихъ напѣвовъ, а также и въ исполненіи ихъ казаками есть нѣкоторыя особенности, отличающія народную казачью музыку отъ музыки культурнаго класса, особенности, свойственныя въ большинствѣ случаевъ, насколько это подмѣчено нами, великорусской пѣснѣ, отраслью которой является наша донская пѣсня.

«Запѣвала»—лучшій въ хорѣ пѣсенникъ «заводитъ» пѣсню, при чемъ свой «запѣвъ» иногда начинаетъ особымъ, характернымъ для каждаго запѣвалы, «наигрышемъ», какъ бы давая этими наигрышами упражненіе голосу—«наламаешь голосъ, онъ и катится».

Наигрышами,—представляющими собою короткія музыкальныя фразы, состоящія изъ довольно иногда затѣйливыхъ мелодическихъ фигурокъ,—запѣвало пользуется часто въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ сразу подыскать изъ своего репертуара пѣсню, какую хотѣлось бы заиграть.

— «Бывалыча, какъ были на службѣ, вспоминаетъ одинъ изъ пѣсенниковъ Арчадинской ст., начальникъ заставить вдругъ: — не думавши, пѣсню заиграй! Ты сейчасъ голо-

сомъ-то поведешь е... е... ей.., какъ будто придумалъ; глядишь, она придетъ на умъ, и заиграешь.—А, молодецъ! скажетъ»...

Безъ запѣва не начинается ни одна изъ протяжныхъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ свадебныхъ, за немногими исключеніями, вечериночныхъ, веснянкахъ ¹⁾, скорыхъ, гудебныхъ и военно-маршевыхъ, вообще въ пѣсняхъ наиболѣе ритмическихъ, запѣва не употребляютъ, хотя и здѣсь пѣсню обязательно начинаетъ одинъ голосъ «заправила» хора, иначе говоря, даетъ своимъ началомъ тонъ и указываетъ темпъ. Плясовые, частыя и военно-маршевыя играютъ «безъ свода», т. е. стиха «не сводятъ къ концу», какъ въ протяжныхъ, а поютъ всю пѣсню безъ перерыва до самаго окончанія.

Пѣсню «ведутъ» всегда «запѣвало» или «заводчикъ»—дирижеръ хора; за нимъ уже держатся остальные пѣсенники. Онъ «говоритъ», «доказываетъ» пѣсню съ начала до самаго конца, подбадривая своихъ товарищей «дружнѣе держать на голосъ», а «подголосниковъ» «братъ на подголоски» и «выводить».

Если онъ не твердо знаетъ иную какую-нибудь пѣсню, заводитъ другой пѣсенникъ, и въ этомъ случаѣ за послѣднимъ уже ведутъ пѣсню остальные товарищи.

Подголоскомъ въ русской народной музыкѣ принято называть всякій вообще вариантъ основной мелодіи, который слышится въ сопровождающихъ главную мелодію голосовъ, безразлично отъ того, уклоняется ли онъ вверхъ отъ нея или внизъ, и который по отношенію къ ней является какъ бы второстепенной мелодіей. Нѣсколько подголосковъ, взятыхъ вмѣстѣ съ главной мелодіей, даютъ основаніе для своеобразной народной гармоніи. Съ этой точки зрѣнія важность записи подголосковъ признается многими изслѣдователями и собирателями русской пѣсни—Мельгуновымъ, Пальчиковымъ, Брянскимъ, Сокальскимъ и другими.

Нѣчто другое представляетъ собою «подголосокъ» казачьей пѣсни въ терминологіи казака. Будучи въ сущности тѣмъ же вариантомъ мелодіи, казачій подголосокъ есть исключительная принадлежность того голоса, который ведетъ самую высокую партію. Въ мужскомъ хорѣ—это высокій теноръ; въ смѣшанномъ имъ бываетъ и теноръ, и сопрано, и даже альтъ ²⁾, съ успѣхомъ замѣняющій иногда высокаго тенора. Пѣсенникъ, исполняющій партію подголоска, называется «подголосникомъ».

Подголосокъ въ казачьемъ хорѣ играетъ довольно важную роль: это, можно сказать, душа пѣсни. Безъ него пѣсня кажется не полною, какъ бы хорошо ни исполняли ее другіе голоса. Подголосокъ оживляетъ мелодію, варьируемую средними голосами. Его сопровожденіе даетъ пѣснѣ ширь и свободный размахъ, свойственные исконной казачьей пѣснѣ и обусловленные историческимъ складомъ боевой жизни донскихъ казаковъ. Чѣмъ лучше подголосникъ знаетъ пѣсню, тѣмъ увѣреннѣе, красивѣе и разнообразнѣе его ходы (см. № 6). На общемъ фонѣ музыкальной картины, которую образуетъ основная мелодія съ сопровождающими ее вариантами другихъ голосовъ,—легкіе, оригинальные мелодическіе перебивы и скачки подголоска даютъ впечатлѣніе полноты и своеобразной законченности.

Хорошіе подголосники, соединяющіе въ себѣ съ хорошимъ сравнительно голосомъ умѣнье «подголашивать» или «дишкантировать», встрѣчаются далеко не часто. Впрочемъ, по замѣчанію одного изъ выдающихся пѣсенниковъ—А. Гончарова (Ермаковской ст.), «всякій хорошій пѣсенникъ долженъ умѣть и пѣсню играть и подголашивать». Замѣчаніе это подтвердилось на практикѣ: каждый изъ пяти пѣсенниковъ Есауловской ст., не исключая и запѣвала, по-

¹⁾ Пѣсни № № 9, 10, 11, 13, 14.

²⁾ См. въ прил. № 6: «Я служилъ раздобрай мѣладець».

очередно, по нашей просьбѣ, велъ партію подголоска. Подобныя же пробы повторялись иногда и въ другихъ мѣстахъ. Молодой пѣсенникъ Екатерининской ст. Е. Евлаховъ, довольно хорошій басъ и лучшій запѣвало, художественно подголашивалъ на высокихъ фальцетныхъ нотахъ любую пѣсню изъ своего обширнаго репертуара, хотя это и не легко было для его баса.

Все-таки часто, за неотысканіемъ специальныхъ подголосниковъ, мы вынуждены бывали обходиться и безъ нихъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсенниками являлись старики съ слабыми старческими голосами.

Большинство собирателей русскихъ народныхъ пѣсень, судя по изданнымъ сборникамъ (И. Прача 1806 г., М. Стаховича 1851 г., К. Вильбоа 1860 г., М. Балакирева 1866 г., Дютша-Истомина 1886 г. и др.), не придавали, повидимому, особеннаго значенія различнымъ вариантамъ одной и той-же мелодіи, стараясь выбирать изъ нихъ особенно красивый или характерный и отбрасывая все, что казалось, можетъ быть, лишнимъ, затемняющимъ строеніе мелодіи. Въ недавнее сравнительно время на эти варианты или подголоски обратили должное вниманіе. Ю. Н. Мельгуновъ первый въ своихъ сборникахъ народныхъ пѣсень (1879 и 85 г.г.) сталъ удѣлять имъ равнозначущее съ основною мелодіей мѣсто, возбудивъ, такимъ образомъ, вопросъ о гармонизаціи русской народной пѣсни ея же средствами.

Донская казачья пѣсня, какъ отрасль отъ дерева общей русской народной музыки, являетъ собою въ совокупности основную мелодію съ ея вариантами и подголосками ту же основу для народной гармонизаціи. Поэтому, въ своихъ работахъ при записи напѣвовъ мы старались не упустить ни одной вариаціи, для чего прослушивали нѣкоторыя труднѣйшія пѣсни обязательно два раза и даже больше, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсенники въ первый разъ вели пѣсню неувѣренно или сбивчиво.

Эти вариаціи и подголоски, взятые вмѣстѣ, образуютъ своеобразную народную гармонію, основанную не на аккордной системѣ западной музыки, требующей гармонической терціи, отсутствія параллельныхъ квинтъ, октавъ и иныхъ приемовъ, но на голосоведеніи и свойственныхъ ему приемахъ контрапунктческаго характера.

Въ народномъ хоровомъ пѣніи всѣ голоса самостоятельны; не связанныя чередованіемъ аккордовъ, всѣ они принимаютъ одинаковое участіе въ цѣломъ. Пѣсня, исполненная даже однимъ голосомъ, не теряетъ своей своеобразной красоты и, если проигрываетъ въ такомъ одиночномъ исполненіи, то сравнительно

Пѣсенницы Луковской ст. Хоперскаго округа.

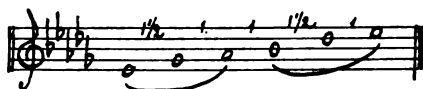
мало. Въ этомъ отношеніи безыскусственная народная казачья пѣсня существенно отличается отъ хоровыхъ многоголосныхъ произведеній, построенныхъ по законамъ общей гармоніи, исполненіе которыхъ при отсутствіи даже одного голоса является невозможнымъ.

Въ слѣдованіи подголосковъ и уклоненіяхъ вариантовъ отъ главной мелодіи, при сравнительной рѣдкости параллельныхъ кварть, встрѣчаются очень часто параллелизмы квинтъ, октавъ и даже трезвучій.

VI.

Что касается мелодическаго склада Донскихъ пѣсенъ, то и съ этой стороны мы замѣчаемъ въ нихъ особенности, отличающія казачью музыку отъ современной и относящія ее къ болѣе раннимъ эпохамъ музыкальнаго развитія.

Въ основѣ ея лежатъ особыя гаммы, которыя скорѣе ближе къ древне-греческимъ, чѣмъ къ принятымъ современной теоріей. Наиболѣе характерной является, такъ называемая, «индо-китайская» или «шотландская» гамма (исполняемая на однихъ черныхъ клавишахъ фортепіано), состоящая изъ двухъ невыполненныхъ кварть (трихордовъ) со скачками въ $1\frac{1}{2}$ тона:

Построенная на нотѣ do та же гамма будетъ имѣть такой видъ:

Эта пятитонная гамма, по мнѣнію Сокальского, Фаминцына и др. изслѣдователей, можетъ служить однимъ изъ признаковъ древности напѣва, составляя принадлежность музыкальной эпохи глубокой древности—эпохи кварты. Отсутствіе въ ней полутоновъ (вводныхъ тоновъ) и скачки въ $1\frac{1}{2}$ тона придаютъ напѣвамъ нѣкоторую твердость, жесткость, непривычную для современнаго слуха, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвижность, ясность и рельефность.

Нельзя здѣсь не обратить вниманія на интересное подтвержденіе кратко изложенной нами теоріи неполнаго діатонизма съ характерными скачками, свойственнаго исконной казачьей пѣснѣ, какъ она безсознательно, но своеобразно выражена однимъ изъ «рылешиковъ» Екаторининской станицы, знатокомъ казачьихъ пѣсенъ А. И. Позднышевымъ. Обучая своихъ сыновей игрѣ на «рылѣ» или «гудкѣ», струнномъ инструментѣ, очень сходномъ съ малороссійской лирой, онъ обращалъ вниманіе ученика на то, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, возьми хоть «Службицу» (№ 5) или «Дончака» (былина про Добрыню-Дончака) какъ бы ты ни игралъ ихъ, двухъ ладовъ трогать не будешь, они не пойдутъ въ дѣло; если же тронешь, окажется ошибка¹⁾.

Неполный діатонизмъ этого звукоряда съ теченіемъ времени выполнялся и образовалъ полную діатоническую гамму съ малой септимой, служащую какъ бы переходной ступенью къ новѣйшей эпохѣ мажора и минора со свойственнымъ ей вводнымъ въ октаву тономъ (большой септимой) и широкимъ развитіемъ гармоніи.

¹⁾ Подробное описаніе Донской лиры ниже, гл. VII.

Большинство записанных экспедиціею пѣсень носить въ себѣ характерные признаки древняго сложенія. Даже пѣсни болѣе позднѣйшаго происхожденія, историческія послѣ-петровскихъ временъ, протяжныя военно-бытовыя того же періода, творцами которыхъ являются попреимуществу сами же казаки, слагались какъ бы по одному типу, выработанному глубокой стариною и передаваемому непосредственно и въ чистомъ видѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ что пѣсня, напр., про атамана (1753—72 г.г.) С. Д. Ефремова «Полуночная звѣздочка» или пѣсня изъ временъ грузинской службы про Фрола Агурѣва по конструкціи ничѣмъ не отличаются отъ былинь—про сватовство Ивана Гардиновича (№ 2) или про Садка,—или отъ былинной пѣсни про князя Владиміра «Леталь-то леталь сизой орѣлъ».

Замѣтимъ здѣсь, что былины и пѣсни былинные поются Донскими казаками такъ же, какъ и всѣ вообще протяжныя пѣсни; речитативъ сѣверныхъ былинь за очень немногими исключеніями въ нихъ отсутствуетъ.

Обрядовыя пѣсни (свадебныя, веснянки, хороводныя, праздничныя), какъ по напѣвамъ своимъ, такъ и по текстамъ, составляютъ древнѣйшія произведенія народнаго творчества. Напѣвы ихъ дышатъ глубокой стариною, а тексты носятъ намеки на обряды и обычаи дохристіанскихъ временъ. Въ большей части ихъ напѣвовъ во всей чистотѣ сохранилась древняя индо-китайская гамма ¹⁾. Есть изъ нихъ не мало такихъ, звукоряды которыхъ ограничиваются предѣлами трехъ: g, — b, c (свадебная «Во мартѣ мѣсяцѣ выпадала порошница»); причитаніе «Уставайтя, мои подруженьки»—a, h, c; веснянка «Кюстрома» и др.) или четырехъ: g, —b, c, d (веснянка «Ты перляті, гоголь, море», свадебная «Не знала я, дѣвица», причитаніе «Ты прости, прощай, разлюбезная подружинька»: a, —c, d, e, и др.) звуковъ,—древнѣйшихъ эпохъ трихорда и тетрахорда.

Къ этому же разряду древнихъ мелодій относятся записанныя экспедиціею въ Сальскомъ округѣ калмыцкія пѣсни, въ своей заувнвности отличающіяся своеобразною красотою и выразительностью.

Изъ всего количества протяжныхъ историческихъ и бытовыхъ пѣсень, а также былинь, большая часть ихъ въ основѣ своихъ звукорядовъ имѣетъ ту же древнюю пятитонную гамму («Службица»: c—es, f,—as, b, c,—es, f; «Какъ служилъ Дончакъ»: e,—g, a, h,—d, e,—g; былина про Садка: g,—b, c, d,—f, g). Во многихъ изъ этихъ пѣсень затрогиваются, правда, и невходящія въ звукорядъ интервалы, но главная основа и въ нихъ, несомнѣнно, пятитоновая (историческая «Во Пруцкой земелюшкѣ, на ровной на площади»: g; (a), b, c, d, f, g; «Поле мое, поле чистое»: d, e, (fis), g, a, h, (c), d, e).

Остальная часть пѣсень, въ особенности новѣйшія военныя, основаны на полныхъ октавныхъ звукорядахъ.

Впрочемъ, и въ большинствѣ этихъ пѣсень ярко очерчивается древняя кварто-квинтовая эпоха въ ихъ мелодическихъ ходахъ (истор. «Думай, моя буйная головушка, не проду-

майся»: $\overbrace{es, f, g, a, b, c, d, es, f}^4$; бытовая «Стой дуброва»: $\overbrace{f, g, as, b, c, d, es, f}^5$).

Относительно распредѣленія пѣсень по мѣстностямъ мы должны замѣтить, что только обрядовыя пѣсни (свадебныя, веснянки и «карагодныя») имѣютъ свой болѣе или менѣе опредѣленный районъ. Такъ, свадебныя пѣсни и вообще свадебная обрядность до послѣдняго времени чище всего сохранились въ станицахъ по р. Донцу и лежащихъ ниже впаденія

¹⁾ См. напр. №№ 10—свадебная, 13 и 14—веснянки.

его—по Дону. Извѣстныя намъ свадебныя пѣсни (болѣе 200) записаны именно въ этихъ мѣстахъ и отчасти по рр. Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ. Среднее теченіе Дона отъ Кочетовской станицы вверхъ—этою отношеніи.

Большинство веснянокъ и «карагодныхъ» пѣсенъ далъ Хоперскій округъ и сѣверная часть У.-Медвѣдицкаго.

Что касается собственно «казачьихъ» (мужскихъ) пѣсенъ-былинъ, историческихъ и части бытовыхъ, то въ силу особенностей прежняго военного быта казаковъ, а также и теперешней военной службы, эти пѣсни распространены въ разныхъ вариантахъ текста и напѣва, а иногда даже въ совершенно несходныхъ напѣвахъ, по всей Области. Такъ что пѣсню, записанную, напр., въ I Донскомъ окр., экспедиціи приходилось прослушивать послѣ въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Хоперскаго или У.-Медвѣдицкаго, не говоря уже о такихъ общихъ для всего Дона пѣсняхъ, какъ пѣсни про Краснощекова—«Между Бумъ-рѣки, между Тереккомъ», «Приутхало, приумоляло наше войско Донское»¹⁾ «На вешній на праздничекъ Благовѣщенья», «Ты Россія, матушка Россія», про Ермака—«На рѣчкѣ было на Камышингѣ» и многихъ другихъ, въ которыхъ даже напѣвъ варьируется очень мало.

Во внѣшнихъ способахъ исполненія пѣсенниковъ, — какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—различныхъ мѣстностей какой-нибудь разницы мы не замѣчали. Почти повсемѣстно еще на Дону циркулируетъ чисто народный способъ исполненія; вездѣ пѣсню заводитъ болѣе или менѣе искусный запѣвало—знатокъ пѣсни; ему вторятъ своими излюбленными мелодическими оборотами остальные голоса и высокіе подголоски. Дѣленія голосовъ на партіи въ такомъ народномъ хорѣ, конечно, не бываетъ. Выдѣляется только подголосокъ, остальные же голоса переплетаясь свободно вращаются въ предѣлахъ звукоряда пѣсни, такъ что, напр., голосу съ басовымъ характеромъ по требованію мелодіи приходится иногда подниматься въ высокія теноровыя ноты, и продѣлывается это имъ безъ особеннаго напряженія.

Впрочемъ, должно указать на одинъ довольно обширный (протяженіемъ по станицамъ верстъ на 200) районъ, прилегающій къ границѣ I Медвѣдицкаго и II Донского округовъ отъ Кѣтской ст. внизъ по Дону до Есауловской, гдѣ наблюдалось среди молодыхъ казаковъ, бывшихъ полковыхъ пѣсенниковъ, нѣкоторое новшество — попытка къ правильному дѣленію хора на четыре голоса. Приученные нѣсколько полковыми регентами, эти пѣсенники поютъ, дѣйствительно, довольно стройно и пользуются поэтому извѣстностью за предѣлами района.

Намъ еще въ началѣ командировки нѣкоторые изъ офицеровъ, служившихъ въ полкахъ съ казаками этихъ станицъ, указывали на нихъ, какъ на особенно пѣсенныя станицы, и называли даже имена лучшихъ пѣсенниковъ. Заинтересованные издалека молвою, мы надѣялись услышать здѣсь и записать какія-нибудь старинныя, цѣбныя для собранія пѣсни, и натолкнулись только на обычный, зато болѣе обильный, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, полковой репертуаръ, вводимый вкусами регентовъ, состоящій изъ военно-маршевыхъ пѣсенъ солдатскаго пошиба съ захватскими припѣвами, вродѣ «Гремитъ слава трубой..», «Правда, правда, правда люли..», изъ «книжныхъ» пѣсенъ («Въ шапкѣ золота литого», «Осѣдлаю коня» и др.), а также изъ модныхъ фабричныхъ романсовъ, заимствованныхъ гдѣ-нибудь на сторонѣ или отъ иногороднихъ мастеровыхъ, проживающихъ среди казаковъ.

Нѣкоторая привычка пѣсенниковъ къ нотному пѣнію въ полкахъ отразилась на чистотѣ напѣвовъ тѣхъ старинныхъ пѣсенъ изъ записанныхъ нами ранѣе, которыя они пѣли по на-

¹⁾ Обѣ въ приложеніи, № № 3 и 4.

шей просьбѣ, введеніемъ чуждыхъ ихъ звукорядамъ интерваловъ. То же самое должно сказать о пѣсенникахъ, участвующихъ любителями въ церковныхъ хорахъ, которыхъ намъ удавалось слушать и въ другихъ мѣстахъ. Въ станицѣ Есауловской одинъ изъ пѣсенниковъ, поющій басомъ въ хорѣ, положительно уродовалъ пѣсни своими церковными каденціями съ терціей въ заключительномъ аккордѣ, такъ что мы вынуждены были вскорѣ удалить его, несмотря на то, что это былъ пѣсенникъ далеко незаурядный. Остальные четыре товарища его и тѣ замѣчали ему, что онъ «по новому» поетъ и «только пѣсню ломаетъ».

VII.

Краткое упоминаніе въ предыдущей главѣ о донской лирѣ обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ инструментальной музыкѣ въ Донской области вообще, и главнымъ образомъ остановиться болѣе подробно на этомъ очень древнемъ своеобразномъ струнномъ инструментѣ, отживающемъ вмѣстѣ съ старой народной пѣсней или, вѣрнѣе сказать, отжившемъ уже свой долгій вѣкъ.

Инструментальная музыка на Дону не богата количествомъ инструментовъ, ходящихъ среди казаковъ, и не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что извѣстно въ употребленіи у великороссовъ. Самымъ популярнымъ изъ нихъ является завоевавшая себѣ прочныя права гражданства повсемѣстно въ Россіи гармоника. Попадаютъ не рѣдко балалайка, скрипка—среди молодежи, бубенъ, нѣкоторые изъ оркестровыхъ военныхъ инструментовъ, кларнетъ, флейта и даже мѣдные духовые, такъ какъ извѣстный процентъ казаковъ на военной службѣ состоитъ въ числѣ трубачей и музыкантовъ въ полковыхъ оркестрахъ, откуда и приносятъ иногда съ собой на Донъ свои инструменты.

Единственнымъ, такимъ образомъ, оригинальнымъ представителемъ семьи народныхъ инструментовъ является донская лира, по мѣстному «рылѣ» или «гудокъ», получившій послѣднее названіе отъ неизмѣнно звучащей третьей струны—баска, къ которой не прикасаются «ребра ладовъ» и которая, поэтому, только «гудѣтъ». Названіе «рылѣ», передѣланное изъ «лиры», извѣстно было въ Великороссіи уже давно. Подъ одной изъ старинныхъ народныхъ любочныхъ картинокъ, изображающей «веселое общество», среди котораго нарисованъ «игрецъ» на лирѣ, слѣдуетъ такая надпись:

У. Бѣлокалитвенская ст. Донецкаго окр. «Рылѣшникъ»
В. М. Андрияновъ съ «гудкомъ»—донской лирой.

„Держи книгу въ рукахъ ближе:
Чтобъ видѣть можно ближе
Буду я *врыле* играть,
А по книгѣ стану припевать...“ ¹⁾

Районъ распространенности донской лиры не великъ: онъ обнимаетъ собою двѣ станицы по среднему теченію р. Донца—Екатерининскую и Усть-Бѣлокалитвенскую. Въ другихъ мѣстахъ намъ не приходилось встрѣчать инструментовъ даннаго типа. Чаше попадаетъ лира малороссійская, но исключительно среди малороссійскаго населенія Таганрогскаго и Ростовскаго округовъ; заходятъ иногда слѣпцы лирники и въ казачьи округа на ярмарки и храмовые праздники, гдѣ распѣваютъ подъ своеобразное сопровожденіе лиры—въ одиночку или вмѣстѣ со своими поводырями-мальчиками и товарищами—духовные стихи или «сальмы» («псалмы»), собирая вокругъ себя всегда большую толпу слушателей.

Донская лира состоитъ изъ резонанснаго плоскаго, овальнаго ящика, къ которому на общей нижней дежѣ прикрѣплена довольно длинная и широкая, суживающаяся къ головкѣ («конику»), полая внутри, «шейка»—грифъ съ помѣщенной на ней клавиатурой. Въ головку вставлены горизонтально четыре колка («закрутки») для четырехъ струнъ, изъ которыхъ три находятся надъ декой, а четвертая внутри подъ правой тонкой деревянной «щечкой». Назначеніе послѣдней струны «отбивать», отталкивать обратно клавиши («шашки»), которыхъ, смотря по величинѣ инструмента и длинѣ грифа, бываетъ отъ 11 до 14. На каждой шашкѣ, вставлено по два топорикообразныхъ колышка («толкачика»), острыми ребрами прикасающихся въ моментъ нажиманія шашки къ двумъ струнамъ, звучащимъ въ унисонъ, въ то время какъ третья—басокъ или «гудокъ»—остается постоянно свободною и звучитъ квинтой ниже. Для подстраиванія эти толкачики съ помощью щипчиковъ («абсѣнекъ») поворачиваются въ своихъ гнѣздахъ въ обѣ стороны.

Звукъ производится треніемъ вращающагося валика («колеса», «колѣсика»), въ мѣстѣ соприкосновенія съ которымъ струны для смягченія рѣзкости звука обматываются шерстью. Сзади валика, незначительно возвышающагося надъ декой, черезъ всю ширину ея проходитъ рѣзная подставка для струнъ, къ которой привязана маленькая изъ рѣдкой холстины сумочка съ толченой канифолью для «набиванія» на струны надъ валикомъ. Струны для лиры употребляются большею частью жильныя, выдѣлывающіяся изъ бараньихъ кишекъ домашнимъ способомъ; впрочемъ басокъ бываетъ и канительный, а внутренняя «отбивающая» струна даже веревочная.

Звукорядъ измѣняющихся струнъ, которыя, какъ мы выше замѣтили, настраиваются въ унисонъ, начинаясь съ квинты по отношенію къ баску, идетъ послѣдовательно по ступенямъ дѣтонической гаммы въ древне-греческомъ строѣ гипофригійскаго или іонійскаго лада и доходитъ въ нѣкоторыхъ инструментахъ до двухъ октавъ:

причемъ вводные тоны *ми* и *ля* звучатъ не такъ, какъ мы ихъ слышимъ на фортепiano, а немного ниже. Въ звукорядѣ 12-клавишной лиры И. Свиарева нижнее *ми*, отмѣченное знакомъ †, совершенно отсутствуетъ.

¹⁾ В. Михневичъ. «Очеркъ истории музыки въ Россіи» стр. 84.

Въ игрѣ на нашей лирѣ участвуютъ обыкновенно двое. Самъ «рылѣшникъ», онъ же и пѣсенникъ, подложивъ подъ себя ремень или шнурокъ, подвязанный съ лѣвой стороны къ инструменту, чтобы крѣпче держался на колѣняхъ, правой рукой вертитъ ручку («крючекъ»), въ свою очередь приводящую во вращеніе колесцо, а лѣвой, нажимая «отъ себя» шашки, подыгрываетъ своей пѣснѣ, прелюдируя передъ началомъ cadaго или только нѣкоторыхъ стиховъ, «чтобы дать голосу рѣздыхъ», и украшая напѣвъ довольно затѣйливыми иногда варіаціями съ массой форшлаговъ.

Роль другого ограничивается только тѣмъ, что онъ «держитъ коника», поддерживаетъ головку, чтобы она «не отходила» отъ давленія на клавиши рылѣшника, и вторитъ ему или «подголашиваетъ». Иногда рылѣшникъ, хотя это сопряжено для него съ нѣкоторыми неудобствами, обходится и безъ помощника, упирая головку въ какое-нибудь углубленіе въ стѣнѣ, въ окно или другое препятствіе, удерживающее ее на мѣстѣ. Положеніе лиры и рылѣшниковъ въ моментъ игры изображено выше на рисункѣ.

Существенныя отличія донской лиры отъ малороссійской, такимъ образомъ, заключаются 1) во внѣшнемъ видѣ: малороссійская лира состоитъ изъ скрипичнообразнаго ¹⁾ корпуса, безъ грифа, на мѣстѣ прикрѣпленія котораго помѣщается небольшая коробка съ тремя колками, тогда какъ наша похожа скорѣе на гитару безъ передняго ея полуовала, но съ широкимъ грифомъ и съ головкой (той же коробкой) на концѣ его; 2) въ строѣ и числѣ измѣняемыхъ по высотѣ звука струнъ: въ малороссійской двѣ струны настроены въ октаву, а третья въ квинту къ нижней, причѣмъ мелодія играется на одной только струнѣ, остальные же двѣ выдерживаютъ нѣчто вродѣ органаго пункта; въ донской—отношеніе струнъ унисонно-квинтовое и мелодія идетъ на двухъ унисонныхъ струнахъ; 3) въ меньшемъ количествѣ клавишъ на малороссійской лирѣ (на лирѣ, описанной г. Масловымъ, ихъ только 9); 4) въ расположеніи клавиатуры—по правую сторону въ малороссійской, по лѣвую въ донской и, наконецъ, 5) въ большемъ объемѣ и нѣкоторой громоздкости послѣдней по сравненію съ первой.

Донская лира—инструментъ весьма древній, можетъ быть, даже болѣе древній, чѣмъ малороссійская, представляющая собою видоизмѣненіе первоначальной большой лиры, известной въ западной Европѣ еще въ IX вѣкѣ подъ названіемъ *органиструма*, для игры на которомъ необходимо требовалось участіе двухъ лицъ. На сохранившемся барельефѣ съ капители XI вѣка изъ бошервильской церкви св. Георгія въ Нормандіи въ группѣ средне-вѣковыхъ музыкантовъ изображены двѣ женскія фигуры, играющія вдвоемъ на одномъ органиструмѣ ²⁾. Впослѣдствіи размѣръ инструмента уменьшился настолько, что явилась возможность играть на немъ одному, притомъ не только сидя, но и стоя ³⁾. Результатомъ такого измѣненія оказалась распространенная въ юго-западной Россіи, центральной и на Кавказѣ «малороссійская» лира, легкая, удобная для переносокъ, приспособленная для игры даже на ходу, чего совершенно не допускаетъ конструкція донской лиры, оставшаяся почти такою же, какою она была 900—1000 лѣтъ назадъ.

Наша донская лира, повидимому, есть та самая лира, которая описана подъ именемъ «крестьянской» (*Bauerleier, lyra rustica*) М. Преторіусомъ, выдающимся нѣмецкимъ музыкальнымъ писателемъ и композиторомъ конца XVI и начала XVII вѣковъ, въ его сочиненіи «*Syntagma musicum*» (1614—20 г.). Клавиатура въ ней устроена не на самомъ корпусѣ какъ въ малороссійской, а на грифѣ, къ концу котораго придѣлана головка съ колками,

¹⁾ По описанію лиры, сдѣланному А. Л. Масловымъ въ его статьѣ «Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ малороссійской лиры». «Этногр. Обзор.» XLVI.

²⁾ Э. Науманъ. Всеобщая исторія музыки (1880—85 г.г.) Т. I.

³⁾ А. Масловъ. Лирники Орловской губерніи и пр.

вставленными вертикально, между тѣмъ какъ въ донской они лежатъ горизонтально, въ чемъ, кажется, и все различіе.

Почти одновременно съ Преторіусомъ и Маскѣвичъ, польскій офицеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1610—11 годахъ, въ своемъ дневникѣ упоминаетъ о распространенной тамъ лирѣ, инструментѣ «похожемъ на скрипку», въ которомъ роль смычка замѣняетъ «колесо, приправленное посредниѣ; одною рукою, замѣчаетъ онъ, кружатъ колесо и трогаютъ имъ струны снизу, другою прижимаютъ клавиши, коихъ *на шейкѣ* инструмента около десяти»¹⁾.

Отсутствующая въ малороссійской лирѣ шейка съ клавишами, характерная для донской, видна по приведеннымъ описаніямъ и на нѣмецкой лирѣ (*Lyra tedesca*) Преторіуса и на русской Маскѣвича. Какимъ образомъ и когда проникла лира изъ западной Европы въ Россію—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, въ Польшѣ употребленіе ея раньше XVII вѣка было уже въ обычаѣ. Въ томъ же своемъ дневникѣ Маскѣвичъ, описывая боярскій парадный обѣдъ, говоритъ, что на эти обѣды для потѣхи бояръ приглашаютъ шутовъ и скомороховъ; «иногда же, въ подражаніе нашимъ обычаямъ, приказываютъ играть *на лирахъ*» (курсивъ нашъ).

Неизвѣстно также, съ какого времени появились на Дону лирники, или по мѣстному «рылешники». Исторія не сохранила для насъ какихъ-нибудь указаній на этотъ родъ своеобразнаго и оригинальнаго древняго искусства. Устные свѣдѣнія, заимствованныя мною отъ теперешнихъ рылешниковъ, жителей Екатерининской станицы, не восходятъ далѣе полу-сотни лѣтъ назадъ.

Жилъ-проживалъ въ тѣ времена на одномъ изъ хуторовъ этой станицы (кажется, на Западномъ) старый казакъ грузинской службы Быкадоровъ, по прозванію Бѣзрукъ, у котораго на мѣстѣ пальцевъ, отрубленныхъ, можетъ быть, въ схваткѣ съ «лихимъ черкѣсиномъ», были однѣ «култышки». Про этого Бѣзрука и говорятъ теперь, что онъ былъ замѣчательный игрокъ на «рылѣ», и онъ-то научилъ нѣкоторыхъ играть на этомъ инструментѣ. На правую руку, на которой у него совершенно не было пальцевъ, онъ прикрѣплялъ на ремняхъ особую дощечку съ проверченной въ ней дыркой и съ помощью этой дощечки вращалъ крючкомъ «колѣсико».

Такъ передавалъ мнѣ рылешникъ хутора Насонтова Константинъ Евдокимовичъ Адамовъ, «родитель» котораго Евдокимъ Яковлевичъ былъ ученикомъ Бѣзрука.

Другимъ, болѣе способнымъ ученикомъ былъ казакъ хутора Ясеновскаго, Иванъ Осиповичъ Позднышевъ²⁾.

Отъ этихъ двухъ, давно уже умершихъ, и пошли у насъ рылешники, или «гудошники».

Евдокимъ Яковлевичъ Адамовъ оставилъ послѣ себя также двухъ учениковъ: сына Константина, теперь уже 70-лѣтняго старика, который любезно подѣлился своими воспоминаніями и доставилъ мнѣ свой гудокъ, фигурировавшій въ Августѣ 1902 года въ качествѣ экспоната на выставкѣ XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ (нынѣ принадлежитъ Дашковскому Этнографич. Музею въ Москвѣ),—и давно умершаго казака Дмитрія Даниловича Могилына. Сынъ послѣдняго, Никаноръ Дмитричъ, имѣетъ рылѣ, хотя игрокъ онъ неважный.

Былъ еще одинъ рылешникъ, Стефанъ Андреевичъ Игнатовъ, жившій на хуторѣ Си-

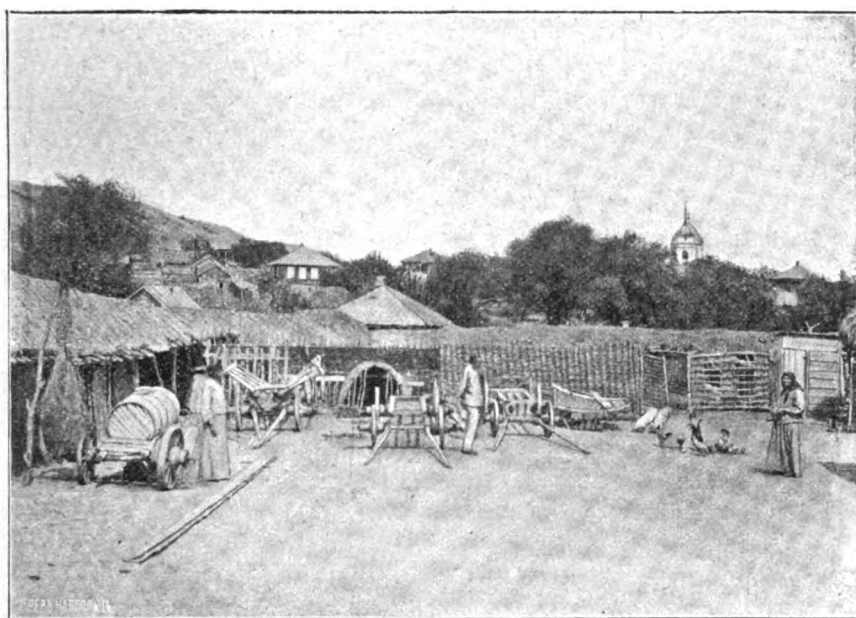
¹⁾ Дневникъ Маскѣвича: Сказанія о Дмитріѣ Самозванцѣ, II, стр. 51. Изд. историка Н. Устрялова.

²⁾ И. О. Позднышевъ, очевидно, и раньше умѣлъ играть, такъ какъ въ его семействѣ гудокъ ко времени обученія у Бѣзрука былъ уже не новостью. По воспоминаніямъ сына его Аѳанасія Ивановича «первый гудокъ появился у нихъ около 1824 года, и съ тѣхъ поръ собственные инструменты въ ихъ семействѣ не переводились». Относительно репертуара отца Аѳанасій Ивановичъ говорилъ, что «онъ игралъ на гудкѣ всѣ пѣсни; изъ плясовыхъ игралъ Зайчика, Казачка, Барыню и много другихъ».

негорскомъ, но нѣсколько лѣтъ назадъ онъ переселился въ Уссурийскій край и унесъ съ собою свой гудокъ.¹⁾ Его инструментъ былъ наслѣдственный; достался ему черезъ отца— Андрея Кирилловича отъ дѣда Кирилла, хорошаго, какъ говорятъ, мастера, также, можетъ быть, ученика Безрука, такъ какъ онъ былъ ровесникомъ двухъ его первыхъ учениковъ.

Такимъ образомъ, въ районѣ Екатерининской станицы всѣхъ инструментовъ четыре, а игроковъ пять человѣкъ, считая въ семействѣ Позднышевыхъ троихъ игроковъ и два инструмента.

Нужно замѣтить, что каждый рылешникъ самъ по себѣ хорошій домашній мастеръ— столяръ или сѣдельный мастеръ, какъ Адамовы отецъ и сынъ, поэтому инструменты не покупаются, а выдѣлываются домашними средствами.

Казачій дворъ въ Пятизбѣнской ст. П. Дон. окр.

Репертуаръ Константина Евдокимовича Адамова, котораго мнѣ удавалось слышать чаще другихъ, разнообразенъ и обширенъ. Онъ играетъ почти всѣ пѣсни, которыя поетъ «на голосъ». Явится онъ куда-нибудь въ «каннанію», промочить, по обыкновенію, горло, «чтобы пѣсня гладко пошла», и заведетъ— «Не дорого нашему хозяину пивушка пьяная, только дороги ему гостечки почетная»... и расскажетъ, какъ «Москва Кременна отъ искорки огненной загоралася»; сыграетъ далѣе про князя Владиміра («Леталь-то, леталь сизой орель»...) и про Добрынюшку («Какъ и жилъ-то былъ Микита»), про Ермака Тимофѣевича и его сподвижниковъ «На рѣчкѣ Камышинкѣ», не забудетъ «злодѣюшку Грузинскую сторонушку» и смерть царя Александра I («Какъ поѣхалъ Александра свою армію смотрѣть»). Споетъ что-нибудь послѣ этого про жите-бытье добраго молодца «младъ донскова казака» на далекой чужбинѣ и про его «бочечку-чернобровочку»; ударитъ наконецъ «казачка» (плясовую) и самъ не удержится и начнетъ притаптывать и «прибасывать»...

Я спрашивалъ Константина Евдокимовича, какъ онъ «налаживаетъ» свой гудокъ,

¹⁾ Этотъ гудокъ на пути, говорятъ, былъ украденъ.

и онъ попытался дать объясненія,—конечно, неясныя и неточныя, которыя примѣняетъ самъ онъ къ дѣлу по традиціи.

— «На лады взводить струны» научилъ его «и товаришавъ батенька-родитель: натянешь, говорилъ онъ, струну, да другую подводишь подъ неё, чтобы они одинъ голосъ вели, а гудокъ къ нимъ, стало-быть, подгоняешь, чтобы не пербивалъ да басилъ,—а оно, видишь, и согласно выходятъ». Если двѣ струны, настраиваемыя унисонно, звучатъ неправильно, тогда онъ замѣчалъ, что онѣ, «ишь вотъ, двоятъ голосъ».

— «Ладовыя струны», съ своей стороны добавлялъ рылешникъ У.-Бѣлокалитвенской станицы В. М. Андріановъ, «натягиваются на одинъ голосъ, а самый гудокъ долженъ басить».

Иванъ Осиповичъ Позднышевъ былъ большой охотникъ игры на гудкѣ. Дома иной разъ бранили музыканта за его увлеченіе; тогда онъ заберется, бывало, въ Ясеновскую балку, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ хутора, и тамъ, окруженный дикими скалами и вѣковыми «дубьями» и ясенями, вволю предается своему любимому занятію, пока не отыщутъ его и не отберутъ инструмента. Или, уже будучи старикомъ, возьметъ онъ, бывало, «Хомку», такъ величалъ онъ свой гудокъ, засунетъ въ мѣшокъ, перекинетъ черезъ плечо и пропадетъ съ нимъ на нѣсколько недѣль. Найдутъ его «у друзьѣвъ-товаришавъ», въ сосѣднихъ или дальнихъ хуторахъ, верстъ за 30—40.

Иванъ Осиповичъ, какъ и другіе мѣстные рылешники,—въ большинствѣ случаевъ люди зажиточные, даже богатые,—былъ «хозяйинъ съ большимъ достаткомъ»; поэтому, подобныя его отлучки не были и не могли быть странствованіями нищихъ малорусскихъ слѣпцовъ бандуристовъ и лирниковъ; его музыкальное занятіе не было профессіей изъ-за куска хлѣба. Наши гудошники приглашаются на свадьбы и въ другія «ганпанія», но играютъ тамъ не за плату, а какъ участники гулянья. Появленіе гудошника дѣлаетъ честь хозяину дома, который въ оба глаза слѣдитъ за тѣмъ, чтобы у того «ненарокомъ рылеюшка не заскрыпѣла», и слѣшитъ подмазать.

Гудокъ Ивана Осиповича перешелъ по наслѣдству къ сыну его Аѳанасію Ивановичу, о которомъ рѣчь была въ предыдущей главѣ; отъ послѣдняго «переняли игру» его сыновья. Въ настоящее время у Позднышевыхъ два инструмента, сдѣланныхъ самимъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ совершенно не годенъ къ употребленію.

Старый гудокъ Ивана Осиповича, 25 лѣтъ назадъ какимъ-то образомъ попавшій въ сосѣдную Усть-Бѣлокалитвенскую станицу, отысканъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ при проѣздѣ черезъ нее у молодого казака, очень заинтересовавшагося инструментомъ, М. Барбаянова, который незадолго передъ тѣмъ взялъ его, чтобы поучиться, у извѣстнаго рылешника Василія Михайловича Андріанова.¹⁾

Гудокъ этотъ оказался въ довольно истерзанномъ видѣ, съ разбитой нижней декой, потрескавшимся валикомъ, безъ струнъ и ручки, такъ что его пришлось тамъ же оставить для реставрированія.

В. М. Андріановъ, ученикъ Ивана Осиповича, вспоминалъ о немъ, какъ о «знаменитомъ» игрокѣ: «теперь, куды тебѣ, не сыщешь такого, какъ Иванъ Осиповичъ!—Познышь самому Наказному Атаману игралъ», добавлялъ онъ съ гордостью.

Кромѣ Андріанова, въ У.-Бѣлокалитвенской станицѣ есть еще три рылешника: А. Д. Хорошевъ, очень порядочный мастеръ, сдѣлавшій рыле также и для другого рылешника В. В. Кляичева (изъ хут. Попова) и И. Н. Свиаревъ, изъ хут. Богатова.

Любимая пѣсня Калитовскихъ рылешниковъ—сочиненная «давнымъ-давно» на мѣстную тему:

¹⁾ Оба они вмѣстѣ съ гудкомъ сфотографированы мною (см. рисунокъ выше).

По Донцу, Донцу, по Сѣверскомъ Донцу...
На усть-матушкѣ на Бѣлой Калитвѣ...¹⁾

въ которой идетъ перечисленіе почти всѣхъ хуторовъ, принадлежащихъ къ стапичѣ, и которую рылешники всегда начинаютъ свой репертуаръ, гдѣ бы ни были.

Благодаря этой популярнѣйшей пѣснѣ, извѣстной въ Калитвѣ и старому, и малому, и самый гудокъ получалъ здѣсь нѣкоторое какъ бы официальное значеніе, въ послѣдніе года, кажется, уже утраченное. Рассказывали, что въ прежнія времена въ нѣкоторые высоторжественные праздники, во время прїѣздовъ важныхъ особъ, и вообще при всѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда устраивалась на площади предъ станичнымъ правленіемъ общественная «хлѣбъ-соль», обязательно приглашались рылешники. Для этихъ случаевъ въ станичномъ правленіи хранился «общественный» гудокъ.

Донская лира, какъ и пѣсня, отживаютъ свой вѣкъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ экземпляровъ этого инструмента нѣкоторая часть ихъ, если не вся половина, въ полуразрушенномъ состояніи. Не на видной и чистой стѣнѣ ихъ мѣсто теперь, а на «палатахъ» (чердакѣ), въ пыли и паутинѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Внимательное изученіе пѣсеннаго вопроса необходимо должно привести къ убѣжденію, что наше время для народной пѣсни—время критическое. Непосредственное народное творчество давно прекратилось. Старинная пѣсня сохранилась только въ нѣкоторыхъ глухихъ, удаленныхъ отъ центровъ, уголкахъ нашего обширнаго отечества. Да и здѣсь она, какъ видимъ, не свободна бываетъ отъ пагубнаго воздѣйствія на нее постороннихъ элементовъ, искажающихъ или же совсѣмъ изгоняющихъ ее изъ народнаго обихода.

Утрата народомъ своихъ старинныхъ напѣвовъ есть явленіе естественное. Оно однородно съ забвеніемъ мѣстныхъ нарѣчій, съ замѣной національной одежды общеевропейскимъ костюмомъ, съ исчезновеніемъ языческихъ обрядовъ и преданій. Успѣхи промышленности, развитіе путей сообщенія, распространеніе грамотности и знанія вообще медленно, но неотразимо подтачиваютъ своеобразность народнаго быта; обезцвѣченіе этого быта есть необходимая жертва, приносимая цивилизаціи. Каждый новый успѣхъ нашъ на поприщѣ культуры матеріальной или духовной будетъ сопровождаться новой утратой для нашего пѣсеннаго богатства, новымъ вторженіемъ заимствованій изъ музыки буржуазной и иностранной.

Можно только радоваться, что дѣятельность собранія началась и продолжается въ такое время, когда масса народа жила и во многихъ мѣстахъ широкой Руси живетъ еще старинною жизнью, и древнее мелодическое богатство сохранилось нетронутымъ въ значительной еще мѣрѣ.²⁾

Но если заботы эти по отношенію къ великорусскимъ и малорусскимъ пѣснямъ можно еще назвать почти своевременными, то съ еще большими ограниченіями нужно говорить это о казачьихъ пѣсняхъ.

Казачья пѣсня въ настоящее время переживаетъ также тяжелый кризисъ. Непосред-

¹⁾ Въ приложеніи № 8.

²⁾ Г. А. Ларошъ. «Новый сборникъ рус. нар. мелодій Н. Пальчикова» (Муз. Об. 1888 г.).

ственное казачье творчество прекратилось и на Дону уже давно. Последнія истинно-народныя, безыскусственныя историческія пѣсни относятся къ началу прошлаго XIX вѣка, къ эпохамъ войны 12 года и тяжелой Грузинской службы. Много полегло казаковъ въ отечественную войну, но еще больше погубило ихъ въ ущельяхъ Кавказскихъ горъ отъ чересскихъ пуль и неизлѣчимой грузинской лихорадки... Удивительно хороши эти послѣднія произведенія казачьяго творчества. ¹⁾ Грустить «батюшка славный Тихой Донъ, помутился онъ сверху до низу, распустивши сыновъ своихъ, ясныхъ соколовъ, на борьбу съ Бонапартомъ»; «клянеть - проклинаеть добрый молодець, младъ донской казакъ, злую Грузинскую сторопушку, что безъ вѣтру, безъ вихорю засушила его»...

Группа пѣсенницъ хут. Караичева Гундоровской ст. Донецкаго окр.

Старинная казачья пѣсня осуждена на неизбежное и быстрое вымирание и забвеніе, тѣмъ болѣе, что наша донская интеллигенція, въ своемъ странномъ индифферентизмѣ къ ней, до послѣдняго времени почти не проявляла старанія доступными ей средствами придти на помощь предоставленному въ данномъ вопросѣ самому себѣ народу. Отсутствие хоровыхъ или пѣсенныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью пропагандированіе народной пѣсни, недостатокъ или, лучше сказать, также отсутствіе популярныхъ сборниковъ пѣсенъ казачьихъ ясно говорятъ за это.

Поэтому, нельзя не привѣтствовать отраднато рѣшенія бывшаго Военнаго Министра А. Н. Куропаткина сохранить для потомства тѣ старыя казачьи пѣсни, которыя не успѣли еще исчезнуть изъ народной памяти, хотя результаты нашей пѣсенной экспедиціи и обнаружили относительную запоздалость этого рѣшенія. Матеріалъ, собранный экспедиціею, оказался, правда, богатымъ. Но онъ былъ бы еще богаче, цѣннѣе, какъ съ количественной, такъ и съ качественной сторонъ, если бы болѣе или менѣе систематическія работы начаты были раньше, когда новая пѣсня не заявляла такихъ, какъ теперь, правъ на свое существованіе.

¹⁾ Срв. «Служба въ Грузіи». въ прил., № 5.

Вызываемые экспедицією пѣсенники почти вездѣ начинали свой репертуаръ съ перечисленія именно этихъ новыхъ, модныхъ и военно маршевыхъ пѣсенъ. Репертуаръ этотъ оказывался иногда настолько прочно осѣвшимъ въ памяти пѣсенниковъ, что намъ стоило въ этихъ случаяхъ большихъ усилій добиться отъ нихъ какой-нибудь цѣнной пѣсни. Изъ нѣкоторыхъ станицъ, какъ Скуришенская, У.-Медвѣдичкая, Сергѣевская, Етеревская и Бого-явленская такъ мы и уѣзжали, не записавши ни одной пѣсни или вынужденные довольствоваться обрывками старины.

Около 10 лѣтъ назадъ я имѣлъ еще возможность въ одномъ мѣстѣ (въ Екатерининской ст. I Дон. округа) намѣтить и записать полный циклъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ до 200 №№. Въ настоящее время большинства этихъ пѣсенъ, къ тому же самыхъ древнихъ и характерныхъ, тамъ уже не услышишь.

Ограниченная временемъ, экспедиція въ преслѣдованіи своей цѣли—собиранія старинныхъ пѣсенъ—должна была главное вниманіе обращать на такія пѣсни, которыя имѣли въ себѣ, если не всё, то хотя нѣкоторые характерные признаки исконнаго народнаго творчества. Чѣмъ пѣсня древнѣе и чѣмъ она свободнѣе отъ различныхъ позднѣйшихъ наслоеній, тѣмъ эти признаки яснѣе бываютъ видны, какъ въ напѣвѣ, такъ и въ текстѣ. Разузнется, не все то, что циркулируетъ въ настоящее время среди населенія и что предлагали намъ вызванные пѣсенники, попадало въ наши записи. Нѣтъ смысла тратить силы и время на запись пѣсенъ новѣйшаго происхожденія, не только не стоящихъ вниманія, но часто просто оскорбляющихъ художественное и даже нравственное чувство, когда каждый годъ уносить изъ памяти народа лучшіе древніе образцы истинно народнаго творчества.

Конечно, въ общей массѣ собраннаго матеріала можетъ оказаться нѣкоторая доля напѣвовъ незначительныхъ и мало интересныхъ. Но вѣдь задача музыкальной этнографіи заключается не въ томъ, чтобы преподносить только «цвѣты» или «перлы». По мысли глубокаго музыкальнаго критика Лароша—«какъ собиратель древнихъ надписей тщательно списываетъ каждую букву, не заботясь о литературномъ достоинствѣ произведенія, какъ лексикографъ заноситъ въ свой трудъ каждое найденное имъ слово, не разбирая изясно оно или нѣтъ»,—такъ музыкальный этнографъ въ своихъ поискахъ за нужнымъ ему матеріаломъ долженъ заботиться только «о точности и полнотѣ, соблюдая по отношенію къ содержанію полную объективность и отнюдь не развлекаясь вопросами такъ называемаго вкуса» (Муз. Об. 1888 г.).

Композиторъ найдетъ между мелодіями, записанными нами, такія, которыя своею красотой и непосредственностью вызываютъ на художественную, симфоническую разработку; сумѣетъ воспользоваться для своихъ разнообразныхъ цѣлей и такими, которыя въ настоящемъ сырость, необработанномъ видѣ кажутся однѣми изъ самыхъ бѣдныхъ и неудачныхъ.

Въ приложеніи къ настоящей статьѣ помѣщено 14 пѣсенъ, изъ которыхъ четыре—№№ 1, 2, 13 и 14—записаны во время командировки 1902—3 г.г. при участіи С. Я. Арефина, остальные же лично мною въ разное время, главнымъ образомъ въ I Донскомъ округѣ; въ числѣ ихъ—2 былины, 4 историческихъ пѣсни, 2 бытовыхъ, 4 свадебныхъ съ однимъ причитаніемъ и 2 веснянки.

Тексты пѣсенъ приведены съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей мѣстнаго казачьяго говора.

Укладка напѣвовъ въ ноты представляетъ собою гармоническое соединеніе вариаций напѣва, записанныхъ не въ разныхъ пѣсенныхъ пунктахъ, а въ одномъ мѣстѣ и въ одинъ пріемъ, отъ пѣсенниковъ, составляющихъ одну партію. Гармонизація напѣва, записаннаго

такимъ образомъ, является дѣломъ той партіи пѣсенниковъ, которая исполняла его, и есть, слѣдовательно, народная въ собственномъ смыслѣ.

Вся искусственность нашей укладки заключается только въ извѣстномъ комбинированіи варіацій, которыя въ народномъ исполненіи появляются не одновременно, какъ у насъ, а по мѣрѣ слѣдованія стиховъ пѣсни. Основанія для такого рода укладки мы видимъ въ томъ соображеніи, что та или другая варіація не прикрѣплена къ извѣстному стиху, а появляется, такъ сказать, случайно, въ зависимости отъ желанія пѣвца, его душевнаго расположенія, музыкальнаго воображенія, состоянія голосовыхъ средствъ и другихъ причинъ, такъ что, напр., варіація, услышанная въ данный моментъ при одномъ стихѣ, въ другое время, при повтореніи пѣсни, оказывается при другомъ.

Этотъ способъ сводки варіацій напѣва въ одно гармоническое цѣлое употребленъ нами съ цѣлью дать возможность исполнять пѣсни хоромъ въ нѣсколько—четыре, три и менѣе (№ 10)—голосовъ, и въ настоящемъ видѣ представляетъ собою только опытъ по отношенію къ дальнѣйшимъ работамъ въ этомъ направленіи.

Областной Статистическій Комитетъ, которому переданъ былъ по окончаніи командировки весь собранный матеріалъ, приступаетъ къ изданію его отдѣльными выпусками; каждый выпускъ долженъ будетъ представлять изъ себя какъ бы самостоятельный сборникъ, заключающій въ себѣ пѣсни различнаго содержанія, начиная съ былинь и историческихъ пѣсенъ и кончая «домашними» пѣснями—бытовыми, свадебными и веснянками. Такъ какъ цѣль изданія главнымъ образомъ практическая—распространеніе старинной пѣсни среди забывающаго ее казачьяго населенія черезъ посредство полковыхъ хоровъ и школъ,—то указанный способъ гармонизаціи мы и намѣрены примѣнить въ своихъ работахъ по подготовкѣ матеріала къ изданію.

А. М. Листопадовъ.

Москва, 15 ноября 1904 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ДОНСКІЯ КАЗАЧЬИ ПѢСНИ.

1. Тексты.
2. Напѣвы.

№ 1.

Бой Алеши Поповича съ Змѣемъ Горыничемъ.

(Былина).

1. Да ва князя было, князя Валадимира,
Сабиралася въ ниво да пиръ-бисѣдушка,
И чисна, и хвальна да многарадасная.
Ва пиру-та сидять князья, бѣяры,
5. Ани сильнаи, магучіи багѣтыри;
Какъ и нѣту ва пиру младъ-Алѣшиньки,
Младъ-Алѣшиньки, свѣтъ-Паповича.
Пагадя трошки-нимношка, на ядиной на чисокъ,
Какъ и ѣдя-та Алѣша на широкай дворъ,
10. На каню сидить Алѣша, какъ ясмѣнъ сакѣлъ;
Сы добра каня Алѣшинька онъ слаживая,
Ни за што-та онъ каня да ни привязывая,
Ни каму-та онъ ево да ни приказывая.
Какъ идѣтъ-та Алѣша ва палатушки,
15. Да ва тѣ-жа ва палаты бѣлыкаминнай;
Абразамъ-та онъ нашимъ Богу молитца,
Сы князьями, сы баярыми онъ здраствуйтца:
— „Какъ и здраствуй, ты здраствуй, Валадимиръ князь,
Сы сваёю сы младою сы княгинію!“
20. Какъ вазгѣварить-та рѣчи Валадимиръ князь:
— „Да, вы, слуги маи, слуги, слуги вѣрнаи!
Вы вазьмитя-ка, слуги, питай бранай кавѣрь,
Застялится на печичку муравчитаю,
Пасадитя вы Алѣшу да на печичку“...
25. Какъ и барыня па крылушкамъ пахаживая.
Ширакѣми рукавами всё памахивая:
— „Да и што эта за пиръ, за бисѣдушка,
Ни чисна-та, ни хвальна, ни многарадасная;
Какъ и нѣту ва пиру маево дружка,
30. Маево-та дружка Змѣй Тугарина“ (Гарынича).
Пагадя трошки-нимношка, на ядиной на чисокъ,
Какъ стучить-та, грядить, Змѣй-сабачишша валить.
На канѣ-та сидить, какъ сѣнная капна,
Галава-та у Змѣя вотъ съ пивной казанъ,
35. А глаза-та у Змѣя вотъ съ пивной ани жбанъ.

- Какъ и ѣдя Змѣй-сабака на широкай дворъ.
Какъ усѣ-та бы кони папужалися,
П'атарвали чунбурики шалковинькаа;
Да Алёшинъ-та канёчикъ ни пужаитца,
40. Ни парваль онъ чунбурика шалковинькава,
Праву уха прилажилъ, лѣвай путь показалъ...
Какъ и тутъ-та Змѣй-сабака сталъ дагадыватца:
— „Какъ и есть-та ва пиру минѣ спорничикъ,
Въ пиру спорничикъ, мой насмѣшничикъ!“...
45. Какъ идѣть-та Змѣй-сабачиша въ палатушки,
Да ва тѣ-ли ва палаты бѣлыкаменная,
Абрамамъ-то онъ нашимъ Змѣй ни молитца,
Сы князьями, сы баярыми ни здраствуйтца;
Да садитца Змѣй-сабака на большая мѣста,
50. На большая-та мѣста, кы святымъ абрамамъ,
Да сажая княгиню ва калѣнушки свои.
Какъ ваговарить-та рѣчи тутъ княгинюшка;
— „Вотъ и тутъ-та и пиръ, и бисѣдушка!“
Панесли-та на столъ и гусей—лебедей,
55. И гусей—лебедей, сѣрыхъ утушикъ.
Какъ гусей—лебедей Змѣй глаткомъ паглаталъ,
Сѣрыхъ утушикъ, сабака, онъ и рушилъ-шилъ.
Абазвалсы тутъ Алешинька на печушки:
— „Какъ у нашива у батюшки сабачиша была,
60. Ана часта ва палатушки ускакивала,
Пираги изъ-за стала ана выхватывала!“
Какъ и тутъ-та Змѣй Гарыничъ сталъ дагадыватца:
— „Какъ была-та бы мнѣ прежня волюшка,
Я сарвалъ бы, сарвалъ верхъ съ палатушикъ,
65. А князей-та, баяръ я усѣхъ прибилъ,
Маладуя книгиню за сибѣ бы узалъ“.
Какъ ваговарить-та рѣчь младъ Алешинька:
— „Мы паѣдимъ-ка съ табою ва чисто поля,
Какъ папробуемъ мы силы багатырскія“...
70. Ани билися, рубилися день да вечера,
А сы вечера рубились ды палуначи,
А съ палуначи рубились да бѣлой да зари...
Вотъ и ѣдя Алёша на Змѣинавамъ каню,
Въ таракахъ-та визѣтъ Змѣй-Тугарина...
75. Какъ и барыня па сѣнюшкамъ пахаживала,
Ширакими рукавами паразмахивала,
Маладому ана князю всё рассказывала:
— „Да ты выди, пасматри на военныхъ на людей,
Какъ и ѣдитъ Змѣй Гарыничъ на Алёшинамъ каню,
80. Да Алешиньку визѣтъ да ва тарочичкахъ!“
— „Да и врѣшь ты, книгиня, аблыгаисси,
Нибыльнѣми слависами занимаисси!
Какъ и Змѣй-та Гарыничъ онъ убитай давно,

- Какъ Алёша-та ѣдитъ на Змѣнавамъ каню,
85. А и Змѣя визѣтъ онъ убитава!“
Какъ вазговарить тутъ рѣчи Валадимиръ князь:
— „Ой вы слуги маи, слуги, слуги вѣрнаи!
Вы бяритя-ка лапатушки жилѣзнаи,
Да вы здѣлайтя рели всё високаи;
90. Вы павѣсьтя книгиню на шалковай шнуръ,
На шалковой шнуръ сы Змѣй-Гарыничемъ:
Да пуцай та книгиня накачаитца,
Сы милымъ сы дружкой абнимаитца!“.

Записана въ У.-Быстрианской ст. I Дон. Окр. Былину вела А. В. Сазонова—61 года.

№ 2.

Сватовство Ивана Гардиновича.

Сводный текстъ этой былины напечатанъ выше, въ текстѣ статьи,
въ концѣ IV главы.

№ 3.

И. М. Краснощёковъ въ плѣну у Шведовъ (1742 г.).

(Историческая).

Ой-да, приутихла, вотъ-и приумолкла
Наша войска Дѣнская,
Али приужаснулась вотъ наша армейшка
Ана Царя Бѣлава,
Ой-да, всё бизъ вѣрнава али безъ служитиля
То-та Гасударива,
Ой-да, бизъ Ивана-та свѣтъ сына Матвѣвича
Иво Краснощёкава ¹⁾.
Ой-да, взяли, взяли иво, раздобрава молатца,
Взяли ва палонъ Шведы;
Ой-да, павяли та иво, раздобрава молатца,

¹⁾ Бригадиръ И. М. Краснощёковъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ и любимѣйшихъ казачьихъ героев; онъ извѣстенъ сколько своими подвигами почти баснословной храбрости и удали, столько и своею трагическою судьбою. По преданію («Сѣверный Архивъ») Шведы, взявши въ плѣнъ этого храбреца, виновника многихъ ихъ неудачъ во время войны 1741—43 г., содрали съ него живого кожу. (А. П и в о в а р о в ъ, Дон. каз. пѣсни).

Къ князю Ивальгорскому, ¹⁾
Ой-да, привяли та иво, раздобрава молатца,
Ва палаты каминны,
Ой-да, посадили иво, раздобрава молатца,
Иво за дуббъвай столъ.
Ой-да, наливали ему, раздобраму молатцу,
Чару зилина вина,
Ой-да, напаяли иво, раздобрава молатца,
Иво распьянымъ-пьяна;
Ой-да, вотъ и стали въ ниво, раздобрава молатца,
Стали пытать-спрашивать:
— „Ой-да, ты скажи, раскажи, удалъ добрай моладець,
Скажи правду вѣрнаю:
Ой-да, чѣмъ служилъ ты, младець, сваму Царю Бѣламу,
Чѣмъ жи ты былъ жалаванъ,
Ой-да, али сотничкамъ служилъ ты, палковничкамъ,
Али ридавымъ казакомъ?“
— „Ой-да, я ни сотничкамъ служилъ, ни палковничкамъ,
Служилъ ридавой казачѣкъ;
Ой-да, праслужилъ-та я сваму Царю Бѣламу,
Служилъ равна тридцать лѣтъ!“
— „Ой-да, ужъ ты врѣшь, ты врѣшь, удалъ добрай моладець,
Врѣшь ты, аблыгаисси,
Ой-да, небылыми рѣчьми, удалъ добрай моладець,
Рѣчьми забавляисси!
Ой-да, приуправушка, удалъ добрай моладець,
Въ тебе ни казацкая,
Ой-да, на тибѣ-та была, удалъ добрай моладець,
Платья камандирская;
Ой-да, ты служилъ, праслужилъ сваму Царю Бѣламу,
Служилъ равна тридцать лѣтъ,
Ой-да, паслужи-ка ты маму Царю Швецкаму,
Паслужи хоть три года“.
Ой-да, ускричалъ, узгичалъ Иванъ Краснащѣкъ-казакъ
Князю Ивальгорскому:
— „Ой-да, кабы мнѣ-та бы, мнѣ, раздобраму молатцу,
Мая пашка вострая,
Ой-да, я ба снялъ ба съ тебе, удалой ты Швецкай князь,
Снялъ ба буйну голува,
Ой-да, я пашель бы, унёсъ тваю буйну голува
Сваму Царю Бѣламу...
Ой-да, да за то ба мине, раздобрава молатца,
Бѣлай Царь пажаловалъ!“.

Екатерининская ст. I Дон. окр,

¹⁾ Ивальгорскій — повидному, соединеніе именъ двухъ шведскихъ генераловъ — Левенгаупта и Гордона. Въ разныхъ мѣстахъ имена эти передѣлываются по своему; «Ивальгубовъ», «Иванъ-Гордый», «Иванъ-Грозный», «Иванъ-Гутаръ», «Иванъ-Горскій» и т. д.

№. 4.

Про И. М. Краснощекова.

(Историческая).

1. Между Кумъ-та Кумы было, между Те... между Терека,
Между тѣхъ было, между трехъ атно... трехъ атножинакъ,
2. Тамъ хадиль-та, гулялъ маладой ахо... младъ ахотничикъ,
Да ахотничикъ—маладой Данской, младъ Данской казакъ¹⁾.
3. За плячьми-та насиль онъ сваю винто... ну, винтовачку,
Да винтовачку іё далгамъ... далгамърнаю,
4. Далгамърнаю іё, далгастръ... далгастръльнаю,
Сямипяднаю іё, васьмибля... васьмибляшнаю;
5. Да насъчичка у ней пазлащѣ... пазлащѣная,
А падзоринка ана пасрибрѣ... пасрибрѣная;
6. Да уклеички у ней—рыбьи ко... рыбьи костачки,
А падсопачки ани кизило... кизиловаи.
7. Да написана на ней, напича... напичатана —
„Што Иванъ сударь, Иванъ Краснощѣ... Краснощѣкавъ сынъ“!²⁾
8. Онъ ни стежкай ишоль, ишоль ни даро... ни дарожкаю,
А трапинкаю ишоль всё звяри... всё звяриннаю;
9. На устрѣчу ему идѣтъ ланья сѣ... ланья сѣрая
Да сы малыми ана сы ланя... сы ланятами.
10. Да раскидавая вотъ бы младъ ахо... младъ ахотничикъ
Да падсопачки вить онъ па трапи... па трапиначки;
11. Онъ и ждаль-паджидалъ къ себѣ ланью сѣ... ланью сѣраю,
Да прикладавалси вить онъ самъ успра... самъ успрашиваль:
12. —„Ты пазволь, ланья, пазволь па тибѣ, па тибѣ стрилять,
Да па дѣтачкамъ, па малымъ па ланя... па ланятачкамъ!“
13. —„Ты ни бей, ни бей миня, младъ ахо... младъ ахотничикъ,
Ни сиротъ моихъ малыхъ аленя... аленятачикъ;
14. Ты миня убѣешь, сибѣ шубу, шубу ни сашѣешь,
А ланятъ пабѣешь, ни апу... ни апушисси!
15. Ты пайди, пайди, маладой ахо... младъ ахотничикъ,
Въ зиланы луга али въ запавѣ... въ запавѣднаи,—
16. Тамъ гуляя Турчинъ вить онъ сы Турча... сы Турчанкаю,

¹⁾ Охота—«гульба» была въ старину любимымъ занятіемъ казаковъ. «Гулебщики» собирались иногда большими партіями, человекъ по сто и болѣе, и пускались на цѣлую зиму въ широкія, дикія Задонскія степи, на Медвѣдицу, а иногда въ опасный путь на Куму и Терекъ, гдѣ охота на звѣрей часто прерывалась набѣгами на черкесскіе аулы и жестокими схватками съ горцами. (С у х о р о к о в ъ. Общежитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.)

²⁾ И. М. Краснощековъ—тотъ самый, про котораго «сложена» казаками предыдущая пѣсня «Пріутхило, пріумолкло»—№ 3.

- Ублажая онъ, вить онъ красну дѣ.. красну дѣвачку,
17. Красну дѣвачку, маладу Турча... всё Турчаначку,
Забавляя іё въ званчатнай гу... въ звонки гусельки...
18. Ты Турчина убьёшь иво сы винто... сы винтовачки,
А Турчанку іё за сибѣ, за сибѣ вазьмёшь!"

Зап. въ Екатерининской ст.

№ 5.

Служба въ Грузіи. Про Фрола Агурѣва.

(Историческая).

- Ой—да, ты, службица, вотъ бы, наша службица,
Служба ана наша ну... ой-да, *служба нужная!*
Ой—да, вотъ-и, надаѣла, вотъ бы, наша да службица,
Служба ана надаку... служба *надакучила,*
Ой—да, вотъ-и, всёхъ дабрыхъ-то, вотъ бы, нашихъ коникавъ
Служба ана пазаму... служба *пазамучила.*
Ой—да, вотъ-и, какъ и день-то, вотъ, тѣмную ночиньку
Да стаять кони пайасѣ... ани *пайасѣдланы,*
Ой—да, вотъ-и, аднамѣрнаи, вотъ, наши кримнёвачки ¹⁾
Да всигда ани пазаря... *пазаряжаны,*
Ой—да, вотъ-и, да вастрыя, вотъ бы, наши да шапачки
Да всигда ани при баку, ани *при баку висять...*
Ой—да, вотъ-и, какъ на рѣчущки, вотъ бы, на усть-Тереку
Да пастроилася ряду... вотъ бы, *тамъ рядутачка,*
Ой—да, вотъ-и, ана новая, да дярновая,
Да покрыта ана чиряпи... ана *чиряпицаю;*
Ой—да, какъ ва этай-та, вотъ бы, ва рядутачки
Да стаяла тамъ кама... стаяла *камандушка,*
Ой—да, вотъ-и, какъ и ета-та, вотъ бы, всё камандушка,
Да каманда была каза... каманда *(ну) казачія;*
Ой—да, какъ ва этай-та, вотъ бы, ва камандушки
Да приказнымъ былъ Агурѣ... вотъ бы, *Агурѣвъ Фроль.*
Ой—да, вотъ-и, за нидѣлюшку, вотъ бы, въ Агурѣва
Да сирдечка ана пачу... сирдечка *(ну) пачуила;*
Ой—да, вотъ-и, за другую-та, вотъ бы, за нидѣлюшку
Да-й-ана, вотъ бы, стала вѣ... ана *стала вѣщивать,*
Ой—да, вотъ-и, какъ за третію, вотъ бы, за нидѣлюшку
Да-й-ана рѣчью стала ска... рѣчью *стала сказывать:*
— „Ой—да, вотъ вы, братцы, вотъ бы, маи братцы,

¹⁾ Вар. «ружеюшки», «ружелицы».

Братцы вы май, тава... вы май (*ну*) *таваришиши!*
Ой—да, вотъ-и, ни бывать-та намъ, вотъ, братцы да рибятушки,
Ни бывать али на Тихомъ, али на *Тихомъ Дону*,
Ой—да, вотъ-и, ни слыхать жа намъ, вотъ, братцы рибятушки,
Ни слыхать звону калако... звону *калакольнава;*
Ой—да, вотъ-и, ни видать-та намъ сваво роду да племяню,
Ни видать сваво отца-ма... сваво *атца-матирю*,
Ой—да, вотъ-и, ни видать та намъ свайхъ маладыхъ-та жёнъ,
Да свайхъ жа али малыхъ дѣ... свайхъ *малыхъ дѣтушижъ...*⁴
Ой—да, вотъ-и, какъ и тутъ ани, вотъ бы, плоха сдѣлали;
Да добрыхъ коней параспú... коней *параспúстили*,
Ой—да, вотъ-и, ни поставили ани караулушки,
Да самй они, сами спать, сами *ани спать легли*.
Ой—да, вотъ-и, какъ наѣхали, вотъ, гости низванани,
Да гастѣчки ани нижда... гастѣчки (*да*) *нижданани*,
Ой—да, вотъ-и, какъ и ети-та, вотъ, гости нижданани,
Да ани жа были злые Ту... ани *злые Турачки*.
Ой—да, вотъ-и, какъ и стали-та ани бить, рубить, палить,
Да ва ту али ва ряду... али *ва рядутачку*,
Ой—да, вотъ-и, какъ и всю та бы, всю ани да камандушку,
Да камандушку всю павы... ани *всю павыбили*,
Ой—да, самаво-та Фрола ани Агурѣва,
Самаво-та ани ва палонъ... ани ва палонъ взяли. ¹⁾

Зап. въ Екатерининской ст. I Дон. Окр.

№ 6.

Служба молодца четырёхъ царямъ.

(Историческая).

1. *Запъвало* Ой-да, я служилъ бы,
Хоръ. Толичка, служилъ да раздобрай я маладецъ да,
Служилъ, служилъ, вотъ-бы, трёмъ,
Служилъ, служилъ трёмъ да царямъ:
2. *Зап.* Ай-ну, служилъ трёмъ царямъ, да я служилъ бы,
Х. Толичка, служилъ да раздобрай я моладецъ да,
Всёмъ трёмъ служилъ па сями,
Всёмъ трёмъ па сями да гадовъ.
3. *Зап.* Ай-ну, па сями гадовъ бы, й-аднаму да,

¹⁾ Вар. «больно ранили». «Службица»—любимая въ Екатерининской ст. пѣсня. Играется она при проходахъ казаковъ на службу.

- X. Толичка, царю, да царю, яму Аликсандрушки да,
Служиль яму ровна де...
Служиль ровна девять лѣтъ.
4. *Зап.* Ай-ну, ровна девять лѣтъ да, ну, сачлось бы,
X. Толичка, сачлось да маёй толька вѣрнай службицы да,
Сачлось, вотъ бы, ровна три...
Сачлось, ровна тридцать лѣтъ.
5. *Зап.* Ай-ну, ровна жа тридцать лѣтъ, да за то бы,
X. Толичка, за то да раздобрава моладца бы,
Да кароль мине любиль жа... ей,
Кароль любиль, жа... жаловаль,
6. *Зап.* Эй-ну, любиль, жаловаль да за маю бы,
X. Толичка, маю, ей, да за вѣрнаю маю службицу да,
Службу маю маладе... ей,
Службу маю маладецкаю.
7. *Зап.* Ой-ну, маладецкаю; да наг'варили,
X. Толькя, на мине, да раздобрава моладца бы,
На мине али панапра...
На мине панапраслину,
8. *Зап.* Ай-ну, панапраслину: да сылажили,
X. Толичка, мине, раздобрава моладца бы,
Мине толькя съ карале... ой,
Мине съ каралевнаю,
9. *Зап.* Ой-ну, съ каралевнаю, ни съ самой бы,
X. Толичка-бы, съ ней, да съ её сы меньшою дочирью,
Да съ её сы меньшою до...
Съ её съ меньшей дочирью;
10. *Зап.* Эй-ну, съ меньшей дочирью да, ну, за то бы,
X. Толичка, за то, да на добрава молодца да
Кароль за то онъ прагнѣ...
Кароль распрагнѣвалси.

Ст. Ермаковская I Дон. окр.

№ 7.

Во садочку да калина.

(Бытовая).

1. Ва садочку да калина да стаяла,
Ва зилѣнамъ да чѣрвоная призваыла;
Съ таво время да бабѣначка стала пьяна,
Пьянымъ-пьяна, да виномъ ана напабна...
5. Выйду, выйду, да на горячку на крутуя,
Гляну, гляну да на синія на моря.
Въ синѣмъ мори да караблички ходють:

- Ходить карапъ да абъ трѣхъ бѣлыхъ парусочкахъ,
Другой карапъ да абъ чатыри насочка.
10. Въ первамъ носи да сидять люди чирнаморцы,
Въ другимъ носи да сидять люди запарожцы,
Въ третимъ носи да сидять донскія гвардейцы,
Ва читвѣртамъ да мой милинъкай ходить,
Ва рукахъ онъ да добра канѣчка онъ водить,
15. Ва другой онъ да бѣлаю граматку носить.
Развиртаить, да бѣлаю граматку читаить,
Самъ читаить, а и самъ слезно плачить:
— „Усѣмъ палкамъ сы Донѹ пиримѣна вышла,
А намъ ноя пиримѣнушки нѣту“.

Зап. въ Раздорской ст. I Дон. окр.

№ 8.

По Донцу, Донцу.

(Бытовая).

- А.
1. На Данцу, Данцу, да на Сиверскимъ Данцу,
Па Данцу, Данцу да станицы хараши, 2
Калитовская станица луччи всѣхъ.
— Ой пачему жа ана луччи всѣхъ?
5. Патаму-та ана луччи всѣхъ,
Што сидить ана на Сиверскимъ Данцѣ,
На усть-матушки на Бѣлай Калитвѣ!
Какъ усѣ въ ней хутарочки хараши:
И Карсунской, и Коновской, и Титовъ,
10. Никалаевъ, Качиванской, Дубавой,
И Дядинской, Свинаревской, Рудаковъ,
Паганавской, Пагарѣлавъ и Паповъ,
Дараговской, Багѣтавской, Мечетновъ,
Какичѣвской, Бугараевъ и Альховъ,
15. И Фарштатской хуторокъ-гарадокъ.
Какъ ва томъ-ли ва Фарштатѣ хутаркѣ
Праживалъ казакъ Бурьянушка.
У таво-та у Бурьяна старика
Жили-были два сыночка сакала:
20. Какъ и первой сынъ Иванушка,
А второй-та сынъ Захаръ маладецъ.
Ай, на хаду-та Захаръ пуличку жавалъ,
Онъ (да) любимаю винтовку заправлялъ,

- Красной дѣвки въ тирѣмъ голасъ падавалъ.
25. Ой, ты, ляти, ляти, калёная стрила,
Выше лѣсу по паднебисью;
Ты убей, убей сизова галубя,
Ты убей иво на каминной стигѣ,
Красну дѣвицу въ высокимъ тиримѣ!

Усть-Бѣлокалитвенская ст. Донецкаго округа.

Напѣвъ записанъ отъ рылѣшника В. М. Андріянова и трехъ братьевъ Толстеновыхъ.
Текстъ доставленъ И. А. Позднышевымъ.

Въ Екатерининской станицѣ на тотъ же напѣвъ поютъ другія слова

- Б.** 1. Па Данцу, Данцу, да па Сиверскимъ Данцу,
Тамъ стояли три станицы хараши:
Быстрянская, Калитовская,
А третія Катяриновская;
5. Катяриновская луччи всѣхъ.
Па станицы казачѣчикъ гуляя,
Онъ бравинькай, кучирявинькай;
Онъ и бѣтца, пабиваетца,
Сиратиной называитца.
10. — Сиратина, сиратинушка мая,
Ой и, хто-шь тебе спародилъ малатца?
Спарадилъ родна маменька,
Вскармилъ, вспаилъ родной батинька,
Вазлилѣила чужая старана,
15. Завила кудри сударушка мая.
Завивала, пригаваривала:
Кагда рѣчущки разобьютца,
Тагда кудярцы разовьютца.
Разливались быстры рѣчки па лугамъ,
20. Развивались чѣрны кудри па пlichemъ...
Ты, дасада, ты, дасадушка мая!
Да чиво жа ты, дасада, давила,
Да какова да пазору, да стыда?
Всѣ балачки, тьяклиначки прабижалъ,
25. Нигдѣ свай балѣзачки ни напалъ.
Я типерича ни знаю, какъ съ ней быть,
Ни то любить, ни то бросить, пазабыть!
Я ни знаю, я да ни вѣдаю,
Ва какою бы къ ней времичка пайтить:
30. Ввичару пайтить—симеюшка ни спить,
Въ палуночь пайтить—жилѣю разбудить;
Я пайду, младець, на бѣлай на зарѣ!

- Прихажу я кы широку кы двару:
Ни разъ, ни два мима горинки прашелъ,
35. Ни разъ, ни два вы акошка пастучалъ,
У бѣлички нѣту дыма, ни огня.
Присматрѣлсы, на сталѣ стайтъ свича,
Балѣзачка па канецъ стала стайтъ,
Ана сваи бѣлы ручиньки тамить,
40. Да чужую пиръ-бисѣдушку гастить.

Екатерининская ст. Зап. отъ С. Ѳ. Листопадовой и В. А. Рыковской.

№. 9.

Да на той-то было на горочкѣ.

(На посидѣлкахъ у невѣсты).

1. Да на той-та было, да на горочки на крутой,
Да люли, люли, да люлѣшуньки—на крутой,
Да ни стежачка, ни дарожинька лижала,
Да люли, люли, да люлѣшуньки—лижала; ¹⁾
5. Да на той стежки наша Настюшка хадила,
Да за ней ишла да радимая маминька.
Аглянулася наша Настюшка, сплакнула:
— „Хучь иди-нейди, мая маминька, вслѣдъ за мной,
Да и будимъ жа съ табой вѣчна мы въ разлуки:
10. Да разлучить насъ да Валодюшка съ табою,
Назавѣтъ мине сваей вѣрнаю слугою,
Апасля таво да законнаю жаню!“

Зап. въ Екатерининской ст.

№. 10.

Черезъ рѣчку рябинка.

(На сводахъ или рукобитьяхъ).

1. Чиризь рѣчку рябинка лижала,
Чиризь быстру зилѣная лижала,
Да лижала, мой свѣтъ, да лижала. 2
Да никто па рябинушки ни ходя, 2

¹⁾ Припѣвъ повторяется такимъ-же образомъ послѣ каждого стиха.

- Да ни ходя, мой свѣтъ, да ни ходя,
Никавохунья да ни вода, 2
Да ни вода, мой свѣтъ, да ни вода. 2
5. Да черной собаль пириходя, 2
Пириходя, мой свѣтъ, пириходя, 2
Да онъ кунушку пириводя,
Да онъ чёрною пириводя,
Пириводя, мой свѣтъ, пириводя (и т. д.).
Чиризъ рѣчку рябинка лижала,
Чиризъ быстру зилѣна лижала;
10. Да нихто па рябинушки ни ходя, 2
Никавохунья да ни вода. 2
Да Алѣшачка пириходя,
Да Михайлавичъ пириходя,
Да онъ Полюшку пириводя,
15. Да Иванавну пириводя;
Пирвидѣмши іѳ, пацалуя, 2
Да надѣжаю называя: 2
— „Да надѣжа мая, ты милая, 2
Да ты радась мая, дарагая!“ 2

Зап. въ У.-Бѣлокалитвенской ст. Донецкаго округа.

№ 11.

Ой да воскрикнула ластушка.

(При повиваніи невѣсты).

1. Ой да васкрикнула ластушка
Рано на зарѣ; 2
Да васплачитца Настюшка
Па сваѣй касѣ: 2
5. — „Да свѣтъ-жа мая косушка,
Каса русая! 2
Да вичѣръ маю косыньку
Падружки пляли, 2
Да пляли жа маю косушку
10. Мелка-на-мелка, 2
Да мелка жа пляли, намелка,
Крѣпка-на-крѣпка, 2
Да и мелкимъ земчугамъ
Усыпывали, 2
15. Разнатѣвѣтнами тѣвѣтками
Утѣвѣтивали,

- Да пахучію мятачкай
Усаживали. 2
Да и Богъ судья тибѣ, Митюшки
20. Василивичу! 2
Да наслалъ на мене свашиникъ
Нимиласливыхъ; 2
Стали ани маю косушку
И рвать, и трипать, 2
25. Да трипать жа маю косушку,
На двая заплитать. 2
Зап. въ Екатерининской ст. I Дон. окр.

№. 12.

Отходилась, отгулялася.

(Свадебное причитаніе. Невѣста прощается съ волей дѣвичьей).

1. Атхадилась, атгулялася
У сваво радимава батиньки,
У сваёй у рѣднай у маминьки,
Атплила сваю косушку русаю,
5. Атвила лентачку алаю.
Какъ и мнѣ воля ана унимайтца,
Красата съ лица стирайтца!
Да вы, милаи май падружиньки,
Всѣ вы вольнаи, да раскочнаи!
10. Да паслѣдній жа вечерочикъ
Пабывать мнѣ, дѣвачки, съ вами!
Паручаю вамъ, май падружиньки,
Маю волюшку, маю дѣвичью.
Какъ пайдѣтя вы вдоль да па улицы,
15. Да сустрѣнитца вамъ мая волюшка,—
Да вы, бѣльнаи май падружиньки,
Вы примолвитя маю волюшку!..
Какъ пашла-та мая волюшка,
Пашла ана ва чистая полюшка;
20. Пала краса ана ва тямнѣ лиса...
Да хади жа ты, мая волюшка,
Да хади жа ты, ни захаживайси!
Да приди жа ты, мая волюшка,
Да приди жа ты, мая дѣвичья,
25. Приди ка мнѣ хоть навѣдайси!
Тяжка съ табой, мая волюшка,
Тяжка съ табой раставатися!

Екатерининская станица. 1899 г.

№. 18.

Кто съ нами пашеньку пахати?

(Веснянка, хороводная, игровая).

- А. 1. Кто съ нами (2) папильню пахати,
Хто съ нами?
2.—Мы съ вами (2) папильню пахати,
Мы съ вами!
3. Кто съ нами (2) жита рассывати,
Хто съ нами?
4.—Мы съ вами (2) жита рассывати,
Мы съ вами!
5. Кто съ нами (2), хто жита касити,
Хто съ нами?
6.—Мы съ вами (2), мы жита касити,
Мы съ вами!
7. Кто съ нами (2), хто жита вязати,
Хто съ нами?
8.—Мы съ вами (2), мы жита вязати,
Мы съ вами!
9. Кто съ нами (2), хто жита вазити,
Хто съ нами?
10.—Мы съ вами (2), мы жита вазити,
Мы съ вами!
11. Кто съ нами (2) жита малатити,
Хто съ нами?
12.—Мы съ вами (2) жита малатити,
Мы съ вами!
13. Кто съ нами (2) жита пирьвявати,
Хто съ нами?
14.—Мы съ вами (2) жита пирьвявати,
Мы съ вами!
15. Кто съ нами (2) соладъ салатити,
Хто съ нами?
16.—Мы съ вами (2) соладъ салатити,
Мы съ вами!
17. Кто съ нами (2), хто пива варити,
Хто съ нами?
18.—Мы съ вами (2), мы пива варити,
Мы съ вами!
- 19.—Хто съ нами (2), хто сына жанити,
Хто съ нами?
20. Мы съ вами, (2), мы сына жанити,
Мы съ вами!

Обѣ стороны соединяются вмѣстѣ въ кругъ и не останавливаясь начинаютъ слѣдующую пѣсню:

- Б. I. 1. Наваримъ мы пива,
2. Зилѣнава віна!
3. Да што-шъ въ этомъ пивѣ,
4. Ой, што у насъ будить?
5. МЫ пьяни напьѣмси,
6. Да всѣ сабирѣмси! (*берутся за руки*).
II. 1. Наваримъ мы пива... (*съ начала*).
6. Да всѣ посадимси! (*салятся*).
III. 1. Наваримъ мы пива... и т. д.
6. Да всѣ палажимси! (*прилегаютъ*).
IV. 1. Наваримъ мы пива... и т. д.
6. Да всѣ павставаимъ! (*встаютъ*).
V. 1. Наваримъ мы пива... и т. д.
6. Да всѣ пирьдирѣмси! (*толкаютъ другъ друга и разбѣгаются*).

Зап. въ Тишанской ст. Хоперскаго окр.

№ 14.

Дреми, дрема, за куделью.

(Веснянка, хороводная, игровая).

- I. 1. Дрямі, дряма (2), за куделью, (2)
2. На умъ, дряма (2), туча ідѣть. (2)
3. Семъ я стану (2), семъ тряхнуся, (2)
4. Семъ тряхнуся (2), абярнуся! (2)
5. Ідѣть туча (2) сы гразою, (2)
6. Сы гразою (2) сы бальшою. (2)
7. За тучію (2) свекаръ ідѣть, (2)
8. Свекаръ ідѣть (2) сы журбою, (2)
9. Сы журбою (2) сы гразною. (2)
II. 1. Дрями, дряма (2), за куделью... (2) (*съ начала*)
7. За тучію (2) свякры ¹⁾ ідѣть, (2)
8. Свякры ідѣть (2) сы журбою, (2)
9. Сы журбою (2) сы бальшою. (2)
III. 1. Дрями, дряма (2), за куделью, (2)
2. На умъ, дряма (2), туча ідѣть. (2)
3. Семъ я стану (2), семъ пагляну, (2)

¹⁾ Свекровь.

4. Абчашуся (2), абярнуся! (2)
 5. Идѣть туча (2) сы гразою, (2)
 6. Сы гразою (2) сы бальшою. (2)
 7. За тучію (2) девирь идѣть, (2)
 8. Девирь идѣть (2) сы журбою, (2)
 9. Сы журбою (2) сы гразною (2)
- IV.
1. Дрями, дряма (2), за куделью (2)... *(съ начала)*
 7. За тучію (2) заловка идѣть, (2)
 8. Заловка идѣть (2) сы журбою, (2)
 9. Сы журбою (2) сы гразною (2).

Ст. Луковская, Хоперскаго окр., 1903 г.

ДОНСКІЯ НАЗАЧЬИ ПѢСНИ.

211

№1. БОЙ АЛЕШИ ПОПОВИЧА СЪ ЗМѢЕМЪ ГОРЫ И ЧЕМЪ.

Умѣренно скоро. М.М. 120. (Былина.)

У.-Быстрянская ст. 1902 г

Запѣвала теноръ.

Ай - - *)

Тенора.

Басы.

Да ва кня-зя бы-ло к-ня-зя Ва-ла-ди-мі-ра
И чи-сна, и хваль-на, да мно-га-ра-да-сна-я.

Са-би-ра-ла-ся въ ни-во да прѣ-би-оѣ-ду
Ва-ни-ру то си-дять кн-зья бо-я-шка,
И чи-сна, и хваль-на, да мно-га-ра-да-сна-я,
-ры, А-ни силь-на-и, ма-гу-чи-и ба-го-ты-ри.

*) Пѣснями, участвующе въ хорѣ, вступаютъ не всѣ одновременно, а по частямъ: одни, не дожидаясь конца запѣва, своими голосами безъ словъ, на какую-нибудь гласную или членъ (ай, ой, ну), поддерживаютъ запѣвалу, другіе подхватываютъ вслѣдъ за ними, и наконецъ вступаютъ остальные.

№2. СВАТОВСТВО ИВАНА ГАРДИНОВИЧА.

Не очень медленно. 120. (Былина.)

У.-Быстрянская ст. 1902 г.

Запѣвала.

всѣ.

Тенора.

Басы.

Да ва слав-намъ бы-ло ей-да ва
Да ва столь-намъ бы-ло ей-да ва

А-ей
го-ра-ди, Да ва столь-намъ
Ки-е-ви, Да у слав-на

бы-ло да ва Ки-е-ви.
-ва-ло да у кн-зю-шки.

Былинку игралъ Ѳ. М. Мартыновъ (78 лѣтъ) съ дочерью, сыномъ и племянникомъ.

А. Л.

№3. И. М. КРАСНОЩЕКОВЪ ВЪ ПЛѢНУ У ШВЕДОВЪ (1742г.)

(Историческая.)

Медленно. $\text{♩} = 66$.

Екатерининская ст. 1898 г.

Запѣвъ

mf Ой да, при-у - ти - хаа, вотъ и при-у - мол - кла
Ой да, при-у - жа - онулааь вотъ на-ша ар - ме - ю-шка

Постепенно пристають.

Тенора. *всѣ.*
На-ша вой-ска Дон - ска - я,
А - на ца ря Бѣ - ла ва,

Басы.
А - ли при-у - жа - ону - лась вотъ на-ша ар - ме -
Ой да, все бнзъ вѣр - на - ва а - ли бнзъ слу - жи -

ю - шка А - на ца ря Бѣ - ла ва.
- ти - дя То - та га - су - да - ри ва.

№4. ПРО И. М. КРАСНОЩЕКОВА.

(Историческая.)

Довольно медленно. $\text{♩} = 66$.

Екатерининская ст. 1898 г.

Запѣвъ

Тенора. *всѣ.*
Эй - 1 — ме - жду Кумъ-Ку - мы, Ме - жду
2 — трехъ а т - но - жи - накъ, Тамъ ха -

Басы. *всѣ.*

Кумъ то Ку - мы, бы - ло между Те...
- дилъ да гу - дилъ ма - ла - дой а Хо...

ме-жду Те-ре-ка, ме-жду трёх бы-ло, ай,
 младъ а-хо-тничкъ, да а-хо-тничкъ, ай,
 ме-жду трёх ат-но... трёх ат-но-жи-накъ. Эй
 ма-ла-дой Дан-окой, младъ Дан-ской ка-закъ. Эй

№ 5. СЛУЖБА ВЪ ГРУЗИИ. ПРО АГУРЪЕВА ФРОЛА.

(Историческая)

Екатери́нская от. 1896 г.

Протяжно. *♩=60.*

Тенора.

Первый за́пѣвъ.

tr

Басы.

1. Ой - да, ты, слу - жби - ца,

всѣ

1. а вотъ бы, на - ша да
 2. а вотъ бы, на - ша - да

p

слу - жби - ца, слу - жба а - на на - ша
 слу - жби - ца, слу - жба а - на на - да

ну... ой - да, слу - жба ну - жна - я!
 ку... слу - жба на - да - ку - чи - ла.

Для послѣдующихъ за́пѣвовъ

mf

2. Ой - да, вотъ и на - да - те - ла
 3. Ой - да, вотъ и какъ да - брыхте

2. Ой, слу - жба ну - жна - я, *mf*
 3. Ой, на - да - ку - чи - ла,

№ 6. СЛУЖБА МОЛОДЦА ЧЕТЫРЕМЪ ЦАРЯМЪ.

(Историческая.)

Ермаковская ст. 1900 г.

Тенора. Медленно $\text{♩} = 60$.

Первый за́пѣвъ.

1. то - ли - чка олу - жилъ
2. то - ли - чка олу - жилъ

Басы.

1. Ой-да, я олу-жилъ бы

да раз-до-брай я мо-
да раз-до-брай я мо-

а.. ай.. а)
-ла - дець да олу-жилъ, олу-жилъ вотъ бы тремъ
-ла - дець да воёмъ тремъ олу-жилъ по ся - ми

а..
олу - жилъ олу - жилъ тремъ да ца - рямъ
воёмъ тремъ по ся - ми га - довъ.

Для послѣдующихъ за́пѣвовъ.

и т. д.
то - ли чка...2.
то - ли чка...3.
и т. д.

2. Ай-ну, олу-жилъ тремъ ца-рямъ да я олу-жилъ бы 2.
3. Ай-ну, по ся-ми га-довъ да а-дна-му бы 3.

Варианты подголоска.

1) олу-жилъ и т. д. 2) тремъ и т. д.

Подголосокъ вса женщина сильнымъ альтиемъ. Пѣла она безъ словъ на буквы „о“ и „а“, переходя незаметно отъ одной къ другой.

№7. ВО САДОЧКУ ДА КАЛИНА.

(Бытовая.)

Довольно медленно. $\text{♩} = 66$.

Заводитъ высшій или низшій голосъ.

Раздорокая на Дону ст. 1898г.

С. и I Тен. А.

1. Ва са - до - чку да ка - ли - на да ста -
2. Ва зи - ле - намъ да чир - во - ная при - за -

Бар. и II Тен. Б.

я - ла, Ва зи - ле -
ви - ла, Съ та - во вре -

намъ да чир - во - ная при - за - ви - ла.
мя да ба - бе - на - чка ста - ла пъя - на.

№8. ПО ДОНЦУ, ДОНЦУ.

(Бытовая.)

Умеренно. $\text{♩} = 100$.

У-Вълоклицевская ст. 1899г.

Съ сопровожденіемъ донской лиры.

Голоса.

Запѣвала.

1. Ай па Дан - цу, Дан -

Лира.

1. Да па Си - вер - скимъ Дан - цу да, па Дан -
2. да ста - ни - цы ха - ра - ши да, Ка - ли -

цу, да па Си - вер - скимъ...

Для повтореній. Безъ

цу, Дан - цу ста - ни - цы ха - ра - ши
 тов - ока - я ста - ни - ца луч - чи воѣхъ

Безъ

овода. для окончанія.

Па Дан - цу, Дан - цу да ста - 2. 29. ти - ри - мѣ.
 Ка - ли - тов - ока - я да ста -

овода.

№ 9. ДА НА ТОЙ-ТО БЫЛО НА ГОРОЧКѢ.

(На посидѣлкахъ у невѣсты).

Медленно. J. es.

Екатерининская от. 1896 г.

Сопрано.

1. Да на той - то бы - ло да на го - ра - чки
 2. Да ни оте - жи - чка, ни да - ро - жинь - ки

АЛТЫ

на кру - той, } да лю - ли лю - ли, да лю -
 ли - жа - ла,

ле - шунь - ки, } на кру - той.
 ли - жа - ла.

№10. ЧЕРЕЗЪ РѢЧКУ РЯБИНКА.

(На сводахъ или рукоблтыяхъ)

У. Вѣлокалитвенская ст. 1897 г.

Сопрано. **Скоро.** $\text{♩} = 184.$

Альты.

1. Чиризь рѣлку ря - би - н - ка ли - жа - ла, Чиризь быстру зи -
 2. Да ни - кто па ря - би - вушки ни хо - дя, да ни - кто па ря -

ле - на - я ли - жа - ла, да ли - жа - ла, } мой овѣтъ { да ли - жа - ла. 2.
 би - вушки ни хо - дя, да ни хо - дя, } да ни хо - дя. 2.

№11. ОЙ, ДА ВОСКРИКНУЛА ЛАСТУШКА.

Протяжно. $\text{♩} = 72.$ (При повиваніи невѣсты)

Екатериинская ст. 1897 г.

Сопрано. *mf*

Альты. *mf*

1. Ой, да ва - скри - кну - ла ля - сту - шка Ра - но
 2. Да вис - пла - чит - ца На - стю - шка Па сва -

на за - рѣ, ра - во на за - рѣ. Ой, 2.
 ей ка - оѣ, ца сва - ей ка - оѣ. Ой, 3. ..тять.

Для повтореній. Для окон.

№12. ОТХОДИЛАСЬ, ОТГУЛЯЛАСЯ.

Медленно. $\text{♩} = 72.$ (Причитаніе невѣсты)

Сопрано.

Ай (и) —————

}	Ат -	-	ха
	У	сва -	во
	У	сва -	ѣй
	Ат -	пм -	ла
	Ат -	ви -	ла

-ди - лась ат - гу - ля - да - оя
 ра - ди - ма - ва ба - тнѣ - ки,
 у ро - дной у ма - мнѣ - ки;
 сва - ю ко - сушку ру - са - ю,
 лен - та - чку а - ла - ю.

Екатериинская ст. 1899 г.

№ 13. КТО СЪ НАМИ ПАШЕНЬКУ ПАХАТИ?

(Веснянка. Игровая.¹)

Не очень медленно. ♩ = 96

Титановская от. 1903 г.
всѣ.

А.

Сопрано.

1. Кто съ на - ми, хто
2. Мы съ на - ми, мы
всѣ.

Альты.

съ на - ми па - шинь - кю па - ха - - ти,
съ ва - ми па - шинь - кю па - ха - - ти,

хто съ на - - ми?
мы съ ва - - ми! 20... ми!

для повтореній для перехода къ следующей.

Б. Скоро, ♩ = 144 Для окончания. Ускоряя.

1. На - ва - римъмы ши - ва,
2. Зи - ле - на - ва ви - на. 6. Да - всё царь - ди - рем - си!

¹) Хороводъ дѣлится пополамъ и ходитъ въ рядъ сторона противъ стороны. Первая спрашиваетъ, вторая отвѣчаетъ.

№ 14. ДРЕМИ, ДРЕМА.

(Веснянка. Игровая.²)

Не скоро. ♩ = 100.

Луковская от. 1903 г.

Сопрано.

1. Дря - ми, дря - ма, дрями, дряма, за ку -
2. На - умъ, дря - ма, на умъ, дряма, ту - ча

Альты.

- де - лью, дрями, дряма, за ку - де - лью,
и - - деть, на умъ, дряма, ту - ча и - - деть.

²) Среди круга-шесть съ куделью или прыжка. Около нея сидитъ дѣвушка, изображающая дрему, и дремлетъ. Хороводъ ходитъ кругомъ.

А. Л.

ОПЫТЪ ЗАПИСИ ФОНОГРАФОМЪ
УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Изъ музыкально-этнографической поѣздки въ Полтавскую губ., въ 1903 г.

Евгении Линевой.

Съ приложеніемъ 18-ти пѣсенъ.

Опытъ записи фонографомъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ.

Сравнительное изученіе образцовъ народнаго пѣсеннаго творчества различныхъ національностей, путемъ сопоставленія ихъ между собою, несомнѣнно, имѣеть большое значеніе для музыкальной этнографіи. Черты сходства и различія въ мелодическомъ и гармоническомъ рисункѣ пѣсни, ритмическія ея особенности, даже едва уловимыя тонкости въ исполненіи, помогаютъ установить, какъ *общіе* принципы, лежащіе въ основѣ строенія пѣсенъ разныхъ народностей, такъ и *частныя* характерныя признаки, свойственныя пѣснямъ данной мѣстности.

Въ этомъ именно смыслѣ меня крайне интересовала *настоящая* народная украинская пѣсня. До сихъ поръ я знала только „европеизованную“ малороссійскую пѣсню и жаждала услышать ее въ чистомъ видѣ, такую, какъ ее поетъ изстари народъ, какою она сложилась въ вишневыхъ садахъ и бѣлыхъ хаткахъ, подъ небомъ поэтической Украины.

Вполнѣ сознавая, что по собиранію и художественной обработкѣ малорусской пѣсни уже сдѣлано очень много, но придавая большое значеніе фонографической записи, я, прежде чѣмъ приняться за такую отвѣтственную работу, навела самыя тщательныя справки, не сдѣлана ли она уже кѣмъ либо изъ знатоковъ украинской пѣсни. Только послѣ того, какъ былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, я рѣшилась взяться за эту работу и, для перваго опыта, поѣхала въ Полтавскую губернію. Мнѣ казалось, что даже самыя горячіе украинскіе патриоты могутъ простить мнѣ непреодолимое желаніе сохранить ихъ пѣсню въ томъ видѣ, какъ она поется народомъ, во всей ея непосредственной мелодической красотѣ, именно тѣмъ способомъ, который наиболѣе свободенъ отъ субъективнаго вліянія. Если бы моя попытка могла послужить первымъ шагомъ въ дальнѣйшемъ собираніи украинскихъ пѣсенъ съ помощью фонографа, если бы работа эта была продолжена и не пропала безслѣдно, я была бы вполнѣ вознаграждена за свой трудъ.

Къ счастью, въ Полтавѣ судьба свела меня съ людьми, которые участливо отнеслись къ моей цѣли и дали много цѣнныхъ совѣтовъ ¹⁾. Способъ записыванія пѣсенъ фонографомъ заслужилъ одобреніе, маршрутъ былъ въ общихъ чертахъ намѣченъ, и я спѣшила начать свое путешествіе, тѣмъ болѣе, что весна шла быстрыми шагами впередъ, а собираніе пѣсенъ можетъ быть удачно лѣтомъ только до начала полевыхъ работъ, т.-е. до сѣнокоса и жатвы.

Изъ свѣдѣній, которыя мнѣ удалось получить въ Полтавѣ, съ очевидностью вытекало, что въ Полтавской губерніи народной пѣснѣ предстоитъ такая же участь, какъ и великорусской, т.-е. постепенное исчезновеніе. Рядомъ съ измѣненіемъ особенностей малороссійскаго языка, подъ вліяніемъ школы, отхожихъ промысловъ, воинской повинности, вообще, сношеній съ городомъ, измѣняется и пѣсня. Исключеніе составляютъ только захолустныя мѣстности, вдали отъ желѣзной дороги, существующія пока при особыхъ условіяхъ и сохранившія еще цѣнные остатки

¹⁾ Приношу глубокую благодарность М. А. Олеховскому, Л. В. Падалкѣ и В. И. Василенку, а также В. П. Милорадовичу, А. Г. Сластіонову и Е. А. Батуровой за ихъ дѣятельное участіе.

старинны, хотя нерѣдко уже въ измѣненномъ видѣ. Новая пѣсня складывается подъ вліяніемъ нарождающагося новаго міровоззрѣнія, новыхъ условій жизни, но формы этой пѣсни находятся въ состояніи броженія, хаоса, благодаря массѣ ворвавшихся въ нее чуждыхъ элементовъ, не успѣвшихъ еще ассимилироваться въ нѣчто цѣльное, такъ что рядомъ съ новой пѣсней старая выигрываетъ своей непосредственностью и оригинальной красотой.

Эти выводы отчасти подтвердились и во время моей поѣздки по нѣкоторымъ мѣстностямъ Миргородскаго, Лубенскаго, Хорольскаго и Золотоношскаго уѣздовъ Полтавской губерніи, гдѣ еще сохранились старинныя обычаи и обряды, съ которыми тѣсно связаны по своему содержанію и пѣсни.

Судя по тому, что мнѣ удалось слышать и записать, наиболѣе удержали свою оригинальность, какъ по тексту, такъ и по напѣвамъ, обрядовыя пѣсни, веснянки, петривки, колядки и свадебныя; за ними идутъ думы и духовныя стихи кобзарей и лирниковъ, потомъ чумацкія и бурлацкія, казацкія (историческія) и, наконецъ, пѣсни лирическія, шуточныя, трындычки и др.

Какъ и во всѣхъ моихъ поѣздкахъ съ цѣлью собранія пѣсенъ, фонографъ помогъ мнѣ схватить съ возможною точностью особенности народнаго исполненія и склада украинской пѣсни, и собрать небольшой, но интересный матеріалъ (всего 120 пѣсенъ), на основаніи котораго могутъ быть подняты вопросы, имѣющіе несомнѣнное значеніе для теоретическаго и практическаго изученія народной пѣсни. Въ общемъ, на мой взглядъ, въ Малороссіи работы для изслѣдователя больше, чѣмъ можно было ожидать.

Деревенскій житель въ Малороссіи слишкомъ близокъ къ природѣ и далекъ отъ современныхъ теченій философскаго матеріализма; жизнь его слишкомъ тѣсно связана съ благодѣтельными и грозными явленіями природы, чтобы совершенно освободиться отъ мистически-поэтическаго міровоззрѣнія. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, ¹⁾ всевозможныя повѣрья, примѣты, предзнаменованія играютъ еще въ жизни деревенскаго жителя Малороссіи удивительно большую роль. Вся атмосфера деревенской жизни полна элементомъ чудеснаго,—дома ли, въ лѣсу, въ полѣ или на рѣкѣ, всюду онъ присутствуетъ. Еще многіе вѣрятъ, что въ домѣ живетъ домовой, добрый или злой, и вліяетъ на ходъ всего хозяйства. Добрый домовой приноситъ въ домъ счастье и удачу, всячески помогаетъ въ хозяйствѣ, поддерживаетъ хорошія отношенія между членами семьи, оберегаетъ и людей, и скотъ. Злой домовой пугаетъ людей по ночамъ, стучитъ и гремитъ, заставляетъ метлу плясать, горшки и посуду прыгивать съ полокъ, будитъ дѣтей, душитъ хозяина, мучитъ лошадей, запутывая имъ гриву, и унимается только на зарѣ, когда пропоетъ пѣтухъ. Вѣрятъ еще и въ злого „упыря“, который живетъ подъ видомъ человѣка и всячески вредитъ людямъ. Даже послѣ смерти онъ не унимается; тѣло его не разлагается, онъ выходитъ по ночамъ изъ могилы и высасываетъ кровь изъ спящихъ людей. Свои злобныя свойства онъ наследуетъ отъ „вовкулака“ и „вѣдьмы“, отъ которыхъ рождается. Онъ считается даже злѣе ихъ. Вовкулаки также злы и хищны; это—оборотни, люди, которые бѣгають въ видѣ волковъ, обращенные колдуномъ. Въ воображеніи народа живетъ еще и представленіе о вѣдьмѣ. Еще вѣрятъ, что злая, безобразная, вся изсохшая, съ птичьимъ, крючковатымъ носомъ, непріятнымъ взглядомъ впавшихъ черныхъ глазъ и нависшими красными вѣками, съ неизбѣжнымъ отличитель-

¹⁾ Главныя свѣдѣнія по этому вопросу даны народными учителями въ отвѣтъ на запросъ, сдѣланный Земскимъ Статистическимъ отдѣломъ.

нымъ признакомъ—хвостомъ, въ длинной бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами, она ходитъ по ночамъ въ деревнѣ и творитъ не мало бѣдъ: доить до крови коровъ, точить кровь изъ спящихъ людей, крадетъ и портитъ дѣтей—„очима ихъ йнсть“. Потомъ вылетаетъ въ трубу и начинаеть куралесить на волѣ — насылаеть грозу или градъ, снѣгъ, крадетъ звѣзды съ неба. Люди спасаются отъ нея всѣмъ, чѣмъ умѣютъ—макомъ, крапивой, тырлычемъ-травой, которая растеть и собирается только подъ Ивановъ день въ Кіевѣ, на Лысой горѣ; отбиваются отъ нея коломъ изъ „осыки“, на которой повѣсился Іуда, продавшій Христа; для того, чтобы вѣдьма сгнула, ударяютъ по ея тѣни или вбиваютъ въ тѣнь ея гвоздь.

Домовые, упыри, вовкулаки и вѣдьмы, рѣдко встрѣчаются въ пѣсняхъ, можетъ быть потому, что объ нихъ нетолько пѣть, но и говорить считается грѣшно и опасно, особенно на ночь. Но зато объ водяныхъ красавицахъ-русалкахъ поется много пѣсенъ; имъ посвящается даже особый праздникъ „Русальчинъ велыкъ-день“, въ четвергъ Пятидесятницы. Это праздникъ не веселый, а, напротивъ, грустный, унылый, такъ какъ всѣ опасаются бѣдствія отъ русалокъ, которыя, по народному повѣрью, весь годъ держатся въ заключеніи, а въ Троицкую субботу выпускаются. Въ Малороссіи народъ вѣритъ, что въ русалокъ обращаются умершія некрещеными дѣти и утопленницы.

Вся слѣдующая за Троицынымъ днемъ недѣля называется Зеленою. Три дня на Зеленой недѣлѣ полъ усыпаютъ травой съ полынью, на окна также кладутъ полынь, чтобы русалка, которая боится полыни, не явилась въ домъ. Въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ русалки бываютъ особенно злы и опасны. Въ этотъ день не работаютъ, чтобы русалка не „залоскотала“. Если женщина идетъ въ лѣсъ, то беретъ съ собой хлѣбъ и полынь. Когда является русалка, она говоритъ „хлѣбъ та полынь, возьми та покынь“. Женщина же отвѣчаетъ: „Я сего хлиба не покыну, бо тоди сама згыну“. Купаться въ этотъ день совсѣмъ не ходять, потому что русалка можетъ „залоскотать“, пока не утопитъ. Въ народѣ до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что въ зеленую недѣлю русалки-красавицы, съ блѣдными, прекрасными лицами, стройнымъ станомъ, легкими и быстрыми движеніями и удивительнымъ голосомъ, мягкимъ и пѣвучимъ, въ вѣнкахъ изъ осоки и древесныхъ листьевъ, голыя, съ распущенными волосами, выходятъ изъ рѣкъ, играютъ и плещутся при лунномъ свѣтѣ на поверхности воды, водятъ хороводы или на берегу качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, соблазнительно хохочутъ, заманиваютъ къ себѣ людей и щекочутъ ихъ до смерти. Онѣ прячутся въ кустахъ и травѣ, стерегутъ на зарѣ дѣвушекъ, идущихъ по воду, и бѣда, если дѣвушка забыла взять съ собой полыни. Русалка кидается на дѣвушку съ вопросомъ: „Полынь, чи петрушка?“ Отвѣтъ „полынь“ спасаетъ. Или—„що росте безъ кореня?“ И если дѣвушка не догадается отвѣтить „камень“, то русалка защекочеть ее и увлечетъ въ свое подводное царство, гдѣ построены дворцы изъ морскихъ раковинъ и коралловъ, гдѣ все блещетъ волшебнымъ богатствомъ и драгоценными каменьями. Любимыя загадки русалокъ сложены въ особую пѣсню:

Ой, бижыть, бижыть мыла дивчына,
А за нею та русалочка.
— „Ты послухай мене, красна панночка,
Загадаю тобі тры загадочки:
Якъ угадаешъ, до батька пушу,
Не угадаешъ—до себе возьму:

Ой що росте безъ кориня?
А що бижыть безъ повода?
А що цъвите, та безъ цъвиту?“
— „Каминь росте безъ кориня,
Вода бижыть безъ повода,
Папорить цъвите, та безъ цъвиту“.

Тѣ русалки, которыя на землѣ жили и умерли некрещеными, въ Духовъ день просятъ святаго крещенія въ пѣснѣ:

Мене маты породыла,
Некрещену положила...

Если, услыхавъ эту пѣсню, кто-нибудь изъ православныхъ отвѣтитъ: „Хрепцаю тебе во имя Отца, и Сына, и Св. Духа“, и назоветъ при этомъ два имени, мужское и женское, то этимъ можетъ быть спасена душа некрещенаго младенца, и тогда она переносится въ рай.

Во время моей пѣсенной экскурсіи мнѣ пришлось быть на небольшомъ, уединенномъ хуторкѣ близъ Большихъ Сорочинцевъ, у И. Я. Бакитько, бывшаго народнаго учителя, какъ разъ на Зеленой недѣлѣ. Онъ жилъ въ бѣломъ домикѣ, состоящемъ изъ двухъ комнатъ, полъ которыхъ былъ усыпанъ въ этотъ день душистою травою, на окнахъ виднѣлась полынь, ограждающая отъ русалокъ. Онъ разсказалъ мнѣ много разныхъ мѣстныхъ повѣрій, которыя зналъ хорошо, такъ какъ самъ былъ сынъ народа. Какъ умный и до извѣстной степени развитой человѣкъ, онъ относился уже ко многимъ изъ повѣрій и обычаевъ скептически и даже отрицательно, но, живя въ деревнѣ, невольно долженъ былъ иногда подчиняться имъ. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ объ одномъ предпринятомъ имъ опытѣ борьбы съ предрасудками, который окончился траги-комически.

Какъ извѣстно, существуетъ повѣрье, что въ ночь на Ивана Купала на Лысую гору, близъ Кіева, слетаются на собраніе всѣ вѣдьмы Малороссіи. Онѣ вылетаютъ черезъ печныя трубы, предварительно намазавъ подъ мышками мазью изъ кошачьяго мозга, собачьей кости и человѣческой крови, что даетъ имъ силу летать. Всѣ онѣ несутся по воздуху—одна на помелѣ, другая на коромыслѣ, третья на вилахъ, четвертая на плечахъ заколдованнаго парня, остальные разными другими фантастическими способами,—на дикое празднество, гдѣ предсѣдательствуетъ „видьмачъ“ или „вовкулакъ“ (по народному выраженію, „видьмамы заправляе самый главный вовкулакъ або видьмачъ“), и гдѣ всю ночь, будто бы, продолжается самая невѣроятная адская вакханалія. Чтобы доказать, что собраніе вѣдьмъ на Лысой горѣ есть выдумка, мой новый знакомый побился объ закладъ, что пойдетъ на Лысую гору въ полночь на Ивана Купала—главный моментъ сборища вѣдьмъ, и принесетъ съ собою сѣрую травку (тырлычъ-траву), которая растетъ только на бесплодной Лысой горѣ. Около 12 час. ночи онъ благополучно дошелъ на самую ея вершину, отыскалъ травку, сорвалъ, потомъ, осмотрѣвшись внимательно по сторонамъ и вполне убѣдившись, что ни одной вѣдьмы, ни самого „чортяка“ нигдѣ не было, спокойно пошелъ назадъ. Въ то время, какъ онъ шелъ съ Лысой горы къ рѣкѣ, которую ему уже разъ пришлось перейти, идя на гору, онъ увидалъ на мосту человѣка, который энергично жестикулировалъ въ его направленіи и что-то кричалъ.

— „А, такъ вотъ онъ каковъ, чортяка!“—долетѣло до И. Я. „Вѣдь говорилъ же я, что онъ сѣрый“. И. Я. былъ въ сѣрой парѣ и понималъ, что слова эти относились къ нему самому. Они показались бы ему только смѣшными, еслибы незнакомецъ не размахивалъ ножомъ, намѣреваясь встрѣтить „чортяку“ отпоромъ не на жизнь, а на смерть. Переходъ черезъ мостъ былъ неизбеженъ. И. Я. поневолѣ подошелъ къ нему, и на мосту произошла схватка, во время которой магическая травка упала въ воду. Храбрецъ съ ножомъ былъ поваленъ на землю и остался лежать на мосту (онъ оказался сильно выпившимъ), а И. Я. былъ радъ, что добрался живымъ до

дому, хотя, конечно, у него осталось неприятное чувство, что, вмѣсто опроверженія предразсудка, онъ, напротивъ, убѣдилъ человѣка въ существованіи „чортяки“.

Въ домѣ И. Я. мнѣ удалось записать около 25 обрядовыхъ пѣсенъ, изъ нихъ 20 свадебныхъ, 1 петривку, 1 семейную, 1 лирическую и 2 купальскихъ. Двѣ послѣднія помѣщены въ приложеніи. Пѣла жена И. Я., Софья Ивановна, у которой оказался хорошій высокій голосъ и замѣчательно вѣрный слухъ, съ тремя другими пѣвицами. Эта маленькая, худенькая женщина поражала меня своей неутомимой дѣятельностью. За день, который я провела у нихъ на хуторѣ, она успѣла ранехонько сбѣгать на базаръ, версты за три, привела оттуда знакомыхъ крестьянокъ-пѣвицъ, накормила и утомонила своихъ ребятъ, которыхъ у нея 6 человѣкъ и послѣдній грудной, да, кромѣ того, успѣла сготовить обѣдъ для всѣхъ насъ. Часовъ въ 12 пришелъ священникъ съ женой и сыномъ, почтенный человѣкъ, очень интересующійся старинными народными напѣвами. С. И. несмотря на всѣ хлопоты, выпадающія на долю хозяйки, участвовала во всѣхъ хоровыхъ пѣсняхъ и, кромѣ того, спѣла нѣсколько пѣсенъ одна. Хотя видъ у нея болѣзненный, она очень быстра и рѣшительна: у нея желаніе—уже дѣйствіе. Когда я услышала ея молодой голосъ, необыкновенно звонкій, я поняла, что она выглядитъ старше своихъ лѣтъ; да и не удивительно,—неисчислимыя заботы лежатъ на ней. Только старшая дѣвочка, лѣтъ 14, помогаетъ ей и нянчить грудного ребенка, убаюкивая его уже не своеобразными колыбельными пѣснями Малороссіи, какъ напр. та, которая напечатана ниже подъ № 1-мъ, но русскими стихами, въ родѣ Лермонтовскаго „Спи, младенецъ мой прекрасный“, которымъ научилъ ее отецъ въ качествѣ педагога.

Изъ женщинъ, которыя пришли пѣть, С. И. выбрала двухъ: одну, сравнительно молодую которая, пѣла только недурно, а вторую—Горпыну Черномазову, женщину лѣтъ за сорокъ, типичную хохлушку, въ темной повязкѣ на головѣ, черной корсеткѣ, домотканной плахтѣ и вышитой рубашкѣ, очень бойкую, пѣвшую низкимъ голосомъ и хорошую запѣвалу. Когда ей предложили спѣть въ рупоръ, она тотчасъ же согласилась, выразительно пожимая плечомъ и говоря, что она ничему не удивляется, что люди уже столько придумали всего не хуже этой машинки, что отчего бы имъ и этого не выдумать; она пришла не ломаться, а дѣло дѣлать. С. И. уже объяснила ей, зачѣмъ нужны пѣсни, и она готова пѣть хоть до утра. Это дѣловитое отношеніе очень помогло, и мы времени не теряли вплоть до вечера. Перерывъ былъ сдѣланъ только для обѣда, когда пѣвицы и ребяташки отправились подъ горку, въ тѣнистомъ мѣстѣ развели костеръ и стали варить кашу.

Изъ записанныхъ на этомъ хуторѣ пѣсенъ мною здѣсь помѣщены: № 2—„Наша Марынка купалочка“ и № 3 — „Стояла Марынка на межи“, относящіяся къ русалочнымъ или купальскимъ пѣснямъ.

Языческій праздникъ Ивана Купалы совпадаетъ, какъ извѣстно, съ праздникомъ Рождества Іоанна Предтечи, 24 Іюня. Въ этотъ день дѣвушки идутъ въ лѣсъ, собираютъ цвѣты и вьютъ вѣнки, въ которые непременно вплетается полынь, и цѣлый день гуляютъ; дѣвушки носятъ также подъ мышкою полынь, какъ предохранительное средство отъ русалокъ и вѣдьмъ. Вечеромъ вся деревенская молодежь выходитъ за село: изъ днища прялки дѣлаютъ куклу, которая должна изображать Марынку-русалочку, одѣваютъ ее въ рубашку и плахту, на голову надѣваютъ вѣнокъ, лицо разрисовываютъ утлѣмъ и носятъ куклу съ собою. Вечеромъ же пускаютъ вѣнки на воду и гадаютъ. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ кули соломы, скачутъ черезъ огонь и сжигаютъ Марынку. При этомъ поются пѣсни въ честь Купалы и Марынки-русалки.

Съ праздникомъ Ивана Купалы соединено преданіе о цвѣткѣ папоротника,

который по народному повѣрью цвѣтетъ только разъ въ году, въ 12 часовъ ночью на Ивана Купалу. Въ глухую полночь показывается маленькой красной точкой этотъ удивительный цвѣтокъ; эта огненная точка, бутонъ цвѣтка, дрожитъ и перемѣщается, носится въ воздухѣ, съ каждымъ мгновениемъ увеличиваясь, а ровно въ 12 часовъ ночи съ трескомъ развертывается и загорается яркимъ пламеннымъ цвѣтомъ; но въ слѣдующее же мгновение цвѣтокъ потухаетъ, — это нечистая сила срываетъ цвѣтокъ. Человѣкъ, рѣшившійся пойти въ это время въ лѣсъ, если ему удастся сорвать цвѣтокъ, дѣлается знахаремъ: онъ получаетъ силу разыскивать и добывать клады. Но, доставая волшебный цвѣтокъ, приходится пережить невѣроятныя волненія и ужасы, такъ что рѣдко у кого хватаетъ на это мужества. Дѣло въ томъ, что цвѣтокъ папоротника ревниво охраняется нечистой силой. Лѣшіе, вѣдьмы, черти, вовкулаки, упыри, русалки, домовые, мертвецы съ хохотомъ, гиканьемъ, страшнымъ завываньемъ и стонами, окружаютъ храбреца, посмѣваго идти въ лѣсъ, въ глухую полночь. Совы и филины летаютъ вокругъ него, деревья трещать, вѣтеръ воетъ, слышатся раскаты грома, мелькаютъ блуждающіе огни, освѣщая то безобразную вѣдьму, то чудную красавицу русалку, которая хохочетъ соблазнительнымъ смѣхомъ. Рѣдко кто изъ людей рѣшался перенести это тяжелое испытаніе ради того, чтобы сорвать удивительный цвѣтокъ.

Впродолженіе всего Петровскаго поста (Петровка), предшествующаго Ивану Купалѣ, поются молодежью особыя пѣсни, такъ называемыя „петровки“. Въ Лубенскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось близко познакомиться съ этими очень оригинальными по напѣву и глубокими по чувству пѣснями молодежи. Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, слѣдуетъ охарактеризовать „веснянки“, предшествующія имъ по времени исполненія, но тѣсно съ ними связанныя, какъ по содержанию, такъ и по напѣву.

Настроеніе веснянокъ гармонируетъ съ пробужденіемъ природы и наступленіемъ весны.

Игра на «сопилкѣ» (свирѣли).
(Съ фот. А. Завадскаго).

Весна, весна, що день красна.
Зо стрихъ вода капле...
И дощъ иде, вода реве...

Солнце грѣетъ, ручьи бѣгутъ, съ крышъ льетъ, и веселая, шумливая молодежь высыпаетъ на улицу, сзывая запоздавшихъ, болѣе домовитыхъ подругъ „дивчаты“ и молодыхъ „хлопцивъ“. Вотъ раздались веселые звуки „сопилки“ (свирѣли), служащія призывнымъ сигналомъ; вслѣдъ за нею звенитъ пѣсня, полная жизнерадостности:

Ой, високи огороды.
Перелазы нызьки:
Збирайтеся, подружечкы,
Далеки и близькы.
.....
До насъ, до насъ, парубьята,
Та до нашихъ дивочокъ.
Наварымо вареныкивъ
Зъ червоныхъ ягідочкы.
.....
До насъ, до насъ, та хлопьята,
До нашої рады...

Во многія веснянки входить лирический элементъ:

Витерь віе, сонце гріе,
Калыну ломае;

Уси хлопци на улыци,
А мого не мае.

Или:

Мисяць ясний, мисяць ясний,
Не свиты никому,
Та засвиты мыленькому,
Якъ иде до дому.

Та засвиты мыленькому
Восковую свичку,
Якъ брестыме мій мыленький
Черезъ быстру ричку ¹⁾.

Въ веснянкахъ чувствуется свѣжесть и прелесть юности. Повидимому, въ каждой данной мѣстности различными по тексту веснянки поются на одинъ похожій мотивъ, который варьируется различными исполнительницами. Мотивъ этотъ мечтателенъ и красивъ, хотя въ немъ есть нѣкоторая неопредѣленность, соответствующая чувству зарождающейся любви, которая нерѣдко выражается въ веснянкахъ. Этимъ веснянки сильно отличаются отъ петривокъ, поющихъ короткими лѣтними ночами, въ напѣвѣ которыхъ чувствуется сдержанная страстность и глубина. Текстъ петривокъ замѣчательенъ по разнообразію содержанія, но главнымъ образомъ въ нихъ поется о дальнѣйшемъ развитіи любви между молодыми парами, о тоскѣ молодой дѣвушки или парня и о препятствіяхъ и неудачахъ для ихъ соединенія.

Купалась ластивка, купалась,
Та на бережечку сушылась.
Молода дивчына журылась.
Купалась ластивка, шобъ не душно;
Журылась дивчына, шобъ не скучно.

Бо вже челядонькы не выдаты,
Уже челядонька лягла спаты.
Тилькы мій мыленький не лягае,
На нову сопилку выгравае,
Мене, молодую, выклькае:
— Выйды, дивчыно, перепелочко!
— Выйду, козаче, мос сѣрдечко! ²⁾

Пусты мене, маты, погуляты,

Петривки замѣчательно хороши по своеобразному напѣву и производятъ неизгладимое впечатлѣніе. Говорятъ, что онѣ вымираютъ, но во всякомъ случаѣ въ сѣверной части Полтавской губерніи ихъ еще можно слышать, въ особенности въ Лубенскомъ уѣздѣ.

Близъ Лубенъ, верстахъ въ 12, около д. Еньковцы, есть „Крыница“—колодезь, по народному повѣрью—чудотворный, съ часовней надъ нимъ имени св. Параскевы, покровительницы дѣвушекъ. Въ десятую пятницу послѣ Пасхи въ Крыницѣ бываетъ праздникъ и большая ярмарка, на которую стекается народъ изъ сосѣднихъ деревень и даже изъ другихъ уѣздовъ. Ярмарка эта представляетъ большой интересъ какъ для художника, по красотѣ картины, такъ и для музыканта, благодаря возможности услышать здѣсь исполненіе петривокъ и другихъ пѣсенъ цѣлыми группами молодежи изъ разныхъ мѣстностей. Этнографъ также найдетъ здѣсь массу матеріала для наблюденія. Попробую передать то впечатлѣніе, которое я получила отъ поѣздки въ Крыницу.

Представьте себѣ, что по холмистой, неровной дорогѣ вы спускаетесь въ кот-

¹⁾ В. П. Милорадовичъ, «Народные обряды и пѣсни Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи». Харьковъ, 1897 г.

В. П. Милорадовичъ *ibid.*

ловину, кипящую народомъ. Васъ сразу охватываетъ тотъ особенный гулъ толпы, который издали кажется какъ будто шумомъ моря. Вблизи онъ распадается на отдѣльныя энергичныя фразы, взрывы смѣха, остроты, споры и самую обыденную добродушную болтовню. Вы попадаете въ центръ житейской суеты. Наскоро раскинутыя лавочки съ разнообразнѣйшимъ товаромъ, буквально облѣплены народомъ. Кто покупаетъ ситецъ, ленты, кто бублики и сласти, цыганъ-барышникъ торгуетъ лошадь, бранится на своемъ странномъ нарѣчїи, надъ нимъ острятъ; всѣ кричатъ, спорятъ, хохочутъ. Въ теплоемъ лѣтнемъ воздухѣ стоитъ гамъ и крикъ, безпокойный гомонъ людей, полныхъ интенсивными житейскими интересами. И только волны, привезшіе на себѣ всѣ эти сокровища, спокойно отдыхаютъ и лѣниво жуютъ.

Ярмарка у Крыницы, въ Лубенск. у. (Съ фот. Н. А. Янчука).

Но въ то время, какъ зрѣлый возрастъ и старики погружены въ дрязги житейскія, молодежь уходитъ на горы, покрытыя травой, рѣдкимъ кустарникомъ, да кое гдѣ группами деревьевъ; молодые парни въ разныхъ мѣстахъ раскладываютъ груды соломы, приносятъ вѣтки и сучья, готовятъ все для будущихъ костровъ. Дѣвушки ходятъ группами, перекидываясь съ молодыми людьми шутками. Онѣ въ своихъ праздничныхъ нарядахъ и щеголяютъ красивыми „плахтами“ и „спидными“ съ виднѣющимся изъ подъ нихъ изящнымъ питьемъ, черными суконными корсетками, пестрыми лентами въ косахъ. Темные, быстрые глаза, тонкія брови „шнурочкомъ“, которыя такъ часто воспѣваются въ пѣсняхъ, смуглыя, загорѣлыя лица подъ пестрыми вѣнками,—красивы и оригинальны. Кое гдѣ слышится попытка затянуть пѣсню, хотя вначалѣ она не ладится.

Но вотъ начинается смеркаться: легкій туманъ спускается на горы. Отдѣльныя группы дѣвушекъ появляются на горахъ, на разной высотѣ. Вотъ молодой, сильный и низкій голосъ затягиваетъ пѣсню:

Та малая ничка Петривочка,
Не выпалася наша дивочка.

Запѣвъ подхватываютъ другіе голоса, звонкіе, чистые, безконечной силы и энергіи. Сила эта граничитъ съ крикомъ, груднымъ, глубокимъ, полнымъ чувства. Но горы и даль смягчаютъ рѣзкость звука. Въ далекой синевѣ неба зажигаются звѣзды, а на горахъ все нарастаютъ грудные, глубокіе звуки дѣвичьихъ голосовъ. Поетъ уже не одна группа; своеобразная мелодія, отъ которой вѣетъ чѣмъ-то архаическимъ, будто вызвала на отвѣтъ другую пѣсню, третью, четвертую. Теперь уже поютъ вездѣ на горахъ, до самыхъ вершинъ, которыя теряются въ лѣсу. Оригинальной многоголосной фугой звучитъ пѣсня. Хотя всѣ поютъ почти на одинъ, похожій мотивъ, но всѣ дѣвушки пришли изъ разныхъ мѣстъ, и разработка пѣсни сильно отличается въ каждой группѣ. Когда кончается одна группа и начинается другая, то, избѣгая однообразія, вновь вступившіе голоса переходятъ на другую ступень, транспонируютъ пѣсню, и врожденная музыкальность подсказываетъ удивительныя сочетанія звуковъ. Нѣсколько группъ поютъ въ одно время, въ разныхъ мѣстахъ, на разстояніи многихъ сажень другъ отъ друга.

Общее впечатлѣніе получается удивительное. Это не хаосъ звуковъ, какъ меня увѣряли нѣкоторые изъ малороссовъ-интеллигентовъ, а какая то фантастическая гармонія природы. И по мѣрѣ того, какъ темнѣетъ и гуще окутываетъ туманъ долину и лѣсъ, на горахъ трепещущими огненными пятнами выплываютъ изъ темноты костры, внизу уже подвижными точками загораются огни свѣчей на рогахъ воловъ и на палаткахъ. А въ туманѣ на горахъ группы молодежи двигаются и поютъ...

Очень жаль, что фонографъ при такомъ народномъ исполненіи безсиленъ. Можетъ быть, если изучить напѣвы петривокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Полтавской губерніи предварительно, и потомъ поѣхать въ Крыницу, будетъ возможно ухватить всѣ своеобразные переходы и естественныя модуляціи, къ которымъ прибѣгаютъ дѣвушки. Во всякомъ случаѣ одни петривки Полтавской губерніи заслуживаютъ спеціальнаго изученія. Для малороссовъ-композиторовъ праздникъ въ Крыницѣ представляется мнѣ настоящимъ кладомъ. Ни въ одной оперѣ я не знаю картины, равной ему по красотѣ и грандіозности.

«Музыки» на свадьбѣ и вечеринкахъ.

Но кромѣ художественной красоты, старинныя веснянки и петривки имѣютъ важное значеніе для музыкальной этнографіи, какъ пѣсни несомнѣнно древняго происхожденія.

Образцами полтавскихъ веснянокъ и петривокъ могутъ служить прилагаемыя ниже пѣсни изъ моихъ записей, № 4 и № 5.

Веснянки и петривки поются на улицѣ. На посидѣлкахъ или „досвиткахъ“ поются пѣсни, свадебнаго содержанія, а главнымъ образомъ специальныя пѣсни вечерничныя — трындычки, въ которыхъ часто встрѣчается не серьезное отношеніе къ любви молодой парочки, какъ въ петривкахъ, а насмѣшливое.

Свадьба въ с. Ольшанкѣ, близъ Лубенъ. (Съ фот. А. Завадскаго).

Въ приложеніи даны образцы указанныхъ разрядовъ пѣсенъ: двѣ свадебныя— № 6 и 7, одна трындычка—№ 8, кромѣ того одна рождественская щедривка—№ 9 и одна рабочая пѣсня—№ 10.

Въ виду того, что свадебныхъ пѣсенъ удалось записать въ эту поѣздку много, имъ будетъ посвящена особая статья. Въ этой же замѣткѣ я ограничиваюсь приведеніемъ въ приложеніи только двухъ свадебныхъ пѣсенъ, типичныхъ въ музыкальномъ отношеніи.

Старинныя свадебныя обряды еще сохранились въ Полтавской губерніи; по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ пришлось быть прошлымъ лѣтомъ, ихъ знали больше другихъ и вездѣ къ нимъ повторялись коментаріи и рассказы, въ общихъ чертахъ сходные.

Кромѣ обрядовыхъ пѣсенъ, большой интересъ представляютъ въ Полтавской губерніи духовныя стихи кобзарей — слѣпыхъ пѣвцовъ, которыхъ оказывается

еще много въ Малороссіи. Преслѣдованія, которымъ они подвергались по какому-то странному недоразумѣнію, повидимому, нисколько не уменьшили ихъ числа, а только заставили ступеваться, уйти изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жить имъ было неудобно, замкнуться въ свой тѣсный кругъ. Видъ слѣпцовъ-кобзарей имѣеть въ себѣ что-то трогательное. Кажется, что лишены возможности видѣть, воспринимать впечатлѣнія внѣшней жизни, они погружаются въ особый внутренній міръ, въ которомъ они живутъ сильнѣе, интенсивнѣе, чѣмъ зрячіе. Глубокое чувство скрыто въ поры-

Бандуристъ съ поводыремъ. (Съ ориг. рис. худ. Подтыканого, въ Дашк. Этногр. Музеѣ).

вистыхъ звукахъ ихъ пѣсень, мѣстами похожихъ на декламацію, а простое, неза-тѣйливое сопровожденіе на бандурѣ или лирѣ еще усиливаетъ впечатлѣніе.

Когда слѣпой пѣвецъ увлекается и весь отдается пѣнію, когда несутся звуки-стоны изъ души, болѣющей за неправду міра, не тронется только жесткое сердце. „Якъ затужыть, той самъ плаче, и вси за нымъ“...

Пѣсни кобзарей не имѣютъ личнаго характера; всѣ онѣ затрогиваютъ нравственные вопросы жизни, рѣшая ихъ, можетъ быть, въ наивной, первобытной формѣ, но искренно и правдиво. Стремленіе къ правдѣ и скорбь о томъ, что не-

правда господствуетъ въ мірѣ, является основнымъ мотивомъ ихъ пѣсенъ. Пѣсни эти, несомнѣнно, имѣютъ большое нравственное вліяніе на народъ, и, повторяю, преслѣдовать ихъ можно только по недоразумѣнію.

Слѣпые пѣвцы часто сидятъ за церковными воротами, по дорогѣ въ церковь, и поютъ стихи свои, точно настраивая людей на возвышенный ладъ, напоминая имъ о важности внѣобрядовой религіи, которая должна входить въ жизнь, въ поступки.

Нема въ свити правды, Правды не зыскаты...	Уже жъ тую правду Пидь ноги стопталы...
.....
Уже жъ тая правда У темній темныци...	Уже жъ тая правда Слѣзамы рыдае.
.....

Духовный стихъ о Лазарѣ, распространенный, впрочемъ, не въ одной только Украинѣ, но и во всей Россіи, имѣетъ для слѣпыхъ пѣвца и его слушателей значеніе не только библейскаго сказанія: типы богатаго и Лазаря встрѣчаются слишкомъ часто въ жизни, а понятіе о томъ, что всѣ люди — братья, такъ ясно для простого, непредубѣжденнаго ума, что стихъ этотъ пользуется необыкновенной популярностью.

Хотя кобзари и лирники, поневолѣ обособленные преслѣдованіями по недоразумѣнію, держатся своего замкнутого круга, составляющаго остатки ихъ бывшей сложной организаціи, имѣвшей свои обычаи и правила, но въ нихъ очень сильно сознаніе своихъ общественныхъ обязанностей. Въ настоящемъ слѣпые пѣвцы доказали это какъ нельзя болѣе, отправившись еще въ началѣ японской войны на Дальній Востокъ, считая своей святою обязанностью ободрять и вдохновлять людей, идущихъ на защиту родины. По преданіямъ, кобзари въ старинныя времена участвовали въ походахъ и своими пѣснями о прежнихъ герояхъ поддерживали бодрость духа въ войскѣ. Они и теперь еще поютъ казакскія историческія пѣсни, повѣствующія о подвигахъ казаковъ и о страданіяхъ народа отъ притѣсненій различныхъ враговъ.

Кромѣ духовныхъ стиховъ и казакскихъ историческихъ пѣсенъ или думъ, а также чумацкихъ пѣсенъ, кобзари и лирники поютъ и юмористическія пѣсни и играютъ плясовые напѣвы. Но это уже уступки требованіямъ времени и, отчасти, болѣе вѣрный способъ заработка.

По свидѣтельству людей, близкихъ къ дѣлу, лирниковъ и кобзарей въ Малороссіи еще много. Одинъ изъ изслѣдователей и знатоковъ кобзарскихъ пѣсенъ, художникъ А. Г. Сластіоновъ, самъ хорошо поющій эти пѣсни, знаетъ ихъ въ одномъ Миргородскомъ районѣ, гдѣ онъ живетъ, до 24 (кобзарей или бандуристовъ 10 и лирниковъ 14). На бывшій въ Харьковѣ Археологическій съѣздъ въ 1902 г. ихъ собралось до 18 человекъ преимущественно изъ окрестностей Харькова. Мнѣ лично прошлымъ лѣтомъ пришлось случайно наткнуться на цѣлое гнѣздо лирниковъ, въ одной деревнѣ Кременчугскаго уѣзда, гдѣ ихъ жило 8 человекъ. Дома въ то время былъ только одинъ, и я отъ него записала три стиха: „Лазаря“, „о Правдѣ“, и „Страсти“. Последній напечатанъ ниже въ приложеніи, подъ № 13, поется на тотъ-же напѣвъ, какъ и „Лазарь“. Лирникъ, Степанъ Зюганъ, отъ котораго я записала „Страсти“, напоминаетъ своимъ пѣніемъ Михаила Кравченко, съ

которымъ я познакомилась на кустарной выставкѣ въ Петербургѣ въ 1902 году, и отъ котораго записала фонографомъ „Лазаря“, „Се на Чорномъ морі“ и „Братъ се-стру запродае“... Голосъ у Степана Зюганя чище и сильнѣе, но выразительнѣе поетъ Кравченко.

Казацкія и чумацкія пѣсни за послѣднее время стали забываться, а между тѣмъ онѣ даютъ богатый бытовой матеріалъ для изслѣдователя. Въ нихъ закрѣплены преданія народа о военныхъ подвигахъ запорожцевъ, которые всегда были готовы жертвовать жизнію за свободу родины. Конечно, и теперь есть въ Малороссіи люди, до фанатизма любящіе свою родину. Но любовь эта перешла въ другую стадію. Они гордятся историческимъ прошлымъ своей родины, ея вольнолюбіемъ, подвигами казаковъ; но идеалъ казака въ наше время уже поблѣднѣлъ, военные подвиги уже не окружены прежнимъ ореоломъ для сознательно живущихъ людей; подвиги эти, въ свое время представлявшіе нормальное препровожденіе жизни, кажутся намъ сильной, эффектной картиной далекаго прошлаго; они служатъ воспоминаніемъ былой мощи и удалства, доказательствомъ того, что Украина жила когда-то полною, и притомъ особенною жизнію. Теперь все измѣнилось. Казаки обратились въ мирное земледѣльческое населеніе съ надѣломъ большимъ, чѣмъ у крестьянъ, и потому болѣе зажиточное, болѣе спокойное въ моменты смуты, чѣмъ крестьянское, положеніе котораго при недостаткѣ земли болѣе обостренное. Очень характерна одна изъ новыхъ пѣсенъ, которую я списала у Л. В. Падалки, и которая поется невдалекѣ отъ Полтавы (№ 17). Напѣвъ ея не представляетъ ничего интереснаго, это довольно заурядная мелодія псевдо-народной, сентиментальной пѣсни; но текстъ ея заключаетъ въ себѣ много смысла.

Пѣсня эта новая, неизвѣстно кѣмъ сочиненная, но поется въ народѣ. Привожу ее, какъ образчикъ такихъ пѣсенъ, которыя обыкновенно въ публикѣ ошибочно считаются за самыя настоящія малороссійскія народныя пѣсни.

Казацкая пѣсня о Морозенкѣ, печатаемая въ приложеніи подъ номеромъ 14, самымъ нагляднымъ образомъ иллюстрируетъ этотъ переходъ отъ бурной жизни набѣговъ, сраженій и походовъ къ осѣдлой жизни въ хуторахъ, „на черноземѣ“. Пѣли мнѣ эту пѣсню старые, зажиточные казаки и съ ними женщина, также старуха. Воинственный характеръ этой пѣсни совѣмъ смягчился и перешелъ въ болѣе эпическій характеръ разсказа объ историческомъ событіи. Правда, запѣвало пѣлъ съ большой энергіей, но въ общемъ исполненіе выдвигало больше Морозыху, горящую о сынѣ, больше подчеркивало утѣшеніе ей въ приглашеніи казаковъ „медь-горилочку пыты“, чѣмъ плачь Украины и „гордого війська“ по Морозенкѣ.

Кромѣ казацкихъ историческихъ пѣсенъ, разсказывающихъ о подвигахъ героевъ Украины, заслуживаютъ вниманія пѣсни въ которыхъ извѣстное историческое событіе запечатлѣно въ формѣ поэтической аллегоріи, какъ пѣсня № 15 „Ой горе тій чайци, ой горе небози“. Составителемъ ея считаютъ Мазену, а чайка, потерявшая малыхъ дѣтей, олицетворяетъ, по народному повѣрью, Украину и ея страдавія за своихъ сыновъ. Напѣвъ ея въ высшей степени трогательный, полный драматизма въ восходящемъ ходѣ второй части мелодіи, который поется съ сильнымъ crescendo, переходящимъ на верхней нотѣ въ fortissimo. Пѣли эту пѣсню въ Жовнинѣ, Золотоношскаго уѣзда, мать и сынъ, Александра и Игнатъ Тонкусы. Мать считается знатокомъ старинныхъ пѣсенъ. Сыномъ во время пѣнія она была недовольна и находила, что онъ недостаточно самостоятеленъ въ веденіи своего „подголоска“, все сливается съ ея голосомъ. Очевидно, складъ старинной пѣсни кажется чуждымъ молодому поколѣнію; молодые пѣвцы стремятся упростить ея.

украшенія, они отвыкли отъ прежняго сложнаго многоголосія, остатки котораго еще встрѣчаются въ голосоведеніи стариковъ.

Пѣсня, обозначенная № 16, принадлежитъ къ тѣмъ образцамъ украинскаго народнаго творчества, въ которыхъ выразилось одно изъ своеобразныхъ явленій южно-русской жизни—чумачество. Въ то время какъ запорожцы, не ограничиваясь военными подвигами, занимались земледѣліемъ, промыслами и внутренней торговлей, чумаки являлись, по словамъ И. Я. Рудченко, „органами внѣшней торговли“¹⁾. Они часто ѣздили на волахъ въ Крымъ—за солью, на берега Дона и Днѣпра—за рыбою. Странствуя по необъятнымъ степямъ южной Россіи, они подвергались большимъ опасностямъ отъ нападений гайдамакъ, татаръ, ногайцевъ, отъ болѣзней, даже отъ чумы. Рѣдкое путешествіе обходилось безъ „пригоды“ (несчастія). Вотъ такая „пригодонька —внезапная болѣзнь и смерть, приключившаяся съ чумакомъ въ дорогѣ, описана въ этой пѣснѣ: „Та ходивъ чумаць симъ годъ по Дону“.

Наконецъ, пѣсня № 18 представляетъ собою какъ бы родъ малороссійской частушки быстрого темпа. Подобныя шутливыя коротенькія пѣсенки часто можно услышать, напр., среди полольщицъ на огородахъ или среди мазальщицъ хатъ, вообще поденьщицъ, а иногда и на уличныхъ гуляньяхъ. Пѣсня эта записана въ исполненіи двухъ учительницъ. Судя по формѣ (параллельныя терціи), она принадлежитъ къ новымъ пѣснямъ.

Кромѣ своего бытового значенія, украинская пѣсня представляетъ большой музыкальный интересъ.

По отношенію къ пѣснямъ Полтавской губерніи примѣненіе фонографа наводитъ на мысль, что музыкальное строеніе народной пѣсни Украины представляетъ оригинальныя и характерныя черты, уже сглаженные въ такъ называемой „европеизованной“ малороссійской пѣснѣ, наиболѣе извѣстной въ образованномъ классѣ общества, и что пѣсня въ народномъ исполненіи отличается отъ существующихъ записей не менѣе, чѣмъ это замѣчено по отношенію къ пѣснѣ великорусской. Должно быть, вѣрна мысль, что истинной простотѣ столь же трудно подражать, какъ и твореніямъ гения. Въ исполненіи народномъ пѣсня украинская звучитъ далеко свободнѣе и оригинальнѣе, какъ по отношенію къ ритму, такъ и къ голосоведенію, чѣмъ такъ называемая „европеизованная“ пѣсня. Въ ней больше измѣненій, больше прихотливости, нѣтъ стереотипнаго повторенія куплетовъ, хотя основная мелодія въ цѣломъ сохраняетъ свой характеръ. „Народные пѣвцы никогда не поютъ пѣсню одинаково, всегда что-нибудь прибавятъ, чѣмъ-нибудь неожиданно украсятъ ее“, говорила мнѣ одна сельская учительница въ золотовошскомъ уѣздѣ, сама хорошо поющая малорусскія пѣсни. И это вполне естественно, если вспомнить, какую большую роль въ народной пѣснѣ играетъ импровизація. Наклонность импровизировать пѣсню сказывается въ *голосоведеніи*, которое, при всей простотѣ своей, не имѣетъ въ себѣ ничего шаблоннаго: каждый пѣвецъ поетъ основную мелодію пѣсни, видоизмѣняя ее по своему, отходя по временамъ отъ унисона и снова сливаясь съ другими голосами на каденціяхъ (срв. №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16). Даже ведя

¹⁾ И. Я. Рудченко. «Чумацкія народныя пѣсни». Кіевъ, 1874. Предисл. стр. IV.

самостоятельно второй или третій голосъ, пѣвецъ выдѣлываетъ цѣльную мелодическую фигуру, представляющую имитацию основного напѣва, какъ бы коротокъ онъ ни былъ. Примѣромъ могутъ служить припѣвы веснянокъ, петривокъ и трындычекъ.

Въ мелодическомъ отношеніи украинская пѣсня стоитъ особенно высоко. Мелодіи протяжныхъ пѣсенъ замѣчательно красивы и выразительны, въ скорыхъ пѣсняхъ онѣ полны жизни и гибкости. На одинъ общій мотивъ, только слегка видоизмѣняемый, поется много пѣсенъ съ разнымъ текстомъ, какъ напримѣръ въ свадебныхъ пѣсняхъ, петривкахъ и веснянкахъ.

Измѣненія, которыя вносятъ въ пѣсню разные пѣвцы, вліяютъ также на *ритмическій складъ* ея, т. е. на дѣленіе и составъ музыкальныхъ періодовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаютъ форму подраздѣленія ихъ на такты—*метрическое дѣленіе*. Повидимому, въ народномъ исполненіи музыкальный періодъ длиннѣе, чѣмъ въ „европеизованной“ малороссійской пѣснѣ. Помѣщенная ниже таблица, дающая ритмическія и метрическія особенности, которыми отличаются приводимыя въ приложеніи пѣсни, подтвердитъ эту мысль. Основаніемъ ритмическаго дѣленія служатъ *главный акцентъ* стиха.

Ритмическія особенности.

Пѣсня № 1. Носитъ характеръ припѣва; ритмъ неопредѣленный, отдѣльное предложеніе можетъ повторяться при убаюкиваніи ребенка много разъ, не заканчиваясь.

№ 2. Музыкальный періодъ состоитъ изъ 2-хъ предложений.

№ 3. Тоже.

№ 4. Тоже.

№ 5. Сложный ритмъ (4 предложенія въ одномъ періодѣ).

№ 6. Тоже.

№ 7. Ритмъ сложный, изъ 4-хъ предложений, а въ нѣкоторыхъ куплетахъ первыя два предложенія сливаются въ одно.

№ 8. Ритмъ сложный, изъ 3-хъ предложений, заключительное предложеніе также въ формѣ вопроса, кончается на секундѣ, а не на примѣ — главномъ звукѣ.

№ 9. Простой ритмъ.

Метрическія особенности.

Тактъ дѣлится на $\frac{5}{4}$.

Тактъ дѣлится на $\frac{3}{4}$, съ переходомъ на $\frac{2}{4}$ въ заключительномъ предложеніи.

На $\frac{2}{4}$, съ переходомъ на $\frac{3}{4}$ въ одномъ тактѣ.

На $\frac{4}{4}$. Въ заключительномъ предложеніи запѣва переходитъ въ одномъ тактѣ на $\frac{3}{4}$.

На $\frac{3}{4}$.

На $\frac{3}{4}$, съ переходомъ на $\frac{2}{4}$ въ заключительномъ предложеніи періода.

Мѣняется съ $\frac{3}{4}$ на $\frac{5}{4}$, и обратно.

Мѣняется съ $\frac{2}{4}$ на $\frac{4}{4}$, и обратно.

На $\frac{4}{4}$. Заключительное предложеніе переходитъ на $\frac{3}{4}$.

№ 10. Сложный ритмъ изъ 5 предложеній.

№ 11. Запѣвъ изъ 2-хъ предложеній, хоръ изъ 4-хъ.

№ 12. Ритмъ простой, изъ 2-хъ предложеній.

№ 13. Ритмъ сложный, періодъ состоитъ изъ 3-хъ предложеній.

№ 14. Ритмъ сложный, изъ 4-хъ предложеній, повтореніе—въ 2 предложенія.

№ 15. Ритмъ сложный, періодъ изъ 16-ти предложеній.

№ 16. Ритмъ сложный, періодъ дѣлится на 4 предложенія.

№ 17. Ритмъ простой.

№ 18. Ритмъ простой.

На $\frac{3}{4}$, съ переходомъ на $\frac{5}{4}$ въ среднемъ предложеніи и на $\frac{2}{4}$ въ заключительномъ.

Запѣвъ начинается съ четнаго дѣленія на 4 и 2 четверти, а со вступленіемъ хора переходитъ въ нечетное $\frac{3}{4}$ -ное дѣленіе.

Вся пѣсня легко укладывается въ $\frac{2}{4}$ -ное дѣленіе, ни по мелодіи, ни по размѣру и голосоведенію не отличается оригинальностью.

Несмотря на то, что носитъ характеръ речитатива, укладывается въ $\frac{4}{4}$ -е дѣленіе.

Дѣлится на $\frac{2}{4}$ и $\frac{4}{4}$, мѣняясь на $\frac{2}{4}$ только въ одномъ тактѣ каждаго колѣна, по требованію стиха.

Укладывается вся въ $\frac{3}{4}$.

Дѣлится на $\frac{3}{4}$ съ перемѣной на $\frac{2}{4}$ и въ одномъ куплетѣ первый тактъ на $\frac{6}{4}$.

Вся идетъ на $\frac{4}{4}$.

Вся укладывается въ $\frac{2}{4}$.

Такимъ образомъ, разборъ ритмическихъ и метрическихъ особенностей 18 предлагаемыхъ пѣсень указываемъ на преобладаніе въ нихъ во-1-хъ, *сложнаго ритма* и, во-2-хъ, *нечетнаго метра*.

Опредѣленіе тональности въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ точно такъ же, какъ и въ великорусскихъ, не подчиняется правиламъ современной музыкальной грамматики. Звукоряды, на которыхъ онѣ построены соотвѣтствуютъ, повидимому, тѣмъ звукорядамъ, которые теоретически были разработаны въ древней Греціи, а на практикѣ употреблялись въ безыскусственныхъ пѣсняхъ различныхъ народностей. Главную роль въ нихъ играютъ короткіе звукоряды—тетрахорды (четверозвучія), которые соединяются въ болѣе длинныя—эптахорды (семизвучія) и октахорды (осьмизвучія).

Для большей ясности при опредѣленіи ладовъ украинской пѣсни, я позволю себѣ сдѣлать выдержку изъ предисловія къ сборнику „Великорусскихъ пѣсень“ (см. главу „Опытъ опредѣленія ладовъ народной пѣсни“), и приведу цѣликомъ таблицу древне-греческихъ ладовъ ¹⁾,

Древне-греческіе лады до IV вѣка до Р. Х. ²⁾.

				Меса.			
Древне-греческія названія.	{	Дорійскій	ми фа соль	ЛЯ	си до ре ми	Эолійскій.	} Позднѣйшія названія Зап. Церкв.
		Фригійскій	ре ми фа	СОЛБ	ля си до ре	Миксолидійскій.	
		Лидійскій	до ре ми	ФА	соль ля си до	Лидійскій	
		Локрійскій	ля си до	РЕ	ми фа соль ля	Дорійскій	

¹⁾ См. «Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи». Записаны Е. Линевою. Изд. Имп. Академіи Наукъ. 1904 г.

²⁾ Ю. Н. Мельгуновъ, «Къ вопросу о русск. народн. музыкѣ», Этногр. Обзор. 1890, № 3.

4 группы древне-греческих ладовъ (до Аристоксена) ¹⁾.

I. Группа греческихъ-народныхъ (дорійскихъ) ладовъ:

- а) Дорійскій $\overline{\text{ми фа соль ЛЯ}} \overline{\text{си до ре ми}}$
- б) Гиподорійскій (эолійскій) $\overline{\text{ЛЯ си до ре ми фа соль ля}}$
- в) Бэотійскій до ре $\overline{\text{ми фа соль ЛЯ}} \text{си до}$.

Основой всѣхъ трехъ ладовъ является *дорійскій тетракордъ*: ми, фа, соль, ля. Во всѣхъ трехъ ладахъ есть одинъ главный общій звукъ ЛЯ—меса (середина) основного, дорійскаго лада.

II. Группа фригийскихъ ладовъ (иноземные):

- а) Фригийскій $\overline{\text{ре ми фа СОЛБ}} \overline{\text{ля си до ре}}$
- б) Гипофригийскій $\overline{\text{СОЛБ}} \overline{\text{ля си до ре ми фа соль}}$
- в) Синтоноастическій си до $\overline{\text{ре ми фа СОЛБ}} \text{ля си}$.

Въ основѣ этихъ трехъ ладовъ лежитъ *фригийскій тетракордъ*: ре, ми, фа, соль. Меса СОЛБ есть главный звукъ всѣхъ трехъ ладовъ.

III. Группа лидійскихъ ладовъ (иноземные):

- а) Лидійскій $\overline{\text{до ре ми ФА}} \overline{\text{соль ля си до}}$
- б) Гиполидійскій $\overline{\text{ФА соль ля си до ре ми фа}}$
- в) Синтонолидійскій ля си $\overline{\text{до ре ми ФА}} \text{соль ля}$.

Основной тетракордъ лидійскій: до ре ми фа. Меса—ФА.

IV. Группа локрійскихъ ладовъ (очень рѣдко употреблявшихся):

- а) Локрійскій ²⁾ $\overline{\text{ля си до РЕ}} \overline{\text{ми фа соль ля}}$
- б) Гиполокрійскій $\overline{\text{РЕ ми фа соль ля си до ре}}$
- в) Синтонолокрійскій фа соль $\overline{\text{ля си до РЕ}} \text{ми фа}$.

Локрійскій ладъ составленъ изъ 2 различныхъ тетракордовъ. Меса—РЕ.

Послѣдніе два только предполагаются по аналогіи съ предыдущими, такъ какъ употребленіе ихъ на практикѣ не прослѣжено. У древнѣйшихъ писателей встрѣчалась еще одна гамма —

Ионійская — $\overline{\text{соль ля си ДО}} \overline{\text{ре ми фа соль}}$.

Всѣ лады, принадлежащіе къ одной группѣ, имѣютъ по одному общему тетракорду и общую тонику (главный тонъ). Если мелодія оканчивалась на гипату ми, то она называлась дорійской; если же на месу ля, то ее звали гиподорійской, или нижнедорійской; если на триту ля, то бэотійской ³⁾. Мелодія, оканчивающаяся

¹⁾ В. И. Петръ, «О составахъ, строяхъ и ладахъ», стр. 182 и далѣе.

²⁾ Разница между локрійскимъ и гиподорійскимъ ладами заключается въ разрѣзѣ звукояда. Локрійскій состоитъ изъ *раздѣленнаго октакорда* съ главнымъ звукомъ въ серединѣ, гиподорійскій—изъ *соединеннаго октакорда*, съ главнымъ тономъ на гипатѣ, конечномъ звукѣ.

³⁾ По-гречески *меса*—срединный звукъ, *трита*—третій, *гипата*—конечный, послѣдній.

гипатой *ре*, называлась фригійской, если месой *соль* — гипофригійской, если же тритой *соль* — синтоноіастической. Если мелодія кончалась на гипатѣ *до*, то она называлась лидійской, на месѣ *фа* — гиполидійской, на тритѣ *фа* — синтонолидійской. Опредѣленіе лада зависѣло такимъ образомъ 1) отъ характера основного тетра хорда и 2) отъ окончанія на месѣ, гипатѣ или тритѣ.

Каждый изъ этихъ ладовъ можно было построить на любой ступени гаммы, сохраняя неизмѣнными отношенія интерваловъ.

Судя по тѣмъ образцамъ, которые находятся въ моихъ рукахъ, въ Малороссіи еще до сихъ поръ употребляются самые древніе тетра хорды, какъ діатоническій, такъ и гармоническій. Діатоническій встрѣчается въ различныхъ комбинаціяхъ въ большинствѣ пѣсенъ, гармоническій слышенъ въ акомпанементѣ лиры, въ которомъ границы тетра хорда опредѣляются чрезвычайно ясно. Примѣромъ можетъ служить духовный стихъ № 13.

Въ общемъ, вполне сохраняя свои мелодическія и ритмическія особенности, своеобразную національную физиономію, украинская пѣсня несомнѣнно имѣетъ нѣкоторыя черты, свойственныя древне-греческой музыкѣ и старинной русской народной пѣснѣ. Вотъ эти общіе признаки:

- 1) Употребленіе натуральныхъ интерваловъ.
- 2) Система короткихъ звукорядовъ—тетра хордовъ, изъ которыхъ составляются болѣе длинныя звукоряды.
- 3) Извѣстная свобода въ перемѣщенія тоники, раздвоеніи ея функціи между среднимъ главнымъ тономъ и заключительнымъ тономъ.

Есть еще двѣ черты, общія древне-греческой музыкѣ и старинной русской пѣснѣ; это—преобладаніе діатонизма и нисходящихъ мелодическихъ фигуръ. Повидимому, діатонизмъ составляетъ главный отличительный признакъ и въ малороссійской пѣснѣ, но въ виду небольшого числа пѣсенъ, прилагаемыхъ къ этой статьѣ, нѣтъ достаточнаго основанія рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смѣслѣ и приходится отложить разработку его до болѣе широкаго изслѣдованія.

Вотъ къ какимъ результатамъ привелъ меня опытъ опредѣленія тональности прилагаемыхъ ниже 18 украинскихъ пѣсенъ:

1. Колыбельная.

1. Главная часть мелодіи построена на лидійскомъ тетра хордѣ, который обозначенъ лигой — . Крайнія ноты—вспомогательныя, принадлежатъ къ соседнимъ тетра хордамъ. Главный тонъ отмѣченъ знакомъ — внизу, заключительный—знакомъ +.

2. Троицкая.

2. Главная часть мелодіи также построена на лидійскомъ тетра хордѣ, съ выпущенной секундой. Главный тонъ находится сверху, а заключительный звукъ внизу главнаго тетра хорда.

3. Купальская.

3. Главная часть мелодіи опять построена на лидійскомъ тетра хордѣ, расположенномъ на этотъ разъ вверху звукоряда. Границы нижняго тетра хорда только намѣчены. Главный тонъ въ серединѣ.

4. Веснянка.

4. Дорійскій ладъ, съ полутономъ внизу тетраорда. Разъединенный октахордъ, состоящій изъ двухъ одинаковыхъ тетраордовъ. Главный звукъ въ серединѣ, заключительный внизу.

5. Петровка.

5. Запѣвъ на фригійскомъ тетраордѣ, съ главнымъ тономъ на верхнемъ звукѣ и заключительнымъ внизу. Припѣвъ переходитъ въ лидійскій.

6. Трындычка.

6. Соединенный эптахордъ, гиподорійскаго лада, съ главнымъ и заключительнымъ тономъ на крайнемъ звукѣ.

7. Семейная.

7. Фригійскій ладъ, раздѣленный октахордъ, съ главнымъ звукомъ въ серединѣ и заключительнымъ внизу.

8. Свадебная.

8. Гиподорійскій ладъ, съ главнымъ звукомъ внизу. Имъ начинается мелодія, но она остается безъ заключенія, т. к. имѣетъ видъ причета, и временно кончается на секундѣ, чтобы снова перейти на главный звукъ въ началѣ музыкальнаго періода или „колѣна“. Въ верхнемъ голосѣ роль вспомогательной ноты играетъ первый звукъ сосѣдняго тетраорда (Соль).

9. Свадебная.

9. Гиподорійскій ладъ, съ главнымъ звукомъ (До Діезъ) внизу. СИ есть вспомогательная нота изъ нижняго тетраорда. Хоръ поетъ на томъ же тетраордѣ, высокій голосъ октавой выше.

10. Щедривка.

10. Лидійскій ладъ, раздѣленный октахордъ, съ главнымъ звукомъ въ серединѣ.

11. Рабочая.

11. Натуральный мажоръ, лидійскій тетраордъ съ главнымъ звукомъ внизу (Ре) и заключительнымъ вверху (Соль). Верхній голосъ поетъ на томъ же тетраордѣ, переходя иногда его границу, въ верхній тетраордъ.

12. Парубѣча.

12. Гиподорійскій ладъ съ главнымъ звукомъ внизу.

13. Лирницкая.

13. Дорійскій ладъ съ главнымъ звукомъ въ серединѣ, къ которому мелодія постоянно возвращается, и который звучитъ непрерывно, но аккомпанементъ лиры идетъ на нижнемъ тетраордѣ, съ постояннымъ возвращеніемъ на главный звукъ, которымъ и заканчивается музыкальный періодъ.

14. Историческая.

14. Гиполидійскій ладъ, съ тоникой на нижнемъ звукѣ, сходный съ современнымъ До мажоромъ.

15. Историческая.

15. Локрійскій ладъ, съ главнымъ звукомъ въ серединѣ, на нижней нотѣ верхняго тетраорда, и съ заключительнымъ тономъ на нижней нотѣ второго тетраорда.

16. Чумацкая.

16. Гиподорійскій ладъ (натуральный миноръ), съ тоникой на крайнемъ звукѣ тетраорда.

17. Звукорядъ не представляетъ ничего своеобразнаго: современный РЕ-миноръ, съ вводнымъ тономъ (До-дизезь).

18. Строй современный. Первая половина мелодіи въ ФА-мажоръ, а припѣвъ въ РЕ-миноръ.

Вышеприведенный опытъ опредѣленія ладовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) народныя пѣсни въ Малороссіи, насколько можно судить по сдѣланнымъ точнымъ наблюденіямъ, поются большею частью въ натуральномъ мажорѣ и натуральномъ минорѣ. Изъ 16 старинныхъ пѣсенъ 6 поются въ натуральномъ мажорѣ (съ тоникой въ серединѣ), 10 въ натуральномъ минорѣ (съ малой терціей въ основаніи и съ одинаковымъ порядкомъ интерваловъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ, слѣдовательно безъ повышения 6-й и 7-й ступени).

б) Тональность прилагаемыхъ пѣсенъ соответствуетъ слѣдующимъ древне-греческимъ ладамъ: 5 пѣсенъ—Лидійскому ладу, 1—Гиполидійскому, 5—Гиподорійскому, 2—Дорійскому, 2—Фригійскому, 1—Локрійскому.

Дальнѣйшая разработка этого въ высшей степени интереснаго матеріала можетъ навести еще на болѣе важные выводы для музыкальной этнографіи. При небольшомъ числѣ прилагаемыхъ пѣсенъ было бы еще слишкомъ рано приходить къ какимъ-либо рѣшительнымъ выводамъ и дѣлать сравненія съ пѣснями другихъ народностей.

Въ заключеніе можно только выразить искреннее пожеланіе, чтобы было сдѣлано возможно больше точныхъ записей малорусскихъ пѣсенъ, слѣдовало бы даже сдѣлать перепись пѣсенъ по всей Малороссіи фонографическимъ способомъ. Но для этого необходима цѣлая организація изъ многихъ работниковъ, которымъ дорого это дѣло. Въ виду всѣмъ извѣстной преданности малороссовъ родинѣ, развившейся уже въ замѣчательныхъ трудахъ по изученію пѣсенъ Н. В. Лысенка, П. П. Чубинскаго, Я. О. Головацкаго, В. П. Милорадовича и мн. др., мы позволимъ себѣ выразить надежду, что люди Украйны не пренебрегутъ драгоценнымъ способомъ *точной записи*, который предлагаетъ имъ наука, и что въ скоромъ будущемъ передъ нами откроются новыя сокровища музыкальнаго народнаго искусства.

Е. Линева.

Шереметевка, 3 ноября 1904 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Тексты пѣсенъ Полтавской губерніи.
2. Напѣвы, (записаны съ помощью фонографа).

ПѢСНИ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

№. 1 а).

Люли, люли, люлята.

(Колыбельная).

1. Люли, люли, люлята,
Гонить, хлопци, телята.
Люли, люли, люлята!	3. Спаты полягають,
А пастушка згадають.
Люли, люли, люлята!
2. Теляточка пасутся
И въ хливецъ заженутся.
Люли, люли, люлята!	4. А пастушокъ у мишокъ,
А зъ мишечка въ торбыночу,
Прыспы нашу дытыночку.
5. Засны, засны, задрймай,
Та ничего не думай!	

№. 1 б).

Ой ну, люли, китку.

(На тотъ-же мотивъ).

1. Ой ну, люли, китку,
Укравъ въ бабы квитку.	4. Треба котыка піймать,
Тай хвостыка надрубать,
2. Ой ну, люли, коточокъ,
Укравъ въ бабы клубочокъ,	5. И шубочку зъ нѣго знять—
Дытыночку укрывать,
3. Тай сховався въ куточокъ,
Тилькы выдно хвосточокъ,
Та лапочки кусочокъ.	6. Щобъ тепленько було
И велькѣ росло.

№. 2.

Стояла Марынка на межи.

(Троицкая, поется въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ).

1. Стояла Марынка на межи,
Зрадовалось серденько въ дорози.
Да стояла Марынка на межи,
Червонные червычкы на нози. | 2. Носы, носы, Марынка, не скидай,
Билыхъ своихъ нижочокъ не покаляй.
Носы, носы, Марынка, не скидай,
Мене молодого не забувай. |
|---|--|

№ 3.

Наша Марынка-Купалочка.

(Купальская).

Наша Марынка-Купалочка — У мене лычко, якъ яблочко,²
Посередь моря купалась, ² У мене бровы чорнессеньки,
На бережку билылась,² Зовсімъ я дивка складнессенька.
Вышла на улыцю—хвалылась:

№ 4.

По-за селомъ (2) повезено сино.

(Веснянка).

1. *Запѣвъ 1.* По-за селомъ, по-за селомъ 4. *Запѣвъ 1.* А якъ бы я, козаченьку,
Запѣвъ 2. Повезено сино. *Запѣвъ 2.* Твій голосъ зачула,
Хоръ. А десь мое серденятко *Хоръ.* Вылитала бъ зъ виконечка,
Вечеряты сило. Якъ сыва зозуля.
2. *Запѣвъ 1.* Ой вечеряй, серденятко, 5. *Запѣвъ 1.* Хоть зозуля—не зозуля,
Запѣвъ 2. Та беры потрошку, *Запѣвъ 2.* А хоть соловейко.
Хоръ. Та подавай голосочкъ *Хоръ.* Нехай тобі зозуленька,
Въ вышневий садочокъ. Мени соловейко.
3. *Запѣвъ 1.* Ты думаешъ, дивчиночкы, 6. *Запѣвъ 1.* Тоби буде зозуленька
Запѣвъ 2. Що въ степену ночую, *Запѣвъ 2.* Раненько куваты;
Хоръ. А я твоя голосочки *Хоръ.* Мени буде соловейко
Що вечора чую. Правдоньку казаты.

№ 5.

Та малая ничка Пестривочка.

(Петривка).

1. *Запѣвъ 1.* Та малая ничка — 3. *Запѣвъ 1.* Да до тея бели
Запѣвъ 2. Пестривочка, *Запѣвъ 2.* Говорыла:
Хоръ. Та не выспалася *Хоръ.* Ой, беле жъ моя
Наша дивочка. Тонессенька!
2. *Запѣвъ 1.* Усю ничъ не спала, 4. *Запѣвъ 1.* Кому ты будешъ
Запѣвъ 2. Та биль сукала; *Запѣвъ 2.* Вирнессенька?
Хоръ. По гори ходыла, *Хоръ.* А чы тому пану,
Биль билыла. Що въ жупану?

5. *Запѣвъ 1.* А чы тому хлопыку,
Запѣвъ 2. Що на коньку?
Хоръ. А чы тій нетязя,
Що въ сермязи?

№ 6.

По-надъ терномъ стежечка.

(Трындычка).

1. *Запѣвъ 1.* По-надъ терномъ стежечка, 2. *Запѣвъ 1.* Що въ дивчыны бривонькы,
Запѣвъ 2. По-надъ терномъ бытая, *Запѣвъ 2.* Що въ дивчыны чорніи, —
Хоръ. Бытая була (2). *Хоръ.* Матника дала. (2) ¹⁾
3. *Запѣвъ.* А хто йійи знатыме,
Хоръ. То той цилуватыме —
Хлопійко душа (2).

№ 7.

Та ходыть журавель по гори.

(Семейная).

1. Та ходыть журавель по гори, (2)
А журавка й по трави.	8. Ходыть батько по двору, (2)
Обнявъ свою голову.
2. Та пытаеця журавка, (2)
Та яка лучча хазайка:	9. Клыче диты додому: (2)
Горе жыты самому.
3. А чы тая жъ первая, (2)
А чы тая другая?	10. — Жывы, тату, теперь самъ, (2)
Колы гарну жинку взявъ.
4. Та що зъ первою нажывся, (2)
А зъ другою набывся.	11. Якъ мы, тату, до ворить, (2)
То мачуха у жывить;
5. Що зъ первою диты мавъ, (2)
А зъ другою розигнавъ:	12. Якъ мы, тату, до тыну, (2)
То мачуха у спыну;
6. — „Идить, диты, у наймы, (2)
Вамъ роскошы немае“.	13. Якъ мы, тату, на поригъ, (2)
Той мачуха за батигъ;
7. — „Лучче будемъ службыты, (2)
Чымъ мачуси годыты.“	14. Якъ мы, тату, за шматокъ, (2)
То мачуха за ципокъ.

¹⁾ Часто хоръ вступаецъ прямо со второго стиха послѣ запѣва, какъ въ 3-мъ куплетѣ.

№ 8.

Зеленая та дибривонька.

(Свадебная, поется невѣстѣ-сиротѣ).

1. Зеленая та дибривонька, (2)
Чого въ тебе яворивъ много?	3. Зеленого та нейодного, (2)
Одросточка не отъ одного?
2. Чого въ тебе яворивъ много, (2)
Зеленого та нейодного?	4. Молодая та Марусенька,
Чого въ тебе та батькивъ много,
Ридненького та нейодного?..

№ 9.

Та летивъ сокилонько.

(Свадебная).

1. <i>Запѣвъ 1.</i> Та летивъ сокилонько
<i>Запѣвъ 2.</i> Черезъ вышню-садъ,
<i>Хоръ.</i> Та вдарывся крылечкамы
Объ садъ-выноградъ.	3. <i>Запѣвъ 1.</i> Чы тутъ моя Марусенька,
<i>Запѣвъ 2.</i> Чы немає?
<i>Хоръ.</i> Чы зъ иншымы молодцями
Десь гуляе?
2. <i>Запѣвъ 1.</i> Та вдарывся крылечкамы,
<i>Запѣвъ 2.</i> Тай пытае:
<i>Хоръ.</i> —Чы тутъ моя чорна галочка,
Чы немає?	4. <i>Запѣвъ 1.</i> Ой пойхавъ Васылько
<i>Запѣвъ 2.</i> Черезъ тествивъ двирь,
<i>Хоръ.</i> Та вдарывся кинь копытомъ
Объ новый поригъ...

№ 10.

У Иерусалыми рано задзвонили.

(Щедрилка).

1. У Иерусалыми
Рано тамъ задзвонили.
<i>Припѣвъ</i> { Щедрый вечеръ
{ Да добрымъ людямъ
{ На здоровье (2).	3. Тамъ Дива Марыя
Сына породыла,
<i>Припѣвъ</i> { Добрый вечеръ
{ Да добрымъ людямъ
{ На здоровье (2).
2. Рано . . .
Рано тамъ задзвонили.
<i>Припѣвъ</i> { Добрый вечеръ
{ Да добрымъ людямъ
{ На здоровье (2).	4. Сына породыла,
Въ ясли положила.
<i>Припѣвъ</i> { Добрый вечеръ
{ Да добрымъ людямъ
{ На здоровье (2).

№ 11.

Чужи паны робочи.

(Рабочая).

1. <i>Запѣвъ</i> 1. Чужи паны робочи,	<i>Хоръ</i> . До малыхъ дитей.
<i>Запѣвъ</i> 2. Держать людей до ночи;	4. <i>Запѣвъ</i> 1. Якъ було рано,
<i>Хоръ</i> . Нашъ панъ—соловейко,	<i>Запѣвъ</i> 2. Серденько повьяло;
Пускае раненько.	<i>Хоръ</i> . Якъ повечорило,
2. <i>Запѣвъ</i> , Пускае за день	Той повеселило.
<i>Хоръ</i> . Молодыхъ людей,	5. <i>Запѣвъ</i> . Собычко зійшло—
3. <i>Запѣвъ</i> . Молодыхъ людей	<i>Хоръ</i> . Серденько дійшло.

№ 12.

Ой пйду я доломъ.

(Парубѡча).

1. <i>Запѣвъ</i> . Ой пйду я доломъ	3. <i>Всѣ</i> . Та пймайте долю
Доленькы шукаты.	Парню молодому.—
<i>Хоръ</i> . { Та не найшовъ доли,	Не пймалы доли,
Найшовъ рыболовы. } 2.	Та пймалы щуку. } 2.
2. <i>Запѣвъ</i> . Рыболовци хлопци,	4. <i>Всѣ</i> . Щука рыба разомъ
Вы добри молодци,	На дно порынае,
<i>Хоръ</i> . { Закыдайте ситку	На дно порынае,
Черезъ быстру ричку. } 2.	Соби пару мае. } 2.
5. <i>Запѣвъ</i> . А я, молоденькй,	
Доленькы не маю;	
<i>Хоръ</i> . { Тилькы мыни пары,	
Що очесы кари. } 2.	

№ 13.

Страсти ¹⁾.

(Духовный стихъ).

Предъ жыдова засмуцenna,	Матка больше жалостлива
Вже отъ Хрыста отрешenna	Предъ Хрыстомъ стояла
Матка праведная Хрыста Сына.	И смутливо говорыла:
Хотять Хрыста изгубыты...	—„Ой Сыну мйй возлюбленный,

¹⁾ Текстъ этой псалмы испорченъ.

Серце мое преболѣзное,
Про што ты умираешъ,
Тѣло свое пресвятое
На муку предаешъ?“
Ребро Его пресвятое
Копьемъ прободалы,
На главу Его честную
Винокъ возложили.

Терпивъ Хрыстось муки, раны
За насъ, гришныи хрыстіаны.
А мы хрыстіаны
Часто Хрыста восхваляймо,
Часто Хрысту поклонъ даймо,
Алилуя воспиваймо.
Алилуя, алилуя,
Слава, Хрысте, Твоимъ страстемъ!

№. 14.

М о р о з е н к о .

(Историческая).

1. Ой Морозе, Морозенко,
А ты славный козаче,
За тобою, Морозенко,
Уся Украина плаче.
2. Не такъ тая Украина,
Якъ те гордее вѣско,
Заплакала Морозыха,
А идучы на мисто.
3. Заплакала Морозыха,
А идучы на мисто,
Та на мисто идучы,
Якъ зачулы козаченькы,
Медь-горилочку пьючы.
4. Годи, годи, Морозыхо,
Та по сыновы тужыты;
Та йды зъ намы, козакамы,
Меду, вына ныты.
5. Ой щось миня, мыли браты,
Медь-горилочка не пьетця;
А десь мій сынъ Морозенко
Въ степу зъ ляхамы бьетця.

№. 15.

Ой горе тій чайци.

(Историческая).

1. Ой горе тій чайци,
Ой горе небози,
Що вывела дитокъ
Да пры бытій дорози. } 2.
2. Чумаки йихалы,
Чаечку спужалы,
Воны чаечку спужалы,
Чайнять забралы. } 2.
3. Чы чаечка вьетця,
Объ дорогу бьетця,
Къ сырїи земли прыпадае, } 2.
Чумакивъ благае: }
- 4.— „Ой вы, чумаченькы,
Вы добрыи люде,
Верните моихъ чайнятокъ, } 2.
То добре вамъ буде“.

5.—Не верномо, чайко,
Не верномо, наша;
Поварылы чайнятокъ, —
Добра була каша! | } 2. | 6. Бодай вы, чумаки,
У Крымъ не сходылы,
Якъ вы моихъ чайнятокъ
Да въ каши поварылы. | } 2. |
|---|------|---|------|

№. 16.

Та ходывъ чумакъ симъ годъ по Крыму.

(Чумацкая).

1. Та ходывъ чумакъ 2
Та симъ годъ по Крыму,
Симъ годъ по Крыму.	6. Чумакъ больный ставъ:
Та болять нижкы, та болять ручки,
Та болыть голова,
Болыть голова.
2. Симъ годъ по Крыму...
Та не случалось та прыгодонькы,
Та прыгоды ёму,
Николы ёму.	7. Болыть голова...
Ой бидна жъ моя та головонька,
Що роду нема 2.
3. Николы ёму.
Та случылася та прыгодонька
Да изъ Крыму идучы,
Изъ Крыму йдучы.	8. Що роду нема...
Тильки у мене та родынонькы,
Що тварышь мій 2.
4. Изъ Крыму йдучы,
Та пидъ билоу та березою
Волы пасучы. 2	9. Тварышу мій,
Пожалій мене, та продай волы,
Та продай волы 2.
5. Волы пасучы...
Ой сирй волы та похромалы,
А чумакъ больный ставъ,
Чумакъ больный ставъ.	10. Та продай волы,
Ой продай волы, ще и занозы,
Поховай мене! 2.

№. 17.

Віе витеръ.

(Думка).

1. Віе витеръ, віе буйный,
Дубы нахыляе.
Сыдыть козацьк на могыли
Тай витру пытае;	Де фортуна, де надія,
Де козацька воля?"
2.—„Скажы, витре, скажы, буйный,
Де казацька доля?	3. Ёму витеръ отвичае:
—„Знаю, каже, знаю:—
Твоя доля козацькая
Въ зеленому гаю;

4. Лежить вона затоптана
Сирыми волами“.	Дала мыни гирку долю,—
Де я ии дину?
Почувъ козакъ, тай заплакавъ
Дрибными слёзамы:	6. Породыла мене маты
Въ зеленому жыти,
5. „Породыла мене маты
Въ зелену недилю,	Дала мыни гирку долю,—
Треба зъ нею жыты!“

№. 18.

Ой чыя це хатинка.

(Шутливая).

1. Ой чыя це хатинка
Не замéтеная?
Ой чыя це дивчына
Не заплетеная?
<i>Припѣвъ:</i> Ой думала я,
Передумала я;
Одуръ голову бере,
Та не знаю, де живе.	2. Ой чыя це хатинка
Заметаеця?
Ой чыя це дивчына
Заплетаеця?
<i>Припѣвъ:</i> Ой думала я,
Передумала я;
Одуръ голову бере!
Та не знаю, де живе.
3. Ой лопнувъ обручь
Коле дижечкы,
Дивчата мой,
Сыроижечкы,
<i>Припѣвъ:</i> Ой думала я, и т. д.	

Примѣч. По напѣву № 18 поются различные тексты, иногда даже сочиняемые экспромтомъ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ

Записаны Е. Линевою лѣтомъ 1903 г.

№ 1. ЛЮЛИ, ЛЮЛИ, ЛЮЛЯТА.

(Колыбельная)¹⁾

Медленно. м. м. ♩ = 69.

Село Литвяки, Лубенск. у.

1. Лю - ли, лю - ли, лю - ля - та, Го - нить, хло - пцы, те - ля - та. Лю -
ли, лю - ли, лю - ля - та, 2. Те - ля - точ - ка па - сун - ся, И
въхли - вецъ за - же - нут - ся, Лю - ли, лю - ли, лю - ля - та, 3. Та
спать по - ля - га - вть, А на - стун - ка зга - да - вть. Лю -
ли, лю - ли, лю - ля - та. 4. А па - стун - шокъ у ми - шокъ, А
зъми - шеч - ка въ тор - бы - ноч - ку, Пры - оны на - шу ды - ты - ноч - ку. 5. За -
оны, ва - оны, за - дры - май, Та ни - чо - го не ду - май.

№ 2. СТОЯЛА МАРЫНКА НА МЕЖИ.

(Припѣвъ куклѣ Марынкѣ въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ).

Умѣренно. м. м. ♩ = 54.

С. Бол. Сорочинцы Миргородск. у.

1. Сто - я - ла Ма - рын - ка на ме - жи, Зра - до - ва - лось оер - день - ко въ до -
ро - зи. 2. Да сто - я - ла Ма - рын - ка на ме - жи, Чер - во - ны - я че - ре - выч - кы на
но - зи. 3. Но - сы, но - сы, Ма - рын - ка, не оы - дай, Би - лыхъ сво - ихъ ни - жо - цокъ не по - ка -
лай. 4. Но - сы, но - сы, Ма - рын - ка, не оы - дай, Мене мо - ло - до - го не за - бу - вай.

1) На тотъ же мотивъ поется и другія слова, напримѣръ, приведенныя выше подъ № 1 б).

2) Знакъ | указываетъ музыкальное предложене, а знакъ || законченный музыкальный периодъ. Е. Л.

№ 3. МАРЫНКА-КУПАЛОЧКА.

Весело. м. м. $\text{♩} = 72$.

С. Бол. Сорочинцы, Миргородск. у.

1. На-ша Ма-рын-ка Ку-па-лоч-ка По-се-редь мо-ря ку
 2. Вышла на у-лы-цю, хва-лы-лась: У ме-не лыч-ко, якъ
 па-лась. По-се-редь мо-ря ку-па-лась, На бе-реж-
 яб-лоч-ко, У ме-не лыч-ко, якъ яб-лоч-ко, У ме-не
 ку би-лы-лась, На бе-реж-ку би-лы-лась.
 бро-вы чор-не-сень-ки, Зовсімъ я див-ка склад-не-сень-ка.

№ 4. ПО-ЗА СЕЛОМЪ ПОВЕЗЕНО СИНО.

(Веснянка).

Медленно, связно. м. м. $\text{♩} = 52$.

Село Литвяки, Лубенск. у.

Запѣвъ. Запѣвъ 1-й. Запѣвъ 2-й.

1. По за се-ломъ, по за-се-ломъ Та по-везе-но

Хоръ I и II. Хоръ III.

си-но,
più mosso
 ХОРЪ. *f* *p* *3*

1. А десь мо-е сер-де-ня - тко ве-че-ря-ты си-ло.

Запѣвъ 1-й. Запѣвъ 2-й.

2. Ой ве-че-рай, сер-де-ня - тко, Та бе-ры по-

*) Сначала пѣли почти *Соль* натуральное, потомъ, утвердившись въ тональности, перешли на *Соль-диез*
 Е. Л.

Зап'явъ 1-й.

трош-ку. Ты ду -

хоръ. *piu mosso.* *f* *p*

Та по - давай го - ло - со - чокъ, Въ выш - не - вѣй са - до - чокъ.

Зап'явъ 2-й.

ма - ешь, дѣв - чи - нонь - ко, Що въ сте - пу но -

чу - ю?

А я тво - и го - ло - соч - кы, Що ве - чо - ра чу - ю.

№ 5. ТА МАЛАЯ НИЧКА ПЕТРИВОЧКА.

(Петривка).

С. Литвяки, Лубенск. у.

Протяжно. м. м. $\text{♩} = 56.$

хоръ. *piu mosso*

I. Зап'явъ 1-й. Зап'явъ 2-й. 1. Та не

II. 1. Та ма - ла - я нич - ка Пе - три - воч - ка, Та не

4. Ко - му ты бу - дешъ вир - не - сень - ка, А чы

вы - спа - ла - ся ла - ша ди - воч - ка.

вы - спа - ла - ся на - ша дѣ - воч - ка. Зап'явъ 1-й.

то - му па - ну, що въ жу - па - ну?

2. У

3. Да

Б. А

1) Знакъ / изображаетъ бросаніе голоса вверхъ, на кварту, причемъ ясно опредѣляется границы тетрагарды. Е. Л.

ХОРЪ.

Запѣвъ 2-й.

По го -

сю ничь не спа - - ла, Та биль су - ка - ла, По го -
 до те - и бе - - ли, Го - во - ри - ла: Ой,
 чы то - му хло - ны - ку, Що на ко - ны - ку, А чы

Конецъ

ри хо - ды - ла Биль би - лы - ла.

ри хо - ды - ла Биль би - лы - ла.
 бе - лежь мо - я То - не - сень - ка!
 тій не - та - - зи, Шовъсер - мя - - - - - зи.

№ 6. ПО-НАДЪ ТЕРНОМЪ СТЕЖЕЧКА.
 (Трындычка).

С. Литвяки, Лубенск. у.

Умѣренно. м. м. $\text{♩} = 80$. ХОРЪ.

Запѣвъ 1-й. Запѣвъ 2-й. Быта-я бу -

1. По надъ терномъ сте - жечка, По надъ терномъ бы - та-я, Быта-я бу

ла, Быта-я бу - ла. ХОРЪ. Що вѣдвчмыны

ла, Быта-я бу - ла. Запѣвъ. 2. Що вѣдвчмыны бри - вонь-кы, Що вѣдвчмыны

чор - ні-и матынь-ка да - ла, матынь-ка да - ла.

чор - ні-и матынь-ка да - ла, матынь-ка да - ла. Запѣвъ.

ХОРЪ.

То той ци-лу - ва - тыме, Хлопій-ко ду - ша, хлопій-ко ду - ша.

зна - тыме, То той ци-лу - ва - тыме, Хлопій-ко ду - ша, хлопій-ко ду - ша.

В. Л.

№7. ТА ХОДЫТЬ ЖУРАВЕЛЬ.

(Семейная).

м.м. ♩ = 76. Умѣренно.

Хут. Равита, Хорольск. у.

1. Та хо - дыть жу - ра - вель по го - ри, Та хо - дыть жу -
 ра - вель по го - ри, А жу - рав - ка и по - т(ы)ра -
 ви. 2. Та пы - та - ет - ся жу - ра - (а) в(ы) - ка, Та пы -
 та - ет - ся жу - рав - ка, Та я - ка - луч - ча ха - зай -
 ка. 3. А чы та - я же пер - (ы) - ва - я, А чы та -
 я же пер - (ы) - ва - я, А чы та - я дру - га - я.

№8. ТА ДИБРИВОНЬКА ЗЕЛЕНАЯ.

(Свадебная, если невеста сирота).

м.м. ♩ = 69. Медленно, полнымъ голосомъ.

С. Бол. Сорочинцы, Миргородск. у.

ХОРЪ
 I. Та ди - бри - вонь - ка, — Зе - ле - на - я та ди -
 Запѣвъ.
 II. 1. Зе - ле - на - я та ди - бри - вонь - ка, — Зе - ле - на - я та ди -
 бри - вонь - ка, Чо - го въ те - бе я - во - ривъ мно - го?
 Запѣвъ.
 бри - вонь - ка, Чо - го въ те - бе я - во - ривъ мно - го? 2. Чо - го въ те - бе я - во - ривъ мно -
 Хоръ.
 Чо - го въ те - бе я - во - ривъ мно - го, Зе - ле - но - го та не - й - од - но - го.
 Запѣвъ.
 го, Чо - го въ те - бе я - во - ривъ мно - го, Зе - ле - но - го та не - й - од - но - го. 3. Зе - ле -

Е. Л.

ХОРЪ

Йод - но - го, За ле - на го та не - йод - но го, Од - ро -

но - го та не - йод - но - го, За ле - на го та не - йод - но го, Од - ро -

ХОРЪ

сточ - ка не отъ од - но го. Чо го

сточ - ка не отъ од - но го. **Запѣвъ.** Моло - да - я та Ма - ру - сень - ка, Чо го

вѣте - бе та бать - кивъ мно - го, Ри - днень - ко го та не - йод - но го.

вѣте - бе та бать - кивъ мно - го, Ри - днень - ко го та не - йод - но го.

№9. ТА ЛЕТИВЪ СОКИЛОНЬКО.

(Свадебная).

м. м. $\text{♩} = 69$. Медленно. Село Литвяки, Лубенск. у.

Запѣвъ 1 мѣ. **ХОРЪ** **Запѣвъ 2 ой.**

1. Та ле-ти-(и)въ со - ки-лонь-ко Че-резъ вышню оа-(а)дь, Та вда -

рив-ся крылеч-ка - мы обь садъвыно - градъ. Та вдарив-ся крылеч-ка-мы,

Та и пы-та - е, Чы тутъ мо-я чор-на галоч-ка, Чы не ма - е. **ХОРЪ** Чы

тутъ мо-я Ма - ру - сень - ка, Чы ні - йи не ма - е? Чызъ ми -

шымы молод - ця мы, Де съ гу - ля е? 4. Та по - йи - хавъ Ва - сенько

Че-резъ тествивъ двиръ, Та вда - рився кинько - пы - томъ обь но - выи по - ригъ.

Е. Л.

№10 У ЕРУСАЛИМИ РАНО ТАМЪ ЗАДЗВОНЬЛЫ.

(Щедрилка)

м. м. ♩ = 60. Умеренно.

С. Литвяк, Лубенск. у.

I. **Запѣвъ 1ый.** **ХОРЪ**
 1. У Е-ру-са - лы - ми За-дво - ны-лы, — Шед-рый
 II. **Запѣвъ 2ой.**
 Ра - но тамъ за-дво - ны-лы, —

ве - чиръ, Да до-брымъ лю-демъ на здо-ро-вье, — На здо-
 ве - чиръ, Да

Запѣвъ. **ХОРЪ**
 ро - вье. 2. Ра - но, ра - но тамъ за-дво - ны-лы, — Доб-рый

ве - чиръ, Да до-брымъ лю-демъ на здо-ро-вье, — На здо - ро
 ве - чиръ, Да....

Запѣвъ 1ый. **ХОРЪ.**
 3. Тамъ Дѣ-ва Ми - ры - я по-ро - ды-ла, — Доб-рый
 4. Сы - на по-ро - ды - ла
Запѣвъ 2ой.
 Сы - на по-ро - ды-ла, —
 Въяс - ли по-ло - жы-ла, —

ве - чиръ, Да до-брымъ лю-демъ на здо-ро-вье, На здо - ро - вье.
 ве - чиръ, Да

Е. Л.

№11 ЧУЖИ ПАНЫ РОБОЧИ.

(Рабочая).

м.м. $\text{♩} = 69$. Довольно скоро. С. Литвяки, Лубенск. у.
ХОРЬ. (вошло)

I.

II.

Зап'явь ігій. Зап'явь жой. Нашъ панъ со-ло -

1. Чужі па-ны ро-бо-чи, Держать лю-дей до но-чи,
вей - ко Пу-скае ра-нень-ко. ХОРЬ. мо-ло-дыхъ лю -

Зап'явь ігій. 2. Пу-скае за день мо-ло-дыхъ лю -

Зап'явь жой. ХОРЬ. дей. Мо-ло-дыхъ лю дей До ма-лыхъ де-тей. Зап'явь ігій.

дей. Якъ бу-ло

ХОРЬ. Якъ по-ве-чо - ри-ло, Той по-ве-се -

ра-но, сер-день-ко по-вья-ло,

Зап'явь жой. ХОРЬ. ли-ло, Со-неч-ко зій-шло, Сер-день-ко дій-шло.

№12. ОЙ ПІЙДУ Я ДОЛОМЪ.

(Парубча).

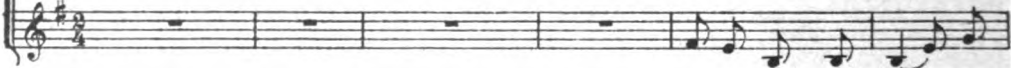
м.м. $\text{♩} = 72$. Умѣренно. С. Деньги, Золотоношев. у.
Зап'явь. ХОРЬ. Замедляя.

I.

1. Ой пій-ду я до-ломъ До-лень-кы шу-ка-ты, Та не най-шовъ до-ли,

II.

До-лень-кы шу-ка-ты, Та не най-шовъ до-ли,

III.

Е. Л.

Най-шовъ ры-бо-ло-вы, Та не най-шовъ до-ли, Най-шовъ ры-бо-ло-вы.
 Най-шовъ ры-бо-ло-вы, Та не най-шовъ до-ли, Най-шовъ ры-бо-ло-вы.

Запѣвъ. ХОРЪ.
 2. Ры-бо-лов-ци, — хлоп-ци, Вы, доб-ри мо-лод-ци, За-кы-дай-те
 2. За-кы-дай-те

сит-ку Че-резъ бы-отру рич-ку, За-кы-дай-те сит-ку
 сит-ку Че-резъ бы-отру рич-ку, За-кы-дай-те сит-ку

Че-резъ бы-отру рич-ку 3. Та пій-май-те до-лю
 4. Шу-ка ры-ба ра-зомъ
 Че-резъ бы-отру рич-ку. 3. Та пій-май-те до-лю
 4. Шу-ка ры-ба ра-зомъ

В. Л.

Пар-ню мо-ло-до-му. Не пій-ма-лы до-ли, Та пій ма-лы
На дно по-ры-на-е, На дно по-ры-на-е, Со-би па-ру

Пар-ню мо-ло-до-му. Не пій-ма-лы до-ли, Та пій ма-лы
На дно по-ры-на-е, На дно по-ры-на-е, Со-би па-ру

щу-ку. Не пій-ма-лы до-ли, Та пій-ма-лы щу-ку.
ма-е. На дно по-ры-на-е, Со-би па-ру ма-е.

щу-ку. Не пій-ма-лы до-ли, Та пій-ма-лы щу-ку.
ма-е. На дно по-ры-на-е, Со-би па-ру ма-е.

Зап'явъ. Хоръ.

Б. А я, мо-ло-день-кій, До-лень-ки не ма-ю, Тиль-ки ми-ни па-ры,
Тиль-ки ми-ни па-ры,

Що о-че-сы ка-ри, Тиль-ки ми-ни па-ры, Що о-че-сы ка-ри.
Що о-че-сы ка-ри, Тиль-ки ми-ни па-ры, Що о-че-сы ка-ри.

Е. Л.

№ 13. „СТРАСТИ.“

(Духовный стихъ).

м. м. $\text{♩} = \text{св.}$ Умѣренно.

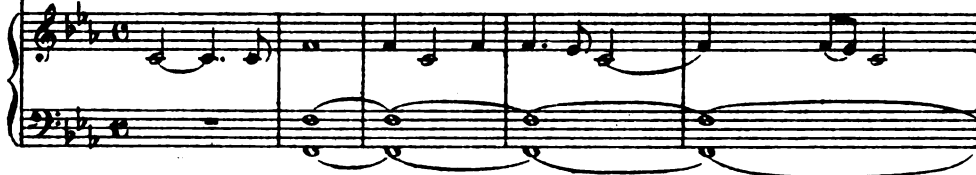
Дер. Столбовыха, Кременчугск. у.

Пѣніе.

Предъ Жы - до - ва за - сму.

Лира.

- щен - на, Вже отъ Хры - ста от - ре - шен

- на, Мат - ка правед - на - я Хры - ста Сы - на. Хо - гятъ Хры -

- ста из - гу - бы - ты!

В. Л.

№14. ОЙ МОРОЗЕ МОРОЗЕНКО.

(Историческая).

Село Денъги, Золотоношск. у.

Энергично. хорь.

Запѣвъ.

I и II

III

IV

1. Ой Мо-ро-зе, Мо-ро-зен-ко, а ты славный ко-за-че, за то-

p *f* *p*

- бо - ю, Мо-ро-зен-ко, у-ся У-кра-и-на пла-че. За то-

f *p*

- бо - ю, Мо-ро-зен-ко, у-ся У-кра-и-на пла-че. 2. Не такъ та-я У-кра-

f *p*

- и-на, Якъ те гор-де-е вѣй-ско, Запла-ка-ла Мо-ро-зыха, а и-дучы на

Е. Л.

ХОРЪ.

Запѣвъ.

ми - сто. Запла - ка - да Мо - ро - зыха, а и - дучына мисто. Та на мисто -

- дучы, а. Якъза - чу - лы ко - за - ченькы, Медьго - рилочку пьючы. Якъза.

ХОРЪ.

Запѣвъ.

чу - лы ко - за - ченькы, Медьго - рилочку пьючы. А Годы, го - ди, Моро - зыхо, Та ко

слышну - жы - ты, Тайды зѣ на мы, ко - за - ка - мы, ме - ду, вына пыты.

№15. ОЙ ГОРЕ ТИЙ ЧАЙЦИ.

(Историческая.)

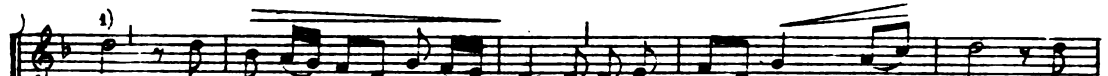
С. Жовнино, Золотоношск. у.

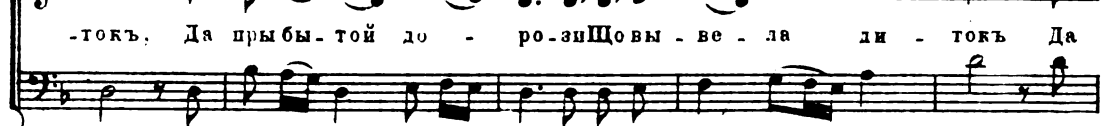
м. м. $\text{♩} = 60$. Медленно.

I. *p*

1. Ой горе тий чайци, Ой горе не бо - зиЩовы - ве - ла ди -

II.

¹⁾ Да прыбы - той до - ро - зиЩовы - ве - ла ди - токъ Да

 прыбы - той до - ро - зи. 2. Чу - ма - кы йі - ха - лы, Ча - еч - ку опу -

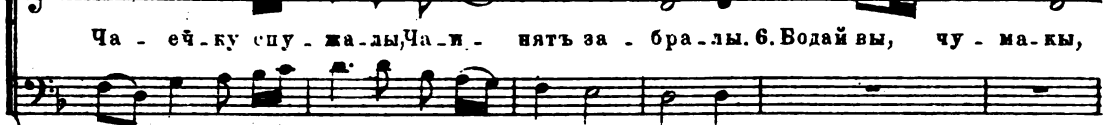

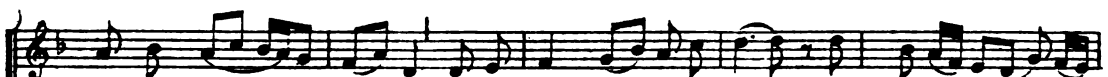
 - жа - лы, Во - ны ча - еч - ку спу - жа - лы Чай - нять за - бра - лы, Во - ны

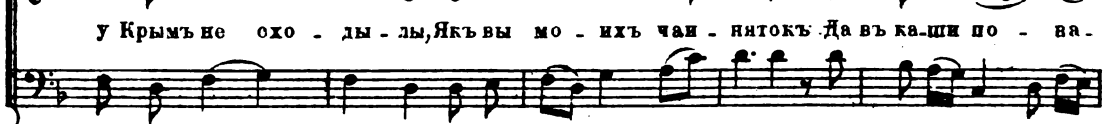

²⁾ Конецъ.

 Ча - еч - ку спу - жа - лы, Ча - нять за - бра - лы. 6. Водай вы, чу - ма - кы,

 у Крымъ не охо - ды - лы, Ягъвы мо - ихъ чай - нятокъ Да въ ка - ши по - ва -

ritard.

 - ры - лы, Ягъвы мо - ихъ чай - нятокъ Да въ ка - ши по - ва - ры - лы.

¹⁾ Знакъ обозначаетъ своеобразное *glissando*, которое часто встрѣчается въ народныхъ пѣняхъ. Годось съ верхней ноты Ре скользаетъ на Дя внизъ, какъ бы напѣваетъ предѣль тетракор - да. Но 2-й куплетъ нотами изображено подобное *glissando*, но, собственно, нотъ проме - жуточныхъ не бываетъ ясно слышно.

²⁾ 3, 4 и 5 куплеты исполняются какъ 2й. Е. Л.

№16. ОЙ ХОДЫВЪ ЧУМАНЪ СИМЪ ГОДЪ ПО КРЫМУ.

(Чумацкая.)

м. м. $\text{♩} = 58.$ дер. Шишаки, Херсонск. у.
ХОРЪ.

I.

Запѣвъ *mf* Та хо - дывъ чу -

II.

1. Ой хо - дывъ чу - макъ та хо - дывъ чу -

III.

p legato ХОРЪ.

- макъ та симъ годъ по Кры - му, симъ годъ по Кры - му. Запѣвъ Слу -

- макъ та симъ годъ по Кры - му, симъ годъ по Кры - му. ³Симъ годъ по Кры - му, Та не олу -

ХОРЪ.

- ча - лось та пры - го - донькы Тапрыгодыё - му, Николюё - му. Запѣвъ Та олу -

- ча - лось та пры - го - донькы Тапрыгодыё - му, Николюё - му. ³Николюё - му, Та олу -

- чыла - ся та пры - го - донька, Да изъ Крыму и - ду - чы, изъ Крымуйду - чы.

- чыла - ся та пры - го - донька, Да изъ Крыму и - ду - чы, изъ Крымуйду - чы.

№17. ВІЕ ВІТЕРЪ.

(Думка.)

Andante. м.м. $\text{♩} = 2$.

Ві-е ві-теръ, ві-е буй-ный, ду-бы на-хи-ля-е,
 Си-дять ко-заць на мо-ги-лі, тай віт-ра — пи-та-е.

№18. ОЙ ЧІЯ ЦЕ ХАТИНКА.

(Шутливая.)

Окоро. м.м. $\text{♩} = 160$.

1. Ой чі-я це ха-тын-ка не-за-ме-те-на-я? Ой чі-я це
 Прип'явъ.
 див-чи-на не-за-пле-те-на-я? Ой ду-ма-ла-я, не-ре-
 ду-ма-ла-я, о-дуръ го-ло-ву бе-ре, та не зна-ю де жи-
 ве. 2. Ой чі-я це ха-тын-ка за-ме-та-ет -
 Прип'явъ.
 ця? Ой чі-я це див-чи-на за-пле-та-ет-ця? Ой (думала я...) и т.д.
 Прип'явъ.
 3. Ой лоп-нуль об-ручъ ко-ло ди-жеч-кы, Див-ча-та мо-и, сы-ро-и жеч-кы. Ой...

Е. Л.

**КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВІТІЯ
ГРУЗИНСКОЙ, КАРТАЛИНО - КАХЕТИНСКОЙ, НАРОДНОЙ ПѢСНИ**

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

нотныхъ примѣровъ и 27 пѣсенъ въ народной гармонизаціи

Д. И. Аракіева.

Краткій очеркъ развитія грузинской, карталино-кахетинской, народной пѣсни.

Посвящается Давиду Захаревичу Сараджеву.

Все, что писалось о грузинской народной музыкѣ въ русской литературѣ, писалось обыкновенно, подразумѣвая все картвельское племя. Но это племя дѣлится на нѣсколько вѣтвей, и такъ какъ каждая вѣтвь, благодаря климатическимъ, географическимъ и другимъ условіямъ, отличается своими болѣе или менѣе индивидуальными особенностями, то, слѣдовательно, и музыка каждой вѣтви по характеру разнится одна отъ другой. Въ виду этого, прежде чѣмъ писать о грузинской народной музыкѣ вообще, нужно было бы изучить каждую вѣтвь этого племени отдѣльно, отмѣтить ихъ особенности, объяснить ихъ, и только тогда, если окажется возможнымъ, выводить общія заключенія.

Всѣ эти довольно многочисленныя вѣтви грузинскаго племени, каковы гурійцы, мингрельцы, сванеты, имеретины, карталинцы, кахетинцы и др., всѣ дѣти одной матери—Грузіи, но какъ каждое дитя отличается отъ другаго характеромъ, привычками и т. п., такъ и среди вышеназванныхъ грузинскихъ народностей мы видимъ въ большей или меньшей степени такія-же различія. Если мы возьмемъ, напр., карталинца или кахетинца и сравнимъ его съ имеретиномъ, то въ характерѣ этихъ двухъ вѣтвей, мало найдемъ общаго. Эти болѣе живы, подвижны; — тѣ, наоборотъ, солидны, положительны, болѣе уравновѣшены. При такой рѣзкой противоположности народнаго характера можно уже заранѣе допустить, что и музыка ихъ должна отличаться и достойна отдѣльнаго изслѣдованія. Я лично имѣю пока въ виду разсмотрѣніе карталино-кахетинской народной музыки, причемъ, въ виду полной аналогіи музыки карталинцевъ и кахетинцевъ, я считаю возможнымъ говорить о той и другой нераздѣльно. Но прежде чѣмъ говорить о ней что нибудь, да позволено мнѣ будетъ для лучшаго уясненія дѣла сказать нѣсколько словъ вообще объ исторіи грузинскаго народа. Эта исторія хотя и будетъ общая для всѣхъ картвельскихъ племенъ, но въ виду того, что Карталинія и Кахетія въ ней всегда выдѣлялись среди другихъ племенъ, то и центръ тяжести главнымъ образомъ падаетъ на эти два племени. ¹⁾

I.

Подъ общимъ названіемъ грузинъ извѣстно все картвельское племя, водворившееся еще за семь вѣковъ до Р. Хр. въ бассейнѣ рѣкъ Куры, Ріона и Чороха и затѣмъ раздробившееся, спустя много лѣтъ по Р. Хр., на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ: Грузію, Имеретію, Мингрелію, Гурію и Сванетію, которыя то

¹⁾ По этимъ вопросамъ я пользуюсь главнымъ образомъ данными изъ статьи А. С. Хаханова: «Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру», въ «Этнограф. Обзор.» вн. XXV.

соединялись, то распадались. Династическія и междоусобныя смуты, воцарившіяся въ этихъ мелкихъ княжествахъ, открываютъ свободный, ничѣмъ незащищенный пропускъ въ глубь страны непрерывнымъ волнамъ иноземныхъ завоевателей, поочередно расхищавшихъ и разорявшихъ Грузію. Поэтому вѣковую жизнь грузинъ, въ смыслѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ, справедливо называютъ мартирологомъ, повѣстью страданій. И едва-ли можно приискать для нея лучшее имя.

Съ тѣхъ поръ какъ исторія замѣтила эту страну, она служитъ центромъ притяженія для многообразныхъ народовъ. Не такъ давно авторъ одной статьи, помѣщенной въ журналъ „Русское Богатство“, говорилъ про Сирію и Палестину, что „трудно придумать такой исторической народъ, который не прошелъ бы по ней войною“. Эти слова вполне приложимы къ Грузіи; дѣйствительно, не было, кажется, такого народа, который-бы не вторгнулся въ эту страну съ огнемъ и мечемъ. Тутъ были ассиріяне, вавилоняне, армяне, хозары, персы, македоняне, греки, римляне, арабы, татары, кавказскіе горцы и турки. Всѣ покушались покорить ее, опустошали ея поля и сады, разоряли города и селенія, рѣзали или забирали въ полонъ жителей. На обнаженныхъ горахъ Карталиніи и среди роскошной растительности Кахетіи и Имеретіи повсюду и донынѣ видны развалины старыхъ башенъ и замковъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ убѣжищемъ во времена вражескихъ нашествій. И едва-ли найдется въ мірѣ страна, гдѣ-бы было столько нѣмыхъ свидѣтелей народныхъ страданій. Въ то время какъ въ позабытыхъ и самою природою замкнутыхъ ущельяхъ Кавказа дичала жизнь невѣдомыхъ міру племенъ, на южной покатоности горнаго хребта древняя Иверія (Грузія) въ продолженіе 14 вѣковъ отстаивала свѣтъ христіанства и цивилизаціи отъ кровавыхъ вторженій язычниковъ и магометанъ.

Съ паденіемъ Константинополя въ XV в. Грузія является въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій единственнымъ христіанскимъ царствомъ въ Азіи. Твердо и убѣжденно отстаивая свою вѣру, грузинскій народъ въ силу сложившихся политическихъ условій долженъ былъ сдѣлаться народомъ крестоносцемъ. „Какъ у рыцаря крестоносца,“ говоритъ одинъ русскій писатель, „вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ исламомъ; болѣе чѣмъ тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантии, то онъ былъ за то неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа“.

Христіанство оторвало Грузію отъ исключительнаго вліянія языческаго Востока и поставило ее подъ благотворное воздѣйствіе христіанскаго Запада. Религіозная рознь разобщила Грузію съ Персіей и поставила въ непрерывныя сношенія съ Византіей, хранительницей священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Многіе изъ грузинъ, посылаемые съ X-го вѣка въ Византію для довершенія тамъ образованія, основывали школы по возвращеніи на родину и знакомили учащихся съ богословіемъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей, съ греческимъ и сирскимъ языками.

Въ началѣ XII ст. въ Грузіи учреждается, по образцу греческой, знаменитая школа Арсенія Икалтосли въ Кахетіи, гдѣ между прочимъ получилъ образованіе гениальный грузинскій поэтъ при царицѣ Тамарѣ—Шота Руставели, авторъ поэмы „Барсова кожа“. Грузинская образованность достигаетъ своего высшаго апогея въ XII ст. въ эпоху царицы Тамары, доставившей Грузіи своими побѣдоносными войнами преобладающее вліяніе во всей Малой Азіи и на Кавказѣ. Вѣкъ ея ознаменованъ дѣятельностью поэтовъ: вышеупомянутаго Шота Руставели, Шавтели и др., и романистовъ: М. Хонели и С. Тмогвели. Легендарная исторія приписываетъ Тамарѣ всѣ замѣчательные архитектурные памятники Грузіи; это—нѣмые свидѣтели величавой эпохи Грузіи.

Съ кончиной царицы все измѣнилось; она какъ будто унесла въ могилу счастливые дни своей родины. По смерти ея обрушивается на Грузію рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій. Въ XIII в. она испытываетъ страшное нашествіе монголовъ, въ XV в. подвергается варварскому нашествію Тамерлана, начало XVII вѣка печально ознаменовано неистовствомъ Аббаса I, шаха персидскаго. Въ XVII ст. Грузія, какъ мячъ, перекидывается изъ рукъ въ руки отъ персовъ къ туркамъ, отъ турокъ къ грузинамъ-же, отъ грузинъ къ персамъ. Въ 1795-мъ году, при царѣ Иракліи II, вторгается въ Грузію персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ, предаетъ все огню и мечу, и наноситъ послѣдній роковой ударъ независимому существованію Грузіи, вошедшей затѣмъ съ первыхъ годовъ XIX ст. въ составъ Россійской имперіи.

Такова печальная судьба Грузіи! Она постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется. Разореніе ея, избіеніе жителей оказываются какими-то обычными, какъ-бы очередными явленіями. Врядъ-ли можно сосчитать случаи возрожденія Грузіи изъ пепла, всѣ кровавые фазисы, въ которыхъ она, такъ сказать, мѣняла свой историческій обликъ. „Много есть грустной поэзіи въ кровавой исторіи; грузинъ ее воспоминаетъ со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемые бѣдствія, дробленіе царства на царства, междоусобія царей и князей, возстанія племенъ на племена и родовъ на роды“. Но среди этихъ мрачныхъ событій исторіи Грузіи имѣетъ нѣсколько и свѣтлыхъ страницъ...

II.

Изъ этого бѣглого обзора вы можете видѣть, какъ трудно было этой народности прожить длинный рядъ вѣковъ спокойной исторической жизнью, какъ съ оружіемъ въ рукахъ приходилось завосвывать себѣ каждый день существованія. И несмотря на все это, какъ мы видимъ и теперь, грузины отстояли свою народность, не утратили своей фizioноміи. Если же мы обратимся къ ихъ музыкѣ, то увидимъ, что она не только не утратила, но, наоборотъ, сохранила всѣ индивидуальныя черты своей фizioноміи.

Музыка грузинъ дѣлится на двѣ главныя категоріи: на музыку церковную и свѣтскую. Церковная музыка въ отличіе отъ свѣтской называется „Галоба“, свѣтская-же „Симгера“, „Шаири“ или „Лекси“. Что касается церковной, то я о ней упомяну только въ общихъ чертахъ; эта область у насъ, можно сказать, не тронута и требуетъ отдѣльнаго, внимательнаго и глубокаго изученія.

Итакъ, прежде чѣмъ приступить къ той или иной категоріи современной музыки, скажемъ сначала нѣсколько словъ о томъ, какова была у грузинъ языческая музыка, и каково было или могло быть ея техническое строеніе.

Чтобы познакомиться съ этимъ вопросомъ намъ нужно обратиться къ обрядамъ, обычаямъ и повѣрьямъ грузинъ. Все это носить на себѣ христіанско-языческой характеръ и многіе изъ обычаевъ сопровождаются пѣніемъ.

Начнемъ съ обычая хожденія грузинъ на богомолье. Хожденіе это совершается въ большіе праздники: Преображеніе Господне, Успеніе Богородицы, Покровъ и др. и въ особенности въ день св. Георгія Побѣдоносца, высоко почитаемаго грузинами. Храмовой праздникъ Георгія всегда привлекаетъ огромную массу народа, собирающагося съ различныхъ мѣстъ, которыя задолго готовятъ, дабы отпраздновать этотъ день наиболѣе торжественно. Съѣзжаются сюда какъ тѣ, которые дали какое-либо обѣщаніе, такъ и другіе, которые дѣлаютъ это просто по традиціямъ. Обѣщаніе

заключается въ слѣдующемъ: если, напр., у грузинъ заболѣлъ кто-нибудь въ семьѣ, то они думаютъ, что на нихъ разгнѣвался какой-нибудь святой, и вотъ, чтобы умиловить его, одни общаются ему помолиться, другіе — принести въ жертву барана или теленка, третьи — сдѣлать столько-то колѣнопреклоненій, или обойти вокругъ храма на колѣняхъ или на четверенькахъ нѣсколько разъ, смотря по обѣщанію, съ надѣваніемъ на шею цѣпей или тяжелыхъ желѣзныхъ ошейниковъ, или же, наконецъ, общаются бодрствовать всю ночь, проводя ее около храма этого святого (по грузински это бодрствованіе называется „гамис тэва“), притомъ спятъ-ли общающій или веселится, это значенія не имѣетъ, а важно, чтобы онъ находился здѣсь, подъ покровомъ святого.

Поѣздка на богомолье.

Прежде чѣмъ исполнить всю эту процедуру, данная семья предварительно спрашиваетъ о причинахъ болѣзни монъ, т. е. лицъ, которые посвятили себя на служеніе св. Георгію и представляютъ изъ себя особый классъ, не признанный только официально. Эти моны и назначаютъ идти на поклоненіе св. Георгію босыми или не босыми ногами, очень часто обязываютъ надѣвать одежду изъ бѣлаго коленкора, мужчинамъ—головной платокъ и затѣмъ что-нибудь въ родѣ рубахи, женщинамъ—платье и платокъ (отсюда и происходитъ особое названіе праздника „тетри Гіорги“ т. е. бѣлый Георгій); далѣе, назначаютъ ношеніе амулетовъ въ продолженіе извѣстнаго времени, приношеніе св. Георгію въ количествѣ нѣсколькихъ копѣекъ, наконецъ, краткое молебствіе. Помимо всего этого непременно посвящаютъ святому барана или молодого быка.

Каждый разъ къ вечеру дня наканунѣ праздника, около пяти часовъ, всѣ собравшіеся толпою, иногда предшествуемые монами, обходятъ церковную ограду три раза съ пѣніемъ въ два хора, большею частью женщинъ. Затѣмъ обходятъ

церковь согласно обѣту или назначенію этой монѣ. Послѣ этого каждый въ отдѣльности приводитъ въ ограду церкви барана съ бутылкою вина, разными печеньями и деньгами въ даръ св. Георгію. Затѣмъ церковно-служитель произноситъ молитву и зажженной восковой свѣчей поджигаетъ шерсть на лбу барана. Баранъ уводится назадъ и закалывается.

Пока такимъ образомъ бараны очищаются, толпа женщинъ и мужчинъ внѣ ограды пляшутъ по одиночкѣ подъ круговую плясовую пѣсню; нѣкоторыя изъ женщинъ впадаютъ въ экстазъ и произносятъ разныя угрозы или своему семейству, или своему сельскому обществу, или всему христіанскому міру за его грѣхи. Такого рода состояніе бываетъ не всегда естественное, но и поддѣльное. Мнѣ лично пришлось наблюдать эту удивительную въ своемъ родѣ картину. Я видѣлъ, какъ одна изъ женщинъ плясала до полного изнеможенія силъ, какъ она вся трепещущая упала на руки женщинамъ и начала бесѣдовать съ самимъ св. Георгіемъ. Въ другой разъ я ее видѣлъ, какъ она вмѣстѣ съ другими женщинами, одѣтыми въ бѣлыя платья, экзальтированная, не ходила вокругъ церковной ограды, а прямо чуть-ли не бѣгала, точно ее влекла какая-то непостижимая сила.

Таковъ одинъ изъ обычаевъ грузинъ, и если мы себѣ представимъ на этомъ самомъ мѣстѣ не церковь св. Георгія, а просто-на-просто капище, то увидимъ сохранившійся яркій остатокъ языческаго праздника, который сопровождался пѣніемъ, и эти пѣсни, очевидно, принадлежали къ обрядамъ языческаго культа. Раньше, вѣроятно, эти пѣсни имѣли иное содержаніе, чѣмъ теперешнія, въ которыхъ поется о св. Георгіи Побѣдоносцѣ, покровителѣ народа.

Музыка этихъ пѣсней характеризуется прилагаемыми №№ 15 и 16 (въ прилож. II). Поютъ ихъ двѣ женщины попеременно съ хоромъ женщинъ.

Такой же языческій остатокъ представляетъ пѣсня Лазаря. Во время непрерывныхъ дождей или засухи, жители того мѣста, гдѣ наблюдается это явленіе, начинаютъ съ какого-нибудь конца процессію. Для этого предварительно дѣлаютъ большую куклу, другими словами идола, кладутъ ее на что-нибудь и поднимаютъ нѣсколько человекъ мужчинъ или женщинъ, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Если бываетъ засуха, то тутъ же этого идола обливаютъ водой и, начиная пѣть, направляются къ другому сельскому обществу, гдѣ, обходя всѣ дворы и обливая идола водой, продолжаютъ пѣть. Къ нимъ присоединяются жители этой деревни, и затѣмъ вмѣстѣ они идутъ къ третьей деревнѣ и т. д. Текстъ пѣсни каждый разъ мѣняется, смотря по тому, что испрашивается—прекращеніе-ли засухи или дождя. Каждое прошеніе начинается, и заканчивается восхваленіемъ Бога словами: „Слава Богу, слава!“ Прошенія же обращаются не прямо къ Богу, а къ пророку Ильѣ, который на своей колесницѣ носится въ облакахъ и распоряжается громомъ, молніей и тучами.

Музыка этого обычая тождественна съ музыкой вышеупомянутаго. Утерявъ ли ея первоначальный мотивъ, или же это значитъ, что оба эти обряда совершались въ честь одного и того же божества, какъ бы то ни было, но мы видимъ, что эти двѣ пѣсни представляютъ яркіе остатки языческой эпохи, что по формѣ онѣ одинаковы, т. е. ихъ поютъ хоръ и два человекъ антифонно, все равно, медленнаго ли движенія эти пѣсни, или быстрого. Пѣсни по объему небольшія и кратки по музыкальной мысли. Все это говоритъ за древность ихъ происхожденія.

Теперь посмотримъ, какова была свѣтская музыка языческой эпохи.

У грузинъ сохранился слѣдующій остатокъ языческой старины. Какъ только въ семьѣ заболѣетъ ребенокъ какой-нибудь инфекціонной болѣзью, напр. оспой, скарлатиной и т. п., то семья, въ которой есть больной, не говоритъ, что у нихъ

оспа, а говорить, что ихъ посѣтили господа, вельможи, т. е. ангелы (по-грузински „батонсби мобдзанднен“), которые, по ихъ повѣрью, будто бы заносить болѣзни съ собою въ домъ. Въ теченіе всего времени, пока лежитъ больной, въ этой комнатѣ не должны ни говорить, ни браниться, ни шить, однимъ словомъ не дѣлать ничего, чтобы этимъ не огорчить ангеловъ. Дѣлать-же все это можно гдѣ нибудь подальше отъ данной комнаты. И наоборотъ, чтобы умиловить ангеловъ, комнату, гдѣ лежитъ больной, украшаютъ цвѣтами, дѣлаютъ изъ толченаго орѣха съ сахаромъ душистую массу, которую зажигаютъ для запаха. Вокругъ комнаты развѣшиваютъ яркія ткани, на столикѣ ставятъ подносы со сладостями. Всѣ стараются быть веселыми и распѣваютъ пѣсню такого музыкальнаго содержанія, какое представляетъ собою нашъ № 17 (въ прилож. II).

Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что въ дохристіанскую эпоху ангеловъ въ этомъ повѣрью замѣняли другія силы, съ введеніемъ же христіанства эти понятія смѣшались и въ такомъ видѣ перешли къ намъ. Къ слову сказать, въ данномъ случаѣ интересенъ еще и тотъ фактъ, что пѣсня безсознательно является какъ-бы орудіемъ медицины, т. е. какъ-бы средствомъ, поддерживающимъ бодрость духа, успокаивающимъ боли, такъ или иначе облегчающимъ страданія ребенка.

А вотъ, напр., погребальная пѣсня, которую поютъ надъ умершимъ, когда онъ еще находится въ домѣ; поютъ при каждомъ новомъ посѣтителѣ, а затѣмъ когда покойника опускаютъ въ могилу. Потомъ еще разъ, поютъ эту пѣсню, когда выходятъ на могилу въ сороковой день, и наконецъ черезъ годъ, когда выходятъ въ третій разъ. Послѣ этого она поется еще въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ 6-го августа, въ день Преображенія, и на второй день Фоминой недѣли, притомъ въ этомъ случаѣ могила покрывается ковромъ, на которомъ въ порядкѣ одѣванія раскладывается одежда умершаго, обувь, головной уборъ, яства и, смотря по тому, кто покойникъ, мужчина или женщина, — нѣкоторыя принадлежности оружія. Надъ украшенной такимъ образомъ могилой тоже оплакиваютъ умершаго. Священникъ послѣ обѣдни совершаетъ краткую панихиду, освящаетъ яства, изъ которыхъ беретъ свою долю, остальное съѣдается присутствующими или раздается нищимъ.

Мелодія этой погребальной пѣсни или скорѣе похороннаго причитанія приведена нами среди прилагаемыхъ пѣсенъ въ прил. II, подъ № 18. Для каждого случая текстъ создается экспромтомъ, и глубина его зависитъ отъ таланта главной плакальщицы. Поется или плачется пѣсня речитативомъ. Эта пѣсня, повидимому, тоже носила отчасти религіозный характеръ. Такимъ образомъ на примѣрахъ подобнаго рода свѣтскихъ обрядовыхъ пѣсенъ мы видимъ тѣсную связь свѣтской музыки грузинъ съ духовною, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ періодѣ. Но мало того, если мы возьмемъ нѣкоторыя наши трехголосныя пѣсни, гдѣ собственно третій голосъ и часто текстъ представляютъ редакцію позднѣйшей эпохи, и если мы отбросимъ у нихъ средній голосъ, какъ напр., въ одной свадебной пѣснѣ (см. прил. I, № 1), то получимъ опять свѣтскую пѣсню по формѣ тождественную съ религіозной. Слова этой пѣсни — „Идемъ и радуемся; возьмемъ краснаго фазана“. Фазанъ, быть можетъ, приносился въ жертву богамъ, какъ пѣтухъ, посвященный Перуну“. Такимъ образомъ, и со стороны текста мы видимъ, что эта пѣсня есть остатокъ языческой старины. Есть другая пѣсня на этотъ же почти мотивъ съ другимъ текстомъ, болѣе современнымъ (см. прил. I, № 2). Если мы болѣе современный текстъ ея замѣнимъ настоящимъ, т. е. свадебнымъ (нѣкоторыя четвертушки только придется при этомъ разбить на восьмыя, какъ выше), то увидимъ, что получится

свѣтская пѣсня языческой эпохи не трехголосная, а двухголосная, если не точно такая же, то во всякомъ случаѣ очень похожая на предыдущую.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ основаніе предполагать что свѣтская языческая пѣсня у грузинъ была тождественна съ религіозной языческой, что она также имѣла небольшой объемъ и большую или меньшую краткость музыкальной мысли и что по формѣ она также одинакова, т. е. поютъ ее хоръ и два человѣка попеременно.

Перейдемъ теперь къ технической сторонѣ вопроса.

III.

Разсматривая техническое строеніе религіозныхъ пѣсенъ, мы видимъ, что одна изъ нихъ (прил. II, № 15), если судить по каденціямъ, находится въ звукорядѣ, напоминающемъ древне-греческій фригійскій ладъ, въ двухголосіи (считая древне-греческія наименованія), другая (№ 16)—древне-греческій іонійскій связный, третья полурелигіозная или погребальная (№ 18)—въ звукорядѣ квинты, которая переходитъ въ октаву восьмизвучнаго звукоряда (когда поетъ вторая женщина), заканчиваясь тоникой первого строя.

Изъ свѣтскихъ пѣсенъ остановимся сначала на дѣтской (прил. II, № 17), первая часть которой въ квинтѣ, вторая модулируетъ на большую секунду внизъ, тоже въ квинтѣ (считая *mi* приставочнымъ, т. е. вспомогательнымъ звукомъ); далѣе, вторая пѣвица начинаетъ прямо съ квинты и переходитъ въ квинту въ первой части (*fa* считается приставочнымъ); во второй части центръ тяжести также падаетъ на квинту. Есть другой вариантъ этой пѣсни, гдѣ вторая часть, когда поетъ вторая пѣвица, переходитъ въ октаву, какъ въ погребальной (это-же отчасти видно и на пѣснѣ за № 19, прил. II).

Свадебная пѣсня (№ 1, прил. I), если *fa* счесть за случайный звукъ, находится въ секстѣ, съ ярко очерченной квинтой. Если мы отбросимъ въ этой пѣснѣ второй голосъ и басъ, то вся она окажется въ дорійскомъ тетракордѣ (считая *fa* опять-таки за случайный звукъ). Если въ остальныхъ произведемъ ту же операцію, то получимъ въ основѣ пѣсенъ или тетракордъ, или пентакордъ, или соединеніе первого со вторымъ, переходящее за предѣлы пятизвучія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что данныя пѣсни языческой эпохи находятся или въ пятизвучныхъ, или въ шестизвучныхъ звукорядахъ, смѣшанныхъ съ восьмизвучными въ двухголосіи.

Конечно, вышеприведенныхъ пѣсенъ мало для того, чтобы представить хотя какую-нибудь картину развитія техническихъ основъ въ грузинской пѣснѣ дохристианскаго періода. Присутствіе тетракорда и пентакорда до нѣкоторой степени показываетъ намъ, что въ отдаленнѣйшую эпоху, когда у грузинъ пѣніе было сольное, эти звукоряды, вѣроятно, исключительно лежали въ основѣ пѣсенъ ¹⁾.

¹⁾ Путешествуя лѣтомъ 1902 г. съ музыкально-этнографической цѣлью, я записалъ одну хороводную женскую пѣсню, которая подтверждаетъ вышесказанное. Пѣсня эта помѣщена ниже въ прил. I, подъ № 3; она построена въ тетракордѣ (звукъ *do* исключаемъ, какъ случайный, т. е. вспомогательный). Здѣсь также уместно будетъ привести пѣсню изъ сборника М. М. Ипполитова-Иванова о Рустемѣ, которая также въ тетракордѣ, если мы выдѣлимъ случайные звуки *ge* и *si* (см. тамъ-же № 4). Въ настоящее время мелодію эту поютъ со словами царевны Кетеваны, старо-же текста о похищеніи Рустема, по словамъ автора, услышать уже нельзя.

и затѣмъ, что грузины, благодаря присутствію этихъ звукорядовъ, находятся въ близкихъ отношеніяхъ къ арійцамъ.

Если теперь можно считать установленнымъ, что у всѣхъ арійскихъ народностей техническая основа была одна и та же, полученная ими отъ праарійцевъ, ¹⁾ то грузинъ, имѣющихъ эту основу, хотя въ болѣе позднѣйшей эволюціи, т. е. въ видѣ звукоряда съ четырьмя звуками въ предѣлахъ кварты ²⁾, нужно признать близкими къ этому племени. ³⁾

Несмотря на такой логическій выводъ, мы, конечно, далеки еще отъ мысли, чтобы утверждать, что грузины принадлежатъ къ арійскому племени, хотя при этомъ не можемъ обойти молчаніемъ еще одного обстоятельства, указывающаго на близость грузинъ къ арійцамъ. За эту близость говорятъ также и нѣкоторые музыкальные инструменты которые аналогичны съ инструментами славянскихъ и др. народностей, напр.: длинная пастушья труба „саквири“ изъ коры дерева, или свирѣль „саламури“, или струнный инструментъ „пандури“. Прототипы всѣхъ этихъ инструментовъ грузины (если ихъ причислить къ арійскому племени), какъ, напримѣръ, и славяне, могли получить изъ одной общей семьи, какою въ данномъ случаѣ являются праарійцы, и если это такъ, тогда легко объясняется, почему, напр., существуетъ бандура у малороссовъ и пандури у грузинъ, пастушья труба и свирѣль у словенцевъ (послѣдняя также у русскихъ и другихъ славянскихъ племенъ), такая же труба и свирѣль у грузинъ. Конечно, возможно, что грузины всѣ вышеупомянутые инструменты могли перенять какъ-нибудь и когда-нибудь и отъ другихъ народностей, но также есть возможность допустить, что они ни отъ кого ихъ не перенимали. Въ общемъ, разумѣется, и данный вопросъ, который, къ слову сказать, является совершенно не изслѣдованнымъ, мы пока тоже не имѣемъ возможности выяснять подробно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, какъ много можетъ дать съ своей стороны интереснаго, такъ и, кстати, дополнить выводы сравнительной музыкальной археологіи и этнографіи вообще. Такимъ образомъ, намъ приходится пока отложить до будущаго, за недостаткомъ матеріала, болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса какъ о тетрахордѣ, пентакордѣ и другихъ звукорядахъ въ древнѣйшей грузинской народной музыкѣ, такъ и объ обще-арійскихъ инструментахъ.

А теперь перейдемъ къ грузинской музыкѣ христіанской эпохи.

IV.

Какъ извѣстно, Грузія послѣ принятія христіанства (въ IV в.) начала дѣятельно перенимать христіанскую цивилизацію. Въ Сиріи, Палестинѣ, на Афонѣ были основаны грузинскіе монастыри и при нихъ школы, которые способствовали какъ распространенію цивилизаціи, такъ и большому укрѣпленію христіанской религіи. Въ этихъ же монастыряхъ между прочимъ переписывались и всевозможныя руко-

¹⁾ См. выдающуюся работу по этому вопросу проф. В. И. Петра. «О мелодическомъ складѣ арійской пѣсни». («Рус. Муз. Газета», 1897-й г.).

²⁾ Есть-ли дихорды и трихорды въ грузинскихъ пѣсняхъ, сказать пока ничего не могу, за исключеніемъ развѣ того, что инструментъ пандури у грузинъ имѣетъ три струны, настроенныхъ въ б. или м. терцію и б. секунду, т. е. въ трихордѣ въ квартѣ.

³⁾ Что касается племенного родства картвеловъ. т. е. грузинъ, съ другими народами, то лингвистика пока выдѣляетъ ихъ въ самостоятельную группу—иверійскую, не имѣющую родства ни съ арійскимъ, ни съ семитическимъ, ни съ туранскимъ племенами.

писи религиознаго характера. Отсюда-же въ первое время могли распространяться и пѣснопѣнія. Музыка, ко времени принятія грузинами христіанства, какъ извѣстно, во всѣхъ христіанскихъ церквахъ переживала періодъ особеннаго подъема. Такъ, Василій Великій трудится и бесѣдуетъ о пѣніи въ Кесаріи Малоазійской, св. Іоаннъ Златоустъ благоустраиваетъ пѣніе церкви Константинопольской, Ефремъ Сиринъ—въ Сиріи Палестинской, Аванасій Великій—въ церкви Александрійской, св. Амвросій въ церкви Миланской. Въ первомъ вѣкѣ антифонное пѣніе, установленное св. Игнатіемъ Богоносцемъ въ Антиохіи, принимаетъ право гражданства во всѣхъ христіанскихъ церквахъ; съ этого времени разрабатывается осмогласное пѣніе, благоустраивается все чинопослѣдованіе христіанской церкви ¹⁾. Такимъ образомъ грузинская церковь на первыхъ порахъ имѣетъ уже возможность получить и антифонное пѣніе и начало осмогласія ²⁾. Это пѣніе, новое по формѣ и содержанию, вноситъ въ грузинское музыкальное народное творчество новую струю, которая совершенно видоизмѣняетъ его музыкальную фیزیономію ³⁾. Сравнивая это пѣніе съ языческимъ, мы видимъ, что между ними общаго ничего нѣтъ, да и не можетъ быть, такъ какъ христіанская музыка выработала свой собственный языкъ, свой способъ выраженія.

Такимъ образомъ, съ водвореніемъ христіанства, для грузинскаго народнаго музыкальнаго творчества наступаетъ новая эра. Особый характеръ христіанской музыки, свойственный только христіанской церкви, проходитъ красной нитью чрезъ остальные стадіи развитія пѣсни; но какъ бы ни было сильно вліяніе церкви, все-таки она не въ состояніи окончательно сломить глубоко коренящіяся въ народѣ языческіе обычаи и уничтожить сопровождающія ихъ пѣсни. Послѣднія не только продолжаютъ существовать, но и развиваются.

Существуетъ нѣсколько мнѣній относительно полученія грузинами пѣснопѣній. Одни говорятъ, что грузины получили церковное пѣніе изъ Византіи, другіе — изъ Палестины, третьи—изъ Антиохіи. Не настаивая ни на одномъ изъ этихъ мнѣній, мы скажемъ, что откуда бы грузины ни получили первоначально свои пѣснопѣнія, вездѣ эти пѣснопѣнія по существу своему были одинаковы, такъ какъ христіанская музыка у всѣхъ народовъ выражала одно настроеніе — „смирннаго благоговѣнія“ и „благоговѣнной радости“. Была ли она древне-греческой, или древне-еврейской, или совершенно новой, мы пока не беремся судить, но что она первоначально для всѣхъ церквей была одинакова, въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться.

Существуетъ мнѣніе, что будто-бы у грузинъ съ водворенія христіанства были пѣснопѣнія многоголосныя. Такое мнѣніе болѣе чѣмъ странно. Какъ это могло случиться, когда въ христіанской церкви первыя попытки многоголосія явились только въ X ст.? Откуда бы грузины могли получить его? Свидѣтельства св. Отцовъ, по крайней мѣрѣ, тоже говорятъ намъ объ одноголосіи въ древнѣйшей христіанской церкви. Да, наконецъ, если бы мы все это оставили въ сторонѣ и обратились прямо къ нашимъ пѣснопѣніямъ, то и они бы, собственно говоря, засвидѣтельствовали намъ совершенно противоположное. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая наши пѣсно-

¹⁾ Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Свящ. В. Металлова, стр. 13.

²⁾ Съ VI-го Вселенскаго Константинопольскаго собора Мцхетская церковь въ Грузіи признана автокефальной, равной по достоинству съ каеолическими и патриаршими церквами. (Очерки по исторіи груз. слов. т. I стр. 145. А. С. Х а х а н о в а).

³⁾ Что это пѣніе для грузинъ было новое, въ этомъ сомнѣній быть не можетъ, такъ какъ грузины - язычники не могли пѣть псалмовъ Давида или ветхозавѣтныхъ гимновъ, а тѣмъ болѣе распѣвать гласы. Все это могло войти въ Грузію только съ христіанствомъ.

пѣнія, которыя въ общемъ представляютъ несомнѣнно значительную древность, хотя они и трехголосны, мы видимъ, что крайніе голоса въ нихъ очень часто поютъ въ унисонъ, а средній или диссонируетъ, или поетъ въ терцію верхняго голоса. Отбросивъ этотъ средній голосъ мы получаемъ ни болѣе ни менѣе, какъ октаво-квинтное пѣніе (см. № 5, прил. I).

Это октаво-квинтное пѣніе заставляетъ предположить, что въ первыя времена христіанства у грузинъ пѣніе было общее по характеру со всѣми христіанскими церквами. Мелодіи, вѣроятно, или переходили оттуда въ Грузію, или-же, что еще болѣе вѣроятно, свои же подвижники, жившіе въ Иерусалимскомъ, Аѳонскомъ и др. монастыряхъ, могли сами сочинять свои пѣснопѣнія по обще-принятому тогда складу. Съ теченіемъ времени народный духъ могъ націонализировать эти мелодіи, и въ такомъ видѣ онѣ могли послужить формой для дальнѣйшаго сочиненія. Не забудемъ при этомъ, что распространители христіанской религіи, для того, чтобы болѣе укрѣпить ее, не прочь были иногда перенести въ христіанскіе обряды гимны языческихъ обрядовъ, такъ какъ напѣвы послѣднихъ были болѣе близки народу, чѣмъ чуждые ему напѣвы христіанскихъ пѣснопѣній, и наоборотъ, если примѣняли христіанскія пѣснопѣнія, то не прочь были примѣнять ихъ къ языческимъ обрядамъ и пѣснямъ, какъ къ наиболѣе любимымъ и почитаемымъ формамъ. Это не могло не имѣть огромнаго значенія, и нѣкоторыя пѣсни показываютъ намъ, что въ этомъ родѣ смѣшенія дѣйствительно происходили. Вотъ, напр., пѣсня (прил. I, № 6) съ текстомъ, если не языческой эпохи, то во всякомъ случаѣ древнимъ („Доудзахе, доудзахе патардзало! Джу, джу, джу, джу!“), съ музыкой церковнаго характера, хотя болѣе позднѣйшаго развитія. А вотъ еще пѣсня (тамъ-же, № 7) съ такимъ же текстомъ, но съ музыкой, по нашему мнѣнію, болѣе древней („Вай шен чемо тетро бато“). Такихъ примѣровъ можно привести много. Эти пѣсни тоже трехголосныя, но если мы во второй пѣснѣ отбросимъ средній голосъ, то увидимъ ясно, что эти пѣсни были церковными октаво-квинтными пѣснопѣніями. Такимъ образомъ, работали пѣсни церковно-свѣтскаго и чисто-церковнаго характера, но со свѣтскимъ текстомъ, о которыхъ будемъ говорить ниже.

Теперь является вопросъ, откуда и какимъ образомъ явилось у грузинъ многоголосіе въ музыкѣ? Многоголосіе или, скорѣе, трехголосіе въ церковной музыкѣ грузинъ мы объясняемъ себѣ такимъ образомъ: X и XI вѣка являются эпохами возрожденія Грузіи. Въ эту эпоху промышленность и земледѣліе всюду находятъ поощреніе; народонаселеніе умножается. Архитектурные памятники во множествѣ покрываютъ доли и выси; знаменитѣйшіе изъ нихъ—храмъ въ Кутаисѣ, надъ которымъ трудились лучшіе художники Греціи. Число городовъ и укрѣпленій увеличивается, свѣтское и духовное образованіе движется впередъ. Молодые люди отправляются въ Грецію для образованія. Для просвѣщенія государства вызываются изъ обители Иверской Іоаннъ Хахульскій, прозванный Златоустомъ своего времени, Іоаннъ Патрикій, переводчикъ Платоновой и Аристотелевой философіи¹⁾. Однимъ словомъ, повсюду движеніе, жизнь. Все это не могло не отразиться и въ музыкѣ, и мы думаемъ, что это развитіе и усложненіе различныхъ явленій жизни отразилось именно появленіемъ третьяго голоса въ пѣснопѣніяхъ.

Что касается свѣтской музыки, то тамъ, по нашему мнѣнію, трехголосіе явилось гораздо раньше. Свѣтская пѣсня не находилась въ такихъ стѣснительныхъ условіяхъ, какъ церковная; ее не нужно было оберегать отъ иновѣрцевъ и относиться

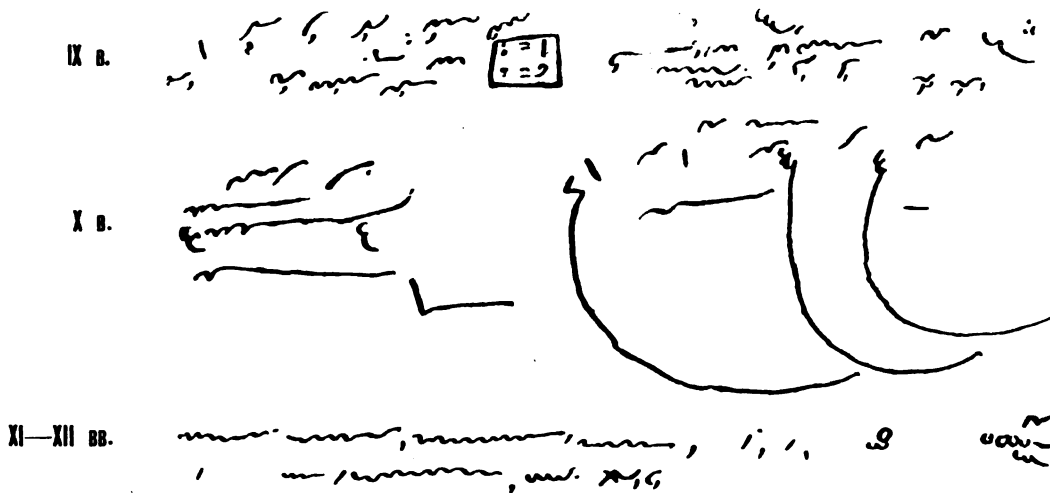
¹⁾ Изъ «Историческаго обозрѣнія Грузіи», Головина, стр. 55—60.

къ ней такъ консервативно. Религія и ея музыка тщательно охранялись отъ всякаго наслоенія, чтобы эти наслоенія не подорвали религіозныхъ основъ. Свѣтская - же музыка была предоставлена самой себѣ, и ей достаточно было дожить до первой-же эпохи могущества Грузіи, до первой эпохи подъема, на примѣръ, до эпохи царя Вахтанга Гургъ-Аслана, какъ она должна была, мнѣ кажется, сдѣлаться трехголосной. Пѣсни языческой формы, исполняемыя не однимъ лицомъ, а двумя попеременно, т. е. болѣе сложно съ первымъ и вторымъ голосами, свидѣтельствуютъ, собственно, о такомъ историческомъ явленіи, хотя опять-таки съ точностью не обозначаютъ эпохи и этимъ заставляютъ насъ пребывать пока въ области гипотезъ. Но нужно полагать, когда запишутся еще такого рода пѣсни, а пока ихъ записано всего нѣсколько, то тогда, быть можетъ, прольется свѣтъ и на этотъ вопросъ, и намъ не придется блуждать то въ предположеніяхъ, то въ полномъ невѣдѣніи.

Однако возвратимся къ церковной музыкѣ. Многоголосіе въ церковной музыкѣ, явившись, вѣроятно, въ X ст. въ Грузіи, невольно заставляетъ думать, не получили ли грузины его какъ-нибудь изъ Европы, тѣмъ болѣе, что тамъ какъ разъ въ это-же время явились попытки создать многоголосіе. Сравнивъ наши пѣснопѣнія съ пѣснопѣніями Зап. Европы X-го вѣка, мы видимъ однако, что тутъ общаго совѣтъ мало. Тамошняя музыка состоитъ изъ нотъ одинаковой ритмической длительности, у грузинъ-же она совершенно свободна. Обиліе кварть и квинтъ, хотя и напоминаетъ блуждающій органъ, но все-таки съ музыкой европейской общаго имѣетъ немного. Наоборотъ, своеобразная эволюція нотныхъ знаковъ, или невмъ, переходъ пѣснопѣній изъ двухголосія въ трехголосіе лишній разъ только подтверждаютъ, что

Древне-грузинскіе нотные знаки (невмы).

(Займств. изъ Грузинской «Утрени», изд. свящ. В. Г. Карбелова).

Греческіе нотные знаки (невмы).

(Займствов. отгуда-же).

—, 3, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

грузины хоть и медленно, но, повидимому, шли своимъ путемъ. Конечно, все это ничто въ сравненіи съ западно-европейской музыкой. Тамъ, напр., блуждающій органъ послужилъ краеугольнымъ камнемъ для „великолѣпнаго позднѣйшаго зданія полифонической музыки“, хотя нужно сказать, что тамъ надъ возведеніемъ этого зданія трудились цѣлыя поколѣнія музыкантовъ, которые или изгоняли всѣ неблагозвучія въ музыкѣ, или устанавливали законы ихъ благозвучнаго употребленія, или же ритмическую сторону. Затѣмъ, чтобы получилось „великолѣпное зданіе, понадобилась эпоха Гуманизма и Реформаціи. У насъ же ничего изъ этого не имѣло мѣста, потому что не было ни музыкантовъ теоретиковъ, ни такихъ музыкальныхъ дѣятелей, какъ св. Амвросій или папа Григорій Великій, которые съ большой энергіей двигали дѣло музыкальнаго просвѣщенія. У насъ хотя и были очень видныя музыканты, какъ напр. св. Михаилъ Модрекили въ X ст., но вся ихъ дѣятельность заключалась не въ разработкѣ теоріи музыки, а просто въ собираніи и записываніи пѣснопѣній, и съ этой стороны ими оказаны большія услуги національной музыкѣ. Однимъ словомъ, нашу церковную музыку постигла та же участь, что и русскую: красивыя и очень характерныя сами по себѣ церковныя пѣснопѣнія „остались незыблемыми въ своей первобытной простотѣ, не положивъ начала свободному искусству“, и если съ ними за все это время и произошло какое-либо измѣненіе, такъ развѣ только то, что многія пѣснопѣнія приобрѣли большую благозвучность и затѣмъ средній голосъ во многихъ изъ нихъ сталъ болѣе независимъ. Онъ уже не только вторитъ, но вторя въ то же время играетъ болѣе самостоятельную роль. Такая, впрочемъ, сплошная благозвучность касается главнымъ образомъ краткихъ пѣснопѣній (хотя и то не всегда), каковы: „Господи помилуй“, „Аминь“ и т. п.; если же мы возьмемъ тексты по содержанію длиннѣе, то пѣснопѣнія большей частью будутъ благозвучны только въ началѣ, дальше-же и они почему-то теряютъ эту гармонію. Въ общемъ „незыблемость“ явилась результатомъ какъ историческихъ условій, такъ отчасти и консерватизма духовенства, не допускавшаго, какъ мы выше говорили, никакихъ постороннихъ наслоеній.

Наши пѣснопѣнія всѣ строго діатоническія и всѣ въ различныхъ звукорядахъ, тождественныхъ, если судить по каденціямъ, съ западно-европейскими церковными ладами вообще. Если принять во вниманіе, что грузины вмѣстѣ съ христіанствомъ получили и осмогласіе, то въ сходствѣ этихъ каденцій ничего не будетъ удивительнаго. Осмогласное пѣніе указываетъ намъ, откуда грузины получили и свои техническія основы ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ насколько эти основы уклонились въ грузинскомъ пѣніи отъ своего первоначальнаго типа, т. е. одноголоснаго. Въ общемъ здѣсь является въ высшей степени интересный вопросъ, поскольку гласы-лады у грузинъ отклонились отъ гласовъ-ладовъ Восточной и Западной церкви и получили благодаря трехголосію свои особенности; но этотъ вопросъ, оставаясь самъ по себѣ весьма интереснымъ, не даетъ намъ пока возможности коснуться его подробно. Такимъ образомъ, все что сейчасъ еще можно добавить о нашихъ пѣснопѣніяхъ, это—то, что отъ всѣхъ ихъ вѣетъ стариной, строгостью и величавымъ спокойствіемъ. Видно, что люди, создавая ихъ, не связывали себя ни съ какими теоретическими расчетами.

Такова въ общихъ и только самыхъ общихъ чертахъ грузинская церковная карталино-кахетинская народная музыка. За недостаткомъ мѣста привожу въ приложеніи минимальное количество примѣровъ для иллюстраціи развитія пѣснопѣній

¹⁾ Установившееся осмогласіе грузины могли получить, конечно, отъ Греко-восточной православной церкви.

отъ болѣе простыхъ формъ до болѣе сложныхъ. (См. № 8 a-b-c-d-e въ прил. I). Желаящихъ же болѣе подробно ознакомиться отсылаемъ къ сборникамъ вышеупомянутыхъ авторовъ и другихъ.

Перейдемъ теперь къ свѣтской народной музыкѣ.

V.

Свѣтская народная музыка не осталась такой незыблемой, какъ духовная, а постепенно росла, подвигаясь впередъ. Но, съ водвореніемъ христіанства, для нея также наступаетъ новая эра, такъ что она тоже принимаетъ другую форму и другой характеръ. Выше мы говорили, что распространители христіанства, для большаго укрѣпленія религіи, не прочь были иногда замѣнять языческія пѣсни христіанскими пѣснопѣніями, причемъ мы приводили примѣры мелодій церковнаго характера съ свѣтскими текстами. Эта замѣна, нужно полагать, и послужила тому, что создались новыя формы пѣсенъ, которыя подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій принимали одно направленіе, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ—другое.

Пѣсни, созданныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, носятъ характеръ церковно-свѣтскій и принадлежатъ къ категоріи „длинныхъ“, по складу—старинныхъ, торжественныхъ пѣсенъ. Среди нихъ есть какъ застольныя, такъ и бытовыя, рождественскія, пасхальныя, свадебныя и др., всѣ одного и того же характера, именно торжественнаго. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ языческими свѣтскими пѣснями, и связующимъ звеномъ между ними можетъ служить лишь развѣ то, что какъ въ свѣтскихъ поетъ хоръ и два человѣка, такъ и здѣсь, съ тою только разницею, что тамъ обязательно поютъ попеременно, здѣсь-же то попеременно, то соединяясь вмѣстѣ. Впрочемъ, если судить по партіямъ вторыхъ голосовъ, т. е. хора, въ нѣкоторыхъ языческихъ пѣсняхъ, то есть большое сходство въ басу, но и только. Такимъ образомъ, если сольные попеременные съ хоромъ пѣсни мы предположительно примемъ за вторую стадію ¹⁾, попеременные съ двумя—за третью, то настоящая категорія пѣсенъ будетъ составлять четвертую стадію, которая сама по себѣ имѣетъ нѣсколько ступеней развитія, что доказываютъ, напр., модуляціи въ пѣсняхъ. Орывки модуляцій мы приводимъ изъ одной бытовой пѣсни. (См. прил. I, № 9).

Музыка этихъ старинныхъ пѣсенъ, имѣя торжественный характеръ, показываетъ намъ, что пѣсни подобнаго рода были созданы тогда, когда народъ еще жилъ полной, интенсивной, болѣе самобытной жизнью. Конечно, указать съ точностью, когда именно онъ ихъ создалъ, мы затрудняемся за неимѣніемъ точныхъ данныхъ. Въ видѣ предположенія можно высказать, что этотъ видъ пѣсни могъ появиться къ началу XII-го золотого вѣка, т. е., по выраженію историковъ, къ эпохѣ „величайшаго могущества извнѣ и широкой государственной жизни внутри“ въ Грузіи. Образецъ такой пѣсни въ полномъ видѣ мы приводимъ изъ нашего собранія въ прил. II, за № 27.

Такого-же стариннаго склада являются пѣсни второго вида, чисто церковнаго характера, развившіяся, какъ мы сказали, въ неблагопріятныя эпохи. Онѣ указываютъ на тѣ времена, когда пѣсня находилась подъ исключительнымъ вліяніемъ церкви. Выдѣляясь своею исключительной церковностью и имѣя, благодаря этому, болѣе неразрывную связь съ церковной музыкой, чѣмъ со свѣтской, онѣ принад-

¹⁾ Въ первой стадіи, разумѣется, у насъ были-бы одноголосныя пѣсни, если-бы мы о нихъ говорили.

лежать къ совершенно отдѣльной категоріи. Мы ниже возвратимся еще къ нимъ и объяснимъ, почему развитіе ихъ относимъ къ неблагоприятнымъ эпохамъ, а пока перейдемъ къ пятой стадіи развитія пѣсенъ.

Пѣсни этой дальнѣйшей, т. е. предполагаемой пятой стадіи, какъ по формѣ, такъ и по музыкальному содержанію совершенно отличаются отъ предыдущихъ. Форма ихъ въ сравненіи съ тѣми совсѣмъ короткая. Насколько эта стадія отличается отъ предыдущей, видно по самымъ пѣснямъ, которыя совсѣмъ новы по музыкѣ, богаты въ сравненіи съ тѣми и съ ритмической стороны (въ смыслѣ подвижности), и по тексту. Въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ той протяжности, торжественности, какъ въ пѣсняхъ предыдущей категоріи; онѣ болѣе живы, подвижны. Примѣромъ можетъ служить пѣсня № 24 нашего собранія, въ приложеніи II.

Не смотря на то, что эта категорія пѣсенъ хотя и отличается по всему отъ предыдущей, она всетаки не порываетъ связи съ ней окончательно; характерный интервалъ малой септимы (отъ баса въ среднемъ голосѣ) въ пѣсняхъ предыдущей стадіи и здѣсь, при всей краткости пѣсни, остается характернымъ и служитъ какъ-бы связующимъ звеномъ между этими двумя группами пѣсенъ. Нужно сказать, что эта малая септима служитъ именно какой-то особенно характерной чертой, характерной настолько, что ее приобрѣтаютъ нѣкоторыя и болѣе раннія пѣсни въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, какъ это мы видимъ на 14-мъ примѣрѣ въ нотахъ подъ буквою с (прил. I).

Этой характерной черты мы, напр., совсѣмъ уже не видимъ въ пѣсняхъ еще одной группы, которую назовемъ послѣдней, примѣромъ каковыхъ можетъ служить прилагаемая пѣсня нашего собранія № 25 (прил. II). Представляетъ-ли эта послѣдняя группа 6-ю стадію развитія пѣсни, или чисто мѣстную разновидность предшествующей, говорить пока съ увѣренностью не будемъ. Скажемъ только, что эти пѣсни очень близки по формѣ къ только-что характеризованнымъ и появились, вѣроятно, въ одно и то-же время. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно однако то, что появленію этой формы, какъ и предыдущей, должны были содѣйствовать новыя времена, новыя вѣянія, которыя глубоко захватили народъ и повліяли на его психологію. Иначе никакъ нельзя объяснить появленія новыхъ формъ пѣсенъ.

На этотъ разъ мы имѣемъ возможность до нѣкоторой степени опредѣлить происхожденіе пѣсни хотя-бы на этой послѣдней стадіи развитія, т. е. пѣсни безъ малой септимы. Въ сборникѣ г. Каргаретели есть одна такая пѣсня. Эта пѣсня съ двумя различными текстами, не имѣющими между собой никакой логической связи. Такія соединенія текстовъ въ грузинскихъ пѣсняхъ не рѣдкость, и мы ниже будемъ говорить объ этомъ. Первый текстъ выражаетъ „безсмертную мощь царя Ираклія“, который „хотя лежитъ въ гробу, но живъ въ сердцахъ народа. Передавая наслѣдникамъ окровавленный мечъ, онъ завѣщаетъ имъ охранять родину и ся религію“. Второй текстъ глубокаго, чисто субъективнаго характера, заключаетъ обращеніе къ Животворящему Кресту, чтобы онъ излилъ свою благодать на изстрадавшуюся душу просящаго. Этотъ второй текстъ, благодаря своему чисто субъективному характеру, мало подходит къ хоровой пѣснѣ; вѣроятно, это была какая-нибудь сольная пѣсня, мелодія которой, можетъ быть, существуетъ и теперь. Первый же текстъ вполне объективенъ и подходит къ ней. Такимъ образомъ, текстъ намъ указываетъ на эпоху наслѣдниковъ царя Ираклія II, т. е. на конецъ XVIII-го и начало XIX-го столѣтія. Если же мы возьмемъ XVIII-й вѣкъ, который послѣ многолѣтнихъ бѣдствій былъ ознаменованъ, съ одной стороны, культурнымъ подъемомъ Грузіи, съ другой, временнымъ возрожденіемъ политической мощи при царѣ Иракліи II-мъ, то

увидимъ достаточный факторъ для появленія новой стадіи развитія пѣсни. Времена же, дѣйствительно, были новыя. Въ эту эпоху, какъ уже указано историками, зарождалась новая школа подъ вліяніемъ русской схоластической образованности, переводились сочиненія европейскихъ писателей (Вольтера, Монтескье, Расина, Вольфа и др.), кодифицировалось право, опредѣлялся административный строй и система налоговъ, заводилась типографія, и т. п. Такимъ образомъ, имѣя подъ руками достаточный матеріалъ, можно не только устанавливать время происхожденія новыхъ формъ пѣсенъ, но можно было-бы на основаніи изученія пѣсенъ представить въ общихъ чертахъ картину историческаго развитія грузинскаго народа, его постепеннаго роста. Текстъ и музыка пѣсенъ въ данномъ случаѣ могли-бы служить драгоценными показателями того, какъ жилъ народъ, какъ чувствовалъ, какъ развивался. Пѣсня явилась-бы выразительницей какъ его общаго настроенія, такъ и умственнаго и нравственнаго развитія.

Мы ничего не говорили о группѣ полевыхъ рабочихъ пѣсенъ, которыя представляютъ какъ-бы отдѣльную группу древнихъ пѣсенъ, о которой скажемъ ниже, а затѣмъ о деревенскихъ сольныхъ, которыя теперь собственно не представляютъ какой-либо новой формы, такъ какъ раньше имѣли свой прототипъ. Въ свое время, когда у насъ соберется весь матеріалъ, мы, говоря о музыкѣ другихъ грузинскихъ вѣтвей, скажемъ подробно и о сольной пѣснѣ. А пока будемъ идти въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ начали, и скажемъ относительно того, что всѣ упомянутыя стадіи пока создаетъ деревня, городъ-же въ свою очередь функционируетъ, имѣя персидско-арабо-грузинскія и грузино-европейскія пѣсни, причемъ послѣднія представляютъ уже продуктъ вліянія на грузинъ Европы, особенно Россіи.

VI.

Переходя къ болѣе подробному разбору свѣтскихъ пѣсенъ, раздѣлимъ грузинскую народную свѣтскую музыку на музыку города и деревни. Начнемъ съ первой и постараемся ее представить по возможности подробно. Разсматривая музыку городскихъ грузинъ, мы видимъ, что она состоитъ изъ нѣсколькихъ категорій. Къ первой категоріи принадлежатъ: хоровыя, довольно пошлыя шарманочныя пѣсни, какъ, напр.: „Сулико“, „Ах мезурнэ“, „Оделіа нануни“, разныя „Мравалжаміер“ и т. п., которыя тормозятъ всякое эстетическое развитіе народа. Это продуктъ самаго послѣдняго времени. Городъ Тифлисъ, бывшая столица Грузіи, есть центръ этой музыки; оттуда она распространяется во всѣ грузинскіе города и веси, и главнымъ образомъ въ дома дворянъ, князей. Войдите вы въ любую деревню Карталиніи, въ домъ дворянина или князя, или вообще въ какой-нибудь интеллигентный домъ, и вы вмѣсто родной пѣсни услышите какую-нибудь прелесть въ духѣ шарманки, итальянщины, въ соединеніи съ персидскими руладами. Эта струя теперь до такой степени сильна, что она проникла въ народъ, и, по истеченіи нѣкотораго времени, надо полагать, она вытѣснитъ окончательно самобытную музыку. Помимо этихъ пѣсенъ, есть еще пѣсни грузино-европейскаго характера, съ модуляціями и каденціями, представляющія разработку разныхъ музыкантовъ. Эти не отличаются пошлостью и выдаются нѣкоторыми лицами за чисто грузинскія, не тронутыя.

Вторая группа городской музыки будетъ такъ наз. „восточная“, которая распѣвается всѣми городскими обывателями, начиная съ дѣтей и кончая стариками, какъ въ простой средѣ, такъ и дворянской и княжеской, у послѣднихъ иногда съ

Грузинская княгиня.

аккомпаниментомъ персидскихъ инструментовъ. Эта восточная, исключительно сольная музыка представляетъ изъ себя результатъ соединенія персидской (съ увелич. секундой и персидскими синкопо-мелизмами, затѣмъ безъ увелич. секунды, но съ этими-же мелизмами), арабской (съ арабскими мелизмами¹⁾, и музыки другихъ народовъ, разорявшихъ Грузію. Какъ побѣдители, занимая мѣста въ центрахъ Грузіи, т. е. въ городахъ, они вводили и свои порядки, и свои обычаи, и свою музыку, и все что угодно. Когда Грузія освобождалась отъ нихъ, то насажденное ими само собою оставалось и перерабатывалось. Такимъ образомъ получилась городская персо-арабо-грузинская музыка, иногда съ очень красивыми мелодіями, къ числу которыхъ принадлежатъ: „Ах мтварев, мтварев“, мотивы „Таво чемо“, „Агмарт, агмарт“ и др. съ текстами популярныхъ грузинскихъ поэтовъ.

Часто попадаются мелодіи чисто персидскія, иногда осетинскія (въ лезгинкахъ) и др. Въ княжеской средѣ мнѣ приходилось слышать музыку чисто персидскаго характера и наблюдать особенную любовь вообще къ этого рода музыкѣ. Эту любовь я объясняю остаткомъ того времени, когда Персія приобрѣла наибольшую степень вліянія на Грузію при царяхъ-магометанахъ, ставленникахъ Персіи въ XVI и XVII вѣкахъ, „когда не только царскій дворъ, окруженный необыкновенной роскошью, сталъ подражать персидскимъ обычаямъ, но, въ угоду шаху, насажденіе персидскихъ нравовъ производилось силою оружія“.

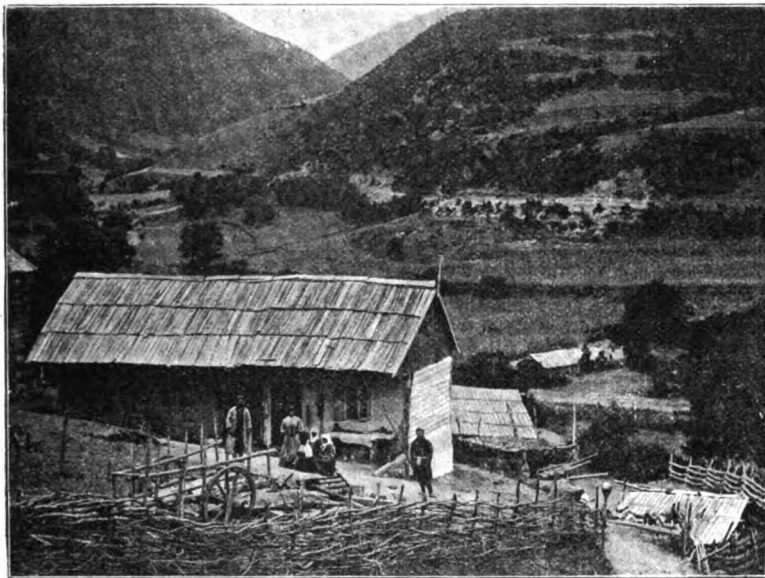
Остается сказать о третьей и послѣдней категоріи городскихъ пѣсенъ—о грузино-европейскихъ, созданныхъ въ самое послѣднее время. Къ числу ихъ принадлежатъ: одинъ изъ вариантовъ „Ортав твалис синатле“, „Мкртали натэли“ и др. Онѣ изобилуютъ форшлагами и группеттами полуевропейскаго, полуарабскаго стилей. Нѣкоторые почтенные музыканты, какъ напр. А. Н. Корещенко, отбрасывая форшлагги въ этихъ пѣсняхъ, считаютъ ихъ за подлинныя грузинскія мелодіи, но, по моему мнѣнію, характеръ и обороты этихъ пѣсенъ убѣждаютъ въ противномъ. Однако является вопросъ—неужели у городскихъ грузинъ не было своей музыки? По нѣкоторымъ записаннымъ г. Ипполитовымъ-Ивановымъ пѣснямъ видно, что она была, но только по своему строенію она должна считаться происхожденія болѣе или мѣнѣе поздняго²⁾. Примѣры см. въ прил. I, подъ №№ 10—13.

¹⁾ Относительно послѣдней трактуемъ по толкованію М. М. Ипполитова-Иванова (см. «Груз. народн. пѣсня и ея современное состояніе». Журн. «Артистъ» № 45), такъ какъ сами отъ арабовъ не слышали.

²⁾ Мы думаемъ въ свое время еще разъ коснуться этого вопроса, чтобы разобрать болѣе подробно, что принадлежитъ персамъ, арабамъ, европейцамъ, и что собственно грузинамъ.

VII.

Въ общемъ нужно сказать, что пѣсни всѣхъ перечисленныхъ категорій интеллигентная Грузія выдаетъ за чисто грузинскія, простой же народъ, т. е. крестьянство, не только не знаетъ этой музыки, но она ему непонятна и совершенно чужда. Такимъ образомъ намъ, для того чтобы продолжать дальнѣйшее изученіе, нужно опять обратиться въ деревню и рассмотреть пѣсни деревенскихъ обитателей. Обращаясь къ деревнѣ, мы дѣйствительно видимъ, что тамъ пѣсни представляютъ результатъ разнообразныхъ явленій жизни, которыя въ городѣ не могутъ имѣть мѣста; среди этихъ пѣсенъ мы встрѣтимъ какъ свадебныя, плясовыя, походныя и застольныя, такъ и жатвенныя, вѣяльныя, мотыжныя и много другихъ, имѣющихъ свой мѣръ, выражающихъ свои мысли, свои чувства.

Грузинская деревня.

Мы приступимъ къ ихъ разсмотрѣнію и разберемъ ихъ по группамъ, дадимъ каждой категоріи краткія характеристики и помимо исторической и технической сторонъ коснемся и этнографической. Начнемъ со свадебной пѣсни.

Свадебная пѣсня № 9 поется, когда везутъ жениха съ невѣстой изъ одной деревни въ другую. Поется она хоромъ и по два человѣка попеременно. О текстѣ и музыкѣ этого рода пѣсенъ мы говорили выше, и предлагаемая отличается только болѣе развитой формой ¹⁾. Это свадебная пѣсня Кахетіи, въ Карталиніи же ее поютъ иначе, о чемъ скажемъ послѣ, а теперь перейдемъ къ плясовымъ.

¹⁾ Колоратура данной пѣсни, мѣстами не переводимая на бумагу, по моему, чисто грузинскаго характера. Присутствіе ея въ пѣснѣ объясняется исполненіемъ ея лицами, хотя и уроженцами деревни, но живущими въ городѣ. Крестьянинъ эту пѣсню спѣлъ-бы гораздо проще. Впрочемъ, здѣсь много значить и субъективность исполненія. Эти же лица спѣли мнѣ еще нѣсколько пѣсенъ (напр., пѣсню № 4 и еще двѣ, начало которыхъ приведено среди примѣровъ въ прилож. I, подъ № 15 с и d), и вездѣ эти пѣсни были переполнены всевозможными руладами, хотя характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, собственно, не допускалъ таковыхъ.

Когда поются плясовые пѣсни, всѣмъ извѣстно. Скажемъ только нѣсколько словъ объ ихъ исполненіи. Обыкновенно участвующіе въ пѣніи составляютъ кругъ, одинъ или два человѣка поютъ текстъ попеременно, остальные тянутъ басовую партію, большею частью безъ словъ, кромѣ того всѣ выбиваютъ тактъ руками, т. е. бьютъ въ ладоши, а кто-нибудь въ серединѣ пляшетъ. Эта категория пѣсенъ, ведетъ свое происхожденіе, вѣроятно, отъ языческихъ религіозныхъ празднествъ; среди нихъ можно встрѣтить пѣсни, которыя мы бы отнесли ко второй стадіи развитія и другимъ, и если мы не приводимъ больше примѣровъ, то только за недостаткомъ мѣста. Въ музыкальномъ отношеніи онѣ состоятъ изъ короткихъ фразъ, которыя всевозможнымъ образомъ варьируются. Ритмъ большею частью одинъ и тотъ-же, но содержаніе текста отличается разнообразіемъ. Часто въ текстѣ картины историческаго или героическаго содержанія смѣняются какими-нибудь любовными или комическими стихами съ довольно наивнымъ юморомъ, напр.: „Въ одной деревнѣ изъ всѣхъ грѣшниковъ наибольшимъ былъ погъ, который между прочимъ былъ страшно неравнодушенъ ко всѣмъ поминальнымъ обѣдамъ“. Или: „У сельскаго старосты бѣдная кошка ногу себѣ обожгла, судья-жъ ходилъ вслѣдъ за нею и накладывалъ ей пластыри на ногу“.

Такого же происхожденія пѣсни хороводныя простыя, съ трехдольными ритмами, и хороводныя сложныя, подъ назв. „Земкрело“, которыя отъ простыхъ отличаются тѣмъ, что при исполненіи ихъ на плечи одной партіи становитея другая, и такимъ образомъ пляшутъ. Мы приводимъ ихъ изъ своего собранія въ прил. II подъ №№ 23 и 26. Последняя представляетъ одну изъ наиболѣе развитыхъ формъ.

Переходимъ къ пѣснямъ застольнымъ. Застольныя пѣсни, или „супрули“, принадлежатъ къ особой категоріи, о которой я говорилъ выше, именно къ торжественному стилю, къ категоріи „длинныхъ пѣсенъ“, въ которыхъ отразился коллективный духъ народа въ эпоху его прогресса въ умственномъ, матеріальномъ и др. отношеніяхъ. Ихъ, собственно, нужно раздѣлить на два вида: на пѣсню застольную, т. е. „супрули“, и „мравалжаміер“, т. е. многолѣтіе. Въ первой пѣснѣ поющіе обращаются къ предсѣдателю пирушки, или „тулумбашу“, и просятъ его, чтобы онъ сообщилъ всѣмъ окружающимъ (собственно не поющимъ), что гостепріимство и радушіе хозяина (маспиндзели) доходятъ до того, что онъ ради гостей износилъ новые сапоги, и т. п. ¹⁾ „Мравалжаміер“ же поется въ тѣхъ случаяхъ, когда пьютъ за здоровье кого-либо изъ присутствующихъ. Притомъ, если это присутствующее лицо очень почтенное, то поютъ ему „мравалжаміер“ длинное, т. е. торжественнаго характера, если же не очень почтенное, то короткое. Въ послѣднее время, впрочемъ, этого правила не очень придерживаются. Поютъ застольныя пѣсни хоръ и два человѣка. Хоръ поетъ органнй пунктъ, два же человѣка на фонѣ органнаго пункта поютъ мелодическимъ речитативомъ, иногда съ легкой колоратурой на малой септимѣ неполнаго доминантъ-септъ-аккорда, смѣшивая иногда речитативъ съ контрапунктами. „Супрули“, какъ въ Карталиніи, такъ и въ Кахетіи, поютъ почти одинаково, „мравалжаміер“ же въ Карталиніи поютъ короткое, а въ Кахетіи длинное, съ интересными модуляціями и въ особенности съ интереснымъ концомъ. Конецъ этотъ такого рода: когда пѣвцы берутъ предпослѣдніе звуки, то дальше они, опускаясь на кварту внизъ (вмѣсто того чтобы закончить пѣсню), предыдущія музыкальныя фразы транспонируютъ такимъ образомъ на большую секунду вверхъ; когда же опять подходятъ къ концу, то повторяютъ этотъ приемъ, и такъ до тѣхъ

¹⁾ Содержаніе подобнаго рода преобладаетъ надъ другими.

поръ, пока хватитъ голоса. Это отчасти видно на прилагаемой пѣсенѣ № 10. По-видимому, подобныя пѣсни отчасти служили для состязанія пѣвцамъ, и у кого былъ больше по діапазону голосъ, тотъ, конечно, и побѣждалъ. Какъ эти пѣсни, такъ и застольныя и другія этого вида пѣсни Карталиніи и Кахетіи, представляя помимо красоты еще и оригинальныя модуляціи, принадлежать къ выдающимся, по моему мнѣнію, произведеніямъ народнаго творчества. Яркій примѣръ, представляющій одну изъ наивысшихъ точекъ развитія пѣсни, изъ категоріи длинныхъ, мы имѣемъ ниже, подъ № 27, хотя она, какъ и многія другія, на фортепіано къ сожалѣнію совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, какое получается отъ пѣнія, и это, нужно полагать, потому, что „фортепіано не имѣетъ той индивидуальности, какую имѣетъ голосъ“.

Свадебная пѣсня средней Карталиніи, въ отличіе отъ кахетинской, поется въ этомъ-же стилѣ.

Переходимъ къ пѣснямъ бытовымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Разсматривая бытовыя пѣсни, мы видимъ, что онѣ принадлежатъ къ различнымъ группамъ пѣсенъ, разсмотрѣннымъ выше, въ исторіи ихъ развитія. Примѣры мы приводили, такъ что не будемъ ихъ повторять вновь. Попадаются среди этихъ пѣсенъ какъ очень красивыя и поэтичныя, такъ и сравнительно незначительныя. Тексты довольно разнообразны, но въ общемъ онѣ трактуютъ больше о любви; любовь къ женщинѣ воспѣвается на всѣ лады, притомъ въ самыхъ поэтическихъ краскахъ. Сила любви велика у народа до такой степени, что народъ не желаетъ уступить женщины даже „восходящему солнцу, одурманенному ея красотой, какъ луна ни старается помочь въ этомъ дѣлѣ“. „Кто создалъ тебя, такую красавицу, дивную, какъ утреннее солнце? Нѣтъ, ты прямо снизошла съ небесъ!“—говорится въ другой пѣсенѣ. Часто однако попадаются пѣсни аллегорическаго содержанія, которыя едва-ли могутъ быть названы бытовыми, какъ напр.: „Ворона говоритъ соловью, что воевать намъ какъ-то не пристало“; или, напр.: „Мошки окружили дубъ; дубъ подъ тяжестью мошекъ свалился въ воду: вода вышла изъ береговъ и затопила мошекъ, дубъ-же остался невредимъ“. Подъ дубомъ народъ подразумѣваетъ родину, подъ мошками внѣшнихъ ея враговъ.

VIII.

Дальше я не буду распространяться и перечислять другія категоріи бытовыхъ пѣсенъ, въ виду того, что онѣ новаго ничего не вносятъ, и предпочитаю прямо перейти къ рабочимъ пѣснямъ.

Къ этому разряду пѣсенъ принадлежатъ: жатвенныя—когда точатъ серпы, когда жнутъ, мотыжныя, плужныя, вѣяльныя, во время молотѣбы, перепаживанья и выколачиванья кукурузы, покосныя и другія. Эти пѣсни раздѣляются на хоровыя и сольныя. Разсмотримъ вкратцѣ каждую категорію.

Жатвенная пѣсня, когда точатъ серпы (я назову ее серповой), интересна тѣмъ, что она не импульсируетъ крестьянамъ, а скорѣе служитъ имъ отдыхомъ. Жатвенныя же въ собственномъ смыслѣ и вѣяльныя, наоборотъ, пѣсни по ритму живыя, бодрыя, веселыя, выражаютъ какъ-бы радость по поводу хорошаго урожая и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ двигателями во время работъ. Серповая пѣсня Карталиніи отличается отъ серповой Кахетіи, какъ по музыкальному содержанію, такъ и по тексту,

(хотя въ частности нѣкоторыя деревни Кахетіа имѣютъ серповую карталинскую). Въ первой крестьянинъ обращается къ серпу и говоритъ ему: „Наточу я тебя, серпъ мой желѣзный, а ты меня накорми“; во второй же выражается радость по поводу хорошаго урожая. Такое-же различіе существуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ категорияхъ пѣсенъ. Пѣсни, исполняемыя, когда крестьяне возвращаются домой съ полевыхъ работъ, также разнообразны. Въ одномъ текстѣ выражается любовь крестьянъ къ пѣнію: „Тебѣ нравится пѣсня“, говоритъ крестьянинъ, „какъ сладкое св. причастіе“; въ другой рисуется бѣдность словами: „Кто дастъ бѣдняку вина на заговѣнье? Пусть онъ съѣстъ свою кукурузную лепешку и ляжетъ спать“. Въ третьей какое-нибудь эротическое содержаніе. Нужно вообще отмѣтить у грузинъ ту черту, что они не ограничиваются во время пѣнія однимъ какимъ-нибудь текстомъ; обыкновенно у нихъ подъ одинъ какой-нибудь напѣвъ подводится нѣсколько различныхъ текстовъ: за эротическимъ слѣдуетъ какой-нибудь комическій, а то и

Вѣянье на гумнѣ.

героическій текстъ, не имѣющій никакого отношенія къ первому, потомъ опять любовный и т. д. Такъ какъ любовь къ женской красотѣ у нихъ сильно развита, то эротическое содержаніе и преобладаетъ въ пѣсняхъ. Исполняются всѣ этого рода пѣсни двоими попеременно и хоромъ, какъ и древнѣйшія пѣсни, составляющія отголоски языческихъ временъ, и только въ концѣ хоръ и два голоса соединяются въ трехголосную гармонію. Очевидно, эта категория пѣсенъ представляетъ какъ-бы отдѣльную разновидность древней языческой пѣсни, т. е. сольнаго попеременнаго пѣнія. Такимъ образомъ, развитіе формы языческой пѣсни вмѣстѣ съ послѣдней группой, представляется намъ въ такомъ видѣ, какъ это показываютъ примѣры, въ приложеніи I, подъ № 14, а, b, c, d.

IX.

Перейдемъ теперь къ рабочимъ сольнымъ пѣснямъ. Передъ разборомъ ихъ замѣтимъ, что до сихъ поръ мы видѣли въ пѣсняхъ либо радость, либо просто поэтическій образъ, либо импульсъ для работы. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ мы видѣли тяжелое положеніе закрѣпощенныхъ крестьянъ и т. д. Но не удивительно-ли покажется, что мы до сихъ поръ не говоримъ о пѣсняхъ, въ которыхъ-бы выразились бѣдствія отчизны: вѣдь исторія Грузіи, какъ мы видѣли, есть мартирологъ, повѣсть

страданій? Пѣсня, какъ выразительница всѣхъ явленій жизни, свидѣтельница еобытій, какія-бы ни произошли въ жизни народа, должна была-бы у грузинъ особенно ярко отражать въ себѣ эти бѣдствія. Но тутъ мы должны поставить вопросъ, и вопросъ пока не разрѣшимый. Передъ нами удивительное въ своемъ родѣ явленіе: въ хоровыхъ пѣсняхъ грузинъ нѣтъ выраженія многовѣковаго страданія, скорби народа. У меня записано болѣе восьмидесяти пѣсенъ, и среди нихъ нѣтъ ни одной, сколько-нибудь выражающей народную скорбь. Анализъ всѣхъ существующихъ пѣсенъ въ сборникахъ, числомъ около ста слишкомъ, показываетъ почти полнѣйшее отсутствіе какого-либо выраженія этой скорби, за исключеніемъ развѣ одной сольной пѣсни царицы Кетаваны въ сборникѣ М. М. Ипполитова-Иванова. Есть тексты героическаго, патриотическаго, историческаго содержанія, напр., скорбь объ утратѣ царицы Тамары „потухшаго солнца, матери Грузіи, которая со смертью своею даже и могилу свою скрыла“. Но музыка въ нихъ сколько скорбнаго характера, столько же и церковнаго.

Обращаясь къ рабочимъ сольнымъ пѣснямъ, мы видимъ, что онѣ, наоборотъ, очень скорбны, даже иногда беспросвѣтны; описываемая въ нихъ обстановка говоритъ главнымъ образомъ о бѣдности, о тягости жизни, или о жалости къ рабочему скоту, впрягаемому иногда въ плугъ по восьми паръ воловъ, или изрѣдка о бывшемъ рабствѣ. Вотъ, напр., текстъ одной пѣспи: „Сначала прославимъ имя Бога, такъ какъ онъ Всемогущій, а затѣмъ воздадимъ хвалу барину, такъ какъ онъ нашъ повилитель“. Или: „Ну, буйволь рогатый, я тебѣ товарищъ по ярму; но не могу его нести съ тобой: меня называютъ еще мальчикомъ“. Или: „О, плугъ! готовъ я тебѣ пожертвовать собой, люблю я твою дугообразную шею; ты даешь намъ хлѣбъ и вино; человекъ, гонимый нуждою, невольно дружится съ тобою“¹⁾. Много пѣсенъ и съ другимъ содержаніемъ, но ни одной, кромѣ вышеупомянутаго и сольной, которая говорила-бы про тяжелое положеніе страны, и мы готовы прійти къ тому заключенію, что народъ въ такихъ случаяхъ обращался прямо къ религіи, гдѣ и находилъ свое высшее утѣшеніе. Обиліе свѣтскихъ текстовъ съ музыкой чисто церковнаго характера, дальнѣйшая эволюція этой категоріи пѣсенъ даютъ возможность допустить, что мы, пожалуй, близки къ истинѣ. Разумѣется, для большаго подтвержденія данной мысли, хотѣлось-бы имѣть и большее количество подходящихъ текстовъ, но ихъ у насъ пока мало, и точкою опоры намъ служить главнымъ образомъ музыка. Эта послѣдняя намъ говоритъ, что во времена вражескихъ нашествій, когда враги уничтожали все, что только можно было уничтожить, убивая и стариковъ²⁾, и молодыхъ, и женщинъ и дѣтей, или уводя ихъ десятками тысячъ въ плѣнъ, народъ въ такихъ случаяхъ разбѣгался и искалъ спасенія въ религіи, которая давала ему успокоеніе, и въ результатѣ создавались пѣсни церковнаго характера, хотя и со свѣтскимъ текстомъ. Таково намъ кажется происхожденіе этой категоріи пѣсенъ. Здѣсь если не текстъ, то музыка является выразительницей настроенія народа въ ту или другую эпоху бѣдствій. Вѣковыя несчастія должны были въ чемъ-нибудь проявиться, и они, по моему мнѣнію, проявились въ пѣсняхъ чисто духовнаго характера, но со свѣтскимъ текстомъ. Небольшая картина эволюціи этой пѣсни, или, какъ я выше назвалъ, пѣсенъ, развившихся подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ эпохъ, представлена въ нашихъ примѣрахъ, прил. I, № 15 а, b, с, d.

¹⁾ Очерки по исторіи Груз. слов. А. С. Х а х а н о в а, т. I, стр. 66—67.

²⁾ Текстъ и музыка пѣсенъ прил. I, за № 15с и прил. II, № 8 свидѣтельствуютъ намъ о такомъ явленіи.

X.

У насъ остались еще двѣ категоріи сольныхъ пѣсенъ: колыбельныя и „урмули“, распѣваемые обыкновенно при долгой однообразной ѣздѣ на арбѣ. Эти пѣсни по музыкѣ тоже печальны. Что колыбельныя пѣсни имѣютъ печальный оттѣнокъ, въ этомъ, конечно, ничего удивительнаго нѣтъ, такъ какъ грузинская женщина за свое многолѣтнее существованіе довольно настрадалась. Помимо бѣдствій родины, крѣпостное право, бѣдность ея во всякомъ случаѣ не миновали, и можетъ быть, за эту необыкновенную стойкость и терпѣніе, которое она проявила въ многострадальной жизни своей страны, женщина у грузинъ и пользуется большимъ почетомъ. Здѣсь она занимаетъ совсѣмъ другое положеніе сравнительно съ женщинами другихъ народовъ, находящимися въ полномъ рабствѣ у своихъ повелителей — мужей. Примѣръ колыбельной пѣсни представленъ въ нашемъ собраніи, прил. II, № 4.

Теперь что касается „урмули“, то я долженъ сказать слѣдующее: пѣсню эту нужно слушать тогда, когда вы стоите гдѣ-нибудь на горѣ, или на дорогѣ. Когда луна, пробиваясь изъ-за тучъ, освѣщаетъ все вокругъ полусвѣтомъ, когда теплый вѣтерокъ вѣетъ, шелестя кустиками и травкой, когда миллионъ сверчковъ и плачь совы какъ-бы аккомпанируютъ пѣнію,—тогда глубоко грустный, задумчивый, проникнутый неуловимой поэзіей мотивъ этой пѣсни глубоко проникнетъ вамъ въ сердце и унеситъ далеко, далеко. Тутъ нѣтъ словъ, рисующихъ трагизмъ историческаго положенія, сама музыка заставляетъ васъ переживать страданія вѣками страдавшаго народа, всѣ его надежды, упованія — все, все! Понимайте только національно-музыкальный языкъ, и этого достаточно: все представится съ яркой рельефностью. Я долженъ оговориться, что эта пѣсня дѣйствуетъ такимъ образомъ не только на меня одного, но на всѣхъ, кто ее слышалъ и понималъ. Хотя текстовъ, рисующихъ печальное историческое прошлое, которые пѣлись-бы на этотъ мотивъ, и не найдено, но, по моему мнѣнію, она можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ свѣтскимъ пѣснямъ съ музыкой церковнаго оттѣнка. Тамъ пѣсни созданы коллективно, здѣсь же крестьянинъ одинъ съ самимъ собой, одинъ съ своими думами и общимъ горемъ. Я не теряю еще надежды найти настоящіе тексты этихъ пѣсенъ (смотри напѣвъ среди нотныхъ примѣровъ, прил. I, № 16).

Поются всѣ сольныя пѣсни мелодическимъ, распѣвнымъ речитативомъ, непринужденно, свободно, такъ что ритмъ всецѣло зависитъ отъ смысла словъ, т. е. расчлененія текста. Въ колыбельной пѣснѣ, кромѣ того, текстъ зависитъ еще отъ фантазіи матери.

XI.

Что касается технической стороны дѣла, то мы пока скажемъ вкратцѣ, что среди сольныхъ пѣсенъ, помимо тѣхъ, которыя мы разобрали вначалѣ, и которыя читатель увидитъ въ прилагаемомъ ниже собраніи пѣсенъ, встрѣчаются звукоряды, напоминающіе древне-греческіе лады ¹⁾. Насколько они тождественны по своему внутреннему строенію, мы пока сказать подробно ничего не можемъ, такъ какъ это вопросъ особый, требующій отдѣльнаго изслѣдованія ²⁾. Что же касается хоровыхъ, то здѣсь,

¹⁾ Есть звукоряды и съ увеличенной секундой, хотя рѣдко.

²⁾ Замѣтимъ только, что пѣсни за № 16 прил. I и № 3 прил. II отъ мѣста *ad libit.*, напоминаютъ намъ нѣсколько древне-греческіе фригійскій и дорійскій лады.

хотя намъ тоже приходится ограничиваться общими замѣчаніями, но ужъ одно то, что грузинская хоровая пѣсня трехголосна, а не одноголосна, свидѣтельствуесть какъ-бы объ особенностяхъ ея звукорядовъ, несмотря на одинаковыя каденціи съ церковными ладами; мы не говоримъ уже про тѣ звукоряды, которые имѣютъ менѣе восьми звуковъ, а слѣдовательно не указываютъ ни на какіе церковные или древне-греческіе лады ¹⁾, и не говоримъ про категорію „длинныхъ“, развитыхъ пѣсенъ, имѣющихъ не одинъ какой-нибудь ладъ, а ряды модулирующихъ звукорядовъ или просто тональностей, указывающихъ на извѣстныя ступени развитія въ этой области. Въ общемъ большинство изъ этихъ пѣсенъ возможно играть на фортепiano, но много и такихъ, которыхъ въ точности исполнить нельзя, такъ какъ онѣ находятся въ природномъ строѣ. Природный же строй, если сравнить съ нашимъ современнымъ темперированнымъ строемъ, будетъ отличаться своими болѣе мелкими подраздѣленіями, чѣмъ наши полутоны. Такимъ образомъ, во многихъ пѣсняхъ мы услышимъ, что нѣкоторымъ цѣлымъ тонамъ не хватаетъ, напр., четверти тона. Эти четверти тона наталкиваютъ насъ на ту мысль, что раньше вѣроятно всѣ пѣсни были въ природныхъ строяхъ, но теперь, когда въ каждой семьѣ есть гармоника, а на каждомъ храмовомъ праздникѣ уселенно работаютъ шарманки, совершенно естественно большинство пѣсенъ измѣнили свои звукоряды, примѣняясь къ современному строю. Намъ остается еще сказать, что пѣсни Карталиніи и Кахетіи діатоническія, поются часто съ легкой, чисто грузинской колоратурой, иногда не переводимой на ноты. Эта колоратура, можетъ быть, развилась изъ арабскихъ мелизмовъ, но болѣе вѣроятно, что она создана самимъ народомъ, тѣмъ болѣе, что эта колоратура, хотя и въ меньшей степени, существуетъ и въ церковной музыкѣ.

Хоровыя пѣсни поются крестьянами форсированнымъ фальцетомъ, интеллигенціей-же, которая знаетъ эти пѣсни, онѣ исполняются вполне естественно. Каждый голосъ въ пѣснѣ имѣетъ свои собственные названія. Такъ, напр., первый голосъ называется „Пирвели хма“ (въ церковной онъ еще называется „Мткмели“), второй „Модзахили“ и третій „Бани“. При этомъ надо замѣтить, что второй голосъ въ грузинской пѣснѣ имѣетъ не только обыкновенное значеніе вторы, но часто играетъ самостоятельную роль.

Все это, вмѣстѣ съ трехголосной гармоніей, съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ голосовъ, такъ какъ, напр., партіи перваго и втораго голоса поютъ по одному лицу, а третьяго много лицъ,—все это показываетъ, что грузинская народная музыка деревенская, имѣя въ древнѣйшемъ періодѣ основы, общія съ арійскими народами, а въ болѣе позднѣйшемъ черты христіанской музыки, дальше развивалась совершенно самостоятельно и оригинально, внѣ всякихъ вліяній. Правда, въ теченіе всей своей многовѣковой жизни она много разъ сталкивалась съ музыкой различныхъ народовъ, и эти столкновенія, нужно полагать, не проходили для нея безслѣдно (что, впрочемъ, доказывается и найденными мною нѣсколькими музык.

¹⁾ Изъ такихъ пѣсенъ см. № 1 въ прил. II, гдѣ звукорядъ находится въ предѣлахъ кварты, плюсъ секунда сверху. Затѣмъ № 2 (прил. II), гдѣ начало пѣсни находится въ томъ же звукорядѣ, продолженіе (послѣ второй ферматы и до половины секстоля), модулировано въ лидійскій тетракордъ и окончаніе опять въ первоначальномъ видѣ, съ вспомогательнымъ звукомъ fa. Интересно также въ этой пѣснѣ измѣненіе звука si — si-бемоль въ томъ же звукорядѣ. Кромѣ этихъ, заслуживаетъ вниманія также пѣсня подъ № 14 (въ прил. II), гдѣ звукорядъ представляетъ изъ себя также кварту плюсъ секунда сверху, съ оригинальной модуляціей въ звукорядѣ уменьш. кварты mi бем. — si бем., и затѣмъ № 13 (прил. II), гдѣ въ первыхъ двухъ тактахъ звукорядъ напоминаетъ древне-греческій фригійскій ладъ, а дальше пентакордъ.

инструментами, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ); однако нужно сказать, что эти столкновенія касались, вѣроятно, только верхняго слоя народа или его отдѣльныхъ группъ, а не всего его цѣлаго, въ противномъ случаѣ это отразилось бы и на пѣсняхъ чисто народныхъ, деревенскихъ.

Такимъ образомъ, если мы примемъ въ соображеніе тяжелыя историческія условія, въ которыхъ грузинамъ приходилось находиться, а также ту вѣковую борьбу, которая никоимъ образомъ не давала имъ свободно развиваться, и если мы однако видимъ, что и при такихъ условіяхъ этотъ народъ силою своего духа создалъ не только музыку, имѣющую свободныя пѣсенныя формы, но и такое многоголосіе, которое не встрѣчается ни у одного европейскаго или азіатскаго народа, то мы, несомнѣнно, должны будемъ признать, что такой народъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, незначителенъ и забитъ, все-таки заслуживаетъ названія народа-художника, который при свободномъ развитіи всѣхъ его силъ давно бы внесъ и свою часть въ общую сокровищницу искусства.

Въ заключеніе, я долженъ сознаться, что я не только не исчерпалъ всей темы, но, напротивъ, лишь только слегка коснулся ея; многого пришлось не договорить, многое за недостаткомъ матеріала мало обосновано, такъ что я самъ смотрю на настоящую работу не какъ на что-нибудь законченное, а, наоборотъ, скорѣе только какъ на программу для будущихъ работъ, тѣмъ болѣе, что я еще не касался музыки грузинъ—гурійцевъ, минтрельцевъ, имеретинъ, сванетовъ, пшавовъ, хевсуръ, тушинъ, и другихъ горскихъ грузинъ, пѣсни которыхъ пока не записаны, но которыя, имѣя свои оригинальныя черты, въ общемъ много помогутъ въ выясненіи затронутыхъ вопросовъ и послужатъ показателями большого разнообразія и богатства вообще картвельской, т. е. грузинской музыки.

Мнѣ, вѣроятно, не разъ придется возвращаться къ этому вопросу, а можетъ быть за него возьмется и еще кто-нибудь другой, болѣе меня подготовленный, болѣе свѣдущій, съ ббльшими познаніями и эрудиціей, какъ въ общихъ вопросахъ музыки, такъ и въ другихъ областяхъ знанія. Пока можно только сказать одно: поле изученія широкое, а работниковъ на немъ мало. Пусть же не будетъ поставлено въ упрекъ то немногое, что сдѣлано мною.

Нотные примѣры для подтвержденія тѣхъ или иныхъ общихъ положеній, высказываемыхъ въ нашей статьѣ, пришлось, къ сожалѣнію, по необходимости выдѣлать изъ текста; они составляютъ первое нотное приложеніе въ количествѣ 16-ти номеровъ. Примѣры взяты отчасти изъ печатныхъ источниковъ, отчасти изъ нашихъ новыхъ, еще не напечатанныхъ записей. Вслѣдъ затѣмъ, въ приложеніи II, напечатаны нѣкоторыя изъ записанныхъ нами народныхъ пѣсенъ въ подлинной гармонизаціи, предназначенныя для исполненія; сначала печатаются тексты съ русскимъ переводомъ, затѣмъ музыкальная часть. Остальнымъ собраннымъ мною пѣснямъ волей-неволей придется, вѣроятно, ждать еще благоприятныхъ условій для появленія ихъ въ свѣтъ.

Дмитрій Аранчіевъ.

Москва, 1901 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Музыкальные примѣры къ
„Очерку развитія Грузинской музыки“
Д. АРАКЦІЕВА.

№ 1. *Andante.*

№ 2.

№ 3. *Moderato.*

№ 4. *Adagio.*

№ 5.

№ 6.

№ 7. *Andante.*

№ 8.

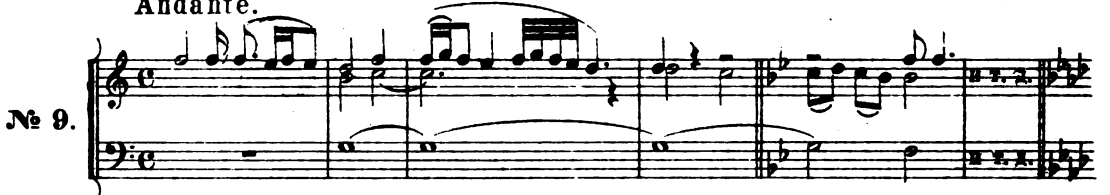
- 1) Свадебная пѣсня изъ сборника г. Бемашвили.
- 2) Этотъ звукъ въ сравненіи съ фортепіано всегда звучитъ на $\frac{1}{4}$ тона или октавою ниже, чѣмъ воі.
- 3) Изъ „Литургіи Іоанна Златоуста“ г. Бемашвили.
- 4) Пѣсня сообщена г. Н. Сулхановичъ.
- 5) Изъ сборника пѣсенъ г. Чхвикадзе.
- 6) Изъ сборника г. Бемашвили.

b.

c.

d. e.

Andante.

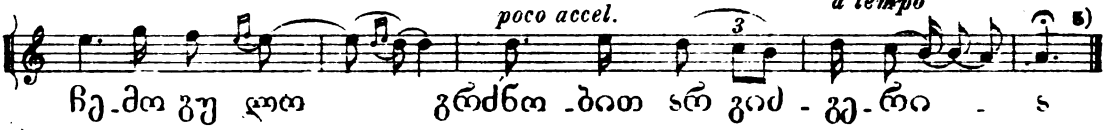
№ 9.

ГРУЗИНО-ПЕРСИДСКАЯ МЕЛОДИЯ.

№ 10. *Andante.* *accel.* *a tempo*
 ჩუ - ძთ თს - ვთ ბუ - ით სრ - ვი - ვი - რი - ს

Var. *posc' accel.* *a tempo*
 ჩუ-ძთ ვუ-ლთ ვრძ ნო.ბით სრ ვიძ. ვუ-რი . ს

 posc' accel. *a tempo*
 ჩუ-ძთ ვუ ლთ ვრძნლ .ბით სრ ვიძ - ვუ-რი . ს

1) Изъ сборника г. Бенашвили.
 2) Изъ записей свят. В. Карбелова.
 3) Изъ „Литургии“ г. Бенашвили. Начало биса въ данномъ изъснопъи намъ кажется переиъзаннымъ.
 4) Изъ „Вечерни“ свят. В. Карбелова.
 5) Эта грузино персидская городская пѣсня („Чемо тавო“) сообщена намъ А. Д. Кваліевымъ.

ГРУЗИНО-АРАБСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Adagio. Изъ сб. г. Ипп-Иванова.

№ 11.

ГРУЗИНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Andante. Изъ моихъ записокъ.

№ 12.

ГРУЗИНСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Изъ сб. г. Ипп-Иванова.

Moderato. м. м. $\text{♩} = 84$.

№ 13.

Moderato.

№ 14 а.

Andante.

б.

1) Каждой данной группе, разумеется, можетъ имѣть свои разновидности, т. е. пѣсни съ различными ритмами, съ теми или иными модуляціонными отклоненіями и т. п.

Andante.

Moderato. Adagio. portamento

ad lib. riten.

All-non troppo.

Медленно.

№ 15. а.

1) Изъ сбора. Бешавили. Припѣть съ малой септимою. Срв. болѣе развитую форму въ прилож. II, № 9.
 2) Это рабочая пѣсня, записанная нами въ дер. Викпри, Сигнахск. у., Тифл. г. Звуки, обозначенные здѣсь нотами *sm* въ первомъ тактѣ и *fa-dio* въ восьмомъ отъ конца гдѣ дѣйствительности звучатъ на четверть тона или около этого ниже, чѣмъ фортепиано.

Спокойно.

(Изъ сборн. Чхивадзе.)

b.

Lento.

c.

ბუნთ კს - ცო ვან ნუ მთბგ - ლანდ ნუ

მთბგლას - ვთ - თ შშო - ლას ღას

გოწ - შგბს გმთ - - ბს.სს გმთ - - ბს - სს

თ - - თ ჳსინ რი ჳსინ.რი ჳსინ.ღას ღათ

Adagio.

ad libit.

a tempo ad libit.

riten.

d.

ჳსინ.ღათ ღას თან.ღათ ჳსინ მთლსინი ვნსლოთ.ღათ.ღათ.ღათ.ღათ

1) ზღა იქსია („ი სტარა“) ვანსანა შანი ზე გორდბ თელავ თიფლ. გ. იანი პრედავლეთი იდუნიე ფორმე ბოლბე რავანთი ტრეტბე სტადიე ნი ვაშეი გრუპირივბი. სმობრ. სე თანაზ ზე ტექსთიე იქსიე ვი № 8, ზე კრი. II.

Adagio.

მ სი - რი სი - ლის - ლით სი - რი
 სი - ლის - ლით სი - რი სი - ლის - ლით
 ჭითი ჭითი რისი - რი რისი - ლის - ლით ჭითი ჭითი
 ჭითი რისი ი რისი - ლის - ლით თირის ჩსტ - ტუ - ლით

Moderato, un poco rubato.

№ 16.

ს - რი ს - რის - ლით ს - რის - ლით რის ს - რის - ლის - ლით
 რის ს - რის - ლით ს - რი ს - რის - ლით რის
 ვსი რის ბე - რი რისგ - კან - გე რის ს - რის - ლის - ლით
 რის ს - რის - ლით ს - რი ს - რის ლით რის.

Adagio.

ვსი რის ბე - რი რისგ - კან - გე რის ს - რის - ლის - ლით
 რის ს - რის - ლით ს - რი ს - რის ლით რის.

1) Эта песня („Чакруло“) записана нами в г. Телави Тифл. г. Два последние такта исполняются совсем ритмично, с ускорением.
 2) Песня армянская, которую поет обыкновенно при выдѣ на арбѣ, описанная нами в Тифлидѣ отъ свѣщ. В. Г. Карбелова.

ПРИЛОЖЕНІЕ II-е.

27 Грузинскихъ пѣсонъ въ народной гармонизаціи.

Въ прилагаемомъ собраніи 27-ми грузинскихъ пѣсенъ 22 кахетинскихъ и 5 карталинскихъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мои записи пѣсенъ вошли въ качествѣ примѣровъ въ приложение I. Всѣ онѣ представляютъ лишь небольшую часть матеріала, собраннаго мною лѣтомъ 1901 г. и въ послѣдующіе годы. Четырнадцать изъ этихъ пѣсенъ записаны въ г. Телавѣ Тифл. губ., восемь въ деревнѣ Ацкури Телавск. уѣзда, а остальные въ разныхъ мѣстахъ Карталиніи. Первые, т. е. кахетинскія, записаны при участіи пѣвицъ и пѣвцовъ: г-жъ С. П. Зараповой, В. П. Ткавадзе, гг. священниковъ Ирод. Шавліева, В. Майсурадзе, гг. Н. П. Сулханова, Онис. Чикадзе, Гл. Сирбиладзе и крестьянина деревни Шалаури Михайла Эргемлидзе. Всѣмъ названнымъ лицамъ я приношу горячую признательность.

Карталинскія пѣсни записаны исключительно отъ крестьянокъ и крестьянъ.

Всѣ пѣсни записаны мною при посредствѣ графофона, такъ что соблюдена возможная точность передачи особенностей, которыя по возможности соблюдены и при переложеніи пѣсенъ съ фонограммъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣсня укладывалась въ ритмическія рамки, я прибѣгалъ къ послѣднимъ; гдѣ же это являлось неудобноисполнимымъ, я такъ и оставлялъ пѣсню не тронутой. Къ этому я долженъ добавить, что запись сольныхъ (крестьянскихъ) пѣсенъ представляла почти непреодолимыя трудности, въ виду ихъ свободы исполненія, произвольности, неритмичности, а иногда неуловимой колоратурности. Ихъ невысказанно было точно записать, такъ-же, какъ невысказанно записать при нашихъ средствахъ повышенную и пониженную человѣческую рѣчь. Такимъ образомъ даже приблизительная точность многихъ изъ нихъ представляла для насъ большую работу.

Кромѣ выше упомянутыхъ лицъ, считаю своимъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность Ил. Абр. Зарапову, много помогавшему намъ при записяхъ кахетинскихъ пѣсенъ, а также Ник. Павл. Кашину и Алекс. Дмитр. Квалиашвили, не мало посодѣйствовавшимъ намъ въ нашей работѣ.

Въ заключеніе особую благодарность приношу Дав. Зах. Сараджеву, оказавшему мнѣ самое существенное матеріальное содѣйствіе, безъ котораго не могли бы осуществиться мои музыкально-этнографическія поѣздки. Ему я и посвящаю настоящій первый результатъ своей экспедиціи для изслѣдованія нашей родной пѣсни.

Д. А.

ТЕКСТЫ ГРУЗИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ

(съ русскимъ переводомъ).

№. 1.

კალო-ჭერი. Гумновая.

პირველად ღმერთი ვახსენოთ, ის	Сначала прославимъ имя Бога, такъ
ჭერო დიდებულა.	какъ онъ Всемогущий,
ჩინამც ბატონს მივართოთ, ის	А потомъ воздадимъ барину, такъ какъ
ჭერო მართებულა.	онъ нашъ повелитель.

№. 2.

გუთნჭერი. Плужная.

ვადი, გამოდი გუთანო მინდვრი-	Иди взадъ и впередъ, плугъ мой по-
საო,	левой,
ღირღიგაკ ხანი ჟესარო.	Подъ напѣвъ своихъ скрипучихъ колесъ.

№. 3.

ჭრემული აწყურული. Аробная.

(Деревни Ацкури).

კამეჩი დგას და იკოხნის,	Буйволъ стоитъ. пережевываетъ пищу
თავის ამინდი ჭკონია,	и благодумствуетъ.

ლაფში ჩაფლოული ჟრემი
შინ მიტანილი ჰგონია.
არალო, არიარალი, არალო.

Арба, застрявшая въ грязи, ему кажется привезенной домой.
Арало, ариарали, арало. ¹⁾

№. 4.

ნანა. Колыбельная.

ნანინა ნანინა
დედის ალაგ-მალაგო,
მამის ცისე-ქალაქო,
ანთებულო სანთელო,
ბნელი ღამის მნათელო.

Баю бай, баю бай!
(Ты) Матери — земля родная (земля—
родина),
(Ты) Отца—родной городъ,
(Ты) Зажженная свѣча,
Освѣщающая темную ночь.

№. 5.

სათამაშო. Плясовая

- გენ ცვალე ჩემო ქმარო, გენა-
ღიროს ყარაია.
1. ჰარი ჰარი ჰარი ჰარალე ჰარალო-
და.
 2. არი არი ჰარალე-არალოლო-
ახალქსად დარაია.
 3. ვარი ვარი ვარი ვარი ვარალეი.
- შე დალო-ცვილო საყდარო
1. ჰარი

Милый мой супругъ, желаю тебѣ благо-
получно поохотиться въ Караязахъ.
Ари ари ари варале арало да.
Одѣнь бѣлую Кабу (верхняя одежда).
Ари ари и т. д.
И бешметъ изъ дарайи (матерія).
Ари ари и т. д.
Благословенный храмъ
Ари ари и т. д.

¹⁾ Арало, ариарало, ари варале, ариалали, арале, варалей и т. п. — не переводимые слова ииѣющія иѣкоторую аналогію съ русскимъ: эхъ да, охъ да, ай люли и т. п.

რათ გინდა ო-რი კარები?	На что тебѣ двое дверей?
2. არი
შედიან და გამო-დიან	Лишь для того, чтобы входили и вы- ходили женщины.
3. ვარი
თავ დასურული ქალები. ვარი ვარი ვარი ვარი ვარ-ლეი ჭა.	

№ 6.

მუშური. Рабочая.

არი და არალო არი არალოლო.	Ари да арало ари аралало.
ნეტა ქალო, მომხიბლაკათ რამ შეგქმნა და რამ დაგხატა,	Желаль бы знать я дѣвица, кто совдалъ тебя всепокоряющей красавицей.
ჩემს გულს ისე რათ აწკალებ, რო- გორც თავისა ავი კატა.	Зачѣмъ ты играешь моимъ сердцемъ, какъ кошка съ мышкой.
ხელსახოცსაც ვადმოგივლებ, ოქ- რო მკერდით მოქარგულსა,	Возьму платокъ, вышитый золотомъ,
შიგგეგხვევ ჩემსა გულსა, შენ- გნით დამწვარ დადაგულსა.	Заверну въ него свое измученное сердце и отдамъ тебѣ.

№ 7.

ქისიყური შაშკო ლამაზო. Красавецъ скворецъ. (Кизикійская).

არალოლო არალო	Аралало арало არარალი аралало
ჭარილოლო შაშკო ლამაზო.	Красавецъ скворецъ.

№ 8.

ბერი კაცი ვარ (ქართლულო). Я старь.

(Карталинская).

ბერი კაცი ვარ, ნუ მოძკლამ, უკე-	Я старь! Не убивай старика! Всѣ будутъ
ლა დაგიწყებს გმობასა.	за это порицать тебя.
სადაც რომ შემოგეყრები. გეცყვი	Гдѣ бы я ни встрѣтился съ тобой, всю-
შვილსა და ძმობასა.	ду тебя буду привѣтствовать друж-
	бой и братствомъ.

№ 9.

მყრულო. Свадебная.

აზალალო აზიარალო მოვდივართ	Аралали ариарале
მოგვიხარინ: მოგეკვ ჩითელი	Идемъ и радуемся: несемъ краснаго
ხოხოზი.	фазана.

№ 10.

კახური გელი მრავალყამიერ. «Мравалжаміер» длинное.

(Кახетинское).

მრავალყამიერ აზალო.	Многая лѣта арало.
---------------------	--------------------

№ 11.

ზამთარიო. უფრო მღერიან გურჯაანში და გლმა. Зима.

ზამთარი ვარდსა დაჭკნობს,	Зима погубить розу,
ფოთოლო ჩამოსცვივა.	Листья осыплются съ нея.
ჰარიარალო, აქა შვილობა.	Ариарало, да будетъ здѣсь благополучіе!

№. 12.

სუფრუელი და მისი დამატება. Застольная и ея дополненіе.

ო-ი რა ქუჩილია ბიჭებო, რა ქარა-	Какая, братцы, непогода,—надвигается
ვანი დგებაო. არალო.	гроза. Арале.
მსპინძელო, ჩემო ღვინო,	Дорогой мой веселый хозяинъ, у твоего
მარნის კარი გიჭრიალებსო, აქს-	виннаго подвала дверь скрипитъ.
დელი აგვიხადე ყელი ჩაგვიმა-	Вскрой намъ нескрытый кувшинъ и
ჭრიანე.	дай промочить горло свѣжимъ виномъ.
მალა კვიკვი ჩარჯახშია, კუღას	Сижу высоко я подъ Чардахомъ ¹⁾ и
კარაკრაკებდო.	пью вино изъ Кулы (деревян. кув-
	шинъ для вина съ узкимъ и длин-
	нымъ горломъ).

№. 13.

ურბუელი შალაური. Аробная.

(Дер. Шалаури).

არალო არალო. შენ ჩემო შავო	Аралу арало. Черный ты мой буй-
კამეჩო,	воль,
რა დავაშაკე შენ წინა,	Чѣмъ я передъ тобой провинился?
გამოვე საფსუღო ბლახი,	Кормиль я тебя лѣтомъ травой,
სამთრიკ დავაბი ბზესედა.	А зимой саманомъ и сѣномъ.

№. 14.

კალოური. Гумновая.

არალო არალო.	Аралу арало.
ობლის დედა ციროდა, შვილი	Сироту мать оплакивала, что сынъ
მომიკლა მსემო:	убить солнцемъ.

¹⁾ Чардахомъ наз. палатка, которая надвѣвается на арб.

„არცა მე მოკვალ, არცა შენ, მინ- ლორმა მოკლა გებელმაო“.	„Онъ убить не мною и не тобою, а убить длинной утомительной степью“.
„დანამა ბროლის მინდვრები მარ- გალიტისა წვიმამო“.	„Бриллиантовымъ дождемъ оросило не- объятную степь“.

№. 15.

დიდება. Слава.

დიდება და ღმერთსა, დიდება!	Слава Богу, слава!
პირველად და ღმერთი და კახსე- ნოთ,	Сначала произнесемъ имя Бога,
ის უფრო დიდებულთა.	Тотъ болѣе Всемогущій.
დიდება, და წმინდა და გიორგი.	Слава тебѣ, святой Георгій!

№. 16.

სათამაში. Плясовая.

დიდებულთა გიორგი, ალაღალეო,	Славимый Георгій, алалалео,
უფლისგან გამდიდრებულთა,	Богомъ возвышенный,
ჩვენი ბატონი გიორგი.	Ацкурскій покровитель Георгій,
აწყურის თავს ბრძანებულთა,	Силою твоего могущества я наказана,
შენი ძალით დამწკარი ვარ,	Что и выплакано мною. !
გამოკვირე თავი ჩემი!	

№. 17.

იაკ ნანა. Спи фіалка ¹⁾).

იაკ ნანა, ვარდო- ნანა, იაკ ნანინაო!	Спите, фіалки, спите розы,
იასა ვკრეფ, ვარდსა ვკო-ნაკ . . .	Баюшки баю! ²⁾
შენს აკვანსა აკაყვავებ ვარდო- ნანი-	Спи дитя, мое родное..
ნაო.	Розы, фіалки собираю,
იაკ ნანა, ვარდო- ნანა, იაკ ნანინაო.	Колыбельку украшаю,
აქ ბატონები მობძანდნენ,	Спите, фіалки, спите, розы,
მობძანდნენ, მოეფინენო, ვარდო-	Къ намъ пріѣхали вельможи
ნანინაო	И малютку навѣстили.
იაკ ნანა, ვარდო- ნანა იაკ ნანინაო.	Семь сестеръ, и семь братьевъ
შვიდი და ძმანი მობძანდნენ,	Колыбельку окружили.
შვიდ სოფელს მოეფინენო- ვარდო-	Спите, фіалки, спите розы.
ნანინაო.	Семь палатокъ златотканыхъ,
შვიდი კარავი იაკნანინაო.	Деревень семь окружають.
იაკ ნანა, ვარდო- ნანა,	Всѣ цвѣточки собирають.
შვიდი კარავის კალთასა	И палатки украшають.
	Спите, фіалки, спите, розы.

№. 18.

სარით ტირილი. Похоронное причитаніе.

პირველი დედაკაცი. ვაიმე შვილო- შენს დამკარგავსა.
 მეორე. წახველ და წახველ შვილო- და დაგვტოვე, ნეტა
 ბაღალი იყო-ს მე შენ მაგიერათ ჩაკწო-ლილიყავი.

¹⁾ Слова и переводъ взяты изъ сб. М. М. Ип.-Иванова.
²⁾ Повторяется послѣ каждой строки.

№. 21.

სათამაშო. Плясовая.

აღაღაღო- გიხდება სიმხიარულყო,	Идетъ къ тебѣ веселость,
1. აღაღაღო- კაღაღაღო	Алалало валалало.
აღაღაღო- სიცილი ღაწათიანი.	А равно веселый смѣхъ.
2. ვარი ვარი ვარაღაღო-	Вари вари варалало
აღაღაღო- მენახოს შენი გვირგ- კინი,	Желалъ бы видѣть твой вѣнецъ,
2.
აღაღაღო- წითელი ღალის ფრი- ანი,	Сіяющій рубинами,
1.
. ჟკან მოგდეკდენ მაყრები,	Чтобы твои провожатые
2.
. თოფ იარაღი სმლიანი,	Были вооружены съ ногъ до головы,
2.
. მეც ჟკან მოგჩანჩალებდენ	И чтобы я сзади плелся,
1.
. ჩემი ტვირი ქამანჩიანი.	Наигрывая на волынкѣ-каманчѣ.
2.

№. 22.

ღიამბეგო ქალს გიქებენ. Засѣдатель, говорятъ, что твоя
дочь красавица.

ღიამბეგო, ქალს გიქებენ, არი არა-	Засѣдатель, говорятъ, что дочь твоя
ლო-	красавица.
გადმო-დგება ბალკონზედა,	

გდმო-დგება ბალოკონსელა გიორ- გობასედაო.	Она показывается на балконѣ только въ день храмоваго праздника
თეთრი გიორგის კარსელა.	блага Георгія.

№. 23.

შაკლეგო. ფერსუღლი. Шавлего.
(Хороводная).

შაკლეგ შენი შაკი ჩოხა შაკლეგო, (2)	Шавлегъ, ты къ своей черной черкескѣ
შაკად შეგისამებია, (2)	подобралъ все принадлежности
ყაწიმები გისდებოდა, (2)	одежды подѣ цвѣтъ.

ო-ი კვირა და ცხოველო ცხოვე- ლო! (2)	О, Воздвиженіе животворящаго Креста!
შენ სალო-ცაკათ მოკელო მოკე- ლო. (2)	Я пришелъ къ тебѣ съ молитвой.

№. 24.

გლესამ და გლესამ. Точу да точу.
(Покосная).

1. გლესამ და გლესამ ნამგლო.	1. Точу и точу тебя, серпъ,
2. ნამგლო ჩემო რკინა,	2. Серпъ мой желѣзный,
3. ქასურის სალოესაკითა.	3. Косурскимъ брусомъ:
2.	2.
4. გაგლესამ და მიგაყუდებ.	4. Наточу и прислоню.
2.	2.
5. გასჭერ გამიძეს წინაო.	5. Иди впередъ и рѣжь.
2.	2.

ჰარალალი ჰარალალი.

Аралали аралало.

2.

ამ კილო-ზედ მღერინ კდეკ
„ზემერელო-ს“ შემდეგი სიტყვე-
ბით:

На этотъ же мотивъ поютъ еще „Зем-
крело“ со слѣдующими словами:

ზემერელო, ზემერელო, ზემე-
რელო, ჩამო-დიო!

Земкрело, Земкрело, Земкрело, сойди!

არ ჩამოხვალ, ჩამოგუგდებ, ზემ-
ერელო, ჩამო-დიო!

Не сойдешь, силой сведу. Земкрело сойди.

№. 25.

მგზავრული. Походная.

უახტანგ (და) მეფე ღმერთს უყვარ-
და: (და-ე)

Царя Вахтанга Богъ любилъ:

Съ небесъ благовѣсть до слуха его до-
носился,

ცილამ (და) მოესმო-და რეკა, (და-ე)
ილბრუსე (და) ფეხი შედგა, (და-ე).

На Эльбрусъ онъ ногой вступилъ,

მალლა მთებმა (და) შექმნა ღრეკა
(და-ე).

И вся горная высь предъ нимъ пре-
клонилася.

№. 26.

ცანგალა გოგონა. Дѣвица Цангала.
(Плясовая).

ცანგალა ქალაქს წავიდა, ყურბენი
მოიგანაო.

Цангала въ городъ пошла, изъ города
виноградъ принесла.

ყურბენი თითონ შეჭამა, საფლაკი
გამითხარაო.

Виноградъ сама съѣла, а мнѣ могилу
вырыла.

ცაში კეკე, ბანი მართა, თამაშობაც
გუგუქმართა!
ბანი გუითხარით ბიჭებო, არალო-
ლი ვსთქვათ სმიანი.

Таши (хлопай в ладоши), Катя, вторь
ты, Марта, будемъ всё мы веселиться.
Вторьте намъ и вы, ребята, всё́мъ хо-
ромъ складнѣй поется.

შენი ჭირიძე ძმა ხარო, მთავარ
ანუელო-ს ჰგუეხარო.
ქუდი გვერდზე დაგიჭხურავს, ამ-
პარტავანსა ჰგუეხარო.

Милый братецъ мой, ты похожъ на Ар-
хангела.
На бекрень надвинулъ шапку и важ-
ничаетъ собой.

ივანე, ივანე ჭილაო, თაკები დაგე-
ჭიროო,
ხორცი გუდაში ჩაგეწყო, ცუკები
დაგეჭიძო.

Иванъ, Иванъ Чила, хоть бы ты мышей
поймалъ.
Ихъ мясо въ кожухъ запряталъ, а шкур-
ки натянулъ для сушки.

გოგო შენკი გენაცვალე, შენი და-
ლახტუელი თმისა,
გათხოვებას გიპირობენ, ვერ არა
ხარ შვიდი-წლისა.

Дѣвица красавица съ волнистыми во-
лосами.
Тебя хотятъ замужъ отдать, но тебѣ
нѣтъ и семи лѣтъ.

ნათლიდედამ დამხატყა, გამიკეთა
ხაკიწიო
კოჭლი გოგო ათამაშა, იმის ცოდ-
ვით დავიწვიო.

Кума меня пригласила и ушкѣми на-
кормила,
Хромую дѣвочку плясать заставила,
чѣмъ вымотала мою душу.

შენი ძმობის სიყვარული გუენებში
ჩამიგდია,
თუ რომ გუელით არ მიყვარდე,
ჩემი რუჭუელიც დამიგდია.

Любовь и дружба твои засѣли глубоко
мнѣ въ сердцѣ.
И если я не люблю тебя всё́мъ сердцемъ,
пусть падетъ проклятіе на меня.

№. 27.

სუფრუღლი. Застольная.

არ დაიჭირავს სიკვდილსა გზა Смерти ничто не может удержать: ни
კიწრო, კერცა კლდოვანი, узкая, ни скалистая дорога.
მისგან გასწორდეს ყოველი: სუს- Она ровняет собою всёхъ—и слабыхъ,
ტი და ძალგულოვანი. и сильныхъ сего міра.

ძმოდ, რა სჯობდა ძმობასა, ერთ- Братъ мой, другъ мой! Что лучше друж-
მანეთისა ყმობასა, бы между нами?
მე მამინ მოგეგონდები, ორთ რომ Эти мои слова и меня ты вспомнишь
გცემდნენ მარტოსა. лишь тогда, когда двое будутъ
бить тебя одного.

№. 10 ¹⁾ (прил. I).

ლეჟსი თ. აკაკი წერეთლისა. Стихотв. кн. Акакія Церетели.

ჩემო თავო, ბედი არ გიწერია! Я не рожденъ подъ счастливой звѣздой...
ჩემო ჩანგო, ემსით არ გიყუღებია! Сердцу не вѣдать блаженства любви.
ჩემო გულო, ტკბილად არ გიბ- Не звучи, лира, восторженной мольбой,—
გერია, Милая, врагъ мой... скорблю я душой,
რადგანც სატროფო, ვხედავ ჩემი Что не рожденъ подъ счастливой звѣз-
მტერია!.. дой.

მით ვლო-ვლოხეთს მარდ გულოთ Жизнь для меня лишь мученіе, адъ...
კატარებ! Чуждъ для всёхъ я, никто мнѣ не радъ.

¹⁾ Переводъ взятъ изъ сб. М. М. Ипполитова-Иванова (отдѣльн. оттискъ изъ № 45 журн. «Артистъ» за 1895 г.).

თუ მარტო ვარ, თავს მამაკვდავს
 ვადარებ,
 თუ ხალხში ვარ ძალიდ ღრუბელს
 ვადარებ,
 და მიწყენით ჩემსედ მტერს არ
 ვახარებ,
 რომ არა სთქვან ჩემსედ: „რა
 ოხერია!“

ჩემო თავო, ბედი არ გიწყერია!
 (და სხვ.)

აღარა აქვს ბოლო ამ ჩემს სა-
 ტანჯველს,
 არკინ მამლეკს სანუგეშოდ მმურად
 ხელს;
 ჩემს შარბათში ნაღველს ვჭკვრეთ
 და ვარდში გველს,
 მისთვის ვწყევლი და ვემღებო ამ
 სოფელს,
 რომლისგანაც მე გზები ამერია!

ჩემო თავო. ბედი არ გიწყერია! (და
 სხვ.)

რალას ველი, დრო არ განქრეს
 იმედი;
 გინდ მეწვიოს, კერას მარგებს აწ
 ბედი,
 დამწვარი ვარ ისე, რომ გორც აბედი!
 ახა ღმერთო, რა უდროვოდ დავ-
 ბერდი:

Молодъ лѣтами, но старъ я душой,
 И не рожденъ подь счастливой звѣздой.
 Наединѣ съ собой страшно томлюсь,
 А лишь въ средѣ людей, — всѣхъ сто-
 ронюсь,
 Чтобъ не сказали: „несчастнй какой,
 Онъ не рожденъ подь счастливой звѣз-
 дой!“

Еслибъ надежда хоть на мигъ одинъ
 Мнѣ посулила восторги любви,
 Я бы не вынесъ блаженства счастья, —
 Слишкомъ усталъ я, страдая, любить!
 Смерти желанной съ восторгомъ я жду, —
 Можетъ за гробомъ покой я найду.
 Мимо могилы она хоть пройдетъ, —
 На прахъ несчастнй слеза упадетъ!
 Люди хоть скажутъ, взглянувъ на нее:
 „Бѣдная плачетъ, — любила его!“
 Нѣтъ мнѣ отрады, — не миль мнѣ весь
 свѣтъ...

Въ розахъ отравა и горекъ шербетъ.
 Какъ не роптать мнѣ надъ злою судь-
 бой?

Я не рожденъ подь счастливой звѣздой!

სამარისკენ ფეხი გამიშკერია!...

ჩემო თავო, ბედი არ გიწერია!
(და სხვ.)

დაკუბლოურდი, განქრა გიჟი ოცნე-
ბა...

ნაღვლიანად ჩემს თავზედ მეცინება
და ღმერთს კკედრებ: „ღმერთო,
მომეცი ნება,
რომ მეღირსოს საფლავში დაძი-
ნება!..

სჯობს სულ განქრეს კაცი, რად-
განც მოკვრია!“

ჩემო თავო, ბედი არ გიწერია!
(დი სხვ.)

ამ სევდისგან სიკვდილმან დამიფა-
როს,
რომ ამ გულზე მე მიწა დამეყა-
როს,

ეგებ მაშინ იქ სატოფომ გამაიაროს
ჩემს საფლავზედ ცრემლები ჩამო-
ყაროს.

და ხალხმა სთქვან დახეთ რა მწუ-
ხარეა,

ჩემო თავო ბედი არ გიწერია!

№. 14 d) (прил. I).

აზღალღეი და აზღლე.	Аралей да арале.
ამო-დ'უღდი მარგალიტო-, ნაგუ- (Строка не переводима).
ბარში ჩადეკ წყალო-,	
აზღალღე ისეკო.	Арале опять.
არც ისეთი ღ მახი ხარ, რა თავს	И не такая ты красавица, чего ты важ-
იმადღეები ქალო.	ничаешь, д'вица!

№. 15 d) (прил. I).

ჩაკრულო. Чакруло ¹⁾.

ჭარალო და თარალო.	Арало да тарало.
მო ²⁾ ღხინი ვნახოთ და ღვთის	Посмотримъ веселье ради Бога.
მადღსაო.	
ჭარალო აი და ჩაკრულო.	Арало ай да чакруло.

№. 16 (прил. I).

აზი აზალი აზალო და, აზღალღო	Ари арали арало да, аралало да.
და.	
ვაი, რა ბედი დაკვარეე გასათხო	Увы, какое несчастіе постигло меня —
ვარმა ქაღმაო:	д'вицу:
ჩიქილა ქარმა მომტაცა, სამუბღე	Покрывало мое унесло в'тромъ, а го-
წყაღმა წამართო.	ловной уборъ утачила р'ка.

¹⁾ Подъ словомъ чакруло, чакрули, гакрули мы подразум'ваемъ музыкальный терминъ, указывающій на модуляціи въ п'снѣ.

²⁾ მო ნიშნავს-მოდო.

კახურისიმღერები. Кахетинскія пѣсни.

№ 1. კახეთური. ГУМНОВАЯ.

Adagio. *ad libit.*

ჰეი ვინ გელოდებენთ ვის სუნთ, ის უფრო
 ადრი-ღე - ბულო.ს თ. ძი ვარ. თათს ძი ვარ. თათს ის უფ.
 რთ ჰეი ჰეი ძინ. თე ბულო. ს. თ ჰეი თ. თ. თ უფრო

a tempo *Allegro non troppo.*

a tempo

№ 2. გუთნური. ПЛУЖНАЯ.

Adagio-rubato.

ჰეი ვა დი, ვა. ძი. რი და გუ. თან ნი ძინ. ვინ ის. თისა . . . თ,
 ძი. რი და გუ. თან ნი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი ჰეი
 ჰეი. ჰეი. რი. ს. რს. ლეი. რი. ს. რი ს. ლთ. ჰეი. თ. ჰეი. თ

№ 3. ურბული აჭურული. АРОБНАЯ (деревня Ацкури).

Adagio. *Moderato, poco rubato.*

ს კა - ძე - რი დგას და ი. უთხ . ნის,
 თან ვის ა. ძინ. რი ჰეი. ნი . ს, და ლათ. ში რათ. ლუ. ლი უ. რე.
 - ძი შინ ძი. ტს . ნი . ლი ჰეი. ნი . ს. და
Tempo I.
 ს - რს - ლთ და ს რი . ს . რს. ლი, ს . რს .
 - ლთ და ს და

წარმოთქმის ჰეი უფრო.

№ 4. ბაბა. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Andante rubato.

ბა - ბა.ბა ბა.ბა.ბა ბა - ბა.ბა ბა.ბა.ბა ბა.ბა ბა.ბა.ბა

acceler. ბა.ბა.ბა - ბა - ბა.ბა ბა.ბა.ბა.ბა ბა ბა - ბა.ბა.

a tempo

№ 5. სათამაშო. ПЛЯСОВАЯ.

Allegro.

გე - ნატე - ვს - ლეო რე - ძა ქმა - რთ გე - ნა - დი - რთს

ეს - რს - ი - ა, მს - რი მს.რი მს.რი ვს.რს - ლეო მს - რს -

- ლა - რს ტანთ რა.გე.ცოლს თუთ.რი ვა.ბა ს.რი ს.რი ვს.რს.ლეო

ს - რს - ლა - ლა ს - სს - ლეო.ხად რს.რს - ი - ა

ვს.რი ვს.რი ვს.რი ვს.რი ვს.რს - ლეო მს

1) Длительность 16 $\frac{1}{2}$ больше на $\frac{1}{2}$ или около этого.

№ 6. გუშური. РАБОЧАЯ.

Allegro non troppo.

მთმ. ხი. ბ. ღოთ ვათ. Вариантъ 2го голоса.

№ 7. ქიზიყური შაშვთ ღამეზო. КРАСАВЕЦЪ СКВОРЕЦЪ.

Andante.

(Кизиқийская)²⁾

1) Реприса написана для дальнейшего текста.
 2) Кизиқийцами наз. грузины Сигнахск. уезда Тифл. губ.

№ 8. ბერი კაცი ვარ. Я СТАРЬ.

(ქართლული. Карталинская).

Adagio. Allegro non troppo.

ბ-რი კ-ცი ვ-არ, ნუ მთმკლამ ნუ მთმკლამ,

riten. Tempo I.

ნუ მთმკ - ლამ თ მთ - ი - თ

მთ - ი ნუ მთმკ - ლამ ს რა ვარ -

Moderato. *riten.*

- უბს უვ-ლას გმთ.ბს.სს გმთ.ბს.სს გმთ.ბს.სს

Tempo I. 1) *accel.* *riten.*

გმთ .ბს . სს - ს რი ს - რი გმთ - ბს - სს.

1) Эти два четверти немного скорѣе.

№ 9. მსურული. СВАДЕБНАЯ.

Andante.

The musical score consists of four systems, each with a vocal line and a piano accompaniment line. The key signature is one sharp (F#) and the time signature is 3/4. The lyrics are written in Georgian and Russian.

System 1:
 Vocal: თო ს - რს - ლას - ლოი ს - რს - ლოი ს - რი - ს - . . . თ
 Russian: ს - რს - ლას - ლოი ს - რი - ს - რს - ლოი ს - რს - ლას - ლოი

System 2:
 Vocal: ს - რს - ლას - ლოი ს - რი - ს - რს - ლოი ს - რს - ლას - ლოი
 Russian: ს - რს - ლას - ლოი ს - რი - ს - რს - ლოი ს - რს - ლას - ლოი

System 3:
 Vocal: მთვ - ღი - ვსრთ მთვ ვი - სს - რი - ს - ნლ ჭეი ჭეი ღს
 Russian: მთვ - ღი - ვსრთ მთვ ვი - სს - რი - ს - ნლ ჭეი ჭეი ღს

System 4:
 Vocal: ს - რს - ლას - ლოი მთვ - ღი - ვსრთ მთვ -
 Russian: ს - რი - ს - რს - ლოი ს

1) В этом такте 1^м и 2^м голоса делают такие колебания звуков, каких нотами передать нельзя.

ს - რი

გო - ხს - ტიღსხი ს - რსალოთი ს - რსალოთი ს - რი - ვს - რსალოთი

ს - რსალოთი თ ი რს მთავრებს წი - თე - ლი სთხთ - ბი

წი - რი ს - რს

წი - რი ს - რსალოთი

წი - რი ს - რსალოთი

მთავრებს წი - თე - ლი სთხთ - ბი

ს - რსალოთი ს - რსალოთი

მთავრებს

ს - ს - რსალოთი

ს - რი - ს - რსალოთი

№ 10. კახური გძელაძის ვახუშტის მიხედვით. МРАВАЛЖАМІЕР ДЛИННОЕ.
(Кახетинское).

Moderato, poco rubato. Andante.

1)

მრს-ვა-ლუ - უს - ბი - ერ უს ს
ლუ - უს - ბი - ერ ს სრსლთ

ბ
ს - რს - ლთ ს - რს - ლთ

Adagio. 3)
უს - ლს - ლთ
უს - ლს - ლთ
ad libit.
უს - რს
უს

Tempo III.
მრს-ვა-ლთ-უს - ბი - ერ
მრს-ვა-ლთ-უს - ბი - ერ

1) Тутъ такіа колебанія голоса, котормъ въ точности передать нельзя.
2) Этотъ тактъ совершенно не укладывается въ ритмическія рамки.
3) Въ сравненіи съ фортепіано этотъ звукъ ниже на одну 8^ю тона, или же на 1^ю 4^ю тона.

მწიკი - ვანი-ლო - ი
 მწიკი - ვანი-ლო

Moderato, poco rubato.

Adagio.

მწიკი - ვანი - ლო
 მწიკი - ვანი - ლო

ლოვი უნი - მი - ერი.
 ლოვი-უნი - მი - ერი ს - რი - ლო.

№ 11. ზამთარი. ЗИМА.³⁾

Andante.

lento.

ზამ-თარ-ი
 ზამთარი - ლო

1 & 2) См. примеч. 3 на предыдущ. стр.

3) Поется большей частью в с. Гурджаани и по ту сторону р. Алазани.

ad libit. Tempo I.

წამთსწი ვანდისა და წამ
ad libit. ს-რის-ლოთ წამ
 წამ

ad libit. Tempo I.

წამთსწი და ვანდისა და ნაჭუნთბის, თუთ-თალო წამთსწი
 წამთსწი

Tempo II.

ს. წამ
 წამ წამ-თსწი-თ წამ
 წამ

წამთსწი წამ
 წამ წამ-თსწი-ლოთ წამ
 წამ

1) 8-ი და 8-ი ნაძილი.
 2) 8-ი 16-ი სიჩქარე.

№12. სუფრეწილი და ძირი დამატება. ЗАСТОЛЬНАЯ И ЕЯ ДОПОЛНЕНИЕ.

1) ad libitum

თი რს ქუჩილია ბიჭებო, თი რს ქსრსუნო და ღებობა

Adagio. *Allegro non troppo.*

და შუა ქუჩილია ბიჭებო შს. რს. შუა ქუჩილია ბიჭებო შს. რს.

riten. *Tempo I.*

ლოთ შს რს ქუ.

ad libit.

ჩი. ლი. ა ბი. ჭე. ბო, რს ქს. რს. უნ. ნი ღებ. ბა.

1) Восемь не очень скоро.

Tempo I.

თ. ს. რს-ლოთ
 1) უს უსო ს. რს-ლოთ და თს. რს-ლოთ

უსო ს. რს-ლოთ და უს-რი-ს. რს-ლოთ

ad libit.

რს ქუ-რი-ლოთ-ს ბი-ჭე-ბთ, რს ქს-რს-ვს-ნი ღვე-ბს-თ თი

Tempo I.

უს-რე-ნს *ad libit.*
 უსო რს ქუ-რი-ლოთ და ბი-ჭე-ბთ,

უსო რს ქს-რს-ვს-ნი და - ღვე-ბს-თ. თი უსო უსო

1) Данный звукъ находится между *f* и *fb*.

a tempo

ღის ი თი რს ქს-რს-ვს-ნი თი უს
 ღის რს ი თი რს ქს-რს-ვს-ნი თი უს

ad libit.

თი რს ქუ-რი-ლო-ს ბი-ჭე-ბთ, რს ქს-რს-ვს-ნი ღის

a tempo

ს-რს-ლოთ ს-რი-ს-რს-ლო ს-რს-ლო
 ს-რი-ს-რს-ლო

ჭე
 უს ი
 უს

ს-რს-ლოს-ლო ს-რი-ს-რს-ლო
 უს ს ს

ad libit.

მარნის ვარდი ვიჭერო-ლოებსო,

ad libit.

მას-ვიბ-ძე-ლოთ, ჩემო ლხინოთ, მარნის ვარდი ვიჭერო-ლოებსო,

a tempo

მარნის ვარდი-თ

Allegro non troppo.

მად-ლას ვზო-

Moderato.

ვარდი - ღახს - ში - ს, კუ - ღახს ვა -

ვარდი - ღახს - ში - ს, კუ - ღახს ვა -

რის - კრის - კებ - დი - თ რას.

რის - კრის - კებ - დი - თ რას.

№13. ურბური შალაური. АРОБНАЯ.

(დერ. Шалаური.)

Andante.

ს-რის-ლოუ ს-რის-ლოთ და შენ ჩემო შავო ვა-ძე-

რთ, და რის-ღას-შავე შენ წინა, გა-ძო - ვე

ზავსულო ბა - ღას - სი, ზამთრივ და - -გა - ბი ბზე-ზე-ღას.

1) Эта четверть в темп Allegro.
 2) Немного скорее Moderato.

№ 14. კალთური. ГУМНОВАЯ.

Andante. poco rubato

ს-ღას-ღოუ-ს ს-რს-ლოთ სრ-ჯეს-ბე მოკ-კას-ღ, სრ-ჯეს

riten. *a tempo*

უენ, ვანს-ლოთ მინ-დორ-ძის მოკ-ღას გქელობს - თ.

Moderato. № 15. დიდებს. СЛАВА!¹⁾

დი-დე - ბს და ღებერთ-სს, და დი-დე - ბს!

დი-დე - ბს და ღებერთ-სს, დი-დე - ბს თ! თ

ДЛЯ САМЫХ.

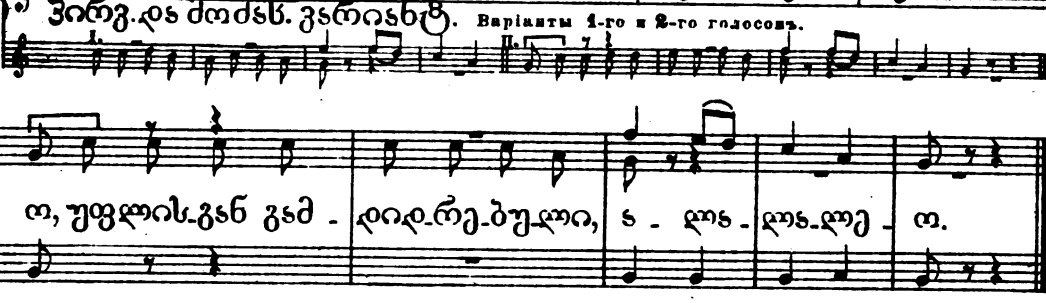
№ 16. სსთასძსმთ. ПЛЯСОВАЯ.²⁾

Allegro non troppo.

დი-დე - ბუ-ლო ს ვი-თრ-ვი, ს - ღას - ღას-ლო

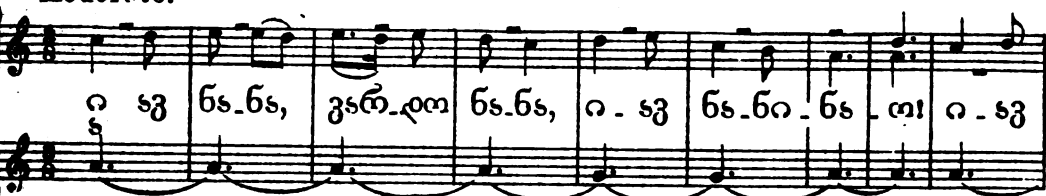
ვირგ-ღას მოძსს. ვანრისნტ. Варианты 1-го и 2-го голосов.

თ, უფლოის-ვან ვამ - დიდ-რე-ბუ-ლო, ს - ღას - ღას-ლო - თ.

№ 17. იავ ნსნს. СПИ, ФІАЛНА.³⁾

Moderato.

ი სვ ნს-ნს, ვანრ-ლო ნს-ნს, ი - სვ ნს-ნი - ნს - თ! ი - სვ

1) ზანს. ავ დ. დიური, თელავს. უ. თფლასი. გ. ნოთა ნაკლებით მენაძის, ნოდა ახდობა დერ-
გონიუ აგრადუ
2) ზანს. თამ-შე. ნოთა ნოსა ახდობა დერ-გონიუ აგრადუ.
3) იქონი ათა რასპროსტრანენა ნო ათი გრუიას.

ნს - ნს, ვსრ - ღთ ნს - ნს, ო - სვ ნს - ნო ნს - თ!

№ 18. ზსრით ტირილი. ПОХОРОННОЕ ПРИЧИТАНИЕ.

Moderato.

ad lib.

ვადმე შვილი შენს დამკარგავ სს. ოსხველ და ოსხველ

შვი - ლთ და დავგ - ტო - ვე, ნე - ტს ბს - და - ლი ო - უთს

მე - შენ მს - გი - ე - რათ ჩავ - ოთ ლი - ლი უს - ვი.

poco rubato sempre
უძლეებ, შვი - ლთ, უძ - ლეებ, რსს ო - ზსვ რსს ო - ზსვ

დაძვ ვს - ლთ უნ - და გს - უძ - ლთ.

№ 19. ოსვ ნსნს. СПИ, ФИАЛКА.¹⁾

Moderato.

ad lib.

ო - სვ ნს - ნს ვსრ - ღთ ნს - ნს ო - სვ ნს - ნს - თ,

1) Поется женщинами въ праздникъ Св. Георгия Побѣд. въ дер. Ацкуря.

a tempo

ბს-ტო-ნო-გო-თრ-გო-ვ და-ღე-ბუ-ლოთ და-ო-სვ ნს-ბო

ad lib.

ნს-ო. თს-ვო-ღე-ღე-გუ-ქვს და-სს-ძს-რ-თს-ლო კო-ღე-ვ

a tempo

ღე-ღე-ბუ-ლოთ გო-თრ-გო-ო-სვ ნს-ბო-ნს-ო.

№ 20. მკაში. ЖАТВЕННАЯ.¹⁾

Allegro non troppo.

ჰე-რი თ ჰე-ჰე-ოს

მინ-ღვრ-ი-და-მ მის-ვს-ლო-შენ-ქს-ლოთ, მთ-ყ-ფრ-ი-ს-ლო-ებ კა-ბს-სს.

ad lib.

მ-ნე-ტ-ს-ვი-შე-მ-ს-ტ-უ-ბ-ი-ნ-ო, რ-ო-გ-ო-რ-ს-ფ-ს-ე-ბ მ-ს-ვ-ს-ს.

a tempo

ჰე-რი-ო

1) Петь только двое.
 2) Эту такту произносится хором голосомъ свободно произвольными звуками.
 3) На отки-и нотакъ произносится слободно, речитативо, а на послѣдней нотѣ два слога произвольно.

№ 21. სათამაშო. ПЛЯСОВАЯ.

Allegro.

ს - ღოს ღოს-ღოთ გინ-ტე-ბს სიმ - ხი - ს - რულო, ს - ღოს -
 ღოს - ღოთ ვს - ღოს - ღოს - ღოთ ს - ღოს - ღოს - ღოთ
 სი-ცოდლოღოს წს-თი-ს-ნი, ვს-რი ვს-რი ვს-რის ღოს-ღოთ ს.
 ვს-რიანტე-ბი. *Varianty.*

№ 22. ЗАСѢДАТЕЛЬ, ГОВОРЯТЪ, ЧТО ДОЧЬ ТВОЯ КРАСАВИЦА.

Adagio. რიამბე-გო, ქსელს გიქე-ბენ. Moderato.

რი-ამ - ბე-ი ჭეღას ჭეღ რი-ამ-ბე-გო, ქსელს გი-ქე-ბენ,
 ჭეღი ს-რი-ან-რის - ღოთ რი-ამ-ბე-სმ ბე-ი-ჭეღ რის ჭეღი რის
 გარ-ძორ-გე-ბს ბს-კონ-ზე-რის, ჭეღ - ი ს-რის - ღოთ
 გარ-ძორ - გე-ი - ე რის ჭეღ გარ-ძორ-გე-ბს ბს-კონ-ზე-რის

riten. 1) *Tempo I.* *Tempo II.* *Tempo I.* *Tempo II.*

1) Этотъ звукъ всездѣ звучить на одну 8-ю или на одну четверть тона анже, въ сравненіи съ фортепіано.

Tempo I.

გი-თრ-გო-ბა - ზე - ღა - თ - შა ო ს

Tempo II.

თუთ-რი გი - თრ - გის კარ - ზე-ღა.

№ 23. შავლეგთფერს ელი. ШАВЛЕГО.

(Хороводная)

Andante.

შავ-ლეგ შე-ნი შა-ვი ჩო-ხა შავ-ლე-გო,

შე-ნი შა-ვიღა ჩო-ხა შავ - ლე-გო,
შა-ვადშე- გი-ხა - ბე-ბი -

შა-ვად და შე-ვი - ხა-ბე - ბი-ს, შავ-ლე -

1) Звукъ этотъ между Sol и Sol #.

1)

გთ, შა-წი - მე-ბი გინ-ღე - ბთ-ღა, შავ-ლო- გთ

გთ შა-წი

1. მე-ბი გინ-ღე - ბთ-ღა, შავ-ლო- გთ. 2. ძთ-ვე - ლთ.

ქართული სიმღერები. Карталинскія пѣсни.

№24. გოგსამ და გლოგსამ. ТОЧУ ДА ТОЧУ.²⁾

(Покосная)

Moderato.

გოგსამ და გლო- სამ ნამ- გა-ლოთ, ნამ-გა-ლოთ

ვე-ძთ ში-ღა - ნა. ქა-სუ - რი სს - ლე-სს -

1. ვი-თა ნამ-გა-ლოთ ვე-ძთ რი-ღა - ნა. 2. რი-ღა - ნა.

1) Съ этого такта движеніе постепенно прибавляется и переходитъ въ быстрое.
 2) Поется въ д. Хведурети, Горійск. у.

№25. მგზავრულა. ПОХОДНАЯ.¹⁾

Moderato.

ქა ვახ-ტანგ და მე-ფე ღმერთს უწ-ვარდა და

ე ცოდამ და მთ-ეს - მთ-და რე-გა და ე

№26. ცანგაღას გოგონა. ДЪВИЦА ЦАНГАЛА.²⁾

(Плясовая)

Allegro.

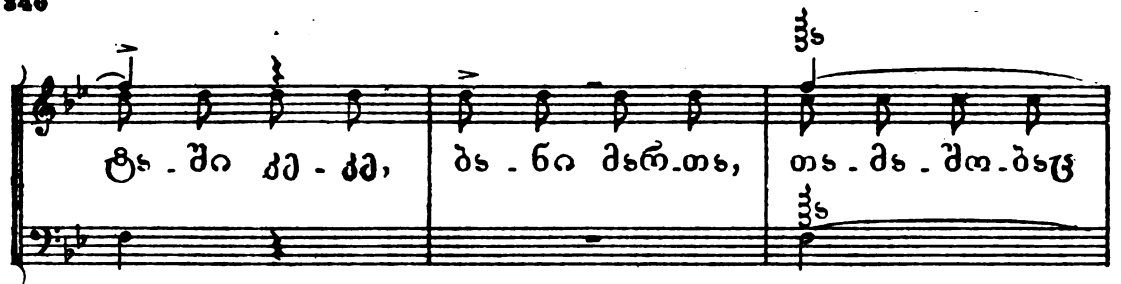
ცან-გა-ღას გო-გო-ნა უს ცან-გა-ღას ქს-

ღასქს წს-ვი-ღას უს უსრქე-ნი მთ- ი-ტან-ს-თ, უსრქე-ნი თი-

თთნქე-ჭს-მა სსოღას-ვი გა- მითხს-რს-თ - ცან - გა-ღას

გო-გო - ნა ცან - გა-ღას გო-გო - ნა უს

1) Поется въ д. Самтавиш, Гориск. у
 2) Поется въ д. Ховლე, Гориск. у
 3) При повтореніи второй гласъ поетъ сын.

ტა - ში ძე - ძე, ბა - ნი მარ - თა, თა - მს - შო - ბაჲ

გაგ - ვე - მარ - თა! ბა - ნი გვით - ხს - რით ბე - ჴე - ბო,

ა - რს - ჯა - ჯი ვსთქვათ ხში - რი ცან - გა - ჯა გო - გო

ცან - გა - ჯა გო - გო ჴა ცან - გა - ჯა გო - გო - ნა

ჴა შე - ნი ჴი - რი - მე ძმა სს - რთ, მთავარ - ნ - გე -

ჯოჯო - ჴე - ნა - რთ - შუ - რი გვე - რ - ჴე რა - გი - ჴსუ - რს - ვს,

ამ-ჰან-ტა-გან - სს ჰეგე - სს - რთ ცან - გა - ლას

1. გთ-გთ-ნს ცან-გა-ლას გთ-გთ-ნს
 2. დას დასდას. გთ-გთ-ნს თ.

№ 27. სუფრეული. ЗАСТОЛЬНАЯ.¹⁾

Andante.

ad lib.
 ან დან-ჰინ-გის სიკვიდილს სს გზავიწრობურ-ცა კლით-განო,

Adagio.

poco rubato
 ღს ე ან-საათ-ღს ან-ღს - რს

¹⁾ Песня из д. Сантавино, Горійск. у.

ad lib.

სწი ღაღი-ჭიღიღეს სიკვდილისა ვხს ვიწმინთ, ვერც კაღღაღა ვს -

Tempo I.

- ნი, ღაღი

ს - რს - ლე

ad lib.

მის-გან ვას-წიღიღეს უთ-ვე-ლი: სურს-ტი ღაღი - გუ-

Tempo I. **немного**

ღაღი - ვს - ნი

ს - რს -

1) Звукъ находится между Sol и Sol б
 2) 16-тя медленнѣе.

სკორზე.

ს
რს
ლო-ე

Moderato.

ძმს-თ, რს სჯობ-ღას ძმობს-სს, ერთობს-ნე თი-სს

1)

Adagio.

sempre poco rubato

სს ს-რს-ლოთ

sempre poco rubato

უძობს-სს, სს-რე-ნი

3)

სს-რს-ლოთ

სს

ს-რს-ლოთ ს ს

1) Эти полумоты несколько меньше по длительности.

First system of a musical score in 2/4 time, featuring three staves (treble, vocal, and bass). The lyrics are in Georgian. The vocal line has lyrics: "თო უს-რს-ლე" and "ს-რს-ლე". The bass line has lyrics: "ო" and "ო".

Tempo II.

Second system of the musical score, marked "Tempo II.". It features three staves. The vocal line has lyrics: "ს-რს-ლას-ლე" and "მე მამინ მთავარ ღებო". The bass line has lyrics: "ს-რს-ლას-ლე".

Tempo II.

Third system of the musical score, marked "Tempo II.". It features three staves. The vocal line has lyrics: "ს" and "ს უეო". The middle staff has lyrics: "თრთ რთმ გცემდ-ნენ მარ-ტო - სს. უეო". The bass line has lyrics: "ს" and "ს უეო".

Fourth system of the musical score, marked "poco rubato". It features three staves. The vocal line has lyrics: "უს-რო-ს-რს-ლე" and "უს-რს-ლათ და თას-რს-ლათ". The bass line has lyrics: "უს-რს-ლათ და თას-რს-ლათ".

О ГРУЗИНСКОЙ ДУХОВНОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКѢ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАПѢВОВЪ

на литургіи св. Іоанна Златоустаго

у грузинъ Тифлисской губерніи.

Д. И. Аракіева.

О грузинской духовной народной музыкѣ.

Въ области грузинской духовной народной музыки, сдѣлано еще меньше, чѣмъ въ области свѣтской музыки. Если послѣдняя далеко не исчерпана и не изслѣдована по многимъ вопросамъ, то относительно духовной нужно сказать, что она почти не тронута; это, за нѣкоторыми исключеніями, совершенно непочатый уголь. Такимъ образомъ работы въ этой области много, и работы кропотливой, сложной. Сколько времени пройдетъ еще, пока соберется весь матеріаль, сгруппируется и проанализируется, — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, не собравъ всего того, что есть, нельзя будетъ приступить ни къ ея всесторонней разработкѣ, ни къ общимъ выводамъ. Приходится, слѣдовательно, ограничиваться пока только разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ вопросовъ. Постараемся сдѣлать посильное въ этой области, предположивъ сначала небольшую историческую справку относительно церковной исторіи грузинъ. Эта предпосылка поможетъ намъ ориентироваться въ нѣкоторыхъ музыкальныхъ вопросахъ, а также покажетъ намъ дѣятельность грузинъ въ исторіи христіанства на Востокѣ.

I.

Грузія, какъ извѣстно, древнѣйшая христіанская страна. Народное преданіе, сохранившееся въ грузинскихъ лѣтописяхъ, говоритъ, что, при раздѣлѣ странъ между апостолами для Евангельской проповѣди, Иверія (т. е. Грузія) досталась въ удѣлъ Божіей Матери. Въ грузинскихъ и русскихъ источникахъ одинаково читается: „По вознесеніи Господа нашего Иисуса Христа на небеса, совокупны быша ученицы въ Сионѣ, съ Марією Матерію Иисусовою, и ожидаху Утѣшителя, якоже повелѣ имъ Господь отъ Иерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія отъ Господа; метнуша же жребія, гдѣ коемуждо отъ нихъ которая страна будетъ, еже бы тамо проповѣдати Божіе Евангеліе. Рѣче же Пресвятая: „хощу и Азъ съ вами метнути мой жребій, и яко да не безъ части и Азъ буду, но да имамъ страну, юже ми Богъ подати изволитъ“. Они же благоговѣнно и со страхомъ метнуша по словеси Божіа Матере, и паде Ей жребіемъ Иверская земля. И приѣмши Пречистая Богородица съ радостію той жребій, абіе хотяше пойти въ Иверскую страну. Ангелъ же Божій рече Ей: „не отлучайся нынѣ отъ Иерусалима, но пребуди здѣ до времени, жребій же, Тебѣ падшій, просвѣтитя въ послѣдніе дни, владычество Твое пребудетъ тамъ“¹⁾. Богоматерь только предъ своимъ блаженнымъ успеніемъ услышала радостную вѣсть о троекратномъ путешествіи въ Иверію св. Ап. Андрея съ благо-

¹⁾ М. Г. Джанашивили. Исторія Грузинской церкви. Кн. I, стр. 5—6. Тифлисъ, 1898.

вѣстью о Христѣ, и это удостовѣряютъ какъ мѣстные преданія и писанія, такъ и свидѣтельства великихъ отцовъ церкви ¹⁾. Ап. Андрей, — читаемъ въ грузинской лѣтописи, — прибылъ въ Грузію въ царствованіе (Парсмана); изъ мингрельскаго города „Трапизона“ онъ вступилъ въ картлійскій городъ Дидъ-Адчара, жителей котораго вмѣстѣ съ окрестнымъ населеніемъ обратилъ въ христіанство, назначилъ имъ священниковъ и діаконовъ, воздвигъ „прекрасную“ церковь во имя Пресв Дѣвы Маріи и, вручивъ новой паствѣ копию съ иконы Богородицы, отправился далѣе въ глубь Картліи ²⁾. Такимъ образомъ, почва для христіанства была уже подготовлена, и нужно было появиться св. Равноапостольной Нинѣ, чтобы завершить это дѣло, объявивъ Христа своимъ Богомъ и Спасителемъ. Въ 324 году грузины торжественно приняли крещеніе, и такимъ образомъ святой крестъ былъ утверждёнъ въ центрѣ Кавказа.

Распространеніе христіанства въ Иверіи столь было успѣшно и твердо, что уже Прокопій, писатель VI вѣка, могъ сказать: „Иверы лучше всѣхъ народовъ хранятъ уставы христіанскаго вѣроисповѣданія“. И дѣйствительно, нужно имъ отдать справедливость, познавъ эту религію, грузины всѣмъ своимъ существомъ предали ей, и, не взирая ни на какія бури, сохранили ее въ продолженіи многовѣковой своей исторической жизни во всей чистотѣ.

Нововозникшая грузинская церковь была приписана къ ближайшей патриархіи Антиохійской, и съ тѣхъ поръ Грузія вошла въ сферу религіознаго и культурно-политическаго вліянія Византіи. Съ этой эпохи начинаются частыя сношенія между обѣими церквами и не прекращаются вплоть до паденія Константинополя.

Заслуги грузинъ въ христіанскомъ мірѣ вообще и предъ Іерусалимскою церковью въ особенности многозначительны. Грузинскіе Багратіоны производя родъ свой отъ царя-пророка Давида, считали себя родственниками Богоматери, и потому не щадили своихъ силъ и средствъ для поддержанія величія и славы того мѣста, гдѣ жила Дѣва Марія съ своимъ Божественнымъ Младенцемъ. Сношенія Грузіи съ Св. мѣстами Востока и дѣятельность грузинъ тамъ, продолжавшіяся въ теченіе XV вѣковъ, составляютъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ не только въ исторіи грузинской церкви и народа, но и въ исторіи культуры христіанскихъ народовъ вообще. „Грузины въ теченіе многихъ вѣковъ являются въ Св. Землѣ, то какъ паломники и подвижники, то какъ книжники и художники, то какъ воины и защитники Св. Гроба. И по мѣрѣ того, какъ прошлое Св. Земли будетъ уясняться, разноязычная и многовѣковая литература о ней будетъ разработана и сдѣлается достояніемъ науки, тогда и исторія XV-вѣковой дѣятельности грузинъ въ Св. Землѣ вполне выяснится и займетъ подобающее ей мѣсто во всеобщей исторіи“.

II.

Въ Св. Землѣ грузины появились еще при первомъ христіанскомъ царѣ Миріанѣ († 342 г.), который въ Іерусалимѣ основалъ знаменитый монастырь св. Креста. Усердіе грузинъ не ограничивалось только этимъ. Послѣ Миріана храмы и монастыри продолжали появляться, и въ результатѣ возникло около 20 монастырей какъ въ Іерусалимѣ, такъ и на Кипрѣ, на Синаѣ, въ Трапезундѣ и на Черной горѣ (въ Сиріи).

¹⁾ М. Г. Джанашивили. Исторія Грузин. церкви. стр. 6.

²⁾ Ibid. стр. 7—8.

Монастыри эти подробно описаны грузинскими паломниками XVIII в. съ указаніемъ, который изъ нихъ кѣмъ выстроенъ, или возобновленъ, когда и кто подвизался въ нихъ, кто что жертвовалъ для нихъ ¹⁾ и пр.

Голгова искони составляла принадлежность грузинъ. Когда Голгоѳу завоевали арабы (мамелюки), царь Багратъ получилъ ее обратно, заплативъ имъ большія деньги. Послѣ завоеванія ея османами въ 1517 г., царь Леванъ выкупилъ Гробъ Господень, Голгоѳу и др. святые мѣста и монастыри и обстроилъ ихъ мраморомъ. Бывшій въ Іерусалимѣ въ 1479 г. извѣстный путешественникъ Тухеръ говоритъ, что грузины въ его время владѣли Голгоѳой, что царь ихъ послалъ большіе подарки султану египетскому и получилъ обратно Голгоѳу, „которою они и теперь владѣютъ, отправляютъ богослуженіе и поютъ на своемъ языкѣ“ ²⁾.

На Аѳонѣ грузины имѣютъ еще больше заслугъ, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Монастырь Аѳо на подгоріи Аѳонской горы построенъ грузинами вскорѣ послѣ 780 года. Сколько было въ то время грузинскихъ подвижниковъ—не видно, но ихъ, вѣроятно, было не мало, такъ какъ ко времени прибытія на Аѳонъ и Олимпъ св. Иларіона—грузина слава означенныхъ мѣстъ получила всеобщую извѣстность ³⁾.

Въ царствованіе императора Василія (867--886) улумбійскіе грузины выстроили монастырь въ Константинополѣ и торжественно перенесли туда останки св. Иларіона-грузина. Съ этого времени число прибывающихъ въ Византію грузинъ увеличилось, и уже во второй половинѣ X в. они имѣли тутъ нѣсколько монастырей: Леонтійскій въ Солунѣ, Іоанна Колова въ Іериссо, Климентовскій на Аѳонѣ, пророка Ильи на вершинѣ Аѳонской горы и монастырь въ Романѣ. Тогда-же положено основаніе Иверскаго Аѳонскаго монастыря, самаго знаменитаго и благоустроеннаго между монастырями св. Аѳона. Иверскій монастырь на мѣсто Климентовскаго построенъ знаменитымъ Іоанномъ Иверомъ и его родственникомъ Торникіемъ, полководцемъ грузинскаго царя Давида Великаго. Окончена эта лавра въ 985 году. Въ ней іеромонахъ Гавріиль сотрудникъ Іоанна Ивера, получилъ откровеніе о явленіи чудотворной иконы Иверской Богоматери, которая спущена была въ море трапезондскою грузинкой, испугавшеюся преслѣдованія иконоборцевъ.

Икону эту вся грузинская братія торжественно перенесла въ монастырь и помѣстила въ воздвигнутую надъ воротами башню, и вслѣдствіе этого икона стала наз. „Карисгвтисмшобели“, т. е. „Портаитскою“ „Вратарницею“ ⁴⁾.

Грузинскіе цари и князья, особенно же Багратъ III-й, Багратъ IV-й, Давидъ Возобновитель, Георгій III и Тамара весьма много заботились о матеріальномъ обезпеченіи грузинскихъ монастырей и страннопріимныхъ домовъ, находящихся въ Византіи, Сиріи, Палестинѣ, на Синаѣ и на Кипрѣ. Особенно же много заботились грузины о поддержаніи славы Иверскаго аѳонскаго монастыря и монастыря св. Креста въ Іерусалимѣ: ихъ игумены считались представителями Грузіи—одинъ на Аѳонѣ (въ Византіи) и другой—въ Св. Землѣ, и имъ же ввѣрялось высшее наблюденіе надъ всѣми грузинскими монастырями въ Грузіи ⁵⁾. Мы не приводимъ монастырей, находившихся и находящихся въ самой Грузіи, такъ какъ это слыш-

¹⁾ Путешествіе по св. мѣстамъ архіеп. Тимофея, митр. Іоны; см. также труды Цагарели, Іоселіани и др. (Выноска въ книжкѣ М. Г. Джанашивили, «Грузинскія обители въ Грузіи», стр. 12).

²⁾ М. Г. Джанашивили. Грузинскія обители въ Грузіи. Стр. 14—15.

³⁾ Ibid. Стр. 19.

⁴⁾ Ibid. Стр. 20—21, 23.

⁵⁾ Ibid. Стр. 25—26.

комъ насъ завлекло бы въ сторону. Скажемъ коротко: если когда-либо существовала православная страна, всецѣло преданная своей религіи, то это именно Грузія. За родину и за религію свою, когда нужно было, когда требовали обстоятельства, вся страна во главѣ съ царемъ и 37 епископами, какъ одинъ человекъ, надѣвали доспѣхи и бросались на врага. Для нея жертвовали всѣ, начиная съ царя и кончая простолудиномъ.

III.

Царь Миріанъ, послѣ своего чудеснаго избавленія, послалъ пословъ въ Грецію, къ императору Константину, съ просьбою прислать въ Грузію священниковъ. Когда грузинскіе послы прибыли къ императору Константину и матери его Еленѣ, они исполнились неописанной радости, и немедленно отправили въ Грузію епископа Іоанна въ сопровожденіи двухъ іереевъ и трехъ діаконовъ и съ письмомъ Константина къ царю Миріану, въ которомъ онъ призывалъ благословеніе Божіе на царя и весь народъ. Затѣмъ было отправлено второе посольство (въ 326 г.), опять съ просьбой прислать побольше священниковъ, а также и архитекторовъ для постройки каменныхъ церквей. Все это было Константиномъ исполнено. Получивъ отъ Константина Великаго пастырей церкви, грузины приняли всѣ обряды греческой церкви, какіе успѣли тогда войти въ обыкновеніе, и признали постановленія перваго Вселенскаго собора.

Еще до кончины св. Нины грузинская церковь становится *архіепископальною*. Перваго грузинскаго епископа Іоанна, присланнаго изъ Константинополя, св. Нина назвала *архіепископомъ*¹⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что первое духовенство у грузинъ было греческое. Отсюда само собою вытекаетъ, что и первое христіанское грузинское пѣніе должно было быть греческимъ. Посмотримъ, однако, каково было это пѣніе приблизительно у самихъ грековъ, принимая въ соображеніе эпоху, а именно, первую половину IV вѣка.

„Въ первенствующей христіанской церкви“, говорится въ почтенномъ трудѣ свящ. В. Металлова, „первые три съ половиною вѣка исполнителями богослужебнаго пѣнія были сами члены той или другой общины, самъ народъ, тѣмъ болѣе, что общины эти обыкновенно были немногочисленны. По свидѣтельству писателя I вѣка по Р. Х. Филона Іудея, „христіане во время бдѣній своихъ, всѣ возставъ, раздѣлялись на два лика посреди храмина, мужи съ мужами, жены съ женами, и на обоихъ ликахъ былъ искусный запѣватель; потомъ они пѣли Богу пѣсни, состоящія изъ разныхъ стиховъ, то *по одинокѣ*, то *поперемѣнно*, съ приличными припѣвами“²⁾. „Иногда пѣвецъ запѣвалъ одну половину стиха изъ псалма, народъ оканчивалъ другую; или пѣвецъ возглашалъ стихъ, народъ повторялъ его, или въ отвѣтъ на него пѣлъ: „аминь“³⁾.

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ греками должно было быть введено въ употребленіе такое же общинное пѣніе, какое было во всѣхъ христіанскихъ церквяхъ. Была ли музыка этого пѣнія по характеру древне-греческая, или древне-

¹⁾ М. Г. Джанапвили. Истор. груз. церкви. Кн. I. Стр. 44—45, 61.

²⁾ Св. В. Металловъ. Очерки исторіи православнаго пѣнія въ Россіи. Стр. 40.

³⁾ Ibid. Стр. 41.

еврейская, или была совершенно новая, какъ говорятъ нѣкоторые историки, мы утверждать не станемъ. Нужно полагать, что она первоначально не была специально ни древне-греческой, ни древне-еврейской, а представляла, вѣроятно, соединеніе пѣснопѣній различныхъ народностей, входившихъ въ тогдашнюю христіанскую общину. Древніе евреи, вѣроятно, имѣли преобладающее вліяніе, такъ какъ ихъ ветхозавѣтные гимны и псалмы пророка Давида вошли непосредственно въ христіанскую церковь. Когда же къ IV вѣку установилось начало осмогласія, то съ этого времени, первенствующая роль переходитъ къ грекамъ, такъ какъ всѣ дальнѣйшія пѣснопѣнія христіанской церкви создаются въ древне-греческихъ ладахъ-гласахъ.

Какъ бы то ни было, вводя христіанскую религію, церковно-богослужебные каноны, пѣніе, сначала общинное, а затѣмъ съ началами осмогласія ¹⁾, греки являются въ Грузіи во всемъ законодателями. Ихъ вліяніе является совершенно исключительнымъ до тѣхъ поръ, пока грузинская церковь не становится сама на ноги, пока у нея не являются свои дѣятели, свои пѣснопѣвцы. До VI вѣка первые епископы и даже католикосы выбираются изъ грековъ, и только съ VI вселенскаго Константинопольскаго собора „Мцхетская церковь въ Грузіи признана автокефальной, равной по достоинству съ католическими и патріаршими престолами“. Съ 545 года католикосы Иверскіе выбираются изъ грузинъ, и первымъ такимъ главою грузинской церкви является Савва ²⁾.

IV.

Самостоятельность грузинъ въ отношеніи церкви нисколько, конечно, не мѣшаетъ ея тѣсному, послѣ водворенія христіанства, общенію съ Византіей, гдѣ они стараются какъ можно больше черпать свѣдѣній, какъ по духовной, такъ и по свѣтской литературѣ. Получая греческое образованіе, грузины открываютъ школы при церквахъ и монастыряхъ, гдѣ занимаются переводами церковно-богослужебныхъ книгъ и рукописей для вновь насажденной грузинской церкви. Принявъ христіанство и приобщившись къ византійской образованности, грузины, усиленно работаютъ въ этомъ направленіи, чтобы по возможности тѣснѣе сблизиться съ однимъ изъ культурнѣйшихъ народовъ міра. Такое тѣсное общеніе съ Византіей, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ грузинамъ пользоваться плодами христіанской культуры и отъ другихъ народностей; мы видимъ, что они не менѣе усердно переписываютъ и переводятъ тѣ или иныя произведенія съ ассирійскаго и арабскаго языковъ.

Лавра св. Саввы въ Іерусалимѣ, основаніе которой въ V вѣкѣ приписывается сыну грузинскаго царя Бакара II Мурваносу, извѣстному въ монашествѣ подъ именемъ Петра, епископа Маюмскаго (Газскаго), является колыбелью грузинской письменности ³⁾. Эта лавра сохранила намъ рукописи съ VII по X вѣкъ ⁴⁾.

¹⁾ Осмогласное пѣніе, впервые установленное св. Іоанномъ Златоустомъ въ IV в., свидѣтельствуется Аввой Памвой въ разговорѣ съ своимъ ученикомъ (см. преосв. Филарета арх. Нѣжинск. и Черниговск. «Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческ. церкви». Стран. 266.

²⁾ А. С. Хахановъ. Очеркъ по истор. груз. словесн. Вып. I, стр. 145.

³⁾ Ibid. Стр. 155.

⁴⁾ А. А. Цагарели. Свѣдѣнія о памяти. грузинск. письмен. Вып. II. Стр. VII.

Въ этой же, вѣроятно, грузинской лаврѣ, подвизался знаменитый пѣснопѣвецъ православной церкви Іоаннъ Дамаскинъ, октоихъ котораго принять во всей православной церкви. Мы не говоримъ про другіе громадныя центры, каковы аеонскіе и синайскіе грузинскіе монастыри, которые возникли нѣсколько позднѣе. Но о нихъ въ свое время мы, коснемся мимоходомъ.

Какое же, однако, было пѣніе, какъ въ Грузіи, такъ и въ наиболѣе рано возникшихъ монастыряхъ, и было ли это пѣніе для грузинъ новымъ?

Пѣніе въ Грузіи первоначально было, разумѣется, общехристіанское, съ преобладающимъ, вѣроятно, еврейскимъ характеромъ, а затѣмъ позднѣе, когда появились гласы—то съ греческимъ. Иного пѣнія здѣсь быть не могло, такъ какъ греки же являются пионерами въ этомъ дѣлѣ, они же стоятъ во главѣ духовенства вплоть до VI вѣка. Если даже допустить, что греческое духовенство не пользовалось у народа любовью, такъ какъ оно управляло, не соображаясь ни съ мѣстными условіями страны, ни съ духомъ управляемаго народа, то и тогда пѣніе должно было быть именно такимъ, а не инымъ. Сами грузины-язычники не могли создать христіанскихъ пѣснопѣній. Это ясно. Затѣмъ, что это пѣніе для грузинъ было новое, въ этомъ, мнѣ кажется, тоже не можетъ быть сомнѣній. Всякій согласится, что когда грузины были язычниками, они не могли пѣть псалмовъ Давида, и еще менѣе распѣвать церковныя гласы. Все это могло войти въ Грузію только съ христіанствомъ. И если мы знаемъ, что осмогласіе легло въ основу христіанскаго пѣнія, то для грузинъ это осмогласіе было, во всякомъ случаѣ, элементомъ совершенно новымъ, и оно у нихъ, какъ и у другихъ народностей, также легло въ основу духовной музыки.

Сколько прошло времени, пока грузины освоились съ новымъ христіанскимъ пѣніемъ, опредѣлить въ точности нельзя, но что оно стало распространяться уже при водвореніи христіанства, на это у насъ есть указанія изъ эпохи Вахтанга Гургаслана (въ V ст.), гдѣ говорится, что во время перенесенія мощей первомученика Раждена ¹⁾ и далѣе св. Шушаники ²⁾ пѣли псалмы. „Подняли мощи св. Шушаники при участіи всего духовенства, и при пѣніи духовныхъ псалмовъ пришли въ церковь“ ³⁾.

Въ общемъ, конечно, нужно было пройти вѣкамъ, для того чтобы это новое пѣніе проникло въ кровь и плоть грузинскаго народа; нужны были помимо времени большія усилія, чтобы переродить народъ настолько, чтобы онъ впоследствии не только перенималъ, но и самъ создавалъ на своемъ музыкальномъ языкѣ хвалу Богу. Все это на первыхъ порахъ, вѣроятно, далось не безъ борьбы. Быть можетъ, не разъ духовенству приходилось идти на разныя ухищренія, какъ, напр., замѣнять въ языческихъ обрядахъ тексты и пѣніе христіанскими пѣснопѣніями, или, наоборотъ, гимны, принадлежащія языческимъ богамъ, примѣнять къ обрядамъ христіанской церкви, такъ какъ свои напѣвы болѣе близки и т. п.; какъ бы то ни было, но, благодаря тѣмъ или инымъ усиліямъ и историческимъ факторамъ, грузины, въ концѣ концовъ, не только восприняли это пѣніе, но впоследствии развили его сообразно своимъ особенностямъ, чему, разумѣется, помогли національныя, историческія, географическія и др. условія, выставивъ съ своей стороны такого

¹⁾ Церковь Иверская отъ лица своего собора, при царѣ же Вахтангѣ, причла мученика Раждена къ лику святыхъ въ 457 году (Исторія грузинской церкви до конца VI в. М. Сабинина. Стр. 81).

²⁾ Празднуется 28 августа. Ibid. Стр. 125.

³⁾ Сакартвелос самотхе—Грузинскій рай. М. Сабинина. Стр. 192.

дѣятеля и пѣснопѣвца, какъ св. Михаилъ Модрекили ¹⁾ въ X ст., составившій большой сборникъ грузинскихъ церковныхъ пѣснопѣній съ нотами (невмами).

Разумѣется, появленію св. Михаила Модрекили должны были предшествовать времена, которыя подготовили бы почву для его появленія. Грузія должна была имѣть свое духовенство, своихъ дѣятелей; но, какъ извѣстно, почва эта давно подготовлялась. Помимо монастырей извнѣ, уже въ VI ст. въ Грузію являються 13 знаменитыхъ Сирскихъ отцовъ, которые основываютъ въ самой Грузіи монастыри, служащіе не только разсадниками благочестія и нравственности, но и просвѣщенія, приготовляя между прочимъ контингентъ духовныхъ служителей. Школы, которыя были учреждены при каѳедральныхъ храмахъ, переходятъ въ эти монастыри, и такимъ образомъ, просвѣщеніе всего духовенства и народа переходитъ въ руки благочестивыхъ монаховъ.

Благодаря такому положенію дѣла, въ результатѣ появляются свои подвижники, свои дѣятели, которые работаютъ уже въ національномъ направленіи. Такой именно работѣ отчасти способствуетъ греческое духовенство, которое не признаетъ грузинскихъ священно-мучениковъ, принявшихъ за религію мученической вѣнецъ, и грузинамъ волей-неволей приходится самимъ причислять ихъ къ лику святыхъ своей церкви и создавать имъ свои пѣснопѣнія, т. е. тропари, кондаки и т. п.

Отсюда, конечно, въ результатѣ получается самостоятельная дѣятельность, какъ въ области сочиненія текста пѣснопѣній, такъ и въ области музыки.

Такимъ путемъ грузинское пѣніе развивается и къ концу X ст. выражается въ огромномъ пергаментномъ сборникѣ пѣснопѣній, собранномъ, какъ мы выше говорили, и нотированномъ невмами св. Михаиломъ Модрекили. Послѣдній, закончивая свой трудъ, оставляетъ намъ въ томъ или иномъ мѣстѣ слѣдующаго рода приписки: „Слава Тебѣ, Христе Боже, источникъ всѣхъ благъ! Съ великою помощію Твоею окончены пѣснопѣнія Святаго Воскресенія Твоего, яко благословенъ еси и и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь. Съ помощію Великаго Бога, я грѣшныи, суетои мірской поглощенный, опечаленный тяжестью сознаваемаго ничтожества, Микель Модрекили, трудился и сверхъ безсилія моего собралъ пѣснопѣнія сіи — Святаго Воскресенія Христа, которыя обрѣлъ на языкѣ грузинъ: мехурскія, греческія и грузинскія, согласныя съ догмами христіанской церкви, дабы возглашать Господа, паче восхвалять его силою, чистотой и правдой вѣрнѣйшихъ сихъ молитвъ съ безошибочными знаками“ ²⁾. Или: „собралъ пѣснопѣнія, существовавшія на языкѣ грузинъ: мехурскія, греческія и грузинскія, и внесъ въ святую книгу сію со всѣми подробностями и истинами, обработавъ лично, призывая на помощь свое знаніе“ ³⁾. Такимъ образомъ, изъ этихъ приписокъ мы видимъ, что св. Михаилъ Модрекили является не только собирателемъ, но и пѣснопѣвцемъ, обработавшимъ и приводившимъ въ порядокъ тѣ или иныя пѣснопѣнія. Каковы были его знанія въ области теоріи музыки, насколько былъ образованъ этотъ подвижникъ, намъ пока ничего неизвѣстно; нужно полагать, что для своего времени это былъ человекъ во всякомъ случаѣ музыкально образованный, иначе бы онъ не взялся за такое большое дѣло.

Помимо этого, изъ другихъ приписокъ даннаго сборника мы узнаемъ еще, что у грузинъ были сочинители пѣснопѣній и до св. Михаила Модрекили. Такъ,

¹⁾ Модрекили значить колѣнопреклоненный.

²⁾ И. Г. К а р г а р е т е л и. Краткій очеркъ грузинской народн. музыки. Стр. 13 (слова въ кавычкахъ).

³⁾ Ibid., 13.

напр., въ сборникѣ этомъ помѣщены пѣснопѣнія свящ. Іоанна Сабанисдзе, жившаго въ 762—795 гг. ¹⁾ и написавшаго три канона на день св. Або Тбилели ²⁾. Такимъ образомъ, уже съ VIII ст. Грузія вступаетъ на самостоятельный путь развитія и ко времени св. Михайла Модрекили вырабатываетъ свои пѣснопѣнія, которыя въ сборникѣ этого святого помѣщаются съ обозначеніемъ „грузинскія“ ³⁾.

Помимо пѣснопѣній свящ. Іоанна Сабанисдзе, мы въ этомъ сборникѣ встречаемся еще со слѣдующими лицами, написавшими тѣ или иныя пѣснопѣнія: Стефанъ Чкондидели, Іоаннъ и Стефанъ Мтбевари, католикось Арсеній (925—987), Іоаннъ Минчи, Іоаннъ Конкозисдзе, Іоаннъ Минета, Іоаннъ Месвета, Іоаннъ Гандзели и др. ⁴⁾.

Всѣ эти лица работали или во время св. Михайла Модрекили, или до него. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., епископъ Іоаннъ Мтбевари, были людьми выдающимися того времени. „Этотъ епископъ часто упоминается на всемъ протяженіи „гимницы“ (сборника), а на стр. 119-й встрѣчаются изображенія масляными красками, какъ его, такъ и Василія Кесарійскаго. Нѣсколько главъ этой „гимницы“ сочинены имъ, и на каждой сочиненной имъ главѣ есть приписка: „сказанныя Богомъ избраннымъ Іоанномъ мудростью души святой свидѣтели и лѣтописи“ ⁵⁾.

V.

Такимъ образомъ, дѣятельность этихъ лицъ вполне устанавливаетъ самостоятельный ходъ развитія у грузинъ духовной музыки.

Мы не упомянули еще о другомъ замѣчательномъ памятникѣ X ст. „Алавердійскихъ прмосахъ“. Рукопись эта также написана на пергаментѣ, нотирована невмами и находится въ церковномъ музеѣ при Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ. Авторъ этого сборника называютъ монаха Іордане, имя котораго упоминается въ припискѣ на рукописи, „хотя это послѣднее, достоверно не установлено, а пока остается только предположеніемъ“.

Какъ этотъ, такъ и тотъ сборникъ наталкиваютъ насъ на грустные размышленія. Сколько драгоценнаго, чѣмъ бы гордилась любая страна, уничтожено безконечными варварскими нашествіями враговъ на Грузію! Если даже и теперь, когда сохранилась какая-нибудь ничтожная доля рукописей ⁶⁾, мы удивляемся какъ богатству ихъ содержанія, такъ красотой и аккуратностью письма ⁷⁾,—какія неисчерпаемыя сокровища имѣла бы Грузія, если бъ сохранились рукописи за XV-вѣковое существованіе ея!

Не касаясь пока рукописей болѣе поздняго происхожденія, мы опять вернемся

¹⁾ «Грузинскіе свѣтск. и духовн. напѣвы». П. Карбелова. Стр. 46—75.

²⁾ Ibid. стр. 32.

³⁾ См. стр. 377 рукописи. «Груз. свѣтск. и дух. напѣвы». П. Карбелова. Стр. 43.

⁴⁾ «Груз. свѣтск. и духовн. напѣвы». П. Карбелова. Стр. 46.

⁵⁾ На страницѣ 78 «гимницы» (сборника) приведены рождественскія пѣснопѣнія, сказанныя епископомъ Іоанномъ Мтбевари (И. Г. Каргаретели. «Оч. груз. нар. муз.» Стр. 14).

⁶⁾ Въ 1770—1780 гг. католикось Антоній I собралъ въ Патріаршей Библиотекѣ при Мцхетскомъ соборѣ, какъ говорятъ, до 7000 томовъ рѣдкихъ грузинскихъ рукописей, отъ каковаго собранія дошло до насъ лишь весьма немного. (Свѣд. о памяти. груз. письм. А. А. Цагарели. Вып. I, стр. V).

⁷⁾ Исторія грузинской церкви до конца VI вѣка. Сабинина. Стр. 104.

въ рукописи св. Михаила Модрекили, гдѣ помимо пѣснопѣній, созданныхъ грузинскими отцами церкви, есть и греческія. Эти греческія пѣснопѣнія суть переводы изъ „Октоиха“ св. Іоанна Дамаскина. Когда были переведены эти пѣснопѣнія, мы затрудняемся сказать въ точности; если же судить по словамъ преосвященнаго Филарета, что „октоихъ и нѣкоторые каноны Дамаскина еще при его жизни стали вводить не только въ церкви Греческія, но даже въ Сирскія, у Яковитовъ и Несторіанъ“ ¹⁾, то и въ Грузію, онъ также, очевидно, былъ введенъ при немъ же, тѣмъ болѣе, что св. Іоаннъ Дамаскинъ подвизался въ грузинскомъ монастырѣ. Такимъ образомъ, пѣніе на восемь гласовъ въ Грузію могло войти уже въ VIII ст., хотя возможно, что и раньше, непосредственно изъ Константинополя, гдѣ уже „въ V вѣкѣ (449—458) на восемь гласовъ пишетъ свои воскресныя стихиры св. Анатолий, патриархъ Константинопольскій, и кондаки и икосы — св. Романъ Сладкопѣвецъ“ ²⁾.

Этими осмогласными пѣснопѣніями и октоихомъ, разумѣется, продолжается то тѣсное общеніе между греками и грузинами, которое началось съ водвореніемъ христіанства. Оно не прекращается и въ дальнѣйшемъ. Такъ, въ X и XI ст. свв. Евфимій и Георгій Аѳонскіе свѣряютъ и переводятъ вновь съ греческаго на грузинскій языкъ все богослуженіе. Словомъ, Греція для Грузіи продолжаетъ быть тѣмъ источникомъ, откуда Грузія черпаетъ, когда ей нужно, тѣ или иныя свѣдѣнія.

Мы только что упомянули имена переводчиковъ грузинскаго богослуженія свв. Евфимія и Георгія Аѳонскихъ. Эти подвижники много потрудились для грузинской церкви и въ частности для церковной музыки, такъ что считаемъ не лишнимъ сообщить о нихъ краткія біографическія свѣдѣнія. Второй въ особенности былъ выдающейся личностью своего времени. Уже одно его стихотвореніе „Вечерній звонъ, вечерній звонъ“, написанное по-гречески и переведенное по англійской передѣлкѣ Томаса Мура на всѣ европейскіе языки (въ томъ числѣ и на русскій поэтомъ Козловымъ), свидѣтельствуетъ о недюжинномъ поэтическомъ талантѣ Георгія Аѳонскаго ³⁾. Неутомимый и энергичный, онъ находился въ непрерывномъ передвиженіи изъ Грузіи въ Антиохію, изъ Антиохіи въ Іерусалимъ, отсюда на Аѳонъ, въ Византію, направляясь по мѣрѣ нужды и необходимости. Онъ то дѣлается аскетомъ, то бросается въ кипучую сферу дѣятельности, являясь строителемъ и правителемъ монастырей, переводчикомъ и редакторомъ церковно-богослу-

¹⁾ Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Ф и л а р е т а, архіеписк. Черниг. и Нѣжин. Т. III, стр. 269.

²⁾ Очеркъ исторіи православн. церкви. пѣнія въ Россіи. Свящ. В. М е т а л л о в а, стр. 15.

³⁾ Замѣчательный грузинскій дѣятель XI вѣка, Георгій Мтацмвидели, т. е. Святгорецъ, Аѳонскій, родился въ Самцхѣ, около 1014 г. Семи лѣтъ онъ былъ уже въ монастырѣ, сначала въ Тацзари, затѣмъ въ знаменитой Хахульской лаврѣ, когда въ ней было до 17 извѣстныхъ иноковъ-книжниковъ, изъ которыхъ главнымъ наставникомъ былъ о. Иларіонъ Тулаели. Въ 1021 г. онъ былъ отвезенъ дядею въ Константинополь, гдѣ оставался 12 лѣтъ, занимаясь науками и греческимъ языкомъ, послѣ чего онъ опять явился въ Хахуль. Около 1039 г., 25 лѣтъ отъ роду, онъ былъ посвященъ въ монахи учителемъ своимъ о. Иларіономъ. Въ томъ же 1039 году Георгій отправился на поклоненіе Св. мѣстамъ Востока. Побывавъ въ грузинскихъ монастыряхъ близъ Антиохіи, на Черной горѣ и на Дивной, три года оставался въ монастырѣ св. Романа. Достигши 30-лѣтняго возраста, онъ былъ посвященъ тамъ въ іеромонахи, и около 1044 года отправился въ первый разъ въ Іерусалимъ. Въ 1051 году Георгій былъ избранъ настоятелемъ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ. Вскорѣ послѣ этого, отказавшись отъ настоятельства, онъ отправился на Черную гору близъ Антиохіи (Памятники груз. письмен. въ Св. Землѣ и на Синаѣ. Проф. А. Ц а г а р е л и, стр. 45,—въ «Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ», т. IV, вып. I).

жебныхъ книгъ на грузинскомъ языкѣ, учителемъ и обличителемъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ. Разнообразіе его дѣятельности направляется единой могучей силой — желаніемъ послужить родной землѣ и ея интересамъ. Увлекаясь тѣмъ, что подсказывало назрѣвшее время, онъ оставилъ, при своей подвижной жизни, замѣчательные памятники своихъ литературныхъ занятій. По широтѣ дѣятельности съ Георгіемъ не можетъ сравняться ни одинъ изъ дѣятелей древне-грузинскихъ духовныхъ отцовъ, и одинъ св. Евфимій, настоятель Иверской обители, превосходить его по количеству переводныхъ работъ. Св. Евфимій оставилъ намъ 50 церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ (въ числѣ которыхъ указывается и на священныя пѣснопѣнія), но такая литературная плодовитость объясняется ограниченностью сферы дѣятельности, кругомъ иноческихъ добродѣтелей и литературныхъ занятій св. Евфимія ¹⁾.

VI.

Такимъ образомъ Георгій и Евфимій Аеонскіе трудились и для народной музыки. Создавали ли они сами пѣснопѣнія, подставляли ли подъ старыя мелодіи новый текстъ, или же брали греческія мелодіи у самихъ грековъ, намъ неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ нигдѣ указаній на это. Если они и заимствовали у грековъ мелодіи, что весьма возможно, то эти мелодіи, во всякомъ случаѣ, должны были сильно измѣниться въ грузинскомъ трехголосномъ пѣніи. Вообще мнѣ кажется, чьи бы они мелодіи ни положили подъ грузинскій текстъ, все равно эти мелодіи подъ влияніемъ вѣковъ, мѣста и вкусовъ должны были подвергнуться измѣненіямъ въ своемъ стилѣ и звуковыхъ комбинаціяхъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи нотныхъ знаковъ, или невмъ, мы видимъ такое измѣненіе. Образцы послѣднихъ, приведенные свящ. В. Карбеловымъ въ его „Утрени“ ²⁾, показываютъ намъ, что въ IX ст. у насъ были одни знаки, въ X — другіе, въ XI — XII — третьи, всѣ отличные одинъ отъ другого и не имѣющіе ничего общаго съ греческими нотными знаками. Если первоначальный источникъ былъ греческій, то отъ этого источника ничего не осталось. То же самое могло произойти и съ ихъ мелодіями. Разумѣется, если бы у насъ были подлинныя мелодіи византіяцевъ, то, сравнивая ихъ съ нашими, мы, можетъ быть, и усмотрѣли бы ту или иную связь съ грузинскими мелодіями; но такъ какъ ихъ нѣтъ, то и приходится въ этомъ отношеніи пока разсуждать только теоретически.

Но и разсуждая такимъ образомъ, намъ все-таки приходятъ иногда въ голову слѣдующія мысли. Предположимъ, что греческія мелодіи претворились въ грузинскомъ пѣніи, предположимъ, что оно не имѣетъ, какъ русское пѣніе, ни „тириремовъ“, ни „нененъ“, но все-таки должны же гдѣ-нибудь находиться какіе-нибудь греческіе термины, какъ напр., „фотизы“, „кулизмы“ и т. п., или хотя бы названіе ладовъ? Но напрасно мы стали бы теперь искать что-либо подобное, мы бы ничего не нашли за исключеніемъ только помѣтъ, которыя имѣютъ пожалуй, нѣчто общее съ греческими кратиматами и русскими помѣтами. Такихъ помѣтъ въ грузинскомъ пѣніи насчитывается пока 24 и имѣютъ они общее названіе „чрели“.

¹⁾ А. Х а х а л о в ъ. Очерки по истор. груз. слов. Вып. I, стр. 160—161.

²⁾ Они повторены нами въ „Очеркѣ развитія грузинской народной пѣсни“, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что у свящ. Карбелова нѣкоторые знаки воспроизведены киноварью.

Грузинское названіе каждой помѣты приведено въ книжкѣ П. Карбелова: „Грузинскіе свѣтскіе и духовные напѣвы“, на стр. 35; эти помѣты и названія взяты имъ изъ одной рукописи.

Такимъ образомъ, мы пока ничего не находимъ въ нашемъ пѣніи греческаго, а видимъ, наоборотъ, большій или меньшій самостоятельный ходъ развитія грузинской народной духовной музыки. Это послѣднее не прекращается и въ дальнѣйшемъ, чему служатъ доказательствомъ небольшія рукописи XVII—XVIII ст., какова, напр., рукопись, содержащая irmosы архимандрита Геронтія.

Конечно, такое самостоятельное движеніе въ области народной музыки, если прибавить сюда еще и наше трехголосіе, въ сравненіи съ тѣмъ, что дала европейская культура,—ничто; но, какъ продуктъ народной культуры, коллективнаго ея цѣлаго, а не художественнаго творчества отдѣльнаго индивидуума-композитора, эти произведенія имѣютъ свою стоимость. У другихъ народностей духовная музыка такъ и осталась на точкѣ замерзанія въ однополосіи.

Въ XVII—XVIII ст. грузинская народная духовная музыка попадаетъ въ лучшія условія. Въ ея развитіи и распространеніи принимаетъ участіе и царскій дворъ. Ираклій II, Георгій XII и др. принимаютъ въ этомъ дѣлѣ самое живѣйшее участіе, всячески содѣйствуя распространенію этого дѣла. Создаются при монастыряхъ школы, гдѣ знатоки церковнаго пѣнія передаютъ ученикамъ напѣвы, традиціи, способы исполненія.

Такимъ путемъ наше пѣніе, если, конечно, далеко не полностью, то хоть урывками сохраняется до настоящаго времени. И вотъ, если принять во вниманіе то количество монастырей, какое было у грузинъ, и то, что у cadaго монастыря былъ вѣроятно свой распѣвъ, то безчисленное количество грузинскихъ напѣвовъ представится съ яркой рельефностью. Но только гдѣ оно это безчисленное количество? Теперь у насъ говорятъ только объ одномъ „Карбеловскомъ“ распѣвѣ, который принадлежитъ тому же народу и который, между прочимъ, записанъ М. М. Ипполитовымъ-Ивановымъ и до сихъ поръ почему-то держится въ рукописи у свящ. Полиевкта Григорьев. Карбелова; изъ нея напечатана только литургія св. Іоанна Златаустаго. Но развѣ другихъ распѣвовъ не сохранилось? Нѣтъ, они сохранились. Они есть. Они должны быть!

Мы видимъ, что и сейчасъ въ отдѣльности попадаютъ прелестные напѣвы архимандрита Тараса (см. мою запись „Господи Помилуй“ въ нотн. прил.), а архимандрита Софронія сохранилась цѣлая литургія св. Іоанна Златаустаго (рукопись находится у Христ. Ник. Гроздова, инспектора муз. части въ Придворной Пѣвческой Капеллѣ). Слѣдовательно, какъ же тутъ можно говорить объ одномъ „Карбеловскомъ“ распѣвѣ? Нѣтъ, повторяемъ мы. Есть напѣвы. Должны быть напѣвы, только ихъ нужно искать, искать немедленно и записывать (фонографировать), пока время не ушло, пока еще не все пропало... ¹⁾

Однако мы нѣсколько отклонились. Возвратимся обратно къ прерванному и коснемся технической стороны вопроса въ грузинской народной духовной музыкѣ.

¹⁾ Что помимо «карбеловскаго» распѣва въ настоящее время существуютъ и другіе распѣвы, этому служатъ доказательствомъ моя запись литургіи, которая имѣетъ совершенно другія мелодіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ короткихъ пѣнопѣній, какъ, напр., «Аминь», «Господи помилуй», и речитативныхъ, какъ «Отче нашъ» и «Вѣрую».

VII.

Относительно какой-либо системы ладовъ или звукорядовъ въ грузинскомъ духовномъ пѣніи тоже приходится оставлять вопросъ открытымъ. Что въ основѣ послѣдней лежатъ церковные лады-звукоряды, это безспорно; это доказываютъ и обороты мелодій и каденцій. Но только къ какому типу принадлежатъ эти звукоряды, на это нѣтъ пока отвѣта. Если бы грузинское пѣніе было одноголоснымъ, тогда мы, можетъ быть, нашли бы что-нибудь общее съ ладами св. Амвросія Медиоланскаго, или папы Григорія Великаго; быть можетъ, мы усмотрѣли бы что-нибудь схожее въ эллинскихъ и византійскихъ ладахъ по ученію Арнольда и др. Но дѣло въ томъ, что грузинское пѣніе трехголосное; оно вышло уже изъ первоначальной стадіи развитія, одноголосія, и имѣетъ другія гармоническія традиціи; слѣдовательно, при всемъ желаніи, мы не можемъ здѣсь прилагать методъ Юрія Арнольда съ его симавами и діапевксисами, ни кого-нибудь другого. Приходится самимъ создавать методъ, для того чтобы правильно судить, въ какихъ церковныхъ ладахъ-звукорядахъ находится грузинская духовная музыка.

Впрочемъ, если бы намъ и при настоящемъ положеніи понадобилось сказать что-нибудь опредѣленное относительно техническихъ основъ въ грузинской народной духовной музыкѣ, то мы, несмотря на то, что большинство каденцій въ нашихъ пѣснопѣніяхъ тождественны съ каденціями пѣснопѣній западной Европы, не задумались бы сказать, что звукоряды нашихъ пѣснопѣній, во всякомъ случаѣ, ни Амвросіанскіе, ни Григоріанскіе, ни Глазевскіе и ужъ конечно не современный мажоръ и миноръ, а звукоряды народные, принадлежащіе грузинскому народу. Не вдаваясь въ техническій анализъ, и сейчасъ можно было бы сказать, что у грузинъ техническая основа, благодаря трехголосію и оригинальному второму голосу, нѣсколько отличная отъ техническихъ основъ другихъ народностей. Другой вопросъ, насколько оно отклонилось отъ первоначальнаго своего источника. Одинъ второй голосъ, который часто играетъ роль „свободнаго художника“, т. е. ведетъ себя независимо, вторя и въ то-же время играя самостоятельную роль, т. е. имѣя за собой тоже нѣкоторую исторію развитія, можетъ подтвердить это.

Такимъ образомъ, если грузинскія духовныя пѣснопѣнія по каденціямъ и сойдутся вообще съ церковными ладами другихъ народностей (лады эти: фригійскій, миксолидійскій, эолійскій и др.), то они же, благодаря второму голосу, трехголосію и другимъ особенностямъ, будутъ значительно отличаться. Имѣя нѣчто общее съ ними, они въ то-же время будутъ отличаться полной индивидуальностью. Здѣсь, конечно, гораздо важнѣе разсматривать звукоряды не со стороны каденцій, а со стороны внутренняго строенія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и пока наши звукоряды не будутъ основательно изучены, до тѣхъ поръ мы не будемъ знать въ подробностяхъ, насколько они отличаются отъ системъ ладовъ другихъ народностей. А чтобы изучить ихъ, нужно, какъ мы выше сказали, установить методъ, который, съ одной стороны, далъ бы возможность разрѣшить техническія основы въ грузинской народной духовной музыкѣ, а съ другой помогъ бы разобраться относительно короткихъ и длинныхъ пѣснопѣній, которыя имѣютъ рядъ модуляцій, и къ которымъ, слѣдовательно, нельзя прилагать одной и той же мѣрки.

Въ общемъ все это вопросы, предстоящіе для будущихъ изслѣдователей. Теперь, при всемъ желаніи, установить какой-нибудь методъ нѣтъ возможности, такъ

какъ нѣтъ правильныхъ и хорошихъ записей. Когда же весь матеріалъ будетъ собранъ, правильно записанъ и тщательно проанализированъ и раздѣленъ на группы, тогда и можно будетъ создать какой-нибудь методъ ¹⁾.

Итакъ, что же можно все-таки сказать о грузинской духовной музыкѣ и ея техническихъ основаніяхъ при настоящемъ положеніи?

VIII.

Грузія, будучи однимъ изъ могущественныхъ христіанскихъ государствъ на Кавказѣ, не создала какихъ-либо законовъ въ музыкѣ, — по крайней мѣрѣ, намъ пока въ этомъ отношеніи ничего неизвѣстно, — а основывала свою музыку на тѣхъ началахъ, какія въ христіанскомъ мірѣ тогда существовали. Получивъ первоначально духовное пѣніе изъ Византіи, она постепенно, благодаря историческимъ, климатическимъ, географическимъ и другимъ факторамъ, не только переработала, но и развила свое пѣніе до степени трехголосія, выдвинувъ всѣ индивидуальныя черты своей фізіономіи, и это несмотря на непрерывную связь съ Византіей, которая, если судить по сохранившимся трактатамъ, такъ и осталась одnogолосной или двухголосной. (См. объ исонѣ у прот. І. Вознесенскаго въ книжкѣ „О пѣніи въ правосл. церкв. греческаго востока съ древн. до нов. врем.“; стран. 17 и въ выноскѣ).

То-же самое нужно сказать и относительно технической стороны вопроса. Первоначальный источникъ гласовъ-ладовъ былъ вмѣстѣ съ мелодіями введенъ также греками, послѣ чего грузины развили ихъ сообразно своимъ понятіямъ, и насколько они послѣ этого отклонились въ этой области въ сравненіи съ другими православными народами, это можно сказать только при основательномъ изученіи нашихъ гласовъ ²⁾. Только послѣ такой работы, послѣ полученія „результатовъ извѣстной суммы знаній въ области музыкальной теоріи“ въ ту или иную эпоху, мы въ состояніи будемъ рѣшить тѣ или иные вопросы.

Въ общемъ нужно сознаться, что въ этой области слишкомъ много еще сложнаго, огромнаго, не разработаннаго. Если что можно будетъ сдѣлать въ этой области основательнаго, такъ это только съ теченіемъ времени, постепенно, не торопясь. Въ настоящее время, какъ мы и выше говорили, можно касаться только отдѣльныхъ вопросовъ и говорить въ общихъ чертахъ, какъ мы и сдѣлали, а съ другой стороны постепенно накапливать новый матеріалъ непосредственно изъ устъ народа.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ самому пришлось записать пѣснопѣнія на литургіи св. Іоанна Златоустаго, которыя я и считалъ небезполезнымъ опубликовать. Сообщу вкратцѣ, при какихъ условіяхъ это было сдѣлано. Когда послѣ поѣздки къ гру-

¹⁾ Между прочимъ относительно записи нужно замѣтить слѣдующее. Большинство нашихъ пѣснопѣній находится въ природномъ строѣ, а не въ современномъ темперированномъ, фортепіанномъ, поэтому записать точно многихъ пѣснопѣній нѣтъ никакой возможности. Нося всѣ признаки древности, какъ, напр., чрезвычайной протяженности и произвольности ритма, наше пѣніе усложняетъ въ этомъ отношеніи работу собирателя и наслѣдователя. Такимъ образомъ и здѣсь приходится думать о какомъ-нибудь способѣ, который бы далъ возможность записать мелодію точно и *См. устлій.*

²⁾ Свящ. Н. К. а р б е л о в ъ въ своей книжкѣ «Груз. дух. и свѣтск. нап.» утверждаетъ, что у насъ пѣснопѣнія на четыре гласа употребляются и донныя, тогда какъ въ другихъ церквяхъ они давно утрачены.

винамъ-казакамъ я прѣхалъ въ Тифлисъ, то сейчасъ же обратился къ мѣстнымъ знатокамъ груз. церковнаго пѣнія за помощью. Одинъ изъ нихъ далъ мнѣ рекомендательныя письма въ двѣ деревни къ знающимъ церковное пѣніе старикамъ-священникамъ. Прѣхавъ къ нимъ, я принужденъ былъ уѣхать несолоно хлебавши, такъ какъ въ домѣ у одного изъ священниковъ былъ трауръ. Когда я прѣхалъ въ другую деревню, то и въ этой деревнѣ у одного изъ пѣвцовъ-псаломщиковъ тоже оказался трауръ, такъ что и здѣсь ничего нельзя было подѣлать. Пришлось ѣхать обратно въ Тифлисъ. Здѣсь нѣкоторые священники, знатоки пѣнія, порядочно меня помучили и проморочили голову; имъ, очевидно, очень не хотѣлось, чтобы я вторгнулся въ ихъ область. Послѣ долгихъ хлопотъ, я наконецъ нашелъ человѣка, который принялъ въ моей работѣ самое живѣйшее участіе.

Это былъ отецъ Иродіонъ Иордановичъ Нанобовъ, благочинный Тифлисской желѣзнодорожной церкви. Вмѣстѣ съ нимъ, послѣ необыкновенныхъ проволочекъ, послѣ потери массы времени и чуть ли не слезныхъ просьбъ, мы, наконецъ, собрали пѣвцовъ (смотри снимокъ) и записали все, что могли. Одинъ изъ этихъ пѣвцовъ (средній), Георгій Заликашвили, уже преклонныхъ лѣтъ, можно сказать, рѣдкій знатокъ пѣнія и хорошій исполнитель перваго голоса ¹⁾. Разумѣется, за все это, въ концѣ-концовъ, я долженъ былъ благодарить отца Иродіона Нанобова. Благодаря его содѣйствію, мы, какъ бы то ни было, будемъ имѣть болѣе или менѣе хорошую запись цѣнныхъ духовныхъ напѣвовъ на литургіи св. Іоанна Златоустаго у грузинъ Тифлисской губерніи. Всѣ напѣвы записаны при помощи фонографа.

Пусть знатоки судятъ о болѣе или меньшей цѣнности моихъ записей, а мнѣ въ утѣшеніе остается пріятное сознаніе хотя отчасти исполненнаго долга по отношенію къ моимъ соотечественникамъ и родинѣ.

Д. Аранчіевъ.

¹⁾ Что касается остальныхъ, то я долженъ сказать, что налѣво сидитъ свящ. М. С. Омапидзе пѣвшій партію третьяго голоса, а направо дьяконъ Колубанской церкви Н. Л. Кучаидзе, исполнявшій партію втораго голоса. Кромѣ того я долженъ добавить, что мною не приведенъ еще одинъ пѣвецъ г. А. С. Чивадзе, которому я приношу глубокую благодарность; затѣмъ съ большою признательностью нужно упомянуть также о псаломщикѣ г. И. С. Мелекшишвили, много и безкорыстно потрудившемся для насъ въ этомъ дѣлѣ.

По поводу переложения грузинских пѣснопѣній съ фонограммъ на ноты.

Перелагая пѣснопѣнія съ фонограммъ на ноты, мы, разумѣется, натолкнулись на тѣ-же препятствія, на какія намъ приходилось наталкиваться раньше, во время записи свѣтскихъ пѣсенъ. Эти препятствія заключались главнымъ образомъ, какъ въ строѣ пѣснопѣній, которыя расходились съ нашимъ фортепианнымъ строемъ, такъ и въ томъ своеобразномъ народномъ ритмѣ, который имѣетъ свои законы.

Строй пѣснопѣнія иногда ставилъ насъ въ такое положеніе, что мы не знали, какъ намъ быть. Часто не было никакой возможности опредѣлить (на слухъ, разумѣется) звукъ даже приблизительно. Что же касается ритма, то въ отношеніи отдѣльныхъ тактовъ, когда, напр., длительность ноты звучала четверть съ 16-й, или полунота была безъ 16-й, или съ 16 плюсъ 32-я, или какія-нибудь другія комбинаціи, то мы ихъ поневолѣ уравнивали, такъ какъ другого средства намъ не оставалось. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы сдѣлали оговорки.

Тактовые черты и группировку мы сдѣлали для того, чтобы знали движенія мелодіи (темпы) такъ, какъ онѣ есть въ натуральномъ видѣ, хотя нужно оговориться, что всѣ эти темпы не метрономически точны. Въ общемъ все-таки только это желаніе заставило насъ отклониться отъ общаго правила—не ставить тактовыхъ чертъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что какъ ни цѣнна запись литургіи въ трехъ голосахъ, но слишкомъ частое злоупотребленіе второго голоса пѣтъ въ терцію съ первымъ голосомъ указываетъ уже на болѣе или менѣе воспитанный слухъ пѣвца; вслѣдствіе этого партія второго голоса не всегда намъ кажется стильной; крестьянинъ такъ терціей не злоупотреблялъ бы. Мелизмы исполняются, конечно, не по-европейски, а своеобразно.

Что касается пропусковъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній, то эти пропуски случились, какъ по нашему недосмотру, такъ главнымъ образомъ по недосмотру пѣвцовъ.

Д. А.

THE HISTORY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

The history of the United States of America is a story of a young nation that grew from a small group of colonies on the eastern coast of North America. In 1776, the thirteen colonies declared their independence from Great Britain, and the United States was born. The new nation faced many challenges, including the Revolutionary War, the Civil War, and the struggle for civil rights. Despite these challenges, the United States emerged as a powerful and influential nation in the world.

The United States has a rich and diverse culture, with people from many different backgrounds and ethnicities. The country is known for its freedom of speech, its democratic government, and its economic strength. The United States has played a leading role in the world, and its influence is felt in many parts of the globe.

The history of the United States is a story of progress and achievement. From a small group of colonies to a powerful nation, the United States has come a long way. The story of the United States is a story of hope and possibility, and it is a story that continues to inspire people around the world.

ქართულიეროვნული ცალობა. Грузинскія пѣснопѣнія³⁷
 ლიტურგიისა на литургію св. Іоанна
 წმ. იოსებო ქროზის წესი. Златоустаго въ народ-
 ной гармонизаціи.

№1. Molto adagio. სმობ. Аминь.

№2. უფალთ შებვიწუალებ. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ.
 Adagio.

№3. უფალთ შებვიწუალებ. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ.
 Adagio.

№4. უფალთ შებვიწუალებ. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ.
 Adagio.

№5. უფალთ შებვიწუალებ. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ.
 Adagio.

1) Знакъ V показываесть гдѣ пѣвцы вдыхали.

№6. უფალთ შებგვიუფალებნ ტარსისის. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ (Тараса)

Moderato.

უ - ფა - ლთ შებ - გი - უ - ფა - ლენ.

№7. შენ უფალთ. ТЕБѢ ГОСПОДИ.

Adagio.

შე - ნ ე უ - ლთ უ - ფა - ლთ.

№8. ამინ. АМИНЬ .

Adagio.

ს - ი - ი ს ს - მინ.

№9. ღირღებს ძამსსა. აკურთხევს სული ჩემი უფალსა.
 СЛАВА ОЦУ. БЛАГОСЛОВИ ДУШЕ МОЯ ГОСПОДА.

Adagio.

ღირ - ღებს ძამ - სსა და ძესა და შმინ - დასს სულ - სს

აკურთხევს სული ჩემი უფალსა და უთველი ვინებს ჩემი სსხელა -

Moderato. *riten.*

სა შმინდასს ძი - სს კურთხე - ულ სსარ შენ უ - ფა - ლთ.

1) По сравнению съ ф.-п. данный звукъ ниже.
 2) Звукъ fa# ниже.
 3) re# тоже

№10. აწ და მანადის. მსოფლიო შობილი.
И НЫНЪ, И ПРИСНО. ЕДИНОРОДНЫЙ СЫНЕ.

Andante.

აწ და მანადის და უკუნითი უკუნისამდე და მინ. მსოფლიო

შობილი ძე დამრთი. სს უკვ. და ვი არ. სე. ბს თავს იღვს

ჩვენსა ცხოვრებისა. თვის სოფ. ც. ნი შე. ის. ნს სულსისგან წმიდის.

Andante.

სს და მანადისა ქალწულისგან უქცეველი განკაც ნს

და ჰვანს ეცვა ქრისტი დამრ. თი ჩვე. ნი სიკვ. დი. ლი. თს სიკვ.

დიდი დასთრგუნს და ერთი წმიდისა სსძე. ბისა თანს დიდებულა

1) В эту одну четверть в tempo Andante.
 2) Фермату протянуть немного.
 3) Звучь по сравнению с ф.-п., ниже.

Andante. *riten.*

ანს მამისა და უფალად შინდის სულის გვაცხადებენ ჩვენ.

№11. უფალთ შებგვიწულებ (გძელო). ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ (длинное).

All. non troppo. *rit.* Molto adagio.

უფალთ შებ-გვიწუ - ლებ

ს ის ლებ ე ი ე ს ის

№12. მოვედით თაყვანის ვცეთ. ПРИДИТЕ ПОКЛОНИМСЯ.

Andante.

მო - ვე - დით თაყ - ვანის ვცეთ ე ი

ე ი ე და შე - ვუბ - დით ქრის - ტეს

გვაცხადებენ ჩვენ და მ - ლუთისა - თ

1) *re* и *do* ძივს ვ ამომ ლიხე.

2) *la* ლიხე.

3) მელინიე ნე ტაქ ბიჭრო პრონოსატსა.

4) ზუკი *si* ბემოლი ლიხე.

5) ვსე სპიტოე დო სიქ ნორ ბილი ვ პრივრონიოი სტრეი. ვაეა სო ვტორაო ტაქტა ნე სმიშეი დალიხე ვ ფენოგრაფი.

6) ზუკი *si* ლიხე.

მძიბეთ. Медленно.

წმინდათა შთაღონის სკვირ-ველთა მკალობა - ბე - ი - ე-ლი

ნი შე - ნი ს - ლალი - ლუ ი - ს

№13. უფალთა ღვსლავნე. ГОСПОДИ СПАСИ БЛАГОЧЕСТИВЫЯ.

Adagio. 3)

უფალთა ღვსლავნე კეთილმისხუტნი და ისმ - ნე ჩვე - ნი

№14. ამინ. АМИНЬ.

Molto adagio.

№15. წმინდათა ღმერთთა. СВЯТЫЙ БОЖЕ.

Allegro non troppo.

მინ. წმინდათა ღმერთთა წმინდა

Allegro.

Moderato.

Andante.

ბ - და - თა დღაი - ე ლა

წმინდათა მკალობა უ - გუ - დას - ს თა

- 1) 325 მედლიანო.
- 2) Все до сихъ поръ сѣтое, тоже самое, въ природномъ стрѣ.
- 3) Медленны не такъ быстро произносятся.
- 4) Вѣтъ присутствіе обрывается.
- 5) звукъ /a выше.
- 6) /a и si выше.
- 7) do и fa выше.

Adagio.

თ შვი - ვი - უს - ლენ ჩვენ.

№16. ღმინდათ ღმერთთ. სთფრინის. СВЯТЫЙ БОЖЕ. Софронია.
Adagio.

ღმი - ნ და - თ ღმე - რთ თთ ღმი -

ე - რ - ე - ნ და - თ ღმი - ნთ ღმი -

ე - რ - ე - ნ და თ უ - ღუ - და - თ და - თ

შე - რ - ე - ნ ვი - უს - ს - ლენ ჩვენ.

- 1) *fa* # ნიჟე.
- 2) Этот номер приводим так, как в фонограммъ. Басъ самъ шелъ мѣстами, благодаря плохо сточенному валлику. Второго голоса не выписали всего потому, что онъ поетъ правильно только со словъ „Святый Безсмертный“.
- 3) *si* ნიჟე.
- 4) *si* ნიჟე.
- 5) ნიჟე.
- 6) ნიჟე.
- 7) Вторая и четвертая 16^я и дальше двѣ 32^я плохо слышимъ.
- 8) Третий голосъ въ этомъ пѣснопѣи не выписанъ полностью потому, что не владѣлъ своей партией.

№ 17. *ჴძინ რასო ღმკერთო.* СВЯТЫЙ БОЖЕ. 4-го Гласа.

Andantino.

ჴძინ - - - რას - - - თო ღმკერ - - - თო

ჴძინ - - - რას - - - თო

ძლო - - - თო ჴძინ - - - რას - - - თო

თო ჴ - - - - - - - - - რას - - - - - - - - - თო ჴეგ

ჴძინ - - - - - - - - - თო ჴეგ რეგ

1) *fa #* ниже.

2) Это пѣнопѣніе (также какъ NN^o 6 и 18), было спѣто мнѣ свѣц. братьями П. и В. Карбеловыми съ хоромъ. При самомъ бѣгомъ обзорѣ ихъ нельзя не замѣтить разницы въ сравненіи съ нашими пѣніями, какъ въ гармоническомъ отношеніи, такъ въ отношеніи ритма, болѣе точнаго, вторы болѣе искусственной, мѣлководнаго количества, а главное, строя уже сравнѣшаго съ нашими фортепѣанными строемъ (за исключеніемъ двухъ звуковъ *fa #*, и *si b*). Все это ужасно дѣлаетъ о вліяніи европейской музыки и строя на грузинскую въ исполненіи г. П. и В. Карбеловыхъ.

№ 18. ჰვასტის შებნის. КРЕСТУ ТВОЕМУ, 5-го Гласа.
(Поется имѣето „Святый Боже“ на Воздвиженіе).

Andante. Moderato.

ჰვასტ-ის შებ-ის თსუ - ვს - ნის ვცემთ
 ძე - უ-ცა - თ რის ვძინ - რის -
 -ის საღ-ღო-ბის - ის შებ - ის
 უ - ვს - ლობთ რის ვს - რი - რებთ

№ 19. რა სულო სსცა შებნისთანს. И ДУХОВИ ТВОЕМУ.

Adagio.

რა სუ - ლო - სს - ცა შებ-ნი-სს-თს-ნს.

№ 20. საღაღღაჟიანს. АЛЛИЛУІА.

Andante. Moderato.

საღაღღაჟიანს საღაღღაჟი - ი ა საღაღღაჟი - ი ა.

- 1) и 2) Звукъ si бемоль выше.
- 3) 32 Медленнѣе.
- 4) Звукъ между si и si бемоль.
- 5) Тоже между si и si бемоль.
- 6) Тоже между do и do #.

№ 21. დიდებას შენდას უფასლოთ. СЛАВА ТЕБѢ ГОСПОДИ.

Moderato.

დიდებას შენ - დას უ - ფას - ლოთ დი - დე - ბას შე - ნ დას.

№ 22. უფასლოთ შეგვიწყალებ. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ.
(სამი). (трижды).

უ - ფას - ლოთ შეგ - ვი - ცუ - ვას - ლენ უფასლოთ შეგვიწყალებ

Moderato.

უ - ფას - ლოთ შეგ - ვი - ცუ - ვას - ლენ.

№ 23. უფასლოთ შეგვიწყალებ. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ.
(სამი). მეორე ვარიანტი. (трижды). Второй вариантъ.

უ - ფას - ლოთ შეგვიწყალებ უფასლოთ შეგვიწყალებ

Andante.

უ - ფას - ლოთ შეგ - ვი - ცუ - ვას - ლენ.

1) Звукъ между si и si бемоля.
2) Звукъ между mi и mi бемоля.
3) Тоже самое.

№ 24. ღთმებანი ქერსბინთს. ИЖЕ ХЕРУВИМЫ.

Adagio. Moderato.

ღთ - მგ - ელ - - ნი ქე - რს -

Allegro. Molto adagio.

ბინ. თს

Тайно Moderato.

ს - ო - ს - ო - რუ - მ - ლთ ო

Tempo I.

Moderato. образующе. Andante.

30 30 - - - ო - მ - - - მ - - - მ - - -

ს ო ს 3 ს ო - მ - ო - მ - ო - მ

1 и 2) *sol #* и *do #* ниже в сравнении с фортепиано.
 3) *fa #* такъ-же.
 4) Звукъ находится между *do* и *do #*, ближе къ *do #*.
 5) Такъ-же скорѣе къ *sol*, чѣмъ къ *sol #*.
 6) *do #* ниже в сравнении с фортепиано.

Molto adagio.

Andante.

Molto adagio.

Adagio.

5) Тройне

Molto adagio. Moderato.

ტრისვანტუ

პეონი

- 1) Звучь между do и do #, ближе к do. 2) Такъ-же.
- 3) mi также выше противъ фортепиано. Вообще отъ Andante до Molto adagio, всё звучи находится въ природномъ строе.
- 4) Звучь между la и la #.
- 5) Вступленіе около одного такта было спѣто не слышно.
- 6) Звучь si ниже.
- 7) do # ниже.
- 8) la # то же.

სძინ. და ვითარცა მეუფისა. АМИНЬ. ЯКО ДА ЦАРЯ.

Moderato. Adagio.

1)

სძინ და ვითარცა მეუფისა უთველსა ს ო ს ს

Andante. Adagio.

ს ო ს შემწყნარა - რებელსა ანგე ლაზთა გბ - რუ -

Andante. Moderato.

სილას ო ს ო ს ძიუნდ - ს შემწირველთა წესთას

2)

დალადალაუ ო ს ს ო ს ლადა - ს ო უ ო უ ო

riten.

ს ს ო ს ს - ლადადალაუ 3) ო ს

№ 25. მოგვმადლა უფალთ. ПОДАЙ ГОСПОДИ.

Moderato.

მოგვ - - მად - - ლა ო ე უ ფა - - ს - - ლათ.

1) Звукъ зі въ сравненіи съ ф. н. ниже 2) зі выше.
 3) Звукъ находится между кол и кол #.

№ 26. მთავმადლე უფალთ. ПОДАЙ ГОСПОДИ.

Andante.

მთავმად - - ლე ო ე უ - ფა - - - ს - - - ლთ.

№ 27. მამსსა და ძეს. ОТЦА И СЫНА.

Adagio.

მამსსა და ძე - - სს და და ვინ და - სს სულ - - სს

სამებსსა ერთსა სე - ბს სს და და ნუ - უთფევი ე - - ლის.

№ 28. მრწამს ერთი ღმერთი. ВЪРУЮ ВОЕДИНАГО БОГА.³⁾

Allegro non troppo

მრწამს ერთი ღმერთი მამს უფლისა მწყობელი

Moderato.

შემთქმელი ცათა და ქვეყნისა სიღუგათა უთველთა და სწა

4)

სიღუგათა და ერთი უფალი იესო ქრისტე ძე ღვთისა მსოფლი

1) და სიხე ვსრავნენი სს ფ-ი.
 2) Sol re и la ივ პრიროდნოჲ სტოჲ.
 3) ივ ვიდიუ თოჲ, ჲო „Вѣрую“ პოესა ოდბალნი კოლბანი რეჩიტატივოჲ ნა ოდნიჲ ი თოჲ-ჲე მავერჲ, მილო ნეკოსტატკუ ფოლოგრამიჲ ვაპისალი თოჲლი ნაჩილო დო „ვიდნიმიჲ-ჲე ვსიჲ ი ნევიდნიმიჲ“ ი კონეჲ სო სლოვჲ: „ი ვიჲ დუჲ სვიატოჲ“. ოსტალინო სოსავლენო პო ოტიჲ კოლბანიჲ კეკჲ პოესა.
 4) დო # ნიჲე ვსრავნენი სს ფ-ი.

შობილი, ძამისაგან შობილი უწინარეს უთველათსა უგუნე-

Adagio.

-თა ნათელი ნათლისაგან ჭეშმარიტი, ღვთისაგან ჭეშმარიტი

შობილი და არა ქმნილი, თან არსი ძამისა რომლისაგან უთველი

შეიქმნა რომელი ჩვენთვის კაცთათვის, და ჩვენისა-

ცხოვრობისათვის გარდა მის და ზეცით და სოფრნი შეისხნა

სულისაგან მშობისა და ძმისაგან და მისაგან და მისაგან და მისაგან და მისაგან

Adagio.

ნა და ჯვარს ეცვა ჩვეთვის ჰონტოელისა ჰილასტეს ზე, და

ინო, და დაეფლან, და აღსდგა მესამეს აღვის მსგავსად წერილისა

და ამაღლდა ზეცად და მჯდომარე არს ძარჯვენით ძამისა და კვა-

ლად მთავარ არსდირებით განსჯად ცხოველთა და მკვდარისა

რთმლისა სუფე-ვი-სა ა-რს არს და-სა-სრულად,

И въ Духа Святаго

და სული წმინდა უფალი და ცხოველს მუთუელი, რთმელი

მამისაგან გაძთ - ვალს მამისათან და ძისა თანა თაყვანის-

- ცემების და იღიღების წომელო იტყუარა წინსწრებეცხე-

Adagio. Немного медленнѣе.

- ლთახ ბი - ერ ერთი წმინდა კათოლიკე და სამთციქულთ ეკლესი-

- და აღვიარებ ერთსა ნათლის დებასა მთსტეკებლად ცოდვას

Allegro non troppo.

მთველი აღდგომისა მკვდრე-თით: და ცხოვრე-ბი სს

Moderato. riten.

მერბი - სს მის სს - უ - გუ - ნგ - სს - - სს ა - მინ.

1) Короткая фермата.
 2) То же.
 3) Далее „Милость ивръ;“и со духомъ твоимъ;“ „Имями ко Господу“ ивъдами проущаю.

№29. ღირს არს და მართალა **ДОСТОЙНО И ПРАВЕДНО ЕСТЬ.**

Andante. Moderato.

ღირს არს და მართალა თაყუანნი ს ზე - - ძს ძს-ძი-
 სს და ძი-სს და მშობნისს სუ-ლო - - სს
 სს მუბისს ურთაწრ - სუ-ბი-სს და ვს - - ნუყო-ფე-
 ლო - - ს - - ძ - - ძ
 ძ - ს - ი - ს - - ი - ს - - ს - - სს

№30. მშობნისა, მშობნისა. **СВЯТЪ, СВЯТЪ, СВЯТЪ ГОСПОДЬ.**

Adagio.

მშობნისა მშობნისა მშობნისა უ-ფს-ლოთ სს ძს - - თთ.

1) Звукъ /a/ ниже въ сравненіи съ ф.п.
 2) Четверть эта не полная

accel. *rit.*

სავსე ხრინცხანის შვეუ - ნს დიდე - ბი - თს შე - ნი -

- თს ოსან. ნს ძალაღ - თს შინს კურთხეულას მთმავალი

სახელითს უფლის. სს ოსან - ნს ძალაღთს. ში

№31. შენ გიგალობთ. ТЕБЪ ПОЕМЪ.

Molto adagio.

შე - ი - ენ გი - ვს - ლობთ ი თ

Тебъ благословимъ.

Tempo I

თ შე - ი - ენ ვს - კურთ - ხებთ გი

1) Звукъ *la* ниже.

2) Эта половина такта исполняется скоро.

Тебѣ благодаримъ.

simile

შე-ი-ებ გმად-ლოთ - -

Moderato. *riten.*

ობთჟუ - - ჟს - - ლოთ ი თ

Adagio. Имолимтиса Боже нашѣ.

ღს გეგედრებოთ შენდებრთათ ჩვე-ი-ბ - -

Andante.

riten.

- ბ - - ნო თ ი თ თ ს ი თ

№32. ღირს სის. ДОСТОЙНО ЕСТЬ.

All. non troppo.

ღირ-სს ი სისჴემ-ძს რი-ტად რსთა გა-დრ-ებ-ღე-

3)

- თძღუთისა ძმთა-ბე-ლოთ რთბე-ლო ძს - - რს-ღისსა-

1) Ходъ въ басу на квинту какъ здѣсь такъ и въ предыдущихъ пѣснопѣвнѣхъ, намъ кажется, новѣйшимъ изобрѣтениемъ.
 2) Въ третьемъ и четвертомъ тактахъ басъ совсѣмъ не слышенъ въ фонографѣ. Мы дополнили его какъ въ дальнѣйшихъ колѣнахъ.
 3) Съ этого такта, движеніе постепенно переходитъ въ Allegro

- ი - ს - ნ ა - გ - რ ე ლ ი ე მ ე ნ უ თ ვ ლ ა ს დ უ - ბ ი წ ი ლ ი დ ა ს დ ე - რ ა - დ

ლ ვ თ ი ს ა რ ვ ე ნ ი ს ა უ - ჰ ა - გ ი თ ს - ნ ე ს ა რ ს ე ე - რ ა ბ ი ნ - თ ა ს ა

დ ა ს ი ა ლ მ ა - გ ე ბ ი თ უ ზ ე ს - თ - ე - ს ა ს ე - რ ა ბ ი ნ თ ა ს ა

გ ა ნ უ ს რ წ ე ნ ე ლ ა ს დ მ შ ი ლ - ბ ე ლ ს ა ს ი გ ე უ - ვ ი - ს ა ლ ვ თ ი ს ა ს ა

მ ს თ ლ ა თ ს ა ლ ვ თ ი ს ა მ შ ი ლ ბ ე ლ ს ა გ ა ლ თ - ბ ი - თ ვ ა - დ ი დ ე ბ დ ე თ .

№ 33. უთველთა და უთვლისა. И ВСѢХЪ И ВСЯ.

Adagio.

უ თ ვ ე ლ თ ა დ ა უ თ ვ ლ ი ს ა - - ი - ს - - - - -

1) Ходъ на мал. 7 тоже, намъ кажется, новѣйшимъ изобрѣтеніемъ.
 2) Длительность этой ноты меньше.

358 *Moito adagio.*

ს თვის ე-ი ე ს ს

№ 34. მამათ ჩვენთ. ОТЧЕ НАШЪ.

Allegro non troppo. Adagio.

მამათ ჩვენთ რომელი წარცათა შინა

შინათ იყავნ სხელი შენი მთავრით სუთვევა შენი იყავნ ნება

შენი ვითარცა წათა შინა ეგრეცა ქვეყანასა ზე-

Adagio.

ის შური ჩვენი არსობისა მამეც

ჩვენ დღეს და მომტრევენ ჩვენ თანანადებნი ჩვენ-

Adagio.

ნი ვითარცა ჩვენ მოტრევებთ თანამდებთა მათ ჩვენთს

1) Эта четверть по длительности равняется восьмой.

Allegro.

ღ ა ნ უ შ ე - მ ი უ - ვ ა - ნ ე ბ ჩ ვ ე ნ გ ა ნ - ს ა ც - ღ ე ლ - ს ა

poco a poco riten.

ა - რ ა - მ ე ღ გ ვ ი ს - ს ე ნ ჩ ვ ე ნ ბ ე - რ ი - ტ ი - ს ა - ვ ა ნ .

№ 35. ნეტა რის კაცო. БЛАЖЕНЪ МУЖЪ.

(поется вмѣсто причастна воскреснаго),

Moderato.

Andante.

ნ ე - ტ ა რ ი ს კ ა ც ი ა ლ ლ ი ლ უ ი - ა რ ი მ ე ლ ი ა რ ა მ ი ვ ი ღ ა ს ზ რ ა ს ვ ა ს ა

Adagio.

უ ლ ბ . თ ლ . თ ა ს ო რ ო ვ ე რ ო ს ა ლ ლ ი ლ უ ი - ა ა ლ ლ ი ლ უ ი - ა

ს ა ლ - ლ ი - ლ უ - ი - ა

ღ ა გ ა ს უ ლ ბ რ - თ ლ . თ ა ს ო რ ო ვ ე რ ო ს , მ ა ნ ე თ უ ო ვ ა ლ - ს ა

- 1) Si bemolъ выше.
- 2) „Идиъ свята“ нѣтъ нѣтъ пропущено.
- 3) Все свѣтло до сихъ поръ - въ природномъ стрѣ.
- 4) Дѣтъ дѣтъ четвертей въ фонографѣ нѣтъ совѣтъ.
- 5) Звукъ Si bemolъ выше.
- 6) Si все время ниже.
- 7) თქი თჳე.

Molto adagio. Adagio.

შეშინათ და უგალობდეთ მის
ძრწოლორთ უგალობდით

Molto adagio.

მს - - - ს ე
დალოლორ - ს

riten.

დალოლორ - ს ს დალოლორ - ს

№ 36. კურთხეულა არს მოძვალა. БЛАГОСЛОВЕНЬ ГРЯДЫЙ.

კურთ - ხე - ულა არს მოძვალა სსსულოთა უფლისა.

Moderato.

- თა აძერ-თი უ - ფს - ლი და ვა - მოგ-ვიჩნ - და ჩვენ.

- 1) Эти две четверти замедлить.
- 2) Звук si бемоля выше.
- 3) Напев этот твердо знала только первый голос. Остальные лишь местами подпевали. В некоторых местах не имея возможности определить звуков-строй.
- 4) *re* ниже.
- 5) Между этими двумя *8^{ми}* такия колебания звуков, которых передать на ноты нельзя.
- 6) *si* бемоля выше.
- 7) Этния номеромъ закончился мой записи. Дальше мѣ не пѣли.

О РИТМЪ И ГАРМОНИИ РУССКИХЪ ПЪСЕНЪ.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ БУМАГЪ

Ю. Н. Мельгунова.

«La musique des anciens, que j'avais considérée jusque-là comme un sujet absolument dénué d'intérêt, m'apparut tout-à-coup sous un jour nouveau: j'y vis un objet d'étude attachant et digne de toute l'attention d'un musicien».

(*Gevaert*. Histoire et théorie de la musique de l'antiquité. Préface, p. V).

О ритмѣ и гармоніи русскихъ пѣсень.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

Ритмъ.

Вступленіе.—Аристоксенъ.—Вестфаль.—Тождество законовъ стихосложенія и музыки.—Ритмическія величины: мѣра, стопа, кѣлонъ, періодъ, строфа.—Неточность передачи ритмическихъ величинъ въ современной музыкѣ.—Ритмы дактилическіе, трохайческіе и іоническіе.—Вліяніе незнанія ритма на изданія и на исполненіе музыкальныхъ произведеній.—Ритмическія особенности русскихъ пѣсень и необходимость ихъ изученія.—Естественность законовъ ритма. Неправильность взгляда на законы народнаго стихосложенія.—Связь ритмики музыкальной со стихотворной.—Замѣтка о ритмѣ церковныхъ напѣвовъ.—Ритмическія повторенія въ пѣсняхъ, растяженія, модуляція.—Заключеніе.

II.

Гармонія.

Гаммы.—Отношеніе звуковъ четырехъ основныхъ гаммъ.—Анализъ трезвучій.—Главные аккорды для составленія кадансовъ.—Особенности строя русскихъ пѣсень.—Данныя для музыкальныхъ формъ.—Ошибки при гармонизаціи народныхъ мелодій.—Недостатки современнаго музыкальнаго образованія.—Пренебреженіе къ русской пѣснѣ.—Заключеніе.

I.

О ритмѣ русскихъ пѣсенъ.

...«Сей номеръ долженъ непременно быть написанъ русскимъ размѣромъ въ подражаніе старинныхъ пѣсенъ»...

...«Сей хоръ, идущій фугою, долженъ выражать силу и беззаботную неустрашимость русскаго народа, быть написанъ русскимъ размѣромъ въ подражаніе старинныхъ пѣсенъ».

Михаилъ Глинка.

(«Первоначальный планъ Жизни за Царя». — «Русск. Стар.» 1881, стр. 175).

Приведенныя вмѣсто эпиграфа изреченія нашего гениальнаго композитора, кажутся, впервые обращають вниманіе на то, что въ ритмѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ есть нѣчто своеобразное, а также, что извѣстный ритмическій складъ способенъ служить для передачи извѣстныхъ душевныхъ настроеній. Генію доступно совершать истину, глубоко воспринимать идеи даже безъ основательной научной подготовки. Силою вдохновенія, чувства, непосредственно даруется генію способность видѣть и познавать законы, долженствующіе надолго руководить человѣчество въ вопросахъ науки и искусства. Для большинства же необходимы тщательное изученіе и строгій анализъ, чтобы сдѣлаться способнымъ всесторонне обнять предметъ.

Не всякому данъ талантъ, необходимый для пониманія народности въ произведеніяхъ искусства.

Посмотримъ, не подскажутъ ли намъ что-нибудь люди науки въ вопросѣ изученія національности и не подадутъ ли они руку помощи художникамъ, исключительно опирающимся на эстетику и силу своего вдохновенія.

Праотцемъ науки о ритмѣ и основателемъ науки о музыкѣ необходимо признать Аристоксена, высказавшаго болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ истины, остающіяся и понынѣ вполнѣ примѣнимыми въ вопросахъ ритмики ¹⁾.

¹⁾ Для подробнаго ознакомленія съ его ученіемъ я укажу на сочиненія специалиста по ритмикѣ—профессора Р. Вестфала, почетнаго доктора Московскаго Университета:

1. Allgemeine Theorie der musikalischen Rhythmik seit I. S. Bach auf Grundlage der Antiken, 1880.

2. Aristoxenus, übersetzt und erläutert.

3. Die Musik des griechischen Alterthums (Leipzig, 1883).

Обращаемъ вниманіе также на статью Вестфала въ «Рускомъ Вѣстникѣ» 1879 г. № 9; на статью профессора Э. Е. Корша, напечатанную въ «Критическомъ Обзорѣннѣ» 1880 г., и на объемистое сочиненіе Геварта (Gevaert, Histoire et théorie de la musique de l'antiquité).

Въ изслѣдованіяхъ ритмики русскихъ пѣсенъ я буду придерживаться принциповъ ритмики Аристоксена въ изложеніи профессора Вестфала. Я имѣю болѣе двухсотъ пѣсенъ, записанныхъ непосредственно съ голоса народа, и всѣ выводы относительно русской народной пѣсни основаны исключительно на фактахъ, непосредственно мною отъ народа добытыхъ. Приложение опытнаго метода изслѣдованія, давшего столько плодотворныхъ результатовъ въ различныхъ научныхъ вопросахъ, является необходимымъ для изученія народной пѣсни. Ознакомившись со всѣми существующими сборниками, мы не замѣчасмъ въ нихъ примѣненія этого метода. Напротивъ, въ нихъ видно стремленіе подвести русскую пѣсню подъ музыкальные законы, ей чуждые.

Приступая къ объясненію особенностей русской народной пѣсни, считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что ритмическіе законы для музыки и стихосложенія одни и тѣ же. Въ этомъ смыслѣ въ сочиненіяхъ профессора Вестфала анализированы многія произведенія Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта, Бетгоvena и др. Тождество законовъ стихосложенія и музыкальной ритмики для лицъ, ознакомившихся со взглядами Вестфала, не можетъ подлежать сомнѣнію. Не смотря на то, что эта мысль въ наше время впервые ясно выражена лишь недавно, она на западѣ уже сдѣлалась достояніемъ людей знанія ¹⁾.

Рудольфъ Вестфаль.

Музыканты съ проницей относятся къ ритмическимъ изслѣдованіямъ профессора Вестфала, въ виду того, что онъ не музыкантъ по профессіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, не владѣя композиторской техникой, онъ могъ впасть въ нѣкоторыя ошибки, примѣняя теорію ритма къ анализу нѣкоторыхъ музыкальныхъ произведеній. Всякій специалистъ страдаетъ односторонностью. Дѣло музыкантовъ дру-

жески протянуть руку ученому изслѣдователю и оказать посильную помощь практическими знаніями, для разъясненія спорныхъ пунктовъ. Изъ сопоставленія различныхъ мнѣній выяснится и истина. Не слѣдуетъ считать врагомъ музыки всякаго, кто искренно добивается познаній. Истина только тогда и можетъ выясниться, ежели къ ней подойдутъ съ разныхъ сторонъ. Профессоръ Вестфаль безспорно специалистъ своего дѣла, „а могый больше того“, какъ выразился Максимъ Грекъ, „да просвѣтитъ насъ“. Всякій скажетъ спасибо за добрый совѣтъ.

Соотвѣтствіе законовъ стихосложенія съ законами музыкальной ритмики останется вопросомъ лишь для лицъ, не желающихъ заняться изученіемъ ритмики и считающихъ ее за вещь ненужную.

По замѣчанію Вестфала (томъ I, стр. 484 нѣм. изд.), „древніе, совершенно противоположно намъ, ставили ритмическую сторону, какъ вокальной, такъ и инструментальной музыки гораздо выше звуковой“. То-же самое мы должны замѣтить относительно русскаго народа и его пѣсенъ. Многіе напѣвы монотонны, но ритмически весьма разнообразны. Помимо различныхъ образцовъ, встрѣчающихся въ западной

¹⁾ См., напр., въ лейпцигскомъ изданіи «Musikalisches Wochenblatt», 1881, №№ 35, 36 и 37 статью: «Eine neue Theorie der musikalischen Rhythmik», а также отзывы Геварта, Люси и др.

музыкѣ, русскія пѣсни представляютъ сверхъ того своеобразные виды ритмовъ. Имѣя передъ собою русскіе напѣвы, можно безошибочно утверждать, что ритмическое чувство народа утонченнѣе и богаче чувства многихъ композиторовъ.

Для выясненія ритмической своеобразности русской пѣсни намъ необходимо хотя въ самомъ краткомъ видѣ ознакомиться съ главными основаніями ритмики Аристоксена. При этомъ приходится сохранить и его терминологию, какъ болѣе точную и ясную.

Въ основаніе ритмическаго измѣренія времени принимается продолжительность выговора краткой гласной (*chrōnos prōtos*)—мѣра. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и кратчайшая ритмическая единица времени—недѣлимая ¹⁾. Для выговора долгой гласной требуется вдвое болѣе времени, чѣмъ для выговора короткой. Такъ какъ русскій языкъ не знаетъ разницы между долгими и короткими гласными, то въ приложеніи ученія Аристоксена къ нашему языку мы должны разумѣть условно подъ долгой Аристоксена—соединеніе двухъ слоговъ.

Изъ различныхъ сочетаній долгихъ и короткихъ слоговъ получаются различныя—

1. *Стѣпы*. Нѣсколько стопъ, соединенныхъ вмѣстѣ, образуютъ—

2. *Кѣлоны* (равняющіеся обыкновенно, при современномъ способѣ печатанія стиховъ, строкѣ, ²⁾)

и 3. *Періоды*.

Періоды, образуютъ:

4. *Строфы* или *системы*.

Но самая существенная роль въ составленіи стопы принадлежитъ разницѣ не между долгой и краткостью, а между ударяемыми и неударяемыми слогами. Роль ударяемой части стопы (*thesis*) достается большею частью на долю долгаго слога, а роль неударяемой части (*arsis*)—на долю короткаго.

В и д ы с т о п ь .

Стопы бываютъ:

a) *дактилическія* (четырёхморныя),

b) *трохаическія* (трехморныя),

c) *пэоническія* (пятиморныя, почти вышедшія изъ употребленія),

и d) *іоническія* (шестиморныя).

Дактилическая стопа принадлежитъ къ четнымъ. Смотря по тому, что мы возьмемъ для выраженія недѣлимой (мѣры),—шестнадцатую (♩), восьмую (♪), или четверть (♪),—дактилическая стопа будетъ: или , или , или .

¹⁾ Примѣромъ можетъ служить пѣсня № 1 моего сборника: «Ночка моя, ночка». Незнакомый съ законами ритма могъ бы принять каждый слогъ приводимаго примѣра за мѣру (недѣлимую). Между тѣмъ далѣе въ пѣснѣ мы видимъ болѣе мелкія дѣленія, которыя слѣдуетъ принять за недѣлимые (мѣры). Въ данномъ случаѣ каждая $\frac{1}{16}$ -я будетъ мѣрой (кратчайшимъ слогомъ). Ежели здѣсь возможно болѣе мелкое дробленіе нотъ, приходящихся на одинъ слогъ, то ни въ какомъ случаѣ невозможно вставка новыхъ слоговъ между шестнадцатыми.

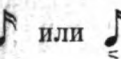
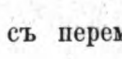
²⁾ За очень немногими исключеніями, напр. шестистопнаго александрійскаго ямбическаго стиха, который состоитъ изъ двухъ кѣлоновъ.

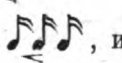
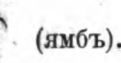
Дактилическая стопа можетъ имѣть удареніе въ началѣ: напр., принявъ $\frac{1}{16}$ -ю за недѣлимую:

1. , или , или , или ; а также удареніе по срединѣ (анапестъ съ анакрузой):

2. , или или или ,

Трохаическая стопа принадлежитъ къ нечетнымъ. Принявъ за недѣлимую величину $\frac{1}{16}$ -ю, мы выразимъ эту стопу слѣдующимъ образомъ:

1. или или , а съ перемѣщеніемъ ударенія (съ анакрузой):

2. , или (ямбъ).

Пятиморная стопа (пэонъ), смотря по мѣсту, занимаемому удареніемъ, будетъ (если примемъ $\frac{1}{16}$ -ю за недѣлимую):

1. , или , или , а также:

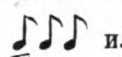
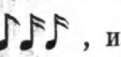
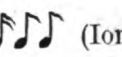
2. , или , или .

3. Есть еще: и .

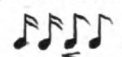
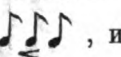

Пятиморную стопу слѣдуетъ разсматривать какъ соединеніе трехъ недѣлимыхъ (трехъ моръ) съ двумя, или наоборотъ.

Ионическая стопа. Ионическую стопу (шестиморную) не должно смѣшивать съ трохаической. Она происхожденія дактилическаго, принадлежитъ къ четнымъ и состоитъ изъ трехъ величинъ, каждая по двѣ моры.

Удареніе можетъ быть въ началѣ:

1. или , или (Ionicus a majore).

Оно можетъ быть также въ срединѣ (съ анакрузой):

2. , или , или (Ionicus a minore).

К о л о н ы .

Вышеприведенныя стопы, взятыя по двѣ, по три, по четыре, по пяти и по шести, образуютъ изъ себя болѣе крупныя отдѣлы—колоны, получающіе свои названія по числу заключающихся въ нихъ стопъ.

Колонъ двухстопный называется *диподіей* (dipodie).

„ трехстопный называется *триподіей* (tripodie). ¹⁾

„ четырехстопный называется *тетраподіей* (tetrapodie). ²⁾

„ пятистопный называется *пентаподіей* (pentapodie). ³⁾

„ шестистопный называется *гексаподіей* (hexapodie).

¹⁾ Напримѣръ, 1-я пѣсня моего 1-го выпуска пѣсенъ.

²⁾ 2-я пѣсня 1-го выпуска.

³⁾ 24-я пѣсня 1-го выпуска.

Двухстопные кóлоны, за исключеніемъ іоническихъ, отдѣльно не встрѣчаются, а лишь въ соединеніи съ другими, большими ¹⁾).

Пятистопные должны быть разсматриваемы, какъ соединенные изъ двухъ частей (двухъ стопъ съ тремя или трехъ съ двумя).

Шестистопные кóлоны въ большинствѣ случаевъ представляютъ соединеніе четырехстопныхъ кóлоновъ съ двухстопными, или наоборотъ.

Аристоксенъ не допускалъ кóлона дактилическаго въ шесть стопъ. Шести-стопные дактилическіе кóлоны должны быть отнесены къ особенностямъ русской народной музыки.

Іоническія стопы соединяются въ группы не болѣе трехъ. Двѣ іоническія стопы образуютъ *диметръ* ²⁾. Три іоническія стопы образуютъ *триметръ* ³⁾. Одна іоническая стопа образуетъ *монометръ*.

Встрѣчающіяся группы по семи стопъ (эпитритъ), подобно пятистопнымъ, должны быть разсматриваемы, какъ соединенія изъ четырехъ стопъ съ тремя, или изъ трехъ стопъ съ четырьмя ⁴⁾).

Періоды и строфы.

Два кóлона (строки) и болѣе составляютъ *періодъ*.

Два періода и болѣе составляютъ *строфу*.

Періодъ, состоящій только изъ двухъ кóлоновъ, называется *мётронъ* (*métron*).

Простѣйшая строфа, составленная изъ двухъ такихъ мётроновъ, носитъ названіе *дистихона* (*distichon*), т. е. двустихія ⁵⁾.

Большей части русскихъ пѣсень присуща эта форма строфы.

Желательно было бы, чтобы всѣ вышеприведенныя классическія названія ритмическихъ величинъ, заимствованныя у древнихъ, были введены въ общее употребленіе музыкантами, во избѣжаніе той путаницы понятій, которая существуетъ теперь.

Номенклатура эта чрезвычайно проста и ясна, а главное, вполне примѣнима для объясненія ритмическаго строя, какъ стихосложенія, такъ и музыки, не исключая и русскихъ народныхъ пѣсень.

¹⁾ Напр. 3-й кóлонъ 13-й пѣсни 1-го выпуска.

²⁾ Напр. 16-я *a* пѣсня 1-го выпуска, *Ionicus—a minore*.

³⁾ Напр. 21-я пѣсня, *Ionicus—a majore*.

⁴⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній при анализѣ мелодій русскихъ пѣсень, слѣдуетъ имѣть въ виду, что не всегда кóлонъ заключаетъ въ себѣ полное число стопъ съ ударяемыми и неударяемыми частями. Нерѣдко кóлонъ содержитъ въ себѣ лишь определенное число стопныхъ удареній, при чемъ неударяемыя части (*arsis*) присоединяются къ слѣдующему кóлону. Тоже случается и наоборотъ, т. е. къ послѣдней стопѣ кóлона причисляются части первой стопы второго кóлона, не имѣющія удареній. Слѣдовательно, въ кóлонахъ главную роль играетъ число стопныхъ удареній, а не формы стопъ.

⁵⁾ Замѣтимъ кстатѣ, что современный способъ печатанія стиховъ не соответствуетъ древнему. Древній стихъ, т. е. строка, состоитъ изъ двухъ кóлоновъ, слѣдовательно въ печати вдвое длиннѣе современнаго.

Для наглядности повторимъ эти названія съ примѣромъ ¹⁾ изъ нашего сборника русскихъ пѣсенъ:

	Дактил. стопа.	Дактил. стопа.	Дактил. стопа.	Дактил. стопа.	
1-й колонъ:					} Периодъ (мѣстронъ). } Строфа. (дѣстихонъ). } Периодъ (мѣстронъ).
2-й колонъ:					
3-й колонъ:					
4-й колонъ:					

Первые два колона правильнѣе было бы помѣстить въ одну строку. Такая строка соответствовала бы тому, что древніе классики называли *стихомъ*. Точно также третій колонъ съ четвертымъ составили бы второй стихъ. Отсюда произошло и названіе дистихонъ, т. е. двустишіе. Мы уже замѣтили въ примѣчаніи разницу древняго способа печатать въ одну строку два колона—отъ современнаго, гдѣ каждый колонъ занимаетъ строку, что не совсѣмъ правильно. Въ приведенномъ примѣрѣ каждый колонъ помѣщенъ особо, примѣняясь къ современному способу письма.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ главными ритмическими положеніями, умѣстно сопоставить опредѣленія, выработанныя научной теоріей ритма, съ общепринятыми среди музыкантовъ способами передачи ритмическихъ величинъ.

Чтобы подробно уяснить различные способы письма, принятые музыкантами для передачи музыкальных стопъ, предложеній и періодовъ, пришлось бы привести много нотныхъ примѣровъ. Всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса должно составить предметъ спеціальнаго учебника. Мы же ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, что музыкантами не выработанъ общепринятый способъ для ясной передачи опредѣленныхъ ритмическихъ величинъ, каковы стопа, колонъ, періодъ и строфа. Музыкальные учебники признаютъ *тактъ* за основной элементъ для музыкальных формъ. Между тѣмъ тактовая черта обозначаетъ лишь то, что послѣ нея слѣдуетъ удареніе. Напримѣръ, въ тактъ $\frac{4}{4}$ можно вмѣстить и вмѣщаютъ одну, двѣ или четыре стопы. Слѣдовательно, неизвѣстно, какого рода удареніе обозначено тактовой чертой, стопное, двустопное или четырехстопное. Также неизвѣстна величина колона, который можетъ состоять изъ одного, двухъ, трехъ, четырехъ, пяти и даже шести тактовъ. Стопа есть дѣйствительно опредѣленная величина, изъ которой составляются колоны, періоды и строфы. Тактъ же еще ничего не опредѣляетъ.

¹⁾ Нотный примѣръ—снимокъ съ подлинной (черновой) рукописи автора Ред.

Предложеніе можетъ быть начато и окончено на любой четверти такта. Ежели неизвѣстна стопа, которой, какъ мы уже замѣтили, тактовыя черты вовсе не опредѣляютъ, то неизвѣстна и величина кѣлоновъ, періодовъ и строфъ. А безъ этихъ ритмическихъ раздѣленій трудно понять смыслъ музыкальной фразы.

Въ переведенномъ на русскій языкъ въ 1884 г. учебникѣ формъ инструментальной музыки Бусслера, принятомъ консерваторіями, *тактъ* тоже признается за „*основной элементъ всѣхъ классическихъ инструментальныхъ формъ*“. До чего можетъ довести неопредѣленность самыхъ элементарныхъ основъ, видно изъ приводимыхъ въ томъ же учебникѣ примѣровъ, гдѣ въ трехъ, шести и девятидольныхъ тактахъ не сдѣлано даже различія ритмовъ трохайческаго, состоящаго изъ трехъ моръ, отъ іоническаго, содержащаго шесть моръ. Другими словами въ вопросѣ о ритмѣ не сдѣлано даже различія чета отъ нечета. По внѣшнему виду въ нотномъ письмѣ ритмы трохайческій отъ іоническаго не отличаются въ тактовыхъ обозначеніяхъ. Между тѣмъ безспорно, что трохайческій ритмъ совершенно не похожъ на іоническій. Одинъ происхожденія дактилическаго, четнаго (четырёхморнаго), а другой—трохайческаго нечетнаго (трехморнаго).

Вообще едвали какая-либо отрасль знанія представляетъ такую невѣроятную путаницу понятій, какъ музыка, относительно опредѣленія ритмическихъ величинъ. Спросите музыкантовъ, что такое стопа, кѣлонъ, предложеніе, періодъ, строфа,—всѣ отвѣтятъ различно, или будутъ вамъ толковать о тактахъ, которые, какъ уже было замѣчено, ничего опредѣленнаго не обозначаютъ. Каково было бы положеніе, напри- мѣръ, въ вопросахъ механики, еслибы футъ принимали за дюймъ, линію за аршинъ и т. п. Между тѣмъ въ музыкѣ, дѣйствительно, существуетъ нѣчто подобное, и до сихъ поръ не введены точныя ритмическія опредѣленія.

Музыкантамъ нѣтъ необходимости изобрѣтать новую научную номенклатуру, въ виду того, что уже существуетъ готовая. Но музыканты порвали связь съ исторіей и не обращаютъ вниманія на то громадное вліяніе, которое античный міръ имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть на разнообразныя отрасли знанія. Техническими терминами древнихъ не пренебрегли ни математика, ни юриспруденція, ни филологія; въ архитектурѣ, пластикѣ и поэзіи древніе и по сіе время остаются нашими учителями. Отчего же музыканты такъ отрещиваются отъ великихъ истинъ Аристотелевской школы? Яснѣе и проще истинъ, высказанныхъ его ученикомъ Аристоксеномъ, трудно себѣ что-нибудь представить. Значеніе чувства мѣры, руководившаго всѣмъ античнымъ міромъ и проникавшаго всю его природу, было ясно созерцаемо и сознаваемо древними. Музыкѣ, одинъ изъ главныхъ элементовъ которой зиждется на размѣрѣ, менѣе всего слѣдовало бы пренебрегать научными законами ритмики, къ которымъ пришли великіе древніе теоретики.

Древніе теоретики приписывали каждому роду ритма особый, ему присущій характеръ. Оспаривать вліяніе ритма на характеръ музыкальнаго произведенія, вѣроятно, никто не станетъ.

Однообразные удары маятника или молотка, непрерывные удары колокола, равномерно слѣдующіе звуки, падающія капли—не представляютъ изъ себя ритма, также какъ равномерное исполненіе музыкальныхъ произведеній по метроному. Ритмъ заключается въ группировкѣ звуковъ въ формы стопъ, кѣлоновъ, періодовъ и строфъ. Разнообразіе ритма заключается въ различія стопъ, въ величинѣ кѣлоновъ, образующихъ періоды и строфы.

Мысль не можетъ быть выражена непрерывно слѣдующими звуками или слогами. Человѣку дана способность понимать лишь мысль, выраженную въ извѣстныхъ

границь. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи виденъ порядокъ во времени. Музыкальная мысль неизбежно должна имѣть свои расчлененія. Нашему чувству говоритъ лишь та музыка, подъ которою мы можемъ подписать текстъ. Всякая музыкальная фраза со смысломъ непремѣнно является облеченною въ ритмическую звуковую форму. Подробный анализъ этихъ формъ долженъ возбуждать особый интересъ композиторовъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ размѣровъ *дактилическій* встрѣчается чаще другихъ видовъ ритма. Самая обыкновенная форма мелодіи состоитъ изъ четырехстопныхъ кѣлоновъ. Это равняется, при современномъ способѣ писать стихи, четыремъ стопнымъ удареніямъ въ строкѣ.

Трохаическій, наименѣе спокойный, пригоденъ для скорого движенія. Онъ остался почти чуждъ русской народной пѣснѣ. Тѣ немногіе примѣры, которые мнѣ удалось слышать, могутъ скорѣе служить доказательствомъ того, насколько русскимъ напѣвамъ несвойственъ размѣръ нѣмецкаго вальса (по четыре трохея на кѣлонъ). Этотъ ритмъ еще во время Аристотеля считался танцевальнымъ¹⁾. Всѣ напѣвы съ трохаическими стопами какъ бы свидѣтельствуютъ о неумѣннн русскаго народа сладить съ трохаическимъ размѣромъ. Гдѣ-нибудь да вернуть въ пѣснѣ дактилическую стопу или пеонъ. Итакъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что трохаическаго размѣра, строго выдержаннаго съ начала до конца, у насъ нѣтъ. Трохаическія стопы встрѣчаются лишь въ соединеніи съ другими стопами. Русской пѣснѣ не свойственъ размѣръ въ $\frac{3}{4}$, по четыре такта на кѣлонъ. Появленіе русскаго вальса на русскія темы казалось бы немислимымъ, какъ немислима русская пѣсня въ размѣрѣ галопа, польки или мазурки. Необходимо полное отсутствіе эстетическаго чувства, чтобы рѣшиться искалѣчить прекрасную русскую пѣсню на галопы, польку или вальсъ. Между тѣмъ подобныя сочиненія встрѣчаются. Представьте себѣ положеніе вальсирующаго подъ текстъ пѣсни: „Какъ чужая сторонущка горемъ засѣяна, слезами поливана, тоской огорожена“. Послѣ того остается композиторамъ еще написать галопъ на текстъ священнаго писанія и галопировать подъ слова молитвы. Въ нашихъ храмахъ, впрочемъ, можно услышать и марши и мазурки, къ которымъ подогнаны тексты церковныхъ пѣснопѣннн. Повидимому, нѣтъ предѣла и мѣры композиторскому насилію. Слушающая публика сдѣлалась неспособною по достоинству оцѣнить подобныя явленія. Куда дѣлось эстетическое чувство, и гдѣ та критика, которая обязана была бы обуздать это невѣроятное издѣвательство надъ великими художественными образцами духовной поэзіи?

Любопытный примѣръ по размѣру кѣлоновъ представляетъ „Вальсъ-фантазія“ Глинки. Ритмъ его не по четыре такта, какъ вообще во всѣхъ вальсахъ, но по три (это трехстопный трохей). Русскій геніальный художникъ и здѣсь создалъ нѣчто самобытное, не подчинившись вліянію, не свойственному народной музыкѣ. По строю кѣлоновъ вальсъ-фантазія Глинки скорѣе напоминаетъ часто встрѣчающійся въ русскихъ пѣсняхъ размѣръ трехстопнаго дактиля. Странно, что до сихъ поръ послѣ Глинки не явилось сочиненія, написаннаго въ этомъ размѣрѣ, не смотря на

¹⁾ Пѣсни съ трохаическимъ размѣромъ—«Раннимъ рано на зорѣ» и «Ужъ и кто же кого любить», слышанныя мною близъ Саратова, весьма легко могли быть сложены подъ вліяніемъ напѣвовъ чужеземныхъ, занесенныхъ колонистами. Довольно извѣстная въ Москвѣ пѣсня «Волга рѣченька» скорѣе романсъ и вообще пѣсня не народная. «Во городѣ въ Іерусалимѣ»—рѣдкій примѣръ декламацин въ размѣрѣ трохаическихъ пентаподій, — записанъ мною у слѣдущихъ пѣвцовъ Пензенской губерніи.

его простоту. Вѣроятно, композиторы не обратили должнаго вниманія на ритмическую особенность этого вальса.

Встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ сборникахъ пѣсенъ мелодіи въ $\frac{3}{4}$ не могутъ быть отнесены къ трохаяческому размѣру: это или трехстопные дактили, или же іоническіе диметры и триметры, или просто не народныя пѣсни.

Ионическій ритмъ встрѣчается въ русскихъ пѣсняхъ весьма часто ¹⁾.

Точное знаніе всѣхъ выше изложенныхъ ритмическихъ формъ въ значительной степени способствуетъ правильной фразировкѣ музыкальныхъ произведеній. Въ изданіяхъ первоклассныхъ авторовъ классической музыки постоянно встрѣчаются измѣненія въ фразировкѣ, дѣлаемая посредствомъ прибавленій, перемѣнъ и выпусковъ музыкальныхъ знаковъ исполненія. Особенно часто измѣняются знаки, употребляемые для связыванія нотъ (*legato*). Не трудно подобрать примѣры разнообразной фразировки одного и того же музыкальнаго предложенія у Бетгоvena, Шопена и др. въ нѣсколькихъ изданіяхъ. На чемъ основаны эти измѣненія? Ежели, напримѣръ, современному живописцу, сколько бы онъ ни былъ свѣдущъ въ своемъ искусствѣ, и какъ бы высоко ни стояла его мѣстная слава, почему либо показалось, что носъ у Рафаэлевской Мадонны и бликъ въ ея глазу необходимо нѣсколько исправить, и онъ по этому святому лицу сталъ бы расписывать своею яко-бы опытною кистью,—какое впечатлѣніе должно бы произвести подобное упражненіе на поклонника Рафаэля и на всякаго, кому дорого истинное искусство? Не было ли бы это святотатство въ глазахъ всякаго художника. Другое дѣло, ежели живописецъ указываетъ на ошибки, встрѣчающіяся и у гениальныхъ художниковъ, напр. противъ законовъ перспективы, которые точно выработаны и ясны. Музыканты еще не дошли до законовъ столь опредѣленныхъ, которые могли бы сравниться, напримѣръ, съ законами перспективы. Всѣ музыкальные изданія „revues et corrigées par“...—плоды того же личнаго вкуса и той же увѣренности въ правильности взгляда, съ которой живописецъ приступалъ бы къ исправленію лица Рафаэлевской Мадонны.

Безъ надлежащей подготовки ошибку можетъ замѣтить лишь художникъ, въ душѣ котораго теплится святой огонь, вселяющій высшій даръ глубоко чувствовать и понимать все, что желалъ сказать авторъ-композиторъ. Нужно быть одареннымъ способностію думать мыслями поэта-композитора, чувствовать его душой и жить его жизнью, т. е. слѣдуетъ быть художникомъ въ высшемъ значеніи этого слова для того, чтобы быть въ состояніи дѣлать поправки у Бетгоvena или Шопена. Если бы Моцартъ вздумалъ сдѣлать комментаріи къ сочиненіямъ Бетгоvena, или наоборотъ, то это могло бы быть интересно, но когда за это дѣло берутся люди, творческихъ дарованій которыхъ ни въ чемъ не видно, то результаты бываютъ всегда плачевны. Признаюсь, на меня лично многія исправленія въ подобномъ родѣ, дѣлаемыя даже такими издателями, каковы напр. Клиндвортъ или Бюловъ, производятъ болѣзненное впечатлѣніе, онѣ нетерпимы. Законы ритмики съ перваго же взгляда указываютъ на тѣ мѣста, которыхъ коснулась неумѣлая рука. Интересно видѣть подлинную ошибку или недомолвку самого автора, нежели встрѣчать не эстетическія поправки, основанныя на какихъ-то никому невѣдомыхъ личныхъ мнѣніяхъ. Подобныя исправленія или не должны вовсе появляться въ печати,

¹⁾ Въ певародной музыкѣ имъ написаны многія сюиты, куранты, сарабанды, полонезы, минуэты, и въ новѣйшее время многія мазурки. Моцартъ и Бетговенъ писали адажіо въ іоническомъ ритмѣ; у Баха минуэты, сарабанды, куранты—іоническаго ритма. У Гайдна и Моцарта минуэты не іоническіе, а въ ритмѣ трохаяческомъ. У Бетгоvena *tempo di minuetto*—іоническаго размѣра. У Гайдна вступительное адажіо—іоническаго размѣра, какъ и въ Эсхилловскихъ трагедіяхъ.

или же должны быть мотивированы строго выработаннымъ научнымъ взглядомъ. Весьма рѣдко можно встрѣтить дѣйствительно художественное измѣненіе, не идущее въ разрѣзъ съ поэтическимъ настроеніемъ автора. Конечно, подобныя удачныя исправленія должны быть разсматриваемы, какъ случайность.

Безчисленныя различія въ изданіяхъ указываютъ на шаткость и даже полное отсутствіе твердыхъ принциповъ для критической оцѣнки, а также на зыбкость той почвы, на которой построено все зданіе такъ называемой теории музыки.

Повидимому, мы переживаемъ время музыкальной анархіи. Музыканты часто доходятъ до полнаго пренебреженія мелодіей. Въ пріискиваніи гармоническихъ эффектовъ музыканты теряются въ ритмѣ. Придумываніе новѣйшими композиторами всевозможныхъ ухищреній ради того, чтобы быть, во что бы то ни стало, оригинальными, не имѣетъ границъ. Является полное пренебреженіе даже къ классическимъ музыкальнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ гармонія, ритмъ и мелодія всегда тщательно уравновѣшены. Безъ этихъ трехъ элементовъ нѣтъ и музыки.

При хаотическомъ состояніи взглядовъ на музыкальное искусство, безъ сомнѣнія, является необходимость въ тщательной провѣркѣ законовъ ритма и гармоніи. Въ неясности пониманія музыкантами коренныхъ законовъ ритма и гармоніи находится причина всѣхъ музыкальныхъ недоразумѣній, ярко сказывающихся въ вопросѣ гармонизаціи русскихъ пѣсенъ, а также въ фразировкѣ Баховскихъ фугъ и другихъ музыкальныхъ сочиненій. Еще ярче видны всѣ заблужденія въ усердныхъ попыткахъ сочинять въ русскомъ стилѣ безъ надлежащаго знакомства съ народнымъ творчествомъ. Въ шаткости основныхъ принциповъ гармоніи и ритма кроется и тормазъ для дальнѣйшихъ успѣховъ музыкальнаго искусства.

Акустика со стороны звуковой и филологія со стороны ритмической идутъ на помощь музыкѣ. Большинство музыкантовъ мало обращаютъ вниманія на тѣ научныя положенія, которыя могли бы освѣтить всѣ темныя углы музыкальныхъ недоразумѣній. Пройдетъ еще, можетъ быть, много времени, пока музыканты наконецъ рѣшатся признать необходимость и плодотворность научныхъ изслѣдованій въ вопросахъ музыкальнаго искусства. Но торжество научныхъ знаній рано или поздно должно настать.

„Понимать, каковъ долженъ бы быть порядокъ вещей,—говорилъ Дидро,—дѣло человѣка разсудительнаго; знать, каковъ этотъ порядокъ въ дѣйствительности,—удѣлъ человѣка опытнаго; указать, какъ измѣнить его наилучшимъ образомъ,—задача человѣка гениальнаго“. Глинка первый указалъ на истинныя красоты русскаго творчества. Несмотря на то, что многое въ его сочиненіяхъ не носитъ чисто русскаго характера, чѣмъ онъ и самъ былъ недоволенъ, — далѣе его никто не пошелъ. Всѣ позднѣйшія попытки писать въ русскомъ стилѣ могутъ отличаться лишь техникою и трудолюбіемъ, но не стилемъ. Пока не родился другой русскій гений, могущій своими музыкальными твореніями, основанными на серьезныхъ научныхъ знаніяхъ, повѣдать міру всю чарующую силу вѣрнаго взгляда на русскую музыку, —люди, не лишеныя эстетическаго чувства, могутъ изучать идеальныя музыкальныя красоты на безыскусственной поэзіи —на русской народной пѣснѣ. Здѣсь еще въ чистотѣ сохраняется правильный взглядъ на ритмъ и мелодію. Въ полифоническихъ сопровожденіяхъ русской пѣсни, дѣлаемыхъ самимъ народомъ, кроются и зачатки вѣрнаго взгляда на законы гармоніи. Вообще же русскія пѣсни представляютъ неисчерпаемый кладъ, какъ для композиторовъ, такъ и для теоретическихъ изслѣдованій.

Рабское подражаніе всему иностранному, охватившее русскихъ музыкальныхъ

дѣятелей, въ состояніи въ конецъ загубить все живое и оригинальное, кроющееся въ народномъ творествѣ. Невѣроятно, чтобы русскому народу не суждено было судьбою сказать свое самобытное слово въ вопросахъ объ искусствѣ. Судя по богатству народной русской пѣсни, по мнѣнію даже иностранцевъ не представляющему ничего подобнаго у другихъ народовъ, можно надѣяться, что и русскій народъ внесетъ свой оригинальный вкладъ въ общую европейскую сокровищницу наукъ и искусствъ, если только отрѣшится отъ рабскаго подражанія иностранному.

На русскихъ музыкантахъ лежитъ обязанность разработать народное творчество. „Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою“, говорилъ Карамзинъ. „Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самимъ собою... Хорошо и должно учиться, но горе человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ“. ¹⁾

Конечно, самое трудное искусство заключается въ оригинальномъ, нешаблонномъ творествѣ. Русская самобытность должна проявиться въ переработкѣ въ русскомъ духѣ западныхъ композиторскихъ приѣмовъ. Народная пѣсня представляетъ изъ себя достаточно обильный матеріалъ для изученія коренныхъ отличій нашей музыки отъ западной. Разработка этихъ отличій могла бы составить почетное занятіе русскихъ композиторовъ.

При необыкновенномъ обиліи въ современныхъ сочиненіяхъ всевозможныхъ ритмическихъ и гармоническихъ эффектовъ, страннымъ можетъ показаться замѣчаніе наше о томъ, что многіе виды ритма, присущіе русской народной пѣснѣ, не встрѣчаются въ новѣйшихъ композиціяхъ. Мы не находимъ сочиненій съ систематическими чередованіями колоновъ различной величины. Встрѣчающіяся у Глинки различія колоновъ иностранные капельмейстеры признавали за ошибки, дѣлая на его партитурахъ замѣчанія: „ein Tact zu viel“ и т. п. Казалось бы, что композиторы дошли до послѣднихъ предѣловъ изысканности и исчерпали въ этомъ направленіи не только все, но и зашли за границы естественнаго. Тѣмъ болѣе удивительно, что композиторы, насколько намъ извѣстно, упустили изъ виду одинъ изъ самыхъ простыхъ и естественныхъ способовъ разнообразить ритмъ, а именно посредствомъ замѣны однѣхъ стопъ другими, а также съ помощью увеличенія и уменьшенія числа стопъ въ колонахъ. Какимъ образомъ происходитъ эта замѣна колоновъ и стопъ, тому поучаетъ насъ русская пѣсня ²⁾. Пѣсни состоятъ изъ ряда музыкальныхъ фразъ съ различными протяженіями. Ритмическая схема, разъ принятая въ пѣснѣ для слѣдованія колоновъ, остается уже неизмѣнною до конца, постоянно повторяясь въ томъ же порядкѣ. Эти соединенія колоновъ, различествующихъ по числу стопъ, нельзя не признать за отличительную черту русскихъ народныхъ пѣсенъ. Ежели Глинка находилъ возможнымъ и необходимымъ писать „въ русскомъ размѣрѣ, въ подражаніе стариннымъ пѣснямъ“, то, вѣроятно, и русскіе композиторы найдутъ въ себѣ достаточно таланта, чтобы совладать съ этимъ, столь доступнымъ русскому чувству, размѣромъ. Народная пѣсня—это такое здоровое зерно, изъ котораго, несомнѣнно, должно вырости крѣпкое, красивое дерево. Не нужно быть

¹⁾ Карамзинъ. «О любви къ отечеству и народной гордости».

²⁾ Особенное обиліе примѣровъ представляютъ сочетанія четырехстопныхъ колоновъ съ шестистопными. За четырехстопнымъ колономъ слѣдуетъ шестистопный, чередуясь до конца пѣсни. Также наоборотъ: первый колонъ шестистопный, а второй четырехстопный, или первый колонъ четырехстопный, а слѣдующіе по шести стопъ и т. п. Примѣры можно видѣть въ первомъ выпускѣ маданныхъ мною пѣсенъ.

пророкомъ, чтобы предсказать, что рано или поздно должны появиться большія музыкальныя произведенія, написанныя метаболическимъ ритмомъ. Размѣръ, о которомъ идетъ рѣчь, извѣстенъ былъ и древнимъ. Для всякаго русскаго метаболическаго ритма настолько понятенъ, простъ и естественъ, что мелодіи совершенно свободно выливаются въ эти художественныя формы. Нельзя себѣ представить, чтобы изученіе ихъ тормозило чувство композитора; напротивъ, оно несомнѣнно послужитъ подспорьемъ въ эстетическомъ развитіи таланта.

Одинаково необходимо и изученіе русскихъ мелодическихъ оборотовъ и вообще русскаго голосоведенія (подобно тому какъ русская орнаментика изучается въ архитектурѣ и живописи), такъ какъ оно не есть результатомъ рутинны, подобно строгому стилю гармоніи или контрапункту, а это продуктъ естественныхъ фоническихъ движеній. Въ плохомъ знакомствѣ съ ритмическими особенностями русскихъ пѣсенъ (помимо гармоническихъ) мы найдемъ причину, почему въ современныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ отсутствуетъ народный пошибъ. Всѣ попытки писать въ русскомъ стилѣ, безъ основательныхъ теоретическихъ знаній и безъ полного знакомства съ русскими народными напѣвами, не достигаютъ цѣли. Чтобы создать русское музыкальное сочиненіе безъ знаній, нужно быть не талантомъ, а гениемъ, какимъ былъ Глинка, признававшій особенности размѣра русскихъ пѣсенъ, и постоянно, однако, недовольный тѣмъ, что въ своихъ произведеніяхъ онъ не могъ вполне ихъ выразить. Для всякаго русскаго музыканта обязательно не только знать о существованіи всѣхъ народныхъ ритмическихъ формъ, но и необходимо въ совершенствѣ владѣть ими. Ученикамъ слѣдуетъ упражняться въ сочиненіяхъ мелодій во всѣхъ ритмахъ и ладахъ. Теперь же, въ современныхъ задачахъ, въ самомъ началѣ задаваемыхъ ученикамъ, мы зачастую не находимъ ни ладу, ни складу.

Образованному музыканту необходимо также основательное знакомство со всею теоретическою стороною ритмики, такъ прекрасно и ясно изложенною профессоромъ Вестфалемъ въ его книгѣ: „Allgemeine Theorie der musikalischen Rhythmik“. Давно бы пора консерваторіямъ перевести это сочиненіе, какъ и его небольшую книжку „Musik des griechischen Alterthums“ на русскій языкъ. Съ помощью классическаго взгляда на законы ритма, реставрированныя профессоромъ Вестфалемъ, оказалось возможнымъ отличить въ русскихъ пѣсняхъ существованіе такихъ особенностей, какъ выше помянутый метаболическій ритмъ, состоящій изъ колоновъ, различныхъ по величинѣ и систематически чередующихся. Признавать эти ритмическія явленія неправильными—неосновательно.

Въ природѣ нѣтъ явленій, не обусловленныхъ достаточными основаніями. Русскую пѣсню мы должны отнести къ разряду явленій безыскусственныхъ; въ ней, при внимательномъ анализѣ, мы находимъ соблюденіе законовъ акустики и ритма.

Насколько законы ритма естественны, и до какой степени они составляютъ необходимѣйшую принадлежность для выраженія мысли посредствомъ слова или звука,—на это, вѣроятно, намъ отвѣтитъ физиологія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ ритмическія явленія основываются на законахъ физиологическихъ. Собрано уже довольно много фактовъ для проведенія параллели между ритмическими данными стихосложенія и музыки съ явленіями нашего организма, каковы кровообращеніе и дыханіе.

Пѣть возможно лишь выдыхая воздухъ. Первымъ мѣриломъ длины музыкальной фразы должно служить количество времени, потребное для того, чтобы проговорить или пропѣть, не переводя дыханія. Цезуры, т. е. перерывы въ предложеніяхъ и періодахъ, совершаются въ моменты, необходимые для вдыханія воз-

духа. Здѣсь слѣдуетъ искать причинъ, почему неестественно удлиняютъ періоды произвольно, а также почему у сѣверныхъ народовъ музыкальные періоды длиннѣе таковыхъ же у южныхъ народовъ. Такъ, напр., Аристоксенъ не допускалъ дактилическихъ колоновъ въ шесть стопъ, между тѣмъ въ русскихъ пѣсняхъ шести-стопные дактилическіе колоны встрѣчаются очень часто. Самый обыкновенный видъ колона содержитъ въ себѣ четыре стопы, соответствующія тѣмъ четыремъ ударамъ пульса, которые чаще всего въ организмѣ человѣка приходятся на одно вдыханіе и выдыханіе воздуха. Совпаденія между явленіями ритмическими и физиологическими поразительны. Вопросъ этотъ однако очень спеціаленъ, и мы его откладываемъ до завершения дальнѣйшихъ наблюденій.

По той же причинѣ мы принуждены отложить и интересный вопросъ объ энгармонизмѣ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Здѣсь замѣтимъ только, что энгармоническою гаммою мы должны называть не ту гамму, которая состоитъ изъ непрерывнаго ряда четвертей тоновъ, какъ это вообще ошибочно принято, а діатоническую гамму, въ которой нѣкоторые ступени замѣняются энгармоническими звуками.

Въ русскихъ пѣсняхъ не встрѣчается мелодій, распѣваемыхъ на двадцати четырехъ четвертяхъ тона. Изъ изслѣдованій Вестфала, Гельмгольца, Геварта и др. видно, что древніе знали гаммы съ энгармоническими интервалами. Нѣкоторые виды этихъ гаммъ существуютъ и теперь въ практикѣ народнаго пѣнія. Незнаніе о существованіи подобныхъ видовъ ввело и меня въ ошибку. Энгармоническая интонація въ пѣніи русскаго народа принята была мною, какъ и теперь принимается музыкантами, за неправильную, вслѣдствіе чего я и принужденъ былъ, напр., въ пѣснѣ № 3 моего 1-го выпуска „На зорѣ было“ обозначать энгармоническій звукъ то посредствомъ простаго *фа*, то—*фа* съ діэзомъ, примѣняясь къ нашему темперованному строю. Внимательно вслушиваясь въ интонацію, не трудно замѣтить, что обыкновенный звукъ *фа* долженъ быть замѣненъ звукомъ энгармоническимъ, т. е. среднимъ между *фа* и *фа*-діэзомъ. Подобные примѣры встрѣчаются во многихъ записанныхъ мною пѣсняхъ. Спеціальныя наблюденія, безъ сомнѣнія, вполне выяснятъ это интересное явленіе.

Правильное интонированіе по натуральной скалѣ *гораздо легче*, чѣмъ по темперационной. Въ Лондонѣ уже существуетъ общество сольфеджистовъ, дающее въ Хрустальномъ Дворцѣ (Сиденгамѣ) ежегодно концерты, въ которыхъ принимаютъ участіе отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ дѣтей. Энгармоническая интонація этихъ исполнителей вполне согласуется съ энгармоническимъ органомъ генерала Томсона (Pegonet-Thomson)¹⁾ и Пуля (H. W. Poole) и по точности исполненія производитъ наилучшее впечатлѣніе на слушателей. Гельмголецъ не считаетъ непреодолимыми трудности натуральной системы интонированія²⁾. Струннымъ инструментамъ легко примѣниться къ этой интонаціи, мѣдные духовые инструменты имѣютъ сами въ себѣ натуральную настройку и приноравливаются къ темперационной системѣ съ трудомъ. „Деревянные духовые инструменты могли бы немного измѣнить свои тоны, для того чтобы присоединиться къ строю другихъ“³⁾. Мнѣ лично приходилось убѣждаться, насколько трудно приучить неспорченный слухъ ученика изъ народа къ интонаціямъ по нашей темперованной системѣ. Въ гаммѣ терцію, сексту, также и

¹⁾ Principles and Practice of just Intonation, illustrated on the Enharmonic Organ. 7-th Edition. London, 1863.

²⁾ Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, стр. 575.

³⁾ Тамъ же, стр. 575.

септиму неопытный ученикъ интонируетъ фальшиво (по понятіямъ музыкантовъ). Мнѣ необходимо было потратить много труда, чтобы приучить ученика пѣть по темпераціонной настройкѣ. Что же я дѣлалъ при обученіи? То, что дѣлаютъ вообще всѣ обучающіе. У ученика оказывался неспорченный слухъ; онъ отъ природы умѣлъ интонировать, какъ самый искусный акустикъ, а я ему портилъ его дарованіе, заставляя пѣть по фальшивому современному темпераціонному строю. Въ концѣ концовъ ученикъ дѣлается неспособнымъ интонировать энгармонически правильно. Такимъ образомъ тиски школы извращаютъ природныя дарованія...

Мнѣ случалось слышать на Волгѣ многочисленные хоры бурлаковъ, исполняющихъ съ поразительною ясностію энгармоническіе интервалы. Звукъ септими, на неточность которой акустики обращаютъ вниманіе музыкантовъ, выходилъ удивительно красиво. Чарующее впечатлѣніе этой звуковой утонченности, можетъ быть, наведетъ и музыкантовъ на мысль выработать искусство справляться съ энгармоническими звуками.

Нельзя не придти къ заключенію, что слухъ простого русскаго мужика въ этомъ отношеніи несравненно требовательнѣе слуха образованныхъ музыкантовъ, не умѣющихъ обращаться съ энгармоническими звуками. Слухъ крестьянина не испорченъ грубымъ темперованнымъ строемъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, приходится убѣдиться, что природа щедро наградила человѣка способностью инстинктивно сознать то, до чего еще далеко и мудрено добраться научнымъ путемъ.

Изученіе ритмики народныхъ напѣвовъ наводитъ на мысль, что попытки опредѣлить законы народнаго стихосложенія, до сихъ поръ дѣлаемая, начиная со времени Ломоносова, едва ли можно считать основательными. Предметомъ изслѣдованія ученыхъ наблюдателей служилъ постоянно матеріаль, на самомъ дѣлѣ *не существующій*, а именно, текстъ безъ напѣва. Въ дѣйствительности же всѣ русскія пѣсни исполняются не иначе, какъ на опредѣленные мелодіи. *Ихъ поютъ, а не скандируютъ*. Сидя въ кабинетѣ передъ текстомъ пѣсенъ безъ мелодій, можно, конечно, додуматься до какихъ-нибудь общихъ заключеній, но подобныя заключенія едва ли могутъ быть принимаемы за работы серьезныя и ведущія къ истинѣ.

Народъ никогда не скандируетъ своихъ пѣсенъ безъ мелодій. Заставьте деревскаго знатока напѣвовъ передать одни слова пѣсни, — и онъ вамъ расскажетъ ея содержаніе своими словами. Скандируютъ народныя пѣсни только въ учебныхъ заведеніяхъ и академіяхъ. Народъ этого не знаетъ.

Въ настоящее время, дѣйствительно, существуетъ раздѣленіе труда: одинъ пишетъ стихи, другой музыку — и часто другъ друга не понимаютъ. У народа творческій актъ для слова и звука нераздѣленъ. Народъ, подобно Пиндару или Эсхилу, не только создаетъ текстъ, но одновременно слагаетъ и музыку, — это высшее проявленіе поэтическаго творчества.

Ближе всего къ декламации подходитъ исполненіе духовныхъ стиховъ. Мелодіи ихъ гораздо проще обыкновенныхъ пѣсенъ и служатъ лишь мѣриломъ для опредѣленія ритмическихъ формъ, представляющихъ необыкновенно интересные образцы. Единственный примѣръ скандировки безъ пѣнія представляютъ прибаутки, произносимыя во время пляски самимъ исполнителемъ (большею частью анапестомъ).

Громкіе авторитеты не разъ дѣлали выводы о законахъ народнаго стихосложенія. Не такъ давно даже наше высшее ученое учрежденіе, Академія Наукъ, присудило премію г. Шафранову за его изслѣдованіе о законахъ народнаго стихосложенія. Матеріаломъ для наблюденія и на этотъ разъ служилъ предметъ, въ

народѣ не существующій, а именно, текстъ безъ напѣва, хотя въ видѣ приложенія и помѣщены нѣкоторые напѣвы, оставшіеся безъ вліянія на результатъ изысканія.

Надъ изслѣдованіями законовъ ритмики текста народныхъ пѣсенъ *нераздѣльно* съ напѣвами никто не работалъ. Между тѣмъ, только изучая текстъ совмѣстно съ мелодіей, можно добраться до вѣрныхъ заключеній о ритмикѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Только такой матеріалъ и дастъ намъ отвѣты на вопросы, существуютъ ли, напримѣръ, тѣ смысловыя ударенія въ русскихъ напѣвахъ, на которыя указываетъ г. Шафрановъ. Въ напѣвахъ, кромѣ стопныхъ удареній, есть, дѣйствительно, еще болѣе рельефныя и болѣе рѣдкія ударенія. Такъ, въ четырехстопномъ размѣрѣ, кромѣ четырехъ удареній на каждой изъ стопъ, могутъ быть дѣлаемы болѣе сильныя ударенія на первой и третьей стопѣ ¹⁾ или на второй и четвертой ²⁾. Это такъ называемыя *гесихастическія* и *діастальтическія* ударенія. Въ хорошихъ стихотвореніяхъ, къ которымъ должны быть отнесены и русскія народныя пѣсни, въ дѣйствительности такъ и бываетъ, что эти болѣе рѣдкія ударенія (черезъ стопу—диподическія ударенія) приходятся именно на тѣ мѣста, гдѣ смыслъ словъ того требуетъ.

Перемѣна діастальтического ударенія на гесихастическое, или наоборотъ, въ музыкальной фразировкѣ значительно измѣняетъ смыслъ фразы. Даже лучшіе капельмейстеры и солисты-исполнители инструментальныхъ сочиненій мало обращаютъ вниманія на эту акцентуацію и довольствуются въ большинствѣ случаевъ однообразными удареніями въ началѣ каждаго такта. Многіе изъ нихъ, помимо однообразнаго выколачиванія тактовыхъ удареній, имѣютъ еще обыкновеніе не отдѣлять ни кѣлоновъ, ни предложеній, ни періодовъ. Такимъ образомъ слышится непрерывный рядъ звуковъ. Для пѣвца подобное инструментальное исполненіе представилось бы неисполнимой задачей—спѣть цѣлую піесу въ нѣсколько страницъ, не переводя духъ. Естественные перерывы, дѣлаемые при пѣніи по окончаніи каждаго кѣлона, необходимы уже для того, чтобы перевести дыханіе. Гдѣ именно въ музыкальной строфѣ должны быть дѣлаемы эти перерывы, объ этомъ исполнители инструментальной музыки мало заботятся, отчего музыка ихъ часто является непонятною, производя лишь одно раздраженіе слуха. Фуги Баха преимущественно исполняются, какъ рядъ непрерывныхъ звуковъ; это и побудило меня совмѣстно съ проф. Вестфалемъ издать нѣсколько фугъ съ ритмическими указаніями ³⁾.

Аристоксенъ точно опредѣляетъ продолжительность остановки, необходимой для ритмическаго отдѣленія кѣлоновъ другъ отъ друга. Эти остановки не должны превышать половины продолжительности недѣлимой гласной—мѣры (о которой мы уже говорили), дабы болѣе продолжительная остановка не вліяла на измѣненіе величины стопы. Такъ, напр., ежели принять за мѣру одну восьмую, то остановка въ концѣ кѣлона не должна превышать одной шестнадцатой. Въ послѣднее время, по почину Люси, стали иногда появляться значки для опредѣленія границъ предложеній и періодовъ. Слѣдовало бы ихъ ввести въ общее употребленіе.

Въ чемъ же заключается разница исполненія по законамъ ритмики отъ обыкновеннаго, общепринятаго, неритмическаго исполненія?

Представьте себѣ стихи, написанные въ одну строку, безъ знаковъ препинанія и безъ отдѣленія одного слова отъ другого, да еще на неизвѣстномъ языкѣ. Передъ

¹⁾ Напр. 2-я пѣсня моего перваго выпуска пѣсенъ.

²⁾ 17-я пѣсня того же выпуска.

³⁾ I. S. Bach. Zehn Fugen für Piano. Zweite rhythmische Ausgabe von R. Westphal und J. Melgunow.

словами, имѣющими ударенія, поставлены тактовыя черты, служащія указаніями для скандировки. Въ такомъ видѣ являются написанными музыкальныя произведенія. Что же дѣлаетъ музыкантъ-исполнитель? Въ большинствѣ случаевъ онъ скандируетъ отъ одной тактовой черты до слѣдующей, дѣлая сильныя ударенія послѣ тактовой черты.

Такой способъ исполненія не измѣняетъ смысла музыкальной фразы, ежели она дѣйствительно начинается послѣ тактовой черты и оканчивается съ нею. Но ежели музыкальный колонъ начинается не вслѣдъ за тактовой чертой, а съ другой части такта (какъ въ большинствѣ фугъ Баха), то отъ подобнаго исполненія искажается музыкальная мысль. Въ результатѣ у исполнителя выходятъ запятыя посреди словъ и предложенія, которыя приходится начинать съ половины слова.

Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина:

Съ тѣхъ поръ, какъ | празднуетъ ли|цей
Свою свя|тую годов|щину...

Тактовыя черты придутся въ музыкѣ передъ главными удареніями. Вотъ какъ подобные такты въ большинствѣ случаевъ скандируютъ музыканты:

Съ-тѣхъ-поръ-какъ, празднуетъ-ли, цей-свою-свя, тую-годов, щину.... и т. д. до конца съ одинаковою послѣдовательностью. Слушатель недоумѣваетъ отъ подобной декламации и по скромности готовъ приписать неудовлетворенность своихъ впечатлѣній тому, что онъ вѣроятно еще не достаточно развитъ, чтобы вполне понять и оцѣнить этотъ глубокомысленный продуктъ. Слушающая публика права, непонимая непонятное; она инстинктивно сознаетъ, что тутъ что-нибудь да не ладно.

Что музыканты дѣйствительно исполняютъ большую часть музыкальныхъ произведеній, и въ особенности фуги Баха, по вышеприведенному невѣроятному образцу скандировки стиховъ, въ этомъ легко убѣдиться, анализируя, какимъ образомъ разставлены въ различныхъ изданіяхъ знаки для связыванія звуковъ (*legato*), уясняющіе музыкальныя фразы, а также сравнивъ обыкновенное исполненіе фугъ съ исполненіемъ ихъ по ритмическому изданію, въ которомъ ясно расчленены предложенія, періоды и строфы.

Въ ритмическомъ отношеніи фуги Баха представляютъ примѣры почти для всѣхъ положеній Аристоксеновской ритмики. Сочиненія позднѣйшихъ композиторовъ, не исключая Гайдна, Моцарта и Бетховена, не представляютъ такого разнообразія ритмовъ. Современное исполненіе фугъ всегда приводитъ слушателя въ недоумѣніе, между тѣмъ какъ фуги, исполненныя ритмически, представляютъ въ высшей степени доступныя и понятныя сочиненія, чарующія слушателя своею простотою при высокому поэтическому содержанію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вслѣдствіе неправильной ритмической фразировки имя безсмертнаго Баха въ послѣднее время перестало появляться на концертныхъ программахъ, не смотря на обиліе концертовъ и съѣздъ виртуозовъ.

При исполненіи фугъ Баха музыканты имѣютъ еще обыкновеніе выдѣлять главные голоса фуги (*dux* и *comes*), исполняя ихъ громче другихъ голосовъ. Этотъ обычай, усвоенный всѣми музыкантами, основывается на томъ, что *dux* и *comes*, дѣйствительно, играютъ первенствующую роль въ фугѣ. Между тѣмъ основаній подобнаго исполненія не представляютъ ни эстетика, ни требованія автора. Извѣстный біографъ Баха, Филиппъ Спитта, на авторитетъ котораго безъ сомнѣнія можно положиться, свидѣтельствовалъ мнѣ, что онъ нигдѣ не находилъ того, чтобы Бахъ требовалъ подчеркиванія главнаго голоса. Другіе голоса фуги играютъ одинаково важную роль, нѣрѣдко даже болѣе выдающуюся.

Кто согласится декламировать такъ, чтобы для удовлетворенія ревностнаго учителя грамматики выкрикивать одни существительныя и прилагательныя, или же одни главныя предложенія, читая въ полголоса предложенія придаточныя, и пр. Въ силу чего же подобный приѣмъ сдѣлался обычаемъ у музыкантовъ? Пренебреженіе къ законамъ ритмики часто лишаетъ музыканта возможности добраться до настоящаго смысла музыкальной фразы. Связь между мыслью, выраженною въ словахъ, и мыслью, выраженною въ звукахъ, постоянно нарушается. Между тѣмъ кто же станетъ отрицать, что стихи и музыка суть продукты одной и той же мозговой и душевной дѣятельности, что и словами и звуками человѣкъ мыслить одинаково, что наконецъ всякая мысль есть продуктъ одной и той же физиологической организаціи человѣка? Казалось бы, что музыкантъ не можетъ мыслить въ формахъ, не соответствующихъ формамъ мысли, выражаемой словами въ поэзіи. Странно, что музыканты отрицаютъ связь ритмики стихотворной съ ритмикой музыкальной, несмотря на то, что эта истина была доказана еще во времена Аристоксена. Ритмическія формы музыкальныхъ фразъ всегда ясны при исполненіи первоклассными виртуозами, каковы, напр., Рубинштейнъ или Лаубъ, въ моменты поэтического воодушевленія. Художественная фразировка никогда не противорѣчитъ требованіямъ законовъ ритма. Она всегда понятна.

Ф. Лаубъ и Ю. Мельгуновъ.

Консерваторіямъ давно бы пора учредить у себя спеціальныя кафедры ритмики и акустики, если онѣ не утратили вѣру въ плодотворность и цѣлесообразность истинныхъ знаній.

Занятія Микель-Анджело анатоміей, нисколько не унижавшія искусства, могутъ служить поучительнымъ примѣромъ для художниковъ. Анализируя ритмъ, мы касаемся самыхъ сокровенныхъ тайнъ эстетическихъ движеній души. Въ ритмѣ своя гармонія. Это откликъ человѣческаго сердца на ритмъ и гармонію всего міровданія—на жизнь всей природы. Знаніе законовъ ритма открываетъ даръ созерцать многія тайны, совершающіяся въ воодушевленной душѣ поэта.

Безъ знанія ритмики вся классическая музыка временъ Баха представляется закрытой книгой, поэтическое содержаніе которой едва ли кто въ состояніи себѣ уяснить. Ритмика открываетъ новый міръ чарующихъ звуковъ и представляетъ всю классическую музыку совершенно въ другомъ свѣтѣ. Сухіе, монотонные, запутанные интервальные переходы и контрапунктическія сочиненія становятся совершенно понятными, являясь въ видѣ высоко поэтическихъ музыкальныхъ фразъ, проникнутыхъ невыразимой глубиной чувства, изящества и простоты.

Вопросъ о музыкальной ритмикѣ и акустикѣ не можетъ по прежнему быть отнесенъ къ разряду несбыточныхъ фантазій, не имѣющихъ практическаго приращенія къ музыкѣ. Къ трудамъ такихъ ученыхъ, каковы Гельмгольцъ, Эттингенъ, Гевартъ, Науманъ, Гауптманъ, Вестфаль и др.—необходимо отнести съ должнымъ благоговѣніемъ. Нельзя пренебрегать идеями высокыхъ умовъ, хранителей вѣчно свѣтлыхъ истинъ.

Близкое знакомство съ ритмомъ русскихъ пѣсенъ проливаетъ свѣтъ и на ритмическій строй церковныхъ мелодій, которымъ охотно приписываютъ полное отсутствіе ритмическаго размѣра. Дѣйствительно, нельзя утверждать, чтобы всѣ церковныя мелодіи отличались строгими ритмическими формами, но несомнѣнно, что въ осно-

ваніи ихъ склада лежать тѣ же принципы ритма, которые мы встрѣчаемъ въ размѣрѣ народныхъ пѣсенъ. Исключеніе представляютъ тѣ церковныя пѣснопѣнія, которыя, какъ речитативы, исполняются читкомъ, хотя большая часть и сихъ послѣднихъ оканчивается короткими мелодическими оборотами, имѣющими ритмическій складъ. Всѣ же прочія церковныя мелодіи имѣютъ стопныя ударенія, особенно ясно слышимыя, когда ихъ исполняютъ знатоки-старовѣры непосредственно съ крюковъ, а не съ современныхъ линейныхъ знаковъ. Вообще въ церковныхъ напѣвахъ замѣтно родство съ народнымъ творчествомъ. Конечно, общепринятая система церковнаго письма, безъ тактовыхъ штриховъ и знаковъ ударенія, значительно затемняетъ вопросъ о ритмѣ церковныхъ напѣвовъ. Размѣры предложеній (колоновъ) и періодовъ, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, часто не одинаковы, а также въ стопахъ встрѣчаются метаболы: однѣ стопы замѣняются другими.

Обратимъ еще вниманіе на нѣкоторыя ритмическія особенности русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Къ числу этихъ особенностей слѣдуетъ отнести часто встрѣчающіяся повторенія отдѣльныхъ колоновъ. Эти повторенія придаютъ ритмическимъ формамъ періодовъ и строфъ полноту и законченность. Повторяются обыкновенно первый и третій колонъ пѣсни или одинъ изъ нихъ. Съ повтореніемъ второго колона мелодія пѣсни заканчивается. Другая особенность заключается въ удвоеніи скорости ритмическаго движенія. Подобные приемы встрѣчаются весьма часто.

Относительно распредѣленія гласныхъ совмѣстно съ музыкальными стопами слѣдуетъ замѣтить, что одинъ слогъ большею частью не растягивается въ пѣснѣ далѣе, какъ на двѣ музыкальныя стопы, рѣдко на три. Какъ исключеніе изъ общаго правила составляютъ пѣсни съ цѣлыми колонами, распѣваемыми на одну гласную, на подобіе древнихъ церковныхъ крюковыхъ *омтъ*. Это растяженіе гласныхъ мы встрѣчаемъ систематически проведеннымъ во всей пѣснѣ до конца и всегда на томъ же самомъ мѣстѣ ¹⁾.

Начало пѣсни опредѣляетъ дальнѣйшій ея складъ ритмическій и гармоническій, который строго выдерживается въ продолженіе всей пѣсни до мельчайшихъ подробностей. Измѣненія въ срединѣ пѣсни влекутъ за собою тождественныя измѣненія и въ дальнѣйшемъ продолженіи ея. Складъ, разъ принятый, неизмѣнно выдерживается и относительно повтореній цѣлыхъ колоновъ. При повтореніяхъ обыкновенно дѣлаются нѣкоторыя измѣненія въ мелодіи.

Что касается модуляцій въ пѣсняхъ, то нельзя признать справедливымъ существующее мнѣніе, что въ русскихъ пѣсняхъ модуляціи не встрѣчаются. Есть цѣлый разрядъ пѣсенъ, основанныхъ на такъ называемой церковной *цефалитной* гаммѣ. Этотъ рядъ звуковъ представляетъ въ пѣсняхъ модуляціи (говоря языкомъ музыкантовъ) изъ тоники въ субдоминанту и доминанту, но безъ вводнаго тона, т.-е. въ фригійскій мажоръ. Другой разрядъ пѣсенъ представляетъ модуляціи изъ тоники въ параллельный натуральный миноръ (т.-е., напр., изъ *до*-мажора въ *ла*-миноръ безъ діэзовъ). Модуляціи изъ минора въ мажоръ встрѣчаются рѣже.

Вообще даже въ мелодіяхъ, которыя можно исполнять на однѣхъ бѣлыхъ клавишахъ фортепіано, видно искусство владѣть древними тональностями. Переходы

¹⁾ Въ первомъ выпускѣ изданныхъ мною пѣсенъ въ самомъ текстѣ пѣсенъ обозначены ясно, курсивомъ и повтореніемъ гласныхъ буквъ, всѣ случаи растяженій гласныхъ. Также обозначены и всѣ ударенія. Достойны особеннаго вниманія ритмическія ударенія, приходящіяся на гласныя, не имѣющія удареній въ разговорной рѣчи. Такъ, напр., слова: колѣдѣзь, глубокѣйшій поются: к ъ л о д ѣ з ѣ ъ , г л у б о к ѣ ѣ ѣ и т. п.

изъ фригійскаго мажора (соль-мажоръ безъ фа-диеза) въ обыкновенный мажоръ, а также въ натуральный миноръ (гамма отъ *ми*) и въ локрійскую тональность (гамма отъ *ла*) совершаются съ большимъ искусствомъ; безспорно, что ни у кого изъ композиторовъ не найдется примѣровъ, которые могли бы служить доказательствомъ умѣнія настолько искусно пользоваться разнообразными ладами, какъ это дѣлаетъ народъ. При чередованіи пѣсенъ можно также наблюдать за модуляціями. Запѣвало, начиная другую пѣсню, дѣлаетъ мелодическій оборотъ въ родственныя тональности, и пѣсня продолжается въ другомъ ладѣ и складѣ.

Вышеизложенное не исчерпываетъ еще вполне всего, что можно сказать о дальнѣйшихъ формахъ, могущихъ служить музыканту прототипомъ для музыкальных произведеній. Ежели мы обратимъ вниманіе на текстъ большой пѣсни съ начала до конца, то насъ поразитъ стройность формъ. Мы встрѣтимъ извѣстныя музыкантамъ двухъ—и трехъ-колѣнныя формы, увидимъ рѣзко отдѣляющіяся вступленія, а также самостоятельныя заключенія въ концѣ пѣсни. Извѣстная музыкантамъ варіаціонная форма также присуща русской пѣснѣ.

Въ самомъ порядкѣ исполненія пѣсенъ народомъ, одной за другой, видна органическая связь и эстетическій смыслъ, имѣющій въ виду цѣльность художественнаго впечатлѣнія. Къ извѣстному моменту бытовой обстановки подбираются и соотвѣтствующія по содержанию пѣсни. Поются либо величальныя и свадебныя пѣсни (*свадьбишныя* или *свадебныя* по оригинальному народному словообразованію), или рекрутскія, или однѣ хороводныя, предшествуемыя такъ называемыми *сборными* и оканчивающіяся *расхожими* пѣснями, или исключительно распѣваются одни похоронныя причитанія на голосъ. Никогда крестьянинъ не рѣшится спѣть хороводную пѣсню во время исполненія хоровыхъ, или плясовую среди духовныхъ стиховъ. Въ этомъ всегда видно соблюденіе цѣльности эстетическихъ настроеній, на что составители программъ нашихъ концертовъ рѣдко обращаютъ вниманіе. Подборъ однѣхъ хоровыхъ пѣсенъ, обыкновенно начинающійся съ протяжной и заканчивающійся плясовою со вставками шуточныхъ, представляетъ собою тѣ же смѣны различныхъ *adagio*, *allegro*, *scherzo*, *presto*, которыя встрѣчаются въ большихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ.

Такимъ образомъ русская народная пѣсня содержитъ въ себѣ зародыши высшихъ разнообразныхъ музыкальных формъ.

О гармоніи русских пѣсенъ.

Появленіе капитальныхъ трудовъ профессора Руд. Вестфаля, Геварта ¹⁾ (директора брюссельской консерваторіи) и другихъ изслѣдователей древнегреческой музыки—съ одной стороны,—а съ другой обиліе матеріала русскихъ пѣсенъ, которыя намъ удалось слышать и записать съ вариантами, представляютъ возможность яснѣе опредѣлить соотношеніе склада народныхъ пѣсенъ и музыкальной теоріи древнихъ грековъ.

Профессоръ Вестфаль, авторитетъ котораго, какъ эллиниста, признанъ всѣми учеными,—за основаніе греческой музыки (die alleruntersten Fundamente der griechischen Melik) принимаетъ слѣдующія четыре гаммы:

	(lyrate)	parhyrate	lichanos	mese	paramesos	trite	paranete	nete	
Древн. назв.	Дорійская. —ми,	фа,	соль,	ла,	си,	до,	ре,	ми.—Эолійская.	} Названія зап. церкви.
	Фригійская. —ре,	ми,	фа,	соль,	ла,	си,	до,	ре.—Миксолидійская.	
	Лидійская. —до,	ре,	ми,	фа,	соль,	ла,	си,	до.—Лидійская.	
	Локрійская. —ла,	си,	до,	ре,	ми,	фа,	соль,	ла.—Дорійская.	
	Нижен. кварта (доминанта).			Прима (тоника).		Терція (медіанта).			

Эти различные роды гаммъ, или вѣрнѣе ладовъ, въ древности справедливо называли *гармоніями*. Это не произвольный наборъ звуковъ. Акустическій анализъ показываетъ, что звуки въ этихъ гаммахъ находятся въ правильныхъ соотношеніяхъ другъ къ другу; каждый звукъ играетъ строго опредѣленную роль. Только ясное обозначеніе взаимныхъ совибрацій звуковъ (если такъ можно выразиться), ихъ взаимнаго сродства, можетъ намъ дать точное представленіе о гармоническомъ смыслѣ cadaго построенія гаммы.

По объясненію Аристоксена, главнымъ звукомъ, который чаще другихъ встрѣчается въ хорошемъ сочиненіи, къ которому въ мелодическихъ оборотахъ чаще

¹⁾ Histoire et théorie de la musique de l'antiquité. Par Fr. Aug. Gevaert. Томъ I, изд. 1875, II—1881. О трудахъ Вестфаля было упомянуто выше.

всего возвращаются,—слѣдуетъ признавать мезу (кварту), а не какой-либо другой звукъ гаммы.

Мезами будутъ: въ дорійской гаммѣ *ла*
 въ фригійской — *соль*
 въ лидійской — *фа*
 въ локрійской — *ре*

Говоря языкомъ современныхъ музыкантовъ, назовемъ мезу *тоникой* ¹⁾. Мелодія могла оканчиваться не только на тоникѣ (мезѣ), но и на терціи и на квинтѣ, подобно тому, какъ это бываетъ и въ современной музыкѣ. Слѣдовательно, мелодіи могли оканчиваться: въ гаммѣ дорійской на *ла, до, ми.*

въ фригійской на *соль, си, ре,*
 въ лидійской на *фа, ла, до,*
 въ локрійской на *ре, фа, ла,*

Съ этими гаммами я сравнилъ имѣющіяся у меня подъ руками болѣе двухсотъ мною записанныхъ русскихъ пѣсень. При этомъ имѣлись въ виду варианты пѣсень, объясняющіе и пополняющіе ихъ гармоническій строй. По сравненіи строя русскихъ пѣсень съ греческими гаммами, оказалось, что всѣ пѣсни объясняются гаммами: дорійскою (отъ *ми*), фригійскою (отъ *ре*) и локрійскою (отъ *ла*). Исключеніе составляютъ мажорныя пѣсни: онѣ хотя и соотвѣтствуютъ лидійской гаммѣ (*до, ре, ми, фа, соль ла, си, до*), но тоникой для нихъ нельзя признать *фа*. Варианты пѣсень прямо указываютъ, что эти пѣсни просто мажорныя въ современномъ смыслѣ этого слова, т.-е. несомнѣнно имѣютъ тоникою *до*, но не *фа*.

Изъ этого слѣдуетъ, что:

1) или строй русскихъ мажорныхъ пѣсень, основанныхъ на гаммѣ, начинающейся отъ *до*, существенно отличается отъ древнегреческаго ²⁾ (имѣющаго тоникою не *до*, а *фа*), или же

2) при изслѣдованіи древнелидійской гаммы сдѣлана ошибка изслѣдователей ³⁾.

Гамма, имѣющая тоникою *фа*, безъ бемоля (*фа, соль, ла, си, до, ре, ми, фа*), съ квартою *си*, является и по мнѣнію Гельмгольца ⁴⁾ для нашего чувства совершенно невозможною. Какъ бы ни разрѣшился вопросъ о лидійской гаммѣ, для объясненія гармоніи русской пѣсни мы не можемъ понимать гамму лидійскую иначе, какъ въ смыслѣ современной мажорной гаммы. Принявъ это толкованіе, мы приходимъ къ слѣдующему выводу, который, на нашъ взглядъ, долженъ служить краеугольнымъ камнемъ для объясненія строя русскихъ пѣсень. За исходную точку мы должны принять мажорную гамму лидійскую:

№ 1-й) 1 : $\frac{9}{8}$: $\frac{5}{4}$: $\frac{4}{3}$: $\frac{3}{2}$: $\frac{5}{3}$: $\frac{15}{8}$: 2
 до, ре, ми, фа, соль, ла, си, до,
 1 тонъ, 1 тонъ, $\frac{1}{2}$ тона, 1 тонъ, 1 тонъ, 1 тонъ, $\frac{1}{2}$ тона,

¹⁾ Желательно было бы удержать это названіе. При объясненіи аккордовъ обращенныхъ гаммъ понятіе *тоники*, къ которому мы привыкли, вноситъ недоразумѣніе.

²⁾ Гамма отъ *до* называлась еще *бэотійскою*. Есть указанія, что въ періодъ Пелопонезской войны въ Афинахъ эта тональность была въ наибольшемъ употребленіи. Акустикъ не усумнился бы утверждать, что тоникою (мезою) ея должно быть *до*. Но, по объясненію проф. Вестфала, мезою этой гаммы было *ла*. Въ русскихъ пѣсняхъ встрѣчается много мелодій, начинающихся въ *до-мажоръ* и затѣмъ переходящихъ въ *ла-миноръ*. Изъ минора въ мажоръ модуляція рѣдка.

³⁾ Гельмголецъ въ «Ученіи о слуховыхъ оцѣненіяхъ» (стр. 384) тоже, повидимому, считаетъ правильнымъ Аристотелевское объясненіе, по которому *до* (гипата) соотвѣтствуетъ нашей тоникѣ.

⁴⁾ Тамъ-же, въ примѣчаніи къ 384-й страницѣ.

Интервалы ¹⁾ этой гаммы (въ восходящемъ порядкѣ) будутъ соответствовать интерваламъ минорной (*дорійской*) гаммы (въ нисходящемъ порядкѣ): ²⁾

$$\begin{array}{cccccccc} \text{№ 2-й)} & 1 & : & \frac{3}{9} & : & \frac{4}{5} & : & \frac{3}{4} & : & \frac{2}{3} & : & \frac{3}{5} & : & \frac{8}{15} & : & \frac{1}{2} \\ & \text{ми,} & & \text{ре,} & & \text{до,} & & \text{си,} & & \text{ла,} & & \text{соль,} & & \text{фа,} & & \text{ми.} \\ & & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & \frac{1}{2} \text{ тона,} & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & \frac{1}{2} \text{ тона.} \end{array}$$

Ежели въ обыкновенной мажорной гаммѣ (№ 1) вмѣсто тоники (*до*) начать съ доминанты (т. е. съ пятого звука гаммы—съ *соль*), то получится слѣдующій видъ мажорной (*фригійской*) гаммы (въ восходящемъ порядкѣ):

$$\begin{array}{cccccccc} \text{№ 3-й)} & \frac{3}{4} & : & \frac{5}{6} & : & \frac{15}{16} & : & 1 & : & \frac{9}{8} & : & \frac{5}{4} & : & \frac{4}{3} & : & \frac{3}{2} \\ & \text{соль,} & & \text{ла,} & & \text{си,} & & \text{до,} & & \text{ре,} & & \text{ми,} & & \text{фа,} & & \text{соль.} \\ & 1 & : & \frac{10}{9} & : & \frac{5}{4} & : & \frac{4}{3} & : & \frac{3}{2} & : & \frac{5}{3} & : & \frac{16}{9} & : & 2 \\ & & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & \frac{1}{2} \text{ тона,} & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & \frac{1}{2} \text{ тона,} & & 1 \text{ тонъ.} \end{array}$$

Интервалы этой гаммы будутъ вполне соответствовать интерваламъ слѣдующей минорной (*локрійской*) гаммы (въ нисходящемъ порядкѣ):

$$\begin{array}{cccccccc} \text{№ 4-й)} & \frac{4}{3} & : & \frac{6}{5} & : & \frac{16}{15} & : & 1 & : & \frac{8}{9} & : & \frac{4}{5} & : & \frac{3}{4} & : & \frac{2}{3} \\ & \text{ла,} & & \text{соль,} & & \text{фа,} & & \text{ми,} & & \text{ре,} & & \text{до,} & & \text{си,} & & \text{ла.} \\ & 1 & : & \frac{9}{10} & : & \frac{4}{5} & : & \frac{3}{4} & : & \frac{2}{3} & : & \frac{3}{5} & : & \frac{9}{16} & : & \frac{1}{2} \\ & & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & \frac{1}{2} \text{ тона,} & & 1 \text{ тонъ,} & & 1 \text{ тонъ,} & & \frac{1}{2} \text{ тона,} & & 1 \text{ тонъ.} \end{array}$$

Эта гамма начинается, подобно фригійской (№ 3-й) гаммѣ, также съ пятого звука (считая сверху внизъ) минорной (*дорійской*) гаммы.

Этотъ цифровой анализъ звуковыхъ колебаній говоритъ за себя краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ описаній. Здѣсь невольно вспоминаются слова Гельмгольца: „Математика и музыка, самыя рѣзкія крайности духовной дѣятельности, всетаки соединены между собою, помогаютъ одна другой, какъ будто для доказательства тайной связи между всеми отраслями дѣятельности нашего духа, — связи, которая заставляетъ насъ предугадывать и въ твореніяхъ художественнаго гения безсознательныя проявленія тайно дѣйствующаго разума“.

Итого четыре гаммы:

Первая (мажорная) и вторая (минорная)—главныя, причѣмъ вторая будетъ обращеніемъ первой. Третья и четвертая будутъ уже виды первыхъ двухъ, причѣмъ четвертая будетъ обращеніемъ третьей.

Такимъ образомъ всѣ гаммы выводятся изъ одной и той же *до*—мажорной.

Фактъ развитія всѣхъ звуковыхъ сочетаній изъ одного и того же общаго корня достоинъ особаго вниманія. Здѣсь можетъ быть проведена аналогія съ другими явленіями природы.

Приведа эти четыре гаммы къ одной тоникѣ и начавъ съ нея, получимъ:

- 1) до, ре, ми, фа, соль, ла, си, до (лидійская),
- 2) до, ре, ми—бемоль, фа, соль, ла—бемоль, си—бемоль, до (дорійская),
- 3) до, ре, ми, фа, соль, ла, си—бемоль, до (фригійская),
- 4) до, ре, ми—бемоль, фа, соль, ла, си—бемоль, до (локрійская).

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, что господствующее понятіе объ интервалахъ весьма смутно. Такъ, напр., по объясненіямъ общепринятыхъ учебниковъ, интервалъ секунды *до-ре* даетъ въ обращеніи септиму *ре-до*. Въ дѣйствительности же отношеніе *до : ре* = 1 : $\frac{9}{8}$, а взявъ обратное отношеніе $\frac{9}{8} : 1$, мы получимъ *до : си* ♭ (внизъ), т. е. тоже секунду вмѣсто септими. Ясно, что здѣсь спутаны понятія объ отношеніи съ понятіями о *перемѣщеніи* звука октавой выше или ниже.

²⁾ Замѣчательно, что въ мелодическихъ орнаментахъ русскихъ пѣсенъ минорнаго строя (дорійскаго) гаммообразные обороты (рѣдко болѣе пяти нотъ подрядъ) встрѣчаются всегда въ нисходящемъ порядкѣ.

Въ предисловіи къ первому выпуску изданныхъ мною русскихъ народныхъ пѣсенъ всѣ русскія мелодіи отнесены къ *двумъ* гаммамъ: къ натуральной мажорной и къ натуральной минорной. Теперь же оказывается ихъ четыре. Въ этомъ нѣтъ противорѣчія. Натуральная мажорная (лидійская) и натуральная минорная (дорійская) остаются главными *родами* гаммъ. Другія двѣ (фригійская и локрійская) суть только *виды* двухъ первыхъ гаммъ ¹⁾.

Къ сожалѣнію, съ официальныхъ кафедръ и по сіе время еще распространяются о древне-греческихъ гаммахъ свѣдѣнія, не согласныя съ данными, добытыми наукой за послѣднее время. Учебники все еще употребляютъ названія Глареана, которыя и по мнѣнію Гельмгольца было бы лучше позабыть ²⁾. Но, уничтожая значеніе гаммъ Глареана, мы разбиваемъ кумиръ, которому столько вѣковъ поклонялись всѣ учащіе и учившіеся, и на которомъ зиждутся всѣ учебники музыки.

Намъ говорятъ о древнихъ гаммахъ, какъ о чемъ-то отжившемъ, не имѣющемъ никакой связи съ современной практикой музыкальныхъ сочиненій. Между тѣмъ несомнѣнно, что рано или поздно музыкальная наука должна будетъ не только вернуться къ изученію древне-греческой музыки, но и признать, что ежели есть возможность создать дѣйствительно научную теорію музыки, то таковая должна быть непременно основана на истинахъ, разработанныхъ древними.

Въ русскихъ мелодіяхъ гаммы фригійскаго мажора (№ 3), отличающейся отъ обыкновеннаго мажора измѣненіемъ вводнаго тона (седьмой ступени), часто совершенно пропускаютъ седьмую ступень (си-бемоль). Также и въ мелодіяхъ локрійской гаммы (№ 4), составляющей обращеніе фригійской гаммы (въ нисходящемъ порядкѣ: соль, фа, ми-бемоль, ре, до, си-бемоль, ла, соль, отличающейся отъ минорной гаммы № 2: соль, фа, ми-бемоль, ре, до, си-бемоль, ла-бемоль, соль—измѣненіемъ нижняго вводнаго тона), часто не употребляютъ седьмую ступень, считая сверху внизъ—ла.

Мнѣ случалось слышать мелодіи еще болѣе бѣдныя по количеству звуковъ гаммы, а именно съ пропускомъ еще четвертой ступени гаммы, въ томъ числѣ одну чувашскую пѣсню. По строю она похожа на китайскія и шотландскія мелодіи, большинство которыхъ, какъ извѣстно, можно исполнять, ограничиваясь одними черными клавишами фортепiano. Это древній строй Терпандровой лиры и, по свѣдѣтельству Виллото ³⁾, строй пятиструнной лиры (киссаръ) жителей Сѣв. Африки и Абиссиніи.

Чтобы выяснитъ гармоническое значеніе звуковъ выше приведенныхъ четырехъ гаммъ, необходимо точное сопоставленіе аккордовъ, образующихся на каждомъ звукѣ этихъ гаммъ.

Аккорды гаммы мажорной (№ 1) и ихъ значеніе музыкантамъ хорошо извѣстны. Въ нихъ различаютъ три группы: тоническую, доминантовую и субдоминантовую. Съ помощью этихъ аккордовъ составляются различные заключительные аккорды (кадансы и полукадансы).

Необходимо такимъ же образомъ уяснить, какую роль играютъ при взаимномъ чередованіи соответствующіе аккорды въ обращенной минорной гаммѣ, и какія трезвучія минорной гаммы (№ 2) соответствуютъ трезвучіямъ обыкновенной ма-

¹⁾ Аристотель проводитъ мнѣніе, что въ сущности есть два разряда гаммъ (гармоніи) *дорійская* и *фригійская*, называя всѣ прочія *фригійскими* и *дорійскими синтагматами* (*syntagmata*).

²⁾ Гельмгольцъ: Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ (стр. 385).

³⁾ *Villoteau*. Description des instruments de musique des Orientaux, chap. XIII. Description de l'Égypte. Etat moderne.

жорной гаммы (№ 1). Для этого мы сопоставляем рядъ трезвучій мажорной гаммы (№ 1) съ соответствующимъ рядомъ трезвучій минорной гаммы (№ 2) ¹⁾.

Безъ помощи подобныхъ сопоставленій трудно напасть на правильныя послѣдованія аккордовъ, необходимыхъ для полученія кадансовъ, присущихъ минорному строю. Насколько это трудно, видно изъ неудавшихся опытовъ гармонизаціи русскихъ пѣсенъ минорнаго строя.

Недаромъ такой теоретикъ какъ Марксъ считалъ минорную гамму (безъ вводнаго тона), хотя она самая любимая въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, негодною для сочиненій потому, что она не представляетъ возможности составлять музыкальные кадансы, *тождественные* съ мажорными.

Послѣдованіе трезвучій фригійской гаммы (№ 3) является намъ въ видѣ обыкновенной гаммы *fa*—мажоръ, начинающейся съ трезвучія на доминантѣ. Для точнаго опредѣленія строя гаммы посредствомъ аккордовъ необходимо сопоставленіе такихъ аккордовъ, которые опредѣляли бы вполне весь ея строй.

Чтобы легче усвоить себѣ эти трезвучія въ различныхъ тональностяхъ, практичѣе всего стать на точку зрѣнія современныхъ музыкантовъ, оставляя названія доминанты и субдоминанты безъ измѣненія для всѣхъ четырехъ гаммъ, и тогда трезвучія будутъ:

	<i>на тоникѣ:</i>	<i>на субдоминантѣ:</i>	<i>на доминантѣ:</i>
въ мажорѣ: (въ дорійской гаммѣ)	мажорныя,	мажорныя,	мажорныя,—всѣ мажорныя;
въ минорѣ:	минорныя,	минорныя,	минорныя,—всѣ минорныя;
въ фригійской:	мажорныя,	мажорныя,	минорныя,—преобладаніе мажорныхъ аккордовъ;
въ локрійской:	минорныя,	мажорныя,	минорныя,—преобладаніе минорныхъ аккордовъ.

Отсюда опытному музыканту не трудно вывести всѣ такъ называемые кадансы и полукадансы, уясняющіе строй каждаго лада. Мы ихъ не приводимъ, такъ какъ для этого потребовалось бы много нотныхъ примѣровъ. Рядъ различныхъ аккордовъ въ разныхъ ладахъ, сопровождаемый примѣрами гармонизованныхъ пѣсенъ, умѣстѣе привести въ специальномъ учебникѣ гармоніи и формъ музыкальныхъ сочиненій.

Мы ограничились лишь разсмотрѣніемъ трезвучій, не касаясь диссонансовъ, такъ какъ въ этихъ простѣйшихъ аккордахъ заключается вся основа гармоническихъ сочетаній. Аккордъ есть болѣе ясное воспроизведеніе естественныхъ акустическихъ призвуковъ даннаго тона. Сильнѣе другихъ—ближайшіе призвуки, т. е. октава, квинта, далѣе—терца и септима.

Отсюда вытекаютъ законы динамическаго распредѣленія голосовъ въ гармоніи. Въ музыкальной практикѣ при гармоническихъ сопровожденіяхъ въ дѣйствительности усиливаются ближайшіе призвуки. Тоже совершается и въ хоровомъ народномъ пѣніи, въ которомъ чаще усиливаются главные звуки мелодіи, другіе же призвуки, служащіе гармоническимъ дополненіемъ, слышны менѣе ясно. Вслѣдствіе этого народное пѣніе часто представляется унисоннымъ.

Для правильной гармонизаціи мелодіи извѣстнаго лада необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ той роли, которую играетъ каждый звукъ гаммы.

¹⁾ Такимъ образомъ, напр., доминантовое трезвучіе мажора: соль, си, ре, въ минорѣ должно быть замѣнено трезвучіемъ: фа, ла-бемоль, до. Трезвучіе мажорное: фа, ла, до—должно быть замѣнено трезвучіемъ: соль, си-бемоль, ре и т. д.

Ежели мы, напимѣрь, въ гаммѣ *до*-мажоръ произвольно измѣнимъ посредствомъ дѣза или бемоля одинъ изъ ея звуковъ, или за тонику примемъ не *до*, а какой-нибудь другой звукъ, и подобное измѣненіе введемъ въ систему аккордовъ гаммы *до*-мажоръ, то характеръ этой гаммы измѣнится или выйдетъ просто несообразность. Тѣмъ не менѣе, подобнаго рода несообразныя измѣненія встрѣчаются довольно часто даже въ лучшихъ современныхъ опытахъ гармонизаціи русскихъ пѣсенъ, когда вопросъ касается гаммъ дорійской, фригійской и локрійской. Съ примѣсью, такимъ образомъ, къ гаммѣ вибрацій, чуждыхъ ея строю, характеръ гаммы (или по древнему гармоніи) очевидно утрачивается, а при совмѣстномъ исполненіи подобныхъ гармонизацій съ народнымъ пѣніемъ всегда выйдетъ какофонія.

При гармонизаціи русскихъ пѣсенъ суть дѣла заключается, помимо характера голосоведенія, въ томъ, чтобы вѣрно обозначить гармоническое значеніе звуковъ мелодіи, чтобы строго выдержать характеръ ея строя, чтобы не примѣшивать къ гаммѣ звуковъ и оборотовъ ей чуждыхъ. Подобно русской рѣчи, русская музыка имѣетъ свои законы, отъ которыхъ народъ не отстываетъ. Русскому языку, напр., чужды французскіе *an, en, un*, или англійскіе *th, w*. Совершенно то-же и въ музыкѣ. Есть звуки и сочетанія ихъ, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ должны быть совершенно исключены. Гамма: *ми, фа, соль, ла, си, до, ре, ми*, будетъ искажена, ежели мы въ ней придѣлаемъ несвойственные ей бемоли и дѣзы, ежели мы введемъ, напр., аккорды съ увеличенными или уменьшенными интервалами, или разставимъ аккорды кадансовъ въ порядкѣ, несвойственномъ строю гаммы. Современные музыканты вводятъ въ гармонизацію русскихъ пѣсенъ всевозможныя звуковыя сочетанія, извѣстныя имъ изъ музыки другихъ національностей, предполагая, что все это идетъ и къ русской пѣснѣ. Между тѣмъ, музыкальная теорія древнихъ, новѣйшія акустическія изслѣдованія и творчество народное не расходятся въ своихъ принципахъ:—одно служитъ объясненіемъ и дополненіемъ другому. Все доказываетъ, что творчество народа есть результатъ естественныхъ требованій его организма, а не продуктъ ни на чемъ не основанной фантазіи отдѣльныхъ лицъ; что законы этого творчества могутъ быть анализированы научнымъ путемъ; что акустическій анализъ подтверждаетъ правильность законовъ творчества, и что физическіе законы служили основаніемъ музыкальной теоріи и практики народовъ отжившихъ.

Русскія пѣсни по складу своему такъ близко подходятъ къ строю древнегреческому и представляютъ столько интереснаго, что несомнѣнно изученіе ихъ прольетъ много свѣта и на древнегреческую музыку. Живые примѣры того, какимъ образомъ, въ періодъ младенческаго состоянія искусства, на практикѣ народъ пользуется различными тональностями,—служатъ къ объясненію многихъ неясныхъ мѣстъ, какъ въ исторіи древнегреческой музыки, такъ и въ исторіи музыки вообще. Мы имѣемъ свѣдѣнія о музыкѣ лишь съ появленія нотныхъ знаковъ,—но музыка, т. е. пѣніе, изъ котораго вся она развилась, существовала раньше нотнаго письма, и первые нотные знаки далеко не въ точности передавали картину тогдашняго состоянія музыки. Всѣ догадки о томъ, въ какомъ видѣ находилась музыка до искусства нотописанія, какъ-бы онѣ остроумны ни были, не могутъ сравниться съ данными, добытыми изъ того обильнаго живого матеріала, который даетъ русская пѣсня.

Несомнѣнно, эти памятники древняго періода народнаго творчества въ настоящее время еще сохранились въ разныхъ углахъ Россіи, хотя они и близки къ полному исчезновенію. Тѣмъ болѣе дорого для исторіи музыки и философіи искусства собрать и сберечь въ чистотѣ эти остатки.

Ознакомившись съ строемъ русской музыки и съ характеромъ ея исполненія въ народѣ, мы приходимъ къ заключенію, что стиль русскихъ народныхъ нагѣвовъ полифоническій. Только никогда не слышавшій стройнаго русскаго народнаго хора можетъ утверждать, что въ хоровахъ поютъ въ унисонъ. Правда, что звуки главной мелодіи охотнѣе повторяются большинствомъ поющихъ, вслѣдствіе чего она и выступаетъ рельефнѣе другихъ, второстепенныхъ мелодическихъ оборотовъ. Но тщетно стали бы мы искать исключительно въ теоріи контрапункта искусства создавать русскія мелодіи и сопровожденія къ нимъ.

Голосоведеніе по законамъ контрапункта начинается съ изученія звуковъ, равномѣрно между собой расположенныхъ: цѣлыми нотами, половинными, четвертными, восьмыми и пр. Къ каждой нотѣ даннаго голоса въ другомъ голосѣ приписываютъ сначала по одной, затѣмъ по двѣ, по четыре ноты и по восьми нотъ— все въ равномѣрномъ движеніи. Отсюда различные разряды контрапункта, которые, однако, вовсе не пригодны къ строю русской народной пѣсни.

Сравнивая, какимъ образомъ согласуетъ звуки ученый контрапунктистъ и какъ справляется народъ, приходимъ къ выводу, что русская мелодія никогда не составляется изъ однѣхъ цѣлыхъ, половинныхъ, четвертей, восьмыхъ или шестнадцатыхъ. Ежели-бы кто вздумалъ привести къ такому знаменателю какуюнибудь русскую мелодію, то несомнѣнно исказилъ бы ее. Одинаково чужды русской пѣснѣ и аккомпанементы къ ней одними шестнадцатыми, восьмыми или тріолями.

Чтобы научиться самому писать русскія мелодіи, нужно прежде всего быть русскимъ и вполне освоиться съ духомъ и оборотами русскихъ пѣсней, съ ихъ вариантами; нужно умѣть пѣть ихъ съ народомъ. Необходимо владѣть этимъ звуковымъ матеріаломъ такъ же свободно, какъ народнымъ словомъ.

Еще до Глинки у нѣкоторыхъ нашихъ композиторовъ являлось желаніе писать въ народномъ духѣ или подражать русскимъ народнымъ пѣснямъ, но, воспитанные на западной теоріи и незнакомые съ строемъ народныхъ пѣсней, они не дали намъ сочиненій, написанныхъ въ строго выдержанныхъ ладахъ, хотя послѣдніе, какъ оказывается, даютъ возможность крайне легко создавать мелодіи и совершать необыкновенно красивыя каденцы.

Понятно, почему похвальное стремленіе нашихъ музыкантовъ разработать русскія мелодіи не могло вполне увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ. Лишь немногимъ выдающимся талантамъ удалось стать ближе къ народной пѣснѣ, почувать ея родныя красоты ¹⁾. Сдѣлали они этотъ важный шагъ не съ помощью воспитавшей ихъ музыкальной теоріи, а напротивъ, подъ вліяніемъ одной непреодолимой отзывчивости ихъ впечатлительной души, рвавшейся навстрѣчу чуднымъ и глубоко родственнымъ мотивамъ, наперекоръ современной искусственной системѣ.

Изъ чувства справедливости мы не можемъ не отмѣтить этотъ отраднѣйшій и знаменательный фактъ въ исторіи нашей музыки. Но та же справедливость заставляетъ насъ освѣтить это явленіе съ надлежащей ясностью: родныя ноты звучали не полнымъ, сильнымъ и всецѣло захватывающимъ душу аккордомъ. Въ общемъ проглядывала нѣмецкая условная традиція, всецѣло опутавшая композиторовъ. Въ этихъ проблескахъ слышался лишь порывъ къ національной свободѣ, къ своимъ вольнымъ роднымъ пѣснямъ, но эти проблески тонули въ шумномъ потокѣ рабскаго служенія чуждымъ для насъ теоріямъ. Въ душѣ слушателя они отзывались какъ что-то далекое; они не могли возвыситься до того глубокопонятнаго, могучаго, чуд-

¹⁾ Напр. «Вальсъ-фантазія» Глинки.

наго и трогательнаго чувства, которое способна вызвать въ человѣкѣ только родина, только ея родные съ дѣтства мотивы. Наоборотъ, въ произведеніяхъ нашихъ великихъ музыкантовъ мы слышимъ скорѣе отдаленные намеки на то, что могло бы явиться въ ихъ могучихъ рукахъ, если бы эти руки не были связаны чужеземными тяжелыми путами. Что же касается контингента музыкантовъ средняго уровня, то на нихъ еще болѣе отразилось это чужое вліяніе, удалившее ихъ почти совершенно отъ народа.

Музыкальное образованіе русскихъ музыкантовъ, къ сожалѣнію, дѣлаетъ изъ нихъ людей неспособныхъ понимать естественный народный строй, и не могущихъ наслаждаться чистымъ народнымъ творчествомъ. Наша музыкальная школа изъ русскихъ народныхъ мотивовъ дѣлаетъ лишь внѣшнія украшенія къ полному чужеземному костюму, украшенія только искажающія вкусъ и обижаящія истинное національное и художественное чувство. Печальное разобщеніе музыкальной интеллигенціи съ народомъ ведетъ къ безвозвратной гибели для насъ многихъ великихъ сокровищъ древне-русскаго искусства. Образованные изслѣдователи русской старины могли бы еще изучить многое, что и до настоящаго времени живетъ тихо и невозмутимо въ ея таинственныхъ нѣдрахъ.

Мы глубоко цѣнимъ заслуги западной музыки, отдаемъ должную справедливость и нашимъ русскимъ музыкальнымъ талантамъ, но мы хотѣли бы видѣть эти таланты направленными на созданіе своего роднаго культа, развившагося на почвѣ самобытной народной музыки. Ежели западноевропейскіе ученые и музыканты нашли возможнымъ такъ высоко оцѣнить этотъ открывшійся для нихъ новый матеріалъ, то кому же его разработать, какъ не исключительно русскимъ музыкантамъ.

Въ виду этихъ новыхъ задачъ, открывающихся для русской школы, мы и хотѣли по мѣрѣ силъ намѣтить *пути*, которыми, по нашему мнѣнію, легче всего можно подойти къ дорогому матеріалу. Новый коренной шагъ заключается въ переходѣ къ естественнымъ гаммамъ съ ихъ гармоническими особенностями и къ усвоенію богатыхъ ритмическихъ особенностей.

Читатель извинитъ за нѣсколько словъ полемическаго характера. Желаніе разъяснить нѣкоторые спорные вопросы заставляеть прибѣгнуть къ этого рода приему.

Въ одномъ изъ засѣданій Петербургской Комиссіи Педагогическаго Музея присутствующіе спеціалисты музыкальнаго искусства почтили своимъ вниманіемъ мой первый выпускъ народныхъ русскихъ пѣсенъ. Выраженныя гг. спеціалистами мнѣнія заключались между прочимъ въ слѣдующемъ ¹⁾:

„Сборникъ г. Мельгунова не представляетъ ничего существенно новаго въ *мелодическомъ* и *ритмическомъ* отношеніяхъ; уже ранѣе г. Мельгунова была замѣчена мелодическая и ритмическая особенность русскихъ народныхъ пѣсенъ, напр., въ сборникѣ г. Балакирева“.

„Фактъ полифоническаго народнаго пѣнія, сообщенный г. Мельгуновымъ, представляется недостаточно доказаннымъ, тѣмъ болѣе, что г. Мельгуновъ удостоверяетъ это явленіе, основываясь на пѣніи въ одной лишь мѣстности“.

„Варианты его пѣсенъ *годны* не для совместнаго пѣнія, а лишь только для *руководства въ гармонизаціи русскихъ народныхъ мелодій*“.

Это заключеніе гг. спеціалистовъ наводитъ меня на мысль, что многое, вы-

¹⁾ См. Правительств. Вѣстникъ № 115 за 1883 годъ.

сказанное въ предисловіи 1-го выпуска пѣсенъ, осталось непонятнымъ. Можетъ быть, виновата въ этомъ случаѣ краткость и сжатость изложенія.

Въ 1-омъ выпускѣ совершенно новымъ должно было показаться появленіе вариантовъ пѣсенъ, которые даже по мнѣнію этихъ музыкантовъ признаны „годными для руководства въ гармонизаціи“. Относительно же вопроса о томъ, что сборникъ мой не представляетъ ничего существенно новаго въ мелодическомъ и ритмическомъ отношеніи,—я могу замѣтить только слѣдующее:

Мнѣ неизвѣстно, гдѣ ранѣе появленія моего 1-го выпуска пѣсенъ былъ возбужденъ вопросъ о тождествѣ размѣра музыкальнаго и стихотворнаго. Мнѣ также неизвѣстно, кѣмъ изъ музыкантовъ сдѣлана попытка практически разработать теорію физиковъ (Гельмгольца, Эттингена и др.) въ связи съ изслѣдованіемъ русскіхъ народныхъ мелодій. Совершенно справедливо, что ранѣе 1-го выпуска моихъ пѣсенъ была замѣчена мелодическая особенность пѣсенъ, состоящая въ сходствѣ съ древнегреческими гаммами. Точныя свѣдѣнія объ этихъ гаммахъ выработаны трудами проф. Вестфала лишь въ весьма недавнее время. Технической же разработки этихъ гаммъ, съ опредѣленіемъ точнаго значенія cadaго аккорда, музыкантами сдѣлано не было. Безъ этихъ же указаній нельзя сознательно приступать къ гармонизаціи извѣстнаго лада.

Ежели фактъ полифоническаго пѣнія народа представляется гг. музыкантамъ недостаточно доказаннымъ только потому, что большинство пѣсенъ моего 1-го выпуска собраны въ Калужской губерніи, то на это я долженъ замѣтить, что наблюденія были мною сдѣланы еще въ 9-ти губерніяхъ: Костромской, Ярославской, Вологодской, Нижегородской, Владимірской, Рязанской, Московской, Саратовской, и Пензенской.

Мало того—изслѣдованія приводятъ къ тому выводу, что въ великорусскихъ губерніяхъ существуетъ единство инстинктивнаго пониманія законовъ гармоніи и ритма. Мѣстныя измѣненія въ пѣніи настолько несущественны, что крестьяне съ разныхъ концовъ спѣваютъ легко, такъ какъ, повторяю, пѣніе это основано на общихъ акустическихъ и ритмическихъ законахъ. Слѣдовало бы обратить на этотъ фактъ особенное вниманіе. Народъ владѣетъ естественными законами гармоніи и ритма такъ же легко, какъ фоническими законами языка. Голосъ признаннаго музыкальнаго авторитета можетъ ввести въ полное недоумѣніе относительно правильности гармонизаціи русскихъ пѣсенъ. Невольно возникаетъ вопросъ, на чьей же сторонѣ истина. Возьмемъ для примѣра, хорошо извѣстную всѣмъ пѣсню: „Ты взойди, взойди, солнце“. Въ сборникѣ г. Филиппова ¹⁾ г. Римскій-Корсаковъ гармонизировалъ ее въ ла-миноръ, начавъ со слова „взойди“ на аккордѣ въ *re*. Заставьте крестьянина пропѣть подъ эту гармонизацію, и вы увидите, что съ перваго же такта выйдетъ полнѣйшій разладъ: къ голосу крестьянинъ придѣлаетъ въ началѣ подголосокъ или, вѣрнѣе, приголосокъ на соль, ясно указывающій на аккордъ соль-мажоръ,—а въ сборникѣ поставлено минорное трезвучіе на *re*.

Разъ комиссія музыкантовъ признала варианты пѣсенъ „годными для руководства въ гармонизаціи русскихъ пѣсенъ“, то логично признать гармонію, несоответствующую этимъ вариантамъ, невѣрною.

Возьмемъ другой примѣръ изъ того же сборника (№ 29 „Какъ по морю“). Въ третьемъ тактѣ (на словѣ „по синему“) во всѣхъ углахъ Россіи народъ поетъ простое *ла*, а не *ла-дизъ*. Мнѣ скажутъ, что разница незначительна. Простое *ла* ясно

¹⁾ 40 народныхъ пѣсенъ, собранныхъ Т. И. Филипповымъ и гармонизованныхъ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

указываетъ на минорный строй: это тотъ чудный древній дорійскій ладъ, столько вѣковъ плѣнявшій древнихъ-учителей прекраснаго, пынѣ вышедшій изъ употребленія музыкантовъ и въ чистотѣ сохранившійся только у русскаго народа.

Помимо подобныхъ явныхъ ошибокъ, не могу не остановиться на характерѣ голосоведенія, встрѣчающемся въ томъ же сборникѣ. Появленіе аккомпанимента однѣми восьмыми, какъ въ пѣснѣ № 39 („Я вечеръ млада“), не встрѣчается въ практикѣ народнаго пѣнія. Всѣ голоса вариантовъ пѣсенъ даютъ такой неисчерпаемый матеріалъ для различныхъ сочетаній мелодій между собою, для перемѣненій голосовъ, для имитаций, что досадно смотрѣть на передачу тѣхъ же пѣсенъ въ общипанномъ видѣ. Достаточно взглянуть на пѣсни №№ 38 и 39 („Плыветъ восплываетъ“ и „Я вечеръ млада“) того же сборника и на мелодіи, записанныя мною съ голоса народа, въ 1-мъ выпускѣ пѣсенъ № 2 и 5 („Вдоль по рѣкѣ“ и „Какъ по Питерской“), чтобы убѣдиться въ справедливости сдѣланнаго замѣчанія. Всѣ авторы сборниковъ берутъ *лишь одинъ* голосъ мелодіи и придѣлываютъ къ нему *аккорды по своему усмотрѣнію*, и никто не задаетъ себѣ труда изслѣдовать *другіе* голоса, исполняемые хоромъ. Исправленіе вводнаго тона въ минорныхъ пѣсняхъ встрѣчается въ печати такъ часто, что эта неправильность въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ вошла въ общее употребленіе. Въ такомъ видѣ вы часто услышите пѣсню „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ отъ городского работника, фабричнаго, усвоившаго себѣ звуки трактирнаго органа. Удивительно, что и Даргомыжскій въ своей фантазіи „Съ Волги пашъ Riga“ взялъ эту мелодію тоже съ повышеніемъ вводнаго тона. Пожалуй, и городскіе пѣсельники споютъ вамъ этотъ соль-дизъ, но въ деревнѣ вы услышите пѣсню въ другомъ видѣ. Народъ беретъ простой соль, т.-е. поетъ въ древнемъ дорійскомъ ладѣ, а не въ неизвѣстной ему нѣмецкой гармонической минорной гаммѣ.

Грубые ошибки подобнаго рода показываютъ, что музыканты не уяснили себѣ даже того, въ какихъ ладахъ русскій народъ создаетъ свои пѣсни. Можно ли послѣ того ожидать правильной гармонизаціи при непониманіи строя. Никогда крестьянинъ не сдѣлаетъ такой грубой ошибки, какую дѣлаютъ композиторы при гармонизаціи пѣсенъ. Онъ не возьметъ интервалъ, акустически не гармонирующий съ данной тональностью. Въ этомъ отношеніи мужикъ строгій эстетикъ-акустикъ. Такой же онъ строгій классикъ въ дѣлѣ ритмики. Чтобы получить вѣрное представленіе о томъ какъ поетъ народъ, необходимо изучить малѣйшія особенности напѣвовъ, потому что эти и другія свѣдѣнія служатъ указаніемъ для гармонизаціи пѣсенъ въ такомъ видѣ, чтобы народъ могъ пѣть совмѣстно съ правильно гармонизованною пѣсней. При произвольной гармонизаціи совмѣстное исполненіе невозможно, и таковую нельзя признать за народную. Помирить двѣ редакціи одной и той же пѣсни не мыслимо. Съ помощью правильной гармонизаціи народъ въ состояніи свободно пѣть свою пѣсню, потому что она содержитъ въ себѣ всѣ мелодическія уклоненія и даетъ возможность соединить не только знакомые ему приголоски, но и импровизировать новые. Неиспорченный слухъ крестьянина, дѣлая отступленія отъ данной мелодіи, не нарушитъ гармоническаго цѣлаго. Другая гармонизація, произвольная, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ первой, не даетъ возможности исполнять приголоски и искажаетъ народную гармонию. Народу она не понятна. Музыканты въ свою очередь не понимаютъ народной музыки. Мнѣ скажутъ, что и гармонизація г. Римскаго-Корсакова красива. Можетъ быть,—но она не соотвѣтствуетъ народному пѣнію. Какъ бы хорошо ни была разработана Бетховеномъ русская пѣсня, я не стану увѣрять, чтобы крестьяне на слухъ исполняли пѣсни по образцу Бетховенскаго

квартета ор. 59 № 2 (въ скерцо котораго введена русская мелодія) или одной изъ его вариаций на русскую тему, а также не скажу, чтобы Бетховенская аранжировка была бы русскою. Этимъ, кажется, нисколько не умалится однако гений Бетховена.

Въ совмѣстномъ пѣніи народа важное значеніе имѣеть пріемъ, повидимому, недостижимый для композиторовъ, не смотря на вѣковыя старанія музыкантовъ. Достичь того, чтобы каждый голосъ, взятый изъ гармоническаго сопровожденія полнаго хора, представлялъ изъ себя самостоятельную красивую мелодію, едва ли кому удалось. Пропойте одинъ голосъ даже изъ образцовыхъ сочиненій Жоскина, Лаппи, Палестрины, не говоря уже о современныхъ, и что вы получите?—несвязный переборъ интерваловъ, а не красивую законченную мелодію. Распѣваніе интерваловъ, служащихъ аккомпаниментомъ, не можетъ производить того художественнаго впечатлѣнія, какое оставляетъ самостоятельная красивая мелодія. Исполнитель не можетъ увлечься переходами съ тоникки на доминанту или субдоминанту и переборами другихъ интерваловъ, служащихъ для пополненія гармоническихъ сопровожденій; онъ долженъ служить высшимъ цѣлямъ. Пѣвецъ можетъ вдохновиться лишь красивой осмысленной мелодіей и разумнымъ текстомъ.

Здѣсь нужно искать причины, почему именно простой крестьянскій хоръ производитъ чарующее впечатлѣніе. Исполнитель только исключительно въ одномъ случаѣ можетъ увлечь слушателя, а именно, когда онъ самъ вполне увлеченъ исполняемымъ. Каждый исполнитель крестьянскаго хора имѣеть красивую мелодію, ею вдохновляется и плѣняетъ слушателя. Такимъ образомъ въ крестьянскомъ хорѣ всѣ, отъ перваго до послѣдняго пѣвца, имѣють возможность производить эстетическое впечатлѣніе на слушателя, тогда какъ въ ученомъ хорѣ, исполняющемъ контрапунктическія премудрости, не всѣ исполнители имѣють самостоятельныя мелодіи, и роль болыпинства состоитъ въ механическомъ интонированіи интерваловъ по нотнымъ знакамъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что участвующіе въ крестьянскомъ хорѣ не поютъ по опредѣленнымъ, разученнымъ нотамъ, а являются импровизаторами; они каждый разъ видоизмѣняютъ мелодію, смотря по оборотамъ другихъ поющихъ и сообразуясь съ текстомъ ихъ вдохновляющимъ. Хотя подобное исполненіе и не соответствуетъ всѣмъ требованіямъ учебниковъ контрапункта, но нужно быть глухимъ, чтобы не испытывать общаго художественнаго впечатлѣнія, слушая хорошій крестьянскій хоръ. Соберутся пять—шесть мужиковъ, одинъ затынетъ пѣсню, другіе подпоютъ, и выходитъ удивительно складно. Пригласите вы нѣсколько патентованныхъ профессоровъ музыки, умудренныхъ въ контрапунктическихъ тонкостяхъ, попросите ихъ затынуть русскую пѣсню и послушайте, что у нихъ выйдетъ. Ни одинъ профессоръ не въ состояніи подпѣть крестьянскому хору, чтобы не испортить его.

Неужели обученіе музыкѣ неизбѣжно должно вести къ тому, чтобы уничтожить въ человѣкѣ тотъ даръ природы, который такъ очевидно сказывается въ крестьянскомъ пѣніи? Неужели нѣтъ никакой возможности поддержать и развить эту музыкальную способность къ хорошему пѣнію? Неужели, наконецъ, все это неизбѣжно должно на вѣки погибнуть?.. Не хочется вѣрить, чтобы изученіе народныхъ напѣвовъ не могло воскресить музыкальныя способности, данныя природой. Народными пѣснями не занимаются, — неудивительно, что ихъ оттого и пѣть не умѣють. Современное музыкальное образованіе исключительно по западнымъ пріемамъ и есть то самое „черное волшебство“, какъ выразился Грибоѣдовъ, дѣлающее насъ „чужими между своими“. Грибоѣдовъ (въ ст. „Загородная прогулка“) о хоровахъ писалъ: „Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза

на самых слушателей—наблюдателей, тот поврежденный классъ полубропейцевъ, къ которому я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки не вняты, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужими между своими?.. Мы не хотимъ познать самихъ себя.

Никакой композиторъ не разъяснитъ вамъ гармоническій смыслъ народнаго напѣва въ такой степени, какъ это поясняютъ всѣ варианты пѣсенъ, т.-е. уклоненія отъ главной мелодіи, дѣлаемыя всѣми исполнителями въ хорѣ. Совѣтъ музыкантовъ специалистовъ удостоилъ признать эти варианты *годными* для руководства при гармонизаціи пѣсенъ, но не для совмѣстнаго пѣнія. Въ этомъ замѣчаніи есть доли противорѣчія, такъ какъ гармонизація и заключается въ совмѣстномъ сочетаніи голосовъ. Варианты помѣщены какъ сырой матеріалъ, требующій искусной обработки, а не въ видѣ контрапунктическихъ образцовъ. Опытный музыкантъ всегда найдетъ возможнымъ справиться со встрѣчающимися параллельными квинтами, легко превращаемыми въ сексть или кварть-сексть-аккорды, и съ параллельными октавами, могущими служить въ видѣ удвоенія голоса, а также съ секундами, получающими другое значеніе, какъ ноны или аподжіатуры. Часто встрѣчающіеся при другихъ голосахъ звуки тоники и доминанты, не гармонирующіе съ другими звуками, легко могутъ быть взяты въ видѣ нижней или верхней педали.

Неудивительно, что записному музыканту многое изъ народнаго музыкальнаго творчества покажется дикимъ и несообразнымъ. Всегда найдетъ учитель грамматики, который сочтетъ невозможнымъ разстановку удареній въ пѣснѣ, напр., на словахъ: синѣ море, или ретивѣ сердце—вмѣсто ретиво, какъ въ дѣйствительности въ пѣсняхъ народъ разстанавливаетъ эти ударенія. Другой найдетъ, что правильнѣе сказать: „роща *всю* ночь шумѣла“, а не такъ, какъ поется народомъ: „роща *всего* ночь шумѣла“. Между тѣмъ филологіи приходится считаться съ подобнаго рода явленіями и признавать ихъ за возможные. Такимъ же образомъ музыканту энгармоническая интонація въ пѣснѣ можетъ показаться фальшивою, ритмическія фразы могутъ представиться на тактъ или часть такта длиннѣе или короче. Между тѣмъ безпристрастный научный взглядъ не только допускаетъ подобныя уклоненія отъ общепринятыхъ музыкальныхъ пріемовъ, но считаетъ ихъ за образцы правильнаго пониманія законовъ акустики и ритмики.

Дѣлаемые мною выводы о русской народной музыкѣ разнятся отъ тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришли многіе занимавшіеся русской музыкой. Продолжительное и тщательное изслѣдованіе напѣвовъ *изъ первыхъ источниковъ*, а не по различнымъ сборникамъ и не съ голоса лицъ, не принадлежащихъ къ народу и ему чуждыхъ, привело меня къ совершенно инымъ заключеніямъ. Надѣюсь въ болѣе специальномъ изложеніи издать весь собранный мною матеріалъ, сгруппированный по различнымъ видамъ ритмовъ и по всѣмъ гаммамъ, дабы положить предѣлъ нескончаемымъ недоразумѣніямъ относительно русской пѣсни. Наглядные примѣры краснорѣчивѣе всякаго теоретическаго трактата выяснятъ все недосказанное и послужатъ интереснымъ матеріаломъ для всесторонняго изученія русской пѣсни.

Послѣ знакомства въ общихъ чертахъ съ законами ритма и гармоніи, а также съ нѣкоторыми особенностями русской пѣсни, посмотримъ, въ чемъ заключаются главные недостатки современнаго музыкальнаго образованія, тормозящіе дальнѣйшее развитіе русской музыки.

Ихъ нужно искать, во-первыхъ, въ отсутствіи знаній ритмики, вслѣдствіе чего

является неумѣніе писать русскимъ размѣромъ (и вообще ритмически правильно) мелодіи, которыя составляютъ душу музыки.

То, что обыкновенно задаютъ ученикамъ подъ названіемъ мелодій, какъ задачи для гармонизаціи, нерѣдко представляетъ изъ себя наборъ звуковъ, не имѣющій точно опредѣленной ритмической формы. Удачнѣйшіе примѣры отличаются необыкновеннымъ однообразіемъ ритмическихъ формъ.

Мнѣ случалось анализировать, напр., мелодіи, задаваемыя ученикамъ для сочиненія фугъ. Изъ числа всѣхъ примѣровъ, можетъ быть, десять процентовъ случайно годны для разработки; изъ остальныхъ нѣтъ никакой возможности составить красивую музыкальную фугу, такъ какъ они совершенно не подходятъ подъ логическія требованія законовъ ритма. Въ примѣрахъ, задаваемыхъ ученикамъ, нѣтъ тѣхъ ясныхъ ритмическихъ формъ, по которымъ созданы великія художественныя фуги Баха и др., хотя и замѣтно желаніе подражать образцамъ классиковъ. Переводя музыкальныя задачи, задаваемыя ученикамъ, на таковыя же въ стихахъ, мы получимъ слѣдующее. Ритмическая задача состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ написалъ стихи. При этомъ ученику указывается опредѣленный размѣръ. Ежели это размѣръ обыкновеннаго четырехстопнаго дактиля (чаще другихъ встрѣчающійся въ музыкальныхъ задачахъ), то совладать съ нимъ возможно, такъ какъ онъ естественъ. Но представьте себѣ такого рода задачу. Ученику предоставленъ стихотворный размѣръ, въ которомъ первая строка содержитъ четыре стопы, вторая пять съ половиной, третья семь стопъ, четвертая три стопы съ половиной и т. п. При этомъ рифмы не на концахъ слоговъ, а гдѣ вздумается: въ одной строкѣ на второмъ слогѣ, въ другой на пятомъ—и все въ такомъ родѣ. Въ подобномъ видѣ представляются многія музыкальныя темы, даваемыя для разработки. Набирая звуки по такому шаблону, ученикъ едва справляется со своей задачей. При подобномъ насилуваніи чувства ритма немислимо выработать въ ученикѣ умѣніе выражать музыкальныя мысли въ правильныхъ формахъ предложеній, періодовъ и строфъ. Что ученическія музыкальныя задачи въ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно, подобнаго свойства, въ этомъ легко убѣдиться изъ примѣровъ, взятыхъ у учениковъ. Музыкальные учебники гармоніи прямо начинаютъ съ упражненій аккордами, не имѣющими ритмической формы. Конечно, въ задачахъ можетъ встрѣтиться иногда и правильный размѣръ, подсказанный не испорченнымъ вкусомъ, но это случайность.

Преподаваніе не рѣдко ведется какъ бы съ преднамѣренною цѣлью испортить природный слухъ. Упражненія въ контрапунктѣ, задаваемыя ученикамъ, правильнѣе назвать упражненіями въ томъ, какъ научиться пренебрегать ритмомъ и гармоніей и писать безъ мелодій. По большей части это простой подборъ звуковъ, имѣющій мало общаго съ логическими, здравыми эстетическими требованіями. Никто не станетъ отрицать необходимость изученія ни строгаго стиля, ни контрапункта, на которомъ выработали свою технику лучшіе мастера, но непремѣнно слѣдуетъ ввести ритмическій элементъ въ задачи, задаваемыхъ ученикамъ, чтобы придать музыкальный смыслъ этимъ упражненіямъ. Педантизмъ и тиски школы не способствуютъ развитію творческихъ дарованій. Вообще подъ громкимъ названіемъ теоріи музыки слѣдуетъ подразумѣвать практическое руководство для скорѣйшаго пріобрѣтенія навыка въ звукоизверженіяхъ, нерѣдко производящихъ только одно раздраженіе слуха. Стряпня изъ звуковъ, такъ усердно практикуемая въ музыкальныхъ школахъ, еще далеко не стоитъ, какъ бы слѣдовало, на степени точной науки. Современную теорію музыки правильнѣе назвать сводомъ практическихъ пріемовъ для полученія разнообразныхъ музыкальныхъ сочетаній. Эта теорія безсильна для

подробнаго разъясненія такого явленія, какъ русское народное музыкальное творчество; она не дастъ отвѣтовъ на многія звуковыя недоразумѣнія. Все прикрывается рутинной и личнымъ вкусомъ. Законовъ ритма въ музыкальныхъ училищахъ не преподають, какъ слѣдуетъ, а безъ соблюденія ихъ нѣтъ и музыки. Слѣдовало бы въ самомъ началѣ приступать къ изученію законовъ ритма. Ни одна музыкальная задача не должна быть предлагаема ученику безъ законченной ритмической формы, какъ бы ни были ничтожны ея размѣры. Ритмика указываетъ, какъ должна быть написана мелодія, и какими разнообразными способами она можетъ ритмически видоизмѣняться. Не всѣ же ученики гении, чтобы создавать бессознательно.

Отсутствіе знаній ритма сильно сказывается на современныхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, отличающихся вообще бѣдностью мелодической изобрѣтательности. Необходимо развивать въ ученикѣ правильное чувство ритма, а не извращать въ немъ то, что ему дано отъ природы. Слѣдуетъ добиться отъ ученика, чтобы онъ не только зналъ всѣ ритмическія формы мелодій, но и могъ свободно сочинять мелодіи во всевозможныхъ образцахъ. Въ настоящее же время ни ученики, ни преподаватели не только не изучаютъ законовъ ритма, но даже отрицаютъ всякую связь между ритмикой стихосложенія и музыки.

Ежели ученику при знаніи ритмики извѣстно также и дѣйствительное значеніе гаммъ, съ помощью которыхъ онъ умѣетъ справляться съ ритмомъ, то, конечно, все это представитъ ему обширнѣйшее поле для его композиторской фантазіи. Ритмическія упражненія въ различныхъ ладахъ, по образцамъ народныхъ пѣсенъ—*въ русскомъ размѣрѣ*, какъ выразился Глинка, и по ритмически правильно анализированнымъ примѣрамъ образцовыхъ композиторовъ, конечно, могутъ лишь развить талантъ, такъ какъ это, дѣйствительно, та здравая сфера, въ которой можетъ жить и развиваться эстетическое чувство. Въ этихъ формахъ гениальные люди выражали свои мысли и чувства, въ нихъ же выливается свою душу народъ, бессознательно распѣвая свои пѣсни, эти вѣчно чудные образцы гармоніи и ритма.

Образованіе слуха въ этомъ направленіи—задача весьма достижимая. Искусство импровизировать мелодіи въ русскомъ стилѣ возможно развить. Заучивая различные мелодическіе обороты и вслушиваясь въ гармонію лада, на первый разъ всегда представляющуюся странною, легко освоиться со всѣми народными приемами. Сознательное отношеніе къ выдающимся ритмическимъ и гармоническимъ явленіямъ въ значительной степени могутъ облегчить на первый разъ лишь кажущуюся трудность усвоить себѣ всѣ пѣсенные обороты. Во всякомъ случаѣ изъ русскаго, даже не принадлежащаго къ крестьянскому сословію, несравненно легче выработать искуснаго пѣвца народныхъ пѣсенъ, чѣмъ образовать хорошаго контрапунктиста. Въ народныхъ мелодіяхъ все основано на правильномъ пониманіи языка, размѣра и звуковыхъ сочетаній; это, такъ сказать, сама природа съ ея безъискусственностью. Тутъ все ясно и доступно. Контрапунктической же стиль не свободенъ отъ насилія,—это продуктъ школы. Въ сочиненіяхъ самыхъ талантливыхъ контрапунктистовъ всегда найдутся слѣды угловатости, сухости, неловкости всѣхъ хитросплетеній, многое является непонятнымъ въ этой игрѣ звуковъ. Всѣ эти высиженные и вымученные звуковые обороты блѣднѣютъ передъ живыми и простыми народными напѣвами.

Музыка безъ ритмическихъ формъ не есть еще произведеніе искусства. Это лишь матеріалъ для разработки. Звукъ получаетъ жизнь лишь тогда, когда онъ облекается въ тѣ самыя формы, въ которыхъ человекъ выражаетъ свои мысли. Языкъ поэзіи требуетъ болѣе совершенныхъ формъ, чѣмъ языкъ прозы. Стихотворный размѣръ—это настоящая сфера для выраженія поэтическихъ мыслей.

Всякаго истиннаго поклонника изящнаго не может не привести въ отчаяніе, съ какимъ леденящимъ равнодушіемъ русская музыкальная интеллигенція относится къ вымирающей русской народной пѣснѣ. Остается мало надежды спасти удивительно быстро исчезающіе остатки гениальнаго народнаго творчества. Еще въ дѣтствѣ мнѣ врѣзались въ памяти родные звуки чудныхъ древнихъ русскихъ напѣвовъ, слышанныхъ на отдаленной родинѣ, такъ неподражаемо описанной Печерскимъ въ его повѣсти „Въ лѣсахъ“. Несмотря на отдаленность этой стороны отъ всеразлагающаго столичнаго вліянія (Встлужскій уѣздъ), нельзя было даже тамъ найти въ послѣднее время того, что существовало какихъ-нибудь лѣтъ двадцать тому назадъ. Не говоря уже о напѣвахъ, разговорный языкъ народа—и тотъ измѣняется. Всякій хотя нѣсколько знакомый съ народнымъ творчествомъ не можетъ не пожалѣть о подобномъ положеніи дѣла. Слѣдующее поколѣніе, конечно, потеряетъ уже все, такъ какъ благопріятныя условія для развитія русской пѣсни значительно измѣнились. Русская общинная жизнь, конечно, болѣе всего способствовала развитію единомыслія въ пониманіи не только различныхъ условій бытовой жизни, но и отразилась на пониманіи законовъ пѣсеннаго творчества. Не святая ли обязанность нашихъ музыкальныхъ учрежденій немедленно заняться собираніемъ по разнымъ угламъ Россіи остатковъ народной поэзіи, чтобы спасти ихъ отъ всеразрушающаго вліянія времени?

И на такое дѣло не находится ни средствъ, ни времени...

Удивительно, что до сихъ поръ музыкальныя учрежденія еще и не думали поднимать этотъ вопросъ, тогда какъ, напримѣръ, почтенное Императорское Русское Географическое Общество сочло умѣстнымъ заняться имъ. Не находись наши музыкальныя учрежденія подъ непосредственнымъ вліяніемъ иностранцевъ по происхожденію или по образованію, народное творчество не было бы такъ попорано.

Иностранцамъ простительно не понимать глубокаго смысла эстетической жизни многомилліоннаго народа, по духу имъ чуждаго, но не простительно это русскимъ. Большая часть музыкантовъ и по сіе время, какъ чужестранцы, относятся съ полнымъ пренебреженіемъ къ изученію народной музыки. Только развѣ изрѣдка являются какъ бы для забавы попытки гармонизировать кое-какія русскія мелодіи.

Научнымъ изданіемъ народныхъ пѣсенъ консерваторіи могли бы создать себѣ на вѣчныя времена памятникъ для исторіи искусства. Изданіе могло бы служить неисчерпаемымъ кладомъ не только для композиторовъ, но и для всякаго ученаго, интересующагося поэзіей.

Стыдно намъ русскимъ, варварски втоптывая въ грязь народную поэзію, въ то-же время читать фразу ученаго иностранца, что русская народная пѣсня по своему богатству безспорно должна занимать *„первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земнаго шара“* ¹⁾.

Если, вопреки всѣмъ чаяніямъ, наши старанія пролить свѣтъ на народное искусство останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и не расширятъ поля для композицій въ русскомъ народномъ стилѣ, то во всякомъ случаѣ, слѣдуя избранному пути, мы укажемъ на изученіе музыки въ связи съ другими отраслями знанія. Современная система музыкальнаго преподаванія необыкновенно сузила кругъ своей дѣятельности, объясняя односторонность направленія специализаціей предмета. Всякая попытка пролить научный свѣтъ на музыкальное искусство считается какъ-бы святотатствомъ. Исключительное занятіе техникою (вѣрнѣе механикой) игры на

¹⁾ Русскій Вѣстникъ 1879 г. № 9. Статья профес. Вестфала.

какомъ-либо инструментѣ и выработка рутинной техники письма и чтенія—не исчерпываютъ еще вполнѣ многосторонняго вопроса объ искусствѣ.

Въ настоящее время, къ сожалѣнію, преимущественно на этомъ и зиждется все музыкальное образованіе юношества. Грустно видѣть, какъ юныя силы, полныя энергіи и надеждъ, разбиваются надъ упорными упражненіями въ звуковыхъ сочетаніяхъ и на какихъ-нибудь бессмысленныхъ, пальцеломающихъ упражненіяхъ. Пытливый умъ не найдетъ удовлетворенія въ современномъ преподаваніи музыки. Каторжный трудъ, приносимый массою людей въ жертву музыкѣ, краснорѣчиво говоритъ за то, что въ музыкѣ кроется громадная сила. Но настоящіе пути ея изученія не совсѣмъ правильны. Къ счастью, въ послѣднее время на западѣ явилось весьма замѣтное движеніе въ научномъ направленіи музыки. Сдѣланы значительныя успѣхи по части изученія исторіи, ритмики, акустики, этнографіи и эстетики музыки. Всякая попытка въ этомъ смыслѣ достойна вниманія, такъ какъ это настоящій путь изученія музыки. Научное направленіе рано или поздно должно восторжествовать, тогда и для музыкальнаго искусства сдѣлается умѣстнымъ восклицаніе Тэна: „Слава наукѣ, дающей красотѣ главнѣйшія свои опоры! Слава искусству, въ самыхъ возвышенныхъ своихъ созданіяхъ опирающемуся на истинѣ!“

Музыка должна быть изучаема, какъ отрасль знанія, въ связи съ другими искусствами и науками.

Не далеко то время, когда придутъ къ заключенію, что музыка, изучаемая съ научной точки зрѣнія, должна составлять *необходимую принадлежность общаго образованія.*

Ю. Мельгуновъ.

ЗАПИСКА О ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКѢ,

читанная въ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Церковнаго Пѣнія

въ маѣ 1883 года

Ю. Н. Мельгуновымъ.

ЗАПИСКА О ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКѢ.

М.М. Г.Г.! По приглашенію Его Преосвященства ¹⁾, мы собрались для обсужденія вопроса о церковномъ пѣніи.

Въ чемъ собственно заключается наша задача?

- 1) Въ необходимости ли имѣть новыя сочиненія?
- 2) Въ желаніи ли заняться гармонизаціей мелодій существующихъ напѣвовъ?
- 3) Или же рѣчь идетъ о возстановленіи древняго церковнаго пѣнія?

Первый вопросъ мы можемъ оставить въ сторонѣ, потому что въ новыхъ сочиненіяхъ недостатка нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ, хотя мы не можемъ признать ихъ за плодъ глубокаго религіознаго настроенія и написанными въ русскомъ стилѣ.

Во второмъ случаѣ, по моему разумѣнію, изъ гармонизаціи музыкантами существующихъ мелодій *пока* ничего толковаго выйдти не можетъ. Нѣтъ ничего труднѣе какъ интерпретировать мелодію въ національномъ духѣ и поддѣлываться подъ стиль вѣковъ минувшихъ.

Сознаніе трудности этой задачи явилось не сегодня; рѣшеніе ея служило камнемъ преткновенія даже для такихъ талантовъ, какъ Глинка, самый національнѣйшій изъ русскихъ композиторовъ. Современная гармонизація музыкантами древнихъ русскихъ пѣсень, имѣющихъ несомнѣнно тѣсную связь съ церковными мелодіями, можетъ служить доказательствомъ, насколько трудно удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса. Не смотря на всѣ старанія и разъясненія, музыканты до сихъ поръ не могутъ создать гармонизацію къ русскимъ пѣснямъ, которая не представляла бы полнѣйшаго разлада при совмѣстномъ исполненіи ихъ народомъ.

Гармонизировать церковныя мелодіи не менѣе трудно.

Линейная церковная нотація, не допускающая никакихъ знаковъ, кромѣ опредѣленія высоты звуковъ и приблизительной продолжительности ихъ, не въ состояніи изобразить мелодію въ точности. Для болѣе подробной передачи необходимо допустить общеупотребительныя музыкальныя знаки, какъ, напр., тактовые штрихи или стопныя ударенія, паузы, ферматы, аподжіатуры, легато, знаки динамическіе, не говоря уже о знакахъ для опредѣленія границъ музыкальныхъ предложеній и періодовъ, о совершенно точной подписи слоговъ подъ нотами и пр. Всего этого въ синодальныхъ изданіяхъ нѣтъ. Весьма часто является совершенно невозможнымъ понять безъ этихъ указаній музыкальный смыслъ мелодій. Приходится для интер-

¹⁾ Т. е. епископа Амвросія, тогдашняго викарія Московскаго, а впоследствии архіепископа Харьковскаго. *Ред.*

претаціи пускаться въ догадки, вводитъ свои личныя воззрѣнія, измѣнять и лишь въ подобномъ видѣ приступать къ гармонизаціи.

Линейныя изданія церковныхъ напѣвовъ или переведены съ крюковъ, или записаны на слухъ. Едвали основательно вполнѣ довѣрять музыкальному образованію лицъ, дѣлавшихъ впервые переводы съ крюковъ и записывавшихъ на слухъ, когда и въ настоящее время записать вполнѣ точно съ голоса покоящаго, какъ древніе церковные, такъ и свѣтскіе напѣвы не легко. Къ тому же и изданій довольно много, и трудно сказать, которое изъ нихъ образцовое. Гармонизировать же мелодіи обычнаго напѣва, напр. изданія Общества Любителей Церковнаго Пѣнія, будетъ трудомъ опять таки едвали цѣлесообразнымъ, такъ какъ обычный напѣвъ далеко не древнѣйшій и не музыкальнѣйшій. Изданіе это есть лишь отчетъ того, въ какомъ положеніи находится современное церковное пѣніе, и принято за неимѣніемъ лучшаго, общепонятнаго для народа.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ изданій въ смыслѣ точности передачи мелодій и допустивъ даже, что онѣ безупречны, спрашивается: кому можно было бы поручить ихъ гармонизировать? Гармонизировать можетъ любой ученикъ консерваторіи. Но имѣемъ ли мы, за весьма немногими исключеніями, лицъ, знающихъ законы звуковъ не по однимъ консерваторскимъ учебникамъ гармоніи? Найдутся ли у насъ лица, знакомыя какъ съ современными изысканіями звуковыхъ законовъ западныхъ теоретиковъ, такъ и съ исторіей древней музыки, знаніе которой необходимо для уразумѣнія значенія нашей церковной музыки? Имена ученыхъ, могущихъ намъ дать самыя цѣнныя указанія, каковы: Арт. Эттингенъ, Гельмгольцъ, Гевартъ, Вестфаль, Пауль, Беллерманъ, Спитта и мн. др., едва знакомы намъ по наслышкѣ. Къ стыду нашему, мы даже въ столицѣ не можемъ, получить труды названныхъ авторовъ ни въ одномъ книжномъ магазинѣ.

Слѣдовательно, намъ нужно прежде всего учиться. Но гдѣ и у кого?

За неимѣніемъ лучшаго критеріума для оцѣнки достоинствъ музыкальныхъ произведеній, приходится руководствоваться взглядами, выработанными западными музыкантами и безъ измѣненій принятыми русскими консерваторіями. Но необходимо имѣть въ виду, что всѣ существующіе учебники гармоніи и строгаго стиля, а также господствующія историческія свѣдѣнія о гаммахъ далеко не достаточны для объясненія всѣхъ явленій, встрѣчающихся въ музыкѣ народной и церковной.

Современная теорія музыки не стоитъ еще на подобающей высотѣ, ея положенія нельзя назвать научными. Въ настоящее время она представляетъ изъ себя лишь сводъ для полученія разнообразныхъ звуковыхъ сочетаній—не болѣе. Важно то обстоятельство, что школьная музыкальная теорія находится въ разладѣ съ новѣйшими изслѣдованіями по исторіи музыки, по акустикѣ и ритмикѣ.

Подробное изложеніе всѣхъ заблужденій современной теоріи звуковъ отняло бы много времени. Теперь умѣстнѣе коснуться вопроса лишь въ общихъ чертахъ.

Историческія свѣдѣнія о гаммахъ, по сіе время распространяемыя въ консерваторіяхъ, не вѣрны. Гельмгольцъ, ученый авторитетъ котораго едвали кто изъ присутствующихъ станетъ оспаривать, говоритъ, что для науки было бы лучше, если бы о гаммахъ Глареана вовсе позабыли. Вѣрно лишь одно, что древнія гаммы составлялись изъ ступеней современной диатонической мажорной гаммы. Но анализъ этихъ гаммъ, значеніе каждаго звука, опредѣленіе тоники, доминанты, субдоминанты, опредѣленіе фоническаго значенія гаммъ—не вѣрны. Также неправильны и ихъ названія. Послѣднія изслѣдованія о древнихъ гаммахъ, сдѣланныя Вестфалемъ и отчасти Гевартомъ, музыкантами не приняты. Между тѣмъ вѣрныя свѣдѣнія о

древнихъ ладахъ вполне гармонируютъ съ акустическими изслѣдованіями и съ практикою народнаго пѣнія. Ихъ необходимо знать, безъ нихъ непонятно звуковое значеніе церковныхъ мелодій.

Другой историческій пробѣлъ касается знакомства съ церковными крюками. Изслѣдованія, сдѣланныя профес. Разумовскимъ, далеко не точны. Занимаясь нѣкоторое время въ Московскихъ архивахъ и между прочимъ въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, мнѣ пришлось убѣдиться изъ старинныхъ грамматикъ, служившихъ руководствомъ для переводовъ съ крюковъ на современные нотные знаки, что многіе крюки пояснены не вѣрно. Въ руководствѣ проф. Разумовскаго выпущено главное — это точное словесное описаніе звукового значенія каждаго крюка. Другая важная ошибка состоитъ въ приуроченіи крюковъ къ звукамъ определенной высоты, тогда какъ въ сущности ими опредѣлялась не высота звука, а интервальное отношеніе и формы группъ, составляемыя изъ нѣсколькихъ звуковъ. Всѣ матеріалы по изученію этого интереснаго періода народнаго творчества въ безпорядкѣ разбросаны по разнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ имъ и быть не подобаетъ (напр. въ Арх. Иностран. Дѣлъ). О существованіи грамматикъ крюковаго письма мало извѣстно, и до сихъ поръ не приступали къ добросовѣстному разбору этихъ сокровищъ.

Несомнѣнно, что церковное пѣніе есть въ сущности одинъ изъ видовъ народнаго творчества. Знакомство со строемъ народной пѣсни, безъ сомнѣнія, прольетъ много свѣта на церковную музыку. Между тѣмъ русскія музыкальныя учрежденія ни шагу не сдѣлали въ вопросѣ изслѣдованія народной музыки. Дѣятельность консерваторій вполне соответствуетъ своему названію: они консервируютъ рутину и тщательно охраняютъ свои стѣны отъ вторженія идей, могущихъ направить музыку на научный путь. Доходитъ до того, что музыкальные учебники, не стѣсняясь, печатно заявляютъ, напримѣръ, подобныя истины: Положимъ,—говоритъ одинъ учебникъ,—что звукъ *до* даетъ одно колебаніе воздуха въ секунду; тогда *до* октавой выше дастъ два колебанія. Незнаю чьи уши могутъ разслышать два колебанія воздуха въ секунду. О дѣйствительныхъ звуковыхъ колебаніяхъ, объ отношеніяхъ звуковъ, объ ихъ акустическихъ обращеніяхъ, объ акустическомъ строѣ гаммъ возбуждать вопросъ считается какою-то ересью. Возможно ли имѣть здравое сужденіе о ладахъ и ихъ гармонизаціи, не уяснивъ себѣ самыхъ элементарныхъ положеній о звукѣ? Западныя музыканты, выработавъ богатую музыкальную литературу, могли еще съ пренебреженіемъ относиться къ изслѣдованіямъ акустики и ритмики, но все-таки въ послѣднее время замѣтны попытки примириться съ научными принципами. На насъ русскихъ выпадаетъ счастливая доля вполне помирить научныя доводы съ музыкальною практикою. Мы имѣемъ поле примиренія, котораго нѣтъ уже болѣе ни у одного цивилизованнаго народа; это поле—русское народное творчество. Въ русской народной пѣснѣ кроется правильное примѣненіе законовъ ритма и акустики. Неспорченный слухъ крестьянина умѣетъ пользоваться звуковыми сочетаніями; онъ одинаково искусно владѣетъ всѣми акустическими ладами, какъ и всевозможными видами ритма.

Несмотря на кажущееся разнообразіе музыкальныхъ формъ въ современныхъ сочиненіяхъ, можно положительно утверждать, что музыканты еще далеко не дошли до того разнообразія основныхъ положеній, до которыхъ дошелъ народъ. Укажите мнѣ на композитора, который одинаково свободно владѣлъ бы всѣми ладами, находящимися въ общемъ употребленіи у народа. Кто изъ композиторовъ представитъ разнообразіе ритмическихъ формъ, какое встрѣчается у народа? Изученіе и усвоеніе всѣхъ разнообразныхъ звуковыхъ и ритмическихъ оборотовъ, безъ сомнѣнія, могло

бы послужить къ развитію русскихъ талантовъ. Это та благотворная сфера, въ которой можетъ жить эстетическое чувство, и въ сравненіи съ которой такъ называемый *строгий* стиль долженъ быть названъ по справедливости *мертвымъ* стилемъ.

Мы русскіе и по сіе время хотимъ жить чужимъ умомъ. Пользуясь знаніями иностранцевъ, мы не допускаемъ мысли, что для разработки народной музыки не достаточно одной заграничной рутины, что необходимо тщательное знакомство со всѣми малѣйшими подробностями, представляемыми народнымъ творчествомъ. Нельзя рассчитывать на дальнѣйшее развитіе русской музыки, не изучивъ русской народной музыки. Между тѣмъ большинство музыкантовъ ее знать не желаютъ.

Итакъ, приходится начать 1) съ звуковъ, призвуковъ, отношеній, 2) гаммъ, 3) кадансовъ, 4) голосоведенія, 5) ритмики, а затѣмъ перейти 6) къ изученію народныхъ мелодій и 7) наконецъ—къ изученію крюковъ. Основательное знаніе древнихъ гаммъ (конечно, не въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены въ нашихъ учебникахъ), знаніе законовъ ихъ гармонизаціи, знаніе примѣненія законовъ ритмики, до сихъ поръ музыкантами съ теоретической точки зрѣнія не изучаемой, — вотъ та серьезная, истинно-научная подготовка, послѣ которой можно сознательно приступить къ разработкѣ нашей древне-народной, въ томъ числѣ и церковной музыки, именно, къ гармонизаціи церковныхъ мелодій. Въ противномъ случаѣ мы по прежнему будемъ блуждать въ потьмахъ.

Коснемся теперь третьяго вопроса, на мой взглядъ, самаго важнаго — вопроса о возстановленіи древняго церковнаго пѣнія.

Посмотримъ, что въ послѣднее время сдѣлано въ этомъ направленіи, и что слѣдовало бы сдѣлать?

16-тъ лѣтъ тому назадъ учреждена при Московской Консерваторіи кафедра исторіи церковнаго пѣнія. Принесла ли она благотворные результаты въ вопросѣ о возстановленіи древняго церковнаго пѣнія? По видимому, дѣло остается въ томъ же положеніи, въ которомъ оно находилось до учрежденія кафедры.

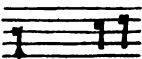
Однако, что же возможно сдѣлать, чтобы подвинуть впередъ этотъ вопросъ?

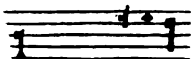
Прежде всего надлежало бы собрать матеріалы для изслѣдованія древняго церковнаго пѣнія. Для чего необходимо, во-первыхъ, ходатайствовать о составленіи библиотеки семиографическихъ рукописей. Въ настоящее время всѣ драгоцѣнные памятники древняго пѣнія разбросаны въ различныхъ учрежденіяхъ, какъ то: въ музеяхъ, архивахъ (напр. въ Архивѣ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ), монастыряхъ, семинаріяхъ и пр. Все это слѣдовало бы собрать по возможности воедино. Настоящее мѣсто такой библиотеки въ строящемся Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, такъ какъ древнее церковное пѣніе играло несомнѣнно выдающуюся роль въ исторіи Россіи. Къ этой библиотекѣ необходимо присоединить всѣ грамматики, объясняющія значеніе семиографическихъ знаковъ, матеріалы и источники, относящіеся къ исторіи церковнаго пѣнія, равно и всѣ сочиненія позднѣйшаго времени, касающіяся изслѣдованія этого вопроса, какъ нашей, такъ и иностранной литературы. Всему этому должны быть составлены подробные каталоги.

Имѣя подъ руками подобный матеріалъ, можно надъ нимъ и поработать.

Слѣдуетъ выбрать и издать лучшую азбуку крюковъ для перевода ихъ на линейные знаки со всѣми словесными указаніями, каковыя имѣются, напр., въ рукописи, хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ за № 455/923, гдѣ значеніе всѣхъ крюковъ объясняется и словами. Тамъ, напр., говорится: „Стопица съ очкомъ, сложитіе, чашка, поются по два согласія *сверху внизъ*: мѣрою

за крюкъ“ т. е. , между тѣмъ у о. Разумовскаго, въ его книгѣ: „Цер-

ковное пѣніе въ Россіи,“ на стр. 269, значителъ , т. е. наоборотъ, что вводитъ изучающаго въ заблужденіе. Или другой примѣръ: „Статію закрытую по-державъ тряхнуть. Гдѣ прилучится на концѣ строки, тогда она тянется“. А также:

„единако голосомъ дрогнуть дважды“; тутъ же приведенъ примѣръ: , 1)

а у о. Разумовскаго на стр. 272 значителъ: , — совсѣмъ не то, и

т. п. Всѣ эти объясненія необходимы.

Помимо всего этого нужно умѣть пѣть по крюкамъ такъ, какъ, напр., поетъ священникъ Тихвинской единовѣрческой церкви, Ярославской губерніи и уѣзда, села Великаго, о. Михайлъ Щетновъ. Такихъ лицъ слѣдовало бы приглашать для обученія пѣнію по крюкамъ.

Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ здѣсь не о необходимости снова вернуться къ искусству пѣть по крюкамъ, но слѣдуетъ теперь же воспользоваться умѣніемъ такихъ лицъ, какъ о. Щетновъ, для перевода древнѣйшихъ и лучшихъ памятниковъ на современные нотные знаки. Насколько я могъ убѣдиться, мелодіи, пѣтыя прямо съ крюковъ, значительно разнятся отъ тѣхъ же мелодій, записанныхъ современными церковными нотами. Разница особенно замѣтна, когда по послѣднимъ возьмется пѣть лицо, не знакомое съ церковнымъ пѣніемъ. Всѣ характерные отѣнки и подробности исчезаютъ, между тѣмъ въ нихъ-то и заключаются особенности семиографическаго письма и музыкальная сторона мелодій.

Высоко эстетическое значеніе крюковыхъ мелодій для музыки вообще не подлежитъ сомнѣнію; съ этимъ согласится всякій, хоть разъ прослушавшій пѣніе прямо съ крюковъ. Мелодіи эти часто напоминаютъ намъ приемы западныхъ композиторовъ временъ до С. Баха. Мнѣ скажутъ, что съ крюковыхъ рукописей переводы уже сдѣланы. Прекрасно, но весь вопросъ въ томъ, какъ они сдѣланы, и дѣйствительно ли переведены лучшіе музыкальные памятники? Наконецъ, не гигантскаго труда и затратъ стоитъ сдѣлать опытъ точной и подробной передачи крюковыхъ рукописей.

Разработкой мелодій, такимъ образомъ полученныхъ, дѣйствительно стоило бы заняться. Поручивъ гармонизацію этихъ мелодій людямъ дѣйствительно знакомымъ, какъ съ музыкальнымъ творчествомъ русскаго народа, такъ и съ правильными знаніями законовъ гармоніи и ритма, мы можемъ прійти къ благопріятнымъ результатамъ. Дѣло это пока не подѣ силу одному лицу и требуетъ коллективнаго труда, организація же его едва ли представитъ серіозныя препятствія.

Аналогическія трудности представляла гармонизація народныхъ пѣсенъ, однако разрѣшеніе этой задачи приходитъ къ концу. И въ этомъ случаѣ изслѣдованіе началось не съ пѣсенъ уже напечатанныхъ, а прямо съ источника—съ голоса народа.

Предположивъ, что мы даже не прійдемъ къ полному разрѣшенію задачи, идя по пути выше изложенному, мы всетаки окажемъ службу наукѣ, которой обязаны служить.

Ю. Мельгуновъ.

1) Цитаты о статіи закрытой и далѣе, вѣроятно, взяты авторомъ изъ другого источника; въ упомянутой выше рукописи Архива по нашимъ справкамъ, подобнаго мѣста не находятся. *Ред.*

КНЯЗЬ В. Θ. ОДОЕВСКІЙ

И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ И НАРОДНОЙ МУЗЫКИ.

Н. А. Янука.

Кн. В. О. Одоевскій. Съ портр. рисов., въ 1826 г. его супругой.
(Ориг. принадл. Румянц. Музею).

КНЯЗЬ В. О. ОДОЕВСКІЙ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ И НАРОДНОЙ МУЗЫКИ.

(По случаю 100-лѣтія его рожденія 30 іюля 1803 года и 35-лѣтія его смерти + 27 февраля 1869 года).¹⁾

Истекшимъ лѣтомъ исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія князя Владиміра Федоровича Одоевского, одного изъ лучшихъ представителей русской интеллигенціи, дѣятельность котораго охватываетъ длинный періодъ отъ 20-хъ до начала 60-хъ годовъ XIX в. Въ Петербургѣ эта годовщина, по инициативѣ А. О. Кони, была своевременно отмѣчена торжественнымъ академическимъ засѣданіемъ, посвященнымъ

¹⁾ Читано въ соединенномъ засѣданіи Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла И. О. Люб. Ест., Антр. и Этногр. 12 апрѣля 1904 г.

памяти кн. Одоевскаго¹⁾. Москва, въ которой Одоевскій провелъ послѣдній періодъ своей служебной дѣятельности и съ которой жизнь его была связана различными нитями, прошла этотъ моментъ молчаніемъ, если не считать едва ли не единственное напоминаніе объ Одоевскомъ въ фельетонѣ „Моск. Вѣд.“ за подписью Д.-Я.-Щ. (№ 206 отъ 30 іюля 1903 г.). Въ настоящее время къ столѣтней годовщинѣ рожденія кн. Одоевскаго мы должны присоединить еще другую годовщину: 27 февраля 1904 г. исполнилось 35 лѣтъ со дня его смерти, и мы полагаемъ, что не будетъ неумѣстнымъ съ нашей стороны отдать долгъ памяти этого заслуженнаго поборника просвѣщенія. Задача ученаго собранія состоитъ, конечно, прежде всего въ томъ, чтобы напомнить объ ученыхъ и литературныхъ заслугахъ этого замѣчательнаго дѣятеля; но его почти 70-лѣтняя жизнь была вся полна такой разносторонней дѣятельности, не только въ области науки, но и въ сферѣ общественной жизни, что и многимъ общественнымъ органамъ было бы чѣмъ помянуть имя Одоевскаго; если же это не сдѣлано, то это не служитъ къ чести нашей и указываетъ лишь на то, какъ мы часто неблагодарны къ памяти людей, такъ или иначе создававшихъ исторію, трудившихся на пользу нашего просвѣщенія.

Я вкратцѣ напомнимъ общую характеристику кн. Одоевскаго, а затѣмъ нѣсколько подробнѣе остановлюсь на его отношеніи къ русской музыкѣ.

Современникъ Пушкина, другъ Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, пережившій суровыя Николаевскія времена и дожившій до осуществленія крупнѣйшихъ реформъ Александра II-го, осчастливившихъ послѣдніе годы его жизни († 1869 г.), кн. Одоевскій былъ свидѣтелемъ различныхъ общественныхъ теченій, административныхъ режимовъ, литературныхъ направленій и почти во всѣхъ этихъ областяхъ жизни принималъ дѣятельное участіе. Юристъ по образованію, начавшій службу по вѣдомству иностранныхъ исповѣданій и дослужившійся въ концѣ 60-хъ гг. до положенія первоприсутствующаго въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената, кн. Одоевскій снискалъ себѣ заслуженную славу и какъ литераторъ своими оригинальными произведеніями (кому неизвѣстны „Сказки дѣдушки Ириней“ и „Русскія ночи“?), и какъ журналистъ и редакторъ, и какъ ученый мыслитель (онъ еще раньше появленія трудовъ Дарвина вполне самостоятельно указалъ на существованіе въ природѣ „родового подбора“ и „борьбы за существованіе“), и какъ популяризаторъ, и какъ представитель ученыхъ учреждений (онъ былъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки и завѣдующимъ Румянцовскимъ Музеемъ). Повсюду и во всемъ обнаруживалась въ немъ личность свѣтлая, гуманная, широко образованная, талантливая и чуткая ко всѣмъ явленіямъ современной ему научной и общественной жизни.

Одною изъ величайшихъ по тому времени заслугъ кн. Одоевскаго слѣдуетъ признать твердость и независимость его взглядовъ и открытое выраженіе своихъ убѣжденій. — „Никогда,—говоритъ онъ,—я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому не навязывалъ своихъ мнѣній, но зато выговаривалъ ихъ всегда во всеуслышаніе весьма опредѣлительно и рѣчисто, не считая нужнымъ измѣнять моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи“. Въ своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ онъ былъ горячимъ поборникомъ идеи уничтоженія крѣпостного права, идеи равенства предъ судомъ и закономъ всѣхъ гражданъ безъ различія званія и состоянія и идеи необходимости широкаго просвѣщенія народа, въ духовныя силы и способ-

¹⁾ Докладъ А. Ф. Кони, читанный въ этомъ собраніи, напечатанъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ». 1903 г., т. VIII, кн. 4.

ности котораго онъ страстно вѣрилъ. Что всѣ эти качества для своего времени составляли не малую заслугу кн. Одоевскаго, мы можемъ убѣдиться хотя бы изъ того, что за свои антикрьпостническія идеи онъ былъ обозванъ предателемъ дворянскихъ интересовъ, измѣнившимъ своему имени, а ратованіе за просвѣщеніе простаго народа доставило ему въ извѣстныхъ кругахъ кличку чудака...

Но если Одоевскій утверждалъ о себѣ, что онъ не способенъ былъ мѣнять свои убѣжденія въ угоду той или другой партіи, то это еще не значило, что онъ никогда не отказывался отъ своихъ взглядовъ, если необходимость этого вытекала изъ его внутренняго убѣжденія, независимо отъ посторонняго вліянія. Наоборотъ, онъ способенъ былъ рѣзко мѣнять фронтъ, какъ это мы видимъ изъ его отношеній къ Западу. До конца 50-хъ годовъ онъ осуждалъ западную цивилизацію, считая ее проникнутою ложью и растлѣвающей нравы и какъ бы играя этимъ въ руку славянофиламъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высоко ставилъ заслуги Петра Великаго передъ Россіей, а рядъ поѣздокъ его за границу въ концѣ 50-хъ годовъ (въ томъ числѣ одинъ разъ въ качествѣ депутата на Шиллеровскій юбилей 1859 года въ Веймаръ) привели его къ неотразимому выводу, что русскимъ не прожить безъ европейскаго просвѣщенія, особенно при нашей, какъ онъ выражался, общенародной лѣни ума, недостаткѣ выдержки и всегдашней безпечности и безпорядочности, что онъ называлъ русскимъ „рукавоспустіемъ“. Эти мысли, очевидно, далеки отъ прежнихъ взглядовъ Одоевскаго и славянофиловъ, но это нельзя поставить ему въ упрекъ. Признакъ истинно просвѣщеннаго и развитого человѣка—это отсутствіе того ложнаго стыда, который часто мѣшаетъ людямъ, даже явно сознавъ свою ошибку, открыто сознаться въ своемъ заблужденіи.

Свои идеи, свои задушевные мысли и свои научныя познанія Одоевскій умѣлъ кромѣ того облекать въ занимательную литературную форму, при чемъ его литературныя произведенія отличаются своимъ языкомъ—живымъ, образнымъ, часто блестящимъ, и всегда соответствующимъ предмету, въ чемъ особенная сила его литературнаго дарованія: какъ „сказочникъ“ онъ необыкновенно доступенъ для дѣтскаго пониманія, въ изданіяхъ для народа—онъ говорилъ языкомъ, приводившимъ въ восхищеніе знатока русской народной рѣчи В. И. Даля; въ то-же время его „Русскія ночи“—это философскія бесѣды, касающіяся сложныхъ общественныхъ явленій и отвлеченныхъ понятій, облеченныя въ повѣствовательную занимательную форму и изложенныя языкомъ живымъ и въ то же время точнымъ и яснымъ; наконецъ, Одоевскій обладалъ сатирическимъ талантомъ, и Бѣлинскій, какъ на одну изъ особенностей его дарованія, указывалъ на его „безпокойный и страстный юморъ“. Когда въ 1822—24 гг. въ „Вѣстникѣ Европы“ появились его „Письма къ Лужницкому старцу“ (подъ псевдонимомъ Фалалея Повинухина), ярко рисовавшія пустоту людей большого московскаго свѣта, ихъ условныя приличія, легковѣсное образованіе, модное воспитаніе, а главное ихъ „дѣятельное бездѣйствіе“, то Грибоѣдовъ, занятый какъ разъ своей комедіей, такъ заинтересовался этой живой и ѣдкой сатирой, что узналъ въ редакціи имя автора, познакомился съ нимъ и съ тѣхъ поръ не прерывалъ съ нимъ связи до самой смерти.

А. Ө. Кони такъ описываетъ наружность князя Одоевскаго: онъ былъ человѣкъ небольшого роста, съ пронизательными и добрыми глазами, съ блѣднымъ продолговатымъ лицомъ, съ тихимъ голосомъ и привѣтливыми манерами, часто одѣтый въ оригинальный широкій бархатный костюмъ и черную шапочку, вооруженный старомодными очками. Тѣмъ не менѣе эта невзрачная на видъ и нѣсколько странная по наружности фигура привлекала къ себѣ представителей науки, лите-

Кн. В. О. Одоевскій въ 1824 г. (изъ альбома М. А. Веневитинова, въ Румянц. Музеѣ).

томъ въ Россіи, но въ то-же время онъ, камергеръ Высоч. Двора и гофмейстеръ двора умной и ученой великой княгини Елены Павловны, былъ и величайшій демократъ. „Въ его знаменитомъ и любопытномъ кабинетѣ,—пишетъ Скайлеръ,—въ которомъ всѣ русскіе писатели отъ Пушкина до графа Толстого такъ часто бесѣдовали, гдѣ сидѣли Глинка и Берлиозъ, и всѣ музыканты, и въ самомъ дѣлѣ всѣ замѣчательные люди Россіи, гдѣ бывали императоры и великіе князья,— всѣ были равны и совершенно дома. Съ самымъ мелкимъ чиновникомъ обходились одинаково, какъ съ министромъ или съ посломъ. Приемъ былъ одинаково добродушный для всѣхъ, съ одинаковымъ желаніемъ обязать и услужить. Княгиня Ольга изъ Ланскихъ была также очаровательна, какъ ея мужъ, хотя въ различномъ направленіи... Рассказывать обо всемъ, что происходило тамъ, значило бы дать описаніе русскаго общества лучшаго пошиба, такъ какъ все, что было хорошаго въ Петербургѣ, случайно находилось въ Москвѣ, всѣ посѣщали княгиню, чтобы видѣть ее или встрѣтить всѣхъ знаменитостей между русскими художниками и литераторами“. Съ галантною европейца,—какъ замѣ-

ратуры и общественныхъ дѣятелей, какъ кн. Вяземскій, Пушкинъ, Вьельгорскій, Глинка, Погодинъ, Кошелевъ, Н. А. Милютинъ и др., которые дорожили его знакомствомъ и которыхъ онъ принималъ у себя въ кабинетѣ съ полатами, заставленными музыкальными и физическими инструментами, ретортами, химическими приборами, книгами въ старинныхъ переплеткахъ и т. п.

Англичанинъ Скайлеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о гр. Л. Толстомъ, съ которымъ онъ познакомился у Одоевскаго живо рисуетъ намъ салонъ князя и княгини Одоевскихъ, бывший однимъ изъ литературныхъ центровъ въ Москвѣ, на Смоленскомъ бульварѣ. Князь Одоевскій, единственный оставшійся въ живыхъ членъ благороднѣйшей вѣтви потомковъ Рюрика, рожденный впрочемъ отъ матери-крестьянки, имѣлъ право считаться первымъ дворяниномъ и первымъ аристокра-

Кн. О. С. Одоевская (ур. Ланская) въ 1815 г. (изъ альб. М. А. Веневитинова, въ Румянц. Музеѣ).

чаетъ проф. Сумцовъ,¹⁾—Скайлеръ не забылъ упомянуть и о достойной супругѣ Одоевскаго, Ольгѣ Степановнѣ, урожденной Ланской, о которой русскіе источники обыкновенно умалчиваютъ. Весьма достойно вниманія также любопытное замѣчаніе Панаева, который говоритъ, что Одоевскій „одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ не стыдился званія литератора, не боялся открыто смѣшиваться съ литературною толпою и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ свѣтскихъ пріятелей“.

Не входя въ подробную оцѣнку кн. Одоевскаго, какъ ученаго, литератора и общественнаго дѣятеля, можно прибавить для доказательства широты его научныхъ и общественныхъ интересовъ еще слѣдующіе факты: онъ былъ однимъ изъ учредителей Императорскаго Археологическаго и Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, хлопоталъ съ графомъ А. С. Уваровымъ объ устройствѣ въ Москвѣ 1-го археологическаго съѣзда, ратовалъ объ отмѣнѣ стѣснительныхъ цензурныхъ правилъ и запрещенія ввоза иностранныхъ изданій при составленіи новаго цензурнаго устава 1832 г., требовалъ тюремной реформы, составилъ всеподданнѣйшую записку Императору Александру II о необходимости сохраненія и укрѣпленія основныхъ началъ освободительной реформы въ виду слуховъ о возможности ихъ измѣненія. Въ одномъ изъ очерковъ „Русскихъ ночей“, озаглавленномъ „Княжна Мими“, онъ выступилъ горячимъ поборникомъ женскаго образованія и рѣзко нападалъ на недостатки воспитанія дѣвушекъ, которыхъ родители заставляютъ не только думать, но даже и молиться лишь объ одномъ,—чтобы скорѣе выйти замужъ. Его письма къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ имѣли вѣское значеніе въ дѣлѣ устройства женскихъ учебныхъ заведеній. Ему, далѣе, принадлежалъ починъ въ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ, дѣтскихъ больницъ, амбулаторій; имъ организовано было въ Петербургѣ, ставшее очень популярнымъ, Общество посѣщенія бѣдныхъ, прототипъ нынѣшнихъ попечительствъ, рѣзко выдвинувшееся своей энергической дѣятельностью изъ ряда другихъ благотворительныхъ учреждений. Какъ гласный думы, онъ живо интересуется городскимъ самоуправленіемъ и городскимъ хозяйствомъ. Словомъ, это была личность необыкновенно разносторонняя, энергичная; человѣкъ этотъ дѣлалъ массу полезнаго и добраго дѣла во всѣхъ направленіяхъ и дѣлалъ его изъ самыхъ чистыхъ внутреннихъ побужденій своего ума и сердца, не руководствуясь никакими мелочными соображеніями и расчетами. Онъ безусловно правъ, говоря, про себя, что его долгая, честная, чернорабочая жизнь не была запятана ни проясками, ни интригами, ни честолюбивыми замыслами.

Въ этомъ честномъ служеніи дѣлу онъ почерпалъ ту энергію, бодрость духа и свѣжесть мыслей, которыя не покидали его и въ преклонныхъ лѣтахъ. Достаточно указать на слѣдующій фактъ. За 4 года до смерти Одоевскаго Тургеневъ напечаталъ свой очеркъ „Довольно“, въ которомъ мрачное настроеніе, овладѣвшее одно время Тургеневымъ, достигло своего апогея, и гдѣ авторъ, какъ бы прощаясь съ своимъ прошлымъ, отрекаясь отъ своего творчества, предается скорбному унынію, отрицаетъ и любовь, и примиреніе, и всякія надежды и упованія и рекомендуетъ всякому, кто желаетъ устоять на ногахъ въ непосильной борьбѣ и не погрязнуть въ тинѣ самопреврѣнія, спокойно отвернуться отъ всего, сказать „довольно“ и „скрестя на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее единственно-доступное ему достоинство—достоинство сознанія собственнаго ничтожества“. Это было написано Тургеневымъ въ 1864 году, т.-е. въ періодъ самой лихорадочной

¹⁾ Извѣстія II Отд. Имп. Ак. Наукъ 1903 г., VIII, кн. 3, стр. 388.

дѣятельности надъ разрѣшеніемъ различныхъ общественныхъ вопросовъ, поднятыхъ великими реформами. Эта печальная программа, какъ бы продиктованная Тургеньевымъ для ближайшаго будущаго въ такую знаменательную эпоху, неприятно поразила и возмутила князя Одоевскаго. „Какъ не грѣшно было одаренной натурѣ, опустивъ малодушно руки, сказать „довольно“,—говорить Одоевскій,—когда работы на землѣ такъ много, да и работа неотложная, многосторонняя, всѣхъ воветъ она— и юнаго, и стараго, на всѣхъ ея хватить“... И онъ, 60-лѣтній старикъ, беретъ за перо и пишетъ въ „Бесѣдахъ Общества Любителей Россійской словесности“ свою горячую статью „Недовольно“, которую посвящаетъ Тургеньеву и въ которой даетъ другую программу дѣйствія и проводитъ совершенно противоположныя мысли. Эти горячо написанныя страницы дышатъ непоколебимой вѣрой въ науку, въ нравственное совершенствованіе человѣка, и развиваютъ широкіе взгляды на задачи поэзіи и на высокое значеніе творчества, — словомъ, здѣсь передъ нами живо выступаетъ яркій и страстный поклонникъ и защитникъ прогресса, или „подвиженія“, по его терминологіи.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ личность этого въ высшей степени симпатичнаго литературнаго и общественнаго дѣятеля, о которомъ мы съ благодарностью вспоминаемъ въ нашемъ нынѣшнемъ собраніи.

Но есть еще одна сторона въ жизни и дѣятельности Одоевскаго, которая, большею частью, недостаточно выдвигается его біографами, и которую я пока оставилъ въ сторонѣ именно затѣмъ, чтобы на ней остановиться подробнѣе, — это его заслуги передъ русской музыкой, въ исторіи которой ему принадлежитъ одно изъ почетныхъ мѣстъ.

Одоевскій питалъ восторженную любовь къ музыкѣ вообще; онъ называлъ ее величайшимъ изъ искусствъ, и два изъ лучшихъ очерковъ въ его „Русскихъ ночахъ“ посвящены великимъ музыкальнымъ гениямъ: Баху и Бетговену (ночь 6, 8, срв. конецъ ночи 9-й). Бетговенъ говоритъ устами Одоевскаго, что задачей его музыкальнаго творчества было—„собрать въ громогласныхъ созвучіяхъ чувства всѣ силы природы и возсоздать душу человѣка“, но онъ „изнемогъ недоговореннымъ чувствомъ“. Такія недостижимыя цѣли и такое великое значеніе признавалъ Одоевскій за музыкою. Она выше искусства, она неземное созданіе, она вводитъ человѣческую душу въ міръ божественный. Есть, говоритъ онъ, высшая степень души человѣка, которой онъ не раздѣляетъ съ природою, которая ускользаетъ изъ-подъ рѣзца ваятеля, которую не доскажутъ пламенные строки стихотворца, та степень, гдѣ душа, гордая своей побѣдой надъ природою, во всемъ блескѣ славы, смиряется передъ Вышнею Силою, съ горькимъ страданіемъ жаждетъ перенести себя къ подножію Ея престола, и какъ странникъ среди роскошныхъ наслажденій чуждой земли, вздыхаетъ по отчизнѣ; чувство, возбуждающееся на этой степени состоянія души, люди назвали невыразимымъ; единственный языкъ сего чувства—музыка; въ этой высшей сферѣ человѣческаго искусства человѣкъ забываетъ о буряхъ земного существованія, въ ней, какъ на высотѣ Альповъ, блещетъ безоблачное солнце гармоніи; одни ея неопредѣленные, безграничныя звуки обнимаютъ непредѣльную душу человѣка; лишь они могутъ совокупить воедино стихіи грусти и радости, разрозненныя паденіемъ человѣка; лишь ими младенчеству сердце и переноситъ насъ въ первую невинную колыбель перваго невиннаго человѣка.

Такой восторженный дифирамбъ произноситъ Одоевскій устами старика Альбрехта, учителя Баха, въ извѣстной біографіи послѣдняго, составляющей одинъ изъ перловъ въ его знаменитыхъ „Русскихъ ночахъ“.

Другой герой его 4-й ночи не менѣе патетически описываетъ то грандіозное впечатлѣніе, какое произвела на него сила звуковъ музыкальнаго оркестра.

— „Я замѣтилъ (въ этихъ звукахъ оркестра) что-то странное, обворожительное, ужасное; я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединился другой, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ: то какъ будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ сиротѣющей матери, или трепещущее стenanіе старца—и всѣ голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона... При каждомъ ударѣ оркестра (мнѣ представлялось) то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткой, то смѣющіеся глаза сумасшедшаго, то трясушіяся колѣни убійцы...“

Изъ множества мелкихъ случайныхъ замѣтокъ въ его бумагахъ мы точно также убѣждаемся, какъ высоко онъ ставилъ музыкальное искусство. Напр., въ одной такой замѣткѣ читаемъ: „Собственно, лишь эстетическій элементъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ. Человѣкъ, не понимающій ни музыки, ни живописи, скотится нечувствительно (Р. Арх. 1874, 11, стр. 322).

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ и замѣчаніяхъ, какъ видимъ, сказался и поэтъ и мыслитель-психологъ, а въ общемъ—необычайно страстный, восторженный энтузіастъ музыки. Но онъ былъ не только энтузіастомъ, а и знаткомъ ея, особенно въ нѣкоторыхъ отрасляхъ.

Не будучи специалистомъ-музыкантомъ по своему образованію, онъ тѣмъ не менѣе значительную часть своей жизни посвятилъ серьезному изученію исторіи и теоріи музыки, какъ всеобщей, такъ въ особенности русской. Свои теоретическія познанія онъ стремился приложить на практикѣ между прочимъ усовершенствованіемъ любимаго имъ инструмента—органа, а также изобрѣтеніемъ особеннаго музыкальнаго инструмента, названнаго имъ энгармоническимъ клавесиномъ. Въ Петербургской Консерваторіи долженъ храниться пожертвованный имъ большой органъ „Себастьянонъ“. Кромѣ того, Одоевскому принадлежит цѣлый рядъ музыкальныхъ сочиненій и статей. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Опытъ о музыкальномъ языкѣ. 2) Музыкальная грамота, или основанія музыки для немусыкантовъ. 3) Къ вопросу о древне-русскомъ пѣнопѣніи. 4) Объ исконной великорусской музыкѣ. 5) Русская и такъ называемая общая музыка. 6) Объ изученіи русской музыки не только какъ искусства, но и какъ науки (рѣчь при открытіи Московской Консерваторіи). 7) О пѣніи въ приходскихъ церквахъ. 8) Мнѣніе по вопросамъ, возбужденнымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія по дѣлу о церковномъ пѣніи, и нѣкот. др. Достаточно уже, этихъ заглавій, не говоря о другихъ болѣе мелкихъ статьяхъ, какъ напримѣръ: о хоровомъ пѣніи въ Исаакіевскомъ соборѣ, о бесплатномъ класѣ хорового пѣнія Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ, чтобы судить о томъ, какъ живо интересовался онъ музыкой, и именно русской, въ частности церковной.

И здѣсь мы опять замѣчаемъ его всегдашнее стремленіе переходить отъ теоріи къ практикѣ, прилагать свои познанія къ дѣлу. Онъ не довольствуется теоретическимъ и историческимъ изученіемъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ,—онъ требуетъ ихъ возстановленія въ приходскомъ обиходѣ, и въ этомъ отношеніи кн. Одоевскій былъ самымъ горячимъ защитникомъ той идеи, которая высказывалась и митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, и преосв. Филаретомъ Черниговскимъ, и къ работѣ которой прилагали старанія свящ. Разумовскій, Потуловъ, Ломакинъ, а впоследствии преосв. Амвросій, Кашперовъ, Мельгуновъ и другіе, пытаясь рестав-

ризовать наше церковное пѣніе на настоящей древней основѣ и освободить его отъ искаженій, вносимыхъ вліяніемъ новой европейской музыки.

На основаніи внимательнаго изученія онъ призналъ въ нашемъ исконномъ церковномъ пѣніи издревле существующую діатоническую, безбемольную и бездѣзную гамму; въ гармоніи онъ стоитъ исключительно за такъ называемые консонансные аккорды и изгоняетъ диссонансные съ секундами и септимами. „Септаккорда на доминантѣ,—говоритъ онъ,—наши предки и неслыхивали, какъ и нынѣ мы не слышимъ этихъ аккордовъ въ неиспорченномъ народномъ пѣніи“. Предки наши пѣли „тріестествогласіемъ“, т. е. трезвучіями изъ терціи, квинты и октавы въ ихъ различныхъ положеніяхъ и обращеніяхъ. Въ церковной музыкѣ онъ признаетъ только два аккорда (въ 3-хъ видахъ), при томъ на протяженіи не болѣе трехъ октавъ; „диссонансные интервалы (секунды, септимы) нашими предками въ гармоническія сочетанія не вводились, а появлялись развѣ случайно въ видѣ переходящихъ нотъ, тѣмъ болѣе, что эти секунды и септимы въ качествѣ составныхъ частей аккорда и въ Европѣ-то распространились едва къ концу XVII вѣка“. Наконецъ, относительно мелодической стороны онъ замѣчаетъ, что большая часть нашихъ исконныхъ церковныхъ напѣвовъ ограничивается 5-ю, даже 4-мя нотами. Эта простота и первобытность мелодіи и гармоніи какъ будто преднамѣренныя, установленныя въ тѣхъ видахъ, чтобы и народъ могъ подпѣвать,—и онъ дѣйствительно подпѣвалъ въ старину. Еще въ половинѣ XVII вѣка иностранецъ Гербиній былъ свидѣтелемъ того, какъ въ кievскихъ церквахъ всѣ міряне, соединясь со священникомъ, пѣли такъ гармонически и благоговѣнно, что, слушая ихъ, онъ пришелъ въ экстазъ и прослезился, вообразивъ себя въ Іерусалимѣ, среди первоначальныхъ христіанъ. Музыкальные труды нашихъ древнихъ дидаскаловъ Александра Мезенца и Тихона Макарьевского, подтверждаютъ истинность вышеизложенныхъ началъ. Отсюда прямой выводъ, что отступленія отъ этихъ началъ, широко допускаемыя новѣйшими перелагателями, и поощряемыя между прочимъ Придворной Капеллой, въ корнѣ разрушаютъ наше церковное пѣніе и допускаютъ такія композиціи, которымъ мѣсто въ театрѣ, а не въ церкви. А вмѣстѣ съ тѣмъ искажается и слухъ молящихся: они мало-по-малу привыкаютъ искать въ церковномъ пѣніи оперной сладости, и требуютъ отъ пѣвцовъ, „чтобы голоса-то заливались, да чтобы верхи-то больше захватывали“, разумѣя подъ верхами различныя рулады и другія пошлыя украшенія.

Искоренить это зло, по мнѣнію Одоевскаго, можно двумя путями: во-первыхъ, правильною постановкою обученія церковному пѣнію въ приходскихъ школахъ, семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, а во-вторыхъ, лишеніемъ Придворной Капеллы цензурной монополіи на церковно-музыкальныя сочиненія и переложенія. По поводу обученія пѣнію Одоевскій замѣчаетъ: „Если наше благоговѣнное чувство оскорбляется иногда нестройнымъ пѣніемъ клироса, то единственно потому, что міряне слышатся, учась по регентской скрипочкѣ (вмѣсто простаго камертона), какъ попугай, выпѣвать разныя хроматическія сочетанія звуковъ и диссонансные аккорды, невозможные въ исполненіи безъ долговременной спеціальной практики и внесенные въ церковную музыку вопреки исторической и художественной истинѣ. Да и какъ могутъ пѣть удовлетворительно люди, привыкшіе пѣть подъ скрипку или другой инструментъ, если въ нашемъ богослуженіи никакіе инструменты не допускаются?“

Вопросъ о школьномъ обученіи церковному пѣнію особенно привлекъ къ себѣ вниманіе Одоевскаго, когда вопросъ этотъ въ началѣ 1868 года былъ возбужденъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Обстоятельное мнѣніе Одоевскаго разсма-

триваетъ этотъ вопросъ съ различныхъ сторонъ, какъ съ точки зрѣнія теоретической, такъ и практической. Кто долженъ учить церковному пѣнію? Какія требованія должны быть представлены преподавателю? Кто долженъ экзаменовать преподавателей на эти долги сти? По какимъ учебникамъ учить? Кому должно принадлежать право цензуровать учебники и издавать ихъ? По какому праву Придворной Капеллѣ предоставлена монополія цензуры музыкальныхъ сочиненій и переложеній? — вотъ рядъ важныхъ въ то время вопросовъ, по которымъ приходилось трактовать Одоевскому и вести горячую полемику, въ особенности противъ Придворной Капеллы, которая, по его мнѣнію, приноситъ огромный вредъ церковному пѣнію тѣмъ, что, пользуясь своею монополіей, поощряетъ такія музыкальныя сочиненія, въ которыхъ „наши церковныя напѣвы теряютъ безвозвратно и свое духовное отличительное значеніе и свой художественный смысл“. Онъ соглашается съ тѣмъ, что было время, когда директоръ Капеллы при Екатеринѣ II, Бортнянскій, былъ лучшимъ и единственнымъ представителемъ церковной музыки, который, „хотя во многихъ сочиненіяхъ и подчинялся тогдашнему итальянскому вкусу, но, какъ православный и челоувѣкъ съ дарованіемъ, старался удержать нашу церковную музыку отъ совершеннаго паденія въ италіанизмъ, и вѣроятно въ особенности воздерживалъ придворный хоръ отъ итальянскихъ замашекъ въ пѣніи“; но въ то-же время Бортнянскій, „какъ челоувѣкъ, по преданію, весьма тонкій, воспользовался обстоятельствами времени для подчиненія себѣ всей церковной музыки въ Россіи“. Въ 1816 году былъ изданъ указъ о предоставленіи Бортнянскому исключительнаго права не только цензурованія, но и сочиненія церковныхъ пѣснопѣній, а впослѣдствіи это право, какъ бы по наслѣдству, перешло отъ лица къ званію директора Капеллы и держалось за нимъ болѣе полувѣка, не смотря на то, что въ литературѣ по церковной музыкѣ явились лица болѣе свѣдующія въ этомъ предметѣ, чѣмъ какой-нибудь изъ директоровъ, и могущія быть болѣе надежными экспертами, каковы: Разумовскій, Потуловъ, Ломакинъ и др.

Соображая все это и обдумывая средства развитія церковной музыки, Одоевскій требуетъ: 1) разрѣшить для всѣхъ свободное печатаніе церковныхъ переложеній и сочиненій, подвергая духовной цензурѣ лишь текстъ. 2) Предоставить оцѣнку гармонизаціи единственно публикѣ и печати съ точки зрѣнія ученой, археологическо-исторической и художественной, и можно быть увѣреннымъ, что тогда не будутъ приняты во всеобщее употребленіе въ церкви плясовые мотивы въ родѣ „Барыни“ или „Донъ, ты нашъ Донъ, сынъ Ивановичъ“, какъ это случилось съ нашимъ пасхальнымъ канономъ во время цензорства Бортнянскаго. Особая музыкальная цензура, по мнѣнію Одоевского, совершенно излишняя еще и на томъ основаніи, что по прямому смыслу закона (указъ 1850 года) на Св. Синодѣ, а слѣдовательно на всемъ духовенствѣ, лежитъ обязанность „наблюдать за сохраненіемъ единства и древности въ церковныхъ напѣвахъ, къ которымъ привыкъ слухъ молящихся“.

Многое изъ того, противъ чего возставалъ Одоевскій, хотя далеко не все еще, отошло въ вѣчность, но если кое-что измѣнилось къ лучшему, то заслуга Одоевского въ этомъ дѣлѣ несомнѣнна.

Послѣднюю главу въ этомъ обстоятельномъ мнѣніи Одоевского по поводу министерскихъ начинаній составляетъ обсужденіе „способовъ очищенія нашей церковной музыки отъ иностранныхъ элементовъ“, а также указаніе „способовъ сдѣлать ее народною, русскою, своеобразною“. Здѣсь, указавъ на исконность нашего древняго пѣснопѣнія и на заслуги ученыхъ, трудящихся надъ разработкою относящихся сюда памятниковъ, каковы труды Ундольскаго, Стасова и уже упомянутыхъ Ло-

макина, Разумовскаго, Потулова и др., Одоевскій ставитъ въ особенный упрекъ Придворной Капеллѣ то, что она не только не содѣйствуетъ этимъ дѣятелямъ, но наоборотъ всѣми мѣрами тормазитъ начатое ими дѣло изслѣдованія и историческаго разысканія въ области церковнаго пѣнія, а ихъ опытамъ возстановленія древняго пѣнія налагаетъ прямой запретъ, между тѣмъ какъ тутъ-то и есть, по мнѣнію Одоевскаго, одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ очищенія нашей церковной музыки отъ позднѣйшихъ примѣсей, наслоеній и искаженій.

Исходя изъ этого положенія, Одоевскій требуетъ отъ правительства: 1) содѣйствовать изданію древнихъ музыкальныхъ памятниковъ въ той же мѣрѣ, какъ оно содѣйствуетъ этому въ другихъ областяхъ науки; 2) не препятствовать спокойной и свободной разработкѣ предмета; 3) дать труженикамъ этого дѣла возможность представлять на судъ ученаго міра различные опыты по сей части, не стѣсня печатаніе ихъ опытовъ какою бы то ни было цензурою, въ особенности цензурою Капеллы, которой изданія идутъ совершенно по другой дорогѣ и суть произведенія, основанныя на западной теоріи, а не на нашей исконной. „Кто тутъ стоитъ на болѣе вѣрномъ пути—это дѣло ученой критики“, замѣчаетъ Одоевскій. Но для всякой критики необходима свобода и просторъ. „Когда важнѣйшіе спорные вопросы по сему дѣлу пройдутъ черезъ горнило критики и будутъ рассмотрѣны гласно общими трудами людей, занимающихся сею частью, тогда отъ усмотрѣнія Св. Синода будетъ зависѣть перенести въ обязательное исполненіе то, что окажется того достойнымъ“. А пока музыкальное сочиненіе только напечатано, но не принято къ исполненію, оно остается нѣмымъ и не можетъ оказать вреднаго вліянія въ какомъ бы то ни было отношеніи. Слѣдовательно, нѣтъ смысла его запрещать. Только путемъ критическаго сравненія можно изъ многого выбрать лучшее для проведенія въ жизнь.

Наконецъ, какъ еще на одно изъ важнѣйшихъ средствъ очищенія церковной музыки, Одоевскій указываетъ на необходимость заняться старательнымъ записываніемъ древнихъ напѣвовъ съ голосовъ народа. Старые церковные напѣвы, по его убѣжденію, сохранились еще въ глухихъ, захолустныхъ мѣстахъ въ слухѣ народномъ въ ихъ исконномъ, самобытномъ видѣ; ихъ-то и надо поспѣшить собрать въ назиданіе новаторамъ и будущимъ поколѣніямъ, тѣмъ болѣе, что эта древняя старина съ каждымъ днемъ исчезаетъ и все болѣе искажается, съ одной стороны, пѣніемъ раскольниковъ, потерявшихъ большею частью знаніе древнихъ крюковъ, съ другой стороны разными новомодными переложеніями, въ которыхъ и самые напѣвы воспроизводятся не точно, и при томъ еще обезображиваются несвойственною имъ гармоніею. Это искаженіе, прибавимъ мы отъ себя, шло еще въ старину и съ третьей стороны—черезъ Польшу, какъ можно судить на основаніи музыкальнаго трактата кіевлянина Дилецкаго 1679 года. Записывать народные напѣвы Одоевскій требуетъ именно такъ, какъ они поются въ народѣ,—„повторяю это въ сотый разъ“,—говоритъ онъ настойчиво. Кромѣ записыванія съ голосовъ, въ тѣхъ же цѣляхъ Одоевскій рекомендуетъ „сбирать также, сколь возможно, записанные напѣвы, въ особенности крюковыми знаками, и сообщать ихъ, или по крайней мѣрѣ извѣстія о нихъ, печатно, или же доставляя подлинники, не то вѣрные снимки (кальки), въ какое либо центральное мѣсто, напримѣръ въ Общество Древне-русскаго Искусства (при Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ)“. Къ сожалѣнію, эти благія пожеланія, высказанныя Одоевскимъ около 40 лѣтъ тому назадъ, и по настоящее время далеко не вполнѣ осуществляются. Если свѣтская пѣсня уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе собирателей, то собираніе древнихъ церковныхъ напѣвовъ,

сохранившихся въ народномъ употребленіи, можно сказать, еще и не начиналось, да теперь начинать это дѣло, пожалуй, ужъ и слишкомъ поздно...

Воспоминанія Г. Я. Ломакина, извѣстнаго дирижера Шереметевскаго духовнаго хора, оставленныя имъ въ своей автобіографіи, опубликованной Стасовымъ, а также исторія организаціи перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, для котораго Одоевскій взялся обработать вопросъ о древне-церковномъ пѣніи, дополняютъ картину того, какъ живо до послѣднихъ дней жизни интересовался онъ этимъ вопросомъ. (См. его статьи и его некрологъ въ т. II Трудовъ Перваго Археол. Съѣзда).

Ограничиваясь изложенными замѣчаніями по вопросу о церковномъ пѣніи, можно сказать вообще, что Одоевскій сослужилъ этому дѣлу весьма большую службу уже тѣмъ, что постоянно будилъ интересъ къ нему въ обществѣ и въ печати и обращалъ на него вниманіе правительства, придавая этому дѣлу не только высокое художественное, но и національное значеніе.

Въ обществѣ настолько привыкли неразрывно связывать имя Одоевскаго съ церковнымъ пѣніемъ, что его печатно называли („въ Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1864 года № 18-й) „возстановителемъ истинныхъ церковныхъ напѣвовъ“ и приписывали ему даже составленіе обѣдни по стариннымъ образцамъ — честь, отъ которой онъ долженъ былъ печатно отказываться (въ газ. „День“ 1864 года, № 17); но что онъ былъ главнымъ вдохновителемъ другихъ на это дѣло — это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Занимаясь съ особеннымъ интересомъ вопросами церковной музыки, кн. Одоевскій не оставлялъ безъ вниманія и свѣтскую музыку, какъ общую, такъ въ особенности русскую. Въ Петербургѣ онъ былъ очень близокъ къ Глинкѣ, который неоднократно пользовался его совѣтами и полезными указаніями. Успѣхъ первой постановки „Жизни за Царя“ въ 1836 году доставилъ Одоевскому не меньшую радость, чѣмъ самому автору, и это знаменательное событіе было отпраздновано въ квартирѣ Одоевскаго въ присутствіи Глинки, Вьельгорскаго и еще нѣкоторыхъ друзей, при чемъ была исполнена шутовская кантата въ честь Глинки, сочиненная имъ самимъ и Одоевскимъ на слова Пушкина, Вяземскаго и Вьельгорскаго. Она начиналась словами: „Веселися Русь... нашъ Глинка, ужъ не глинка, не глинка, а фарфоръ“. И вообще Одоевскому Глинка не мало былъ обязанъ своей славой уже тѣмъ, что этотъ его близкій другъ первый и едва ли не единственный сразу понялъ и оцѣнилъ его, призналъ въ немъ родоначальника національной музыки и энергично защищалъ его словами и перомъ въ глазахъ великосвѣтскаго круга того времени, когда музыку Глинки называли кучерскою (*musique des cochers*), и когда даже такіе музыканты, какъ Сѣровъ, заявляли во всеуслышаніе, что Глинка не сравняется съ Верстовскимъ въ мелодической изобрѣтательности.

По переселеніи въ Москву въ 1862 году, Одоевскій читалъ у себя на дому лекціи о музыкѣ, преимущественно русской, для кружка любителей и особенно любительницъ, который около него группировался, охотно посѣщая его пятницы. Эти лекціи частью вошли впослѣдствіи въ его сборникъ подъ заглавіемъ „Музыкальная грамота для не-музыкантовъ“ (М. 1868). Къ этому времени подоспѣло открытіе въ Москвѣ Консерваторіи въ 1866 году. Одоевскій, живо увлеченный этимъ крупнымъ событіемъ въ московскомъ музыкальномъ мірѣ, выступаетъ на торжествѣ открытія съ рѣчью — объ изученіи русской музыки не только какъ искусства, но и какъ науки. Этотъ фактъ самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ. Что могъ сказать Одоевскій собравшимся на музыкальное торжество москвичамъ? Конечно, то

же, что онъ всегда и вездѣ повторялъ десятки и сотни разъ, а именно, что русскій народъ имѣетъ свою музыку — ее мы и должны прежде всего изучать, культивировать, лелѣять, ограждая ея самобытность, какою врядъ ли можетъ похвастать въ такой же мѣрѣ любая нація Европы. Не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи, для полноты нашего очерка, воспроизвести главную часть этой рѣчи, импровизированной, какъ заявляетъ современникъ, „по вызову директоровъ“ и въ настоящее время мало кому доступной ¹⁾).

„ Въ настоящую минуту, — говорилъ князь, — я не могу, хоть въ нѣкоторыхъ простыхъ словахъ, не выразить моего грубокаго сочувствія къ той отрасли дѣятельности Московскаго Музыкальнаго Общества, которая оставалась какъ бы забытою во всѣхъ нашихъ художественно-музыкальныхъ сообществахъ.

Въ вашей консерваторіи будетъ преподаваться наука — къ удивленію — у насъ новая: Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи, — новая до такой степени, что нельзя указать ни одного печатнаго сочиненія, которое бы могло служить учебникомъ или руководствомъ по сему предмету. Въ нашей церкви сохранилось пѣснопѣніе, которымъ болѣе 700 лѣтъ оглашаются наши православные храмы, пѣснопѣніе самобытное, не похожее ни на какое другое, имѣющее свои особые законы, свой отличный характеръ и высокое, какъ историческое, такъ и художественное значеніе. Между тѣмъ не только первоначальные безлинейные знаки, которымъ изображались до XVIII вѣка наши древніе напѣвы, но даже и существующія до нынѣ церковныя (квадратныя) линейныя ноты остаются для многихъ и многихъ недоступными, а съ тѣмъ вмѣстѣ была невозможною и исторія нашего древняго звукописанія. Не могу не радоваться душевно, что этотъ важный, существенный въ Россіи предметъ ввѣренъ преподаванію благочестиваго и ученаго мужа, священника Дмитрія Васильевича Разумовскаго, неутомимаго изыскателя по части нашей музыкальной археологіи, и котораго недавнія изслѣдованія значительно освѣтили эту, неизвѣстную донынѣ, область нашихъ отечественныхъ преданій. Будемъ надѣяться, что, со временемъ, Московская Консерваторія не оставитъ безъ художественно-исторической обработки и нашихъ народныхъ мірскихъ напѣвовъ, разсѣянныхъ по всему пространству великой Руси. Донынѣ эта обработка еще невозможна: у насъ нѣтъ еще собранія вѣрно записанныхъ нашихъ народныхъ напѣвовъ, со всѣми ихъ мѣстными вариантами и отгѣнками. Донынѣ большая часть записывавшихъ наши напѣвы старались подводить ихъ подъ уровень общей музыки, и даже позволяли себѣ исправлять въ нихъ мнимыя ошибки, или характеристическія отступленія отъ общепринятыхъ правилъ. Смѣю думать, что исправители сами ошибались, ибо народные напѣвы суть народная святыня, къ которой надлежитъ приступать съ дѣвственнымъ чувствомъ, безъ всякой заранѣе предпосланной теоріи, не мудрствуя лукаво, но записывая народную пѣснь, какъ она слышится въ голосѣ и слухѣ народа, — и затѣмъ должно будетъ постараться извлечь изъ самыхъ напѣвовъ, какъ они есть, ихъ теорію. Отчего у cadaго изъ насъ бьется сердце, когда мы слышимъ русскій напѣвъ, это еще понятно; но отъ чего характеръ русскаго напѣва мы разомъ, бессознательно отличаемъ посреди какой бы то ни было музыки и не-

¹⁾ Она была воспроизведена въ тогдашнемъ приложеніи къ «Русскому Вѣстнику», именованномъ «Современная Лѣтопись» (1866 г. № 30) при отчетѣ объ открытіи консерваторіи, появившемся и отдѣльно, за подписью Н., въ видѣ брошюрки, составляющей большую библиографическую рѣдкость, подъ заглавіемъ: «Открытіе Московской Консерваторіи 1-го Сентября 1866 года». М. 1866. (Въ бумагахъ Одесскаго въ Имп. Публ. Б-кѣ эта брошюрка, по описанію Бычкова, находится въ двухъ экземплярахъ, въ перепл. 66, № 19, и перепл. 77, № 13).

вольно говоримъ: здѣсь что-то русское? Въ наше время мы уже не можемъ довольствоваться одними предположеніями; наука должна изслѣдовать это явленіе, но для науки нужны надежные матеріалы. Воспитанники консерваторіи, получивъ полное музыкальное образованіе, будутъ и по сему предмету важными способниками музыкальнаго искусства; нѣкогда ихъ трудами соберутся съ разныхъ концовъ Россіи наши подлинныя народныя напѣвы, и наукѣ представится возможнымъ безсознательное донинѣ ощущеніе перевести на техническій языкъ, опредѣлить тѣ внутренніе законы, коими движется наше народное пѣніе. Позвольте, мм. гг., предложить вамъ тостъ за преуспѣяніе русской музыки, какъ искусства и какъ науки“.

Этой рѣчью Одоевского, „прослушанною (по свидѣтельству современника) съ особеннымъ вниманіемъ и покрытою громкимъ одобреніемъ присутствовавшихъ“, ясно опредѣлялось желательное направленіе и диктовалась ясно поставленная программа новоучреждаемому высшему музыкальному учебному заведенію. И Одоевскій такъ вѣрилъ въ то, что Консерваторія оправдаетъ его надежды, что завѣщаль ей даже свои музыкальные матеріалы, гдѣ онѣ и хранятся, вѣроятно мало кому извѣстныя. И гдѣ же, казалось, развиваться этому русскому направленію музыки, какъ не въ сердцѣ Россіи—Москвѣ? Но тутъ опять мы видимъ какую-то иронию судьбы: молодая муза русской музыки и до сихъ поръ не успѣла свить себѣ надежнаго гнѣзда въ стѣнахъ Московской Консерваторіи.

Какъ же понималъ самъ Одоевскій собственно-русскую музыку? Какія видѣлъ въ ней существенныя особенности, и гдѣ именно онѣ ихъ подмѣчалъ? Ставя эти вопросы, мы вовсе не желаемъ этимъ самымъ косвенно какъ бы выставить Одоевского основателемъ русской школы въ музыкѣ. Зачатки этой школы сказывались весьма замѣтно въ свѣтской музыкѣ уже и раньше; Одоевскій только опредѣленнѣе и настойчивѣе высказывалъ то, что другими до него, можетъ быть, только чувствовалось, такъ сказать, нутромъ.

Съ русской музыкой случилось какъ разъ то-же самое, что за сто лѣтъ передъ этимъ было съ русской поэзіей,—не даромъ эти два искусства считаются связанными тѣснѣйшими узами родства. Въ XVIII вѣкѣ наши стихотворцы, Тредьяковскій, а за нимъ и Ломоносовъ, ясно сознали непригодность старой силлабической версификаціи, заимствованной извнѣ и чуждой духу русскаго языка, и ввели въ употребленіе новый способъ стихосложенія, естественнаго, не насилующаго нашей рѣчи. Такъ точно сто лѣтъ спустя, въ серединѣ XIX вѣка, наши музыканты постепенно стали приходить къ сознанію того, что западно-европейская музыкальная теорія не всегда примѣнима во всѣхъ своихъ частяхъ къ настоящей русской музыкѣ, которая не хочетъ укладываться въ выработанные на западѣ искусственныя шаблоны, а имѣетъ свои законы. И именно Одоевскій былъ однимъ изъ яркихъ выразителей этого взгляда на русскую и западную музыку. Тредьяковскій, родоначальникъ новаго русскаго тоническаго стихосложенія, усвоеннаго и утвержденаго затѣмъ Ломоносовымъ, извлекъ свой „новый способъ къ сложенію стиховъ російскихъ“ изъ самыхъ нѣдръ русскаго народнаго духа; онъ первый замѣтилъ, что „поэзія нашего простаго народа“ хотя и имѣетъ „слогъ весьма не красивый, отъ неискusstва слагающихъ“, но зато ей присуще „сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе“; это-то и подало ему „непогрѣшительное руководство“ къ замѣнѣ силлабическаго стиха тоническимъ, сроднымъ духу нашего языка. Изъ тѣхъ же нѣдръ русскаго народнаго духа Одоевскій выводитъ законы русской музыки, и русская народная

пѣсня является для него въ данномъ случаѣ такимъ же непогрѣшительнымъ руководствомъ, какъ и для Тредьяковскаго въ вопросѣ о стихосложеніи.

Мы видѣли уже, что для основательнаго изученія древнихъ церковныхъ напѣвовъ Одоевскій требовалъ собиранія ихъ записей изъ устъ народа; то же требованіе и въ тѣхъ же цѣляхъ онъ предъявлялъ и къ свѣтской пѣснѣ. Онъ чувствовалъ неразрывную связь древне-церковной музыки съ истинно-народной старинной свѣтскою пѣсней; онъ сознавалъ также, что только глубокое совмѣстное изученіе той и другой можетъ положить прочный фундаментъ для созданія истинной національной русской музыки. Замѣчательно, что подобная же мысль въ самое послѣднее время, можно сказать, на этихъ дняхъ, нѣкоторыми нашими учеными музыкантами выставлена въ качествѣ какого-то откровенія, а между тѣмъ она уже давно была высказана и поставлена на очередь Одоевскимъ въ числѣ многихъ другихъ мимоходомъ брошенныхъ глубокихъ мыслей, неблагодарно забытыхъ современниками. Такимъ же образомъ и тѣ требованія, какія предлагались Одоевскимъ къ дѣлу изученія собственно народной пѣсни, только въ настоящее время начинаютъ приводиться въ исполненіе собирателями и гармонизаторами народныхъ пѣсенъ.

Онъ выставляетъ два главныхъ требованія, примѣнимыя также и къ церковной музыкѣ:

1) „Записывать наши народные напѣвы... точно такъ, какъ они поются въ народѣ, не позволяя себѣ никакихъ, такъ называемыхъ, исправленій и лишь отмѣчая варьянты“; при этомъ необходимо имѣть въ виду разнотактность нашихъ старинныхъ напѣвовъ и помнить, что „если записывающій будетъ стараться укладывать всякій русскій напѣвъ на Прокрустово ложе симметричнаго ритма, напѣвъ будетъ изуродованъ“.

2) Гармонизовать народные напѣвы въ русскомъ стилѣ, во всей ихъ самобытности, со всѣми, такъ называемыми, погрѣшностями противъ правилъ западной музыки. „Если вы хотите, чтобы напѣвъ не погибъ въ вашемъ сопровожденіи, ограничивайтесь въ контрапунктѣ единственно нотами, представляемыми вамъ тою погласицею, которой принадлежитъ пѣсня“.

Онъ замѣтилъ въ русскихъ пѣсняхъ, какъ онъ выражается, „особое ухищреніе избѣгать скачковъ на сиксту, а кольми паче на септиму, и даже паденія малой секунды на тонику, т.-е. избѣгать именно того, что въ западныхъ теоріяхъ поставлено во главу угла и называется правильною или совершенною каденцою“. „Въ русскихъ гармонизаціяхъ и переложеніяхъ народныхъ мы желали бы,—говоритъ онъ далѣе,—господства діатонизма и допущенія хроматизма лишь въ сопровождающихъ партіяхъ, въ видѣ исключенія, на сколько это окажется нужнымъ для какого-либо драматическаго движенія“. — „Но всѣ эти пожеланія — *ria desideria!*“ — восклицаетъ онъ безнадежно. И дѣйствительно, понадобилось нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы наши музыканты-этнографы и композиторы — да и то лишь немногіе — прониклись тѣми идеями, которыя для Одоевскаго уже тогда были непреложными истинами.

Замѣтимъ, что въ дѣлѣ практическаго собиранія народныхъ пѣсенъ онъ оставилъ опытъ своихъ записей нѣсколькихъ десятковъ мотивовъ, показывающихъ, что они дѣйствительно записаны съ голоса, безъ всякихъ измѣненій, при чемъ собиратель въ нѣкоторыхъ номерахъ откинулъ даже дѣленіе на такты, боясь искусственно насиловать свободный напѣвъ, укладывая его въ строго опредѣленныя условныя рамки. ¹⁾ Попытки своей гармонизаціи русскихъ пѣсенъ онъ оставилъ намъ,

¹⁾ Эти записи напеч. въ «Вѣсти. Общ. др.-р. искусства при Румянц. Музеѣ» 1876, № 11-12.

напримѣръ, въ своемъ экземплярѣ изданія русскихъ пѣсенъ Прача, находящемся въ его библиотекѣ въ Румянцовскомъ Музеѣ, гдѣ между печатными страницами вплетены рукописныя съ его собственноручными замѣчаніями и нотными исправленіями. Наконецъ, небезынтересно отмѣтить, что еще въ 1834 году Одоевскій составилъ сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ, — это была совершенная новинка въ тогдашней дѣтской литературѣ.

Почасти собственныхъ его композицій, которыя бы оправдывали примѣненіе на практикѣ его теоретическихъ взглядовъ, до сихъ поръ не обнародовано ничего. Его музыкальныя бумаги, хранящіяся въ Московской Консерваторіи, не разобраны. Въ числѣ остальныхъ его бумагъ, хранящихся въ Петерб. Публичной Библиотекѣ въ ста десяти переплетахъ, находится одна небольшая вещица: „Опыты въ предѣлахъ погласицы др.-русс. тетракордовъ. Двухорная пѣсня для ф.-п. въ 4 руки“¹⁾.

Съ этнографической точки зрѣнія не лишены также интереса замѣчанія Одоевскаго и о музыкѣ малорусской и польской, по сравненію съ великорусской.

— „Наша музыка, — говоритъ онъ, — представляется въ двухъ формахъ: въ формѣ великорусской и формѣ такъ называемой малорусской, или украинской“. Онъ убѣжденъ, что „великорусскія и малорусскія пѣсни вышли изъ одного начала, сложились по какой-то общей первинѣ, которая когда-нибудь будетъ открыта прилежнымъ изслѣдованіемъ“. Но въ то-же время онъ признаетъ, что „на малорусскую музыку наиболѣе и издавна подѣйствовало вліяніе западное путемъ Польши... Отъ этого западнаго вліянія, особливо при передѣлкѣ погласиць (т. е. древняго строя) на лады, являются въ малорусскихъ пѣсняхъ частые переходы изъ мажора въ миноръ, что перенесено и въ новѣйшіе великорусскіе напѣвы, гдѣ такіе переходы суть нѣчто вполне чуждое и часто нелѣпое. Какъ бы убѣдить господъ записывателей, что въ великорусскихъ пѣсняхъ нѣтъ ни минорнаго, ни мажорнаго тона (въ смыслѣ новой европейской музыки), а есть діатоническая погласица сама по себѣ, какъ русскій языкъ не есть смѣсь какихъ-либо разныхъ языковъ... но существуетъ самъ по себѣ, какъ чистое порожденіе славянскаго племени“.

Къ сожалѣнію, вышеуказанное вѣрное замѣчаніе Одоевскаго объ отличіи современныхъ малорусскихъ пѣсенъ отъ великорусскихъ не всегда принимается въ расчетъ нашими музыкантами, которые, замѣчая въ записяхъ малорусскихъ напѣ-

¹⁾ Описание бумагъ кн. Одоевскаго, хранящихся въ Имп. Публ. Б-кѣ, составлено акад. Бычковымъ и напечатано въ приложеніи къ «Отчету» Библиотеки за 1884 годъ. Упомянутые «опыты», по описанію Бычкова (стр. 43), значатся въ переплетѣ 77, подъ № 18.

Выпишемъ, кстати, изъ этого описанія еще нѣкоторыя заголовки статей и набросковъ Одоевскаго, имѣющихъ отношеніе къ музыкѣ: а) О новыхъ тисненіяхъ богослужебныхъ нотныхъ книгъ синодскаго изданія: Обихода, Ирмологія, Октоиха и Праздниковъ (перепл. 11, № 28, п перепл. 17, № 20); б) О необходимости дѣйствительно простаго пѣснопѣнія въ приходскихъ церквахъ и въ народныхъ школахъ (перепл. 17, № 23); в) Наше церковное пѣснопѣніе (преданіе и техника) (пер. 19, № 5); г) О музыкѣ по отношенію къ выраженію души (пер. 20, № 4); д) Музыка— η и ϵ (пер. 21, № 21); е) О вліяніи музыки на исправленіе преступниковъ, изъ соч. Arpent'a, Vagnes, prisons et criminels (пер. 28, № 4); ж) Вопросъ о сущности музыки—вопросъ философическій (пер. 53, № 8); з) Старинная пѣсня съ замѣткой о ней и съ музыкой (пер. 77, № 16). Напечат. въ Русск. Архивѣ 1863, стр. 125; и) Къ дѣлу о церковномъ пѣніи (пер. 77, № 10). Напеч. въ «Домашней Бесѣдѣ» 1866, вып. 28; к) Акустика (перепл. 32, № 8); л) О взаимной связи между собою музыки, поэзіи, живописи, философіи и религіи (перепл. 10, № 9).

Библиографія печатныхъ трудовъ кн. Одоевскаго и статей о немъ напечатана въ брош. Д. Языкова (Д. Я.—Ш.): «Кн. Вл. Оед. Одоевскій. Его жизнь и дѣятельность». М. 1903. Неполна. Добавимъ: Соловскій—кн. В. О. Одоевскій и его сочиненія,—въ Черниг. Губ. Вѣд., 1884, №№ 11—17. Сумцовъ—вышеупом. статья въ «Извѣстіяхъ» Академіи. Кашкинъ—въ «Моск. Вѣд.» 1903, № 211. Финдейзенъ—въ «Русск. Муз. Газ.», 1903, № 16. «Русск. Вѣдом.», 1903, № 210.

вовъ черты вліянія новой европейской музыки, часто относятъ ихъ на счетъ неправильности записей или произвольнаго искаженія, отрицая существованіе ихъ въ дѣйствительномъ народномъ употребленіи у современныхъ малоруссовъ.

Что касается польскихъ народныхъ пѣсенъ, то, замѣчая преобладаніе въ нихъ характера мазурки и польскаго (въ $\frac{3}{4}$), Одоевскій указываетъ на то, что такой характеръ не принадлежитъ основѣ древне-славянской музыки. Въ великорусскомъ пѣніи, напримѣръ, по его наблюденію, почти никогда не встрѣчается $\frac{3}{4}$ -й ритмъ. „Вообще ритмъ великорусскихъ пѣсенъ свободный, измѣняющійся, особенно не подчиняющійся никакой квадратурѣ; а когда въ пѣснѣ ритмъ одинъ и тотъ же, то онъ всегда четный. Признаки древне-славянской музыки онъ находитъ и у другихъ славянъ, напримѣръ у лужицкихъ сербовъ. Отсюда онъ готовъ придти къ предположительному выводу, что польская музыка, характеризуемая мазуркою и польскимъ, есть музыка особаго племени, пришельцевъ, что она не имѣетъ ничего общаго съ народною славянскою музыкою и какъ бы насильно навязана народу. Можетъ быть, это пришлое племя вошло въ польскій народъ черезъ шляхту? Предположеніе, намъ кажется, до извѣстной степени вѣрное, такъ какъ дѣйствительно въ польской шляхтѣ есть не мало инороднаго элемента, хотя бы, напр., татарскаго, не говоря ужъ о нѣмецкомъ вліяніи. Одоевскій высказывалъ надежду, что со временемъ ученые выяснятъ этотъ вопросъ изъ другихъ областей науки, и мы можемъ теперь подтвердить, что антропологами, дѣйствительно, установлена въ настоящее время разница физическаго типа польской шляхты и польскихъ крестьянъ; но что касается пѣсни и этого $\frac{3}{4}$ -го размѣра, то дѣло, кажется, объясняется проще вліяніемъ на Польшу нѣмцевъ, какъ непосредственно, такъ еще болѣе черезъ посредство чеховъ, по близкому родству ихъ языковъ и религій.

Во всякомъ случаѣ и на этомъ частномъ примѣрѣ мы еще разъ наглядно видимъ, насколько этотъ человекъ былъ разностороненъ въ своихъ интересахъ, насколько онъ былъ способенъ во всемъ улавливать типичное и доискиваться сути.

Въ частности, что касается музыки, то замѣчательно еще и то, что отъ музыкантовъ онъ требовалъ не однихъ только музыкальныхъ познаній, но и научной подготовки, указывая на то, что законы музыки зиждутся на твердыхъ основахъ точныхъ наукъ — математики, физики, физиологій и акустики. Возражая, напр., Сѣрову на его статью въ „Nord“ (juillet, 6-7), Одоевскій съ изумленіемъ восклицаетъ: „Но что я вижу? Мой строгій критикъ обрѣтается въ блаженномъ незнаніи первыхъ основаній физики“... (Р. Арх. 1874, 11 стр. 321).

Мы вполне присоединяемся къ той краткой, но яркой характеристикѣ Одоевскаго, которая недавно, какъ бы мимоходомъ, была набросана С. А. Рачинскимъ.¹⁾ Одоевскій, по его словамъ, помимо прекрасныхъ душевныхъ качествъ, обладалъ громадною эрудиціей. „Юриспруденція и контрапунктъ, астрономія и гигиена, педагогика и гастрономія постоянно и совместно изучались имъ по источникамъ рѣдкимъ и малодоступнымъ, и тщательно подбираемые имъ любопытные факты приводили его къ неожиданнымъ сближеніямъ и обобщеніямъ, иногда причудливымъ, часто проблематическимъ, но всегда возбуждающимъ мысль и ставящимъ задачи пылливому уму“.

Усвоивъ себѣ мысль своего любимаго философа Шеллинга, что наука есть стройный организмъ, живущій въ душѣ человека, и что отдѣльныя знанія, какъ исторія, химія, философія—лишь составныя части этого организма, — Одоевскій съ

¹⁾ Въ его «Татевскомъ Сборникѣ».

одинаковымъ уваженіемъ относился ко всѣмъ наукамъ и многимъ изъ нихъ посвящалъ свои силы по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Но въ этомъ отношеніи самую лучшую характеристику даетъ себѣ самъ Одоевскій въ одной замѣткѣ, находящейся въ его бумагахъ и относящейся къ 1855—56 гг. — „На меня нападаютъ,—пишетъ онъ,—за мой энциклопедизмъ. смѣются даже надъ нимъ. Но не приходилось еще ни разу сожалѣть о какомъ-либо прибрѣтенномъ познаніи. Мнѣ совѣтуютъ удариться въ какую-либо спеціальность; но это противно моей природѣ; каждый разъ, когда я принимался за какую-нибудь спеціальность, предо мною возставали цѣлыя горы разныхъ вопросовъ, которымъ отвѣтъ я могъ найти лишь въ другой спеціальности. Это движеніе по разнымъ путямъ, невозможное для тѣла, весьма возможно для духа. Нѣтъ! никогда не жалѣлъ я о томъ. Свѣдѣнія изъ разныхъ частей группируются для меня въ разные образы, имѣющіе свою жизнь и свое движеніе, точно также какъ простыя тѣла группируются въ сложныя, имѣющія свой особый характеръ, свои особыя свойства. Сколько разъ понятныя мнѣ явленія природы служили мнѣ нитью для разрѣшенія метафизическихъ, административныхъ и житейскихъ задачъ. Конечно, такое разнообразіе направленій осложняетъ жизнь, но доставляетъ и много не всѣмъ доступныхъ наслажденій. Мнѣ весело, что я могу говорить съ химикомъ, съ физикомъ, съ музыкантомъ, даже немножко съ математикомъ, съ юристомъ, съ врачомъ на ихъ языкахъ; мнѣ забавно, когда на медицинскихъ экзаменахъ старые врачи съ удивленіемъ говорятъ: „mais ce n'est pas des questions de laïque que vous adressez aux élèves“. И здѣсь не одна потѣха для самолюбія; мнѣ такъ-же весело умѣть говорить на этихъ языкахъ, какъ человѣку, знающему иностранныя языки, путешествовать; онъ вездѣ дома, вездѣ можетъ удовлетворить своей любознательности, вездѣ легко ему понять то, что для другихъ навѣки остается темнымъ, какъ мнѣ, когда я смотрю съ отчаяніемъ на китайскую книгу. Фурье очень удачно раздѣлилъ людей на solitones и omnitones; это—родъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особенность, не переходящую въ другой родъ; солитонисты необходимы въ мірѣ, но они лишь готовятъ кормъ для омнитонистовъ, какъ рабочая пчела для матки, которая одна оплодотворяетъ. Les hommes d'action doivent être omnitones!“¹⁾

Да, онъ былъ убѣжденный врагъ односторонности вообще, а особенно односторонности практическихъ усилій въ ущербъ идеалу. Въ его „Ночахъ“ мы находимъ слѣдующее глубокомысленное предостереженіе: „Сохрани насъ Богъ сосредоточить всѣ умственные, нравственные и физическія силы въ одно матеріальное направленіе, какъ бы полезно оно ни было: будутъ ли то желѣзныя дороги, бумажныя прядильни, сукновальни, или ситцевыя фабрики. Односторонность есть ядъ нынѣшнихъ обществъ и тайная причина всѣхъ жалобъ, смуть и недоумѣній: когда одна вѣтвь живетъ на счетъ цѣлаго дерева—дерево изсыхаетъ“. (Соч. т. I-й, страница 58-я).

Это уже не простое размышленіе философа-идеалиста, это какое-то пророческое предвидѣніе того, что совершается теперь, на нашихъ глазахъ, и въ нашемъ экономическомъ и социальномъ строѣ, нарушая ту гармонию общественныхъ силъ, которую Одоевскій и какъ музыкантъ не могъ не ставить выше всякой, хотя бы самой смѣлой и оригинальной дисгармоніи.

Н. Янчукъ.

¹⁾ См. опис. бумагъ Одоевскаго, перепл. 41. (Бычк., стр. 28—29).

Комментаріи кн. В. В. Одоевскаго къ сборнику Прача.

В. В. Пасхалова.

Комментаріи кн. В. Ѳ. Одоевскаго къ сборнику Прача. ¹⁾

Въ началѣ 1903—4 академическаго года предсѣдатель Музыкально-Этнографической Комиссіи, Н. А. Янчукъ, случайно нашель въ библиотекѣ Румянцовскаго Музея экземпляръ сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ Прача, изданія 1815 года съ рукописными замѣтками князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго. Сборникъ состоитъ изъ двухъ книгъ въ красномъ коленкоровомъ переплетѣ. Между страницами, послѣ каждаго пѣсеннаго нумера, вклеены листы нотной бумаги, на которыхъ мы и находимъ вышеупомянутыя замѣтки князя.

Годъ выхода сборника въ свѣтъ, какъ мы уже сказали,—1815-й. Это изданіе, третье по счету (1-е вышло въ 1790, а второе — въ 1806), было уже во времена Одоевскаго библиографической рѣдкостью, такъ что находка, сдѣланная въ Румянцовскомъ музеѣ, цѣнна и сама по себѣ. Для Комиссіи же особенный интересъ представляютъ комментаріи В. Ѳ. Одоевскаго.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что въ этихъ замѣткахъ князя ярко отразились взгляды его на русскую пѣсню, изложенные въ его извѣстныхъ статьяхъ на эту тему („Объ исконной русской музыкѣ“; „Русская и такъ называемая общая музыка“ и др.). Въ чемъ же заключаются эти взгляды?

По мнѣнію Одоевскаго, высказанному въ статьѣ: „Русская и такъ называемая общая музыка“, въ нашихъ русскихъ напѣвахъ должно отмѣчать двѣ эпохи: одна—древняя; къ ней принадлежатъ пѣсни старинныя, всѣ сочиненныя (сколько показали до нынѣ изслѣдованія) въ чисто діатонической гаммѣ. Старинныя напѣвы именно этой эпохи должны быть принимаемы за первообразъ нашей народной музыки.

Послѣ первой эпохи нашихъ народныхъ пѣснопѣній наступила вторая, когда мы ближе столкнулись съ остальною Европою. Такое столкновение, продолжаетъ Одоевскій, не могло остаться безъ вліянія на наше народное пѣніе, тѣмъ болѣе, что первое записываніе и гармонизація нашихъ народныхъ пѣсенъ были сдѣланы людьми, которыхъ знаніе естественно ограничивалось лишь западною музыкальною теоріею. Таковы были: Трутовскій, Прачъ, Кашинъ, Шпревичъ (записавшій напѣвы, помѣщенные въ „Древне-россійскихъ стихотворенійхъ“ Кирши Данилова, изданныхъ Калайдовичемъ). Они явно старались приравливать наши народныя мелодіи къ западной формѣ; для сего вводили симметрическій ритмъ, подводили

¹⁾ Доложено въ засѣданіи Муз.-Этногр. Комиссіи 13 марта 1904 г.

нашу мелодію подь какой-нибудь опредѣленный ладъ (Tonart), и когда наша мелодія не гнулась, то наказывали ее, подправляли, урѣзывали, приставляли къ ней небывалые діезы и бемоли и такимъ путемъ, уничтожая самобытность нашихъ пѣсенъ, придавали имъ искусственную пошлость. Подобные сборники получили право гражданства, и наши бабушки плакали надъ сборниками русскихъ пѣсенъ Прача и Кашина, какъ тому лѣтъ десятокъ ¹⁾ наши барышни плакали надъ Варламовымъ. Осмѣявъ затѣмъ романсы съ мнимо русскимъ колоритомъ: „Стонеть сизый голубочекъ“ и „Чѣмъ тебя я огорчила“, Одоевскій обращаетъ вниманіе музыкантовъ на необходимость записывать народные напѣвы, не мудрствуя лукаво, безъ всякихъ измѣненій и поправокъ, а при гармонизаціи этихъ напѣвовъ забыть на время всѣ западныя теоріи, стараясь постоянно имѣть въ виду близость оборотовъ народной мелодіи къ церковнымъ гласамъ или погласицамъ. ²⁾ Такъ, напримѣръ, часто встрѣчающаяся въ народныхъ пѣсняхъ фраза: Ми—Соль—Ла, принадлежитъ ко второму гласу, и прибавка діеза къ нотѣ Соль, какъ это практикуется многими при записываніи пѣсенъ, является грубой ошибкой. „Отъ этой ничтожной, повидимому, прибавки“, говоритъ князь, „отъ одного діеза, происходитъ разница огромная, почти такая, какъ если въ словесной рѣчи прибавить или убавить частицу не“. Въ программѣ собиранія и художественнаго переложенія русскихъ народныхъ пѣсенъ, излагаемой Одоевскимъ, характерны его наставленія: 1) отмѣчать варьянты пѣсенъ, не дѣлая никакихъ, такъ называемыхъ, исправленій; 2) избѣгать при гармонизаціи скачковъ на сексту, а кольми паче—септиму и даже малой секунды на тонику, т. е. именно того, что въ западныхъ теоріяхъ называется правильной или совершенной каденціей; 3) широко пользоваться діатонизмомъ, помня, что въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ ни минора, ни мажора; хроматизмъ же допускать въ видѣ исключенія въ сопровождающихъ партіяхъ; 4) помнить, что ритмъ великорусскихъ пѣсенъ свободный, измѣняющійся, особенно не подчиняющійся никакой квадратурѣ, а когда въ пѣснѣ ритмъ одинъ и тотъ же, то онъ всегда чѣтный.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ проведены изложенныя мысли Одоевского въ его комментаріяхъ къ сборнику Прача. ³⁾

1. Прежде всего князь объявляетъ войну искусственной минорной гаммѣ, уничтожая во многихъ пѣсняхъ вводный тонъ. Приведемъ для примѣра пѣсню: „Ужъ какъ по мосту, мосточку“ (Т. I. стр. 31). Отмѣчая крестикомъ ноту *fis* въ четвертомъ тактѣ, Одоевскій пишетъ на поляхъ: „Экій вздоръ! Здѣсь явный бекаръ“. (См. въ отдѣльномъ приложеніи нотную выписку № 1).

2. Музыкальная обработка, сдѣланная Прачемъ, не можетъ, конечно, удовлетворить Одоевского. Во многихъ мѣстахъ онъ подвергаетъ ее словесной критикѣ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ замѣняетъ ее своей. Гармонизація Прача звучитъ, разумѣется, пошло, вслѣдствіе именно тѣхъ „небывалыхъ“ хроматизмовъ и каденцій по западнымъ образцамъ, которыми онъ „наказываетъ русскую пѣсню“. Примѣръ—пѣсня: „Натальяшка, Марьюшка“, въ гармонизаціи Прача (№ 2).

Пятый и шестой такты (отъ начала) этой пѣсни вызываютъ у Владиміра Федоровича слѣдующее замѣчаніе: „Мелодія вѣрна, аккомпаниментъ—нѣтъ; съ какой стита миноръ?“

¹⁾ т. е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

²⁾ Письмо В. О. Одоевского къ П. Безсонову «Объ исконной русской музыкѣ». См. «Калѣки переходже», 1863, выпускъ V, стр. XXV и IX.

³⁾ Нотные примѣры прилагаются на отдѣльномъ листѣ.

3. Извѣстная пѣсня: „А мы просо сѣяли“, по мнѣнію Одоевскаго, изуродована Прачемъ. (№ 3).

4. Очень любопытно сравнить пѣсню: „Какъ доселева у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ“ въ гармонизаціи Прача и Одоевскаго (№ 4 и 5).

Натуральная гамма, свободный ритмъ, церковные обороты (Фита), все это находится на лицо въ гармонизаціи Одоевскаго, благодаря чему пѣсня, не смотря на 2-хъ голосное сложеніе, звучитъ чрезвычайно стильно.

5. Пѣсня: „Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить“, раздѣлена княземъ на такты (№ 6) и снабжена такимъ детальнымъ комментариемъ: „Это—пѣсня новая; уже замѣтно итальянское вліяніе, а именно: въ 3, 4, 5 и 6-мъ тактахъ; въ 9-мъ—sol $\frac{4}{4}$ есть возвращеніе къ русскому характеру; sol $\frac{\sharp}{4}$ во 2-мъ и въ 6-мъ тактахъ находятся въ противорѣчьи съ sol $\frac{4}{4}$ въ 9 и 11-мъ тактахъ. Правильно, и по всей вѣроятности такъ первоначально и было,“ какъ показано подъ № 7.

6. Обработка святочной пѣсни: „Ахъ, какъ слава тебѣ, Боже, на небѣ“, сдѣланная Прачемъ, также не нравится Одоевскому (№ 8). Князь предлагаетъ свою гармонизацію. Диатонизмъ и отсутствіе модуляціи дѣлаетъ то, что пѣсня принимаетъ чисто-русскій, слегка церковный колоритъ (№ 9).

7. Мелодія пѣсни: „Ахъ таланъ ли мой, таланъ“ (№ 10) встрѣчается у Бетговена въ квартетѣ, посвященномъ Разумовскому; мелодія пѣсни: „Соловей мой, соловеюшка“ послужила матеріаломъ для извѣстнаго романа Алябьева: „Соловей“. Эти комментаріи Одоевскаго мы встрѣчаемъ на страницѣ 2-й и 30-й сборника Прача.

8. Интересно замѣчаніе князя къ пѣснѣ. „Стояло тутъ Косово деревцо“ (№ 12). „Мелодія старинная. Прачъ записывалъ съ голоса человѣка, который перепуталъ всѣ ударенія. Нѣсколько мрачный характеръ намекаетъ на употребленіе этого напѣва въ языческихъ обрядахъ“.

Музыкально-этнографическія замѣчанія князя Одоевскаго, какъ видно, ярко отражаютъ его теоретическіе взгляды на мелодическій строй русской народной пѣсни и на ея гармонизацію. Вездѣ, на первомъ планѣ, оказываются попытки уничтожить ту итальянскую искусственность, которая, оказавъ сильное вліяніе на слухъ интеллигентныхъ людей, повела къ искаженію народныхъ мелодій со стороны записывателя и къ полному игнорированію натуральной гармонизаціи со стороны лицъ, писавшихъ къ пѣснямъ музыкальное сопровожденіе. Князь, какъ видимъ, детально разсматриваетъ даже отдѣльные такты сборника Прача, и то, что ему кажется несоотвѣтствующимъ истинѣ, исправляетъ согласно своимъ убѣжденіямъ. Нельзя не замѣтить, что современные взгляды на музыкальную сторону русской пѣсни не отличаются, или почти не отличаются отъ взглядовъ Одоевскаго, и, однако, мы не встрѣчаемъ ни одной критической работы въ духѣ только-что разсмотрѣнной нами работы Одоевскаго, за исключеніемъ небольшой статьи А. Л. Маслова по поводу новаго изданія сборника Кирши Данилова ¹⁾. Не послужитъ ли знакомство съ замѣтками князя Одоевскаго нѣкоторымъ толчкомъ для подобнаго же рода музыкально-этнографическихъ занятій? Сборники народныхъ пѣсенъ съ аккомпаниментомъ и безъ него появляются на свѣтъ въ большомъ количествѣ, но детальной критики съ указаніемъ основныхъ законовъ русской народной мелодіи мы пока не встрѣчаемъ, и чѣмъ скорѣе встрѣтимъ, тѣмъ, конечно, лучше.

¹⁾ См. «Русск. Музык. Газета». 1902 г., № 43.

Такъ или иначе, велика заслуга человѣка, еще полъ-столѣтія тому назадъ такъ серьезно отнесшагося къ вопросамъ музыкальной этнографіи, и только остается пожалѣть, что начинанія этого человѣка, этого чуднаго старичка, не развиты русскими учеными позднѣйшей эпохи въ нѣчто болѣе солидное и систематическое.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ историческихъ комментаріяхъ князя Одоевскаго. Время появленія пѣсенъ: „Какъ пошли наши подружки въ лѣсъ по ягоды гулять“, „Ахъ, вы сѣни, мои сѣни“, „За горами, за долами“, „Зайнька“ — Одоевскій относитъ къ эпохѣ Екатерины II-й. „Пѣсня: По улицѣ мостовой, — я помню“, пишетъ князь, „появилась около 1811 года“.

Весной 1904 г., уже по прочтеніи настоящаго доклада, вышло въ свѣтъ изданіе Академіи Наукъ: „Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевою. Вып. I.“ Г-жа Линева предпослала своему Сборнику обширное введеніе, посвященное обзору голосоведенія, ритма и ладовъ записанныхъ ею пѣсенъ.

В. Пасхаловъ.

Приложение къ статъѣ В. ПАСХАЛОВА.

№ 1. Т. I, стр. 30.
Ужь какъ по мос - ту мос - точ - ку, по ка - ли - но - ву мос - точ - ку

№ 2.
На - тель - юш - ка Марь - юш - ка, не - зна - ма - я дѣ - луш - ка;
и я сва - ту го - во - ри - ла, о - по - сл - я - е - го лю - би - ла.

№ 3. Т. I, стр. 31.

№ 3.
А мы про - су оъ - я - ли, оъ - я - ли.

№ 3. Т. I, стр. 55.
Ой дядь и да - до, оъ - я - ли, оъ - я - ли.

№ 4.
Какъ до - се - ле - ва у насъ брат - цы че - ре - зъ тем - - - -

В. П.

... ной лѣсъ не про-ле-ты-валъ у

насъ братцы младъ да я-сенъ соколъ.

Т. II, стр. 2.

№ 5.

Какъ до се-ле-ва у насъ братцы черезъ тем-ной лѣсъ

Фига

не про-ле-ты-валъ у насъ братцы младъ да я-сенъ соколъ

Т. II, стр. 2.

№ 6.

Я не-зна-ла ни о-чемъ въ свѣ-тъ ту-жить

1. 2. 3. 4. 5. 6.

при-шло вре-мя на-ча-ло серд-це груо-тить

7. 8. 9. 10. 11. 12.

Т. II, стр. 3.

№ 7. 1. 2. Б. 6. Т. II, стр. 3.

Я не зна-ла *а равно и дальше* въ свѣ-тѣ ту-жить.

№ 8.

Ахъ, какъ сла-ва Те-бѣ Бо-же на не-бе-си, сла-ва.

№ 9.

Ахъ, какъ сла-ва Те-бѣ Бо-же на не-бе-си, сла-ва.

Т. II, стр. 64.

№ 10.

Ахъ, та-ланъ ли мой та-ланъ та-

-ковъ и ли участь мо-я горь-ка-я.

Т. II, стр. 5.

№ 11.

Со-ловей мой со-ло-вей-шка, со-ло-вей-шка мой ба-тюшка

Т. II, стр. 30.

№ 12.

Сто-я-ло тутъ ко-со-во де-ре-во въ-въ-въ-въ де-ло

Т. II, стр. 58.

По поводу гармонизаціи одной русской пѣсни.

(Примѣчанія къ запискамъ кн. Вл. Ө. Одоевскаго о русской музыкѣ).

ПОСМЕРТНАЯ СТАТЬЯ

Юрія Арнольда.

По поводу гармонизации одной русской пѣсни ¹⁾.

Предлагая мелодію народной пѣсни: „А мы просу сѣяли“ (см. прил. № 1), князь Одоевскій спрашиваетъ: „какъ же гармонизовать эту мелодію въ первоначальномъ ея видѣ?“ ¹⁾.

Рѣшеніе же свое этого вопроса онъ приводитъ далѣе въ слѣдующей (ниже прилагаемой) формѣ (№ 2).

Не смотря на оригинальность этой гармонизаціи, мнѣ кажется однакоже, что она не выказываетъ истиннаго прототипа русской народной музыки. А потому позволю себѣ представить слѣдующее небольшое разсужденіе о гаммѣ 2-го гласа церковнаго (или древняго) пѣнія вообще и о гармонизаціи этой пѣсни въ особенности.

§ 1. Въ публичномъ чтеніи моемъ (4-го января сего 1873 года, въ залѣ Московской Духовной Семинаріи) я изложилъ свою систему построения древнихъ церковныхъ гласовыхъ гаммъ. Между прочими я доказалъ, что подъ словами: „тетрахордъ“ и „пентахордъ“ должно разумѣвать (sic) не произвольныя, а положительно и ясно опредѣленныя, постоянныя звукорядные мѣры. А именно: тетрахордъ представляетъ мѣру, составленную изъ частей, или ступеней: въ 1 тонъ и въ $\frac{1}{2}$ тона.

Прибавляя къ этой мѣрѣ еще ступень въ 1 тонъ, мы получаемъ мѣру пентахорда. Гласовыя же октахордные гаммы получаются изъ соединенія тетрахордовъ съ пентахордами.

Изъ 4-хъ автентическихъ гласовъ двое (sic) строятся по системѣ восходящаго порядка, а двое другихъ по системѣ нисходящаго порядка. Изъ двухъ гласовыхъ гаммъ одной и той же системы одна начинается тетрахордною мѣрою, а оканчивается пентахордною мѣрою; другая же наоборотъ.

Гамма 2-го гласа принадлежитъ къ октахордамъ, подчиняющимся строенію по системѣ нисходящаго порядка, и, начинаясь пентахордною мѣрою, оканчивается мѣрою тетрахордною.

Пентахордный строй нисходящаго порядка всегда начинается съ верхней доминанты лада, или тональности, а оканчивается тониною. Эта же тоника служитъ

¹⁾ Эта статейка (автографъ проф. Юр. Арнольда) случайно оказалась между рукописями Ю. Мельгунова, переданными отъ наслѣдниковъ его въ нашу Комиссію. Въ подлинникѣ она озаглавлена такъ: «Примѣчаніе къ запискамъ кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго о русской музыкѣ», но какія именно записки Одоевскаго здѣсь имѣются въ виду, намъ неизвѣстно. Въ своей статьѣ «Русская и такъ называемая общая музыка» (въ газетѣ Погодина «Русскій» 1867 г. № 11—12) Одоевскій вскользь упоминаетъ объ этой пѣснѣ, приводитъ ея мотивъ, но гармонизаціи не даетъ, а замѣчаетъ только, что «у Прача пѣсня совершенно изуродована».—Настоящая статья, по постановленію Комиссіи, печатается въ неизмѣненномъ видѣ, хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ она и не удовлетворяетъ требованіямъ современной критики. *Ред.*

началомъ тетрахорднаго строя. Такимъ образомъ, гамма 2-го гласа въ тональности *ля* представится намъ въ томъ видѣ, какъ это показано въ приложеніи подъ № 3.

§ 2. Трезвучія—(конечно только съ чистыми, т. е. акустически вѣрными квинтами)¹⁾, какія можно составлять изъ этихъ звуковъ, слѣдующія: трезвучіе тоники (напр. № 4), трезвучіе верхней доминанты (напр. № 5), трезвучіе нижней доминанты (напр. № 6), трезвучіе верхней медіанты²⁾ (напр. № 7), трезвучіе нижней медіанты (напр. № 8).

Слѣдовательно: трезвучія тоники и двухъ доминантъ тутъ минорнаго рода (т. е. имѣютъ терцію малую); напротивъ же того трезвучія обѣихъ медіантъ, мажорнаго рода (т. е. имѣютъ терцію большую).

Иногда же, когда въ мелодіи повторяется или продолжается квинта тоники (напр. № 9), или когда за квинтою верхней доминанты воспослѣдуетъ терція тоники (напр. № 10), тогда первое изъ двухъ трезвучій, т. е. трезвучіе на верхней доминантѣ, превращаетъ свою малую терцію въ большую (напр. № 11).

Мажорнаго же трезвучія на нижней секундѣ отъ тоники (напр. въ выше указанной гаммѣ трезвучія на соль см. № 12), собственно, не имѣется въ этой гаммѣ, потому что нота этой гаммы 2-го гласа, которая находится на 5-мъ мѣстѣ нотнаго стана отъ этой нижней секунды вверхъ (тонической), не представляетъ тутъ акустически вѣрной квинты этого звука, а только чистую верхнюю кварту тоники (см. № 13).

Разность между этими звуками есть наименьшій изъ музыкальныхъ интерваловъ и называется „комматомъ“³⁾ или, яснѣе выражаясь, „меньшею эггармонической мѣрою“. На фортепiano, конечно, нѣтъ этой разности, даже въ нотномъ писаніи обозначать ея нельзя; но не менѣе же того она дѣйствительно существуетъ, и слухъ нашъ въ состояніи ее различать. Въ особенности мы слышимъ эту разность, когда она является въ переходахъ изъ лада въ ладъ.

Таковой же переходъ представляется въ каждомъ гласѣ; а именно, во 2-мъ гласѣ переходъ этотъ введетъ въ ладъ верхней медіанты, напр. изъ данной тональности *ля-минора* въ тональность *до-мажора* (см. № 14). Тогда, для уразумѣнія собственно уже перехода, трезвучію *до-маж.* должно предшествовать трезвучіе его верхней доминанты, т. е. *соль-маж.* (см. № 15), въ которомъ нота *ре* представляетъ звукъ на комматъ выше звука *ре*, принадлежащаго къ тональности *ля-минора*.

§ 3. Въ мелодіяхъ 2-го гласа начальная нота можетъ принадлежать къ трезвучію—или тоники, или нижней доминанты. Окончательный же кадансъ (окончательная формула) обыкновенно заключается въ предшествіи трезвучія нижней доминанты кончающему трезвучію тоники (напр. № 16).

§ 4. Для голосоведенія (или вообще для мелодическаго движенія) бываютъ двѣ основныя формулы:

Формула I. Изъ 3-ціи перваго трезвучія въ 8-ву втораго;

” ” 8-вы ” ” ” 5-ту ”

” ” 5-ты ” ” ” 3-цію ”

Формула II. Изъ 3-ціи перваго трезвучія въ 5-ту втораго;

” ” 5-ты ” ” ” 8-ву ”

” ” 8-вы ” ” ” 3-цію ”

¹⁾ Потому что древняя музыка не вѣдала никакихъ другихъ аккордовъ.

²⁾ Медіантою (среднею) зовется звукъ, лежащій на 3-й ступени вверхъ или внизъ, между тоникою и доминантою, верхнею или нижнею.

³⁾ то *хόμμα*, *хόμματος*.

§ 5. Когда основной звукъ перваго трезвучія къ основному же звуку втораго трезвучія восходитъ или нисходитъ на чистую квинту или кварту, тогда каждый голосъ (сообразно съ имѣющимся уже звукомъ) можетъ произвольно слѣдовать любой изъ двухъ данныхъ формулъ (напр. № 17).

Равнымъ же образомъ основной звукъ получается сообразно съ тѣмъ значеніемъ, какое дается мелодическимъ звукамъ, на основаніи той либо другой изъ означенныхъ формулъ для голосоведенія (напр. № 18).

Когда же предшествующее трезвучіе, имѣющее большую терцію, относится къ послѣдующему трезвучію, какъ гармонія верхней доминанты къ гармоніи тоники, тогда большая терція перваго трезвучія, по формулѣ I, преимущественно должна перейти въ 8-ву втораго трезвучія (напр. № 19); въ такихъ случаяхъ эта большая терція верхней доминанты всегда оказывается и называется тональнымъ вводнымъ звукомъ.

Но если оба трезвучія явно составляютъ принадлежности иной тональности, или даже если второе трезвучіе не есть тоническое (хотя первое и было бы дѣйствительно трезвучіемъ самой тоники), тогда большая терція первой гармоніи не имѣетъ значенія тональнаго вводнаго звука, и, хотя можетъ, но не обязана восходить въ 8-ву второй гармоніи; напр.: а) въ тональности ля-минора (№ 20); б) въ тональности до-минора (№ 21).

Вкусъ же, конечно (какъ истекающій изъ чувства равновѣсія), вообще предпочитаетъ противодвиженіе голосовъ, а въ особенности крайнихъ, — и въ подобныхъ случаяхъ потребуетъ этого средства для возстановленія равновѣсія въ движеніяхъ голосовъ.

Но зато это самое средство возстановленія симметрическаго голосоведенія, т. е. противодвиженіе голосовъ, позволяетъ также употребленіе прыжковъ (въ видѣ исключеній, конечно) вверхъ или внизъ, изъ 5-ты въ 5-ту, или изъ 8-вы въ 8-ву (напр. № 22).

§ 6. Выше или ниже какъ на квинту основной звукъ не двигается; но движенія на меньшія разстоянія, чѣмъ на кварту, бываютъ. При подобныхъ движеніяхъ строго соблюдаются формулы голосоведенія сообразно съ направленіемъ движенія основнаго звука. А именно: когда онъ двигается на секунду, либо на терцію вверхъ, то соблюдается формула I; когда же на тѣ же разстоянія внизъ, то формула II (напр. № 23).

§ 7. Въ мелодическомъ ходѣ голосовъ могутъ иногда являться также и такіе звуки, которые, не принадлежа къ гармоніи, служатъ какъ бы мелодическою связью собственно гармоническихъ звуковъ. Эти звуки называются проходящими (напр. № 24).

§ 8. Въ древней музыкѣ, — слѣдовательно также и въ церковномъ, и въ народномъ пѣніи, — низайшему, т. е. бассовому голосу, другихъ звуковъ, окромѣ основныхъ, никогда не поручалось.

Разсматривая предлагаемую княземъ Одоевскимъ древнюю народную мелодію, мы находимъ:

Во 1-хъ, что она, состоя изъ звуковъ: ми-ре-до-ля, явно указываетъ на вращеніе въ пентахордѣ *ми—ля*. Соображая же окончаніе мелодіи на звукъ *ля* съ предыдущимъ звукомъ мелодіи *ре*, мы должны признать эту мелодію за подлежащую 2-му гласу, въ тональности *ля*.

Во 2-хъ. Вслѣдствіе предъидущаго, гармонизація этой мелодіи должна воспроизводиться на основаніи правилъ выше изложенныхъ. Начальный звукъ *ре*—поэтому, есть октава нижней доминанты; а окончательная формула *ре-ля*, содержитъ въ концѣ 8-ву тоники *ля*, съ предыдущею 8-вою же нижней доминанты *ре* этой тональности.

Во 3-хъ. Соображаясь съ выше изложенными основными (физическими) правилами голосоведенія, мы найдемъ, что мелодія эта состоитъ изъ звуковъ, образующихъ съ дѣйствительно слышимыми (или даже предполагаемыми только) основными звуками единственно подходящихъ подъ этотъ гласъ и подъ эту тональность трезвучій (см. выше § 2)—ниже указанные интервалы (№ 25).

Послѣ этого установленія основныхъ звуковъ гармонизаціи, не стоитъ никакого уже труда прибавить еще два среднихъ голоса къ имѣющимся уже двумъ — мелодическому и бассовому голосамъ.

Итакъ, получается весьма систематичнымъ расчетомъ такая гармонизація заданной пѣсни, какую мы даемъ въ приложеніи подъ № 26.

Насколько я дѣйствительно приблизился къ настоящему рѣшенію задачи, не мнѣ самому окончательно судить; хотя, конечно, я убѣжденъ въ томъ, что система моя вѣрна; иначе, вѣдь, я бы не выступилъ съ своею работою.

Ю. Арнольдъ.

Москва.
20 апрѣля 1873.

Приложение къ статьѣ Ю. Арнольда.

№ 1. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.

А мы про-су оѣ - - и - ли, оѣ - - я - ли.

№ 2.

Ступени: 1 тонъ. 1 тонъ. 1/2 тона. 1 тонъ. 1 тонъ. 1 тонъ. 1/2 тона.

№ 3.

П е н т а х о р д ъ. Т о н и к а. Т е т р а х о р д ъ.

Системы нисходящаго порядка.

№ 4. V. III. VIII. № 5. V. III. VIII. № 6. V. III. VIII.

№ 7. V. III. VIII. № 8. V. III. VIII. № 9. № 10. 5 3 тон.

№ 11.

№ 12. Секунда: тон.

№ 13. Звѣки различ. кварта. квинта. Нижняя секунда

№ 14. № 15. 16.

Ниж. тон. н.д.т. н.д.т. н.д.т.

№ 17.

К. А.

№ 18. По формулѣ I. по форм. II. по форм. I.

№ 19. 3-3. 3-3. 3-3.

№ 20. 3-3. 3-3. а также 3-5.

№ 21. 3-5. 3-3. а также 3-5.

№ 22. 5-5. 3-3. 3-3.

№ 23. 3-5. 3-3. 5-3. 3-5.

Основн. звуки: Ми Фа Ре Фа Ми Соля До Ли

По формулѣ I. По формулѣ II.

№ 24. 5-3 3-3

№ 25. пружонъ. переходъ. Возвращение въ ладъ. пружонъ. пружонъ.

По формулѣ: I II II II движ. II I таже II I II протнво-протнво-двж.

№ 26.

Приложение къ статьѣ Ю. АРНОЛЬДА.

№ 1. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.

№ 2.

Ступени: 1 тонъ. 1 тонъ. 1/2 тона. 1 тонъ. 1 тонъ. 1 тонъ. 1/2 тона.

№ 3. П е н т а х о р д ъ . Т о н и к а . Т е т р а х о р д ъ .

Системы нисходящаго порядка.

№ 4. V. III. VIII. № 5. V. III. VIII. № 6. V. III. VIII.

№ 7. V. III. VIII. № 8. V. III. VIII. № 9. V. III. VIII. № 10. V. III. VIII. тон.

№ 11.

№ 12. Секунда: тон.

№ 13. Звуки различ. кварта. квинта. Нижняя секунда.

№ 14.

№ 15.

№ 16. Ниж. тон. в.д.т. в.д.т. в.д.т. Дом.

№ 17. 8-5. 8-3. 8-5. 8-3.

Ю. А.

№ 18. По формулѣ I. не форм. II. по форм. I.

№ 19. 3-2. 3-2. 3-2.

№ 20. 3-2. 3-2. а также 3-2.

Модальн. отъ тоника.

№ 21. 3-2. 3-2. а также 3-2.

Тоника. Нижняя Доминанта.

№ 22. 5-4. 6-5. 6-4.

№ 23. 3-2. 3-2. 5-4. 3-2.

Основн. звуки: Ми Фа Со Ля Соль До Си

По формулѣ I. По формулѣ II.

№ 24. 5-4. 3-2.

№ 25. 3-2. 3-2. 5-4. 3-2. 5-4. 3-2. 5-4. 3-2.

прижонъ. переходъ. Возвращеніе въ ладъ. прижонъ.

Далон. ноты. 3-2.

По формулѣ: I II II движ. II I также II I II противогармонія. II II движ. I движ.

№ 26.

ПОЪЗДКА ВЪ ПЕРМСКУЮ ГУБЕРНІЮ

СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЮ ЦѢЛЮ

лѣтомъ 1901 года.

Н. С. Мезавровскаго.

Съ приложеніемъ 14 напѣвовъ.

Поѣздка въ Пермскую губернію.

Лѣтомъ 1901 года, по порученію Музыкально-Этнографической Комиссіи, я поѣхалъ Пермскую губернію съ цѣлью записи русскихъ народныхъ пѣсенъ въ этой мало изслѣдованной музыкантами-этнографами мѣстности. Мнѣ удалось побывать въ трехъ уѣздахъ: Пермскомъ, Кунгурскомъ и Осинскомъ; приходилось встрѣчаться съ пѣвцами и другихъ мѣстностей, напр., Оханскаго уѣзда.

Несмотря на громаднѣйшій интересъ, представляемый данной мѣстностью, результаты моей поѣздки оказались не такъ велики, какъ я того могъ ожидать. Мною записано всего около 55 номеровъ. Записи производились безъ помощи фонографа, при томъ со мною не было никакого товарища, который бы могъ, напримѣръ, записывать текстъ при самомъ пѣніи пѣсни, предоставляя мнѣ запись музыкальной части. Такое раздѣленіе труда при записываніи пѣсенъ необходимо, иначе приходится записывать текстъ отдѣльно отъ пѣнія, что не всегда даетъ желательные результаты и ведетъ къ излишнему утомленію пѣвцовъ и собирателя, такъ какъ иначе приходится заставлять пѣть по нѣскольку разъ одно и то-же.

Записанныя мною пѣсни—преимущественно хоровыя, но лишь немногія изъ нихъ записаны съ двухъ голосовъ (напр. „Лисица и Пѣтухъ“, „По лужкамъ“), остальные—большею частью съ одного голоса, а варианты-подголоски пѣлись потомъ тѣмъ-же пѣвцомъ, когда мною воспроизводился записанный напѣвъ. Изъ собранныхъ мною напѣвовъ я пока предлагаю вниманію читателей только 14-ть.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что во все время моей кратковременной поѣздки меня преслѣдовали неудачи. Приходилось по долгу ждать (и въ концѣ концовъ безплодно) тѣхъ лицъ, на помощь которыхъ на мѣстѣ я возлагалъ большія надежды, но которые оказались уѣхавшими. Лишенный руководства свѣдущихъ лицъ, я долженъ былъ искать пѣвцовъ по разспросамъ и довольствоваться случайными встрѣчами. Вслѣдствіе ограниченности средствъ, приходилось ѣздить на вожахъ, ждать оказіи. По деревнямъ народъ былъ занятъ въ полѣ, и только въ праздникъ можно было надѣяться на добычу. Но и тутъ, къ сожалѣнію, я наткнулся на нѣкоторыя весьма неблагопріятныя обстоятельства. Во-первыхъ, успѣху дѣла мѣшала его новизна въ глазахъ населенія; крестьяне во многихъ мѣстахъ встрѣчали меня съ недоверіемъ и неохотно исполняли мою просьбу, а если и пѣли, то только для того, чтобы дать послушать, а при попыткѣ записать отказывались повторять, относясь къ этому подозрительно. Во-вторыхъ, очень важной помѣхою служили препятствія со стороны администраціи. Случалось неоднократно слышать, что чины сельской администраціи, въ лицѣ земскихъ начальниковъ и старшинъ, преслѣ-

дуютъ пѣніе пѣсенъ, особенно хоромъ на улицахъ, и въ иныхъ мѣстахъ это запрещеніе настолько строго, что крестьяне и въ одиночку боятся пѣть даже у себя дома. Такъ, напр., въ с. Березковѣ, Кунгурск. у., мнѣ съ большимъ трудомъ удалось было упросить трехъ крестьянъ, запершись у себя въ избѣ, спѣть нѣсколько пѣсенъ, но когда дѣло дошло до записи, они отказались пѣть, напуганные земскимъ начальникомъ. Это тѣмъ досаднѣе, что пѣвцы были не дурные и пѣсни очень хорошия. Большія надежды я возлагалъ на нѣкоторыхъ лицъ въ г. Перми, но ко времени моего пріѣзда ихъ въ городѣ не оказалось, и я былъ лишенъ надежнаго руководства по части разысканія хорошихъ пѣсельниковъ. Только когда уже средства мои приходили къ концу, и надо было собираться въ обратный путь, мнѣ удалось встрѣтиться съ полезнымъ для меня лицомъ—учителемъ пѣнія А. Д. Городцовымъ, и благодаря его любезнымъ указаніямъ, я еще успѣлъ значительно пополнить свое собраніе пѣсенъ.

Всѣ собранныя мною пѣсни записаны частью въ самой Перми, частью въ уѣздахъ Пермскомъ, Кунгурскомъ и Осинскомъ. Наибольшее число и при томъ лучшихъ пѣсенъ записано мною въ с. Веслянкѣ, Осинск. у., за крестьянами Григ. Алекс. Ермаковымъ и Фед. Андр. Ушаковымъ, а также въ Перми за кр. Степ. Григ. Балахоновымъ, проводшимъ почти половину своей жизни на Очожскихъ заводахъ (въ Оханскомъ у.) и знающимъ оттуда массу пѣсенъ. С. Г. Балахоновъ оказался страстнымъ любителемъ народныхъ пѣсенъ и великодушно отдалъ себя въ мое распоряженіе, бросивъ на время всѣ собственныя дѣла. Кромѣ того, часть пѣсенъ записана мною дорогой за возницами, во время переѣздовъ на пароходѣ—за пѣвшими на берегу крестьянками (мотивы безъ словъ за дальностью разстоянія).

Не смотря на сравнительную скудость добытаго мною матеріала, тѣмъ не менѣе и на основаніи его можно вывести заключеніе, что въ Пермской губерніи жива еще старая русская народная пѣсня, и есть богатый матеріалъ для собирателя, хотя и здѣсь старинное пѣніе начинаетъ уже вытѣсняться пѣснями новѣйшей фабричной формации и „жестокими романсами“.

Я былъ въ мѣстахъ менѣе отдаленныхъ и замкнутыхъ, а въ болѣе глухихъ уголкахъ можно съ увѣренностью найти болѣе интересный матеріалъ. Особенно интересно было бы, по моему мнѣнію, покопаться въ раскольничьихъ углахъ и познакомиться съ ихъ пѣніемъ. Одинъ напѣвъ записанъ мною за вятскимъ раскольникомъ, но онъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, и я не рѣшаюсь его пока печатать.

Относительно ритма печатаемыхъ здѣсь моихъ записей я долженъ замѣтить, что мною на всякій случай обозначенъ размѣръ, но только условно, и я самъ не всегда удовлетворяюсь отмѣченнымъ раздѣленіемъ на такты. Всего болѣе я лично склоняюсь къ тому, что раздѣленіе на такты не нужно, такъ какъ оно не можетъ гарантировать отсутствіе личнаго произвола и представляетъ собою сплошь и рядомъ въ народныхъ пѣсняхъ большой спорный и часто неразрѣшимый вопросъ.

ПѢСНИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

№. 1-й.

Распроклятенъкая ли косушечка,	Красоты то въ лицѣ да нисколько,
И развеселый полштофъ,	Охъ да былъ бы ѿ умъ-отъ предорогой,
Распатреть-то, патреть, моя картинка,	Дагъ напоследъ-то любви скрылся,
Гдѣ моя любушка живѣтъ.	Самъ-то садилса на, ой, на коня,
Я-то любилъ-то три года тайно	Самъ-то садилса на гвѣдова,
Охъ дя я ли за ѿ умъ-отъ, за красоту.	Охъ, да въ Казань-Москву и отгьяжжалъ.

(С. Веслянка, Осинскаго уѣзда, отъ кр. Григ. Алексѣев. Ермакова),

№. 2-й.

Во прекрасненькомъ то было Ярославлѣ,	Ты вездѣ можешь слятать.
Зеленъ садичекъ, садокъ стоялъ.	Полети-ко, младъ соловушекъ,
Ничего-то въ саду не вижу,	Въ дальній городъ, во Казань,
Кромѣ пташечки соловья.	Ты смотри-ко, младъ соловушекъ,
— Соловеюшка, вольная пташка,	Гдѣ палаточки стоятъ...

(Тамъ-же, отъ того-же).

№. 3-й.

(Д в а н а п ѣ в а).

Не кукуй, кукушечка,	Нѣтъ дружка милова,
Во сыромъ бору,	Нѣтъ возлюбленнова.
Я же сиротаю	Горы и доли —
На чужой сторонѣ.	То вѣдь горе мое;
Плакать я не смѣю,	Лѣсъ и трава —
Мнѣ рыдать не велятъ,	Вся кручина моя;
Только велятъ	Быстрыя рѣчки—
Полегоньку вздыхать.	То вѣдь слезы мои.
Сяду я на лавочку,	Тѣмныя ночи
Запечалю себя;	Я просиживала,
Погляжу въ окошечко,	Сальныя свѣчи
Примѣчаю людей.	Я изжигивала,
Много есть людей хорошихъ,	А свово милова
Только милова нѣтъ;	Дождать не могла.

(Отъ кр. Степ. Григ. Балахонова, съ Очожскихъ завод., Оханскаго уѣзда).

№. 4-й.

Полно, солнышко, изъ-за лѣсу свѣтитъ,	Настоящій милой мой,
Полно, милая, съ-по миленькимъ тужить.	Моему сердцу пріятель дорогой...
Охъ, да чернобровой, да черноглазой,	

(Записана въ с. Веслянкѣ, Осинск. у., отъ кр. Федора Андр. Ушакова).

№. 5-й

Вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтерочикъ, вѣтеръ,
Тонинькой мой голосокъ, охъ, голосочикъ.¹⁾
На севодняшній деночекъ,
На топеряшній часокъ
Навалилась злая скука,
Обуяла грусть-тоска.

Кто повѣритъ моей сукѣ,
Кто потужитъ обо мнѣ?
Осталась я горькая, несчастна,
На всю зиму жить одна,
На всю зиму, на все лѣто,
На весь кругленькій годокъ.

(Тамъ-же, отъ того-же).

№. 6-й.

(Свадебная частоговорка съ плясомъ).

Сѣю, вѣю, сѣю, вѣю,
Сѣю, вѣю бѣль леночекъ (2),
Бѣль леночекъ, бѣль леночекъ,
Бѣль леночекъ во тыночекъ (2).
Уродися, уродися,
Уродился лёнъ-отъ бѣлой (2),
Лёнъ-отъ бѣлой, лёнъ-отъ бѣлой,
Лёнъ-отъ бѣлой и перистой (2),
Лёнъ перистой, лёнъ перистой,
Лёнъ перистой, головистой (2),
Головистой, головистой,

Головистой, симинистой (сѣменистый) (2).
Съ кѣмъ я буду, съ кѣмъ я буду,
Съ кѣмъ я буду лёнъ-отъ рвати (2),
Лёнъ-отъ рвати, лёнъ-отъ рвати,
Лёнъ-отъ рвати, горевати (2).
Свекоръ баеть, свекоръ баеть,
Свекоръ баеть: я съ тобою (2),
Я съ тобою, я съ тобою,
Я съ тобою, со снохою (2).—
Чортъ—не рванѣе, гореванѣе!
Чортъ—не рванѣе, гореванѣе! (2)

Потомъ поется опять съ начала съ замѣной слова «свекоръ» и упоминаніемъ свекрови и еще разныхъ присутствующихъ лицъ. Наконецъ, опять съ начала до словъ: «съ кѣмъ я буду лёнъ—отъ рвати—горевати», а дальше слѣдующее:

Милый баеть, милый баеть,
Милый баеть: я съ тобою (2),
Я съ тобою, я съ тобою,

Я съ тобою, со милдою (2).—
Это будетъ, это будетъ,
Это будетъ рванѣе—не гореванѣе (2).
(Осинск. у.).

№. 7-й

(Свадебная).

Какъ у молодца да у хорошава,
Ой, въ три редá кудярцы завивались.
Что во первой-то рядъ по плечамъ лежатъ,
А во второй-отъ рядъ ровно макъ горять,
Ровно макъ горять, рѣзвитца хотять,

Рѣзвитца хотять, жѣнитца велятъ:
— Жѣнись, мѣлодецъ, жѣнись, удалой,
Бери умную, бери разумную,
Душу красную бери дѣвицу.

(Запис. отъ кр. С. Г. Балахонова, въ Перми).

¹⁾ При пѣніи и въ дальнѣйшихъ стихахъ, очевидно, есть повтореніе словъ, что однако не удалось прослѣдить при записываніи текста отдѣльно.

№. 8-й.

Не листочки шумятъ,
Про милова говорятъ.
У мѣво у милово
Завтра праздникъ будетъ нашъ;
Завтра праздникъ — воскресенье,
Съ нимъ гулящій будетъ день.
Намъ гулящій, веселящій,
Въ лѣсъ за калиной пойдемъ,
Въ лѣсъ за калиной, за малиной,
За черной смородиной.
Въ лѣсу ягодъ набрались,
Изъ лѣсочку прочь пошли;
Изъ лѣсочку, изъ садочку —

На большу дороженьку;
На большую, столбовую,
На сибирскій большой трахтъ;
На сибирскій большой трахтъ,
На почтовый новый домъ.
На почтовомъ новомъ домѣ
Пиръ-бесѣда весела.
Молодежи много насъ, —
Всѣ приказны писаря.
Они сѣли жъ кругъ стола
И записали въ три пера
Государевы дѣла.

(Тамъ-же, отъ того-же).

№. 9-й.

Кинарейчка моя любезная!
Утѣшай съ горя меня.
Тебѣ грусть-печаль извѣстна,
Что забылъ миленькой меня,
Забылъ миленькой меня.
Ой, растворю я птичкѣ клѣтку,
Я птичкѣ клѣтку,
Лети къ дружку прямо къ моему,
Лети къ дружку моему;
Ой, сядь-ко въ садичокъ на вѣтку,
Пропой пѣсенку ему.
Ты пропой-ко, пропой пѣсню,
Учась горькую мою.

Ужъ ты, учась моя, учась,
Учась горькая моя
До чего ты меня, учась,
До чего ты довела!
Довела ты меня, учась,
До позору, до стыда.
Слышно было въ Петербургѣ
Про рекрутскій про наборъ...
Одна Катенька томится,
Гулять хочется—нельзя:
У ей маменька злодѣйка,
Точно лютая змѣя.

(Тамъ-же, отъ того-же).

№. 10-й.

Черезъ рѣчущку жестяночка лежала,
Черезъ быструю тонка-гибка лежала.
Что никто по той жестяночки не ходитъ,
Никого за собою не водитъ.
Удалой молодецъ переходитъ,
Душу красную дѣвицу переводитъ.

Перевѣдши её, слово молвилъ:
— „Ты держись, держись, душа красна
дѣвица,
Что за мой кафтанъ за камчатный,
Что за пуговики золотыя,
Что за петельки шелковыя.

(Тамъ-же, отъ того-же).

№. 11-й.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнова,
Изъ садичку зелѣнова
Выкаталась туча грозная,
Что другая неспособная,
Со громами со громучими,
Съ молоньями со палючими.

На ту пору, на то времячко
Отъѣзжала дочь отъ матери;
Отъѣзжала, не простилася,
Среди лѣсу становилася,
Среди лѣсу, лѣсу тѣмнова,
Среди садику зелѣнова...

(Тамъ-же, отъ того-же).

№. 12-й.

По лужкамъ, лужкамъ, (2)
По зелѣнымъ лужкамъ, (2)
Туть ужъ шли-прошли кавалеры.

Кавалерчики молодые,
Не женатые-холостые...

(с. Степаново, Кунгурскаго у, отъ кр. Петра Григ. Ширинкина).

№. 13-й.

Лисица и Пѣтухъ.

(Сатирическая).

Лисица(ча) ходила три дни по лѣсу,
Ни пила, ни ѣла.
Захотѣлось лисиц(ч)ѣ пѣтуха уловити:
— „Ужъ ты, курій пѣтухъ!
У те много грѣховъ?“
— Держу я жонъ по тридцати и по пят-

надцати...

Лисица нѣчестно всучила ¹⁾ пѣтуха у
кохти.

Пѣтухъ взмолился лисичѣ жестоко.

— „Ужъ ты, мать моя, лисица!

Отпусти меня изъ кохтей,

А я тебѣ исторію расскажу:

Я въ соборѣ служу,

На правомъ крылосѣ стою,

Пою хорошо и громко.

Меня хочуть въ дьякона,

А тебя въ просвирни²⁾.—

Лисица обрадѣла ³⁾,

Пѣтуха изъ кохтей отпустила.

Пѣтухъ вспорхнулъ

И злятѣль на самую вѣточку.

— „А ты таперя, лисица,

Иди, лисица, въ лѣсъ,

Какъ лысой бѣсь.

А я таперя самъ портной,

Сошью шубу изъ семи овчинъ,

А восьмая порозиная ³⁾,

Двѣнадцать кошекъ на обложки,

Два быка—на бока,

Двѣ нѣтели ⁴⁾—на петли

А пятнадцать куриць (ць) на пугович(ц)и.

(Тамъ-же).

И. Тезавровскій.

¹⁾ Схватила.

²⁾ Обрадовалась

³⁾ Поросычья.

⁴⁾ Телушки.

13 Пѣсенъ Пермской губерніи.

Изъ записей И. С. ТЕЗАВРОВСКАГО.

№ 1. РАСПРОКЛЯТЕНЬНАЯ ЛИ КОСУШКА.

Протяжно.
ЗАПѢВЪ.

ХОРЪ.

Рас - про - кля - тень - ка - я - ли ко - суш - ка, охъ
раз - ве - се - лый по - ду - штофъ.

№ 2. ВО ПРЕКРАСЕНЬНОМЪ ТО БЫЛО ЯРОСЛАВЛЬ.

Протяжно.
ЗАПѢВЪ.

ХОРЪ.

Во-пре - крас - нень - комъ то бы - ло Я - ро - олав - лѣ зе - лень
оа - ди - чекъ, оа - докъ ото - ялъ! Охъ - ли ото - я - алъ, эхъ
да ни - че - го въ оа - до - чи - къ да не ви -
жу, кро - мѣ пта - шеч - ки со... эхъ, со - ловь - я.

№ 3. НЕ КУКУЙ КУКУШЕЧНА.

Протяжно.
ЗАПѢВЪ.

ВАРИАНТЪ.

Не ку - куй, ку - ку - шеч - ка Во сы - ромъ
Не ку - куй, ку ку - шеч - ка
бо - ру! Я же си - ро - та - ю на чу - жой ото - ро - нѣ.

Т

№ 3bis. НЕ КУНУЙ, КУКУШЕЧКА.

Дов. медленно.
запѣвъ 1^й.

Не ко-куй, ку-ку-шеч-ка, во сы-ромъ бо-ру.

ХОРЪ

запѣвъ 2^й.

Я же си-ро-та ю на чу-жей сто-ро-нѣ.

№ 4. ПОЛНО, СОЛНЫШКО.

Протяжно.
запѣвъ

Пол-но, сол-ныш-ко, изъ-за-лѣ-су ра-но свѣ-титъ, охъ да пол-но,

ХОРЪ

Ма-шенъ-ка, съ по-ми-лень-кимъ друж-кѣ ту-жить!

Варианты запѣва: а)

Пол-но сол-ныш-ко... Пол-но сол-ныш-ко...

№ 5. ВѢТЕРЬ ВѢТЕРОЧИКЪ.

Умѣренно.

А, вѣ-терь, вѣ-терь, вѣ-те-ро-чикъ, да

вѣ-терь, то-нинь-кой мой го-ло-сокъ, охъ, го-ло-со-о-чикъ!

№ 6. СЪЮ, ВЪЮ.

Живо.

Сѣ-ю, вѣ-ю, сѣ-ю, вѣ-ю, сѣ-ю, вѣ-ю,

бѣль ле-но-чекъ, сѣ-ю, вѣ-ю бѣль ле-но-чекъ.

№ 7. КАКЪ У МОЛОДЦА.

(Свадебная)

Умѣренно.

Какъ у мо - лод - ца да у хо - ро - ше - ва, ой,
въ три ре да ку - дяр - цы за - ви - ва - ли - ся.

№ 8. НЕ ЛИСТОЧКИ ШУМЯТЪ.

Дов оживленно.

Не ли - сто - чки шу - мятъ да не ли - сто -
- то - чки шу - мятъ да про ми - ло -
- ой да про - ми - ло про ми - ло - ва го - во - ритъ.

№ 9. КИНАРЕЕЧКА.

Оч. медленно.

Ки - на - ре - еч - ка мо - я лю -
- без - на у - тѣ - шай съ го - ра ме - ня.

№ 10. ЧЕРЕЗЪ РЪЧУШКУ.

Бойко.

Че - резъ рѣ - чуш - ку жео - тя - ноч - ка ле - жа -
кто по той жео - тя - ноч - къ не хо -
- ла, Че - резъ быт - ру - ю тон - ка, гиб - ка ле - жа - ла. Что ни
- дить, ни ко - во за со - бо - ю не во - дить.

Т

№11. ИЗЪ-ЗА ЛЪСУ.

Умѣренно.

Изъ-за лѣ-су, лѣ-су тѣм - - но-ва да изъ-за
са-ди-ку охъ, зе-лѣ - - - но-ва.

№12. ПО ЛУЖКАМЪ.

Дов оживленно.
запѣвъ.

По лу-камъ, луж-камъ, По луж-камъ, луж-камъ,
ХОРЪ.
По зе-ле-ны-мъ луж-камъ,
по зе-ле-ны-мъ луж-камъ.

№13. ЛИСИЦА И ПѢТУХЪ.

Ли-си-ца ходила три дни по лѣ-су, ни ни-ла, ни
ъ-ла. За-хотѣлось лисицѣ пѣтуха у-до-ви-ти.
„Ужъ ты ку-ришь пѣ-тухъ! У те мно-го грѣ-ховъ?“
„Держу я жонъ по тридцати и по пят-над-ца-ти“ - Ужъ какъ на-
до теби пѣтуха мо-по-вѣ-да-ти.“ Т

ПѢСНИ СЪ ПОВОЛЖЬЯ

(Саратовской, Симбирской и Самарской губ.),

записанныя лѣтомъ 1901 г.

А. Л. Масловымъ.

Съ приложеніемъ 35 напѣвовъ.

ПОВОЛЖСКІЯ ПѢСНИ.

1. Духовные стихи.

1.

1. Ужъ ты, матушка Владычица,
Пресвятая Богородица, 2
Какъ намъ, грѣшнымъ, умирать бу-
детъ!
Распрестрашна смерть у дверей
стоитъ,
5. Дожидается посланничковъ —
Съ небесъ ангеловъ Господнихъ,
По ту душу грѣшную.
Скосила смерть рѣзвы ноженьки,
Бѣлы рученьки пуцаются,
10. Съ плечъ головушка скатается,
Уста кровью загражаются,
Душа съ тѣломъ разлучается:
Ты прости, тѣло бѣлое, недостойное.
Не быть тебѣ тѣлу пѣтому,
15. Не служить тебѣ погребенія,
Отдать тебя псамъ на съѣденія.
А мнѣ душѣ грѣшныи
Итти въ три путя-дороженьки,
Непроходимыя, невозвратимыя:
20. Во перву дороженьку—на судъ пра-
ведной;
Вторую дороженьку — ко Господу
явится,
Къ престолу поклонится;
Въ третью дороженьку — итти въ
муку вѣчную,
Итти въ муку вѣчную, безконечную.
25. Тамъ огни горять негасимые,
Тамъ котлы кипятъ нетолимые.

(Запис. въ с. Старая Яблонка, Хвалыиск. у., Саратов. губ.).

2.

1. Проложенная дороженька,
Никто по ней не прохаживалъ.
Тутъ пли-прошли два ангела,
Провели-то онѣ душу грѣшную,
5. Душу грѣшную въ муку вѣшную.
Денной ангелъ проглаголалъ душѣ:
— „Да и что ты, душа, на бѣломъ
свѣтѣ жила,
Какъ въ тюрьмѣ сидѣла,
Много сыповала, много гуливала,
10. Ты бѣсовскихъ пѣсенъ много игра-
вала?
15. Да и что ты, душа, мимо раю прошла,
Да къ намъ въ рай не зашла,
Иль за спѣсью, душа, иль за гор-
достью,
Иль за тлѣнною за одѣжею?“
15. Проглаголала душа, душа грѣшная:
— „Сотвореной рай святымъ,
Да не намъ проклятымъ“,
— „А у насъ въ раю жить-то весело,
Жить-то весело, да и некому.
20. У насъ-то въ раю медяная рѣка,
Медяная рѣка, сахарные берега,

- У насъ-то въ раю купарисны дерева. 30. Тутъ душа грѣшная испугалася,
 На древахъ-то сидятъ пташки райскія,
 Поютъ онѣ стихи херувимскія,
 25. Стихи херувимскія, серафимскія“.
 Повели душу грѣшную въ мужу вѣшную. — Тутъ денной ангелъ проглаголалъ
 Тамъ огни горятъ нагасимые, душѣ:
 Тамъ котлы кипятъ нетолимые, — „Ты не бойся, душа, не бойся,
 Тамъ стоятъ чаши руды налитыя. Тебѣ вѣкъ здѣсь вѣковать, тебѣ
 царствовать“.

(Запис. тамъ-же).

3.

1. Соходила же Владычица со небес-
 ныхъ крутѣвъ,
 Становилась же Владычица у си-
 ротскихъ вѣротъ,
 Проречѣла же Владычица сиротамъ
 и вдовамъ,
 Благочестивымъ дѣвицамъ:
 5. „Вы послушайте меня, не ходите
 никуда,
 Не въ пиры, не въ бесѣды, не въ
 мірскія суеты.
10. Со архангелами къ вамъ на землю
 сошлю.
 Если вамъ того мало, золоты ризы
 сошью,
 Если вамъ этого мало, Я сама къ
 вамъ жить сойду,
 Буду вѣкъ съ вами вѣковать, буду
 царствовать“.

(Запис. тамъ-же).

II. Историческія и бытовыя пѣсни.

4.

1. Бѣжить рѣчка по пѣску ли, по пѣ-
 скули ли,
 Во матушку во Москву, 2
 Во матушку во Москву ли, во Мо-
 скву ли,
 (Э-да) Къ государеву дворцу. 2
 5. У государева дворца ли, у дворца ли
 Быстра рѣчка протѣкла. 2
 Тутъ и плавали-гуляли, тутъ гуляли
 (Э-да) Полтараста кораблѣвъ; 2
 Какъ на кажній на корабликъ, на
 корабликъ 20.
 10. (Э-да) По пяти сотъ малод-
 цовъ. 2
 Хорошо гребцы гребутъ ли, вотъ
 гребутъ ли,
- Да весяло пѣсни поютъ; 2
 Да весяло пѣсни поютъ ли, вотъ
 поютъ-ли,
 (Э-да) Разговоры говорятъ, 2
 15. Разговоры говорятъ ли, гаворятъ ли,
 (Э-да) Все Рачеева бранятъ: 2
 — „Ты, рассукинъ сынъ, Рачеевъ,
 ты Рачеевъ,
 (Э-да) Расканалья дворянинъ, 2
 Расканалья дворянинъ ли, дворя-
 нинъ ли,
 20. (Э-да) Всю Рассею раззорилъ; 2
 Всю Рассею раззорилъ ли, раззо-
 рилъ ли,
 (Э-да) Солдатъ гладомъ помо-
 рилъ. 2

(Запис. въ с. Ивановскомъ, Хвалынск. у., Саратов. губ.).

Б.

1. На пути село большое,
 Пѣтушокъ рано пропѣлъ;
Во ту пору, въ это время
 Колокольчикъ прозвенѣлъ.
5. Тутъ промчался воръ-бродяга,
 Бездомовой человѣкъ,
А на встрѣчу другъ-пріятель
 Слово ласково сказалъ:
— „Куда мчишься, воръ-бродяга,
10. Бездомовой человѣкъ?
Тебя братъ съ сестрой не встрѣтятъ
 И подружка молода:
Твоя маменька родима
 Во сырой землѣ лежитъ,
15. А подружка молодая
 Подъ вѣнцомъ съ судьбой
 стоитъ“.
- Дѣлать нечего бродягѣ —
 Знать, ворочиться назадъ.
Всю дороженьку проѣхалъ,
20. Ничего я не слыхалъ;
Я къ лѣсочку близъ подѣхалъ,
 Вздумалъ мальчикъ отдохнуть.
- Всю я ноченьку проплакалъ,
 На единъ часъ не уснулъ:
25. Красно солнышко всходило,
 Приспокоило меня.
Вдругъ постигъ несчастный случай—
 Подхватили молодца,
Ручки, ноженьки сковали,
30. Повезли прямо въ острогъ.
А острогъ-отъ—домъ обширный,
 Только дверочки узки
И заборы высоки.
 Какъ у каждыя у дверокъ
35. Строги сторожа стоятъ, 2
 Перкликають по-дному:
Ты отколѣ, воръ-бродяга,
 Изъ котораго села,
Изъ котораго селенья,
40. Чьего роду, чьего племя?
— Ужъ я рода свой не помню
 И племени позабылъ:
Я со матушки со Волги —
 Стеньки Разину сынокъ,
45. Я отъ шаючки отсталъ...
- (Запис. въ д. Новая слобода, Сенгилеевск. у. Симбирск. губ.)

В.

1. Идетъ городомъ дѣтинушка, не кла-
 нится не съ кѣмъ,
Не фицерамъ-гарнодерамъ, ни че-
 ломъ шельма не бьетъ.
Увидалъ же, усмотрилъ губерна-
 торъ изъ окна
Сквозь московскаго стекла.
5. Ищѣ сталъ же губернаторъ, сталъ
 выспрашивати:
Ищѣ што это такое... 1)
Посадили дѣтинушку въ бѣлу ка-
 менну тюрьму.
Въ терѣмушкѣ дѣтинушка похажи-
 ваетъ,
Изъ окошечка на улицу поглядываетъ,
10. Съ своѣмъ ворономъ конѣмъ разго-
 вариваетъ:
— Ищо што это по Воложкѣ за
 лоточка плыветъ?
Не мово ли тятяшеньку Господь
 несетъ?
Мой тятенька придѣтъ, всеѣ тюрьму
 разберѣтъ,
По камешку разберѣтъ и насъ съ
 собой возьмѣтъ.
15. Ежли хочетъ съ нами знатца, са-
 дись въ лоточку со мной;
А не хочетъ съ нами знатца, иди
 бережкомъ пѣшкомъ.
- (Запис. въ д. Новая Слобода, Сенгилеевск. у., Симбирск. губ.)

1) Пѣвшая здѣсь нѣсколько стиховъ выпустила.

7.

1. Широкохонько мать Волга, Волга
(разливалася 2),
Потопляла берега, (всѣ горы, долы 2).
Ничовохонько (въ лужкахъ не ставалося 2),
Только осталось (въ лужкахъ ракитовъ кустъ 2),
5. На кусту-то ли свито, (свито гнѣздышко 2),
На гнѣзди-то сидить (младъ соловушка 2),
Вонъ поётъ али поеть, (поётъ пѣсню новую 2),
Вонъ поеть пѣсню новую (горемычную 2).
Со двоихъ-ти братьевъ, со троихъ (во солдатухи братъ 2),
10. Съ пѣтерыхъ-то братьи (миновать нильзя 2).
Какъ отецъ али мать (всеё ноченьку не спясть 2),
- Всеё ноченьку не спясть (думу думаютъ 2):
Намъ котораго сына (во солдатухи отдать 2)?
Намъ большова-то сына—(все жена ум(а)на 2).
15. Намъ второва сына-то отдать—(дѣти малыя 2).
Намъ отдать али отдать (сына малаго 2).
Малый сынъ (догадался 2),
Въ рѣзвыхъ ноженькахъ (валялся 2),
Своимъ (братьямъ говорить 2):
20. „Возьмете - ка, братцы, (шелкову узду 2),
Пойдемте-ка, братцы, (во конюшнику 2),
Обратамте что нѣтъ (лучшыва коня 2),
Поѣдемте, братцы, (въ лѣсъ-дубровушку 2),
Да вырѣжете всѣ по жеребью.

(Запис. въ с. Ивановскомъ, Хвалынск. у., Саратов. губ.).

8.

1. Заростай, моя ли ты дорожка, моя дорожинька,
Э, да ты травою-муравой.
Не той травынькой-муравкой,
Тѣмъ лазоревымъ цвѣткомъ.
5. Пойду я, схожу во ту рощу, въ рошынью,
Э, дѣ я съ Любушкой своей гуляль,
Дѣ я Любушку, свою сударку, сударушку,
Эхъ, дѣ я сладко цѣловаль.
Подъ тѣмъ ли подъ деревьямъ, подъ деревцомъ,
10. Дѣ вольны пташки сидятъ;
Подъ тѣмъ деревьямъ купарисамъ,
Пташечки на нѣмъ сидятъ,
Пташечки сидятъ розвольныя.
Сидятъ пташечки-ропташи (жалобно поють 2),
15. А намъ съ тобой хорошенькой (разлуку (онѣ) даютъ 2),
Такую онѣ разлуку-разлучынку, чужу (дальну сторону 2).
Чужая то дальная сторонка, стороношка —
Чужая свѣкровь ма-раз-матушка
Безъ вѣтру (сушить-врушить 2).
20. Безъ порядку (наряжать 2),
Посылаетъ меня мо-раз-молоду
Въ глуху полночь по воду 2,
Разутó на-раздѣтою по морозцу (босичкомъ 2);
Прищипала рѣзвы ноженьки (у ключика стоючи 2),
25. Призносила бѣлы рученьки ведѣрушки дѣржучи.

(Запис. тамъ-же).

9.

1. Быстра рѣчушка разольетца,
Да желтымъ пескомъ не возмутит-
ца 2.
Да тутъ стояли лѣтні лагеря 2.
Въ этихъ лагеряхъ солдаткай полкъ 2.
5. При полкѣ солдатъ расплакался 2.
При самимъ-те при полковничкѣ: 2.
— „Ужъ ты, батюшка, полковни-
чикъ, 2.
- Ты пусти насъ изъ полку домой 2.
У насъ въ доми-ти несчастьяца, 2
10. Случилася безвремяньца: 2
Мой тятинька во сырой землѣ, 2
А мамынька впередѣ въ гробу, 2
А сестрица подѣ златымъ вѣн-
цомъ, 2
Жона моя загулялася,
15. Съ робятами заигралася“...

(Запис. тамъ-же).

10.

1. Какъ на камушкѣ на горючимъ,
На желтымъ-то пескѣ на сыпучимъ,
Тутъ стоитъ-то село, село новое,
Село новое—большо Павлово.
5. Среди-то села церковь явная,
Церковь явная, семиглавная.
На шести-то главахъ кресты мѣд-
ные,
На седьмой-то главѣ крестъ сереб-
ряной.
- На крестѣ-то сидитъ вольна пта-
шечка,
10. Вольна птешечка, младъ соловушекъ.
Высоко-то сидитъ, далеко гледитъ,
Черезъ три-то поля черезъ красныи,
Черезъ три поля на синѣ моря.
На синемъ-то морѣ всё синѣтся,
15. Въ зеленыхъ-то лугахъ зеленѣтся;
Поняла-то Волга всё горы и доли,
Всѣ горы и доли, лужка зелены.

(Запис. въ г. Сенгилеѣ, Симб. губ., отъ крестьянки изъ с. Оришьевки, Сызранск. у.).

11.

1. Соловей кукушку уговариваль:
— „Полетимъ, кукушка, во сырой
боръ жить, 2.
Мы совьемъ, кукушка, тепло гнѣз-
дышко, 2.
Выведемъ, кукушка, два дѣтены-
шка: 2.
5. Тебѣ кукарѣнка, а мнѣ соловья 2.
Тебѣ кукаренокъ будетъ куковать, 2.
А мнѣ соловейка будетъ распѣвать“ 2.
Мальчишка дѣвчонку шоль обманыв-
ать: 2.
— „Поѣдемъ, дѣвчонка, въ Казань-
городъ жить. 2.
10. Казань - городъ славный, на горѣ
стоитъ, 2.
Есть въ Казани рѣчка, мѣдомъ про-
текла, 2.
Быстры ручейчки — медяной сы-
той“ 2.
— „Врешь ты, врешь, мальчишка,
врешь, обманывашь. 2.
Казань-городъ скверный, подѣ го-
рой стоитъ, 2.
15. Есть въ Казани рѣчка — кровью
протекла, 2.
Быстры ручейчки — горячми слезь-
ми“ 2.

(Запис. въ г. Сенгилеѣ, Симбирской губ.).

10. — „Полно-ти, добрые люди, зря-
напрасно говорить.
У меня ли свекоръ—точно батюшка
родимай,
Журить, бранить дома, на улицу
выдить—хвалить: — У меня невестка, у меня го-
лубка,
15. Точно доченька родная, 2
Работница дорогая.
(Запис. тамъ-же).

Ш. Х о р о в о д н ы я.

15.

1. Красно золото (2) разгоралось (2),
А я молода, а я зелѣна (разыгра-
лася 2).
За мной молодой (2) посоль за по-
сломъ (2),
Посоль за посломъ (2), гонецъ за
гонцомъ (2): 5. — Поди, невестка, (2) скорѣй до-
мой (2),
Объ тебѣ свѣкоръ (2) раскрушинил-
ся (2).
— Съ этой крушины (2) спина не
болить (2),
Спина не болить (2), сердце не го-
рить (2).

Далѣе повторяется все сызана (сначала) съ замѣной слова *свѣкоръ* словомъ *свѣкра* (свекровь).
(Зап. тамъ-же, отъ крестьянки родомъ изъ Самарск. губ.).

16.

1. Катилоса колѣсо, катилоса колѣсо,
Ой диди, ой лада! ¹⁾
Изъ горъ горы на гору. (2)
Разсыпалось колѣсо (2)
Во маковы зѣрнышки. (2)
5. Сколько въ макѣ зѣрнышекъ... (2) 10. Сколько дѣвка плакала,
Сколько красна плакала.
За старова замужъ пла. (2)
Старъ мужъ погубитель мой: (2)
Сгубилъ мою головушку (2),
10. Всю дѣвичью красоту (2).
(Запис. тамъ-же).

17.

1. По морю (2), по моречку синему (2)
Плавала (2) лебѣдушка бѣлая, (2)
Плакала (2) душа красна дѣвушка: (2)
— „Какъ то мнѣ (2) за стараго за-
мужъ идти?“ (2) 10. По морю, (2) по моречку синему (2)
Плавала (2) лебѣдушка бѣлая, (2)
Плакала (2) душа красна дѣвушка: (2)
— „Какъ-то мнѣ (2) за ровню за-
мужъ идти?“ (2)
5. Эдакъ-то (2), эдакъ-то, вотъ эдакъ-
то. (2)
— „Какъ-то мнѣ (2) про стар(а)го
постелю слать?“ (2)
Эдакъ-то (2), эдакъ-то, вотъ эдакъ-
то. (2) Эдакъ-то (2), эдакъ-то, вотъ эдакъ-
то. (2)

¹⁾ Послѣ каждого стиха.

15. — „Какъ-то мнѣ (2) про ровню по-
стелю слать?“
Эдакъ-то (2), эдакъ-то, вотъ эдакъ-
то. (2)
- „Какъ-то мнѣ (2) со ровней лячи
будеть?“ (2)
Эдакъ-то (2), эдакъ-то, вотъ эдакъ-
то. (2)

18.

1. Какъ незрѣлою (калинушки нельзя
заломать 2),
Безъ выберу (дѣвченку нельзя за-
мужъ взять 2).
Я повыберу, (я повыгляжу—возьму
за себя 2).
Шла дѣвушка (чистымъ полемъ,
помрачился въ глазахъ свѣтъ. 2)
5. Шелковая (ковыль-травонька спле-
таетъ мой слѣдъ 2),
Лавровыи (листочки безъ вѣтру шу-
мятъ 2),
Безъ вѣтрику (шумно во пошумлива-
ють 2) ¹⁾.
Ты уймись, уймись, лавровый листь,
уймись хоть на часъ,
Вы часы-ль мой, минуточки; въ са-
ду соловей.
10. Ты не пой, не пой, младъ соловуш-
ко, въ зелѣномъ саду,
Не давай тоску-назѣлушку сердеч-
ку маму.
Знать, мое-то сердечко поныло во
мнѣ,
Поныло, почѣрнѣло, какъ черная
грязь.
- За рѣченькой за быстрой слободка
стоитъ,
15. Не малая слободушка — четыре
двора;
Во кажнѣмъ во дворякъ солдаты
стоятъ:
Солдатики-некрутики въ цынбали-
ки бьютъ.
Не мою-то ли прежню любушку за-
мужъ отдають?
Двоя стоятъ, сердца болятъ, любез-
наю жаль.
20. Съ того дворца да и сѧ крыльца
ведутъ во вянцахъ.
— Любезная лапушка, взгляни хоть
глазкомъ.
— „Рада бы я взглянуть глазкомъ—
глаза не глядятъ:
Покрытые мои глазоньки шелковой
фатой“.
— Сударушка, моя лапушка, махни
рукой.
25. — „Рада бы я махнуть рукой—ру-
ка занята:
Дѣржитъ женихъ за рученьку, а сва-
ха за другу“.

(Запис. въ гор. Сенгилѣѣ, Симбирск. губ. отъ крестьянки Сызранск. у.).

19.

1. (А-а), ²⁾ Дрѣма дремлетъ (2), дрѣма
дремлетъ за кожелью ³⁾. (2)
Лишитъ дрѣма (2), лишитъ дрѣма,
кожель портить (2),
Кожель портить (2), кожель портить,
шелкъ терebить (2).
- Полно, дрѣма (2), полно, дрѣмушка,
дремати (2);
5. Пора, дрѣма (2), пора, дрѣмушка,
вставати (2).
Вонъ, дрѣма (2), вонъ, дрѣма, свѣ-
коръ идетъ; (2)

¹⁾ Подобнымъ образомъ повторяется и дальше вторая часть каждаго стиха.

²⁾ Передъ каждымъ стихомъ.

³⁾ За куделью.

- Свѣкоръ ѣдетъ (2), свѣкоръ ѣдетъ, 10. Нынче люди (2), нынче люди лю-
домой кличетъ (2). ты стали (2);
Вотъ я встану (2), вотъ я встану Люты стали (2), люты стали, живо
да погляжу (2); склали (2),
Я погляжу (2), я погляжу, да по- И то, ѣ то (2), ѣ то, ѣ то—все со-
плѣшу (2). лгали (2).

Затѣмъ пѣсня повторяется съ замѣною слова *свекоръ* словомъ *свекровь*, въ третій же разъ повторяется съ замѣной того-же слова словомъ *ладѣ* и заканчивается уже такъ: «нынче люди умны стали, умны стали—правду склали».

(Запис. въ д. Новая Слобода, Сенгилеевск. у. Симбирск. губ.).

20.

1. Наваримъ мы пива, зелѣнаго вина, Мы съ этого пива, мы всѣ перепьемся,
Ой-я, ладѣ, лелѣнаго вина. Мы всѣ перепьемся, всѣ вмѣстѣ сой-
Мы съ этого пива, мы всѣ перепьемся. дѣмся.
Ой-я ладѣ, мы всѣ перепьемся, ¹⁾ 10. Наваримъ мы пива, зелѣнаго вина,
Мы всѣ перепьемся и всѣ раздерѣмся, Мы съ этого пива, мы всѣ пе-
5. Мы всѣ раздерѣмся, всѣ врозь ра- репьемся,
зойдемся. Мы всѣ перепьемся, мы всѣ поми-
Наваримъ мы пива, зелѣнаго вина. римся.

(Запис. тамъ-же).

IV. Весенняя.

21.

1. Какъ подѣ этую подѣ елью (2), да Сиротѣли, сиротѣли (2) ево малыя
подѣ этую подѣ елью (2), дѣти (2).
Не вода тутъ подступала (2), под- Не ластынькой увивалась (2), ко-
ступала, подступала (2). сатынькой улещалась: (2).
Подступала тутъ подступала, (2) рос- — „Ужъ ты встань, проснись (2),
сейская сила (2). пробудися, пробудися!“ (2).
Убивали, убивали (2) мово пана Ро- Не ясѣнь соколъ встрепѣнулся, (2),
дивона (2). встрепѣнулся, встрепѣнулся (2),
5. Авдовѣла, авдовѣла (2) молода ево 10. Взрадовала (2) молода ѣво хозяйка (2),
хозяйка (2), Взрадовали (2) ево малыя дѣти (2).

(Зап. въ с. Ивановскомъ, Хвалынск. у., Саратов. губ.).

¹⁾ Такъ повторяется и дальше вторая часть стиха съ приѣвомъ: *Ой-я лада*.

V. Колядка.

22.

1. Не ясѣнъ соколъ во полѣ увивается,
Таусѣнь, таусѣнь, увивается ¹⁾ .
Что Ваня на конѣ ти величается.
Выходила же къ нему сѣра утушка,	10. Три бѣды стряслось, три церкви
сгорѣло,
Три соборныхъ, богомольныхъ.
Не пора ли вамъ, хозяйушки, за
Усенюшку платить:
Либо каши горшокъ, либо блюдо
кишокъ,
Либо ступу молока, либо блюдо ки-
селя,
5. Сѣра утушка—родна матушка:
— Ужъ ты, дитятко, дитѣ, чадо милое моѣ,
Не служи-ка королю, ты не ѣздійка
въ орду,
Не служи-ка королю, служи бѣлому
царю.	15. Либо сѣна клокъ, либо вилы въ
бокъ
(Запис. тамъ-же).
Какъ у нашего царя три бѣды стра-
слось,	

VI. Свадебныя.

23.

1. Дунули вѣтры (3) вдоль улицы.
Звякнули веслы (3) на караблички.
Съ кѣмъ-то мнѣ думу (3) думати?
Думати мнѣ думушку (3) съ батюш-
кою, —	10. Думати мнѣ думушку (3) съ ма-
тушкой, —
Эта мнѣ думушка (3) не крѣпкая,
Эти словеса (3) не понравились.
Дунули вѣтры (3) вдоль улицы,
Звякнули вѣслы (3) на коварлички.
5. Эта мнѣ дума (3) не крѣпкая,
Эти словеса (3) не понравились.
Дунули вѣтры (3) вдоль улицы,
Звякнули вѣслы (3) на кораб-
лички.
Съ кѣмъ-то мнѣ думу (3) думати?	15. Съ кѣмъ-то мнѣ думу (3) думати?
Думати мнѣ думушку (3) съ ми-
ленькимъ, —
Эта мнѣ думушка (3) крѣпкая,
Эти словеса (3) мнѣ понравились.
(Зап. тамъ-же).

24.

1. Среди моря на камешки,
Среди синя на бѣлымъ, 2
Тутъ сидѣла же лебѣдушка, 2
Раздуша-ли красна дѣвица, 2	На удала, добра молодца, 2
На Фонася-то Захарыча: 2
Согоняетъ со синя моря, 2
Съ синя моря, съ бѣла камешка. 2
5. Что и Анна-то Михайловна. 2
Она мылась, полоскалася, 2
Сполоскнувшись, стрепѣнулася, 2
Стрепѣнумшись-те възгъркнула (да), 2
Жылобнѣхонько восплакала, 2	15. Не хотѣлось ей споднятися, 2
Съ бѣлымъ камешкомъ рогатися. 2
Не споднямши-те, сподымесса, 2
Не рогатмши те, рогатанесса.
10. Жылобú творить на сокола (да), 2	(Запис. тамъ-же).

¹⁾ Припѣвъ къ каждому стиху.

25.

1. Какъ у мѣсяца, какъ у краснаго
Золоты рога, золоты рога;
Какъ у солнышка (2) лучи ясныя (2).
Какъ у Лёшеньки (2) кудри русыя (2), 10. На часты звѣзды (2) возираючи (2),
5. Въ три ряда кудри (2) завивалися (2), Со воды узоръ (2) сонимаючи (2),
Чистымъ жемчугомъ (2) персыпалися (2). Ты теки, вода (2) поскорѣючи (2),
Завила кудри (2) родна(й) сестрица (2), Приставляй узоръ (2) помодѣючи (2).

(Запис. тамъ-же).

26.

(Вопль невѣсты, снаряженной къ вѣнцу, сидя за столомъ).

1. Лебѣдушка да бѣлая, родима мила мамонька,
Подойди-ка ты, лебѣдушка, подойди-ка ты да ко дубову столу,
Ко скатертямъ ко браннымъ, къ ѣствамъ сахарнымъ, къ пойламъ медянымъ.
Ишцо, мила мамонька, подойди ко мнѣ, горькой, несчастной,
5. Возьми-ка, мила мамонька, за праву рученьку,
Погляди-ка, мила мамонька, на мою то праву рученьку,
Не потусклѣ-ли, мила моя мамонька, мой золотъ перстень.
Еще погляди, мила мамонька, на мое лицо бѣлое,
Не потускла ли, мила мамонька, моя дѣвичья красотонька?
10. Любимы мои подруженьки,
Покрасуйтея вы, лебѣдушки, во красныхъ дѣвушкахъ,
А я, горькая, несчастная, открасовалась во красныхъ дѣвушкахъ,
У родимаго у батюшки, у лебѣдушки у матушки,
Въ новой горницѣ подѣ окошечкомъ сядючи...

(Запис. въ д. Нов. Слобода, Сенгилевск. у., Симб. г.).

27.

(Невѣста на канунѣ свадьбы угощаетъ подругъ ужиномъ и «вопить»).

1. Лебѣдушка моя бѣлая, мила моя матушка,
Подойди-ка ты, лебѣдушка, ко дубову то же столу,
Попотчивай, лебѣдушка, моихъ любимыхъ подруженекъ.
Любимыя мои подруженьки,
Покушайте у мово у батюшки впервы въ остаточки.
10. Не побесудьте-ка, лебѣдушки, какá хлѣбъ-соль налучилася.

(Запис. тамъ-же).

28.

1. (А) Не всходи да красно солнышко
 Позади лѣсу тѣмнава,
 Не стой, родной батюшка,
 Не стой, родна матушка,
 5. Позади людей добрыхъ.
 (А) Подойдите-ка къ дубову столу,
 Вы откройте-ка шелкову фату,
 Погляди-ко-сь, моя мамынька, русу
 косу,
 На руку косу, на красоту дѣвичью,
 да я
 10. Открасовалась-то я у васъ, мамонька,
 Во красныхъ во дѣвонькахъ.
 Придетъ-то къ вамъ, мамонька,
 Весна красная, большой праздничекъ,
 Всѣ будутъ люди добрыи и всѣ при
 радости,
 15. И всѣ мои подруженьки выдутъ на
 широкую улицу,
 Одной то меня, мамонька,
 Одной то меня, горемычной,
 Не будетъ на широкой улицѣ...
 (Запис. въ с. Ивановскомъ, Хвал. у., Саратов. губ.).

29.

1. Милый ты мой братецъ,
 Поди-ко-сь, возьми шелкову узду,
 Обратай-ка-сь ворона коня,
 Ты пыжжай-ка-сь въ лѣсъ-дубровушку
 5. И перѣлки-ка путь дороженьку,
 Чтобы за мной не было ни пути,
 ни ѣзду.
 (Запис. тамъ-же).

30.

- Что не бѣлая береза къ землѣ прекло-
 нялась,
 Родимый мой батюшка, прошу у васъ
 благословеньца.
 5. И перѣлки-ка путь дороженьку,
 Чтобы за мной не было ни пути,
 ни ѣзду.
 (Запис. тамъ-же).

31.

1. Не долго во садику цвяточку цвѣ-
 сти, цвяточку цвѣсти ¹⁾.
 Не пора изъ цвяточка вѣночки
 плести?
 Не долго же столику во горин(ы)кѣ
 стоять,
 Не долго вѣночку на блюдечки лежать
 5. Не долго-же Катенькѣ въ дѣвуш-
 кахъ сидѣть.
 Вечѣръ мою косыньку дѣвушки плели,
 Поутру ранѣхонько мамонька плела;
 Заплетѣвши косыньку, золотомъ вила,
 Исправскимъ жемчугомъ вынызы-
 выла,
 10. Букетъ(ы) во ленточку ввязывала.
 Присылалъ свѣтъ - Иванъ свахы-
 ня(ь)ку,
 Присылалъ Васильичъ - свѣтъ гроз-
 ную;
 15. Раздѣлила косыньку на шесть пря-
 дей,
 Вложила косыньку вокругъ головы:
 Вотъ тебѣ, косынька, вѣкъ вѣковать,
 А мнѣ, красной дѣвушкѣ, плакать-
 горевать.
 Ходила же Катенька по саду-саду,
 20. Ходила Ивановна по зеленому,
 Срывала же Катенька съ грушицы
 вѣтъ,
 Говорила Катенька эдаку рѣчь:
 „Ты стой, моя грушица, вѣкъ безъ
 вѣтей,
 Живи, мая мамонька, вѣкъ безъ меня,
 25. Безъ любимой доченьки, безъ Ка-
 теньки, безъ Ивановны.
 (Запис. тамъ-же).

¹⁾ Также и дальше въ каждомъ стихѣ послѣднія слова повторяются при пѣніи, кромѣ ст. 25.

32.

1. Кикъ у насъ ли въ городѹ (2) въ
городѣ, въ городѣ, городѹ (2)
Проявилась галынька, (2), галынька,
гáлынька, галынькá (2),
За галынькой сись орёлъ (2), сись
орёлъ, сись орёлъ, сись орёлъ (2).
Пымаль галку за крыло, (2), за
крыло... и пр. (2),
За сизая за перо (2), за перо... и пр. (2).
5. Сталь галынькѣ спрашивать (2),
спрашивать... и пр. (2):
— „Скажи, галка, не утай (2), не
утай... и пр. (2),
А что ѹ те подѣ крыломъ (2), подѣ
крыломъ... и пр. (2),
Подѣ сизыимъ подѣ перомъ (2), подѣ
перомъ... и пр. (2)?
Подѣ крылышкомъ скляница (2),
скляница... (2),
10. Восклянычкивотычка (2), вотычка... (2)
Кого поить воткою (2), воткою? (2)
Поить воткой Марьюшку (2), Марь-
юшку... (2)
Задушевно Дарьюшку (2), Дарь-
юшку... (2)
На улицѣ шумъ шумить (2), шумъ
шумить... (2)
15. Сарафанъ бабы деруть (2),
Сарафанъ, сарафанъ, сарафанъ (2):
Кому клинъ, а кому станъ,
Кому цѣлый сарафанъ,
Сарафанъ, сарафанъ, сарафанъ (2);
А поповымъ дочерямъ
По кисейнымъ рукавамъ,
Рукавамъ, рукавамъ, рукавамъ (2);
20. А попу-дураку
На копейку табаку,
Табаку, табаку, табаку (2).
(Запис тамъ-же).

33.

1. Подуй, подуй, мать погодушка,
Съ высокихъ горъ (2),
Раздуй, раздуй, мать погодушка,
Калину въ саду (2).
5. Калинушка съ малинушкой—
Лаворевый цвѣтъ (2);
Широкая дороженька,
Гдѣ миленькй шоль (2);
Веселая кампаньца,
Гдѣ батюшка пѣтъ (2).
Онъ пить не пѣтъ (2) —
За мной младой плѣтъ (2),
А я молода-младешенька
Замѣшкалася (2)
15. За утками, за гусями,
За лебедями (2).
За рѣченькой за быстрою
Слободушка есть (2);
Не малая слободушка —
20. Четыре двора (2).
Вы кумушки, вы голубушки,
Лебедки мои (2),
Кумитесь, любитесь,
Любите меня (2).
25. У всѣхъ вѣнки поверхъ воды,
А мой потонулъ (2);
У всѣхъ мужья домой пришли,
А мой не пришоль (2);
У всѣхъ мужья съ гостинцами,
30. А мой не принесъ (2).
(Запис. въ г. Сенгилеѣ, Симбирск губ).

34.

(Не вѣстѣ поютъ).

1. Вы, цвѣты ли наши, цвѣтики (2),
Цвѣты да лазоревые,
Цвѣты алые лазоревые,
Что васъ было много сѣяно (2),	Не было-ль у васъ измѣнщицы, (2)
5. А васъ немножко уродилось? (2)
А вы, души ли, красны дѣвушки, (2)
Еще васъ было много въ теремѣ, (2)
Васъ немножко оставалось. (2)	10. Измѣнщицы-лицомѣрщицы?
Измѣнилася, влюбилася (2)
А раздуша ли красна дѣвушка, (2)
А щё-то Анна Михайловна,
Во прекрасна добра молодца
15. Аванасія Захаровича.

(Запис. въ с. Ивановскомъ, Хвал. у., Саратов. г.).

35.

1. Варилъ чёрнецъ пива
Ва долинѣ, ва долинушкѣ моей ¹⁾ .
Что ета за пиво
Розѣмчива бѣла,	А вонъ ни выходить,
Родима сестрица,
Рости паскорѣе.
5. Въ головку вступила;
Въ головушкѣ бродятъ,	10. Родимай мой братецъ,
А мы тѣя женимъ.

(Запис. тамъ-же).

36.

1. Зелѣная рошцыца, алый цвѣтъ,
Что-то, что-то въ рошцыцѣ цвѣту нѣтъ,
Свѣтъ(ы) Санюшки долга нѣтъ,
Свѣтъ(ы) Васильича долга нѣтъ.	Брала, брала ягодки—устала,
Отдохнуть лёгла—уснула.
5. Послала бы, послала—нёкого,
Сама бы пошла—нё смѣю,
Письмо написать—нѣ смѣю,
Подружку послать—нё вѣрю,
Сама бы пошла—нё смѣю.	20. Не ясѣнь соколъ недлѣталъ,
Свѣтъ(ы) Санюшка надѣзжалъ.
— „Спи-ка, Аннушка, пробудись, Ми-
хайловна“.
10. Пойду, схожу къ тятиньки, спрѣшуся,
Сударыни мамыньки доложусь:
— „Позволь, тятенька, въ рошцѣ
погулять,
На алые цвѣтики посмотрѣть“.	Пробужѣмши Аннушку сталъ дарить:
Первый-отъ подарокъ—чай, кофей,
25. Другой-отъ подарокъ—бѣль сахаръ,
А треть-отъ подарокъ—весь при-
боръ,
За приборомъ-ти самъ на дворъ.
— Выстрой, тятенька, церковь про-
тивъ насъ.
15. Гуляй, гуляй, миленька, недолго,
Тамъ есть рошцыца гуллива,
Другая то рошцыца дремлива“.	Вѣдутъ Санюшку вѣнчать въ доб-
рый часъ:
30. На главахъ вѣнцы свѣтютца,
Во рукахъ свѣчи свѣтлютца.

(Запис. тамъ-же).

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

VI. Бурлацкія припѣвки.

37.

1. Взяли молодцы
Охъ и еще разохъ ⁽¹⁾
Разудалые,
Какъ и бравые,	10. Крѣпку водку разопьѣмъ,
Цѣловальника побьѣмъ.
Цѣловальникъ молодой
Напоилъ черной водой,
5. Горьки пьяницы.
Мы въ кабакъ-отъ пойдѣмъ,
Полуштофъ возьмѣмъ.	15. Напой ты, напой,
Насъ по шеѣ проводи...

38.

Сходись, берись, ребятушки! Да(вай) ухнемъ!	Сошлись, взялись разудалые. Давай ухнемъ!
--	--

39.

Ой разохъ, разъ, ище разъ, ой разъ!	Охъ ище разъ, ой разохъ, ой разъ! Еще!
-------------------------------------	---

(Записаны въ г. Сенгилеѣ, Симб. губ.).

А. Л. Масловъ.

¹⁾ Послѣ каждаго стиха.

НАПѢВЫ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ,

записанные въ Поволжѣ А. Л. МАСЛОВЫМЪ.

№ 1. $\text{♩} = 92$

Ужъ ты, Матушка Владычица, Пресвятая Богородица,

Пресвятая Богородица, Какъ намъ грѣшнымъ умирать будетъ!

вар.

№ 2. $\text{♩} = 92$

Проложила дороженька. Никто по ней не прохаживалъ.

№ 3. $\text{♩} = 92$

Соходила же Владычица со небылыхъ круговъ.

№ 4. $\text{♩} = 84$

Възять рѣчка по песку ли, по песку ли, во матушку во Москву, во матушку во Москву.

№ 5. $\text{♩} = 68$

На пути село большое. Пѣтушокъ рано пропѣлъ. Вогу

порувъ — — — то время колько чикъ про — — — званъ.

№ 6. $\text{♩} = 72$

Идетъ го — — — родомъ дѣти — нушка, не — — — кла — — — нит —

— — — не съкъмъ, не фице — рами, гарно — — — де — рами, ни чело — — — мѣшья не бьетъ.

1) Дальше поется безъ соблюденія симметричнаго ритма.

2) Маленькія ноты означаютъ варианты мотива.

- № 7. $\text{♩} = 80$
 Ши-ро-ко - - хонь - ко Мать-Волга, Волга разли-ва - ла - ся,
 Разли-ва - - ла-ся, Потопи-ла бе - ре-га, Ве-сь го-ры и до-лы.
- № 8. $\text{♩} = 80$
 За ро - стай мо - я ли ты до - рож-ка, мо - я до - рож-ни-ка.
- № 9. $\text{♩} = 80$
 Быстра рѣ-чущка ра - зо - - льет-ца, да жолты-мѣско-мъ на-воз-му - - титца.
- № 11. $\text{♩} = 69$
 Со-ло-вей ку-кушку у го-ва - риваль! По-летимъ, ку-кушка, во - сырой боръ-жить.
- № 12. $\text{♩} = 80$
 Какъ во - по - лѣ по - - ле - чки, во - по - лѣ сна-лой ту - манъ.
- № 13. $\text{♩} = 80$
 Ми-мо гѣ-лу ми-мо тѣ - - мы) - - ва, ми-мо тем-ны-ва, Ми-мо са-ди-ку зе -
 - ле - - ны - - ва, во-се-ле-на-ва.
- № 14. $\text{♩} = 80$
 Какъ по - - са - ду, са - ду, са-до-чи-ку зе - - ле - но - му
- № 15. $\text{♩} = 80$
 Крас-но зо - - ло-то раз-го - ра - ло-ся, раз-го - ра - - ло - ся.
- № 16. $\text{♩} = 183$
 Ка-ти-ло-ся ко - ле-со. Ой, ди ди, О - ой, за да!
- № 17. $\text{♩} = 88$
 По-мо-ри, по-мо-ри, по-мо-ре-чку си - не-му, по-мо-ре-чку си - не-му.

№18. $\text{♩} = 88.$
 Какъ не срѣло - в ка - ли - ну - шку не лья за - ло - мать, ка - ли - ну - шку

не - лья за - ло - мать ... не - лья за - мужъ взять.

№19. $\text{♩} = 100.$
 А - а, Дре - ма дре - млетъ, Дре - ма дре - млетъ Дре - ма дре - млетъ за ко - же - лы - лы

№20. $\text{♩} = 100.$
 На - ва - рямъ мы пи - ва, зе - лё - на - го

ви - на Ой - (а) Ла - да, зе - лё - на - го ви - на.

№21. $\text{♩} = 104.$
 Какъ подъ э - то - ю подъ ель - ю, Какъ подъ э - то - ю подъ ель - ю,

да подъ э - то - ю да подъ ель - ю, да подъ э - то - ю да подъ ель - ю.

№22. $\text{♩} = 116.$ Припѣвъ.
 Не я - сень со - ко - лъ во по - лѣ у - ви - ва - е - ст - я. Та - у - сень, та - у - сень, у - ви - ва - е - ст - я.

№23. $\text{♩} = 80.$
 Ду - ну - ли вѣ - тры, э - э! ду - ну - ли вѣ - тры, (э!) ду - ну - ли вѣ - тры в до - лъ у - ли - цы.

№24. $\text{♩} = 112.$ Запѣвъ.
 Се - ре - ди мо - ря - на ка - ме - шки, Се - ре - ди он - на на бѣ - лы - мѣ.

№25. $\text{♩} = 104.$
 Какъ у мѣ - ся - ца, какъ у кра - сна - го зо - ло - ты ро - га, зо - ло - ты ро - га.

№26. $\text{♩} = 80.$
 №27. Ай ле - бѣ - лу - ш(ю) ка да бѣ - да - я.

№ 28. $\text{♩} = 80.$
 № 29. $\text{♩} = 80.$
 № 30. Ни - вохо - ди — да кра - сно со - лны - шко

№ 31. $\text{♩} = 104.$
 Недолго во - са - ди ку цвя - точ - ку цвѣ - сти, — цвя - точ - ку цвѣ - сти.

не по - ра неч цвя - точ - ка вѣ - но - чки пле - сти, — вѣ - но - чки пле - сти.

№ 32. $\text{♩} = 126.$
 Какъ у насъ ли въ го - ро - ду, какъ у насъ ли въ го - ро - ду, въ го - ро - дѣ, въ го - ро - дѣ, въ го - ро - ду.

№ 33. $\text{♩} = 72.$
 По - дуй, — по - дуй, — мать по - го - ду - шка

съ вы - со - кихъ — горъ, съ вы - со - кихъ горъ.

№ 34. $\text{♩} = 80.$
 Вы цвѣ - ты ли на ши, цвѣ - ти - еи цвѣ - ты а - лы - е, да - зо - ре - вы.

№ 35. $\text{♩} = 104.$ скорѣй
 Варлаъ чер - нецъ пи - вѣ, Во - до - ли - нѣ въ до - ли - нѣ въ до - ли - ну - шкѣ мо - ей.

№ 36. $\text{♩} = 88.$
 Зел - на - я ре - ши - ца, а - лай цвѣ - ты. Что - то, что - то въ ре - ши - цѣ цвѣ - ту и - тѣ.

№ 37. $\text{♩} = 88.$ Припѣвъ.
 Взя - ли мо - лод - цы, охъ и - ще ра - зокъ!

№ 38. Припѣвъ.
 Ско - дись бе - рись, ре - бя - ту - шки. Да (вай) у - х(ы) - немъ!

№ 39. Запѣвъ. ХОРЪ.
 Ой ра - зокъ, разъ, и - ще разъ (ой разъ)! Ой и - ще разъ (ой разокъ). Е - (э) щѣ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

И СВАДЕБНЫЙ ОБРЯДЪ

въ д. Жуково, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

ЗАПИСАЛЪ

Анатолий Поповъ,

Учитель Вологодскаго Духовнаго Училища.

Русскія народныя пѣсни

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляемые здѣсь 14 номеровъ русскихъ народныхъ пѣсенъ записаны мною лѣтомъ 1902 года въ деревнѣ Жуково, Утмановской волости, Никольскаго уѣзда, Вологодской г., съ голоса крестьянокъ означенной деревни—Маріи Махайл. Малаховой, 58 лѣтъ, Анисьи Ѳедор. Медвѣдовой, 26 л., и дѣвицы Анны Аѳанасьев. Медвѣдовой, 24 л. Изъ 14 номеровъ пѣсенъ 11—свадебныхъ пѣсенъ, 2—хоровыхъ протяжныхъ и 1 плясовая. Въ виду того, что свадебныя пѣсни поются въ извѣстномъ порядкѣ, сообразно съ свадебнымъ ритуаломъ, я счелъ необходимымъ записать и свадебный обрядъ, какой до настоящаго времени сохранился у крестьянъ этой деревни. Изъ бесѣдъ съ крестьянами и крестьянками во время записыванія пѣсенъ я вынесъ то убѣжденіе, что свадебная пѣсня, составляя нѣчто неразрывное съ свадебнымъ обрядомъ, держится еще довольно прочно, между тѣмъ какъ хоровая пѣсня, въ особенности старинная протяжная, постепенно исчезаетъ. Этимъ и объясняется сравнительно небольшое число записанныхъ мною хоровыхъ пѣсенъ. Молодое поколѣніе почти не знаетъ и не поетъ старинныхъ хоровыхъ пѣсенъ: ихъ замѣнила такъ называемая частушка. Въ виду наличности такого грустнаго факта приходится спѣшить собирать и тѣ крохи народной поэзіи, какія еще доселѣ сохранила народная память.

Относительно самой записи пѣсенъ должно сказать слѣдующее. Всѣ тексты пѣсенъ записаны съ голоса и во время пѣнія провѣрены, при чемъ удержаны особенности мѣстнаго говора. Въ музыкальныхъ записяхъ подраздѣленій на такты, согласно указанію программы Музыкально-Этногр. Комиссіи при Этногр. Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э. (изд. 1902 г., стр. 5, пунктъ 5), не было производимо. Темпъ обозначенъ по метроному. Всѣ гармоническія сопровожденія, или, какъ ихъ принято называть, подголоски, замѣченные мною при совмѣстномъ хоровомъ исполненіи пѣвицами пѣсенъ, занесены наряду съ основною мелодіею и неоднократно, тщательнымъ образомъ провѣрены.

О самомъ процессѣ записыванія пѣсенъ считаю нужнымъ рассказать подробнѣе, но предварительно позволю себѣ высказать свой взглядъ на русскую народную пѣсню.

Русская народная пѣсня въ мѣстахъ удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, гдѣ еще не очень распространена гармоника, носитъ на себѣ печать самобытности

и по мелодіи и по гармоніи. Во-первыхъ, мелодія народной пѣсни всегда діатонична. Во-вторыхъ, — что особенно важно и интересно, — въ народномъ пѣніи, въ особенности у стариковъ и старухъ, почти совсѣмъ не имѣвшихъ знакомства съ гармоникой (дряньнѣйшій инструментъ, способствующій быстрому вымиранію старинной нар. пѣсни), сохранилось различіе между большимъ ($\frac{3}{8}$) и малымъ ($\frac{10}{9}$) тономъ. Привыкнувъ слушать темперированные инструменты, мы уже не можемъ сами своимъ собственнымъ голосомъ воспроизвести такіе интерваллы, не можемъ также изобразить ихъ и нынѣшнею пѣвческою нотаціею, а между тѣмъ эта-то особенность народного пѣнія и поражаетъ насъ какою-то особенною, своеобразною прелестью. Въ этомъ случаѣ послѣднее слово музыкально-этногр. науки принадлежитъ грамофону. Онъ только можетъ сфотографировать народный напѣвъ во всей его цѣлости. Я жалѣю, что у меня не было въ распоряженіи фонографа. Въ противномъ случаѣ мнѣ не пришлось бы писать о томъ, что, быть можетъ, давно и лучше меня извѣстно.

Высказаннаго о мелодическомъ строеніи народной пѣсни считаю пока достаточно точнымъ. Въ отношеніи гармоніи полагаю, что гармонія народной пѣсни вполне и всецѣло вытекаетъ изъ ея мелодіи. Мелодія уже въ себѣ самой заключаетъ гармонію. Высказанная мною мысль вполне подтверждается практикою народного пѣнія. Народные пѣвцы, какъ только запоютъ какую-нибудь пѣсню хоромъ, варьируютъ мелодію пѣсни, при чемъ получаютъ различныя гармоническія сочетанія. Для изслѣдованія народной пѣсни одинаково важно записать точно какъ мелодію, такъ и эту своеобразную гармонію, чтобы опредѣлить безошибочно гармонію пѣсни (для правильной ея гармонизаціи) и дать наглядный образецъ народного контрапункта, выражаемаго въ подголоскахъ. Но мнѣ кажется, что въ записываніи подголосковъ нужно быть крайне осторожнымъ. Слѣдуетъ заносить только то, что явственно нами слышано. Если же мы будемъ заносить и такія гармоническія сочетанія, въ которыхъ не разобралось наше ухо, то мы легко можемъ представить невѣрную запись, не соответствующую дѣйствительности. А такая запись, по моему мнѣнію, не только бесполезна, но прямо вредна, такъ какъ можетъ повести изслѣдователя къ ложнымъ заключеніямъ и выводамъ, а въ лучшемъ случаѣ, вносить путаницу въ дѣло. Посему я старался болѣе всего о точности музыкальной записи: вносилъ на бумагу тѣ гармоническія сочетанія, которыя самъ ясно слышалъ при пѣніи и неоднократно провѣрилъ. Если въ чемъ и можно упрекнуть мою запись, то это въ опущеніи нѣкоторыхъ подголосковъ. Конечно, было бы сомнѣніемъ и самообольщеніемъ съ моей стороны утверждать, что мной ничего не пропущено: я не фонографъ. Но я старался о возможно точной записи и съ этой стороны. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать самый способъ моего записыванія, къ чему я сейчасъ и перехожу.

Какъ выше было мною указано, я записывалъ пѣсни отъ 3 пѣвицъ. Записывалъ лѣтомъ, въ іюлѣ и началѣ августа, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ продолженіи 2—3 часовъ въ день. Такихъ дней наберется до 10. На десять дней приходится 17 пѣсенъ (изъ нихъ печатается только 14). Записывалъ я такъ. Приготовивъ заранѣе бумагу нотную и простую для записи текста, я шелъ въ избу, гдѣ были пѣвицы. Сначала я прослушивалъ пѣсню, не записывая. Прослушивалъ ее всю, отъ начала до конца. Затѣмъ записывалъ слова или текстъ, для чего просилъ пѣть снова. При пѣніи никогда не останавливался и не перебивалъ. Вслѣдствіе этого я не успѣвалъ записывать все, и у меня получались пропуски. Я просилъ пѣть снова и заносилъ пропущенное. Затѣмъ я провѣрялъ запись текста, для чего пѣсня снова пропѣвалась вся. Когда текстъ былъ провѣренъ, я приступалъ къ музыкальной записи. Здѣсь-то и начинаются трудности, для неопытнаго запи-

сывателя почти непреодолимыя. Но опытъ научаетъ постепенно преодолѣвать эти трудности. Для меня, впрочемъ, записываніе мелодій пѣсенъ—дѣло не новое, такъ какъ я занимаюсь этимъ дѣломъ уже съ 1892 года. Въ настоящемъ случаѣ я велъ запись музыкальную такъ. Приступая къ записыванію напѣва пѣсни, я говорилъ пѣвицамъ: „пропоете первое колѣно и остановитесь, замолчите, а потомъ я скажу, когда начинать“. Дѣлалъ это я для того, чтобы опредѣлить тональность, а опредѣлялъ тональность по послѣднему, окончательному звуку: самъ воспроизводилъ его голосомъ, сравнивалъ съ камертономъ и записывалъ приблизительно (здѣсь можетъ быть неточность до полутона). По послѣднему звуку мнѣ легко было воспроизвести и весь напѣвъ въ той самой тональности, въ которой пѣсня пѣлась. Затѣмъ я просилъ пѣвицъ снова пѣть пѣсню и заносилъ мелодію нота за нотой постепенно. Занесешь ноту, а иногда двѣ и отстанешь: пѣвицы уже ушли впередъ. Тогда больше не пишешь, а ждешь, когда пѣвицы съ новымъ колѣномъ возвратятся къ тому мѣсту въ напѣвѣ, гдѣ запись обрывается, и опять продолжаешь работу, и такъ вносишь ноту за нотой, пока не запишешь всей пѣсни. Для этого приходится заставить пѣвицъ пропѣть разъ 5—6, а иногда и больше. А такъ какъ это утомительно для пѣвицъ, то чередуешь записываніе мелодій съ записываніемъ текста другихъ новыхъ пѣсенъ, а потомъ возвращаешься къ прежней пѣснѣ, еще не вполне записанной. Не вполне записанный напѣвъ нерѣдко приходилось оставлять до другого воскресенья или праздника и тогда доканчивать неоконченную запись. Наконецъ, напѣвъ записанъ. Прежде всего я спѣшилъ его провѣрить. Я говорилъ пѣвицамъ: „слушайте, теперь я вамъ спою, а вы скажите мнѣ, такъ ли я пою“. И я пѣлъ имъ пѣсню по своей записи. Когда пѣсня была записана невѣрно, то онѣ мнѣ говорили: „не такъ, баринъ“. Не спрашивая, въ чемъ я ошибся, я снова заставлялъ ихъ пѣть и, слушая пѣніе, уже легко исправлялъ вкравшіяся неправильности и неточности. А потомъ опять самъ пѣлъ, а ихъ заставлялъ слушать, и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока не получалъ отъ нихъ отвѣта: „теперь совершенно такъ“. Затѣмъ на этотъ, вполне точный и провѣренный, напѣвъ я заносилъ подголоски. Я заставлялъ ихъ снова пѣть и заносилъ всѣ гармоническія сочетанія, какія я ясно различалъ слухомъ. Полученную такимъ путемъ запись подголосковъ я снова провѣрялъ путемъ повторенія пѣнія пѣсни. При этомъ я всегда поражался, что пѣвицы дѣлаютъ всегда одни и тѣ же гармоническія сочетанія голосовъ¹⁾. Съ такою тщательностью я записывалъ каждую пѣсню. Но чтобы не ошибиться и не впасть въ самообманъ, я заставлялъ черезъ извѣстный промежутокъ времени (черезъ недѣлю, черезъ двѣ) снова пѣть прежде записанныя пѣсни и провѣрялъ записи. И опять я слышалъ тѣ же сочетанія и только прежнія, а новыхъ никакихъ. Въ концѣ же лѣта, передъ отъѣздомъ, я снова провѣрилъ всѣ свои записи и нашелъ ихъ вполне соответствующими дѣйствительности. Конечно, я, можетъ быть, что-нибудь и опустилъ, и весьма любопытно бы было, если бы кто-нибудь другой изъ членовъ коммисіи, съѣздивъ въ эту самую деревню съ фонографомъ, записалъ бы отъ тѣхъ же самыхъ пѣвицъ тѣ же самыя пѣсни. Мнѣ весьма было бы интересно узнать, получилась ли бы какая-нибудь разность, и насколько велика была бы эта разность? Самъ я лично признаю вполне научною, непрекаемою только запись посредствомъ фонографа. Фонографъ только можетъ передать намъ правильно акустическую природу звуковъ народной пѣсни, чего не можетъ сдѣлать обыкновенная нотная запись.

¹⁾ Этотъ фактъ давно подмѣченъ былъ въ музык.-этногр. наукѣ. Такъ, напр., Лопатинъ и Прокунинъ, записавъ пѣсню «Горы» и «Садилъ чернецъ черемушку», оговариваются, что пѣвцы на протяженіи всей пѣсни дѣлали только тѣ сочетанія гармоническія, какія занесены въ ихъ записи.

О пѣвцахъ скажу еще вотъ что. Въ 1895 году, въ бытность мою въ Сергіевомъ Посадѣ студентомъ Московск. Дух. Академіи, слушалъ я пѣніе артели каменщиковъ, работавшихъ въ лаврѣ новые каменные корпуса. Я не слыхалъ болѣе стройнаго и могучаго народнаго хора. Тутъ же я запомнилъ и записалъ имя запѣвалы, обладавшаго сильнымъ и пріятнымъ теноромъ (или, пожалуй, баритономъ). Его звали Михайло Гавриловъ Акиловъ, Владимірской губерніи и уѣзда, деревни Загорья. Припоминается и слѣдующее. Когда я ѣхалъ на службу въ Благовѣщенскъ, Амурской обл.,—это было въ 1897 году,—мнѣ пришлось плыть въ лодкѣ по рр. Ингодѣ и Шилкѣ отъ Читы до Срѣтенска съ 2 мужиками (фамилія одного—Чулковский, другого—Бабыченко; съ ними была еще женщина, жена одного изъ нихъ) изъ Тобольской губерніи съ рѣки Туры. Ъхали мы 4 дня. Дорогою мои спутники нерѣдко затыгивали пѣсни. Эти пѣсни сибиряковъ мнѣ понравились больше, чѣмъ всѣ другія русскія пѣсни. Въ ихъ пѣніи я замѣтилъ частое употребленіе синкоповъ. Какъ я жалѣю, что въ то время я не записалъ ихъ пѣсенъ! Между прочимъ они пѣли и нашу общезвѣстную пѣсню „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, но какимъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ напѣвомъ, не имѣющимъ никакого сходства съ общезвѣстнымъ напѣвомъ, хотя бы въ редакціяхъ Мельгунова и Лопатина-Прокунина. Мнѣ думается, что въ этой мѣстности, по рѣкѣ Турѣ, можно найти интересный музыкально-этнографич. матеріалъ. Моя догадка подтверждается отчасти и тѣмъ, что въ 1902 году, какъ сообщалось въ газ. „Новости“ (№ 58, 1902 г., 28 февраля), Н. А. Римскій-Корсаковъ передалъ въ пѣсенную комиссію И. Р. Геогр. Общества „Сборникъ Сибирскихъ пѣсенъ Н. П. Протасова“, и этотъ сборникъ комиссія нашла заслуживающимъ особеннаго вниманія, какъ по мелодіямъ, такъ и по тексту. Говорю „отчасти“, потому что Сибирь велика, а я не знаю, гдѣ записывалъ пѣсни г. Протасовъ¹⁾.

І. СВАДЬБА.

А. Свадебный обрядъ, записанный въ деревнѣ Жуково, Утмановской волости, Никольскаго у., Вологодской губ. ²⁾.

Сватовство происходитъ слѣдующимъ образомъ. Придетъ свать въ домъ, Богу помолится, на лавку не садится. На просьбу хозяевъ, чтобы онъ сѣлъ, отвѣчаетъ:— „Не сидитъ пришёу, а добрымъ дѣломъ — сватомъ: у васъ есть дѣвушка, у насъ женихъ, отдавайте!“ А они (родители невѣсты) станутъ спрашивать: за какова жениха, въ каку деревню? Буде согласны отдавать, станутъ свататься: говорить о дарахъ, много ли (надо) вина. Выряжаютъ³⁾, чтобы у невѣсты была зимняя и лѣтняя одежда: „подоболѣчка сукманная, полошубокъ изъ овчинъ, пальто, катаники, полусапожки; въ дары семейнымъ (родственникамъ жениха)—зятевьямъ, хрѣсному, хрѣсной—рубашки“. Потомъ, условившись насчетъ даровъ, молятся Богу, и сватовство кончено. Назначаютъ день смотровъ, обыкновенно черезъ недѣлю и больше, такъ какъ къ этому времени нужно наварить пива, приготовить угощенье: иногда въ богатыхъ семьяхъ угощаютъ столахъ на десяти.

¹⁾ Пѣсни изъ собранія Н. П. Протасова (Иркут. губ.) въ настоящее время изданы въ гармонизаціи проф. Петрова Петербургской Пѣсенной Комиссіей отдѣльнымъ выпускомъ. *Ред.*

²⁾ Записано со словъ крестьянки этой деревни Маріи Михайловой Малаховой. Удержаны по возможности мѣстный говоръ и собственныя выраженія рассказщицы.

³⁾ Заключаютъ условіе.

На смотри прѣзжаютъ: женихъ, его родители, „сродственники“ (въ большой домъ человѣкъ до 20). Прѣдутъ на улицу, въ домъ нейдутъ. Сначала (въ домъ къ невѣстѣ) идетъ одинъ свать, помолится Богу и скажетъ:—Ждали ли гостей на сегодняшней день? Хозяинъ (отецъ невѣсты) говоритъ: „милости просимъ!“—А ждали, такъ встрѣчайте! И пойдутъ (т. е. родители невѣсты) со сватомъ встрѣчать гостей, поздороваются съ ними. Тогда заходятъ все въ домъ. Богу помолятся, все садятся,—мужики на мужскую лавку (отъ входа на правую), бабы на женскую (отъ входа налѣво), а свать садится на скамейку, возлѣ стола. На первое мѣсто въ кутной уголъ (подлѣ стола) садится отецъ жениха, подлѣ отца—женихъ, за женихомъ—тысяцкѣй, а дальше—поѣзжана; на другой сторонѣ—мать жениха, его хрѣсная (крестная мать) или сѣстры, дальше поѣзжанки. Свать заходитъ въ куть¹⁾ и приказываетъ невѣсту наряжать. На столѣ зажигаютъ 3 свѣчи, тутъ же на столъ приносятъ булку, на верхъ кладутъ прѣникъ. Въ куть наряжаютъ невѣсту: воды принесутъ, невѣста станѣтъ умываться. Въ кою пору невѣсту наряжаютъ, поставятъ самоваръ, чай заварятъ. Если есть другая горница, самоваръ уносятъ туды. Потомъ „выводница“²⁾ выводитъ невѣсту: поклонятся мужикамъ, бабамъ, „съ руцкой поздороваются“ и идутъ обратно въ куть. Если невѣста поглѣнѣтца (понравится), то говорятъ (родители и родственники жениха): „для насъ хороша, а для васъ каково?“ (т. е. понравился ли женихъ?).—„А хорошо для насъ“,—отвѣчаютъ родители невѣсты. Помянуть о дарахъ. Родители невѣсты говорятъ: „штѣ на сватовствѣ было говорѣно, то исправимъ“ (сдѣлаемъ, исполнимъ). Потомъ гостей ведутъ пить чай въ особую горницу (если есть). Жениха и невѣсту садятъ рядомъ, и все поѣзжане садятся, выводница рядомъ съ невѣстой, по другую сторону ея. Во время чаю въ другой избѣ собираютъ на столы. Послѣ чаю переходятъ въ ту избу, гдѣ были смотри, и все садятся за приготовленные столы. Затѣляютъ свѣчку, „отчи“ прочитаютъ (т. е. молитву „Отче нашъ“, которую читаетъ свать). Хозяинъ, отецъ невѣсты, угощаетъ всехъ „по рюмкѣ вина“. Ѣдятъ пирогъ съ рыбой отъ хозяевъ. Потомъ идетъ matka (мать жениха), на столы ставитъ пироги съ рыбой, булки, прѣники, хворосты, кудри (сочни, пряженые въ маслѣ) и женихово вино. Угощаетъ братъ жениха. Послѣ стола пьютъ пиво, „пойдѣтъ пированье“.

Дня черезъ 2—3 послѣ смотровъ у невѣсты бываетъ „шитникъ“. „Шитникъ“ состоитъ въ томъ, что днемъ дѣвицы, подружки невѣсты, шьютъ приданое невѣсты, а вечеромъ пляшутъ. Дѣвицъ кормятъужиномъ. Женихъ приноситъ четверть вина, прѣниковъ,—дѣвицамъ бываетъ угощенье. Послѣ ужина—пляска, которая продолжается всю ночь. Пляшутъ подъ гармонію. Но сначала, передъ пляскою, дѣвицы, ставши въ кругъ, поютъ пѣсню: „Что не златъ перстень съ-по горницѣ катаусѣ“. Эту пѣсню поютъ на каждомъ шитникѣ. А днемъ, во время шитья, дѣвицы поютъ: „Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнова“, „Зима, зима студѣная“, „Не стой, крупа, надъ водой“ и нѣкот. др. свадебныя пѣсни. Если на шитникъ женихъ придетъ, то невѣста пляшетъ, а въ противномъ случаѣ не принимаетъ участія въ пляскѣ.

Послѣ смотровъ, недѣли черезъ двѣ или три, бываетъ свадьба. Съ вечера, накануне свадебнаго дня, въ домъ невѣсты бываетъ „дѣвишникъ“. Дѣвки (подружки невѣсты) соберутся въ куть и „прикликаютъ“ родныхъ невѣсты— „отца, матку, братьей, сѣстры, тѣтокъ“ и пр. Поютъ пѣсню: „Подружки, голубушки, ужъ вы все

¹⁾ Мѣсто передъ печкой, отдѣленное обычно занавѣской.

²⁾ Сваха со стороны невѣсты, замужня женщина; она же называется и «погонюхой», какъ увидимъ ниже.

ли при собраньицѣ“, которая иначе называется „прикликаньемъ“. Во время этой пѣсни родные, по очереди, соотвѣтственно словамъ пѣсни, приходятъ къ невѣстѣ, „въ куть, за занавѣсу“ и прощаются съ ней, при чемъ дарятъ невѣсту серебряными и мѣдными деньгами (кто кладетъ 20—15—10 коп., кто 5—3 коп.). Во время прикликанья невѣста „ревѣтъ“. Послѣ прикликанья бываетъ ужинъ, а послѣ ужина—пляска. Изъ сосѣднихъ деревень и изъ своей собирается молодежь—парни. Невѣста въ этотъ день не пляшетъ.

Въ день свадьбы женихъ съ поѣзжанами (тысяцкій, дружка, сваха и др.) приѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Сперва въ домъ входитъ дружка, котораго встрѣчаетъ хозяинъ, отецъ невѣсты. Затѣмъ оба приглашаютъ гостей. Тогда входитъ въ домъ женихъ и за нимъ всѣ остальные гости. Въ другой избѣ (если есть) собираютъ на столъ и угощаютъ приѣзжихъ. Женихъ ничего не ѣстъ. Послѣ стола родители невѣсты благословляютъ жениха и невѣсту иконой Божіей Матери, при чемъ невѣста падаетъ родителямъ въ ноги, а женихъ кланяется въ поясъ. Послѣ благословенія, когда женихъ и невѣста стоятъ рядомъ, поютъ нѣсколько свадебныхъ пѣсень. Невѣстѣ поютъ пѣсню: „Спала, спала занавѣска“. Въ этой пѣснѣ отъ лица невѣсты выражается прощаніе съ дѣвическою жизнію. Затѣмъ, обращаясь къ жениху, хулятъ его пѣсней: „Подружки, голубушки, призакиньте занавѣску, посмотритѣ на суженова“. По окончаніи этой пѣсни женихъ кланяется дѣвушкамъ-пѣвицамъ. Въ отвѣтъ на поклонъ дѣвицы хвалятъ (или величаютъ) жениха, поютъ ему пѣсню: „Гдѣ-ка кнѣзь-отъ сидитъ, тутъ не надобно свѣчи“. Если же женихъ почему-либо пѣвицамъ не поклонится, то этой пѣсни ему не поютъ.

Послѣ стола и благословенія родителей всѣ выходятъ изъ избы, садятся на лошадей и отправляются въ церковь. Невѣста садится съ „погонюхой“ („погонюха“—невѣстина сваха,—хрѣсная, или сестра, или тѣтка,—та самая, что раньше выводила невѣсту и называлась „выводница“). Ёдутъ въ такомъ порядкѣ. Впереди поѣзда, на особой лошади, ѣдетъ дружка, читая молитвы въ каждаыхъ воротахъ и въ деревняхъ. За дружкой—женихъ съ тысяцкимъ (женихова пара), за женихомъ—невѣстина пара. Затѣмъ—жениховы поѣзжана. Послѣ вѣнца и молебна, передъ отъѣздомъ изъ церкви, свахи¹⁾ заплетаютъ невѣстѣ косники²⁾. Жениху и невѣстѣ даютъ „крѣянова“ (крѣяное—булка свахина и погонюхина). Ёдутъ домой, въ домъ къ жениху,—молодые вмѣстѣ, въ однихъ саняхъ, а остальные—въ прежнемъ порядкѣ, при чемъ тысяцкій пересаживается къ свахѣ.

Столы въ домѣ жениха бываютъ приготовлены до приѣзда свадебнаго поѣзда и обычно закрываются полотенцами. Когда поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, дружка идетъ въ домъ, читаетъ молитву. Отецъ и мать жениха идутъ встрѣчать молодыхъ. Встрѣчаютъ ихъ на мосту, у входа въ избу, и благословляютъ иконой (обычно иконой Спасителя), подаютъ пива, начиная съ тысяцкаго, молодымъ и всему поѣзду. Родители здороваются съ молодыми. Въ это время мать молодого (свекровка молодой) кладетъ на голову молодой калачъ (пшеничный пирогъ), съ которымъ она и входитъ въ избу. Когда молодая сядетъ, свахи снимаютъ съ головы ея калачъ и кладутъ его на „чоупаны“ (большіе караваи хлѣба). Начинается столъ: дружка рѣжетъ пироги, отецъ жениховъ подаетъ вино, домашніе подаютъ пиво, однимъ словомъ—начинается угощеніе гостей. Собираются „сусиди, сродственники“. Мужики

¹⁾ Свахи бываетъ двѣ: одна со стороны жениха, которая и называется собственно свахой; другая—со стороны невѣсты, которая называется «погонюхой».

²⁾ «Косники»—женскій головной уборъ или прическа волосъ: распущенные предъ вѣнчаніемъ волосы невѣсты послѣ вѣнца заплетаютъ въ двѣ косы и завиваютъ вокругъ головы.

приходятъ съ чоупанами, бабы съ пирогами. Дальніе родственники (т. е. не изъ этой, а изъ другихъ сосѣднихъ деревень) привозятъ въ ящикахъ и хлѣбницахъ пироги съ рыбой, вино и пр. угощенье. Вскорѣ гости начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни: „Изъ-за лѣсу, лѣсу темнова“, „Солнышко, высоко оно взшло“ и др. Поютъ обыкновенно бабы, замужнія женщины. Послѣ свадебныхъ поютъ всякія другія пѣсни, и начинается пляска. Когда съѣдятъ „пирогъ, студень, шти“ и принесутъ молоко, молодыхъ уводятъ на подклѣтъ. Передъ этимъ приносятъ на столъ „разгонникъ“ (высокій пшеничный пирогъ), на него кладутъ прѣникъ. Разгонника не ѣдятъ, только кладутъ на столъ. Послѣ того, какъ принесутъ разгонникъ, молодыхъ уводятъ въ особую избу. Здѣсь для нихъ заранѣе собираютъ на столъ. Молодыхъ садятъ за столъ, а съ ними вмѣстѣ садятся и всѣ поѣзжана. Послѣ этого небольшого стола начинается „цоловникъ“, или прощаніе съ молодыми. Молодой стоитъ съ виномъ и наливаетъ, невѣста подноситъ. Сперва подходитъ отецъ, выпиваетъ рюмку водки, кладетъ „на сдарѣ“ (въ подарокъ) молодой коп. 10 или болѣе, за нимъ мать молодого, которая кладетъ на подносъ рубаху; подходятъ также и „всѣ поѣзжана и сусиди, пировавшіе на свадьбѣ, кладутъ молодой на сдарѣ, кто сколько покинѣтъ, кто 5, кто 3 или 2 коп., кто преникъ, кто еичко“. Когда всѣ переходятъ на цоловникъ, молодыхъ уводятъ спать въ чуланъ или горницу (обыкновенно нетопленую, хотя свадьбы по большей части происходятъ зимой), гдѣ также для нихъ бываетъ накрытъ столъ и приготовленъ небольшой ужинъ. Послѣ ухода молодыхъ пиръ продолжается, и многіе изъ гостей сидятъ до свѣту.

На другой день столъ бываетъ только для самыхъ близкихъ родныхъ, а на третій день столъ или угощеніе устраиваютъ только зажиточные крестьяне.

Б. Свадебныя пѣсни.

1. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнова.

<p>1. (Да) изъ-за лѣсу, лѣсу темнова,
Да изъ-за темнова дремучова, 2, 1)
Дакъ изъ-за горъ да крутыхъ, вы-
сокихъ 2
Дакъ вылетало тутъ стадо гусей, 2</p>	<p>10. Да бѣлая лебедь стала кикати: 2)
Да не щиплитѣ, гуси сѣрыѣ, 2
Да не сама я къ вамъ (да) залѣ-
тѣла, 2
Да завесло меня да погодою, 2
Да штѣ погодою, (да) невздою, 2</p>
<p>5. Дакъ другое стадо лебединое. 2
Дакъ отставала лебедь бѣлая 2
Дакъ отъ стада отъ лебединого, 2
Да приставала ко сѣрымъ гусямъ.
Да еѣ стали гуси щипать, 2</p>	<p>15. Да завезли да кони добрыѣ, 2
Да кони добрыѣ (да) Натольевы, 2
Да штѣ то Натолья Миколаевича.</p>

1) Каждый стихъ повторяется 2 раза.

2) Кикати — кричать.

2. Ужъ ты, ребина, ребинушка.

1. (Да) ¹⁾ ужъ ты, ребина, ребинушка,
Кудревата, листоватая, 2
Къ чему рано пошатилася, 2
Къ сырой землѣ приклонилася? 2	Ты зацѣмъ рано (да) замужъ пошла, 2
Зацѣмъ рано поизволила? 2.
Не сама я поизволила, 2
Поизволилъ рѣдной батюшко, 2
5. Не сама я пошатилася, 2.
Попатили вѣтры буйныѣ, 2
Приклонили снѣжки бѣлыѣ, 2
Прихлѣстали дожди цястыѣ, 2
Присушило красно солнышко. 2	15. Потакала рѣдна матушка, 2
Потакнули люди добрыѣ, 2
Всѣ и дѣдя, всѣ и тѣтушки, 2
Всѣ сусѣди, всѣ сусѣдници, 2
Всѣ братаны, всѣ сестрѣнушки, 2
10. Ужъ ты, дѣвица, дѣвица, 2	20. Всѣ подружки да голубушки.

3. Солнышко (2), высоко оно взошло.

1. Солнышко, солнышко, высоко оно взошло, высоко оно взошло,
Столь высоко (2) дакъ не всхаживало. (2)
Наша Полагія (2) высоко она сидитъ, (2)
Столь высоко (2) дакъ не сиживала. (2)
5. Думаетъ она (2) думу крѣпкую: (2)
Какъ мнѣ будѣтъ (2) мнѣ-ка свѣкра звать? (2)
Свекромъ то звать (2)—станутъ люди дивовать, (2)
Батюшкомъ звать (2) мнѣ не хоцѣтца, (2)
Серцѣ моѣ (2) не воротитца. (2)

Затѣмъ пѣсня повторяется сначала, первые 5 стиховъ, а дальше такъ:

10. Какъ мнѣ будѣтъ (2) мнѣ свекровушку звать? (2)
Свекровкой звать (2)—станутъ люди дивовать, (2)
Матушкой звать (2) мнѣ не хоцѣтца, (2)
Серцѣ моѣ (2) не воротитца (2).

Снова повторяется начало пѣсни, затѣмъ такъ:

- Какъ мнѣ будѣтъ (2) мнѣ деверья звать? (2)
15. Деверьями то звать (2)—станутъ люди дивовать, (2)
По имени звать (2) мнѣ не хоцѣтца, (2)
Серцѣ моѣ (2) не воротица (2).

Опять поется начало пѣсни, дальше такъ:

- Какъ мнѣ будетъ (2) мнѣ золовокъ звать? (2)
Какъ золовками звать (2)—будутъ люди дивовать, (2)
20. А сестрицамъ звать (2) мнѣ не хоцѣтца, (2)
Серцѣ моѣ (2) не воротица (2).

4. Что не златъ перстень съ-по горницѣ катаусѣ.

1. (Да) что не златъ перстень съ-по горницѣ катаусѣ, да вотъ катаусѣ, да,
Не златой жемцюгъ да розсыпаусѣ, да разсыпаусѣ, да. ¹⁾
У насъ Ѳѣдоръ-отъ во свадьбу снаряжаусѣ, да снаряжаусѣ.
У насъ Антоновицъ да сподобляусѣ, да сподобляусѣ,

¹⁾ Слово «да» прибавляется по требованію напѣва къ каждому стиху.

5. Ему матушка да говорила, да говорила,
 Ему родимая да наказала, да наказала:
 Ты пойдёшь, моё дитятко, женитьця, да вотъ женитьця,
 На чужую, на дальнюю сторонку, на сторонку,
 Во хорошую деревню, штё на Жуково, да на Жуково,
10. Ко хорошему хозеину-то къ Оѣдору, да ко Оѣдору,
 Ко хорошею хозейкѣ-то вѣдь къ Ольгѣ, да ко Ольгѣ,
 По богатую невѣсту по Парасковью, по Парасковью,
 Тебѣ стануть дѣвици писни пити, писни пити,
 Парасковью душу да припѣвати, припѣвати,
15. Еще Оѣдоровной да велицяти, велицяти,
 Ты дари-ко, мое дитятко, не гривною, да не гривною,
 Ты не гривной дари да не поутиной да не поутиной,
 Ты дари-ко, мое дитятко, по поклону, да по поклону,
 Що по низенькому да по баскому, по баскому ²⁾.
20. Ихъ вѣдь сорокъ дѣвиць да со дѣвицѣй, да со дѣвицѣй,
 Ихъ вѣдь сорокъ пѣвиць да со пѣвицѣй, да со пѣвицѣй.

5. У сосѣнки, у ёлоцьки.

(Пѣсня поется, если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца).

1. У сосѣнки, у ёлоцьки	Ко злату вѣнцо ѣхати, (2)
Всѣ прутики, всѣ и вѣтоцьки; (2)	Мнѣ-ка златъ вѣнецъ принети, (2)
У родимова брателка (2)	На головушку накинута. (2)
Всѣ и гости и гостейки,	25. Отъ подсохлова деревця (2)
5. Всѣ и дѣдюшки, тѣтушки, (2)	Не живётъ отростельницѣ; (2)
Всѣ сусиди, сусидници, (2)	Отъ умѣршова батюшка (2)
Весь и родъ, всё и племяцько, (2)	Не будётъ благословеньця, (2)
Всѣ природѣ великоѣ. (2)	Благословенья великова. (2)
Одново гостя нѣту-то, (2)	30. Призатихнитѣ, подруженьки, (2)
10. Нѣтъ родимова батюшка. (2)	Мнѣ-ка цѣбѣтся, слышитця, (2)
Подымися, погодушка, (2)	У крылѣчика то стѣкаѣтця, (2)
Подынитѣсь, вѣтры буйныѣ, (2)	За колецько-то брякаѣтця,
Рознеситѣ пески жолтыѣ (2).	Да идѣтъ родной батюшко, (2)
Упади, калена стрѣла, (2)	35. Во правой-то рукѣ несѣтъ (2)
15. Прошиби мать сыру землю, (2)	Божью Мать Богородицу, (2)
Росколи гровову доску, (2)	Тутъ и мнѣ благословеньцѣ, (2)
Роспахнись, полотѣнышко, (2)	Благословенье великоѣ: (2)
Убудись, рѣдной батюшко, (2)	Ко злату вѣнцо ѣхати, (2)
Подынись, права руценька, (2)	40. Мнѣ-ка златъ вѣнецъ принети, (2)
20. Мнѣ-ка дай благословеньцѣ, (2)	На головушку накинута (2).
Благословенье великоѣ: (2)	

¹⁾ «Да» прибавляется къ каждому стиху по требованію пѣвца.

²⁾ Баскій—хорошій, красивый.

6. Не стой, круша, надъ водой.

1. Не стой, круша (група), надъ водой,
Не рони листьа на морѣ, (2)
Не давай тоски-жалобы (2)
Моему ретиву сердцу. (2)	Ты прймайсь за роботушку, (2)
За роботу тяжолую: (2)
За дубовые пялышка, (2)
За булатную иголоцьку, (2)
5. Безъ тово мнѣ тошнѣшенько, (2)
Безъ тово ретивѣшенько; (2)
Я безъ пива пьенѣшенька, (2)
Безъ вина голова болитъ; (2)
Я безъ вѣтру шатаюся, (2)	25. За шелковую нитоцьку. (2)
Затѣмъ пѣсня поется сначала, первые
10 стиховъ, а дальше такъ:
Не родная та матушка (2)
Укладѣть спать поздѣшенько, (2)
Да разбудить ранѣшенько: (2)
Ты ставай, ставай, дитятко, (2)
10. Безъ дожджа улеваюся.
Какъ родимая матушка (2)
Укладѣть спать ранѣшенько, (2)
Да разбудить поздѣшенько: (2)
Ты ставай, ставай, дитятко, (2)	30. Ты ставай, ставай, нероботноѣ, (2)
Ты ставай, ставай, беззаботноѣ, (2)
Ты умойсь горюцимъ слезамъ, (2)
Утирайся горшовничкомъ, ¹⁾ (2)
Помолись дубову столбу, (2)
15. Ты ставай, не сонливоѣ, (2)
Ты ставай, ставай, роботноѣ,
Ты ставай, ставай, заботноѣ, (2)
Умывайсь клюцовой водой, (2)
Утирайся полотѣнышкомъ, (2)	35. Ты прймайсь за роботушку, (2)
За роботу за легкую,—(2)
За толцѣньѣ, за мѣлотѣѣ, (2)
За сѣянѣ(сѣянѣ), за полотѣѣ.
20. Помолись Богу Господу, (2,	

7. Подружки, голубушки, ужъ вы всѣ ли при собраньицѣ?

(Прикликанье. Поѣтся на дѣвичникѣ).

1. Подружки, голубушки,
Ужъ вы всѣ ли при собраньицѣ, (2)
Ужъ вы всѣ ли въ снаряжаньицѣ? (2)
Сидитѣ, привадумались, (2)	Да идетъ родной батюшко. (2)
Бласлови, родной батюшко, (2)
Ко злату вѣнцу ѣхати, (2)
Мнѣ-ка златъ вѣнецъ принети, (2)
5. Цюжихъ басѣнъ заслушались, (2)
Будто пить(пѣть) у насъ нечево, (2)
Пригѣвать будто неково. (2)
Ужъ, о Господи, Господи, (2)
Бласлови меня, Господи, (2)	25. На головушку накинуги. (2)
Тебѣ спасибо, спасибо, (2)
Да спасібо великое, (2)
Да на дѣрогѣ гостиньцикѣ, (2)
Да на златѣ, на серебрѣ. (2)
10. Сѣсти въ мѣсто, во мѣстецько, (2)
Да во куть, за занавѣсу. (2)
Да оцѣ меня бласлови, (2)
Бласлови, родной батюшко, (2)
Во куть, за занавѣсой. (2)	30. Изолью твои гостиньцики (2)
На кресты да на запки, (2)
Отоплю твои гостиньцики (2)
Ко великому Устюгу, (2)
Ко Миколѣ-то Милосливу. (2)
15. Прикликаю тебя, батюшко, (2)
Къ себѣ въ куть, за занавѣсу, (2)
За тонку, полотняную, (2)
За шиту, перебраную. (2)
Не есѣнъ ли соколъ летить,	35. Спасібо тебѣ, батюшко, (2)
Не забылъ, родной батюшко, (2)
Во куть, за занавѣской,—(2)
Не забудь, родной батюшко,
На цюжой, дальшой сторонѣ, (2)
20. Не голубчикъ ли спархиваѣтъ, (2)	40. У цюжова цюженина. (2)

¹⁾ Горшовникъ—тряпка, которою прихватываютъ горшки.

- Да цюжой-отъ вѣдь цюженинъ (2)
- Онъ безъ плетоцки выучить (2)
- Кѣваньемъ онъ да мѣганьемъ, (2)
- Щѣпаньемъ онъ, рѣваньемъ. (2)
- 45. Да оцѣ меня бласлови, (2)
- Бласлові, родна матушка, (2)
- Во кутѣ, за занавѣской. (2)
- Прикликаю тебя, матушка, (2)
- Къ себѣ въ кутѣ, за занавѣску, (2)
- 50. За тонку, полотняную, (2)
- За шиту, перебраную. (2)
- Не бѣлая лебѣдь летить, (2)
- Не голубушка спорхиваѣтъ, (2)
- Да идетъ родна матушка, (2)
- 55. Да идетъ ко мнѣ жалуетъ. (2)
- Бласлови, родна матушка, (2)
- Ко влату вѣнцю ѣхати, (2)
- Мнѣ-ка златъ вѣнецъ принети, (2)
- На головушку накинуги. (2)
- 60. Тебѣ спѣсибо, спѣсибо, (2)
- Да спѣсибо великое (2)
- Да на дорогѣ гостиньцикѣ... (2)

И т. д., повторяются стихи 29—44 съ перемѣною слова «батюшко» на слово «матушка».

Дальше такъ:

- Прикликаю тебя, брателко, (2)
- Къ себѣ въ кутѣ, за занавѣсу... (2)

И проч., см. стихи 17—18.

- 65. Не есѣвъ ли соколъ летить, (2)
- Не голубчикъ ли спорхиваѣтъ, (2)

- Да идетъ родной брателко, (2)
- Да идетъ ко мнѣ, жалуетъ. (2)
- Тебѣ спѣсибо, спѣсибо, (2)
- 70. Да спѣсибо великое (2)
- Да на дорогѣ гостиньцикѣ, (2)
- Да на златѣ, на серебрѣ. (2)
- Не забылъ, родной брателко, (2)
- Во кутѣ, за занавѣскою,—(2)
- 75. Не забудь, родной брателко, (2)
- На цюжой, дальней стѣронѣ, (2)
- У цюжова цюженина. (2)
- Ты гостѣ, родной брателко, (2)
- Ко цюжому цюженину. (2)
- 80. Да на семъ на бѣломъ свѣту (2)
- Есть одно красно солнышко, (2)
- Есть родимая сестрица, (2)
- Да Матрена то Федоровна. (2)
- Прикликаю тебя сестрица (2)...

И т. д., поются стихи 64-77 съ перемѣною словъ «брателко» на слово «сестрица». Подобнымъ же образомъ (т. е. съ соответствующими измѣненіями обращеній) прикликаютъ дядей, тетокъ и прочую родню. — Во время этой пѣсни невѣста реветъ (плачетъ), а родные съ ней прощаются, т. е. при соответствующихъ словахъ пѣсни (приликанья) подходятъ къ невѣстѣ въ кутѣ за занавѣсу отецъ, мать, братья, сестры и т. д.—всѣ родные, и трижды цѣлуются съ ней. Отецъ и мать при прощаньи благословляютъ невѣсту, а прочіе просто прощаются. При этомъ всѣ родственники, начиная съ ея родителей, дарятъ невѣсту деньгами (обычно кладутъ серебрушку — 25, 20, 15, 10 коп., или мѣдные деньги 5, 3, 2 коп.).

8. Зима, зима студѣная.

(Поется на шитникѣ).

- 1. Зима, зима студѣная.
- У зимы у студѣныѣ (2)
- Да будѣтъ весна красная,
- У весны у красивыѣ (2)
- 5. Да будѣтъ лѣто тѣплоѣ, (2)
- Да у лѣта у тѣплова (2)
- Да пойдуть цѣсты дождицки, (2)
- Наростуть губки, яголки, (2)
- Да зелѣныѣ вѣницки (вѣнички), (2)
- 10. Да боршовыѣ пуцѣцки. (2)
- Подитѣ жо вы, подруженьки, (2)
- Въ лѣсъ по губки, по яголки, (2)
- По зелѣныѣ вѣницки, (2)
- По боршовыѣ пуцѣцки,—(2)
- 15. Ужъ вы старкайтѣ, подруженьки, (2)
- Вы подѣ сѣтнимъ окошецкомъ, (2)
- Изъ-подѣ сутнова подѣ кутнѣѣ. (2)
- Буде я не откликнуся, (2)
- Дакъ откликнѣтсѣ сестрица, (2)
- 20. Щѣ Анфиса Олексѣевна: (2)
- „Оцѣ нѣтъ вашей подруженьки, (2)
- Ошпо ваша подруженька (2)
- У цюжова цюженина, (2)
- У цюжова роду-племени, (2)
- 25. У Ивана Филиповича.

9. Спала, спала занавѣска.

(Поютъ невѣстѣ въ день вѣнчанья, передъ отъѣздомъ къ вѣнцу. Невѣста этою пѣснью прощается со своею дѣвическою жизнью. Во время пѣнія пѣсни женихъ и невѣста стоятъ).

<p>1. Спала, спала занавѣска,
Спала, спала бумажная, (2)
Со золѣзнава шистика. (2)
Спала, спала дѣвья красота ¹⁾ (2)</p> <p>5. Со души красной дѣвицы, (2)
Що съ Агнии съ Олексіевны, (2)
Що повѣрхъ буйны головы, (2)
Подъ конецъ тонкихъ волосовъ. (2)
Я хоцю поклонитися, (2)</p> <p>10. Дѣвья красота свалитися, (2)
Хоцѣтъ проць откатитися. (2)
Унесу дѣвью красоту (2)
Що во грези во цѣрныѣ, (2)
Во болота въ зыбуціѣ, (2)</p> <p>15. Во лѣса во дремуціѣ (2).
Туть пойдуть люди добрыѣ (2)
Съ топорами со острыми, (2)
Подсѣкутъ всѣ тѣмныѣ лѣса, (2)
Подсушать дѣвью красоту. (2)</p> | <p>20. Туть не мѣсто, не мѣстецько, (2)
Не житьѣ, не красованьѣ. (2)
Унесу дѣвью красоту (2)
Во луга ти зелѣныѣ. (2)
Туть пойдуть люди добрыѣ (2)</p> <p>25. Со косами со острыми, (2)
Подкосять шелковую траву, (2)
Подсушать дѣвью красоту. (2)
Туть не мѣсто, не мѣстецько, (2)
Не житьѣ, не красованьѣ. (2)</p> <p>30. Унесу дѣвью красоту (2)
На Дунай, на быстру рѣку: (2)
Поплыви, дѣвья красота, (2)
По Дунай, по быстрой рѣкѣ, (2)
Ещо стань, дѣвья красота, (2)</p> <p>35. Предъ то дѣвьева ²⁾ монастыря. (2)
Туть тѣ(тебѣ) мѣсто и мѣстецько, (2)
Туть житьѣ и красованьѣ.</p> |
|--|--|

Примѣч. Непосредственно за этою пѣснью хулять жениха,—см. слѣд. пѣсню.

10. Подружки-голубушки, призакиньте занавѣску.

(Хулять жениха, когда онъ приѣзжаетъ за невѣстой, передъ отъѣздомъ къ вѣнцу).

А.

<p>1. Подружки-голубушки,
Призакиньте занавѣску, (2)
Посмотритѣ на сужонова, (2)
Умно ли мой сужоной сидить, (2)</p> <p>5. По посацькѣ ³⁾ ли рѣць говорить, (2)
По господски ли кланяется, (2)
Да не пѣтъ ли мой сужоной (2)
Да вина-то зелѣнова, (2)
Да не курить ли сужоной (2)</p> <p>10. Табаку-то проклятова, (2)
Да не держитъ ли сужоной (2)
Приближающихъ подруженѣкъ. (2)
Осподарѣва подруженька, (2)
Не поглянувся твой сужоной: (2)</p> <p>15. Какъ боуванъ ⁴⁾ неотѣсаной, (2)
Веряя нескобленая; (2)</p> | <p>Не уміѣтъ на ножки стать, (2)
Не уміѣтъ поклонъ воздать: (2)
Видно спина болить, (2)</p> <p>20. Семь чирьѣвъ сидить. (2)
Цюѣшь ⁵⁾ ли ты, (2)
Розуміѣшь ли ты? (2)
Можно тѣ цють, (2)
Тебѣ лѣзя розумить,—(2)</p> <p>25. Не малое робя, (2)
Ты не глупъ цѣловѣкъ. (2)
Не пѣсни поѣмъ, (2)
Мы навѣтки даѣмъ. (2)
Пѣсни не баски, (2)</p> <p>30. Пѣвици хороши. (2)
Цюѣшь ли ты, (2)
Розуміѣшь ли ты?</p> |
|--|--|

¹⁾ Красота—лента, влетаемая дѣвушками въ косу.

²⁾ Дѣвьева—дѣвичьяго, женскаго.

³⁾ По посадкѣ.

⁴⁾ Болванъ—чурбанъ.

⁵⁾ Слышишь

Б.

(Вариантъ той же пѣсни, записанный съ голоса тѣхъ-же пѣвицъ; напѣвъ тотъ-же).

<p>1. Изъ куты по лавкѣ
Все пироги,
Все гороховики.
Наѣхали бояра,
5. Да еще всѣ дураки.
Князь молодой
Дурачіе всѣхъ:
На мость идетъ,
Ступѣ кланяется,—
10. Напяется ¹⁾ онъ —
Туту тещу стоить.
Въ избу идетъ—
Целу кланяйтца:
Напяется онъ—
15. Туту теща съ блинамъ.
Наша Прасковья
Не тебѣ была цета, —
Ростомъ повыше,
Умомъ подороже,</p> | <p>20. Бѣлымъ лицомъ
Побѣляе тебя,
Яснымъ оцямъ
Веселяя тебя.
Тебѣ ту цета—
25. Во дворѣ свинья,
Полосатая,
Съ поросятами,
Съ заднѣва хлѣва,
Коя задъ волокла.
30. Цюешь ли ты,
Розуміешь ли ты?
Льзя тебѣ цють,
Тебѣ льзя розумить:
Не малое робя,
35. Да не глупъ цѣловѣкъ.
Мы жо тебѣ
Не писни поёмъ,
Мы отъ тебя
Чашу пива бажимъ, ²⁾
40. У насъ, у пѣвицъ
Пересохло въ ротахъ.</p> |
|---|--|

Примѣч. Всѣ пѣсни подь №№ 5—10-й включительно (всего 6 номеровъ) поются на одинъ мотивъ, что подтвердили и пѣвицы: «эти писни на одинъ голосъ поются».

11. Гдѣ-ка кнѣзь-отъ сидитъ.

(Хвалятъ жениха, когда онъ поклонится дѣвушкамъ — пѣвицамъ. Поѣтся непосредственно за предъидущую пѣсню, въ которой его хулятъ. Если же женихъ почему либо не поклонится, то этой пѣсни ему не поютъ. «Иной, объясняли мнѣ пѣвицы, ни за что не поклонится, сколько его не хуль»).

1. Гдѣ ка кнѣзь-отъ сидитъ (2), да тутъ не надобно свѣчи: (2)
Святить у ево (2) да золотыѣ персни. (2)
Учѣное дитя (2) да дома выучѣно, 2
Дома выучѣно (2), да въ люди вывезѣно, (2)
5. Уміеть онъ стать (2) да намъ поклонъ воздать (2).

Вторая половина послѣдняго стиха поется еще такъ: «да намъ поклонъ воздать, да низко кланяйтца».

II. Протяжныя (хоровыя) пѣсни.

12. Дѣвцѣнышко маленькой.

1. Дѣвцѣнышко маленькой,
Да твой глупе..., твой глупенькой разумокъ.
Твой глупенькой разумокъ...

Запѣвъ
Пѣсня.

На умѣ было, на разумѣ,

¹⁾ Намѣревается, думаетъ.

²⁾ Ждемъ, желаемъ.

- Затѣвъ.*
Пѣсня.
5. Да при... э... ой, при своихъ ясныхъ очахъ.
При своихъ ясныхъ очахъ...
Было въ руцѣкахъ счастье,
Да не... э... ой, не могла счастья сдержать.
Не могла счастья сдержать...
10. Свѣтѣль-ко, свѣтѣль мѣсяць,
Да свѣти вѣ..., свѣти вѣрно во всю ночь,
(или: да свѣ... ой, и т. д.)
Свѣти вѣрно во всю ночь...
Просвѣтну милу дороженьку,
Да куды ми..., куды милому идти.
15. Куды милому идти...
Шоу я прошоу, млодець,
Да вдоль уло..., вдоль улоцьки широкой.
Вдоль улоцьки широкой...
Вдоль улоцьки широкой...
20. Да за рѣще..., за рѣченькой крайней домъ.
За рѣченьку крайней домъ...
За рѣченьку крайней домъ,
Ко вдови..., ко вдовицѣ молодой.
Ко вдовицѣ молодой...
25. У вдовы было, у вдовушки
Есть... э... ой, есть три доцьки хороши.
Есть три доцьки хороши...
Перва доць Паранюша,
Да друга Дунюша душа,
30. Друга Дунюша душа...
Друга Дунюша душа,
Третья Катеринуша,
Третья Катеринуша.
Была Катя маленъка,
35. Да на ей шубка аленька.

13. Луцина, лущинушка.

1. Ужъ ты, луцина, лущинушка берѣзовая,
Що жо ты, лущинушка, не ясно горишь?
Не ясно, не весело, не... ой, не вспыхиваёшь?
Али ты, лущинушка, въ печькѣ не была?
5. Была, была въ печькѣ вцѣра... ой, вцѣрашной ноцѣ.
Лихая свекровка цясто въ пе... ой, въ печьку ходила,
Меня жо, лущинушку, водой подлила.
Меня, молодѣшеньку, всю ночь бранила,
Бранила, журила, ой, до бѣлова дня.
10. Подружки, голубушки, лёжитѣся спать,
Мнѣ жо, молодѣшенькѣ, вся ноцька не спать,
Вся ноцька не спать, кро... ой, кровать собирать.

- Соберу кроватоцьку, вы... ой, выстелю постель,
Выстелю постелюшку, сама лягу съ милымъ спать.
15. Первый спень ¹⁾ заснула, ми... ой, миленькова нѣтъ.
Другой спень заснула, зо... зоря занялась,
Третьей спень заснула, идетъ милой по зорѣ.

III. П л я с о в а я.

14. Пойду ли, выйду ль я.
1. Пойду ли, выйду ль я, (2)
Я ли по малинку; (2)
Сорву ли, вырву ль я (2)
Ягодку малинку. (2)
5. Стой, моя ягодка,
Стой моя зелѣная,
Въ садѣ рано расцвѣла. (2)
Кинуся, брошуся (2)
Къ тятенькѣ на руцьки. (2)
10. Мнѣ не спитця, не лёжитця (2)
У тятки на руцькѣ. (2)
Пойду ли, выйду ль я, (2)
Я ли по малинку: (2)
Сорву ли, вырву ль я (2)
15. Ягодку малинку. (2)
Стой, моя ягодка,
Стой, моя зелѣная,
Въ садѣ рано расцвѣла. (2)
Кинуся, брошуся (2)
20. Къ маменькѣ на руцьки. (2)
Мнѣ не спитця, не лёжитця (2)
У мамки на руцькѣ. (2)

Анатолий Поповъ.

¹⁾ Сонъ.

II. Пѣсни Вологодской губ.,

записанныя А. Н. ПОПОВЫМЪ.

I. СВАДЕБНЫЯ.

№1. Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнова.

Не скоро. м.м. $\text{♩} = 52$.

1 Да изъ-за лѣ-су, лѣ-су тем - - но-ва, Да изъ за те-мно-ва,

дре-му - чо - ва, Да къ в. изъ - за те-мно-ва (да) дре-му - -
 2. изъ - за горь да кру - тыхъ вы - -
 4. вы - ле - та - ло тутъ ста-до - -
 5. дру - го - е ста-до ле - бе - ди - -
 6. от - - ста-ва - ла ле - бе-дь бѣ - -

- чо - ва, Да къ изъ - - за горь да кру - тыхъ вы - со - вихъ, Да къ
 - со-вихъ, Да къ вы - - ле - та - ло тутъ ста-до гу - сей, Да къ
 гу - сей, Да къ дру - го - е ста-до ле - бе - ди - но - е, Да къ
 - но е, Да къ от - - ста-ва - ла ле - бе-дь бѣ - ла - я, Да къ
 - ла я, Да къ отъ ста-да отъ ле - бе-дя - но - ва, Да...

№2. Ужъ ты, ребина, ребинушна.

м.м. $\text{♩} = 52$.

(Да) Ужъ ты, ре-би-на, ре-би-ну-шка (да) Ку-дре-ва-та,

ли - ото-ва - та-я, (да) Къ че-му ра-но по-ша-ти-ла-оя (да)

№3. Солнышко, (2) высоко оно взошло.

Умѣренно. м.м. $\text{♩} = 116$ или $\text{♩} = 44$.

Сол-ны-шко, сол-ны-шко, вы-со-ко о-но взо-шло, вы-со-ко о-но взо-шло

Столь вы-со-ко, столь вы-со-ко дакъ не виха-жи-ва-ло, дакъ не виха-жи-ва-ло.
 Наша По-ла-ги-я, наша По-ла-ги-я, вы-со-ко о-на си-деть, вы-со-ко о-на си-деть.
 въ Столь вы-со-ко, столь вы-со-ко дакъ не си-жи-ва-ла, дакъ не си-жи-ва-ла.

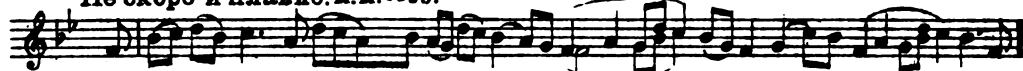

кру-тихъ (вар. къ №1.)

П. В. Г.

№4. Что не златъ перстень съ по горницѣ катаёсѣ.

Не скоро и плавно. м. м. $\text{♩} = 50$.

(Да) Что не златъ перотень о по горницѣ катау - - оё, да вотъ катау - - оё да

На зла_той жем_цо_гда роз_о_м_шау - - оё, да роз_о_м_шау - - оё, да
У насъ Оё_доротъ во сва_дбу сна_ря_жау - - оё, да сна_ря_жау - - оё, у
Насъ Ан_то но виць да о_по_до_бляу - - оё, да о_по_до_бляу - - оё, да
Е_му ма - - ту_шка да го_во_ри - - ла, да го_во_ри - - ла, да
Е_муроди - - ма_я да на_каза - - ла, да на_каза - - ла, да

№5. У сосённи, у ёлоцни.

Умѣренно. м. м. $\text{♩} = 116$.

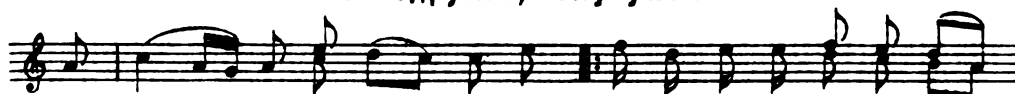
У со_оёнки у ё_лоцки Во_в_прутки во_в_и в_то_цьки во_в_прутки во_в_и в_то_цьки,
У_ро_дим_о_ва_бра_та_лка, у ро_ди_мо_ва_бра_та_лка
Во_в_и гост_и гост_ейки, во_в_и го_о_ти и го_ст_ейки.

№6. Не стой, круша, надъ водой.

Не стой, круша надъ водой, Не равни_л_я на мо_ре, не ро_ни_л_я на мо_ре
Не давай то_о_ки_жа - ло_бы, не давай то_о_ки_жа - ло_бы.

№7. Подружни, голубушни.

По_дру_ж_ки го_лу_бу_ш_ки, У_ж_ь вы во_в_ли при_со_бра_

_н_я_ц_ѣ, у_ж_ь вы во_в_ли при_со_бра_н_я_ц_ѣ

№8. Зима, зима студёная.

Зи_ма, зи_ма студё_на_я, У зи_мы у студё_н_я_ё, у зи_мы у студё_н_я_ё...

№9. Спала, спала занавѣска.

Спа_ла, спа_ла за_на_в_ѣ_с_ка, Спа_ла спа_ла бу_ма_ж_на_я спа_ла спа_ла бу_ма_ж_на_я

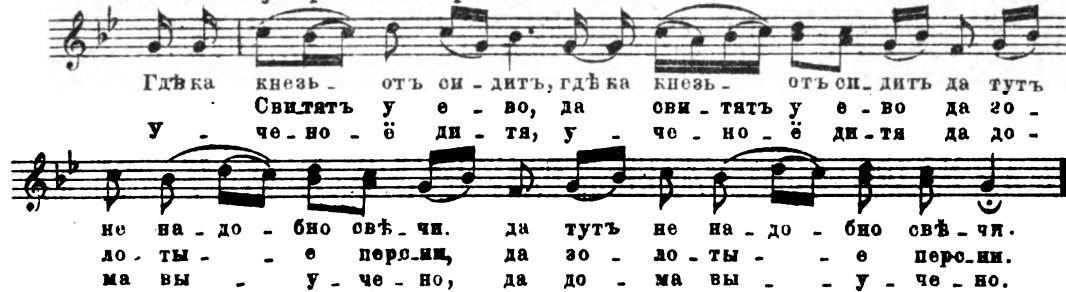
№10. Подруженьки, голубушки, признайте за насъску.

По - дру - жки го - лу - бу - ши, При - за - кинь - те за - на -
вѣ - ску, при - за - кинь - те за - на - вѣ - ску.

№11. Гдѣ-на князь-отъ, сидитъ.

Весело. Съ умѣренной скоростью. м.м. ♩=60.

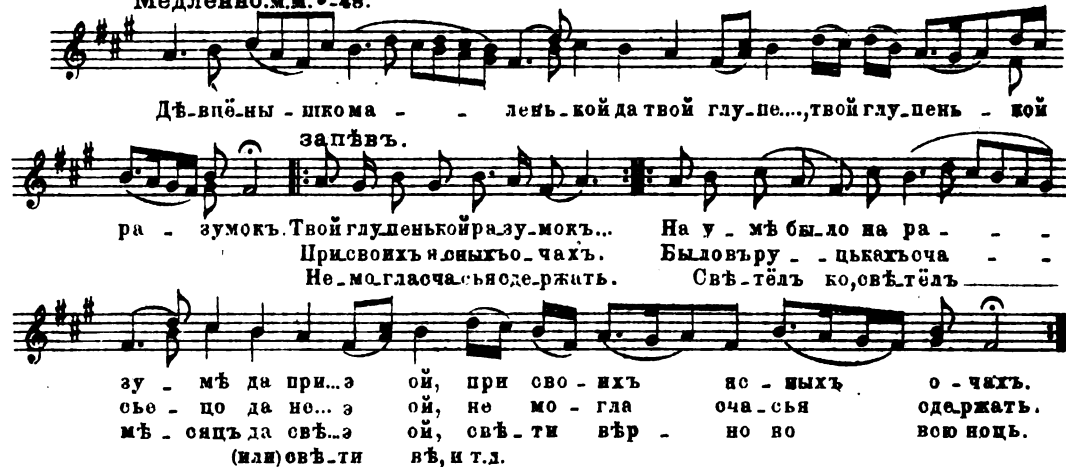

Гдѣка князь - отъ си - дитъ, гдѣка князь - отъ си - дитъ да тутъ
Святать у е - во, да ови - тять у е - во да го -
у - че - но - ѿ ди - тя, у - че - но - ѿ ди - тя да до -
не на - до - бно свѣ - чи. да тутъ не на - до - бно свѣ - чи.
ло - ты - е пер - ни, да зо - ло - ты - е пер - ни.
ма вы - у - че - но, да до - ма вы - у - че - но.

II. ПРОТЯЖНЫЯ (хоровыя)

№12. Дѣвчѣнышко маленькой.

Медленно. м.м. ♩=48.

Дѣ - вчѣ - ны - шко ма - лень кой да твой глу - пенъ..., твой глу - пенъ - мой
за пѣ - вѣ.
ра - зумокъ. Твой глу - пенъ кой ра - зумокъ... На у - мѣ бы - ло на ра -
При своихъ ясныхъ чахъ. Бы - ло въ ру - цѣхъ о - ча -
Не мо - гла съя сдер - жать. Свѣ - тѣль ко, свѣ - тѣль
зу - мѣ да при... э ой, при сво - ихъ яс - ныхъ о - чахъ.
о - ча - сья да не... э ой, не мо - гла о - ча - сья одер - жать.
мѣ - сяцъ да свѣ... э ой, свѣ - ти вѣр - но во всю ночь.
(мал) свѣ - ти вѣ, и т.д.

№13. Луцина, лущинушна.

м.м. ♩=54.

(Ужъ ты) Лу - ци - на, лу - ци - ну - шка, бе - ре - зо - ва - я.
Що же ты, лу - ци - ну - шка, не - я - сно горь - шь?
Не я сно не ве се ло не... ой, не вспо - ми - на - ешь?

III ПЛЯСОВАЯ.

№14. Пойду ли, выйду ль я.

Скоро. м.м. ♩=124.

Пой - ду - ли вый - ду - ля, пой - ду - ли вый - ду - ля Я ли по ма - лин - ку, я ли по ма - лень - ку
П. В. Г.

ВЫКРИКИ РАЗНОСЧИКОВЪ

**въ записяхъ А. Т. Гречанинова, А. М. Листопадова,
Н. А. Невструева, Н. А. Янчука и Д. И. Аракчіева.**

Со вступительными замѣчаніями *Н. А. Янчука.*

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Нѣсколько замѣчаній объ источникахъ изученія первобытной музыки.

Всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь о происхожденіи музыки и о ея сущности, на первый планъ естественнымъ образомъ выступаетъ вопросъ о тѣхъ первичныхъ элементахъ, изъ какихъ слагалась музыкальная мелодія въ ея простѣйшемъ, первобытномъ видѣ. Уже съ давнихъ поръ ученые подходятъ къ этому вопросу съ разныхъ сторонъ, но онъ остался всетаки не рѣшеннымъ и оказывается не такимъ простымъ и незначительнымъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Осложненіе этого вопроса обусловливается еще и тѣмъ, что музыку немислимо, особенно на первой стадіи ея развитія, отдѣлять отъ поэзіи. Первобытная пѣсня есть именно пѣсня въ ея цѣломъ, состоящемъ изъ двухъ нераздѣльных частей—словъ и мелодіи, создаваемыхъ одновременно, какъ продуктъ извѣстнаго настроенія. Но вопросъ о началахъ поэзіи, не смотря на то, что онъ болѣе внимательно обсуждался до сихъ поръ въ наукѣ, чѣмъ вопросъ о музыкѣ, остается и самъ по себѣ далеко не выясненнымъ. Многіе полагали, что появленіе эпоса предшествовало появленію лирики, на томъ основаніи, что лирическія изліянія своихъ чувствованій предполагаютъ будто-бы болѣшую степень сознательности и самоопредѣленія личности, чѣмъ объективная передача въ эпической формѣ того, что не затрогиваетъ ближайшимъ образомъ личности самого рассказчика. Но если даже представить себѣ совершеннаго дикаря, находящагося на ступени чисто животной жизни, когда онъ еще не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ происходящихъ вокругъ него событіяхъ, какъ главномъ фундаментѣ эпоса, то и ему нельзя отказать въ способности такъ или иначе выразить хотя бы чувство боли, страданія или, наоборотъ, чувство веселія, радости, какъ это мы замѣчаемъ даже среди животныхъ. Если отдѣльныя животныя имѣютъ свои опредѣленныя формы для выраженія своего настроенія въ извѣстномъ сочетаніи звуковъ, то и первобытный человѣкъ, несомнѣнно, для тѣхъ-же цѣлей пользовался точно также извѣстными звуковыми формами, и насколько человѣкъ по своей природѣ стоялъ выше животнаго, настолько эти формы лирическихъ изліяній были у него совершеннѣе. Словомъ, повидимому, появленіе лирики естественно должно было предшествовать появленію эпоса ¹⁾.

Если стать на эту точку зрѣнія, то мы должны будемъ отвергнуть и принимаемую очень многими гипотезу, будто въ области лирики самую древнюю форму

¹⁾ Изложеніе взглядовъ различныхъ ученыхъ по этому вопросу см. въ статьѣ болгарскаго ученаго Матова (переведена въ «Этногр. Обзорѣніи», кн. XXIV).

слѣдуетъ признать лирику религіозную. Созданіе того или иного предмета поклоненія есть уже стадія извѣстнаго интеллектуальнаго развитія, очень далеко отстоящая отъ животной жизни, и пѣсня, гимнъ, молитва, выражающая тѣ или иныя отношенія къ высшимъ силамъ, къ божеству, есть далеко не первоначальная форма лирики въ широкомъ смыслѣ слова. Очевидно, ей предшествовали другія, болѣе простыя и, можетъ быть, менѣе осмысленныя формы, основанныя больше на чисто-физиологическомъ импульсѣ. Само собою понятно, что эти первобытныя формы лирики и по своему внѣшнему выраженію должны были отличаться простотою и краткостью, особенно въ своей музыкальной части. Вылившаяся безсознательно въ извѣстной формѣ музыкальная фраза повторялась затѣмъ много разъ съ другими словами, выражающими то-же настроеніе. Такое настроеніе, только, конечно, въ болѣе развитой формѣ, мы и теперь можемъ наблюдать у нашихъ плачѣй, исполняющихъ причитанія на похоронахъ, причѣмъ почти каждый стихъ огромнаго причитанія исполняется на одинъ и тотъ-же мотивъ, и такимъ образомъ все причитаніе представляетъ собою безчисленное повтореніе одной и той-же музыкальной фразы. Музыкальный приѣмъ здѣсь совершенно тотъ-же, что и у любой пѣвчей птицы. И чѣмъ дальше мы будемъ мысленно удаляться въ глубь исторіи чело-вѣчества, тѣмъ большую близость должны будемъ допустить между формами первобытной чело-вѣческой пѣсни и тѣми формами, въ какихъ безмысленныя твари безсознательно выражаютъ свои настроенія.

Изъ сказаннаго ясно, какой глубокой интересъ представляютъ для науки простѣйшія музыкальныя формы, въ которыхъ и въ настоящее время укладываются тѣ или иныя чувства, особенно у малокультурныхъ народовъ, или которыя сопровождаютъ собою извѣстныя дѣйствія, движенія въ какихъ угодно случаяхъ чело-вѣческой жизни. Съ другой стороны, для насъ не должны болѣе казаться простымъ курьёзомъ попытки выразить нотами пѣніе птицъ и крики животныхъ, имѣющіе болѣе или менѣе опредѣленную форму.

Десять лѣтъ тому назадъ нѣмецкій ученый Карлъ Сапперъ, среди другихъ изслѣдованій въ центральной Америкѣ, сдѣлалъ наблюденія надъ пѣвчими птицами въ тамошнихъ дѣвственныхъ лѣсахъ и постарался нотировать птичьи мелодіи обычными нотными знаками. ¹⁾ Его наблюденія чрезвычайно любопытны для исторіи зарожденія естественной музыки и пѣнія. Здѣсь во многихъ случаяхъ мы ясно видимъ извѣстное ритмическое движеніе, мелодическую опредѣленность и гармоническіе элементы въ мелодіяхъ птичьяго пѣнія. Не менѣе любопытны въ этомъ отношеніи и записанныя имъ мелодіи тамошнихъ индѣйскихъ племенъ. Онѣ любопытны именно по своей первобытной простотѣ, почти приближающей ихъ въ отношеніи музыкальнаго достоинства къ характеру безсознательныхъ птичьихъ мелодій. Почти одновременно съ этимъ изданіемъ, въ Запискахъ (*Abhandlungen*) Саксонскаго Ученаго Общества появилось изслѣдованіе другого нѣмецкаго ученаго Карла Бюхера: „Работа и ритмъ“, ²⁾ въ которомъ подобрано не мало примѣровъ пѣсенъ различныхъ народовъ, въ томъ числѣ и дикарей; почти все онѣ поражаютъ

¹⁾ *Carl Sapper*. Das nördliche Mittel-Amerika. Reisen und Studien aus den Jahren 1888—1895. Braunschweig. 1897, стр. 225—236, 310—325 и приложение 404—406., Срв. также «*Neue Musik-Zeitung*» Stuttg.-Leipz. 1895, № 4, p. 45.

²⁾ *Karl Bücher*. Arbeit und Rhythmus. Abhandl. der philologisch—historisch. Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVII, № V. Leipz. 1896. Переведено на русскій языкъ. Изд. О. Н. Поповой, СПБ. 1899. Гл. IV, происхождение поэзіи и музыки; 57 музыкальных примѣровъ. Сокращенное изложеніе см. въ «*Этнограф. Обзорніи*», кн. LIV (безъ музык. номеровъ).

примитивностью своей конструкціи и часто безконечнымъ повтореніемъ одного и того же музыкальнаго колѣна, или музыкальной фразы, иногда съ разными словами. Главную роль въ нихъ играетъ ритмъ, отчасти потому, что здѣсь подобраны пѣсни, сопровождающія работу разныхъ видовъ, съ опредѣленными, болѣе или менѣе размѣренными тѣлодвиженіями: тутъ пѣсни носильщиковъ, погонщиковъ, поливальщиковъ, лодочниковъ и т. д. Не будемъ вдаваться въ разсужденія о томъ, насколько правильны теоретическіе взгляды Бюхера, стремящагося соединить въ неразрывное цѣлое такіа на первый взглядъ несоединимыя вещи, какъ поэзія, музыка, пляска и работа; заслуга его во всякомъ случаѣ въ томъ, что онъ, едва ли не первый, попытался использовать научнымъ образомъ большой музыкально-этнографическій матеріалъ, и именно въ той его части, которая, казалось, представляетъ меньше всего интереса съ чисто музыкальной стороны. Авторъ трактуетъ этотъ матеріалъ съ широко-научной точки зрѣнія въ связи съ капитальными вопросами о началахъ поэзіи и музыки, и приходитъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ выводамъ. Въ болѣе общей формѣ тѣ же вопросы въ недавнее время ставились изслѣдователями Гроссе и Летурно, ¹⁾ причеиъ каждый изъ нихъ также обращается, какъ къ первоисточнику для своихъ выводовъ, къ пѣснямъ и музыкѣ малокультурныхъ народовъ и дикарей, т. е. къ простѣйшимъ формамъ естественнаго музыкальнаго творчества.

Русская наука этого вопроса, можно сказать, еще не касалась. Между тѣмъ къ ея услугамъ, какъ цѣлый рядъ подвластныхъ Россіи малокультурныхъ народовъ съ ихъ почти первобытной музыкой, такъ и сама русская пѣсня, отмѣчаемая во многихъ случаяхъ печатью глубокой архаичности, особенно по нѣкоторымъ отдѣламъ, каковы, напр., былины, причитанія, колыбельныя пѣсни, обрядовыя и нѣкоторыя рабочія. Если собранные въ этой области русскіе матеріалы и изучаются, то исключительно пока съ тою цѣлью, чтобы выяснитъ особенности и сущность чисто-русской музыки, а съ точки зрѣнія исторіи общей музыки этотъ матеріалъ остается пока нетронутымъ. Музыкальная этнографія русскихъ инородцевъ, для даннаго вопроса особенно важная, почти совсѣмъ не разработана, даже въ смыслѣ собиранія сырыхъ матеріаловъ. Если намъ болѣе или менѣе знакома музыка и пѣніе нѣкоторыхъ кавказскихъ и татарскихъ племенъ, то мы очень мало знаемъ музыку финскихъ и совсѣмъ не знаемъ музыки самоѣдскихъ и тунгусскихъ народностей, не говоря уже о какихъ-нибудь вымирающихъ или вымершихъ племенахъ.

Но, оставляя въ сторонѣ инородцевъ, мы не можемъ утверждать, что по крайней мѣрѣ свою русскую народность мы достаточно и всесторонне изучили. Вотъ передъ нами цѣлое собраніе на первый взглядъ крайне курьезныхъ записей со всевозможными возгласами разносчиковъ, торговцевъ, бродячихъ ремесленниковъ и т. п., и все это изображено нотами. Что же это такое? Пѣсни или простой крикъ? Или музыкальные речитативы? И заслуживаетъ ли все это какого-нибудь вниманія? Какъ бы мы это ни назвали, несомнѣнно одно, что это матеріалъ новый, оригинальный и чрезвычайно любопытный, какъ въ чисто-научномъ, такъ и въ музыкальномъ отношеніи. Дайте этотъ матеріалъ нѣмецкому ученому, у котораго подъ рукою обиліе данныхъ по общей музыкальной этнографіи для сравнительнаго изученія, и можно быть увѣреннымъ, что получатся весьма любопытные выводы и обобщенія по принципиальнымъ вопросамъ музыки и искусства. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ

¹⁾ Grosse. Die Anfänge der Kunst. Leipzig 1894. (Глава X—о происхожденіи музыки). Charles Letourneau. L'évolution littéraire etc. Paris, 1894. Оба сочиненія переведены на русскій языкъ. Краткое изложеніе взглядовъ обоихъ авторовъ см. въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», кн. XXIV, стр. 108—117.

подчасъ ничтожныхъ, коротенькихъ музыкальныхъ фразъ есть надъ чѣмъ задуматься, какъ съ точки зрѣнія ритма, такъ и мелодическаго построения. Далеко ли, напримѣръ, ушелъ какой-нибудь старьѣвщикъ съ своимъ монотоннымъ, угрюмымъ речитативомъ отъ американскаго индѣйца, исполняющаго свою мелодію на одной нотѣ безъ опредѣленнаго ритма, и только въ силу простой усталости и требованія передышки опускающаго голосъ въ каденціи на терцію или квинту? Но въ то-же время въ речитативѣ этого старьѣвщика мы слышимъ явное, быть можетъ, невольное подражаніе церковному приему дьячковъ и діаконовъ при чтеніи и произнесеніи возгласовъ. Является, слѣдовательно, рядомъ съ примитивной формой, и постороннее культурное вліяніе. Подобныхъ примѣровъ, наводящихъ на размышленія съ чисто научной стороны, найдется здѣсь немало. Но помимо этого, печатаемый здѣсь матеріалъ, на нашъ взглядъ, можетъ и въ практическомъ смыслѣ оказаться полезнымъ для нашихъ композиторовъ, черпающихъ данныя изъ народнаго источника. Возьмемъ хотя бы, напр., Н. А. Римскаго-Корсакова, едва ли не впервые въ русской оперной музыкѣ попытавшася воспользоваться подобнымъ матеріаломъ, и мы видимъ, сколько оригинальности и характерности придаетъ это соотвѣтственнымъ сценамъ изъ народнаго быта¹⁾. Нѣкоторые печатаемые здѣсь выкрики и по своей мелодической формѣ могутъ представить интересъ для композитора, такъ какъ имѣютъ опредѣленную, законченную мелодію.

Давая мѣсто этимъ записямъ въ нашемъ изданіи, мы можемъ только высказать сожалѣніе о томъ, что на эти вещи до сихъ поръ не было обращено достаточно вниманія. Несомнѣнно, что, среди другихъ особенностей родной старины, и эта черта народнаго быта постепенно исчезаетъ. По личному наблюденію мы замѣчаемъ, что, во-первыхъ, многіе виды промысла, связаннаго съ уличными выкриками, совсѣмъ исчезли, а во-вторыхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше замѣчается мастеровъ и виртуозовъ этого искусства, да наконецъ въ настоящее время администрація нерѣдко за-прещаетъ торговцамъ какіе бы то ни было выкрики на улицахъ и во дворахъ. Въ доброе старое время, кромѣ торговцевъ, съ этой стороны представляли не менѣ интереса и другіе типы, какъ напр., скоморохи, раѣшники, вожаки медвѣдей и т. п., ходячіе пѣсенники, прибаутчики и зазывальщики; къ сожалѣнію, отъ нихъ почти ничего не осталось для музыкантовъ-этнографовъ, такъ какъ своевременно не было почти ничего записано, кромѣ кое-какихъ обрывковъ прибаутчныхъ текстовъ²⁾. Слѣдовало бы также обратить вниманіе и на другіе виды возгласовъ, употребляемыхъ въ народномъ быту въ настоящее время, напр., на способы зазыванія домашнихъ животныхъ и т. п. Наконецъ, есть еще въ народѣ обычай передразнивать пѣніе и крикъ различныхъ птицъ и животныхъ съ придуманными для этого словами. Интересно было бы собрать и такой матеріалъ; онъ любопытенъ и съ бытовой стороны и, быть можетъ, съ музыкальной, также какъ и птичья мелодія. Для науки такой матеріалъ интересенъ уже потому, что нѣкоторыми учеными въ вопросѣ о происхожденіи музыки придается большое значеніе звукоподражаніямъ на первобытной стадіи человѣческаго развитія. Намъ извѣстенъ въ русской литературѣ одинъ только опытъ такой работы, произведенный Н. Д. Беромъ со словъ и съ голоса извѣстнаго смо-

¹⁾ Можно указать на его оперу «Млада» (актъ 2, сцена 1), «Садко» и др. Есть тѣ-же приемы и у нѣкоторыхъ иностранныхъ композиторовъ, напр., у Масене («Манонъ-Леско»).

²⁾ Нѣкоторыя прибаутки раѣшниковъ напечатаны, напр., въ «Трудахъ Этнографическаго Отдѣла»—нашего Общества, т. IX (записи Кельсиева).

ленскаго этнографа, нашего сочлена В. Н. Добровольскаго ¹⁾. Кое-какія относящіяся сюда данныя можно найти и въ польской этнографической литературѣ ²⁾, но, къ сожалѣнію, музыкальная сторона этихъ звукоподражаній обыкновенно оставляется въ сторонѣ.

Намъ припоминается еще по этому поводу интересное наблюденіе одного нашего стараго путешественника академика Штеллера, который встрѣтилъ на Камчаткѣ птицу утиной породы (*Anas cauda acuta Islandica Wormii*), называемую тамошними русскими „дьячкомъ“ за то, что ея крикъ напоминаетъ пономарскій перезвонъ колоколовъ. Мелодія ея, изображенная путешественникомъ нотами, состоитъ изъ двухъ чередующихся трезвучій діатоническаго характера (до-ми-соль, до-фа-ля). Камчадалы въ своемъ пѣніи подражаютъ этому крику, и у нихъ есть пѣсня подъ назв. „Аангичъ“, какъ они называютъ и вышеуказанную утку. Въ своихъ играхъ они подражаютъ движеніямъ птицъ и животныхъ ³⁾.

Не задаваясь цѣлью подробно разбирать печатаемые ниже выкрики, мы ограничиваемся пока этими замѣчаніями, имѣющими цѣлью нѣсколько освѣтить съ научной стороны этотъ матеріалъ и поставить его въ нѣкоторую связь съ другими подобными данными, имѣющимися въ этнографической наукѣ. Оцѣнить музыкальное значеніе этихъ разрозненныхъ музыкальныхъ обломковъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи,—дѣло музыкантовъ. Мы же въ данномъ случаѣ являемся только добросовѣстными собирателями произведеній народнаго творчества, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось. Впослѣдствіи легче отбросить ненужное, чѣмъ упустить важное и жалѣть о безвозвратно погибшемъ.

Н. Янчукъ.

¹⁾ См. «Этнографическое Обзорѣніе», кн. XXII («Звукоподражанія въ народномъ языкѣ и народной пѣвнѣ», съ нотами). См. также въ «Смоленскомъ Этнографич. Сбор.», т. IV. (безъ нотъ).

²⁾ См. напр., брошюры: *Stefanija Ulanowska*, *Symbolika wiosenna*. Kraków. 1884 (оттискъ изъ «Czasu»).

³⁾ *G. W. Steller*. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt u Leipzig. 1774. Стр. 5 и 336, (пѣсни камчадаловъ, съ нотами).

Выкрики разносчиковъ.

По записямъ А. Т. ГРЕЧАНИНОВА.¹⁾

Въ Петербургѣ. Селедки.

Лѣтливо.

№ 1. № 2.

Се-лед-ки га-дан-о-кія, се-лед-ки!

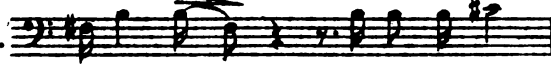
Се-лед-ки га-дан-о-кія, се-лед-ки!

Швабры.

№ 3.

Шваб-ры! Шваб-ры!

Старьевщикъ.

№ 4.

Ка-лотей, три-покъ, бу-ты-локъ, ба-н'ки

(въ носъ)

Татаринъ.

Быстро.

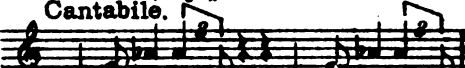
№ 5.

Ха-лять, ха-лять!

Ха-лять, ха-лять!

Вашмаки, туфли.

Cantabile.

№ 6.

Ваш-ма-ки, туф-ли! Ваш-ма-ки, туф-ли!

Клюква.

Molto cantabile.

№ 7.

Клюк-ва по-до-нѣ-ж-ная, клюк-ва!

Въ Москвѣ. Студень.

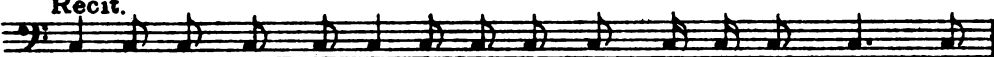
Сдавленнымъ голосомъ.

№ 8. (последняя нота неопределенная).

Сту-день го-ва-жій!

Старьевщикъ (дьячить).

Recit.

№ 9.

Ста-ра-го стар-я, ста-рыхъ са-по-говъ про-да-вать нѣтъ-ли?

Баранки.

Cantabile.

№ 10.

Вѣ-ам-я кру-пи-ча-ты-я ба-ра-ш(ы)-ки!

1) Въ скрипичномъ ключѣ женскіе выкрики, въ басовомъ-мужскіе. А. Г.

2) Этотъ мудреный выкрикъ былъ слышанъ мною въ Москвѣ очень давно (1882-86) а потому за помную точность хода, отмѣеннаго скобкой, не ручаюсь. А. Г.

(приблизительно)

№11. По - клук - ву, по - клук - ву, по - клук - ву!

Дачная мѣстность подъ Москвой. 1880-90 гг.

Andantino
Теноръ

№12. Са - до - ва крас - на омо - ро - ди - на!

Andantino
Теноръ

№13. Цы - пая - та мо - ло - ды - я! Ку - ры мо - лод - ка

Andantino
Теноръ

№14. Кар - то - фе - лю, кар - то - фе - лю, ка - пу - ты, ка -

ренъ - евъ, о - гур - цовъ, о - гур - цовъ!

(въ концѣ легато внизъ на неопре-
дѣленную ноту).

Тула въ 90 годахъ.

Когда огурцы дороги.
Allegretto. Нѣжнымъ голосомъ.
Альтъ

№15. О - гур - чи - ковъ зе - ле - ныхъ, о - гур - чи - ковъ!

Когда дешевы.
Allegro. Грубо, сердитымъ голосомъ.

№16. О - гур - цовъ, о - гур - цовъ, о - гур - цовъ!

Выкрики разносчиковъ,

собранные А. М. ЛИСТОПАДОВЫМЪ.

Новочернасснѣ. Молодой парень одной изъ среднихъ губерній собираетъ для починки худыя ведра, кострыли, тазы и проч. На длинной палкѣ черезъ плечо болтается разбитый „КАЗАНЪ“ (мѣстное названіе ведра).

№ 1.
 А вотъ, к' - за - ны, та - зы по - чи - нять!

Новочернасснѣ. Казанщикъ.

№ 2.
 Вотъ ка - за - новъ по - чи - нять!

Новочернасснѣ. Казанщикъ.

№ 3.
 Вотъ ка - за - новъ по - чи - нять! Вотъ тру - бы и' са - мо - варъ!

Новочернасснѣ. Точильщикъ со станкомъ на плечѣ.

№ 4.
 Тэ - чить на - жи, но - жи - цы тэ - чить и бы - ри - твы пра - вить!

Новочернасснѣ. Точильщикъ.

№ 5.
 (Т)э - чить но - жи и и но - жи - цы, (т)э - чить бри - твы,

 пра - вить! (Т)э - чить, по - то - чить не же - ла - е - те - ли?

Москва. Точильщикъ.

№ 6.
 Та - чить на - жи, но - жи - цы, на - пил - ки, бри - твы!

Москва. Продавецъ клеёнокъ.

№ 7.

Кле-ен-ки, до-рож-ки! Ков-ры, до-рож-ки!

Пѣвуче.

Ков-ры по-ло-вы-е, ков-ры, до-рож-ки! Кле-ён-ки, до-рож-ки!

Москва. Продавецъ ковровъ.

№ 8.

Ков-ры по-ло-вы-е, ков-ры, до-рож-ки!

Ков-ры до-рож-ки! Ков-ры, до-рож-ки!

Новочернась. Ниточница.

Молодая кохлуша изъ старобѣльскихъ или бѣловодскихъ (Харьк. губ) съ корзиной и огромнымъ мѣшкомъ за спиной, переполненными всевозможнымъ мелкимъ галантерейнымъ товаромъ: тутъ и принадлежности для шитья-нитки, иглолки, наперстки, и косметика-помада, бѣлила, духи; а платочкѣвъ, чулокъ, кружевъ-що твѣй армарокъ!

№ 9.

Плат-ковъ, чу-локъ на-до, тѣ-тнѣ-ка?

Чу-локъ, ми-ла, пла-то-чкѣвъ, тѣ-тнѣ-ка?

Новочернась. Ниточница.

№ 10.

А ны-токъ, е-го-локъ на-до, тѣ-тнѣ-ка?

Москва. Разносчикъ половыхъ щетокъ.

№ 11.

Щет-ки, щет-ки, щет-ки!

Новочернассія бублишницы.

Волѣдъ за курами и пѣтухами по утрамъ рано вылазятъ изъ своихъ „куреньковъ“ (домовъ) гдѣ-нибудь на окраинѣ города, новочернассія бублишницы съ корзинами, изъ которыхъ выглядываютъ вкусныя бублики (тѣже московскія баранки, только крупнѣй и одобнѣй) и начинаютъ свое „кукареку!“ Свой районъ эти ходячія газеты знаютъ основательно.

Московская улица.

№ 12.
А бу - бли - ка!

Песчаная ул.

№ 13.
А бу - бли - ка!

Песчаная ул.

№ 14.
Бу - бли - ка!

Платовскій проспектъ.

№ 15.
А бу - ба - ли - ка!

Воспитательная ул.

№ 16.
Бу - бли - чкавъ, бу - бли - чкавъ!

Воспитательная ул

№ 17.
Бу - бли - кавъ, бу - бли - кавъ!

Воспитательная ул.

№ 18.
Бу - бли - ка!

Песчаная ул.

№ 19.
Бу - бли - кавъ, бу - бли - кавъ!

Новочернасснѣ. Крупный, высокаго роста мужчина, веселый балагуръ носить бублики въ корзины на головѣ. Остановится, лѣвой рукой подбоченится, правую подниметъ и начинаетъ дирижировать самому себѣ...

№ 20.
А (вотъ хо - рошпан, и мяг - кі - е и бу - бли - ки!

И сдо - бна - и, и мяг - кі - е и бу - бли -

- ки! На - мас - лѣ пе - че - на - и бу - бли - ки, съ Мо - оквы при - ве -

- зе - на - ѣ бу - бли - ки! Бу - бли - ки, ба - ба - чки, бу - бли - ки, бу - бли - ки!

Новочеркасскъ. Василій, общій другъ учащейся молодежи, везетъ въ колясочкѣ мороженое. Лѣтъ 10 назадъ гадку съ двумя формами мороженого мороженщики носили на головѣ.

№ 21. съ передышкой.
Са - ха - ры - ный ма - рож - ный ма - рож(еное)..

Новочеркасскъ. Мороженщикъ Григорій - всегда въ необыкновенно пестрой рубахѣ, перевязанный длиннѣйшимъ полотенцемъ черезъ плечо.

№ 22.
Са - хар - ны ма - ро - жи - на!

Новочеркасскъ. Мороженщикъ.

Новочеркасскъ. Мороженщикъ.

№ 23. № 24.
Са - хар - на ма - рож - (еное)! Са - хар - ны ма - рож. (еное)!

Москва. Весельчакъ старикъ съ рыжей бородой возитъ въ телегѣ яблоки. Барникъ выражаетъ неудовольствіе: ты что-же сокому-то мнѣ суешь вѣстѣ съ яблоками! - Солома, барникъ мой, вкуснѣй ишшо яблмквзв! Покушай!..

№ 25. Я - блы - ки, я - блы - ки, я - блы - ки! Я - блы - ки, я - блы - ки!

Москва. Парень въ телегѣ, сидя на ящикѣ съ яблоками.

№ 26. Я - бло - ки, я - бло - ки, я - бло - ки!

Москва. Молодой парень въ полушубкѣ стоитъ во весь ростъ въ телегѣ и сосредоточенно выкрикиваетъ, видимо, упиваясь самъ своею музыкой.

№ 27. Я - бло - ки, я - бло - ки, я - бло - ки! Я - бло - ки,

Москва.

№ 28. Я - бло - ки, я - бло - ки!

МОСКВА. Молодой голосистый парень несет на головѣ въ двухъ небольшихъ ведочкахъ на доткѣ **МОЧЕНЫЯ ЯБЛОНИ** Говорь сильно ожающій.

№ 29.
 Мо . че . ны я . бло . ки, мо . че . ны хо . ро . ши!
 По . мо . че . ны, мо . че . ны хо . ро . ши!

Саратовъ. Баба носить ягоду въ рѣшетѣ или на доткахъ, подвѣшенныхъ на коромысло.

№ 30.
 Я . гыдъ олад . кихъ, я . гыдъ! Ду . ам, ви . но . гра . ду,
 Ду . ам, бр . га . мо . ту,
 ду . ам! Виш . ни олад . кай, виш . ни!
 ду . ам! Сля . вы олад . кай, оли . вы!

Тамбовъ. Ягодница.

МОСКВА. Въ двухъ сумочкахъ че . ре . зу плечо молодой парень несетъ свой товаръ

№ 31.
 Я . годъ, зем . ля . ни . ки, я . годъ!
 № 32.
 Ро . стовскайго . рошекъ ве . ле . най!

МОСКВА. Старикъ возить въ телѣгѣ картофель.

№ 33.
 Кар . ту . хи, кар . ту . хи!

МОСКВА. Продавецъ сушеныхъ грибовъ.

№ 34.
 Гри . бовъ, гри . бовъ бѣ . лыхъ! Бѣ . лыхъ гри . бовъ, гри . бовъ бѣ . лыхъ!

Воронежъ. Старая баба несетъ за спиной рѣшето съ вареными ранами.

№ 35.
 Ра . ки, ра . ки, ра . ки, ра . ки, ра . ки, ра . ки!

МОСКВА. На головѣ лотокъ съ битой птицей.

№ 36.
 Ку . ры, цы . пля . ты! Цы . пля . ты, ку . ры!

МОСКВА. Продавецъ рыбы.

№ 37.
 А . ры . ба жи . вай!

Новочернасскъ. Сѣдой старикъ въ огромныхъ сѣнхъ очахъ, съ мѣшкомъ черезъ плечо, рѣвкимъ козлинымъ голосомъ выкрикиваетъ, заглядывая водворъ.

№ 38.
 Хо - зя - е - ва! Нѣтъ ли мѣ - ди до ма - ной, га - лу - новъ ста - рыхъ?

Москва. Татаринъ старьевщикъ.

№ 39.
 Нѣтъ ст' - рья пр' - да - вать!

№ 40.
 Нѣтъ пр' - да вать ст' - рья! Хо - рошъ то ва ры мѣ - ня ть, пр' - да вать ст' - рья!

№ 41.
 Э - сть пр' - да - вать ста - рья! Па - ку - па - нья!

Воронежъ. Малороссъ (хохолъ) везетъ деревянный уголь на возу въ необытнѣйшей сажетѣ, плетеный ящикъ надъ за которой выгладываетъ черная, вся испачканная въ уголь голова. Останавливается около воротъ и оретъ во все горло.

№ 42.
 Ву - гыль - ёвъ, ву - гыль - ёвъ, ву - гыль - ёвъ!

 Ву - гыль - ёвъ, ву - гыль - ёвъ, ву - гыль - ёвъ!

Тамбовъ. Великороссъ везетъ деревянный уголь въ плетеномъ ящикѣ на телегѣ.

№ 43.
 У - глей, у - гай! У - голь - кёвъ, у - голь - кёвъ!

Коломна. Базаръ На лоткѣ, разложенномъ на треножничѣ, стоятъ нѣсколь - ко маленькихъ боченковъ съ различнымъ квасомъ.

№ 44.
 Вотъ у - насъ и для васъ есть и ду - ля, гру - ша, квась, квась, квась!

Коломна. Базаръ Старикъ стоитъ около своего лотка съ квасомъ и заливается на какой-то гласъ.

№ 45. Мо-ло-дой ква-сокъ, са-мой луч-шій квасъ! Дѣ-вуш-ка ни-

 да, под-хва-ди-ва-ла... да... да!

Село Богородское Моск. губ. Баранки.

№ 46. Са-хар-ны ба-ран-ки, ба-ран-ки, ба

 ран-ки, ба-ран-ки, ба-ран-ки!

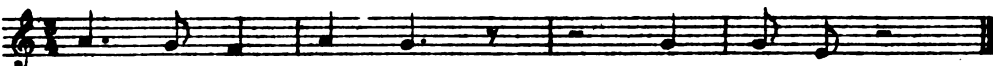
Енатовининская ст. Донской области. Крестьянинъ везетъ бѣлую глину, добытую въ соседней станицѣ.

№ 47. Гли-ны бѣ-лой, бѣ-лой! Бѣ-лой гли-ны, бѣ-лой!

Москва. Парень съ рябчиками въ плетенкѣ.

№ 48. Си-бир-ски ряб-чи-ки, ряб-чи-ки бы-ты! Си-бир-ски ряб-чи-ки!

Москва. Мальчики носятъ на лоткахъ рыбу.

№ 49. Свѣ-жа-я ры-ба! Вотъ ры-ба!

№ 50. Свѣ-жа-я ры-ба, ры-ба! Вотъ свѣ-жа-я ры-ба!

Разносчики.

По записямъ Н. А. НЕВСТРУЕВА.

Игрушки.

Дачная мѣстность подь Москвой. Разносчикъ игрушекъ имѣетъ видъ прогорѣшаго городского приказчика. Полное отсутствіе и поэзіи и симпатичности. Голосъ хриплый, пролившійся. Темпъ рубить отчетливо.

№ 1.
 Иг - руш - ки дѣт - ски, ба - ра - бан - чи - ки ту - ред - ки!

Татаринъ.

Все время глядеть по верхнимъ окнамъ, шапка на ватылѣ, за синной мѣшокъ, въ рукавѣ аршинъ и кружева.

м. $\text{♩} = 66-60.$
 № 2.
 Есь т' варь, т' варь! Мь' вать, пр' д' вать! Куни, барышъ, матеръ харонш!

Предать сапоги нѣтъ-ли? (Два-три слова подь-носъ, которыхъ совсѣмъ нельзя понять.)

Есь т' варь, т' варь! Мь' нать, пр' д' вать!

Старьёвщикъ.

Высокій, угрюмый субъектъ въ картузѣ съ большимъ козырькомъ, очень мрачнаго вида, кричитъ на лѣнвыхъ остановкахъ по дворамъ почти замогильнымъ голосомъ.

м. $\text{♩} = 60-66.$
 № 3.
 Ста - ра-го пла-ть-я ста - ра-го старь-и, ста - рыхъ са-во-говъ!

Ковры.

МОСКВА, улица въ районѣ Тверской-Ямской, Кудрина и вообще мѣстности, недалекой отъ Брестск. вокзала. „Цивилизованный“ черейскій мужикъ гуляетъ съ грузомъ самодѣльныхъ ковровъ, кричитъ весело. Краскобай, торгошъ, съ удовольствіемъ оставитъ товаръ въ кредитъ.

м. $\text{♩} = 116-120.$
 № 4.
 Ков - ры по - ло - вы - е, ков - ры, до - рож - ки, ков -

ровъ - то! Ков - ры, до - рож - ки! Ков - ровъ, ков - ровъ - то!

В.Р.

Клубника.

Дачная мѣстность. Полдень, жара, воздухъ пропитанъ пылью. Все сѣрое и сморщенное, дремлющее. Пустой пыльный переулокъ. Кое-гдѣ на балконахъ убійственно молчатъ дачники. Напряженный голосъ разносчика звучитъ одиноко и тоскливо. По звуку слышно, что снѣгъ обливается потомъ.

№ 5. $m. \text{♩} = 58.$

Са-до-ва клуб-ни-ка! Клуб-ни-ка хо-ро-ша! Са-до-ва клуб-ни-ка!

Молоко.

МОСКВА. Сырое осеннее утро, мелкій дождь, Баба, закутанная въ тысячу платковъ, сидитъ на возу съ кушниками, покрытыми тряпьемъ и рогожами.

№ 6. $m. \text{♩} = 84.$

Мла-ка, мла-ка, мла-ка, мла-ка!

Бублики.

С. РОЖДЕСТВЕННО. Воскресный базаръ. Толстая баба сидитъ на полнѣи за лоткомъ, сгараясь перекирчать шумъ толпы, гармоникки, пѣсни, шутки и ругань.

№ 7. $m. \text{♩} = 72.$

Буб-ли-ки, буб-ли-ки, буб-ли-ки, буб-ли-ки, кан-фет-ки!

Пышки.

МОСКВА. Приземистый, корявый мужичекъ, съ большимъ покрытымъ холстомъ лоткомъ на ремнѣ, ходитъ въ мѣстности Храма Спасителя, Пречист. бульв. и Москвы рѣки, заходитъ въ большіе дворы, гдѣ много мастеровыхъ ребятъ, играющихъ въ бабки, и только тамъ кричитъ весело, съ добродушной улыбкой.

№ 8. $m. \text{♩} = 72.$

Вотъ пыш-ки, пыш-ки, ребя-тиш-ки, пыш-ки! Ой!

Сразу спуская внизъ, говоркомъ

Дѣточки, дѣточки, возьмите у мамы во монеточкѣ!.. Вотъ пышки, пышки го-ря-ац!

Возгласы разносчиковъ

Записанные Н. А. ЯНЧУКОМЪ, въ Москвѣ.

Малина-клубника.

№ 1. Медл.

Са-до-ва ма-ли-на. Вотъ са-до-ва клуб-ни-ка хо-ро-(ша.)

1) Въ послѣднемъ тактѣ очень протянутое *legato* между *la-b.* и *re-b.*, вродѣ подымающаго, обрывается коротко.

2) Въ первыхъ двухъ тактахъ звукъ очень неопредѣленный; это что-то между . Въ послѣдн. тактѣ знакъ показываетъ широкое *legato* въ совершенно неопредѣленной и каждый разъ произвольной нотѣ внизу (не ниже октавы).

3) Первый хроматическій ходъ не отличается большимъ опредѣленностью.

В.Р.

Картофель, шинать, огурцы.

Медл.

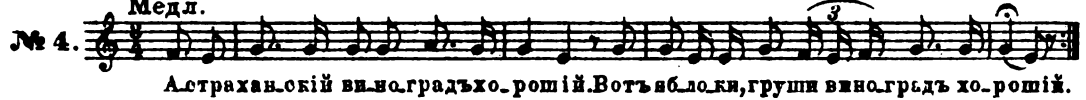
Клюква, орѣхи.

Медл.

Виноградъ, яблоки, груши.

Медл.

Точить ножи, ножницы.

Мед.

Щетки, ковры.

Медл.

Ковры, дорожки.

Andante.

Записи Д. И. АРАКЧЕВА.

Село Богородское (Моск. губ.) Баранки.

Adagio.

riten.

Конфеты.

Andante.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Пѣсни Русскаго народа, собранныя экспедиціей Имп. Русск. Географич. Общества въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 г. Записали: слова Ѡ. М. Истомина, напѣвы—Г. О. Дютшъ. СПБ. 1894.

Настоящій сборникъ уже достаточно извѣстенъ, и отзывъ о его литературной части былъ уже данъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», но музыкальная сторона его до сихъ поръ оставалась невыясненной. Въ свое время этотъ огромный трудъ не мало удивилъ содержаніемъ въ себѣ напѣвовъ духовныхъ стиховъ, былинъ и другихъ пѣсенъ: ихъ всего 119—небывалая до того времени цифра! Но впоследствии въ печати появилось и появится большое количество все новыхъ и новыхъ записей напѣвовъ, да еще фонографическихъ. Тѣмъ не менѣе это большое собраніе пѣсенъ съ напѣвами въ высшей степени цѣнно, прежде всего, какъ опытъ сознательной работы, и притомъ выдающейся въ области музыкальной этнографіи, сдѣланной специалистомъ музыкантомъ. Въ изданіи «Пѣсенъ русскаго народа» на Высочайше дарованныя средства нужно видѣть официальное, до нѣкоторой степени, признаніе важности сохраненія памятниковъ старины и изученія народнаго музыкальнаго творчества на ряду съ творчествомъ литературнымъ. Успѣхи позднѣйшихъ изслѣдователей по собиранію памятниковъ народнаго творчества показали намъ, что обследованіе Архангельской и Олонецкой губерній собирателями г.г. Истоминымъ и Дютшемъ было произведено поверхностно, но и собраннаго матерьяла было достаточно, чтобы возбудить громадный интересъ изучающихъ народную музыку. Этотъ матерьялъ содержитъ въ себѣ немало такихъ образцовъ, которые указываютъ на пережитки различныхъ эпохъ въ развитіи мелодическаго склада, начиная съ эпохи трихордовъ (въ предѣлахъ терціи), каково, напр., причитаніе № 1 (отд. III), и кончая сложными звукорядами, въ которыхъ болѣе, чѣмъ въ напѣвахъ другихъ частей Россіи, замѣтны первобытные обороты мелодіи; примѣровъ этого въ сборникѣ много. Къ недостаткамъ сборника нужно отнести отсутствіе указаній темпа, что уже неоднократно порождало неправильное трактованіе записей напѣвовъ; такъ, напр., М. А. Балакиревъ гармонизовалъ «виноградіе» (стр. 131) съ обозначеніемъ медленнаго темпа, тогда какъ оно должно исполняться очень скоро; кромѣ этого, можно было бы указать на неточность ритмической разгруппировки напѣвовъ, но мы оставляемъ эту сторону, требующую наиболѣе обстоятельнаго разбора. Въ этихъ недостаткахъ изслѣдователю не трудно разобраться, и въ нихъ-то мало повиненъ г. Дютшъ, тѣмъ болѣе, что ритмическая сторона русской народной музыки оставалась до сихъ поръ почти совершенно темной. За точность же записи, поскольку она не фонографическая и поскольку точно могла быть сдѣлана на слухъ, ручается имя автора Г. О. Дютша, на котораго выпала задача ознакомить насъ съ пѣснями сѣвернаго края, до того времени оставшагося почти совершенно не изученнымъ въ музыкально-этнографическомъ отношеніи.

А. Масловъ.

Пѣсни Русскаго народа, собранныя экспедиціей Имп. Русск. Геогр. Общества въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 г. Записали: слова Ѣ. М. Истомина, напѣвы—С. М. Ляпуновъ. СПБ. 1899.

Относительно научнаго значенія этого сборника можно сказать то же, что и про первый, только здѣсь мы замѣтили пополненіе одного изъ особо важныхъ пробѣловъ въ записяхъ напѣвовъ перваго тома «П. Р. Н.», именно у каждаго напѣва здѣсь указано метрономическое обозначеніе. Какъ въ томъ, такъ и въ этомъ сборникѣ отсутствуютъ поясненія къ напѣвамъ; поэтому дѣлается непонятнымъ, обозначаютъ ли маленькія нотки вариантъ напѣва или созвучія, какъ зародышъ многоголосія. Напѣвы изложены современными нотами на пятилинейной системѣ, и никакія отступленія природнаго строя, какимъ поетъ народъ, отъ темперированнаго не отмѣчены. Изъ 265 записанныхъ экспедиціей напѣвовъ, какъ говоритъ г. Истоминъ въ предисловіи, попало въ сборникъ всего 163. Что значить эта фильтрація? Въ томъ же предисловіи мы читаемъ: «единственная, при всей тщательности розысковъ, былина записана въ Тотемскомъ у. Вологодской губ. Весьма интересная по новизнѣ содержанія, былина эта, повѣствующая о борьбѣ Ильи Муромца съ царемъ Куркасомъ, къ сожалѣнію, не представляетъ, по мнѣнію С. М. Ляпунова, большого интереса въ музыкальномъ отношеніи». Между тѣмъ въ этой былинѣ изслѣдователь наталкивается на типичныя архаичныя черты (трихордъ въ предѣлахъ кварты), выразившіяся въ 1-й половинѣ всего напѣва (его неполный звукорядъ таковъ: g-a-(h)-c-d-e), вслѣдствіе чего этотъ одинъ напѣвъ можетъ быть цѣннѣе для изслѣдователя, чѣмъ большинство здѣсь же напечатанныхъ протяжныхъ. Въ вышеприведенномъ мнѣніи С. М. Ляпунова, нужно видѣть нѣкоторую научную неподготовленность, съ которой онъ взялся за дѣло собиранія памятниковъ народнаго музыкальнаго творчества, и является важный вопросъ, не есть ли все то невошедшее въ этотъ сборникъ и, подобно вышеупомянутой былинѣ, «не представляющее большого интереса въ музыкальномъ отношеніи», наоборотъ, интересное въ научномъ отношеніи? С. М. Ляпуновъ, вѣроятно, разумѣлъ не науку, а приложимость напѣвовъ къ художественной обработкѣ; такой ошибочный субъективный взглядъ на цѣнность народнаго искусства не мало вредить въ научныхъ изысканіяхъ, и съ нимъ постоянно приходится считаться.

А. Маслово.

Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. П. Сокальскимъ. Посмертное изданіе Бессель и К°. СПБ. 1903.

Въ этомъ сборникѣ, содержащемъ 35 мелодій съ фортепианнымъ сопровожденіемъ собирателя, насъ особенно интересуетъ предисловіе покойнаго выдающагося изслѣдователя, во многихъ отношеніяхъ весьма интересное.

П. П. Сокальскій находитъ, что переложеніе пѣсни съ голоса на фортепиано уже есть искаженіе, «такъ какъ народъ поетъ въ естественныхъ интервалахъ, а мы порти́мъ эти интервалы темперированными тонами нашей музыкальной системы». Съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться. Тотъ, кто много записывалъ пѣсенъ непосредственно изъ устъ народа, тотъ знаетъ, какъ часто ему приходилось становиться въ тупикъ въ этомъ отношеніи. Вообще теперь приходится окончательно придти къ тому заключенію, что строй народнаго пѣсни и музыки—дѣло одно, а темперированный строй современной художественной музыки—дѣло другое. Европейская музыка имѣетъ свои, выработанные вѣками, законы въ области строя и ритма, основанные на извѣстной симметріи, а народная—свои. Такимъ образомъ, если кто безъ помѣты записываетъ

темперированнымъ строемъ пѣсни природнаго строя, тотъ, строго говоря, идетъ на завѣдомую неправильность. Это прекрасно зналъ покойный П. П. Сокальскій, а поэтому на свою запись и обработку онъ посмотрѣлъ не какъ на матеріалъ нетронутый, точный, природный, а уже какъ на матеріалъ искусственный, тронутый культурой. Такъ какъ пѣсни, по мнѣнію П. П. Сокальскаго, точно записать нельзя ни со стороны строя ни со стороны ритма, то, слѣдовательно, приходится обращаться къ искусству, чтобы при его помощи «возсоздать ту обстановку, съ которой пѣсня слилась нераздѣльно, и безъ которой она—какъ сухой цвѣтокъ безъ аромата, воздуха и влаги?» Отсюда—переложение пѣсенъ на ноты съ тѣмъ или инымъ аккомпаниментомъ есть уже «не пѣсня народа, продуктъ природы, а подражаніе ей, комментарий музыканта, продуктъ искусства». Такимъ образомъ «перекладъ пѣсни уже есть первая переработка ея, и въ этомъ смыслѣ порча, искаженіе ея противъ первоначальнаго вида. За симъ возсозданіе ея до типа живой, красивой пѣсни—есть уже дѣло искусства и таланта».

Таковъ взглядъ П. П. Сокальскаго, съ которымъ нельзя въ общемъ не согласиться, хотя нужно сказать, что онъ касается пока только одной стороны вопроса, именно переложения и переработки; покойный изслѣдователь намъ не указываетъ какихъ либо способовъ для точной записи пѣсенъ, а устанавливаетъ, что всякая запись, всякое переложение въ нашъ строй, благодаря пифагорейскимъ квинтамъ, есть уже порча. И это безусловно цѣнная мысль. Для науки матеріалъ необходимъ точный, а мы при нашихъ средствахъ не всегда можемъ дать его, такъ какъ знаемъ только одинъ строй—темперированный. Чтобы до нѣкоторой степени записать правильно, мы принуждены обращаться къ разнымъ значкамъ, указывающимъ большее или меньшее отличіе природнаго звука отъ темперированнаго. И эти «порчи» съ нашей стороны будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ созданъ такой аппаратъ, который бы самъ въ состояніи былъ, какъ воспринять такъ и воспроизвести на бумагѣ пѣсни различными знаками, съ мельчайшими деталями въ отношеніи строя, ритма и т. п. Только такая запись вполне будетъ пригодна для науки; что же касается искусства, то здѣсь въ большинствѣ случаевъ придется прибѣгать къ уравниваніямъ, какъ относительно строя, такъ и ритма. (Исключаемъ, конечно, пѣсни рабочія, плясовыя, хороводныя съ аккомпаниментомъ инструментовъ). Объ этомъ, впрочемъ, особенно горевать не придется, такъ какъ пѣсня въ эстетическомъ смыслѣ отъ этого уравниванія, мнѣ кажется, не настолько будетъ страдать, чтобы ее нельзя было отличить отъ первоначальнаго вида.

Переходя къ пѣснямъ П. П. Сокальскаго, мы должны сказать, что онѣ не вездѣ насъ удовлетворяютъ, т. е., собственно, не сами комментаріи, а мелодіи. Разсматривая ихъ, мы видимъ, въ нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ преобладаніе вводнаго звука, иногда каденціи въ малую сексту, что въ настоящей простонародной, не европеизированной пѣснѣ врядъ-ли встрѣчается. Есть обороты мелодій и въ уменьшенную терцію. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что не всѣ, повидимому, матеріалы взяты П. П. Сокальскимъ изъ устъ простого народа, хотя нужно оговориться, что такихъ пѣсенъ сравнительно немного; къ сожалѣнію, источникъ записей не отмѣченъ собирателемъ. Въ общемъ, большинство ихъ безъ вышеупомянутыхъ недостатковъ, сдѣланы умѣло, красиво, рукой опытнаго музыканта. На нашъ взглядъ, этотъ сборникъ представляетъ цѣнное приобрѣтеніе для малорусской музыки, и тѣхъ лицъ, которые постарались вытащить его на свѣтъ Божій, нужно искренно благодарить.

Д. Аракчіевъ.

П. П. Сокальскій. Малорусскія и бѣлорусскія пѣсни. Изданіе В. Бессель и К°. Ц. 2 руб.

А. Л. Лядовъ. 50 пѣсень Русскаго народа для 1 голоса съ сопровожденіемъ фортепіано. Изд. Пѣсенн. Комиссіи Имп. Русск. Геогр. О-ва. Ц. 2 руб.

Оба сборника представляютъ намъ записанныя одnogолосно народныя пѣсни въ гармоническомъ нарядѣ, такъ или иначе подчеркивающимъ красоты оригинала-пѣсни, благодаря чему онѣ дѣлаются большинству интереснѣе въ смыслѣ современныхъ требованій къ музыкѣ. Такимъ образомъ, слушая исполненіе гармонизованной народной мелодіи, мы становимся на точку зрѣнія привычнаго современнаго музыкальнаго искусства.

Часто можно услышать мнѣніе, что, несмотря на искуснѣйшую работу, гармонизація русской пѣсни какъ будто является чѣмъ-то чуждымъ, совершенно не нужнымъ балластомъ и порчей ея. Въ неоконченномъ предисловіи къ своему сборнику П. П. Сокальскій говоритъ, что порча пѣсни уже началась переложеніемъ напѣва на фортепіано. Лишивъ напѣвъ естественной интонаціи, мы укладываемъ его въ рамки общепринятаго музыкальнаго такта, тоже несвойственнаго народной пѣснѣ. «Къ попорченнымъ тонамъ и размѣру напѣва придѣлываютъ аккорды, точно привѣшиваютъ къ нимъ тяжести, отъ которыхъ какой-либо легкой, граціозный напѣвъ превращается въ нѣчто крайне неуклюжее, аляповатое». Первый процессъ обработки ея уже есть процессъ творчества одного лица, вступивъ же въ область музыкальнаго искусства П. П. Сокальскій совѣтуетъ употребить всѣ пріемы современнаго музыкальнаго искусства, чтобы оживить ту обстановку, при которой поется пѣсня на волѣ, и композиторъ долженъ ее комментировать до возсозданія типа живой, красивой пѣсни. Итакъ, П. П. Сокальскій допускаетъ гармонизацію пѣсни безусловно, не выяснивъ однако, насколько пріемы современнаго искусства способны оживить пѣсню, и когда она не будетъ балзамированнымъ трупомъ, полнымъ когда-то цвѣтушей жизни. Какъ же, однако, не допустить гармонизаціи, если самъ народъ ее допускаетъ? Полифонія (въ видѣ подголосковъ) и недалекія мелодическія модуляціи суть результатъ художественныхъ требованій народа; оба эти элемента образуютъ собою только позднѣйшій періодъ развитія народной пѣсни. Изучая складъ народной музыки, нужно установить тѣ средства, какими пользуется самъ народъ при употребленіи многоголосія, чтобы затѣмъ примѣнить ихъ къ современной композиторской техникѣ при гармонизаціи народной пѣсни. Полифонія пѣсни въ основѣ своей заключается по большей части въ самостоятельномъ веденіи вторящихъ голосовъ, которые образуютъ такъ называемые подголоски. Отдѣльно взятые, они представляютъ варианты основнаго напѣва; совмѣстно взятые, подголоски дадутъ естественную гармонию. Если же къ пѣснѣ неизвѣстны подголоски, можно бы воспользоваться сопоставленіемъ стороннихъ вариантовъ той же пѣсни или напѣва. Это соединеніе вариантовъ дастъ намеки на гармонию, устранивъ при этомъ сочетанія, не употребительныя въ народной практикѣ. Въ такомъ случаѣ композитору осталось бы примѣнить къ дѣлу современную технику для гармонизаціи не данной мелодіи или баса, а мелодіи, въ которой кое-гдѣ приданы терціи или цѣлыя трезвучія. П. П. Сокальскій въ своихъ гармонизаціяхъ прибѣгаетъ къ свободному употребленію аккордовъ общепринятой музыкальной системы, при чемъ удачно избѣгаетъ банальной гармоніи при вводномъ тонѣ, устраняя значеніе такового, какъ «вводнаго звука». Особенность его комментариевъ къ народной мелодіи заключается въ присоединеніи небольшихъ инструментальныхъ вступленій и заключеній, съ цѣлью музыкальными красками полнѣе воспроизвести ту обстановку, при которой поется пѣсня.

Переходя ко второму сборнику съ вышеупомянутыми условными рамками при обработкѣ народныхъ мелодій, мы съ этой точки зрѣнія будемъ менѣе удовлетворены комментаріями народной пѣсни А. Л. Лядовымъ. Смотря же на обработки, какъ на сочиненныя вокальныя пѣски-романсы съ народными словами, мы найдемъ ихъ высокохудожественными, сдѣланными мастерски. Въ своихъ комментаріяхъ А. Лядовъ держится, очевидно, нѣсколько иного мнѣнія, чѣмъ Сокальскій. Лядовъ старается иллюстрировать звуками ближайшіе стихи текста пѣсни (ср. напр. №№ 5, 19 и мн. др.) и въ погонѣ за этимъ онъ часто уклоняется отъ народнаго стиля; употребляя украшающія и хроматическія ноты при сложныхъ гармоническихъ сочетаніяхъ подъ ними, дѣлаетъ тѣмъ народный напѣвъ тяжеловѣснымъ. Возьмемъ слѣдующіе примѣры: въ пѣснѣ № 8 первые два такта раздробляютъ гармонію; № 9 изобилуетъ хроматизмами и самостоятельной гармоніей подъ ними; въ № 1; гармонизація имѣетъ вводный звукъ *fisis*, умѣстный въ современной культурной музыкѣ, но въ данномъ случаѣ успѣшнѣе замѣнимый нотой *h*; окончанію пѣсни № 23 Лядовъ придалъ ре-маж. трезвучіе, тогда какъ въ ней возможенъ только унисонъ ля въ такой послѣдовательности: ^{ми—ре} - ля; _{до—си} - ля; кромѣ этого, у Лядова въ той же пѣснѣ переводящая къ началу нота до образуетъ какъ бы септиму аккорда, пріемъ совсѣмъ западно-европейскій. Какъ на дѣйствительныя образцы высокохудожественной и стильной гармонизаціи народной пѣсни, мы можемъ указать особенно на №№ 36, 38, 43 и 45, которые вполне удовлетворяютъ высказаннымъ нами требованіямъ и не содержатъ въ себѣ ни одной гармонической или мелодической послѣдовательности, не употребляемой въ самобытномъ народномъ складѣ.

А. Масловъ.

Крестьянскія пѣсни, записанныя въ Тамбовской губ. В. М. Орловымъ (при участіи Е. П. Якубенко. СПб. 1890).

Съ тѣхъ поръ какъ открылась возможность приблизиться къ наиболѣе точному записыванію народныхъ пѣсенъ посредствомъ примѣненія фонографа, отношеніе къ каждому сборнику пѣсенъ, записанному по слуху, невольно дѣлается болѣе строгимъ. Нетолько въ голосоведеніе или гармоническую конструкцію, но и въ построеніе мелодіи, при записываніи хоровой пѣсни по слуху, вкрадываются неточности, недомолвки, произвольныя отклоненія отъ народнаго исполненія, которыя употребленіемъ фонографа сводятся до минимума. Вся структура пѣсни освобождается отъ шаблонныхъ пріемовъ, которые отнимаютъ много у ея естественной красоты. Вотъ отъ этой шаблонности пріемовъ въ гармонизаціи пѣсенъ не свободенъ и авторъ сборника «Крестьянскія пѣсни». Способъ веденія подголосковъ имъ очень слабо изученъ; нерѣдко второстепенные голоса до того блѣдны, что по нимъ пѣсню узнать нельзя. Въ крестьянскомъ же исполненіи, какъ извѣстно, второстепенные голоса являются имитацией главнаго мотива и очень на него походятъ. Болѣе старинныя изъ 18 пѣсенъ сборника—№ 1, 4, 12, 13, 14, 17. Остальныя приурочиваются къ недавнему времени ухода «миленькаго въ городокъ». Лучшая пѣсня, наиболѣе цѣльная и близкая къ народному исполненію, № 17, свадебная «Много на рѣченькѣ кусту ракитова», заставляетъ пожалѣть, что ко всѣмъ остальнымъ пѣснямъ не примѣненъ такой же простой пріемъ. Въ номерѣ 3-мъ особенно надоѣдаютъ однообразныя параллельныя терціи (такты 6 и 7). Прекрасная пѣсня «Охъ, да посылаетъ Ваню отецъ пшениченьку жати» совершенно обезцвѣчена. Въ № 15 теноръ толчется на двухъ, трехъ безразличныхъ нотахъ, а въ № 16 альтъ точно приросъ къ нотѣ *fa*.

Въ общемъ сборникъ не хуже многихъ другихъ, но было бы очень желательно болѣе серьезное и глубокое изученіе народнаго музыкальнаго творчества. Тогда будущія поколѣнія не имѣли бы права бросить упрекъ современнымъ музыкантамъ въ томъ, что ихъ художественная обработка пѣсенъ далеко не всегда возвышается надъ непосредственнымъ творчествомъ народа, а нерѣдко даже понижаетъ его.

Е. Лихева.

Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899—1901 гг., съ напѣвами, записанными посредствомъ фонографа. Т. I, ч. I: Поморье, ч. II: Пинега. Изд. Имп. Ак. Наукъ. Москва, 1904.

Наиболѣе цѣнную часть этой объемистой книги составляетъ приложение напѣвовъ пинежскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ. Эти напѣвы, если и не всѣ обладаютъ художественными достоинствами, съ современной точки зрѣнія, однако, какъ записи фонографическія и снятыя, повидимому, съ большой тщательностью и точностью специалистомъ музыкантомъ И. С. Тезавровскимъ при участіи акад. Э. Е. Корша, представляютъ большой интересъ для изучающихъ складъ народной музыки еще какъ заключающіе въ себѣ много музыкальныхъ образцовъ скоморошьяго типа, приближающихся къ мелодической декламации, или речитативу.

По точности воспроизведенія народной мелодики пинежскіе напѣвы представляютъ собою первую удачнѣйшую попытку передачи посредствомъ современной нотной системы, дополненной значками г. Тезавровскаго, интонацій въ народной музыкѣ; записыватель съ фонографа къ этимъ значкамъ прибѣгалъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ фальшь поющаго была очевидна (сравнивь повторенія напѣва). Что касается ритмической стороны, хотя это еще неразрѣшенный вопросъ въ русской народной музыкѣ, тѣмъ не менѣе г. Тезавровскому можно поставить въ вину его нѣкоторые промахи при ритмической группировкѣ переписанныхъ имъ напѣвовъ. Такъ, онъ кое-гдѣ вводитъ тактовую группу въ $\frac{1}{8}$ (напѣвъ № 16), объясняя ее сокращеніемъ изъ $\frac{3}{8}$, когда сказитель въ концѣ стиха спѣшитъ начать слѣдующій стихъ. Припоминая записи однородныхъ напѣвовъ изъ другихъ районовъ Архангельской губерніи, я склоненъ въ записи Тезавровскаго (№ 16) видѣть сокращеніе двухъ послѣднихъ тактовъ изъ $\frac{3}{4}$ (обычное эпическое окончаніе), а не два такта сокращенные изъ $\frac{3}{8} + \frac{3}{8}$ — въ $\frac{3}{8} + \frac{1}{8}$.

Къ подобному ошибочному трактованію стопы, какъ тактовой величины, повело, мнѣ кажется, излишнее дробленіе мелодіи на такты, не имѣющіе динамически равныхъ единицъ въ началѣ каждой изъ стопъ. То же дробленіе замѣчается и въ былинѣ № 2 (Во | городѣ во | Мура | мѣ коро | ля | муромско | во со би | раль онъ по | чѣстен(ы) | пиръ на | всѣхъ князья | боярь, | на всѣ мо | гучи ба | га ты | ри), по аналогіи съ этой въ былинѣ № 1 нужно было ожидать у г. Тезавровскаго такой группировки: Во | царстви стольномъ | Кіевѣ что | было у | Князя у Вла | ди ме | ра, бы | лы ка по | че... и т. д., но на этотъ разъ группировка ея оказалась вполнѣ естественной. Что касается такта $\frac{3}{8}$, сложнаго изъ $\frac{3}{8} + \frac{1}{8} + \frac{1}{8}$, то это указанными № 6 (3-я строка) и № 7 (5-я и 6-я строки) не подтверждается, а такое дѣленіе является излишнимъ мудрствованіемъ, ни на чемъ не основаннымъ. Считаю нужнымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Нечаянныя ошибки, сдѣланныя сказителями, иногда повторяются и записывателемъ; напр. въ напѣвѣ № 41—первые два такта воспроизводятся съ случайными паузами, вслѣдствіе чего оба такта изъ $\frac{3}{8}$ превратились въ $\frac{1}{8}$. Затѣмъ напѣвы №№ 3 и 15 нельзя отнести къ напѣвамъ, обнимающимъ одну

строку. Въ заключеніе мы должны признать работу г. Тезавровскаго, несмотря на присутствіе указанныхъ недостатковъ, весьма цѣнной; что важно, это то, что изслѣдователь народнаго музыкальнаго склада будетъ имѣть подъ руками несомнѣнно точный матерьялъ и сумѣетъ безъ труда разобраться въ указанныхъ выше промахахъ переводчика напѣвовъ.

Л. Масловъ.

40 русскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ и положенныхъ на одну голосъ, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, Л. Д. Малашинымъ. Ор. 59. Изд. муз. маг. «Симфонія». (Москва, 1901).

Какъ по выбору мелодій, такъ и по ихъ гармонизаціи это вполнѣ любительскій сборникъ. Такія пѣсни и въ подобной обработкѣ распѣвалъ когда-то и распѣваетъ еще до сихъ поръ пресловутый quasi-русскій пѣвецъ Агреньевъ-Славянскій. Изобиліе пѣсень современнаго подмосковнаго изобрѣтенія («Не велятъ Машѣ за рѣченьку», «Гуляла я въ садочкѣ» и пр.) придаютъ всему сборнику крайне банальный видъ.

Л. Т-въ.

Chants populaires arméniens. Recueillis et transcrits par G. Boyadjian. Paris.

Названный сборникъ даетъ намъ возможность высказать нѣсколько мыслей по поводу армянской народной пѣсни. Народная музыка русскихъ армянъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, мало изслѣдована, потому-ли что у нихъ нѣтъ музыкантовъ, занимающихся этимъ дѣломъ, или потому, что у нихъ нѣтъ своей музыки,—въ результатѣ мы не имѣемъ ни хорошаго сборника, ни изслѣдованія армянскихъ пѣсень. Если мы примемъ въ соображеніе, что армянами въ послѣднее время ничего не оставляется безъ вниманія и съ большой энергіей разрабатывается все, что касается жизни ихъ народа, то такое невнимательное отношеніе къ ихъ музыкѣ становится нѣсколько даже удивительнымъ. Я не говорю, конечно, что у нихъ нѣтъ совсѣмъ ни сборниковъ, ни статей по своей музыкѣ. Есть и сборники и статьи. Но сборники эти научной цѣнности особенной не представляютъ, такъ какъ одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ пѣсни въ обработанномъ видѣ, какъ напр. данный сборникъ, другіе—просто мало интересны по самому матеріалу, какъ напр. сб. г. Егіазарьяна. Статьи же хотя и интереснѣе, но тоже не совсѣмъ удовлетворяютъ благодаря тому, что не приводится муз. образцовъ. Между тѣмъ заслуживаетъ-ли армянская народная музыка такого отношенія? Положимъ, нѣкоторые музыканты писали, что у армянъ нѣтъ своей музыки, что подъ именемъ армянской музыки слыветъ музыка другихъ народностей; но развѣ это ужъ такая несокрушимая истина? Кто можетъ съ увѣренностью сказать, что написаны всѣ пѣсни напр. армянъ Ростово-Нахичеванскихъ, Эриванскихъ, Грузинскихъ (т. е. Телавскихъ, Сигнахскихъ, Горійскихъ, Тифлиссскихъ) и вообще Кавказскихъ и Закавказскихъ? Нѣтъ сомнѣнія, что при собраніи всѣхъ пѣсень вышеупомянутыхъ армянъ, мы много бы встрѣтили знакомаго, многое было бы не армянское, а какое-нибудь малороссійское или обще-европейское, какъ напр. «Цицернакъ», или грузинское (каковы пѣсни, помещенныя напр. въ армянской рапсодіи покойнаго піаниста Корганова и др.), или даже персидское, наконецъ турецкое; но изъ этого развѣ слѣдуетъ, что у нихъ не нашлось бы чего-нибудь и своего? Нужно только, я думаю, отнестись безпристрастно и добросовѣстно къ дѣлу, а что найдется хотя и небольшое количество чисто армянскихъ пѣсень, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Среди грузинскихъ армянъ и сейчасъ можно слышать чисто

армянскую музыку, хотя, къ глубокому сожалѣнію, на мой взглядъ, многія изъ пѣсенъ имѣють пошловатый оттѣнокъ, но что онѣ не всѣ такія, этому могутъ служить доказательствомъ хотя бы нѣкоторыя пѣсни въ сб. г. Бояджіана, или мелодіи помѣщенные въ кавказскомъ попури «Баяти» того же покойнаго Корганова.

Если бы мы даже допустили, что армянской свѣтской музыки совсѣмъ не существуетъ, то не нужно забывать, что у армянъ есть еще и духовная музыка. Она была во всякомъ случаѣ болѣе изолирована, и если находилась подъ чьимъ-либо вліяніемъ, то во всякомъ случаѣ не подъ такимъ сильнымъ, какъ свѣтская, а потому, нужно полагать, она наиболѣе и сохранилась. Не забудемъ того, что армяне—древній христіанскій народъ, и что онъ долженъ бы сохранить музыку, какъ сохранилъ религію, и если это такъ, то какое же огромное поле является для изслѣдованій въ одной этой области! Допустимъ, что первоначальные напѣвы утрачены, что современные напѣвы явились результатомъ всевозможныхъ наслоеній и вліяній, но то, что теперь сохранилось, развѣ не интересно? Нѣтъ, слишкомъ интересно и слишкомъ это большое дѣло, а потому нужно бы армянамъ музыкантамъ взяться энергично за дѣло. Если бы другія народности Кавказа были такъ благопріятно обставлены матеріально, какъ большинство армянъ, то такого важнаго пробѣла у нихъ бы не оказалось.

Такимъ образомъ, лично мы находимъ, что у армянъ должна быть музыка; какая и въ какомъ количествѣ—другой вопросъ, но что все это нужно записать, внимательно разсмотрѣть, распредѣлить на группы и вообще добросовѣстно и безпристрастно разработать, это—несомнѣнно. А любительскіе сборники, подобные вышеназванному, мало даютъ для науки армянологіи.

Д. Аракчіевъ.

Обзоръ грузинскихъ сборниковъ пѣсенъ и пѣснопѣній, съ присоединеніемъ списка книгъ и статей по кавказской, преимущественно грузинской, музыкѣ.

Всеобщій подъемъ 60-хъ годовъ въ Россіи, какъ извѣстно, отразился и въ Грузіи, коснувшись всѣхъ ея духовныхъ сторонъ. Хотя не во всѣхъ областяхъ одинаково глубоко было отраженіе, нѣкоторыя области были затронуты едва-едва только, но, какъ-бы то ни было, онѣ всетаки были затронуты, и такимъ образомъ вліяніе эпохи для нихъ не прошло безслѣдно.

Одной изъ такихъ слегка затронутыхъ областей оказалась и народная музыка, съ которой мы знакомимся прежде всего по собранію пѣсенъ г. Мачаваріани, изданному въ 1878-мъ году. Строго говоря, въ настоящее время этотъ сборникъ не представляетъ цѣнности по своему матеріалу, но зато онъ имѣетъ большой интересъ, какъ историческій документъ, какъ показатель того, какъ началось дѣло собиранія народныхъ пѣсенъ. Такимъ образомъ, благодаря этому сборнику, мы можемъ вкратцѣ прослѣдить, насколько развилось это дѣло у насъ за послѣднія 25—30 лѣтъ.

Слѣдя за развитіемъ его, мы видимъ, что слѣдующій сборникъ г. Бенашвили появляется въ 1886-мъ году. Пѣсни этого сборника уже записаны, повидимому вполне свѣдущимъ лицомъ въ этой области, и поэтому, само собою разумѣется, онъ представляетъ большую цѣнность. Онъ показываетъ, что дѣло собиранія народныхъ пѣсенъ подвинулось значительно впередъ, и только техническая сторона вопроса, т. е. невозможная печать и грубая корректурная (а иногда, намъ кажется, и авторскія) ошибки свидѣтельствуютъ о томъ, что это дѣло у насъ еще новое.

Далѣе, въ 1890-мъ году, появляется небольшой сборникъ изъ 19 №№ мингрельскихъ сольныхъ и хоровыхъ пѣсенъ, составленный г. Х. Гроздовымъ, который если бы не былъ написанъ лингвистической азбукой, а какъ и слѣдовало — грузинской, то представлялъ-бы одинъ изъ тѣхъ цѣнныхъ сборниковъ, на который можно положить даже въ научномъ отношеніи. Но и въ такомъ видѣ онъ, разумѣется, не теряетъ своей цѣнности, хотя, повторяемъ, не для чего было обходить грузинскую азбуку, которая для мингрельскаго языка и пѣсенъ во всякомъ случаѣ ближе лингвистической.

Затѣмъ далѣе за этимъ сборникомъ идутъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ № 45 журнала «Артистъ» за 1895-й годъ двѣнадцать грузинскихъ сольныхъ пѣсенъ г. М. М. Ипполитова-Иванова съ аккомпаниментомъ фортепіано и предварительной статьей: «Грузинская народная пѣсня и ея современное состояніе». Сборничекъ этотъ, представляя большой интересъ, какъ собраніе пѣсенъ городскихъ (терминъ нашъ), а статья — какъ первая попытка постановки изученія грузинской народной пѣсни на научную почву, показываетъ намъ все дальнѣйшее и дальнѣйшее развитіе у насъ этого дѣла.

Въ 1893-мъ году Н. С. Кленовскимъ записано отъ студентовъ-грузинъ въ Москвѣ нѣсколько грузинскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ 5 вошли въ обработанномъ видѣ въ его сборникъ «Первый Этнографическій Концертъ».

Послѣ этого въ 1896 г. появляется сборникъ изъ 35 №№ хорovýchъ (считая здѣсь же нѣсколько грузино-сванетскихъ пѣсень, зап. г. Баланчивадзе) пѣсень г. Чхиквадзе, приспособленный, какъ мы теперь догадываемся, для школъ, на что указываютъ замѣны текстовъ, и далѣе въ 1899-мъ году большой сборникъ (въ сравненіи съ вышеупомянутымъ) изъ 50 №№, съ нѣсколькими рѣдкими пѣснями, г. И. Каргаретели. Этимъ пока заканчивается дѣятельность въ области собиранія свѣтской народной музыки.

На ряду съ этимъ не остается безъ вниманія и духовная народная музыка. Въ сборникѣ г. Бенашвили вмѣстѣ съ свѣтскими пѣснями есть запись и грузинскихъ пѣснопѣній (къ сожалѣнію, также съ ошибками) на литургіи св. Іоанна Златоустаго. Далѣе, въ 1895 г. являются записи пѣснопѣній на литургіи св. Іоанна Златоустаго грузино-гурійскаго распѣва г. Қоридзе. Въ 1897-мъ году мы видимъ «Вечернюю» свящ. Вас. Петр. Карбелова, въ 1898-мъ году «Утреню» его-же (оба выпуска, къ глубокому сожалѣнію, съ плохой печатью и ошибками), въ 1899 году пѣснопѣнія на «Рождество Христово» священниковъ П. Карбелова и А. Молодинова, и наконецъ въ 1899-мъ году запись пѣснопѣній на литургіи св. Іоанна Златоустаго г. М. М. Ипполитова-Иванова. Послѣдняя записана, какъ и слѣдуетъ, въ церковныхъ ключахъ, отпечатана хорошо и вообще производитъ такое впечатлѣніе, что этой записи вполне можно довѣриться. Такова вкратцѣ исторія грузинскихъ сборниковъ пѣсень и пѣснопѣній.

Въ какомъ же положеніи теперь находится это дѣло? Для свѣтской пѣсни, безспорно, въ самомъ лучшемъ, такъ какъ для записи пѣсень въ послѣднее время совершаются цѣлыя экспедиціи съ фонографомъ, чтобы эти записи пѣсень были наиболѣе точны. Что же касается духовной, то на нее пока обращается сравнительно мало вниманія.

Очевидно, не наступило еще время для знающихъ людей заняться болѣе серьезно этимъ дѣломъ. Духовная музыка ждетъ своихъ работниковъ, которые-бы съ большей энергіей взялись за нее, свѣрили бы старыя записи, записали бы новое и вообще постарались бы собрать все то, что еще сохранилось въ этой области. Мы и надѣемся, что для нея, представляющей такой-же громаднй интересъ, какъ и свѣтская пѣсня, появятся въ недалекомъ будущемъ работники, которые усердно примутся за это дѣло. Она такъ же, какъ и свѣтская, не ждетъ оправданія пословицы: «лучше поздно, чѣмъ никогда», такъ какъ впоследствии можетъ быть уже дѣйствительно поздно, ибо старыя люди умираютъ, а съ ними умираютъ напѣвы, перенимать-же ихъ никто не перенимаетъ. Такимъ образомъ, съ ней тоже приходится не ждать, не откладывать, а стремительно дѣйствовать, пока время не ушло. Пожелаемъ-же, чтобы наступила какъ можно скорѣе пора живой и дружной работы и для духовной грузинской музыки.

Прилагаемъ здѣсь имѣющійся у насъ подъ руками небольшой списокъ книгъ и статей, относящихся къ грузинской народной музыкѣ, отчасти также армянской и вообще кавказской:

Краткій очеркъ грузинской народной музыки. Брошюра И. Каргаретели. Тифлисъ
О мествире (грузинскихъ трубадурахъ). В. Д. Қорганова. «Рус. Муз. Газета»
№ 11, за 1898-й г. *).

Грузинскіе свѣтскіе и духовные напѣвы. Брошюра на груз. языкѣ. П. Карбелова. Тифлисъ.

О грузинскомъ народномъ свѣтскомъ пѣніи. М. Баланчивадзе. «Рус. Муз. Газ.»
1899 г., № 11.

*) Перепечатано въ «Sammelbände der International. Musik-Gesellschaft», 1900. Н. 4.

Грузинская музыка. Замѣтка на груз. языкѣ Филимона Коридзе въ газ. «Иверіа» 1899 г., № 244.

О нуждахъ и задачахъ церковно-грузинск. пѣнія. I. Монадилова. Газ. «Кавказъ» 1900 г., № 155.

Вниманію гг. записывающихъ пѣсни. Моя замѣтка въ груз. газ. «Иверіа» 1900 г., № 30.

Грузинская музыка. Моя библиографическая замѣтка въ груз. газ. «Иверіа» 1900 г., № 192.

По недоразумѣнію. Мое письмо въ редакцію «Рус. Муз. Газ». 1901 г., № 11.

Письмо (мое) въ редакцію относительно собиранія груз. музыкальныхъ инструментовъ, въ газ. «Иверіа» 1902 г., № 145.

Взглядъ и нѣчто. Библиографическія замѣтки В. Д. К. о статьяхъ и сборникахъ грузинскихъ и армянскихъ пѣсень. Журн. «Кавказскій Вѣстникъ» 1900 г., кн. 10.

Взглядъ и нѣчто. Замѣтки В. Д. К. о грузинской пѣснѣ и преимущественно критическіе отзывы о статьяхъ и сборн. армянскихъ пѣсень. Журн. «Кавказскій Вѣстникъ» 1901 г., кн. 11-я.

Статья объ армянской муз. въ сборникѣ «Братская помощь пострадавшимъ армянамъ», изд. 2-е, М., 1898 г., стр. 619.

О восточной музыкѣ. Персидская, армянская и грузинская народная вокальная музыка. Арсенія Корещенко. Газ. «Московскія Вѣдомости» 1897 г., №№ 321—322.

Наблюденія надъ восточной музыкой, преимущественно кавказской. Арсенія Корещенко. Журн. «Этнограф. Обзорѣніе» 1898 г., № 1.

Народные муз. инструменты въ Россіи (сказано немного и о груз. муз. инструмент.). «Русскій Художественный Листокъ» 1860 г., №№ 14—21.

Багдасаріанъ—объ армянской музыкѣ. «Рус. Муз. Газ». 1901 г., № 19.

Егіазаріанъ—Сборникъ армянскихъ пѣсень, изд. въ Парижѣ въ 1900 г.

Бояджианъ—то же, изд. въ Парижѣ недавно (безъ даты), 10 №№. См. мой отзывъ о немъ въ этомъ томѣ.

Ивановъ—въ «Нов. Времени» 1896—97 (№ 7616), о кавказской музыкѣ.

Клингеръ—Чеченскія мелодіи, запис. въ 1847—1850 г.

Папазянъ—въ «Этнографич. Обзорѣніи» 1901 г. № 2 (мимоходомъ и объ армянской музыкѣ).

«Обзорѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ». СПб. 1836 (между прочимъ о муз. инструм. и пѣніи).

Садзагеловъ—въ газ. «Новое Обзорѣніе», 1894 г. № 3601, фельетонъ о грузинскомъ пѣніи).

Тиграновъ—Сборникъ закавказскихъ пѣсень. 1885 г. (?)

Онъ-же—статейка въ газ. «Новое Время» 1901 г. № 8039.

Кеворкіанъ—въ «Sammelbände der internation. Musik-Gesellschaft». 1900, Н. 1.

Коргановъ, В. Д.—«Кавказская музыка», докладъ, читанный въ засѣданіи берлинской секціи Международн. Музыкальнаго Общества, 20 янв. 1904 г.

Моя статья о замѣнахъ текстовъ въ груз. пѣснѣ по сборн. г. Чхиквадзе. Грузин. газ. «Иверіа» № 221, 1897 г.

Моя статья—какъ сохранить народную пѣсню. Газ. «Иверіа», 1898 г.

Моя замѣтка по поводу книжки П. Карбелова «Груз. свѣтск. и духовн. напѣвы». Газ. «Иверіа» № 117, 1900 г.

Грузинское духовн. пѣніе. Небольшая статья И. Каргаретели въ грузин. журн.

«Квали», № 27, 1900 г. Въ статьѣ указывается, что помимо «Карбеловскаго» распѣва существуютъ и другіе распѣвы.

Моя замѣтка относительно исполненія армянскихъ и грузинскихъ пѣсенъ на выставкѣ въ Тифлисѣ, газ. «Иверія» № 196, 1901 г.

Мое письмо въ редакцію относительно груз. оперетки. Тифл. газ. «Новое Обозрѣніе» № 5781, 1901 г.

Моя статья о пѣсняхъ Моздокскихъ грузинъ. Груз. газ. «Цнобис-Пурцели» за 1901 г. (фельетонъ).

По Грузіи. Восемь пьесъ для форт. на груз. народн. мелодіи. Соч. А. Кастаньскаго, ц. 1 р. 25 к., изд. Юргенсона. М. 1901 г.

Моя библиограф. замѣтка о сборн. форт. пьесъ «По Грузіи». А. Д. Кастаньскаго. Газ. «Иверія» № 138, 1902 г.

Народная поэзія и пѣсни. И. К—ли. Газ. «Иверія» № 145, 1902 г.

Н. Кленовскій. Пѣснопѣнія на литургіи Св. Іоанна Златоустаго. Моя библиогр. замѣтка. Газ. «Иверія» № 24, 1903 г.

Грузинская музыка и ея эволюція. Рецензія на докладъ Дим. Аракишвили, (Аракчіева), Д. Б. Газ. «Иверія» № 17, 1902 г.

Моя библиогр. замѣтка о книжкѣ И. Г. Каргаретели: «Краткій очеркъ груз. народ. музыки». Журн. «Этногр. Обзор.» 1903, № 1.

Моя статья «Сравнительный обзоръ груз.-имерет. народн. пѣсни и муз. инструментовъ (гурійская вѣтвь)». «Рус. Муз. Газ.» 1904, № 50, 51—52.

Моя статья: Кавказскіе муз. инструменты въ музеѣ Моск. Консерваторіи. «Рус. Муз. Газ.» 1905, № 12.

Грузинскія народн. одноголосныя пѣсни для школъ Тифл. и Кут. губ., состав. Дим. Аракишвили (Аракчіевъ). Тифлисъ. 1905. Ц. 20 к.

Рецензія на статью Д. Аракчіева: «Сравнительный обзоръ груз.-имер. нар. пѣсни и муз. инструментовъ», «Тифлисскій Листокъ» 1905 г., 30 апр.

Моя статья «Поѣздка къ казакамъ-грузинамъ въ Терскую обл.» Журн. «Этногр. Обзор.» 1904, № 4. Приводятся о нихъ историч. свѣдѣнія и говорится о ихъ пѣсняхъ.

Руководство къ изученію элемент. теоріи музыки (на груз. яз.), Ф. Коридзе. Тифлисъ. 1895 г. Ц. 60 к.

Моя библиогр. замѣтка объ этой книжкѣ, въ груз. газ. «Иверія» за 1899 г. № 224.

Зурна. Закавказскій альманахъ, изд. Вердеревскаго. Тифлисъ. 1855 г.

Литургія св. Іоанна Златоустаго, груз. распѣва (Н. Кленовскаго). Н. Компанейскаго (съ нотн. прил.). «Рус. Муз. Газ.» 1902, стр. 998.

Два письма по поводу отзыва Н. И. Компанейскаго о литургіи груз. распѣва въ гарм. обраб. Н. С. Кленовскаго. І. А. Гроздовой и Д. И. Аракчіева. «Рус. Муз. Газ.» 1902, стр. 1292.

По поводу писемъ, вызванныхъ отзывомъ о литургіи грузинск. распѣва. Н. Компанейскаго. Съ нотн. прил. «Рус. Муз. Газ.» 1903, 39.

Письма въ редакцію (по поводу этого же самаго) А. Кастаньскаго и Д. Аракчіева. «Рус. Муз. Газ.» 1903, стр. 206 и 484.

Балалайка и зурна. Современная замѣтка. Ф. «Рус. Муз. Газ.» 1900, стр. 375.

Наконецъ, мои статьи въ „Трудахъ Муз.-Этногр. Комиссіи“ и доклады въ той же Комиссіи (см. протоколы).

Д. И. Аракчіевъ.

О СЛОВАЦКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

(По поводу сборника г. В. Новака).

Slovenské spěvy. Pro jeden hlas s průvodem klaviru zpracoval Vítězslav Novák.
(Hudební příloha k premii umělecké besedy na r. 1901. V Praze).

Книжка съ такимъ заглавіемъ содержитъ въ себѣ 15 пѣсень, аранжированныхъ г. Новакомъ для одноголоснаго пѣнія съ сопровожденіемъ фортепіано. Мелодіи взяты изъ большого сборника Slovenské spěvy ¹⁾ за исключеніемъ пяти пѣсень (№№ 4, 5, 9, 11, 13), которыя записаны самимъ авторомъ сборника.

При оцѣнкѣ музыкально-этнографическихъ сборниковъ приходится отвѣтить прежде всего на два основныхъ вопроса: 1) въ какой мѣрѣ пѣсни, помѣщенные въ сборникѣ, характерны для данной національности, и, если мелодіи снабжены аккомпаниментомъ, то 2) насколько послѣдній соотвѣтствуетъ пѣсенному складу.

Намъ было бы очень трудно ориентироваться въ музыкальномъ содержаніи разсматриваемаго сборника, еслибы у насъ подъ руками не находился другой солидный сборникъ, тотъ самый, изъ котораго г. Новакъ заимствовалъ большую часть гармонизованныхъ имъ мелодій и о которомъ мы выше уже упоминали. („Словацкія пѣсни, изданныя любителями словацкихъ пѣсень“). Въ предисловіи къ этому сборнику (стр. VI—VIII), нѣкто Янъ Кадавый (Jan Kadavý) даетъ очень важныя свѣдѣнія о музыкальной сторонѣ словацкихъ пѣсень.

«Главнѣйшая особенность словацкихъ народныхъ пѣсень», говоритъ онъ, «заключается въ древности ихъ строя». Охарактеризовавъ древне-греческіе лады: іонійскій, дорійскій, фригійскій, лидійскій, миксолидійскій и эолійскій (по средне-вѣковой терминологіи), Янъ Кадавый обращаетъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что составители старыхъ словацкихъ пѣсень (народные композиторы) часто соединяли вмѣстѣ звукоряды различныхъ ладовъ, чѣмъ и объясняется большое разнообразіе словацкихъ народныхъ напѣвовъ. Такое соединеніе звукорядовъ онъ называетъ сложной скалой и замѣчаетъ, что эту скалу приняли въ своей музыкѣ и мадьяры ²⁾, въ чемъ и состоитъ особенность теперешней мадьярской музыки.

«Напѣвы словацкихъ пѣсень», читаемъ далѣе въ предисловіи Яна Кадаваго, «начинаются обыкновенно съ примы (тоники), терціи, квинты, а оканчиваются примой, изрѣдка терціей. Но нѣкоторыя пѣсни начинаются и съ секунды, кварты, септими, а оканчиваются часто на квинтѣ (доминантѣ), иногда на секундѣ и на терціи. Нельзя также умолчать о томъ, что въ отношеніи древнихъ ладовъ, сохранившихся въ словацкихъ пѣсняхъ, словакъ не одинокъ, такъ какъ и въ русскихъ пѣсняхъ существуютъ эти лады; напримѣръ, мелодія пѣсни: «И что на свѣтѣ пружестокомъ» представляетъ изъ себя дорійскій ладъ, «Какъ по лугу по лужечку» — эолійскій, «Эй, ухнемъ!» — фригійскій, «Собирайтесь - ка, братцы ребяташки» — сложную скалу. «Стой, мой милый хороводъ» оканчивается на доминантѣ, «А какъ по лугу, лугу зеленому» — на терціи, «Винный нашъ колодезь» ³⁾ — на секундѣ.

Къ пѣснямъ съ древними ладами принадлежатъ и многія пѣсни моравскія. Такъ, въ первомъ выпускѣ моравскихъ народныхъ пѣсень, изданныхъ докторомъ

¹⁾ Slovenské spěvy. Vydávají priatelia slovenských spěvov (Turč. Sv. Martin. 1880).

²⁾ Одна изъ господствующихъ въ Венгріи народностей азиатскаго происхожденія.

³⁾ Балакиревъ. Сборникъ русс. нар. пѣсень. Спб. 1866.

Норбертомъ (Dr. Norbert) въ Вѣнѣ (1864), мы въ числѣ 13 пѣсенъ находимъ 8, построенныхъ на сложной скалѣ, напримѣръ: «Bude vojna, bude», «Aj zezaj zezaj,» «Šlo devče na trávu», «Brodil lanko koně». Достойно замѣчания и то обстоятельство, что въ словацкихъ пѣсняхъ на каждый слогъ приходится почти всегда одна нота, рѣдко болѣе; между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ другихъ національностей на одинъ слогъ очень часто приходится двѣ, три, четыре ноты и болѣе. Напомнимъ также: 1) что нѣкоторыя словацкія пѣсни не имѣютъ опредѣленнаго размѣра; ихъ напѣвъ исполняется свободно, какъ речитативъ, 2) что есть словацкіе напѣвы, не имѣющіе съ точки зрѣнія современной музыкальной системы опредѣленной главной тональности, и 3) что много пѣсенъ поется на одинъ и тотъ же мотивъ. Словакъ поетъ свои пѣсни вездѣ и всегда, при каждой работѣ, забавѣ, при каждомъ праздникѣ. При этомъ у словаковъ, а также у чеховъ и мораванъ есть пѣсни, любимыя настолько, что ихъ напѣвы вошли даже въ церковныя пѣснопѣнія. См. Kancional, diel 2, (Nešpor Český, г. 1576). Въ этомъ изданіи мы находимъ много церковныхъ пѣснопѣній, въ основу которыхъ взяты народныя мелодіи».

Запасшись вышеизложенными свѣдѣніями, мы можемъ приступить къ оцѣнкѣ сборника, аранжированнаго г. Новакомъ.

При первомъ же ознакомленіи съ этимъ сборникомъ бросается въ глаза отсутствіе у г. Новака серьезнаго научнаго отношенія къ имѣющемуся у него подъ рукою пѣсенному материалу и полное незнакомство его съ характерными особенностями родной ему пѣсни, о которыхъ у насъ только что шла рѣчь. Да и къ чему, въ самомъ дѣлѣ, затруднять себя музыкально-этнографическими наблюдениями такому музыканту, который къ народнымъ самобытнымъ мелодіямъ примѣняетъ обыкновенный западно-европейскій аранжирментъ съ избитыми каденціями, квадратной формой и т. п.? Къ такому именно типу принадлежитъ музыкальное сопровожденіе г. Новака, и если нѣкоторыя пѣсни, мелодіи которыхъ по своему складу ничего не теряютъ отъ такого способа обработки, гармонизованы г. Новакомъ вполне удачно, въ особенности въ смыслѣ настроенія, то добрая половина пѣсенъ его сборника, благодаря несоответствующему стилю аккомпанимента, потеряла свою исконную фізіономію.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ детальному разсмотрѣнію сборника, остановившись нѣсколько подробнѣе на каждой отдѣльной пѣснѣ ¹⁾.

Звукорядъ пѣсни № 1 (Slov. sp. I, № 190) состоитъ всего изъ пяти нотъ: *la—mi*. Разсматривать такой звукорядъ, какъ часть искусственной гаммы *a—moll*, мы не имѣемъ права, такъ какъ истинно народная мелодія не знаетъ искусственнаго повышенія звуковъ. Что касается словацкихъ пѣсенъ, то, какъ уже намъ стало извѣстно, особенность послѣднихъ именно и состоитъ въ ихъ древнемъ складѣ, сближающемъ ихъ съ древне-греческими ладами, а потому вполне естественно отнести данную мелодію съ звукорядомъ *la—mi* къ эолийскому ладу, ²⁾ другими словами—примѣнить для ея гармонизаціи натуральную минорную гамму безъ вводнаго звука соль-діезъ. Ортодоксальный музыкантъ г. Новакъ не признаетъ такой гаммы, но зато широко пользуется гармоническимъ и даже мелодическимъ миноромъ. (см. такты 8, 11, 19). Съ другой стороны онъ почему-то избѣгаетъ субдоминантной гармоніи IV-ой ступени и, напримѣръ, подъ нотой *re* подписываетъ не разъ трезвучіе первой ступени, разсматривая *re*, какъ задержаніе къ *do* (тактъ 5 и др.).

Итакъ, съ перваго же взгляда становится очевиднымъ, что г. Новакъ, черпая мелодіи для своего изданія изъ солиднаго сборника «Словацкія пѣсни», совершенно игнорируетъ дѣльныя указанія, имѣющіяся въ предисловіи къ этому сборнику. При дальнѣйшемъ разборѣ сборника г. Новака мы убѣдимся въ этомъ еще не разъ.

Грустная по тексту и мелодіи пѣсня № 2 (Slov. Sp. I. 154) снабжена полькообразнымъ аккомпаниментомъ въ *e—moll*, съ весьма обыденной послѣдовательностью ступеней и обыденными же отклоненіями въ сосѣдніе строи. Намъ кажется, что

¹⁾ Такой типъ работы при оцѣнкѣ пѣсенныхъ сборниковъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразенъ. Въ нашей литературѣ первой работой этого именно типа являются комментаріи князя Вл. Фѣд. Одоевскаго къ сборнику Праща. См. объ этомъ нашу статью въ этомъ же томѣ.

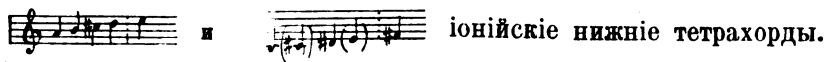
²⁾ Мы пользуемся средневѣковой терминологіей.

контрапунктической стиль и натуральная минорная гамма *e* были бы вполне уместны в данном случае.

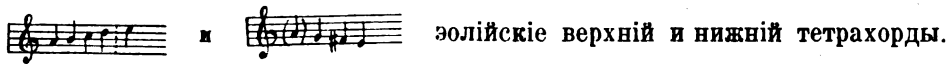
Мелодию следующей (№ 3) песни мы находим в I томъ большого сборника Slovenské spevy подъ № 35. Авторъ предисловія, г. Кадавый, относитъ эту мелодію къ числу тѣхъ словацкихъ напѣвовъ, которые построены на сложной скалѣ¹⁾. Въ данномъ случаѣ мы можемъ видѣть такой звукорядъ:

При этомъ мелодія начинается съ *mi* 2-й октавы, а оканчивается на *mi* 1-ой октавы. Сложной скалой, какъ мы уже говорили, г. Кадавый называетъ звукорядъ, въ составъ котораго вошли ноты изъ разныхъ ладовъ. Не претендуя на безошибочность, мы сдѣлаемъ попытку расчленить данный звукорядъ на слѣдующія части:

ионійскіе нижніе тетра хорды.

эолійскіе верхній и нижній тетра хорды.

(Натуральная минорная гамма *a*). (Натуральная минорная гамма *e*).

Приведенная схема исключаетъ возможность той гармонизаціи, которую мы находимъ у г. Новака, такъ какъ гармоническій смыслъ мелодіи будетъ уже совершенно иной.

Пѣсня № 4 принадлежитъ къ числу записей самого г. Новака. Мелодія ея очень стройна въ формальномъ отношеніи и не представляетъ трудности для гармонизаціи. Двѣнадцатитактный и едва-ли нужный фортепианный финаль придѣланъ г. Новакомъ и оконченъ на *Gis-dur'*номъ трезвучіи въ цѣляхъ возвращенія къ повторенію пѣсни, начинающейся съ тоники *Cis-dur'*ной гаммы.

Пѣсня № 5-й, записанная также г. Новакомъ, интересна въ ритмическомъ отношеніи. Ритмъ ея—свободный, переходящій съ двухъ на три четверти. Аккомпаниментъ—вычурный.

Мелодія пѣсни № 6-й (Slov. Sp. I, 82) очень хороша. Аккомпаниментъ также не дуренъ; онъ простъ, безъ всякихъ претензій.

Слѣдующая пѣсня № 7-й (Slov. Sp. I, 51), начинаясь съ тоники, кончается на доминантѣ, что отмѣчено и въ «Предисловіи» Яна Кадаваго (стр. VI). Гармоническій смыслъ ея одинаково ясенъ и для насъ, и для г. Новака. Звучность аранжировки хороша.

Мелодія пѣсни № 8-й (Slov. Sp. I, 65) особенно выдвигаетъ довольно общую и характерную черту словацкихъ пѣсенъ (по крайней мѣрѣ помѣщенныхъ въ большомъ сборникѣ: «Словацкія пѣсни»), не отмѣченную, однако, Яномъ Кадавымъ, именно: ритмичность и формальную ихъ стройность. Изъ просмотрѣнныхъ нами 537 нумеровъ перваго тома только 4 пѣсни имѣютъ ритмъ смѣшанный: $\frac{3}{4} + \frac{2}{4}$ (вып. I, № 1; вып. II, № 119 и 168) и $\frac{1}{4} + \frac{2}{4}$ (вып. II, № 189). Кромѣ того излюбленный размѣръ словацкихъ пѣсенъ, повидимому, двухдольный. Въ упомянутомъ сборникѣ мы находимъ только 17 пѣсенъ съ трехдольнымъ размѣромъ. Изъ дальнѣйшихъ наблюденій оказывается, что словацкія народныя мелодіи состоятъ, по большей части, изъ двухъ музыкальных періодовъ, причемъ послѣдній повторяется два раза (двухчастная пѣсенная форма). Каденціонный планъ этихъ пѣсенъ почти вездѣ типичный западно-европейскій. Очень музыкальная мелодія пѣсни № 8-й особенно культурна по своей архитектурѣ.

Пѣсня № 9-й (изъ записей г. Новака) производитъ хорошее впечатлѣніе и допускаетъ ладовую (эолійскую) гармонизацію. Г. Новакъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

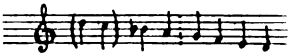
¹⁾ См. предисловіе, стр. VI.

видимо старался избѣгать ми-бекаръ, или совсѣмъ обходясь безъ этой искусственной VII ступени (тональность *f* — *moll*), или пользуясь плагальными каденціями.

Слѣдующая пѣсня № 10-й (Slov. Sp. I, 87) представляетъ значительную трудность для гармонизаціи, вслѣдствіе сложности ея мелодической скалы.

Послѣднюю можно себѣ представить состоящей изъ слѣдующихъ частей:

1) часть натуральной минорной гаммы *a* (эолийскій ладъ).

2) рядъ звуковъ, входящій въ составъ натуральной минорной гаммы *d* (эолийскій ладъ).

При такомъ пониманіи мелодическаго склада пѣсни № 10 возможна менѣе искусственная и, такъ сказать, болѣе народная гармонизація. Будетъ плюсъ и въ отношеніи благозвучія, такъ какъ въ обѣихъ изъ приведенныхъ гаммъ мы имѣемъ общее соль-бекаръ. Искусственное же повышеніе этой ноты ведетъ къ переченью, избѣжать котораго всѣми силами, хотя и тщетно, старается г. Новакъ ¹⁾

Финальный аккордъ въ видѣ *Re*-мажорнаго трезвучія (вся пѣса — въ минорѣ) сдѣланъ, разумѣется, по завѣтамъ Баха.

Пѣсня № 11 (запись г. Новака) интересна по ритму (сипконы), и вмѣстѣ съ выразительнымъ аккомпаниментомъ вызываетъ соответствующее тексту настроеніе.

Мелодія пѣсни № 12 (Slov. sp. I. 293) ясна въ гармоническомъ отношеніи, и аккомпаниментъ танцевальнаго характера къ ней подходитъ.

Слѣдующая пѣсня № 13 записана г. Новакомъ. Ея напѣвъ немного напоминаетъ наше церковное пѣснопѣніе: «Да воскреснетъ Богъ».

Пѣсня № 14 взята изъ II-го тома «Словацкихъ пѣсень» (№ 260), котораго мы подъ руками не имѣли.

Мелодія послѣдней пѣсни № 15 отлично укладывается въ рамки натуральной минорной гаммы *ge*. Вполнѣ западная обработка г. Новака изобилуетъ неестественными столкновеніями до-дизъ и до-бекаръ и едва ли нужнымъ чередованіемъ *ge* мажора съ *ge* миноромъ.

Подведемъ итоги всему сказанному.

Народная музыка имѣетъ свою исторію, тѣсно связанную съ исторіей быта и культуры, съ географическимъ и политическимъ положеніями данной національности. Уже съ VI-го вѣка нашей эры маленькое родственное чехо-мораванамъ-славянское племя словаковъ было поставлено своей исторической судьбой въ положеніе островка, затеряннаго среди непрерывно бушующаго океана всевозможныхъ народностей. Какъ только великое переселеніе народовъ забросило словаковъ за Карпаты, они подпадаютъ подъ владычество аваръ, потомъ поочередно франковъ, нѣмцевъ, мадьяръ (отюрченныхъ угровъ). Иго послѣднихъ съ IX-го вѣка продолжается и донинѣ. Смѣло можно сказать, что зависимое положеніе словаковъ длится вотъ уже 15 вѣковъ. При такомъ политическомъ положеніи трудно народу сохранить въ чистомъ видѣ свои этнографическія особенности. Но несмотря на вѣковой гнетъ, несмотря на систематическое гоненіе, ²⁾ воздвигнутое мадьярами при поддержкѣ нѣмецкой Европы, на всѣ проявленія словацкаго національнаго самосознанія, выразившееся, на примѣръ, въ закрытіи (въ половинѣ 70-хъ годовъ) патріотическаго общества «Матицы Словенской», введеніи мадьярскаго языка въ школахъ и т. п., несмотря на это, въ маленькомъ (2¹/₂ милліона) народѣ искра Божія не угасла. Она выразилась въ появленіи такихъ борцовъ за народное дѣло, какъ Гурбанъ, Годжа, Штуръ, воспитателей новаго, проникнутаго потріотизмомъ, поко-

¹⁾ Sol[♯], взятый въ видѣ предъема или еще въ видѣ короткой ноты фигураціи (см. такты 24, 41 и др.); не перестаетъ быть слышимымъ въ доминантномъ трезвучіи *la minor*'а. См. еще тактъ 30 (до-дизъ и до-бекаръ).

²⁾ См. 1) П а л к о в ъ. Невольничество у Мадырь. СПб. 1889 г.; 2) Свѣтоваръ Г у р б а н ѣ - В а я н с к і й. Нынѣшнее положеніе словаковъ. «Славянскій Ежегодникъ» 1884. Вып. VI, стр. 247; 3) Ш т у р ъ. Славянство и міръ будущаго. (Предисловіе В. Ламанскаго). «Чтенія въ Императ. О-вѣ Исторіи и древностей російскихъ». 1867. Кн. I., Отд. 3.

лѣнія. Эта же искра Божія сказывается и въ народномъ творествѣ. Благодаря вынужденной консервативности словаковъ, быть словацкаго простонародья сохранилъ не мало исконныхъ этнографическихъ чертъ. Патріархальность замѣчается въ хозяйствѣ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ словаковъ, въ любви ихъ къ природѣ и музыкѣ. Послѣ цыганъ, словаки—самый музыкальный изъ народовъ Венгріи. Въ каждомъ ихъ селѣ есть мѣсто, гдѣ они собираются для пѣнія, музыки и танцевъ. Словакъ поетъ и съ радости, и съ горя, и въ пѣсняхъ выливаетъ свою душу. «Гдѣ словѣнка, тамъ и слѣвъ», т. е. «гдѣ словачка, тамъ и пѣсня», говоритъ народная поговорка ¹⁾).

Но западно-европейское вліяніе не могло не коснуться и словацкой музыки. Нѣмецкое владычество, торжество котораго выразилось въ образованіи австро-венгерской монархіи, не годъ и не два при помощи мадьяръ и словацкихъ ренегатовъ мадьяронъ истребляло національную словацкую культуру, замѣняя еѣ западно-европейской. Вотъ почему и словацкой пѣснѣ не пришлось избѣжать нѣмецкаго корсета. И даже разборъ маленькаго сборника г. Новака позволяетъ констатировать двѣ группы словацкихъ народныхъ пѣсней. Первая группа состоитъ изъ мелодій, укладываемыхъ въ рамки старинныхъ ладовъ. (См. №№ 1, 2, 3, 5, 9, 11, 15.). Вторая уже группа, какъ мы видѣли, по своей формѣ и мелодическому складу не отличается отъ мелодій западно-европейскаго стиля.

По словамъ Яна Кадаваго, приведеннымъ нами выше (см. стр. 531), главная особенность словацкихъ пѣсней заключается въ древности ихъ строя; такъ что первая группа пѣсней, повидимому, представляетъ изъ себя старинную, чисто словацкую музыку; вторая же, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Исконныя черты словацкой, можетъ быть, обще-славянской пѣсни (натуральные звукоряды, свободный ритмъ) становятся въ этихъ «культурныхъ» напѣвахъ уже еле замѣтными; на ихъ мѣстѣ появляются новые, иноземные приемы, новый «обще-европейскій» стиль. Надо замѣтить еще, что не смотря на то, что словацкія народныя мелодіи, изданныя «любителями словацкихъ пѣсней», записаны въ мѣстностяхъ съ наиболѣе густымъ словацкимъ населеніемъ (комитаты Нитранскій, Гонтскій, Тренчинскій), тѣмъ не менѣе наличность старинныхъ пѣсней не велика. Изъ 537 пѣсней I-го тома сборника «Словацкія пѣсни» Янъ Кадавый отмѣчаетъ 25—30 пѣсней, обладающихъ древнимъ строемъ (Предисловіе, стр. VI). Это обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на вымирание старинной пѣсни, явленіе вполне современное и повсемѣстное. Но интересъ къ собиранію и обработкѣ этого исчезающаго матерьяла не утраченъ у нашихъ соплеменниковъ—словаковъ. Кромѣ сборниковъ, о которыхъ шла рѣчь въ настоящей замѣткѣ, извѣстенъ еще обширный трудъ Кубы: «Slovanstvo ve svúch srévesch».

Янъ Кадавый, напутствуя въ 1880 году обширный сборникъ словацкихъ пѣсней, говоритъ о пробужденіи въ современномъ ему словацкомъ обществѣ живѣйшаго интереса къ самобытнымъ народнымъ пѣснямъ (стр. VIII); и надо надѣяться, что, пока живо народное дѣло, не утратится у интеллигентныхъ словаковъ стремленіе къ собиранію и изслѣдованію памятниковъ словацкой народной музыки.

Г. Новакъ, своимъ изданіемъ доказавшій свой живой интересъ къ родной ему пѣснѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія со стороны всѣхъ искреннихъ адептовъ музыкальной этнографіи. Если при обработкѣ народныхъ мелодій онъ не находится на высотѣ задачи съ научно-этнографической стороны, то, вообще какъ музыкантъ, онъ выполнилъ свое намѣреніе вполне удачно. Его способность вдохновляться народной пѣсней, представляющая изъ себя явленіе очень отрадное, особенно замѣтна въ гармонизаціи пѣсней №№ 8, 11 и 12.

В. Пасхаловъ.

¹⁾ См. Энцикл. Словарь Брокгауза, т. 30. «Словаки».

Бібліографическій указатель книгъ и статей по музыкальной этнографіи.

- Aalst T. A. von. Chinese Music, Shanghai. London, 1884.
- Ambros A. W. Geschichte der Musik. B. I—V. Breslau, Leipzig, 1862—1882.
- Advielle, V. La musique chez les Persans. Paris, 1885.
- Арнольдъ Ю. Гармонизація древнерусскаго церковнаго пѣнія. М. 1886.
- Арнольдъ Ю. Теорія древнерусскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи автентическаго и акустическаго анализа. М. 1881 г. Изд. ред. „Прав. Обзорнія“.
- Arnold Yourij. Die Tonkunst in Russland bis zur Einführung des abendländischen Musik- und Notensystems. Leipzig, 1867.
- Amiot, J. Mémoire sur la musique des Chinois. Paris, 1779.
- Артемовскій-Гулакъ, См. ниже: Гулакъ-Артемовскій.
- Ambros-Sokolovsky. Die Musik des griechischen Altertums und des Orients. 1887.
- Аллемановъ, Д. Церковные лады и гармонизація ихъ по теоріи древнихъ дидакаловъ восточнаго осмогласія въ согласованіи съ новѣйшими акустическими и общемузыкальными законами. М. 1900.
- Боржковскій, В. Лирники. „Кіевская Старица“, 1889 г. № 9.
- Bourgault-Ducoudray, L. A. Mélodies populaires de Grèce. Paris, 1876.
- Bourgault-Ducoudray, L. A. Mélodies populaires de Basse-Bretagne. Paris, 1885.
- Buhle, Edward, von. Die musikalischen Instrumente in den Miniaturen des frühen Mittelalters. B. I. Leipzig, 1903.
- Безсоновъ, П. „Калики переходіе“. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе. Шесть выпусковъ (съ напѣвами и статьей кн. В. О. Одоевского). М. 1861—64.
- Безсоновъ, П. Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ, въ „Православномъ Обзорніи“ 1864 г. т. XIV.
- Bartsch, Chr. Melodien litauischer Volkslieder. Heidelberg, 1886.
- Бичъ-Лубенскій, Н. Бандуристы и лирники на харьковскомъ XV археологическомъ съѣздѣ, въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1902 г.
- Богатыревъ, П. Русскія пѣсни. Въ прибавленіи къ „Московскому Листку“ за 1897 г.
- Bücher, Karl. Arbeit und Rythmus. Ahandl. d. Kön. Sächs. Ges. der Wissensch. 1896. (есть въ рускомъ переводѣ).
- Bartalus St. Die Zigeuner und ihr Verhältnis zu unserer Musik. Ungar. Monatschrift. Budapest. Sept. 1868.
- Baker. Th. Über die Musik der Nordamerikanischen Wilden, 1882, Leipzig.
- Балакиревъ, М. А. Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень, СПб. 1866 г. и новѣйшее изд. Бѣляева въ Лейпцигѣ.
- Балакиревъ, М. 30 пѣсень русскаго народа. Изд. Пѣсенн. Комиссіи Имп. Русск. Геогр. О-ва. СПб. 1901.
- Балина, О. С. Украинські пісні СПб. 1863 року.
- Brown, M. E. and. A. W. Musical Instruments and their Homes. New-York, 1888.
- Богоголосникъ, или собраніе набожныхъ пѣснопѣній. Почаевское изд. 1825 г. и позднѣйшія изданія, напр., Холмскаго братства, Кіевъ, 1894.
- Булгаковъ, Вас. Музыка у калмыковъ-алтайцевъ. Замѣтка въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1905 г. № 23.
- Villemarqué Th. Barzas-Breiz. Chants populaires de la Bretagne. Paris, 1893.
- Weitzmann, C. F. Volksmelodien (II—финны). Neue Zeitschrift für Musik. 1851 №№ 20—22.

Величковъ, Н. О древности русскихъ музыкальныхъ народныхъ инструментовъ. „Живописное Обозрѣніе“ 1874 № 30.

Веселовскій, А. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха (гл. VI—X о муз. INSTR. странствующихъ пѣвцовъ). Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXXII № 4.

Веселовскій, А. Музыка у славянъ, Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1866 г., апр., июль.

Вороновъ, Н. Напѣвы Кержацкихъ духовныхъ стиховъ (съ полами). „Пермскія Епарх. Вѣдомости“. 1867 г. № 26.

Вильбоа, К. П. Русскія народныя пѣсни, записанныя подъ пѣніе. 1860.

Vitol J. Latvees u tautas dzeemas. (Letische Volkslieder mit Klavierbegl.) I, II Heft. Riga, 1892 u. 1897.

Viloteau. Description de l'Égypte, publiée par ordre du gouvernement français. Paris, 1809., 9 vol., et Paris, 1821—29, 24 vol. (Части этого труда составляютъ: «Dissertation sur les diverses espèces d'instruments de musique que l'on remarque parmi les sculptures qui décorent les antiques monuments d'Égypte» и «Description historique, technique et littéraire des instruments de musique des Orientaux»).

Владимирскій, А. С. О законахъ музыкальной гармоніи и національныхъ инструментахъ, доставленныхъ на Этнографическую Выставку. Сборникъ антропол. и этногр. статей о Россіи. кн. I (Извѣстія И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн., т. VII. М. 1868).

Wallaschek, R. Primitive Music An. inquiry into the origin an development of music, songs, instruments, dances, and pantomimes of savage races. London, 1893.

Westphal, R. Allgemeine Theorie der musikalischen Rhythmik, seit J. S. Bach auf Grundlage der Antiken. Leipz. 1880.

Westphal R. Metrik der Griechen 1883—1893.

Westphal R. Die Musik des griechischen Alterthums. Leipzig, 1883.

Westphal R. Griechische Harmonik und Melopoeie. Leipzig, 1886.

Westphal R. Geschichte der alten und mittelalterlichen Musik. Breslau. 1865.

Вестфаль Р. Статья о русской народной пѣснѣ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1879 г. № 9.

Волкова, С. С. О древнерусскихъ церковныхъ напѣвахъ и о значеніи ихъ для будущности русскаго музыкальнаго искусства. Сообщеніе, чит. въ Обществѣ древней писъм. 1905 г., 21 апр. (Памятники древней писъм. и искусства т. CLIX, 1906. 4^о).

Georgi, J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, СПб., 1776.

Graham G. F. The popular songs and melodies of Scotland. Glasgow, 1891.

Guthrie M. Dissertation sur les antiquités de Russie. St-Pét. 1795.

Гроздовъ. Народныя пѣсни Мингрельцевъ.

Гильфердингъ, Д. Онежскія былины. Изд. Имп. Акад. наукъ. 1894.

Horn. S. E. A selection of indian melodies. London, 1813.

Гулакъ-Артемовскій, О. Народни украинскіи пісні зъ голосомъ. Вып. 1, изд. 2. Кіевъ. 1883.

Григорьевъ, А. Д. Архангельскія былины и историческія пѣсни, съ напѣвами, запис. посредствомъ фонографа, т. I. М. 1904.

Daniel, F. S. La musique arabe. Alger, 1863 и 1879.

Даниловъ, Кирша. Древнія російскія стихотворенія. Изданіе Императорской Публичной библіотеки. СПб. 1901.

Прежнія изданія—съ искаженіями.

Дуровъ, З. Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. (См. русскій переводъ Исторіи музыки Доммера. М. 1884).

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 2-е Изд. О-ва Люб. Росс. Слов. при Имп. Моск. Унив., исправленное и значительно умноженное подъ руководствомъ автора, 1879—82. 3-е изд., исправленное и дополн. подъ ред. проф. Бодуэна-Куртена. СПб. 1903—1904.

Day, Ch. R. The Musik and musical Instruments of Southern India and the Decan. London, 1891.

Dayney, W. The ancient melodies of Scotland. Edinburgh, 1838.

Jones, William. On the musical modes of the Hindus. London, 1784. (Переведена на нѣмецкій языкъ Dalberg'омъ: «Ueber die Musik der Inder». Erfurt, 1802).

Egiasarian Chansons arméniennes. Paris 1900.

Евгеній, Митрополитъ (Болховитиновъ). Историческое разсужденіе вообще о древнемъ христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи російскія церкви, съ нужными примѣчаніями на оное. СПб. 1804.

Его-же, статья о Русской церковной музыкѣ (съ крюковыми нотами) напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1821 г., ноябрь.

Его-же, Историческія свѣдѣнія о пѣніи грекороссійской церкви въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1831.

Забѣлинъ, И. Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI и XVII ст. т. I и II. Изд. 3-е, М. 1895—1901.

Извъковъ, Ю. 20 народн. пѣсенъ изъ со-

бренныхъ членами пѣсенной экспедиціи И. Р. Геогр. О-ва, перелож. для смѣшан. хора. Изд. Пѣсенной Комиссіи И. Р. Г. О-ва.

Ипполитовъ-Ивановъ, М. Грузинская народная пѣсня и ея современное состояніе. Съ прил. 12 нар. мелодій и романсовъ. Статья напечатана въ № 45 журнала „Артистъ“ и отдѣльно. М. 1895.

Коргановъ, В. La musique du Caucase Paris, 1903. (Discours pour le congrès 1—5 octobre 1903 à Berlin). Въ этой брошюрѣ указана, между прочимъ, литература по кавказской музыкѣ.

Кристь, Е. Кобзари и лирники Харьковской губерніи. Харьковъ, 1902. «Сборникъ Харьковск. Истор.-Филол. О-ва». т. 13, ч. 2.

Корещенко, А. Наблюденія надъ восточной музыкой, преимущественно кавказской. Статья напечатана въ „Этнографич. Обзорѣніи“ кн. XXXVI, 1901, съ прил. нотъ.

Comitas, Archimandrite. Mélodies Kurdes. „Труды по востоковѣдѣнію“, издаваемые при Лазаревск. Институтѣ Восточныхъ языковъ. М. 1903.

Коршъ, Ѡ. Е. О русскомъ народномъ стихосложеніи. Въ „Извѣст. Отдѣл. русск. языка и словесности Императ. Академіи Наукъ“ 1896 г., т. I, кн. 1.

Comettant, Oskar. La musique, les musiciens et les instruments de musique chez les différents peuples du monde. Archives complètes de tous les documents qui se rattachent à l'exposition internationale de 1867. Paris, 1869.

Kocipinski, Ant. Pisni, dumki i szumki ruskoj naroda. Kijew. 1862. Persza сотня.

Монощенко, А. Украинскіи песни. Съ нотами. Одесса. 1900. Друга сотня, 1902.

Kraus, A. La musique au Japon. Florence, seconde édition, 1879, съ фотографіями инструментовъ и нотами.

Kraus, A. Gli strumenti musicali degli Ostacchi, estratto del Archivio per l'antropologia et létnografia. Firenze.

Kiesewetter. Die Musik der Araber. Leipzig, 1842.

Концерты малороссійскія въ три голоса. Рукопись. Унд. 900, въ Румянцовской библиотекѣ.

Каргаретели. И. Г. Краткій очеркъ грузинской народной музыки. Тифлисъ, 1901.

Капустинъ, С. Законы строя русской народной пѣсни и связь ихъ съ строемъ общинной жизни русскаго народа. Въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. О-ва т. XX, в. II. 1884.

Его же. Статья о Ю. Н. Мельгуновѣ—въ „Этнографич. Обзорѣніи“, кн. XVIII.

Компанейскій, Н. О связи русскаго церковнаго пѣснопѣнія съ византійскимъ, въ „Русской Музык. Газетѣ“ за 1903.

Куклинъ. М. М. Вологодскіе напѣвы и замѣтки объ этихъ напѣвахъ Ю. Н. Мельгунова. Напечатано въ Трудахъ Этнографич. Отдѣла Имп. О-ва Люб. Естествозн. Антр. и Этн. т. XI, в. I. 1890. (Извѣстія Общества т. LXIX).

Kolberg O. Piesni ludu Polskiego, Kraków 1857, t. I.

Kolberg, O. Lud Polski Warszawa—Kraków, serya II—XXIII, 1865—1890. Кажется, было и продолженіе.

Kolberg, O. Piesni ludu Litewskiego, 1879.

Kolberg, O. Pokucie, t. 1—3. Kraków, 1883—88.

Kolberg, O. Masowsze, t. 1—4, Krak. 1885—88.

Кашинъ, Д. 115 русскихъ народныхъ пѣсень. М. 1868.

Кленовскій, Н. Первый Этнографическій Концертъ. Сборникъ народныхъ пѣсень русскихъ и инородческихъ. М. 1894

Кулишъ П. А. Записки о Южной Руси, т. I—II. СПб. 1857.

Кульда, Бенешъ-Методъ. Svadba v národě cesko-slovanském či svadebni o býceje, reci, promluvy, pripitky a 73 svadebnich písní a nářevů. Оломуць, 1862, 2 изд. 1866, 3 изд. 1875.

Лепта. Религіозныя пѣснопѣнія, съ цифирными нотами. Бійскъ, 1889.

Линева, Е. Э. Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Изд. И. Ак. Наукъ. Вып. I. СПб. 1904.

Ляцкій, Евг. Сказитель Иванъ Трофимовичъ Рябининъ и его былины, съ прилож. напѣвовъ, записанныхъ А. С. Аренскимъ. и Н. А. Янчукомъ. М. 1895. (Изъ „Этногр. Обзор.“, кн. XXIII).

Лаговскій, Ф. Русскія народныя пѣсни Костромской, Новгородск., Нижегородск. и Ярославской губ. I вып., съ прил. тетради нотъ. Череповець. 1877.

Лобановъ, Д. Историческій очеркъ древней музыки. Народная иллюстрація, Воскресный Досугъ. 1872. №№ 16—19.

Листопадовъ, А. Донская казацкая пѣсня. №№ 152, 191 и 198 газ. „Донская Рѣчь“ за 1904.

Листъ, Ф. Des Bohémiens et de leur musique. Hongrie. 1861.

Лисенко М. (Н.) Збирныкъ народ. украинскіихъ писень. Кіевъ, вып. I—VI, съ 1870г.

Лисенко, М. Збирныкъ нар. украин. писень для хору, десятокъ I—VII, 1885—1897.

Лисенко, Н. Напѣвы О. Вересаю, въ «Запискахъ Юго-Западн. Отд. Имп. Русск. Географическаго О-ва». Кіевъ, 1874—75 т. I, приложение.

Лисенко, Н. Характеристика музыкальных особенностей думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ жобзаремъ О. Вересаемъ. Оттискъ изъ «Записокъ Юго-западн. Отдѣла Имп. Русск., Геогр. О-ва». т. I, Кіевъ, 1874.

Лисенко, М. (Н.) Украинські обрядові пѣсньи у чотырѣхъ збіркахъ для мішаного хору. Кіевъ. 1896.

Его же. Молодіці. Збірникъ танків та веснянок. Кіевъ, 1875.

Его же. Напѣвы свадебныхъ, колыбельныхъ и игровыхъ пѣсенъ малорусскихъ, записанные имъ для этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-зап. край, напеч. въ «Трудахъ» этой экспедиціи (П. П. Чубинскаго). т. III, IV.

Lagus, Ernst. Nyländska folkvisor. Samlingar utgifna af Nyländska Afdelningen. Helsingfors. 1—2. 1887—1893.

Львовъ, А. Ѳ. О пѣни въ Россіи (о музыкѣ вообще, о церковномъ пѣни и о простонародныхъ русскихъ пѣсняхъ). СПб. 1834.

Львовъ, А. Ѳ. О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ въ церковномъ пѣни СПб. 1853.

Липаевъ, И. Музыка на XVI-й всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ. СПб. 1896.

Липаевъ, И. «Оркестровые музыканты», историко-бытовые очерки. Напеч. въ «Русск. Муз. Газетѣ» за 1903, а также отдѣльной книгой.

Лядовъ, А. 35 пѣсенъ русскаго народа изъ собранныхъ Пѣсенной Комиссіей Имп. Русск. Геогр. О-ва.

— 50 пѣсенъ русскаго народа,

— 35 пѣсенъ русскаго народа.

Всѣ эти изданія Пѣсенной Комиссіи И. Р. Геогр. Общества.

Лядовъ, А. Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, соч. 43. Лейпцигъ, 1898.

Ляпуновъ, С. 35 пѣсенъ русскаго народа изъ собранныхъ Пѣсенной Комиссіей И. Р. Г. О-ва.

Ляпуновъ, С. Русскія народныя пѣсни (съ аккомп. фортепіано), изд. Ю. Циммерманъ.

Лопатинъ, Н. М. и Прокунинъ, В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, ч. 1 и 2. М. 1889. Съ обширнымъ предисловіемъ.

Львовъ и Прачъ. Собрание русскихъ пѣсенъ съ ихъ голосами, 2-е изд. СПб. 1806, (есть новое, 4-е изд. Суворина. 1896 СПб.).

Матса. Ελληνικαὶ δημοτικαὶ μελωδία. Константинополь, 1883.

Малашкинъ, Л. 40 русскихъ народн. пѣсенъ для одного голоса съ акк. ф-піано. М. 1901.

— 50 Украинскихъ пѣсенъ. Зибравъ и у ноты завивъ Л. Д. Малашкинъ. Соч. 13. Изд. Гинтера и Малецкаго. Кіевъ. 1888.

Музыка и пляска въ древней Россіи. „Живописное Обзорѣніе“ № 26, 1874.

Масловъ, А. Калики переходіе на Руси и ихъ напѣвы. Историческая справка и мелодико-технической анализъ. СПб. 1905. Эта работа напечатана въ серіи его очерковъ подъ названіемъ „Музыкально-Этнографическіе Очерки“, для которыхъ готовятся къ печати: „Былины и сказители“, затѣмъ „Обрядовыя и лирическія пѣсни“.

— Кирша Даниловъ и его напѣвы (съ нотн. примѣр.), напечатано въ Русск. Муз. Газетѣ за 1902, № 43.

— Лира и лирики Орловской губ. Историко-этнографическій очеркъ. „Этнографич. Обзорѣніе“ 1901, кн. XLVI.

— Музыкальное творчество поморовъ. Статья напечатана въ газетѣ „Курьеръ“ за 1901, сент.—окт.

— Церковная и свѣтская музыка въ Россіи и народное творчество. Статья въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1905, №№ 1 и 2.

— Задачи музыкальной этнографіи. Статья въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1905, №№ 40 и 45.

Маргаритовъ. Орочи (встрѣчаются свѣдѣнія о ихъ музыкѣ). Журналъ „Землеводѣніе“, 1897, кн. III—IV.

Маркевичъ, А. Н. Малороссійскія пѣсни. Изд. Бессель и К^о. СПб. 1874.

Маклаковъ, Н. Рѣчь „О русской народной музыкѣ“, помѣщена въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. 2. 1869.

Маскѣвичъ. Записки (1611 года), напечатаны въ матерьялахъ Устрялова, ч. V „Сказаній современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ“ 1831.

Mahillon. Catalogue descriptif et analytique du Musée instrumental du Conservatoire royal de Bruxelles. См. Annuaire du Conservatoire 1878—1881, 1886, 1890, 1892 и 1893.

Мозеръ, В. Статья на франц. яз. о малорусскихъ народн. пѣсняхъ, въ журн. «Quinzaine Indépendante» № 1—5.

Мошковъ, В. А. Матерьялы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. Напеч. въ XII и XIV т.т. Казан. „Извѣстій Общества Археол. Исторіи и Этнографіи“ за 1894 и 1897 г. Тотъ же авторъ въ другихъ своихъ работахъ часто касается музыки у инородцевъ.

Мошковъ, В. Труба въ народныхъ вѣрваніяхъ. „Живая Старина“ 1900, вып. III и IV.

Мошковъ, В. Мелодіи чувашскихъ пѣсенъ, въ „Извѣстіяхъ Общ. Археологін, Исторіи и Этнографіи при Казанск. Унив.“ за 1893.

Мошковъ, В. Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ. Тамъ же, за 1894.

Мошковъ, В. Записи народныхъ пѣсенъ Олонекской губ. Петрозаводскаго уѣзда, въ журналѣ „Баянъ“ 1889, № 6.

Михайловъ. Музыка чувашъ (Казанской губ.). „Казанск. Губернск. Вѣдом.“ 1852, № 31.

Миропольскій, С. И. О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и Западной Европѣ. 1881. (Въ этой книгѣ достаточно подробно, по времени, составленъ библиографическій указатель музыкально-этнографическихъ матерьяловъ).

Мельгуновъ, Ю. Н. Русскія народныя пѣсни непосредственно съ голосовъ записанныя и съ объясненіями. М. 1879, в. I; М. 1885, в. II.

Мельгуновъ, Ю. Н. Запѣтки о Вологодскихъ пѣсняхъ. „Труды Этногр. Отд. Имп. О-ва Любит. Естеств. Антр. и Этн.“ т. XI в. I. М. 1890.

Мельгуновъ, Ю. Н. Статья „Къ вопросу о русской народной музыкѣ“ напечатана въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“, кн. VI, 1890.

Михневичъ. Музыка въ древней Россіи и въ XVIII ст. „Музыкальный Свѣтъ“ 1876, №№ 27—30, 32, 33, 38, 39, 41, 44—50.

Михневичъ. Очерки исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. СПб. 1879.

Некрасовъ. 50 пѣсенъ русскаго народа для мужского хора. Изд. Пѣс. Ком. И. Р. Г. О-ва.

Нотныя партесныя разныя штуки для одного и двухъ хоровъ. Рукопись М. 762, въ Румянцовскомъ Музеѣ

Nesselmann. Littauische Volkslieder. 1853.

Общество вспомошествованія учащимъ въ начальныхъ школахъ Лифляндской губ. Тетрадь IV—пѣсни съ нотами.

Овсеянъ, К., свящ. Воспоминаніе объ армянской музыкѣ. (Альбомъ въ память Айвазовскаго, на армян. яз.).

Одоевскій, В. Ѳ., князь. „Объ исконной великорусской пѣснѣ“. Письмо къ П. А. Безсонову, напечатанное въ его „Каликахъ переходящихъ“, в. V.

Его же. „Письма о древнерусской музыкѣ“ въ „Искусствѣ“ за 1883, № 17.

Его же. „Старинная пѣсня“, въ Русскомъ Архивѣ за 1863.

Его же. Напѣвы русскихъ пѣсенъ. Съ предисл. В. Кашперова. „Вѣстн. Общ. др.-р. иск. при Рум. Муз.“ 1876, № 11—12.

Его же. О мірской пѣснѣ. Труды I Археол. Съѣзда въ Москвѣ. М. 1871.

Его же. Русская и такъ называемая общая музыка. (Отгискъ изъ газ. „Русскій“ № 11 и 12). М. 1867.

Его же. Къ вопросу о древнерусскомъ пѣніи, М. 1864.

О русской народной и церковной музыкѣ. Письмо барону Розенкамфу, напечат. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1821, № 19 ноябрь (съ крюковыми таблицами).

Орловъ, В. М. Крестьянскія пѣсни, записанныя (многоголосно) въ Тамбовской губ. СПб. 1890.

Olearius. Vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung 1656. Русскій переводъ П. Барсова въ „Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ“ кн. I. М. 1868.

Позднѣевъ, А. М. Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. 1887.

Пасхаловъ, В. В., и Пятницкій, М. Е. 12 русскихъ народныхъ пѣсенъ Воронежской губ., Бобровскаго уѣзда. М. 1904.

Пальчиковъ, А. Крестьянскія пѣсни. Уфимской губ. Мензелинскаго уѣзда. СПб. 1888, вышло и 2-е изд.

Praetorius M. Syntagma musicum 1614—1619, Wolfenbittel et Württemberg, въ 3-хъ томахъ. Переиздано въ Берлинѣ, 1884, въ 2-хъ томахъ.

Петровъ. 50 русскихъ народныхъ пѣсенъ для 3-хъ и 4-хъ гол. смѣшан. хора. Изд. Пѣсен. Комиссіи И. Р. Геогр. О-ва.

Петровъ. 20 пѣсенъ Сибири. Изд. Пѣсенной Комиссіи И. Р. Г. О-ва.

Portman, M. V. Andamanese Music. Journ. Roy. As. Soc., new series, vol. XX, London, 1888.

Petermann, Ueber die Musik der Armenier. Zeitschrift der deutschen morgenländ. Gesellschaft. Leipzig, 1851.

Panchkari Banerejla, History of Hindu Music. Bhowanipore, 1880.

Пѣсни русскаго народа, собранныя пѣсенными экспедиціями Имп. Русск. Геогр. О-ва. I-й т. 1886, пѣсни Архангельск. и Олонек. губ., II-й т. 1893, пѣсни Вологодск., Вятской и Костром. губ. III-й т. 1894, 95 и 96. Пѣсни Владимірской, Рязанск. и Ярославск. губ. VI-й т. 1901, пѣсни Нижегородск. губ. Тт. IV—VIII готовятся къ печати.

Pillaut, L. Le musée du Conservatoire national de musique, 1-er suppl. au catalogue de 1884. Paris. 1894.

Приваловъ, Н. И. Статьи о музыкальныхъ инструментахъ русскаго народа, напечатан-

ния въ „Извѣст. Спб. Общества музык. собраній“ („Лира“ въ янв. кн. 1903, „Гудокъ“ въ апр. кн. 1903, „Духовые инструменты“ въ июльск. кн. 1903, „Ударные инструменты“ въ октябр. кн. 1903).

Пѣтуховъ, М. Систематич. описаніе инструмент. музея Спб. Консерваторіи Спб. 1892.

Его же. Народные музыкальные инструменты музея Спб. Консерваторіи Спб. 1891.

Прачь, Ив. См. Львовъ и Прачь.

Прокунинъ, В. Пѣсни для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепіано. М. 1872.

Псалмы 17—18 вѣка, на линейн. нотахъ, 3-голосно. Рукопись Ц. 898, 899 въ Румянцовск. библиотекѣ

Петръ, В. И. „О мелодическомъ складѣ арійской пѣсни“. Историко-сравнительный опытъ. Въ „Русской Музык. Газетѣ“ за 1897 и 98 (Отдѣльный оттискъ Спб. 1899).

Его же. О персе-арабской гаммѣ. Статья въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1905 г. №№ 33—36.

Его же. О составахъ, строяхъ и ладахъ въ древнегреческой музыкѣ. Кіевъ, 1901.

Pollak, A. I. Die Harmonisierung indischer, türkischer und japanischer melodien. Neue Beiträge zur Lehre von den Tonempfindungen. Leipzig. 1905.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи, т. I—IV. (Богатая библиографія нар. пѣсенъ).

Пыпинъ, А. Н. и Спасовичъ, В. Д. Исторія славянскихъ литературъ. Спб. 1879 (2-е изд.).

Рыбаковъ, С. „Русская пѣсня“, статья въ Энциклопедическомъ Словарѣ, изд. Брокгаузъ и Эфронъ.

Его же. Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ Спб. 1897. Изд. Имп. Акад. Наукъ.

Его же. Любовь и женщина по народнымъ пѣснямъ инородцевъ (съ нотными прилож.) въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1901.

Его же. Русскія вліянія въ музыкальномъ творествѣ Нагайбаковъ, крещеныхъ татаръ, въ Оренбургской губерніи (съ приложеніемъ напѣвовъ), въ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1896.

Его же. „Курай“, башкирскій музык. инструментъ, въ „Русской Музык. Газетѣ“ 1896, янв.

Его же. Вопленица Ирина Ѳедосова, въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1895, апр.

Его же. О народныхъ пѣсняхъ татаръ башкиръ и тептярей, „Живая Старина“. в. III и IV за 1884.

Ряжскій, „О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія“, въ «Православномъ Обзорѣніи» за 1866, №№ 9—11.

Риттихъ, А. Ф. Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія. Казань, 1870.

Рубецъ, А. Нѣскольکو словъ о малорус-

скихъ народныхъ пѣсняхъ. „Музыкальный Сезонъ“ 1869, № 2 и 3.

Его же. Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб. 1875.

Его же. Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб. 1870—1889.

Ровинскій, Д. А. Русскія народныя картинки, кн. I—V Спб. 1881.

Радченко, З. Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ Гомельскаго у. Спб. у Бесселя. 1880.

Разумовскій, Д. В. проф. Церковное пѣніе въ Россіи. Опытъ историкотехническаго изложенія. М. 1867—69 (1—3 выи.).

Его же. О народномъ пѣніи въ Россіи. Труды I Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, 1869, т. II.

Его же. Объ основныхъ началахъ богослужебнаго пѣнія православной греко-россійской церкви, М. 1867.

Его же. Богослужебное пѣніе православной греко-россійской церкви. Теорія и практика церковнаго пѣнія, М. 1896.

Римскій-Корсаковъ, Н. А. Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ, в. I—II. Спб. 1876.

Симони, П. К. Камеръ-гуслисть В. Трутовскій и изданный имъ первый русскій пѣсенникъ подъ заглавіемъ: „Собраніе простыхъ пѣсенъ съ нотами“ (1776—1799 гг.). Труды 12-го археологич. съѣзда въ Харьковѣ 1902, т. II. 1905.

Славянская (Агренева—), О. X. Описаніе русской свадьбы (съ напѣвами Ирины Ѳедосовой). Ч. 1—3. М. 1887. (2-е изд.).

Сокальскій, П. Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни (посмертное изданіе). Спб. 1903.

Его же. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строніи мелодическомъ, и отличіе ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ, 1888.

Его же. Китайская гамма въ русской народной музыкѣ, въ „Музык. Обзорѣніи“ за 1886, №№ 26—28.

Siebold, Ph. Fr. Japanische Weisen gesammelt von Ph. Fr. Siebold, für das Piano eingerichtet von J. Küffner. Leyden. 1836.

Сибирскія народныя мелодіи. Приложеніе къ Ежегоднику Тобольскаго Губернск. Музея в. IV. Екатеринбургъ, 1895, (тексты в. III).

Селаври, Викт. «На берегахъ Желтаго моря». Записки путешественника 1901—2 (интересныя свѣдѣнія о музыкѣ китайцевъ). Ст. напечатана въ „Вѣстникѣ и Библиотекѣ Самообразованія“ за 1904, №№ 15, 17.

Смоленскій, С. Краткое описаніе древняго

(12—13 в.) знаменнаго Ирмолога, принадлежащаго Воскресенскому, „Новый Иерусалимъ“ именуемому, монастырю. Казань, 1887.

Его же. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковнопѣвческой археологіи. Памятн. древн. письм. и искусства, СЛІ. СПб. 1904.

Его же. Александръ Мезенецъ. Азбука знаменнаго пѣнія. (Извѣщеніе о согласѣишихъ помѣтахъ). Казань. 1888.

Его же. О древнерусскихъ пѣвческихъ нотацияхъ (историко-палеографич. очеркъ). Памятники древней письменн. и искусства, СХLV СПб. 1901.

Его-же. Общій очеркъ историческаго и музыкальнаго значенія пѣвческихъ рукописей Соловецкой бібліотеки и „Азбуки пѣвчей“ Александра Мезенца (изъ „Правосл. Собес.“). Казань. 1887.

Его-же. О собраніи русскихъ древнепѣвческихъ рукописей въ Моск. Синодальномъ училищѣ церк. пѣнія. СПб. 1899.

Сперанскій М. Н. Южно-русская пѣсня и ея представители Пѣжинъ, 1904.

Сушиль, Франтишекъ. Moravské národní písně s nářevy do textu vradenými. V Brně. 1860 (2-е изд.).

Sumlork V. S. Staročeské pověsti, spěvy, hry, obyčeje, slavnosti a nářevy s ohledem na bájeslovi československé. Прага, 1845—51.

Стровъ, А. Н. Статьи о русской народной пѣснѣ, напечатанныя въ „Музыкальномъ Сезонѣ“ за 1870—71, № 6 и 18.

Его же. „О великорусской пѣснѣ“ статья въ газетѣ. „Москва“, 1868, №№ 19, 20.

Sowinski. Les musiciens polonais et slaves anciens et modernes. 1857.

Svoboda, A. Illustrierte Musikgeschichte. Stuttgart, 1892.

Stevenson, A. A selection of Irish melodies. 1898.

Soubies, A. Histoire de la musique en Russie. Paris, 1898.

Стасовъ, В. В. Замѣтки о дѣмественномъ и трюестрочномъ пѣніи. „Извѣстія СПб. Импер. Археологич. Общества“, т. V, в. 4.

Стаховичъ, М. А. Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ. 1-я тетрадь вышла въ 1851, другія три въ 1852—54; въ послѣднихъ тетрадяхъ есть предисловіе со взглядами на музыкальное построение русской пѣсни.

Thewrewk de Popor, Emil. The Origin of the Hungarian music. Journal Gipsy-Lore Soc. 1889.

Танъевъ, С. И. Замѣтка о музыкѣ горскихъ татаръ въ „Вѣстн. Евр.“, 1886, янв., стр. 94.

Тюринъ. Замѣчанія о напѣвахъ русскихъ

народныхъ пѣсенъ. IV т. „Извѣстія 2-го отдѣленія Импер. Акад. Наукъ“.

Ундольскій, В. Матеріалы для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. М. 1846.

Ullmann. Lettische Volkslieder. Riga, 1874.

Филаретъ, митрополитъ. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви.

Филипповъ, Т. И. 40 народныхъ пѣсенъ (въ гармониз. Н. А. Римскаго-Корсакова). М. 1882.

Финдейзенъ, Н. Музыкальная старина, вып. 1—2. СПб. 1903. (Между прочимъ: „Роговая музыка въ Россіи“ и „Списокъ русскихъ книгъ по музыкѣ, изданныхъ въ 1773—1873“).

(Финдейзенъ) Н. Краткій словарь народныхъ музыкальныхъ инструментовъ въ Россіи, съ 24 иллюстрац. Напечатанъ въ приложеніи къ „Русск. Муз. Газетѣ“ за 1896, въ „Музык. Календарѣ Альманахѣ“.

Fétis, F. I. Histoire générale de la musique. Vol. I—V. 1869—1876.

Fétis, F. I. Sur un nouveau mode de classification des races humaines d'après leurs systèmes musicaux. Bulletins de la Soc. d'Anthrop., 1867, Paris.

Гаминцынъ, А. Древняя Индо-Китайская гамма въ Азіи и Европѣ. СПб. 1889.

Его-же. Скоморохи на Руси. СПб. 1889.

Его-же. Древнеарійскіе и древнесемитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культурахъ славянъ. „Этнограф. Обзорніе“ XXVI. М. 1896.

Его же. „Отчетъ о 23-мъ присужденіи награды гр. Уварова“, о сочиненіи Шафранова: „О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами“. СПб. 1881.

Его же. Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. СПб. 1890.

Его-же. Домра и сродные ей музык. инструменты русскаго народа (балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара). СПб. 1891.

Хведоровычъ, А. Збирнычокъ украинськихъ пісень, зъ нотами. Изд. 2, Одесса. 1898.

Чубинскій, П. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, т. I—VII.

Chouquet, G. Le musée du Conservatoire national de musique. Catalogue descriptif et raisonné 1884, Paris.

Шейнъ, П. В. Великорусскія въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и пр. (съ напѣвами) т. I—II. Изд. Импер. Акад. Наукъ. СПб. 1898—1900.

— Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-зап. края. Изд. Импер. Акад. Наукъ, т. I—III. СПб. 1887—1902.

Шейнъ. Бѣлорусскія пѣсни. СПб. 1874.

Швидченко, Е. (Б. Быстровъ) Святочная христоматія. Литерат.-музыкально-этнограф. Сборникъ. (Съ новыми записями колядожь) СПб. 1903.

Шапошниковъ, К. К. О русскомъ народномъ пѣніи. „Русскій Архивъ“, 1890, I.

Шафрановъ. О складѣ народной русской пѣсенной рѣчи въ связи съ напѣвами. „Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія“ 1878, окт. и ноябрь.

Эйхгорнъ, А. Ф. Полная коллекція музыкальныхъ инструментовъ народовъ центральной Азіи. Каталогъ. СПб. 1885.

Jurjan. A. Latvju tautas muzikas materiali. Сборникъ трудовъ Музык. Комиссіи Рижскаго Латышскаго О-ва. I выпускъ, Riga, 1894. II выпускъ, Riga, 1903.

Янчукъ, Н. А. Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновск. уѣзда. Сѣдлецкой губ. Съ приложеніемъ свадебныхъ напѣвовъ. „Труды Этногр. Отдѣла И. О. Люб. Естествозн., Антроп. и Этнографіи, т. VII. М. 1887.

— Новыя записи малор. пѣсенъ, изъ Сѣдлец. губ.,—въ музык. приложеніи къ еженед. журналу „Радуга“ за 1885 г., и отдѣльно „Агс-еп-сіел“. (Москва, 1885).

— Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ „По Минской губ.“), въ Трудахъ Этнографическаго Отдѣла Имп. О-ва Любителей Естествознанія, Антроп. и Этнографіи т. IX, в. I. М. 1889 и отдѣльно.

Ясевичъ-Бородаевская, В. Сектанство въ Кіевской губерніи. Баптисты и Малѣванцы (съ напѣвами псалмъ), въ „Живой Старинѣ“ в. I за 1902.

Литература по исторіи музыкальныхъ инструментовъ и вообще матерьялы по изученію

народной музыки, не значащіяся въ настоящемъ библиографическомъ указателѣ, могутъ быть пополнены: изъ довольно подробнаго указателя къ книгѣ Wallaschek'a (R) „Primitive Music“, London, 1893; изъ библиографическихъ указателей въ Catalogue descriptif et raisonné du musée du conservatoire national de musique, Paris, 1884 и въ I-мъ дополненіи къ этому каталогу (Paris 1894); изъ трудовъ А. С. Фаминцына, которые въ изобиліи снабжены примѣчаліями и ссылками на многочисленныя труды, недостаточно еще исчерпанныя. Въ брошюрѣ В. Корганова. „La musique du Caucase“ и въ обзорѣ Д. И. Аракчіева (въ этомъ томѣ) приведены списки существующихъ въ печати статей о кавказской музыкѣ. Въ музыкальномъ словарѣ Г. Римана. (М. 1902 — 1904), редактір. Ю. Энгелемъ, подъ словами „Народная пѣсня“ указаны многіе сборники народныхъ пѣсенъ съ мелодіями разныхъ народностей. Литература о музыкальныхъ инструментахъ приведена еще въ указателѣ при систематическомъ описаніи Музея СПб. Консерваторіи М. Пѣтуховымъ. (Здѣсь укажемъ кстати брошюру А. Ротштейна: „О кустарномъ производствѣ музыкальныхъ инструментовъ въ Россіи, изд. Общества для содѣйствія промышленности и торговлѣ“. СПб. 1898). Кромѣ этого, многочисленныя статьи разбросаны въ разныхъ музыкальныхъ журналахъ и трудахъ, издаваемыхъ многими учеными обществами, и собраніе ихъ въ единый указатель представляется не легко исполнимымъ. Желательно содѣйствіе и другихъ лицъ для достиженія возможной полноты настоящаго списка. Дополненія будутъ даваться въ слѣдующихъ томахъ „Трудовъ“ нашей Комиссіи.

А. Маслово.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
Музыкально-Этнографической Комиссіи

за 1901—1906 г.г.

(I—XLIV).

Протоколы засѣданій.

I.

29 сентября 1901 г. состоялось первое засѣданіе учрежденной при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э. Музыкально-Этнографической Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Отдѣла непр. чл. Общества Н. А. Янчука, въ присутствіи г.г. членовъ Общества и приглашенныхъ лицъ: В. П. Войденова, А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, М. М. Ипполитова-Иванова, В. С. Калининкова, Н. Д. Кашкина, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, И. С. Тезавровскаго и Ю. Д. Энгель.

Предсѣдательствующій, открывая засѣданіе, заявилъ, что ему поручено Этнографическимъ Отдѣломъ принять на себя предсѣдательство въ Комиссіи, существующей номинально при Отдѣлѣ уже два года, но не имѣвшей ни отдѣльнаго предсѣдателя, ни секретаря, и потому не имѣвшей возможности устраивать свои засѣданія. Въ настоящее время, впредь до выработки при Отдѣлѣ подробной инструкціи дѣятельности Комиссіи, ей предоставлено право собираться отдѣльно для обсужденія специальныхъ вопросовъ и приглашать въ свои засѣданія специалистовъ и лицъ, интересующихся вопросами народной музыки, съ правомъ представлять означенныхъ лицъ къ избранію въ члены Отдѣла и Общества. Коснувшись затѣмъ вкратцѣ предшествовавшей дѣятельности Комиссіи, или вѣрнѣе отдѣльныхъ ея членовъ, выраженной въ изготовленіи музыкальныхъ докладовъ для публичныхъ засѣданій Отдѣла, въ поѣздкахъ съ музыкальною цѣлью и наконецъ въ устройствѣ прошлою зимою двухъ этнографическихъ концертовъ,—предсѣдательствующій выразилъ надежду, что на будущее время, при болѣе дружныхъ усиліяхъ и болѣе правильной организаціи, дѣятельность Комиссіи расширится и дастъ еще болѣе благотворные результаты. При этомъ имъ вкратцѣ были намѣчены задачи Комиссіи.

Дѣятельность Комиссіи, по мнѣнію Н. А. Янчука, должна выражаться:

- 1) въ засѣданіяхъ, которыя имѣется въ виду устраивать а) закрытыя—для рѣшенія вопросовъ внутренняго распорядка и обсужденія специальныхъ вопросовъ и предпріятій Комиссіи, и б) публичныя—совмѣстно съ Отдѣломъ—для выслушанія научно-популярныхъ музыкальныхъ докладовъ съ музыкальными иллюстраціями;
- 2) въ сношеніяхъ съ иногородними членами, съ учеными и музыкальными учрежденіями и съ частными лицами;
- 3) въ снаряженіи экспедицій для собиранія матеріаловъ по народной музыкѣ;
- 4) въ устройствѣ публичныхъ концертовъ съ объяснительными чтеніями и безъ нихъ, по строго выработанной въ Комиссіи программѣ

5) въ изученіи, редактированіи и изданіи въ свѣтъ собраннаго Комиссіей матеріала, съ присоединеніемъ подробной библіографіи вопроса, при чемъ желательно, чтобы была даваема научная оцѣнка существующихъ въ печати сборниковъ пѣсенъ, какъ русскихъ, такъ и инородческихъ.

Въ ближайшемъ будущемъ, по мнѣнію предсѣдательствующаго, на обязанности Комиссіи должно быть: 1) составленіе специальной программы для собиранія образцовъ народно-музыкальнаго творчества, которая могла бы быть опубликована и разослана въ возможно большемъ количествѣ, съ просьбою присылать музыкальные матеріалы въ Комиссію, и 2) выработка программъ для публичныхъ платныхъ концертовъ на наступающій сезонъ, устройство которыхъ желательно не только въ цѣляхъ научно-эстетическихъ, но и практическихъ, въ смыслѣ полученія хоть небольшихъ средствъ для того, чтобы Комиссія могла расширять свою дѣятельность, снаряжать экспедиціи, приобрести фонографъ, рояль для музыкальныхъ засѣданій и концертовъ и составлять постепенно музыкально-этнографическую библіотеку при Комиссіи.

По выслушаніи этого заявленія было постановлено набросать проектъ программы собиранія пѣсенъ и обсудить ее въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Комиссіи, при чемъ предварительно были высказаны нѣкоторыми изъ присутствующихъ соображенія о характерѣ предполагаемой программы и о способѣ ея распространенія въ публикѣ, особенно въ провинціи. Составленіе проекта программы взялъ на себя А. Л. Масловъ.

Затѣмъ было приступлено къ обсужденію вопроса объ устройствѣ концертовъ. Предполагается устроить три концерта: въ концѣ ноября, въ концѣ января и въ мартѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Каждый концертъ долженъ имѣть разнообразную программу, т. е. состоять изъ русскихъ и инородческихъ пѣсенъ въ гармонизаціи членовъ Комиссіи или въ готовой обработкѣ извѣстныхъ музыкантовъ (Римскаго-Корсакова, Балакирева, Чайковскаго, Мельгунова, Прокунина, Ляпунова, Лядова и др.).

б) Въ программу концерта должны входить главнымъ образомъ вокальные сольные номера, а также хоровыя пѣсни; не исключаются и образцы инструментальной музыки.

в) Исполнителями желательно приглашать артистовъ, но не гнаться за громкими именами, на которыя нельзя съ увѣренностью рассчитывать; исполнителями могутъ съ успѣхомъ выступать молодые силы изъ окончившихъ и учениковъ специальныхъ музыкальныхъ учебныхъ заведеній; исполнителей изъ народа допускать только въ бесплатныя публичныя или закрытыя засѣданія.

г) Для исполненія хоровыхъ пѣсенъ организовать специальный хоръ любителей подъ управленіемъ В. С. Калининкова, изъявившаго на это свое согласіе.

По вопросу о выборѣ пѣсенъ для концертовъ нѣкоторые изъ присутствующихъ предложили свои услуги просматривать имѣющіеся матеріалы по отдѣльнымъ народностямъ: А. Т. Гречаниновъ—великорусскія пѣсни, А. А. Ильинскій—польскія и бѣлорусскія, В. С. Калининковъ—тюрко-татарскія, Н. Д. Кашкинъ—шведскія, Ю. Д. Эггель—еврейскія, А. Л. Масловъ и Н. А. Янчукъ—малорусскія.

Кромѣ того, по нѣкоторымъ народностямъ постановлено просить содѣйствія постороннихъ лицъ или отсутствующихъ членовъ, именно: Вигеліуса (въ Гельсингфорсѣ)—для финскихъ пѣсенъ, Витоля (въ СПБ.)—для литовскихъ пѣсенъ, Э. А. Витгера (Москва)—для латышскихъ и эстонскихъ пѣсенъ, П. А. Котова и Ю. С. Сажновскаго (Москва)—для турецкихъ и татарскихъ пѣсенъ, Н. С. Кленовскаго (С. П.-Б.) и Д. И. Аракчиева (Москва)—для кавказскихъ, особенно грузинскихъ пѣсенъ, П. И. Бларамберга—для татарскихъ пѣсенъ, г. Джемполиана (Москва)—для армянскихъ пѣсенъ.

Для разсмотрѣнія матеріаловъ для концерта рѣшено собраться въ закрытомъ за-

сѣданіи 16-го октября и пригласить въ это засѣданіе поименованныхъ выше лицъ, находящихся въ Москвѣ. Публичное же засѣданіе для выслушанія отчетовъ объ экспедиціяхъ А. Л. Маслова—въ Архангельскую губ. и И. С. Тезавровскаго—въ Пермскую губ. имѣть въ виду на 13-е октября.

Для веденія дѣлъ Комиссіи по части корреспонденціи и устройства засѣданій приглашенъ предсѣдательствующимъ въ секретари Комиссіи А. Л. Масловъ. Тѣхъ изъ присутствовавшихъ въ этомъ засѣданіи, кто еще не состоитъ членомъ Общества, постановлено считать членами Комиссіи.

II.

Въ субботу 13 октября состоялось въ зданіи Политехническаго Музея второе (публичное) соединенное засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Отдѣла Н. А. Янчука, въ присутствіи г.г. членовъ: А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, В. С. Калининкова, Н. Д. Кашкина, А. Л. Маслова, Ю. Д. Энгеля и многочисленной публики.

1. А. Л. Масловъ прочелъ отчетъ о своей командировкѣ съ музыкальною цѣлью въ Архангельскую губ. на Зимній и Терскій берега Бѣлаго моря, при чемъ характеризовалъ вератцѣ репертуаръ мѣстныхъ сказателей и ихъ исполненіе, особенно былинь, историч. пѣсенъ и духовныхъ стиховъ. Докладъ иллюстрировался исполненіемъ нѣкоторыхъ записанныхъ номеровъ въ гармонизаціи докладчика и А. А. Ильинскаго. Именно:

а) Артистъ Я. А. Лосевъ исполнилъ былину о Чурилѣ Пленковичѣ, стихъ о Егорѣ Храбромъ и стихъ о Василии Кессарійскомъ.

б) Г-жа Г. А. Трейтеръ исполнила духовный стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ, Сонъ Богородицы и историческую пѣсню о Гришѣ Отрепьевѣ.

2. И. С. Тезавровскій доложилъ отчетъ о своей поѣздкѣ, по порученію Этногр. Отдѣла, въ Пермскую губ. съ музыкальною цѣлью, при чемъ высказалъ свои сѣтованія на постигшія его неудачи, между прочимъ, потому, что мѣстная администрація преслѣдуетъ народныя пѣсни, и крестьяне боятся ихъ пѣть. Тѣмъ не менѣ докладчику удалось записать нѣсколько десятковъ пѣсенъ, изъ которыхъ въ засѣданіи были исполнены семь артистомъ Я. А. Лосевымъ и небольшимъ мужскимъ хоромъ любителей подъ управленіемъ докладчика.

Многочисленная публика привѣтствовала обоихъ докладчиковъ и исполнителей дружными рукоплесканіями. Нѣкоторые номера, по требованію публики, были повторены.

3. По окончаніи публичнаго засѣданія предсѣдатель возбудилъ вопросъ о необходимости для Комиссіи рояля или піанино. За неимѣніемъ средствъ для пріобрѣтенія своего инструмента, положено было попытаться устраивать засѣданія Комиссіи въ какомъ-либо музыкально-учебномъ заведеніи. Н. Д. Кашкинъ предложилъ свои услуги переговорить объ этомъ съ директоромъ Консерваторіи и о результатѣ переговоровъ доложить въ ближайшемъ засѣданіи.

Исполнителей, участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи, Я. А. Лосева и г-жу Г. А. Трейтеръ, въ виду ихъ полезности для цѣлей популяризаціи народныхъ пѣсенъ, постановлено считать членами Комиссіи.

III.

16 октября 1901 г. состоялось въ зданіи Политехническаго Музея третье засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Отдѣла Н. А. Янчука въ присутствіи г.г. А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, В. С. Калининкова, Я. А. Ло-

сева, А. Л. Маслова, Ю. Д. Энгель, секретаря Этногр. Отдѣла В. В. Богданова, и приглашенных въ засѣданіе Д. И. Аракчіева, Э. А. Вигнеръ, и Ю. С. Сахновскаго.

1. Предсѣдательствующій изложилъ содержаніе письма Н. Д. Кашкина, въ которомъ онъ извѣщалъ, что директоръ консерваторіи В. И. Сафоновъ готовъ предоставить для засѣданій Комиссіи свой кабинетъ при Консерваторіи, съ правомъ пользоваться имѣющимъ тамъ роялемъ. Въ отвѣтъ на это Н. А. Янчуку предложено было лично благодарить В. И. Сафорова и пригласить его въ члены Комиссіи.

2. Затѣмъ разсматривались программы предстоящаго 1-го въ этомъ сезонѣ *) этнографическаго концерта, представленныя А. Т. Гречаниновымъ (великорусскія пѣсни) и В. С. Калинниковымъ (татарскія и башкирскія). Великорусскій отдѣлъ утвержденъ въ составѣ 13 пѣсень изъ сборниковъ Римскаго-Корсакова и Лядова и изъ новыхъ записей А. Л. Маслова (на Бѣломъ морѣ). Турко-татарскій отдѣлъ утвержденъ въ составѣ 6 пѣсень изъ сборника С. Г. Рыбакова (три башкирскихъ и три татарскихъ). Изъ пѣсень другихъ отдѣловъ въ 1-мъ концертѣ были предположены Латышскія пѣсни съ участіемъ хора Латышскаго хорового Общества подъ управленіемъ г. Я. Ремпетера, съ которымъ переговоры относительно этого согласился Э. А. Вигнеръ. Разсмотрѣніе и утвержденіе программы этого отдѣла, а также Польскаго, Малорусскаго, Еврейскаго и Грузинскаго отложено до слѣдующаго засѣданія.

3. Д. И. Аракчіевъ сообщилъ вкратцѣ о результатахъ своей поѣздки на Кавказъ съ музыкально-этнографической цѣлью, по порученію Этнографическаго Отдѣла. Рефератъ свой г. Аракчіевъ сопровождалъ музыкальными иллюстраціями посредствомъ графофона.

4. Въ концѣ засѣданія предсѣдательствующій предложилъ избрать въ члены Комиссіи гг. Э. А. Вигнера, Ю. С. Сахновскаго и П. А. Котова (по рекомендаціи секретаря). Предложеніе принято единогласно.

IV.

29 октября въ зданіи Императорской Московской Консерваторіи происходило четвертое засѣданіе Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ Комиссіи: А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, В. С. Калинникова, П. А. Котова, Я. А. Лосева, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, Ю. С. Сахновскаго, Г. А. Трейтеръ и Ю. Д. Энгель.

Предметомъ засѣданія прежде всего было продолженіе обсужденія программы предстоящаго IV-го этнографическаго концерта.

1. Н. А. Янчукъ сообщилъ о томъ, что ректоръ университета обѣщалъ дать помещеніе въ университетскомъ зданіи для устройства спѣвокъ этнографическаго хора, которыя и предположено начать 2 ноября.

2. В. С. Калинниковъ сообщилъ, что Э. А. Вигнеръ не можетъ лично быть въ засѣданіи и просилъ его увѣдомить, что хоръ Латышскаго О-ва подъ управленіемъ г. Ремпетера согласенъ принять участіе въ концертѣ и исполнить два-три хоровыхъ №№.

3. Затѣмъ перешли къ разсмотрѣнію программъ концерта, представленныхъ Ю. Д. Энгель (Еврейскія пѣсни) и А. Л. Масловымъ (Малорусскія пѣсни). Одобрены 4 Еврейскія пѣсни въ гармонизаціи г. Энгель (любовная, пѣсня безъ словъ, бытовая и мо-

*) По общему счету это будетъ IV-й этнографическій концертъ (первый былъ устроенъ Отдѣломъ еще въ 1893 г. подъ управленіемъ д. чл. Отдѣла Н. С. Кленовскаго, второй и третій—въ прошломъ году).

литвенная) и 4 Малороссійскія (изъ сб. Лисенка и изъ записей г. Янчука: веснянка, чумацкая, бытовая и сатирическая). Наконецъ, внесены въ программу концерта двѣ польскія пѣсни по указанію Н. А. Янчука изъ сборника Н. С. Кленовскаго, подъ загл. „Первый Этнографическій Концертъ“. (Полныя программы этнографическихъ концертовъ напечатаны ниже въ приложеніяхъ къ протоколамъ).

4. Предсѣдательствующій передалъ для разсмотрѣнія и отзыва нѣкоторыя имѣвшіяся въ архивѣ Этнографич. Отдѣла записи Литовскихъ и Бѣлорусскихъ пѣсень—В. С. Калининкову и Великорусскихъ—Ю. С. Сахновскому.

5. Затѣмъ былъ прочитанъ проектъ программы собиранія музыкально-этнографическихъ матерьяловъ, выработанный подъ редакціей г. Маслова на основаніи соображеній, высказанныхъ по этому поводу въ первомъ засѣданіи Комиссіи. Программа была обсуждена по пунктамъ и съ нѣкоторыми измѣненіями была одобрена къ напечатанію, какъ отдѣльной брошюрой, такъ по возможности и въ періодическихъ изданіяхъ, по крайней мѣрѣ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ съ цѣлью возможно большаго распространенія между любителями народной музыки. Разсылать программу рѣшено бесплатно.

V.

12 ноября 1901 г. въ зданіи Императорской Консерваторіи состоялось 5-е засѣданіе Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука въ присутствіи членовъ Комиссіи и Отдѣла: А. Т. Гречанинова, А. Е. Грузинскаго, В. С. Калининкова, А. Л. Маслова, Ю. С. Сахновскаго, Г. А. Трейтеръ и Ю. Д. Энгель.

1. Начало засѣданія было посвящено хозяйственной части IV-го Этнографическаго концерта: редактированы анонсъ и афиша, установлена разцѣнка билетовъ (цѣною отъ 3 р. до 30 коп.), намѣчены аккомпаніаторы и назначены дни для репетицій съ солистами въ зданіи Консерваторіи.

2. Доложено о занятіяхъ хора любителей, идущихъ успѣшно подъ руководствомъ В. С. Калининкова, при чемъ было доведено до свѣдѣнія Комиссіи о томъ, что въ виду оказавшихся затрудненій устраивать спѣвки въ университетѣ, спѣвки происходятъ въ помѣщеніи женскихъ курсовъ В. И. Герье съ любезнаго разрѣшенія директора, о чемъ, по просьбѣ Н. А. Янчука, хлопоталъ предсѣдатель Отдѣла В. Θ. Миллеръ.

3. Г. А. Трейтеръ сдѣлала заявленіе, что Д. И. Аракчіевъ готовъ принять участіе въ грузинскомъ отдѣлѣ концерта и что онъ вскорѣ намѣренъ познакомить Комиссію съ образцами кавказской народной пѣсни въ исполненіи солистовъ и хора.

Означенное заявленіе принято къ свѣдѣнію и грузинскія пѣсни рѣшено имѣть въ виду для V-го концерта, а г. Аракчіева пригласить въ члены Комиссіи.

VI.

17 декабря 1901 г. въ зданіи Консерваторіи состоялось 6-е засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ Комиссіи и Отдѣла: Д. И. Аракчіева, В. П. Войденова, А. А. Ильинскаго, В. С. Калининкова, Е. Э. Линева, А. Л. Маслова, В. В. Паскалова, Ю. С. Сахновскаго, Г. А. Трейтеръ.

1. Въ отвѣтъ на сдѣланные запросы у извѣстныхъ музыкальнымъ дѣятелей (по постановленію перваго засѣданія) относительно матерьяловъ по инородческой музыкѣ, въ настоящее время на имя предсѣдателя Комиссіи было получено и прочитано въ засѣданіи письмо отъ г. Витоля изъ Петербурга съ указаніемъ матерьяловъ и трудовъ

по музыкальной этнографіи Латышей; затѣмъ Н. А. Янчукъ прочелъ письмо отъ Н. С. Кленовскаго, обѣщавшаго также представить для предстоящихъ концертовъ пѣсни казскихъ инородцевъ.

2. Заслушанъ былъ отчетъ Н. А. Янчука о состоявшемся 29 ноября IV-мъ этнографич. концертѣ (1-мъ этого сезона) въ маломъ залѣ Консерваторіи. Чистая прибыль съ концерта выразилась въ суммѣ 166 р. 83 к., а расходы исчислены въ суммѣ 283 р. 60 к. Деньги рѣшено хранить въ сберегательной кассѣ.

3. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ слѣдующихъ двухъ концертовъ въ залѣ Романова. Въ программу V-го концерта намѣчены пѣсни Великорусскія, Малорусскія, Бѣлорусскія, Литовскія, Финляндскія, Мордовскія, Вотяцкія, Сартскія и Грузинскія.

4. Н. А. Янчукъ доложилъ корректурный отпечатокъ программы собранія музыкально-этнографическихъ матерьяловъ. По разсмотрѣніи ея въ корректуру рѣшено отпечатать въ количествѣ 3.000 и разслать прежде всего лицамъ, указаннымъ членами Комиссіи, а затѣмъ принять мѣры къ ея распространенію. (Программа напечатана въ LI книгѣ „Этнографическаго Обзорнія“ и отдѣльными оттисками. Въ новой редакціи она печатается ниже, въ приложеніяхъ къ протоколамъ).

5. В. В. Пасхаловъ прочелъ отзывъ о сборникѣ Литовскихъ пѣсень Юшкевича подъ ред. Носковскаго, отмѣтивъ важные недостатки въ записываніи и редактированіи напѣвовъ. По предложенію А. Л. Маслова рѣшено означенный отзывъ передать для напечатанія въ „Этнографическомъ Обзорніи“.

VII.

14-го января 1902 г. въ зданіи Императорской Консерваторіи состоялось 7-ое засѣданіе Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ Комиссіи: Д. И. Аракчиева, В. П. Войденова, А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, В. С. Калининкова, П. А. Котова, Я. А. Лосева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, Ю. С. Сахновскаго, Г. А. Трейтеръ, Ю. Д. Энгель, и членовъ Отдѣла: А. Е. Грузинскаго и А. Д. Григорьева.

1. Обсуждалась программа V-го концерта (2-го въ этомъ сезонѣ), для котораго предположены слѣдующіе отдѣлы: 1) Великорусскій (9 пѣсень изъ сборниковъ Римскаго-Корсакова, В. М. Орлова, Лядова и изъ бѣломорскихъ записей А. Л. Маслова въ гармонизаціи В. В. Пасхалова и А. А. Ильинскаго); 2) Малорусскій (6 пѣсень изъ сб. Лисенка и изъ записей Ю. Д. Энгеля и Н. А. Янчука); 3) Бѣлорусскій (5 пѣсень изъ сб. г-жи Радченко, Шейна и изъ записей Н. А. Янчука). Изъ инородческихъ предположено внести по 3 пѣсни Финскихъ, Сартскихъ и Литовскихъ и 10 Грузинскихъ. Исполненіе сольных пѣсень частью взяли на себя члены Комиссіи г-жа Г. А. Трейтеръ (сопрано) и Я. А. Лосевъ (баритонъ), частью приглашенные со стороны исполнители, преимущественно изъ воспитанниковъ и окончившихъ курсъ Музыкально-Драматич. училища Моск. Филармоническаго Общества. Въмѣсто отказавшагося по болѣзни В. С. Калининкова дирижировать Этнографическимъ хоромъ постановлено пригласить преподавателя пѣнія А. В. Никольскаго, зачисливъ его въ члены Комиссіи (по рекомендаціи В. С. Калининкова).

2. Н. А. Янчукъ предложилъ для предварительнаго ознакомленія составленный имъ, по порученію Этнографическаго Отдѣла, проектъ Инструкціи для обязательнаго руководства Музыкально-Этнографич. Комиссіи. Проектъ съ нѣкоторыми поправками одобренъ, и въ такомъ видѣ рѣшено внести его для разсмотрѣнія въ засѣданіи Отдѣла. Особенное

вниманіе членовъ Комиссіи остановилъ пунктъ Инструкціи объ изданіяхъ Комиссіи. Для болѣе подробнаго обсужденія этого вопроса была избрана особая подкомиссія изъ трехъ членовъ: А. Т. Гречанинова, В. С. Калининкова и Ю. Д. Энгель. Въ означенную подкомиссію приглашенъ еще членъ Отдѣла А. Е. Грузинскій, изъявившій готовность участвовать въ занятіяхъ Комиссіи. Между прочимъ предсѣдателемъ былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи народныхъ пѣсенъ для школъ. Вопросъ переданъ въ избранную подкомиссію для обсужденія.

3. По предложенію предсѣдателя избранъ бібліотекаремъ Комиссіи В. В. Пасхаловъ, при чемъ относительно помѣщенія для бібліотеки предсѣдателемъ было высказано предположеніе, что временное помѣщеніе, можетъ быть, удастся выхлопотать въ Румянцовскомъ Музеѣ, въ отдѣленіи этнографіи, гдѣ временно помѣщается и бібліотека Отдѣла.

VIII.

24 января 1902 г. въ зданіи Консерваторіи состоялось 8-е засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ Комиссіи и Общества: Д. И. Аракчиева, В. П. Войденова, Я. А. Лосева, В. С. Калининкова, А. А. Ильинскаго, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, Ю. С. Сахновскаго, С. И. Танѣва, Г. А. Трейтеръ и Ю. Д. Энгеля.

1. Предсѣдатель Н. А. Янчукъ доложилъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ въ проектѣ Инструкціи Музыкально-Этнографической Комиссіи въ засѣданіи Отдѣла. Болѣе существенная поправка касалась пункта объ избраніи предсѣдателя Комиссіи, который по мнѣнію Отдѣла долженъ быть избираемъ обязательно изъ числа членовъ Общества, съ званіемъ не ниже дѣйствительнаго. Возраженій Комиссіи на поправки Отдѣла не послѣдовало, и проектъ предположено внести на окончательное утвержденіе въ Совѣтъ Общества черезъ Отдѣлъ Этнографіи.

2. Разматривались новыя гармонизаціи пѣсенъ Литовскихъ (3 пѣсни—Пасхалова) и Финскихъ (2 пѣсни—Потоловскаго). Пѣсни эти приняты въ программу V-го концерта.

3. Ю. Д. Энгель доложилъ о результатахъ предварительныхъ совѣщаній особой подкомиссіи, образованной для обсужденія издательской дѣятельности Комиссіи.

По мнѣнію подкомисіи, главное вниманіе должно быть обращено на изданія научно-этнографическаго характера подъ названіемъ „Трудовъ Комиссіи“, для которыхъ должны быть присланы средства въ видѣ специальныхъ пособій, пожертвованій и, если возможно, путемъ отчисленія суммъ отъ концертовъ. Еще желательнѣе было бы для всѣхъ научныхъ изданій найти постояннаго издателя. Рядомъ съ этимъ желательно осуществить предположенный сборникъ для школъ изъ одно-двухъ-и трехъ-голосныхъ пѣсенъ, не включая его въ серію „Трудовъ“; деньги, вырученныя отъ этого изданія, должны идти на послѣдующія изданія того-же сборника, при чемъ отъ послѣдующихъ изданій, по желанію, можетъ быть отчислена часть прибыли на вознагражденіе сотрудникамъ.

Для выработки программы школьнаго сборника и подбора матеріала для него была выбрана подкомиссія, въ составъ которой кромѣ прежнихъ членовъ (А. Т. Гречаниновъ, А. Е. Грузинскій, А. С. Калининковъ, Ю. Д. Энгель) вошли еще члены бюро Комиссіи Н. А. Янчукъ и А. Л. Масловъ.

IX.

5-го февраля 1902 г. въ зданіи Консерваторіи состоялось 9-е засѣданіе Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ Комиссіи и Общества:

А. Т. Гречанинова, А. Е. Грузинскаго, В. С. Калининкова, Я. А. Лосева, Е. Э. Ливевой, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, А. В. Никольскаго, В. В. Пасхалова, Ю. С. Сахновскаго, Г. А. Трейтеръ, Ю. Д. Энгель и приглашенных въ засѣданіе В. А. Харламова, А. М. Листопадова, П. Д. Самарина и А. Д. Кастальскаго.

1. Предсѣдатель прочелъ докладную записку, поданную имъ черезъ Этнографическій Отдѣлъ въ Совѣтъ Общества 29 января, съ ходатайствомъ объ утвержденіи Инструкціи Музыкально-Этнографической Комиссіи, слѣдующаго содержанія:

„Среди разнообразныхъ научныхъ вопросовъ, входящихъ въ обширную область этнографическихъ изученій, одно изъ важныхъ мѣстъ занимаетъ народное музыкальное творчество и музыкальное искусство. Тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени эта важная и интересная сторона духовной жизни народа оставалась мало затронута и совершенно не разработана уже потому, что занятіе ею требуетъ специальныхъ познаній и серьезной подготовки. Въ иностранной наукѣ, правда, этотъ вопросъ не имѣетъ такого значенія вслѣдствіе того, что тамъ новѣйшая искусственная музыка, проникнувъ во всѣ слои общества, вытѣснила и заглушила почти всѣ остатки чисто-народнаго музыкальнаго творчества, лишь за весьма рѣдкими исключеніями. У насъ въ Россіи, не говоря уже о собственно-русской музыкѣ, за которою въ наукѣ признана самобытность и совершенная оригинальность, и музыка инородцевъ, живущихъ въ Россіи, представляетъ живѣйшій интересъ для науки въ мелодическомъ, гармоническомъ и ритмическомъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, не только инородческая, но и русская народная музыка не достаточно изучена, и только въ послѣднее время начали появляться нѣкоторыя попытки серьезнаго отношенія къ этому дѣлу.

Этнографическій Отдѣлъ нашего Общества, не упуская изъ виду этой отрасли своей науки и считая своевременнымъ расширить въ этомъ направленіи свою дѣятельность, призналъ необходимымъ учредить особую Комиссію при Отдѣлѣ, имѣющую своей спеціальною цѣлью всестороннее изученіе народной музыки преимущественно среди населенія Россіи. Для названной Комиссіи Отдѣломъ выработана спеціальная Инструкція, которую Отдѣлъ имѣетъ честь представить Совѣту Общества на разсмотрѣніе и утвержденіе для обязательнаго руководства Комиссіи при ея дѣятельности“.

Вслѣдствіе этого ходатайства Инструкція была утверждена въ томъ же засѣданіи Совѣта, съ поправкой параграфа о ежегодныхъ членскихъ взносахъ, которые признаны не обязательными для внесшихъ уже единовременный взносъ въ Общество, согласно уставу Общества. (Полный текстъ утвержденной Инструкціи напечатанъ ниже, въ приложеніяхъ къ протоколамъ).

2. А. М. Листопадовъ доложилъ о своихъ собраніяхъ пѣсенъ, записанныхъ въ числѣ около 400 въ 1-мъ Донскомъ Округѣ. Пѣсни свадебныя (весь кругъ) отмѣчены, какъ наиболѣе сохранившія архаическія черты со стороны мелодическаго строенія; въ то-же время докладчикомъ отмѣчается упадокъ обрядовой пѣсни подъ влияніемъ пришлыхъ элементовъ. Въ числѣ записанныхъ пѣсенъ есть былины и историческія пѣсни. Докладъ г. Листопадова вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Трудъ его былъ одобренъ, и Комиссія предложила г. Листопадову работать въ томъ же направленіи, а секретарю предложено о собранномъ матеріалѣ дать болѣе подробный отзывъ въ ближайшемъ засѣданіи.

3. Н. А. Янчукъ доложилъ о результатахъ V Этнографическаго концерта, состоявшагося въ залѣ Романова, 30 января 1902 г. Концертъ далъ убытку 12 р. съ копѣйками. Въ виду неудачи этого концерта, Комиссіей постановлено ввести на будущее время инструментальный отдѣлъ народной музыки, чтобы разнообразить программу концертовъ, и пригласить новыхъ артистовъ, въ томъ числѣ г-жу Оленину д'Альгеймъ, исполняющую въ своихъ концертахъ и народныя пѣсни.

Х.

1-го Марта 1902 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 10-е засѣданіе Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, А. С. Калининкова, А. Д. Кастальскаго, П. А. Котова, А. Л. Маслова, А. В. Никольскаго, И. С. Тезавровскаго и Ю. Д. Энгель.

1) А. Л. Масловъ прочелъ рефератъ на тему: „Кирша Даниловъ и его напѣвы“, въ которомъ изложилъ вкратцѣ взгляды предшествующихъ изслѣдователей этого стариннаго памятника народнаго творчества, изслѣдованія коихъ основывались болѣе на діалектологическихъ данныхъ и другихъ; тѣ же самыя вопросы докладчикъ освѣтилъ съ новой стороны, чисто-музыкальной, при чемъ сравненіе музыкальнаго творчества сѣверо-восточныхъ окраинъ Россіи привело докладчика къ заключенію, что напѣвы Кирши близко родственны съ сѣверо-восточными по своему мелодико-ритмическому складу и на основаніи того же сравнительнаго наблюденія пришелъ къ убѣжденію, что напѣвы, помѣщенные въ сборникъ Кирши Данилова—подлинныя, лишь въ изданіяхъ Калайдовича редакціей Шпревича были подвергнуты передѣлкѣ, обнаружившейся вслѣдъ за откритіемъ рукописнаго сборника.

2) По предложенію предсѣдателя, на основаніи, § 11 Инструкціи были произведены выборы кандидата въ предсѣдатели Музыкально - Этнографической Комиссіи. Избраннымъ (закрытой баллотировкой) оказался Н. А. Янчукъ. О результатѣ выборовъ постановлено довести до свѣдѣнія Этнографическаго Отдѣла и просить утвержденія согласно Инструкціи.

3) Обсуждался вопросъ о VI Этнографическомъ концертѣ; для вокальнаго отдѣленія предложено пригласить оперныхъ артистовъ. Второе отдѣленіе рѣшено представить инструментальной народной музыкѣ, для чего предположено ввести лиру, гусли, рожки и др. Нѣкоторые изъ музыкантовъ изъявили согласіе сыграть въ концертѣ на народныхъ инструментахъ. Въ выработкѣ программы концерта предложено принять участіе г.г. регенту Синодальнаго хора А. Д. Кастальскому (приглашенному въ члены Комиссіи), А. В. Никольскому, Ю. С. Сахновскому, Ю. Д. Энгель и И. В. Липаеву.

4) Въ этомъ же обсуждался вопросъ о командировкѣ Д. И. Аракчіева съ музыкально-этнографическою цѣлью на Кавказъ и о выдачѣ ему субсидіи на поѣздку. Принципіально вопросъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, но оставленъ до выясненія средствъ Комиссіи послѣ VI концерта.

5) Секретарь А. Л. Масловъ прочелъ свой отзывъ о донскихъ пѣсняхъ, собранныхъ А. М. Листопадовымъ, составленный по порученію Комиссіи.

Приложеніе къ протоколу 1 марта 1902 г.

Отзывъ о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, записанныхъ въ 1-мъ Донскомъ округѣ А. М. Листопадовымъ.

Въ то время, какъ народная пѣсня на Западѣ почти отошла въ область археологій, у насъ она еще свято хранится и живетъ въ народѣ, и творчество его не изсякло. Несомнѣнно, что недалеко то время, когда народная пѣсня и у насъ полностью станетъ достояніемъ археологій. Поэтому въ послѣднее время, какъ учеными учрежденіями, такъ и отдѣльными лицами, какъ нельзя болѣе во время, принимаются мѣры къ сохраненію и собиранію образцовъ народнаго творчества, и въ этой области труды ихъ

увѣнчались успѣхами. Къ таковымъ нужно отнести и матерьялъ, собранный А. М. Листопадовымъ въ 1-мъ Донскомъ округѣ, познакомившимъ въ засѣданіи 5 февраля нашу Музыкальную Комиссію со своими собраніями. Доложенный матерьялъ состоялъ изъ 177 свадебныхъ пѣсенъ съ напѣвами, обнимающихъ собою весь кругъ этого обряда, начиная съ пѣсенъ на рукобитьѣ и кончая пѣснями, поющими непосредственно послѣ свадьбы (на послѣ-свадебныхъ гулянкахъ и вечеринкахъ), и 24 другихъ, виѣсвадебныхъ—былинъ, историческихъ и протяжныхъ пѣсенъ.

Нечего и говорить, какую цѣнность приобретаетъ собранный матерьялъ, если представить себѣ тѣ скудныя и неточныя данныя, которыми пользовались наши первые изслѣдователи русской пѣсни въ связи съ напѣвами—А. Н. Сѣровъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, П. Сокальскій и другіе.

Если мы скажемъ вкратцѣ, къ чему сводились ихъ наблюденія, то изъ этого уже видно будетъ, какую роль сыграли бы пѣсни, собранныя теперь г. Листопадовымъ, для упомянутыхъ изслѣдователей. Во многомъ противорѣча другъ другу, они однако въ нѣкоторыхъ пунктахъ сходились; такъ, по ихъ мнѣнію, русскій напѣвъ вращается единственно въ діатоническихъ гаммахъ, и вводный тонъ, характерный въ западной музыкѣ, въ русской пѣснѣ существуетъ случайно и не можетъ быть возведенъ въ основной принципъ, и, слѣдовательно, въ древне-русской пѣснѣ не существуетъ ни мажора, ни минора въ современномъ смыслѣ. Далѣе этихъ изслѣдователей пошелъ проф. В. Петръ въ своемъ недавнемъ трудѣ: „О мелодическомъ складѣ арійской пѣсни“. Онъ всѣ древнія мелодіи систематически раздѣляетъ по ихъ мелодическому складу на три эпохи: 1) эпоху *дихордовъ* въ предѣлахъ кварты и также *трихордовъ* въ предѣлахъ квинты, 2) эпоху *трихордовъ* въ предѣлахъ кварты и *тетрахордовъ* въ предѣлахъ квинты, 3) эпоху *тетрахордовъ* и *пентахордовъ* и ихъ взаимныхъ сочетаній. Въ звукорядахъ мелодій одинъ звукъ логически является главнымъ, къ которому мелодія непрерывно возвращается и на немъ останавливается. Этотъ звукъ можетъ быть сходенъ съ конечнымъ звукомъ мелодіи, но можетъ составлять нижнюю сексту или нижнюю кварту звукоряда, нацрмѣръ: e f g a h c d e (дорійскій ладъ)
c d e f g a h c (лидійскій)
a h c d e f g a (гиподорійскій).

Такимъ образомъ, зная главный и конечный звукъ мелодіи, опредѣляемъ ладъ и звукорядъ мелодіи. Интерваллы были сначала небольшіе и увеличивались въ послѣдующихъ эпохахъ; тритонъ и септима отсутствовали. Объемъ мелодій возрасталъ также постепенно.

Теперь обратимся къ собраніямъ г. Листопадова. Теорія нашихъ изслѣдователей какъ нельзя лучше подтверждается при анализѣ мелодическаго склада донскихъ пѣсенъ. Подробный анализъ ихъ могъ-бы послужить для довольно обширнаго сочиненія; въ данномъ случаѣ мы ограничимся краткими замѣчаніями.

Гдѣ, какъ не въ обрядовой пѣснѣ, искать остатковъ сѣдой старины? Весь свадебный кругъ донскихъ пѣсенъ долженъ быть отнесенъ къ древнѣйшимъ эпохамъ; такъ, причитанія относятся къ эпохѣ дихордовъ (и трихорда въ предѣлахъ квинты); пѣсни № 86: „Вы бояре, бояре, вы большіе дворяне“, № 87: „Сустрѣнь, сустрѣнь, батенька“, и № 124: „Заянька рѣкой бредеть“—второй эпохи сложнаго звукоряда изъ квартовыхъ трихордовъ: g a c d f. Пѣсни, построенныя на полномъ діатонизмѣ, въ собраніи г. Листопадова являются какъ исключеніе, да и то этотъ діатонизмъ получился отъ варіантовъ или подголосковъ (см. пѣсни № 45: „Виноградъ на вѣточкѣ“, № 132: „Вѣнули вѣтры по темнымъ по лѣсамъ“, № 141: „Какъ во полюшкѣ, во полянушкѣ“, № 147: „Ты не вой, сѣрая куница“). Лишь одну пѣсню, какъ по тексту, такъ и по

мелодическому складу нужно отнести къ позднѣйшей эпохѣ, № 144: „Ой, чей это терѣмъ высоко вознесѣнъ“ ¹⁾. Остальные 24 пѣсни, доложенныя г. Листопадовымъ, уже не столь отличаются своей строгостью неполнаго диатонизма и служатъ какъ бы переходной ступеню къ новѣйшей эпохѣ мелодическаго творчества народа; такъ, напр., даже былина о Добрынѣ № 6: „Какъ и жилъ-то былъ Никита“ ²⁾, построена на полномъ звукорядѣ. Въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя имѣютъ полный звукорядъ, ярко очерчивается, однако, кварто-квинтовая эпоха своими мелодическими ходами (типичный примѣръ этого — пѣсня „Вдова и 9 сыновей разбойниковъ“).

Характерныя особенности донскихъ пѣсней заключаются, во 1-хъ, въ исключительномъ многоголосіи, имѣющемъ въ своихъ сочетаніяхъ не мало диссонирующихъ сочетаній, напр. d g e и т. п.; во 2-хъ, въ слѣдованіи подголосковъ встрѣчаются ходы квинтами, паралл. квинтами и даже паралл. трезвучіями; въ 3-хъ, ритмика русской пѣсни, какъ нельзя болѣе ясно, здѣсь является въ своей свободѣ и въ уложеніи г. Листопадовымъ въ ноты осталась незатемненной.

Вообще нужно сказать, что матерьялъ г. Листопадова, заключающій въ себѣ такую массу пѣсней въ древне-природныхъ строяхъ, въ этомъ случаѣ превышаетъ трудъ г. Пальчикова, и его нелегкій трудъ нужно считать образцовымъ, составленнымъ по всѣмъ требованіямъ науки.

XI.

8-го марта 1902 г. въ зданіи Политехническаго Музея состоялось 11-е засѣданіе Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Д. Григорьева, А. Д. Кастальскаго, А. Л. Маслова, А. В. Никольскаго, Г. А. Трейтеръ, П. А. Котова, В. В. Пасхалова.

1. Обсуждалась окончательная программа VI-го этнографическаго концерта. Выработана программа вокальнаго отдѣла; составъ второго инструментальнаго отдѣла только намѣченъ и обсужденіе его отложено до слѣдующаго засѣданія. Концертъ назначенъ на 29 или 31 марта въ Историческомъ музеѣ.

2. По предложенію секретаря и Д. И. Аракчіева, избраны были въ члены Комиссіи В. П. Васильевъ, и И. В. Липаевъ, и по предложенію предсѣдателя—Г. Витоль и П. Д. Самаринъ.

XII.

19-го марта 1902 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось соединенное публичное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла и Музыкальной Комиссіи. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали члены Отдѣла и Комиссіи: Д. И. Аракчіевъ, В. В. Богдановъ, А. Д. Григорьевъ, А. Д. Кастальскій, П. А. Котовъ, И. В. Липаевъ, А. Л. Масловъ, А. В. Никольскій, В. В. Пасхаловъ, И. С. Тезавровскій, В. А. Харламовъ, Ю. Д. Энгель, В. А. Рядновъ и многочисленныя сторонніе посѣтители.

1. Предсѣдательствующій Н. А. Янчукъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о дѣятельности недавно скончавшагося одного изъ старѣйшихъ членовъ Общества и Этнографиче-

¹⁾ Въ этой пѣснѣ группировка, намъ кажется, невѣрна: тоническое удареніе нужно считать съ первой четверти, а не съ третьей;—записыватель уклонился отъ принятой имъ ранѣ естественной группировки.

²⁾ Мотивъ тотъ же, что въ прилож. къ статьѣ г. Листопадова въ этомъ томѣ подъ № 1 (Бой Алеши съ Змѣемъ).

скаго Отдѣла археолога, этнографа и литератора Ф. Д. Нефедова, не мало потрудившагося для Общества втеченіе многихъ лѣтъ; по предложенію прелсѣдателя, присутствовашіе въ засѣданіи почтили память покойнаго вставаніемъ.

2. И. В. Липаевъ прочелъ рефератъ: „Музыканты на Руси“. Докладчикъ коснулся прежде всего музыки древней языческой Руси и отмѣтилъ ея процвѣтаніе вмѣстѣ съ почетнымъ положеніемъ представителей ея въ эту эпоху. Съ водвореніемъ же христіанства, внесшаго съ собою византійскій аскетизмъ, положеніе музыканта нѣсколько измѣнилось, правительство подъ вліяніемъ духовенства (особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) начало притѣснять этотъ классъ; преслѣдованія эти не коснулись впрочемъ дальнихъ окраинъ Россіи, гдѣ музыканты-скоморохи продолжали существовать. Преслѣдуя своихъ музыкантовъ, правительство, однако, допускало иноземную музыку и „заморскихъ игрецовъ“, которые мало-по-малу и привили къ намъ западную музыку. Еще при Иванѣ IV появилась у насъ заморская музыка, а при Дмитріи Самозванцѣ привезенъ былъ въ Москву цѣлый оркестръ около 16 человекъ. У царя Михаила Ѳеодоровича также былъ придворный оркестръ, а органная игра распространилась настолько, что въ Москвѣ стали дѣлать самые инструменты. Бояринъ Матвѣевъ особенно способствовалъ насажденію западно-европейскаго искусства и учредилъ первую въ Россіи музыкальную школу. Время Петра Великаго докладчикъ охарактеризовалъ усиленнымъ вліяніемъ западной музыки. Взятые въ плѣнъ подъ Полтавой шведскіе музыканты (около 128 человекъ) были первыми учителями военной музыки. Изъ привозныхъ хитрецовъ-музыкантовъ образовался придворный оркестръ, начиная съ зачаточнаго его вида при Иванѣ Грозномъ, приближающагося къ типу современныхъ при императрицѣ Елизаветѣ и, наконецъ, получившихъ организацію (съ 1766 года) при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ то же время двору стала подражать знать и заводила у себя оркестры изъ своихъ крѣпостныхъ, при ученіи которыхъ примѣнялась часто весьма суровая школа у иноземныхъ музыкантовъ. На положеніи, довольно незавидномъ, этихъ крѣпостныхъ музыкантовъ докладчикъ остановился довольно подробно и закончилъ свой рефератъ очеркомъ быта профессиональнаго музыканта позднѣйшей эпохи, когда музыкальная профессія вступила на путь нормальнаго развитія, когда улучшился ихъ общественный и матеріальный бытъ вмѣстѣ съ основаніемъ въ Петербургѣ и Москвѣ консерваторій, изъ которыхъ стали выходить свои „хитрецы“, составившіе классъ современныхъ музыкантовъ-профессионаловъ.

Аудиторія привѣтствовала докладчика дружными рукоплесканіями.

3. Предсѣдатель объявилъ, что имѣвшійся въ виду рефератъ А. В. Маркова: „Изъ поѣздки по Архангельской губерніи“, за позднимъ временемъ, не будетъ прочитанъ, и объявилъ публичное засѣданіе закрытымъ.

4. Въ закрытомъ засѣданіи обсуждался составъ VI-го этнографическаго концерта, главнымъ образомъ его инструментальный отдѣлъ, который окончательно утвержденъ.

XIII.

30 марта 1902 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось 13-е засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Е. Грузинскаго, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, А. В. Никольскаго, Г. А. Трейтеръ и И. С. Тезавровскаго.

1. Секретарь Комиссіи А. Л. Масловъ прочелъ увѣдомленіе секретаря Этнографическаго Отдѣла слѣдующаго содержанія:

„Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 8-го марта 1902 года было зачитано представленіе Музыкально-Этнографической Комиссіи о состоявшемся 1-го марта избраніи закрытой баллотировкой Н. А. Янчука кандидатомъ въ председатели Комиссіи.

На основаніи § 11 Инструкціи дѣятельности Комиссіи, Этнографическій Отдѣлъ въ томъ же своемъ засѣданіи 8-го марта означенное избраніе единогласно одобрилъ и утвердилъ Н. А. Янчука Предсѣдателемъ Музыкально-Этнографической Комиссіи на слѣдующее двухлѣтіе“.

2. Намѣченный для обсужденія вопросъ объ избраніи товарища председателя Комиссіи отложенъ до болѣе многолюднаго собранія.

3. Н. А. Янчукъ сообщилъ, что 27-го марта с. г. было засѣданіе Совѣта И. Общества Л. Е., А. и Э., въ которомъ онъ ходатайствовалъ о назначеніи субсидіи Музыкальной комиссіи. Совѣтъ постановилъ, ввиду расширившейся дѣятельности Этнографическаго Отдѣла и выдѣленія особой музыкальной комиссіи и ввиду нуждъ самой комиссіи, выдать комиссіи 100 рублей изъ казенной субсидіи и 100 рублей, оставшіеся отъ возвращенной преміи имени В. Кн. Сергія Александровича. Вслѣдствіе этого явился вопросъ о назначеніи этихъ денегъ, и Н. А. Янчукъ предложилъ имѣть ихъ въ виду на изданіе выпуска Трудовъ Комиссіи, въ который вошла бы 1) официальная часть (протоколы засѣданій, инструкція Музыкально-этнографической Комиссіи, программа собранія музыкально-этнографическихъ свѣдѣній), 2) рефераты и другія научныя статьи и 3) сырой музыкально-этнографическій матерьялъ, собранный Комиссіею. Съ внѣшней стороны изданіе рѣшено выпускать по размѣру немного менѣе in 4°, чтобы текстъ могъ иногда помѣщаться и въ два столбца. Общая программа изданія „Трудовъ“ одобрена слѣдующая: научныя статьи и матеріалы, рецензіи, библиографическій отдѣлъ и хроника дѣятельности Комиссіи.

4. Для храненія суммъ Комиссіи, по предложенію Н. А. Янчука, избранъ казначеи д. чл. Общества и членъ Комиссіи А. В. Марковъ.

5. VI-ой этнографическій концертъ постановлено отложить до 20 апрѣля въ аудиторіи Историческаго музея.

XIV.

3 мая 1902 г. въ аудиторіи Политехническаго Музея состоялось публичное засѣданіе Музыкальной Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Предсѣдательствовалъ проф. В. Θ. Миллеръ, присутствовали председатель Музыкальной Комиссіи Н. А. Янчукъ, секретарь отдѣла В. В. Богдановъ, секретарь Комиссіи А. Л. Масловъ, члены Комиссіи: Д. И. Аракчіевъ, Э. А. Вигнеръ, В. С. Калининковъ, А. Д. Кастальскій, П. А. Котовъ, Е. Э. Линева, нѣкоторые члены Общества и многочисленныя сторонніе посѣтители.

1. Е. Э. Линева сообщила о своей поѣздкѣ въ Череповецкій, Бѣлоозерскій и Кирилловскій уу. Новгородской губ. съ этнографическими цѣлями, гдѣ записано ею около 200 пѣсенъ съ помощью фонографа. Г-жа Линева отмѣтила Череповецкій у. и сѣверныя окраины Бѣлоозерскаго у., какъ обладающіе лучшимъ пѣсеннымъ матерьяломъ. На основаніи опыта она рекомендуетъ предварительныя поѣздки этнографовъ для разысканія пѣсенъ и пѣсенниковъ, которые бы ко второму пріѣзду приготовили лучший репертуаръ. Свой докладъ Е. Э. Линева иллюстрировала тѣневыми картинками, а также демонстрировала нѣсколько фонограммъ съ записанными ею пѣснями. Въ концѣ доклада г. Лп-

нева сказала нѣсколько словъ о народной музыкѣ на Всероссийской Кустарно-Промышленной выставкѣ въ Петербургѣ нынѣшней весной, гдѣ она завѣдывала музыкальною частью, и въ настоящемъ засѣданіи демонстрировала посредствомъ фонографа записанный ею любопытный оркестръ рожечниковъ Владимирской губ., который игралъ на выставкѣ.

2. Предполагавшіеся выборы товарища председателя Комиссіи, за малымъ количествомъ прибывшихъ членовъ, отложены до осени.

XV.

2 октября 1902 г. въ зданіи Политехническаго Музея состоялось 15-е по счету и 1-ое въ наступившемъ академическомъ году засѣданіе Музыкальной Комиссіи подъ председательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ Комиссіи: Д. И. Аракчіева, А. Т. Гречанинова, А. А. Ильинскаго, А. Д. Кастальскаго, Е. Э. Лиевой, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова и П. Д. Самарина.

1. Председатель сообщилъ о вновь поступившихъ затребованіяхъ программы для собранія музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, составленной и изданной Комиссіей, а также о полученныхъ уже на его имя доставленныхъ свѣдѣній, касающихся музыкальной этнографіи: во 1-хъ) отъ члена-сотрудника Общества Ф. К. Траиллина, изъ Донской области, и во 2-хъ) отъ преподавателя духовнаго училища въ Вологдѣ А. Н. Попова, приславшаго свои записи пѣсенъ съ напѣвами Никольскаго у., Вологодской губ. Записи эти взяла на себя трудъ просмотрѣть и дать отзывъ Е. Э. Лиева.

2. Д. И. Аракчіевъ прочиталъ краткій отчетъ о своей поѣздкѣ истекшимъ лѣтомъ на Кавказъ, въ губ. Тифлисскую, Кутаисскую, области Терскую и Кубанскую. Результаты этой поѣздки оказались очень удачны: имъ записано посредствомъ фонографа 148 пѣсенъ, изъ нихъ въ Тифлисской губ. отъ грузинъ 40 вокальныхъ и 47 инструментальныхъ, въ Кутаисской губ. 60 вокальныхъ, 18 инструментальныхъ, въ Терской области отъ осетинъ 12 вокальныхъ и 3 инструментальныхъ, въ Кубанской области русскихъ лирницкихъ 8 пѣсенъ и стиховъ. Въ засѣданіи Д. И. Аракчіевъ воспроизвелъ посредствомъ фонографа нѣсколько напѣвовъ кавказскихъ народностей и нѣсколько лирницкихъ, записанныхъ въ Кубанской области отъ русскихъ слѣпцовъ. Демонстрированный матеріалъ Комиссіей найденъ очень интереснымъ, какъ по своимъ мелодическимъ оборотамъ, такъ и своеобразнымъ въ гармоническомъ отношеніи, и обратилъ на себя вниманіе присутствовавшихъ своимъ полифоническимъ сложениемъ. По предложенію Д. И. Аракчіева постановлено благодарить Д. З. Сараджева и князя Николая Зоилевича Челокаева за содѣйствіе г. Аракчіеву при его изысканіяхъ.

3. Были произведены, по предложенію председателя, выборы товарища председателя Музыкально-Этнографической Комиссіи. Выбраннымъ большинствомъ голосовъ оказался А. Т. Гречаниновъ. Постановлено довести объ этомъ до свѣдѣнія Отдѣла.

XVI.

12 октября 1902 г. въ зданіи Политехническаго Музея состоялось публичное соединенное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи И. О. Л. Е., А. и Э. Председательствовалъ В. Θ. Миллеръ, присутствовали: председатель Музыкальной Комиссіи Н. А. Янчукъ, секретарь Отдѣла В. В. Богдановъ, секре-

тарь Комиссіи А. Л. Масловъ, члены Музыкальной Комиссіи и Отдѣла: Д. И. Аракчіевъ, А. Е. Грузинскій, А. Д. Кастальскій, Я. А. Лосевъ, А. В. Марковъ, А. В. Никольскій, В. В. Пасхаловъ, Г. А. Трейтеръ и многіе сторонніе посѣтители.

1. Прочитанъ былъ докладъ Н. А. Насѣкина: „О корейцахъ Южно-Уссурійскаго края“—этнографическаго характера, безъ ближайшаго отношенія къ музыкѣ. (Содержаніе—въ протоколахъ Отдѣла).

2. Д. И. Аракчіевъ доложилъ болѣе подробно о своей поѣздкѣ на Кавказъ истекшимъ лѣтомъ (см. протоколъ засѣданія 2-го октября). Г. референтъ воспроизвелъ фонографомъ два духовныхъ стиха и двѣ забавныхъ пѣсни, записанныхъ отъ лирниковъ въ Кубанской области, затѣмъ нѣсколько грузинскихъ пѣсень, при чемъ старался выяснить характерныя особенности музыки отдѣльныхъ народностей грузинскаго племени. Послѣ перерыва нѣкоторыми членами Комиссіи были исполнены вокальные номера изъ записей г. Аракчіева, а именно, г-жа Г. А. Трейтеръ и артистъ Я. А. Лосевъ исполнили лирницкіе стихи подъ аккомпанементъ лиры съ М. П. Тихомировымъ. Собравшаяся публика привѣтствовала аплодисментами обоихъ референтовъ и исполнителей музыкальныхъ номеровъ, которые по желанію публики были повторены.

XVII.

8-го ноября 1902 г. въ аудиторіи Политехническаго Музея происходило публичное соединенное засѣданіе (17-е) Музыкально-Этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. Предсѣдательствовалъ Н. А. Янчукъ, присутствовали: тов. продс. А. Т. Гречаниновъ, секретарь Отдѣла В. В. Богдановъ, члены Комиссіи: А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ, нѣкоторые члены Отдѣла и сторонніе посѣтители.

1. Н. А. Янчукъ сдѣлалъ сообщеніе о народной музыкѣ на Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ (въ августѣ), на которомъ народной пѣснѣ и музыкѣ было посвящено три реферата; изъ нихъ наибольшій интересъ съ чисто музыкальной стороны представлялъ докладъ И. М. Хоткевича, любителя и знатока малороссійской музыки. Г-нъ Хоткевичъ самъ отличный бандуристъ и знаетъ почти всѣхъ бандуристовъ Украины, которыхъ оказывается еще довольно много. Въ настоящее время существуетъ цѣлая община слѣпцовъ, во главѣ которыхъ стоитъ атаманъ—„панъ-отець“. Репертуаръ лирника и бандуриста состоитъ изъ думъ, пѣсень религіозно-нравственныхъ, бытовыхъ, свадебныхъ, юмористическихъ и сатирическихъ. На съѣздѣ былъ устроенъ этнографическій концертъ, въ которомъ приняли участіе слѣпцы-бандуристы и лирники, въ числѣ околѣ 18 человекъ, изъ Харьковской и другихъ губерній, кромѣ того „тройста музыка“ (деревенскій ансамбль изъ скрипки, контрабаса и бубна); они поодиночкѣ и вмѣстѣ исполнили рядъ разнохарактерныхъ пьесъ. Съѣздъ постановилъ ходатайствовать передъ Министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ о прекращеніи преслѣдованій со стороны полиціи бандуристовъ и лирниковъ—хранителей музыкально-поэтическаго творчества малорусскаго народа. Сообщеніе это Н. А. Янчукъ иллюстрировалъ тѣневыми изображеніями лирниковъ и бандуристовъ и отдѣльно инструментовъ лиры и бандуры, упомянувъ вкратцѣ о ихъ строѣ и способѣ и приѣмахъ игры на нихъ.

2. А. Ф. Самойловъ, прив.-доц. Моск. университета, демонстрировалъ Энгармоніумъ, изобрѣтенный Аппуномъ, состоящій изъ 4-хъ клавиатуръ, построенныхъ по чистымъ квинтамъ и представляющихъ пиагоройскій строй. На этомъ инструментѣ были исполняемы всевозможныя мелодическія и гармоническія комбинаціи, построенныя какъ въ темперированномъ строѣ, такъ и въ природныхъ. Особенное вниманіе слушателей доклад-

чикъ остановилъ на принципѣ уравнинія интервалловъ, общаго даже не культурнымъ народамъ, наприм., сіамцамъ, имѣющимъ, по изслѣдованіямъ Штумфа, инструментъ „ранатъ“ или ксилофонъ, октава котораго дѣлится ровно на семь частей (каждый тонъ выражается формулой $|\sqrt[7]{2}$). Въ музыкѣ яванцевъ октава дѣлится ровно на пять частей. Этотъ Энгармоніумъ, а также другой инструментъ съ обозначеніемъ числа колебаній— „тоноизмѣритель“ Аппуна, по мнѣнію г. Самойлова, могли бы сослужить службу дѣлу музыкальной этнографіи, примѣненные къ записи пѣсенъ различныхъ народовъ, имѣющихъ у себя различныя звукоряды. Докладчикъ исполнилъ нѣсколько гармоническихъ послѣдовательностей въ современномъ и пиагорейскомъ стрѣ, а затѣмъ на экранѣ привелъ нотныя примѣры и таблицы, составленныя Аппуномъ, а также имъ самимъ.

3. Н. А. Янчукъ демонстрировалъ фонограммы китайскихъ вокально-инструментальныхъ религіозныхъ пѣсенъ, доставленныя изъ Манчжуріи г. Кивокурцевымъ и переданныя въ Комиссію проф. Н. Ю. Зографомъ.

Всѣ сообщенія сопровождались рукоплесканіями собравшейся публики.

4. Въ состоявшемся затѣмъ закрытомъ засѣданіи былъ возобновленъ вопросъ объ изданіи „Школьнаго сборника“ народныхъ пѣсенъ, и избранной ранѣе подкомиссіи, въ томъ же составѣ (см. протоколъ VIII) подъ предсѣдательствомъ А. Т. Гречанинова, предложено было продолжить начатую работу по подбору матеріала для сборника какъ изъ рукописныхъ записей, имѣющихся въ Комиссіи, такъ и изъ печатныхъ сборниковъ, въ количествѣ 50—60 пѣсенъ.

XVIII.

20 января 1903 года въ зданіи Румянцовскаго Музея происходило 18-е засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ П. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова и членовъ Комиссіи Д. И. Аракчіева, А. Е. Грузинскаго, А. Д. Кастальскаго, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, П. Д. Самарина, С. И. Танѣва и приглашеннаго въ засѣданіе пѣвца М. Е. Пятницкаго.

1. Д. И. Аракчіевъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о кавказскихъ грузинскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментахъ, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ. Опианные г. Аракчіевымъ инструменты тутъ же демонстрировались. Сообщеніе это вызвало нѣсколько дополненій и поправокъ со стороны г.г. Танѣва и Маслова.

По поводу выслушаннаго доклада предсѣдатель выразилъ пожеланіе, чтобы члены Комиссіи занялись изученіемъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ также и въ другихъ собраніяхъ, имѣющихся въ Москвѣ, а можетъ быть и въ другихъ городахъ. Постановлено имѣть это въ виду.

2. Послѣ этого демонстрировались пѣсни Воронежской губерніи. М. Е. Пятницкій, уроженецъ этой губерніи, спѣлъ рядъ пѣсенъ тамошнихъ старинныхъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ тутъ же были фонографированы для собраній комиссіи.

3. Было приступлено къ разсмотрѣнію матеріала, собраннаго подкомиссіей для школьнаго сборника народныхъ пѣсенъ; окончательно рѣшенъ способъ печатанія текста съ приспособленностью къ напѣвамъ: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ окажется нужнымъ одну ноту напѣва разбить на ноты меньшей длительности, печатать ихъ или надъ текстомъ, или при основныхъ нотахъ мелкими нотками; кромѣ того предположено было и въ текстѣ провести раздѣленіе на такты. Предисловіе къ сборнику, составленное секретаремъ Комиссіи, предложено дополнить и переработать. Дальнѣйшее разсмотрѣніе сборника отложено впредь до окончательнаго приведенія въ порядокъ всего матеріала. •

XIX.

22 февраля 1903 года въ здании Синодальнаго Училища происходило 19-е засѣданіе Комиссіи, подъ предѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предѣдателя А. Т. Гречанинова, секретаря А. Л. Маслова, членовъ комиссіи: Д. И. Аракчиева, В. С. Калининкова, А. Д. Кастальскаго, Е. Э. Линевой, Я. А. Лосева, А. В. Никольскаго, П. Д. Самарина, Ю. Д. Энгель и директора Синодальнаго училища В. С. Орлова.

1. Засѣданіе открылось приглашеніемъ В. С. Орлову принять участіе въ занятіяхъ Комиссіи, на что онъ отвѣтилъ благодарностью и согласіемъ на избраніе его въ члены.

2. Н. А. Янчукъ доложилъ о поступленіи въ Комиссію бумагъ покойнаго изслѣдователя русской народной музыки, члена Отдѣла Ю. Н. Мельгунова. Бумаги переданы наслѣдниками въ собственность и распоряженіе музыкальной Комиссіи черезъ Этнографическій Отдѣлъ. (Протокольная опись ихъ прилагается при семъ протоколѣ). Матеріалъ, заключающійся въ этихъ бумагахъ, постановлено рассмотреть и приготовить къ печати все то, что еще не напечатано и что заслуживаетъ вниманія. „Учебникъ ритмики“, составленный Ю. Н. Мельгуцовымъ, изъявилъ желаніе издать на свой счетъ членъ Комиссіи П. Д. Самаринъ. Постановлено просить акад. Ѳ. Е. Корша просмотрѣть этотъ учебникъ въ рукописи и редактировать для изданія остальные труды Мельгунова по ритмикѣ. Относительно рукописнаго труда его „Техника фортепіанной игры“ постановлено обратиться за разъясненіемъ къ брату покойнаго А. Н. Мельгунову, затѣмъ просить пианистовъ-педагоговъ г. Ладухина или Ст. Ф. Шлезингеръ сдѣлать оцѣнку этого труда.

3. По предложенію Н. А. Янчука, въ день десятилѣтія со дня кончины Ю. Н. Мельгунова, 19 марта, постановлено устроить публичное засѣданіе, въ которомъ предложены рефераты посвященные Мельгунову—Е. Э. Линевой, Ѳ. Е. Коршъ, А. Л. Маслова и Н. А. Янчука съ музыкальными иллюстраціями, въ которыхъ постановили просить принять участіе г-жу Г. А. Трейтеръ и М. Е. Пятницкаго. А. В. Никольскій предложилъ для той же цѣли хоръ Строгоновскаго Училища подъ своимъ управленіемъ.

4. Разсматривался дальнѣйшій матеріалъ для школьнаго сборника; рассмотрѣны и одобрены пока одногласныя пѣсни и предисловіе въ новой редакціи.

5. Н. А. Янчукъ прочелъ свою докладную записку въ Императорскую Академію Наукъ съ ходатайствомъ о назначеніи субсидіи на печатаніе научныхъ матеріаловъ Комиссіи. Постановлено записку съ ходатайствомъ отправить по назначенію ¹⁾.

6. А. Л. Масловъ доложилъ о пѣсняхъ, собранныхъ прошедшимъ лѣтомъ М. П. Тихомировымъ, доставившимъ свой матеріалъ въ Комиссію.

7. Предѣдателемъ былъ вновь поднятъ вопросъ объ изученіи по мѣрѣ возможности музыкальныхъ коллекцій, содержащихся въ разныхъ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ. По этому поводу постановлено обратиться къ директору консерваторіи В. И. Сафонову съ просьбой о разрѣшеніи обзорѣть коллекцію инструментовъ Московской Консерваторіи.

8. Предложены къ избранію въ члены Комиссіи А. Ф. Самойловъ, выступавшій референтомъ (см. проток. XVII), и А. Н. Мельгуновъ, братъ покойнаго изслѣдователя, предоставившій въ распоряженіе Комиссіи всѣ бумаги и матеріалы своего брата.

¹⁾ Означенная «Записка» въ дополненномъ видѣ напечатана въ качествѣ вступительной статьи къ настоящему тому. *Ред.*

Протокольная опись бумагъ Ю. Н. Мельгунова.

14 и 21 марта 1902 г. члены Музыкально-Этнографической Комиссіи, состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э., въ составѣ пяти человекъ, а именно: предсѣдателя Комиссіи Н. А. Янчука, тов. предс. А. Т. Гречанинова, секретаря А. Л. Маслова, А. Д. Кастальскаго, П. Д. Самарина, и въ присутствіи опекуна надъ имуществомъ покойнаго Ю. Н. Мельгунова, надв. сов. А. П. Мельгунова, по порученію Этнографическаго Отдѣла, вскрыли доставленные въ отдѣлъ опекуномъ изъ Дворянской Опекѣ 2 тюка, содержащихъ бумаги Ю. Н. Мельгунова, для составленія имъ описи и выясненія ихъ значенія, по просьбѣ опекуна. Въ тюкахъ оказалось нѣсколько тетрадей и множество отдѣльных листовъ, которые тутъ же были сшиты, перенумерованы, скрѣплены подписью опекуна и описаны. (Опись прилагается ниже). Общее заключеніе относительно всѣхъ описанныхъ бумагъ Ю. Н. Мельгунова можетъ быть сформулировано, на основаніи бѣлаго ознакомленія съ ними, слѣдующимъ образомъ: 1) Всѣ бумаги, за исключеніемъ выписокъ изъ книгъ, не относящихся къ музыкѣ, имѣютъ несомнѣнную научную цѣнность. 2) Въ числѣ означенныхъ бумагъ есть нѣсколько болѣе законченныхъ работъ по музыкѣ и есть музыкальные матеріалы, черновики и замѣтки. 3) Не говоря о черновыхъ наброскахъ и замѣткахъ, даже и болѣе законченныя работы требуютъ основательнаго просмотра, а матеріалы требуютъ обработки и тщательной редакціи специалистовъ, прежде чѣмъ они могли бы быть изданы въ свѣтъ. 4) Относительно того, какую имущественную цѣнность представляютъ въ настоящемъ своемъ видѣ вышеупомянутыя бумаги, члены Комиссіи затруднились высказаться опредѣленно.

О П И С Ь.

- Тетр. 1-я**—записи народныхъ пѣсень (напѣвы и текстъ).
Тетр. 2-я—примѣры ритмовъ изъ народныхъ пѣсень.
Тетр. 3-я—рукопись подъ загл.: «Ученіе о ладахъ (или гласахъ) Миноръ-абсолютъ и о Полумажорѣ».
Тетр. 4-я—черновыя записи 32 народныхъ мелодій.
Тетр. 5-я—черновыя записи 25 народныхъ мелодій.
Тетр. 6-я—матеріалъ, касающійся ритмики народныхъ пѣсень.
Тетр. 7-я—тексты народныхъ пѣсень.
Тетр. 8-я—черновыя записи народн. пѣсень.
Тетр. 9-я—записи народныхъ пѣсень съ вариантами.
Тетр. 10-я—записи народныхъ мелодій, преимущественно духовныхъ стиховъ.
Тетр. 11-я—записи народныхъ мелодій, въ количествѣ 21.
Тетр. 12-я—записи народныхъ мелодій въ количествѣ 40.
Тетр. 13-я—записи народныхъ мелодій въ количествѣ 25.
Тетр. 14-я—записи народныхъ мелодій въ количествѣ 23.
Тетр. 15-я—матеріалы, касающіеся ритмики народн. пѣсень (почти всѣ нотные примѣры зачеркнуты).
Тетр. 16-я—записи народныхъ и церковныхъ напѣвовъ, и одинъ листъ съ замѣтками, относящимися къ акустикѣ.
Тетр. 17-я—замѣтки о строѣ рожка и тексты народныхъ пѣсень; тутъ же выписки изъ сочиненій, не относящихся къ музыкѣ.
Тетр. 18-я—«Примѣчаніе къ запискамъ кн. Вл. Ө. Одоевскаго о русской музыкѣ»,—оригиналь статьи Ю. Арнольда, напечатанный въ этомъ томѣ.

Тетр. 19—28-я—содержать выписки изъ печатныхъ сочиненій, не относящихся къ музыкѣ

Тетр. 29-я—рукопись подъ заглавіемъ: «О законахъ ритма и гармоніи русскихъ народныхъ пѣсень», черновая и бѣловая (напечатана въ этомъ же томѣ).

Тетр. 30-я—статья: «Къ вопросу о русской музыкѣ» (напечат. въ VI кн. «Этнографич. Обзорнія»).

Тетр. 31-я—статья рукоп. на нѣмецкомъ языкѣ: «Die Lehre von musikalischen Tönen in Verbindung mit russischen Volksliedern» (Вестфала?).

Тетр. 32-я—работа о музыкальномъ ритмѣ (чистовая, вѣроятно, Учебникъ ритмики?) и приложение: нотные примѣры.

Тетр. 33-я—черновикъ работы о музыкальномъ ритмѣ.

Тетр. 34-я—черновыя замѣтки.

Тетр. 35-я—рукопись: «Къ вопросу о ритмѣ» и другія случайныя замѣтки и выписки.

Тетр. 36 и 37-я—ритмическій анализъ классическихъ музыкальныхъ сочиненій.

Тетр. 38-я—черновики, касающіеся музыкальнаго ритма.

Тетр. 39-я—рукоп. предисловіе (на русск. яз.) къ десяти фугамъ Баха, изданнымъ Ю. Н. Мельгуновымъ и Р. Вестфалемъ.

Тетр. 40-я—рукоп.: «Руководство для правильнаго записыванія русс. народныхъ пѣсень» (использовано для замѣтки о вологодск. пѣсняхъ въ т. XI, в. 1 «Трудовъ Этногр. Отдѣла»)

Тетр. 41-я—рукоп. подъ загл.: «Учебникъ формъ инструмент. музыки, Вуслера» (критическая статья).

Тетр. 42-я—черновики (нотные), относящіеся къ техникѣ фортепіанной игры.

Тетр. 43-я—черновыя замѣтки.

Тетр. 44-я—рук. подъ загл.: «Ритмическій анализъ. Поэзія Славянъ, изд. Гербеля».

Тетр. 45—49-я—нотные примѣры, относящіеся къ ритмикѣ народныхъ славянскихъ пѣсень.

Тетр. 50-я—черновыя замѣтки и нотные примѣры по ритмикѣ.

Тетр. 51-я—печатное изданіе фугъ Баха, безъ вступленія.

Кромѣ того, позднѣе доставленъ въ Комиссію А. Н. Мельгуновымъ еще одинъ томъ, заключавшій въ себѣ:

1) Рукопись учебника фортепіанной техники, соч. Ю. Мельгунова.

2) Ритмическія размѣтки разныхъ музык. и стихотворныхъ сочиненій.

3) Нотные примѣры, относящіеся къ ритму.

4) Матеріалы для біографіи Ю. Н. Мельгунова (письма, фотографіи, документы, записная книжка).

5) Нѣсколько десятковъ печатныхъ музык. произведеній и другихъ книгъ и изданій.

Наконецъ, немного спустя, черезъ предсѣдателя Комиссіи П. А. Янчука, въ ея распоряженіе были переданы отъ близко знавшей Мельгунова г-жи В. И. Киндяковой:

6) нотная тетрадь въ переплетѣ, исписанная рукой Мельгунова и заключающая въ себѣ его черновыя работы по изученію ритма, преимущественно анализъ русскихъ нар. пѣсень, расположенныхъ по роду ритмовъ.

7) Фуги Баха въ изданіи „Franz'a Kroll'a“ съ ритмическимъ замѣтками Ю. Мельгунова на поляхъ и въ нотахъ.

XX.

19 марта 1903 года въ залѣ Синодальнаго Училища происходило торжественное публичное засѣданіе Музыкально-этнографической Комиссіи и Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи предсѣдателя Музыкальной Комиссіи П. А. Янчука, товарища предсѣдателя Комиссіи, А. Т. Гречанинова, секретаря Отдѣла В. В. Богданова, секретаря Комиссіи А. Л. Маслова, членовъ Комиссіи: Д. И. Аракчиева, Э. А. Вигнеръ, В. П. Войденова, А. Е. Грузинскаго, А. А. Ильинскаго. Θ. Е. Коршъ, А. Д. Кастальскаго, Н. Д. Кашкина. Е. Э. Линева, А. П. Мельгунова, А. В. Пикольскаго, В. С. Орлова, В. В. Пасхалова,

П. Д. Самарина, Ю. С. Сахновскаго, С. И. Танѣева, Г. А. Трейтеръ, членовъ Отдѣла и многочисленныхъ стороннихъ посѣтителей.

Засѣданіе было посвящено памяти дѣйствительнаго члена Общества Ю. Н. Мельгунова, со дня кончины котораго исполнилось 10 лѣтъ.

1. Н. А. Янчукъ, прочелъ „Нѣсколько вступительныхъ словъ памяти Ю. Н. Мельгунова“—біографическаго характера, и высказалъ мысль о необходимости постановки памятника на могилѣ покойнаго.

2. Е. Э. Линева прочитала рефератъ „Ю. Н. Мельгуновъ, какъ новаторъ въ изслѣдованіи русской пѣсни“, съ присоединеніемъ личныхъ воспоминаній и выдержекъ изъ писемъ, причемъ указала на заслуги покойнаго въ области ритмики русской пѣсни и главнымъ образомъ на значеніе подголосковъ для изученія народной гармоніи. Г-жа Линева рефератъ свой закончила предложеніемъ увѣковѣчить память Мельгунова основаніемъ при Отдѣлѣ „Союза любителей русской пѣсни“, цѣлью котораго было бы изученіе народной пѣсни, сохраненіе ея въ народѣ и распространеніе въ образованномъ обществѣ.

3. О. Е. Коршъ по своимъ воспоминаніямъ охарактеризовалъ личность Мельгунова и его сотрудниковъ проф. Р. Вестфала и К. К. Шапошникова, имѣвшихъ большое вліяніе на изслѣдованія Мельгунова, первый—въ области ритмики, второй—гармонизаціи русской пѣсни. Работая въ области ритмики, Вестфаль пришелъ къ заключенію, что законы, выработанныя Аристоксеномъ—общечеловѣческіе, и что ученіе о ритмическихъ формахъ не столь разнообразно у новыхъ музыкантовъ; поэтому онъ рѣшилъ оперировать надъ нѣмецкимъ хораломъ, какъ свободнымъ отъ искусственности. Этотъ хораль наложилъ печать на его теорію, и она сдѣлалась не примѣнимой къ русской народной и церковной музыкѣ. Ю. Н. Мельгуновъ усвоилъ себѣ и нѣкоторые недостатки Вестфала. Пользуясь своими записями, онъ положилъ въ основу изученія русской народной ритмики сравнительно узкій матеріалъ, такъ какъ ему пришлось случайно записывать пѣсни новыя (силлабическаго склада, съ 2-дольнымъ размѣромъ). Раздѣленіе на такты по величинѣ кóлона г. Коршъ находитъ неправильнымъ. Разсматривая же русскій церковный обиходъ, Мельгуновъ пришелъ къ заключенію, что онъ далеко не укладывается въ рамки ритмики, подобно нѣмецкому хоралу.

4. А. Л. Масловъ въ своемъ рефератѣ „Ю. Н. Мельгуновъ, какъ ученый изслѣдователь“, отмѣтилъ взгляды Мельгунова на русскую музыку и мѣсто его среди другихъ изслѣдователей: Одоевскаго, Сѣрова, Сокальскаго; при этомъ онъ указалъ тѣ новыя элементы, какіе введены покойнымъ Мельгуновымъ въ область изслѣдованія русской пѣсни со стороны ритма и гармоніи.

5. Послѣ рефератовъ исполнены были пѣсни изъ сборниковъ Мельгунова solo и хоромъ по слѣдующей программѣ:

1. «Духовный стихъ»	} Исполнилъ М. Е. Пятницкій.
2. «Рекрутская»	
3. «Мнѣ не спится»	
4. «Возлѣ рѣчки на лужечкѣ»	
5. «Зеленая роща»	} Исп. гг. любители подъ руководствомъ
Е. Э. Линевой.
6. «Поздно вечеромъ сидѣла»	
7. «Ты, утица луговая»	
8. «Лучина моя, лучинушка»	} Исп. г-жа Г. А. Трейтеръ.
9. «Ночка моя, ночка темная»	
10. «На родимую сторонку»	} Исп. хоръ воспитанниковъ Строгоновскаго училища подъ управленіемъ А. В. Никольскаго.
11. «Идетъ миленькій лужечкомъ»	
12. «Вдоль по рѣкѣ»	

XXI.

3 мая 1903 г. происходило 21-е заседание Комиссии в здании Политехнического Музея, под председательством Н. А. Янчука, в присутствии членов Комиссии: Д. И. Аракчиева, А. В. Маркова, В. В. Пасхалова, А. Ф. Самойлова и И. С. Тезавровского. За отсутствием секретаря Комиссии, его обязанности исправлял А. В. Марковъ.

1. Председатель доложил собранію, что рефераты, читанные въ заседании, посвященномъ памяти Мельгунова, предполагается напечатать въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ за текущій годъ; что касается лекціи акад. Корша, читанной наизусть, то она составлена по записи нѣсколькихъ лицъ и находится на просмотрѣ у автора.¹⁾

2. Председатель сообщилъ о томъ, что изъ поступившихъ въ Комиссію музыкальныхъ рукописей покойнаго Мельгунова одна была отдана на разсмотрѣніе члену Комиссии П. А. Котову, именно рукопись содержащая учебникъ фортепіанной техники; поминію П. А. Котова, желательно ее предложить еще на разсмотрѣніе г. Майкапару, который далъ бы свой отзывъ о рукописи.

3. Вслѣдствіе постановленія Комиссии о желательности изученія народныхъ музыкальныхъ инструментовъ (см. прот. XIX), члены Комиссии Д. И. Аракчиевъ и А. Л. Масловъ изучали въ Московской Консерваторіи, первый—инструменты кавказскихъ племенъ, а второй—другихъ народностей. Сняты фотографіи, и сдѣлано описаніе, которое можетъ составить цѣльную интересную статью. Постановлено имѣть ее въ виду для напечатанія въ изданіяхъ Комиссии.

4. Слѣдовало сообщеніе председателя о переговорахъ Комиссии съ Императорской Академіей Наукъ, веденныхъ черезъ посредство академика Ѳ. Е. Корша. Въ заседании Отдѣленія Русскаго языка и словесности 2 ноября 1902 г. акад. Коршъ, въ дополненіе ходатайства Комиссии (см. прот. XIX), читалъ свою записку относительно желательности оказать матеріальную поддержку Московской Музыкальной Комиссии. Ѳ. Е. Коршъ указалъ на бѣольшую широту задачъ, преслѣдуемыхъ нашей Комиссіей, сравнительно съ задачами Пѣсенной Комиссии, состоящей при Географическомъ Обществѣ. Московская Комиссія задается цѣлью собирать произведенія народной музыки не только великорусскаго населенія, но также и другихъ народностей Россіи, которыя до сихъ поръ еще слишкомъ мало изучены съ этой стороны. Не только пѣсни русскихъ инородцевъ, но даже нашихъ единоплеменниковъ, малороссовъ и бѣлороссовъ, въ изданныхъ до сихъ поръ сборникахъ представлены крайне бѣдно и записаны неточно. По изученію инструментальной народной музыки не сдѣлано почти ничего. Теперь, когда старая народная пѣсня уступаетъ мѣсто новѣйшимъ музыкальнымъ произведеніямъ, всякая попытка сохранить народную музыку достойна сочувствія и поощренія. Въ виду этого, докладчикъ считалъ своевременнымъ ходатайствовать передъ Академіей Наукъ о томъ, чтобы Московская Музыкальная Комиссія получала ежегодную субсидію въ 1000 рублей.

Председателемъ пока полученъ слѣдующій отвѣтъ Академіи черезъ Ѳ. Е. Корша: „Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности постановило предложить Музыкальной Комиссии направить ея ходатайство о субсидіи къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, при чемъ Отдѣленіе общается съ своей стороны поддержать это ходатайство“.

Сообщивъ собранію этотъ отвѣтъ, председатель прибавилъ, что дѣло Комиссии еще не окончательно проиграно: во-первыхъ, можно обратиться съ ходатайствомъ къ велик.

¹⁾ Сообщенія Н. А. Янчука и А. Л. Маслова напечатаны въ LVIII кн. «Этнографич. Обзорѣнія», докладъ Е. Э. Ливевой—въ «Русской Муз. Газетѣ» 1903, № 23—24, а чтеніе Ѳ. Е. Корша остается пока необработаннымъ для печати у автора.

ки. Георгію Михайловичу, на средства котораго изданы проф. А. И. Соболевскимъ „Великорусскія нар. пѣсни“, и который выражалъ желаніе издать также, кромѣ текстовъ, и сборникъ напѣвовъ; во-вторыхъ, желательно и возможно обратиться въ Археологическое Общество, которое, какъ показалъ Харьковскій съѣздъ, начало интересоваться народной музыкой, съ просьбой присоединиться къ ходатайству Комиссіи передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Комиссія предоставила предсѣдателю дальнѣйшія хлопоты по присканію средствъ на изданія.

5. Доложены бумаги:

а) отъ Археологическаго Общества черезъ Этнографическій Отдѣлъ. XII Археологическій Съѣздъ, бывшій въ Харьковѣ, постановилъ ходатайствовать передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о покровительствѣ малорусскимъ народнымъ пѣвцамъ, бандуристамъ, кобзарямъ и лирникамъ и объ огражденіи ихъ отъ административнаго преслѣдованія. Министерство къ этому ходатайству отнеслось сочувственно и просило Арх. Общество прислать подробныя свѣдѣнія о мѣстѣ жительства этихъ лицъ и ихъ профессіи. Археологическое Общество обратилось къ Этнографическому Отдѣлу съ просьбой помочь Обществу дать отвѣтъ г-ну Министру. Отдѣлъ направилъ это обращеніе въ Комиссію, отъ имени которой предсѣдателемъ составленъ надлежащій отвѣтъ, съ указаніемъ на источники свѣдѣній о малорусскихъ нар. пѣвцахъ. Этотъ отвѣтъ былъ отправленъ черезъ Отдѣлъ въ Археологическое О-во, отъ котораго получена благодарность, а затѣмъ вмѣстѣ съ заключеніемъ Общества отвѣтъ посланъ въ министерство.

б) Изъ Этнографич. Отдѣла передана пѣсня отъ г-жи Клетновой, изъ Смоленской губ. Пѣсня представляетъ собою балладу литературнаго происхожденія, и напѣвъ ея — не народный.

в) Е. Э. Линева дала свой отзывъ о сборникѣ пѣсенъ, составленномъ учителемъ пѣнія въ вологодской семинаріи, А. Н. Поповымъ (см. протоки. XV). Въ своемъ отзывѣ она указала на достоинства какъ сборника, такъ и сопровождающей его статьи, отмѣчая въ то же время и нѣкоторые недочеты записей. Постановлено имѣть въ виду матеріалъ г. Попова для напечатанія въ „Трудахъ“ Комиссіи.

г) По заявленію предсѣдателя, отъ А. Н. Попова прислана въ Комиссію пояснительная записка къ его собранію съ просьбой оказать ему нѣкоторую помощь, хотя бы посредствомъ высылки необходимыхъ въ его занятіяхъ книгъ. Въ своей замѣткѣ г. Поповъ, между прочимъ, сообщаетъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ народныхъ пѣвцахъ и говоритъ о своихъ способахъ записи. Онъ прослушивалъ всю пѣсню, а затѣмъ записывалъ текстъ, мало-по-малу заполняя сдѣланные сначала пропуски. Музыкальная запись велась такъ же основательно: опредѣлялась тональность, а потомъ мелодія заносилась на бумагу, при чемъ пѣвицы повторяли пѣсню до шести разъ. Послѣ записи г. Поповъ самъ пѣлъ пѣсню по записи, при чемъ пѣвицы тутъ указывали неточности. Подголоски заносились на бумагу отдѣльно.

Опредѣлено: приобрести для Комиссіи сборникъ *В. Орлова*: „Крестьянскія пѣсни, запис. въ Тамбовской губерніи“. Спб. 1890, и, по просьбѣ г. Попова, выслать ему сборникъ на время. Предсѣдателемъ предложено пригласить г. Попова въ члены-сотрудники Комиссіи.

г) Воспитанникъ реального училища Воскресенскаго въ Москвѣ, И. М. Крашениниковъ, изъ г. Челябинска, доставилъ свою статью: „Хороводныя и плясовыя пѣсни оренбургскихъ казаковъ“. Хороводы описаны подробно; къ описанію прилагаются чертежи хороводныхъ движеній и ноты, записанныя товарищемъ Крашениникова. Постановлено имѣть въ виду для напечатанія ¹⁾.

¹⁾ Статья напечатана въ LXI кн. «Этнографич. Обзорнія». Одинъ изъ мотивовъ включенъ Комиссіей въ изданный ею «Школьный Сборникъ», вып. 1-й, № 22.

д) **Ө. А. Кисловъ**, изъ Ярославля, предлагаетъ выступать въ Музыкальной Комиссии съ игрой на гусяхъ. Определено: пригласить гусяра на одинъ изъ Этнографическихкихъ концертовъ или чтеній съ музыкальнымъ исполненіемъ. (Примѣчаніе: на сдѣланное отъ Комиссии предложеніе отъ г. Кислова не послѣловало отвѣта).

6. **Д. И. Аракчиевъ** сдѣлалъ сообщеніе о грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ консерваторскаго собранія.

По поводу доклада послѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, присутствующими было указано, что изученіе кавказскихъ музык. инструментовъ имѣеть громаднѣй историческій интересъ, и что слѣдовало бы, съ одной стороны, пополнить имѣющіяся коллекціи этихъ инструментовъ, а съ другой—изслѣдовать ихъ строй на мѣстѣ.

7. Слѣдовало обсужденіе вопроса о лѣтнихъ экскурсіяхъ. **Д. И. Аракчиевъ** заявилъ о своемъ желаніи предпринять экскурсію въ Терскую область для пополненія своихъ музыкальныхъ записей и изученія музык. инструментовъ и просилъ для этого фотографическій аппаратъ. **Н. А. Янчукъ** предложилъ ему обратиться въ Отдѣлъ, располагающій аппаратомъ.

А. Ф. Самойловъ предложилъ сдѣлать докладъ въ Комиссии о берлинскомъ музыкально-археологическомъ музеѣ, который онъ намѣренъ осмотрѣть лѣтомъ. Собраніе высказалось за то, что такой докладъ будетъ весьма интересенъ для Комиссии.

8. Остальная часть засѣданія была занята обсужденіемъ проекта изданія „Трудовъ“ Комиссии. Прежде всего предсѣдатель выяснилъ наличныя средства Комиссии. Въ засѣданіи Совѣта **О. Л. Е., А. и Э.**, по ходатайству **Н. А. Янчука**, было рѣшено къ 200 рублямъ, полученнымъ въ прошломъ году, прибавить изъ казенной субсидіи Общества на 1903 г. еще 100 рублей, которые должны быть израсходованы на изданія Комиссии. Т. о. въ распоряженіи Комиссии имѣется 300 рублей, на каковую сумму можно попробовать издать хоть небольшую часть музыкально-этнографическаго матеріала. Послѣ обсужденія выяснилась въ общихъ чертахъ программа изданія. Первый выпускъ „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссии“ не долженъ представлять собою чего-либо цѣльнаго и однороднаго. Въ составъ „Трудовъ“ должны входить слѣдующіе отдѣлы:

I. Статьи научнаго характера по вопросамъ музыкальной этнографіи. Сюда могутъ войти прежде всего доклады, читанные на засѣданіяхъ Комиссии.

II. Записи народныхъ мелодій съ текстами.

III. Библиографія новостей музыкально-этнограф. литературы въ Россіи и внѣ ея, а также библиографическіе указатели старой литературы.

IV. Инструкція, или уставъ Комиссии.

V. Извлеченія изъ протоколовъ и приложения къ нимъ.

VI. Программа для собиранія музыкально-этнографическихкихъ свѣдѣній (въ приложеніи къ I тому).

Затѣмъ предсѣдатель выяснилъ наличный матеріалъ, состоящій изъ записей, вновь собранныхъ и переданныхъ изъ архива Отдѣла. Количество этихъ записей доходитъ до 600 №№. Сюда относятся:

а) Бѣломорскія записи гг. Маслова, Маркова и Богословскаго (ок. 150 №№); б) пермскія пѣсни, записанныя г. Тезавровскимъ (50 №№); в) поволжскія записи г. Маслова (35 №№); вологодскія записи г. Попова (нѣсколько десятковъ); г) малорусскія и бѣлорусскія записи гг. Янчука и Марковича (ок. 100 №№); д) кавказскія записи г. Аракчиева (до 200 №№). Кромѣ того, предстоятъ поступленія въ Комиссію: е) отъ г. Танѣева—мелодіи кавказскихъ горцевъ; ж) отъ г. Тезавровскаго—пѣсни изъ Орловской губ. отъ **Б. В. Миллера**—персидскія пѣсни, и др.

Относительно состава отдѣльныхъ томовъ изданія было высказано, что матеріалъ дол-

женъ быть, по возможности, разнообразенъ. Комиссія въ первомъ же выпускѣ „Трудовъ“ должна показать широту своихъ задачъ; поэтому онъ не долженъ быть посвященъ какой-нибудь одной національности. Далѣе были высказаны соображенія относительно болѣе дешеваго печатанія нотъ. Ноты допускается печатать отдѣльно отъ текстовъ. Шрифтъ долженъ быть, по возможности, убористый, можно допустить и петить. Относительно инородческихъ текстовъ постановлено печатать ихъ мѣстнымъ алфавитомъ, если только это не будетъ вліять на вздорожаніе изданія; въ другихъ же случаяхъ—пользоваться академической транскрипціей.

Выборъ редактора изданій Комиссіи, по Инструкціи, предоставляется предсѣдателю Отдѣла. Въ виду этого постановлено запросить Отдѣлъ по этому вопросу.

Между прочимъ былъ возбужденъ вопросъ о систематизаціи матеріаловъ для печати. Относительно бѣломорскихъ записей рѣшено было раздѣлить ихъ на нѣсколько выпусковъ на основаніи мѣста записи. Т. о. въ первый выпускъ могутъ войти матеріалы изъ опредѣленнаго географическаго района, напр., села Зимней Золотицы. И. С. Тезавровскій высказалъ желаніе не печатать пока всѣ свои записи изъ Пермской губерніи, въ виду того, что онъ собирается предпринять туда новую поѣздку для пополненія своихъ матеріаловъ. Для перваго выпуска онъ предложилъ пока 14 №№ изъ своихъ записей. Опредѣлено предпосылать текстамъ и мелодіямъ руководящія статьи относительно способа записей, ихъ источниковъ и т. п.

Послѣ подробнаго обсужденія, составъ I выпуска „Трудовъ“ опредѣлился приблизительно въ такомъ видѣ:

а) Записи А. Л. Маслова и А. В. Маркова, сдѣланныя на Бѣломъ морѣ, въ с. Зимней Золотицѣ. б) Матеріалы И. С. Тезавровскаго. в) Кавказскія записи Д. И. Аракчіева, ихъ текстъ, переводъ на русскій языкъ, напѣвы и отчетъ о поѣздкахъ. г) Малорусскія и бѣлорусскія пѣсни. Высказано также пожеланіе внести въ I т. кое-что изъ матеріаловъ Ю. Н. Мельгунова.

Въ заключеніе Н. А. Янчукъ предложилъ въ слѣдующемъ засѣданіи обсудить избраніе въ члены Комиссіи гг. Попова (Вологда) и Пятницкаго.

XXII.

1 сентября 1903 г. происходило 22-е засѣданіе Комиссіи въ залѣ Синодальнаго училища, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи г.г. членовъ: А. Д. Кастиальскаго, Е. Э. Линева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова и нѣсколькихъ гостей, и было посвящено обсужденію программы занятій на 1903—4 акад. годъ и другимъ текущимъ дѣламъ.

1. Е. Э. Линева сообщила собранію о томъ, что въ виду выраженнаго въ предыдущемъ засѣданіи пожеланія освѣдомить о дѣятельности Комиссіи Вел. Кн. Георгія Михайловича, пожаловавшаго свои личныя средства на изданіе „Великорусскихъ пѣсенъ“ подъ ред. А. И. Соболевскаго, ею сдѣлана попытка частнымъ образомъ (черезъ г. Клопова) узнать мнѣніе Вел. Князя относительно поддержки изданій Комиссіи. По полученнымъ свѣдѣніямъ Его Высочество готовъ содѣйствовать Комиссіи, когда будетъ болѣе освѣдомленъ о ея дѣятельности. Постановлено: поручить Е. Э. Линева продолжать начатыя сношенія и по выясненіи дѣла, если это понадобится, войти съ официальнымъ ходатайствомъ отъ Комиссіи къ Вел. Кн. Георгію Михайловичу. Предсѣдатель добавилъ къ этому, что онъ по тому же вопросу вошелъ въ сношеніе съ акад. А. И. Соболевскимъ.

2. Доложены поступившія бумаги:

а) Письмо Ник. Серг. Карцова (изъ Петербурга) по поводу празднованія 200-лѣтія

Петербурга. Н. С. Карцовъ, отъ имени петерб. Педагогическаго Общества обратился весною къ предсѣдателю Комиссіи съ просьбой указать народныя пѣсни, касающіяся Петра Великаго или его эпохи, которыя могли бы быть исполнены на юбилейныхъ торжествахъ по поводу 200-лѣтія основанія Петербурга. Отвѣтъ на эти запросы былъ своевременно данъ предсѣдателемъ. Изъ присланныхъ печатныхъ программъ праздника видно, что двѣ изъ указанныхъ пѣсенъ (1, на рожденіе Петра Вел.—изъ Кирши Данилова, и 2, „Что пониже было города Саратова“—изъ Прача) были исполнены въ обработкѣ нашего сочленѣ Н. С. Кленовскаго хоромъ и оркестромъ въ залѣ Педагогич. Музея военно-учебн. заведеній 13 мая 1903 г.

б) Письмо П. И. Юргенсона съ просьбой доставить XXIII кн. „Этногр. Обзорѣнія“ съ текстами былинъ, пѣтыхъ Рябининимъ въ Москвѣ въ 1894 году, для отсылки ихъ въ Лондонъ, гдѣ онѣ имѣютъ быть исполнены въ концертѣ въ подлинномъ видѣ и въ фортепьянной обработкѣ А. С. Аренскаго. Требуемая книга была своевременно послана г. Юргенсону, и взаменъ ея полученъ для бібліотеки Комиссіи 1 экз. его изданія „Этногр. Концерта“ Кленовскаго.

в) Письмо А. И. Попова (изъ Вологды), въ которомъ онъ сообщаетъ о дальнѣйшихъ своихъ записяхъ русск. пѣсенъ и объ изготовляемомъ имъ дополненіи къ прежде присланнымъ записямъ и подымаетъ вопросъ объ открытіи предварительной подписки на изданіе трудовъ Ю. Н. Мельгунова. Постановлено: просить о присылкѣ дальнѣйшихъ матеріаловъ и по просмотрѣ ихъ имѣть въ виду для напечатанія въ „Трудахъ“ Комиссіи, вопросъ же о подпискѣ оставленъ открытымъ.

3. Приступлено къ обсужденію программы дальнѣйшихъ занятій Комиссіи. Предсѣдатель напомнилъ, что прежде всего на обязанности Комиссіи лежитъ осуществленіе задуманныхъ и отчасти уже подготовленныхъ изданій:

1) Изданіе сборника русск. народныхъ пѣсенъ для школъ, который уже составленъ и требуетъ только окончательнаго просмотра и присканія издателя, что лежитъ на обязанности особой подкомиссіи.

2) Изданіе тома „Трудовъ“ Комиссіи согласно выработанному въ послѣднемъ весеннемъ засѣданіи плану. Относительно послѣдняго изданія предсѣдатель заявилъ, что ему пока передана готовая къ печати работа Д. И. Аракчіева о грузинской музыкѣ съ нотными приложеніями, великорусскій же матеріалъ уже почти готовъ, именно изъ Бѣломорской экспедиціи; ожидается также матеріалъ И. С. Тезавровскаго. По части малорусскихъ пѣсенъ собраніе обратилось съ просьбой къ Е. Э. Линевой дать для 1-го тома „Трудовъ“ хоть часть своихъ фонографическихъ записей изъ послѣдней поѣздки лѣтомъ этого года въ Полтавскую губ. Г-жа Линева выразила свое согласіе на это.

Далѣе обсуждался вопросъ о постановкѣ бібліографіи въ изданіяхъ Комиссіи. Постановлено: составить списокъ изданій по музык.-этногр. литературѣ по крайней мѣрѣ за время существованія Комиссіи, т. е. за послѣдніе два года, въ чемъ обѣщали свое содѣйствіе г.г. члены А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ, Е. Э. Линева и присутствовавшій въ собраніи музыкантъ П. А. Карасевъ. Кромѣ того, Е. Э. Линева предложила составить и опубликовать отъ имени Комиссіи примѣрный списокъ сочиненій, съ которыми необходимо познакомиться всякому, кто желаетъ заниматься изученіемъ народной пѣсни и нар. музыки, что особенно важно и полезно для работающихъ въ этой области въ провинціальной глуши. По поводу этого предложенія была высказана мысль, что таковой списокъ болѣе всего былъ бы умѣстенъ при программѣ для собранія народныхъ пѣсенъ.

Предсѣдатель напомнилъ, что означенную программу уже было предположено перепечатать въ готовящемся томѣ „Трудовъ“, и тогда къ ней можно будетъ присоеди-

нить и списокъ, о которомъ идетъ рѣчь. Принимая это предложеніе члены А. Л. Масловъ, В. В. Пасхаловъ и другіе высказали пожеланіе, чтобы программа передъ ея перепечатаніемъ была пересмотрѣна, исправлена и дополнена. Постановлено раздать всѣмъ членамъ Комиссіи по экземпляру изданной раньше программы съ просьбой пересмотрѣть ее и сдѣлать необходимыя измѣненія, которыя бы потомъ могли быть обсуждены по пунктамъ, и въ этой новой редакціи напечатать программу въ I томѣ „Трудовъ“ съ прибавленіемъ вышеназваннаго списка капитальныхъ сочиненій.

3) Помимо изданій, дѣятельность Комиссіи должна и въ этомъ году выражаться въ устройствѣ засѣданій съ научными докладами. Сюда войдутъ прежде всего отчеты о лѣтнихъ поѣздкахъ г.г. членовъ, а также сообщенія другихъ лицъ. Такимъ образомъ намѣчаются для публичныхъ засѣданій сообщенія А. В. Маркова (о поѣздкахъ его на сѣверъ), Е. Э. Линева (о поѣздкѣ въ Малороссію), А. С. Хаханова (о поѣздкѣ въ Сванетію)—всѣ три съ демонстраціями фонограммъ; кромѣ того ожидается общае сообщеніе пр.-д. А. Ф. Самойлова (о музыкальныхъ инструментахъ Берлинскаго музея), А. Л. Маслова (о каликахъ переходящихъ и ихъ духовныхъ стихахъ) и уже доставленъ небольшой докладъ Д. И. Аракчіева—о грузинскихъ сборникахъ нар. пѣсенъ.

4) Наконецъ, предсѣдателемъ поставленъ на обсужденіе вопросъ: желательно ли въ этомъ году продолжать устройство отъ имени Комиссіи публичныхъ платныхъ концертовъ, и если желательно, то продолжать ли ихъ въ томъ же духѣ, какъ прежде, или видоизмѣнить ихъ программу. Присутствующіе единогласно выразились за измѣненіе программы концертовъ, и послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній, пришли къ заключенію о желательности соединить музыкальное исполненіе съ научно-объяснительнымъ чтеніемъ. Е. Э. Линева съ своей стороны предложила планъ нѣсколькихъ „концертныхъ лекцій“, т. е. такихъ собраній, въ которыхъ первая половина посвящалась бы лекціи о музыкѣ и пѣснѣ извѣстнаго народа, а во второмъ отдѣленіи исполнялись бы образцы музыкальные въ примѣненіи къ лекціи. Это сообщило бы этнографическимъ концертамъ больше научнаго интереса и системы и сдѣлало бы эти концерты болѣе доступными пониманію неподготовленной публики. При этомъ было высказано желаніе, чтобы и лекторы и исполнители были приглашаемы съ извѣстными именами. Е. Э. Линева намѣтила шесть такихъ концертовъ, посвященныхъ разработкѣ слѣдующихъ темъ: 1) великорусская народная пѣсня, 2) малорусская пѣсня, 3) инородческія пѣсни (съ подраздѣленіемъ въ случаѣ возможности на два или болѣе раза по группамъ), 4) славянскія пѣсни или пѣсни другихъ западно-европ. народовъ (по сравненію съ русскими), 5) церковное пѣніе и его отношеніе къ народной музыкѣ, и 6) отраженіе народной пѣсни и музыки въ музыкальныхъ сочиненіяхъ композиторовъ. Обсужденіе этого вопроса вызвало оживленную бесѣду, но въ виду его важности, а также въ виду малаго числа присутствовавшихъ въ засѣданіи, постановлено: посвятить этому вопросу отдѣльное засѣданіе, каковое и назначено на 8-е октября, съ тѣмъ чтобы въ этомъ-же засѣданіи подвергнуть обсужденію и предложеніе г-жи Линева, сдѣланное ею еще въ засѣданіи памяти Мельгунова, объ учрежденіи „Мельгуновскаго союза“ артистовъ и другихъ лицъ, интересующихся изученіемъ, а главнымъ образомъ художественнымъ исполненіемъ народно-музыкальныхъ произведеній.

5) Предсѣдатель доложилъ объ отказѣ А. Л. Маслова продолжать исполненіе секретарскихъ обязанностей. Поблагодаривъ А. Л. Маслова отъ имени Комиссіи за положенные имъ труды на пользу Комиссіи въ самомъ началѣ ея существованія, предсѣдатель обратился съ просьбой къ Е. Э. Линева взять на себя секретарскія обязанности, на что г-жа Линева выразила согласіе.

6) Въ заключеніе были признаны членами Комиссіи предложенные еще въ весен-

немъ засѣданіи г.г. М. Е. Пятницкій и А. Н. Поповъ (Вологда), а также присутствовавшій въ засѣданіи П. А. Карасевъ, выразившій свою готовность работать для Комиссіи.

XXIII.

8-го октября 1903 г. происходило 23-е засѣданіе Комиссіи въ залѣ Синодальнаго Училища, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въприсутствіи членовъ: А. Д. Кастальскаго, В. С. Калининкова, С. И. Танѣва, А. Т. Гречанинова, В. С. Орлова, Ю. Д. Энгель, Е. Э. Линевой, И. С. Тезавровскаго, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, Д. И. Аракчіева, Я. А. Лосева, А. Е. Грузинскаго, и М. Е. Пятницкаго.

1. Обсуждался планъ имѣющихся въ виду на 1903—4 г. этнограф. концертовъ. Послѣ оживленныхъ преній, во время которыхъ одни изъ членовъ предлагали держаться прежней программы, и стояли за исключительно музыкальную программу, а другіе склонялись на устройство по вновь предложенному Е. Э. Линевой плану концертовъ-лекцій, рѣшено было, въ видѣ опыта, устроить великорусскій и малорусскій концерты-лекціи. Постановлено: въ виду высказаннаго частнымъ образомъ сочувствія со стороны г-жи Олениной д'Альгеймъ къ цѣлямъ нашей Комиссіи, просить ее объ участіи въ великорусскомъ концертѣ-лекціи, а также черезъ А. Н. Корещенко просить объ участіи въ томъ же концертѣ Ѳ. И. Шаляпина. Хоръ рѣшено пригласить одинъ изъ организованныхъ (Хорового Общества или другой) или, если это удастся, вновь организовать свой.

Для участія въ малороссійскомъ концертѣ-лекціи было постановлено пригласить изъ Кіева Ник. Вит. Лисенка и поручено частнымъ образомъ съ нимъ списаться, чтобы узнать его мнѣніе, также просить Афан. Георг. Сластенова (Полтава), извѣстнаго изслѣдователя малороссійскихъ думъ и духовныхъ стиховъ, прочесть въ Москвѣ отъ имени Комиссіи лекцію. Кромѣ того, рѣшено организовать хоръ изъ любителей-малороссовъ подъ руководствомъ В. К. Шевченка, или Б. Подгорецаго.

2. В. К. Шевченко, ученикъ Филармон. Училища, приглашенный въ засѣданіе предсѣдателемъ, спѣлъ нѣсколько казачьихъ пѣсенъ и съигралъ на бандурѣ интересную музыкальную картинку—импровизацію. Постановлено: имѣть въ виду г. Шевченка для участія въ публичномъ исполненіи малорусскихъ пѣсенъ въ засѣданіяхъ и въ концертахъ, на что онъ выразилъ свое согласіе.

XXIV.

24 ноября 1903 г. происходило 24-е засѣданіе въ залѣ Синодальнаго Училища подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Комиссіи А. Т. Гречанинова, въ присутствіи г.г. членовъ: А. Д. Кастальскаго, А. Л. Маслова, В. П. Войденова, Д. И. Аракчіева, А. В. Маркова и А. Д. Григорьева.

1. Продолжалось обсужденіе плана предполагавшихся этнографическо-музыкальныхъ лекцій. Былъ поставленъ вопросъ объ устройствѣ хора, необходимаго для исполненія народныхъ пѣсенъ, и о томъ, кто будетъ руководителемъ его. Въ Политехническомъ Музеѣ, въ часы приѣма желающихъ принять участіе въ хорѣ, записалось 30 чело-вѣкъ. На просьбу, обращенную къ В. П. Войдену принять на себя роль дирижера, онъ отклонилъ это предложеніе за недосугомъ, но обѣщалъ написать А. А. Архангельскому и просить его пріѣхать въ Москву для нашего концерта-лекціи. А. Т. Гречаниновъ выразилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, сказавъ, что, во всякомъ случаѣ, лучше

не пренебрегать собравшимися уже участниками хора, и предложил, чтобы пока Е. Э. Линева продолжала съ ними подготовительныя занятія, особенно съ женскимъ хоромъ, на что Е. Э. Линева согласилась. Было также рѣшено пригласить артистку Н. В. Салину къ участию въ муз.-этногр. лекціяхъ въ виду того, что она не разъ высказывала сочувствіе къ цѣлямъ Комиссіи.

2. А. Л. Масловъ прочиталъ въ извлеченіи свой докладъ о духовныхъ стихахъ и калікахъ переходящихъ. (Напечатанъ въ „Русской Музык. Газетѣ“).

3. Было доложено письмо А. Н. Корещенко объ отказѣ Ѳ. И. Шаляпина принять участіе въ первой лекціи-концертѣ, на томъ основаніи, что онъ уѣзжаетъ въ Италію, но въ будущемъ онъ обѣщаетъ принять участіе и выражаетъ полное сочувствіе цѣлямъ Комиссіи.

4. Были прослушаны въ фонографъ записи различныхъ кавказскихъ пѣсень (всего 70 валиковъ), присланные сыномъ попечителя кавказскаго учебнаго округа А. М. Завадскимъ.

5. Членами Комиссіи единогласно постановлено выразить благодарность Г. А. Трейтеръ за ея труды по Комиссіи и соболѣзнованіе о ея болѣзни.

XXV.

26 января 1904 г. въ Политехническомъ Музеѣ происходило соединенное публичное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла и Муз.-Этногр. Комиссіи подъ предсѣдательствомъ В. Ѳ. Миллера въ присутствіи предсѣдателя Комиссіи Н. А. Янчука, товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова, секретаря Отдѣла В. В. Богданова, членовъ Комиссіи: Д. И. Аракчіева, Е. В. Богословскаго, В. П. Войденова, П. А. Карасева, Я. А. Лосева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, П. А. Котова, В. В. Пасхалова, И. С. Тезавровскаго, нѣкоторыхъ членовъ Отдѣла и стороннихъ посѣтителей.

Въ этомъ засѣданіи вопросамъ музыкальной этнографіи былъ посвященъ докладъ Е. Э. Линевой—о задачахъ музыкальной этнографіи, въ которомъ г-жа Линева, подѣлившись впечатлѣніями изъ своихъ послѣднихъ муз.-этногр. экскурсій, остановилась подробнѣе на практической сторонѣ вопроса собиранія пѣсень и на задачѣ теоретическаго ихъ изслѣдованія. Подробное изложеніе доклада не передается здѣсь, такъ какъ онъ легъ въ основаніе предисловія къ 1-му выпуску сборника русскихъ пѣсень г-жи Линевой, изд. Имп. Академіи Наукъ.

XXVI.

21 февраля 1904 г. происходило соединенное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи въ Политехническомъ музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова, секретаря Этнограф. Отдѣла В. В. Богданова, секретаря Комиссіи Е. Э. Линевой, г.г. членовъ Отдѣла и Комиссіи: Д. И. Аракчіева, Е. Э. Богословскаго, В. П. Войденова, Кузьминскаго, И. С. Тезавровскаго, М. Е. Пятницкаго, В. В. Пасхалова, П. А. Карасева, П. А. Котова, А. Д. Григорьева и А. В. Маркова.

1. Предсѣдателемъ сообщена слѣдующая программа предстоящей лекціи акад. Ѳ. Е. Корша, на тему: „Русская народная пѣсня и ея значеніе для науки“, имѣющей быть прочитанной отъ имени Комиссіи для усиленія ея фонда:

1) Краткій обзоръ исторіи собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ. 2) Древнѣйшія записи текстовъ и напѣвовъ. 3) Отличіе старинной пѣсни отъ новѣйшей. 4) Дѣленіе народныхъ пѣсенъ по родамъ и ихъ отличительная характеристика. 5) Метрическій и ритмическій строй народныхъ пѣсенъ. 6) Отношеніе текста пѣсенъ къ ихъ напѣву. 7) Вопросъ о вліяніи церковной музыки на народную. 8) Вліяніе сосѣднихъ народностей на русскую пѣсню. 9) Ближайшія задачи музыкальной этнографіи.

Лекція будетъ сопровождаться музыкальными иллюстраціями соло и хора. Имѣется въ виду исполнить: 2 былины по Римскому-Корсакову (испол. Я. А. Лосевъ), духовный стихъ Кубанской области, запись Д. И. Аракчіева (исп. Н. Н. Свинарская, Я. А. Лосевъ и Н. Г. Филианскій—съ лирой), духовный стихъ Воронежской губерніи, запись Е. Э. Линевои (исп. женскій хоръ), свадебныя пѣсни: „Кукушечка кукуетъ“, Воронежской губерніи, и „Какъ при вечерѣ-то, вечерѣ“, Новгородской губерніи, запись ея же, семейная пѣсня, протяжная „Лучинушка“, Новгородской губ., игровая „Зайка“, Тамбовской губерніи, запись ея же (женскій хоръ), плясовая „Ковалёкъ“, запись Н. А. Янчука съ голоса А. С. Коршъ, протяжная „Зеленая роща“, Мельгунова—Бларамберга, „Утушка“ Мельгунова (всѣ три—смѣшанный хоръ). Кромѣ того, М. Е. Пятницкій предложилъ самъ исполнить нѣкоторые номера изъ своихъ записей Воронежской губ., съ ф.-п. сопровожденіемъ В. В. Пасхалова. Программа лекціи одобрена.

2. Выбраны членами Музык.-Этн. Комиссіи: извѣстный кievскій музыкантъ - этнографъ и композиторъ Н. В. Лысенко (по случаю 35-лѣтняго юбилея), артисты Имп. оперы Н. В. Салина и Ѳ. И. Шаляпинъ, Маврикій Мечиславовичъ Клечковскій (по реком. А. Т. Гречанинова), Нина Александровна Сапарова и Надежда Николаевна Свинарская, принимающія участіе въ качествѣ пѣвицъ въ засѣданіяхъ Комиссіи.

3. Н. А. Янчукъ сообщилъ, что ко дню 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лысенка имъ послана въ Кіевъ отъ Муз.-Этногр. Комиссіи поздравительная телеграмма.

4. Относительно печатанія „Трудовъ“ Комиссіи, Н. А. Янчукъ сообщилъ слѣдующее: на просьбу его, обращенную къ Этногр. Отдѣлу Общества Л. Е., А. и Э. назначить согласно Инструкціи Комиссіи редактора изданія, Этн. Отдѣлъ назначилъ редакторомъ предсѣдателя Комиссіи. Н. А. Янчукъ предложилъ выбрать, кромѣ товарища предсѣдателя и секретаря, которыхъ онъ просилъ принять участіе въ редакціонной работѣ, еще одного члена для совмѣстной редакціи. Выбранъ большинствомъ голосовъ Ю. Д. Энгель, который выразилъ свое согласіе принять участіе въ редакціонной работѣ, насколько ему позволятъ его обязательныя занятія.

5. Постановлено еще разъ разсмотрѣть розданную членамъ программу для собиранія народныхъ пѣсенъ и просить членовъ Комиссіи представить на слѣдующее засѣданіе Комиссіи свои соображенія и замѣчанія по поводу ея.

6. Прочитаны 2 письма: 1-е отъ псаломщика Ѳедора Николасвича Хруцкаго, (г. Городокъ, Витебской губ. село Барсучина), приславшаго 2 записанныя имъ пѣсни. Рѣшено просить его продолжать записи. 2-е отъ С. Калашникова (изъ Астрахани), съ приложеніемъ двухъ калмыцкихъ пѣсенъ (напѣвъ, текстъ и переводъ). Постановлено благодарить.

7. Д. И. Аракчіевъ прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской народной пѣсни (гурійской вѣтви)“.

Давъ предварительныя свѣдѣнія относительно Гуріи, докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію одногласныхъ двухъ-и трехгласныхъ пѣсенъ. Пѣсни эти хотя и отличаются по своему характеру отъ пѣсенъ грузинъ Тифл. губ., но техническая сторона у нихъ оказалась одна и та-же. Разницу въ пѣсняхъ тѣхъ и другихъ грузинъ докладчикъ объясняетъ климатическими и бытовыми условіями данной мѣстности. Кромѣ пѣсенъ были

характеризованы также и музыкальные инструменты. Чтение сопровождалось демонстрацией тѣневыхъ картинъ и иллюстраціей народныхъ пѣсенъ при помощи фонографа, а также пѣніемъ солистки г-жи Н. А. Сапаровой и хора студентовъ подъ управленіемъ докладчика.

XXVII.

6 марта 1904 г. происходило 27-е закрытое засѣданіе Муз.-Этногр. Комиссіи въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука въ присутствіи гг. членовъ Д. И. Аракчіева, П. А. Котова, Ю. Д. Энгеля, А. Л. Маслова и В. В. Пасхалова, при секретарѣ Е. Э. Линевой.

1. Предсѣдателемъ былъ доложенъ подробный отчетъ по устройству публичной лекціи О. Ф. Корша о великорусской пѣснѣ 25 февраля въ аудиторіи Политехническаго Музея. По прочтеніи и утвержденіи отчета было постановлено выручку отъ лекціи въ суммѣ 240 руб. присоединить къ имѣющемуся въ запасѣ капиталу 300 руб., предназначенному на изданія Комиссіи. Въ дополненіе къ этому предсѣдателемъ заявлено о томъ, что черезъ него поступило съ тѣмъ же назначеніемъ еще 100 руб. отъ члена Общества В. А. Мичинера. Такимъ образомъ на всю сумму въ 600 съ лишнимъ рублей представляется возможнымъ издать часть матеріаловъ, и весной можно приступить къ печатанію.

2. Предсѣдателемъ поставленъ на очередь вопросъ объ устройствѣ публичной лекціи о малорусской и бѣлорусской музыкѣ. Въ виду того успѣха, какой имѣла лекція ак. Корша и сопровождающее ее музыкальное исполненіе, высказано общее пожеланіе объ устройствѣ подобной же лекціи, посвященной малорусской и бѣлорусской пѣснѣ. Однѣю по всестороннему обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ признано болѣе цѣлесообразнымъ отложить осуществленіе этой мысли до осени, причѣмъ Ю. Д. Энгель выразилъ готовность прочесть осенью лекцію о малорусской музыкѣ отъ имени Комиссіи.

3. Предложена на обсужденіе программа для собиранія музыкально-этногр. свѣдѣній въ видахъ ея пересмотра исправленія и измѣненія для напечатанія ея въ „Трудахъ“ Комиссіи. Обсуждена и проредактирована въ этомъ засѣданіи общая вступительная часть.

4. Поставленный на очереди вопросъ объ избраніи предсѣдателя Комиссіи, за истеченіемъ двухлѣтняго срока 2 марта, отложенъ до слѣдующаго засѣданія въ виду малаго количества членовъ, явившихся въ засѣданіе.

XXVIII.

13 марта 1904 г. въ зданіи Политехнич. Музея происходило 28-е закрытое засѣданіе Муз.-Этнографической Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова, А. Л. Маслова, П. А. Котова, А. В. Маркова, М. М. Ключевского и В. В. Пасхалова.

1. В. В. Пасхаловъ сдѣлалъ сообщеніе о замѣчаніяхъ кн. Одоевскаго на сборникъ русскихъ пѣсенъ Ив. Прача, на основаніи того матеріала, который докладчику удалось извлечь изъ собственноручныхъ замѣтокъ Одоевскаго въ его экземплярѣ пѣсенъ Прача, принадлежащемъ теперь Румянцовскому Музею. Постановлено докладъ В. В. Пасхалова напечатать въ „Трудахъ“ Комиссіи.

2. А. Л. Масловъ доложилъ о новомъ аппаратѣ „фото-фонографъ“, представля-

ющемъ попытку усовершенствованія фонографа. Преимущество новаго аппарата, какъ онъ описанъ въ „Русской Муз. Газетѣ“, заключается въ устраненіи механическаго сопротивленія, препятствовавшаго до сихъ поръ чистотѣ звука. Кромѣ этого, запись звуковъ новымъ аппаратомъ производится графическимъ путемъ. Сущность устройства фотофонографа состоитъ въ слѣдующемъ. Въ стѣнкѣ аппарата вставлена чечевичная пластинка, отбрасывающая свѣтлую горизонтальную полосу на свѣточувствительную вращающуюся пленку. Лампа, помѣщенная впереди аппарата, черезъ чечевичку передаетъ колебанія силы свѣта, происшедшія отъ звуковыхъ волнъ. На проявленной пленкѣ получаются полосы различной свѣтлоты. Эти полосы отстоятъ одна отъ другой на разстояніяхъ, соответствующихъ числу колебаній различныхъ звуковъ. Такимъ образомъ изображенія звуковъ на свѣточувствительной пленкѣ являются точнѣйшими нотами любой мелодіи, переданной черезъ аппаратъ. Усовершенствованіе аппарата въ сторону удобопримѣняемости явится, безъ сомнѣнія, цѣннымъ пособіемъ для музыканта-этнографа.

3. Сообщивъ объ этой новинкѣ по краткому печатному извѣстію, А. Л. Масловъ перешелъ къ своему докладу: „О задачахъ музыкальной этнографіи“. Остановившись сначала на выясненіи значенія и задачъ этнографіи вообще въ ряду другихъ наукъ, авторъ указалъ, что въ задачи этой науки должно входить и изученіе первобытнаго искусства, а въ томъ числѣ и музыки. Это необходимо какъ съ общеобразовательной, такъ и съ чисто-научной точки зрѣнія. „Непосредственной задачей музыкальной этнографіи было бы, по мнѣнію референта, шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе музыкальнаго искусства согласно извѣстнымъ законамъ природы“. Недостаточность матеріала для обоснованія законовъ ставить, однако, этнографамъ ближайшую задачу—собираніе матеріала для провѣрки тѣхъ теоретическихъ взглядовъ на этотъ предметъ, какіе высказаны Спенсеромъ, Дарвиномъ, Бюхеромъ, Гейгеромъ и др. Помимо кардинальнаго вопроса о происхожденіи музыки, не менѣе важно прослѣдить и дальнѣйшее ея развитіе вообще и отдѣльныхъ музыкальныхъ формъ въ частности—до современнаго ихъ типа. Народная пѣсня даетъ для этого богатый матеріалъ. Нужно только приниматься за ея изученіе безъ предвзятыхъ теорій; то-же самое и при собираніи пѣсенъ: этнографъ-музыкантъ, выбирающій по субъективнымъ взглядамъ то, что ему кажется лучшимъ и болѣе цѣннымъ, можетъ оказаться не на высотѣ своей научной задачи, тѣмъ болѣе, что и въ самой наукѣ нѣтъ еще твердо обоснованныхъ законовъ. Поэтому надо собирать все, особенно то, что характеризуетъ собою извѣстную семью народностей въ отличіе отъ другихъ. Тогда музыкальная этнографія послужитъ также средствомъ для опредѣленія племенной индивидуальности и для иллюстраціи и провѣрки тѣхъ общихъ положеній, къ которымъ приходитъ исторія человѣческой культуры. Весьма суживаютъ задачу музыкальной этнографіи тѣ, кто думаетъ, что ея матеріалъ долженъ служить только для освѣженія современнаго художественнаго творчества. (Докладъ напечатанъ въ „Русской Муз. Газетѣ“ 1904 г., №№ 40 и 45).

4. Продолжено обсужденіе новой редакціи программы для собиранія музыкальныхъ свѣдѣній. Проредактированы вновь первые 12 пунктовъ, окончаніе же отложено до слѣдующаго засѣданія.

5. Поставленный на очередь въ предыдущемъ засѣданіи и оставленный открытымъ вопросъ объ избраніи предсѣдателя Комиссіи на слѣдующее двухлѣтіе, подвергся обсужденію въ этомъ засѣданіи, и, не смотря на малое число членовъ, явившееся и въ это засѣданіе, постановлено было, по предложенію товарища предсѣдателя, не откладывать далѣе этотъ вопросъ и приступить къ избранію кандидата въ предсѣдатели согласно инструкціи. По произведенной закрытой баллотировкѣ былъ избранъ кандидатомъ прежній предсѣдатель Н. А. Янчукъ, о чемъ рѣшено довести до свѣдѣнія Этнографическаго Отдѣла для утвержденія произведенныхъ выборовъ.

XXIX.

23 апрѣля 1904 г. состоялось 29-е засѣданіе въ присутствіи предсѣдателя Комиссіи Н. А. Янчука, товар. пред. А. Т. Гречанинова, секретаря Е. Э. Ливевой, членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Д. Григорьева, М. М. Клечковскаго, П. А. Карасева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, А. М. Листопадова, Ю. С. Сахновскаго и В. А. Харламова.

1. Обсуждался составъ 1-го тома Трудовъ Комиссіи: а) А. Л. Масловъ представилъ списокъ книгъ и статей по музыкальной этнографіи для библиографическаго отдѣла этого тома. б) Н. А. Янчукъ предложилъ, чтобы члены Комиссіи взяли на себя разсмотрѣніе выходящихъ новыхъ изданій по народнымъ пѣснямъ, а также и по церковной музыкѣ. При этомъ Н. А. Янчукъ особенно просилъ кого-нибудь изъ членовъ составить для 1-го выпуска Трудовъ Комиссіи возможно болѣе обстоятельную рецензію изданій С.-Петербургской Пѣсенной Комиссіи. А. Л. Масловъ взялся за составленіе отзыва о 1 и 2 т.т. изданій Комиссіи. Рѣшено просить А. Д. Касталскаго взять на себя рецензію изданій по церковной музыкѣ. в) Рѣшено напечатать въ 1-мъ же томѣ „Трудовъ“ докладъ Н. А. Янчука объ Одоевскомъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Комиссіи, 7 апрѣля.

2. Доложены поступившіе матеріалы: а) Редакція „Русскихъ Вѣдомостей“ прислала въ даръ Муз.-Этн. Комиссіи сборникъ: „Chants populaires arméniens“, par G. Boyadjian, который взялъ на себя трудъ просмотрѣть Д. И. Аракчіевъ и дать о немъ отзывъ. б) С. И. Танѣевъ передалъ въ распоряженіе Комиссіи 27 пѣсенокъ малороссійскихъ пѣсень, записанныхъ имъ отъ покойнаго А. А. Гатцука. Постановлено выбрать изъ нихъ лучшіе для изданія, приславъ къ нимъ весь текстъ. в) Поступили черезъ члена Отдѣла Б. Рудина 5 пѣсенокъ, записанныхъ съ голоса крестьянки Рязанской губерніи, Гарцевой, г. Ярошинскимъ. Постановлено пополнить записи фонографомъ, пользуясь пребываніемъ пѣвицы въ Москвѣ.

3. По вопросу объ изданіи „Школьнаго Сборника“, А. Т. Гречаниновъ сообщилъ, что Юргенсонъ предлагаетъ издать „Школьный Сборникъ“ Муз.-Этн. Комиссіи гравировкою стоимостью 600 экземпляровъ въ 50 стр. за 300 руб., съ разсрочкой. Цѣна признана высокой, и рѣшено просить смѣту у Гроссе и поручить это дѣло Н. А. Янчуку.

4. Былъ выслушанъ докладъ А. М. Листопадова о его поѣздкѣ въ землю Войска Донскаго, для записыванія народныхъ пѣсенокъ, по порученію Донскаго Статистическаго Комитета. Докладъ представилъ большой интересъ, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. (Въ обработкѣ, съ дополненіями, онъ напечатанъ въ этомъ томѣ).

По окончаніи реферата и вызванной имъ оживленной бесѣды, А. М. Листопадовъ, въ виду того, что Войсковое начальство нашло пѣсни „слишкомъ простыми“ и, вслѣдствіе этого, неудобными будто бы для исполненія войсковыми хорами, просилъ Муз.-Этн. Комиссію высказаться по этому поводу и рѣшить, въ какомъ видѣ слѣдовало бы издать собранный имъ матеріалъ—*неизмѣненнымъ*, какъ онъ поется въ народѣ, или *гармонизованнымъ*, а слѣдовательно *измѣненнымъ*, и въ этомъ смыслѣ сдѣлать заявленіе въ Статист. Комитетъ. Большинство членовъ стояло за напечатаніе матеріала въ чистомъ видѣ, и рѣшено послать отъ Муз.-Этн. Комиссіи, на основаніи выслушаннаго реферата, отдѣльное заявленіе о желательности изданія въ чистомъ видѣ всего въ высшей степени интереснаго матеріала, собраннаго А. М. Листопадовымъ. Д. И. Аракчіевъ предложилъ, кромѣ того, посоветовать Донскому Стат. Комитету сдѣлать выборку изъ матеріала съ педагогическими и практическими цѣлями и издать 2 выпуска—одинъ для школъ, а

другой для употребленія въ войскахъ. Въ виду полноты работы и интересныхъ практическихъ приѣмовъ рѣшено просить разрѣшенія Стат. Комитета напечатать докладъ А. М. Листопадова въ 1-мъ выпускѣ Трудовъ Комиссіи. А. М. заявилъ на это, что онъ имѣетъ право напечатать докладъ и нѣсколько пѣсенъ безъ разрѣшенія Ст. Комитета, такъ какъ предпринялъ первую поѣздку на свои личные средства. Члены Комиссіи просили А. М. прибавить описаніе музыкальныхъ инструментовъ донскихъ и малороссійскихъ (лиры и рылѣ).

Затѣмъ докладчикомъ были демонстрированы на фонографѣ записанныя имъ пѣсни, русскія и калмыцкія.

5. П. А. Карасевъ сообщилъ нѣсколько соображеній по поводу выработки нѣкоторыхъ музыкально-техническихъ приѣмовъ при перенесеніи записей съ фонографа на ноты, при чемъ демонстрировались записи на фонографѣ А. В. Маркова.

XXX.

10 мая 1904 г. состоялось въ Политехническомъ музеѣ 30-е засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи Н. А. Янчука и г.г. членовъ: Д. И. Аракчиева, А. Л. Маслова, В. В. Пасхалова, А. В. Маркова и члена Этнографическаго Отдѣла Б. Рудина.

1. Прослушано и записано фонографомъ 15 номеровъ пѣсенъ Рязанской губерніи, исполненныхъ въ этомъ засѣданіи дѣвицей Гарцевой, крестьянкой Рязанской губерніи.

2. Закончено обсужденіе редакціи программы для собиранія музыкально-этнографическихъ матеріаловъ.

3. В. В. Пасхаловъ изложилъ по рукописи Юрія Арнольда статью послѣдняго о гармонизаціи пѣсни „А мы просо сѣяли, сѣяли“. Рѣшено статью эту цѣликомъ напечатать въ Трудахъ Муз.-Этногр. Комиссіи, упомянувъ о томъ, что нѣкоторыя высказанныя въ ней положенія не выдерживаютъ современной критики.

4. Н. А. Янчукъ доложилъ о томъ, что г-жа В. И. Киндякова пожертвовала въ Комиссію черновую тетрадь Ю. И. Мельгунова, заключающую въ себѣ интересный матеріалъ, касающійся ритмики народныхъ пѣсенъ. Жертвуя эту тетрадь, г-жа Киндякова, близко знавшая покойнаго, просила Комиссію устроить этнографическій концертъ, сборъ съ котораго пошелъ бы на сооруженіе памятника на могилѣ покойнаго Мельгунова. Условіе это Комиссіею принято и поручено предсѣдателю выразить благодарность г-жѣ Киндяковой.

XXXI.

16-го сентября 1904 года состоялось 31-е засѣданіе Комиссіи въ присутствіи предсѣдателя Н. А. Янчука, товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова, секретаря Комиссіи Е. Э. Линевой и членовъ: А. В. Маркова, А. Л. Маслова и А. М. Листопадова.

1. Предсѣдателемъ было сообщено печальное извѣстіе о смерти В. П. Войденова; при этомъ онъ высказалъ глубокое сожалѣніе по поводу этой кончины и указалъ на то, что Комиссія потеряла въ немъ дѣятельнаго отзывчиваго члена. Память В. П. была почтена вставаніемъ. На гробъ его рѣшено возложить вѣнокъ отъ Комиссіи.

2. Н. А. Янчукъ сообщилъ, въ какомъ положеніи находится дѣло Школьнаго Сборника пѣсенъ. Сборникъ поручено печатать типографіи Юргенсона наборомъ, т. к. оказалось, что Гроссе назначилъ цѣну нѣсколько выше при худшемъ выполненіи работы. На I-й томъ Трудовъ Комиссіи въ размѣрѣ 15 листовъ отъ типографіи Меньшова представлена предварительная смѣта на 476 руб. за 600 экземпляровъ, причемъ ноты будутъ стоить также болѣе

400 руб. Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ оттискахъ для авторовъ статей, имѣющихъ войти въ I-й томъ, но онъ остался открытымъ.

3. Н. А. Янчукъ доложилъ, что была послана отъ Комиссiи записка Донскому Статистическому Комитету по поводу работъ А. М. Листопадова, въ которой высказывалось мнѣніе Комиссiи о желательности издать матеріалы, собранные А. М., въ нетронутомъ видѣ, а не въ искусственно - обработанномъ, какъ предполагалъ комитетъ. Записка эта, по заявленію А. М. Листопадова, привела къ желаннымъ результатамъ.

4. Прочитано сообщеніе секретаря Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, полученное председателемъ Комиссiи, о выдачѣ для Муз.-Этногр. Комиссiи Министерствомъ Финансовъ единственной субсидіи въ размѣрѣ 2000 руб. на дѣло изданія „Трудовъ Комиссiи“. Къ сообщенію приложена была копія съ извѣщенія попечителя московскаго учебнаго округа. Извѣщеніе это нѣсколько запоздало, такъ какъ еще въ первыхъ числахъ іюня казначей Муз. - Этногр. Комиссiи получалъ отъ казначей Общества Л. Е., А. и Э. выданные послѣднему изъ Московской Казенной Палаты, по распоряженію Министра Финансовъ, 2000 руб., которые и были положены на текущій счетъ въ Земельный Банкъ, но въ этомъ-же засѣданіи Комиссiи было рѣшено взять половину суммы съ текущаго счета и положить на годъ въ Учетный Банкъ въ виду того, что къ Новому году деньги могутъ потребоваться для расплаты съ типографіей за печатаніе I тома, а второй томъ начнется печататься уже въ слѣдующемъ году. Н. А. Янчукъ вкратцѣ изложилъ исторію полученія субсидіи: два года тому назадъ была представлена во II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ составленная имъ записка о занятіяхъ Комиссiи съ ходатайствомъ о ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 1000 руб. и единовременной въ 3000 руб. на изданія Комиссiи (см. прот. XXI и XXII). II-ое Отдѣленіе, по докладу Ѳ. Е. Корша (прилагается къ протоколу), отвѣтило выраженіемъ своей полной симпатіи дѣлу Комиссiи, но не нашло возможнымъ удовлетворить это ходатайство въ данное время. Почти одновременно съ этимъ Комиссiя довела о своей дѣятельности до свѣдѣнія Президента Академіи Наукъ Е. И. В. В. Кн. Константина Константиновича. Великій Князь вошелъ въ сношеніе по этому дѣлу съ Министромъ Финансовъ, который пожелалъ знать мнѣніе по этому вопросу Императорской Академіи Наукъ. Второе Отдѣленіе Академіи, воспользовавшись имѣвшимися въ его распоряженіи данными, немедленно послало благоприятный отзывъ, который подвинулъ дѣло впередъ. Министръ Финансовъ отнесся также къ этому дѣлу съ большимъ сочувствіемъ, и субсидія была выдана въ размѣрѣ 2000 руб. единовременно на печатаніе „Трудовъ“ Комиссiи.

5. Д. И. Аракчіевъ представилъ отзывъ о сборникѣ армянскихъ пѣсенъ Bayadjian'a, присланномъ въ даръ отъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“.

6. А. Л. Масловъ представилъ описаніе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго Музея. Статью рѣшено напечатать съ рисунками въ Трудахъ Комиссiи.

7. П. А. Янчукъ сообщилъ, что президентъ О-ва Любителей Естествознанія предлагаетъ Музыкально-Этногр. Комиссiи принять участіе въ публичномъ (годиномъ) засѣданіи О-ва 15-го октября. При этомъ выяснилось, что Е. Э. Линева уже готовитъ къ этому засѣданію сообщеніе о музыкальныхъ записяхъ изъ Якутской области, записанныхъ фонографомъ и присланныхъ О-ву еще весною.

8. Обсуждался вновь вопросъ объ устройствѣ лекцій. Въ виду того, что заранѣе необходимо представить заявленіе попечителю учебнаго округа, рѣшено просить Ю. Д. Ангеля дать поскорѣе программу общанной лекціи о малороссійской пѣснѣ, а А. А. Ильинскаго—заняться малороссійскимъ хоромъ.

9. А. В. Марковъ довель до свѣдѣнія Комиссiи, что нѣкто П. С. Филитисъ имѣетъ

двое гуслей — старинныя русскія и чувашскія. Лѣтомъ близъ Звенигорода г. Марковъ встрѣтился съ крестьяниномъ, который беретя ихъ дѣлать. Н. С. Филитисъ спрашиваетъ совѣта Комиссіи, какого типа гусли стоить дѣлать для распространенія въ народѣ. А. Л. Масловъ высказался за такъ называемыя чувашскія, какъ болѣе простыя и дешевыя, съ чѣмъ согласились и остальные члены.

Приложенія къ протоколу XXXI, п. 4.

1. Докладная записка академика Ф. Е. Корша II Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ о дѣятельности Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи.

Въ октябрѣ 1902 г. предсѣдатель Музыкально-Этнографической Комиссіи Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ университетѣ, Н. А. Янчукъ, при моемъ содѣйствіи, обратился отъ лица Комиссіи къ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ просьбой о денежномъ пособіи на изданіе Трудовъ названной Комиссіи по изслѣдованію народной пѣсни, которые не могли появиться въ свѣтъ по недостатку потребныхъ для того средствъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ засѣданіи 2-го ноября 1902 г., заслушавъ и обсудивъ записку Н. А. Янчука, постановило ходатайствовать предъ Высочайше утвержденною Пѣсенною Комиссіею при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ о напечатаніи матеріаловъ Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи, а въ подкрѣпленіе этого ходатайства поручило акад. Вл. Ив. Ламанскому, Н. П. Кондакову и мнѣ представить свои письменные отзывы о желательности восполненія трудамъ этой Комиссіи.

Между тѣмъ, еще до окончательнаго приведенія упомянутыхъ мѣръ въ исполненіе, обстоятельства нѣсколько измѣнились вслѣдствіе усиленнаго поступленія пѣсеннаго матеріала въ Московскую Музыкально-Этнографическую Комиссію, и не только русскаго, но также инородческаго, въ особенности съ Кавказа, что, въ виду основательныхъ надеждъ на дальнѣйшія доставки подобныхъ записей и свѣдѣній, побудило названную Комиссію придать своему прошенію иной видъ въ смыслѣ постановки ея приблизительно въ тѣ-же условія, на какихъ существуетъ Пѣсенная Комиссія при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Одною изъ причинъ такой перемѣны въ желаніяхъ Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи, какъ показано въ представленной ею Отдѣленію русскаго языка словесности подробной запискѣ, была именно значительно бѣльшая широта ея задачъ сравнительно съ задачами Петербургской Пѣсенной Комиссіи, такъ какъ послѣдняя ограничиваетъ свои труды собираніемъ велико-русскихъ пѣсенъ, а первая обращаетъ вниманіе на русскія пѣсни вообще, а также на инородческія въ предѣлахъ Россійской имперіи.

Уже одно это отличіе даетъ Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи право на просьбу о правительственной поддержкѣ, такъ какъ отвѣтственность за сохраненіе словесно-музыкальнаго богатства населенія Россіи на пользу общечеловѣческой науки падаетъ естественно на Россію.

Благодаря трудамъ Финно-угорскаго Общества въ Гельсингфорсѣ, одна часть нашего инородческаго населенія, именно племена финскія, можетъ считаться съ этой стороны обезпеченной; однако и относительно финновъ не должно забывать, что и этому почтенному обществу, богатому духовными силами, но не матеріальными средствами, едва-ли удастся исчерпать весь запасъ произведеній финской народной поэзіи и музыки,

а важны они не только для финской науки, но и для русской въ узкомъ смыслѣ слова. Какова эта важность, мы, по недостатку свѣдѣній о народномъ творествѣ финновъ, еще не можемъ даже опредѣлить, но какъ-же не вспомнить объ этихъ сѣверныхъ нашихъ сосѣдяхъ при рѣшеніи вопроса, напр., о рѣзкомъ различіи въ напѣвѣ былинъ по сборнику Кириши Данилова и у нынѣшнихъ прионежскихъ и архангельскихъ сказителей?

А пѣсни народовъ Сибири, Средней Азіи и Кавказа? О первыхъ и вторыхъ неизвѣстно почти ничего, о послѣднихъ есть уже кое-какія, хотя все еще скудныя, свѣдѣнія у той-же Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи, но неизданныя по отсутствію средствъ. Даже татары Европейской Россіи не могутъ похвалиться большимъ вниманіемъ съ нашей стороны: до сихъ поръ есть всего одинъ сборникъ ихъ пѣсенъ, составленный Сер. Гавр. Рыбаковымъ,—трудъ, безспорно, дѣльный, но отнюдь не стоящій на всей высотѣ научныхъ требованій, неговоря уже о желательной полнотѣ, недоступной одному собирателю.

Всего болѣе посчастливилось у насъ малорусскимъ пѣснямъ, извѣстнымъ по многимъ сборникамъ, но между послѣдними ни у насъ, ни въ Галичинѣ нѣтъ, кажется, ни одного вполне надежнаго, т. е. такого, который представлялъ-бы намъ малорусскія пѣсни въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ поются народомъ, и чѣмъ ихъ мелодіи шеголеватѣе и красивѣе на вкусъ непосвященнаго въ дѣло слушателя, тѣмъ менѣе встрѣчаютъ онѣ довѣрія у знатока, невольно подозрѣвающего самовластное вмѣшательство вышколеннаго по-западному музыканта въ тѣхъ фіоритурахъ и переходахъ, какими блещутъ напѣвы, напр., въ старомъ сборникѣ Waclawa z Oleska, гдѣ къ нимъ приложилъ руку скрипачъ Липинскій, или въ новѣйшемъ оставшемся незаконченнымъ, „Пісні, думки и шумки“—Коцініньского, пустившаго въ свой матеріалъ довольно значительную польскую струю.

А изученіе народной музыки инструментальной? Трудно сказать, что оно хоть началось въ Россіи. Чуть не стыдъ испытываетъ русскій ученый при знакомствѣ со сборникомъ юго-славянскихъ пѣсенъ хорвата Кухача и съ его статьями по сербо-хорватской народной музыкѣ, помѣщенными въ Трудахъ Загребской академіи—„Rad Jugoslavenske Akademije“.

Такъ печально у насъ состояніе науки о народномъ пѣсенномъ творествѣ.

А надобно снѣшить: старая народная пѣсня и въ Великой, и въ Малой, и въ Бѣлой Россіи уступаетъ свое мѣсто новѣйшимъ издѣліямъ лакейской и фабричной лжецивилизациі, а инородцы русѣютъ и мѣняютъ свои характерныя пѣсни на тѣ-же російскія простонародныя подражанія господскимъ романсамъ.

При такомъ положеніи дѣла всякая попытка къ сохраненію памяти о нѣкогда бывшихъ ключемъ, а нынѣ быстро доживающихъ свой вѣкъ народныхъ поэзіи и музыкѣ достойна сочувствія и поощренія; поэтому мы отъ имени Отдѣленія русскаго языка и словесности считаемъ своимъ долгомъ горячо поддержать просьбу Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи и ходатайствовать о назначеніи ей ежегодной субсидіи хотя-бы въ размѣрѣ 1000 руб.

2. Докладная записка отъ Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи Его Императорскому Высочеству Господину Президенту Императорской Академіи Наукъ Великому Князю Константину Константиновичу.

Давно признанный въ наукѣ фактъ вымирания и вырожденія старинной народной пѣсни побудилъ этнографовъ-музыкантовъ обратить серьезное вниманіе на состояніе народной музыки и пѣсни и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы сохранить для науки и искусства остатки національнаго музыкальнаго творчества. Съ этою цѣлью отдѣльными изслѣдо-

вателями въ разныхъ мѣстахъ Россіи производились въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій записи народныхъ мелодій, въ результатѣ чего явились солидные по достоинству сборники Римскаго-Корсакова, Балакирева, Т. И. Филиппова, Мельгунова и др. Но то, что спасено отъ забвенія этими собирателями, было лишь каплею въ морѣ. Эти труды лишь показали, какъ много цѣннаго, оригинальнаго музыкальнаго матеріала хранится еще и теперь въ народѣ, а съ другой стороны, этими трудами былъ ясно поставленъ вопросъ о необходимости болѣе широкихъ, повсемѣстныхъ и систематическихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи. Сознана была необходимость специальныхъ учреждений, которыя бы соединенными усиліями сдѣлали то, что невыполнимо для отдѣльныхъ лицъ, не связанныхъ опредѣленнымъ планомъ дѣйствія.

Исходя изъ этой мысли, покойный Т. И. Филипповъ, съ Высочайшаго соизволенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ организовалъ въ Петербургѣ „Пѣсенную Комиссію“ при И. Р. Географическомъ Обществѣ, для собиранія народныхъ пѣсенъ, которая дѣйствуетъ и по сіе время, направляя свою дѣятельность исключительно на русскую, точнѣе великорусскую пѣсню. Но та огромная задача, которая стоитъ передъ учеными, несомнѣнно не можетъ быть выполнена одною петербургскою комиссіею. А между тѣмъ народная пѣсня дѣйствительно гибнетъ съ каждымъ шагомъ новой культуры, и необходимы цѣлыя фаланги изслѣдователей, которые могли бы сразу охватить возможно большій районъ. Иначе сказать, для того, чтобы дѣйствительно достигнуть желаемыхъ результатовъ, необходимо учредить специальные музыкальныя комиссіи по всѣмъ, по крайней мѣрѣ, университетскимъ городамъ при мѣстныхъ ученыхъ обществахъ и обезпечить ихъ дѣятельность опредѣленною ежегодною субсидіей.

Въ Москвѣ уже три года существуетъ такая музыкально-этнографическая комиссія при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии, состоящемъ при университетѣ. Въ составъ ея вошли почти всѣ изъ выдающихся московскихъ музыкантовъ (Танѣевъ, Гречаниновъ, Ипполитовъ-Ивановъ, Кастальскій, Корещенко), а также нѣкоторые изъ иногородныхъ (Смоленскій, Кленовскій) и мн. др.

Цѣль Комиссіи составляетъ:

1) собираніе музыкально-этнографическаго матеріала: пѣсенъ, инструментальныхъ мелодій, музыкальныхъ инструментовъ и пр.; 2) научная разработка собраннаго комиссіей о обнародованнаго другими—съ цѣлью уясненія законовъ гармоніи и другихъ особенностей русской музыки, 3) популяризація народной музыки путемъ изданія лучшихъ записей, а также устройствомъ публичныхъ лекцій и этнографическихъ концертовъ. По намѣченному плану Московской Музыкально-Этнографической Комиссіей сдѣлано за три года слѣдующее: 1) совершены двѣ экспедиціи на сѣверъ и собраны на Терскомъ берегу Бѣлаго моря богатые музыкальные матеріалы (былины, духовные стихи, обрядовыя пѣсни); 2) совершены двѣ экспедиціи въ Поволжье и Пермскій край, гдѣ собраны хоровыя пѣсни; 3) совершена экскурсія въ Малороссію для записи хоровыхъ, преимущественно обрядовыхъ пѣсенъ; 4) совершено нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ, гдѣ собрано много цѣннаго матеріала; 5) устроено нѣсколько публичныхъ концертовъ, на которыхъ исполнены образцы пѣсенъ почти всѣхъ главнѣйшихъ народностей Россіи; 6) устроенъ рядъ публичныхъ засѣданій и одна лекція о народной музыкѣ съ исполненіемъ музыкальныхъ номеровъ хоромъ и соло, а также на графофонѣ и народныхъ инструментахъ; 7) подготовленъ матеріалъ для изданія тома „Трудовъ Комиссіи“; 8) составленъ образцовый сборникъ русскихъ пѣсенъ для школъ; 9) издана программа для собиранія музыкально-этнографическихъ свѣдѣній.

При этомъ необходимо отмѣтить слѣдующее: что, во-первыхъ, всѣ поѣздки совершены на собственные скудные средства экскурсантовъ; во-вторыхъ, Московской Ко-

миссіей въ лицѣ ея теперешняго секретаря г-жи Липовой, а затѣмъ и другими членами, былъ впервые у насъ примененъ для научныхъ музыкальныхъ изслѣдованій фонографъ, что дало возможность собрать при Комиссіи коллекцію записей, надъ которыми могутъ орудовать ученые и композиторы; наконецъ, въ-третьихъ, какъ видно изъ предъидущаго, Московская Комиссія ставитъ широко свою задачу, включая въ кругъ своихъ изслѣдованій и инородцевъ, такъ какъ они имѣли вліяніе на русскую музыку, сами же они постепенно русѣютъ или вымираютъ.

Для продолженія своего дѣла, такъ энергично начатаго, Комиссія нуждается въ матеріальной поддержкѣ, такъ какъ частныя средства ея истощились. Собранные матеріалы не могутъ быть всѣ изданы за недостаткомъ средствъ; дальнѣйшее собираніе и изслѣдованіе поневолѣ должно прекратиться по той же причинѣ. Комиссія могла бы продолжать свою работу, если бы ей было ассигновано одновременно 3000 рублей для опубликованія ея уже собранныхъ матеріаловъ и произведенныхъ изслѣдованій за истекшіе годы, и по 1000 рублей ежегодно на научныя поѣздки и дальнѣйшія изданія.

О вышеизложенномъ Московская Музыкально-Этнографическая Комиссія всепреданнѣйше ходатайствуетъ передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ.

XXXII.

2-го октября 1904 г. состоялось 32-ое засѣданіе Комиссіи въ присутствіи предсѣдателя Н. А. Янчука, членовъ: С. И. Тагѣева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, А. М. Листопадова и Д. И. Аракчіева и секретаря Е. Э. Линевой.

1. По заявленію предсѣдателя, Д. И. Анучинъ обѣщалъ для „Трудовъ“ Комиссіи приготовить свою статью, читанную имъ въ публичномъ годичномъ засѣданіи Н. О. Л. Е., А. и Э. о Якутахъ, по поводу присланныхъ изъ Якутской области фонографическихъ записей якутскихъ олонговъ и заклинаній. Предположено также допустить печатаніе въ концѣ тома случайныхъ отдѣльныхъ записей мелодій.

2. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ концерта, сборъ съ котораго долженъ пойти на постановку памятника на могилѣ Ю. Н. Мельгунова. С. И. Тагѣевъ высказалъ мнѣніе, что было бы лучше устроить лекцію, въ виду переполненія сезона концертами и предпочтенія публики къ лекціямъ. Рѣшено обратиться къ А. Е. Грузинскому и Е. В. Богословскому съ просьбою совместно прочитать лекціи на музыкальныя темы по ихъ собственному выбору.

3. Одновременно, не оставлена мысль о лекціи по малорусской музыкѣ, по не ранѣе января, если будутъ къ тому благоприятныя условія времени. Ю. Д. Энгель выразилъ готовность очертить музыкальную часть, Н. А. Янчукъ взялъ на себя этнографическую и историческую сторону вопроса. Дирижоромъ хора согласенъ быть А. А. Ильинскій, но съ условіемъ, чтобы былъ оркестръ. А. Л. Масловъ заявилъ, что беретъ на себя похлопотать объ оркестрѣ изъ воспитанниковъ Филармоніи.

4. Д. И. Аракчіевъ прочиталъ краткій отчетъ о своихъ занятіяхъ духовной музыкой грузинъ при его лѣтней поѣздкѣ въ Терскую область и Тифлисскую губ. Были демонстрированы при этомъ фонографическія записи, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ грузинскихъ напѣвовъ изъ новыхъ записей докладчика. *)

XXXIII.

3-го декабря 1904 г. состоялось 33-е засѣданіе Комиссіи въ присутствіи предсѣдателя Н. А. Янчука, членовъ: Е. Э. Линевой, Д. И. Аракчіева, А. М. Листопадова, А. Е. Грузинскаго, В. В. Пасхалова, М. М. Клечковскаго и М. Е. Пятницкаго.

*) См. ниже протоко. засѣд. 29 апр. 1905 г.

1. По поводу предполагаемой лекции Е. В. Богословскаго—о влиянии народной музыки на современныхъ композиторовъ, председателемъ было заявлено, что г. Богословскій обѣщаль дать окончательный отвѣтъ въ январѣ. Въ случаѣ его отказа, рѣшено просить Б. Л. Яворскаго прочитать лекцію о народной пѣснѣ, если же и онъ не согласится, было предполагено прочесть выдержки изъ неапечатаннаго сочиненія Ю. Мельгунова: „О законахъ ритма и гармоніи русскихъ народныхъ пѣсенъ“, тѣмъ болѣе что сборъ съ лекціи назначается на памятникъ на могилѣ Мельгунова.

2. Обсуждался далѣе вопросъ объ устройствѣ лекціи о малороссійскихъ пѣсняхъ. Ю. Д. Энгель далъ согласіе взять на себя музыкальную часть, но не ранѣе февраля или Великаго поста. Предлагаетъ свое участіе малороссійскій хоръ студентовъ подѣ управленіемъ г. Подгорецкаго, который соглашается разучить пѣсни по указанію Комиссіи, но проситъ выдѣлить часть сбора въ пользу хора. Определено предложить имъ $\frac{1}{2}$ сбора. Рѣшено взять для лекціи аудиторію Историческаго Музея. В. К. Шевченко также обѣщаетъ свое содѣйствіе. Въ виду отъѣзда А. Л. Маслова, призваннаго изъ запаса, на Кавказъ, вопросъ о предполагаемомъ участіи оркестра, который онъ предлагалъ, оставленъ въ сторонѣ.

3. Н. А. Янчукъ доложилъ объ выходѣ въ свѣтъ „Школьнаго Сборника“. Напечатано 3000 экз.; каждый экземпляръ, считая пересылку и публикаціи, обойдется въ 25—30 к., рѣшено продавать по 45 к., а въ магазины сдать на комиссію со скидкой 20%. Вся сумма затратъ на сборникъ составила уже 486 р. 25 к., каковую сумму и поручено назначею выдать для уплаты нотопечатнѣ. Рѣшено дать публикацію въ Русскомъ Словѣ и Биржевыхъ Вѣд., а также напечатать циркуляры о выходѣ сборника и разослать по указанію членовъ Комиссіи въ учебныя заведенія и отдѣльнымъ лицамъ.

4. Председателемъ заявлено о томъ, что П. Д. Самаринъ выразилъ готовность издать на свой счетъ въ серіи изданій Комиссіи нѣкоторые труды Ю. Мельгунова, прежде всего „Учебникъ ритмики“, а затѣмъ „Ритмику“ Вестфала, переведенную Мельгуновымъ. Рукопись этого перевода Мельгунова, написанная карандашемъ, была переписана за счетъ г. Самарина, но оказалось, что еще потребуется значительная редакціонная работа. Рѣшено просить сдѣлать это Ю. Д. Энгеля, на какихъ условіяхъ онъ пожелаетъ. Затѣмъ председатель представилъ полученную отъ Ѳ. Е. Корша рукопись Мельгунова „Краткій учебникъ ритмики“, къ которому Ѳ. Е. Коршъ, по порученію Комиссіи, сдѣлалъ необходимыя примѣчанія. Постановлено передать рукопись съ примѣчаніями П. Д. Самарину для окончательной редакціи по соглашенію съ Ѳ. Е. Коршемъ, съ тѣмъ чтобы докладъ объ этомъ въ свое время былъ сдѣланъ Комиссіи.

5. Председателемъ поставленъ на очередь вопросъ о составленіи 2-го выпуска „Школьнаго Сборника“ въ виду того, что уже постукаютъ о немъ запросы. Постановлено просить прежнихъ членовъ Комиссіи, участвовавшихъ въ составленіи 1-го выпуска, продолжать работу и для 2-го выпуска подѣ руководствомъ А. Т. Гречанинова, а вмѣсто уѣхавшаго изъ Москвы А. Л. Маслова пригласить къ участію Е. Э. Линева.

XXXIV.

17 декабря 1904 г. состоялось 34-е засѣданіе Комиссіи подѣ председательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи членовъ: А. Т. Гречанинова, П. А. Карасева, Е. Э. Линева и В. В. Пасхалова.

1. Н. А. Янчукъ доложилъ о матеріалахъ, оставшихся послѣ поэта П. Ѳ. Щербини и переданныхъ наслѣдниками въ Общество любителей россійской словесности (Об-

щество передало ихъ на храненіе въ Румянцовскій Музей). Въ отношеніи литературномъ матеріалы эти не имѣютъ большого значенія, главный же интересъ ихъ заключается въ собранныхъ Н. Ѳ. Щербиной русскихъ пѣсняхъ: напѣвы записаны тщательно и съ большой любовью, но нѣкоторые безъ словъ; многіе изъ тѣхъ, которые были тутъ же сыграны на фисгармоніи, признаны членами Комиссіи пѣнными. По замѣчанію докладчика, Щербина былъ славянофилъ, высоко ставившій великорусскія пѣсни и собиравшій ихъ каждое лѣто въ деревнѣ; зимою онъ изучалъ ихъ по печатнымъ источникамъ и заботился о распространеніи ихъ за границей, какъ это видно изъ его автобіографической записки при изданіи его сочиненій. Изъ матеріаловъ видно, что имъ было задумано въ 50-хъ годахъ составленіе обширнаго сборника русскихъ народныхъ пѣсень, получаемыхъ имъ изъ разныхъ мѣстъ. Часть ихъ приведена въ порядокъ, но за смертью собирателя онѣ остались неизданными. Постановлено имѣть въ виду музыкальные матеріалы Щербины для изданія въ „Трудахъ“ Комиссіи.

2. Далѣе Н. А. Янчукъ сообщилъ конспектъ лекціи о малорусской пѣснѣ, которую предполагается имъ прочесть въ концѣ февраля или въ мартѣ совмѣстно съ Ю. Д. Энгелемъ. Н. А. Янчукъ намѣтилъ слѣдующіе пункты своего историко-этнографическаго чтенія:

- 1) Границы области, занимаемой малорусскимъ племенемъ.
- 2) Областные дѣленія территорій, обитаемой малоруссами: Приднѣпровье и Новороссійскій край, Волынь и Подоля, Холмская Русь и Галиція.
- 3) Отличительныя черты быта, языка и народной поэзіи въ указанныхъ областяхъ въ связи съ исторіей ихъ заселенія и другими историческими событіями.
- 4) Сосѣди малоруссовъ и ихъ культурныя вліянія на Малороссію: а) Востокъ и Византія, б) Польша, в) Великая Россія. Черты этихъ вліяній въ костюмѣ, искусствѣ, языкѣ, обрядахъ и пѣсняхъ.
- 5) Арханческія черты малорусской поэзіи: слѣды доисторическаго матриархальнаго строя въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ; остатки языческихъ воззрѣній въ пѣсняхъ, играхъ и обрядахъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ; греко-римскіе языческіе отголоски въ обрядахъ и мифологическихъ представленіяхъ; двоевѣріе въ народной поэзіи малоруссовъ.
- 6) Собираніе и изученіе малорусскихъ историческихъ пѣсень. Древнѣйшая малорусская пѣсня по списку XVI вѣка. „Слово о полку Игоревѣ“ и малорусскія пѣсни. Великорусскія былины и малорусскія думы. Эпическая традиція въ Малороссіи. Древніе слагатели и современные носители думъ. Собранія историческихъ пѣсень. Роль и значеніе польскихъ собирателей и отношеніе польской романтической поэзіи къ малорусской пѣснѣ и казачьему быту. Сборники Цертелева, Максимовича, Антоновича и Драгоманова, Кулиша. Основныя историческія темы малорусскихъ думъ: а) татарщина, б) турецкая неволя, в) казачество, г) Запорожье, д) Литва и Польша, е) панщина, ж) унія.
- 7) Малорусскія псалмы. Типъ кобзаря и общій характеръ исполненія думъ и псалмъ. Вліяніе Кіевской бурсы. Св. Дмитрій Ростовскій, какъ составитель псалмъ и духовныхъ драмъ. Роль Почаевской лавры въ этомъ дѣлѣ.
- 8) Лирическія пѣсни малоруссовъ. Семейный бытъ. Положеніе женщины. Соціальныя отношенія. Малороссійскій юморъ. Пѣсни-романсы и установившійся ложный взглядъ на малорусскую пѣсню и музыку.
- 9) Заслуги ученыхъ и музыкантовъ въ изученіи малорусскихъ пѣсень, а именно: Костомарова, Чубинскаго, Потебни, Житецкаго и Лисенка. Современныя задачи изученія.
- 10) Заключение: Гоголь о малорусскихъ пѣсняхъ и отношеніе къ нимъ Глинки и Чайковскаго.

3. Ю. Д. Энгель доставилъ свою программу по музыкальной части въ такомъ видѣ:

- 1) Неразработанность вопроса о музыкѣ малорусскихъ пѣсенъ.
- 2) Сборники малорусскихъ напѣвовъ.
- 3) Строеіе малорусскихъ пѣсенъ, ихъ мелодика и ритмика.
- 4) Черты сходныя и несходныя съ великорусской музыкой.
- 5) Вліянія историческія: вліяніе сосѣдей.
- 6) Малорусская музыка въ художественной обработкѣ.

4. По предложенію А. Т. Гречанинова, рѣшено пригласить въ члены Комиссіи Э. К. Розенова, интересующагося народной музыкой.

XXXV.

21 января 1905 г. въ зданіи Политехническаго Музея состоялось 35-е засѣданіе Муз.-Этногр. Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова и г.г. членовъ: Д. И. Аракчіева, П. А. Карасева, Е. Э. Линевой, А. М. Листопадова, А. В. Маркова, В. В. Пасхалова, С. И. Тапѣва.

1. А. М. Листопадовъ сообщилъ о своей поѣздкѣ въ Донскую область лѣтомъ 1904 г. для собиранія казачьихъ и малорусскихъ пѣсенъ, а также о записяхъ великорусскихъ пѣсенъ, сдѣланныхъ въ томъ же году въ Москвѣ.

Поѣздка, предпринятая съ цѣлью пополненія пѣсеннаго матеріала, имѣла въ то же время въ виду провѣрку тѣхъ изъ собранныхъ во время командировки по области въ 1902—3 г.г. пѣсенъ, напѣвы или тексты которыхъ вызывали сомнѣнія въ вѣрности записей. Путь, по которому произведены были изслѣдованія, простирался верстъ на 200 между крайними пунктами по I Донскому и Донецкому округамъ. Въ трехъ хуторахъ Екатерининской станицы записаны были 33 казачьихъ народныхъ пѣсни, а въ одномъ изъ нихъ подробности свадебнаго ритуала, имѣвшаго мѣсто здѣсь лѣтъ 10 назадъ, въ пересказѣ бывалой „свахки“, и при этомъ нѣсколько повѣрій о колдунахъ и вѣдьмахъ, игравшихъ въ былыя времена важную роль во всѣхъ свадьбахъ. Здѣсь же была приобрѣтена у одного стараго лирника его послѣдняя донская лира—рылѣ, оригинальный, почти исчезнувшій инструментъ, разновидность малороссійской лиры. Докладчикъ сдѣлалъ подробно описаніе донской лиры и сообщилъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о ней. Другія двѣ лиры добыты были имъ въ х. Ясеновскомъ той же Екатерининской станицы и въ станицѣ Усть-Бѣлокалитвенской. Наиболѣе интереснымъ, если не по количеству записанныхъ пѣсенъ (всего 5), то по качеству ихъ, пунктомъ оказался хуторъ Юровъ Калитвенской станицы, давшій три замѣчательныхъ по своей конструкціи древнихъ свадебныхъ пѣсни, одну очень цѣнную историческую пѣсню и одну скорую—гулебную. Пѣсни эти, главнымъ образомъ три свадебныя, необычайностью интервалловъ своихъ звукорядовъ вызвали оживленный между присутствующими членами обмѣнъ мнѣніями. Особенность ихъ заключается въ томъ, что нѣкоторые звуки, входящіе въ ихъ звукоряды, берутся такъ, что ихъ невозможно изобразить какими-нибудь знаками современной нотной системы, ни взять на фортепіано съ его темперованнымъ строемъ, а между тѣмъ эти разъ взятые пѣсенниками звуки настойчиво проводятся всѣми ими черезъ всю пѣсню безъ всякаго измѣненія. Въ способѣ написанія одной изъ такихъ пѣсенъ, изображенной докладчикомъ при помощи условныхъ значковъ, присутствующіе не пришли къ соглашенію.

Кромѣ казачьихъ пѣсенъ, въ двухъ поселкахъ Донецкаго округа собрано 25 малорусскихъ пѣсенъ. Часть ихъ очень удачно записана фонографомъ.

Въ томъ же 1904 году А. М. Листопадовъ занимался записываніемъ великорусскихъ пѣсень въ Москвѣ. Изъ 23 пѣсень—семь очень старыхъ обрядовыхъ и праздничныхъ пѣсень записано отъ крестьянки Орловской губерніи, прибывшей въ Москву на заработки, остальные 16 — отъ уроженцевъ Пензенской губерніи, брата и сестры Кабановыхъ.

Всего за 1904 годъ докладчикомъ записано 86 народныхъ пѣсень. Многія изъ нихъ, въ томъ числѣ и вызвавшія споръ донскія, были демонстрированы при помощи фонографа въ хорошихъ записяхъ и сравнены съ переводомъ на бумагу докладчикомъ.

Выслушанное сообщеніе постановлено имѣть въ виду для напечатанія въ „Трудахъ“ Комиссіи вмѣстѣ съ относящимся къ нему музыкальнымъ матеріаломъ.

XXXVI.

4-го марта 1905 г. состоялось 36-е засѣданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи въ присутствіи предсѣдателя Н. А. Янчука, членовъ: Д. Н. Аракчіева, М. Е. Пятницкаго, П. А. Карасева, А. А. Ильинскаго, В. В. Пасхалова, С. И. Танѣва и секретаря Е. Э. Линевой.

1. Былъ возбужденъ вопросъ о курсѣ чтеній по народной музыкѣ. По обсужденіи его, постановлено поручить бюро составить докладную записку въ художественный совѣтъ консерваторіи отъ Музыкально-Этнографической Комиссіи съ пожеланіемъ, чтобы при консерваторіи была учреждена специальная кафедра русской народной музыки, въ связи съ изученіемъ музыки древнихъ пѣсень всѣхъ національностей, населяющихъ Россію, въ соединеніи съ сравнительнымъ изученіемъ народныхъ пѣсень другихъ странъ. Если не найдется профессора-специалиста, который взялъ бы на себя составленіе всего курса, Муз.-Этн. Комиссія предлагаетъ консерваторіи устроить постоянные, необязательные курсы разныхъ лекторовъ по специальнымъ вопросамъ, съ правомъ посѣщать ихъ, за особую плату, лицами, не учащими въ консерваторіи. Рѣшено напечатать составленную въ этомъ смыслѣ записку, съ примѣрной программой курса, въ нѣсколькихъ экз. и разослать ее также въ другія высшія музыкальныя школы въ Россіи, а также постараться поставить этотъ вопросъ на обсужденіе и за границей.

2. Постановлено, по предложенію нѣкоторыхъ членовъ, пригласить въ члены Комиссіи Б. Л. Яворскаго.

3. Предполагавшійся 1-й „Вечеръ народныхъ пѣсень“ рѣшено отложить до Юмниной недѣли, расширивъ его программу прибавленіемъ нѣсколькихъ пѣсень изъ записи Мельгунова и двумя или тремя художественными хорами и пѣснями, въ которыхъ основой служить народная пѣсня. Составленъ слѣдующій списокъ произведеній русскихъ композиторовъ, въ которыя вошла разработка народныхъ мотивовъ, для пользованія имъ при составленіи программъ предполагаемыхъ на будущую зиму „Вечеровъ народныхъ пѣсень“:

1. Пѣсня Маренъ «Исходила младшенька», изъ «Хованщины», Мусоргскаго.
2. «Плыветъ, плыветъ лебедушка», изъ «Хованщины».
3. «Слава лебедю», хоръ изъ «Хованщины».
4. Пѣсня съ хоромъ изъ «Тушинцевъ», Бларамберга.
5. «На морѣ утушка купалася», изъ «Тушинцевъ».
6. Пѣсня гусяра изъ музыки къ «Свѣгурочкѣ», Гречанинова.
7. Пѣсня Леля изъ «Свѣгурочки», Гречанинова.
8. Хоръ «На морѣ утушка купалася», изъ «Опричника», Чайковскаго.
9. «Я ли въ полѣ да не травушка была», Чайковскаго.

10. Пѣсня гусяровъ изъ «Снѣгурочки», Чайковскаго.
11. «Я завью, завью вѣнокъ», жен. хоръ изъ «Мавелы», Чайковскаго.
12. «Волять мои ноженъки», смѣшан. хоръ изъ «Евгенія Онѣгина», Чайковскаго.
13. «Ужъ какъ по мосту, мосточку», смѣш. хоръ изъ «Евгенія Онѣгина».
14. «Ой ты, темная дубравушка», изъ «Садко», Римскаго-Корсакова.
15. «Яръ хмель», смѣшан. хоръ изъ «Царской Невѣсты». Римскаго-Корсакова.
16. «Слава на небѣ солнцу высокому» отсюда же, муж. хоръ.
17. «Государи Псковичи», пѣсня съ хоромъ изъ «Псковитянки» Римскаго-Корсакова.
18. «Ой ты, дубрава, дубравушка», жен. хоръ отсюда-же.
19. «По малинку я ходила молода». жен. хоръ отсюда-же.
20. Дуэтъ изъ пролога «Царь Салтанъ», Римскаго-Корсакова.
21. «Ой не буйный вѣтеръ», хоръ поселянъ изъ «Князя Игоря», Бородина.
22. «Соловушка», изъ оп. «Сонъ на Волгѣ», Арнскаго.
23. «За рѣченькой яръ хмель», Гречанинова.
24. «Не проснется птичка», жен. хоръ изъ «Руслана и Людмилы», Глинки.

XXXVII.

29 марта 1905 г. состоялось 37-е закрытое засѣданіе Муз.-Этнографич. Комиссіи въ Политехническомъ Музеѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова и гг. членовъ: Д. И. Аракчіева, А. А. Ильинскаго, П. А. Карасева, Е. Э. Линевоѣ, А. М. Листопадова, Я. А. Лосева, А. В. Маркова, В. В. Пасхалова, М. Е. Пятницкаго, Я. С. Сахновскаго, С. И. Танѣва и И. С. Тезавровскаго.

1. Предсѣдатель, напомнивъ собравшимся о прискорбномъ фактѣ исключенія высокоуважаемаго Комиссіей композитора Н. А. Римскаго-Корсакова изъ числа профессоровъ Петербургской консерваторіи, предложилъ на обсужденіе вопросъ о выраженіи сочувствія Н. А. Римскому-Корсакову отъ имени Комиссіи. Послѣ горячаго обсужденія этого вопроса, постановлено было: 1) избрать Н. А. Римскаго-Корсакова членомъ Комиссіи, 2) послать ему сочувственное привѣтствіе въ видѣ адреса или телеграммы. Предсѣдателемъ и А. В. Марковымъ были прочитаны два проекта привѣтствія, по выслушаніи и обсужденіи которыхъ былъ редактированъ окончательный текстъ телеграммы слѣдующимъ образомъ.

„Глубокоуважаемый Николай Андреевичъ! Мы, нижподписавшіеся члены Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи, собравшись 29 марта въ экстренномъ собраніи, единогласно постановили выразить свое негодованіе по поводу Вашего увольненія изъ состава профессоровъ Петербургской Консерваторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать передъ Вами чувства глубокаго уваженія и благодарности, какъ за Ваши художественныя заслуги передъ Россіей, такъ и за проявленный Вами высокогражданскій подвигъ во имя законности и въ защиту свободнаго искусства. Мы твердо вѣримъ, что оскорбительный вызовъ, брошенный въ лицо всему русскому обществу кучкой людей, чуждыхъ искусству и случайно ставшихъ во главѣ петербургскаго отдѣленія Русскаго Музыкальнаго Общества, послужитъ еще однимъ сильнѣйшимъ стимуломъ къ энергической и единодушной борьбѣ противъ царящаго насилія и произвола“.

Предсѣдателю было поручено отправить эту телеграмму за подписью всѣхъ присутствующихъ. При этомъ нѣкоторыми сообщено было о томъ, что и отъ другихъ членовъ имѣется словесное заявленіе о желаніи принять участіе въ этомъ привѣтствіи, а потому рѣшено присоединить имена: М. М. Ипполитова-Иванова, А. Н. Корещенко, В. С. Калининкова, А. Д. Кастальскаго, В. С. Орлова, Ю. Д. Энгеля, И. В. Липаева, М. Е.

Пятницкаго, Н. Г. Филянскаго и С. В. Смоленскаго. Постановленіе Комиссіи и текстъ телеграммы рѣшено опубликовать въ газетахъ. ¹⁾

2. Предсѣдатель доложилъ составленный имъ по порученію комиссіи (см. предыд. прот.) проектъ циркуляра о желательности введенія особой кафедры народной музыки въ консерваторіяхъ и другихъ музыкальныхъ училищахъ. Была рассмотрѣна и одобрена общая вступительная часть записки, обсужденіе же примѣрной программы курса, за позднимъ временемъ и значительными разногласіями, не было закончено, а лишь набросано съ тѣмъ, чтобы окончательную редакцію установить уже по корректурному оттиску.

3. Предсѣдатель заявилъ что въ виду неспокойнаго состоянія въ обществѣ и особенно среди молодежи предполагаемые музыкальные вечера врядъ ли окажется возможнымъ устроить, тѣмъ болѣе, что участники хора въ большинствѣ разѣхались и, пожалуй, не съѣдутся и послѣ Пасхи.

XXXVIII.

12 апрѣля 1905 г. въ зданіи Румянцовскаго Музея происходило экстренное собраніе Музыкально-Этнографич. Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова и гг. членовъ: Д. И. Аракчіева, А. Е. Грузинскаго, А. А. Ильинскаго, В. С. Калинникова, А. М. Листопадова, А. В. Маркова, М. Е. Пятницкаго, С. И. Танѣва и И. С. Тезавровскаго.

Засѣданіе было посвящено вопросу о составленіи петиціи по адресу Главной Дирекціи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества отъ имени Муз.-Этнограф. Комиссіи въ смыслѣ заступничества за своего члена Н. А. Римскаго-Корсакова по случаю увольненія его изъ Петербургской Консерваторіи. Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужила напечатанная въ № 93 газеты „Русь“ статья члена Комиссіи профес. С. И. Танѣва, въ которой доказано нарушеніе устава и превышеніе власти со стороны Петербургской мѣстной дирекціи въ дѣлѣ увольненія Н. А. Римскаго-Корсакова помимо художественнаго совѣта консерваторіи. Была зачитана полностью вышеуказанная статья С. И. Танѣвымъ, и всѣ присутствующіе высказали свое полное согласіе съ авторомъ. Въ виду этого предсѣдателемъ былъ поставленъ на баллотировку вопросъ: считаетъ ли Комиссія нужнымъ и умѣстнымъ, принимая во вниманіе доводы С. И. Танѣва, выразить еще разъ официально свой протестъ по поводу происшедшаго инцидента, или довольствоваться сочувственной телеграммой, посланной на имя Н. А. Римскаго-Корсакова. Было признано, что Комиссія, стоя на почвѣ закона, согласно разъясненію С. И. Танѣва, имѣетъ право заступиться за своего сочлена и, не прибѣгая къ рѣзкому протесту, ходатайствовать передъ Главной Дирекціей И. Р. Муз. Общества о томъ, чтобы она, на основаніи статьи 33-й Устава Общества, кассировала постановленіе мѣстной дирекціи отъ 19 марта объ увольненіи Н. А. Римскаго-Корсакова изъ состава профессоровъ Петербургской Консерваторіи. Предсѣдателемъ былъ долженъ проектъ таковой петиціи, которая послѣ нѣкоторыхъ измѣненій была окончательно отредактирована въ слѣдующей формѣ:

**Въ Главную Дирекцію Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества
отъ Музыкально-Этнографической Комиссіи Императорскаго Общества Любителей Естествозна-
нія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ университетѣ.**

«Московская Музыкально-Этнографическая Комиссія, ознакомившись со всѣми оглашенными въ печати обстоятельствами дѣла увольненія своего сочлена Н. А. Римскаго-

¹⁾ Напеч. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 2 апрѣля, № 89, причемъ подпись г. Смоленскаго по ошибкѣ пропущена.

Корсакова изъ состава профессоровъ Петербургской Консерваторіи, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ обратиться въ Главную Дирекцію Им. Рус. Муз. Общества съ нижеслѣдующимъ заявленіемъ.

Увольненіе нашего глубокоуважаемаго сочлена явилось столь неожиданнымъ для всей Россіи, что оно, какъ извѣстно, вызвало цѣлую бурю протестовъ отъ всего русскаго общества. И это вполне естественно и понятно для всякаго, кому сколько-нибудь дороги интересы національнаго искусства и художественнаго развитія Россіи. Для Московской Музыкально-Этнографической Комиссіи имя Н. А. Римскаго-Корсакова, сверхъ того, близко и дорого благодаря его цѣннымъ заслугамъ въ области русской музыкальной этнографіи. Все это вмѣстѣ заставляеть Комиссію подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ.

Какъ видно изъ только-что опубликованнаго въ № 93 газеты „Русь“ разъясненія профессора Московской Консерваторіи С. И. Танѣева, Петербургская мѣстная дирекція допустила съ своей стороны превышеніе власти и явное нарушеніе устава, взявъ на себя инициативу увольненія профессора помимо Художественнаго Совѣта Консерваторіи.

Московская Музыкально-Этнографическая Комиссія, принимая во вниманіе это разъясненіе проф. С. И. Танѣева, которое при семъ прилагается въ копіи, обращается съ ходатайствомъ къ Главной Дирекціи Имп. Рус. Муз. Общества о томъ, чтобы она, во исполненіе ст. 34 Устава Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, кассировала постановленіе Петербургской мѣстной дирекціи, какъ незаконное».

Въ этомъ видѣ подлинная бумага подписана всѣми присутствовавшими и поручено было, снявъ съ нея копію на ремингтонѣ и приложивъ копію указанной статьи С. И. Танѣева, отправить по адресу Главной Дирекціи ¹⁾.

XXXIX.

29 апрѣля, 1905 г. состоялось 39-е засѣданіе, въ присутствіи предсѣдателя Н. А. Янчука, товарища предсѣдателя, А. Т. Герчанинова, секретаря Е. Э. Линевой, членовъ Д. И. Аракчіева, П. А. Карасева, М. Е. Пятницкаго.

1. Было прочитано письмо отъ Н. А. Римскаго-Корсакова, въ которомъ онъ благодарить Муз.-Этногр. Комиссію за избраніе въ члены и за сочувствіе къ нему, выраженное въ посланной ему коллективной телеграммѣ по поводу его увольненія изъ СПб. Консерваторіи.

2. Обсуждался вопросъ о командировкахъ членовъ предстоящимъ лѣтомъ. Въ виду неблагоприятныхъ условій главнымъ образомъ изъ-за войны, большинство членовъ считало поѣздки за пѣснями лѣтомъ 1905 года неудобными. Рѣшено было только послать открытый листъ А. М. Листопадову, который собирался записывать пѣсни на мѣстѣ своего жительства въ Области Войска Донскаго.

3. Обсуждался планъ организаціи давно намѣченнаго по мысли г-жи Линевой союза любителей народной пѣсни для практическаго изученія народныхъ пѣсенъ всѣхъ національностей. Было признано желательнымъ предварительно поднять этотъ вопросъ въ печати.

4. Д. И. Аракчіевъ прочиталъ пространный докладъ: о духовной музыкѣ Грузинъ. ²⁾ Въ предисловіи онъ далъ очеркъ историческаго развитія духовной музыки въ Гру-

¹⁾ На отправленную своевременно эту бумагу Комиссія не удостоилась отъ Главной Дирекціи никакого отвѣта, и была ли она доложена—неизвѣстно.

²⁾ См. протоколъ засѣд. 2 окт. 1904 г. Настоящій докладъ съ дополненіями и въ переработкѣ напечатанъ въ этомъ томѣ.

зіи. Онъ указалъ на особую преданность грузинъ своей религіи. Хотя несомнѣнно вліяніе на музыку грузинъ со стороны, но характеръ грузинской духовной музыки вполне своеобразенъ, такъ какъ грузины перерабатываютъ духовные мотивы въ національномъ духѣ. Далѣе Д. И. Аракчіевъ коснулся технической стороны и находилъ, что система ладовъ—открытый вопросъ; къ какому типу принадлежатъ звукоряды—также неясно. Трехголосная народная духовная музыка основана на особыхъ народныхъ звукорядахъ. Лады сходятся съ музыкой другихъ народностей, но по внутреннему строенію они оригинальны, особенно второй голосъ. Строй природный; ритмъ въ большинствѣ случаевъ сложный. Вообще необходимо изученіе различныхъ эпохъ для установленія опредѣленныхъ музыкально-теоретическихъ законовъ. По окончаніи реферата, было продемонстрировано нѣсколько фонографическихъ записей.

5. П. А. Карасевъ прочиталъ небольшую замѣтку о провѣркѣ фонографическихъ записей, перенесенныхъ на ноты, коллективнымъ способомъ. Въ виду основательности сдѣланныхъ имъ замѣчаній, рѣшено примѣнять коллективную провѣрку записей предназначенныхъ для „Трудовъ“ Комиссіи, но съ тѣмъ, чтобы эксперты, выбранные Комиссіей, могли предварительно изучать записи.

XL.

16 сентября 1905 г. въ Политехническомъ Музеѣ состоялось соединенное засѣданіе Этнографическаго Отдѣла и Муз.-Этнографической Комиссіи подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Отдѣла В. Ө. Миллера, въ присутствіи тов. предсѣд. Комиссіи А. Т. Гречанинова, секретаря Отдѣла В. В. Богданова, секретаря Комиссіи Е. Э. Линевой и членовъ комиссіи: Д. И. Аракчіева, Ө. Е. Корша, А. М. Листопадова, В. В. Пасхалова, М. Е. Пятницкаго и нѣкоторыхъ членовъ Отдѣла.

1. А. Л. Масловъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Мелодико-ритмическій анализъ русскихъ былинъ“.

Докладчикъ указалъ на необоснованность объясненій нашими учеными ритмической стороны русскихъ народныхъ пѣсенъ посредствомъ греческой теоріи. „Просодическіе періоды“ Востокова и „вольный метръ“ Сокальскаго, по мнѣнію докладчика, стоятъ ближе къ истинѣ въ объясненіи ритма русской народной музыки. Если принять во вниманіе музыкальную сторону эпическихъ пѣсенъ, можно замѣтить, что ихъ размѣръ въ точности не подходитъ ни къ одному изъ размѣровъ, извѣстныхъ намъ по греческой теоріи. Въ качествѣ примѣровъ приведены напѣвы „Архангельск. былинъ“ въ записяхъ А. Д. Григорьева и И. С. Тезавровскаго, съ необычнымъ въ культурной музыкѣ обозначеніемъ размѣровъ, отсутствіемъ цезуры посрединѣ стиха и съ остановками, совпадающими въ большинствѣ случаевъ съ окончаніемъ напѣва (если онъ одностроичный). Напѣвы болѣе сложные въ 2—3 строки, соответствующихъ 2—3 мотивамъ, образуютъ строфы съ 2—3 остановками. Величина строчнаго напѣва зависитъ отъ характера самаго напѣва, его образованія и древности, вслѣдствіе чего всѣ вообще былинные напѣвы раздѣляются на: 1) имѣющіе свой полный эпическій размѣръ строкъ, 2) имѣющіе сокращенный эпическій размѣръ строкъ, 3) имѣющіе скоморошій размѣръ, 4) имѣющіе складъ духовнаго стиха и 5) имѣющіе позднѣйшій одномѣрный размѣръ. Каждый изъ этихъ размѣровъ имѣетъ отличительныя черты въ окончаніяхъ строкъ и въ составѣ и количествѣ ритмическихъ группъ, соответствующихъ тактамъ въ общей музыкѣ, при чемъ величина тактовъ по числу недѣлимыхъ долей его бываетъ различна. Только у лучшихъ пѣвцовъ число долей въ рит-

мических периодах одной и той же былины всюду бывает одинаково. Преобладающий размер—первый. В нем каждая строка разбивается на три ритмич. периода, с тремя подъемами, совпадающими обыкновенно с прозаическими ударениями трех главных слогов, составляющих суть содержания строки. Первый и последний подъемы бывают сильнее среднего, прим.: „Ай во/славномъ (городъ во) Клеви“; слоги „ай во“ не принадлежать ни къ одной изъ группъ, но служатъ переводомъ отъ конца строки къ началу новой; на последний периодъ строки приходится, большей частью три слога текста, что и составляетъ съ напѣвомъ типичное эпическое окончание. Второй эпический размеръ мало отличается отъ перваго, въ немъ 2-й периодъ почти сливается съ первымъ. Отличительной чертой скоморошьяго размера является торопливость изложения, отсутствіе 2-го периода. Четвертый размеръ имѣетъ 2—3 ритмическихъ периода, изъ нихъ второй двусложный. Пятый размеромъ поются историческія пѣсни позднѣйшаго творчества; ихъ строки разбиваются уже на полустишія, а на 2—3 периоды не дѣлятся.

Ритмический периодъ въ былинномъ напѣвѣ можно подраздѣлить на нѣсколько мелкихъ группъ 2-хъ и 3-хъ-дольныхъ (однообразно или въ перемежку), видъ которыхъ указываетъ на принадлежность былины тому или иному району.

Высота и длительность звуковъ имѣютъ большое значеніе для образованія и закругленности музыкальной формы напѣва и стиха. Высокіе звуки совпадаютъ большей частью съ ритмическими подъемами, къ концу мелодіи высота звука ослабѣваетъ, и мелодія заключается на нижнемъ тонѣ звукоряда. Наиболѣе типичнымъ въ былинномъ напѣвѣ является третій периодъ (окончание); сравнивая варианты ихъ (расширенія, сокращенія, украшающія ноты и пр.) можно судить и о мелодическомъ складѣ всего напѣва. Мелодическіе обороты и ходы въ сущности тѣ-же, что и въ другихъ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ. Не всѣ былины сохраняютъ традиціонный напѣвъ. Былины донскія и украинскія, подъ вліяніемъ позднѣйшаго творчества, утратили характерныя черты сѣверной былины; въ нихъ исчезаютъ исконныя принципы (унисонъ, неполные и ограниченные звукоряды) подъ напоромъ новыхъ требованій, стремящихся прійти въ равновѣсіе съ современной культурой, усвоившей упрощенные ритмы и квадратныя формы.

Ө. Е. Коршъ, по поводу выслушаннаго доклада, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Онъ утверждалъ, что вопросъ о ритмикѣ обставленъ референтомъ не вполне удачно. Законы греческой ритмики, по мнѣнію профессора Корша, не опровергаются доводами референта, взятыми изъ анализа рус. былинь. Въ частности проф. Коршъ высказалъ свое мнѣніе о преувеличиваемомъ значеніи фонографа, какъ лучшаго критерія при изслѣдованіи нар. музыки; особенно сомнительными могутъ быть записи въ томъ случаѣ, когда записывающій фонографомъ—не музыкантъ. Д. И. Аракчѣвъ, присоединяясь къ мнѣнію Ө. Е. Корша, остановился еще на нѣкоторыхъ частностяхъ въ области музык. строя былинь. В. Ө. Миллеръ сдѣлалъ замѣчанія по вопросу о записяхъ текста нар. пѣсенъ.

2. В. Ө. Миллеръ прочелъ свой докладъ: „Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ“. (Содержаніе не приводится въ виду того, что докладъ—чисто историко-литературнаго содержания).

3. Секретаремъ Отдѣла В. В. Богдановымъ былъ поднятъ вопросъ о выраженіи сочувствія члену Отдѣла и Музыкальной Комиссіи профессору С. И. Танѣву по случаю его вынужденнаго ухода изъ Московской Консерваторіи. Отъ имени Музыкальной Комиссіи былъ заслушанъ проектъ сочувственнаго адреса С. И. Танѣву, затѣмъ былъ прочитанъ проектъ другой редакціи секретаремъ Отдѣла, и послѣ взаимнаго обмѣна мнѣній было признано возможнымъ соединить оба проекта, поручивъ секретарю Отдѣла

окончательно редактировать адресъ совместно съ бюро Музык.-Этнографической Комиссіи, отправить его С. И. Танѣву и огласить въ газетахъ.

Приложеніе къ протоколу XL.

Привѣтственный адресъ С. И. Танѣву.

«Глубокоуважаемый Сергѣй Ивановичъ! Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и состоящая при немъ Музыкально-Этнографическая Комиссія, собравшись въ первомъ осеннемъ засѣданіи 16-го сентября, единогласно постановили выразить вамъ свое искреннее участіе и глубокое сожалѣніе по поводу вашего выхода изъ состава профессоровъ Московской Консерваторіи. Какъ Отдѣлъ, такъ и Комиссія высоко ставятъ вашъ музыкальный талантъ и вашъ крупный научный авторитетъ въ области теоретическаго изслѣдованія музыки вообще и въ частности въ вопросахъ музыкальной этнографіи. Состоя много лѣтъ членомъ Этнографическаго Отдѣла и принимая дѣятельное участіе въ его занятіяхъ, особенно со времени учрежденія при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи, вы всегда являлись не только въ качествѣ почтеннаго сотрудника, но и объективнаго посредника между художественной европейской музыкой и музыкой народной, послужившей богатымъ источникомъ для музыкальныхъ твореній многихъ выдающихся композиторовъ. Въ недавнее время, когда въ Комиссіи возникъ вопросъ о введеніи въ консерваторскій курсъ преподаванія народной музыки, какъ самостоятельнаго предмета изученія, вы приняли самое близкое и сочувственное участіе въ обсужденіи вопроса и въ выработкѣ программы этого предмета. Несомнѣнно, что ваша преподавательская дѣятельность въ Консерваторіи и съ этой точки зрѣнія является крайне желательной и необходимой для цѣлей русской музыкальной этнографіи. Эта наука, еще не завоевавшая себѣ прочнаго мѣста среди другихъ научныхъ дисциплинъ, до настоящаго времени не была допущена въ кругъ преподаванія въ музыкальныхъ школахъ, такъ какъ среди официальныхъ и неофициальныхъ представителей музыкальнаго міра господствовалъ неправильный взглядъ на народную музыку, не признававшій органической связи между народнымъ и современнымъ европейскимъ музыкальнымъ творчествомъ. Въ послѣднее время русская музыкальная этнографія, хотя и не безъ труда, пробила солидную брешь въ этомъ косномъ взглядѣ жрецовъ музыки, и русскіе этнографы вѣрятъ, что не долго осталось ждать, чтобы изученіе народной музыки стало такимъ же необходимымъ предметомъ въ курсѣ русскихъ консерваторій и другихъ музыкальныхъ школъ, какимъ является въ курсѣ гимназій и университетовъ изученіе народной словесности, народныхъ вѣрованій, народнаго обычнаго права, народнаго труда. Тогда консерваторіи дадутъ русскому обществу научно подготовленныхъ изслѣдователей русской народной музыки, и это будетъ большимъ торжествомъ для науки. Ваше всѣми признанное авторитетное положеніе въ Московской Консерваторіи, ваша научная объективность въ приемахъ изслѣдованія и преподаванія и ваше талантливое пониманіе основъ музыки позволяютъ видѣть въ васъ самое надежное лицо, способное въ стѣнахъ Консерваторіи оказать необходимую поддержку проведенію въ жизнь вышеупомянутой идеи и тѣмъ существенно послужить дѣлу развитія русской музыкальной этнографіи. Вашъ уходъ изъ Консерваторіи является поэтому незамѣнимой потерей не только для музыки вообще, но и для музыкальной этнографіи. Но Этнографическій Отдѣлъ и Музыкально-Этнографическая Комиссія вѣрятъ, что скоро наступитъ благоприятное время, когда вы вступите въ стѣны обновленной Консерваторіи, которой вы до этого ревностно служили болѣе 25-ти лѣтъ, и что еще долго послужите высокому дѣлу серьезнаго художественнаго и научно-музыкальнаго образованія молодого поколѣнія

русскихъ музыкантовъ. Въ ожиданіи этого дня члены Отдѣла и Комиссіи желаютъ вамъ, дорогой Сергѣй Ивановичъ, бодрости, силъ и здоровья. Предсѣдатель этнографическаго отдѣла *Всев. Миллеръ*. Предсѣдатель музык.-этногр. комиссіи *Н. Янчукъ*. Товарищъ предсѣдателя комиссіи *А. Гречаниновъ*. Секретарь этногр. отдѣла *Вл. Богдановъ*. Секретарь муз.-этно. комиссіи *Е. Линева*.» (Напечатанъ въ „Русск. Вѣдом.“ № 256).

ХЛІ.

20 октября 1905 г. состоялось 41-е засѣданіе Музык.-Этнографич. Комиссіи въ Политехническомъ Музеѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова, и г.г. членовъ: Д. И. Аракчіева, П. А. Карасева, А. М. Листопадова, Е. Э. Линева, А. В. Маркова, В. В. Пасхалова, М. Е. Пятницкаго, С. И. Танѣва и Ю. Д. Энгель.

1. Д. И. Аракчіевъ сдѣлалъ докладъ о своей лѣтней поѣздкѣ на Кавказъ—къ хевсурамъ, пшавамъ и тушинамъ, съ музыкально-этнографическою цѣлью.

Докладчикомъ были фонографированы въ мѣстечкѣ Тіонетахъ Тифлис. губ. двѣ хевсурскія вокальныя пѣсни и одна инструментальная пляска. Вокальныя пѣсни были одна походная, другая когда музыканты забавляютъ гостей. На эти два мотива (больше по ихъ увѣреніямъ у нихъ не было) они исполняли много различныхъ текстовъ. Напѣвы ихъ оказались одноголосными и крайне первобытными, такъ что опредѣлить въ нихъ какой-либо звукорядъ было нельзя. Ясный звукорядъ оказался только въ пляскѣ (кварта) и въ строѣ самого инструмента—трихорда въ квартѣ (fa-sol-si или si бем. не чистыя). Такимъ образомъ только техническая сторона вопроса и затѣмъ попеременно форма пѣсни (походная) указывали на аналогію хевсурской пѣсни съ другими грузинскими вѣтвями.

У пшавовъ докладчикомъ были записаны три вокальныя пѣсни и двѣ инструментальныя пляски. Онѣ оказались двухголосными (такъ-же какъ и хевсуры, они исполняли на два изъ этихъ напѣвовъ различные тексты; другихъ напѣвовъ, по ихъ словамъ тоже у нихъ больше не было). На вопросъ: почему у хевсуровъ музыка одноголосная, а у пшавовъ, ихъ сосѣдей, она двухголосная,—докладчикъ высказалъ предположеніе, что пшавы были вытѣснены изъ долины въ горы гораздо позднѣе хевсуръ. Когда вытѣснялись пшавы, то картвельская пѣсня въ долинахъ находилась, по мнѣнію докладчика, во второй стадіи развитія, т. е. въ двухголосіи. Разсматривая техническое строеніе пѣсенъ, докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Самый древнѣйшій видъ звукоряда въ пшавской пѣснѣ тоже кварта (первая пляска), притомъ, строй и инструментъ у нихъ общій съ хевсурами (отъ другихъ грузинскихъ вѣтвей инструментъ отличается только по виду). Дальше идетъ болѣе сложный звукорядъ, а именно кварта плюсъ секунда сверху (другая пляска). Вокальныя пѣсни тоже имѣютъ или звукоряды кварты (третья пѣсня), или квинты (вторая п.), или септимы (третья п.) Въ общемъ пшавская пѣсня вполне аналогична, какъ съ основами хевсурской музыки (пляска), такъ и съ пѣснями карталинцевъ, кахетинцевъ и другихъ грузинскихъ вѣтвей. Кромѣ того, у нихъ одинаковыя попеременноя формы исполненія.

Къ грузинамъ-тушинамъ хотя докладчику не удалось попасть, но все-таки различными путями имъ записано нѣсколько плясокъ. Онѣ оказались въ различныхъ звукорядахъ, имѣвшихъ основу тоже кварту.

Докладъ иллюстрировался примѣрами посредствомъ фонографа ¹⁾.

¹⁾ Этотъ докладъ имѣетъ быть напечатанъ въ «Русской Музык. Газетѣ».

2. Поставленный на обсуждение вопросъ объ устройствѣ въ наступившемъ сезонѣ публичныхъ чтеній и концертовъ оставленъ открытымъ въ виду тревожнаго времени.

XLII.

21 ноября 1905 г. состоялось 42-е засѣданіе Музык.-Этногр. Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товар. предс. А. Т. Гречанинова, секретаря Е. Э. Линевой и гг. членовъ: П. А. Карасева, А. Д. Кастальскаго, В. В. Пасхалова, С. И. Танѣва и Б. Л. Яворскаго.

1. По прочтеніи и утвержденіи протокола предыдущаго засѣданія предсѣдателемъ была предложена въ корректурѣ для окончательной редакціи и утвержденія къ напечатанію записка о введеніи преподаванія народной музыки, какъ отдѣльной каедры въ консерваторіяхъ, музыкальныхъ училищахъ и университетахъ. Послѣ нѣкоторыхъ поправокъ записка была одобрена, и постановлено по отпечатаніи ея разослать отдѣльнымъ лицамъ и музыкальнымъ учреждениямъ и университетамъ, какъ въ Россіи, такъ по возможности и за границей. Постановлено напечатать записку въ количествѣ 200—300 экз. отдѣльно, а также въ приложеніи къ протоколамъ.

2. Слѣдовалъ докладъ секретаря Комиссіи Е. Э. Линевой по вопросу о „Народной Консерваторіи“. Сущность доклада сводится къ слѣдующему. Постановка музыкальнаго преподаванія и музыкальнаго образованія въ нашихъ консерваторіяхъ и имъ подобныхъ учрежденіяхъ нерѣдко вызываетъ неудовлетворенность и нареканія на рутинность, педантизмъ и на весь строй системы, которая, по убѣжденію многихъ, не развиваетъ таланты, а губитъ ихъ своимъ формализмомъ. Въ наше время, когда всѣ стороны народной жизни привлекаютъ къ себѣ самое серьезное вниманіе ученыхъ и когда возлагаются надежды на широкую самостоятельность народа, нельзя оставлять безъ вниманія и ту область, на поприщѣ которой могутъ также выдвинуться и уже выдвигались изрѣдка народные таланты, именно область искусства, въ частности музыки. Доступъ въ консерваторіи для лицъ изъ народа затруднителенъ, какъ по финансовымъ причинамъ, такъ и по тѣмъ условіямъ, которыя предъявляетъ консерваторія къ поступающимъ, и такимъ образомъ музыкальные таланты въ народной средѣ лишены возможности развиваться. Необходимо создать для нихъ другія, болѣе благоприятныя условія, необходимо создать „народную консерваторію“, исходя изъ той-же идеи, какая положена въ основаніе „народныхъ университетовъ“. По заявленію докладчицы, среди рабочаго класса г. Москвы есть множество лицъ, стремящихся къ музыкальному образованію и обладающихъ несомнѣнными способностями къ музыкѣ вокальной и инструментальной, да наконецъ музыкальность русскаго народа давно засвидѣтельствована не только нами, но иностранцами. Опытъ музыкальныхъ занятій съ рабочими, сдѣланный г-жей Линевой въ народномъ домѣ и на Пречистенскихъ курсахъ для рабочихъ, показалъ, что это дѣло имѣетъ за собою несомнѣнную будущность, если его умѣло и основательно поставить. Въ видѣ начальнаго проэкта докладчица высказала нѣкоторыя свои соображенія по вопросу о программѣ предполагаемой народной консерваторіи и о практическомъ осуществленіи самой идеи, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ. По ея проэктору нужно основать главное центральное музыкальное училище для народа (хотя бы при Пречистенскихъ курсахъ), а затѣмъ отдѣленія его въ разныхъ пунктахъ города подобно торговымъ классамъ Мин-ва Финансовъ, при чемъ на помощь этому дѣлу, по наведеннымъ ею справкамъ, можетъ прийти городское управленіе, предоставивъ въ распоряженіе народной консерваторіи помѣщенія нѣкоторыхъ городскихъ училищъ для вечернихъ занятій. Руководить жизнью этихъ

учрежденій долженъ спеціальный комитетъ изъ представителей науки и другихъ общественныхъ дѣятелей; финансовая сторона должна быть въ вѣдѣніи особой хозяйственной комисіи, выбираемой изъ среды членовъ комитета. Все управленіе должно основываться на коллегіальныхъ началахъ. Комитетъ можетъ выбрать изъ своей среды директора на опредѣленный срокъ; всѣ остальные должности обязательно должны быть тоже выборныя.

Переходя къ программѣ центральнаго училища, докладчица указала, что прежде всего надо имѣть въ виду два главныхъ предмета, на которые больше всего имѣется охотниковъ: это—*пѣніе* (хоровое и сольное, духовное и свѣтское) и *игра на инструментахъ* (особенно смычковыхъ и духовыхъ, отчасти и фортепіано.) Исходя изъ этихъ двухъ предметовъ, особенно же пѣнія, можно расширять кругъ преподаванія, наприм. вводя краткую *теорію* музыки, въ которой бы сообщались самыя необходимыя свѣдѣнія по этому предмету въ доступной формѣ, или также знакомя съ *исторіей* музыки, хотя бы въ видѣ біографическихъ очерковъ выдающихся музыкантовъ, съ указаніемъ на ихъ заслуги и съ характеристикой ихъ капитальныхъ произведеній. Несомнѣнно, что по отдѣлу пѣнія должно быть обращено также серьезное вниманіе на постановку *хоровыхъ* классовъ, а въ инструментальномъ отдѣлѣ—на устройство *оркестровыхъ* классовъ. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ преподаваніе должно быть по возможности упрощено и облегчено, чтобы учащимися не было затрачиваемо массы времени и труда на прохожденіе того, безъ чего музыкантъ не специалистъ можетъ легко обойтись. Въ зависимости отъ состава учащихся и вообще развитія дѣла, программа, конечно, можетъ расширяться. Такое училище должно выпускать настолько подготовленныхъ лицъ, которыя могли бы, при желаніи, работать на музыкальномъ поприщѣ, служить въ хорахъ, оркестрахъ, выступать на народныхъ сценахъ, а выдающіеся таланты могли бы продолжать свое научно-музыкальное образованіе въ высшихъ музыкальныхъ училищахъ.

Коснувшись вкратцѣ финансовой стороны дѣла, г-жа Линева высказала тотъ взглядъ что обученіе въ „народной консерваторіи“ должно быть платнымъ. Плата преподавателю за общее пѣніе и оркестровый классъ—minimum 2 р. часъ, а за занятія съ отдѣльными лицами—смотря по числу учащихся, Плата съ учениковъ—5 р. въ годъ, каковая плата, по расчетамъ докладчицы, могла бы дать около 800 р. въ годъ дохода. Расходъ на учебныя пособія, плату преподавателямъ, освѣщеніе и пр., по ея же соображеніямъ, для одного центральнаго училища достигнетъ не менѣе 2,000 рублей въ годъ. Слѣдовательно, комитету народной консерваторіи необходимо будетъ позаботиться объ образованіи капитала на этотъ предметъ изъ частныхъ пожертвованій, а безъ этого нельзя начинать дѣло на болѣе или менѣе широкихъ началахъ.

По выслушаніи это доклада, присутствующими были высказаны нѣкоторыя замѣчанія и соображенія.

Предсѣдатель Н. А. Янчукъ, выдѣляя чисто-учебную сторону дѣла и устраняя пока финансовый вопросъ, предложилъ высказаться по поводу программы предполагаемыхъ курсовъ и поставилъ вопросъ, насколько удобно было бы присвоеніе такимъ курсамъ, съ сравнительно узкой программой, названія „консерваторіи“.

С. И. Танѣевъ по поводу этого высказалъ ту мысль, что на первомъ планѣ для начала нужно поставить не центральные собственно-консерваторскіе классы, существованіе которыхъ все-таки необходимо для выдающихся талантовъ, а музыкальныя училища въ разныхъ мѣстахъ города для всѣхъ ищущихъ нѣкотораго музыкальнаго развитія, т. е. надо отдѣлать училища отъ собственно-консерваторіи, выработать опредѣленную общую программу для училищъ и установить далѣе границу требованій, предъявляемыхъ по-

ступающимъ въ собственно консерваторскіе классы. При этомъ С. И. Танѣевъ согласился съ мыслью докладчицы, что изъ консерваторскаго курса въ этомъ случаѣ должны быть исключены всякія формальныя требованія, стѣсняющія свободное развитіе и совершенствованіе ясно опредѣлившагося таланта.

А. Т. Гречаниновъ отстаивалъ названіе „народной консерваторіи“, указывая на то, что и народные университеты, безъ отношенія къ количеству учебныхъ предметовъ и системы преподаванія, все-таки удерживаютъ наименованіе университетовъ. Что же касается мнѣнія С. И. Танѣева о раздѣленіи муз. училищъ отъ собственно-консерваторіи, то онъ полагалъ бы, что высшіе консерваторскіе классы для избранныхъ талантовъ, м.-б., будутъ лишніе, т. к. такія лица могутъ поступать въ казенныя консерваторіи, на что С. И. Танѣевъ возразилъ, что подготовить даже лучшихъ изъ такихъ учениковъ для поступленія въ настоящія консерваторіи ему кажется не возможнымъ при большихъ требованіяхъ консерваторскихъ программъ, а самое прохожденіе курса въ консерваторіи будетъ сопряжено для такихъ лицъ съ излишними тормозами, и въ концѣ концовъ необходимымъ окажется учредить собственные высшіе курсы для народной консерваторіи.

На замѣчаніе Гречанинова и Линевой, что болѣе способные, несомнѣнно, могутъ подготовиться къ консерваторіи, Танѣевъ отвѣтилъ, что для такихъ избранныхъ надо дать возможность совершенствоваться именно въ томъ, къ чему кто особенно способенъ а консерваторія наложитъ на нихъ цѣлый рядъ тяжелыхъ и ненужныхъ для виртуозовъ путь. Кромѣ того, высокая плата въ консерваторіи послужитъ препятствіемъ къ поступленію.

П. А. Карасевъ по вопросу о предметахъ преподаванія привелъ въ примѣръ торговые классы, въ которыхъ первые 4 класса—общеобразовательныя, а 5-й представляетъ нѣчто среднее между гимназическимъ и университетскимъ курсомъ. Низшіе общеобразовательныя курсы разсѣяны по всей Москвѣ, а высшій въ одномъ центрѣ—Политехническомъ Музеѣ. Методъ преподаванія—американскій, концентрический. По его мнѣнію этотъ методъ былъ бы болѣе всего примѣнимъ и къ „народной консерваторіи“. Въ дополненіе къ этому В. В. Пасхаловъ высказался за расширеніе программы общеобразовательными предметами, хотя бы это повлекло за собою удлиненіе учебнаго періода.

Б. Л. Яворскій выразился въ томъ смыслѣ, что вопросъ о предметахъ преподаванія долженъ быть рассмотрѣнъ детально въ специальныхъ засѣданіяхъ Комиссіи, при чемъ предложилъ свои услуги по выясненію вопроса о постановкѣ хорового обученія. Комиссія просила А. Д. Кастальскаго высказаться по вопросу о церковномъ пѣніи. Намѣчены также еще доклады: С. И. Танѣева—о постановкѣ теоріи музыки и Ю. Д. Энгеля—по предмету исторіи музыки. Г-жѣ Линевой предложено разработать вопросъ объ управленіи „народной консерваторіей“.

Предсѣдателемъ въ заключеніе было высказано, что хотя Комиссія охотно подвергаетъ обсужденію этотъ назрѣвшій вопросъ духовно-эстетической жизни народа, но она врядъ ли можетъ взять на себя организацію этого сложнаго дѣла, особенно его матеріальной стороны. Комиссія можетъ принять участіе только въ выработкѣ программы и въ постановкѣ преподаванія, насколько это будетъ въ ея компетенціи. Дальнѣйшее обсужденіе вопроса предположено въ ближайшихъ засѣданіяхъ Комиссіи.

З. А. Т. Гречаниновъ заявилъ о томъ, что у него состоялось 2 собранія подкомиссіи по составленію 2-го выпуска „Школьнаго Сборника русс. нар. пѣсенъ“ и что занятія подкомиссіи будутъ продолжаться по мѣрѣ возможности. Пока намѣчено десятка два номеровъ, котрые разобраны членами для хорового переложенія.

XLIII.

9 марта 1906 г. въ зданіи Политехнич. Музея состоялось закрытое засѣданіе Муз.-Этногр. Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствіи товар. предсѣдателя А. Т. Гречанинова и гг. членовъ: Д. И. Аракчіева, А. М. Листопадова, П. А. Карасева, А. В. Маркова, А. А. Маслова, В. В. Пасхалова, Б. Л. Яворскаго и секретаря Комиссіи Е. Э. Линевой.

1. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Комиссіи отъ 21-го ноября 1905 г. причѣмъ предсѣдателемъ было выражено сожалѣніе о томъ, что тревожныя событія, происходившія въ Москвѣ съ прошлой осени, и продолжающаяся еще и теперь чрезвычайная охрана порвали на долгое время ученую дѣятельность большинства учреждений Москвы, въ томъ числѣ и нашей Комиссіи вслѣдствіе чего и вопросъ о проектѣ народной консерваторіи затянулся.

2. Е. Э. Линева продолжала свои соображенія объ осуществленіи проекта учрежденія „Народной Консерваторіи.“ По этому вопросу ею сдѣлана попытка заинтересовать этимъ дѣломъ лицъ, близко стоящихъ къ комитету по устройству народнаго университета, обладающему уже значительными суммами. Изъ переговоровъ черезъ проф. Шервинскаго выяснилось, что будущій народный университетъ охотно приметъ подъ свое покровительство Народную Консерваторію, дастъ помѣщеніе для занятій, но денежной поддержки не можетъ пока обѣщать. Считая этотъ отказъ неокончательнымъ г-жа Линева предложила списаться объ этомъ съ главными представителями комитета народнаго университета, между прочимъ съ Д. А. Дрилемъ, на что Комиссія ее уполномочила. Въ дополненіе къ прежнимъ финансовымъ расчетамъ докладчица обратила вниманіе еще на одну, по ея мнѣнію, очень важную сторону дѣла, требующую расходовъ, именно на необходимость подготовленія и изданія специальной серіи руководствъ и разныхъ пособій, приуроченныхъ для этой цѣли, какъ это дѣлается кое-гдѣ за границей. По этому поводу признано желательнымъ добыть иностранныя изданія подобнаго рода и поближе ознакомиться съ постановкой этого дѣла во Франціи, Италиі, Америкѣ.

А. Т. Гречаниновъ и А. Л. Масловъ, въ виду отсутствія въ данное время источника для изысканія средствъ на Народную Консерваторію, возбудили вопросъ о томъ, не полезно ли было бы войти по этому дѣлу въ ближайшіе переговоры съ городскимъ управленіемъ, которое принципиально сочувствуетъ этому проекту и уже обѣщало дать въ распоряженіе Народной Консерваторіи помѣщенія нѣкоторыхъ городскихъ училищъ для вечернихъ занятій. Е. Э. Линева и Д. И. Аракчіевъ высказывали по этому поводу, что становится въ зависимость отъ городского управленія врятъ ли будетъ удобно и полезно для дѣла, какъ это доказала городская комиссія народныхъ развлеченій, прекратившая свое существованіе по винѣ городскихъ заправиль. Въ концѣ концовъ признано болѣе желательнымъ, если не найдется специальныхъ средствъ, соединить народную консерваторію съ продвнымъ университетомъ, причѣмъ Б. Л. Яворскимъ было высказано предположеніе, что дѣло нисколько не проиграетъ отъ того, если народная консерваторія не будетъ составлять особаго учрежденія, а хотя бы специально музыкальный факультетъ того-же народнаго университета.

По окончаніи доклада г-жи Линевой и бесѣды по поводу его, предсѣдателемъ предложенъ вопросъ, не будетъ ли полезнѣе передать дѣло народной консерваторіи въ особую подкомиссію для болѣе детальной разработки. Постановлено предложить желающимъ изъ членовъ образовать такую подкомиссію и выбрать изъ своей среды предсѣдателя съ

правомъ приглашать въ свои собранія и другихъ полезныхъ лицъ, не принадлежащихъ Комиссiи, съ тѣмъ условiемъ, чтобы о ходѣ этого дѣла доводилось до свѣдѣнiя Муз.-Этногр. Комиссiи, пока оно не будетъ передано въ свѣдѣнiе комитета народнаго университета или другого общественнаго учрежденiя.

3. Предсѣдателемъ доложено о состоявшемся 3 марта въ Историческомъ Музеѣ VII-мъ Этнографическомъ Концертѣ, причемъ онъ выразилъ извиненiе, что въ виду экстренности дѣла и трудности собранiя концертъ состоялся безъ формальнаго утвержденiя Комиссiи, хотя и съ вѣдома большинства ея членовъ и въ составѣ номеровъ, входившихъ въ прежнiе концерты. ¹⁾ Прибыль отъ концерта въ 102 руб. въ виду выставленныхъ заранѣе условiй, раздѣлена между устроителями и участниками, и на долю Комиссiи пришлось 34 руб., каковыя постановлено передать казначею Комиссiи. На будущее время признано обязательнымъ, въ случаѣ если устройство концерта будетъ поручаемо отдѣльному лицу, уплачивать ему за хлопоты определенную сумму помимо расходовъ на марки, афиши билеты и публикации. Кромѣ того, выражена необходимость обновить репертуаръ этнографическихъ концертовъ, имѣя въ виду на первомъ планѣ художественно-научную сторону, хотя бы въ ущербъ кажущемуся внѣшнему успѣху.

Слѣдующій концертъ предположено попытаться устроить на Святой или Оуминой недѣлѣ, выработавъ заранѣе программу, которая должна быть утверждена Комиссiей.

XLIV.

29 марта 1906 г. состоялось 44-е засѣданiе Муз.-Этногр. Комиссiи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Янчука, въ присутствiи товарища предсѣдателя А. Т. Гречанинова и гг. членовъ: Д. И. Аракчиева, А. В. Маркова, А. Л. Маслова, М. Е. Пятницкаго и Ю. Д. Энгель. Засѣданiе происходило въ частномъ помѣщенiи Музыкальнаго училища А. Л. Маслова.

1. Заслушано предложенiе М. Е. Пятницкаго объ устройствѣ Этнографическаго концерта отъ Комиссiи въ г. Орлѣ въ пользу голодающихъ, вслѣдствiе полученнаго отъ мѣстныхъ дѣятелей предложенiя принять на себя всѣ хлопоты и расходы по устройству концерта, а также отчислить известную часть сбора (предполагается сборъ до 1000 р. съ лишнимъ) въ пользу Комиссiи, которая должна будетъ дать программу концерта и исполнителей. Послѣ обсужденiя этого предложенiя признано въ принципѣ желательнымъ, чтобы Комиссiя заявляла о своей дѣятельности и въ провинцiи, преслѣдуя тѣже цѣли, какiя имѣлись въ виду и при устройствѣ Этногр. концертовъ въ Москвѣ, т. е. цѣли эстетическiя и музыкально-образовательныя. Что-же касается вознагражденiя въ пользу Комиссiи, то въ виду благотворительной цѣли была высказана мысль, что Комиссiя не должна гнаться за матеріальными выгодами. Если бы сборъ былъ полный (не менѣе 1000 рублей), то Комиссiя считала бы справедливымъ получить долю выручки хотя бы въ размѣрѣ 10 % не считая вознагражденiя исполнителямъ; въ противномъ случаѣ Комиссiя не считаетъ удобнымъ брать что-нибудь въ свою пользу. Принявъ это положенiе, Комиссiя постановила поручить г. Пятницкому взять на себя дальнѣйшія сношенiя по этому дѣлу съ Орломъ въ цѣляхъ выясненiя условiй участiя Комиссiи въ концертѣ, а А. Л. Маслову—переговоры съ предполагаемыми исполнителями солистами и организациоу хора, а также составленiе примѣрной программы концерта, которая должна поступить на утвержденiе Комиссiи.

(Примѣч. Вслѣдствiе тревожнаго времени концертъ не могъ состояться).

¹⁾ Программа прилагается къ протоколамъ вмѣстѣ съ предыдущими.

2. Д. И. Аракчиевъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской народной пѣсни (мингрельская вѣтвь) и народныхъ музыкальныхъ инструментовъ“. Докладчикъ вначалѣ далъ краткій историко-бытовой очеркъ мингрельцевъ, а затѣмъ приступилъ къ характеристикѣ мингрельскихъ пѣсенъ со стороны ихъ содержанія и музыки, раздѣливъ ихъ на одноголосныя, двухголосныя и трехголосныя, при чемъ сравнивалъ ихъ съ гурійскими, пользуясь преимущественно своими записями, а также собраніями гг. Гроздова и Бенашвили. Было отмѣчено вращеніе иноземное вліяніе на мингрельскую пѣсню—турецкое, хотя слабое и только въ одноголосныхъ пѣсняхъ. Наконецъ, охарактеризованы музыкальные инструменты: чонгүри и чанги. Въ заключеніе были продемонстрированы фонографическія записи мингрельскихъ пѣсенъ и игры на инструментахъ.

Рефератъ и образцы пѣнія и музыки вызвали большой интересъ въ присутствующихъ. Предсѣдатель, поблагодаривъ референта, выразилъ пожеланіе, чтобы эта работа вмѣстѣ съ музыкальнымъ матеріаломъ вошла въ составъ II тома „Трудовъ“ Комиссіи.

3. Предсѣдатель доложилъ, что для II т. „Трудовъ“ имѣются въ виду, кромѣ выслушаннаго доклада г. *Аракчиева*, слѣдующіе матеріалы: продолженіе бѣломорскихъ записей гг. *Маркова и Маслова*, якутскія записи со статьей *Д. Н. Анучина*, описаніе музыкальныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго Музея, составленное *А. Л. Масловымъ* (съ иллюстраціями), статья *Д. И. Аракчиева* о кавказскихъ музыкальныхъ инструментахъ, докладъ *А. М. Листопадава* о поѣздкѣ въ Донскую область въ 1904 г. (съ музыкальными записями), записи малорусскихъ, бѣлорусскихъ и польскихъ пѣсенъ *Н. А. Янчука* и нѣкоторые другіе матеріалы.

Примѣчаніе.

Годичные отчеты о дѣятельности Музыкально-Этнографической Комиссіи, представляемые къ годичному засѣданію Общества, ¹⁾ помѣщаются въ органѣ Этнографическаго Отдѣла — журн. „Этнографическое Обзоріе“. Такъ отчетъ за 1901—1902 г. напечатанъ въ LV книжкѣ журнала (стр. 140—144), за 1902—1903 г. — въ LIX книж. (стр. 180—183), за 1903—1904 г. — въ LXII кн. (123—130), за 1904—1905 г. — въ LXVII (стр. 155—156).

¹⁾ Годичные отчеты принимаютъ за исходный пунктъ 15-е октября—день основанія Общества (15 окт. 1863 г.).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Digitized by Google

ИНСТРУКЦІЯ

Музыкально-Этнографической Комиссіи при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

*Утверждена Советомъ Общества 29 января, 1902 года *).*

1. Для изслѣдованія вопросовъ музыкальной этнографіи, при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э. учреждается, на основаніи § 2 Устава Общества, особая постоянная Комиссія подъ названіемъ „Музыкально-Этнографической Комиссіи, состоящей при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е., А. и Э.“

2. Комиссія имѣетъ цѣлью:

а) изученіе народной музыки въ Россіи, какъ русской, такъ и инородческой;
б) популяризацию ея въ обществѣ, съ цѣлью сохраненія ея лучшихъ образцовъ.

3. Ближайшими вопросами изученія будутъ:

а) складъ и особенности народной музыки велико-мало-и бѣлоруссовъ, а также другихъ славянъ (поляковъ, чеховъ, болгаръ и сербовъ) и ихъ взаимное отношеніе;

б) складъ и особенности музыки не-славянскихъ народностей Россіи и ихъ влѣяніе на русскую музыку и обратно;

в) отношеніе современной народной музыки къ древне-греческой, восточной и западной.

4. Для достиженія означенныхъ цѣлей, Комиссія имѣетъ право, при посредствѣ Этнографическаго Отдѣла, снаряжать музыкальныя экспедиціи для собранія новыхъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ, а именно:

а) для собранія записей народныхъ напѣвовъ (съ текстомъ) по слуху или механическимъ способомъ, и описанія обычаевъ и обрядовъ, сопровождаемыхъ музыкой и пѣснями;

б) для собранія свѣдѣній о народныхъ пѣвцахъ и музыкантахъ и о музыкальныхъ инструментахъ;

в) для собранія предметовъ, относящихся къ народной музыкѣ (инструментовъ, фотографій, книгъ, рукописей и т. п.).

*) См. протоколы засѣданій Комиссіи, IX (5 февр. 1902 г.).

5. Результаты своихъ изученій въ области музыки и связанныхъ съ нею народныхъ обычаевъ, а также руководящія программы изслѣдованій, популярныя сборники и т. п. Комиссія публикуетъ или въ особой серіи изданій Отдѣла, хотя и не входящихъ въ серію „Извѣстій“ Общества, но съ постояннымъ заголовкомъ: „Этнографическій Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э.“ и съ подзаглавіемъ: „Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи“, или же въ періодическомъ изданіи. Изданія Комиссіи печатаются на общихъ основаніяхъ изданій Общества, съ разрѣшенія Совѣта Общества, безъ предварительной цензуры, подъ редакціей предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла или избраннаго отъ Комиссіи лица изъ ея членовъ, съ утвержденія Отдѣла.

6. Для популяризаціи и болѣе успѣшнаго сохраненія лучшихъ народныхъ напѣвовъ, помимо изданій, Комиссія имѣетъ право, съ согласія Отдѣла, устраивать публичныя (платныя) этнографическіе концерты, посвященные народной музыкѣ, при чемъ, въ случаѣ надобности, исполненіе пѣсенъ и другихъ мелодій вокальныхъ и инструментальныхъ можетъ сопровождаться объяснительнымъ чтеніемъ. Программы концертовъ въ подробностяхъ обсуждаются Комиссіей.

7. Деньги, выручаемыя отъ продажи изданій и отъ концертовъ, идутъ на нужды Комиссіи по ея усмотрѣнію. Денежный отчетъ ежегодно представляется Отдѣлу.

8. Комиссія имѣетъ также право устраивать свои научныя засѣданія, закрытыя и публичныя—послѣднія только совместно съ Этнографическимъ Отдѣломъ, причемъ на засѣданіяхъ могутъ быть исполняемы вокальныя и инструментальныя примѣры для иллюстраціи научныхъ докладовъ. Сообщенія, предназначаемыя для публичныхъ засѣданій, предварительно представляются на разсмотрѣніе предсѣдателя Отдѣла, а для закрытыхъ—предсѣдателю Комиссіи. Протоколы засѣданій, по утвержденіи ихъ въ Комиссіи, представляются въ Отдѣлъ вмѣстѣ съ годичнымъ отчетомъ, который зачитывается въ годичномъ засѣданіи Общества 15 октября.

9. Для устройства засѣданій, для склада изданій и для храненія бібліотеки и архива, Комиссія пользуется помѣщеніемъ Общества, при чемъ ей не воспрещается, съ вѣдома Отдѣла, пользоваться для означенныхъ цѣлей и другими помѣщеніями. Коллекціи музыкальныхъ вещей остаются въ распоряженіи Комиссіи.

10. Комиссія, какъ часть Отдѣла, пользуется правомъ бесплатной пересылки своихъ изданій и дѣловой корреспонденціи, отправляемыхъ отъ имени Общества.

11. Для веденія дѣлъ Комиссіи, ею избирается кандидатъ въ предсѣдатели изъ членовъ Общества и предлагается на утвержденіе Отдѣла. Избранный предсѣдатель Комиссіи приглашаетъ себя секретаря, а въ случаѣ надобности и товарищей предсѣдателя и секретаря. Для веденія денежной отчетности, Комиссіей избирается изъ ея членовъ особый казначей, а для завѣдыванія бібліотекой, архивомъ и складомъ изданій — бібліотекаръ или архивариусъ. Избраніе всѣхъ означенныхъ здѣсь лицъ производится на два года.

12. Комиссія имѣетъ право избирать своихъ членовъ, которые могутъ быть предлагаемы въ члены Отдѣла и Общества на общихъ основаніяхъ, согласно Уставу Общества. Всякій членъ Отдѣла, по собственному заявленію въ Комиссію, можетъ принять участіе въ ея занятіяхъ.

13. Члены Комиссіи обязаны ежегоднымъ взносомъ на ея нужды не менѣе одного рубля въ годъ.

14. Этнографическій Отдѣлъ, признавая Комиссію за неразрывную часть Отдѣла, считаетъ своею обязанностью оказывать ей какъ нравственную поддержку (напр., исходатайствованіемъ отъ Общества рекомендательныхъ листовъ на случай командировокъ и т. п.), такъ и матеріальное содѣйствіе. Комиссія съ своей стороны, при возможности, оказываетъ свое содѣйствіе Отдѣлу.

15. Отъ Этнографическаго Отдѣла зависитъ закрыть Комиссію. Все движимое имущество и архивъ Комиссіи, въ случаѣ ея закрытія, поступаетъ въ распоряженіе Отдѣла.

ЗАПИСКА

О введеніи преподаванія народной музыки въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ.¹⁾

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Московскомъ университетѣ, въ своихъ специальныхъ занятіяхъ изученіемъ народной музыки постоянно наталкивается на различнаго рода общіе вопросы изъ области музыки, требующіе основательнаго изученія, но пока еще, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не разработанные не только у насъ, но и за границей. Таковы, напр., вопросы о возникновеніи музыки, о ея первоначальныхъ формахъ, о связи ея съ оркестрическими движеніями, религіозными обрядами и съ народной поэзіей, о постепенномъ ея развитіи изъ первобытныхъ формъ, о музыкальномъ вліяніи одной народности на другую, объ отношеніи народной музыки къ современному музыкально-художественному творчеству въ области музыки свѣтской и церковной, и множество другихъ подобныхъ вопросовъ, выясненіе которыхъ дало бы возможность научной работѣ этнографовъ-музыкантовъ легче достигать тѣхъ серьезныхъ результатовъ, къ которымъ они стремятся, а съ другой стороны и музыка композиторовъ, при основательной разработкѣ намѣченныхъ вопросовъ въ тѣсной связи съ исторіей культуры человѣчества вообще и своего народа въ особенности, получила бы возможность развиваться на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Преимство идей, выработанныхъ многовѣковой жизнью человѣчества, лежитъ въ основѣ развитія всей умственной его жизни. Медицина, философія, правовыя и социальныя отношенія, литература—все эти и другія отрасли человѣческой мысли такъ или иначе зиждутся на тѣхъ основаніяхъ, которыя въ томъ или иномъ видѣ мы застаемъ уже почти на зарѣ человѣчества, насколько можно судить по даннымъ изъ наблюденій надъ жизнью уцѣлѣвшихъ до нашего времени дикарей. Поэтому весьма понятно, что современный юристъ и социологъ изучаютъ первобытное право, какъ особый предметъ, достойный самаго серьезнаго вниманія для уясненія современныхъ нормъ; точно также вполне естественно при изученіи исторіи литературы существованіе specialнаго курса народной словесности, и т. д.

¹⁾ См протоколы засѣданій Комиссій, XXXVI, XXXVII, XLII. Настоящая записка еще до выхода въ свѣтъ этого тома отпечатана отдѣльно и разслана въ совѣты консерваторій, муз. училищъ, университетовъ, а также всѣмъ болѣе извѣстнымъ музыкальнымъ дѣятелямъ.

Такимъ образомъ, въ различныхъ областяхъ науки давно уже признана необходимость основательнаго изученія народнаго творчества и народныхъ воззрѣній, въ какой бы формѣ они ни проявлялись, и весьма многое изъ того, что выработано народною практикою, примѣняется къ дѣлу наукою, не порывающею такимъ образомъ связей съ народною жизнью и не отходящею совершенно отъ ея почвы.

Совсѣмъ не то мы видимъ по отношенію къ музыкѣ. Современная образованная музыка большею частью оторвана отъ народной жизни, и современный музыкантъ-композиторъ рѣдко считаетъ для себя обязательнымъ основательное ознакомленіе съ музыкою своего народа и съ музыкою первобытныхъ народовъ, чтобы сравнительно-историческимъ путемъ изученія уяснить себѣ тѣ основные законы, на которыхъ зиждется исторія и развитіе музыки вообще и музыки своего народа въ частности.

Разсматривая этотъ вопросъ въ нѣсколькихъ своихъ засѣданіяхъ, Музыкально-Этнографическая Комиссія пришла къ единогласному заключенію, что при этихъ условіяхъ, какъ постановка музыкальнаго образованія не можетъ быть признана нормальной и удовлетворительною, такъ и развитіе національной музыки не можетъ идти правильнымъ, естественнымъ ходомъ.

Для устраненія этой ненормальности и въ видахъ расширенія программы музыкальнаго образованія, Музыкально-Этнографическая Комиссія признаетъ своевременнымъ и необходимымъ поднять вопросъ о желательности учрежденія въ консерваторіяхъ и имъ подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а можетъ быть и университетахъ, специальной кафедры народной музыки, признавая, что тѣ краткія и отрывочныя свѣдѣнія, какія даются по этому вопросу попутно въ курсѣ общей исторіи музыки или исторіи церковнаго пѣнія, слишкомъ мало освѣщаютъ предметъ первостепенной важности, заслуживающій спеціальнаго изученія.

Комиссія сознаетъ, что постановка преподаванія этого предмета на первыхъ порахъ встрѣтитъ нѣкоторыя затрудненія и въ научномъ матеріалѣ, и въ профессорахъ и лекторахъ, равно какъ и въ средствахъ; но всѣмъ извѣстно, что всякія начинанія рѣдко обходятся безъ препятствій. Если дѣло имѣетъ за собою будущность, то жизнь сама это покажетъ. Научный матеріалъ по народной музыкѣ, хотя и сырой, нельзя считать такъ ужь незначительнымъ, надо только умѣть его использовать. Научныя силы для этого найдутся уже и теперь, а когда будетъ открыта арена для ихъ дѣятельности, онѣ, безъ сомнѣнія, будутъ множиться и развиваться.

Если на первое время не всегда можно будетъ найти ученыхъ, настолько подготовленныхъ, чтобы одному профессору или лектору охватить всю обширную область народной музыки не только своего народа, но и другихъ племенъ, то ничто не помѣшало бы предоставлять нѣсколькимъ лицамъ открывать курсы по отдѣльнымъ вопросамъ изученія народной музыки. При этомъ однако желательно, чтобы эти чтенія не были случайными и разрозненными, но чтобы курсъ народной музыки былъ постоянный и болѣе или менѣе цѣльный и законченный, удовлетворяющій опредѣленной общей программѣ.

Для того, чтобы этотъ курсъ приносилъ возможно болѣе широкую пользу музыкальному образованію, необходимо, чтобы право слушанія его было предоставлено, какъ учащимся въ консерваторіи или музыкальномъ училищѣ, такъ и постороннимъ лицамъ.

Программа курса, намѣчаемаго Музыкально-Этнографическою Комиссіею, могла бы быть примѣрно слѣдующая:

1. Значеніе народной музыки для самого народа, для искусства и для науки. (Вступительное чтеніе).

2. Анализъ текста народныхъ пѣсенъ и связь текста съ музыкой.

3. Ритмика народныхъ пѣсенъ.

4. Строй народныхъ пѣсенъ.

5. Мелодика въ народныхъ пѣсняхъ.

6. Гармонія и контрапунктъ въ народныхъ пѣсняхъ.

7. Форма народной пѣсни.

8. Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка.

9. Отношеніе народной музыки къ художественно-музыкальному творчеству.

10. Связь народной пѣсни съ церковнымъ пѣніемъ.

11. Исторія развитія народной пѣсни и музыки.

12. Отношеніе русской народной пѣсни къ пѣснямъ другихъ племенъ Россіи и вопросъ о взаимномъ ихъ вліяніи.

13. Сравнительное изученіе русской народной музыки съ музыкой другихъ народовъ земного шара.

ПРОГРАММА

для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ.¹⁾

Въ послѣдніе годы народная музыка стала обращать на себя вниманіе не только художниковъ-музыкантовъ, но и ученыхъ, поставившихъ себѣ задачею сравнительное изученіе музыкальнаго творчества различныхъ племенъ и народовъ, для выясненія различныхъ научныхъ вопросовъ.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии, желая содѣйствовать дѣлу изученія народной музыки, считаетъ своевременнымъ издать программу собиранія свѣдѣній, касающихся изученія этой художественной и поэтической стороны жизни народа. Въ этомъ отношеніи, не смотря на многія цѣнныя работы въ этой области, то, что сдѣлано до сихъ поръ, является недостаточнымъ, и ощущается настоятельная потребность въ правильныхъ записяхъ образцовъ народнаго музыкальнаго творчества.

Народная музыка есть продуктъ безыскусственнаго творчества и содержитъ въ себѣ много своеобразныхъ, интересныхъ чертъ, отличающихъ эту музыку отъ произведеній современныхъ композиторовъ. Одинъ изъ главныхъ видовъ народной музыки—это пѣсня, слагающаяся инстинктивно въ устахъ народа, безъ сознанія взаимныхъ отношеній звуковыхъ интерваловъ. Звукоряды первобытныхъ народовъ, не подвергнувшись вліянію искусственной музыки, отличаются отъ современныхъ искусственныхъ, и музыкантъ, воспитанный на западной системѣ, привыкшій видѣть въ каждомъ музыкальномъ тонѣ составную часть извѣстнаго гармоническаго сочетанія, о каждой музыкальной фразѣ судить съ точки зрѣнія мажора и минора, тогда какъ древняя народная музыка, собственно, понятія о гармоніи не имѣетъ и часто не можетъ быть поставлена въ рамки мажора, минора и новѣйшихъ законовъ гармоніи. Наша привычка судить о строѣ по заключительному тону, вызванная практикой новѣйшей музыкальной системы, обыкновенно требующей заключенія пьесы тоникой, привела бы записывателя народной музыки къ большой ошибкѣ, такъ какъ народная пѣсня заключается не всегда на тоникѣ нашихъ мажора и минора.

Въ ритмическомъ отношеніи народная музыка изобилуетъ разнообразіемъ ритмовъ и не всегда можетъ быть подведена подъ симметричныя формы современной музыки. Что же касается собственно звуковой стороны, то наблюденія музыкантовъ показали, что она не всегда можетъ быть обозначена знаками нашей системы.

См. протоколы засѣданій Комиссіи: I, IV, XXII, XXVI, XXVII, XXVIII, XXX. Программа предварительно была напечатана въ LI кн. «Этнографич. Обзорнія» (1901 г. № 4) и въ видѣ отдѣльной брошюры разослана въ большомъ количествѣ всѣмъ желающимъ. Здѣсь она печатается въ нѣсколько переработанномъ видѣ.

На основаніи вышеизложеннаго, Музыкально-Этнографическая Комиссія предлагаетъ любителямъ народной музыки, желающимъ записывать народныя мелодіи и вообще собирать музыкально-этнографическій матеріалъ, руководствоваться нижеслѣдующими указаніями.

1) Записывать пѣсни и другіе виды народной музыки необходимо какъ можно точнѣе, не обращая вниманія на кажущіяся иногда неправильности противъ современнаго строя. Если записывающій увѣренъ, что поющій или играющій на какомъ-нибудь инструментѣ беретъ на нашъ слухъ фальшивыя ноты (напр., въ сравненіи съ звуками хорошо настроеннаго фортепіано), то это нужно непремѣнно отмѣтить какими-нибудь знаками, хотя бы, напр., такъ: когда пѣвецъ поетъ ноту среднюю между си \flat и си \natural то знакъ си-бемоль или си-беккаръ слѣдуетъ поставить въ скобкахъ, или въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь другимъ обозначеніямъ, объяснивъ точно свои знаки.

2) Въ ключѣ выставлять только тѣ знаки повышенія и пониженія (дѣзъ, беккаръ, бемоль), которые постоянно встрѣчаются въ самой мелодіи, или же, не выставляя знаковъ въ ключѣ, ставить ихъ передъ тѣми нотами, гдѣ они встрѣчаются въ мелодіи.

3) Длительность нотъ должна быть выражена преимущественно нотными знаками, на линейной системѣ. Допускаются также записи цифрами.

4) Обычно принятое въ музыкѣ подраздѣленіе на такты черточками при записываніи народной музыки можетъ быть отброшено; при этомъ необходимо отмѣтить ударенія, дѣлаемая, какъ въ текстѣ, такъ и въ музыкѣ.

5) Темпъ желательно обозначать посредствомъ метронома или просто точнѣйшимъ указаніемъ общепринятыми терминами, а также мѣстными выраженіями.

6) Всѣ оттѣнки и характерныя черты при исполненіи народной музыки (ускореніе, усиленіе и т. п.) также должны быть обозначены возможно подробнѣе, съ удержаніемъ мѣстныхъ народныхъ выраженій. Интересно также отмѣтить, какъ характеризуетъ самъ народъ манеру пѣнія данной мѣстности въ отличіе отъ сосѣднихъ (напр., у русскихъ въ такой-то деревнѣ „визжать“, „голосятъ“ и т. п.).

7) Пѣсня, по возможности, должна быть записана въ той высотѣ, въ которой пѣлась.

8) Выборъ хорошихъ пѣвцовъ и пѣвицъ имѣетъ большое значеніе при записываніи пѣсенъ, какъ въ отношеніи репертуара, такъ и въ отношеніи лучшихъ вариантовъ; въ этомъ случаѣ особенно полезны могутъ быть пожилыя лица.

9) Для цѣлей музыкальной этнографіи интересны всякіе напѣвы, но особенно вниманія заслуживаютъ старинныя пѣсни, все болѣе исчезающія. Старинныя пѣсни еще можно найти въ мѣстахъ удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, въ сторонѣ отъ заводской или фабричной жизни и не имѣющихъ съ таковыми близкихъ сношеній (напр., посредствомъ отхожихъ промысловъ).

10) Изъ старинныхъ пѣсенъ въ научномъ отношеніи особенно интересны историческія пѣсни, духовныя стихи и обрядовыя пѣсни; желательны также записи пѣсенъ бытовыхъ, рабочихъ, тюремныхъ, фабричныхъ, семейныхъ, дѣтскихъ, игровыхъ, колыбельныхъ, частушекъ и другихъ. Совершенно незатронуты еще изслѣдователями очень интересные возгласы продавцовъ, припѣвы рабочихъ; на нихъ желательно обратить вниманіе.

11) Образцы инструментальной народной музыки, почти неизвестные в существующей этнографической литературѣ, крайне желательны.

12) Прежде чѣмъ приступить къ записыванію народной мелодіи, нужно заставить пѣвца или музыканта припомнить мелодію и дать возможность ему утвердиться въ ней. Пѣсни, приуроченныя къ извѣстному времени года и обстановкѣ, лучше записывать при этихъ условіяхъ, т.-е. въ такую минуту, когда пѣвецъ находится въ соответствующемъ настроеніи.

13) Достаточно записать первые два-три куплета, если въ такой формѣ поется пѣсня; если же мелодія отъ начала до конца представляетъ неразрывное цѣлое, то желательно записать все.

14) Технической приѣмъ при записываніи одногласной мелодіи можетъ быть примененъ слѣдующій: если не удастся точно запомнить весь напѣвъ, собиратель записываетъ только то, что успѣлъ запомнить (конечно, безусловно вѣрно), а потомъ онъ самъ поетъ то, что успѣлъ записать; затѣмъ пѣвецъ вновь повторяетъ мелодію и продолжаетъ пѣсню, и тогда уже собиратель записываетъ продолженіе мелодіи. Такимъ образомъ происходитъ взаимная провѣрка между пѣвцомъ и собирателемъ.

15) Записываніе фонографомъ или графофономъ особенно рекомендуется. Въ этомъ случаѣ также нужно пользоваться данными выше указаніями. Свѣдѣнія о пользованіи фонографомъ можно получить при его покупкѣ.

16) Записываніе музыки многогласной (т.-е. когда въ пѣніи или при игрѣ на инструментѣ встрѣчаются одновременныя сочетанія различныхъ по высотѣ звуковъ) требуетъ большого навыка, и музыканту-любителю представить много затрудненій, поэтому слѣдуетъ кромѣ главнаго голоса записать по крайней мѣрѣ тѣ созвучія, которыя хорошо слышаны. Другой способъ записыванія многогласной пѣсни, хотя менѣе отвѣчаетъ своей цѣли, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ также можетъ применяться; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: записываютъ одну и ту-же пѣсню у разныхъ пѣвцовъ изъ одного и того-же хора, по возможности различныхъ по тембру голоса и лучшихъ какъ исполнителей,—полученное соединеніе вариантовъ можетъ дать въ результатѣ многогласную пѣсню. Лучше всего однако хоровое и инструментальное исполненіе записывать фонографомъ, выбравъ для этого небольшое число дружныхъ исполнителей.

17) Текстъ пѣсенъ непременно долженъ записываться съ голоса (т.-е. какъ пѣвецъ поетъ), съ отмѣткою, гдѣ повторяется мелодія, т.-е. съ раздѣленіемъ на строфы, если таковое дѣйствительно существуетъ; если повторяются отдѣльныя слова и выраженія, они не должны быть пропускаемы при повтореніи, какъ это нерѣдко дѣлается собирателями, а все должно быть записано.

Записывающій долженъ слѣдить не столько за смысломъ пѣсни сколько за точнымъ воспроизведеніемъ ея текста со всѣми словами и слогами, хотя бы кажущимися лишними.

18) Текстъ необходимо записывать съ сохраненіемъ мѣстнаго говора, обозначая его особенности, въ случаѣ надобности, какими-нибудь условными знаками (которые должны быть пояснены) и выставляя надъ словами удареніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно отступаетъ отъ обычнаго.

19) Каждая записанная пѣсня должна сопровождаться объясненіемъ собирателя: когда она поется (время года), при какихъ случаяхъ, какъ поется (хоромъ мужскимъ, женскимъ, дѣтскимъ или одиночно), къ какому разряду пѣсенъ относится и какъ въ данной мѣстности этотъ разрядъ называется.

20) Если данная пѣсня въ народномъ исполненіи является какъ составная часть какого-нибудь обряда или сопровождаетъ какую-нибудь игру, то соотвѣтствующій обрядъ или игра должны быть подробно описаны.

21) Недостатки и неточности въ музыкальныхъ записяхъ, замѣченные самимъ собирателемъ, всегда должны быть оговорены.

22) При каждой пѣснѣ должны быть еще слѣдующія свѣдѣнія: подробное обозначеніе мѣста записи съ указаніемъ приблизительнаго разстоянія отъ ближайшихъ городовъ, фабричныхъ центровъ и желѣзной дороги, имя, отчество и фамилія пѣвца, также его возрастъ и родъ занятій, а если онъ выдающійся, то и его краткая біографія, съ указаніемъ, у кого онъ перенялъ свои пѣсни.

23) Указаніе мѣстностей, отличающихся обиліемъ пѣсенъ, особенно старинныхъ, для Комиссіи очень желательно.

24) Кромѣ личныхъ записей могутъ быть присылаемы и другіе матеріалы, относящіяся къ музыкальной этнографіи, какъ-то: старыя рукописи и книги съ пѣснями, музыкальные инструменты или фотографическіе снимки съ нихъ, а также фотографіи выдающихся пѣвцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ.

25) Интересно также получить подробное описаніе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ: ихъ размѣръ, устройство, матеріалъ, способъ игры, строи и наконецъ, свѣдѣнія о томъ, что, когда и кѣмъ на нихъ играется.

26) Существуютъ ли въ данной мѣстности особые любители и специалисты-музыканты изъ народа? Каково ихъ общественное положеніе? у кого они учились?

27) Не сохранилось ли воспоминаній и разсказовъ о прежнихъ пѣвцахъ и музыкантахъ?

28) Не помнитъ ли кто про старинные инструменты, теперь не употребляемые? Ихъ описаніе, хотя бы приблизительное, или рисунокъ.

29) Комиссія была бы весьма благодарна за присылку подлинныхъ народныхъ инструментовъ, въ особенности старинныхъ, равно какъ и за присылку музыкальныхъ записей, фонограммъ и другого рода матеріаловъ.

Сотрудниковъ просятъ количествомъ собраннаго матеріала не стѣсняться.

На всѣ вопросы для разъясненія могущихъ возникнуть недоразумѣній Музыкальная Комиссія не замедлитъ своимъ отвѣтомъ.

Всѣ посылки и корреспонденцію просятъ адресовать такъ: Москва, Политехнической Музей, въ Музыкально-Этнографическую Комиссію.

Сотрудники благоволятъ сообщать свой точный адресъ.

ПРОГРАММЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ,

устроенныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ и Музыкально-Этнографическою Комиссіею И. О. Л. Е., А. и Э., въ Москвѣ, въ 1893—1906 гг.

І КОНЦЕРТЪ.

(11 марта 1893 г., въ большой залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія, съ участіемъ оперныхъ артистовъ, пѣвческой капеллы и опернаго оркестра, подъ управленіемъ Н. С. Кленовскаго).

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е. (Славянское).

А) Увертюра „Русь“, симф. поэма М. А. Балакирева (оркестръ).

Б) Великорусскія пѣсни.

1. На родимую сторонку. (Хоръ съ оркестр.)
2. На зарѣ было, на зоренькѣ. (Хоръ съ оркестр.)
3. Я страдаю, миль не знаетъ. (Сопр. съ оркестр.)
4. Возлѣ рѣчки на лужечкѣ. (Хоръ съ оркестр.)
5. Ужъ ты, Сѣма, Симеонъ. (Хоръ съ оркестр.)

Изъ
сборника
Ю. Н. Мель-
гунова.

В) Бѣлорусскія пѣсни.

6. Ой, лядѣли гуси съ Днѣпра. (Сопр. съ орк.)
7. Ой, калина-малина. (Теноръ, хоръ и орк.)
8. Ахъ, нема лёду. (Сопр. съ орк.)
9. Чомъ вы, конопельки. (Хоръ съ орк.)

Г) Малорусскія пѣсни.

10. Да куды йдешъ, Явтуше? (Сопр. съ орк.)
11. Ой наступае черная хмара. (Хоръ съ орк.)
12. Ой у степу крыныченна. (Баритонъ съ ф.-п.)
13. А вже весна, а вже красна. (Хоръ съ орк.)

Д) Болгарскія пѣсни.

14. Велко.
15. Стоянь.

Записи и гармонизація Н. С. Кленовскаго. (Теноръ съ ф.-п.)

Е) Польскія пѣсни.

16. Z tamtej strony jeziorczka (Теноръ, хоръ и орк.)
17. Wezmę ja kontusz. (Теноръ съ орк.)
18. Kaj się działy one lata (Хоръ и орк.)

ОТДѢЛЕНИЕ 2-е. (Инородческое).

А) Вмѣсто увертюры, „Татарскіе танцы“ П. И. Бларамберга. (Орк.)

Б) Литовскія пѣсни.

19. Кад аш тавяс норейяу. (Теноръ и оркестръ).
20. Мамужите, сянолите.
21. Ана пусе марелю.
22. О тай дивай.

Всѣ четыре номера изъ сборн. Bartach'a.

В) Грузинскія пѣсни.

23. Кучка бедніеро.— 24. Оделіа.— 25. Гульнара.

Г) Армянская пѣсня.

26. Крунк (Журавль). (Тен. и орк.)

Д) Чувашская пѣсня.

27. Пэр хэри мана. (Сопр. и орк.)

Е) Киргизскія пѣсни.

28. Аляк утэр будунья. (Сопр. и орк.)
29. Ай астында бэр джолдуз (Хоръ и орк.)

Изъ «Этнографич. Обзорнія», кн. III.

Ж) Сартская пѣсня.

30. Караласам курын майды. (Сопр. и орк.). Оттуда же.

З) Новогреческія пѣсни.

31. Ис ту кбзму то таксиди. (Сопр. съ ф.-п.).
32. Харѣ то 'кин' то стома. (Сопр. съ ф.-п.).
Изъ сборн. Bourgault-Ducoudray.

Въ заключеніе хоромъ и оркестромъ быть исполненъ финаль «Слава» изъ «Свѣтланы» Н. С. Кленовскаго.

Всѣ номера народа пѣсенъ, за исключеніемъ №№ 12, 31 и 32, исполнялись въ художественно-концертной обработкѣ Н. С. Кленовскаго. Они изданы потомъ вмѣстѣ съ текстами (иностранческія съ русскимъ переводомъ) у Юргенсона, подъ заглавіемъ: «Первый Этнографическій Концертъ, Н. С. Кленовскаго». М. 1894.

II КОНЦЕРТЪ.

- (11 марта 1901 г., въ аудиторіи Историческаго Музея, при участіи солистовъ, муж. хора любителей подъ упр. Д. И. Аракчіева и жен. хора подъ упр. В. С. Калининкова).

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е.

А) Великорусскія пѣсни.

1. Поминальный стихъ. (Барит.). Изъ сборн. Т. И. Филиппова, гарм. Н. А. Римскаго-Корсакова.
2. Былина «Королевичи изъ Кракова». (Сопр.).
3. Былина «Василій Окульевичъ». (Барит.).
4. Историч. пѣсня «Кострюкъ». (Барит.).
5. Свадебная «Виноградіе». (Сопр. и кларнетъ).
6. Свадебная «Есть на горкѣ деревцо». (Жен. хоръ).
7. Хороводная «Утушная». (Жен. хоръ).
№№ 2—7 изъ сборн. Петербургской Пѣсенной Комиссіи, записи Г. О. Дютша, гармонизація М. А. Балакирева.
8. У воротъ, воротъ батюшкиныхъ. (Смѣшан. хоръ).
9. «Ты взойди, солнце красное». (Смѣшан. хоръ).
№№ 8—9 въ обработкѣ Мусоргскаго.

Б) Малорусскія пѣсни.

10. Дух. стихъ о Страшномъ судѣ. (Барит.). Запись Н. А. Янчука, гарм. Н. С. Кленовскаго.
11. Дума про Палія та Мазепу. (Барит.). Изъ сборн. Н. В. Лисенка.
12. Пѣсня «чабана». (Пастушья, для барит.). Запись Н. А. Янчука, гарм. А. Л. Маслова.
13. «Ой по горахъ, по долинахъ». (Сопр.).
14. «Ой, Гандію милостива». (Сопр.).
№№ 13—14 изъ сборн. Н. В. Лисенка.

В) Бѣлорусскія пѣсни.

15. «Ой ляцѣли гуси», весенняя. (Сопр.). Изъ сборн. З. Радченко, гарм. Н. Кленовскаго.

16. «Да плавау чоуночокъ», купальская. (Контральто). Запись Н. А. Янчука, гарм. А. Л. Маслова.

ОТДѢЛЕНИЕ 2-е.

Г) Польскія пѣсни.

17. Дух. стихъ о Маріи Магдалинѣ. (Сопр.). Изъ сборн. Кольберга, гарм. А. Л. Маслова.
18. «Wezme ja kontusz», люб. (Теноръ). Запись Н. А. Янчука, гарм. Н. С. Кленовскаго.
19. «Uradla mi siekieszczka», мазурка. (Сопр.). Изъ сборн. Кольберга, гарм. В. В. Паскалова.

Д) Чешскія пѣсни.

- 20—22. Три пѣсни изъ собранія. I. Egben'a, (Теноръ). Въ гармонизаціи Мартиновскаго.

Е) Литовскія пѣсни.

- 23—24. Двѣ пѣсни изъ сборн. Барча и Нессельмана. (Сопр.; см. I концертъ).

Е) Грузинскія пѣсни.

- 25—27. Три пѣсни. (Сопр.). Изъ сборника М. М. Ипполитова-Иванова.
- 28—35. Восемь пѣсенъ (соло съ хоромъ): плясовая, пастушья, похосная, вѣяльная, свадебная, колыбельная, семейная и походная. Изъ сборниковъ Каргаретели, Бенашвили, Кленовскаго и Аракишвили (Аракчіева).

III КОНЦЕРТЪ.

- (18 марта 1901 г., въ аудиторіи Историческаго Музея, съ участіемъ солистовъ и хора подъ упр. В. С. Калининкова).

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е.

А) Великорусскія пѣсни.

1. Голубинная книга. (Контральто). Запись Дютша, гарм. Балакирева.
2. Лазарь. (Барит.).
3. Егорій-Храбрый. (Барит.). №№ 2—3 изъ сборн. Т. И. Филиппова, гарм. Римскаго-Корсакова.

4. Гришка Отрепьевъ, Историч. (Мецо-сопр.). Зап. Дютша, гарм. Балакирева.
5. Ванька Ключникъ, историч. (Мецо-сопр.). Зап. Н. А. Янчука, гарм. А. Маслова.
6. Кострюкъ, историч. (Барит.). Запись Дютша, гарм. Балакирева.
7. Владиміръ князь, был. изъ сборн. Филиппова, гарм. Римскаго-Корсакова.

8. Свад. причит. «Вечоръ мою косыньку». (Сопр.). Изъ сборн. С. Ляпунова.
9. Свадеб. «Виноградіе». (Сопр. и кларнетъ). Зап. Дютша, гарм. Балакирева.
10. «Я вечоръ молода». (Контр.). Зап. Дютша, гарм. Ляпунова.
11. Колыбельная, запись Даргомъжскаго, гарм. Римскаго-Корсакова.
12. «На Иванушкѣ чапанъ». (Хоръ съ запѣв.). Изъ сборн. Балакирева.
13. «Ахъ ты воля дорогая. (Хоръ съ запѣв.), въ обработкѣ Мусоргскаго.

Б) Бѣлорусскія пѣсни.

14. Нема лёду, весен. (Сопр.): Изъ сборн. З. Радченко, гарм. Н. Кленовскаго.
15. «Воль бушуе, весну чуе». (Контр.). Запись Н. Янчука, гарм. Ю. Д. Энгеля.
16. «Ой у поли жито». (Мецо-сопр.). Изъ сборн. З. Радченко.
17. «Чомъ вы, конопельки». (Хоръ). Изъ сборника Радченко, гарм. Н. Кленовскаго.

В) Малорусскія пѣсни.

18. «Ой, плачь, душе гришна», стихъ (Барит. и сопр.). Изъ собр. Кольберга, гарм. Н. Лисенка.
19. «Да жила собі удивонька». (Сопр.).
20. «Дощикъ капае дрибненько». (Сопр.). №№ 19—20 изъ сборн. Н. В. Лисенка.
21. «Ой у лузи чирвона калина». (2 сопр.). Зап. Н. А. Янчука, гарм. Ю. Д. Энгеля.
22. «А вже весна». (Хоръ). Зап. Н. А. Янчука, гарм. Н. С. Кленовскаго.

ОТДѢЛЕНИЕ 2-е.

Г) Болгарскія пѣсни.

23. Свадебная. (Контр.). Запись Н. А. Янчука, гарм. В. В. Пасхалова.
- 24—25. „Велко“ и „Стоягъ“ (см. 1 концертъ).

Д) Турко-татарскія пѣсни.

- 26—27. Татарскія, любовная и плясовая. (Сопр.).
- 28—29. Башкирскія бытовья. (Теноръ).
- 30—32. Башкирскія бытовья. (Мецо-сопр.)
- 33—34. Башкирскія мелодіи безъ словъ. (Кларн.). №№ 26—34 изъ собранія С. Г. Рыбакова, въ гармонизаціи А. Т. Гречанинова.
35. Киргизская пѣсня для барит. Запись и гарм. А. Т. Гречанинова.
36. Киргизская пѣсня. (Сопр.). Изъ сборн. Н. С.
37. Сартская пѣсня. (Сопр.). Кленовскаго
38. Чувашская пѣсня. (Сопр.). } (см. 1 концертъ)

Е) Еврейскія пѣсни.

- 39—41. Три пѣсни (Сопр.): свад., люб. и колыб.
- 42—44. Три пѣсни (Барит.): молитв., семейн., шут. №№ 39—44 изъ записей Глязбурга, въ гармонизаціи Ю. Д. Энгеля.

Ж) Армянскія пѣсни.

45. „Крунк“ (журавль). Изъ сборн. Н. С. Кленовскаго.
46. Пѣсня странника. (Тен.). Зап. В. Папазяна.
- 47—51. Пять пѣсенъ для соло и хора (протяжн., семейн., колад., свад. и плясовая), въ гарм. М. Экмаліана, Ю. Энгеля и Л. Назарьянца.

IV КОНЦЕРТЪ.

(29 ноября 1901 г., въ маломъ залѣ Консерваторіи, при участіи солистовъ и хоровъ: соединеннаго этнографическаго хора любителей и хора вспомогат. Общества Купеч. Прикащиковъ подъ упр. В. С. Калининскаго, хора студентовъ-техниковъ подъ упр. А. А. Ильинскаго и хора Латышскаго Хоров. Общества подъ управл. Я. П. Ремпетера).

ОТДѢЛЕНИЕ 1-е.

А) Великорусскія пѣсни.

1. Калики переходіе. (Хоръ à сарелла). Изъ сб. Некрасова и Истомина, въ обработкѣ А. Т. Гречанинова.
2. Заздравная. (Хоръ à сар.). Изъ сб. Филиппова, гарм. Римскаго-Корсакова.
3. Князь Владиміръ и его сыновья.
4. Князь Михайло Скопинъ. №№ 3—4 изъ новыхъ бѣломорскихъ записей А. Маслова и А. Маркова, въ гарм. А. А. Ильинскаго. (Для тенора или сопрано).
5. Егорій Храбрый.
6. Чурило Пленковичъ. №№ 5—6 изъ бѣломор. записей А. Маслова и А. Маркова, въ гарм. Маслова и Ильинскаго. (Для баритона).
7. Свадебная «Изъ-за лѣсу».
8. Велич. «Какъ за рѣчкою». №№ 7—8 изъ сб. Н. А. Римскаго-Корсакова (жен. хоръ).
9. Протяжн. «Ахъ таланъ ли мой».
10. Разбойн. «Ты взоиди, солнце красное». №№ 9—10 изъ сборн. Н. А. Римскаго-Корсакова. (Муж. хоръ).
11. Любовная «Ужъ какъ по мосту».

12. Колыбельная. №№ 11—12 изъ сборн. А. К. Лядова. (Сопр.).
13. Хороводная «Взоиди солнце, не низко—высоко».
13. Троицкая «Ай во полѣ липенька». №№ 13—14 изъ сб. Н. А. Римскаго-Корсакова. (Смѣш. хоръ).

Б) Малорусскія пѣсни.

15. Веснянка, «Черезъ наше сельце». Изъ запис. Н. А. Янчука, гарм. С. И. Танѣва. (Сопр.).
16. «Дворянка», изъ реперт. Ост. Вересаея, гарм. П. А. Котова. (Теноръ или сопр.).
17. «Чумакъ», изъ сборн. Гулака-Артемовскаго, гарм. П. А. Котова. (Жен. хоръ).
18. «Тумагъ аромъ» протяжн. Изъ сборн. Н. В. Лисенка. (Муж. хоръ).

ОТДѢЛЕНИЕ 2-е.

В) Польскія пѣсни.

- 19—20. Двѣ любовныя, изъ сборн. О. Кольберга, гарм. А. Ильинскаго. (Для мецо-сопр.).
21. Куявскъ, изъ сборн. Н. С. Кленовскаго. (Муж. хоръ).

Г) Латышскія пѣсни.

- 22—23. Двѣ любовныя, изъ сборн. I Витоля.
(Мецо-сопр.)
24—25. Двѣ хоровыя, изъ реперт. Латыш. хоров.
О-ва. (Смѣшан. хоръ).

Д) Еврейскія пѣсни.

26. Любовная.—27. Пѣсня безъ словъ. Запись и
гарм. Ю. Д. Энгеля. (Сопр.)
28. Пѣсня извозчика. Зап. и гарм. Ю. Д. Энгеля.
(Для барит.).

29. Молитвенная. Зап. и гарм. Ю. Д. Энгеля.
(Барит. и хоръ).

Е) Башкирскія пѣсни.

- 30—32. Три пѣсни изъ сб. С. Г. Рыбакова, въ
гарм. А. Т. Гречанинова. (Для тен.).

Ж) Татарскія пѣсни

- 33—34. Любовная и бытовая, изъ сб. С. Г. Ры-
бакова, гарм. А. Т. Гречанинова. (Для контр.).
35. Хоровая, изъ сб. С. Г. Рыбакова, гарм. А. Т.
Гречанинова. (Муж. хоръ).

У КОНЦЕРТЪ.

(30-го января 1902 г., въ залѣ Романова, при участіи солистовъ и двухъ хоровъ: Этнографическаго хора любителей подъ управленіемъ А. В. Никольскаго и грузинскаго хора подъ управленіемъ Д. И. Аракчіева).

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е.

А) Великорусскія пѣсни.

1. „Какъ во городѣ стольнокиевскомъ“, былина (барит.) изъ сборника Н. А. Римскаго-Корсакова
2. „Бой Добрыни съ татаринѣмъ“, былина (сопр.) изъ бѣломорскихъ записей А. Маркова и А. Маслова, въ гарм. В. В. Пасхалова,
3. „Братъ-разбойникъ“ был., изъ записей А. Л. Маслова, (сопр. или теноръ) гарм. А. А. Ильинскаго.
4. „Голубиная книга“ (барит.), изъ сб. Н. А. Римскаго-Корсакова.
5. „Звонили звоны“ (жен. хоръ), изъ сб. Н. А. Римскаго-Корсакова.
6. Свадебное пританіе (сопр.) изъ сборника В. М. Орлова.
7. „Строить миленькій палаты“, протяжная (хоръ), изъ сб. В. М. Орлова.

Б) Бѣлорусскія пѣсни.

8. „Дубровочка зеленая“, весенн. (контральто), изъ сб. П. В. Шейна
9. Колыбельная, изъ сборн. г-жи Зин. Радченко. (объ въ гармон. А. Т. Гречанинова).

В) Малорусскія пѣсни.

10. „А въ Ерусалымъ“, колядка, изъ записей Н. А. Янчука, (смѣшанный хоръ), въ перел. Ю. Энгеля.
11. „Ой, тамъ на морижку“, веснянка, изъ сб. Рубца (сопр. и женскій хоръ).
12. „Тече вода зъ-пидъ каменя“, историч. (сопр. или тен.), изъ сборн. Н. В. Лисенка.
13. „Не лай мене, моя маты“, (женскій хоръ), изъ зап. Н. А. Янчука. Гарм. Ю. Д. Энгеля.
14. „Кармелюкъ“, историч. (мужск. хор.), изъ зап. Ю. Д. Энгеля.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е.

Г) Литовскія пѣсни.

15. „По пудима крума“, } любовныя, изъ сборника
16. „Бернели мана“, } Барановскаго.
17. „Трейе гойджу“, свадебн., изъ сборн. Юшкевича (всѣ для сопр.) въ гарм. В. В. Пасхалова.

Д) Финскія пѣсни.

18. „Калевала“ (1-я руна), изъ записей И. Кронъ-гарм. Н. С. Потоловскаго (для барит.).
19. „Эле суре Суомен туттѣ, } изъ сб. Nägg'a
20. „Туолтапа кулу карьян келот“ } (для контрал.).
21. „Лаулетамме нуорет“, изъ записей И. Кронъ-гарм. Н. С. Потоловскаго (для сопр.).

Е) Вотьяцкая пѣсня.

22. Изъ записей г. Вихмана, гарм. Ю. С. Сахновскаго (для барит.).

Ж) Таранчинскія пѣсни.

- 23—24. Любовныя, изъ сборн. Н. Пантусова, въ гармонизаціи Ю. С. Сахновскаго (для сопр.).

З) Грузинскія пѣсни.

(изъ записей Д. И. Аракчіева).

25. „Одила, Мурман“, бытовая. } (для соло-тено-
26. „Дила нанина“, плясовая. } ра съ хоромъ).
27. „Ах мтварев“, городская пѣсня (мецо-сопр.).
28. „Чемо таво“, городская пѣсня (мецо-сопр.).
29. „Урмули“, деревенская (теноръ).
30. „Могепера цавикитхе“, городская (мецо-сопр.).
31. „Чона“, пасхальный гимнъ } (теноръ съ хо-
32. „Авдек цавели“, бытовая } ромъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ V-му КОНЦЕРТУ.

(ПЕРЕВОДЪ ИНОРОДЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ).

Литовскія пѣсни.

1.

Въ полѣ, у кусточка, у холоднаго ручейка,
Тамъ дѣвица гуляла, сосенку ломала,
Сосенку ломала, парня спрашивала:
— Жениться ли намъ, парень, или ждать осени?
Стоить въ полѣ липка и зеленая сосенка,
Стоить моя дѣвица, руки опустела.
— Тутъ мы будемъ пасти стадо и костеръ раз-
ложимъ
И сожемъ вѣночекъ изъ зеленой руты.

— Не плачь, дѣвица, не плачь, моя милая:
Я поѣду на ярмарку, куплю тебѣ вѣночекъ.

2.

— Ты меня, парень, навѣщалъ, а на меня дур-
ная слава пала.
— Отчего же ты мнѣ не сказала, если дурной
славы боялась?
— Что же мнѣ было говорить, когда ты иную
полюбилъ?
— „Полюбилъ сердечно, уговаривалъ ежедневно“.
— Иди, милый, къ своему отцу, возьми острый
мечъ,

Выруби мою руту-мяту, только оставь липы.
Вырастетъ рута, вырастетъ и мята,
Не вернется только моя молодость.

3.

Третьи пѣтухи еще не пѣли,
Когда матушка встала;
Она къ полатамъ подходила,
Сыновой будила:
— Вставайте, сыночки,
Сестрицы вашей нѣтъ!
Запрягайте, сыночки,
Всѣхъ шестерыхъ коней,
Запрягайте коней
И сестрину кобылку!
— Посовѣтуй же намъ, матушка,
Какимъ путемъ намъ ѣхать?

Финскія пѣсни.

1.

„*Kalevala*“ (начало 1-й руны).

Мнѣ пришло одно желанье,
Я одну задумалъ думу,
Чтобы къ пѣнью быть готовымъ,
Чтобъ начать скорѣе слово,
Чтобы спѣть мнѣ предковъ пѣсню,
Рода нашего напѣвы.
На устахъ слова ужъ таютъ,
Разливаются ужъ рѣчи,
На языкъ онѣ стремятся,
Разбиваются о губы...

(Переводъ Л. П. Вѣльскаго).

2.

Не печалься, дѣва Суоми¹⁾,
Что чужою я прихода:
Вѣдь любовь Ріеккалайца²⁾
Такъ же жгуча, какъ огонь.

3.

Звенять колокольчики на шеяхъ коровъ
Припѣвъ: Тпруйкеть, тпруллинъ, рамъ-тамъ.

Гадкій, проклятый сукъ,
Зачѣмъ ты испачкалъ мой бѣлый платочекъ.
Стой, моя пеструшка, стой, моя коровица,
А не то я ударю тебя подойникомъ,
Такъ что обручи повиснутъ на рогахъ.
Ступай, пеструшка, въ лѣсъ
И не возвращайся завтра.

1) Суоми—Финляндія.

2) Т. е. жителя села Ріеккалы.

4.

Давайте, ребята, споемъ въ честь хозяина,
Чтобы не было намъ скучно въ этомъ домѣ.

Вотяцкая пѣсня.

О, еслибы прошедшее было будущимъ!
О, еслибы лошади были запряжены не для отъ-
ѣзда, а для приѣзда!
О, еслибы, вмѣсто подъема на горы, намъ спу-
скались съ горъ!

Таранчинскія пѣсни³⁾.

1.

Черные волосы моей возлюбленной
Ниспадають по ея щекамъ.
Полюбивъ ее, я расстался съ нею.
За одинъ поцѣлуй я готовъ умереть подъ палкой.

2.

У цвѣтка есть бутонъ,—
Моя милая—тотъ же бутонъ.
Она не осталась со мной ни на минутку,
Чтобы я могъ открыть ей свое сердце.

Грузинскія пѣсни.

1.

— Мурманъ, скажи, пожалуйста, какова твоя
жена?
— Что ты спрашиваешь? Прилично-ли хвалить
Жену, равную небеснымъ созданіямъ!
Вѣдь, ты знаешь, что хрустальный замокъ вы-
соткою достигаетъ неба.
Въ немъ сидитъ жена, гордо выпрямивши шею.

2.

Ой дила, дила, нанина! (Припѣвъ).
Сынъ мой отчаянный, раненый да изрубленный,
Никакимъ лѣкарствомъ неизлѣчимый...

3.

О, луна, надежда влюбленныхъ,
Желаю повѣдать тебѣ свое горе.
Помнишь, луна, ту дивную ночь,—
Только ты была свидѣтельница.
Освѣщенные сияніемъ твоихъ лучей,
Мы сидѣли подъ деревомъ въ слезахъ...

4.

Я не рожденъ подъ счастливой звѣздой,
Сердцу не вѣдать блаженства любви.
Не звучи, лира, восторженной мольбой,—
Милая—врагъ мой, скорблю я душой,
Что не рожденъ подъ счастливой звѣздой.

5.

Аріарали, арало-да! (Припѣвъ).
Увы какое несчастье постигло меня, дѣвицу!
Мое лечакъ⁴⁾ унесло вѣтромъ,
А головной уборъ умчала рѣка.

³⁾ Таранчи—народность тюркскаго племени, обитающая въ предѣлахъ Семирѣченской области и говорящая сартскимъ нарѣчіемъ.

⁴⁾ Родъ фаты, часть головного жен. убора.

6.

Ты мнѣ писалъ, я прочла твое письмо, твои хвалебные стихи,
Ты меня предупредилъ, а меня еще болѣе терзаетъ огонь любви.
Какъ ты, такъ и я мечтаю быть съ тобою.
Мы дали другъ-другу слово, — оно нарушило.

7.

(Пасхальное величанье).

Ходили на величаніе, ничего не получили!

Мы идемъ надалека, дай Богъ вамъ встрѣтить Пасху!

Просимъ поскорѣ насъ отпустить,
Чтобы и домашнихъ намъ поздравить.

8.

Отправился я въ Аравію,
Вооружившись шапкою.
Много тамъ я видѣлъ сраженій,—
Кровь текла ручьями.

VI КОНЦЕРТЪ.

(20 апрѣля 1902 г., въ аудиторіи Историческаго Музея, при участіи солистовъ и хора, съ введеніемъ инструментальныхъ номеровъ).

ОТДѢЛЕНИЕ 1-ое. (Вокальное).

А) Великорусскія пѣсни.

1. Христородавная „Далалынь“, изъ сборн. Римскаго-Корсакова, въ перелож. П. А. Котова. (Смѣшанный хоръ).
2. „Лазарь“ изъ записей А. Л. Маслова (сопр. и барит. съ аккомп. лпры).
3. „Василей Кисаринской“, изъ записей А. Маслова, гармониз. (для барит.) А. Ильинскаго.
4. Свадебн.: „Какъ у молодца въ три ряда кудри завивалися“, изъ персскихъ записей И. С. Тезавровскаго (жен. хоръ).
5. Протяжная: „Не кукуй, кукушечка“, изъ запис. И. Тезавровскаго (сопр. съ аккомп. гобоя и кларнета).
6. Гулебная, донская „Ужъ ты, поле“, изъ зап. А. М. Листопадава (мужской хоръ).
7. Бытовая: а) „Ужъ ты, вимушка“, изъ сборн. Балакирева. б) „Степь Моздокская“, изъ сборн. Филиппова, гарм. Римскаго-Корсакова.
8. Хороводная: „Какъ по бережку по крутому“, изъ сборн. А. Лядова.
9. Частая: „Дуня-тонкопыха“, изъ сб. В. М. Орлова.

Б) Малорусскія пѣсни.

10. Историческая: б) „Ой, ишли наши славни запорожци“ (муж. хоръ), изъ записей Н. Янчука, гарм. Ю. Энгеля.
11. Живѣча: „Свиты, мисацю“, изъ зап. Н. Янчука, гарм. (для сопр.) Н. Кленовскаго.
12. Дивѣча: „Да туманъ яроть“, изъ сб. Н. Лисенка.
13. Пьяницька: „Якъ похвавъ мій миленькій“, изъ сб. Н. Лисенка.
14. Гуртовâ: „Маты моя, матусенько“, изъ зап. Н. Янчука, гарм. Ю. Энгеля (для смѣшан. хора).

В) Кавказскія пѣсни.

15. Армянская пѣсня изъ сб. Егіазарьяна.
16. Кумыкская, бытовая: „Гогомна бавлар“, зап. Д. Аракчиева.
17. Черкесская, бытовая: „Ворира“, зап. его-же.
18. Грузино-сванетская: „Кансав кшпани“, изъ сборн. Тешцова.
19. Грузино-мингрельская: „Во домцквилâ“, изъ сборн. Гроздова.
20. Грузино-гурійская: „Мзе шина“, зап. Д. Аракчиева.

ОТДѢЛЕНИЕ 2-ое. (Инструментальное).

А) Русскія мелодіи.

1. Былина: „Василій Окулевичъ“, изъ сборн. Балакирева. (Исп. на гусляхъ).
2. Свадебн.: „Какъ во саду винограда кустъ“, изъ сборн. А. Лядова. (Исп. на гусляхъ).
3. Свадебн. „Не было вѣтру“, изъ сборн. Балакирева. (Исп. на свирѣли).

Б) Малорусскія мелодіи.

4. Стихъ: „Нема въ свити правды“. (Исп. на лпрѣ).
5. Два пастушьихъ наигрыша на сопилкѣ, изъ записей Н. А. Янчука.

В) Польскія и болгарскія мелодіи.

- 6—7. Два польскихъ мотива, исп. на дудочкѣ, изъ запис. Н. А. Янчука.
- 8—9. Двѣ болгарскія мелодіи на „диплтѣ“ (двойной свирѣли). Изъ записей М. П. Тихомирова.

Г) Еврейскія мелодіи.

- 10—12. Три мелодіи на скрипкѣ, съ аккомп. рояля.

Д) Кавказскія мелодіи.

- 13—15. Левгинки: а) грузинская, б) кумыкская, в) осетинская. Записи Д. Аракчиева. (Исп. на саламури, съ аккомп. ударныхъ INSTR. дайры и доли).
16. Грузинскій танецъ „давлури“ его-же. (Исп. на зурѣ, съ аккомп. доли).

Е) Сартскія мелодіи.

- 17—19. Три мелодіи изъ сб. Пантусова, въ гарм. Ю. Сахновскаго. (Исп. на англ. рожкѣ).

Ж) Черемисскія мелодіи.

- 20—21. Двѣ мелодіи, исп. на чуваш. гусляхъ.

З) Молдаванскія мелодіи.

22. Мелодія для скрипки съ фортепиано.
23. Мелодія для скрипки, съ аккомп. кларнета, трубы, виолончели и тамбурина.

VII КОНЦЕРТЪ.

(3 марта 1906 г., въ аудиторіи Историческаго Музея, при участіи солистовъ, мужского хора, гусляра и лирника).

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е:

А) Великоорусскія пѣсни.

1. „Ночки темныя“, хор., изъ сборн. М. Е. Пятницкаго и В. В. Пасхалова.
2. „За рѣкой, за быстрой“, хор., Мусоргскаго.
3. „Былина о Кострюкѣ“, въ гарм. А. Маслова, изъ его-же записей (барит.).
4. „Лучина“, изъ сборн. Е. Э. Лиевой, (тріо: 2 сопр. и контральто).
5. „На зорѣ было, на зоренькѣ“, изъ сборника Ю. Н. Мельгунова (тен.).
6. а) „Какъ по морю синему“.
- б) „Ужъ какъ по мосту, по калиновому“.
- в) „Ты поди, моя коровушка, домой“.
- г) „Вдоль да по рѣченькѣ“.
7. „Что запилъ, загулялъ“, изъ сборн. М. Пятницкаго, и В. Пасхалова (сопр. и теноръ).
8. „Псальма“ (духовный стихъ), изъ записей Д. Аракчіева (тен. съ лирой).

Б) Малорусскія пѣсни.

9. „Да туманъ яромъ“, изъ сб. Н. В. Липенко (сопр.).
10. „Якъ похавъ мій миленькій“ (сопр.).

11. „Дума“, изъ собраніи Н. Лисенка.
12. „Ой піду я по надъ лугомъ“, (Теноръ съ лирой).
13. „Ой тамъ за Дунаемъ“, изъ сборн. Лисенка, запись Н. Янчука.
14. „Ой що то за шумъ учинився“, (муж. хоръ).

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е:

В) Польскія пѣсни.

15. „Wezme ja kontusz“, изъ сборн. Н. Кленовскаго (тен.).
16. „Uradla mi siekierczka“, изъ сборн. Кольберга, въ обраб. В. Пасхалова (сопр.).

Г) Инородческія пѣсни.

- 17—18. Двѣ армянскія пѣсни, Корганова.
19. Татарская пѣсня „Такмак“, изъ сб. С. Рыбакова, въ обраб. Куй“ (Тен.).
20. Башкирская пѣсня „Жинныль Гречанинова.
- 21—23. Грузинскія пѣсни: а) Любовная, б) Колыбельная, зап. и гарм. Д. Аракчіева, (сопр.).
- в) „Мегрулада“, любовная, запись и гармониз. Д. И. Аракчіева (сопр. и хоръ).

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

МОСКОВСКОЙ

Музыкально - Этнографической Комиссиі.

Аракчевъ, Дмитрій Игнатъевичъ.
Бларамбергъ, Павелъ Ивановичъ.
Богословскій, Евгеній Васильевичъ.
Васильевъ, Викторъ Петровичъ.
Вигнеръ, Эдуардъ Андреевичъ.
Витоль, Іосифъ Ивановичъ. (Петербургъ).
Войденовъ, Василій Петровичъ. (†1904)
Гречаниновъ, Александръ Тихоновичъ.
Григорьевъ, Александръ Дмитріевичъ.
Грузинскій, Алексѣй Евгеньевичъ.
Ильинскій, Александръ Александровичъ.
Ипполитовъ - Ивановъ, Михаилъ Михайловичъ.
Калинниковъ, Викторъ Сергѣевичъ.
Карасевъ, Алексѣй Николаевичъ.
Карасевъ, Павелъ Алексѣевичъ.
Кастальскій, Александръ Дмитріевичъ.
Кашкинъ, Николай Дмитріевичъ.
Кленовскій, Николай Семеновичъ. (Петербургъ).
Клечковскій, Маврикій Мечиславовичъ.
Конюсъ, Георгій Эдуардовичъ.
Корещенко, Арсеній Николаевичъ.
Коршъ, Федоръ Евгеньевичъ.
Котовъ, Петръ Александровичъ.
Кругликовъ, Семень Николаевичъ.
Линева, Евгения Эдуардовна.
Липаевъ, Иванъ Васильевичъ.
Лисенко, Николай Виталиевичъ (Кіевъ)
Листопадовъ, Александръ Михайловичъ.

Лосевъ, Яковъ Александровичъ.
Марковъ, Алексѣй Владиміровичъ.
Масловъ, Александръ Леонтьевичъ,
Мельгуновъ, Алексѣй Николаевичъ.
Никольскій, Александръ Васильевичъ.
Орловъ, Василій Сергѣевичъ.
Пасхаловъ, Вячеславъ Викторовичъ.
Поповъ, Анатолій Николаевичъ. (Вологда.)
Прокунинъ, Василій Павловичъ.
Пятницкій, Митрофанъ Ефимовичъ.
Римскій-Корсаковъ, Николай Андреевичъ. (Петербургъ).
Розеновъ, Эмилиі Карловичъ.
Салина, Надежда Васильевна.
Самаринъ, Петръ Дмитріевичъ.
Самойловъ, Александръ Филипповичъ. (Казань).
Сафоновъ, Василій Ильичъ.
Сапарова, Нина Аркадьевна.
Сахновскій, Юрій Сергѣевичъ.
Свинарская, Надежда Николаевна.
Смоленскій, Степанъ Васильевичъ. (Петербургъ).
Танѣевъ, Сергѣй Ивановичъ.
Тезавровскій, Иванъ Сергѣевичъ.
Тихоміровъ, Михаилъ Петровичъ.
Трейтеръ, Гликерія Алексѣевна.
Филянскій, Николай Григорьевичъ.
Жарламовъ, Василій Акимовичъ. (Новочеркасскъ).
Шаляпинъ, Федоръ Ивановичъ.
Энгель, Юлія Дмитріевичъ.
Яворскій, Болеславъ Леопольдовичъ.
Янчукъ, Николай Андреевичъ.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
65 стр. 11 сверху	поѣхаль	поѣхаль
176 стихъ 13	Гардиновичъ	Гардиновичъ
178 стр. 17 сверху	голосовъ	голосахъ
179 " 12 "	старясь	стараясь
181 " 18—19 сверху	порошница	порошица
182 " 3 "	вверхъ—этомъ отношеніи.	вверхъ оказалось бѣднымъ въ этомъ отношеніи.
197 стихъ 92	та... накачайца,	— ба... пакачайца,
198 стр. 9 снизу	пашель	панѣсь
199 " 13 "	сироть	сироть
202 " 4 "	да виномъ	не виномъ
247 " 10 сверху	Матника	Матинка
252 " 12 "	дывчына	дивчына
— " 7 снизу	лопнулъ	лопнувъ
— " 4 "	Сыроижечкы	Сыроижечкы
293 " 17 сверху	уселенно	усиленно
432 " 5 снизу	стита	стати
57 (проток.) 1 снизу	1863	1864

При печатаніи нотъ въ отдѣльной нотопечатнѣ, по недосмотру, произошли ошибки въ пагинаціи, которая не вездѣ послѣдовательно выдержана. Такъ ошибочно повторены номера страницъ: 251—252, 293—294 и 319—344.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

— НА —

„ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

журналъ, издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ **ИМПЕРАТОРСКАГО** Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Θ. Миллера** и Товарища
Предсѣдателя **Н. А. Янчука**.

Изданіе посвящено одному изъ важныхъ отдѣловъ нашего Отечествовѣдѣнія— изученію духовнаго и матеріальнаго быта многочисленныхъ народностей Россіи. Оригинальныя статьи, изслѣдованія, матеріалы, критика, библиографія, смѣсь, хроника, вопросы и отвѣты, корреспонденціи и иллюстраціи—посвящены историческимъ, до-историческимъ и географическимъ свѣдѣніямъ объ изучаемыхъ народностяхъ, ихъ вѣрованіямъ, обрядамъ, правамъ, творчеству (словесному, музыкальному и др.), языку, правовымъ отношеніямъ, вѣшнему образу жизни, а также другимъ вопросамъ этнографіи и исторіи культуры.

Выходитъ четыре раза въ годъ, въ необязательные сроки, книжками, около 12 листовъ каждая, въ формѣ больш. 8°.

Цѣна годовому изданію 6 руб. съ доставкой и пересылкой.

ЗА-ГРАНИЦУ 7 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Отдѣльныя книжки 1 р. 50 к. съ перес., за-границу 1 р. 75 к.

Книжнымъ магазинамъ уступка 20 коп. съ годового экземпляра.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Обращаться въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“: Москва, Политехнический Музей.

„Труды Этнографического Отдѣла“

15 ТОМОВЪ

содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,

Антропологическаго и Этнографическаго“ *).

„Извѣстiя“
Общества.
Томъ
VII.

„Труды“
Отдѣла.
Томъ
I.

I. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей принадлежащихъ. Кн. 1-я. (Публичныя лекціи передъ открытіемъ Этнографической Выставки 1867 г.: Я. И. Вейнберга, П. И. Медвѣдева, А. С. Петровскаго, А. П. Богданова, П. Д. Никитина, М. Н. Капустина, В. Н. Лешкова, Ф. И. Буслаева, И. К. Бабста, С. М. Соловьева, И. Д. Бѣляева, П. К. Щербальскаго, К. К. Гѣрца, А. С. Владимірскаго). Изд. В. А. Дашкова. 1868 г. Ц. 3 р.

XII.

II. Сборникъ антропологич. и этнографич. статей о Россіи и странахъ ей принадлежащихъ. Кн. 2-я. (Народныя пѣсни латышей. Ф. Я. Трейланда-Бривземніаксъ. Съ прил. 6 табл. хромолитогр. типовъ народностей). Изд. В. А. Дашкова. 1873 г. Ц. 4 р.

XIII, в. 1. III, в. 1. **III.** Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Стеф. Верковича.—2) Появленіи ламанза въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли.—3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа.—4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывавшаго П. А. Попова.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колоусека.—6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Пришрова.—7) Домашній бытъ мариупольскихъ грековъ, А. Антонинова.—8) О пермякахъ, П. Володина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Ж. И. Зифова.—10) Раскошки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Засель-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли.—13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова.—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли.—15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова.—17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майлорп, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембогахъ и удѣльничкахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыниной.—21) Замѣтка изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Пожарскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладонсатеяняхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

XIII, в. 2. III, в. 2. **IV.** Зырянскій край. К. А. Попова, 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

XXVI.

IV. Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг. (засѣд. 13—25), съ приложеніемъ статей. Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валерію, Н. А. Попова.—2) Обрядъ похоронъ мужъ и другихъ насѣдомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями, В. Ф. Миллера.—3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ Сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрыниной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Оралѣ, Е. В. Барсова.—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ“, И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ф. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лувѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ф. Миллера.

XXX, в. 1 и 2. V, в. 1, 2. **V.** Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р.

Вып. 1. Описаніе внѣшняго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

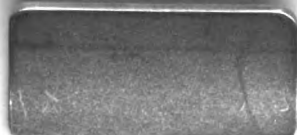
Вып. 2. Народная словесность. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

*) Томы I и II „Труды“ продаются въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, остальные въ Политехническомъ.

- „Извѣстія“ „Труды“
Общества. Отдѣла.
XL. VI.
- Матеріалы по этнографіи латышскаго племени.** (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство). **Ө. Я. Трейланда** (Бривземніаксъ). 1881 г. Ц. 3 р. 50 коп.
- XLVIII, в. 1 VII. Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48), съ приложеніемъ статей.** 1886 г. Ц. 2 р.
- Статьи: 1) Полемика по вопросу о народности гуляновъ (миѣнія Д. И. Иловайскаго, Н. А. Попова, В. Ө. Миллера, Ө. Е. Корша, Д. Н. Анучина и др.).—2) О народности смяновъ, Д. Я. Самоковасова.—3) Обрядъ „вуола“, А. А. Титова.—4) Кавказскія легенды, В. Ө. Миллера.—5) Некрологъ П. П. Чуѳинскаго, Егѳ-же.—6) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаниіи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—7) Малорусская свадьба въ Константиновскомъ у. Сьдлецкой губ., Н. А. Янчука.—8) Приговоры и прпчеты о табакѣ, П. В. Шейна.—9) О гилацкомъ языкѣ, Дра Зеланда.
- XLVIII, в. 2. VIII. Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—66), 1888 г. Ц. 2 р.**
- Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Ө. Миллера.—2) Н. П. Костомаровъ (некрологъ), Егѳ-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ), Егѳ-же.—4) Характерныя дѣтскія игры вѣнгерскихъ русскихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татаръ, М. М. Богданова.—6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньчжовъ, Н. Л. Гондатти.—7) Культъ медвѣди у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, Егѳ-же.—8) Программа для собранія этнограф. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—9) Программа для собранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ.
- LXI. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I.** 1889 г. Ц. 2 р.
- Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прим. портрета), В. Ө. Миллера.—2) Замятня о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богданова.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ., В. Кандицкаго.—4) О доказательствѣхъ на волостномъ судѣ, А. Паппе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда, А. П. Звонкова.—6) Обь участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ., П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтня изъ поѣздкы въ 1886 году), Н. А. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсиевымъ, А. Кельсиева.—9) Изъ русской народной посмогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пуложскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Аршинова.—13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богданова).—14) Пѣнвы бѣлорусскихъ пѣсень (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).
- LXVI. X. Русскіе Лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта).** Съ рисунками. Н. Харузина, 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.
- LXIX, в. 1. XI, в. 1. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II.** 1891 г. Ц. 2.
- Содержаніе: Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. Н. А. Иванничаго.—Вологодскіе пѣнвы, записан. М. М. Бувлинымъ.—Замѣтня о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.
- LXIX, в. 2. XI, в. 2. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. III.** 1891 г. Ц. 2 р.
- Содержаніе: Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Сарapulьскаго уѣзда, Вятской губ., В. П. Тихонова.—Указатель къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Комиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ“, В. И. Племенинкова.
- LXXV, в. 1. XII, в. 1. Шаманство. (Сравнительно-Этнографическіе очерки).** Вып. I. В. М. Михайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- LXXVII, в. 1. XIII, в. 1. Очерки быта Астраханскихъ Калмыковъ. (Этнографическія наблюденія 1884—86 гг.).** Съ 11-ю табл. рис. и фототипій. Н. А. Житецкаго. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- XC VII. XIV. Юбилейный Сборникъ въ честь В. Ө. Миллера. (Съ портретомъ).** 1900 г. Ц. 3 р.
- CXIII. XV. Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки.** Съ иллюстраціями и нотами. (Труды Музыкально-Этнографич. Комиссіи, т. I). 1906 г. Ц. 5 р.

Циркулярнымъ предложеніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 20 мая 1889 г. за № 8790, „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“, рекомендованы для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднеучебныхъ заведеній.

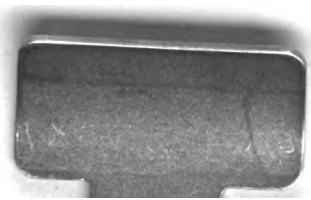
GN₂
O16
v. 15

GN₂

016

v. 15

3 0000 128 784 398